ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

ИЗДАНІЕ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

орд. акад. И. В. Ягича.

Выпускъ 1.

И. В. Ягичъ: Исторія Славянской Филологіи.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1910.

Гос.
Публичная
Б-ка

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

ИЗДАНІЕ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

орд. акад. И. В. Ягича.

Выпускъ 1.

И. В. Ягичъ: Исторія Славянской Филологіи.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1910.

ИСТОРІЯ

СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

ТРУДЪ

Ординарнаго академика **И. В. Ягича.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1910.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1910 года.
За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ Князь *Б. Голицынъ*.

ОБОЗРѢНІЕ СОДЕРЖАНІЯ.

ГЛАВА X (237—80): *Чешскіе патріоты-романтики славянофильствующіе.*

Общая характеристика (237—8).—Іос. Юнгманнъ: молодость (238—40); отношеніе къ вопросамъ чешскаго языка и правописанія (240—2); взгляды относительно чешской просодіи (242—3); восторгъ по поводу открытія Краледворской рукописи (243—4). Исторія чешской литературы (244—5). Участіе въ учрежденіи «Матицы» (245). Словарь чешскаго языка (245—7). Національныя убѣжденія и смерть (247—8). — В. Ганка: первыя занятія (248—250); изученіе и изданіе памятниковъ древне-чешской литературы. Открытіе Крал. рукописи (250—2). Ганка обращаетъ свои взоры на Россію, изданіе Слова о полку Игоревѣ (252—4). Широкія знакомства его, въ особенности съ Русскими (254—6). Труды тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ (256—7). Некритичность изданій. Въ чемъ истинныя заслуги его (257—60). — Янъ Колларъ: молодые годы и пребываніе въ Іенѣ (260—2); возвращеніе въ Венгрію. Его поэзія, изданіе нар. пѣсенъ (262—4). Этимологическіе труды, ихъ некритичность (264—6). Идея о слав. взаимности (266—7). На каѳедрѣ славянской археологіи въ вѣнскомъ университетѣ (267). — П. І. Шафарикъ: молодые годы, пребываніе въ Іенѣ, интересъ къ чешской поэзіи (267—9). Шафарикъ у южныхъ славянъ (269—73). — Фр. Палацкій: молодые годы (273—4), участіе въ изящной лит. (274—5); редакторъ двухъ журналовъ (275—7). — Фр. Лад. Челаковскій: молодость (277—8); переѣздъ въ Прагу (278). Необезпеченное положеніе; несбыточныя надежды насчетъ Россіи; приглашеніе въ Бреславль (279—80).

ГЛАВА XI (280—94): *О приглашеніи нѣсколькихъ чешскихъ славистовъ въ Россію.*

Положеніе славянской науки въ началѣ XIX столѣтія (280—2). Первыя попытки привлечь трехъ чешскихъ ученыхъ въ Россію (282—4). Новые планы насчетъ ихъ приглашенія въ Россію (284—6). Отклики Ганки и Шафарика (286—8). Различное отношеніе Ганки и Шафарика къ приглашенію (288—90). Новый не состоявшійся планъ Ганки, причины неудачи не вполнѣ выяснены (290—2). Непониманіе потребностей славянской науки со стороны Россійской академіи (292—4).

ГЛАВА XII (294—309): *Шафарикъ въ Прагѣ. Его «Древности». Встрѣча съ Погодинымъ въ Прагѣ, ихъ дружба и переписка. Занятія Шафарика вплоть до 1848-го года.*

Первые годы Шафарика въ Прагѣ, встрѣча съ Погодинымъ (294—5). Его «Старожитности» (295—9). Шафарикъ въ перепискѣ съ Погодинымъ (299—300). Занятія Шафарика въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ (300—3). Участіе его въ критическомъ изслѣдованіи древне-чешскихъ памятниковъ (303—4). Несостоявшееся приглашеніе въ Берлинъ (304—5). Наконецъ онъ получилъ дома назначеніе въ пражскую университетскую библіотеку (305—6). Осложнившіяся сношенія съ Погодинымъ и Россіею (306—7). Изслѣдованія по чешскому языку въ связи съ сравнит. грамматикой (307—9).

ГЛАВА XIII (310—45): *Первые русскіе слависты, отправленные заграницу для изученія славянскаго міра. Бодянскій, Срезневскій, Прейсъ, Григоровичъ.*

Трудность первыхъ шаговъ русскаго правительства относ. слав. каѳедръ (310—2). Первый избранникъ на моск. каѳедру славяновѣдѣнія — Бодянскій: молодые годы его (312—3); диссертація (313—4); программа путешествія (314—5); его странствованія онъ воображалъ себя знатокомъ многихъ слав. языковъ (315—8). Болѣзнь замедлила возвратъ въ Россію (318—9). Избранникъ на харьковскую каѳедру славяновѣдѣнія—И. И. Срезневскій: молодые годы его (319—320); путешествіе (320—29); любопытныя сообщенія его о сдѣланныхъ наблюденіяхъ (329—30). — Избранникъ на петербургскую каѳедру славяновѣдѣнія — П. И. Прейсъ: молодые годы и пріѣздъ въ Петербургъ (330—1). Программа путешествія (332); поѣздка за-границу (332—4). Прейсъ и Срезневскій встрѣтились въ Прагѣ и потомъ путешествовали вдвоемъ по славянскому югу (334—5). Возвратъ Прейса въ Россію и сообщенія о путешествіи (336). — Итоги путешествія первыхъ трехъ русскихъ славистовъ въ слав. земли (336—8). — Четвертый избранникъ на казанскую каѳедру славяновѣдѣнія — В. И. Григоровичъ: молодые годы его

Исторія славянской филологіи.

ГЛАВА I.

Введеніе. Средніе вѣка. Отзывы историковъ и поэтовъ о славянахъ. Славянскія глоссы и глоссаріи, параллельные словари.

Славянская филологія въ обширномъ значеніи этого слова обнимаетъ совокупную духовную жизнь славянскихъ народовъ, какъ она отражается въ ихъ языкѣ и письменныхъ памятникахъ, въ произведеніяхъ литературныхъ то отдѣльныхъ личностей, то общей силы простонароднаго творчества, наконецъ въ вѣрованіяхъ, преданіяхъ и обычаяхъ. Такимъ образомъ она включаетъ въ кругъ своихъ занятій: во-первыхъ, научныя разсужденія о *языкахъ* славянскихъ, подвергая разбору какъ памятники языка, такъ и всѣ діалектическія особенности живыхъ говоровъ, не обходя молчаніемъ и языковъ литературныхъ со всѣми иногда довольно сложными условіями ихъ происхожденія и развитія; во вторыхъ, исторію славянскихъ *литературъ*, вдаваясь въ объясненіе цѣлыхъ эпохъ и оцѣнку отдѣльныхъ произведеній, доискиваясь источниковъ или зависимости отъ чужого вліянія; въ третьихъ, исторію *бытовую*, изображающую особенности народной жизни во всѣхъ ея изгибахъ. Въ этомъ объемѣ славянская филологія представляетъ сложный организмъ различныхъ предметовъ, сплоченныхъ въ одно цѣлое. Столѣтія работали на отдѣльныхъ частяхъ, пока не появилось сознаніе внутренняго единства, клонящагося къ одной цѣли. Не ранѣе конца XVIII столѣтія сталъ обрисовываться полный объемъ славянской филологіи, какъ самостоятельной науки. Преимущественная заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Іосифу Добровскому. Онъ положилъ основаніе научной грамматикѣ славянскихъ языковъ, сосредоточивъ ее на древнѣйшемъ типѣ — церковно-славянскомъ. Онъ первый попытался опредѣлить степень родства между отдѣльными славянскими нарѣчіями посредствомъ научной классифи-

каціи. Имъ же внесены въ кругъ научныхъ интересовъ вопросы изъ литературной и культурной исторіи славянъ (напр. вопросъ о просвѣтительной дѣятельности Кирилла и Меѳодія) и, наконецъ также изъ бытовой исторіи (вопросы археологическіе и этнографическіе). Съ тѣхъ поръ число предметовъ, входящихъ въ составъ славянской филологіи, постоянно возрастаетъ, пріемы изслѣдованія совершенствуются, организмъ цѣлой науки становится стройнѣе. Но рядомъ съ углубленіемъ въ содержаніе предмета возникаютъ новые вопросы, вызывающіе подробныя изслѣдованія. Съ ихъ ростомъ отдѣльныя части науки становятся независимѣе, выдѣляясь мало-по-малу въ самостоятельныя отрасли съ своими опредѣленными цѣлями. Такъ напримѣръ анализъ новѣйшихъ періодовъ славянскихъ литературъ переходитъ изъ области филологіи въ философію и культурную исторію; отдѣльныя же черты бытовыя укладываются въ рамку антропологіи и этнографіи. Такимъ образомъ въ славянской, какъ и во всякой другой филологіи участвуетъ значительное число научныхъ спеціальностей, объединяемыхъ въ одно цѣлое общностью главной задачи, стремленіемъ къ освѣщенію и уразумѣнію духовной жизни славянскихъ народовъ.

Критическій духъ Добровскаго съ его широкими взглядами создалъ славянскую филологію. Онъ *отецъ* этой науки. Но первыя основы даны ему предшественниками, въ особенности его наставникомъ, сотрудникомъ и товарищемъ, Фортунатомъ Дурихомъ. Задуманная этимъ, но только начатая «Bibliotheca Slavica» (вышелъ всего одинъ томъ, 1795) подходитъ уже довольно близко къ понятію славянской филологіи. У него выступало на первый планъ критическое изученіе и объясненіе древнѣйшихъ литературныхъ, въ особенности церковно-славянскихъ памятниковъ, онъ не чуждался также вопросовъ славянскихъ древностей. Недоставало только самаго главнаго — научнаго разбора грамматическаго организма славянскихъ языковъ, что отъ себя прибавилъ Добровскій. Итакъ дружнымъ содѣйствіемъ трудолюбиваго Дуриха съ даровитымъ Добровскимъ зарождалась славянская филологія въ концѣ XVIII-го столѣтія. Наглядную картину этого зарожденія представляетъ богатая переписка Добровскаго съ современниками, наипаче съ Дурихомъ, съ которымъ онъ переписывался съ 1778 по 1800 годъ. Эта замѣчательная переписка издана въ 1895 году А. Патерой: Korrespondence Josefa Dobrovského. Díl I. Vzájemné dopisy Josefa Dobrovského a Fortunata Duricha. V Praze 8°. IX. 472. Двѣ неказистыя книжки, посылаемыя Добровскимъ подъ заглавіемъ «Slavin» (1806—7) и «Slovanka» (1814—15) ко всѣмъ славянамъ на нѣмецкомъ языкѣ, оповѣщали зарю молодой новой науки. Его же внушительное изданіе церковно-славянской грамматики

«Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris» (Vindobonae 1822) снабдило славянскую филологію прочнымъ фундаментомъ грамматическимъ. Чего еще недоставало, додѣлали и додѣлываютъ слѣдующія поколѣнія.

Но и самый геніальный представитель своей науки опирается на результаты, добытые трудами своихъ предшественниковъ. И Добровскій имѣлъ свои устои въ далекомъ и близкомъ прошедшемъ, снабдившемъ его довольно богатымъ матеріаломъ, предоставивъ ему критическую разработку и приведеніе въ систему. Этимъ предшественникамъ его въ теченіе столѣтій въ возбужденіи и изслѣдованіи вопросовъ, входящихъ по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ въ область славянской филологіи, мы должны посвятить первыя главы нашего историческаго обозрѣнія. Прежде всего на очереди вопросъ, какъ просыпалось и въ какомъ видѣ выходило наружу сознаніе славянской этнической индивидуальности у древнихъ писателей хроникъ, у средневѣковыхъ историковъ и славянскихъ поэтовъ. Уже первый актъ занесенный на страницы славянской культурной исторіи подъ именемъ Константина Философа, вопросъ его, заданный византійскому императору о томъ, имѣются ли у моравскихъ славянъ свои буквы, представляетъ—вопросъ *филологическій*. На дѣлѣ Константинъ былъ первымъ славянскимъ филологомъ въ полномъ смыслѣ слова. Вѣдь онъ составилъ: 1-е для славянъ особое письмо, 2-е установилъ правописаніе, 3-е сдѣлалъ первые переводы съ греческаго языка на церковно-славянскій. Его примѣру подражали потомъ другіе, между прочимъ тотъ анонимъ, которому мы обязаны вторымъ славянскимъ письмомъ. Полстолѣтія спустя выступилъ, какъ филологъ, Іоаннъ экзархъ болгарскій, вдавшійся въ разсужденіе о трудностяхъ задачи переводчика. Наконецъ, филологической работой этого перваго времени (конца IX-го и начала X-го столѣтія) можно назвать также извѣстную апологію черноризца Храбра, защищавшую славянское письмо отъ нападокъ и возраженій со стороны грековъ. Къ числу первыхъ славянскихъ тружениковъ съ пріемами филологическими мы вправѣ отнести наконецъ также царя болгарскаго Симеона и его родственника Докса, поощрявшихъ переводческую дѣятельность въ началѣ X-го столѣтія въ Болгаріи своими добрыми совѣтами, указаніями и заказами.

Два столѣтія спустя мы находимъ филологическую дѣятельность сосредоточенною въ достопамятномъ Печерскомъ монастырѣ въ Кіевѣ, гдѣ для славянскаго просвѣщенія сдѣлано очень много. Съ филологической точки зрѣнія стоитъ припомнить важное изреченіе какъ руководящую мысль для многихъ столѣтій, что славянскій (церковный) и русскій языкъ «единъ есть». Въ этомъ монастырѣ зародилась также мысль веденія лѣтописныхъ записей

изъ которыхъ въ началѣ XII-го столѣтія сложилась «*Повѣсть временныхъ лѣтъ*». На первыхъ страницахъ этой повѣсти перечисляются славянскія племена, въ особенности тѣ, которыя входили уже тогда въ составъ восточно-славянской, русской вѣтви, и это сдѣлано съ замѣчательной полнотой. Придерживаясь библейско-византійской теоріи о происхожденіи рода человѣческаго отъ трехъ сыновей Ноя и производя славянъ отъ потомковъ младшаго изъ нихъ Іафета — Повѣсть вр. лѣтъ разсказываетъ о славянахъ, что всѣ они вышли изъ прародины въ придунайскихъ странахъ (Дунайская теорія о колыбели славянской) и конечно изъ примыкавшей къ нимъ за хребтомъ Карпатскихъ горъ равнины русской. Изъ придунайскихъ странъ, занятыхъ потомъ (значитъ во время составленія Повѣсти) волохами и уграми, стало быть изъ Панноніи и южно-дунайскихъ областей вышли по этому преданію когда-то словѣне (славяне) какъ переселенцы въ мѣста, занятыя ими въ историческое время. По этому поводу Повѣсть вр. л. перечисляетъ слѣдующія славянскія племена: морававъ (на рѣкѣ Моравѣ), чеховъ (безъ подробностей), бѣлыхъ хорватовъ, сербовъ, хорутанъ (безъ точнаго опредѣленія ихъ границъ), ляховъ (на Вислѣ), считая частью ихъ же сѣверныхъ полянъ, наконецъ лютичей, мазовшанъ и поморянъ. Съ нашей нынѣшней точки зрѣнія пропущены лужицкіе сербы, не упомянуты полабскіе славяне; на югѣ же не выяснены отношенія болгарскихъ славянъ къ сербамъ и хорватамъ. Гораздо лучше знаетъ Повѣсть вр. л. отдѣльныя племена тѣхъ славянъ, изъ которыхъ потомъ образовалось русское государство, перечисляя ихъ съ замѣчательной точностью. Ближайшіе къ Кіеву, какъ духовному центру тогдашней жизни, были поляне (по правому берегу Днѣпра), выше ихъ древляне и сѣвернѣе между Припетью и Двиной дреговичи; на рѣкѣ Полотѣ жили полочане, на верхней Волгѣ кривичи, у Ильменскаго же озера, гдѣ вскорѣ Новгородъ поднялъ голову какъ новый политическій центръ на сѣверѣ, въ противовѣсъ Кіеву — словѣне. На лѣвомъ берегу Днѣпра Повѣсть знаетъ сѣверянъ, они сидѣли на Деснѣ, Семи и Сулѣ; туда же она переселяетъ съ запада вятичей и радимичей. Наконецъ на западѣ, въ окрестностяхъ Карпатъ, упоминаются еще хорваты и дулѣбы (по Бугу, оттуда названіе бужане), а на югѣ по Днѣстру до береговъ Чернаго моря тиверцы и уличи (улучи, угличи). Для начала XII-го столѣтія такой трезвый этнографическій перечень славянъ — отголосокъ превосходныхъ свѣдѣній, вызвавшій въ концѣ XVIII столѣтія восторженный отзывъ Шлёцера.

Славянское этническое единство отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго дня бросалось сильнѣе въ глаза сосѣдямъ, чѣмъ сознавалось ими самими. Средневѣковые нѣмецкіе лѣтописцы и историки, сохранившіе множе-

ство извѣстій о сѣверо-западныхъ славянахъ, постоянно обобщали ихъ подъ названіями Sclavi, Sclavini, Sclavani, зная при этомъ конечно и нѣкоторыя частныя названія. Поражающее множество послѣднихъ сохранилось въ географическомъ перечнѣ какого-то баварскаго писателя (географа?) приблизительно изъ X-го столѣтія. Домашніе *историки*, разсказывая о судьбахъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, употребляли, конечно, главнымъ образомъ частныя названія; напр., Козма пражскій говоритъ о своихъ Bohemi, но гдѣ рѣчь идетъ о языкѣ, и онъ предпочиталъ выраженіе sclavonica lingua, изрѣдка для церковно-славянскаго языка, по большей же части также для чешскаго. Подъ 983 г. (Fontes rerum bohem. II. 39), въ сообщеніи о посольствѣ чеховъ къ императору Оттону II, употреблено выраженіе Sclavonica manus Boemiae. Въ другомъ же мѣстѣ (II. 61) противополагается имя Sclavi нѣмецкой гордости (innata Teutonicis superbia); тутъ вѣроятно имѣлись въ виду и прочіе славянскіе сосѣди нѣмцевъ (напр., лужичане, лютичи и под.). Историкъ польскій называемый Martinus Gallus, изъ XIII столѣтія (сл. статью «Gall anonim i jego kronika, napisał Stanisław Kętrzyński» въ XII т. второй серіи изданія Rozprawy wydz. histor. filozof. 1899) распространяется довольно подробно о славянахъ; они у него раскинулись далеко по многимъ странамъ, при чемъ признается ихъ близкое родство. Въ польской хроникѣ Мержвы (Mierzwa, Miersuae Chronicon конца XIII стол.—объ отношеніи Мержвы къ Кадлубку сл. статью Кентшинскаго въ VIII т. второй серіи «Rozpraw» 1896, стр. 49 и сл.) славяне приводятся уже въ родственную связь съ праотцемъ Вандаломъ, занимали же они по словамъ хроники четвертую часть Европы: «totam Russiam ad orientem, Poloniam maximam terrarum et matrem, Pomeraniam, Seleuciam, Cassubiam, Sarbiam quae nunc Saxonia dicitur, Bohemiam, Moraviam, Stiriam, Carinthiam et Sclavoniam quae nunc Dalmatia dicitur, Chrowatiam, Pannoniam quae nunc Ungaria dicitur, Bulgariam et alias quam plures, quarum multitudo propter prolixitatem subticetur (Bielowski, Mon. polon. II. 164/5). Какъ видно, въ этомъ перечнѣ авторъ сбивался съ толку только относительно южныхъ славянъ и ихъ областей. Богухвалъ (тоже XIII вѣка) или же одинъ изъ продолжателей его написалъ насчетъ прародины славянъ цѣлое разсужденіе, претендовавшее въ то время на глубокую ученость (ib. 469—471). По этой теоріи колыбелью всѣхъ славянъ была—Паннонія (Scribitur enim in vetustissimis codicibus quod Pannonia sit mater et origo omnium slavonicarum nationum). Слѣдуетъ ученое объясненіе: Pan enim iuxta graecam et Slavorum interpretationem dicitur totum habens et iuxta hoc dicitur pan in slavonico maior dominus, licet alio nomine iuxta diversitatem linguarum slavonicarum dicatur gospodzin. Xandz autem maior est quam pan,

veluti princeps et superior rex. Omnes autem domini pan appellantur, duces vero exercitus woyewody nominantur. По его генеалогіи, у Пана были три сына: Лехъ, Русъ и Чехъ, они владѣли каждый своимъ королевствомъ: hi tres haec tria regna Lechitarum, Ruthenorum, et Czechorum, qui et Bohemi, ex se et ex sua gente multiplicati possederunt. У славянъ, говоритъ, множество языковъ, они понимаютъ другъ друга; несмотря на нѣкоторыя различія они всѣ происходятъ отъ одного отца Слава (ab uno patre Slavo), по нему и названы *славы*, названіе сохраняющееся до сихъ поръ въ именахъ: Thomislaus, Stanislaus, Janislaus, Venceslaus и т. д.[1]) Увлекаясь этимологической мудростью онъ объяснялъ также Немрода по-славянски: Ab isto etiam Slavo Nemroth originem asseritur habuisse. Nemroth enim in slavonico dicitur nyemerza: «non pax» seu «non mensurans pacem». Этотъ Немродъ уничтожилъ свободу у рода человѣческаго: non solum patribus suis gentis Slavoniae sed toti mundo servitutis legem induxit. Кромѣ вышеупомянутыхъ королевствъ, были у славянъ еще и другія, хронистъ объясняетъ ихъ посредствомъ своей этимологіи: Regnum Bulgarorum a Bulga fluvio nominatur. Regnum Raciae a racz, quod vestigium equorum multitudinis exercitum in unum congregatorum dicitur nominatum. Nam ex hoc Slavi multitudinem equantium dicunt Raci (тутъ подразумѣвается слово рать—рати). Далмація приводится даже въ связь съ южской царицею Saba, приходившей состязаться въ мудрости съ Соломономъ. Отъ имени ея происходитъ будто бы названіе рѣки Сава. Далмація же значитъ ab eo quia Pannoniorum regina filio suo partem illius maritimam donavit, по этимологіи dala macz: dedit mater. Rani seu Rana (подразумѣвалась извѣстная область южно-славянская: Rama) dicuntur ex eo, quia semper in conflictu hostium vociferare solebant: rani! rani! id est vulnera, vulnera. Названіе Sorabae онъ старается объяснить двоякимъ способомъ. Первое толкованіе, приводимое въ связь съ названіемъ области Servia, происходило бы отъ общаго порабощенія, сдѣланнаго Немротомъ, но съ этимъ онъ не согласенъ. Лучше на его взглядъ производитъ Sorabae отъ Сарба, называемаго тоже Сорбанъ, отъ этого же имени собственнаго произошло названіе Sorabae, какъ a Iuda Iudaei, a Lech Lechitae et caeteri nominantur. При помощи этимологіи названіе Кашубы (Cassubitae) объясняется «a longitudine et latitudine vestium, quas plicare ipsos propter earum latitudinem et longitudinen oportebat. Nam huba in slavonico plica seu ruga vestium dicitur, unde Casshubii id est «plica rugas» (Проф. Брик-

1) Такого рода объясненіе названія славянъ предлагалось еще недавно однимъ польскимъ ученымъ, лингвистомъ по спеціальности!

неръ объясняетъ первую часть какъ повелительную форму kasz глагола kasać, въ сложныхъ формахъ podkasz, zakasz, во второй же части усматриваетъ существительное guba, die Falte). Хронистъ зналъ, что большая часть этихъ кашубовъ живетъ circa mare septemtrionale. Далѣе упоминаются у него по этому поводу Drewnyanye, по-нѣмецки Halczstae, ихъ главные города Buccovecz, nunc Lubic, Ham quod et Hamberg, ac Breme. Drewnyanye онъ производитъ отъ дрѣва: gens a densitate silvarum seu lignorum nomen accepit. Но есть также Trawnanye a quodam fluvio qui Trawna dicitur. Названіе области Corinthia и народа Corinthani онъ выводитъ отъ coritha (корыто)—canalia. Наконецъ, названіе Германія объясняется изъ слав. слова gerzmo (т. е. ярмо), «instrumentum in quo duo boves simul iuncti trahendo aratrum seu plaustrum incedunt». Такимъ способомъ Theutoni cum Slavis, regna contigua habentes, simul conversatione incedunt, neque aliqua gens in mundo est sibi tam communis et familiaris, velut Slavi et Theutonici — убѣжденіе, къ которому много столѣтій спустя пришелъ Яковъ Гриммъ по другимъ, т. е. чисто лингвистическимъ соображеніямъ.

На этомъ уровнѣ *этимологическаго* толкованія названій мѣстъ, странъ и народовъ по *внѣшнему созвучію* оставалась средневѣковая исторіографія, насколько она вникала въ древность славянскую, въ теченіе многихъ столѣтій. Ею завладѣло широко распространившееся преданіе о трехъ братьяхъ Чехѣ, Лехѣ (или Ляхѣ) и Мехѣ (или Русѣ), какъ праотцахъ и предводителяхъ всѣхъ славянъ. Оно было извѣстно, начиная съ XIII столѣтія, многимъ западно- и южно-славянскимъ писателямъ. Въ чешской хроникѣ Далимила (XIII ст.) разсказывается о Чехѣ, происхожденіемъ отъ хорватовъ (chrvaty) въ сербской странѣ (v srbském jazyku). Длугошъ († 1480) упоминаетъ главнымъ образомъ о двухъ сыновьяхъ Яна, правнука Яфетова, о Лехѣ и Чехѣ, но прибавляетъ, что Русъ по одному преданію былъ ихъ братомъ, по другому внукомъ. Оба брата господствовали въ Далмаціи, Сербіи, Славоніи, Хорватіи и Босніи. Когда они рѣшили покинуть родныя страны, они двинулись изъ замка Псари, развалины котораго еще во время Длугоша возбуждали удивленіе, на западъ, пришли въ Чехію, въ землю орошаемую рѣками Морава, Эгеръ, Влтава, Лаба, остановились на горѣ Рипѣ (Rzip), гдѣ поселился Чехъ, братъ же его Лехъ пошелъ дальше на западъ, въ Силезію и Великую Польшу. Чехъ построилъ Прагу, страна его прозвана Богеміею—Bohemia, потому что чешскіе славяне на своемъ языкѣ бога называютъ «bohem». О другихъ разсказахъ сл. статейку Неринга въ Archiv für slav. Phil. III. 470—472. Между прочимъ въ хроникѣ святокрижской (Rocznik świętokrzyski, Mon. Polon. hist. III. 93) польскій король Сигизмундъ

(1517) доказывалъ, что поляки въ правѣ предпріять походъ на Москву, потому что изъ тѣхъ странъ вышли всѣ славяне: quis enim nephas esse ducat antiquam repetere patriam, loca prima parentum, vetustas Slavenorum repetere sedes, a quibus nos praeclaram ducimus originem una cum Bohemis, Bulgaris, Servis, Bosnensibus, Carvatis et aliis qui citra et ultra Istrum incolunt Slavis. Это уже не дунайская теорія о колыбели славянъ, хотя хронистъ преимущественно перечисляетъ южныхъ славянъ по ту и другую сторону Дуная. Повидимому онъ зналъ что-то о преданіяхъ историковъ VI столѣтія, относившихъ прародину славянъ за Карпаты.

Ученую диссертацію о происхожденіи славянъ написалъ авторъ польской хроники, извѣстной подъ именемъ Мѣховиты (XV—XVI стол., † 1523). Онъ возражалъ противъ теоріи нѣкоторыхъ современныхъ историковъ и гуманистовъ о сѣверномъ происхожденіи славянъ (на пр. противъ Флавія Блонда, или противъ Марка Антонія Сабеллика † 1508), защищалъ же теорію Длугоша. Его аргументація выходитъ изъ невѣрныхъ посылокъ, что Филиппъ Македонскій и Александръ Великій были славяне, что св. Іеронимъ изобрѣлъ славянское письмо «Bukwicza» (о чемъ хорватскіе славяне уже въ XIII столѣтіи доводили до свѣдѣнія римскаго папы, Иннокентія IV, который, допуская въ 1248 году глаголическое богослуженіе, не возражалъ противъ этой лживой аргументаціи[1]). Ср. статью Боржемскаго (Borzemski, Kronika Miechowity. Rozbiór krytyczny. Rozprawy Krak. ak. um. hist. filozof. II. 1. стр. 30—35). Самое разумное разсужденіе о славянахъ написалъ въ XVI стол. Мартинъ Кромеръ (сл. Rozprawy 1883 t. XVI, 302—508, изслѣдованіе Л. Финкеля (Ludwik Finkel): Marcin Kromer, historyk polski XVI wieku. Rozbiór krytyczny). Отвергая генеалогическія объясненія посредствомъ данныхъ библіи, возражая противъ любимаго отожествленія славянъ съ вандалами или же съ иллирами, онъ соглашался съ мнѣніемъ Іордана, что они вышли изъ Сарманціи, но въ концѣ концовъ впалъ въ ошибку своихъ предшественниковъ, сдѣлавъ родоначальникомъ славянъ, отожествляемыхъ съ сарматами, какого-то Асармату, внука Ноя! Онъ вѣрилъ въ братство Чеха и Леха, но не допускалъ, чтобы они вышли изъ Хорватіи.

---

1) Въ Далмаціи господствовало это убѣжденіе въ теченіе многихъ столѣтій, далматинско-хорватскіе писатели гордились отцомъ церкви Іеронимомъ, какъ своимъ соотчичемъ. Напр. Александръ Комуловичъ, каноникъ и властелинъ сплѣтскій, въ своемъ катехизисѣ (Nauk Krstianski, въ Римѣ 1582) называлъ бл. Іеронима «Kruna, čast i dika naroda i jazika našega» (такъ уже въ одной біографіи бл. Іеронима, приписываемой Марку Маруличу, сл. Starine I. 230), который-де перевелъ псалтырь на хорв. языкъ, конечно глагол. буквами!, сл. Переписку Добровскаго съ Дурихомъ 141/142.

У южныхъ славянъ отличился въ этомъ отношеніи, какъ историкъ, Мавръ Орбини своимъ обширнымъ сочиненіемъ «Il regno degli Slavi, hoggi corrottamente detti Schiavoni» (Pesaro, 1601), которое, какъ извѣстно, при Петрѣ Великомъ было переведено также и на русскій языкъ. Извлеченіе изъ него въ латинскихъ гексаметрахъ вышло въ 1638 году въ Мадридѣ, подъ заглавіемъ: Breve compendium nationis gloriosae totius linguae illyricae, авторомъ былъ дубровчанинъ Martinus Rosa. Орбини былъ очень усердный компиляторъ, но безъ малѣйшей критики. Выходя изъ предположенія, что въ число славянъ должно включить всѣ тѣ названія, которыя упоминаются у древнихъ и средневѣковыхъ историковъ или географовъ какъ имена народовъ обитавшихъ когда-то тамъ, гдѣ прежде или потомъ жили славяне (въ числѣ такихъ между прочими приводятся вандалы, бургундіоны, готы, геты, аланы, авары, сведы, норманны, ѳенны, маркоманны и т. д. и т. д.), — Орбини сердечно жалѣлъ только о томъ, что столь многочисленный, славный и могущественный народъ такъ мало извѣстенъ въ исторіи, несмотря на то, что онъ сражался подъ Александромъ Великимъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, что онъ завладѣлъ Греціею, Македоніею и Иллирикомъ, завоевалъ Моравію, Силезію, Богемію и Польшу, до береговъ Балтійскаго моря, безпокоилъ даже Италію, Францію и Испанію. Когда ему попалъ въ руки Гельмолдъ, онъ выписалъ также изъ него много названій, перечисляющихъ дѣйствительно имена сѣверо-западныхъ славянъ, въ родѣ вильцы, ругіане, варнавы, оботриты, полабы, толенцы и т. д., и закончилъ свой длинный перечень съ полнымъ самодовольствія восклицаніемъ: I quali tutti furono una medesima natione Slava! Орбини не скрывалъ источниковъ своего некритическаго сумбура. Онъ выписывалъ усердно изъ средневѣковыхъ сочиненій, найденныхъ имъ въ итальянскихъ библіотекахъ, въ родѣ «Wandalia» Альберта Кранца († 1517) или Historiae regni Boiemiae libri 33 Дубравія († 1553). Для южныхъ славянъ главнымъ источникомъ послужила ему извѣстная хроника пресвитера Діоклейскаго, но онъ обратилъ вниманіе также на эпическія преданія сербской народной поэзіи, и въ этомъ отношеніи онъ становится для насъ немаловажнымъ свидѣтелемъ въ исторіи сербской народной эпики.

Соединеніе скандинавской теоріи (vagina gentium) съ сагой о трехъ братьяхъ и рядомъ съ этимъ разсказъ о славянскомъ происхожденіи византійскаго императора Юстиніана (Истокъ, Управда) нашли своего представителя въ дубровницкомъ историкѣ Луккари (Giacomo di Pietro Luccari, Copioso ristretto degli annali di Rausa. Venetia 1605). Кстати вспомнимъ еще мнимыя привилегіи, данныя Александромъ Великимъ славянамъ (собственно македонцамъ, но вѣдь ихъ причисляли къ славянамъ), о чемъ много

разсуждалось въ теченіе XVI-го и XVII-го столѣтій. Одни вѣрили въ подлинность этого завѣщанія Александра Великаго, надѣлавшаго въ свое время много шуму въ родѣ позднѣйшаго завѣщанія Петра Великаго, другіе отрицали достовѣрность его. Къ приверженцамъ подлинности принадлежали Гаекъ, Папроцкій, Сарницкій, Бѣльскій, Стрыйковскій, Мавръ Орбини и пр., отвергали же подлинность Велеславинъ, Бальбинъ, Крижаничъ и др. Обо всемъ этомъ подробнѣе въ сочиненіи Первольфа: «Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка» (СПбгъ 1874) и у Нидерле: Slovanské starožitnosti I. стр. 41 и слѣд., 335 и сл. Церковную исторію славянъ взялся написать Адріанъ Регенвольскій (aliter Андрей Венгерскій) въ Systema historico—chronologicum ecclesiarum Slavonicarum (1652), гдѣ разсказывается объ апостольской дѣятельности св. Павла въ Иллирикѣ, стало быть у славянъ, объ апостолѣ Андреѣ у скиѳовъ, стало быть у Русскихъ, вѣрится въ славянство бл. Іеронима, который въ пользу славянъ перевелъ библію и т. д.

Къ отзывамъ историковъ можно присоединить многихъ славянскихъ *поэтовъ*. Не распространяясь о происхожденіи славянъ по генеалогическимъ теоріямъ, они довольствовались славою и могуществомъ славянъ какъ громаднаго народа, указывали на ихъ многочисленныя племена. Для своего одушевленія они почерпали матеріалъ по большей части изъ современныхъ историковъ. Двѣ литературы богаты указаніями подобнаго рода: польская и хорватская. Польскіе поэты XVI-го и XVII-го столѣтій столь же часто вспоминаютъ о славянахъ, какъ и далматско-дубровницкіе того же времени. Это видно уже по многимъ заглавіямъ поэтическихъ сочиненій дидактическаго содержанія, напр., Станиславъ Гроховскій сочинилъ «Kalliopea Słowieńska» (1588, 1608, въ честь вступленія на престолъ Сигизмунда III); Ст. Витковскій написалъ: Sapho Słowieńska (1611, Панегирикъ на занятіе Смоленска); Касп. Мясковскій составилъ поэму Herkules słowieński (1612. 1616. 1622), подразумѣвая Гербурта. Въ этомъ же родѣ существовали славянскій Ulysses (соч. Іерон. Ласкаго), славянскій Hektor (соч. Ст. Любомирскаго), славянскій Epaminondas (соч. К. Ходкевича), славянскій Virgilius (соч. Сам. Твардовскаго) и т. д. Восхваляя другъ друга, поэты любили употреблять въ обширномъ смыслѣ слово «славянскій». Такъ, Рей говоритъ о Кохановскомъ: «Temu w nauce dank przed sobą dawam I pieśń Bogini słowieńskiéj oddawam»; Дмоховскій: «On na słowieńskiej lutni zawiązawszy struny»; М. Любомирскій о Ст. Кохановскомъ: «I lutnia której jeszcze sławieńskie kameny nieznajome» и т. д. Эти поэтическіе отзывы не имѣютъ, конечно, никакого реальнаго значенія. Ими пользовались какъ украшеніемъ

въ родѣ того, какъ далматинскіе поэты Гундуличъ, Пальмотичъ, Богашиновичъ, Каванинъ и пр. постоянно восхваляли «словинскій» языкъ, «словинскій» народъ, представляя его въ идеальномъ единствѣ, причисляя къ нему такія миѳическія и историческія личности, какъ Орфея, Александра Великаго и т. д. Пальмотичъ, напр., въ драматическомъ произведеніи «Павлимирѣ» считалъ славянами готовъ, шведовъ, датчанъ и венгровъ рядомъ съ мораванами, ляхами, москвитянами, поморянами, болгарами, боснійцами и хорватами, всѣхъ ихъ онъ считалъ народностями «naš kojijem se jezik resi». (Stari pisci hrvatski, т. XII, стр. 111). У иныхъ поэтовъ могли быть койкакія практическія свѣдѣнія о томъ или другомъ славянскомъ языкѣ помимо своего родного нарѣчія. Лука Горницкій въ сочиненіи «Dworzanin polski» (Kraków 1566), разсуждая о способахъ улучшенія польскаго языка, ссылался на бывшій тогда въ ходу чешскій, считалъ его разнѣженнымъ (pieszczącу); русскій выходилъ для него суровымъ, языки же рацскій, сербскій, хорватскій и болгарскій онъ называлъ полуязыческими, испорченными подъ гнетомъ турецкимъ. Онъ допускалъ обогащеніе польскаго языка отдѣльными словами чешскими или даже заимствованіями изъ другихъ славянскихъ нарѣчій.

Но перейдемъ отъ отзывовъ историковъ и поэтовъ о славянахъ вообще, изрѣдка только о ихъ языкѣ, къ непосредственнымъ занятіямъ посвященнымъ славянскимъ языкамъ. Наблюденія надъ *лексическимъ* составомъ языка предшествовали анализу *грамматическому*. Практическія соображенія заставляли читателей замѣнять то или другое мало извѣстное слово другимъ лучше знакомымъ или же въ текстъ одного языка вносить надстрочныя поясненія отдѣльныхъ словъ на другомъ языкѣ, сображаясь съ потребностями проповѣдническими. Такимъ образомъ очень рано стали появляться междустрочныя *глоссы* въ текстахъ латинскихъ, употребляемыхъ въ странахъ съ чешскимъ народонаселеніемъ. Къ началу XII-го столѣтія относятся глоссы церковно-славянско-чешскія, о которыхъ рѣчь идетъ въ моемъ изданіи: Kirchenslavisch—boehmische Glossen saec. XI—XII (вѣнскія Denkschriften, L. 1903). Другой примѣръ представляютъ глоссы не то церковнославянскія, не то чешскія, внесенныя въ лат. текстъ Gregorii Dialogi quattuor libri dialogorum, онѣ принадлежатъ тоже началу XII столѣтія (изданы А. Патерою въ Č. Č. M. 1878, 545 слѣд.). Латинское сочиненіе Григорія Двоеслова переведено на церковно-славянскій языкъ раньше XIV столѣтія (существуетъ въ рукописи XIV-го столѣтія по Описанію Синод. библ. № 149), но этотъ переводъ едва ли относится къ первому періоду литературной дѣятельности въ Моравіи (мнѣніе акад. Соболевскаго, мои возраженія въ Archiv f. sl. Phil. XXIV, 263 сл.). Глоссы пражскія не совпадаютъ

съ этимъ переводомъ полнаго сочиненія. Гебауеръ считалъ сначала эти глоссы чисто чешскими (Arch. f. sl. Ph. VI. 279), но потомъ (въ древнечешской грамматикѣ I. 117) допускалъ возможность примѣси церковно-славянской. Впрочемъ подлинность этихъ глоссъ подлежитъ еще сомнѣнію. Къ очень древнимъ остаткамъ чешскаго языка надо причислить междустрочныя чешскія глоссы въ латинскомъ текстѣ псалтыри XII-го столѣтія, онѣ внесены въ текстъ въ XIII столѣтіи (до 1300). Первое изданіе сдѣлано В. Ганкой въ 1833 году: Zbjrka neydáwněgšjch slowniků latinsko-českých, на стр. 234—258, лучше въ Č. Č. M. 1879, 405—17, 488—533. О чешскихъ глоссахъ опатовицкихъ см. А. Патера въ Č. Č. M. 1880 109—123. О припискахъ чешскихъ къ Pharetra св. Бонавентуры Č. Č. M. 1879, 573—581. Къ тексту пророка Іереміи относятся чешскія глоссы XIV столѣтія въ одной оломуцской рукописи, изданныя А. Патерой въ Č. Č. M. 1887, 119—120 (не больше какъ нѣсколько словъ). Старше ихъ небольшой ботаническій словарь, найденный въ одной оломуцской рукописи конца XIII столѣтія (изд. Ал. Мюллера, Č. Č. M. 1877, 390—3). Самый богатый матеріалъ чешскихъ глоссъ собранъ В. Ганкой въ вышеупомянутомъ изданіи, которое теперь уже устарѣло, кромѣ того заключаетъ въ себѣ отчасти подлоги, отчасти недоразумѣнія. О подлогахъ, происходящихъ отъ самого Ганки въ такъ называемомъ Mater verborum см. изслѣдованіе А. Патеры въ Č. Č. M. 1887 и Чешскія глоссы въ Mater verborum, въ прилож. № 3 Сборника Отд., томъ XIX, 1—81, а также примѣчаніе И. И. Срезневскаго тамъ же, стр. 82—152. О недоразумѣніи же Ганки относительно мнимаго автора Розкоханый (Vocabularius latinobohemicus Clenii Rozkochaný) см. новое изданіе, сдѣланное Ферд. Менчикомъ подъ заглавіемъ: Prešpurský slovník, Vocabularium latinobohemicum posoniense (1892), гдѣ доказано, что автора подъ именемъ Klen Rozkochaný не существовало, слово rozkochaný является лишь переводомъ выраженія cleinos, т. е. греческаго слова κλεινός, cleinos bohemos: rozkochane czechy перевелъ анонимный составитель словаря. Къ подложнымъ междустрочнымъ переводамъ принадлежитъ чешскій текстъ отрывка евангелія отъ Іоанна. Сл. ниже подъ Добровскимъ и Ганкой.—И въ польской литературѣ имѣются глоссы, хотя не въ большомъ количествѣ и не раньше XV столѣтія. Въ 1875 г. напечаталъ Цѣлиховскій Słowniczek łacińsko-polski wyrazów prawa magdeburgskiego (изъ XV стол.). Въ изданіе Крак. академіи Sprawozdania komisyji językowéj вошло нѣсколько такихъ матеріаловъ, въ I томѣ отъ Вислоцкаго и Малиновскаго, въ III т. отъ Вержбовскаго, въ V т. отъ Р. Любича; въ журналѣ Prace filologiczne во II т. отъ Карловича, Быстроня и Крынскаго, въ III т. отъ Брикнера, въ IV и V т.

отъ Любича. Проф. Брикнеръ помѣстилъ въ V т. (стр. 1—52) поучительную статью «Średniowieczne słownictwo polskie», много матеріаловъ имъ же напечатано въ трехъ выпускахъ содержательнаго изслѣдованія: Średniowieczna poezya łacińska. Во 2 выпускѣ V тома «Prace filologiczne» Лопатинскій (Lopacinski) представилъ отчетъ о нѣкоторыхъ словаряхъ до Манчинскаго (Mączyński), вышедшаго въ 1564 году (стр. 410—434, 586—605). Какъ недавно (1900) Ростафинскій воспользовался рукописнымъ матеріаломъ прежнихъ столѣтій для составленія польскаго ботаническаго словаря, такъ уже въ 1879 году Бог. Шулекъ употребилъ въ Загребѣ для своего труда «Jugoslavenski imenik bilja» древніе рукописные источники. Оттуда мы узнаемъ, что въ Венеціи въ библіотекѣ св. Марка имѣется многоязычный ботаническій словарь 1415 года (Benedicti Rinij medici et philosophi Veneti), гдѣ рядомъ съ арабскимъ, греческимъ и латинскимъ языками приводятся также названія растеній sclavonice, т. е. на языкѣ сербско-хорватскомъ. Къ сожалѣнію рукопись не исчерпана, не сказано откуда достался венеціанскому медику южно-славянскій матеріалъ, но какъ извѣстно, Далмація находилась тогда подъ владычествомъ Венеціи.

У славянъ русскихъ и южныхъ, употреблявшихъ церковно-слав. языкъ въ своей письменности, вмѣсто междустрочныхъ глоссъ вносились лексическія измѣненія прямо въ тексты. Но это не мѣшало время отъ времени подбирать менѣе знакомыя слова для объясненія ихъ значенія другими выраженіями въ видѣ коротенькихъ словарей. Древнѣйшій примѣръ такого перечня словъ сохранился въ одной рукописи второй половины XIII столѣтія, онъ изданъ уже Калайдовичемъ въ его «Іоаннѣ Ексархѣ Болгарскомъ» 1824, на стр. 193—195,[1]). Въ болѣе позднее время развились реально-энциклопедическіе словари подъ названіемъ алфавитовъ или азбуковниковъ, см. сочиненіе Карпова: Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей. Казань 1877. 8⁰. 283.

---

1) Подъ заглавіемъ: «Рѣчь жидовьскаго ꙗзыка преложена на роускоую, неразоумно на разоумъ» (въ кормчей XIII в. синод. библ. л. 613—615). Выборъ словъ относится, какъ сказано, къ тексту евангелій, апостола, псалтыри, паремій и прочихъ книгъ. Жидовскими названы безъ разбора также греческія слова, напр., подирь (ποδήρης) съ толкованіемъ русскимъ риза, ѥпомида (ἐπωμίς) истолковано насовьць, змюрна (σμύρνα) переведено неистлѣнниѥ, хризма: помазаниѥ, а еще чаще приводятся подъ названіемъ жидовскихъ выраженія славянскія съ объясненіемъ по «роускы», напр., «черепица» по-русски: коупа, ковъ: лесть, бритва: стригольникъ, неключно: ненадобѣ, тина: грязь, ѕѣло: велми, бисеръ: камень ч(ь)стьнъ; иногда съ переноснымъ значеніемъ: рогъ: сила, гоусли: ꙗзыкъ, ликъ: мысль, степень: лѣствица. Въ одной рукописи Румянцовскаго музея № СС (1431 года) объясняются уже прямо мало извѣстныя слова славянскія другими болѣе извѣстными, сл. у Калайдовича 196 и примѣчаніе Востокова въ Описаніи Рум. муз. 256—7. О нѣкоторыхъ другихъ подобнаго рода текстахъ сл. С. К. Буличъ, Очеркъ ист. языкознанія въ Россіи, стр. 163—4.

Лексикографическій матеріалъ попадается также въ «Лѣчебникахъ», т.-е. въ собраніяхъ лѣкарствъ, состоящихъ преимущественно изъ приготовляемыхъ особыми способами растеній, названія которыхъ тутъ поименованы. Тексты этого рода изъ XV-го и болѣе позднихъ столѣтій имѣются въ южно-славянскихъ и русскихъ рукописяхъ. Сл. мою статью и матеріалъ, напечатанный въ Starine X. 81—126, или Соколова «Матеріалы для исторіи старинной русской лѣчебной литературы» (Изв. Варшав. универ. 1871 № 6), В. М. Флоринскаго «Русскіе простонародные травники и лѣчебники» Казань 1880, А. Ѳ. Змѣева «Русскіе врачебники» СПбгъ 1896. Пам. ОЛДП. № CXII.

Съ XVI-го столѣтія кругъ занятій, въ которыя входили свѣдѣнія о различныхъ народахъ и языкахъ, сталъ замѣтно расширяться. Путешественники въ чужія страны наблюдали жизнь и обычаи народовъ и писали объ этомъ сочиненія. Въ первой половинѣ XVI-го столѣтія прославился баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ своими записями о Московіи: Rerum Moscoviticarum Commentarii, печатавшіеся съ 1549 года очень часто и на латинскомъ языкѣ и въ переводахъ, расходились въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Не вдаваясь въ разсужденія о языкахъ, онъ все же зналъ о большомъ распространеніи славянскаго языка. Онъ говорилъ, что этимъ языкомъ пользуются «далматы, боснійцы, хорваты, истрійцы и фріульцы, потомъ краинцы (Carni), карніолы (Carniolani), каринтійцы до рѣки Дравы, штирійцы южнѣе Граца, по Мурѣ до Дуная, далѣе мизійцы, сербы, болгары и другіе до Константинополя». Къ нему онъ причислялъ также богемцевъ, лужичанъ, силезійцевъ, моравамъ и жителей Венгріи на берегахъ рѣки Вага, потомъ поляковъ и русскихъ, пятигорскихъ черкесовъ и наконецъ въ Германіи за Лабой остатки вандаловъ. Онъ зналъ, что нѣмцы славянамъ дали названіе вендовъ или виндовъ и что славянскимъ языкомъ пользуются также волохи и молдаване, въ особенности совершая богослуженіе. Анализъ сочиненія Герберштейна въ связи съ современными историко-географическими свѣдѣніями о Россіи представленъ Е. Замысловскимъ въ особомъ изслѣдованіи въ XIII томѣ Записокъ Истор.-фил. факультета СПбг. Университета, 1884.

Какъ Герберштейнъ о Московскомъ государствѣ, такъ пользовался о Турціи большимъ авторитетомъ одинъ южно-славянскій путешественникъ и географъ, много пострадавшій отъ турокъ, Варѳоломей Георгіевичъ, въ латинской формѣ названія Bartholomaeus Georgievits съ прибавкой Hungarus, хотя онъ былъ родомъ изъ Хорватіи. О Варѳоломѣѣ Георгіевичѣ см. отчетъ Чед. Міятовича въ 44 книгѣ Рада (Rad) подъ заглавіемъ: «Bartolomije Georgijević Hrvat, pisac šesnaestoga vijeka», въ которомъ перечисляются много-

численныя сочиненія автора о Турціи и противъ турокъ. Въ одномъ изъ нихъ «De afflictione tam captivorum quam etiam sub Turca tributo viventium Christianorum» (первымъ изданіемъ напечатано въ 1544 г. въ Антверпенѣ, но есть еще изданіе 1545 г. въ Вормсѣ и въ 1552 полное собраніе его сочиненій въ Римѣ) Георгіевичъ коснулся также языка, въ видѣ разговоровъ и въ видѣ словаря. Какъ образецъ разговоровъ, укажемъ слѣдующія изреченія (въ транскрипціи): «Помози бог господару. Добро дошао пријатељу. Јели овај прави пут у Калипоље. Ни брате заблудио си далеко. Од које си земље, казуј ми. Од Влашке земље сам од Бенетак. Укажи ми пут прави, тако ти бога. Ходи са мном, не бој се ништар. Једа које гласе имаш, казуј ми. Не тако ми вире; да знам, повидал бих ти. Остај збогом брате, они је град камо греш. Пој збогом и бог те здраво носио. Хвалу ти имам и добра ти ноћ била». Изъ этихъ примѣровъ видно, что это былъ икавскій говоръ штокавскаго нарѣчія Босніи и Далмаціи. Словарь (vocabula sclavonica) того же нарѣчія сгруппированъ по тогдашнему обычаю по матеріямъ (къ сожалѣнію не все перепечатано у Міятовича), напр., подъ coelestia: бог, небо, сунце, мисец, звизда, лито и т. д.; под terrena: чловик, жена, земља, камен, дриво, крух, хлеб, млеко и т. д.; под fructus: стабло, сад, виноград, гроздје, смоква, орах; дај ми јисти, пити, донеси овамо, нека стоји, остај гори, седи доли, ходи уред, чекај мало, сукња, кошуља, клобук, пас, постоли. Объ этомъ языкѣ утверждалъ Георгіевичъ, что онъ въ употребленіи не только въ Хорватіи и Далмаціи, а также въ Россіи, Валахіи, Сербіи, Богеміи и Польшѣ, но на громадномъ пространствѣ развились въ произношеніи нѣкоторыя отступленія подобнаго рода, какъ итальянцы различаются отъ испанцевъ или же нѣмцы отъ фландровъ. Онъ зналъ, что у русскихъ и сербовъ славянскій языкъ въ церковномъ употребленіи, что ихъ письмена, 34 числомъ, не много различаются отъ греческихъ; онъ зналъ также о другомъ письмѣ, бывшемъ въ употребленіи у хорватовъ (о глаголицѣ), оно различно по формамъ, но равно по звукамъ. И у него повторяется жалоба, столь часто слышная у южныхъ славянъ, что латинскими буквами трудно передавать всѣ звуковые оттѣнки ихъ языка. Наконецъ, онъ зналъ и утверждалъ также, что этотъ языкъ (сербско-хорватскій) былъ въ употребленіи также у турецкихъ султановъ при дворѣ.

Французскій ученый Вильгельмъ Постель (Postellus) занимался космографіей, и между прочимъ также вопросомъ о различныхъ алфавитахъ. Въ перепискѣ Добровскаго съ Копитаромъ (I. 99—106) сдѣлано извлеченіе изъ его книжки 1538 года: «Linguarum duodecim characteribus differentium alphabetum; introductio ac legendi modus longe facilimus».

Полнаго объема славянъ онъ не зналъ. Между 12 различными языками приводятся Tzerviana и Hieronymiana vel Illyrica. Подъ «De Tzerviana Poznaniave» онъ подразумѣвалъ «regiones Europeae inter Dalmatas, Illyrios, Albanos, Macedoniam, Thraciam et Jazyges Metanastas. Bosna enim vel Posna vel Bossina durat a Pannonia superiori et inferiori ad Gepidas, ex quibus fere constat. Zeruia vero seu Seruia est ubi olim erat Mysia superior, et extenditur a Danubio et Pannonia inferiori, a Liburnia ad Thraciam et Macedoniam». Загадочный вопросъ о существованіи особаго третьяго литературнаго языка между греческимъ и латинскимъ онъ разрѣшалъ слѣдующимъ образомъ: въ Панноніи, Иллирикѣ, Далмаціи и Мизіи образовался до III столѣтія п. Р. Х. помѣсью отчасти греческаго, отчасти латинскаго, и даже по нѣскольку германскаго языка особый языкъ, для котораго св. Іеронимъ изобрѣлъ письмо общее для всѣхъ славянъ, пока вслѣдствіе раздѣленія церквей ближайшіе сосѣди грековъ не приняли ихъ (греческія) письмена. Подъ заглавіемъ «De lingua Hieronymiana seu Dalmatarum aut Illyriorum» подразумѣвалась глаголическая письменность. Сказку объ участіи св. Іеронима въ этомъ дѣлѣ онъ назвалъ общимъ убѣжденіемъ духовенства тѣхъ странъ и Венеціи, и утверждалъ, что и ему (въ бытность его въ Венеціи, должно быть) «haec recitarunt, quum de suarum literarum origine requirerem». Второе (кирилловское) письмо было ему знакомо главнымъ образомъ въ видѣ боснійской буквицы. Онъ зналъ, что въ Венеціи печатаются «permulti admodum libri harum duarum linguarum». Постель остановился нѣсколько подробнѣе на этомъ вопросѣ изъ уваженія къ св. Іерониму: videtur enim illam reperisse, postquam hebraicas et graecas litteras cognovisset, quia sunt multi characteres cum illis communes!

Къ сочиненіямъ, распространявшимся о различныхъ языкахъ, въ томъ числѣ также славянскихъ, принадлежитъ трудъ Θеодора Библіандера (иначе Бухманна), изданный въ 1548 году подъ заглавіемъ «De ratione communi omnium linguarum et literarum commentarius» (Tiguri). По обычаю тогдашняго времени тутъ имѣется символъ вѣры въ очень плохой передачѣ по-иллирски и молитва Господня по-польски и по-иллирски. Польскому языку онъ выучился отъ польскаго лексикографа Манчинскаго, самъ же былъ наставникомъ Геснера. Не зная славянскаго языка иначе, какъ со словъ Манчинскаго, онъ хвалилъ его, конечно, тоже со словъ своего молодого наставника. Добровскій однако былъ очень радъ этому отзыву, поэтому и повторилъ его охотно въ письмѣ къ своему другу Бандтке въ 1810 году (сл. у Францева Dobr. Bandtkie 11). Трудъ Конрада Геснера, извѣстный подъ заглавіемъ: Mithridates. De differentiis linguarum tum veterum tum quae

hodie apud diversas nationes in toto orbe terrarum in usu sunt, Conradi Gesneri Tigurini observationes, вышелъ въ 1555 г. въ Цюрихѣ, 8⁰ 78. Его намѣреніе было дать полное обозрѣніе всѣхъ языковъ сего міра въ видѣ алфавитнаго перечисленія народовъ и опредѣленія ихъ принадлежности къ той или другой группѣ языковъ. Сочиненіе Геснера имѣетъ чисто компилятивный характеръ, оно почерпало безъ критики все, до чего трудолюбивый авторъ могъ дойти. Все славянское у него сводится къ—иллирскому языку. Въ этомъ его заблужденіи виноватъ одинъ изъ его предшественниковъ, П. Іовіусъ, который напечаталъ въ 1525 году сочиненіе: «De legatione Basilii Magni principis Moscoviae ad Clementem VII pontificem», гдѣ высказано мнѣніе, что и «Moschovitae illyrica lingua illyricisque litteris utuntur sicut et Sclavi, Dalmatae, Bohemi, Poloni et Lithvani». Того же приблизительно взгляда придерживался еще одинъ источникъ, изъ котораго почерпалъ Геснеръ,—это было сочиненіе вышеупомянутаго Георгіевича. Другія свѣдѣнія онъ бралъ изъ средневѣковыхъ писателей (какъ, напр., изъ Витукинда, изъ польскаго анналиста Матвѣя Мѣховскаго или Мѣховиты: «a Michau») и изъ предшествовавшихъ ему современниковъ (Авентина, Пиркеймера, барона Герберштейна, Мюнстера, Постеля). Благодаря разнообразію и разногласію этихъ источниковъ, не умѣя критически разобраться въ массѣ противорѣчивыхъ извѣстій, онъ насчиталъ слишкомъ 60 различныхъ названій народовъ, говорящихъ будто бы всѣ «по-иллирски» (illyrice loquuntur). Подробно объ этомъ излагается подъ заглавіемъ: De illyrica sive Sarmatica lingua. Къ такимъ принадлежатъ между прочими: Abgazari vel Abgazelli qui et Gazari versus mare Hyrcanum, Arbenses, Aestui, Bessi hodie Bosnenses vel Bosnasienses, Bohemi et Borusii, Carni, Carniolani et Carinthii usque ad Dravum, Casubi alias Cassubitae, Circasi Quinquemontani circa Pontum, Corali, Croati alias Chroati et Culmii, Dibriorum Sermo, Epirotarum l., Gepidae, Hungari ad Vagum fluvium, Japides et Jazyges, Istri, Litvani, Livi, Lusatij, Lygi... Moldavi, Moschi alias Moscovitae, Moravi, Mordaci (Morlaci) ...Permi, Plescovii vel Plescovienses, Podolii, Polabi, Poloni maiores et minores, Rascii alias Rasci seu Bulgari, Rugi, Russani alias Rutheni, Samogitae, Sarbi alias Sorabi, hodie Servij, ...Smolnenses, ...Vandali, Veltae, Vilaci, Vuagrij, Vuinuli, Zagorani, Zadravani. Подъ заглавіемъ Medi et Mesopotamiae incolae разсказывается о томъ, какъ они удивлялись «apostolos Domini Hierosolymis sua lingua loquentes in Pentecoste», приводимое у Геродота слово медское spaca приводится въ связь съ иллирскимъ «pos vel pas»! Замѣчательно, что Геснеръ разсказываетъ (стр. 70) относительно языка жителей острова Вельи (по-славянски Кърка): In Adria versus Istriam non procul Pola insula

est quam Velam aut Veglam vocant, bidui forte navigatione Venetiis distans, non parva: cuius incolas lingua propria uti audio quae cum finitimis Illyrica et Italica commune nihil habeat. Это замѣчаніе оказывается вполнѣ вѣрнымъ. Оно относится къ языку древне-далматскому, вымершему на островѣ въ концѣ прошлаго столѣтія. Сл. M. G. Bartoli, Das Dalmatische I. 201 (Schriften der Balkancommission, Linguist. Abteilung, Heft 4).

Съ XVI-го столѣтія на западѣ вошли въ моду *словари* нѣсколькихъ языковъ. Это были первыя попытки *сравненія*, къ которымъ вскорѣ присоединился извѣстный научный интересъ. Въ 1537 году (потомъ 1544) чешскій гуманистъ Sigismundus Gelenius (подъ другимъ названіемъ Hrubý) издалъ въ Базелѣ сравнительный словарь четырехъ языковъ: Lexicon symphonum quo quatuor linguarum Europae familiarium, graecae scilicet, latinae, germanicae ac sclavinicae concordia consonantiaque indicatur. Сл. этюдъ Іос. Тругляржа въ Č. Č. M. 1886: Sigismundus Gelenius, jeho život a působeni vědecké. Авторъ былъ знатнаго происхожденія, посѣщалъ школы сначала въ Прагѣ, потомъ въ Италіи (Падуѣ, Болоньѣ), гдѣ познакомился съ однимъ далматинцемъ, фамилія котораго писалась по пріемамъ гуманистовъ Iulius Camillus; оттуда онъ перебрался во Францію и Германію (Франкфуртъ). Возвратившись на родину, онъ не былъ удовлетворенъ низкимъ уровнемъ пражскаго университета, поѣхалъ обратно въ Германію (въ Виттенбергъ, къ Меланхтону и Камерарію), потомъ познакомился съ Эразмомъ Роттердамскимъ въ Швейцаріи (въ Базелѣ), гдѣ былъ занятъ редакціею Фробеновскихъ изданій латинскихъ классиковъ. То что въ его словарѣ названо sclavinica lingua, не представляетъ собою чистаго чешскаго языка; его знакомство съ южными славянами какъ прежде въ Италіи, такъ потомъ въ Базелѣ, заставило его примѣшивать къ чешскимъ словамъ хорватскія. Матеріалъ сгруппированъ по родству между языками внесенными въ словарь. Относительно 292 выраженій онъ считалъ возможнымъ утверждать, что родство распространяется на четыре языка (греческій, латинскій, нѣмецкій и славянскій), относительно 200 онъ находилъ родство между греческимъ, латинскимъ и нѣмецкимъ, относительно 107 между латинскимъ нѣмецкимъ и славянскимъ а для 65 словъ между греческимъ, латинскимъ и славянскимъ. Въ числѣ своихъ пособій приводитъ Рудольфа Агриколу и Іоанна Дальберга. Предпочтеніе, данное двумъ «варварскимъ» языкамъ (germanicae ac sclavonicae), оправдывалось большою распространенностью обоихъ этихъ языковъ: nunc solae omnem Europam longe lateque occupantes [1]).

---

1) Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Всѣ четыре языка: aethra hayter αἴθρα gitro, aevum evig αἰών wiek, angulus eck κανθός kaut, armeniaca marillen ἀρμενιακά merunky, avicula

Въ 1592 году первымъ изданіемъ (въ переработанномъ же видѣ въ 1603 году) появился параллельный словарь четырехъ языковъ Іеронима Мегисера, пріѣхавшаго изъ Германіи и получившаго званіе придворнаго исторіографа въ Штиріи (въ Грацѣ), гдѣ ему какъ протестанту (происхожденіемъ изъ Штутгарта) пришлось испытать и преодолѣть многія непріятности. Въ первомъ изданіи трудъ его озаглавленъ: Dictionarium quatuor linguarum, videlicet germanicae latinae illyricae (quae vulgo sclavonica appellatur) et italicae seu hetruscae, auctore Hieronymo Megisero. Graecii MDXCII. Во второмъ изданіи заглавіе передѣлано въ Thesaurus polyglottus vel dictionarium multilingue. Славянскія слова онъ заимствовалъ отъ словенца изъ Граца. Коротенькое описаніе словаря представлено въ приложеніи къ грамматикѣ Копитара, на стр. 435 и слѣд. Сл. также въ Jezičnik-ѣ Марна за 1883 годъ (вып. XXI, стр. 15—19). Вліяніе учености Геснеровой видно въ томъ, что во второмъ изданіи Мегисеръ къ славянскому (sclavonica) или иллирскому языку причислялъ слѣдующія нарѣчія: Dalmatica, Serviorum vel Soraborum, Bessorum vel Bosnensium, Bulgarorum vel Rasciorum, Croatica, Besiatica quae propria est Sclavorum Hungariae conterminorum, Carnorum, Carniolanorum, Carinthiorum, Bohemica, Lusatica, Polonica, Moscovitica, Ruthenica. Въ словарѣ подъ рубрикой славянской приводятся рядомъ съ словенскими также слова хорватскія съ прибавкой Cr., напр. Ancker ankora, shelefna mazhka, Cr. fidro; anders drugazhi, Cr. drugaku; Angel tèrnek, Cr. odiza; apfel jabelku, Cr. jaboko; auch tudi, Cr. takaj; Bock kosl kosèl, Cr. iaraz; bößfeind hudizh sludi, Cr. vrag; Buch buque, Cr. knige; Bub pob, Cr. fanat; Dolch tollih, Cr. punjal; Disch mifa, Cr. stol; Edelgestain Cr. dragi kamik;

---

vegele πτηνός ptak, aula haue κέραμος gernecz, cacabus kachel κάκαβος kachlík, capidulum haube κεφαλαία cziepecz, capsa truhe κάψα truhla, casa haufs καλύβη chalupa, cor hertz καρδία srdcze, corbis korb κόφινος koff, donum schenke ξένιον δῶρον dar, efca spifz ἐδητύς ffpizie, eft ift ἔστι geft, fluvius flus ῥῆθρον rzeka.—По три языка (латинскій, нѣмецкій, славянскій): advocatus vokt foyt, aes mefch mied, afellus efel ofel, barba bardt brada, caftus kayfch czifty, craffus grob gruby, cufpis fpicz ffpicze, hoftis gaft hoft, joculator gaukler kayklirz, luteus gilvus gelb žluty, nihil nicht nicz, parcere fparen fporziti, pulex floch blecha; (латинскій, греческій славянскій): acutus ὀξύς oftry, ambo ἀμφώ oba, arare ἀροῦν orati, artus ἄρθρον aud, blatea βλαύτιον blato, bubo βύας wyr, clinare κλίνειν kloniti, fero φέρω beru, lichen λειχήν liffey, mollis μαλακός mieky, os ὀστοῦν koft, pedes πεζός pieffij, primus πρῶτος prwy; (греческій, нѣмецкій, славянскій): αἴξ gays koza, γαῖα γῆ gay zem, γύψ gyr fup, ἔλεος leyd lito, κέραμος scherb ftrzep, κράτος kraft macht mocz, στύλος ful flup и т. д. Къ первому перечню διὰ τεσσάρων прибавлена въ концѣ оговорка: In ordine διὰ τεσσάρων consignificantia servata, consonantia omnium quatuor linguarum non ubique constat, ubique tamen iugatim consonare aliquas duas e quatuor observatio deprehendet. Id monere visum ad tollendam quae primo aspectu videtur dissonantiam. Второе изданіе, напечатанное въ 1544 году, значительно увеличено, уже на заглавномъ листѣ сказано: ΛΕΞΙΚΟΝ ΣΥΜΦΩΝΟΝ Sig. Gelenii iam duplo auctius, есть и поправки, иныя сопоставленія даже отброшены.

edel shlahten, Cr. plemenit; ehre zhast, Cr. slava, dyka; ehren zhaſtiti, Cr. slaviti; erbschafft erbszhina, dejdina, ozhanstvo, babina, Cr. otozhastvo babshzhina (baščina), и т. д. Добровскій интересовался въ свое время Мегисеромъ, онъ внушалъ Копитару заняться словенскимъ матеріаломъ этого сочиненія (Переп. Добр. и Коп. I. 87. 188). Мегисеръ обращалъ вниманіе также на народныя пословицы, въ его Paroemiologia polyglotta (1592. 1605) вошли также словенскія пословицы, на что указалъ уже Добровскій (Francev, Dobr. Bandtke 38), потомъ же Петръ Радичъ въ журналѣ Kres т. II, стр. 332—4.

Параллельный словарь пяти языковъ, при чемъ преимущественное вниманіе обращено на славянскія слова въ мадьярскомъ языкѣ, составленъ и изданъ въ 1595 въ Венеціи южнымъ славяниномъ (хорватомъ изъ Далмаціи), подписывавшимся по латыни Faustus Verantius, настоящая хорватская фамилія его была Врачнчичъ: «Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum, latinae, italicae, germanicae, dalmaticae et ungaricae». Предпочтеніе, данное хорватскому нарѣчію Далмаціи передъ всѣми прочими языка славянскаго, «quae late per totam Europam ramos suos pandens a mari Adriatico in Asiam ad incognita septentrionis usque littora extenditur», объясняется тѣмъ, что въ этихъ странахъ—къ Далмаціи онъ причислялъ Далмацію, Хорватію, Боснію, Славонію, Сербію и Болгарію!—господствуетъ на его взглядъ самый чистый языкъ, въ родѣ флорентинскаго (hetrusca) между итальянскими; оттуда же вышли языки чешскій и польскій «una cum primis ducibus suis Leho et Cseho»; оттуда заимствовалъ языкъ для своего перевода св. Іеронимъ, «qui latinis simul et suae nationis hominibus sacros interpretatus est libros ac novo expressit charactere»; оттуда вышелъ также трудъ Кирилла, «qui alio charactere postea idem praestitit», его же письмомъ пишутъ книги не только «Dalmatae qui Graecorum religionem sectantur, sed et Rutheni seu Moscovitae et Valachi». Словарь Врачнчичевъ составленъ въ алфавитномъ порядкѣ словъ латинскаго языка, которыя параллельно объясняются (безъ вниманія на этимологическую зависимость) словами того же значенія итальянскими, нѣмецкими, далматинскими и мадьярскими. Въ приложеніи подобраны «vocabula dalmatica quae Ungari sibi usurparunt», т.-е. слова мадьярскія, заимствованныя у славянъ. Большая часть сопоставленій не подлежитъ сомнѣнію. У автора было тонкое чутье и несомнѣнная способность къ занятіямъ лингвистическимъ. По обычаю тогдашняго времени въ концѣ прибавлены на тѣхъ же языкахъ «Institutio christiana» (десятословіе), «Symbolum apostolicum» (символъ вѣры) и «Отче нашъ».

Нѣсколько лѣтъ спустя вышло подобнаго рода изданіе: Dictionarium

septem diversarum linguarum, videlicet latine, italice, dalmatice, bohemice, polonice, germanice et ungarice (Pragae, 1605) чешскаго бенедиктинца Петра Лодерекера. Изъ числа славянскихъ языковъ внесенъ, какъ видно изъ заглавія, матеріалъ чешскій, польскій, словинскій или далматинскій. Послѣднему языку авторъ давалъ предпочтеніе, по примѣру своихъ предшественниковъ, и поэтому считалъ его достойнымъ занять второе мѣсто послѣ латинскаго. Сочиненіе снабжено предисловіями на всѣхъ семи языкахъ. Далматское отмѣчено датой: «U Pragu na dan ocſiſhyenya Blaxenee Divee Mariee». Оно написано Вранчичемъ, начинается такъ: Faust Vrancſich Sibencſanin. Niye vechyega yazika na ſzvitu, koliko ſſe moxe znati od naaſs, od Szlovinyzkoga, yerebo dobar dyl Europee i Axiee zauhityuye, kako i Sztaari Kosmographi pisuu i my ſſada vidimo... Значитъ Лодерекеръ воспользовался словаремъ Вранчича, прибавилъ только чешскій и польскій матеріалъ, но приведенныхъ словъ въ словарѣ Вранчича я не нахожу.

Къ перечисленнымъ лексикографическимъ трудамъ подходитъ книжка Матѳея Филонома Бенешовскаго, напечатавшаго въ 1587 нѣчто въ родѣ сравнительнаго словаря славянскихъ нарѣчій: «Knjžka slow českých wyložených odkud swůg počátek magj, totiž gaký gegich gest rozum. Leta Paně 1587 sepsaná od kněze Mathauše Philonoma, pjsaře Konsistoře Pražské». До недавняго времени мы знали эту книжку только изъ извлеченія, напечатаннаго у Ганки въ введеніи къ Reliquiae slavici cultus divini (Остатки славянскаго богослуженія у чеховъ) Прага 1859, на стр. XVI—XXI. Но въ чешскомъ журналѣ Český Lid т. XV и XVI (1906—1907) профес. Ч. Зибртъ представилъ лучшее и подробное описаніе и содержаніе этого рѣдкаго изданія: XV стр. 23—30, 84—88, 151—153, 195—199, XVI стр. 42—46, 84—86, 131—135, 174—178. О Филономѣ см. у Иречка Rukověť lit. české 1875 стр. 604. Филономъ стоитъ на обширной славянской точкѣ зрѣнія, у него «Naším jazykem slovanským mluví: Česká, moravská, slezká, lužická, první polská, druhá polská země, mazurská, podleská, první ruská, bílá rus, volyňská, podolská, kyjovská, syverská, kašubská a jiné mnohé v království polském. Potom v knížectví mozkovském krajiny mnohé, v národu srbském pod Turkem také mnoho zemí, v království uherském a království dalmatském, charvatském, bulgarském, lyburnském, slovanském, bosniatském. Všichni tito národové jediného jazyka slovanského užívají. Онъ настаивалъ на чистотѣ языка, любилъ пуризмъ, поэтому и говорилъ, что лучше *vojvoda* чѣмъ *polní hejtman*, лучше *sluha* чѣмъ *patknecht*, и т. д. Ему было извѣстно, что и въ турецкомъ государствѣ «jazyk charvatský nad míru se rozšířil». Его словарчикъ этимологическій богатъ въ то же время реальными объясне-

ніями, онъ даетъ иногда народныя поговорки, даже стихи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: «*Bůh*» объясняется такъ: «B bytnost, U um, H hospodin vyznamenává». Až podnes zůstává to slovo *um* v jazyku slovanském, ale nám Čechům z užívání vyšlo. Слово *člověk* онъ производитъ отъ *celý věk*, *žena*, по его мнѣнію, сокращено изъ *živena*. Или «*Rek* od udatné *ruky*, Poláci ne říkaji *ruka*, než *renka*». «*Vladyka* od vládnouti. Tímto slovem Rusové své biskupy jmenují». «*Vejvoda*, ali Poláci říkají *vojvoda*». «*Pacholek* od páchání. Páchati jest dělati, jakož podnes Rusové říkají: můžem tu chléb páchati». «*Robě* v slovanském jazyku není dítě, nebo kdež se latině jmenuje servus, ...tu v slovanském jazyku *rabě* jest vykládáno». «*Parobek* Poláci říkají od poroby pacholek». «*Němec* od němoty, ...neradi učí se cizímu jazyku; mnohdy v Čechách třiceti let a ne naučí se česky». «*Země* od zimy, slovansky zemla». «V slovanském jazyku *měsíc* slove jako latině *luna*». «Noc nox, a slovansky nošt». «*Hlava* Rusové říkají *holova*». «*Vrutje* po charvatsku horko». «*Vremě* čas Srbi kteři pod Turkem jsou jmenují, a v slovanském zakoně se tak nachází. *Čas* v slovanském jazyku hodina tak slove; časoslovec horologium». *Doroha* my říkáme dráha, cesta. *Sobaka*—pes. *Dočka*—dcera, *bis*—čert. *Balamut*—lhář. *Harázt*—dobře, и т. д. —Приведенные примѣры показываютъ, что автору не всегда удавались его этимологическія сопоставленія, но передача фактическаго матеріала у него вѣрна. Подъ славянскимъ языкомъ, какъ доказываютъ примѣры, подразумѣвался имъ церковно-славянскій.

Въ XVI-омъ столѣтіи начали появляться также *словари отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій*, съ толкованіемъ по большей части латинскимъ. Иногда придерживались еще порядка словъ по предметамъ въ родѣ средневѣковыхъ Mater verborum или Mammotrectus (сл. статью Ферд. Менчика: «Der wiener Mammotrectus», въ Arch. f. sl. Phil. V. 95—112). Подробное обозрѣніе средневѣковыхъ чешскихъ словарей представлено проф. Зибртомъ въ его Bibliografie české historie. Sestavil Čeněk Zíbrt. Díl první. V Praze 1890, стр. 168—171. Такого рода Vocabularium cui nomen Lactifer, распредѣленный по группамъ, вышелъ для чешскаго языка (съ латинскимъ) въ 1511 году въ Пильзнѣ. Авторомъ названъ Янъ Босакъ изъ Воднянъ. Подъ заглавіемъ Vocabularium latinobohemicum et germanicum появился въ 1546 г. и еще нѣсколько разъ потомъ словарчикъ чешскаго языка (Jungm. hist. lit. č. 130). Въ 1560—62 въ Оломуцѣ напечатанъ для употребленія въ школахъ латинскій и чешскій словарь Ѳомы Решеля: Dictionarium Latinobohemicum и Dictionarium Bohemicolatinum. Чешскій языкъ вошелъ также въ Nomenclatura sex linguarum, авторомъ которой былъ нѣкто Gabriel Pannonius Pestinus (въ Вѣнѣ 1561 и 1568, Jungmann l. l.), потомъ въ

Dictionarium linguae latinae (Pragae 1579), и въ Nomenclator omnium rerum propria nomina tribus linguis latina, bohemica et germanica explicata continens et pro usu schol. boh. editus 1586 Даніила Велеславина (словарь по предметамъ, у Зибрта приводится болѣе позднее изданіе этого словаря, съ нѣкоторыми измѣненіями въ заглавіи, т. е. Nomenclator quadrilinguis, 1598 года) и въ Sylva quadrilinguis (чешскій, латинскій, греческій, нѣмецкій) его же въ 1598 г. О значеніи лексикальныхъ трудовъ Велеславина сл. статью д-ра Новака въ Č. Č. M. 1885, стр. 333. 556: O slovníkářských pracích Daniele Adama z Veleslavina. Для польскаго языка издалъ въ 1564 году Манчинскій (Mączyński) въ Кенигсбергѣ Lexicon latinopolonicum. Авторъ высказалъ надежду, что трудъ его принесетъ пользу не только полякамъ, но и всѣмъ прочимъ народамъ, говорящимъ самымъ распространеннымъ, самымъ древнимъ языкомъ славянскимъ, къ славянамъ же онъ причислялъ, по примѣру современниковъ, кромѣ истинныхъ славянъ, еще и такіе народы какъ гунны, авары, куманы и т. д. Параллельный словарь нѣсколькихъ языковъ, названный Калепиномъ, по монаху итальянскому Ambrosio Calepino, сталъ обогащаться также польскимъ языкомъ, начиная съ Базельскаго изданія 1590 года.

ГЛАВА II.

Грамматическія разсужденія о церковно-славянскомъ языкѣ. Грамматики и словари. Крижаничъ. Церковно-славянскій языкъ и римская пропаганда. Ороографическія попытки у западныхъ славянъ, ихъ грамматики и словари.

Грамматическія разсужденія о *церковно-славянскомъ*, какъ древнѣйшемъ литературномъ языкѣ у славянъ, доступны теперь въ сборникѣ, изданномъ мною въ одномъ довольно объемистомъ томѣ «Изслѣдованій по русскому языку» (I т.) подъ заглавіемъ «Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ» (СПбгъ 1895, стр. 289—1070). По старинѣ первенство принадлежитъ одной статьѣ «О восьми частяхъ слова», попадающейся довольно часто въ рукописяхъ XIV-го и слѣдующихъ столѣтій. Она по всей вѣроятности сербскаго происхожденія, должно быть XIV-го столѣтія, и находится въ полнѣйшей зависимости отъ греческихъ статей подобнаго содержанія, напр., Мосхопула. Такъ называемая грамматика Мамоничей, изданная въ 1586 году въ Вильнѣ, подъ заглавіемъ «Словеньска грамматика», не что иное какъ та же самая статья. Она перепечатана мною въ упомянутыхъ «Разсужденіяхъ» на стр. 326—65 съ обширнымъ пояснительнымъ введеніемъ. Въ концѣ XIV-го и началѣ XV-го столѣтія много старался о грамматическомъ исправленіи церковно-

славянскихъ текстовъ въ Сербіи грамматикъ Константинъ, происхожденіемъ болгаринъ, по воспитанію и образованію поклонникъ византійскихъ теорій, въ примѣненіи которыхъ къ славянской письменности онъ подражалъ примѣру Евѳимія, патріарха болгарскаго, и его школы. Въ Сербіи онъ пользовался большимъ покровительствомъ деспота Стефана Лазаревича, ожидалъ даже отъ него особеннаго порученія составить грамматическое напутствіе для сербскихъ писателей. Деспотъ, кажется, выразилъ сначала желаніе получить доказательства того, что тогдашняя сербская письменность нуждалась въ исправленіи. Руководимый такими побужденіями, Константинъ написалъ дѣйствительно обширное *обличеніе*, сохранившееся въ единственной рукописи (Карловицкой) XV столѣтія (безъ заглавнаго листа, который пропалъ, да и внутри одинъ должно быть листъ затерялся уже въ той рукописи, съ которой сдѣланъ карловицкій списокъ). Цѣль этого обширнаго обличенія (въ моемъ изданіи стр. 383—487) заключалась въ томъ, чтобы по пріемамъ греческой грамматики, подражая ея орѳографическимъ правиламъ, доказать неточность сербскаго писанія церковно-славянскихъ текстовъ и указать на опасности, угрожающія оттуда даже чистотѣ православія. У Константина былъ передъ глазами примѣръ Евѳимія Тырновскаго, котораго онъ почиталъ какъ реформатора болгарскаго правописанія. Къ сожалѣнію, ни изслѣдованіями П. Сырку, ни изданіемъ совокупныхъ сочиненій Евѳимія проф. Калужняцкаго (Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius, nach den besten Handschriften herausgegeben von Emil Kałużniacki. Wien 1901) не выяснилось, въ чемъ собственно заключалась реформа Евѳимія, столь краснорѣчиво восхваляемая Константиномъ. Судя по примѣру самого Константина, онъ, должно быть, сосредоточилъ все свое вниманіе на палеографической и орѳографической сторонѣ текстовъ, чтобы въ подражаніе пріемамъ греческимъ соблюдались тѣ же сокращенія словъ, тѣ же надстрочные знаки, чтобы различалось ѡ отъ о, чтобы правильно употреблялась ѕ въ словахъ греческаго происхожденія, чтобы не нарушалось различіе между ы и и, между ѣ и є и т. д. Константинъ желалъ также соблюденія придыханій и удареній, чтобы славянская графика ближе подошла къ греческой. Даже порядокъ буквъ въ славянскомъ алфавитѣ мѣшалъ ему, славянскія прибавки должны бы слѣдовать въ концѣ за греческимъ алфавитомъ (сл. стр. 399—400). Исходя изъ числа 38 буквъ въ сравненіи съ греческими 24 буквами, онъ считалъ 14 буквъ славянской прибавкой, при чемъ на юсы не обращено вниманія, да и ъ при ь считалось неважнымъ. Такимъ образомъ выходитъ собственно 13 добавочныхъ буквъ: ꙗ, ѥ, ю, ѿ, ь, ы, б, ж, ѣ, ш, щ, ц, ч. Въ современной сербской письменности онъ замѣчалъ неточное употребленіе

относительно слѣдующихъ буквъ: ѹ ы ѣ. Вдаваясь въ подробности, онъ обличалъ сербскихъ писателей въ неточности насчетъ и и ы, насчетъ є и ѣ, но не насчетъ ъ и ь, для различія между вънь и въ-нь онъ прибѣгалъ не къ ъ-ь, а рекомендовалъ писать первое вънъ, второе вън҆ (стр. 404). Онъ настаивалъ на правильномъ употребленіи ѹ, ѯ и ѕ, для ѕ у него приведены примѣры ѕвѣзда, ѕѣло, для з земли, змаи, възвахъ; ѥ считалось спеціально сербскимъ при болгарскомъ є, но онъ вздумалъ воспользоваться обѣими буквами для выраженія различія между єзыкь ἔθνος и ѥзыкь γλῶσσα (405); подъ буквою ю, которой правда у грековъ нѣтъ, но она въ употребленіи у болгаръ, поэтому и не выгонялась изъ сербской азбуки, онъ вспомнилъ, что въ словѣ поуть нужно дать предпочтеніе формѣ дательнаго падежа поутю вм. сербскаго поутоу (чтобы не смѣшивалось съ дательнымъ слова поуто); по такой же причинѣ онъ не одобрялъ формы оужє (iam), считая правильнымъ только южє, поэтому не слѣдуетъ, какъ онъ думалъ, писать «оужє придє» въ смыслѣ простонароднаго «догѥ врє» (стр. 406). Про ѧ и ѫ говорится, что эти буквы были бы для сербовъ лишнимъ обремененіемъ (407); въ этомъ видно свѣдѣніе его о различіяхъ двухъ редакцій церковно-славянскаго языка, болгарской и сербской. Однакожъ изложеніе грамматики на этомъ мѣстѣ не отличается ясностью. Далѣе онъ попытался постановить правила для употребленія буквъ ѡ о о, для і возлѣ и, даже ѵ онъ не желалъ видѣть изгнаннымъ изъ письменности (412). Очень много и обширно говорится о титлахъ и другихъ надстрочныхъ знакахъ. Наконецъ, авторъ, какъ опытный педагогъ, коснулся практическаго обученія мальчиковъ грамотѣ, при чемъ высказано нѣсколько очень разумныхъ намековъ на возможность упрощенія этого дѣла по звуковому методу. Однимъ словомъ, это былъ трудъ ученаго человѣка по понятіямъ того времени, ученость котораго вращалась въ предѣлахъ византійскаго схоластицизма, изобиловала тонкостями, неудобопонятными для широкаго круга читателей. Эти качества, быть можетъ, рядомъ съ рѣзкостью сужденія, которая могла оскорбить сербскую іерархію, остановили деспота отъ намѣренія дать Константину желанное офиціальное порученіе относительно «Эротиматъ», т.-е. составленія практическаго руководства къ грамматикѣ церковносл. языка. Не получивъ такого порученія, онъ и не исполнилъ его. Существуетъ, правда, извлеченіе изъ его обширнаго обличенія, довольно распространенное въ сербской и болгаро-румынской письменности, но оно не принадлежитъ Константину, будучи составлено лицемъ, не вникшимъ вездѣ въ смыслъ обширнаго сочиненія, какъ это доказано мною при изданіи текста этого сокращенія (стр. 517—553).

Чистѣйшій византійскій характеръ учености Константина явствуетъ

также изъ второго сочиненія его, изъ житія Стефана Лазаревича—оно издано мною въ 42 книгѣ сербскаго «Гласника» (1875). Помимо важности этого сочиненія для современной исторіи, оно обнаруживаетъ всѣ признаки византійскаго краснорѣчія, отличаясь искусственностью постройки и пышностью изложенія. При столь глубокой византійской учености Константина поражаетъ его равнодушное отношеніе къ вопросамъ домашней, славянской, болгарско-сербской старины. Такъ, напр., относительно происхожденія слав. письма отъ Кирилла—вопросъ который долженъ былъ интересовать его—онъ ограничивается ссылкой на мнѣніе другихъ (**г҃лють нѣции ꙗко Кѹриллъ философъ изда҇ прѣжде** 397), прибавляя отъ себя только: можетъ быть, что это такъ. Для параллели ссылается на Давида, стоявшаго во главѣ составленія псалтыри, въ чемъ принимали участіе многіе, такъ и въ составленіи церковно-славянскаго языка участвовали должно быть многіе, въ основаніе же положенъ не языкъ болгарскій или сербскій, а «**добріи и дивніи моѹжіє избравше тънчайшіи и краснѣйшіи роѹшкіи ѥзыкъ**», только дополняли его болгарскими, сербскими, боснійскими, словенскими, чешскими и хорватскими словами (или оборотами). Взглядъ этотъ поражаетъ своей странностью, но показываетъ, что Константинъ кое-что зналъ о славянскомъ языкѣ, между прочимъ о южно-русскомъ церковномъ. Напр., въ доказательство русскаго происхожденія церковно-слав. языка онъ приводитъ изъ 9 псалма ст. 30 **лаєтъ въ таинъıхъ** ἐνεδρεύει ἐν ἀποκρύφῳ, гдѣ **лаєтъ** подтверждается какъ русское слово фразой русской «не лаи на ме хосподине» (т. е. не караи ме).

Идеи Константина распространились также въ Россіи. Одно начало его правописанія, точное соблюденіе сокращеній подъ титлой или покрытіемъ, разрослось у русскихъ грамотниковъ въ цѣлую систему. Слова подъ покрытіемъ считались торжественнѣе, святѣе, чѣмъ сполна выписанныя, напр., христіанскій Богъ передавался только съ сокращеніемъ **б҃гъ, б҃га** и т. д. въ различіе отъ языческихъ боговъ, которыхъ писали сполна: богъ, бога и т. д. Статьи подобнаго рода—ихъ множество—напечатаны въ моихъ «Разсужденіяхъ» въ отдѣленіи VII. До начала XVI-го столѣтія на всѣхъ статьяхъ грамматическаго содержанія отражалось исключительное вліяніе теорій греческихъ, но въ началѣ этого столѣтія была (въ 1522 году) переведена на русскій языкъ также «Ars minor» Доната и грамматическое сочиненіе «Doctrinale» Александра. Съ тѣхъ поръ замѣтны въ русской грамматической литературѣ два теченія, греческое и латинское. По теоріи грамматики греческой существовало восемь частей слова въ слѣдующемъ порядкѣ: имя (1), рѣчь (глаголъ, 2), причастіе (3), различіе (членъ, 4), мѣстоименіе (5), предлогъ (6), нарѣчіе (7), союзъ (8). По теоріи же латинской (у Доната) восемь частей

слова состояли изъ имени (1), проименія (2), слова (рѣчи, глагола, 3), предлога слову (adverbium, 4), причастія (5), союза (6), представленія (praepositio, 7), различія (interjectio, 8). Какъ указано мною (на стр. 906), были также попытки сблизить Доната съ греческой теоріею; «различіе» обозначало по одной теоріи членъ (ἄρθρον), по другой же interiectio. Такимъ образомъ выходило въ концѣ концовъ девять частей слова вм. восьми. Стоитъ упомянуть еще объ одной попыткѣ. Нѣкто, по указанію одной рукописи Евдокимъ, попытался подобрать анонимный матеріалъ грамматическихъ наблюденій въ области правописанія и соединить его съ наукой Доната о восьми частяхъ слова въ одно цѣлое. Эта компиляція извѣстна подъ заглавіемъ «Простословіе» (она напечатана у меня на стр. 917—949). Коротенькое извлеченіе изъ текстовъ, напечатанныхъ въ моемъ изданіи, сдѣлано профессоромъ Буличемъ въ «Очеркѣ исторіи языкознанія въ Россіи» (СПбгъ 1904), стр. 149—160.

О первомъ печатномъ изданіи (словеньска грамматика) въ Вильнѣ 1586 года сказано выше (сл. въ «Разсужденіяхъ» 959—60). Вскорѣ потомъ напечатана во Львовѣ (въ 1591 году) маленькая греко-славянская грамматика подъ заглавіемъ: ΑΔΕΛΦΟΤΗΣ. **Грамматіка доброглаголиваго еллинословенскаго ӕзыка. Совершеннаго искꙋства ѡсми частей слова. Ко наказанїю многоименитомꙋ Рѡсійскомꙋ родꙋ** (сл. изслѣдованіе Кирилла Студинскаго въ VII томѣ «Записокъ общества имени Шевченко»: «Адельфотес граматика видана у Львові в р. 1596». Львів 1895). Третье сочиненіе, напечатанное въ Вильнѣ въ 1596 году (҂зрг отъ созданія міра) носитъ заглавіе: **Грамматіка словенска съвершеннаѧ искꙋства ѡсми частій слова и иныхъ нꙋждныхъ. Новѡ съставлена»**, авторъ ея извѣстный Лаврентій Зизаній. Здѣсь грамматическое искусство состоитъ по принятому дѣленію изъ четырехъ частей: орѳографіи, просодіи, синтаксиса и этимологіи. Орѳографія говоритъ о гласныхъ и согласныхъ и о ихъ классификаціи. Просодія разсуждаетъ о надстрочныхъ знакахъ и количествѣ слоговъ. Синтаксиса нѣтъ, а этимологія задается анализомъ восьми частей слова: различія, имени, мѣстоимени, глагола, причастія, предлога, нарѣчія, союза. Падежи послѣдуютъ въ слѣдующемъ порядкѣ: именовный, родный, звательный, дательный, творительный, виновный. Къ этой грамматикѣ, но съ отдѣльнымъ счетомъ тетрадей, принадлежитъ еще словарь, подъ заглавіемъ «**Лексис сирѣчъ Реченїѧ въкратъцѣ събранны и из словенскаго ӕзыка на простый рꙋсскій дїѧлектъ истолкованы**» (Плохо перепечатанъ во II томѣ «Сказаній русскаго народа» Сахарова).

Въ теченіе цѣлаго XVII и отчасти XVIII столѣтія церковно-славянскій языкъ оставался господствующимъ у славянъ православнаго востока и юга, въ умѣренныхъ размѣрахъ также у уніатовъ и даже хорватскихъ католиковъ,

пользовавшихся правомъ славянскаго (глаголическаго) богослуженія. Поэтому грамматическія и лексическія пособія, составленныя для этихъ славянъ, касались церковно-слав. языка, конечно, не въ старинномъ видѣ его на основаніи древнѣйшихъ памятниковъ, а по образцамъ ближайшихъ рукописей и печатныхъ книгъ. Самымъ важнымъ явленіемъ въ этой области была грамматика Мелетія Смотрицкаго (или Смотрискаго), изданная въ 1619 году подъ заглавіемъ: **Грамматіки славенскиѧ правилное сѵнтагма. Потщаніемъ многогрѣшнагѡ мніха Мелетіѧ Смотрискогѡ в' коіновіи братства церковнагѡ Виленскагѡ... лѣта ,ах҃кі. в' євю.** Изданіе въ малую 8⁰ на 250 листахъ. По вновь наведеннымъ справкамъ П. К. Симони, изданія 1629 года нѣтъ, какъ уже замѣчено Каратаевымъ въ Сборникѣ Отд. р. яз. и сл. т. XXXIV, стр. 413. Грамматика Смотрицкаго считалась вплоть до Добровскаго главнымъ руководствомъ для церковно-славянскаго языка, пользовавшимся большимъ авторитетомъ. Составленная по образцамъ греческимъ и латинскимъ она обнимаетъ всѣ четыре части, т.-е. орѳографію, этимологію, синтаксисъ и просодію. Вліяніе греческое видно на каждомъ шагу, приводятся даже греческія слова и примѣры греческими буквами, въ особенности въ синтаксисѣ. Довольно часто авторъ признаетъ, что то или другое правило касается не столько славянъ, сколько грековъ, напр. **ю** онъ объясняетъ изъ **ıо** тѣмъ, что нѣтъ слоговъ «**славенскагѡ діалекта**» на **іо**, поэтому **ю** значитъ латинское iu, буква **ѕ** «славенскому языку» излишняя, про ἄρθρον—**различіе** хорошо сказано, что эта часть слова «**славенскомꙋ ıазыкови несвойственна**», онъ выбросилъ ее, но чтобы сохранилось старое правило о восьми частяхъ слова, онъ прибавилъ «**междометіе**», по образцу латинскаго interiectio. Особенно много авторъ заботился о греческихъ и латинскихъ собственныхъ именахъ, какъ употреблять ихъ въ славянскомъ склоненіи. Вліяніе латинской грамматики кромѣ «междометія» видно также въ спряженіи, гдѣ приводится залогъ «отложительный» (т. е. deponens), куда авторъ причисляетъ глаголы какъ **боюсѧ, трꙋждаюсѧ.** Въ примѣчаніи онъ открываетъ разницу между страдательнымъ и отложительнымъ въ томъ, что у отложительныхъ глаголовъ, если отбросить **сѧ**, не получается дѣйствительный залогъ, а слово котораго въ славянскомъ нѣтъ въ употребленіи: «**Ѿ боюсѧ бою, ѡ рꙋгаюсѧ рꙋгаю ѿстаютъ реченіѧ ничтоже славенски знаменꙋющаѧ**». При всей зависимости автора отъ греческихъ и латинскихъ образцовъ, все же замѣтна извѣстная вдумчивость. Въ перечисленіи временъ виденъ образецъ греческій въ томъ, что включено также «**непредѣлное**» время, т. е. аористъ, но авторъ не сумѣлъ разобраться въ формахъ слав. глагола, что̀ подвести подъ время «**преходѧщее**», что̀ подъ «**прешедшее**» и что̀ подъ «**непредѣлное**», напр. преходящее у него будетъ: **чтохъ-**

чтоша, прешедшее: «**читахъ-читах8**», мимошедшее: «**читаахъ-читáах8**», непредѣльное: «**прочтóхъ-прочтóша**». Въ примѣчанiи же сказано, что «**р8ска йногда ѩзы́ка навы́комъ**» вмѣсто простыхъ формъ употребляются сложныя. Сослагательное наклоненiе онъ спрягаетъ такъ: **аще бымъ, аще бысси, аще бы** (**челъ, чла, чло**), въ дв. числѣ: **а҆ще бы чла́сва, чла́ста**, во мн. числѣ: **а҆ще бы чли́смы, чли́сте, чли**! Греческое причастiе на -έον, латинское на -dum, «**намъ слави́номъ причастодѣ́тїе рече́но**», авторъ передаетъ такъ: **писа́телно, чита́телно**. Въ концѣ перваго спряженiя (на -**еши**) прибавлено, что за неимѣнiемъ «**славенска ле҄зїко́на**» трудолюбiе кого-то (не самого ли автора?) содѣйствовало къ «**составлѧ́нїю ѡ҆бо́егѡ спрѧженїѧ време́нъ**». Хотя съ трудомъ, все же въ этой грамматикѣ подобранъ богатый запасъ формъ подъ различными, иногда очень неудачными названiями и дѣленiями. Стоитъ упомянуть, что и въ синтаксисѣ Смотрицкiй возстаетъ противъ лишняго употребленiя греческаго члена: «**е҆ллинск8 дїа́лект8 тѣхъ оу҆потреблéнїе лѣпота̀ е҆́сть и҆ мно́гаѧ** ἐνέργεια, **славéнск8 же мно́гое пи́шемыхъ ра́з8ма ѡ҆мраче́нїе и҆ сочине́нїѧ грамма́тична смѧте́нїе**». Уже одно это трезвое сужденiе выдвигаетъ автора изъ ряда безтолковыхъ грамотеевъ. Онъ въ извѣстномъ смыслѣ понималъ лучше Шишкова разницу между «славенскимъ» и «рускимъ» языками. Переводя оборотъ греческiй παῦσον τὴν γλῶσσάν σου ἀπὸ κακοῦ καὶ χείλη σοῦ τοῦ μὴ λαλῆσαι δόλον буквально по «славенски»: «**о҆у҆де́ржи ѩ҆зы́къ сво́й ѿ зла̀ и҆ оу҆стнѣ̀ сво́ѣ е҆́же не глаголати льсти̑**», онъ прибавляетъ, что по-русски это переводилось бы такъ: **гам8́й ѩ҆зы́къ сво́й ѿ зло́гѡ и҆ оу҆ста́ твои̑ нехай не мо́вѧтъ зрады**. Другой примѣръ: «славенски» **Бгъ е҆́сть дѣ́йств8ѧй во ва́съ и҆ е҆́же хотѣ́ти и҆ е҆́же дѣ́ѧти**, а «руски» **Бо́гъ е҆́сть кото́рый справ8́етъ в҆ васъ и҆ то̀ а҆бы́сте хотѣ́ли и҆ то̀ а҆бы́сте чини́ли**». Замѣчательно, что при этихъ проблескахъ разумнаго отношенiя къ своей задачѣ авторъ иногда отрицалъ у языка право на то, что общеупотребительно. Такъ, напр., онъ возстаетъ противъ повторенiя отрицательной частицы у глагола, ему не нравится: «**ни̑ еди́н8 запо́вѣдь твою̀ не сотвори́хъ**», онъ требуетъ «**сотвори́хъ**» безъ **не**, ему не нравится: «**не согрѣши̑ никто́же ꙗ҆́коже а҆́зъ**», онъ требуетъ: «**никто́же согрѣши̑ ꙗ҆́коже а҆́зъ**», и т. д.

Грамматика Смотрицкаго послужила главнымъ источникомъ для нѣкоторыхъ позднѣйшихъ отчасти передѣланныхъ отчасти сокращенныхъ изданiй. Подъ 1621 годомъ библiографы приводятъ книжку въ 12-ую долю листа, 9 тетрадей (около 68 лл.) подъ заглавiемъ: **Грамматика а҆́лбо сложе́нїе писмена̀ хотѧ́щимъсѧ оу҆чи́ти словеньскаго ѩ҆зы́ка млодолѣ́тны̑ отрочатомъ** (въ Вильнѣ), а въ 1638 году напечатана «**в҆ Кремѧнци**» на 104 лл. (13 тетрадей) «**Грамматі́ки или̑ писменница ѩ҆зы́ка слове́нскагѡ тща́телемъ**

въ кра́тцѣ и҆здана». Авторомъ этой грамматики называютъ епископа Луцкаго Аѳанасія Пузину. На оборотной страницѣ заглавнаго листа (онъ оттиснутъ съ дерев. гравиров. доски съ изображеніемъ спасителя и ангеловъ, заглавіе въ срединѣ листа) авторъ оправдываетъ въ обращеніи «**до чителника**» названіе «**писменница**» ссылкой на происхожденіе слова **грамматики** отъ греческаго глагола **графѡ**. Авторъ убѣжденъ въ необходимости «**всѣ споудеѡ ѧ҆зыка слѡвескагѡ ремесло̀ граматичное оу҆мѣти**». Въ концѣ указывается на разницу между греческими и славянскими правилами стихотворства, тамъ оно бываетъ «**мѣрами**», здѣсь «**слогами**». Кромѣ этихъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ руководствъ, грамматика Смотрицкаго вышла еще въ 1648 году въ Москвѣ какъ официальное, такъ сказать, изданіе московской грамотности. Не говоря о прибавленіяхъ, прославляющихъ грамматическое искусство отъ имени Максима Грека, въ текстѣ грамматическаго изложенія сдѣланы различныя измѣненія не только въ формахъ склоненій и спряженій, какъ сказано у Булича стр. 175—6 (но у него не все точно, напр. отъ **блага рѹка̀** остались еще формы **блаꙁѣ рѹцѣ**, даже и отъ **снохаа̀** въ двойств. числѣ приводится **снохѣ**), а также въ другихъ частяхъ грамматики. Имѣются не только пропуски, а также прибавленія, напр., на л. 51—57 приведено 11 каноновъ «**пра́вилъ ѻ҆ртографі́и**», которыхъ въ Виленскомъ изданіи нѣтъ. Оно не употребляло въ просодіи названій **исо** или **иссо**, **звательце**, **камора**, попавшихъ въ Московское изданіе изъ рукописныхъ руководствъ, бывшихъ въ употребленіи въ московской Руси. Издатель дорожилъ извѣстной эманципацiей отъ виленскаго авторитета, поэтому онъ говоритъ на л. 53 обр. «**на́шеѧ же вели́кїѧ Рѹсіи дре́внихъ писцѡ́въ разсѹжде́нїе сицево**». Не послѣдуя авторитету Смотрицкаго онъ возстановилъ «**различїе**» (ἄρθρον) какъ часть слова послѣ причастія, выбросилъ же «**междометїе**». У Смотрицкаго склоняемыя части слова четыре, въ московскомъ изданіи пять. Въ склоненіи послѣ парадигмы **мре́жа** внесено еще склоненіе слова **ѻ҆вца̀**. Примѣръ **ла́дїа** передѣланъ въ **лодїѧ**. Греческій примѣръ **ї҆марме́ни** пропущенъ. И послѣ примѣра **Ри́млѧнинъ** все «**оу҆вѣще́нїе ѡ҆ и҆́менехъ гре́ческихъ**» пропущено. Такой же пропускъ послѣ примѣра **ма́терь и҆лѝ ма́ти**. Форма примѣра **свѣди́тель** замѣнена формой **свидѣ́тель**. Послѣ **зна́менїе** опять пропущены примѣры греческіе. Передъ главой «**ѡ҆ нарѣчіи**» въ москов. изданіи послѣдовательно вставлена «**ча́сть пѧ́таѧ разли́чїе**», гдѣ представлено склоненіе мѣстоименія **и҆́же**, зато конечно глава «о междометіи» пропущена. Въ синтаксисѣ всѣ греческія цитаты или совсѣмъ вычеркнуты или же, что рѣдко бываетъ, выписаны славянскими буквами. Приведенныхъ выше примѣровъ *русскихъ* въ противо-

положность «славенскому» переводу, совпадающему буквально съ греческимъ подлинникомъ, здѣсь вовсе нѣтъ. Московскій издатель, не сочувствуя западно-русскому нарѣчію, не допускалъ мысли чтобы между «славенскимъ» и «русскимъ» существовала какая-нибудь противоположность. Такимъ образомъ, какъ «русское» выраженіе рекомендуется въ текстѣ по Смотрицкому **нехали** и **абы**, но примѣры гдѣ бы это **нехали** и **абы** выходило наружу, пропущены. Вообще синтаксисъ передѣланъ не съ такимъ вниманіемъ, какъ предшествующія части грамматики, поэтому здѣсь осталось даже то, что у Смотрицкаго сказано «**ѡ сочиненіи междометіа**», измѣнено только заглавіе, чтобы не было слова «**междометіе**», т. е. заглавіе передѣлано такъ: «**ѿ сочинéніи пáки ѡстáвшихъ частéй нарѣ́чіа**». Для лучшаго пониманія множества грамматико-риторическихъ техническихъ названій очень важно первое, виленское изданіе, потому что въ немъ рядомъ съ славянскимъ переводомъ приводятся греческія названія, которыя въ московскомъ изданіи большею частью пропущены. Скажемъ еще, что въ первомъ изданіи для отличія тѣхъ случаевъ, гдѣ **г** произносилось какъ латинское g, отъ **г** въ звуковомъ значеніи латинскаго h, Смотрицкій для латинскаго g употреблялъ фигуру **г̑**, находящуюся и теперь въ употребленіи для g въ малорусскомъ языкѣ.

По московскому изданію Смотрицкаго выходила эта грамматика также въ XVIII столѣтіи, напр. въ 1721 и 1755 въ изданіи Поликарпова, въ 1723 въ изданіи Максимова. Грамматика 1721 г. въ малую 8-шку, 283 л., нумерація листовъ церковно-сл. буквами, напечатана въ Москвѣ «**повелѣ́ніемъ ...цр҃ѧ... Петра Алеѯіевича**». Въ предисловіи указанъ Мелетій какъ главный источникъ, сотрудникомъ же этого изданія считается Ѳедоръ Поликарповъ, отъ него имѣется Букварь славяно-греко-латинскій (Москва 1701 г.) и лексиконъ треязычный (Москва 1704 г.). Грамматика Максимова напечатанная въ С.-Петербургской Александро-невской лаврѣ, является трудомъ греко-славянской школы велико-новгородской, издатель самъ смотрѣлъ на нее какъ на сокращеніе изъ Смотрицкаго съ нѣкоторыми уступками въ пользу русскихъ формъ. Въ 1794 вышла по образцу Смотрицкаго грамматика Аполлоса въ типографіи кіево-печерской лавры подъ заглавіемъ: «Грамматика руководствующая къ познанію славено-россійскаго языка» (см. Сухомлинова Истор. Росс. акад. вып. I, 221). Въ томъ же году издалъ въ пользу южныхъ славянъ сокращенную грамматику Аврамъ Мразовичъ: **Рꙋководство къ славéнстѣй граммáтіцѣ** (Вѣна), послѣ того какъ уже въ 1755 въ Рымникѣ обширное изданіе грамматики Смотрицкаго было напечатано «**настоѧніемъ, прилѣжаніемъ и иждивеніемъ архіепископа карловачкаго Павла Ненадовича**». Едва ли справедливо обвинять это изданіе въ

распространеніи русскихъ формъ церковно-слав. языка въ средѣ сербовъ; русскія книги проникали къ сербамъ и прочимъ южнымъ славянамъ уже раньше.

Въ то же приблизительно время, когда впервые вышла грамматика Смотрицкаго, появилось также первое болѣе значительное *словарное* пособіе церковно-славянскаго языка. Это былъ Памвы Берынды **Лексіконъ славеноросскій и именъ тлъкованіе»**, напечатанный въ 1627 году въ Кіевѣ, въ печерской лаврѣ. Второе изданіе вышло въ 1653 году. Наконецъ очень плохо перепечатанъ словарь въ «Сказаніяхъ русскаго народа» Сахарова (1849, II. с. 1—118). Нѣсколько подробностей объ этомъ словарѣ у Житецкаго въ «Очеркѣ литературной исторіи малорусскаго языка» (Кіевъ 1889, 37—51). Въ словарѣ П. Берынды попадаются, хотя изрѣдка, примѣры для сравненія изъ родственныхъ языковъ, напр. чешскаго, словацкаго; множество польскихъ словъ считалось уже принадлежностью тогдашняго русскаго (литературнаго) языка. Въ томъ же столѣтіи заслуживаетъ вниманія еще Епифаній Славинецкій, іеромонахъ кіево-печерскаго монастыря, знатокъ греческаго и латинскаго языковъ, позаботившійся своими лексикальными трудами о распространеніи знанія этихъ языковъ въ Кіевѣ и Москвѣ. Въ 1642 году онъ передѣлалъ одно изъ многочисленныхъ изданій такъ назыв. Калепина въ пользу Русскихъ, прибавивъ къ латинскимъ словамъ у Калепина русскіе переводы (рукопись неизданная хранится въ Москвѣ въ библіотекѣ архива мин. иностр. дѣлъ). Говорятъ, существуютъ три рукописи этого труда въ Москвѣ и одна въ Парижѣ съ небольшими измѣненіями (Брайловскій въ «Русск. Фил. Вѣстникѣ» 1890, 237—241). Словарь этотъ представляетъ, конечно, руководство только для латинскаго языка. Но для Москвы было еще важнѣе знаніе греческаго языка. Поэтому слѣдующій его трудъ, тоже неизданный (въ синодальной библіотекѣ), былъ посвященъ греческому языку съ объясненіями русскими и прибавкой латинскихъ словъ на третьемъ мѣстѣ. Какъ на источникъ этого труда, Брайловскій указалъ на Ioannis Scopulae Lexicon graecolatinum, которымъ Славинецкій воспользовался съ нѣкоторыми сокращеніями, присоединивъ къ этому еще какъ второе пособіе одинъ греколатинскій словарь, изданный въ 1524 году въ Венеціи. Этотъ рукописный словарь Славинецкаго, обнимающій 755 листовъ, пользовался въ свое время необыкновеннымъ почетомъ, но — такъ и остался въ рукописи. Имѣются еще и другія рукописныя грамматики и словари. На грамматику Ужевича въ двухъ редакціяхъ (по парижской и араcской рукописи) указано Соболевскимъ въ Чтеніяхъ въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца, кн. XIX, вып. 2, 1906 г., отд. V, стр. 1—7, и мною въ Архивѣ für slav.

Phil. т. XXIX. 154—160. Парижскій экземпляръ былъ извѣстенъ уже Бандури, Копитару и Добровскому, сл. Institutiones, стр. LXII. Одинъ рукописный словарь описанъ мною въ Извѣстіяхъ Отд. р. яз. и слов. 1897, т. II, кн. 2-я, стр. 281—301. Въ 1722 году напечатанъ въ Супраслѣ словарь церковно-славянско-польскій, подъ заглавіемъ: «**Лексиконъ сирѣчь словесникъ славенскій имѣющъ въ себѣ словеса, первѣе славенскія, азбучныя, по семъ же польскія**». Въ предисловіи сказано что «**экзаминаторове поставляемыхъ въ іеренство людей**» убѣдились въ незнаніи этого языка, что и было причиной изданія словаря. См. 42 т. «Сборника» (Э. Калужняцкій).

Разными славянскими вопросами, преимущественно церковно-славянско-русскимъ языкомъ въ связи со своимъ роднымъ южно-славянскимъ нарѣчіемъ интересовался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ славянъ XVII столѣтія, даровитый неудачникъ и даже мученикъ своихъ благородныхъ увлеченій, славянофилъ или панславистъ Юрій Крижаничъ. Онъ былъ происхожденіемъ хорватъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ окрестности города Карловца (Karlovac, Karlstadt) въ Хорватіи, родился въ 1617 году (или около того), поступилъ въ богословскую школу въ Загребѣ, по блестящемъ окончаніи которой начальство послало его въ Италію (въ Болонью и Римъ), гдѣ онъ увлекся идеею поработать въ пользу уніи въ средѣ славянъ, южныхъ и восточныхъ. Эти стремленія были тогда въ большомъ ходу, многіе даровитые южно-славянскіе католики поступали на службу Рима для оживотворенія этой идеи. Крижаничъ ушелъ дальше всѣхъ ихъ. Его тянуло въ Россію. Въ первый разъ онъ попалъ туда какъ членъ дипломатической миссіи, второй разъ уже прямо какъ представитель идеи объ уніи. Неосторожные отзывы о сношеніяхъ между католической и православной церквами лишили его личной свободы. Сосланный въ Сибирь, онъ прожилъ тамъ 15 лѣтъ, пользуясь долгимъ недобровольнымъ досугомъ для составленія разныхъ сочиненій по вопросамъ церковной и политической жизни Россіи и ея сношеній съ прочими славянами, свои же сочиненія онъ писалъ то по латыни то на смѣшанномъ церковно-славянско-русско-хорватскомъ языкѣ. Въ числѣ прочихъ его трудовъ была также грамматика русскаго языка въ двухъ редакціяхъ. Всѣ сочиненія его остались въ рукописяхъ. Съ рукописною грамматикой его первый познакомился Добровскій въ бытность свою въ Москвѣ въ концѣ XVIII-го столѣтія (сл. Переписка Добр. съ Коп. I 248. 254. 322. 327. 512), но онъ не зналъ тогда еще настоящей фамиліи автора этой грамматики, называя его Bielik Serbus exul in Sybiria. Не знаю никого, говоритъ Добровскій, кто бы въ то время такъ свободно, иногда даже вѣрно разсуждалъ объ испорченности языка. О ссылкѣ автора въ Сибирь зналъ и разска-

зывалъ кое-что уже Новиковъ въ III томѣ своей «Древней россійской вивліоѳики» (1788), а Евѳимій Болховитиновъ (извѣстный потомъ ученый, митрополитъ Евгеній) сказалъ о немъ (въ 1815 году) подъ заглавіемъ: Юрій Бѣлинъ, родомъ сербъ, что онъ, проживавшій въ Сибири, въ 1666 году написалъ славянскую грамматику и еще статью о св. крещеніи. Нѣсколько лѣтъ спустя Калайдовичъ сообщилъ въ «Іоаннѣ Ексархѣ» (1824) коротенькое содержаніе рукописной грамматики Крижанича, про которую Добровскій высказалъ опасеніе, что она сгорѣла въ большомъ московскомъ пожарѣ; за изданіе же полнаго текста грамматики взялся О. Бодянскій, бывшій редакторомъ московскихъ «Чтеній». Часть ея напечатана въ 1848 году, потомъ же изданіе «Чтеній» пріостановилось, такъ что остатокъ могъ быть отпечатанъ только въ 1859 году. Въ отдѣльномъ изданіи грамматика Крижанича (Граматѝчно изказâнје об рýском језѝку, попá Іѫрка Крижáница, презвâнјем Сéрблıанина, меджѫ Кѫпојѫ и Вѫнојѫ рикáми, во ѫјéздех Бѝхща грâда окол Дѫбовцá, Озльá и Рѝбника острóгов, пѝсано вь Сибири лита ҂зрод) вызвала рѣзкую, незаслуженную критику Даничича (въ XVI книжкѣ загребскаго «Rada»). Неудача преслѣдовала Крижанича и въ томъ, что П. Безсоновъ, одинъ изъ видныхъ хотя бездарныхъ представителей московскихъ славянофиловъ, заинтересовавшись главнымъ сочиненіемъ его историко-политическаго содержанія, издалъ его въ приложеніи къ московскому славянофильскому журналу «Русская Бесѣда» подъ заглавіемъ «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка, рукопись временъ царя Алексѣя Михайловича» (Москва. I. 1859, II. 1860). Это конечно похвально. Но Безсоновъ не сумѣлъ объективно оцѣнить достоинство трудовъ Крижанича, онъ втиснулъ его въ слишкомъ узкую рамку идей московскаго славянофильства и далъ ему одностороннее освѣщеніе. Это замѣтно въ особенности въ біографіи, посвященной Крижаничу, въ статьяхъ напечатанныхъ въ «Православномъ Обозрѣніи» 1870 (всего 3 статьи), гдѣ съ большимъ усердіемъ собрано все, что Безсоновъ могъ до тѣхъ поръ узнать о Крижаничѣ и судьбѣ его рукописей, но оцѣнка дѣятельности Крижанича сдѣлана невѣрно, по предвзятымъ мыслямъ, навѣяннымъ началами московской славянофильской школы. Статьи озаглавлены: «Католическій священникъ сербъ (хорватъ) Юрій Крижаничъ Неблюшскій Явканица, ревнитель возсоединенія церквей и всего славянства въ XVII вѣкѣ». Гораздо вѣрнѣе освѣщены обстоятельства жизни Крижанича во время его молодости, до отъѣзда въ Россію, у Кукулевича въ «Arkiv'ѣ» X (1869), на стр. 11—74. Сл. также мой отзывъ о трудахъ Безсонова въ XVIII кн. Rada 164—205. Новые матеріалы для біографіи Крижанича доставлены Ферменджиномъ и Черничемъ въ Starine XVIII и

въ Rad'ѣ кн. LXXIX, сл. также Archiv f. sl. Phil. VI. Новѣйшій трудъ, посвященный ему въ особенности въ періодъ его пребыванія въ Сибири, написанъ С. А. Бѣлокуровымъ подъ заглавіемъ: «Юрій Крижаничъ въ Россіи. По новымъ документамъ». Москва 1902, 8⁰ 210. 305, но и здѣсь значеніе Крижанича не представлено въ настоящемъ свѣтѣ. См. еще отзывъ М. И. Соколова о Крижаничѣ въ II вып. его «Матеріаловъ и замѣтокъ по старинной слав. литературѣ» (1891), гдѣ на стр. 2—3 указана старшая литература вопроса. Историки, филологи, политическіе экономы, канонисты и т. д. не перестаютъ до сихъ поръ интересоваться этой замѣчательной личностью. Въ Москвѣ образовался было кружокъ молодыхъ ученыхъ съ похвальной цѣлью издать въ критическомъ видѣ (чего нельзя сказать про изданія П. Безсонова) совокупныя сочиненія Юр. Крижанича. Къ сожалѣнію кружокъ распался, не исполнивъ своей прекрасной задачи. Вышли однакожъ два выпуска. Въ первомъ изъ нихъ (1891) напечатано его «Pûtno opîsanie ot Lewówa do Móskwi» (1659), далѣе «Besída ko Czirkasom wo osobi Czirkása upîsana», и «Usmotrenie o Carskom Weliczestwu», потомъ съ помѣтой 1661 года, «Објасньенје виводно о писмѣ словѣнскомъ». Это первая его грамматическая попытка. Уже здѣсь видно стремленіе автора регулировать и исправлять языкъ посредствомъ грамматическихъ правилъ. Онъ придерживался общаго въ то время взгляда, что грамматикамъ вмѣняется даже въ обязанность наблюдать надъ правильнымъ ходомъ языка и предписывать ему законы. Онъ говоритъ: «не мо́жет једи̂н чло́ви́к всего́ знат, наипа́че без изпита́нја и без сови́та и̂них; јакоже мни́ гри́шномꙋ лꙋчи́ло се јест се́ ди́ло ди́лат без вса́кого сови́та. Ізпита́т бо и прови́дат ни об че́мже ни́ст ми би̂ло ка́ко, живꙋ̂щемꙋ дльаради моьих гри̂хов по отлꙋче̂нјꙋ от чловичского обще̂нја и сови́та». (Бодян. VI). Судя по его сочиненію, онъ зналъ грамматику Смотрицкаго; впрочемъ въ первомъ грамматическомъ очеркѣ онъ еще придерживался болѣе консервативнаго направленія, чѣмъ въ главномъ своемъ грамматическомъ трудѣ. Онъ различалъ троякій русскій языкъ: общій, подлинный, на которомъ говорятъ великороссы; бѣлорусскій — прескверная смѣсь русскаго и ляшскаго языка; литературный или переводческій, тоже помѣсь греческаго съ древнерусскимъ (Соч. Криж. I. 28). Относительно славянскихъ нарѣчій («завла́ченја») онъ различалъ: русское, ляшское, чешское, хорватское, сербское и болгарское (ib. 30). Главная цѣль его труда заключалась въ ороографической реформѣ: онъ внесъ j въ русское правописаніе, былъ своего рода предшественникомъ Вука Караджича. Кириллъ рѣшился по его мнѣнію въ угоду грекамъ составить буквы ꙑ ѥ ы ю ж, но славянамъ онѣ не нужны, производятъ даже путаницу. (ib. 34. 40). По его усмотрѣнію надо

считать *j* и *ь* согласными, наравнѣ смягчающими, но *ь* писать въ концѣ послѣ гласныхъ, напр. *краь* (!), и послѣ согласныхъ для ихъ смягченія, напр. *мольен*, *гоньен*. Поэтому онъ тонко различаетъ между *ладjа* и *ладьа*. (т. е. лад-ја и ла-дьа, нынѣшнее сербское: лађа. Бод. стр. 139, соч. I. 36). Такъ какъ у него *и* выражало только чистую гласную, то онъ предлагалъ писать *ьистьина*, *троьица* (соч. I. 37). Онъ зналъ, что у «Задунайцевъ» ѧ произносится какъ *е*, тогда какъ настоящее *ја* остается *ја: свя̄тиь*, *пя̄т*, *дéвят*, произносятся *свѐтиь*, *пѐт*, *дéвет*, неизмѣннымъ же у всѣхъ славянъ остается *јарост*, *бајати*, *ладја* (соч. I. 40). О гласной ѣ говорится, что она только тамъ правильно пишется гдѣ хорваты произносятъ или пишутъ *и: тѣло*, *стѣна*, *бѣда* они произносятъ *тӣло*, *стӣна*, *бӣда*. Послѣ *р* Русскіе пишутъ *е*, гдѣ слѣдовало бы ожидать *ѣ: река̀*, *стрела̀*, *время̀* (ib. 41). Поэтому онъ говоритъ: *ѣ* соотвѣтствуетъ хорватскому *и*, сербскому *ие*, русскому *ие* или *е*, польскому *ја*, *а*, *е*, *ие: тѣло*, *рѣка*, *стрѣла*, *мѣд* онъ передаетъ по-польски: *чјало*, *страла*, *река*, *миедь*. Оттуда выходитъ для него правило, что ѧ и ѣ надо писать только тамъ, гдѣ въ прочихъ славянскихъ нарѣчіяхъ существуетъ различное произношеніе. Поэтому-де не слѣдуетъ писать ѧгода, потому что нѣтъ въ хорв. эгода, ляшк. иенгода; не слѣдуетъ ѣлен, потому что нѣтъ въ хорв. илен, серб. иелен, русск. елен; напротивъ хорошо писать ѧзык, или лучше іѧзик. О мягкомъ *н д т* онъ разсуждаетъ очень разумно, при чемъ возстаетъ противъ слишкомъ мягкаго произношенія сочетаній *ть дь* у бѣлоруссовъ (ib. 42). Очень неудачно его разсужденіе относительно ы, которое по его теоріи равняется звуковому сочетанію *ји*, онъ бы предпочелъ правописаніе v (потому что и поляки пишутъ y), но онъ противъ возстановленія этой гласной, которой хорваты, сербы, болгаре и чехи (!) вовсе не знаютъ. Только въ словѣ *быти* при *бити* должно бы, какъ онъ думалъ, допустить это правописаніе (т. е. *ы* въ различіе отъ *и*), хотя и здѣсь онъ предпочелъ бы малорусскую форму *бути* (соч. I. 47—8). Относительно ъ онъ такого мнѣнія, что Кириллъ ввелъ эту букву въ подражаніе грекамъ, у которыхъ два придыханія, одно изъ нихъ такъ же лишнее, какъ у насъ ъ, написаніе котораго онъ допускаетъ только въ предлогахъ: *къ* намъ, *съ* вами, и въ такихъ случаяхъ какъ гърло. Онъ возстаетъ противъ **гг** для **нг**, противъ ѳ возлѣ ф (буквы то же чужой), которая иногда переходитъ въ **п**.—Онъ зналъ, что *к* переходитъ въ *ч*, *ц*, *г* въ *ж*, *з;* что *щ* передается по-сербски *ть* или *шт*, по-хорватски *чь* или *шчь*. Крижаничъ понималъ сущность бѣглыхъ гласныхъ, хорошо сравнивалъ слав. языки относительно слогового *р*, чехи произносятъ без гласной: смрт, брз, Русскіе съ *е* или *о*: смерт, борз, трост, хребет; сербы: сма̑рт, ба̑рз, та̑рн (sic!), хорваты: смéрт, бе̑рз, те̑рн (sic!)—

для всѣхъ славянъ онъ предлагаетъ писать *смѣрт*, *бѣрз*, *хърт*, *дърва* и т. д. (соч. I. 63). Наконецъ, Крижаничъ коснулся также ударенія. Польское недвижимое удареніе онъ считалъ испорченнымъ подъ вліяніемъ нѣмецкимъ; русское же отчасти испортилось подъ вліяніемъ польскимъ, напр. бивáју, посилáјеш онъ называетъ произношеніемъ ляшскимъ, а Москвà, главà — турецкимъ или татарскимъ (соч. I. 70). Сербское нарѣчіе на его взглядъ растягиваетъ неприличнымъ образомъ долгія гласныя, только хорватскій языкъ сохранилъ правильное удареніе, да и онъ не вездѣ, а только между Купой и Уной, въ Бихачскомъ округѣ, въ гористыхъ краяхъ, гдѣ преслѣдуемые турками спасались хорватскіе бояре, у которыхъ сохранился чистѣйшій славянскій языкъ. По ихъ произношенію онъ сумѣлъ различить четыре ударенія (сл. этюдъ А. А. Шахматова: «Юрій Крижаничъ о сербско-хорватскомъ удареніи», Варшава 1895).

Римская пропаганда напрягала въ особенности въ XVII столѣтіи всѣ свои силы въ пользу распространенія уніи между славянами южными и сѣверными. Поэтому обязанностью ея было заботиться о богослужебныхъ книгахъ на церковно-славянскомъ языкѣ по западному обряду. Къ числу людей, послужившихъ ей орудіемъ въ этомъ дѣлѣ, принадлежалъ Рафаилъ Леваковичъ, родомъ хорватъ изъ Ястребарскаго, недалеко отъ Загреба. Онъ попалъ въ Римъ, какъ обыкновенно разсказывается, по рекомендаціи францисканца Главинича. Этотъ же Главиничъ былъ происхожденіемъ изъ Гламоча въ Босніи, но въ то время онъ жилъ въ предѣлахъ Истріи, между прочимъ на Търсатѣ, и много занимался вопросомъ о книгахъ глаголическихъ. Къ нему обращались изъ Рима, спрашивая его, не хотѣлъ ли бы онъ самъ взяться за это дѣло или же указать имъ другого способнаго человѣка. Указаніе его на Леваковича не можетъ быть засвидѣтельствовано. Но какъ бы то ни было, Леваковичъ попалъ въ Римъ и ему было поручено надзирать за печатаніемъ глаголическихъ церковныхъ книгъ и заботиться объ исправленіи текста сообразно съ латинской вульгатой. По извѣстіямъ, императоръ Фердинандъ II подарилъ Риму глаголическій и кирилловскій шрифты бывшихъ протестантскихъ изданій, конфискованные гдѣ-нибудь въ Штиріи или Каринтіи, судя по тому, что онъ потомъ оказался въ Грацѣ, откуда сначала (1621) уступленъ былъ Главиничу въ Фіуме (Търсатъ); потомъ, когда Главиничъ за неимѣніемъ средствъ не могъ воспользоваться шрифтомъ, онъ былъ подаренъ и перевезенъ въ Римъ. Съ этого времени, по крайней мѣрѣ послѣ 1625 года, Леваковичъ жилъ въ Римѣ, занятый порученіемъ пропаганды. Судьба опредѣлила его на мѣсто и для выполненія задачи, которая была ему не по силамъ. Не имѣя точно опредѣленнаго понятія о церковно-

славянскомъ языкѣ, не зная историческаго развитія его на почвѣ хорватскаго глаголизма, онъ очутился въ Римѣ окруженнымъ, съ одной стороны, людьми своей національности, но такъ же мало свѣдущими по данному вопросу, какъ и онъ (напр., Марнавичъ, Бараковичъ, Кашичъ и другіе), съ другой же, южно-русскими ревнителями уніи, проживавшими тогда въ Римѣ, какъ Іосафатъ Исаковичъ, Филиппъ Боровичкій, главнымъ же образомъ онъ могъ стоять подъ вліяніемъ авторитетнаго Меѳодія Терлецкаго. Эти-то представители русской учености, т.-е. практической начитанности въ церковно-славянскомъ языкѣ, сумѣли неподготовленному для своей задачи Леваковичу внушить мысль, что только русская редакція церковно-славянскаго языка— настоящій, правильный обликъ его. И онъ сталъ передѣлывать тексты хорватской глаголицы на русскій ладъ, но безъ малѣйшей послѣдовательности. Въ новомъ своемъ званіи, какъ «Reformator librorum ecclesiasticorum linguae illyricae», кажется, уже въ 1628 г. въ книжкѣ «Наук Карстіански» и въ 1629 г. въ глаголическомъ изданіи «Азбукикидньк словинский иже опщенним начином називает се псалтериц» онъ поддался вышеупомянутому вліянію, употребляя съ одной стороны діалектическія хорватскія формы съ и вм. ѣ, съ другой такія, какъ: вознесет се, возхищет, зело, сердце, оуповати и т. д. Въ 1631 вышелъ подъ его же редакціею служебникъ — Missale — съ такими же непослѣдовательностями, но въ изданномъ въ 1635 году глаголическомъ «Исправникѣ за ереи исповидници и за покорних (пренесен нигда сь латинскога ꙗзика оу словинскиј по попоу Шимоуноу Боудинею а сада писменни глаголскими исписан и напечащен о. Рафаилом Леваковищем»), въ которомъ, кажется, какъ сотрудникъ принималъ участіе Даніилъ Гроздекъ,—языкъ еще довольно чистъ и правиленъ, большей частью съ формами народными. Только начиная съ часослова и псалтыри 1648 года (заглавіе этого изданія слѣдующее: Breviarium Romanum slavonico idiomate iussu s. d. n. Inocentii PP. X editum. Часословь Римскии славинскимь ꙗзикомь, повелениемь с. г. н. Инокентиꙗ папи X видань (Roma. 1648), русская редакція проведена съ большею послѣдовательностью. Здѣсь уже встрѣчаются формы: времѧ, возвеселѧтсѧ, оуслишатъ и т. д. Быть можетъ, эта смѣсь различныхъ редакцій церковно-славянскаго языка оправдывалась тѣмъ, что плоды дѣятельности Леваковича должны были распростираться, кромѣ южныхъ славянъ, еще на приверженцевъ уніи русскихъ въ Венгріи, Польшѣ и Галиціи, но въ этихъ странахъ глаголицы не было въ употребленіи. Леваковичъ, хотя вообще былъ плохо освѣдомленъ о церковно-слав. языкѣ, чувствовалъ по крайней мѣрѣ извѣстную разницу между прежнимъ употребленіемъ его и тѣмъ, которое вводилось имъ въ глаголич. книги. Поэтому и говоритъ въ на-

чалѣ «Часослова» (передъ календаремъ): «правописание старовѣчно не вишше двѣстѣ лѣть искривлено, паки поновихь и правиломь древнихь словинскихь книгочий исправихь». Онъ ожидалъ также нѣкоторыя возраженія: «Вѣмь да многимь троудно хощеть бити испрьва нови сей начинь и писаниа древнаго и гл҃аниа но сь временемь осладчати хощеть когда обикноуть емоу». Судя по послѣднимъ словамъ его «азь сотворихь ꙗко повелѣно ми бисть, а удобнѣе бѣше мнѣ общимь ꙗзикомь нашимь писати», можно бы догадываться, что авторитеть людей въ родѣ Терлецкаго заставилъ его повиноваться даже противъ собственнаго желанія и убѣжденія. Подробной оцѣнки дѣятельности Леваковича еще не сдѣлано. То, что мимоходомъ о немъ сказано у меня въ Tisućnic-ѣ (1863, 31—66), нельзя назвать достаточнымъ. Ср. также статью Кукулевича въ «Književnici u Hrvatah iz prve polovine XVII vieka s ove strane Velebita» Zagreb 1869, стр. 136—162. Особое изслѣдованіе, болѣе критическое обыкновенныхъ, явившихся въ послѣдніе годы о глаголизмѣ и отношеніи къ нему Рима, готовитъ одинъ изъ бывшихъ моихъ учениковъ, др. Кидричъ. Трудно сказать, такъ какъ нѣтъ прямыхъ указаній, но судя по знакомству съ южно-русскими уніатами, проживавшими въ то время въ Римѣ, Левaковичъ должно быть былъ знакомъ съ вышедшею уже въ 1619 году грамматикой церковно-слав. языка Мелетія Смотрицкаго (о немъ выше стр. 28—31). Первый, пожелавшій продолжить дѣятельность Леваковича въ пользу глаголическихъ книгъ, былъ далматинецъ о. Иванъ Пастричъ, но ранняя смерть (1708) его помѣшала выполненію затѣянныхъ плановъ. Онъ могъ, какъ библіографы указываютъ, переиздать только часословъ (1688) и миссалъ (1706). Изъ рукописнаго сочиненія его «De Missalis, Breviarii etc. origine» (сл. мои Glagolitica въ Denkschriften B. XXXVIII, 1896), находящагося въ архивѣ пропаганды въ Римѣ, сообщены мною отрывки въ Glagolitica 59—62. На современника и соотчича его Викентія Змаевича (родился 1670 въ Перастѣ) можно указать, какъ на покровителя глаголицы и усерднаго представителя католической пропаганды на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ много путешествовалъ по Турціи въ качествѣ Барскаго (Antivari) архіепископа, въ 1713 году сдѣланъ такимъ же въ Задрѣ и въ этомъ качествѣ основалъ для глаголитовъ Seminarium Zmajoillyricum. Настоящимъ преемникомъ Леваковича по тому же дѣлу былъ Матѳей Караманъ. Онъ вмѣстѣ со своимъ сотрудникомъ Совичемъ былъ хорошо знакомъ съ судьбой церковно-славянскаго языка XVIII-го столѣтія въ Россіи, потому что Змаевичъ послалъ его сначала въ Римъ, чтобы приготовился въ миссіонеры по славянскому востоку, на дѣлѣ же онъ былъ missionarius apostolicus въ Москвѣ. Оба они, т.-е. Караманъ

и Совичъ, считали русскую форму этого языка исключительно правильной и, руководясь этимъ убѣжденіемъ, перепечатывали глаголическія церковныя книги. Караманово изданіе глаголическаго мисала вышло въ 1741 году съ одобреніемъ папы Бенедикта XIV. Въ полемикѣ съ Роза-Русичемъ, отстаивавшимъ противъ Карамана право простонароднаго языка на употребленіе въ церковныхъ книгахъ, въ сочиненіи «Annotazioni in ordine alla versione slava del missale Romano», которое было представлено папѣ на усмотрѣніе, Караманъ написалъ въ самозащиту рукописное сочиненіе: «Identità della lingua litterale Slava e necessità di conservarla ne' libri sacri. Considerazioni che si umiliano alla Santità di N. S. Padre Benedetto XIV da Matteo Caraman, arcivescovo di Zara sopra l'Annotazione del Sacerdote Stefano Rosa», на которое потомъ ссылались многіе (Ассемани, Альтеръ, Добровскій и Шафарикъ). У Альтера былъ хорошій экземпляръ этого рукописнаго сочиненія (сл. его Beitrag zur praktischen Diplomatik für Slaven. Wien 1801, стр. VI—XXIV). Копитаръ, односторонніе взгляды котораго впрочемъ хорошо извѣстны, сказалъ про Карамана (Glag. Cloz. XVI—XVII), что онъ былъ mala avi rei glagoliticae natus. Совичъ старался, въ родѣ Константина грамматика, доказать невѣжество глаголическаго священства въ Далмаціи относительно церковнаго языка, въ сочиненіи «Rifflessioni sull' ignoranza della lingua slava letterale in Dalmazia» (оно напечатано въ Венеціи 1787 какъ opus posthumum). Онъ родился, говорятъ, въ Петербургѣ и получилъ хорошее образованіе у адмирала Змаевича, послѣ смерти котораго отправился вмѣстѣ съ Караманомъ въ Далмацію, потомъ въ Римъ. Въ издательской дѣятельности Карамана и въ полемикѣ его съ Русичемъ Совичъ былъ его правой рукой. Его переводъ или передѣлка грамматики Смотрицкаго на латинскій языкъ (рукопись находится теперь въ Люблянѣ) назначалась для руководства при обученіи церковно-славянскому языку въ глаголическихъ семинаріяхъ въ Задрѣ и Омишѣ (Almissa). Въ признательность за эти труды онъ получилъ санъ архидіакона церкви Осорской (Osero), гдѣ и скончался въ 1774 году. О немъ писали Fortis, Kopitar (Glag. Cloz. XVII) и Фабіаничъ въ брошюрѣ: Alcuni cenni sulle scienze e lettere dei secoli passati in Dalmazia, Venezia 1843.

У юго-западныхъ славянъ, употреблявшихъ для передачи своей славянской рѣчи *буквы латинскія* или латинско-нѣмецкія, первыя затрудненія вызывала *орѳографія* вслѣдствіе необходимости прибѣгать къ разнообразнымъ комбинаціямъ, т.-е. сочетаніямъ латинскихъ буквъ для приблизительной передачи славянскихъ звуковъ, не существующихъ въ латинскомъ языкѣ. Исторія славянскаго правописанія должна разсказать для каждаго славян-

скаго нарѣчія отдѣльно объ этихъ попыткахъ. Онѣ были сначала дѣломъ случая, привычки и подражанія писцовъ другъ другу. Имена начинавшихъ не всегда заносились на страницы исторіи. Но другое дѣло сознательные опыты *упорядоченія орѳографіи* посредствомъ обдуманнаго примѣненія латинскихъ буквъ съ нѣкоторыми видоизмѣненіями для выраженія звуковыхъ оттѣнковъ того или другого славянскаго языка. Имена такихъ орѳографическихъ реформаторовъ по большей части извѣстны. По этому вопросу въ хронологическомъ порядкѣ первое мѣсто принадлежитъ знаменитому чешскому подвижнику Яну Гусу. Въ области чешскаго языка онъ первый отступилъ отъ бывшихъ до тѣхъ поръ пріемовъ обозначать чешскіе звуки, несвойственные латинскому языку, посредствомъ сочетаній нѣсколькихъ буквъ. Взамѣнъ этого колебанія онъ выставилъ новое графическое начало—обогатить графику латинскую для выраженія славянскихъ звуковыхъ оттѣнковъ прибавкой къ латинскимъ буквамъ надстрочныхъ, такъ называемыхъ діакритическихъ знаковъ. Статья его, въ которой онъ проводилъ эту орѳографическую реформу, отыскалась до сихъ поръ въ единственной рукописи, по которой она издана А. Шемберой въ Slavische Bibliothek Миклошича, во II томѣ стр. 173—197: Mistra Jana Husi Ortografie česká. По соображеніямъ Шемберы, статья написана приблизительно около 1422 года. Система Гуса состояла въ прибавкѣ пункта надъ согласными, которыя считались ближайшими по родству, для выраженія соотвѣтствующихъ шипящихъ или смягченныхъ, іотированныхъ звуковъ. Статья Гуса свидѣтельствуетъ о замѣчательной вдумчивости его въ данный вопросъ уже тѣмъ, что онъ для ч, ш, ж остановился на буквахъ c, s, z, видоизмѣнивъ ихъ въ ċ, ṡ, ż, послѣдовательно для rż онъ остановился на простомъ ṙ, l̇ оттѣняло тогдашнее чешское ł; ṅ, ḋ, ṫ выражало ň, d', t' (нь, дь, ть). Сознавая недостаточность латинскаго алфавита для чешскаго языка, Гусъ указывалъ какъ бы въ оправданіе свое на существованіе соотвѣтствующихъ звуковъ въ еврейскомъ языкѣ (chir et ssa); онъ зналъ, что въ чешскомъ языкѣ g когда-то произносилось какъ г, не какъ h; онъ чувствовалъ разницу между y и i, описывалъ физіологически положеніе языка при произношеніи согласной l̇ (т.-е. ł). Шембера старался освѣтить реформу Гуса примѣрами практическаго примѣненія ея въ жизни, какъ въ рукописяхъ, такъ и въ старопечатныхъ книгахъ.

Нѣсколько десятилѣтій спустя, подобнаго же рода попытка относительно орѳографіи польской сдѣлана Яковомъ Паркошемъ, краковскимъ каноникомъ первой половины XV-го столѣтія. Статья его, отысканная въ одной пергаменной рукописи XV-го столѣтія, напечатана въ 1830 году граммати-

комъ польскимъ Г. С. Бандтке въ Познани подъ заглавіемъ: Jacobi Parkossii de Żorawice Antiquissimus de orthographia polonica libellus. Но въ различіе отъ реформы Гуса до сихъ поръ не отыскано ни одной древне-польской рукописи, въ которой было бы видно вліяніе предложенной реформы Паркоша. Къ обыкновеннымъ гласнымъ a e i o u онъ прибавлялъ по примѣру древнѣйшихъ рукописей знакъ ø для носовыхъ гласныхъ. Мы бы ожидали обозначеніе разницы между ą и ę, но онъ говоритъ только, вмѣсто ø можно бы писать иногда an, напр., ranka, manka, разницу же между męka и mąka онъ обозначалъ удвоеніемъ буквы: møka-møøka, «alioquin inter poenam et farinam non erit differentia». Удвоеніемъ выражено должно быть количество, т.-е. долгота гласной, стало быть møka произносилось тогда какъ manka (mąka) а møøka какъ mánka (mǫka), съ польскимъ á. Изъ статьи Паркоша явствуетъ, что онъ хорошо различалъ количество гласныхъ. Онъ чувствовалъ также разницу между b и b', p и p', но діакритическихъ знаковъ не употреблялъ, а предпочиталъ особенныя начертанія или удвоенія буквъ, ł предлагалъ для нынѣшняго польскаго l, š и ž передавалось черезъ ſſ и ſz или ʒʒ, для ć писалъ ç. Вскорѣ потомъ наступило время печатанья польскихъ книгъ. Это обстоятельство заставляло издателей усиленно задумываться надъ усовершенствованіемъ польской графики. Къ издателямъ въ родѣ Унглера, Віетора, братьевъ Шарфенбергеровъ, Николая и Станислава, Л. Андрысовича примкнули также писатели, какъ Рей и Кохановскій, Янъ Секлюціанъ, Станиславъ Оржеховскій, Лука Горницкій (Górnicki) и Янъ Янушовскій. Къ числу первыхъ послѣ Паркоша, разсуждавшихъ теоретически о польской орѳографіи принадлежалъ Станиславъ Заборовскій. Онъ поддался вполнѣ вліянію чешскихъ пріемовъ, выбравъ по примѣру Гуса и его подражателей діакритическіе знаки надъ буквами (по одному или двумъ пунктамъ): ċ = ч, ṡ = ш, ż = ж, ṙ = рж, ḋ = dz c̈ = ć, s̈ = ś, z̈ = ź, d̈ = dź; также ḃ ẅ m̈ n̈ g̈ k̇. Для носовыхъ гласныхъ онъ остановился на a съ точкой (ạ) для ę, a съ кавычкой (ą) для ą. Онъ различалъ ł отъ l. Первымъ изданіемъ напутствіе его вышло въ 1518 году въ Краковѣ (у Галлера), потомъ часто перепечатывалось. И у него święty толковалось по фактическому произношенію какъ swyanti. Обозначенія его ł и ż остались до сихъ поръ въ употребленіи. Янъ Секлюціанъ послѣдователь протестантизма, издавая въ 1551 году польскій переводъ Новаго Завѣта, напечаталъ во введеніи статью орѳографическаго содержанія: Nauka czytania i pisania języka polskiego. Онъ различалъ уже ę и ą (ię, ią), s̈ значитъ и у него ś, а ć передавалъ черезъ c̈ или ć, для š употреблялъ ſſ, ſz, ž выражалъ черезъ ż, а для ź внесъ особый знакъ ʒ, для ч (č) писалъ cz, для dź соединялъ dʒ; мягкія согласныя обозначались над-

строчнымъ знакомъ: m̃, ñ, p̃; польское произношеніе узкаго а обозначалось острымъ удареніемъ: pán, dár, dáwá. Въ изданіяхъ XVI-го столѣтія попадается еще иногда ſſ или ſz кромѣ sz (š) также для ž, для ц иногда cz (рядомъ съ cz = č, ч), а ć остается съ этимъ обозначеніемъ, хотя бы и слѣдовало за нимъ i; согласная t передавалась нерѣдко черезъ th: stharego. Знакомъ смягченія служило не только i, но и y. Кохановскій желалъ оставить польское *a* неотмѣченнымъ или же писать ɑ, латинское же *a* передавать черезъ á, третье было у него носовое ą. Точно такъ é значило латинское *e*, è польское é, третье же ę было носовое, напр., онъ различалъ зват. panié отъ дат. panię̀. Для j онъ рекомендовалъ писать j или y, о латинское оставлять безъ обозначенія, болѣе грубое о передавать какъ ó. Разницу между i и y онъ подмѣчалъ при отдѣльныхъ согласныхъ, напр., baby значитъ staré żony, babi = obstetricatur. Изъ bi можетъ выйти b̓.

Объ исторической судьбѣ польской орѳографіи писалось много. Въ 1825 году вышло разсужденіе А. Кухарскаго объ орѳографіи польской Станислава Заборовскаго. Въ 1827 году Шоповичъ написалъ Uwagi nad samogłoskami i spółgłoskami. Францъ Кс. Малиновскій, увлекавшійся желаніемъ возстановить въ письменности польской «pochylone á», посвятилъ въ своей грамматикѣ (1869) особый отдѣлъ орѳографіи: Pogląd historyczny na razwój gloskowego pisma. I o grafice w ogóle, II o grafice (стр. 16—78) polskiej. Вл. Вислоцкій занимался тѣмъ же вопросомъ въ своемъ сочиненіи Nauka języka polskiego w szkołach polskich (Lwów 1868). Особенное изслѣдованіе посвятилъ этому предмету проф. Э. Калужняцкій: Historische Übersicht der Graphik und der Orthographie der Polen 1882 (Sitzber. вѣнской академіи XCIX томъ); сл. отзывъ Вислоцкаго въ журналѣ Przewodnik bibliograficzny 1882.

Орѳографіею конечно не переставали заниматься также сочиненія грамматическаго содержанія, въ которыхъ наука о правописаніи занимала очень существенную часть цѣлаго. У чеховъ, гдѣ движеніе братьевъ подобоихъ или чешскихъ братьевъ усовершенствовало пріемы орѳографіи Гусовой, замѣнивъ точки крючками, употребляемыми еще до сихъ поръ, начало грамматическаго изложенія сдѣлано Бенешомъ Оптатомъ и Петромъ Гзелемъ, въ сочиненіи, напечатанномъ въ 1533 году на основаніи труда Вацлава Филоматеса «Этимологія» (сл. статью А. Тругляржа въ журналѣ «České museum filologické» V. 1. 81. 292): Grammatyka česka v dvojí stránce. Orthographia przedkem. Etymologia potom. W Náměšti (Существуютъ еще изд. 1543. 1588. 1593. 1643), гдѣ преимущественно обращается вниманіе на графику и переводы съ латинскаго языка, менѣе говорится о формахъ языка. Точно такъ

изданный въ 1535 году Оптатомъ «Исагогиконъ» (Isagogicon) касается правописанія и первыхъ началъ чтенія. Настоящей грамматикой можно назвать трудъ Матвѣя Бенешовскаго (Matthaeus Benessovensis): Grammatica bohemica studiosis eius linguae utilissima 1577. Въ предисловіи и посвященіи императору Рудольфу II разсказывается старая басня о происхожденіи чеховъ отъ иллирскаго племени, «unde nos originem trahimus et eandem linguam habemus». Изложеніе предмета послѣдуетъ образцу бывшихъ тогда въ ходу латинскихъ «Донатовъ», вездѣ приводятся латинскія названія, къ склоненіямъ существительныхъ и прилагательныхъ прибавляется въ родѣ члена мѣстоименіе: *tento*, *tato*, *toto*, напр. *tento starosta*, *tato panna*, *toto slovo* и т. д. Самымъ главнымъ грамматическимъ трудомъ XVI-го столѣтія у чеховъ было критико-грамматическое разсужденіе Яна Благослава (Blahoslav), написанное въ 1571 году, но къ сожалѣнію оставшееся неизданнымъ до половины прошлаго столѣтія (напечатано въ 1857 году въ Вѣнѣ, по единственной рукописи, найденной въ терезіанумской библіотекѣ въ Вѣнѣ, надъ изданіемъ потрудились Игн. Градиль и Іосифъ Иречекъ (Hradil-Jireček): Deklaracj (to gest wyswětlení) na Grammatyku českau wydannau od kněze Benesse Optata. Сочиненіе Благослава написано отчасти въ видѣ полемики съ трудами, предшествовавшими его разсужденію. Онъ ссылается постоянно на своихъ трехъ предшественниковъ: Оптата, Гзеля и Вацлава Филоматеса. Послѣднему ставилось въ упрекъ, что онъ черезчуръ подражалъ извѣстному латинисту Лаврентію Валлѣ. Про Оптата и Гзеля говорится, что у нихъ было больше желанія, чѣмъ успѣха. Благославъ начинаетъ обыкновенно цитатами изъ Оптата, къ которымъ прибавляетъ свои примѣчанія. Когда Бенешъ не разслышалъ въ чешскомъ языкѣ двугласныхъ *ie* и *uo*, Благославъ подсмѣивался надъ нимъ «že wíce byl němec nežli čech», а Петръ Гзель «neměl dobrého sluchu»! У Благослава замѣтна дѣйствительно большая наблюдательность относительно различныхъ явленій тогдашняго чешскаго языка и его нарѣчій. Уже въ 1564 году у него была филологическая полемика съ Мартиномъ Жатецкимъ изъ Домажлицъ по поводу обсужденія шамотульскаго канціонала, онъ защищалъ, напр., положеніе о болѣе близкомъ родствѣ чеховъ съ поляками, чѣмъ со словаками, къ которымъ онъ причислялъ всѣхъ южныхъ славянъ. Не вдаваясь въ рѣшеніе вопроса, который языкъ лучше, потому что каждый превозноситъ свой родной, онъ все же выставлялъ нѣкоторыя преимущества чешскаго языка: онъ-де не кривитъ ртомъ какъ французскій при произношеніи гласной u, онъ не нуждается въ некрасивомъ носовомъ произношеніи гласныхъ какъ языкъ польскій, непріятно барабанящій, онъ не долженъ слишкомъ часто прибѣгать къ тому же звуку, какъ русскій, не имѣю-

щіи въ своемъ составѣ чешскаго ř, или же какъ мазурскій, не имѣющій звука ż. Изъ этихъ нѣсколько задорныхъ замѣчаній видно, что онъ былъ знакомъ съ главными особенностями прочихъ славянскихъ языковъ. Благославъ интересовался нарѣчіями въ области чешскаго языка, онъ зналъ, что къ чешскому принадлежитъ также языкъ моравань и отчасти Силезіи. Нерѣдко онъ ссылается на говоры простого народа, напр. какъ произносилось въ домажлицкомъ, какъ въ пражскомъ округахъ, какъ въ Моравіи и т. д. О мораванахъ онъ говорилъ, что они произносятъ некрасиво, жители рѣки Ганы раскрываютъ слишкомъ ротъ! Въ приложеніи къ грамматикѣ особая глава посвящена славянскимъ нарѣчіямъ: «de dialectis». Первымъ и самымъ главнымъ для него былъ конечно языкъ чешскій (řeč česká). На второмъ мѣстѣ ставится нарѣчіе «словенское» (т.-е. словацкое), къ которому онъ относилъ также языкъ хорватовъ, распространенныхъ по его мнѣнію отъ Венгріи до Константинополя и до Венеціи въ Италіи, по всему Средиземному морю до Африки. По различнымъ названіямъ странъ они имѣютъ также различныя названія. Хорватами называются въ Хорватіи, боснійцами въ Босніи, иллирійцами въ Иллирикѣ; общее же ихъ названіе славяне (Sclavi). Онъ зналъ также, что «словенскій діалектъ» имѣетъ двоякое значеніе, то общее славянское, заключающее въ себѣ чеховъ, поляковъ, хорватовъ и Русскихъ, то частное словацкое. О словенцахъ повидимому до него не дошло свѣдѣній. На третьемъ мѣстѣ онъ приводитъ польскій языкъ (polská řeč), къ которому причислялъ также часть Силезіи. Тутъ упоминается еще языкъ русскій (южный), мазовецкій, московскій и часть татарскаго! Разсужденіе Благослава объ отсутствіи единства между славянами ближе подходило къ фактическому положенію дѣла, чѣмъ фантастическія увлеченія современныхъ писателей изъ числа историковъ и поэтовъ. Замѣчательно, что въ той же главѣ «о діалектахъ» приводится одна народная пѣсня, происхожденіемъ будто бы изъ Венеціи, гдѣ живетъ по его мнѣнію много «словаковъ или хорватовъ» (она доставлена ему какимъ-то Никодимомъ Вацетинскимъ). На дѣлѣ оказывается, что это не хорватская и не словацкая пѣсня, а малорусская. Испорченный ея текстъ попытался исправить Потебня въ Филол. Запискахъ Воронежскихъ за 1877 годъ. Вторую пѣсню онъ самъ слышалъ въ Базелѣ въ бытность свою тамъ же у своего земляка, вышеупомянутаго чешскаго гуманиста Геленіуса. Пѣсню пѣли хорваты, находившіеся въ Базелѣ. Судя по началу «Прилико анђелска која ме прихини», это могла быть романца литературнаго (далматинско-хорватскаго) происхожденія.

Благославъ вдавался также въ этимологическія толкованія, противъ соблазна этой Сирены не устояли ни историки, ни грамматики, ни писатели

вообще. Уже Іоаннъ Ексархъ въ началѣ X-го столѣтія умѣлъ производить прилагательное «богатъ» отъ бога. Такъ и Благославъ говоритъ (стр. 344), что польская форма слова bogaty наглядпѣе еще, чѣмъ чешское bohatý, доказываетъ зависимость этого прилагательнаго отъ слова bůh, «quasi dei particeps». Оттуда zboží, zbožnění, zbožný, pobožný. Нѣмецкое Gott онъ ставитъ въ связь съ gut. Но не всѣ этимологіи его настолько удачны: kostel онъ производилъ отъ postel (receptaculum adeoque veluti lectus mortuorum), или даже отъ слова kost'; глаголъ orodovati приводилъ въ связь съ латинскимъ orare!

Для практическихъ потребностей польскаго языка, въ знаніи котораго нуждались преимущественно чужеземцы, пребывавшіе въ области польскаго королевства, стали появляться съ конца XVI столѣтія руководства, написанныя иностранцами. Для самихъ поляковъ нужнѣе была грамматика латинскаго языка, въ учебникахъ котораго иногда прибѣгали для различныхъ поясненій къ посредству родного польскаго языка. Такого рода была латинская грамматика 1533 года, въ которой попадаются также польскія слова. Первый, написавшій настоящую польскую грамматику, былъ иностранецъ, французъ, родомъ изъ Лотарингіи, изъ Теонвиля (недалеко отъ города Метца). Латинская форма его фамиліи Petrus Statorius на польскій ладъ передѣлана въ Piotr Stoieński. Онъ жилъ бѣглецомъ въ Польшѣ у короля Сигизмунда Августа, за свои заслуги вознагражденъ польскимъ дворянствомъ, скончался въ 1591 г. Грамматика его вышла въ 1568 году: Polonicae grammatices institutio in eorum gratiam qui eius linguae elegantiam cito et facile addiscere cupiunt. (Въ Краковѣ у Вержбенты). Трудъ посвященъ архіепископу Дудичу (въ 1567 году). Въ томъ же столѣтіи написалъ для нѣмцевъ польскую грамматику данцигскій бюргеръ Николай Фолькмаръ (Volkmar) въ 1594 году, присоединивъ также словарь. Новымъ изданіемъ руководство его вышло въ 1616 и въ 1646 году.

У южныхъ славянъ первой вышла еще въ XVI столѣтіи для *словенскаго* языка грамматика Адама Богорича: Arcticae horulae succisivae (1584 въ Виттенбергѣ). Раннимъ участіемъ въ грамматической обработкѣ словенскій языкъ обязанъ движенію протестантизма, распространившагося очень быстро во второй половинѣ XVI столѣтія по всѣмъ странамъ, обитаемымъ словенцами. Рядомъ съ переводами священнаго писанія, канціонала и другихъ книгъ новаго вѣроисповѣданія почувствовалась потребность въ грамматическомъ руководствѣ, которое исполнилъ Адамъ Богоричъ (Bohorizh) очень удачно. Его орѳографія продержалась въ словенской литературѣ вплоть до сороковыхъ годовъ XIX-го столѣтія. Анализъ этой грамматики сдѣланъ

профессоромъ Мацуномъ во II томѣ «Književnika» (II. 105). Любопытное предисловіе переведено на словенскій языкъ Марномъ въ XXI выпускѣ «Jezičnika». У Богорича были хорошія познанія грамматическія, образцомъ которыхъ для него послужила латинская грамматика его учителя Меланхтона. Онъ былъ знакомъ съ глаголическими и кирилловскими книгами южныхъ славянъ. По примѣру другихъ ученыхъ тогдашняго времени, и онъ вдавался въ разсужденія о славянахъ, которыхъ отождествлялъ не только съ венетами, венедами, но и съ вандалами. Названіе славянъ и онъ производилъ отъ славы, венетовъ же приводилъ въ связь съ Гомеровскими енетами. Все посрединѣ между сѣверными и южными венетами находившееся народонаселеніе онъ причислялъ къ славянамъ, стало быть, также литовцевъ и волоховъ. Увлекаясь дикой этимологіей, онъ производилъ Moschi (= moši) отъ словенской формы mož (мужъ), стало быть московиты у него выходили = možovitje, названіе Rusi онъ объяснялъ изъ причастія rossojeni (лучше rossejani т.-е. disseminati), Poloni отъ polie (поле), Bohemi отъ боя (boj bellum); онъ сумѣлъ конечно сказать, откуда происходятъ мораване, поморяне, ему были понятны также названія городовъ Грацъ (Gradec), Бѣлградъ, Лейпцигъ, Хемницъ и т. д. Въ новѣйшее время о грамматикѣ Богорича написалъ маленькую диссертацію одинъ изъ бывшихъ моихъ слушателей, др. Шлебингеръ, но она еще не издана.

Богатымъ развитіемъ грамматической литературы у всѣхъ славянъ отличается XVII-ое столѣтіе. Отчасти продолжалось то, что было уже раньше начато, отчасти положены основанія тамъ, гдѣ въ предыдущихъ столѣтіяхъ не было ничего сдѣлано. Въ самомъ началѣ новаго столѣтія (въ 1604 году) вышла въ Римѣ первая грамматика народнаго сербско-хорватскаго языка: Institutionum linguae illyricae libri duo. Авторъ сочиненія называетъ свою фамилію въ латинской передѣлкѣ Bartholomaeus Cassius, по хорватски же Бартолъ Кашичъ. Онъ родился на одномъ изъ острововъ Кварнерскаго залива Адріатическаго моря, или на Пагѣ (Pago) или на Кркѣ (Veglia), въ 1575 году. На заглавіи грамматическаго труда онъ названъ Curictensis, въ своей автобіографіи пишетъ фамилію своего отца Ioannes Petrus Cassius Curictensis. По этимъ двумъ указаніямъ выходитъ, что онъ былъ по происхожденію—крчанинъ. Но въ иныхъ славянскихъ сочиненіяхъ онъ самъ называетъ себя Пажаниномъ. Не значитъ ли это, что мѣсто рожденія собственно было на островѣ Пагѣ, а что по церковной принадлежности мѣста рожденія къ епархіи крчской онъ назвалъ отца и себя Curictensis, т.-е. крчанинъ? Пятнадцатилѣтнимъ юношею Кашичъ поступилъ въ іезуитскій орденъ въ Римѣ, потомъ онъ былъ учителемъ въ Анконѣ.

По внушенію своего ордена, понимавшаго значеніе и важность этого языка для миссіонерскихъ цѣлей, въ смыслѣ приведенія православнаго востока въ унію, онъ порѣшилъ до 1604 года написать грамматику, въ 1606 году былъ рукоположенъ въ священники, въ 1609 году сдѣлался проповѣдникомъ въ Дубровникѣ, гдѣ произношеніе его, а также языкъ его произведеній вызывали критику: quidquid enim P. Cassius communi eloquio nationi universae scribebat, Aristarchis Ragusinis displicebat. Дубровчане критиковали его языкъ, но и онъ подтрунивалъ надъ ихъ діалектической исключительностью, въ особенности надъ черезчуръ частымъ употребленіемъ чужихъ словъ. Онъ подсмѣивался напр. надъ ними за то, что латинское poenituit me у нихъ произносилось «pentiško sam se» (вм. pokajo sam se). Уже изъ этого примѣра видно, что Кашичъ въ теченіе времени сталъ на болѣе широкую точку зрѣнія и старался замѣнять мѣстное нарѣчіе любой страны языкомъ общимъ. Онъ самъ разсказываетъ, какъ развились у него эти мысли: въ качествѣ «иллирскаго исповѣдника» въ Римѣ онъ размышлялъ «in paene infinita idiomatis illyrici varietate» о томъ, какъ бы писать «communiori dialecto». Въ этомъ помогало ему личное знакомство съ нѣсколькими говорами. Кромѣ родного чакавскаго онъ зналъ штокавско-икавское Далмаціи и Босніи и южное Дубровника и Герцеговины. О грамматикѣ Кашича, послѣ обозрѣнія ея содержанія у Мацуна въ Književnik-ѣ II. 105, написалъ болѣе подробное изслѣдованіе М. Шрепель («Rad» CII: Latinski izvor i cijena Kašićeve gramatike 172—202), гдѣ доказано, что Кашичъ въ изложеніи предмета придерживался главнымъ образомъ Альда Мануція. Онъ дѣлитъ свою грамматику на двѣ части: I liber de Litteris, II liber de Etymologia. Въ единственномъ числѣ онъ зналъ 7 падежей, во множественномъ даже 8 (потому что въ это число включалъ также какъ особый падежъ аблативъ, хотя это былъ собственно родительный съ предлогомъ *od*). Теоретическое изложеніе въ его грамматикѣ еще никѣмъ не свѣрено съ живымъ языкомъ собственныхъ его сочиненій, а это было бы очень поучительно. Я знаю его грамматику (1604), знаю и его книжку Xivot gospodina nascega Isukarsta (1638) и его римскій Ритуалъ (1640). Сравненіе этихъ трехъ сочиненій обнаруживаетъ извѣстную прогрессію въ постепенномъ развитіи его взглядовъ на литературный языкъ. Онъ былъ по своему родному говору чакавецъ, но его странствованія по различнымъ странамъ той же языковой области убѣдили его въ преимуществѣ штокавскаго нарѣчія, ему-то онъ и далъ предпочтеніе, только въ икавской разновидности, несмотря на долголѣтнее пребываніе въ южномъ (по говору) Дубровникѣ. Его наблюденія надъ діалектическими особенностями языка, который онъ называлъ то иллирскимъ, то словинскимъ, не внесены, какъ можно бы ожидать, въ грамматику, написанную въ молодые его годы,

а въ послѣдній трудъ его, изданный въ 1640 году (но оконченный уже въ 1637 году) Ритуалъ, въ которомъ слышится голосъ опытнаго старца, объѣхавшаго большую часть юго-западной области сербско-хорватскаго языка. Онъ говоритъ, что трудно всѣмъ угодить «jere svaki človik svoga grada govor i besidenje hvali: Hrvat, Dalmatin, Bošnjak, Dubrovčanin, Srbljin», онъ же самъ далъ предпочтеніе тому нарѣчію, на которомъ большинство понимаетъ другъ друга, его же поняли (въ его миссіонерской дѣятельности) «Ristjani, Rašiani, Srblji, poluvirci i Turci». Что это было штокавское нарѣчіе Босніи, видно изъ приводимаго имъ признака «poslao sam, učio rekao sam», вмѣсто далматинскаго (т.-е. чакавскаго) «poslal sam, učil sam, rekal sam», и вмѣсто дубровницкаго «poslo sam, reko sam». Познакомившись съ письменностью всѣхъ этихъ странъ, онъ не могъ не замѣтить, что въ «книгахъ нашинскихъ» употребляются «глаголска и ћурилска слова», но онъ писалъ буквами латинскими. Въ грамматикѣ, писанной еще въ молодости, онъ обращалъ нѣсколько больше вниманія на свой родной чакавскій говоръ, поэтому напр. въ склоненіи онъ писалъ для род. падежа мн. ч. gȍlubov vel golubâ vel golubî, vìtrov vitarâ vitrî, vrimên vriménâ vriménî, nebbês nebbesà, voyvód voyvódaa, въ творит. падежѣ мн. ч. golubìmi, golubìma, golubî, vriménî, vrimenìma, даже въ винит. пад. мн. ч. gȍlubi gȍlube, vìtri, vìtre, онъ приводитъ što vel ča, пишетъ sà mnóm vel s manóm, въ причастіи bio vel bil sam, hotío vel hotíl. Въ удареніи онъ придерживался не только въ грамматикѣ но и въ вышеупомянутой книжкѣ «Život» стараго, чакавскаго, а, быть можетъ, въ то время еще отчасти и штокавскаго произношенія. Краткость ударяемыхъ гласныхъ обозначалась часто удвоеніемъ послѣдующихъ согласныхъ, напр., molitti, roditti se, diviççi, zakonna, gospodinna, bogga, clovikka, velikku, nahoddi, prinochilla, но boog, sfijtu, kijpe, и т. д.; иногда удареніе прямо обозначалось знакомъ: onà, takȍ, veslȍ, sedlȍ, namìstnik, vojvȍda, poslȕša, otàc, ocà, Isȕs, ogàń-ogńà, venčàc, kolàč, sfidȍk, ditìć, mladìć, oví gospodàr moj naučèn и т. д. Кашичъ скончался въ 1650 году. Главный свой трудъ: Rituale Romanum (Romae MDCXL) онъ посвятилъ папѣ Урбану VIII, оправдывая необходимость его тѣмъ, что многіе священники не могли съ толкомъ пользоваться латинскимъ текстомъ «apud quos non ea latinae linguae viget eruditio, ut possint exsequi praescripta rite recteque». Съ той же цѣлью онъ составилъ лекціонарій евангельскихъ чтеній и апостола: «Selecta a me ex antiquis illyricis codicibus versio illyrica novi testamenti»—но вм. этого труда мы знаемъ о переводѣ его священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта, оставшемся въ рукописи, хотя одобреніе состоялось въ 1631 и 1633 годахъ. Сл. Отчетъ Шрепеля въ «Građa za povjest kńiževnosti hrvatske», томъ II

(1899), стр. 43—57. Сомнѣнія нѣтъ, что изданіе Кашичева ритуала значительно содѣйствовало уменьшенію усердія славянскаго духовенства къ своему унаслѣдованному глаголическому письму и церковному языку.

Въ томъ же духѣ и направленіи, съ той же цѣлью распространенія католицизма въ средѣ южныхъ славянъ дѣйствовалъ также очень заслуженный для сербско-хорватскаго языка лексикографъ О. Яковъ Микалья, происхожденіемъ итальянецъ, отнесшійся быть можетъ именно потому (т.-е. какъ иностранецъ) къ своей задачѣ безъ предвзятыхъ мыслей, вполнѣ объективно и критически. Онъ чувствовалъ пробѣлы въ пособіяхъ, необходимыхъ для изученія «иллирскаго» или «словинскаго» языка, гораздо сильнѣе, чѣмъ члены того же ордена славянской національности. Поэтому онъ наблюдалъ произношеніе живого языка, собиралъ матеріалъ для словаря, разспрашивая, какъ онъ самъ говоритъ, друзей и пріятелей. Ему тоже понравился лучше другихъ боснійско-герцеговинскій говоръ, отличавшійся лучшимъ подборомъ словъ (parole più scelte), какъ самый красивый (dialetto più bello), достойный сравненія съ «lingua toscana ò romana» въ области итальянскихъ говоровъ. Въ словарѣ собранный матеріалъ поясняется латинскими и итальянскими значеніями. Словарь конченъ въ 1646 году (посвященіе написано въ Римѣ), вышелъ же въ 1649 году въ городѣ Loretto (Lauretum), иждивеніемъ, какъ въ заглавіи сказано, той же конгрегаціи de propaganda fide, которой трудъ посвященъ, подъ заглавіемъ: Blago jezika slovinskoga illi slovnik ù komu izgovarajuſe rjeci slovinſke latinski i diacki. Thesaurus linguae illyricae sive dictionarium illyricum in quo verba illyrica italicè et latinè redduntur. Labore P. Iacobi Micalia societ. Iesu collectum. По-итальянски написанное предисловіе оправдываетъ между прочимъ, почему не слѣдовало пропустить слова заимствованныя, къ числу которыхъ у него относятся такія, какъ vino, oči, očali, salata, lazanje, mačka, rak, pop, baba, miš, trapeza, hiljada. Чтобы облегчить юношеству трудъ изученія латинскаго языка, онъ написалъ коротенькую итальянскую грамматику, предполагая что на основаніи свѣдѣній итальянскихъ легче будетъ выучиться по-латыни. Что съ иллирскаго можно бы прямо приступить къ латинскому, объ этомъ онъ повидимому и не догадывался! Но въ грамматикѣ хорошо указаны нѣкоторыя различія между иллирскимъ и итальянскимъ языками, напр., у словинцевъ (т.-е. славянъ) имѣются три рода, у итальянцевъ два. Къ итальянскимъ образцамъ склоненій прибавлены также иллирскіе, но безъ творительнаго и мѣстнаго падежей. Родит. мн. ч. пишется vojvódá, kúchiá. Прилагательное склоняется такъ: dobar, dobroga, dobromu, dobra; nemio, nemiloga, nemilomu, nemilla. Мѣстоименіе дат. мн. ч. nammi, vammi, on-onoga: мн. ч. onizieh, ovi-ovoga: ovieh,

ovizieh. Имперф. мн. ч. imahomo, imahote. Желат. наклоненіе: da bi bóg hotio, da bog hochie, da já buddem imao, kad já uzimam, kad buddem imao. Словарю и грамматикѣ предшествуетъ коротенькое изложеніе правописанія: De orthographia pro lingua illyrica (4 страницы). Od ortographie jezika slovinskoga illi nacina od piſanja (5 страницъ). Въ своей ороографіи онъ придерживался начала по возможности менѣе отступать отъ звукового значенія латинскихъ буквъ по итальянскому ихъ произношенію, гдѣ же лат. буква по итал. произношенію служила для двухъ различныхъ звуковъ (напр. *c* для к и для ч), онъ ограничился однимъ значеніемъ ея. Такимъ образомъ *c* у него всегда обозначаетъ ч (č), для *ća* конечно *cia* или *cja*, только въ концѣ словъ или передъ согласной онъ придумалъ знакъ ç для ч (č), въ отличіе отъ ç, которымъ всегда передается наше *c* (ц). Для *ш* и *ж* онъ пишетъ *sc* и *sg* передъ узкими гласными, передъ *a* и *u* прибавлено еще на итальянскій ладъ *i* или *j*; *ch*, *chi* или *chj* выражаетъ нынѣшнее *ć* (ћ), въ концѣ словъ *cch*, для љ њ (ļ ń или lj nj) пишется по-итальянски *gli*, *gni* или въ концѣ *gl*, *gn*, напр., kragl, kogn; для *gl*, *gn* онъ прибѣгъ къ *ghl*, *ghn*: ghnoj, такъ и *ghi*, *ghe*: ghibaniça, kgnighe, для *gj* (ђ) непослѣдовательно *ghj*; для согласной z онъ употребилъ знакъ, заимствованный изъ кирилловской буквы, т.-е. ʒ. Самое замѣчательное нововведеніе у него относится къ слоговому r̥. Онъ предложилъ писать удвоенное rr съ прибавкой позади гласной і, стало быть trrin (= трн). О превосходномъ объясненіи этого начертанія см. Archiv f. slav. Phil. I. 455. Ороографію Микальи одобрилъ Леваковичъ въ 1646 году въ Римѣ.

Въ началѣ XVII-го столѣтія (въ 1603 году) въ Прагѣ вышла на латинскомъ языкѣ обширная грамматика чешскаго языка Лаврентія изъ Нудожеръ (Laurentius Benedictus Nudozerinus): Grammaticae bohemicae ad leges naturalis methodi conformatae et notis numerisque illustratae ac distinctae libri duo—лучшее грамматическое руководство до появленія грамматики Добровскаго. Настоящая фамилія автора Бенедикти, онъ былъ происхожденіемъ словакъ, попалъ около 1598 г. въ Прагу, преподавалъ классическіе языки и математику, скончался въ 1615 году. Руководствомъ его былъ очень доволенъ Велеславинъ. Сл. статью І. Новака въ Č. Č. M. 1888, стр. 360—369. Послѣ катастрофы бѣлогорской учебное дѣло попало въ Чехіи въ руки іезуитовъ, богатому развитію чешскаго языка подъ покровительствомъ чешскихъ братьевъ угрожалъ полнѣйшій упадокъ. Грамматическія сочиненія, упоминаемыя въ этотъ періодъ времени, не имѣютъ большого значенія: іезуитъ Янъ Драховскій († 1644) написалъ грамматику, которая издана въ Оломуцѣ въ 1660 году. Членъ того же ордена Georgius Constantius издалъ въ 1667 году Lima linguae bohemicae (то что въ новѣйшее время

издаютъ подъ заглавіемъ Brus jazyka českého), а Матѳей Штейръ (Steyr) составилъ на основаніи Кралицкой библіи стилистику: Wýborně dobrý spůsob jak se má dobře po česku psáti (W Praze 1668), которая переиздавалась еще въ XVIII столѣтіи. Невыгодной знаменитостью прослыла книга Вацлава Росы (Rosa, † 1689): (Cžechořečnost seu) Grammatica linguae bohemicae (1672); автора упрекаютъ главнымъ образомъ въ превышающемъ всякую мѣру пуризмѣ. Но неизданный его этимологическій словарь, которымъ воспользовался Юнгманнъ, нашелъ полное одобреніе послѣдняго, высказано даже сожалѣніе, что никто не могъ раньше употребить его. Здѣсь надо вспомнить еще педагогическую дѣятельность знаменитаго Яна Коменскаго, много пострадавшаго изъ за своихъ религіозныхъ убѣжденій. Въ исторіи славянской филологіи онъ выступаетъ главнымъ образомъ сочиненіями: «Ianua linguarum» (1631 по-латыни, 1633 по-чешски) и «Orbis sensualium pictus quadrilinguis». Онъ собиралъ также матеріалъ для чешскаго словаря, но во время осады города Лиссы Шведами (1655) пострадала его библіотека. Не только приверженцы протестантизма и чешскихъ братьевъ были въ этотъ періодъ католической реакціи преслѣдуемы, но и католическіе писатели, желавшіе самостоятельно взглянуть на судьбы чешскаго народа, навлекали на себя непріятности. Къ такимъ писателямъ принадлежалъ іезуитъ Богуславъ Бальбинъ (1621—1688), котораго историко-археологическое сочиненіе «Epitome historica rerum bohemicarum» пролежало около семи лѣтъ въ духовной цензурѣ въ Вѣнѣ и въ Римѣ, самъ же авторъ былъ приговоренъ къ покаянію, которое онъ совершалъ въ одиночествѣ въ Клатовѣ. Сочиненіе напечатано въ 1677 году стараніемъ Ламбеція. Въ защиту чешскаго языка написанная имъ «Dissertatio apologetica pro lingua slavonica, praecipue bohemica» могла лишь сто лѣтъ спустя появиться въ печати (1775), въ 1869 она переведена Тоннеромъ на чешскій языкъ: «Rozprava na obranu jazyka slovanského», первоначальное заглавіе было гораздо выразительнѣе: De regni Bohemiae felici quondam nunc calamitoso statu. Онъ не ограничивался здѣсь чешскимъ языкомъ, а касался также судьбы другихъ славянъ; такъ, напр., онъ обвинялъ нѣмцевъ въ томъ, что они совсѣмъ испортили языкъ краинскихъ и корутанскихъ славянъ (словенцевъ): «ita nata est Carniolorum lingua quae germanicas voces slavicum in morem, slavicas in germanicum inflectens ab utriusque linguae peritis jucunde auditur, mihi quoque cum illac iter aliquando facerem benignam suppeditavit ridendi materiam». Историко-литературныя изслѣдованія его могли быть напечатаны только во второй половинѣ XVIII столѣтія: «Bohemia docta» (1776—80), три части подъ редакціею Унгара.

Въ польской литературѣ какъ выдающееся сочиненіе начала XVII столѣтія, обращаетъ на себя вниманіе словарь польскій Кнапскаго (1621), представляя собой важное явленіе польской филологіи. Григорій Кнапскій (1564—1638, Gregorius Cnapius) былъ іезуитъ, какъ у хорватовъ Кашичъ и Микалья; его Thesaurus polono-latino-graecus seu promtuarium linguae latinae et graecae in tres tomos divisum, Polonorum, Roxolanorum, Sclavonum, Boëmorum usui accomodatum» вышелъ въ трехъ частяхъ, въ 1621 году, первая часть польско-лат.-греческая, вторая латинско-польская, третья въ 1632 «continens adagia polonica selecta et sententias morales ac dicteria faceta». Въ теченіе этого столѣтія продолжали появляться практическія руководства польскаго языка для иностранцевъ. Такого рода была грамматика Еремія Ротера изъ Бреславля, первымъ изданіемъ напечатанная, кажется, въ 1638 году, я знаю данцигское 1646 года, существуетъ также изданіе 1687 года. Онъ, какъ нѣмецъ, жалѣлъ, что не можетъ назвать польскій языкъ своимъ роднымъ, говорилъ, что многіе нѣмцы тоже жалѣютъ, что не умѣютъ по-польски, вслѣдствіе чего охотно посылаютъ своихъ дѣтей въ польскіе края. Его руководство преслѣдуетъ чисто практическія цѣли. Гораздо выше стоитъ въ научномъ отношеніи дѣятельность француза изъ Лотарингіи Франциска Менье́ (Mesgnien), въ польской литературѣ извѣстнаго подъ названіемъ Мэнинскій (Meniński). Онъ жилъ долгое время на востокѣ (въ Константинополѣ) въ качествѣ толмача, сначала на польской, потомъ на австрійской службѣ, прославился своимъ знаніемъ восточныхъ языковъ въ литературѣ, († 1698 въ Вѣнѣ). Польская грамматика его плодъ молодыхъ лѣтъ, вышла въ 1649 году въ Данцигѣ: Francisci Mesgnien Lotharingi grammatica seu institutio polonicae linguae. Несмотря на небольшой объемъ книги (8⁰ 140 страницъ), въ сравненіи со всѣми предыдущими грамматиками, это большой шагъ впередъ. Странно, впрочемъ, слышать, что онъ разсказываетъ: разспрашивая у всѣхъ краковскихъ книгопродавцевъ, онъ нигдѣ не могъ узнать о существованіи какой-либо польской грамматики, многіе даже будто бы утверждали «linguam hanc quippe gravem et difficillimam non posse facile in certas regulas grammaticorum redigi». Вотъ что побудило его, ut modos loquendi in familiaribus colloquiis observando, a variis varia sciscitando post longas circa hoc vigilias tandem ad has legendas polonicam linguam redigerem regulas. Какъ изъ этихъ словъ видно, онъ присвоивалъ себѣ право первенства по польской грамматикѣ, но на дѣлѣ это невѣрно. Впрочемъ, и онъ надѣялся, что наконецъ, побуждаемый его примѣромъ, кто-нибудь изъ домашнихъ возьмется за дѣло. Книжка его озаглавлена: Grammatica seu institutio Polonicae linguae, in qua etymologia constructio et reliquae partes

omnes exacte tractantur, in usum exterorum edita auctore Francisco Mesgnien Lotharingio. Dantisci 1649 (новымъ изданіемъ во Львовѣ 1747 года). Послѣ Мэнинскаго написалъ опять нѣмецъ Sigismundus Kontzewitz Kotzer грамматику въ 1661 году въ Данцигѣ: «Ianua polonicae linguae das ist die offene Thür der polnischen Sprach». Въ предисловіи авторъ хвалитъ польскій языкъ за то, что онъ не какой-нибудь небольшой областной, а одинъ изъ знаменитѣйшихъ главныхъ языковъ.

Только подъ конецъ столѣтія выступилъ *родной полякъ* въ качествѣ грамматика, это былъ, какъ по фамиліи видно, польскій шляхтичъ «Ioannes Carolus de Jasienica Woyna eques Polonus». Его «Compendiosa linguae polonicae institutio» вышла въ 1690 году. Онъ зналъ своихъ предшественниковъ, но смотрѣлъ на всѣхъ ихъ свысока, потому что они были peregrini et linguae polonicae minus gnari, писали же для иностранцевъ, потому что про поляковъ предполагалось, что они «suae linguae arcana optime norunt». Можно было, конечно, спросить автора, для чего онъ взялся за этотъ трудъ, если его читатели поляки уже знали всѣ тайны польскаго языка. Или же онъ хотѣлъ этимъ снять съ себя обязанность раскрывать имъ тайны польскаго языка? Онъ не былъ правъ и въ томъ, что причислялъ всѣхъ своихъ предшественниковъ къ иностранцамъ. Въ числѣ ихъ былъ также одинъ полякъ, даже дворянинъ изъ Сандомирской области, но обѣднѣвшій и принужденный учительствовать въ Бреславлѣ. Это былъ Matthias Gutthalter Dobratzky, написавшій уже въ 1669 году грамматику «Polnische teutsch erklärte Sprachkunst (на 580 страницахъ). Авторъ извинялся за то, что написалъ книгу по-нѣмецки—это было вызвано условіями города Бреславля—и онъ хвалилъ польскій языкъ, защищая его отъ упрека въ бѣдности, подкрѣплялъ же правила свои примѣрами изъ лучшихъ польскихъ писателей: Кохановскаго, Твардовскаго, Кнапскаго, Опалинскаго и др.

И въ теченіе XVIII-го столѣтія практическія потребности вызывали появленіе множества польскихъ грамматикъ, какъ пособій для желающихъ учиться по-польски нѣмцевъ. Нѣкто Joh. Ernst Müllenheim издалъ въ Бригѣ: Neu erörterte polnische Grammatik (въ 1717 и въ 1726 г.), въ 1734 вышла въ Бреславлѣ грамматика Георгія Шляга (Georg Schlag): Neue gründliche und vollständige pohlnische Sprachlehre. Авторъ старался сочинить нѣчто самостоятельное. Во второй половинѣ того же столѣтія (въ 1770) написалъ Валентинъ Шилярскій учебникъ польскаго языка для молодежи (во Львовѣ): Początki nauk dla narodowéj młodzieży, tojest grammatyka języka polskiego—не представляетъ ничего особеннаго. Но въ это время вопросъ объ обученіи польскому языку въ учебныхъ заведеніяхъ Польши былъ переданъ

на разсмотрѣніе ученому члену ордена Піаристовъ, Онуфрію Копчинскому. Онъ выступилъ реформаторомъ, составилъ цѣлый рядъ учебниковъ польскаго языка сообразно со степенью развитія и возраста молодежи, прибавивъ къ учебникамъ еще поясненія не то педагогическаго, не то научнаго свойства (Przypisy). Теорія Копчинскаго не опиралась на точномъ наблюденіи жизни языка, а выходила изъ господствовавшаго въ то время взгляда, что задача грамматика регулировать языкъ, предписывать ему правила, вносить искусственныя тонкости въ грамматику, которыя потомъ сдѣлались обязательными для литературнаго языка. Учебники Копчинскаго устроены такъ, что они касаются параллельно польскаго и латинскаго языковъ. Раціоналистическая точка зрѣнія по отношенію къ явленіямъ языка отражается на стилизаціи его «правилъ». Онъ находилъ искусственную связь явленій, гдѣ ея на дѣлѣ вовсе не было. Напр., онъ требовалъ, чтобы писалось bydź (вм. być) «dla formowania następuiących czasów». Хотя онъ и говорилъ о «pobratymowie nasi Czesi», упоминалъ также о Руси, все же въ книжкахъ его не обращено ни малѣйшаго вниманія на грамматику прочихъ славянскихъ нарѣчій. Онъ зналъ, напр., разницу между польскимъ и русскимъ удареніемъ, но объяснялъ ее для русскаго языка — заимствованіемъ отъ грековъ! Современники (напр. Голянскій, сл. у Дешкевича «Rozprawy o języku polskim i o jego grammatykach». We Lwowie 1843 на стр. 195), восхваляя дѣятельность Копчинскаго, любили даже преувеличивать ее. На дѣлѣ же онъ наложилъ на литературный языкъ цѣпи, отъ которыхъ онъ сталъ освобождаться только въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ національно-романтической и исторической школы. На нѣмецкомъ языкѣ вышла (послѣ трудовъ Копчинскаго) еще очень обширная грамматика Кассіуса (Cassius, Lehrgebäude der polnischen Sprachlehre. Berlin 1797), о которой сл. отзывъ Добровскаго въ письмѣ къ Бандтке (Francev, Dobr. Band. 24).

У словенцевъ въ XVII столѣтіи наступила послѣ бойкаго движенія протестантскаго католическая реакція, усердіе къ родному языку пріостановилось. Правда въ самомъ началѣ XVII-го столѣтія вышла коротенькая грамматика со словаремъ въ городѣ Удине (1607), но она выходитъ изъ предѣловъ домашней области. Авторомъ сочиненія былъ итальянецъ Fra Gregorio Alasia da Somaripa, трудъ же озаглавленъ: Vocabolario italiano e schiavo. Ср. статьи Левстика въ Люблянскомъ Zvon-ѣ 1881, Л. Жваба тамъ же 1883, Марна въ Jezičnik-ѣ XXI и Облака въ Letopis-ѣ Матицы словенской 1891. Подъ конецъ того же столѣтія составилъ Мат. Кастелецъ (1623—1688), католическій священникъ, рукописный словарь (въ 1680 г.) «крайнскаго» языка съ объясненіями нѣмецкими и латинскими, но трудъ его

остался неизданнымъ. Не появился въ свѣтъ такъ же и Dictionarium trilingue (латинско-словенско-нѣмецкій) отца Гипполита (члена ордена Капуцинскаго), составленный имъ въ 1711 году. Но зато въ 1715 году вышла его переработка Богоричевой грамматики: Grammatica latino-germanico-slavonica, ex pervetusto exemplari ad modernam in carniolica lingua loquendi methodum accommodata. Въ 1744 изданъ Dictionarium quattuor linguarum Мегисера вторично въ Цѣловцѣ, а въ 1777 году вышла грамматика словенскаго языка по говору Каринтіи (Windische Sprachlehre), которую написалъ іезуитъ Освальдъ Гутсманнъ (1724—1790). Онъ же составилъ также очень полезный для своего времени словарь: Deutsch-windisches Wörterbuch (1789). Наконецъ P. Marcus a S. Antonio Paduano (1735—1801) издалъ «Крайнскую» грамматику въ 1768 году (2-ымъ изданіемъ 1783): Krаynska Grammatika, которая встрѣтила рѣзкую критику со стороны Копитара. Его точка зрѣнія напоминаетъ Вацлава Росу въ чешской грамматикѣ. Она видна еще болѣе въ Parvum dictionarium trilingue (1781 г.).

У ближайшихъ сосѣдей словинцевъ на востокѣ, у такъ называемыхъ провинціальныхъ хорватовъ, жителей Хорватіи между рѣками Мурою, Дравой, Савой и Купой, которые составляютъ и теперь часть королевства хорватско-славонскаго, вошелъ въ литературный оборотъ со второй половины XVI-го столѣтія мѣстный говоръ, такъ называемое *кай*-нарѣчіе (названіе по вопросительному мѣстоименію *кай* взамѣнъ мѣстоименій *што* и *ча*, давшихъ поводъ названіямъ *штокавское* и *чакавское* нарѣчіе). На кайкавскомъ нарѣчіи издавались преимущественно книжки назидательнаго содержанія, но были также стихотворенія и сочиненія поучительнаго характера (историческаго—Врамецъ—, юридическаго—Пергошичъ). Первый небольшого объема словарь этого нарѣчія составленъ іезуитомъ Юрьемъ Габделичемъ (Habdelič) подъ заглавіемъ «Dictionar ili reči slovenske» (въ 1670 году въ Грацѣ)[1]. Авторъ словаря былъ очень краснорѣчивый проповѣдникъ и писатель на томъ же нарѣчіи (сл. Archiv f. sl. Phil. XXVI. 578), но въ лексикографическій трудъ его вошла только небольшая часть словъ, попадающихся въ произведеніяхъ его и другихъ литературныхъ современниковъ. Несравненно богаче и содержательнѣе былъ другой лексикографическій трудъ по тому же нарѣчію—словарь одного члена монашескаго ордена св. Павла («Павлина») Бѣлостѣнца. Авторъ жилъ въ XVII столѣтіи (1595—1675), но трудъ его изданъ только послѣ смерти его въ XVIII столѣтіи, подъ заглавіемъ Gazo-

1) По недоразумѣнію этотъ словарь попалъ въ славяно-русскія библіографіи Сопикова I. 1103 и Ундольскаго № 860, авторъ названъ Габдерихомъ!!

phylacium seu latino-illyricorum onomatum aerarium (въ Загребѣ 1740). Этотъ словарь принадлежитъ безспорно къ лучшимъ произведеніямъ своего рода въ XVII столѣтіи, не только богатствомъ словъ (первая часть латинско-иллирская обнимаетъ 1288 страницъ, вторая иллирско-латинская 650 стр.), но также разумнымъ употребленіемъ собраннаго матеріала. Авторъ не распространяется насчетъ способа собиранія своего матеріала, изъ его словъ можно только разобрать, что онъ не ограничился своимъ кайкавскимъ нарѣчіемъ, хотя оно легло въ основу его словаря, а объѣздилъ также другія страны и области хорватскія (Далмацію, Славонію, Истрію) и записывалъ слова чакавскія и штокавскія. Поэтому онъ и далъ своему труду болѣе обширное названіе иллирскаго языка, хотя illyricus у него переводится slovenski, Slovenec, illyrica mulier: Slovenka. Разницу говоровъ онъ не только замѣчалъ, но старался даже отмѣчать ее въ своей ороографіи. Вотъ какъ онъ это сдѣлалъ: «ubi supra *e* punctum est, tunc Dalmata et Dalmatam imitans leget ut *i*, Sclavus vero ut *e*, perinde ac si non esset punctum. Si vero fuerint puncta duo supra *ë*, leget Dalmata ut *a*, v. gr. pësz dicet pasz. Similiter Sclavus ubi supra *a* repererit duo puncta, *ä*, leget ut *e*, v. gr. päsz dicet pesz.» Поэтому и свою фамилію онъ писалъ Bėlostėnëcz, что бы можно было «по далматински» произнести ее «Билостинац», а по словенски, т.-е. по кайкавскому нарѣчію «Белостенец». Словарь напечатанъ, какъ сказано въ предисловіи, послѣ того, какъ онъ слишкомъ 60 лѣтъ пролежалъ подъ спудомъ, изданіе сдѣлано на средства хорватской провинціи ордена св. Павла, посвящено же тогдашнему бану и вице-королю (prorex) Хорватіи—Эстергази. Въ цензурной помѣтѣ сказано, что словарь былъ уже «prelo proximum», когда авторъ скончался и потомъ двумъ богословамъ было поручено еще разъ трудъ разсмотрѣть. Это было сдѣлано раньше 1737 года, въ которомъ уже послѣдовало одобреніе для напечатанія. Кромѣ упомянутыхъ ороографическихъ пріемовъ для обозначенія различій по нарѣчіямъ въ словарѣ приводятся синонимныя выраженія того же значенія по разнообразію нарѣчій, такъ напр. подъ словомъ aedes приводятся сначала значенія hiža, stanje, prebivališće, а потомъ же съ прибавкой D. (т.-е. по далматински) прибавлено еще kuća; къ слову kača прибавлено zmia (D.), къ союзу ar kajti съ отмѣткой Д. присоединено еще jer, er, jerbo, zač. Поподаются также турецкія слова съ отмѣткой turc. illyr., напр., подъ artifex читаемъ meštër, D. rukotvornik, rabotnik, наконецъ turc. illyr. zanatnik, zanatlia. Подъ Hungaria сказано: Vugerski orsag, scl. magjarski vilajt. (scl. значитъ говоръ Славоніи). Дополненія указанныхъ двухъ богослововъ можно отчасти прослѣдить по цитатамъ въ иллирско-латинской части словаря, извлеченнымъ изъ

сочиненій, которыя Бѣлостѣнцу уже не были доступны. Такъ напр. нѣкоторыя дополненія заимствованы изъ Ard., значитъ изъ словаря Ardelio della Bella, который первымъ изданіемъ вышелъ въ 1728 году; s. v. baba приводятся поговорки: što se babi htilo, to se babi snilo. Za nevolju babe vode, kad divojke ne nahode. У Делла Беллы дѣйствительно можно отыскать обѣ поговорки подъ словомъ vecchia. Нѣкоторыя выноски заимствованы изъ Риттера (Vitezovića), не знаю изъ какого сочиненія его (одно вышло въ 1702, другое около 1703). Сл. Лопашичъ въ Građa I. Подъ словомъ bogh доказывается, ссылкою на Главинича, что и въ хорватскомъ языкѣ надо писать это слово четырьмя буквами, какъ Ieoa, Deus, Teos, Dios, Dieu, Gott, Alla. Этими буквами передаются четыре божественныя качества: всемогущество, мудрость, правдивость и доброта! Бѣлостѣнцу уступаетъ и по обширности и по богатству содержанія словарь того же нарѣчія іезуита Андрея Ямбрешича, изданный въ 1742 въ Загребѣ: Lexicon latinum interpretatione illyrica, germanica et hungarica. Ямбрешичъ былъ собственно сотрудникомъ главнаго автора этого труда Франциска Сушника, скончавшагося прежде, чѣмъ трудъ его былъ оконченъ. Въ приложеніи объ ороографіи предлагаются уже діакритическія обозначенія для шипящихъ согласныхъ. Другому нарѣчію (т.-е. штокавскому) сербско-хорватскаго языка посвятилъ себя итальянскій іезуитъ, житель города Дубровника, Ardelio della Bella (1654—1737), написавшій словарь и грамматику дубровницкаго языка: Dizionario italiano-latino-illyrico (въ Венеціи 1728). О грамматикѣ, прибавленной къ словарю какъ введеніе, сл. статью Босанца въ журналѣ «Nastavni Vjesnik» т. IX. Словарь этотъ въ противоположность выше упомянутому труду Микальи составленъ преимущественно, если не исключительно, по книгамъ, т. е. сочиненіямъ далматинско-дубровницкой литературы, рукописнымъ и печатнымъ. Цѣль его была, какъ и у Микальи, снабдить миссіонеровъ пособіемъ; и у него считается боснійское нарѣчіе лучшимъ, между авторами на первомъ планѣ указывается на Гундулича и Гіорги. Словарь ученаго іезуита одобрили Змаевичъ и Гіорги (Ђорђић).

Въ XVII столѣтіи вышла также первая грамматика верхнелужицкаго нарѣчія, въ Прагѣ 1679: Principia linguae vendicae отъ Тицина (Ticinus), за ней послѣдовала уже въ XVIII столѣтіи на нѣмецкомъ языкѣ Matthaei Wendische Grammatik 1721 (въ Будишинѣ); для нижнелужицкаго же нарѣчія появился первый грамматическій трудъ въ 1761 году, авторомъ былъ M. I. G. Hauptmann.

ГЛАВА III.

Славянскіе вопросы въ Германіи. Лейбницъ, Спарвенфельтъ, лингв. занятія Екатерины. Дикія сопоставленія этимологическія. Вопросы о Кириллѣ и Меѳодіи, о Чехѣ и Лехѣ и прочее.

Въ концѣ XVI и въ теченіе XVII столѣтія вниманіе къ славянскимъ вопросамъ не ограничивалось составленіемъ словарей и грамматикъ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ. Различные вопросы, касающіеся ихъ происхожденія и родины, ихъ прошедшей и настоящей жизни, бытовыхъ особенностей и литературныхъ произведеній, всплывали мало-по-малу наружу, главнымъ образомъ въ Германіи съ тѣхъ поръ, какъ *нѣмецкіе* ученые стали вникать въ вопросы древности собственныхъ германскихъ племенъ. Они не могли и не хотѣли совсѣмъ обходить молчаніемъ *славянъ* уже потому, что на той же почвѣ, которую они называли германской, раньше жили славяне, отчасти вымершіе, отчасти онѣмечившіеся. Раньше другихъ предметовъ привлекало нѣмецкихъ историковъ язычество славянъ, о которомъ много разсказывали средневѣковые писатели, рисуя живыми красками упорство славянъ въ отстаиваніи своей языческой религіи, *миѳологическія* же изслѣдованія были тогда въ большомъ ходу въ Германіи. Богатая баснословнымъ содержаніемъ саксонская хроника Конрада Бото (Botho) украсила изложеніе славянской миѳологіи даже иллюстраціями, послужившими потомъ источникомъ для многочисленныхъ воспроизведеній. Первымъ изданіемъ эта хроника вышла въ 1492 году, изображеніями ея воспользовался еще въ 1659 году Бангертъ, издавая хронику Гельмольда съ своими объясненіями. Въ разсужденіяхъ о миѳологіи языческихъ предковъ нынѣшняго народонаселенія Германіи происходила постоянная путаница вслѣдствіе смѣшенія *вендовъ* и *вандаловъ* и причисленія къ славянамъ также *пруссовъ* и *литовцевъ*. Такимъ образомъ много неславянскаго попадало въ сочиненія антикваріевъ XVII и XVIII столѣтій, въ родѣ изслѣдованій Гарткноха (1678), Арнкиля (1691), Мазіуса (1688) и проч. О божествахъ славянскихъ писали также братья Михаилъ и Авраамъ Френцели, происхожденіемъ лужичане, знавшіе славянскіе языки (по крайней мѣрѣ свой лужицкій). Михаилъ Френцель представилъ уже въ 1692 году in academia Wittenbergensi коротенькую, довольно просто написанную диссертацію: «Dissertationes historicae tres de idolis Slavorum». Гораздо обширнѣе, съ претензіей на большую начитанность въ области миѳологіи, написано сочиненіе Авраама Френцеля: «Commentarius philologico-historicus de diis Soraborum aliorumque Slavorum, in quo Slavorum antiquitates multaque hactenus obscura illustrantur aut minus recte intellecta et scripta corriguntur». Оба сочиненія отпечатаны во второмъ томѣ

изданія: Scriptores rerum Lusaticarum, Lipsiae et Budissae II. 63—84, 85—236. Сочиненіе Клювера (Clüver, Die Beschreibung des Herzogthum Mecklenburg), напечатанное первымъ изданіемъ въ 1727, вторымъ въ 1737 году, послужило своимъ миѳологическимъ матеріаломъ, въ особенности же *рунами* по рисункамъ 2-го изданія, образцомъ для начертанія мнимыхъ славянскихъ рунъ на подложныхъ прильвицкихъ божкахъ, какъ это доказано мною въ V. 193—216 журнала Archiv für slav. Philologie: Zur slavischen Runenfrage.

Но хотя миѳологія была самымъ любимымъ предметомъ, на которомъ сосредоточивалось воображеніе тогдашнихъ ученыхъ археологовъ, все же не были изъяты изъ круга вопросовъ, вызывавшихъ ихъ любознательность, также разные другіе предметы. Начиная[1]) съ конца XVI и въ теченіе XVII и XVIII ст., выходили въ Германіи въ видѣ ученыхъ диссертацій и программъ брошюры, затрогивавшія исторію, литературы и бытовую обстановку разныхъ славянъ, преимущественно тѣхъ, которые когда-то прежде или и тогда еще существовали въ средѣ нѣмецкой. Въ 1569 году вышла въ Кенигсбергѣ диссертація Квятковскаго: Libellus fere aureus latissimum usum et maximam utilitatem linguae slavonicae fideliter demonstrans... conscriptus a Martino Quiatkovio (сл. И. И. Балицкій, Матеріалы для исторіи слав. языкознанія, Кіевъ 1876, стр. 1). Лужицкій поэтъ на лат. языкѣ Христофоръ Манліусъ († 1575 въ Прагѣ) настаивалъ на необходимости истребленія лужицкихъ славянъ (въ Libri VII de rebus lusaticis). Не всѣ раздѣляли его радикальный взглядъ. Ѳома Рейнезіусъ въ XVII ст. не одобрялъ пренебреженія, съ которымъ въ тѣ времена относились многіе нѣмецкіе ученые къ вопросамъ славянскимъ († 1667). Въ его Variarum lectionum libri III онъ затрогиваетъ этотъ вопросъ (lib. I. 14). Нѣкто Шурцфлейшъ коснулся славянъ въ своей XX-ой диссертаціи (Res slavicas recensebunt publice M. Conradus Samuel Schurtzfleisch et Johannes Georgius Liebe die 27 apr. 1670). Здѣсь говорится много о славянахъ Германіи со словъ Адама Бременскаго, доказывается даже, что у германскихъ славянъ были свои школы, въ которыхъ ихъ дѣти обучались рунамъ (Dobr.-Durich 144).

Славянами занимался также профессоръ Георгій Каспаръ Кирхмайеръ, въ: Dissertatio philologica de origine, jure ac utilitate linguae Slavonicae

1) Добровскій назвалъ въ «Слованкѣ» I. 62 первымъ иностранцемъ, умѣвшимъ читать кирилловскіе и глаголическіе тексты, Тезея Амброзіуса (Theseus Ambrosius), ссылаясь на его въ 1539 году изданное сочиненіе: Introductio in linguam chaldaicam, syriacam atque armenicam.

(Wittenberg 1697); онъ отвергалъ сопоставленія slavisch и sklavisch и рекомендовалъ своимъ нѣмцамъ изученіе слав. языковъ. Въ доказательство своей учености онъ разсказывалъ даже о славянахъ Турціи, приводилъ Sarahi какъ metropolis Bosniae и мѣста Clissa, Spalatro, Valliova, Docleatae. Всѣ эти свѣдѣнія онъ почерпнулъ изъ латинскаго повидимому перевода англійскаго сочиненія путешественника Генр. Блунта «Itinerarium Orientale», книжки напечатанной въ 1687 году, съ авторомъ которой онъ даже полемизировалъ на счетъ боснійцевъ. Блунтъ (Blount 1602—1682) издалъ въ 1636 году: «A voyage into the Levant», въ которомъ разсказываетъ о своемъ путешествіи черезъ Венецію въ Далмацію, Славонію, Боснію, Венгрію, и т. д., онъ хотѣлъ причислить боснійцевъ къ тевтонскому племени изъ-за ихъ высокаго роста.

Широкими идеалами и глубокомысленными планами отличался и по этой части знаменитый Лейбницъ. Его розыски о славянскихъ языкахъ и древностяхъ носятъ на себѣ отпечатокъ геніальности. О сношеніяхъ его съ Россіей и Петромъ Великимъ достаточно указать на изданія Герье (Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру Великому 1871, Сборникъ писемъ и матеріаловъ Лейбница, относящихся къ Россіи и Петру Великому 1873). Желаніе Лейбница завести сношенія съ Петромъ Великимъ относилось не только къ вопросамъ общаго языковѣдѣнія, къ расширенію свѣдѣній о всѣхъ возможныхъ языкахъ рода человѣческаго вообще, а также къ славянщинѣ въ частности. Въ одномъ письмѣ къ шведскому оберцеремонiймейстеру Спарвенфельту (1695 года) онъ говоритъ, что слѣдовало бы основательно изучить славянскіе языки: «En effet c'est un de mes étonnemens que souvent des peuples voisins ont des langues si différentes comme les Germains et les Slaves. Peut-estre que les anciens peuples, qui estoient entre les deux et qui faisoient un passage moins sensible d'une langue à l'autre ont esté exterminés». Будучи неудовлетворенъ русской грамматикою Лудольфа, въ особенности относительно une certaine langue Slavonne, онъ обратился (1697) къ Спарвенфельту съ просьбой о болѣе подробныхъ свѣдѣніяхъ на счетъ этого языка, о степени родства его съ польскимъ и чешскимъ или съ языкомъ славянъ сосѣднихъ съ Адріатическимъ моремъ. И у насъ имѣется, говоритъ Лейбницъ, маленькій остатокъ славянъ въ Люнебургѣ вдоль рѣки Лабы, я постарался получить ихъ «отче нашъ» (сл. Leibniz' bref till Sparfvenfelt. Med anmärkningar utgifna at H. Wieselgren, стр. 6. 15, изданіе Antiquarisk tidskrift för Sverige VII, № 3. Stockholm 1884—5). Кажется, съ подобными вопросами онъ обращался и къ другимъ. Лефортъ младшій (Lefort) увѣрялъ его, что l'esclavonne—мать языка московскаго и что чеш-

скій и польскій языки съ славянскимъ въ близкихъ отношеніяхъ родства. Въ 1698 году Лейбницъ разсказывалъ Спарвенфельту о какомъ-то венгерцѣ (или словакѣ), знавшемъ кромѣ венгерскаго и словацкаго еще польскій и русскій языкъ; его свѣдѣніями онъ хотѣлъ было воспользоваться, чтобы выучиться немного «dans l'Esclavon», но не удалось (ib. 24—25). Онъ рекомендовалъ его Спарвенфельту. Въ томъ же письмѣ онъ задавалъ ученому шведу вопросъ: не было ли бы кстати составить «un Alphabet Slavonique universel», въ основаніе котораго легъ бы алфавитъ латинскій, «enrichi et diversifié par quelques marques commodes», при помощи которыхъ «vous pourries exprimer la veritable valeur de toute sorte de caracteres non seulement ciruliques ou Russiens, mais encor glagoliques». Какъ умно сказано Лейбницомъ, что правописаніе слав. народовъ «est plus differente, que leur pronontiation»! Въ 1699 году онъ послалъ Спарвенфельту черезъ того же венгерца словенскую грамматику Богорича и еще какую-то церковно-славянскую (не Смотрицкаго ли?). Въ одномъ письмѣ къ тому же ученому Лейбницъ затрогиваетъ вопросъ объ отношеніи Кирилловскаго письма къ глаголическому, ему не хочется вѣрить въ участіе бл. Іеронима въ происхожденіи глаголицы (ib. 50—56). Въ письмѣ 1705 года къ одному англичанину говорится: in slavonica lingua multa sunt communis originis cum germanicis, nonnulla et cum graecis: talia ego scythica appello. Стоитъ упомянуть, что́ онъ сообщалъ въ 1709 французскому лингвисту La Croze, интересовавшемуся тоже славянскими языками: онъ указывалъ на хронику Нестора (собственно дѣло шло о патерикѣ печерскомъ) и при этомъ высказывалъ мысль, повторенную въ XIX столѣтіи многими русскими учеными (напр., Костомаровымъ, Гедеоновымъ, Грушевскимъ), что Рюрикъ прибылъ въ Россію изъ Вагріи, страны славянъ оботритскихъ (Герье 141—2. 145, сл. еще 278—9). Лейбницъ считалъ гунновъ славянами (какъ еще въ XIX столѣтіи Крьстовичъ, Иловайскій), ссылаясь на невѣрную этимологію, по которой названіе народа означало наѣздника (должно быть, слово гуннъ производилось отъ славянскаго *конь*, Герье, стр. 212). Къ лингвистическимъ стремленіямъ Лейбница сводится должно быть также вопросъ, поднятый среди германскихъ ученыхъ того времени о происхожденіи славянъ вообще. Русскій посланникъ въ Берлинѣ, канцлеръ Головкинъ, желалъ объ этомъ узнать мнѣніе нѣмецкихъ ученыхъ. См. у Герье донесеніе Урбиха 1712 года на стр. 209—210, отзывъ Лейбница 210—213, сл. тамъ же 239—249, 275, гдѣ Лейбницъ излагаетъ свой планъ, какъ слѣдовало бы въ Россіи взяться за изученіе разныхъ языковъ огромной имперіи. Въ сочиненіи англичанина Чемберлена (Chamberlayn) Oratio Dominica въ Амстердамѣ

1715 — собраніе образцовъ молитвы сдѣлано Давидомъ Вилькинсомъ — въ приложеніи на стр. 29 Лейбницъ опять говоритъ совсѣмъ разумно о двухъ слав. алфавитахъ «uno cyrillico, altero glagolitico».

Наконецъ, Лейбницъ позаботился также объ остаткахъ полабскихъ славянъ, отживавшихъ тогда свой вѣкъ въ Германіи. Сл. статью Ганушa въ Slavische Bibliothek II стр. 109—140: Zur Literatur und Geschichte der Slavischen Sprachen in Deutschland, и статью Пфуля «Pomniki Połabjan Słowianšćiny» въ Čas. towar. maćicy serbskeje 1863—4, а также въ обозрѣніи источниковъ при грамматикѣ полабскаго языка Авг. Шлейхера (Laut- und Formenlehre der polab. Sprache. SPtbg. 1871, 1—14). Какъ извѣстно изъ книжки Еккарда: Historia studii etymologici. Hanoverae 1711 стр. 268 и слѣд., онъ получилъ посредствомъ пастора Кристіана Геннига (Hennig) Отче нашъ, одно простонародное стихотвореніе и маленькій словарчикъ этого нарѣчія (трудъ Пфеффингера, собравшаго этотъ матеріалъ въ бытность свою между люнебургскими «вендами» около 1698 года). Въ Collectanea etymologica Лейбница, которыя изданы въ 1717 г. въ Ганноверѣ, съ предисловіемъ I. Георг. Эккарда (cum praefatione Io. Georgii Eccardi), приводится на стр. 335—352 извѣстіе Г. Фрид. Митгофа изъ Лукова (Luchoviae) отъ 17 мая 1691 относительно люнебургскихъ древностей, а также «вендовъ»; о языкѣ ихъ сказано, что «diese Sprache numehro sehr abzunehmen beginnet». Ему съ трудомъ удалось записать «Отче нашъ» и нѣсколько другихъ текстовъ, а также маленькій нѣмецко-полабскій словарь. Изъ числа оставшихся рукописныхъ словарей впервые изданъ Калиной въ XVIII и XXI томахъ филол. разряда Краковскихъ «Rozprawy» списокъ П. Шульце подъ заглавіемъ: «Parum Szulcego słownik języka połabskiego». Кое-что новое прибавляетъ матеріалъ, напечатанный въ XXII томѣ архива (Archiv für slav. Philologie, 107—144): Beiträge zur Ethnographie der hannoverschen Elbeslaven von A. Vieth (съ примѣчаніями моими и Лескина). Наконецъ, въ наши дни появился трудъ Роста, въ которомъ напечатанъ главный источникъ для полабскаго языка: Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannoverschen gesammelt und herausgegeben von Paul Rost (Leipzig. 1907, 8°. V. 451). Сл. также статью Муки: Szczątki języka polabskiego Wendów Lüneburgskich, въ изданіи крак. академіи: Materyały i prace komisyi językowej I. 1 (1903). По всѣмъ разысканіямъ выходитъ, что главнѣйшая заслуга въ соблюденіи остатковъ языка люнебургскихъ славянъ принадлежала вышеупомянутому Христіану Геннигу (род. 1649), который въ качествѣ пастора въ Вустровѣ съ 1679 по 1719 г. собиралъ матеріалъ.

Церковно-славянскій и русскій языки были любимымъ занятіемъ зна-

менитаго шведа Спарвенфельта (1655—1727). По своей наклонности къ лингвистикѣ—говорятъ, что онъ зналъ около 17 языковъ!—онъ не могъ не обратить вниманія на сосѣдствовавшій съ шведскимъ языкъ русскій и церковно-славянскій. Онъ принялъ участіе въ одномъ посольствѣ въ Россію (1684—1687)—сл. Записки Импер. Акад. Н. IV. 4—5.—Впрочемъ занятія его этими языками продолжались много лѣтъ, судя по объемистымъ рукописнымъ матеріаламъ, хранящимся въ Упсалѣ. Добровскій видѣлъ эти рукописи во время своего путешествія въ Швецію, о чемъ и разсказывалъ довольно подробно своему другу Дуриху въ письмѣ отъ 9 окт. 1792 (Dobr. Dur. 260—1. 267). Пекарскій вѣрно указалъ, что между прочими пособіями Спарвенфельтъ пользовался также словаремъ Епифанія Славинецкаго. Дѣйствительно, по сообщеннымъ мнѣ указаніямъ др. Альфр. Енсена одинъ изъ рукописныхъ словарей Спарвенфельта (въ Упсальской библ. Slav. № 11), 678 стр. in 4⁰, носитъ заглавіе **Леѯіконъ латїно-славенскій ѿца Єпїфанїѧ**, при чемъ рукою Спарвенфельта прибавлено: R. Hieromonachi Patris Epiphanij e sacro monasterio Chiovo-Petschiarico Moskuam evocati ab illustri viro Theodoro dicto Ektischtschew et in monasterio Transfigurationis dñi ñi. Isu Xsti ab eodem nobili Moskwae extructo commorantis Lexicon Slavonicum ex Calepino translatum et manu propria Ioh. Oserovij Tsaris Theodori Alexei filij praeceptoris quondam exaratum, Ego Ioh. Gabr. Sparwenfelt Moskwa precibus et pretio ex manibus Stachaej Godzakovskij, translatoris Regij redemi et ex hoc aliisque alterum confeci thomum sloveno-latinum. Holmiae Anno 1695 in Majo. Эта приписка свидѣтельствуетъ, что пріобрѣтенный въ Москвѣ словарь — одинъ изъ списковъ, сдѣланныхъ съ подлинника Славинецкаго — послужилъ для Спарвенфельта матеріаломъ для его собственнаго словаря. Собственный же трудъ его состоитъ изъ двухъ томовъ (въ Упсалѣ Slav. 18. 19), изъ лексикона «славяно-латинскаго» и «латинско-славянскаго», каждый томъ обнимаетъ in fol. около 500 листовъ. Приписка Спарвенфельта на первой части такая: «Le Calepinus, Renversé tout entier d'un bout a l'autre et fait esclavono-latin et latino-esclavon dans méthode inconnue a Moskwa». Заглавіе здѣсь прямо указываетъ на Спарвенфельта, какъ автора этого труда: **Леѯикон' славено-латинскій** (эта строка вязью), **сирѣчъ ймень толкова́нїе йзъ ра͛ны славенскі͛ книгъ, наипаче же з' Калепина на езы͡ славенскій прѣ͡ложена͛гѡ мнѡгі͛ тща́нїе͛ й велики͛ тр8долюбїе͛ собира́ное й оустрое́ное чре͛ Їѡанна Гаврила Ивановича Спа͛венфелта... соверше́ное въ цр͡твующе͛ велико͛ градѣ Москвѣ лѣта ҂зрчд, а ѿ сп͡сенїѧ рода человѣческагѡ ҂ахпѕ.** Но Упсальская библіотека сохраняетъ еще одинъ рукописный словарь (Slav. 37. 38. 39. 40), состоящій изъ четырехъ томовъ in

folio, каждый томъ свыше 300 листовъ, въ I-омъ A—I, во II-омъ K—O, въ III-емъ П—P, въ IV-омъ C—V. При первомъ томѣ имѣется латинское предисловіе, толкующее о большомъ распространеніи славянскаго языка. Отношеніе этого словаря къ предыдущимъ еще не выяснено. Кромѣ этихъ рукописей послѣ Спарвенфельта достались Упсальской библіотекѣ также подъ № 41 опять **Лезиконъ** славено-латинскій (около 250 стр.) и подъ № 42 такой же въ объемѣ 1213 страницъ, этотъ послѣдній представляетъ собственно списокъ съ рукописей подъ № 37—40. Все это, кромѣ перваго словаря, списано, по свидѣтельству Альфреда Іенсена, рукой Спарвенфельта; значитъ, четыре славянско-латинскіе и одинъ латинско-славянскій словарь. Какое громадное трудолюбіе! Но Спарвенфельтъ подарилъ въ библіотеку Упсальскую въ 1722 году еще много славянскихъ книгъ (печатныхъ и рукописныхъ) на церковно-славянскомъ, польскомъ, иллирскомъ и латинскомъ языкахъ. Есть между ними очень рѣдкія изданія. Подтверждается также извѣстіе Добровскаго, что Спарвенфельтъ снабдилъ экземпляръ московскаго изданія грамматики Смотрицкаго 1648 года собственноручнымъ переводомъ латинскимъ, на поляхъ изданія. Такимъ образомъ этой грамматикѣ посчастливилось два раза быть переведенной на латинскій языкъ, такъ какъ и для южныхъ славянъ, въ пользу хорватско-далматинскихъ глаголитовъ, былъ сдѣланъ въ концѣ XVIII-го столѣтія Совичемъ латинскій переводъ (см. выше, стр. 40). Добровскій приводитъ еще «Elementa linguae Sclavenorussicae», тоже переводъ, сдѣланный въ 1704 году Спарвенфельтомъ. И это указаніе вѣрно. Существуетъ дѣйствительно книжка in 12° въ Упсальской библіотекѣ подъ Slav. 62, заключающая въ себѣ печатный текстъ съ промежуточными рукописными листками, на которыхъ содержится самимъ Спарвенфельтомъ сдѣланный латинскій переводъ печатнаго изданія. Эта книжка представляетъ собою одинъ изъ многочисленныхъ «букварей», только по библіографіи Ундольскаго я не нашелъ московскаго изданія 1667 года. Вѣроятно, это букварь «**Ѧзыка славе́нска**», помѣченный у Ундольскаго подъ № 844 1669 годомъ, или быть можетъ букварь 1664 года, подъ № 799.

Спарвенфельтъ занимался не только церковно-славянскимъ и русскимъ языками, онъ обращалъ вниманіе также на прочія слав. нарѣчія. Его убѣжденіемъ было, что можно безъ большихъ затрудненій понимать, при помощи и на основаніи церковно-славянскаго, всѣ прочія славянскія нарѣчія. Въ этомъ пунктѣ можно его назвать предтечею Добровскаго. Онъ помѣстилъ въ Лейбницовыхъ Collectanea etymologica на стр. 352 и сл. «Comparatio dialectorum Slavonicarum missa ab ill. viro dno. de Sparwenfeld». Не вдаваясь въ теоретическія разсужденія, онъ напечаталъ параллельно сначала

псал. 50 по церковно-славянски и иллирски, потомъ изъ евангелія отъ Луки гл. 21 по церковно-славянски, по-словенски (Craino-carantanica filia), по-чешски, по-польски и по-русски (russica vulgaris). Въ концѣ слѣдуетъ еще нѣсколько примѣровъ. Письма Лейбница Спарвенфельту (ч. 10) напечатаны, послѣ Герье, въ 1884—5 году въ Antiqvarisk Tidskrift VII т. (издалъ Wieselgren).

Не только шведы, но также и англичане старались уже въ XVII столѣтіи завязать сношенія съ Россіею, которымъ исторія русской литературы, какъ извѣстно, обязана нѣсколькими любопытными текстами изъ русской народно-общественной поэзіи. Въ томъ же духѣ написана первая русская грамматика, изданная въ 1696 году въ Оксфордѣ: Grammatica russica quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae linguae, verum etiam manuductionem quandam ad grammaticam Slavonicam. Авторъ книги Henricus Wilhelmus Ludolfus умѣлъ хорошо различать разговорный русскій языкъ отъ литературнаго церковно-славянскаго, ссылаясь на необходимость ознакомленія съ послѣднимъ для письменности, съ первымъ же для обыденной жизни, обозначающей предметы ежедневной потребности исключительно выраженіями языка народнаго. Поэтому у него поставлено правиломъ: loquendum est russice, scribendum est slavonice. Главнымъ источникомъ для Лудольфа была грамматика Смотрицкаго (какъ и для Спарвенфельта). Разговоры внесены въ грамматику на трехъ языкахъ: латинскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ. Русскія выраженія довольно неуклюжи, какъ, напр.: Qua nam recreatione ibi usus es: чѣмъ ты забавился тамъ? Quomodo indigenae se recreant: какъ тамошніе люди прокляжатъ ся? и т. д.

Рядомъ съ учеными иностранцами посвящали свое вниманіе вопросамъ филологическимъ, въ которыхъ рѣчь заходила о славянскихъ нарѣчіяхъ, также *домашніе ученые*, т.-е. тѣ изъ нихъ, которые, стоя подъ вліяніемъ нѣмецкихъ пріемовъ и занятій, знали тотъ или другой изъ живыхъ славянскихъ языковъ. Укажемъ на языко-сравнительные труды, посвященные лужицкимъ нарѣчіямъ въ сопоставленіи съ другими славянскими языками, трудолюбиваго и ученаго лужичанина Авраама Френцеля. Главное сочиненіе его «De originibus linguae sorabicae libri IV» издано въ Будышинѣ 1693—1696. Противъ него выступилъ dr. theol. Лудевигъ въ «Dissertatio histor. phil. de fonte linguarum communi potissimum auctori originum sorabicarum opposita» (Lipsiae 1693). Авр. Френцель защищалъ свою (библейскую) точку зрѣнія въ «Medicina linguae pro iis tantummodo qui contra origines sorabicas disputarunt» (Budissae 1694). Онъ же написалъ также «Lusatiae utriusque nomenclator exhibens urbium oppidorum pagorum montium et flu-

viorum nomina»; этотъ указатель названій напечатанъ во II томѣ стр. 23—63 «Scriptores rerum lusaticarum» подъ редакціей Христоф. Годофр. Гофманна (Lipsiae et Budissae 1719). Многія сочиненія его остались въ рукописи. О многозаслуженной семьѣ Френцелей, отца Михаила и сыновей Аврама и Михаила, сл. статью Іенча (Jenč: «Michał Frencel a jeho zasłužby wo serbske pismowstwo» (Čas. m. serb. 1871—73—92) и dr. Мука «Frenceliana» (Čas. m. s. 1880—1882). Сл. также въ Neues lausitzisches Magazin 1839 статью Пешека.

Къ домашнимъ, славянскимъ дѣятелямъ, не ограничивавшимся своимъ роднымъ языкомъ, можно причислить современника Петра Великаго, поступившаго за границей русской на службу интересовъ русскихъ, Илью Копьевича (Elias Kopiewitz). Онъ сотрудничалъ въ изданіяхъ русскихъ книгъ въ Амстердамѣ, въ 1700 году вышла его латинская грамматика, а въ 1706 году въ Штольценбергѣ (возлѣ Данцига) его «Manuductio in grammaticam sclavonico-rosseanam seu moscoviticam», есть и русское заглавіе: **«Рꙋковеде́ніе въ грамма́тыкꙋ во славяно-россі́йскꙋю или Моско́вскꙋю ко оу̓потребле́нїю оу̓ча́щыхсѧ ꙗ̓зыка́ Московскагѡ»**. Грамматика содержитъ сначала перечень различныхъ существительныхъ и глаголовъ на трехъ языкахъ, русскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ, потомъ начинаетъ изложеніе о буквахъ и о частяхъ слова, о склоненіи, спряженіи и т. д. — все преимущественно по Смотрицкому. Въ концѣ нѣсколько образцовъ разговора (сл. Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ Вел. I. 13, II. 132, Балицкій, Матер. для истор. слав. языкознанія, стр. 19—23).

Самые трудные вопросы о происхожденіи различныхъ народовъ и ихъ родствѣ были въ то время на очереди. Съ примѣненіемъ отчаяннѣйшихъ *этимологическихъ* соображеній желалъ разрубить гордіевъ узелъ о происхожденіи и родствѣ слав. языка одинъ французъ Петровскаго времени, военный по сословію, но отчаянный любитель словотолкованій, Шарль Фредерикъ де Патронъ-Боданъ (Charles Frédéric de Patron-Baudan). По разсказамъ Аделунга (см. вкратцѣ у Булича на стр. 203), онъ оставилъ за собой между прочими рукописными изслѣдованіями дикаго словопроизводства также «Dictionnaire de l'analyse de toutes les langues et des principaux dialectes tant anciens purs et naturels que de nouveaux mixtes, connues et usités de nos jours en Europe» (у Булича другія заглавія), въ которомъ онъ производитъ всѣ европейскіе языки изъ славянскаго и германскаго, двухъ главнѣйшихъ источниковъ для всѣхъ прочихъ, тогда какъ они сами происходятъ отъ скиѳскаго. Латинскій, напр., языкъ состоитъ по его толкованію большей частью изъ славянскихъ элементовъ. Французскій этимологъ-диле-

тантъ опередилъ этой гипотезой на сто лѣтъ и больше «Староиталію славянскую» Яна Коллара. Въ доказательство онъ приводитъ между прочимъ сопоставленіе словъ: *хорошій* и *charus*, *богатый* и *beatus*, *обитаетъ* и *habitat*. Въ доказательство же близкаго родства между славянскимъ и нѣмецкимъ языками онъ сопоставилъ *убилъ* и *übel*, *годится* и *gut ist's*, *принеси* и *bringen sie* и т. д.!

Подобнаго рода нелѣпостями занимались въ то время и многіе другіе. Изъ большого числа выбираю двухъ далматинцевъ XVIII столѣтія, Долчи и Грубишича; не далеко отъ нихъ ушелъ также проживавшій въ Дубровникѣ еще въ началѣ XIX столѣтія итальянецъ Аппендини. Долчи напечаталъ въ 1754 въ Венеціи диссертацію «De illyricae linguae vetustate et amplitudine», основанную исключительно на невозможныхъ этимологическихъ сопоставленіяхъ (нѣсколько образцовъ приведено мною въ Književnik-ѣ II. 90 сл.). Въ началѣ же XIX столѣтія Аппендини осчастливилъ славянскую филологію равнаго достоинства разсужденіемъ «De praestantia et vetustate linguae illyricae», которое вызвало у Добровскаго отчаянное восклицаніе: doleo vicem slavicorum! съ прибавкой: immer müssen wir lächerlicher werden! Posaunenlob und Ruhmredigkeit (Письма I. 340). На такихъ же основаніяхъ попытался Грубишичъ разрѣшить загадку о происхожденіи глаголическаго алфавита въ своей книжкѣ, претендовавшей на большую ученость, подъ заглавіемъ: In originem et historiam alphabeti slavonici glagolitici vulgo Hieronymiani disquisitio ...a Clemente Grubissichio proposita (1766 въ Венеціи). Нельзя отказать автору въ большой начитанности въ древнихъ и средневѣковыхъ писателяхъ, онъ зналъ также богатую литературу предшествовавшихъ изслѣдователей, напр. Лейбница, Клювера, Ассемани, Коля (Kohl) и т. д., и все-таки трудно даже представить себѣ предѣлы фантастичности его доводовъ. Изобрѣтателемъ глагол. алфавита онъ называетъ фригійца Фенесія (стр. 58). Глаголическое ⰿ равняется рунѣ для ф, фригійцы же произносили ф какъ б. Названіе «гетовъ» сопоставляется съ боснійскимъ «getich», «dietich» (puer, iuvenis bellicosus). Slavi объясняется какъ αἰνετοί, laudabiles. Svit-orbis terrarum приводится въ связь съ Suetia и Sueuia, Lachi и Polachi (вм. Paflachi) отожествляются съ Paphlagones; Vandali, Vendi, Vinidi приняты за одинъ и тотъ же народъ, конечно славянскій. Aremorica Galliae provincia объясняется = область «varh mora». Названіе Sorabi, Serbi онъ сопоставляетъ съ Zarabi и производитъ отъ «zarapa» (= čarapa). Свои свѣдѣнія о глагол. буквахъ (отожествляя глаголическое съ готскимъ, стало быть и съ рунами) Грубишичъ почерпнулъ отчасти изъ Фриша, отчасти изъ Шедіуса и изъ Nouveau traité diplomatique (1750). Названія отдѣль-

ныхъ буквъ объясняются у него не менѣе дико: *буки* значитъ deus (т.-е. богъ), *вѣди* = vid, Vitus. Такимъ образомъ первыя пять буквъ даютъ слѣдующій смыслъ: ego deus Vitus loquor bonum. Этотъ deus Vitus напоминаетъ ему бога Святовита (изображеніе идола заимствовано изъ Кранцовой «Вандаліи»). Трудно провѣрить, дѣйствительно ли въ народѣ онъ слышалъ слѣдующіе стихи: Sveti Vide koji vidiš, Sveti Luka koji lučiš и т. д. (стр. 68). Производя глаголическій алфавитъ изъ далекой фригійской древности, онъ, конечно, долженъ былъ отрицать участіе св. Іеронима въ этомъ дѣлѣ, но онъ отнесся такъ же отрицательно и къ Кириллу-Меѳодію, по причинамъ вовсе не научнымъ, а потому, что названія буквъ по его толкованію не подходили подъ мѣрку святыхъ людей. Онъ высказываетъ такое положеніе: Cyrillum et Methodium Sclavorum apostolos aut litterarum sclavonicarum nomina non invenisse; aut si invenisse dicantur, e sanctorum albo esse expungendos (73)!

Несравненно разумнѣе поступилъ берлинскій ученый Іо. Леонгардъ Фришъ, оставившій этимологію въ сторонѣ, но зато написавшій нѣсколько ученыхъ диссертацій, въ видѣ программъ, о различныхъ вопросахъ, входящихъ по нашимъ нынѣшнимъ опредѣленіямъ въ область слав. филологіи. Въ 1726 году вышла «программа»: «De historia linguae Sclavonicae», гдѣ разсуждалось о Кириллѣ и Меѳодіи (главнымъ источникомъ былъ Стредовскій), въ 1727 г. онъ написалъ продолженіе подъ заглавіемъ «Origo characteris sclavonici vulgo dicti cirulici paucis generatim monstrata, ortus vero et progressus characteris vulgo dicti glagolitici pluribus sigillatim descriptus tanquam eximia historiae linguae Sclavonicae pars», гдѣ говорится объ алфавитѣ кирилловскомъ, глаголическомъ и русскомъ гражданскомъ, о глагол. шрифтомъ печатанныхъ книгахъ (сл. Dobr. Durich 23. 25). Глаголическія буквы ему казались только испорченными кирилловскими. Дальнѣйшія программы касались другихъ слав. нарѣчій и литературъ. Въ 1729 онъ написалъ «Historia linguae vendicae meridionalis s. Vinidorum in provinciis Austriae vicinis», гдѣ говорится не только о нынѣшнихъ словенцахъ, а также объ угорскихъ славянахъ, т.-е. о словакахъ; въ 1730: «De dialectis Venedorum in Lusatia et in ducatu Lüneburgico». Еще имѣется: De dialecto bohemica (1734), De lingua Polonica (1736). Перечень библіографическій въ «Славинѣ» Добровскаго 97—100. Поправки относительно словаковъ въ «Słованкѣ» II. 177—187. Добровскій въ свое время дорожилъ этими программами Фриша, онъ разыскивалъ ихъ то самъ, то черезъ друга Дуриха; о нихъ упоминается также въ перепискѣ съ Бобровскимъ и Копитаромъ. Статьи Фриша имѣли компилятивный и по большей части библіографическій

характеръ. Его знакомство съ церковно-славянскимъ и русскимъ языками объясняется, какъ сказано у него же въ предисловіи къ переводу большого русскаго катехизиса на нѣмецкій языкъ (въ 1727 году), тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ учителемъ въ графскомъ домѣ Головкиныхъ, по этому случаю «habe ich... den Vorzug der *slavonischen Sprache besser* erkannt, gröszere Lust bekommen dieselbe zu lernen».

Рвеніе Лейбница въ пользу общаго языковѣдѣнія, въ особенности въ предѣлахъ громадной Россійской Имперіи, принесло свои плоды въ царствованіе просвѣщенной императрицы Екатерины II (Сл. статью Я. К. Грота, «Филологическія занятія Екатерины II», въ «Трудахъ» его т. IV, стр. 291 сл.). Еще будучи Великой княгиней, Екатерина перелистывала большое сочиненіе лингвистическаго содержанія, изданное въ восьми томахъ подъ заглавіемъ «Monde primitif» французскаго ученаго Court de Gebelin (1773—1781) и дѣлала оттуда для себя выписки. Въ 1784 году она сообщала Гримму, что успѣла уже прочесть съ полдюжины русскихъ лѣтописей и 3 тома сочиненія Monde primitif. Поощряемая этими занятіями, она приказала собирать словарный матеріалъ, между прочимъ для финскаго, черемисскаго, вотякскаго языковъ. Она полагала, что можно доказать, что отъ славянъ произошли названія многихъ рѣкъ, горъ, долинъ и предѣловъ даже во Франціи, Испаніи, Шотландіи и т. д. Ея этимологическія сопоставленія покоились по принятому ненаучному обычаю на внѣшнемъ созвучіи, напр., *баронъ* сравнивалось съ *бояринъ*, французское названіе Périgord звучало совсѣмъ по славянски. Она высказывала такое убѣжденіе, что пренебрегать знакомствомъ съ славянскими языками значило бы на каждомъ шагу впадать въ ошибки, подвергать себя упрекамъ въ поверхностности. При ея высокомъ положеніи не удивительно, что со всѣхъ сторонъ ученые шли ей на встрѣчу. Между прочимъ она поручила позаняться этимъ предметомъ пастору Dumaresque, который издалъ на англійскомъ языкѣ сравнительный словарь восточныхъ языковъ. Въ 1784 году русскій посланникъ Булгаковъ въ Константинополѣ получилъ приказъ позаботиться о томъ, чтобы при помощи патріарховъ восточныхъ церквей (Іерусалима и Антіохіи) получились для 286 различныхъ словъ русскихъ переводы на абиссинскій, эѳіопскій и проч. языки. Для своихъ же выписокъ она пригласила въ помощь берлинскаго ученаго Николаи, который въ 1785 году написалъ для нея Tableau général de toutes les langues du monde avec un catalogue préliminaire des principaux dictionnaires (рукопись нынѣ въ Имп. Публ. библ.). Въ Россіи занимался этимъ вопросомъ академикъ Бакмейстеръ, уже въ 1773 онъ напечаталъ брошюру: Idea et desideria de colligendis linguarum speciminibus.

Вслѣдствіе этого вызова у него накопилась масса лингвистическаго матеріала, который былъ принятъ во вниманіе при составленіи академическаго языкосравнительнаго словаря Палласомъ. Обо всемъ этомъ даетъ свѣдѣнія вышедшая въ 1815 году книга Аделунга: «Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde». Сл. также у Булича, о. с., стр. 222—4. Изъ одного письма Екатерины II къ философу Циммерманну (автору извѣстнаго сочиненія über die Einsamkeit) узнаемъ, что она около 1785 года располагала уже матеріаломъ извѣстнаго числа словъ (около 300) въ переводѣ свыше чѣмъ на 200 различныхъ языковъ. Редакція этого матеріала—онъ хранится теперь въ Имп. Публ. библіотекѣ—была ею поручена знаменитому академику Палласу, прославившемуся своими географическими, этнографическими и естественно-историческими изслѣдованіями, но занятія лингвистическія (кромѣ практическаго знанія нѣсколькихъ языковъ) не входили въ его планы. Поэтому разработка матеріала не отличалась критичностью. Уже въ 1785 году (25 мая) появилось его предварительное объявленіе (Avis au public), въ которомъ выставлено, какъ послѣдняя цѣль предпріятія—доказательство существованія одного праязыка. Въ слѣдующемъ году вышелъ образецъ Modèle du vocabulaire qui doit servir à la comparaison de toutes les langues, который былъ разосланъ во всѣ концы міра. Трудъ Палласа вышелъ въ 1787 и 1789 годахъ въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Glossarium comparativum linguarum totius orbis. Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею Высочайшей особы». Первый томъ заключалъ въ себѣ объясненія, т.-е. переводы 130-и, второй 155-и словъ—на 200 языкахъ. Насъ здѣсь касается исключительно оцѣнка славянской части словаря. Славянскій матеріалъ сгруппированъ въ слѣдующемъ, мало удовлетворительномъ порядкѣ: 1-й славянскій (т.-е. церковно-славянскій), 2-й славяно-венгерскій, 3-й иллирійскій, 4-й богемскій, 5-й сербскій, 6-й вендскій, 7-й сорабскій, 8-й полабскій, 9-й кашубскій, 10-й польскій, 11-й малороссійскій, 12-й суздальскій. Во главѣ стоитъ слово русское. Подъ «суздальскимъ» подразумѣвался искусственный языкъ офеней. Изъ переписки Добровскаго съ Копитаромъ узнаемъ, что для словенскаго нарѣчія присылали матеріалъ Кумердей и Япель. Редакторъ и его помощники были такъ мало свѣдущи по славянскимъ нарѣчіямъ, что не умѣли передавать чешскую или иллирскую ороографію по-русски, напр. они вносили чешскую форму, латинскими буквами записанную: *otec*, по-русски — *отекъ*, для мальчика изъ *pacholek* сдѣлали *пажолекъ*, по иллирійски латинскими буквами записанное слово *scena* или *хена* передѣлали по-русски въ *скена*, изъ *ciovjek* (čovjek) вышло *ціовѣкъ*, и т. д. На ошибки въ чешской части словаря указано Добровскимъ въ «Li-

terarische Nachrichten von einer Reise nach Schweden und Russland» (1796). Къ полабскому сл. Alter, Phil. kritische Miscellaneen, Wien 1799 (полабскій отче нашъ) и въ сочиненіи «Über Samskrdamische Sprache» его примѣчанія. Сербскую часть исправилъ Вукъ Караджичъ въ своемъ «Додатак к санктпетербургским сравнительним рјечницима» (Беч 1822, 4° 54). Второе изданіе сравнительнаго словаря было поручено человѣку, еще менѣе для этой задачи подготовленному, чѣмъ Палласъ. Оно вышло въ 4 томахъ 1790—7 подъ редакціею извѣстнаго педагога Янковича де Миріево. Приведеніемъ всего громаднаго и для второго изданія значительно увеличеннаго матеріала въ алфавитный порядокъ получился полнѣйшій хаосъ! Сл. вторую часть «Слованки» Добровскаго 187—205, гдѣ приняты въ соображеніе оба изданія, въ особенности второе, кромѣ того прибавлены хорватскія (кайкавскія) слова.

Упомянемъ еще кстати трудъ француза Левека (Levesque), который въ статьѣ «Sur les rapports de la langue des Slaves avec celle des anciens habitants de Latium» (въ I томѣ изданія Histoire de Russie, Paris 1782, 9—44) сопоставлялъ славянскій языкъ съ латинскимъ, считая этотъ послѣдній происшедшимъ изъ славянскаго (сл. у Булича 286—7). Другой французъ Пейсонель (Peyssonel) коснулся вопроса о родствѣ слав. языка въ статьѣ «Sur l'origine de la langue Slavonne», которая рядомъ съ одной статьей, напечатанной на итальянскомъ языкѣ вошла, кажется, въ его трудъ «Observations historiques et geographiques sur plusieurs peuples» (Paris 1765). Въ одномъ грамматическомъ трудѣ, написанномъ подъ конецъ XVIII столѣтія, гдѣ сравнивались различные языки между собою, предлагался готскій языкъ какъ источникъ, изъ котораго вышелъ славянскій. Это было сочиненіе Іениша (Jenisch, Philosoph. krit. Vergleichung und Würdigung von 14 älteren und neueren Sprachen Europas. Berlin 1796).

Историческими трудами, относящимися хотя бы отчасти къ вопросамъ славянской филологіи, восемнадцатое столѣтіе довольно богато. Матеріаловъ накоплялось все больше и больше, но безъ критики, безъ провѣрки источниковъ, откуда брались разныя, иногда довольно курьезныя свѣдѣнія. По вопросу о *Кириллѣ* и *Меѳодіи* самымъ популярнымъ, далеко распространеннымъ сочиненіемъ въ то время была книга И. Г. Стредовскаго: Sacra Moraviae historia sive vita ss. Cyrilli et Methodii genere civium romanorum, praerogativa patriciorum Constantinopolitanorum, eruditione perspicacissimorum philosophorum, gradu ecclesiastico Welehradensium archiepiscoporum, meritis Moraviae Bohemiae superioris Silesiae Gazariae Serviae Croatiae Mengrelliae Circassiae Bulgariae Triballiae Bosniae Dalmatiae Pannoniae Daciae Carinthiae Carnioliae universae paene Slavoniae zelentissimorum Apostolorum etc. etc. a

Ioanne Georgio Stredowsky etc. Solisbachi MDCCX, малое fol. 628, съ предисловіемъ и указателемъ. Изъ этого очень богатаго содержаніемъ, но очень некритическаго сочиненія, въ которомъ цѣлая первая книга посвящена древнему языческому періоду, даже съ изображеніями, почерпали свѣдѣнія о дѣятельности, славѣ и чудесахъ славянскихъ первоучителей какъ славянскіе такъ и нѣмецкіе историки, археологи и филологи, между прочими также вышеупомянутый Фришъ, не рѣшившійся по вопросу о происхожденіи глаголицы еще окончательно отклонить легенду далматинскую объ участіи св. Іеронима. Рѣшительнѣе выступилъ противъ этой легенды сѣверно-нѣмецкій ученый Коль (Kohl), знавшій о слав. переводѣ библіи кое-что вслѣдствіе своего знакомства съ Россіею. Сочиненіе его «Introductio in historiam et rem literariam Slavorum» (Altona 1729) распространяется о славянскомъ переводѣ св. писанія, разсказываетъ объ Острожской библіи, вдается въ полемику съ Стредовскимъ вслѣдствіе его исключительно католической точки зрѣнія и т. д. (Полемика Добровскаго противъ Коля въ Glagolitica). Въ Россіи проснулся интересъ къ вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи довольно поздно. Но когда при Петрѣ Великомъ пришлось, по желанію самого царя, перевести съ итальянскаго языка извѣстное сочиненіе Мавра Орбини, православная церковь не могла молча согласиться съ редакціею подлинника относительно славянскихъ первоучителей (въ русскомъ переводѣ на стр. 36—38). Ѳеофанъ Прокоповичъ считалъ своей обязанностью прибавить въ приложеніи при переводѣ къ этой главѣ свои примѣчанія (на стр. 4—11): «Разсмотрѣніе сея повѣсти» (СПбгъ 1722). Упомянемъ еще одно сочиненіе, которое не могло обойти молчаніемъ дѣятельности слав. апостоловъ, хотя она излагалась въ одностороннемъ католическомъ направленіи. Это сочиненіе Салая (Salagius): De statu ecclesiae Pannonicae libri VII (1777). Добровскій былъ очень высокаго мнѣнія о достоинствѣ этого сочиненія (Francev, Dobr. Bandtke 125, Dobr. Dur. 113).

Для словенцевъ имѣется богатый не только историческій, но также этнографическій источникъ въ большомъ сочиненіи Вальвазора: Die Ehre des Herzogthums Krain. Большіе четыре тома in folio 1689. Все относящееся къ бытовымъ особенностямъ словенцевъ и ихъ ближайшихъ сосѣдей извлечено и пересказано недавно въ одной рукописной диссертаціи словенца д-ра Пирната, но трудъ этотъ пока не изданъ. О большомъ распространеніи славянскаго языка вообще, о южно-славянскихъ нарѣчіяхъ въ частности, о двойномъ письмѣ, кирилловскомъ и глаголическомъ, съ образцами различій діалектическихъ, разсуждается въ томѣ II-омъ, на стр. 271 и слѣд. Для хорватовъ Далмаціи, т.-е. для ихъ исторіи, рядомъ съ итальянскими

остатками городского населенія, имѣетъ большое значеніе Иванъ Луцичъ (Ioannes Lucius, † 1679 въ Римѣ), написавшій De regno Dalmatiae et Croatiae libri sex (первое изданіе вышло въ 1666 году въ Амстердамѣ, болѣе извѣстно изданіе Швандтнера въ III томѣ Scriptores rerum Hungaricarum, Dalmaticarum Croaticarum et Sclavonicarum, въ Вѣнѣ 1748 in fol.). Объ авторѣ сочиненія сл. разсужденіе Рачкаго въ 49 томѣ «Рада», переписка Луцича въ Starine, томы 31 и 32. Кромѣ историческихъ изслѣдованій Луцичъ прославился также какъ археологъ, его эпиграфическіе матеріалы изданы имъ же въ 1673 году въ Венеціи подъ заглавіемъ «Inscriptiones Dalmaticae». Знатоки эпиграфики, какъ Моммзенъ, ставили Луцича очень высоко. Богатствомъ содержанія замѣчательна также монографія Луцича о его родномъ городѣ: Memorie storiche di Tragurio ora detto Traù, 1673. Хотя можно доказать, что историкъ зналъ родной языкъ славянскаго населенія Далмаціи, но славянскаго сознанія у него не было; однакожъ въ историческихъ своихъ разысканіяхъ онъ старался быть справедливымъ и передавать то, что ему давали источники. Украшеніемъ археологической и исторической науки въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія былъ дубровчанинъ Анзельмъ Бандури, одинъ изъ лучшихъ византологовъ прошлыхъ столѣтій. Его «Imperium orientale» (1711), его нумизматическія изслѣдованія, его переводы и объясненія византійскихъ писателей — пріобрѣли ему неувядаемую славу и знаменитость. Большую часть своей жизни, посвященной наукамъ, онъ провелъ въ Парижѣ, и къ славянской филологіи мало причастенъ, но у него было столько критическаго чутья, что онъ отвергалъ распространенную сказку о мнимомъ участіи св. Іеронима въ слав. переводѣ библіи (сл. отзывъ Добровскаго въ «Славанкѣ» I. 61). Напротивъ, въ славянской филологіи часто упоминается имя ученаго сирійца, маронита Ассемани (1687—1768). Онъ былъ превосходный знатокъ христіанскаго востока. Его путешествіе по востоку, предпринятое въ пользу Ватикана, обогатило Римъ многими драгоцѣнностями, между прочимъ *глаголическимъ* евангеліемъ, извѣстнымъ въ наукѣ подъ его именемъ. Ученый трудъ его «Kalendaria ecclesiae universae» (въ Римѣ 1755) содержитъ въ послѣднемъ, IV томѣ, много важныхъ матеріаловъ, касающихся также церковно-славянской литературы. Выше упомянутый Грубишичъ, усердный Дурихъ, Шафарикъ и др. ссылались очень часто на это сочиненіе Ассемани.

Громадное трудолюбіе итальянскаго іезуита Даніила Фарлати заслуживаетъ упоминанія въ исторіи слав. филологіи. Его «Illyricum sacrum», надъ которымъ онъ вмѣстѣ съ Ричепути работалъ въ городѣ Падуѣ около 20 лѣтъ (1722, † 1742 Ричепути) и потомъ продолжалъ трудъ

одинъ, начало выходить большими томами in folio: I. 1751, II. 1753, III. 1755, IV. 1769. Печатая V томъ онъ скончался († 25 апрѣля 1773), продолженіе изданія было поручено Якову Колети, который окончилъ V томъ 1775, VI. 1800, VII. 1819, VIII. 1819. Матеріалъ для IX тома остался въ рукописи. Колети скончался 1827. «Illyricum sacrum» обнимаетъ церковную исторію всего славянскаго юга (Балканскаго полуострова), причисляемаго съ римской точки зрѣнія къ древнему «Иллирику».

Во второй половинѣ XVIII столѣтія выдвигается еще одинъ ученый итальянецъ, сослужившій не малую услугу славяновѣдѣнію—это былъ прославившійся своимъ описаніемъ путешествія и своими наблюденіями природы и людей Далмаціи аббатъ Альбертъ Фортисъ; его «Viaggio in Dalmazia», изданное въ Венеціи 1774 въ двухъ томахъ, пріобрѣло ему большую славу живостью картинъ изъ народной жизни далматинскихъ славянъ, хорватовъ, описанныхъ имъ въ I томѣ на стр. 43—106 подъ заглавіемъ «De' costumi de' Morlacchi», гдѣ впервые напечатана прелестная народная пѣснь «Salostna pjesanza plemenite Asan-Aghinize»», обошедшая въ переводахъ (французскомъ, нѣмецкомъ) всю Европу, приведшая въ восторгъ Гердера и Гете. Между домашними южно-слав. писателями прославился въ другомъ родѣ францисканецъ Андрей Качичъ-Міошичъ. Зная отлично жизнь своего народа, онъ понялъ высокое значеніе эпической народной поэзіи какъ средства для сохраненія въ народной памяти преданій о прошлыхъ судьбахъ народа. Ему пришла въ голову не дурная мысль обогатить и оживить эти воспоминанія пересказомъ многихъ событій изъ исторіи въ той же поэтической формѣ народныхъ пѣсенъ, и такимъ образомъ подсказать народному творчеству новые сюжеты, обогатить народную память новымъ содержаніемъ. Съ этой цѣлью онъ сталъ изучать историческія сочиненія, мѣстныя хроники и записи и, останавливаясь на нѣкоторыхъ событіяхъ, которыя казались ему заслуживающими вниманія, разрабатывалъ ихъ въ видѣ народныхъ пѣсенъ. Такимъ образомъ составилось его своеобразное сочиненіе «Razgovor ugodni naroda slovinskoga» (1759 въ Венеціи и потомъ очень часто). Искусство его подражать народнымъ пѣснямъ имѣло столь блестящій успѣхъ, что многіе изъ его стиховъ разошлись среди народа какъ истинные плоды народнаго творчества. «Разговоръ» Качича передѣланъ по латыни: Descriptio soluta et rythmica regum, banorum caeterorumque heroum slavinorum seu illyricorum (1764 въ Будимѣ) и снабженъ также дополненіемъ (Nadodanje glavnih dogadjaja Razgovoru ugodnomu 1768) — то и другое однимъ членомъ того же ордена, Эмерихомъ Павичемъ, родомъ изъ Славоніи (Сл. Br. Drechsler, Slavonska književnost u XVIII vijeku, Zagreb 1907

стр. 77—77). О Качичѣ-Міошичѣ написалъ этюдъ въ «Летописѣ» Матицы сербской кн. 171—174 Даніилъ Живалевичъ.

У поляковъ стоитъ упомянуть объ усердіи князя Іосифа Яблоновскаго (1712—1777), какъ археолога и любителя вопросовъ о славянскихъ древностяхъ, и въ то же время щедраго мецената. Онъ основалъ общество наукъ, дѣйствующее до сихъ поръ отчасти подъ его именемъ въ Лейпцигѣ. Въ Acta Societatis Jablonovianae появился по поводу заданнаго имъ же вопроса о мѣстопребываніи древнихъ славянъ цѣлый рядъ изслѣдованій, въ которыхъ онъ самъ принималъ участіе, хотя мало удачное. Въ I томѣ на первомъ же мѣстѣ напечатано на 238 страницахъ его разсужденіе: Lechi et Czechi adversus scriptorem recentissimum vindiciae (Lipsiae 1771). Яблоновскій вѣрилъ въ историческую личность праотцевъ Чеха и Леха. На второмъ мѣстѣ появилась Шлёцерова діалектически хитро написанная статья: «Dissertatio de Lecho», которая не дѣлаетъ ему чести; извинить его можно развѣ тѣмъ, что и онъ хотѣлъ получить премію. Онъ говорилъ, что существованіе Леха, правда, не можетъ быть доказано, но что оно не немыслимо! Впрочемъ, это было только резюмэ сочиненія, изданнаго въ 1767 въ Данцигѣ, подъ заглавіемъ: «Könnte nicht die Abkunft des Lech in Polen zwischen den Jahren 500 und 560 gesetzt werden»? Въ защиту того же Леха вышла еще статья Бэла (Carolus Andreas Belius «De auctoritate traditionis in Historia dissertatio», потомъ Айреръ (G. H. Ayrer) далъ «Ad historiam Lechi animadversiones», наконецъ Мошченскій взялся защищать Леха противъ историка Добнера. Во II томѣ (1772) Яблоновскій издалъ опять: «De Slavis Lecho Czechoque», на первомъ мѣстѣ статью Землера (Semler) изъ Галле (1—62), потомъ Духовскій представилъ свое разсужденіе: De Lecho (65—130), далѣе Зегеръ (Seger): De Slavis et Lecho (132—182), анонимъ: De Lecho et Slavorum origine (183—202), Риттеръ: De Polonorum maioribus Epistola (205—232), а противъ Добнера опять направлена статья грека Евгенія Булгари: de Zichis (235—272). Въ III томѣ (1773) помѣстилъ Franciscus Pubitschka, S. I., происхожденіемъ чехъ, на стр. 1—52 «Dissertatio de Venedis et Antis eorumque sedibus antiquissimis». Тутъ авторъ устраняетъ вандаловъ, отвергаетъ дикія комбинаци Долчи и Грубишича, не вѣритъ въ славянство иллировъ, хотя онъ названія Bila Zora и Upravda (для Юстиніана) считалъ подлинными славянскими. Онъ настаивалъ менѣе на извѣстіяхъ Геродота, чѣмъ Плинія, Тацита, Іордана и Прокопія; ему казалось правдоподобнымъ, что невры, будины и сарматы были вендами т.-е. славянами. Онъ зналъ уже изслѣдованія Байера, Шлёцера и Іордана (о нихъ рѣчь впереди) и хотя не пришелъ къ окончательнымъ резуль-

татамъ, все же статья его принадлежитъ къ числу довольно разумно и трезво написанныхъ. Пражскій іезуитъ Шершникъ (P. Leopold I. Scherschnik) задался (стр. 53—92) рѣшеніемъ вопроса: «utrum Wilzi, Serbi aut Sorabi, slavonice dicti Srbi, ab Albi et regionibus Germaniae profecti sint in Croatiam et Dalmatiam, an ex Illyrico venerint in Germaniam» — и эта статья очень разумно написана, Рачкому не слѣдовало обходить ее молчаніемъ, когда онъ вновь поднялъ этотъ вопросъ (въ «Радѣ» кн. LII). Третья статья того же тома разбираетъ вопросъ: «Quae fuit gens Adriam accolens, nempe Veneti» (стр. 93—108). Авторъ ея, Даніилъ Эренфридъ Шпрингсгутъ (Springsguth) старался найти родоначальниковъ всѣхъ славянъ въ сѣверно-итальянскихъ венетахъ. Какъ извѣстно, въ славянское происхожденіе этихъ венетовъ вѣрили многіе ученые еще въ XIX столѣтіи (напр. Търстенякъ изъ славянъ, Конце изъ нѣмцевъ). Въ IV томѣ Яблоновскій продолжалъ опять свои начатыя уже въ первомъ томѣ изслѣдованія; теперь рѣчь идетъ «de Henetis Vandalis, de lacu Musiano, Chunis et Cunis Slavanisque» (1—296), въ введеніи онъ отожествляетъ вандаловъ съ вендами и производитъ ихъ названіе отъ węda (= жда), венеды же = heneti происходятъ по его аргументаціи отъ медовъ; далѣе рѣчь о сарматахъ, приводятся отзывы тѣхъ, кто согласенъ съ мнѣніемъ Яблоновскаго (напр., Сарницкій). Этимологическія комбинаціи напоминаютъ пресловутыя сопоставленія Грубишича, напр., названіе Veneti = Venedi приводится въ связь съ «Veniec», Padua объясняется «ex alto cadens» и т. д. Во второй части изслѣдованія авторъ касается вандаловъ, увѣряя своихъ читателей, что онъ вовсе не дорожилъ бы славянствомъ варварскихъ вандаловъ, но свидѣтельства языка заставляютъ его причислить ихъ къ славянамъ. Длинный перечень словъ (стр. 66—83) вышелъ однакожъ очень неудачнымъ, мнимое родство вандальскаго языка съ вендскимъ сводится къ германизмамъ въ польскомъ языкѣ, напр., anyżek, balka, barwierz, bawełna, bażant, binda, blacha, borg, borguię, bunt, burmistrz, bursztyn и т. д. Все это у него настоящія вендскія слова! Еще писалъ «De Henetis, Venetis atque Vandalis» G. B. Schirach (стр. 1—58), и въ тотъ же томъ попало изслѣдованіе Тунмана о Птолемеевыхъ «Stavani» и объ озерѣ l. Musianus, далѣе о команахъ (стр. 61—188) — оно отличается совсѣмъ другими критическими качествами, рѣзко отступаетъ отъ мечтаній Яблоновскаго. Въ V томѣ опять на первомъ мѣстѣ выступилъ самъ Яблоновскій со статьею «De Saromedis graecis Sauromatis (1—99), гдѣ разсказывается о странствованіяхъ славянъ, о пришествіи словенцевъ, хорватовъ и сербовъ въ нынѣшнія ихъ мѣста, о господствующемъ родѣ Само, о сармато-болгарахъ и козакахъ. Онъ вдается въ объясненіе названій Днѣпровскихъ пороговъ, въ сло-

вопроизводство имени козакъ, названіе народа языговъ объясняетъ словомъ iaźwiec, въ сармо-певкахъ (Sarmo-Peuci seu Peucini hoc est Peczeningi) усматриваетъ peuca = pełka (сл. Svatopełka, Jaropełka, Przedpełka) и т. д. Въ томъ же томѣ помѣстилъ Карлъ Іосифъ Михелеръ (Michaeler) изъ Инсбрука статью «Madaeus seu Madaius vel Medus, ultima et genuina slavicae gentis origo», въ которой отвергается теорія скандинавская, не допускается переселеніе славянъ съ германскаго сѣвера (Лабы) на югъ или наоборотъ, напротивъ славяне то же что сарматы, происходящіе отъ европейскихъ, не азіатскихъ медовъ. Еще слѣдуетъ недурная статья «De amplitudine Scandinaviae, sedibus et originibus Slavorum per Schlosserum parochum pagi prope Bonnam siti». Здѣсь говорится о Скандинавіи, но не какъ о колыбели славянъ (даже готы не производятся оттуда); славяне, по мнѣнію автора, замѣнили имя сарматовъ, они сначала стали перебираться черезъ Вислу на западъ, потомъ оттуда на югъ. Для полноты упомянемъ еще статью анонима «De Cosarorum et Bulgarorum origine» и «Commentatio de priscis Slavorum populis confecta a Slo...gk cum notis P. V.» — то и другое безъ малѣйшаго значенія.

Хотя этому большому количеству разсужденій о славянахъ, по большей части написанныхъ безъ критики, много содѣйствовало меценатство Яблоновскаго, нельзя все-таки приписывать ему одному пристрастія къ разбору подобнаго рода вопросовъ. Они были такъ сказать на очереди по духу времени и увлеченіямъ ученыхъ, соперничавшихъ другъ съ другомъ. Поэтому неудивительно, что въ то же время I. Christ. de Jordan S. R. M. Hungariae et Bohemiae consiliarius bohemicus aulicus занялся тѣмъ же предметомъ въ своемъ объемистомъ трудѣ: «De originibus slavicis, opus chronologico-geographico-historicum», въ двухъ томахъ in folio, въ Вѣнѣ 1745. Добровскій признавалъ за авторомъ большое усердіе въ извлеченіи многихъ выписокъ изъ различныхъ источниковъ, но въ то же время отвергалъ главное его положеніе: Sarmatae non sunt Slavi — вотъ краеугольный камень ex ethnographia Slavica по убѣжденію Добровскаго (Переп. 111). Чтобы дать нѣкоторое понятіе о сочиненіи Іордана, укажемъ перечень главъ: 1-ая о бояхъ, 2-ая объ Иллирикѣ, 3-ья о передвиженіи населенія въ Иллирикѣ, 4-ая о маркоманнахъ и квадахъ, 5-ая о паденіи могущества маркоманновъ, 6-ая о дальнѣйшихъ судьбахъ квадовъ и маркоманновъ до временъ Аттилы, 7-ая о передвиженіи германскихъ народовъ, преимущественно аламанновъ и вандаловъ, 8-ая о Чехѣ и Лехѣ, 9-ая о готахъ, 10-ая о сарматахъ, венедахъ и антахъ, 11-ая о сарматахъ венедахъ qui Limigantes et dein Slavini dicti, 12-ая generalia quaedam Slavicas origines illustrantia, 13-ая и 14-ая

о различныхъ мнѣніяхъ насчетъ прибытія Чеха и Леха въ Богемію, 15-ая разрѣшеніе противорѣчій et de primordiis rei publicae bohemoslavicae, 16-ая о герулахъ, 17-ая о ругахъ, скирахъ и сатагахъ, 18-ая о гепидахъ, 19-ая объ остроготахъ, 20-ая о лангобардахъ, 21-ая о славинахъ и антахъ, 22-ая о славянахъ хорватскихъ, 23-ья о славянахъ паннонскихъ и далматскихъ, и о сербахъ какъ далматскихъ, такъ и тюрингскихъ, 24-ая о гуннахъ и аварахъ, 25-ая о баварцахъ (de Bojoariis), 26-ая о тюрингахъ, 27-ая о саксонцахъ, 28-ая о королевствѣ моравскомъ и 29-ая corollarium ad origines slavicas. Во второмъ томѣ между прочимъ разсказъ касается сѣверныхъ славянъ (Slavi boreales) и въ концѣ Generalia quaedam Slavicas origines illustrantia. Какъ видно, Іорданъ включилъ въ свое изслѣдованіе большую часть тѣхъ вопросовъ, которые потомъ лучше разработаны Цейсомъ, Шафарикомъ и Мюлленгофомъ. Къ сожалѣнію, въ то время не существовало еще критики источниковъ и не было научнаго сравненія языковъ. Трудъ Іордана напоминаетъ подобнаго рода попытку лужичанина Антона (1751—1818), издавшаго въ 1783 году въ Лейпцигѣ антикварское сочиненіе «Erste Linien eines Versuches über der alten Slaven Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse» (Leipzig 1783. 8⁰ 162, II. 1789. 116), въ которомъ авторъ касается преимущественно внутреннихъ сторонъ жизни древнихъ славянъ. Смутны были его понятія о «полуславянахъ», къ которымъ онъ причислялъ прусовъ, волоховъ, латышей и литовцевъ. Славянъ онъ сближалъ съ армянами, сарматы были по его мнѣнію славяне, первоначальное названіе ихъ было сербы (въ связи съ «серпомъ») и языги (что онъ и сопоставляетъ съ «языкъ»), «*богъ*» онъ приводилъ въ связь съ глаголомъ «*бѣгать*», «*чортъ*» съ прилаг. *черный*. Антонъ приводитъ усердно, но безъ критики, старыя и новыя свидѣтельства о разныхъ обычаяхъ славянъ. Ему дѣлаетъ честь, что онъ уже въ 1789 году, понимая значеніе Добровскаго, внушалъ ему мысль основать въ пользу общеславянскихъ научныхъ вопросовъ повременное изданіе, для котораго онъ предлагалъ названіе «Slavia» (переп. Добр. Дур. 129. 143. 147. 163).

Археологомъ по классическимъ древностямъ былъ славонскій францисканецъ М. П. Катанчичъ (родился 1750 въ Валповѣ, былъ потомъ профессоромъ въ Осѣкѣ, Загребѣ и въ Будапештѣ, гдѣ и скончался † 1825). Онъ интересовался не только эпиграфикой и географіею античнаго міра, но также вопросами древней этнографіи, для рѣшенія которыхъ любилъ прибѣгать къ сопоставленіямъ лингвистическимъ, не выдерживающимъ къ сожалѣнію ни малѣйшей критики. Это были злополучныя соображенія по внѣшнему созвучію. Въ 1795 году вышло его сочиненіе «Philologiae et Geographiae

Pannoniorum specimen», гдѣ въ первой главѣ онъ говоритъ о происхожденіи и первоначальныхъ мѣстахъ поселеній хорватовъ (эта статья вышла уже въ 1790 году), въ слѣдующихъ главахъ разсуждаетъ «de lingua Pannoniorum», доказывая славянство древнихъ паннонцевъ. На одной монетѣ императора Максиміана (295 г.) онъ прочелъ NS Iesus Iesus sve utishi; одну срѣмскую надпись, которую считаютъ еще старше, онъ истолковалъ: Viivice shta nosiſh mi ednoga otroka g(o)d(a) III, это-де восклицаніе разгнѣвавшейся матери противъ Парки (Parca, богиня судьбы), которая у нея похитила четырехлѣтняго ребенка, и т. п. Въ главѣ de literatura Pannoniorum онъ сообщаетъ надпись Катарины, королевы боснійской, находящуюся въ Римѣ, со своими объясненіями, и еще нѣкоторыя другія древнія надписи. Катанчичъ написалъ много сочиненій археологическаго и географическаго содержанія, въ которыхъ онъ обнаружилъ большую начитанность. Ему были извѣстны труды какъ домашнихъ историковъ (Луцича, Кърчелича, Риттера-Витезовича), такъ и иностранныхъ (Іордана, Шлёцера, Пубички, Добнера и др.). У него попадается уже терминъ ethnologia, онъ сознавалъ потребность прибѣгать для освѣщенія данныхъ исторіи за помощью къ соображеніямъ изъ этой новой отрасли (даннымъ языка и бытовымъ явленіямъ), къ сожалѣнію, у него не было ни малѣйшаго смысла для пониманія историческаго развитія языковъ. Онъ думалъ, что формы языка остаются въ теченіе столѣтій неизмѣняемыми; поэтому онъ не стѣсняясь открывалъ на древнихъ надписяхъ новѣйшія формы языка. Въ своемъ изслѣдованіи «De Istro eiusque accolis» онъ сообщаетъ о преданіи Константина Багрянороднаго, но объясняетъ его μεγάλη Χρωβατία какъ часть Корутаніи, слѣды бѣлыхъ хорватовъ находилъ въ названіи горы Велебита (= Albus), и въ бѣлыхъ хорватахъ (собственно краинцахъ) около Метлики. Прародину хорватовъ онъ искалъ въ Панноніи. Славяне, населявшіе Паннонію, по свидѣтельству Іордана и Павла Діакона, были — хорваты; въ доказательство же славянства древнихъ иллирійцевъ онъ прибѣгалъ къ разнымъ названіямъ мѣстностей, истолковывая ихъ по-славянски, въ родѣ слова «Паннонія», приводимаго въ связь съ «kapanicza»; названіе же хорватовъ онъ производилъ отъ слова hora = гора. Катанчичъ былъ также латинскимъ и хорватскимъ (= иллирскимъ) поэтомъ. Въ этомъ отношеніи любопытна его книжечка, изданная въ 1791 году: Fructus auctumnales, въ которой онъ между прочимъ излагаетъ правила стихотворства, придерживаясь ударенія, но обращая при этомъ вниманіе также на количество слоговъ. Онъ вѣрно подмѣтилъ, что Illyrica poesis versu trochaico consistit universa. Кромѣ примѣровъ собственнаго творчества, онъ прибавилъ еще «popivke narodne», по большей части лирическія пѣсни, 8-ми и 10-тислож-

ныя, которыя поются къ «колу». Коротенькое извѣстіе о Катанчичѣ, написанное Шафарикомъ для Погодина, напечатано Ниломъ Поповымъ какъ приложеніе къ Письмамъ (М. 1879) на стр. 445—8. Сл. статью Майкснера въ Rad-ѣ т. LXV. Катанчича пора бы подробнѣе изслѣдовать, напр. его рукописный словарь, подъ заглавіемъ «Pravoslovnik» (переводъ слова Etymologicon), находящійся нынѣ въ будапештской университ. библіотекѣ, обнимаетъ два тома, I. A—O, II. P—S, всего 1473 стран. въ два столбца. Словарь не доведенъ до конца, но онъ замѣчательно богатъ словами. Кромѣ печатныхъ источниковъ въ родѣ Микальи, Делла Беллы, Вольтиджи, Бѣлостѣнца, авторъ внесъ въ свой рукописный трудъ много словъ отъ себя, изъ своего родного нарѣчія славонско-боснійскаго. При изданіи акад. словаря было бы не лишне предварительно изучить и этотъ словарь. Катанчичъ, какъ извѣстно, перевелъ также священное писаніе (въ Будимѣ 1831), но переводъ его не имѣлъ успѣха.

ГЛАВА IV.

Новыя вѣянія въ Россіи и въ Чехіи. Шлёцеръ. Ломоносовъ. Предшественники Добровскаго. Дурихъ.

Новымъ духомъ науки начало вѣять въ Россіи съ учрежденія Академіи Наукъ, съ приглашенія иностранныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, ученыхъ занять довольно уютныя акад. мѣста, чтобы посвятить свои силы изученію Россійской имперіи въ ея естественныхъ богатствахъ, въ пестромъ этнографическомъ составѣ и въ бытовыхъ отношеніяхъ. Задача эта вызвала дѣйствительно много разнообразныхъ изслѣдованій, изъ числа которыхъ въ историческомъ обозрѣніи славянской филологіи обращаютъ на себя вниманіе труды лингвистическаго и историческаго содержанія, въ родѣ занятій Байера (Gottlieb Bayer 1694—1738) и Миллера (Федора Ивановича, Gerhard Friedrich Müller 1703—1783), главнымъ же образомъ Августа Шлёцера. Первый изъ нихъ занимался изученіемъ восточныхъ языковъ и такими антикварными вопросами, какъ о скиѳахъ и варягахъ (Пекарскій, Ист. Акад. Наукъ, II. 425). Второй посвятилъ много труда и времени востоку и Сибири, изучая ихъ тоже лингвистически и географически. Подъ его редакціей стало еще въ 1732 году выходить собраніе матеріаловъ для русск. исторіи (Sammlung russ. Geschichte). Его же стараніемъ издана 1768—1779

«Исторія россійская» В. Н. Татищева (четыре тома). При участіи его вышелъ въ 1771 году въ Москвѣ изданный лекторомъ нѣмецкаго языка Гельтергофомъ «Россійской Целларіусъ или этимологическій россійской лексиконъ», гдѣ въ родѣ позднѣйшаго этимологическаго словаря греческаго языка Им. Беккера русскія слова, принадлежащія къ одному корню, подобраны подъ одно коренное слово. Конечно, не вездѣ вѣрно опредѣлялась совмѣстимость подъ однимъ корнемъ, напр., не знали еще, что «*бодрый*» идетъ подъ глаголъ «*бдѣть*» или «*трусъ*» подъ глаголъ «*трясти*» и т. д. Выше обоихъ упомянутыхъ ученыхъ стоялъ своимъ замѣчательнымъ критическимъ талантомъ Августъ Шлёцеръ (1735—1809). Окончивъ свои науки въ Виттенбергѣ и Геттингенѣ, онъ отправился очень рано на германскій сѣверъ въ Стокгольмъ и Упсалу. Возвратившись на короткое время въ Геттингенъ, онъ опять направилъ свои шаги на сѣверъ, на этотъ разъ въ Петербургъ. Сюда онъ попалъ въ качествѣ домашняго учителя въ домъ академика Миллера (1761). Его завѣтное желаніе было посвятить себя изученію русской исторіи и продолжать начатое Миллеромъ дѣло по русскимъ лѣтописямъ. Онъ взялся усердно за дѣло, прежде всего за изученіе русскаго языка, въ чемъ вскорѣ почувствовалъ свое превосходство надъ Байеромъ и Миллеромъ, не успѣвшими въ теченіе многихъ лѣтъ овладѣть порядочно русскимъ языкомъ. Конечно, и ему пришлось бороться съ большими трудностями, но его теоретическая подготовка въ лингвистикѣ оказала ему существенныя услуги. Онъ сталъ изучать русскій языкъ, такъ сказать, уже на первыхъ шагахъ какъ лингвистъ, отыскивая въ немъ посредствомъ грамматическаго анализа существенныя коренныя части словъ и ихъ этимологическое родство. Онъ самъ говорилъ, что путемъ сравненія онъ сразу вникалъ въ суть отъ четырехъ до пяти славянскихъ нарѣчій. Хотя это и было нѣсколько преувеличенное воображеніе, но теоретически онъ былъ правъ. Изучая русскія лѣтописи, онъ вскорѣ почувствовалъ не совсѣмъ дружелюбное отношеніе къ себѣ Миллера, который не безъ основанія сталъ, какъ офиціальный русскій исторіографъ, опасаться конкуренціи даровитаго соперника. Противъ Миллера поддерживалъ его академикъ Таубертъ, исходатайствовавшій ему въ академіи мѣсто адъюнкта (1762). Какъ усердно онъ въ это время занимался русскимъ языкомъ, доказываетъ фактъ, что онъ за неимѣніемъ лучшаго пособія взялся переписывать рукописный словарь Кондратовича (сл. Сухомлинова Истор. Россійск. акад. VIII. 5—7). Тутъ ему пришла въ голову мысль написать русскую грамматику, не практическое руководство, а сочиненіе научное языкосравнительное. Въ 1764 году было уже 11 листовъ отпечатано, но Ломоносовъ, узнавъ объ этомъ, вмѣшался въ

это дѣло и успѣлъ остановить продолженіе. Отчетъ Ломоносова, написанный безспорно подъ вліяніемъ оскорбленнаго личнаго самолюбія, изобразилъ трудъ Шлёцера какъ нѣчто вредное и обидное для Русскихъ. Онъ воспользовался для обвиненія нѣсколькими этимологическими сопоставленіями, найденными у Шлёцера (какъ, напр., *бояринъ* и *баранъ*, *дѣва* и *Dieb*, *король* и *Kerl*, *князь* и *Knecht*), и сдѣлалъ такое заключеніе: вотъ «какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ въ россійскихъ древностяхъ такая допущенная до нихъ скотина» (Пекарскій II. 836)! Печатаніе грамматики пріостановилось, но Шлёцеръ получилъ все-таки профессуру по русской исторіи при академической гимназіи (1764). Объ усердіи и успѣхахъ его въ этой области занятій свидѣтельствуютъ, помимо участія въ изданіи (1767) «Русской лѣтописи по Никонову списку» и сочиненія «Probe Russischer Annalen» (1768), его критическія разсужденія о хроникѣ Нестора, изданныя лѣтъ сорокъ спустя, въ Германіи, въ Геттингенѣ, гдѣ онъ съ 1769 г. состоялъ профессоромъ исторіи, — это былъ его главный трудъ, упрочившій за нимъ славу основателя критической школы: «Несторъ. Russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache verglichen übersetzt und erklärt» (1802—1809). Русскій переводъ подъ редакціей Д. Языкова напечатанъ въ СПбгѣ 1809—1819. Въ теченіе цѣлаго полустолѣтія и долѣе это сочиненіе считалось первымъ необходимымъ пособіемъ для критическаго введенія въ древнѣйшій періодъ русской исторіи. Важное также значеніе имѣетъ его «Allgemeine Nordische Geschichte» (1772, 2 тома), гдѣ тоже нерѣдко упоминается о славянахъ и ихъ нарѣчіяхъ, напр. о классификаціи нарѣчій. Шлёцеръ принялъ живѣйшее участіе, должно быть ему принадлежитъ даже самая мысль изданія, извѣстнаго подъ заглавіемъ «Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontum Euxinum, Paludem Maeotidem, Caucasum, Mare Caspium et inde magis ad septentriones incolentium», въ четырехъ томахъ издано въ СПбгѣ 1771—1779 подъ редакціей І. Г. Стриттера. Здѣсь сдѣланы для своего времени полезныя извлеченія изъ византійскихъ писателей, относящіяся къ славянамъ.

Автобіографія Шлёцера (A. L. Schlözers Offentliches und Privatleben, Leipzig 1828) переведена на русскій въ XIII томѣ «Сборника Отдѣленія русск. яз. и слов.», посвященномъ памяти Шлёцера. Грамматика его, пріостановленная въ свое время изданіемъ, вышла въ 1875 году въ томъ же томѣ «Сборника» въ русскомъ переводѣ, въ нѣмецкомъ же подлинникѣ въ изданіи, законченномъ послѣ кончины академика Куника, С. К. Буличемъ, въ 1904: «Aug. Schlözer. Ruszische Sprachlehre I—II». Познакомившись съ нею теперь, мы должны, конечно, въ высшей степени сожалѣть, что она

не появилась въ свое время; она дала бы толчокъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ подобнаго рода, какъ потомъ грамматика Добровскаго.

Дѣятельность академиковъ-иностранцевъ по отдѣльнымъ отраслямъ наукъ приносила, правда, свои плоды, но полнѣйшая изолированность ихъ положенія все же много вредила успѣхамъ ихъ трудовъ, она мѣшала русскому обществу смотрѣть на это учрежденіе, какъ на нѣчто свое родное. Академія представляла искусственно развиваемое тепличное растеніе, не пускавшее глубокаго корня въ жизнь народа. Поэтому вскорѣ почувствовалась потребность прибѣгнуть еще къ другого рода мѣрѣ для достиженія цѣли, для водворенія наукъ въ Россіи. Полезнымъ считалось отправлять даровитыхъ молодыхъ людей за границу, въ Германію и Францію, для пріобрѣтенія свѣдѣній по спеціальнымъ наукамъ, которыя они могли бы потомъ разрабатывать и распространять дома на родномъ русскомъ языкѣ. Это было такъ сказать противоположное теченіе тому, которое сосредоточивалось въ академіи. Пущенная въ среду академиковъ-нѣмцевъ эта новая струя поневолѣ должна была вызвать столкновеніе двухъ несродныхъ стихій. Что это на дѣлѣ такъ и вышло, показываетъ примѣръ перваго виднаго представителя изъ Русскихъ, попавшаго послѣ оконченной поѣздки за границу съ опредѣленной научной цѣлью въ среду академиковъ-иностранцевъ. Это былъ Михайло Васильевичъ Ломоносовъ, личность крупная и даровитая, соединявшая дикій нравъ съ большимъ талантомъ. Онъ сталъ своего рода жертвой той среды, въ которую занесла его судьба ученаго Русскаго, онъ попалъ какъ Русскій въ ученое сословіе, состоявшее исключительно изъ нѣмцевъ. Ему было суждено сдѣлаться помѣхой для другихъ, самому же ощущать постоянные уколы. Ломоносовъ занимаетъ въ области русскаго просвѣщенія приблизительно такое же мѣсто, какъ Петръ Великій въ области политическихъ и соціально-административныхъ реформъ Россіи. По мѣткому опредѣленію Пушкина, онъ представлялъ собою живой университетъ въ то время, когда университетовъ въ Россіи еще не было. Ломоносовъ отличался замѣчательно многосторонней даровитостью, но природѣ его была присуща большая доля грубости, объясняющейся отчасти личнымъ темпераментомъ, отчасти нравами современной жизни. Превышая всѣхъ своихъ ближайшихъ современниковъ геніальностью, онъ сосредоточивалъ въ себѣ слишкомъ широкій объемъ разнообразныхъ наукъ, чтобы могъ въ каждой спеціальности успѣшно отстаивать свои взгляды противъ хорошо вооруженныхъ въ частностяхъ противниковъ. Борьба одного противъ многихъ, собственно противъ всѣхъ нѣмецкихъ академиковъ, вышла слишкомъ неравной и превратилась въ концѣ концовъ въ грубыя личныя оскорбленія. Сынъ далекаго сѣвера,

Архангельской губерніи, великорусское населеніе которой до сихъ поръ славится расовыми превосходствами и богатствомъ бытовой старины, — онъ родился по изслѣдованію Сухомлинова 1711 (сл. Изв. Отд. Русск. яз. и сл. 1896 I. 782) въ Денисовкѣ у Холмогоръ — онъ началъ довольно поздно брать въ руки книги. Четырнадцатилѣтнимъ юношею онъ, говорятъ, случайно открылъ грамматику Смотрицкаго и ариѳметику Магницкаго. Въ концѣ 1730 года онъ бѣжалъ тайкомъ (или же отлучился съ позволенія отца) въ Москву, чтобы получить образованіе для поступленія въ духовное сословіе. Онъ учился здѣсь (съ 1731 г.) въ московскихъ спасскихъ школахъ, въ славяно-греко-латинской академіи (Исторія этой академіи, соч. Сергѣя Смирнова 1855, о чемъ Гр. Воскресенскій въ актовой рѣчи моск. дух. акад. 1890 года: Ломоносовъ и москов. славяно-греко-лат. академія, М. 1891). Успѣхи юноши были замѣчательны, въ теченіе короткаго времени онъ выучился латинскому языку, кромѣ того изучалъ греческій и церковно-славянскій языки. Въ свободные часы прочитывалъ весь запасъ книгъ домашней библіотеки. Хотя товарищи подсмѣивались надъ нимъ, какъ «болваномъ», за его возрастъ, онъ не обращалъ на это вниманія, а когда Петербургская академія сдѣлала московскому духовному заведенію запросъ о способныхъ юношахъ для посылки на ученіе за границу, жребій палъ на молодого Ломоносова. Въ 1736 онъ пріѣхалъ въ Марбургъ къ профессору Вольфу, а уже въ 1738 году отправилъ въ доказательство своего усердія въ Петербургъ отчетъ о своихъ занятіяхъ (по металлургіи, минералогіи и химіи) на нѣмецкомъ языкѣ, одну статью изъ физики на латинскомъ языкѣ и русскій переводъ одной оды изъ Фенелона. Въ 1739 онъ переѣхалъ въ Фрейбергъ къ минералогу Генкелю, но не могъ съ нимъ поладить и возвратился черезъ Лейпцигъ и Кассель въ Марбургъ. Здѣсь онъ женился (6 іюня 1740) на дочери бывшаго городского совѣтника. Отсюда онъ отправился черезъ Франкфуртъ, Роттердамъ, Гаагу и Амстердамъ по направленію въ Россію, но по дорогѣ попалъ въ прусскіе солдаты, бѣжалъ и въ 1741 пріѣхалъ благополучно въ Петербургъ. Уже въ Германіи онъ занимался помимо своей спеціальности также поэзіей, писалъ оды, переводилъ между прочимъ изъ Гюнтера и другихъ современныхъ поэтовъ, написалъ противъ Тредьяковскаго «Правила росс. стихотворства». Въ Петербургѣ онъ продолжалъ по практическимъ соображеніямъ свою поэтическую дѣятельность, хотя она не имѣла большого значенія. Когда императрица Елизавета вступила на престолъ, нѣмецкіе академики заставили Ломоносова быть переводчикомъ на русскій языкъ ихъ патріотическихъ и вѣрноподданническихъ чувствъ. Ломоносовъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ,

чтобы улучшить свое положеніе. Онъ получилъ мѣсто адъюнкта (Пекарскій, Истор. акад. наукъ 1873, II. 319—322). Начиная съ 1742 года, отношенія его къ нѣмецкимъ академикамъ стали натянутыми. Первое столкновеніе произошло между нимъ и академикомъ Штурмомъ, который бѣжалъ отъ побоевъ его даже на улицу. Ломоносову достался за это буйство домашній арестъ. При невольномъ досугѣ онъ составлялъ планы объ учрежденіи химической лабораторіи и занимался стихотворствомъ; между прочимъ онъ написалъ въ 1743 знаменитую оду на сѣверное сіяніе (Вечернее размышленіе о божіемъ величествѣ), въ которой его свѣдѣнія по естествознанію нашли краснорѣчивый отголосокъ (существуетъ также Утреннее размышленіе). Изслѣдованія Ломоносова по химіи доставили ему въ 1745 профессуру при академіи. Хотя теперь спеціальность его опредѣлилась, все же онъ не переставалъ заниматься русскимъ языкомъ и литературой. Съ Тредьяковскимъ, профессоромъ краснорѣчія, онъ вдавался въ полемику по вопросамъ грамматическимъ и ритмическимъ. Русскій языкъ обязанъ ему не только практическими образцами, а также теоретическими сочиненіями о риторикѣ (рукоп. 1744. 1746—1747, издан. 1748) и о грамматикѣ (съ 1755 до 1855 года вышло 15 изданій, сл. Уч. Зап. втор. отд. И. А. Н. т. III статью И. И. Давыдова: Воспоминаніе столѣтія русской грамматики). Теперь обѣ редакціи риторики съ обширными примѣчаніями занимаютъ III томъ сочиненій въ изданіи Сухомлинова, грамматика же и нѣсколько другихъ филологическихъ статей вошли въ IV томъ того же изданія. Менѣе значенія имѣли его занятія по русской исторіи, хотя они продолжались нѣсколько лѣтъ по желанію императрицы Елизаветы. Въ 1766 году вышла «Древняя россійская исторія отъ начала россійскаго народа до кончины князя Ярослава перваго или до 1054 года». Не въ пользу его говоритъ, что онъ повторялъ здѣсь старыя басни о происхожденіи славянъ отъ сарматовъ, энетовъ и т. д., руководимый патріотическимъ самолюбіемъ, заставившимъ его искать славянъ во всѣхъ концахъ свѣта. Цѣлое сочиненіе написано съ не свойственнымъ историческому изложенію паѳосомъ. Ломоносовъ, дѣйствительно, не умѣлъ воздерживаться отъ національнаго самомнѣнія, въ особенности въ средѣ академиковъ-нѣмцевъ. Онъ бывалъ несправедливымъ, какъ по отношенію къ Миллеру, такъ и еще болѣе по отношенію къ Шлёцеру. Ломоносовъ скончался 4 апр. 1765 г. Біографія его у Пекарскаго въ Исторіи Импер. академіи наукъ СПбгъ 1873 II. 259—963. Раньше издалъ Билярскій «Матеріалы для біографіи Ломоносова» (1865). А. Будиловичъ разбиралъ Ломоносова, какъ натуралиста и филолога (1869) и какъ писателя (1871). Столѣтняя годовщина вызвала статьи Вл. Ламанскаго (СПбъ

1865), Буслаева и Лавровскаго (въ Москвѣ и Харьковѣ). Статья Грота теперь во II томѣ его «Трудовъ». Послѣднее, неоконченное, изданіе сочиненій Ломоносова въ пяти томахъ подъ редакціей М. И. Сухомлинова. СПбгъ 1891—1902.

Въ грамматикѣ Ломоносова, которая въ исторіи славянской филологіи занимаетъ изъ всѣхъ его сочиненій первое мѣсто, видны слѣды вліянія старой системы Смотрицкаго. Но привычные автору пріемы естественныхъ наукъ повліяли благопріятно также на взгляды его на явленія грамматическія. Онъ старался быть объективнымъ наблюдателемъ фактовъ. Его «правила» выходили изъ точныхъ наблюденій живого употребленія. Не предписывать языку, а наблюдать его и изъ употребленія выводить правила — эта исходная точка его была вполнѣ вѣрная. Знакомство съ ходомъ европейской науки помогало ему вѣрно оцѣнить грамматику Смотрицкаго и увидѣть въ ней много рабскаго подражанія образцамъ греческимъ (§. 111), лишняго для русскаго языка. Въ введеніи «о человѣческомъ словѣ вообще» замѣтна зависимость отъ французской Grammaire générale et raisonnée. Въ правописаніи онъ дорожилъ историческимъ преданіемъ, оберегающимъ сложившееся единство литературнаго языка. Въ лишнія словотолкованія онъ не входилъ; не имѣя вполнѣ опредѣленныхъ понятій объ организмѣ языка, онъ все таки не считалъ его результатомъ произвольнаго соглашенія. И въ грамматикѣ его звучитъ иногда національная струнка. Характеризуя русскій языкъ, онъ снабжалъ его превосходствами всѣхъ прочихъ языковъ: великолѣпьемъ «ишпанскаго», живостью французскаго, крѣпостью нѣмецкаго, нѣжностью итальянскаго, богатствомъ и сильной въ изображеніяхъ краткостью греческаго и латинскаго. Его симпатіи были на сторонѣ русскаго языка, онъ не давалъ по примѣру Смотрицкаго предпочтенія церковно-славянскому языку какъ органу литературы.

Какъ бояре и боярыни, такъ и буквы сняли широкія шубы и являются теперь въ легкомъ лѣтнемъ платьѣ «гражданицы», говорилъ Ломоносовъ, и хотя онъ не былъ первый, постановившій какъ правило, что церковно-славянскій языкъ надо предоставить для употребленія въ церкви, все же онъ первый опредѣлилъ точнѣе отношеніе обоихъ языковъ другъ къ другу. Еще Тредьяковскій излагалъ въ стихахъ разницу между языкомъ высшаго общества и языкомъ мужицкимъ, противополагая слова: *гласъ*, *око*, *чело*, *ланиты*, *уста* простонароднымъ: *голосъ*, *глазъ*, *лобъ*, *щеки*, *губы*, *ротъ*. Какъ извѣстно, у Ломоносова сложилась теорія о трехъ степеняхъ стиля, согласно съ требованіями старой риторики: высокій стиль любилъ прибѣгать къ употребленію церковно-славянскихъ элементовъ, средняго стиля придерживался

онъ же самъ, нисшій стиль былъ предоставленъ простонародному изложенію. Въ стихосложеніи хотя не онъ первый выставилъ принципъ тоническій (удареніе) — это была заслуга Тредьяковскаго, — но онъ первый примѣнялъ его безукоризненно въ своихъ стихахъ.

Оба современника Ломоносова Тредьяковскій (1703—1769) и Сумароковъ (1718—1777) обращали вниманіе также на теоретическую сторону русскаго языка, интересуясь грамматическими вопросами, первый желалъ даже выступить реформаторомъ русскаго правописанія. Его «Разговоръ между Чужестраннымъ человѣкомъ і Россійскимъ объ ортографіі старінной і новой» (1748) предлагалъ кой-какія нововведенія съ большимъ паѳосомъ риторическимъ, съ безвкусными остротами и — провалился. (Нѣкоторыя извлеченія см. у П. К. Симони въ «Извѣстіяхъ» 1896 г. стр. 120—124). Важнѣе были его разсужденія о русскомъ стихотвореніи (1735 и 1755), гдѣ онъ первый настаивалъ на тоническомъ принципѣ, какъ руководящемъ при версификаціи. Въ 1735 году вышла книжка его: «Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стіховъ съ опредѣленіями до сего надлежащихъ званій. Черезъ Васілья Тредіаковскаго». На эту статью написалъ Ломоносовъ въ 1740 реплику: «Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства». Вторично явился Тредьяковскій съ разсужденіемъ «о древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ» 1755. Къ переводу же «приключеній Телемаха» («Телемахиды») онъ прибавилъ 1766 статью объ «иксаметрѣ». Еще можно указать на его «Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ» (1773), гдѣ онъ вдавался въ этимологическія сопоставленія съ цѣлью поясненія разныхъ вопросовъ славянскихъ древностей (очень неудачно, см. у Булича 205—9). Даровитость младшаго его современника Ломоносова слишкомъ затмила его, но у него все же нельзя отрицать извѣстныхъ заслугъ передъ русскимъ языкомъ. (Сл. о Тредьяковскомъ матеріалы напечатанные А. Куникомъ въ I томѣ «Сборника матеріаловъ для исторіи Импер. академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ», СПбгъ 1865, «Библіографическія замѣтки о нѣкоторыхъ трудахъ В. К. Тредіаковскаго», Казань 1890 (статья М. Петровскаго). Сумароковъ отнесся еще болѣе дилетантски къ вопросамъ русской ороографіи и грамматики. Онъ написалъ между прочимъ «О коренныхъ словахъ русскаго языка», «Объ истребленіи чужихъ словъ» и о «русскомъ языкѣ и о стихотворствѣ» (1748, 1774) и т. д. Русскій языкъ, становясь уже со времени Петра Великаго, въ особенности же въ продолженіе XVIII-го столѣтія, исключительнымъ органомъ русской литературы, нуждался и послѣ Ломоносова въ грамматической обработкѣ. Можно жалѣть, что обширная грамматика рус-

скаго языка А. А. Барсова, составленная приблизительно съ той же цѣлью, какъ въ Польшѣ грамматика Онуфрія Копчинскаго, не была напечатана. Сл. у Сухомлинова въ Исторіи россійской Академіи вып. IV. 186—298 (въ XIX томѣ «Сборника» отдѣленія р. яз. и слов.). Тамъ же дается также оцѣнка грамматики Свѣтова (стр. 321—7). Тотъ же Свѣтовъ напечаталъ въ «Академ. извѣстіяхъ» на 1779 г. статью о русскомъ языкѣ, въ которой проповѣдывалъ исключительный пуризмъ, считая германизмами даже такія слова какъ *снѣгъ*, *вода*, *люди* и т. д., латинизмами же *домъ*, *огонь*, *око*, *день*, *видѣть* и т. д. О прочихъ его разсужденіяхъ см. у Булича 253—5. О статьяхъ подобнаго содержанія въ русскихъ журналахъ XVIII вѣка у Булича 276—298. Первый опытъ словаря церковно-славянскаго языка сдѣланъ въ этомъ столѣтіи протоіереемъ московскимъ П. А. Алексѣевымъ: Церковный словарь или истолкованіе реченій словенскихъ древнихъ... въ св. писаніи и друг. церковныхъ книгахъ (1773, съ дополненіями 1776, и съ продолженіемъ 1779). Оцѣнку см. у Сухомлинова въ Ист. росс. акад. I. 309—343 и у Булича 303—307. Четвертымъ изданіемъ вышелъ этотъ словарь въ пяти томахъ 1817—1819. О другихъ статьяхъ относительно лексикографіи русской см. у Булича тамъ же.

Новыя вѣянія въ славянской наукѣ, обусловленныя общимъ движеніемъ человѣческой мысли, проникли черезъ Англію и Францію въ Германію и Австрію и въ составныя части имперіи Габсбурговъ, преимущественно въ Богемію при императрицѣ Маріи Терезіи и императорѣ Іосифѣ. Пока въ Россію вліяніе шло прямо изъ Франціи (черезъ французскую литературу и отдѣльныхъ писателей), у западныхъ славянъ дѣйствовали нѣмецкіе писатели въ родѣ славянолюбиваго Гердера, отзывомъ котораго о славянахъ одушевлялись Дурихъ, Добровскій, Карамзинъ, Раковецкій и молодое поколѣніе чешскихъ патріотовъ-романтиковъ. Новѣйшій изслѣдователь исторіи чешской литературы разсуждаетъ о стремленіяхъ императора Іосифа такъ: онъ искренно желалъ поднять уровень просвѣщенія своихъ народовъ, а когда въ многоязычномъ государствѣ возникъ вопросъ о языкѣ, посредствомъ котораго это просвѣщеніе должно было распространяться, онъ рѣшилъ дѣло въ пользу нѣмецкаго языка. Съ своей точки зрѣнія онъ былъ правъ, но замышляемая германизація вызвала также первыя попытки національной чешской оппозиціи. Правленіе Іосифа II дало чехамъ возможность и средства къ національному возрожденію. Не подлежитъ сомнѣнію, что просвѣтительныя и гуманныя идеи XVIII-го столѣтія, которыхъ усерднѣйшимъ пропагаторомъ былъ самъ императоръ Іосифъ, составляютъ главнѣйшій факторъ, которому чешская литература обязана своимъ возрожде-

ніемъ. Мѣры, предпринятыя Іосифомъ противъ чешской народности, давали ей въ руки средства для борьбы, т. е. извѣстную степень политической и религіозной свободы, которая могла поощрять общественныя силы къ самодѣятельности. Въ области науки отразились новыя стремленія въ Богеміи въ учрежденномъ въ 1769—70 году частномъ обществѣ наукъ (Privatgesellschaft der Wissenschaften), переименованномъ въ 1784 году въ богемское (чешское) общество наукъ (Boehmische Gesellschaft der Wissenschaften), въ 1790 же году было присвоено ему императоромъ Леопольдомъ II названіе «королевскаго общества». Съ 1775 года общество издавало на нѣмецкомъ языкѣ свои Abhandlungen. Изъ числа представителей, сосредоточившихся вокругъ этого общества, въ области славяновѣдѣнія достойны упоминанія какъ предшественники Добровскаго, отчасти его старшіе современники — Гелазій Добнеръ, Пубичка, Пельцель, Фойгтъ, Унгаръ, Дурихъ и др. Гелазій Добнеръ (1719—1790, членъ ордена піаристовъ) отличался въ вопросахъ чешской исторіи и славянскихъ древностей критической трезвостью. Главный трудъ его — изданіе латинскаго перевода (сдѣланнаго Викториномъ a S. Cruce) чешской исторіи Гайка (Hajek) съ критическими примѣчаніями. Изданіе вышло въ VI томахъ 1762—86 подъ заглавіемъ: «Wenceslai Hagek a Liboczan Annales Bohemorum» (доведено до 1198 года), оно заключаетъ въ себѣ много важныхъ примѣчаній ученаго издателя, которыя дѣлаютъ честь его критическому таланту. Здѣсь впервые доказана полная ненадежность хроники этого писателя. Палацкій опредѣлилъ заслугу Добнера словами: «Konec učinil hajkování v dějinách našich». Важнымъ было также его изданіе историческихъ памятниковъ: «Monumenta historica Bohemiae nusquam antehac edita», VI томовъ, 1764—1785, послѣ котораго сага о Чехѣ, Лехѣ и Мѣхѣ должна была прекратить свое мнимое историческое значеніе. Въ сравненіи съ предшествовавшими писателями Добнеру досталось отъ Шлёцера признаніе: delirare desiit. Его участіе въ Abhandlungen общества наукъ касалось отчасти уже вопросовъ, относящихся къ славяновѣдѣнію, напр., въ 1785 году въ I томѣ Abhandlungen der boehm. Gesellschaft онъ возсталъ противъ Добровскаго, написавшаго въ V томѣ Abhandlungen der Privatgesellschaft (1782) изслѣдованіе о древности чешскаго перевода библіи, со статьею: «Aufwerfung einer histor. krit. Frage, ob das heut zu Tage sogenannte cyrillische Alphabet für eine wahre Erfindung des heil. Slav. Apostels zu halten» (стр. 101—139), гдѣ онъ вѣскими аргументами, дѣлающими честь его критическому чутью, отстаивалъ большую древность и оригинальность глаголическаго письма, объясняя по своему довольно остроумно происхожденіе

преданія о мнимомъ участіи въ этомъ дѣлѣ св. Іеронима — однакожъ мнѣніе его о состоявшемся будто бы по приказанію римской куріи исправленіи перевода глаголическаго на основаніи лат. вульгаты не выдерживало критики. — Добнеръ ссылался уже на Abecenarium bulgaricum, указывалъ на совпаденіе обоихъ шрифтовъ въ обозначеніи нѣкоторыхъ согласныхъ, и. т. д. Вѣскости и убѣдительности аргументовъ этой замѣчательной статьи много повредила вторая (ibid. 140—177): «Kritische Untersuchung ob das Christenthum in Boehmen von dem heil. Methud und dessen apostol. Mitarbeitern nach den Grundsätzen, Lehre und Gebräuchen der römisch-lat. oder der griechischen Kirche eingeführt worden; zweitens ob dem h. Methud vom Pabst Iohann dem Achten das slavische Messlesen geradehin und uneingeschränkt jemals verboten worden» и далѣе (на стр. 394—444): «Ueber die Einführung des Christenthums in Boehmen». Здѣсь Добнеръ всѣми усиліями старался доказать, что вся дѣятельность Меѳодія (книги и обряды) была устроена по образцамъ римскимъ. Добровскому нетрудно было по этому пункту опровергнуть Добнера, вслѣдствіе чего пострадали его доказательства и тамъ, гдѣ онъ былъ правъ. Добнеръ вѣрилъ въ извѣстную зависимость древне-чешскаго перевода библіи отъ церковно-славянскаго. Статья его «Ueber das Alter der boehmischen Bibelübersetzung» (въ Abh. der Boehm. G. d. W. für 1788, IV, 283—299) не была сочувственно принята Добровскимъ (сл. его отзывъ въ Dobr. Dur. стр. 52). О Добнерѣ, какъ историкѣ, писали Палацкій и Калаусекъ въ Děje společnosti nauk, Ганушъ въ программѣ гимназіи новомѣстской въ Прагѣ 1854, Жакъ въ журналѣ Vlast 1891, Шимакъ въ Č. Č. M. 1901. Извлеченія изъ переписки Добнера съ Розенталомъ напечатаны въ Миклошичевой Slav. Bibliothek II. 1—45; съ Питеромъ, 1759—1764, въ Zeitschrift für Gesch. Mährens und Schlesiens 1905, 104—108. Въ перепискѣ Добровскаго съ Дурихомъ упоминается довольно часто о Добнерѣ, напр. стр. 12. 19, и т. д. Добровскій полагалъ, что Добнеръ «напрасно» (frustra) хотѣлъ бы Кириллу присвоить глаголицу (на стр. 33). Онъ критиковалъ также извѣстное мѣсто о подлинникѣ псалтыри 1222 года (ibid.). Дурихъ просилъ Добровскаго полемизировать противъ Добнера мягко и вѣжливо во вниманіе къ его большимъ заслугамъ (стр. 27), онъ называлъ его optimus amicissimusque senex (стр. 38). Добровскій соглашался съ этимъ взглядомъ (poenitet me iam cum seniculo congredi, стр. 52).

Объ одномъ изъ современниковъ Добнера, іезуитѣ Фр. Пубичкѣ (1722—1807) была уже рѣчь выше (стр. 76) въ серіи изданій Яблоновскаго. Онъ напечаталъ кромѣ изслѣдованія о древнѣйшихъ мѣстопребываніяхъ сла-

вянъ много другихъ сочиненій, между прочимъ также Chronologische Geschichte Boehmens въ 10 выпускахъ (1770—1801). Второй современникъ и членъ того же ордена, какъ Добнеръ, былъ піаристъ Adauctus Nicolaus Voigt (1733—1787), занимавшійся много нумизматикой (1771—87, четыре тома), а въ Effigies virorum eruditorum (1773—82, также по-нѣмецки при содѣйствіи Пельцеля въ 4 выпускахъ), и въ Acta litteraria Bohemiae et Moraviae (1774 и 1783 въ двухъ томахъ) онъ былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ чешскихъ литературныхъ историковъ. Въ Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Boehmen онъ напечаталъ (томъ I, 164—199): «Untersuchung über die Einführung, den Gebrauch und die Abänderung der Buchstaben und des Schreibens in Boehmen», гдѣ отвергалъ далматинскія фантазіи объ участіи св. Іеронима въ этомъ дѣлѣ. Тутъ же онъ помѣстилъ (стр. 200—221) статью «Von dem Alterthum und Gebrauch des Kirchengesanges in Boehmen (1775), а въ III томѣ (стр. 99—130): «Ueber den Kalender der Slaven, besonders der Boehmen», здѣсь имѣется перечень названій мѣсяцевъ, недѣль, дней, частей года, праздниковъ и т. д. сравнительно по всѣмъ славянскимъ языкамъ, которые ему были доступны. Важнѣе была дѣятельность Пельцеля (Fr. Mart. Pelzel 1734—1801) преимущественно въ области чешской исторіи; его Kurzgefasste Geschichte der Boehmen вышла въ трехъ изданіяхъ (послѣднее 1782), на старости лѣтъ онъ передѣлалъ это сочиненіе обширнѣе въ изданіи «Nová kronika česká» (I. 1791, II. 1792, III. 1796, IV ч. осталась въ рукописи). Монографіи его о Карлѣ IV (2 ч. 1780—1) и о Вацлавѣ (2 ч. 1788—90) считались для своего времени замѣчательными изслѣдованіями. Сообща съ Добровскимъ онъ напечаталъ «Scriptores rerum bohemicarum» въ двухъ томахъ (1782. 1784). Въ изданіяхъ общества наукъ онъ помѣстилъ (въ 1775 году) «Ueber Samo König der Slaven», потомъ «Geschichte der Deutschen und ihrer Sprache in Boehmen wie auch von dem Einflusse, den sie auf Religion, Sitten, Regierung, Wissenschaften und Künste der Boehmen gehabt haben» (съ очень мрачными взглядами на будущность чешскаго языка, которому угрожала германизаціонная тенденція нѣмецкой школы). Этотъ этюдъ вышелъ въ Abh. für 1788, IV. 344—383 и въ Neuere Abh. 1791, I. 281—310, а въ 1792 году: «Ueber den Ursprung und Namen der Stadt Prag». Онъ рѣшился издать въ 1775 Бальбинову апологію чешскаго языка «Dissertatio apologetica pro lingua Slavonica, praecipue bohemica», оправдываясь потомъ въ Gesch. der Deutschen (295. 297) тѣмъ, что надо было сохранить сочиненіе отъ утраты. Пельцель былъ первымъ профессоромъ чешскаго языка въ Пражскомъ университетѣ. Его вступительная лекція касалась вопроса «Ueber den Nutzen und die Wich-

tigkeit der boehmischen Sprache» (1793). Изъ переписки Добровскаго съ Копитаромъ узнаемъ, что Пельцель замышлялъ учредить чешское литературное общество Hromada, но заблаговременно отказался, узнавъ, что собранія подобнаго рода были бы правительству непріятны. Добровскій написалъ (1810) по этому поводу ядовитую замѣтку: «Быть можетъ, прочіе славяне менѣе подозрительны, чѣмъ усердные чехи, языкъ которыхъ долгое время въ Австріи считался языкомъ революціонеровъ». Пельцель написалъ по-нѣмецки грамматику чешскаго языка («Grundzüge der boehmischen Grammatik» 1795, 1798), которой предшествовалъ въ 1793 году «Typus declinationum linguae bohemicae nova methodo dispositarum». Это собственно трудъ Добровскаго, какъ показываютъ его слова въ письмѣ къ Дуриху (292). Но и въ грамматикѣ Пельцеля глава о просодіи цѣликомъ принадлежитъ Добровскому. Когда же Пельцелю пришлось въ университетѣ читать лекціи чешскаго языка, онъ преподавалъ по рукописнымъ тетрадкамъ, уступленнымъ ему Добровскимъ (Slavin, 225). Пельцель хотѣлъ возбудить любовь къ чешскому языку въ обществѣ между прочимъ изданіемъ хорошихъ чешскихъ памятниковъ, но онъ успѣлъ издать только одинъ выпускъ въ 1777 году: «Příhody Václ. Vratislava z Mitrovic» съ предисловіемъ въ патріотическомъ духѣ.

Въ области исторіи чешской литературы, преимущественно по части библіографическихъ разысканій, надо упомянуть современника и отчасти противника Добровскаго — начальника пражской сначала страговской, потомъ университетской библіотеки, Карла Раф. Унгара, 1743—1807. Библіографическое усердіе его достойно всякой похвалы, сл. его Versuch einer Geschichte der Bibliotheken in Boehmen (Abh. d. b. Ges. für 1785, II). Онъ продолжалъ разысканія Фойгтовы по типографскому дѣлу въ Богеміи, въ Neuere Abh. d. k. boehm. Gesel. 1795 II B. Letzter Teil 195—229: Neue Beyträge zur alten Geschichte der Buchdruckerkunst in Boehmen. Его «Allgemeine Boehmische Bibliothek» вышла только въ одномъ выпускѣ (1786). Изданная же имъ Бальбинова «Bohemia docta» (1776—1780) вызвала полемику съ Добровскимъ, который давалъ предпочтеніе другому издателю того же сочиненія, августиніану Р. Кандиду а S. Theresia. — Фаустинъ Прохазка (1749—1809) извѣстенъ своимъ переводомъ библіи на чешскій языкъ (1780. 1786. 1804) и разными сочиненіями историко-литературнаго содержанія: De saecularibus liberalium artium in Bohemia et Moravia fatis commentarius (1782), Miscellaneen der Boehmischen und Mährischen Literatur 1784—5 три выпуска. И онъ издавалъ древнечешскіе памятники, важнѣе другихъ была хроника Болеславская (Далимилъ), онъ приготовилъ ее

для изданія (1786), соблюдая пріемы критико-филологическіе, а чтобы успокоить нѣмецкую публику, которой могъ не понравиться враждебный тонъ хрониста, онъ выставилъ какъ предлогъ, что издаетъ текстъ исключительно какъ памятникъ древнечешскаго языка. — Къ этому кружку пражскихъ ученыхъ можно причислить еще двухъ представителей вѣнской среды: бывшаго піариста, потомъ мірскаго священника Макс. Шимека, родомъ словенца изъ Штиріи (1748). Онъ былъ профессоромъ чешскаго языка въ военной академіи нейштадтской (подъ Вѣною), написалъ не вполнѣ удавшуюся грамматику чешскаго языка (1785), но въ наукѣ болѣе извѣстенъ своей въ 1787 изданной исторіей Босніи. Въ чешской литературѣ онъ прослылъ крайнимъ пуристомъ, преслѣдовавшимъ даже такія слова какъ *око* (онъ предлагалъ *vidĕlkyni!*), для черепахи предлагалъ *štítlice*, для глагола путешествовать *cestliti* и т. д. Добровскій возставалъ неоднократно противъ этого заблужденія. Шимекъ скончался въ 1798 году приходскимъ священникомъ въ Моравіи (некрологъ Альтера въ Allg. litter. Anzeiger 1799 Mai, ч. 79 стр. 779—780). Въ прежніе свои годы онъ поддерживалъ дружескія сношенія съ Дурихомъ, изъ писемъ котораго можно убѣдиться, что Шимекъ внимательно слѣдилъ за разными вопросами славяновѣдѣнія. Такъ напр. въ 1783 году онъ заявлялъ публично о намѣреніи издать «Slavische Sprachforschung», но до исполненія у него не дошло. Упомянемъ еще лексикографа Карла Игн. Тама (Tham, 1763—1816), написавшаго нѣсколько чешскихъ грамматикъ (съ практической цѣлью) и трудившагося также надъ словаремъ (въ нѣсколькихъ изданіяхъ, полнѣйшее вышло въ двухъ томахъ 1807—8). Добровскій критиковалъ въ Введеніи въ I томъ своего нѣмецко-чешскаго словаря изданіе Тамова нѣмецко-чешскаго словаря (Neues ausführliches und vollständiges deutsch-boehmisches Nazionallexikon. Prag 1799 I часть A—K. 8⁰ 576) какъ по отношенію къ предшествовавшему изданію (1788 года, 8⁰ 796), такъ и по отношенію къ словарю Франца I. Томзы (Kleines deutsch-boehmisches Wörterbuch. Prag 1789, 8⁰ 622). Тамъ написалъ въ 1783 «Obranu jazyka českého». Въ той же области трудился также Фр. Томза (1753—1814). Словарямъ его (нѣмецко-чешскому 1789 г. и чешско-нѣмецко-латинскому 1791 г.) Добровскій давалъ нѣкоторое предпочтеніе передъ Тамомъ. И его занятія сосредоточивались на правописаніи, грамматикѣ и словарѣ. Въ Вѣнѣ жилъ рядомъ съ Шимекомъ какъ представитель чешскаго языка и литературы Злобицкій, занимавшій съ 1773 года въ вѣнскомъ заведеніи «Терезіанумѣ» каѳедру чешскаго языка, онъ состоялъ также цензоромъ слав. книгъ. Его библіотека повидимому была богаче и замѣчательнѣе, чѣмъ его литературная дѣятель-

ность, но послѣ кончины его († 1810) она разошлась въ разныя стороны.

Въ это время занимался отчасти также церковнославянскими текстами Фр. Кр. Альтеръ, іезуитъ и потомъ кустосъ вѣнской придворной библіотеки. Его спеціальностью былъ собственно греческій языкъ, но въ своихъ Philologisch-kritische Miscellaneen (1799) онъ обращалъ вниманіе также на нѣкоторые славянскіе памятники, (напр. описаніе одного хронографа XVII столѣтія), не вникая однакожъ глубоко въ суть дѣла (сл. отзывы Дуриха 62, 217, Добровскаго 427, 437), между прочимъ онъ здѣсь напечаталъ Literatur der Slavischen Grammatiken 114—130 (сл. предисловіе Добровскаго къ Institutiones LVI). Упомянемъ также его Beitrag zur praktischen Diplomatik für Slaven, vorzüglich für Boehmen (Wien 1801), гдѣ между прочимъ въ предисловіи (стр. V) хорошо сказано: «Es wäre sehr zu wünschen, dass eine Slavische Lehrkanzel für die Gelehrt-Slavische Sprache und Literatur auf der hohen Schule zu Wien errichtet werden möchte». Это желаніе осталось гласомъ вопіющаго втуне ровно полъ столѣтія! Въ «практической дипломатикѣ» излагается названіе измѣняющихся и непереходящихъ праздниковъ, потомъ частей года, мѣсяцевъ, святыхъ и т. д. въ сравненіи по разнымъ славянскимъ языкамъ, главнымъ образомъ чешскому. Его изданіе греческаго текста Новаго Завѣта отличалось тѣмъ, что онъ обращалъ вниманіе также на слав. разночтенія. То же самое видно и въ книжечкѣ его «Georgianische Litteratur» (Wien 1798), гдѣ приводятся чтенія изъ Острожской библіи, изъ московскаго изданія 1759 года, изъ вѣнскаго изданія псалтыри 1779 г. и т. д.

Какъ въ трудахъ Альтера замѣтно желаніе нѣмецкаго ученаго итти навстрѣчу проснувшемуся изученію славянства въ области филологіи, такъ можно и въ области исторіи кромѣ ученыхъ пражскихъ, о которыхъ была уже рѣчь указать еще на такія статьи, какъ Heyrenbach: Slawen in Oesterreich (подразумѣваются древнѣйшія извѣстія о существованіи славянъ въ провинціи Австріи по ту и другую стороны рѣки Эмсъ, въ Neuere Abh. der k. boehm. Gesell. d. Wiss. II Band 1795 (въ послѣднемъ отдѣлѣ стр. 3—41). Въ славянской филологіи часто упоминается имя Хр. Фр. Шнуррера, бывшаго профессора тюбингенскаго университета. Онъ позанялся библіографическимъ разысканіемъ въ области южно-славянскаго протестантизма, въ изданіи: «Slawischer Bücherdruck in Würtenberg im sechzehnten Jahrhundert», 1799. VIII. 128. Добровскій и Копитаръ состояли съ нимъ въ перепискѣ, послѣдній пріобрѣлъ даже отъ него коллекцію старопечатныхъ словенскихъ изданій «Truberiana».

Важнѣе труды Іо. Христіана Энгеля, венгерскаго нѣмца (1770—1814), посвятившаго много прилежанія изученію исторіи всѣхъ тѣхъ странъ славянскихъ, которыя когда-то или и теперь еще находились въ сношеніяхъ съ Венгріей. Его точка зрѣнія была чисто венгерская, но, зная славянскія нарѣчія, онъ могъ пользоваться отчасти также славянскими источниками. Онъ написалъ «Geschichte der Ukraine und der Königreiche Halitsch und Wladimir» (1796), «Geschichte der Nebenländer des Ungrischen Reiches» 4 части (1797—1804), сюда вошла исторія Панноніи и Болгаріи (1 ч.), Далмаціи и Хорватіи (2 ч.), Босніи и Сербіи (3 ч.), Валахіи и Молдавіи (4 ч.), отдѣльно еще «Geschichte des Freistaates Ragusa» (1807). Новымъ изданіемъ вышла въ пяти томахъ 1813—1815 его Geschichte des ungrischen Reiches, и мн. др. сочиненій. Копитаръ и Добровскій относились съ уваженіемъ къ нему (Переп. 41. 249), но не одобряли его чрезмѣрнаго мадьярофильства (ib. 197. 217). Копитаръ называлъ его компиляторомъ и декламаторомъ (384), впрочемъ труды его, хотя бы и компилятивные, принесли большую пользу (исторія Дубровника считалась до новѣйшаго времени очень важнымъ пособіемъ, она переведена на сербско-хорватскій языкъ въ 1903 г. Иваномъ Стояновичемъ). Энгель сознавалъ и самъ недостатки своихъ сочиненій, какъ доказываетъ его переписка съ митрополитомъ Стратимировичемъ (Нов. письма 753—761).

Ближайшимъ предшественникомъ, искреннимъ другомъ и сотрудникомъ Добровскаго былъ Фортунатъ Дурихъ (1738—1802). Онъ родился въ Турновѣ въ Чехіи, гдѣ и скончался, возвратясь на старости лѣтъ на родину. Юношей онъ поступилъ въ орденъ пауланова, былъ потомъ (около 1765) въ Мюнхенѣ и Прагѣ, здѣсь пражскій конвентъ избралъ его экзаминаторомъ богословія и восточныхъ языковъ (еврейскаго). Когда орденъ паулановъ былъ закрытъ, 1784, онъ перебрался изъ Праги въ Вѣну, жилъ здѣсь въ монастырѣ того же ордена въ предмѣстіи Виденъ, посѣщалъ очень усердно придворную библіотеку, посвящая главное вниманіе славянскимъ рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ. Онъ дѣлалъ выписки въ большихъ размѣрахъ, но безъ точно опредѣленнаго плана, богатымъ матеріаломъ снабжалъ охотно Добровскаго и наводилъ для него справки. Его желаніе было издать въ большомъ числѣ томовъ энциклопедію памятниковъ славянскихъ языковъ и письменностей. Онъ самъ разсказываетъ, какъ въ бытность свою въ Мюнхенѣ (1765), побуждаемый совѣтами тамошняго библіотекаря Эфеле (Oefele), онъ порѣшилъ собирать разнообразный до славянъ касающійся матеріалъ относительно ихъ древней письменности. Начатое въ Мюнхенѣ дѣло успѣшно продолжалось (съ 1767 года) въ Прагѣ, при помощи и со-

дѣйствіи Фойгта, Пельцеля и другихъ въ Прагѣ, Шимека и Злобицкаго въ Вѣнѣ. Главнымъ его товарищемъ и помощникомъ былъ Добровскій (съ 1785 года путемъ переписки изъ Вѣны, сл. замѣтку Дуриха на стр. 230, въ письмѣ отъ 21. 4. 1792). Уступая даровитостью своему младшему другу, онъ вращался въ сущности въ кругу тѣхъ же идеаловъ и плановъ, которые одушевляли Добровскаго, поэтому онъ и можетъ съ полнымъ правомъ быть названъ его ближайшимъ предшественникомъ. Дурихъ сосредоточилъ преимущественное вниманіе на церковно-славянскомъ языкѣ, на lingua Slavonica, какъ онъ называлъ его, считая его довольно вѣрно «mater vel potius antiquior soror (Bibl. slav. XIII)» чешскаго языка. Уже въ 1777 году вышла его Dissertatio de Slavo-Bohemica sacri codicis versione (въ Прагѣ, 8⁰ 56), гдѣ рѣчь заходила о чешскомъ переводѣ библіи. Статья посвящена Sanctis Cyrillo et Methodio Moraviae et Bohemiae Slavorum apostolis atque apud alias eiusdem stirpis gentes rei christianae et literariae magistris (сл. Пастернекъ въ Č. Č. M. 1896 стр. 67—80: O počátcíh slovanské filologie v Čechách, zvláště o Fortunátovi Durichovi a jeho poměru k Dobrovskému). Статья[1]) была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что Дурихъ получилъ было порученіе сообща съ Прохазкой приготовить новый чешскій переводъ библіи. Задача исполнена Прохазкой. Какое живое участіе Добровскій принималъ въ занятіяхъ Дуриха, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ ихъ обширная, въ высшей степени замѣчательная переписка, она началась въ 1778 году, когда Дурихъ еще жилъ въ Прагѣ, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ продолжалась съ 1785 года, съ тѣхъ поръ какъ Дурихъ переѣхалъ въ Вѣну. Переписка шла до 1800, она обнимаетъ 163 письма (88 Добровскаго, 75 Дуриха); нѣкоторыя изъ нихъ приняли размѣры маленькихъ диссертацій, напр. № 18. 37 обнимаютъ 4 печатныя страницы изданія Патеры, № 43. 46. 54. 57 по пяти страницъ; письма Добровскаго отчасти еще обширнѣе: № 2 и 104 обнимаетъ $5^1/_2$ печатн. страницъ, № 44. 45. 47. 53 по пяти страницъ, № 81. 101 по $6^1/_2$ стр. Главнымъ содержаніемъ этой переписки были приблизительно тѣ же предметы и вопросы, которые Добровскій лѣтъ десять спустя послѣ перерыва продолжалъ

1) Проф. Пастернекъ не прочь вести начало славянской филологіи отъ появленія этой диссертаціи. Она состоитъ изъ трехъ главъ. Въ 1-ой главѣ разсказывается о церковно-слав. языкѣ, о двухъ алфавитахъ, о грамматикахъ и старопечатныхъ книгахъ этого языка. Во 2-ой о чешскихъ рукописныхъ и печатныхъ текстахъ библіи. Въ 3-ей главѣ представленъ образецъ языка изъ евангелія отъ Матѳея (по изданію 1575 года) съ характеристикой церковнаго языка. Дурихъ зналъ труды Ассемани, Грубишича и Коля, онъ приводилъ чешскій переводъ св. писанія въ связь съ церковнославянскимъ, но еще не былъ въ состояніи опредѣлить, изъ какого источника сдѣланъ церковносл. переводъ.

обсуждать въ перепискѣ съ Копитаромъ: это были вопросы, относящіеся къ славянскимъ древностямъ, преимущественно къ церковнославянской письменности. Много мѣста отведено описанію библіографическихъ рѣдкостей, извлеченіямъ и выпискамъ изъ рукописей. Сначала переписка касалась Унгарова изданія, но въ 1785 г. (стр. 12) Добровскій направляетъ своего друга «ad prosequenda studia slavicae literaturae» — и Дурихъ охотно соглашается, чувствуя превосходство своего младшаго друга. Добровскому пришлись очень кстати выписки Дуриха изъ вѣнскихъ рукописей, поэтому онъ и высказываетъ (№ 15, 1786 года) свое удовольствіе: Placet mihi summopere tua in lustrandis codicibus slavicis diligentia (стр. 32). Онъ не стѣснялся заявлять желанія, которыя Дурихъ охотно исполнялъ, напр., онъ указывалъ на разночтенія церковнослав. рукописей въ сравненіи съ Острожской библіей, на изученіе книгъ протестантской литературы, на изданія глаголическія (сл. № 19, 21, 23, 36, 51), на другія старопечатныя книги (№ 28. 29. 31. 33. 59. 60), на изданія боснійской кириллицею (№ 33. 35). Уже въ 1787 году (№ 25) Дурихъ открываетъ Добровскому, что онъ хотѣлъ бы издать «dissertationes et observationes», задача которыхъ состояла бы въ ознакомленіи съ рукописями и рѣдкими славянскими изданіями вѣнской придворной библіотеки, образцами «palaeographiae, philologiae, criticae et hermeneuticae sacrae Slavorum» (стр. 55). Позже (въ письмѣ 1790 года, стр. 148) рѣчь шла о «Slavia»; подъ этимъ названіемъ (о чемъ упоминалось выше у Антона, стр. 79) Дурихъ подразумѣвалъ своего рода журналъ для взаимнаго ознакомленія съ изданіями, относящимися къ восточнымъ и сѣвернымъ славянамъ, съ вопросами, обращаемыми къ читателямъ. По идеѣ это былъ зародышъ «Славина» и «Слованки» (стр. 151. 177). Иногда оба друга расходились въ мнѣніяхъ, какъ напр. насчетъ дѣятельности Меѳодія (№ 34, 35, 58), насчетъ чешскаго перевода св. писанія (№ 46. 47. 73. 76, также № 50). Затрогивались и предметы спеціально чешскіе, въ такихъ случаяхъ Добровскій могъ дѣлать сообщенія изъ рукописей и книгъ Оломуцкой библіотеки (№ 36. 37. 38. 40. 55. 56. 63), Дурихъ же изъ вѣнской библіотеки (№ 39. 42). Остроуміе Добровскаго въ объясненіяхъ темныхъ мѣстъ обнаруживалось довольно часто (№ 41. 44. 45. 47. 51). Разсуждалось также о названіяхъ (напр. рѣкъ Вислы и Одры, № 54. 55. 67, о Прагѣ стр. 190, о названіи славянъ 214. 219. 221), о сношеніяхъ родства между славянами (чехами и лужичанами, № 58), о направленіи славянской колонизаціи (стр. 179) и т. д. По вопросамъ, гдѣ объясненіе было въ зависимости отъ соображеній и сопоставленій этимологическихъ, Добровскій стоялъ несравненно выше Дуриха. Изъ послѣдовавшей потомъ переписки Добров-

скаго съ Копитаромъ получаются поучительные отзывы о Дурихѣ. Оба они единодушно признавали его безпримѣрное усердіе, но Копитаръ осуждалъ его черезчуръ растянутый образъ изложенія, Добровскій же хвалилъ его письма, находя ихъ менѣе фразистыми и голословными, чѣмъ его поспѣшное и все же запоздалое сочиненіе (Bibliotheca slavica). «Безъ моего настоятельнаго требованія, говорилъ Добровскій, онъ должно быть не издалъ бы даже этой первой части. Его выписки изъ придворной библіотеки окажутся полезными только для того, кто самъ уже располагаетъ большими свѣдѣніями» (Письма Добр. 159). Копитаръ, очень неснисходительный по отношенію къ другимъ, самъ же постоянно строившій неосуществимые планы, возился нѣкоторое время съ планомъ продолжать Дурихову Bibliotheca slavica, но въ концѣ концовъ бросилъ и этотъ планъ, называя Дуриха «doch gar zu seicht und zu redselig».

Bibliotheca slavica была на дѣлѣ затѣяна по очень обширному плану, разсчитанному на пять томовъ. Вышла бы настоящая энциклопедія славяновѣдѣнія. Въ I-омъ изданномъ томѣ авторъ начинаетъ съ названія славянъ (которое онъ производитъ отъ «слова»), защищаетъ слав. языки отъ предразсудковъ иностранцевъ, напр., отъ насмѣшекъ П. И. Лудевига, подтрунивавшаго надъ Карломъ IV за то, что онъ хотѣлъ было «вендскій» языкъ, «diese Knechtsprache», сдѣлать обязательнымъ для нѣмецкаго «Chur-Printz oder Chur-Fürst». Онъ доказываетъ примѣрами изъ культурной исторіи и географіи выгоды изученія славянскихъ языковъ, подбираетъ слова изъ древнѣйшихъ источниковъ и анализируетъ ихъ, толкуетъ о попыткахъ транскрипціи, дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о кирилловскомъ алфавитѣ, ставитъ разные вопросы безъ отвѣтовъ. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ разсуждаетъ совсѣмъ въ духѣ Добровскаго о дѣленіи славянъ. Въ концѣ тома имѣется нѣсколько замѣтокъ о правѣ и религіи славянъ. Кромѣ этого перваго тома, изданнаго въ 1795 году, Дурихъ приготовилъ, говорятъ, матеріалъ и для слѣдующаго тома, который былъ отправленъ въ будимскую типографію и невѣдомо гдѣ застрялъ и затерялся. Шесть обширныхъ томовъ его Collectanea хранятся и теперь въ библіотекѣ чешскаго музея. Мнѣ извѣстно, что въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія покойный А. А. Котляревскій былъ занятъ разборомъ ихъ содержанія. О семейныхъ обстоятельствахъ Дуриха сл. статейку д-ра Шимака (O rodině Fortunata Durycha) въ Č. Č. M. 1903, 174—177.

ГЛАВА V.

Іосифъ Добровскій.

Источники. Ritter v. Rittersberg: Abbé Dobrowský, Prag 1829. 8⁰ 36; Fr. Palacký, Joseph Dobrowskýs Leben und gelehrtes Wirken, Prag 1833. 8⁰. 64. Kopitar, Nekrolog въ Oesterr. Beobachter 1829 März. 7. 10, №№ 66 и 69 (стр. 288. 301—302). Legis-Glückselig «Biographie des Abtes J. Dobrowský», Prag (Leitmeritz — Teplitz) 1837. Сличи еще Archiv für Geschichte, Statistik, Literatur und Kunst, XV Jahrgang, Wien 1824, №№ 98—99, S. 534—537, подъ заглавіемъ «Beyträge zum gelehrten Oesterreich» №: XXXVIII: Joseph Dobrowsky, потомъ въ Neues Archiv für Geschichte, Staatenkunde, Literatur und Kunst 1829. Erster Jahrgang (XX als Fortsetzung) №: 13: Abbé Dobrowsky (mitgetheilt von dr. Franz Sartori) S. 97—103. Въ журналѣ «Književnik» т. II, стр. 358—367, критическій взглядъ на его дѣятельность. Въ 1867 году И. Ганушъ (Hanuš) въ Abhandlungen der königl. Gesellschaft der Wissenschaften за 1867 годъ представилъ библіографическое обозрѣніе трудовъ Добровскаго: Literární působení Josefa Dobrowského co příspěvek k dějinám literatury české. Въ Oester. Nationalencyklopaedie Вурцбаха имѣется также біографія Добровскаго. Въ 1883 году напечаталъ Винк. Брандль «Život Josefa Dobrovského», въ Брюннѣ, 8⁰ 296. На русскомъ языкѣ вышло въ 1884 г. въ Казани вторымъ изданіемъ сочиненіе И. Снегирева подъ заглавіемъ: «Іосифъ Добровскій. Его жизнь, ученo-литературные труды и заслуги для славяновѣдѣнія». Флайшгансъ напечаталъ въ 1895 году: Počátky literární činnosti Josefa Dobrovského (Kr. Vinohrady) и въ 1896 году тамъ же: Spory Dobrovského s Thamem. Въ перепискѣ Добровскаго со многими посторонними учеными, въ особенности съ Дурихомъ (изданіе А. Патеры, см. выше на стр. 2), съ Копитаромъ (изданіе мое въ XXXIX т. «Сборника»), съ Бандтке (изданіе Францева, въ Прагѣ 1905) имѣется очень много данныхъ для характеристики его личности и его ученой дѣятельности. Наконецъ, въ коллективномъ изданіи «Literatura česká devatenáctého století» томъ I (v Praze 1902) посвящены Добровскому двѣ-три статьи, въ первыхъ двухъ Якубецъ говоритъ о немъ въ связи съ Дурихомъ и какъ о писателѣ чешскомъ (73—203), въ третьей Сметанка рисуетъ его, какъ основателя славяновѣдѣнія у чеховъ (203—233). Сл. еще Dobrovský in Slovenci, očrtal dr. Janko Šlebinger (въ Извѣстіяхъ Люблянской II гимназіи за 1903/4 годъ).

Родиной Добровскаго была изстари Богемія, въ окрестностяхъ Кениггреца жили его предки, въ XVII и XVIII столѣтіи. Дѣдъ его скончался тамъ же въ 1707 году, 68-ми лѣтъ отъ роду. Отецъ его родился въ 1701 году; попавши въ военную службу, онъ жилъ долгое время въ Венгріи, гдѣ у него въ мѣстечкѣ Іерметъ или Дьерметъ (Gyarmat), недалеко отъ города Раба (Györ), родился 17/18 августа 1753 сынъ Іосифъ, записанный въ метрическія книги вмѣсто настоящей фамиліи Daubrowsky въ формѣ Dobrowský. Въ школьныхъ свидѣтельствахъ приписывалось къ его фамиліи Ungarus Jermetensis. Полкъ, въ которомъ служилъ его отецъ, попалъ въ Богемію въ городъ Клатовъ, когда ребенку было лишь нѣсколько недѣль. Вскорѣ отецъ его покинулъ службу, но жилъ послѣ того не долго. Мать вышла вторично замужъ, новая семья была нѣмецкая. Они жили въ Бишофтейницѣ (на юго-западѣ отъ Пильзена), мальчикъ 9-ти лѣтъ попалъ въ гимназію въ Нѣмецкій Бродъ (Deutsch Brod), куда, говорятъ, отчимъ помѣстилъ его для уплаты долговъ со стороны одного своего должника. Здѣсь мальчикъ вновь выучился говорить по-чешски, не безъ насмѣшекъ обошлось со стороны товарищей надъ нимъ, какъ нѣмцемъ: «němec brouk, hrnce tlouk, pod lavici je hazel». Въ позднія времена романтики чешскаго возрожденія упрекали Добровскаго за то, что онъ писалъ и печаталъ свои сочиненія по-нѣмецки. Высшіе классы гимназіи онъ кончилъ въ Клатовѣ, а въ 1767/8 году попалъ въ Прагу на философію, гдѣ онъ содержалъ себя уроками въ качествѣ информатора и коррепетитора. Въ университетѣ царствовала тогда еще средневѣковая схоластика, рѣдки были исключенія въ рядахъ профессоровъ. Такимъ напр. былъ проф. Сейбтъ (іезуитъ), преподаватель нѣмецкой литературы, котораго подозрѣвали въ франмасонствѣ. Кромѣ философіи молодой Добровскій увлекался главнымъ образомъ математикой; профессору этого предмета (іезуиту Степлингу) приписываютъ, что молодой Добровскій рѣшился поступить въ орденъ іезуитовъ, послѣ того какъ въ 1771 г. онъ получилъ степень магистра философіи. Это случилось въ 1772 году въ Брюннѣ. Онъ увлекся, какъ онъ самъ разсказывалъ, мечтой попасть со временемъ въ Индію въ качествѣ миссіонера. Въ то время жилъ въ Прагѣ такой миссіонеръ изъ Индіи—Пржикрылъ. Но въ 1773 году орденъ іезуитскій былъ закрытъ, и Добровскій пріѣхалъ въ Прагу для изученія богословія на богословскомъ факультетѣ. Какъ разъ въ это время произошли нѣкоторыя реформы въ образѣ преподаванія богословской науки: Раутенштраухъ былъ въ 1773 году назначенъ директоромъ, іезуиты были устранены, введено преподаваніе восточныхъ языковъ. Добровскій занялся этими языками,—арабскимъ, халдейскимъ, сирскимъ и въ особенности еврейскимъ. Тутъ онъ

познакомился съ Дурихомъ, бывшимъ тогда экзаминаторомъ по еврейскому языку. Къ этому времени относится его статья «Pragische Fragmente hebräischer Handschriften» (1777 года), напечатанная въ I. Dav. Michaelis Orientalische Bibliothek (B. XII, № 198) и его (въ 1778 году изданное) изслѣдованіе: Fragmentum Pragense evangelii sti. Marci vulgo Autographi, edidit Jos. Dobrowsky clericus ecclesiasticus (4⁰ 58), въ которомъ онъ отвергъ мнѣніе, будто бы этотъ отрывокъ принадлежалъ св. Марку какъ автографъ. Уже здѣсь онъ коснулся нѣкоторыхъ мѣстъ славянскаго перевода (Отзывъ Михаэлиса въ Orient. und. Exeget. Bibliothek XIII, № 214). Занятія восточными языками вызвали еще въ 1783 году его статью «De antiquis Hebraeorum characteribus dissertatio», а въ 1784 онъ послалъ де Росси въ Парму разночтенія изъ еврейскихъ рукописей. Но этимъ и прекращается его наклонность къ оріентальнымъ языкамъ. Переходъ же его къ славистикѣ мы въ правѣ датировать вышеупомянутымъ 1778 годомъ. Уже въ первомъ письмѣ Дуриха (отъ 23 мая 1778 года, это отвѣтъ на письмо Добровскаго не сохранившееся) идетъ рѣчь о Труберѣ — темѣ изъ области славянской библіографіи, не перестававшей быть въ теченіе цѣлаго десятилѣтія любимымъ предметомъ разсужденій Добровскаго и Дуриха. Можно даже сказать, что приготовительный періодъ дѣятельности Добровскаго былъ преимущественно посвященъ изслѣдованіямъ библіографическимъ, разысканіямъ въ области источниковъ. Однакожъ въ первое время онъ посвящалъ свое вниманіе преимущественно чешской литературѣ. Унгаръ издалъ было Бальбиновы Miscellanea, подъ заглавіемъ Bohemia docta, I-ую часть. Добровскій не соглашался со взглядами, высказанными въ этомъ изданіи Унгаромъ и Дурихомъ относительно чешскаго перевода библіи (объ этомъ рѣчь въ письмѣ № 2 къ Дуриху). По поводу второй части Bohemia docta произошло разногласіе между Кандидомъ и Унгаромъ, въ которомъ Добровскій принялъ не вполнѣ безпристрастное участіе (въ Prager Intelligenzblatt 1778, 19 и въ Corrigenda in Bohemia docta 1779).

Въ это время Добровскій былъ уже по рекомендаціи Степлинга и Сейбта принятъ въ домъ графовъ Ностицовъ, гдѣ онъ оставался съ 1776-го по 1787 годъ и позже. Онъ преподавалъ молодымъ Ностицамъ философію и математику, провожалъ ихъ часто на лекціи юридическаго факультета. Въ этомъ графскомъ домѣ онъ познакомился съ топографомъ Шаллеромъ и съ историкомъ Пельцелемъ, которые со своей стороны содѣйствовали направленію научныхъ интересовъ Добровскаго въ сторону чешско-славянскихъ вопросовъ. Вскорѣ послѣ полемики съ Унгаромъ онъ затѣялъ повременное изданіе для изслѣдованій по исторіи чешской литературы. Въ 1779 году

вышли подъ заглавіемъ: Boehmische Literatur auf das J. 1779 (1—346) четыре выпуска, доказавшіе необыкновенную широту взглядовъ автора относительно значенія литературы для народной жизни. Не только о книгахъ, но и о всѣхъ прочихъ явленіяхъ національной культуры давались отчеты въ этихъ его выпускахъ; тутъ говорилось о дѣятельности обществъ и отдѣльныхъ лицъ, о богатствѣ собраній и учрежденій, притомъ по возможности полная библіографія; задавались разные вопросы и на поставленные другими давались отвѣты. Кромѣ чешскаго языка здѣсь уже обращалось вниманіе на славянское языковѣдѣніе вообще. Подъ чешскимъ Добровскій подразумѣвалъ уже тогда и все моравское. Мелкіе сепаратисты ставили ему это въ упрекъ; поэтому въ слѣдующемъ году при продолженіи изданія онъ расширилъ заглавіе въ «Boehmische und Mährische Literatur auf 1780». Здѣсь уже затронуты такого рода вопросы, какъ: 1) существуютъ ли въ Богеміи памятники кирилловскаго и глаголическаго письма? 2) можно ли доказать, что въ Богеміи было кирилловское письмо въ общемъ употребленіи? Этому вопросу посвящена въ 1782 году (въ Abhandlungen d. Privatgesellsch. V. 300—322) особая статья о древности чешскаго перевода библіи съ приложеніемъ о кирилловской и глаголической литературахъ. Добровскій стоялъ, въ противоположность мнѣнію Добнера, Дуриха, Фойгта, на той точкѣ зрѣнія, что славянское богослуженіе ограничивалось Моравіей и не было распространено въ Богеміи. Переводъ чешской библіи онъ выводилъ изъ латинскаго текста, тогда какъ въ переводѣ Кирилла и Меѳодія онъ находилъ отголосокъ греческаго подлинника. Знакомство съ глаголической литературой поражало своей обширностью; но имѣя подъ рукой только позднѣйшіе памятники (хорватскіе) глаголической письменности, онъ поневолѣ ошибался, полагая, что глаголическое письмо передѣлано хитростью монашеской изъ кирилловскаго въ теченіе XIII-го столѣтія. Въ продолженіе этихъ историко-литературныхъ изслѣдованій выступила его полемика съ Унгаромъ, вызвавшая нѣсколько отдѣльныхъ брошюръ. Унгаръ напалъ на журналъ Добровскаго въ «Revision der boehm. Literatur», Добровскій отвѣчалъ въ «Antwort auf die Revision». Изданіе литературнаго обозрѣнія Добровскаго было содѣйствіемъ вліятельныхъ враговъ его свободомыслія пріостановлено. Злые языки говорили, что въ этомъ участвовалъ и Злобицкій, узнавшій что въ ближайшемъ номерѣ появится неблагопріятная критика на одно его сочиненіе (имѣлась въ виду рецензія на Злобицкаго переводъ «Všeobecného řádu soudního», въ Magaz. I. 111—120). Зато Добровскій не прекращалъ своей дѣятельности въ обществѣ наукъ «Privatgesellschaft», гдѣ между прочимъ въ 1782 году

(V. 228—262) вышла статья «Ueber die Einführung und Verbreitung der Buchdruckerkunst in Boehmen», въ которой перечисляются древнѣйшія старопечатныя книги Богеміи, басня о связи мѣста Kutná hora съ Гуттенбергомъ отвергнута. Въ 1784 году, въ VI томѣ изданій (268—298) того же общества онъ напечаталъ статью «Historisch-kritische Untersuchung, woher die Slaven ihren Namen erhalten haben», гдѣ отвергалось производство отъ имени «слава». Въ томъ же году, наконецъ, вышелъ послѣдній выпускъ его литературнаго обозрѣнія за 1780 г. Въ 1786 году прежнее изданіе было возобновлено подъ другимъ заглавіемъ: «Literarisches Magazin von Boehmen und Mähren». Въ первомъ выпускѣ этого изданія разобрана литература 1781-го, во второмъ литература 1782 года, третій выпускъ, изданный въ 1787 году, относился къ 1783 и отчасти 1784 году. Въ первомъ выпускѣ обратила на себя вниманіе критика воспитанія молодежи въ тогдашнемъ обществѣ, въ особенности въ семинаріяхъ. Во второмъ имѣется уже статья Рибая о словацкомъ нарѣчіи съ примѣчаніями Добровскаго. Добровскій отстаивалъ и здѣсь и вообще начало единства чешско-словацкаго, не считая разумнымъ полный разрывъ между чехами и словаками. Важны были для своего времени отзывы Добровскаго о разныхъ руководствахъ къ изученію чешскаго языка и объ орѳографіи. Вопросы и отвѣты его касались организма чешскаго языка, его словообразованія и лексикона. Онъ возставалъ противъ безсмысленнаго пуризма, подсмѣиваясь надъ неологизмами въ родѣ *cítoň* вм. *носъ*, *noëlka* вм. *вино*. Въ полемикѣ, касавшейся орѳографіи, Добровскій отстаивалъ противъ Поля и Шимека историческое правописаніе, на основаніи глубокаго изученія исторіи чешскаго языка; въ литературѣ чешской, раньше бѣлогорской катастрофы, онъ усматривалъ періодъ процвѣтанія, указывая съ особеннымъ удовольствіемъ на такія произведенія какъ кралицкая библія, напротивъ, онъ предостерегалъ отъ подражанія образцамъ второй половины 17-го и первой половины 18-го столѣтія. Въ просодіи онъ отвергалъ подражаніе классическимъ образцамъ, т. е. стихотворству по количеству слоговъ (Lit. Mag. II. 131—136).

Рядомъ съ литературой и языкомъ интересовала Добровскаго чешская исторія со всѣми вопросами чешскославянскихъ древностей. Добнеръ отвергалъ существованіе отца Чеха, Духовскій, какъ мы выше видѣли (стр. 76) взялся защищать его. Произошла полемика, въ которую вмѣшался также Добровскій, написавшій въ 1782 году для сочиненія Пельцеля «Einleitung zur Geschichte Boehmens» статейку «Über den Ursprung des Namens Tschech». Здѣсь отвергается извѣстная попытка выводить славянъ на основаніи библіи

отъ сыновей Ноя, авторъ довольствуется данными Прокопія и Іордана, излагая трезво суть вопроса. Объясненіе имени, конечно, нельзя назвать удачнымъ. Выходя изъ названія Slezy-Slezacy, которое онъ объяснялъ по-славянски (отъ глагола «слѣдити»), онъ считалъ чеховъ, въ противоположность къ послѣдующимъ слезакамъ, племенемъ первенствовавшимъ, начинавшимъ, т. е. стоявшимъ во главѣ движенія, стало быть, производилъ ихъ названіе отъ глагола četi (**чѧти**), ссылаясь впрочемъ для объясненія звука *ch* совсѣмъ вѣрно на аналогію такихъ словъ, какъ duch, prospěch. Въ полемикѣ съ Шенфельдомъ (1783) онъ попытался стать на критическую точку зрѣнія также относительно національнаго святого Іоанна Непомука, вызвавъ этимъ противъ себя бурю негодованія. Въ 1783—1784 году онъ участвовалъ (рядомъ съ Пельцелемъ) въ изданіи: Scriptores rerum bohemicarum e bibliotheca ecclesiae metropolitanae Pragensis. Образцовымъ можно назвать его анализъ грамоты Болеслава II, изданной въ 993 году (напечатано во второмъ отд. за 1785 годъ Abhandlungen der boehm. Gesell. der Wiss. Prag 1786, S. 178—200 подъ заглавіемъ: Wie man die alten Urkunden in Rücksicht auf verschiedene Zweige der vaterländ. Geschichte benutzen soll. Ein Versuch über den Břewniower Stiftungsbrief Boleslaws des Zweyten vom J. 993), хотя онъ вскорѣ убѣдился, что грамота не сохранилась въ подлинникѣ, какъ думалъ Добнеръ. Хвалятъ также его статью о чешскихъ пикардахъ и адамитахъ (тамъ же Abh. für das J. 1788, 300—343). Но Добровскій не довольствовался вопросами, относящимися исключительно къ чешской исторіи; онъ объединялъ своимъ геніальнымъ взоромъ судьбы разныхъ славянскихъ племенъ въ одно цѣлое, онъ возстановлялъ ихъ племенную связь, расширяя свою научную пытливость во всѣ стороны славянства, входя съ одинаковой любовью въ изслѣдованіе какъ общихъ для всѣхъ ихъ, такъ и отдѣльныхъ для каждаго изъ нихъ вопросовъ. Эта идея славянскаго единства одушевляла его, придавала его ученымъ трудамъ, несмотря на ихъ строгую критичность, высшій полетъ. Кромѣ выше упомянутой статьи о происхожденіи имени славянъ, въ которой онъ тонкимъ лингвистическимъ чутьемъ предпочелъ бы найти связь названія съ природой древнѣйшихъ обиталищъ (какъ извѣстно, они жили въ лѣсахъ и въ недоступныхъ болотистыхъ мѣстностяхъ), и только за невозможностью отыскать такого рода объясненіе прибѣгъ къ невѣрному толкованію формы *словѣнинъ* какъ страд. причастія глагола **слоути** — онъ напечаталъ въ 1786 году статью «Ueber die Begräbnissart der alten Slaven überhaupt und der Boehmen insbesondere» (въ Abh. der boehm. Gesellschaft der Wissenschaften auf das J. 1786, 333—359), въ которой старался доказать на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, что славяне знали оба

способа: погребеніе и сожженіе труповъ. Одно доказательство онъ находилъ въ языкѣ, въ двоякихъ названіяхъ мѣстъ: Hoří́n и Želin. Дальнѣйшія занятія вопросами изъ славянскихъ древностей видны въ статьяхъ 1787 и 1788 годовъ: «Ueber eine Stelle im XIX Briefe des h. Bonifacius die Slaven und ihre Sitten betreffend» (Abh. d. boehm. Gesellsch. auf das Jahr 1787, во второй части 156—160),—здѣсь упоминается о сожженіи вдовъ у древнихъ славянъ — и въ сочиненіи Монзе объ Исторіи Моравіи (въ 1788 году въ Оломуцѣ II, стр. IX—LII): «Ueber die ältesten Sitze der Slaven in Europa und ihre Verbreitung seit dem VI Jahrh., insbesondere über das Stammvolk der Mährer und ihre Geschichte bis zur Einsetzung des Herzogs Rastislav». Въ этой статьѣ очень выгодно выступаетъ трезвый историкъ, умѣвшій пользоваться, помимо источниковъ, лишь такими критическими пособіями, какъ Allgemeine Nordische Geschichte Шлёцера. Авторъ зналъ, что литовцы, лотыши и пруссы представляютъ три нарѣчія самаго близкаго родства съ славянами, хотя въ дальнѣйшихъ соображеніяхъ не все вѣрно изложено, напр., литовцы будто бы стоятъ посрединѣ между латинами и славянами, германцы будто бы ближе къ азіатскимъ народамъ, чѣмъ къ славянамъ. Исходную точку славянскаго переселенія онъ находилъ тогда въ предѣлахъ верхней Вислы, Одры, Моравы и Лабы. Отсюда они-де выселились вмѣстѣ съ аварами въ Паннонію, на востокъ и сѣверъ въ Россію, черезъ Дунай въ предѣлы Византійской имперіи; сербы лужичане и прочіе сѣверо-западные славяне перебрались изъ верхняго Полабія въ Германію, поляки остались на своихъ первоначальныхъ мѣстахъ, чехи отдѣлились на Одрѣ отъ сербовъ и хорватовъ. Это передвиженіе отнесено имъ къ 300—600 годамъ послѣ рож. Хр. Въ чехахъ онъ видѣлъ помѣсь древнихъ сербовъ и хорватовъ, въ мораванахъ помѣсь чеховъ со словаками (словаки остались, какъ и поляки, въ первоначальныхъ мѣстностяхъ, это были исконные хорваты, часть которыхъ вслѣдствіе избытка народонаселенія отправилась на югъ въ Посавіе и въ Далмацію). Въ Neuere Abh. d. k. boehm. Ges. d. Wiss. 1791, I. 364—370, въ статьѣ: «Ueber das erste Datum zur slaw. Geschichte und Geographie» Добр. остановился на упоминаніи рѣки «Visula» у Помпонія Мелы и находилъ въ этомъ названіи древнѣйшее свидѣтельство славянской географіи (Visula онъ производилъ отъ глагола «**висѣти**»).

Первый періодъ ученой дѣятельности Добровскаго можно заключить изданіемъ превосходной книжечки «Geschichte der boehm. Sprache und Literatur» 1792, 8⁰. 219 (первоначально въ Neuere Abh. der k. boehm. Gesellschaft d. Wiss. 1791. 310—364), которая до сихъ поръ не утратила своей прелести простого, трезваго изложенія съ многими удивительно вѣрными за-

мѣчаніями. Добровскій, напримѣръ, зналъ уже тогда, что степень родства языковъ опредѣляется не извѣстнымъ количествомъ сходныхъ словъ, а тожествомъ грамматическаго организма. Въ сравненіи словъ онъ замѣчательно вѣрно сопоставлялъ *зима* съ *χεῖμα hiems*, *žluč* съ *χλοή*, *březý* съ *βρίθω*, *žráti* съ *vorare*, *zrno* съ *granum*, *želud* съ *glans*, *wezu* съ *veho*, *lizati* съ *lingo*, *cěliti* съ *heilen*. Конечно, не все было вѣрно, напр., *ὁράω* и *zříti*. Онъ зналъ, что славянамъ недостаетъ f, поэтому хорошо сравнивалъ *faba* и *bob*, *fodio* и *bodu*, даже *fera* и *zwěř*. Главу о словообразованіи и флексіи слав. частей рѣчи онъ передѣлалъ по изданному уже въ 1791 году въ введеніи къ словарю Томзы изслѣдованію «Ueber den Ursprung und die Bildung der slawischen Sprache». Какъ просто и вѣрно напр. сказано, что славяне довольствуются индикативомъ, между тѣмъ какъ многія грамматики еще полстолѣтія спустя толковали о конъюнктивѣ. Для классификаціи славянскихъ языковъ (въ § 4 книжки) недоставало ему еще прочнаго основанія. Онъ различалъ: 1) русскій языкъ, 2) польскій языкъ съ силезскимъ, 3) иллирскій языкъ съ различными говорами: болгарскимъ, рацко-сербскимъ (Raitzisch-Servische), боснійскимъ, славонскимъ, далматинскимъ и дубровницкимъ, 4) хорватскій языкъ съ виндскимъ (Windisch) Штиріи, Крайны, Каринтіи, 5) чешскій съ моравскимъ, силезскимъ и словацкимъ въ сѣверной Венгріи. Языкъ лужицкихъ «вендовъ» былъ для него помѣсью польскаго и чешскаго языковъ, «die ich nicht als eine Hauptsprache aufstellen kann». Классификацію Шлёцера въ «Nordische Geschichte» онъ называлъ попыткой, сдѣланной наобумъ, хотя намъ нынѣ эта классификація больше нравится. Шлёцеръ различалъ языки: русскій, польскій, чешскій, лужицкій, полабскій, виндскій, хорватскій, боснійскій, болгарскій. Добровскій упрекалъ Шлёцера между прочимъ за то, что онъ отдѣлялъ болгарскій яз. отъ сербскаго! Любопытна слѣдующая характеристика славянскихъ нарѣчій: «Если провести черту отъ лужицкой и чешской границы черезъ Одру къ верховьямъ Вислы, все славянское по ту сторону этой черты въ сѣверномъ направленіи любитъ (въ произношеніи) шипѣть, это шипѣніе характерно для польскаго языка, славяне же ниже этой черты произносятъ d' t' болѣе при помощи языка, чѣмъ зубовъ. Чехъ и мораванинъ сохраняютъ еще ř, но словакъ на Моравѣ уже не знаетъ его, какъ и южные славяне на Дунаѣ. Его (словака) придыхательное произношеніе (hora) выдаетъ еще чешское происхожденіе, но его 1-ое лицо глаголовъ (nesem, budem, berem) роднитъ его съ хорватами. Если провести черту отъ Дравы къ Дунаю, не трудно восполнить пространство между Вараждиномъ и Пресбургомъ и провозгласить хорвата истиннымъ братомъ словака, какъ бы ни непохожи они стали другъ на друга въ теченіе двѣнадцати сто-

лѣтій». Совсѣмъ невѣрно то, что сказано о родствѣ церковно-славянскаго языка съ чешскимъ, на основаніи бывшаго будто бы когда-то сосѣдства чеховъ съ сербами, которыхъ онъ съ Лабы и Салы въ VII столѣтіи выселялъ на югъ. Добровскій чувствовалъ неудовлетворительность этой главы, поэтому въ письмѣ 1794 года (Дуриху) желалъ, если бы возможно было, вырвать § 4 изъ своего сочиненія или же замѣнить его тѣмъ, что онъ теперь уже зналъ лучше. Въ слѣдующихъ главахъ (или параграфахъ) рѣчь идетъ о разныхъ родахъ слав. письма, о славянскомъ богослуженіи, о запрещеніи его, о Моравіи говорится мало (объясненіе молчанія у Брандля 66—7), о судьбѣ слав. богослуженія въ Чехіи, о попыткѣ водворенія его императоромъ Карломъ IV. Начиная съ параграфа 7-го, разсказъ переходитъ на почву чешскую, судьба чешскаго языка дѣлится на періоды, ихъ всего шесть. Эта замѣчательная книжка вышла вторымъ, передѣланнымъ изданіемъ въ 1818 году: «Geschichte der boehmischen Sprache und älteren Literatur». Здѣсь изложеніе задумано гораздо обширнѣе, но зато не доведено дальше XVI-го столѣтія, такъ что для XVII и XVIII столѣтія первое изданіе не замѣщено вторымъ. Сравненіе обоихъ изданій доказываетъ, что по многимъ пунктамъ взгляды Добровскаго измѣнились. Такъ, напр., вмѣсто прежнихъ границъ славянской прародины теперь ставится вопросъ: не жили ли славяне искони сосѣдями готовъ, позади литовцевъ по верховьямъ Днѣпра и Волги? Въ доказательство этого мнѣнія онъ ссылается на готскія слова въ церковной славянщинѣ и на свидѣтельство Іордана. Характеристика славянскихъ нарѣчій и классификація ихъ по главнымъ языкамъ въ новомъ изданіи совсѣмъ передѣланы. Добровскій старался теперь провести классификацію по даннымъ, извлеченнымъ изъ различій звуковыхъ: 1) изъ raz—roz, 2) изъ iz — vy, 3) изъ šč — c, 4) изъ d epentheticum, 5) изъ l epentheticum. Въ объясненіяхъ онъ не выводилъ больше южныхъ сербовъ отъ лужицкихъ, не возстановлялъ ближайшаго родства словаковъ съ хорватами. Классификація приняла теперь такой видъ: I рядъ: 1-й языкъ русскій, 2-й древнеславянскій (altslawonisch), 3-й нынѣшній славонскій или иллирскій (въ Болгаріи, Сербіи, Босніи, Далмаціи), 4-й хорватскій, 5-й виндскій (Windisch) въ Крайнѣ. II рядъ: 1-й языкъ словацкій, 2-й чешскій, 3-й вендскій верхнихъ лужичанъ, 4-й вендскій нижнихъ лужичанъ, 5-й польскій. Какъ видно, и эта классификація еще не полная: нѣтъ дѣленія внутри русскаго языка, нѣтъ упоминанія о кашубскомъ и полабскомъ нарѣчіяхъ, болгарское же все еще причисляется къ сербскому или же, какъ здѣсь довольно неудачно названо, къ славонскому языку. Не измѣнились взгляды Добровскаго въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ также относительно глаголицы.

Блестящія доказательства всесторонней учености должны бы, какъ можно было ожидать, доставить Добровскому соотвѣтствующее служебное положеніе, скорѣе всего университетскую профессуру. На дѣлѣ же вышло не такъ. Направленіе общественной жизни въ духѣ реакціи противъ свободомыслія времени императора Іосифа вредило Добровскому въ глазахъ правительства. Его подозрѣвали въ тайномъ участіи франмасонскомъ. Онъ продолжалъ оставаться другомъ графскаго дома Ностицовъ, живя зимой въ Прагѣ, лѣтомъ въ имѣніи. Его наклонность къ философскому наблюденію природы сдѣлала ботанику въ особенности любимымъ предметомъ его развлеченій. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: книга мірозданія превосходитъ всѣ богословскія тетрадки, она представляетъ на любой страницѣ гораздо больше поучительнаго и привлекательнаго матеріала, чѣмъ совокупная софистическая схоластика. Нужно только прежде поучиться, какъ читать эту книгу. Поэтому онъ рекомендовалъ теологамъ занятія естественными науками, чтобы потомъ въ деревнѣ они могли изучать окружающую ихъ природу. Не только эти разсужденія выдаютъ его раціонализмъ, соблазнъ могли вызвать со стороны консерваторовъ также слѣдующія обстоятельства. Въ 1781 вышла въ Прагѣ брошюра (въ тѣ годы печаталось очень много брошюръ, сл. Брандля сочин. 35): «Gedanken über die Feldwirtschaft der Landgeistlichen» (анонимно, въ ультраклерикальномъ духѣ). Добровскій пустилъ въ ходъ критику: «Prüfung der Gedanken über die Feldwirtschaft der Landgeistlichen», въ которой иронически отзывался о взглядахъ автора. Нѣсколько лѣтъ спустя (1787), онъ написалъ «De sacerdotum in Bohemia caelibatu narratio historica», гдѣ на основаніи историческихъ свидѣтельствъ имъ доказано, что целибатъ прививался въ Богеміи очень туго и не безъ ропота. Послѣ такихъ доказательствъ его міровоззрѣнія не удивительно, что онъ долженъ былъ остаться — ein Privatgelehrter, свободомыслящій abbé. Въ графскомъ домѣ Ностицовъ Добровскій имѣлъ возможность завести многія знакомства съ почтенными личностями, какъ, напр., съ ученымъ графомъ Каспаромъ Штернбергомъ, съ либеральнымъ епископомъ Гаемъ (Haj) и др. Въ 1782 году постигло его несчастіе. На охотѣ звѣрь, преслѣдуемый графиней Ностицъ, взялъ направленіе въ сторону ея сына, возлѣ котораго стоялъ также Добровскій. Защищая молодого графа отъ опасности выстрѣла, онъ самъ былъ раненъ; пуля, говорятъ, осталась въ его тѣлѣ. Это несчастіе еще болѣе привязало его къ графскому дому, гдѣ онъ оставался еще много лѣтъ и послѣ того, какъ его прямая обязанность—быть домашнимъ воспитателемъ, уже кончилась. Не только получить каѳедру ему не удавалось, но также и желаніе попасть въ придворную библіотеку въ Вѣнѣ не имѣло успѣха. Онъ самъ поѣхалъ

было съ этой цѣлью въ Вѣну, но изъ письма Дуриху (въ ноябрѣ 1786 года, стр. 46—7) видно, что Злобицкій, на поддержку котораго онъ разсчитывалъ, не вступился за него, какъ слѣдовало. Изъ Вѣны онъ сдѣлалъ тогда экскурсію въ Пресбургъ. Неудача преслѣдовала его также, когда онъ по рекомендаціи Гурдалека, ректора пражской семинаріи (потомъ епископа Лютомѣржицкаго), долженъ былъ получить мѣсто вице-ректора той же семинаріи. Онъ потерпѣлъ и здѣсь неудачу, несмотря на то, что былъ представленъ primo loco. Говорили, что одна изъ причинъ неудачи заключалась въ томъ, что у него не было еще священническаго чина, до сихъ поръ онъ оставался діакономъ. Это обстоятельство заставило его поѣхать въ Кениггрецъ къ епископу Гаю, который 17 дек. 1786 рукоположилъ его въ пресвитеры (сл. Dobr.-Durich, стр. 51). «Novitatem rei multi mirati sunt, causam vix ullus assequi potuit», говорилъ самъ Добровскій (DD. 51), которому было тогда 34 года. Дѣйствительно онъ получилъ наконецъ, въ 1787 году, мѣсто вице-ректора въ Градищѣ (Hradiště) возлѣ Оломуца (онъ прибылъ туда 23 авг. 1787, DD. 63). Друзья Добровскаго высказывали различныя опасенія, удастся ли ему оправдать ожиданія въ исполненіи этой должности, но Добровскій опровергъ всѣ опасенія. Въ особенности нечего было бояться, что онъ перестанетъ заниматься любимой славянской наукой. Уже въ первомъ письмѣ Дуриху (24 сент. 1787, DD. 63—5), въ которомъ онъ подѣлился съ нимъ первыми впечатлѣніями, рѣчь идетъ о чешской и церковнославянской грамматикѣ, которую онъ хотѣлъ преподавать любителямъ. Въ каникулярные мѣсяцы слѣдующаго года (1788) онъ пріѣзжалъ въ Богемію (DD. 80). Въ 1789 онъ назначенъ ректоромъ заведенія, что доказываетъ, что высшее начальство было имъ довольно. Трудно сказать, какой оборотъ приняла бы дальнѣйшая судьба Добровскаго, если бы генеральныя семинаріи не были закрыты (1790), и такимъ образомъ карьера его на этомъ поприщѣ прекратилась (онъ получилъ пенсію въ размѣрѣ 500 флор.). Въ бытность свою въ Моравіи онъ занимался вопросомъ о дѣятельности Меѳодія въ этой области (объ этомъ онъ писалъ Дуриху, DD. 77—80), изучалъ сокровища оломуцкой библіотеки (сл. письма № 36—38, 40—41, 45, 49. 51. 56) и въ то же время особенности моравскихъ говоровъ. Въ одномъ письмѣ Дуриху (стр. 73) онъ разсказываетъ, какъ клирики изъ Преровскаго уѣзда и изъ Силезіи умѣютъ различать ł отъ l. Вполнѣ понимая значеніе діалектологическихъ изслѣдованій, онъ все же отстаивалъ единство языка и литературы, зная, что интересы филологическіе не всегда совпадаютъ съ культурно-политическими потребностями. «Я уважаю моравъ какъ хранителей нашихъ архаизмовъ, но все же не могъ бы одобрить введе-

нія ихъ въ литературу. Кто не согласился бы пожертвовать нѣкоторыми архаизмами языка въ угоду прогресса?» (Брандль 64). Этимъ взглядамъ Добровскій остался вѣренъ въ теченіе всей своей жизни, какъ видно изъ его позднѣйшей переписки съ Копитаромъ, придерживавшимся другихъ взглядовъ (Письма, стр. 165). Копитаръ назвалъ отзывъ Добровскаго въ «Слованкѣ» II. 184—187 недостойнымъ его (рѣчь шла о словацкихъ говорахъ), ссылаясь при этомъ на слова рецензента сравнительнаго словаря Палласа (Краузе), что «von den schriftlosen Sprachen je mehr Dialekte desto besser» (Письма Добр. 536). Добровскій отвѣтилъ совсѣмъ спокойно: «Je mehr Dialekte desto besser! O ja, in gewisser Hinsicht—für Idiotica, aber nicht zum Unterricht für Schulen»!

Добровскій посвящалъ немало времени перепискѣ съ друзьями, составляющей теперь важный источникъ для полной оцѣнки его значенія въ исторіи славянской филологіи. Въ эти годы шла переписка его съ Рибаемъ между словаками, съ Дурихомъ въ Вѣнѣ и съ Антономъ въ Лужицахъ. Переписка съ Дурихомъ вошла отчасти уже въ біографію Добровскаго, написанную Брандлемъ, но теперь, послѣ полнаго изданія всѣхъ сохранившихся писемъ А. Патерой, мы въ состояніи гораздо богаче воспользоваться ею. Письма Антону напечатаны уже въ 1841 году (Neues Lausitzer Magazin т. XIX, стр. 46—86), переписка продолжалась съ 1789 по 1797 годъ—сохранилось одиннадцать писемъ. Добровскій разбиралъ сочиненіе Антона «Erste Linien eines Versuches über der alten Slaven Ursprung» (I 1783, II. 1789), давалъ свои поправки, объяснялъ ему свою антидобнеровскую точку зрѣнія относительно глаголическаго письма, радовался тому, что онъ соглашается съ Шлёцеромъ «weil ich von ihm die Art die Historie kritisch zu behandeln gelernt habe» (NLM. XIX. 58). Стоитъ упомянуть, что онъ здѣсь (l. c. 54) отказался отъ своего прежняго объясненія слова «нѣмецъ» отъ «nemetae», точно такъ и отъ своего сопоставленія имени Σπόροι съ сербами (l. c. 67). Относительно выраженнаго Антономъ желанія, чтобы Добровскій основалъ славянскій журналъ, онъ отвѣчалъ (осенью 1789 г.), что онъ пока слишкомъ занятъ своей должностью ректора генеральной семинаріи, что его матеріалы и выписки по большей части остались въ Прагѣ, «sonst wäre ich gern bereit auf ihren Vorschlag einzugehen, habe auch anderen Freunden davon geschrieben», также что не Оломуцъ мѣсто для такого предпріятія, а Прага или Вѣна. «Ich habe schon vor Jahren den Plan gehabt eine slavische Bibliothek herauszugeben, aber ich fand keine Mitarbeiter». Но онъ не отказался отъ этой идеи. Въ 1790 году, когда онъ уже укладывалъ свои вещи въ Оломуцѣ для переселенія въ Прагу (10 октября), онъ написалъ Антону (NLM. XIX,

76—77), что онъ намѣренъ взяться за «Славію» (журналъ); какъ издателя онъ имѣлъ въ виду Брейткопфа въ Лейпцигѣ. Дуриху же писалъ о томъ же: Антонъ пристаетъ ко мнѣ, чтобы я взялся издавать журналъ «Славію»; когда буду въ Прагѣ; увидимъ, можно ли что сдѣлать (DD. 163). Въ концѣ ноября 1790 г. онъ былъ еще въ Оломуцѣ (DD. 177), но 1 января 1791 г. мы находимъ его уже въ Прагѣ. Съ философскимъ спокойствіемъ пишетъ онъ своему другу Дуриху: Quid de me futurum sit, nondum scio, neque etiam multum angor, cum et mensa et tectum mihi sint praesto, reliqua ipse curabo. По случаю посѣщенія Праги императоромъ Леопольдомъ королевское общество наукъ устроило чрезвычайное торжественное собраніе, 25 сент. 1791 г., въ которомъ Добровскій произнесъ рѣчь: «Über die Anhänglichkeit und Ergebenheit der slavischen Völker an das Erzhaus Oesterreich». Чтобы уразумѣть тенденцію этой рѣчи, нужно припомнить, что̀ въ то время происходило въ Венгріи и въ Нидерландахъ. Замѣчательно, что Добровскій говорилъ не только отъ имени чеховъ, но и австрійскихъ славянъ вообще. И въ этомъ высказывается его широкій взглядъ. Но о своей рѣчи онъ самъ не былъ высокаго мнѣнія: «Praelectio coram rege nostro fuit exilis declamatiuncula, quae tamen Bohemis placuit» (DD. 212). Императоръ подарилъ обществу 6000 флориновъ, часть которыхъ (1000) предназначалась на покрытіе путевыхъ издержекъ по поѣздкѣ въ Швецію, которую долженъ былъ предпринять Добровскій. Но онъ не довольствовался поѣздкой только въ Швецію, его тянуло дальше на сѣверо-востокъ — въ Россію. Онъ чувствовалъ уже тогда — и это дѣлаетъ честь его проницательности, — что нельзя успѣшно заниматься славянской стариной, не познакомившись съ богатыми сокровищами Русскихъ библіотекъ, музеевъ и архивовъ. Онъ написалъ Дуриху (DD. 212—3): Хочу поѣхать въ Швецію, а потомъ и въ Россію «um die Geschichte und Literatur des ganzen slavischen Volkes erforschen zu können». Планъ своего путешествія онъ сообщилъ ему же въ письмѣ отъ 16 апрѣля 1792 г. (DD. 226/7). И Антону онъ писалъ, что въ Россіи хочетъ изучать источники славянской литературы. Несомнѣнно имѣлась въ виду церковно-славянская письменность.

Онъ покинулъ Прагу 10 мая 1792, сопровождаемый графомъ Іоахимомъ Штернбергомъ. По дорогѣ они часто разлучались другъ съ другомъ, чтобы опять сойтись въ Стокгольмѣ и Петербургѣ. Путь его шелъ на Пильзенъ, Эгеръ, Іену, Эрфуртъ, Готу, Геттингенъ, Гамбургъ. Въ Іенѣ онъ видѣлся съ Гризбахомъ, въ Геттингенѣ съ Шлёцеромъ. Въ Люнебургѣ онъ хотѣлъ взглянуть на остатки полабскихъ славянъ, но это завлекло бы его слишкомъ далеко въ сторону. Черезъ Любекъ онъ попалъ въ Копенгагенъ,

гдѣ интересовали его руны. Въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ былъ въ Стокгольмѣ, потомъ въ Упсалѣ и Лундѣ, а 17 августа уже въ Петербургѣ. Здѣсь академики Палласъ и Стриттеръ исходатайствовали ему доступъ во всѣ казенныя заведенія. Онъ оставался здѣсь свыше 6 недѣль: отъ 9 октября 1792 датировано его письмо Дуриху, въ которомъ говоритъ, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ своего пребыванія въ Петербургѣ еще не нашелъ человѣка, интересующагося славистикой (Slavica)! Въ срединѣ октября онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ усердно занимался славянскими рукописями Синодальной библіотеки. Онъ хотѣлъ черезъ Кіевъ поѣхать дальше на Кавказъ, повѣривъ слухамъ, что тамъ найдетъ родину чеховъ. Но когда оказалось, по наведеннымъ справкамъ, что кавказскіе чеченцы не имѣютъ ничего общаго съ чехами, онъ отказался даже отъ поѣздки въ Кіевъ и отправился черезъ Днѣпръ, Нѣманъ, Бугъ и Вислу (DD. 263) въ Варшаву, далѣе въ Краковъ, Тешенъ и Оломуцъ (гдѣ въ то время скончался его другъ Монзе). 4-го февраля 1793 г. онъ былъ уже въ Оломуцѣ, какъ видно изъ его письма Дуриху (DD. 262/3), а черезъ нѣсколько дней въ Прагѣ, куда Дурихъ отправилъ ему письмо 16 февраля 1793. Описаніе путешествія Добровскаго вышло въ 1796 году въ книжечкѣ «Literarische Nachrichten von einer Reise nach Schweden und Russland», въ приложеніи прибавлено сравненіе (съ поправками) чешскаго языка съ русскимъ въ языкосравнительномъ словарѣ Палласа. Книжечка заключаетъ въ себѣ много драгоцѣнныхъ библіографическихъ данныхъ, а также соображенія Добровскаго о финскихъ языкахъ; далѣе имѣются указанія о библіи Скорины, о мнимыхъ «Кавказскихъ чехахъ», представленъ отчетъ о матеріалахъ, собранныхъ въ московскихъ синодальныхъ рукописяхъ для разночтеній къ новому критическому изданію Новаго Завѣта, которое приготовлялъ Гризбахъ въ Іенѣ. Эти занятія Добровскаго опредѣлялись отчасти намѣченными ему замѣтками Дуриха. О нравахъ и обычаяхъ онъ обѣщалъ поговорить въ другой разъ, только о курганахъ сказано уже здѣсь нѣсколько словъ въ виду того, что онъ находилъ большое сходство между горшками обыкновеннаго русскаго употребленія и такими же отрываемыми въ курганахъ Богеміи; отсюда онъ сдѣлалъ заключеніе, «dass die Russen auch hierin, so wie in anderen Stücken, von den alten slawonischen Gebräuchen weniger abgewichen sind, als andere Völkerschaften von diesem Stamme» (стр. 114). Насчетъ же языка сказано: «Wenn gleich der Boehme an der Elbe und Moldau von dem Russen an Dniepr und an der Wolga viele hundert Meilen weit entfernt ist, so vereinigt sie doch noch beide das Band ihrer gemeinschaftlichen Abstammung, wie es noch nach einer Trennuug von mehr als Tausend Jahren an ihrer Sprache sichtbar ist».

Изъ богатаго матеріала собранныхъ наблюденій и замѣтокъ Добровскій охотно сообщалъ много интереснаго своему другу Дуриху. Такъ, напр. (стр. 332), разъ онъ коснулся трудности произношенія русскаго языка для природнаго чеха: quotidie obiciebatur me vocabula quidem in promptu habere sed non recte pronunciari. Какъ все это вѣрно и безъ малѣйшихъ прикрасъ!

Пока Добровскій путешествовалъ съ научной цѣлью, новооткрытая каѳедра чешскаго языка и литературы въ Пражскомъ университетѣ досталась не ему, самому достойному, а его другу—Пельцелю. Добровскій уступилъ ему даже свои рукописныя замѣтки относительно чешскаго склоненія, которыми тотъ воспользовался въ своемъ изданіи чешской грамматики. Самъ же Добровскій доставилъ теперь Гризбаху матеріалъ для опредѣленія редакціи славянскаго перевода Новаго Завѣта. Въ 1794 году онъ провожалъ графа Фридерика Ностица по пути въ Германію и черезъ Тироль въ Италію, но до Рима они не доѣхали. Въ Венеціи онъ изучалъ въ библіотекѣ св. Марка Slavica, посѣтилъ также знаменитую греческую типографію. Проѣздомъ домой, остановившись въ Люблянѣ, онъ желалъ видѣть Кумердея, но не засталъ его. Ему трудно было понимать словенскую рѣчь: «ich habe sie nur mit Mühe verstanden, sie behaupteten dass sie leichter die Russen als Boehmen verstehen. Mich hat das gewundert, dass die illyrische Sprache näher sei der russischen als der boehmischen» (DD. 298). Раньше 9-го мая 1794 онъ былъ уже въ Прагѣ. Въ 1795 году онъ побывалъ въ Дрезденѣ, гдѣ изучалъ тамошнюю рукопись чешской библіи, и въ Лейпцигѣ, гдѣ онъ видѣлся съ Аделунгомъ. Въ этомъ году онъ много страдалъ отъ припадковъ душевнаго разстройства, которое онъ самъ сталъ замѣчать въ себѣ уже въ началѣ года (DD. 325): animus a curis non satis vacuus est et ut verum fatear non satis alacris ad vincendam inertiam et acediam. Подробности объ этой нѣсколько загадочной болѣзни сообщаются у Брандля (86—108), отчасти по собственнымъ его признаніямъ, извлеченнымъ изъ писемъ къ Дуриху (DD. 355/6). Не легко съ опредѣленностью сказать, гдѣ прекращаются отзывы вполнѣ сознательнаго, нѣсколько унылаго настроенія духа и гдѣ начинаются бредни умопомраченія. Не подлежитъ сомнѣнію, что у Добровскаго могло существовать мрачное настроеніе, и свѣтлымъ умомъ его могло овладѣть глубокое разочарованіе, когда онъ, изучая славянство серьезно и съ увлеченіемъ, какъ никто до него, дошелъ до печальнаго убѣжденія о полной неудовлетворительности его фактическаго состоянія въ современномъ культурномъ мірѣ. Отзывовъ подобнаго рода его интимная переписка представляетъ большое множество. Болѣзнь приняла, говорятъ, на-

столько серьезный характеръ, что подъ конецъ 1796 года, по сообщеніямъ Рибая, въ Прагѣ опасались, что онъ навсегда потерянъ для науки. Графская семья Ностицовъ отвела ему особенный домикъ, гдѣ онъ могъ спокойно заниматься садоводствомъ въ удаленіи отъ общества. Припадки возвращались время отъ времени, иногда съ такой силой, что, наконецъ, было рѣшено отдать его на попеченіе милосердныхъ братьевъ. Ихъ заботливый уходъ за больнымъ дѣйствовалъ очень успокоительно. Въ 1802 году онъ могъ предпринять новое путешествіе въ Турновъ, говорятъ, даже пѣшкомъ, чтобы навѣстить своего стариннаго друга Дуриха и проститься съ нимъ навсегда. Ему пришлось присутствовать при его кончинѣ и закрыть покойному глаза. Быть можетъ, это трогательное свиданіе и прощаніе съ любимымъ человѣкомъ произвело извѣстное потрясеніе на Добровскаго, и здоровье его съ тѣхъ поръ, повидимому, значительно улучшилось. Замѣчательно и то, что эта продолжительная болѣзнь, повидимому, не помѣшала Добровскому въ его научныхъ занятіяхъ, которыя не прекращались даже въ періодъ между 1795 и 1802. Въ Neuere Abhandlungen der k. boehm. Ges. d. Wiss. за 1798 г. (III томъ) онъ напечаталъ свое изслѣдованіе «Ueber den ersten Text der boehmischen Bibelübersetzung nach den ältesten Handschriften derselben, besonders nach der Dresdener (стр. 240—266).

Выше была уже рѣчь о томъ, что въ 1795 году онъ включилъ въ грамматику Пельцеля главу о чешской просодіи, въ которой для чешскаго стихотворства требовался принципъ ударенія. Пухмайеръ былъ изъ чешскихъ поэтовъ первый, проводившій этотъ принципъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Въ 1799 году вышло «Slovo slovenicum in specie czechicum», въ коемъ имѣется сужденіе о системѣ чешскаго спряженія, но пока еще этотъ вопросъ не былъ вполнѣ разработанъ. Въ томъ же году вышла также его замѣчательная статья «Die Bildsamkeit der slavischen Sprache an der Bildung der Substantive und Adiective in der boehmischen Sprache dargestellt». Никто не вникъ тогда такъ глубоко въ анализъ славянскаго словообразованія, какъ Добровскій въ этомъ изслѣдованіи. До того времени грамматическая теорія ограничивалась обозрѣніемъ склоненій и спряженій, онъ первый сдѣлалъ шагъ дальше, но движеніе вокализма и теперь еще не сознавалось, въ особенности не выяснилось понятіе о судьбѣ гласныхъ въ концѣ словъ, напр., существительное *pláč* онъ причислялъ къ первоначальнымъ образованіямъ, не зная причины замѣны коренной согласной *k* согласной *č*. Такъ, онъ считалъ существительныя *host*, *most*, *časť*, *česť* коренными словами, между тѣмъ какъ *vlasť* и *masť* сумѣлъ уже анализировать, какъ слѣдуетъ. Вопросъ, производить ли при ровномъ числѣ коренныхъ элементовъ существи-

тельное отъ глагола, рѣшается утвердительно: «Bei den meisten Substantiven, die entweder eine Handlung oder irgend ein Werk als Produkt einer Handlung bezeichnen, muss man sich wohl das Verbum als schon vorhanden denken». Прежде развилось понятіе о глаголѣ pletu-plésti, чѣмъ о существительномъ plot. Однакожъ о svět сказано: «das Licht ist da, sobald etwas leuchtet (svítí) und die Form des Verbi, ist... gewiss als spätere Ausbildung anzusehen». Это вѣрно только относительно глагола *свѣтити*, глагола же *свѣтѣти* онъ тогда еще не зналъ. Поэтому онъ говорилъ, что pot, lom, sáh, pád могли сначала соединять въ себѣ обѣ части рѣчи (существительное и глаголъ). О томъ, что̀ историко-сравнительная грамматика разсматриваетъ какъ Ablaut, у Добровскаго было еще тогда смутное понятіе. Онъ замѣтилъ: «Die primitiven Substantive unterscheiden sich von der Wurzelsilbe, die in den Zeitwörtern zu finden ist, gewöhnlich dadurch, dass *jene einen Vokal aufnehmen um der Sylbe mehr Haltung zu geben*, der an dem Verbo nicht selten mangelt, weil der an demselben, der hinzugekommenen Silbe wegen, entbehrlicher ist». И подъ этимъ угломъ зрѣнія вѣрно сравнивается mráz съ mrznu, hrom съ hřmíti, zápona съ pnu, odpor podpora съ příti, pozor съ zříti, не такъ удачно lež съ lhu, sen съ sníti, dym съ dmu. Что не всѣ суффиксы у него точно опредѣлены, этому не будемъ удивляться, зная, какъ еще и теперь мы не дошли въ этомъ вопросѣ до окончательныхъ выводовъ. Поражаетъ однакожъ выраженіе на стр. 17: «Die Erfinder der Sprache strebten nach grösserer Deutlichkeit». Тутъ и Добровскій заплатилъ дань предубѣжденіямъ своего времени. Онъ конечно зналъ труды двухъ хорошо извѣстныхъ нѣмецкихъ грамматиковъ того времени, Аделунга и Фульды, но взгляды его шли глубже того и другого. Въ томъ же году вышла еще одна книжечка его: «Neues Hilfsmittel die russische Sprache leichter zu verstehen» (2-ымъ изданіемъ въ 1813 году).

Добровскій придавалъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ въ своей ученой дѣятельности большое значеніе собиранію лексикографическаго матеріала, чувствуя большіе пробѣлы въ тогдашнихъ лексическихъ пособіяхъ. Сообща съ нѣкоторыми сотрудниками онъ успѣлъ приготовить къ печати первую часть (А — К) нѣмецко-чешскаго словаря: «Ausführliches und vollständiges, deutsch-böhmisches synonymisch-phraseologisches Wörterbuch» I. 1802; II-ая часть вышла только въ 1821 году. Когда вышелъ 2 томъ, тогда было и къ первому вновь напечатано приведенное заглавіе съ годомъ 1821, но «Vorbericht» перваго тома (10 страницъ) помѣченъ: Prag den 20 märz 1800 I. D. По поводу этого словаря (вслѣдствіе критики Тамовой лексикографической дѣятельности, представленной въ Vorbericht'ѣ) возникла у него

непріятная полемика съ Тамомъ, дрожавшимъ за успѣхъ своихъ лексикографическихъ предпріятій, внутреннія качества которыхъ не выдерживали сравненія съ трудомъ Добровскаго. Тамъ, говорятъ, сталъ даже распространять слухъ, что Добровскій скончался (Брандль 114).

Изъ чешской исторіи вниманіе Добровскаго сосредоточивалось главнымъ образомъ на нѣкоторыхъ вопросахъ культурно-политическихъ древнѣйшаго времени, въ особенности на обстоятельствахъ, сопровождавшихъ фактъ принятія христіанства. Въ 1803 году вышелъ первый выпускъ (въ Abh. der königl. boehm. Gesellsch. d. Wiss. III-te Folge, B. 1) подъ общимъ заглавіемъ: «Kritische Versuche, die ältere boehmische Geschichte von späteren Erdichtungen zu reinigen», разбирающій вопросъ о крещеніи Борживоя (Bořiwoj's Taufe, стр. 111). Если и не удалось автору въ своей критикѣ обойтись безъ нѣкоторыхъ промаховъ, все таки его критическая точка зрѣнія заслуживала признанія которое ему и выражено Шлёцеромъ. Во второмъ выпускѣ въ Abh. d. k. b. G. d. Wiss. III-te Folge B. II (1807) разобранъ вопросъ «Ludmila und Drahomir» (87 стр.), въ третьемъ (1819, въ Abh. d. k. B. G. d. Wiss. III. F. B. VII): «Wenzel und Boleslaw» (119 стр.). Главная заслуга этихъ трехъ статей заключается въ критическомъ анализѣ текстовъ относящихся сюда легендъ. Послѣднее, но не выдающееся изданіе легендъ собрано въ I томѣ «Fontes rerum bohemicarum» (въ Прагѣ 1873), только одна легенда изъ числа относящихся къ Вячеславу и Людмилѣ, отвергнутая въ свое время и Добнеромъ и Добровскимъ, нашла защитника въ новѣйшее время въ лицѣ чешскаго историка Пекаржа. Развилась полемика между Пекаржомъ (Nejstarší kronika česká въ Bibliotheka historická doplňkem k českému časopisu historickému č. 5, 1903), отстаивающимъ древность легенды Кристіановой, съ одной стороны и между Калаусекомъ, (въ «Osvěta» 1903, č. 2, стр. 108—127 и č. 6, стр. 538—551) и Бретгольцомъ («Cosmas und Christian» и «Zür Lösung der Christianfrage von dr. B. Bretholz, SA. aus Zeitschrift des deutschen Vereins für die Gesch. Mährens und Schles. IX и X, Brünn 1905 и 1906), стоящими на точкѣ зрѣнія Добнера и Добровскаго, съ другой стороны. Къ нимъ примкнулъ еще Вацекъ въ Č. Č. M. 1903, 72—85, 395—405, 487—492 и 1904, 65—86 и въ «Hlídka» за 1904 и 1905 г. Наконецъ возсталъ Пекаржъ въ защиту своего мнѣнія въ обширномъ изслѣдованіи «Die Wenzels- und Ludmila-Legenden und die Echtheit Christians» Prag 1906, 8° 443.

Добровскому историки чешскіе дѣлали нерѣдко упрекъ въ такъ называемомъ гиперкритицизмѣ. Онъ замѣтенъ въ немъ, какъ мы увидимъ, также въ вопросахъ чисто грамматическихъ, въ особенности въ главномъ трудѣ его

Institutiones. Но и въ вопросахъ, касающихся славянскихъ древностей, онъ заходилъ иногда слишкомъ далеко въ отрицательную сторону. Онъ не только не соглашался съ мнѣніемъ современниковъ о славянствѣ сарматовъ или будиновъ, но полагалъ даже, что Venedae у Тацита и Птолемея еще не славяне, «erst Vinidae des Iordanes sind wahre Slaven, die in die Länder zogen, wo ehedem Venedae sassen, d. i. man trug den geographischen Namen des Landes auf die neuen Ankömlinge über (Francev, Dobr. Bandtke 156). Значитъ, Добровскій усматривалъ въ Тацитовыхъ Venedae названіе географическое и только, въ родѣ того какъ «sind die Croaten Illyrier, die Slovinci in Kärnten Kärntner, die Czechen Boehmen, die Polen Wandalen, Vandalitae oder auch Sarmaten» (ibid.), на дѣлѣ же, генетически, по происхожденію и языку «sind die Venedae keine Slaven, die Budinen keine Veneden, die Croaten keine Illyrier (alten), die Slowinzen keine (alten) Karnen, die Czechen keine Bojen, die Lechen keine Wandalen, keine Sarmaten, die Slovaken keine Jazygen» и т. д. (ib.). Въ этомъ отрицаніи, конечно, очень много правды, но есть и преувеличеніе. Добровскій, вѣроятно, правъ въ томъ, что славяне сами никогда не называли себя «вендами», но онъ преувеличивалъ, отрицая даже, что мы вправѣ подъ Тацитовыми «венедами» и Птолемеевыми «венетами» подразумѣвать славянъ.

Возвратясь къ чешской исторіи упомянемъ еще его статью «Beiträge zur Geschichte des Kelches» въ Abh. d. k. b. G. d. W. III-te Folge B. V (1817).

Второй періодъ дѣятельности Добровскаго удобно закончить изданной въ 1809 году грамматикой чешскаго языка: «Ausführliches Lehrgebäude der boehmischen Sprache zur gründlichen Erlernung derselben für Deutsche, zur vollkommenen Kenntniss für Boehmen» (Prag 1809, XVIII. 319, вторымъ изданіемъ въ 1819 году). Новыя точки зрѣнія, съ какихъ составлена эта грамматика, были уже заранѣе извѣстны по отдѣльнымъ статьямъ Добровскаго и по грамматикѣ Неѣдлаго (1804), въ которой принято во вниманіе участіе Добровскаго въ грамматикѣ Пельцеля. Грамматика Добровскаго внесла впервые новый отдѣлъ (новую часть, третью) въ систему грамматическую. До сихъ поръ говорилось о двухъ частяхъ: о флексіяхъ (склоненіяхъ и спряженіяхъ) и о синтаксисѣ, теперь же Добровскій ввелъ еще третью часть, поставивъ ее на первое мѣсто, о словообразованіи, или по его нѣмецкой номенклатурѣ: Bildung, Biegung und Fügung. Трудъ Добровскаго преслѣдовалъ троякую цѣль: природному чеху облегчить кой-какія недоумѣнія, нѣмцу дать основательный способъ къ изученію, философски же настроеннаго изслѣдователя удовлетворить раскрытіемъ организма языка. Этой по-

слѣдней цѣли онъ надѣялся достигнуть анализомъ словъ, расчлененіемъ ихъ на коренныя и служебныя части, чтобы не обременять одну память, а также питать умъ. Добровскій не ошибся высказывая надежду, что грамматика его будетъ основой и образцомъ при составленіи подобныхъ же руководствъ для всѣхъ прочихъ славянскихъ языковъ. Дѣйствительно, его методъ изложенія сдѣлался образцовымъ для грамматикъ прочихъ славянскихъ языковъ, по крайней мѣрѣ у всѣхъ юго-западныхъ славянъ (у Пухмайера — для русскаго, у Бандтке—для польскаго, у Дайнка—для словенскаго, у Іордана—для лужицкаго, у Бабукича—для иллирскаго языка). Главную роль въ грамматикѣ его играетъ классификація глаголовъ на основаніи неопредѣленнаго наклоненія на шесть классовъ — классификація, какъ извѣстно, и до сихъ поръ не вытѣсненная другой болѣе общепринятой. — Кромѣ того, важное значеніе грамматика его имѣла для чешской орѳографіи, которая, правда, здѣсь изложена вкратцѣ, но потомъ вслѣдствіе полемики между Ганкой и Неѣдлымъ на долгое время пустила глубокіе корни.

Третій періодъ дѣятельности Добровскаго можно назвать общеславянскимъ. Онъ ознаменованъ изданіями «Славина» и «Слованки» и монументальнымъ трудомъ «Institutiones linguae Slavicae veteris dialecti». Маленькая книжка «Slavin. Beiträge zur Kenntniss der Slavischen Literatur, Sprachkunde und Alterthümer nach allen Mundarten», 1808, 8° 479 — представляетъ собою явленіе характерное для новыхъ стремленій Добровскаго, сосредоточить всѣ научные вопросы, касающіеся духовной жизни славянъ, гдѣ бы они ни жили и подъ какимъ бы именемъ ни были извѣстны въ исторіи, въ одно всѣмъ имъ равно близкое и дорогое цѣлое, создать одну всѣмъ имъ общую славянскую науку. Изъ этой общности научныхъ интересовъ со временемъ должна была выйти стройная система, объемъ которой намѣчалъ «Славинъ» своимъ содержаніемъ. Уже въ 1806 году вышелъ первый выпускъ подъ заглавіемъ «Slawin. Bothschaft aus Boehmen an alle slavischen Völker oder Beiträge zur Kenntniss der slaw. Literatur nach allen Mundarten». Изданіе задавалось цѣлью призвать всѣ славянскіе народы, которые были на то только способны, къ участью въ общей разработкѣ множества вопросовъ историко-филологическаго и культурнаго характера. Образцомъ долженъ былъ служить именно «Славинъ». Безъ предисловія изданіе начинается евангельскимъ поздравленіемъ «слава въ вышнихъ богу и на земли миръ, въ чловѣцѣхъ благоволеніе», которое авторъ старается сдѣлать удобопонятнымъ всѣмъ славянамъ, хотя онъ убѣжденъ, что большую часть словъ этого поздравленія поймутъ всѣ безъ затрудненій. Умѣло прибавленъ къ кирилловскому тексту поздравленія также глаголическій, чтобы сразу убѣ-

дить читателя, что въ глаголическихъ и кирилловскихъ книгахъ въ сущности одинъ церковно-славянскій переводъ (1—8, сл. 81—87). Главное содержаніе «Славина» заключается въ цитатахъ и выпискахъ изъ различныхъ источниковъ и сочиненій, разсказывающихъ о славянахъ, съ примѣчаніями и гдѣ понадобилось поправками самого Добровскаго. Во главѣ стоятъ гуманныя изреченія Гердера о славянахъ (9—14). Къ древностямъ, относятся выписки изъ Прокопія о славянахъ и антахъ (196—212), крит. примѣчаніе къ одному мѣсту у Іордана (295—297), извлеченіе изъ II ч. Шлёцерова Нестора подъ заглавіемъ Origines slavicae (288—294), статейка о имени славянъ (14—16), о глаголическомъ алфавитѣ (428—433), о славянской миѳологіи, изъ Кайсарова (401—416). Церковно-славянскаго языка и перевода св. писанія касаются: статья о церковно-слав. языкѣ по Шлёцеру съ собств. примѣчаніями (362—388), о славянскомъ переводѣ ветхаго Завѣта, различныя поправки (321—361), о греческомъ обрядѣ на слав. языкѣ въ Богеміи, примѣчанія къ сочиненію Хр. С. Шмидта (434—457). Изъ грамматики коротенькое обозрѣніе формъ склоненія и спряженія по Смотрицкому (196. 305). Имѣются также отзывы о Богоричѣ (19—23, 33—39), выписки изъ него (161—188), о Альтеровыхъ Miscellaneen (49—55, 65—70), о программахъ Фриша (97—100), о церковно-слав. словарѣ и грамматикѣ (306—318). По исторіи славянскихъ литературъ Добровскій любилъ останавливаться на періодѣ возрожденія у маленькихъ славянскихъ народовъ, напр., во время протестантизма у южныхъ славянъ обращали на себя вниманіе Стефанъ Консуль, Далматинъ, Унгнадъ, Труберъ (93—96, 155—156, 241—264, изъ Шнуррера). Въ связи съ этимъ стоятъ указанія библіографическія о протестантскихъ изданіяхъ (100—104, 113—120, 129—137), о древнихъ слав. рукописяхъ св. писанія (265—279). Образцы языка также входили въ планъ «Славина»: изъ чешскихъ стиховъ Катона напечатано почти все (39. 56. 70—72, 88, 137—140, 235—240), даны образцы изъ словенскаго (81—87, 161—189), изъ сербскаго (452), изъ полабскаго (67—69) и изъ русскаго (поговорки 319—370, 389—400, 460—464). Не мало мѣста отводилось описаніямъ этнографическимъ, главнымъ образомъ выпискамъ изъ разныхъ сочиненій: а) объ обычаяхъ хорватовъ (25—28), иллирійцевъ (28—32, 41—48, 57—64, 73—80, 89—92), морлаковъ (105—111), о славянахъ Резьянской долины (120—128), Зильской долины и о крайнцахъ (298—309), о козакахъ и украинцахъ (189—195). Сюда относятся также «письма изъ Россіи» (141—154). Наконецъ онъ давалъ выписки изъ своей корреспонденціи съ разными славянскими и неславянскими учеными (112, 158—160 отъ Энгеля,

213—234 отъ Рибая (?) изъ Венгріи, 417—427 изъ Харькова отъ Стойковича).

Въ связи съ исторіею древнѣйшаго просвѣщенія Богеміи стоитъ вопросъ о славянскомъ письмѣ, къ которому Добровскій постоянно возвращался, начиная съ тѣхъ поръ, какъ Добнеръ рѣшился дать предпочтеніе глаголицѣ передъ кириллицей. Въ 1807 онъ посвятилъ опять этому вопросу особое изслѣдованіе «Glagolitica. Ueber die glagolitische Literatur, das Alter der Bukwitza, ihr Muster nach welchem sie gebildet worden, den Ursprung der römischslawischen Liturgie, die Beschaffenheit der dalmatischen Uebersetzung, die man dem Hieronymus zuschrieb. u. sv. Ein Anhang zum Slavin» (8°. 96). Главный вопросъ этой изъ одиннадцати отдѣловъ состоящей книжечки относится къ опредѣленію времени происхожденія глаголицы — вопросъ рѣшенъ не удовлетворительно потому, что не обращено никакого вниманія на характеръ древней, такъ называемой болгарской глаголицы, хотя тогда уже было извѣстно существованіе глаголическихъ буквъ въ abecenarium bulgaricum и существованіе Ассеманова евангелія.

Замѣчательно, что «Славинъ» распространялся такъ или иначе о всѣхъ славянахъ, о которыхъ доходили до него свѣдѣнія (о болгарахъ тогда еще ничего не знали), за исключеніемъ — поляковъ! Какъ объяснить это молчаніе? Антипатіи конечно у Добровскаго не было, но быть можетъ, онъ чувствовалъ себя слишкомъ мало освѣдомленнымъ насчетъ фактовъ изъ польской жизни. Въ доказательство можно указать на его собственное признаніе въ письмѣ 1811 года Копитару (Письма 212—213): «Leider wissen wir hier fast gar nichts, was bei ihnen vorgeht und die Pohlen, die ihren Rhinesmus und ihr Zischen für attische Schönheiten halten, wissen auch nichts von unserem Treiben. So stehen die Sachen wirklich und sollten anders stehen». Между строками можно прочесть маленькое недовольство Добровскаго, что поляки сторонились отъ чеховъ (и конечно еще болѣе отъ прочихъ славянъ), послѣдствіемъ чего было ихъ взаимное незнакомство «Es fehlt uns an Verbindungen», жаловался Добровскій и критиковалъ невѣрные взгляды польскихъ ученыхъ (Станислава Потоцкаго) относительно чеховъ. Мы знаемъ, изъ другихъ источниковъ, что Добровскій былъ въ эти годы въ перепискѣ съ Линде (Письма 634 и сл.) и что онъ въ «Annalen der Litteratur und Kunst» за 1809 годъ, іюнь, написалъ отзывъ о польскомъ словарѣ Линде (A—L), сл. тамъ же за 1812 г., мартъ.

Трудно съ точностью опредѣлить, какое впечатлѣніе произвелъ и какой отголосокъ вызвалъ «Славинъ» среди славянъ, но несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что такіе трезвые ученые какъ Бандтке имъ были очень довольны,

а на даровитаго молодого словенца, Копитара, онъ произвелъ такое глубокое впечатлѣніе, что далъ толчокъ вскорѣ послѣдовавшей послѣ выхода въ свѣтъ «Славина» замѣчательной многолѣтней перепискѣ, въ которой Копитаръ любилъ называть себя молодымъ «славиномъ» по отношенію къ Добровскому какъ учителю, о книжкѣ же отзывался съ восторгомъ («ihr Slavin ist eine herrliche Unternehmung»), онъ отправилъ даже Добровскому отвѣтное посланіе «Rückbotschaft» (Письма стр. 8 и сл.). Съ такимъ же одушевленіемъ встрѣтилъ «Славина» баронъ Цойсъ (ib. стр. 30). Заговорили тотчасъ же о продолженіи изданія (Письма 110. 140. 148), Добровскій склонялся измѣнить заглавіе, pluribus de causis, какъ онъ самъ выражался. Копитару не нравилось заглавіе женскаго рода, во всякомъ случаѣ вм. «Slowana» предлагалъ «Slowanka» или «Slovenka» (Письма 166). Онъ торопилъ Добровскаго сначала издать грамматику церковно-славянскую, потомъ вновь продолжать «Славина» (Письма 215. 255). Вышла однакожъ «Слованка»; по словамъ Добровскаго, перемѣну заглавія или названія пожелалъ издатель (Письма 359). Онъ не могъ простить ему слишкомъ скромную внѣшность новаго изданія (ib. 362), хотя намъ она (т.-е. Слованка) не кажется нисколько хуже «Славина». «Слованка» вышла въ двухъ выпускахъ: I. 1814, стр. 254, II. 1815, стр. 252, съ полнымъ заглавіемъ: «Slovanka. Zur Kenntniss der alten und neuen slawischen Literatur, der Sprachkunde nach allen Mundarten, der Geschichte und Alterthümer». Въ содержаніи этого изданія нельзя не замѣтить большого шага впередъ: статьи не такъ раздроблены, разрублены на мелкіе кусочки, какъ прежде; вмѣсто примѣчаній къ чужимъ выпискамъ, хотя онѣ и теперь еще составляютъ значительную часть, издатель чаще выступаетъ съ собственными статьями. Богаче здѣсь представлены грамматическіе вопросы и въ особенности литературныя обозрѣнія. Укажемъ на довольно обширную статью издателя «Ueber den Wohlklang der slavischen Sprache mit besonderer Anwendung auf die boehmische Mundart (II. 1—67), здѣсь разбираются вопросы, причисляемые нынѣ къ фонологіи. Классификаціи касается: «Ueber zwei verschiedene Ordnungen der slawischen Sprache» съ извлеченіями изъ Шлёцера и примѣчаніями Добровскаго (I. 166—195), то же самое изъ Аделунгова Митридата (I. 195—199). Къ діалектологіи относятся выписки о языкѣ люнебургскихъ славянъ (I. 1—26, II. 220—228) и о силезскомъ нарѣчіи (II. 118—128). Къ грамматическимъ статьямъ принадлежитъ еще (I. 27—54): объ анализѣ коренныхъ словъ и тематическихъ слоговъ, въ связи съ изданной отдѣльно въ 1816 году статьею: Entwurf zu einem allgemeinen Etymologikon der slawischen Sprachen (8°. 97 стр., въ Abh. d. k. b. Ges. d. W. III-te Folge B. IV). Грамма-

тическаго содержанія отзывы имѣются о грамматикѣ русскаго языка Іо. Север. Фатера (I, 200—270), о статьѣ Аппендини (II. 94—106), о статьѣ дубровчанина Сорго (II. 106—108). Образцамъ живыхъ славянскихъ нарѣчій посвящено и здѣсь нѣсколько приложеній: славонскому и хорватскому I. 252—3, сербскому (поговорки изъ Мушкатировича) II. 67—94, изъ перевода Скорины причитаніе пророка Іереміи (II. 149—152), одна русская пѣсенка напечатана въ самомъ концѣ 2 выпуска (251—252). Изъ литературной исторіи Добровскій давалъ предпочтеніе всему, что относится къ церковно-слав. языку и памятникамъ его: былъ ли въ Далмаціи полный переводъ библіи (I. 56—63), новые далматинскіе переводы библіи (ib. 64—69), о переводѣ библіи на другія славянскія нарѣчія (I. 136—158, II. 128—139), объ исправленіи церковныхъ книгъ (II. 155—163), критич. замѣтки къ отдѣльнымъ мѣстамъ или чтеніямъ (II. 160—168). Кромѣ того о словакахъ (II. 177—187), о польской литературѣ (II. 236—251), библіографическія обозрѣнія изъ разныхъ литературъ (I. 208—246, II. 234—236, 206—213). Разныхъ вопросовъ славянскихъ древностей касаются статейки: о названіяхъ мѣсяцевъ (I. 70—75), о названіяхъ дней (I. 247—249), о древностяхъ язычества (II. 170—77), о характерѣ славянъ по Прокопію, Маврикію и Льву (I. 78—84). Этнографическія черты приводятся о болгарахъ (I. 84—89), крайнцахъ (I. 90—94), объ истріанахъ (I. 95—97), о лужичанахъ (I. 98—103), о «рушнякахъ» въ Мармарошѣ (I. 104—110), о карловацкихъ «граничарахъ» (I. 111—115). Наконецъ, письма о полякахъ (I. 116—135), которыми Добровскій хотѣлъ, такъ сказать, восполнить пробѣлъ «Славина». Отзывы Копитара о «Славинѣ» и «Слованкѣ» отличаются той же живостью, какъ и само содержаніе этихъ книжекъ. Такъ и слышится голосъ полной вѣры въ блестящій успѣхъ хорошо начатаго великаго дѣла. Нѣтъ малодушія, нѣтъ еще разочарованій. Значеніе этихъ по внѣшнему облику очень скромныхъ книжекъ засвидѣтельствовано уже самимъ Добровскимъ, пожелавшимъ даже въ послѣдніе годы своей жизни продолжать изданіе «Слованки» или «Слованіи», какъ доказываютъ его письма къ Бандтке (Francev, Dobr. Bandtkie 162. 175). Но и другіе помнили, еще многіе годы спустя, благородное намѣреніе Добровскаго. Знаменитый историкъ польскаго права, А. С. Гельцель, задумывая въ 1834 году періодическое изданіе («Kwartalnik»), посвященное философіи, праву, исторіи и литературѣ поляковъ и прочихъ славянъ, желалъ выполнить пробѣлъ «aby wszystkich ludów Słowiańskich naukową oświatę w jednem ognisku wystawiać» и при этомъ онъ указалъ на Добровскаго «Славинъ»: «wszakże taż

sama myśl przebija w Slawinie wielkiego Dobrowskiego» (Францевъ, Письма къ Ганкѣ 185).

Еще раньше изданія «Слованки» лѣтомъ 1812 года Добровскій предпринялъ путешествіе въ Германію, главнымъ образомъ его привлекали Штутгартъ и Мюнхенъ. Въ первомъ городѣ онъ интересовался богатѣйшей коллекціей библейскихъ изданій, между ними славянскими переводами. Въ Мюнхенѣ же онъ списалъ извѣстные фризингскіе отрывки, замѣчая при этомъ, что крайнцы внѣ себя отъ восторга. Объ этомъ онъ сдѣлалъ коротенькое сообщеніе въ «Слованкѣ» I. 249—251.

Любовь къ ново создаваемой наукѣ на основаніи всѣхъ вопросовъ, имѣющихъ какое либо соприкосновеніе съ церковно-славянскимъ языкомъ— внушила Добровскому благую мысль воспользоваться своимъ положеніемъ скромнаго, но независимаго ученаго, чтобы образовать кружокъ любителей, преданныхъ этому дѣлу, которымъ онъ преподавалъ грамматику этого священнаго языка. Въ глазахъ Добровскаго онъ стоялъ такъ же высоко, какъ санскритскій въ средѣ общей лингвистики. Въ числѣ учениковъ упоминаются Пухмайеръ, Іодлъ, Клицпера и др., но первое мѣсто занималъ усердіемъ и познаніями его молодой поклонникъ и обожатель, Вячеславъ Ганка, который отъ общенія съ Добровскимъ много выигралъ также для лучшаго уразумѣнія древне-чешскаго языка и литературы. Въ доказательство можно указать на его Starobylá skládánie. Даже въ ускореніи изданія церковно-славянской грамматики долю заслуги нужно приписать Ганкѣ. Долго тянулись приготовленія къ этому изданію, какъ видно изъ переписки Добровскаго съ Копитаромъ, постоянно настаивавшимъ на томъ, что бы Добровскій пріѣхалъ въ Вѣну и здѣсь напечаталъ грамматику. Едва ли справедливо мнѣніе Брандля, что этого требовало австрійское правительство. Самое лучшее доказательство полнѣйшей свободы его въ рѣшеніяхъ по этому дѣлу состоитъ въ томъ фактѣ, что онъ еще въ іюнѣ 1818 года, предполагалъ печатать свою церковно-славянскую грамматику латинскими буквами (Francev, Dobr. Bandtke 124). Перемѣна, т.-е. предпочтеніе въ сторону славянскихъ буквъ, никакъ не состоялась по желанію австр. правительства! Пріѣхавъ въ 1819 году въ Вѣну Добровскій остановился здѣсь въ домѣ графовъ Кинскихъ, сдѣлался тотчасъ же центромъ кружка Вѣнской славянской интеллигенціи, но самымъ близкимъ товарищемъ его былъ, конечно, Копитаръ, съ которымъ вдвоемъ они очень усердно работали надъ грамматикой, собирали матеріалъ для словаря и въ тоже время начали уже и самое печатаніе (въ 1820 году). Изъ Вѣны Добровскій отлучался на короткіе сроки въ Прагу, къ большому неудовольствію Копитара, видѣвшаго въ этомъ задержку и помѣху. Дѣйствительно грамма-

тика вышла лишь къ концу 1821 года: Josephi Dobrowsky Institutiones linguae slavicae dialecti veteris quae quum apud Russos, Serbos aliosque ritus graeci tum apud Dalmatas glagolitas ritus latini Slavos in libris sacris obtinet. Vindobonae 1822 (sumptibus et typis Antonii Schmid, c. r. p. typographi). Этотъ капитальный трудъ обнимаетъ на стр. I—LXVIII предисловіе, на стр. 1—78 введеніе (о письмѣ, правописаніи, о перемѣнахъ въ гласныхъ и согласныхъ, объ удареніяхъ и сокращеніяхъ), на стр. 79—458 первую часть собственно грамматики (De vocum formatione), на стр. 459—580 вторую часть грамматики (De verborum flexione), на стр. 581—671 третью часть грамматики (De vocum constructione). Въ концѣ прибавлены (на стр. 672—704) Specimina e codicibus diversae aetatis и (на стр. 705—720) Epimetra Kopitarii tria.

Грамматика Добровскаго — трудъ монументальный, несмотря на многіе недостатки и промахи въ частностяхъ. Обширныя свѣдѣнія автора въ области различныхъ языковъ индо-европейской и семитской семьи, его глубокое пониманіе организма языка, поддерживаемое философско-критическимъ направленіемъ блестящаго таланта — такъ и отпечатлѣлись на каждой страницѣ его труда. Въ особенности первая часть «de vocum formatione» богата новымъ, до тѣхъ поръ мало разобраннымъ матеріаломъ. У Добровскаго было много чутья для сравненія и анализа, гораздо менѣе для историческаго развитія языка, а такъ какъ церковно-славянскій языкъ, разбросанный по памятникамъ разныхъ столѣтій и разныхъ странъ, представлялъ собою пеструю массу разнообразныхъ явленій, то только тонкое историческое чутье, уваженіе къ преданіямъ старины, строгое различеніе между наслоеніями различныхъ эпохъ, могли бы снабдить изслѣдователя аріадниной нитью, чтобы добраться до древнѣйшаго типа разбираемаго языка. Всего этого у Добровскаго недоставало въ достаточной степени, поэтому онъ въ своихъ соображеніяхъ и заключеніяхъ очень часто дѣлалъ промахи. Правда, сравнительно съ положеніемъ Востокова онъ былъ въ накладѣ, не имѣя подъ рукой такого памятника, какъ Остромирово евангеліе, но нельзя отрицать того, что ему все-таки были знакомы по разнымъ источникамъ также древнія формы языка. Онъ напр. хорошо зналъ, что извѣстныя формы и слова въ древнѣйшихъ памятникахъ попадаются не въ такомъ видѣ, какъ въ позднѣйшихъ текстахъ, напр., въ старопечатныхъ книгахъ. Но его общій взглядъ на права критики по отношенію къ языку, отсутствіе достаточнаго уваженія къ памятникамъ, заставляли его по большей части очень произвольно обходиться съ преданіемъ и давать предпочтеніе тому, что критическому таланту его болѣе правилось. Такимъ образомъ въ его трудъ внесено очень много субъективнаго, не-

вѣрнаго. Напр., въ § XI гл. I введенія говорится совсѣмъ точно, что въ древнѣйшихъ памятникахъ постоянно пишется ъı, но онъ все таки не внесъ этого ъı въ свою грамматику, а остался по привычкѣ при ы «ut nunc scribitur». Онъ зналъ (стр. 13, гл. I, § IX), что разница между ωм для дательнаго мн. ч. и ом для творительнаго ед. ч. выдумка грамматиковъ, и все же она осталась у него въ образцѣ склоненія. Онъ зналъ, что древнѣйшіе памятники употребляютъ оу, но онъ оставилъ, по крайней мѣрѣ внутри и въ концѣ словъ ȣ. Хотя онъ зналъ, что въ концѣ словъ постоянно (даже въ позднѣйшихъ текстахъ) пишется какъ ъ такъ и ь, все таки его критическая поспѣшность заставила его отбросить ъ. Онъ зналъ даже, что «post м vero in locali et instrumentali codices antiquissimi constanter ь affigunt» (стр. 19), однакожъ даже это великолѣпное открытіе оставлено безъ примѣненія. Онъ зналъ, что внутри словъ во многихъ случаяхъ попадается ъ или ь, напр. тъма, правьда, что существуютъ antiquissimi codices, въ которыхъ ъ et ь «exactissime distingui solent» (стр. 20) — но и этимъ свѣдѣніемъ онъ не воспользовался, онъ и здѣсь выбросилъ ъ какъ ненужный балластъ за бортъ. Впрочемъ мы замѣчаемъ у него странную непослѣдовательность. Онъ давалъ предпочтеніе формамъ какъ сон, орел, пѣсок, но послѣ ч, ж, ш, ц требовалъ все таки писанія гласныхъ ь и и (не ъ и не ъı или ы). Такимъ образомъ у него сложился какой-то искусственный языкъ, не соотвѣтствовавшій ни соблюденію преданія древнѣйшихъ памятниковъ, ни пріемамъ позднѣйщихъ рукописей. Его морфологія (pars II) представляетъ самую слабую сторону грамматики. Тутъ въ образцахъ склоненія попадаются такія формы, какъ винит. мн. ч. сыновы, дат. мн. ч. сыновωм, пред. мн. ч. сыновѣх, твор. мн. ч. сыновы. Онъ самъ не стѣснялся признать свою субъективную точку зрѣнія: positi hic sunt in plurali casus augmento prolongati omnes, licet praeter nominativum et genitivum rarius alii inveniantur» (стр. 467). Неудивительно послѣ этого, что ученикъ его Ганка обогатилъ также древне-чешскій языкъ формой bohovom! Склоненіе слова «слово» не представляетъ ни одной формы съ тематическимъ — ес. Въ склоненіи прилагательныхъ приводятся какъ образцы дат. ед. ч. свѧтомȣ, пред. ед. ч. свѧтом, ж. р. дат. и предл. свѧтои — древнія же формы упомянуты только въ примѣчаніяхъ. О двойственномъ числѣ говорится только въ концѣ склоненій. Мѣстоименія тъ вин. пад. мн. ч. рядомъ съ ты еще и тыѧ, мѣстоименія же и вин. пад. мн. ч. для всѣхъ родовъ только ѩ. Повелительное наклоненіе обезображено такими формами: зрѣм, лежѣм, волѣм. Переходящаго времени онъ не узналъ сполна, сказано только, что вм. окончаній (аористическихъ) ох ѣх их оно постоянно оканчивается на ѧх (стр. 387—8).

Добровскій причислялъ церковно-слав. языкъ къ древне-сербскому, противъ чего постоянно возражалъ Копитаръ. Еще раньше, когда грамматика не была отпечатана, онъ старался отговорить Добровскаго отъ этой теоріи, поэтому онъ былъ непріятно пораженъ тѣмъ что въ грамматикѣ Добровскаго этотъ вопросъ обойденъ молчаніемъ. Разочарованіе Копитара высказывалось въ его рецензіи на грамматику, въ вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur XVII Band (1822) стр. 66—107, которая Добровскаго очень задѣла. Онъ обѣщалъ коснуться этого вопроса въ спеціальномъ изслѣдованіи о Кириллѣ, замѣтивъ при этомъ, что предоставляетъ Копитару полное право придерживаться своего собственнаго взгляда. Judicia sunt libera. Пылкій Копитаръ разразился цѣлой филиппикой по этому поводу противъ Добровскаго: Judicia sunt libera, auch ich bin der Ueberzeugung. Um aber den Cyrill, der aut Bulgaris aut nobis Carniolanis gehört, ohne Noth aufzugeben, bin ich nicht gleichgültig genug. Und selbst wenn er den Bulgaren gehören sollte, so sind sie nun von seiner Sprache so weit als die Römer von der Ciceros und wir ihr auf jedenfall die nächsten» (Письма I. 467). Добровскій старался успокоить своего вѣнскаго друга, но это не такъ легко удавалось (471—2). Съ другой же стороны и Добровскій сваливалъ на Копитара вину въ томъ, что въ грамматикѣ его не все додѣлано, какъ бы слѣдовало: Копитаръ торопилъ его (за что мы ему однакожъ благодарны); когда же трудъ вышелъ, придирался къ нему не только онъ самъ, но заставилъ и другихъ (Якова Гримма) дѣлать ему замѣчанія (Francev, Dobr. Bandtke 162).

Книжечка, въ которой Добровскій намѣревался затронуть спорный вопросъ о происхожденіи церковно-славянскаго языка, вышла въ 1823 году: Cyrill und Method der Slawen Apostel. Ein historisch-kritischer Versuch. Prag. 8°. 133, въ Abh. d. b. Ges. d. W. III-e folge B. VIII. Histor. Theil № 2, русскій переводъ явился великолѣпнымъ изданіемъ на средства графа Румянцева подъ редакціею Погодина въ 1825 году (съ нѣкоторыми приложеніями), но и въ этомъ критическомъ этюдѣ, устранившемъ много сказочнаго и недоказаннаго изъ жизнеописанія славянскихъ первоучителей, то что главнымъ образомъ интересовало Копитара, оставлено безъ надлежащаго отвѣта. По крайней мѣрѣ Копитаръ остался неудовлетвореннымъ. Добровскій замѣнилъ прежнюю теорію о сербскомъ происхожденіи теперь компромиссомъ: «Serbisch-bulgarisch-macedonisch», который Копитару нисколько не понравился, онъ придрался въ ядовитомъ замѣчаніи: wer wird Ulfilas Sprache z. B. englisch-fränkisch-mösisch nennen! И въ Jahrbücher d. Lit. 1824, B. 25 стр. 304 онъ говоритъ: Uns scheint dieser neueste Ausspruch des H. Dobrowsky die Sache nur noch mehr zu

verdunkeln. Но мы знаемъ теперь, что дѣло вовсе не такъ просто, какъ оно представлялось Копитару. Перечень германизмовъ, на которыхъ настаивалъ Копитаръ, еще не рѣшаетъ вопроса въ пользу паннонскаго происхожденія церковно-славянскаго языка въ полномъ его, въ особенности грамматическомъ объемѣ. Съ другой же стороны увертка Добровскаго не такъ легкомысленно сдѣлана, какъ казалось Копитару: соединеніе трехъ названій заключало въ себѣ признаніе, что церковно-славянскій языкъ былъ по происхожденію своему нарѣчіемъ южно-славянскимъ, существовавшимъ гдѣ-то въ предѣлахъ, гдѣ болгарское, македонское и сербское нарѣчія могли находиться въ ближайшемъ сосѣдствѣ, даже въ переходномъ состояніи. Добровскій соглашался въ письмѣ къ Якову Гримму 1824 года (Брандль 194), что этюдъ его собственно написанъ потому, что онъ былъ вызванъ рецензіею въ Gött. Gel. Anz. (1823, 35 Stück, стр. 237—392), гдѣ признавалась основательность теоріи Копитаровой, онъ же желалъ утвердить, что не въ Карантаніи между словенцами нужно искать источниковъ древне-славянской литературы, а въ окрестностяхъ Солуня.—Когда же Копитаръ продолжалъ придираться къ нему указаніемъ на германизмы въ лексиконѣ церковной славянщины, основывая на нихъ свою теорію, Добровскій попытался обойти всѣ трудности такими комбинаціями (II. I. 546, письмо отъ 23 іюня 1826 года): Das gesammte Illyrische betrachte ich noch immer als einen geradezu unmittelbaren Abkömmling des Kirchendialektes. Sollte das Karantanische, womit das Pannonische nicht ganz übereinstimmen konnte, von dem Illyrischen (Macedonisch, Serbisch, Bulgarisch und was man noch dazu setzen will, z. B. Bosnisch, Dalmatisch) im 9 Jahrh. noch etwa gar nicht verschieden gewesen sein, so stritten wir ja über Nichts». Такъ просто ларчикъ, конечно, не открывался. Въ названіе «иллирскаго языка» Добровскій включалъ не только различные говоры сербско-хорватскіе, но при тогдашнихъ очень ограниченныхъ свѣдѣніяхъ, также болгарскіе и македонскіе. Въ этомъ пунктѣ Копитаръ былъ нѣсколько болѣе свѣдущъ. Отзывы о книгѣ Добровскаго имѣются въ вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur 1824 XXV. 303—4, XXVI. 211—235.

Нѣсколько лѣтъ спустя (1826) вышло еще дополненіе къ упомянутому этюду Добровскаго подъ заглавіемъ «Mährische Legende von Cyrill und Method, 8º 124 (въ Abh. d. b. Ges. der Wiss. IV-te Folge B. I), гдѣ критическій изданъ текстъ моравской легенды (она въ зависимости отъ итальянской легенды) съ оцѣнкой историческаго достоинства ея. И здѣсь Добровскій не уступалъ Копитару, но зато отвергалъ мысль Калайдовича, назвавшаго церковно-слав. языкъ моравскимъ нарѣчіемъ. Блумбергеръ (бывшій какъ

полагаютъ въ сношеніяхъ съ Копитаромъ) въ рецензіи на Добровскаго старался примирить моравскую теорію съ паннонской (W. J. L. 1824. B. 26 211—233), но онъ заподозрѣвалъ подлинность писемъ папы Іоанна VIII. Добровскій возражалъ противъ Блумбергера alias Копитара (самъ Добровскій считалъ Блумбергера лишь подставной фигурой, за которой скрывался Копитаръ, какъ это доказываютъ его слова въ письмѣ къ Бандтке; сл. Francev, Dobr. Bandtkie 162. 171), въ открытомъ письмѣ, адресованномъ изъ Праги къ Гормайеру (Hormayer's Archiv 1825 № 12). Но Копитаръ не угомонился. Онъ настолько отожествлялъ себя съ паннонской теоріей, что называлъ цѣлую полемику pro domo sua, доказывая что онъ отстаиваетъ ее «mit gutem Gewissen und nicht als Ignorant». Число германизмовъ у него такъ сказать съ каждымъ годомъ возрастало. Въ одномъ письмѣ (Письма 516) онъ вычисляетъ слѣдующіе германизмы: **црькы, крьстъ, олтарь, мьнихъ, постъ, гонезнѫти, столъ, Римъ, оупъвати, пѣнѧзь**; вскорѣ прибавлено еще слово **цѣсарь**. Онъ ждалъ или даже требовалъ опроверженія. Блумбергеръ, по сообщенію Копитара, намѣревался написать исторію Пассовской (Passau) епархіи, гдѣ полемика противъ Добровскаго должна была продолжаться. Передавая объ этомъ Добровскому, Копитаръ называлъ себя его ученикомъ Іоанномъ: Sie nehmen Ihrem Johannes diese Freimüthigkeit nicht übel. Но Добровскій не поддавался, какъ видно изъ одного письма къ Бандтке, гдѣ онъ съ тонкой ироніей прибавилъ: Копитаръ хотѣлъ бы назвать языкъ паннонскимъ, при чемъ онъ думаетъ о своихъ крайнцахъ, но Кириллъ и Меѳодій не были изъ Любляны, а изъ Солуня, въ Моравію же они привезли готовыя литургическія книги. «Man muss hier nicht auf einzelne Wörter, sondern mehr auf die grammatischen Formen sehen» (Francev, Dobr. Bandtkie 178). Какъ умно это сказано!

Послѣ появленія въ свѣтъ книжечки о моравской легендѣ, Копитаръ продолжалъ снова приглашать Добровскаго въ Вѣну (1826, Письма 540); они могли бы, говорилъ онъ, великолѣпно вмѣстѣ заниматься, хотя бы онъ (т. е. Копитаръ) придерживался убѣжденія, что во время Меѳодія въ Панноніи и въ Болгаріи не было въ употребленіи **сѧ**, т.-е. Копитару этотъ обликъ мѣшалъ, онъ считалъ его замѣнившимъ потомъ, должно быть, на русской почвѣ, прежнюю форму **се**! Добровскій отозвался о натянутыхъ отношеніяхъ, происшедшихъ между нимъ и Копитаромъ вслѣдствіе не прекращавшихся придирокъ Копитара, съ замѣчательной откровенностью въ одномъ письмѣ къ Бандтке, гдѣ онъ по поводу этихъ приглашеній въ Вѣну говоритъ про Копитара: «Er will mich zu seinem Handlanger bey der Sammlung und Verfertigung eines ächt slawischen Wörterbuchs machen... allein ich arbeite

gern für mich, nach meinem Sinne und lasse mich nicht gern hofmeistern... (Francev, 162). Свиданіе съ Копитаромъ въ эти годы не состоялось, но переписка все-таки не прекращалась. Много толковалось въ письмахъ этого времени объ одномъ мѣстѣ въ Прологѣ, въ такъ называемой сербской легендѣ, гдѣ говорится объ архіепископѣ «вышнюю Морлвоу». Добровскій отвергалъ всѣ прочія попытки объясненія и стоялъ за двойственное число. Что однакожъ и это толкованіе невѣрно, и что здѣсь по среднеболгарскому смѣшенію носовыхъ, перенесенному буквально въ сербскую редакцію, вм. въішьнѩѩ моравъі было написано въішьнѫѭ моравѫ — этого не зналъ тогда еще Добровскій.

Кромѣ Блумбергера съ Добровскимъ не соглашался во всемъ относительно Кирилла и Меѳодія и Фр. Кс. Рихтеръ, издавшій въ 1825 году книжечку «Cyrill und Method der Slawen Apostel und Mährens Schutzheilige» (Olmütz 8⁰. 76). Гормайеръ отозвался объ авторѣ этой книжечки слишкомъ рѣзко словами «wüthend antiboehmisch, ultrapfäffisch, ultraservil», самъ же Добровскій написалъ въ архивѣ Гормайера (1825 № 80—81) коротенькій разборъ сочиненія, въ которомъ доказывается, что Рихтеръ, отбросивъ то и другое изъ сказочнаго матеріала о славянскихъ апостолахъ, накопившагося у Стредовскаго, все таки оставилъ еще много недоказанныхъ и невѣрныхъ извѣстій. Онъ могъ съ полнымъ правомъ упрекнуть его въ неточности, когда произвольно въ одинъ текстъ его перевода вставлено, противъ подлинника, выраженіе «паннонскій», кажется, только для того, чтобы такимъ образомъ дать опору теоріи Копитаровой о паннонизмѣ! Замѣчательно, что Добровскій тогда еще думалъ, что Меѳодій скончался въ Римѣ («er verschwindet seit 881 aus der Geschichte und wahrscheinlich um diese Zeit auch aus der Welt»).

Слухъ о томъ, что Добровскій, познакомившись съ открытіемъ Востокова о носовыхъ звукахъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, хотѣлъ сжечь свое сочиненіе, не имѣетъ ни малѣйшаго правдоподобія, ни внѣшняго ни внутренняго. Во-первыхъ, грамматика его была уже пущена въ свѣтъ, когда онъ узналъ о статьѣ Востокова. Во-вторыхъ, Добровскій, относившійся съ большимъ уваженіемъ къ Востокову, все же не былъ убѣжденъ съ перваго разу въ вѣрности открытія, сдѣланнаго Востоковымъ. Копитаръ сообщилъ ему письмомъ отъ мая 1822 суть содержанія статьи Востокова, въ которой этотъ замѣчательно вѣрный наблюдатель различалъ «triplicem linguam slovenicam» 1) veterem genuinam XI—XIII saec., 2) mediam semicorruptam XV—XVI saec., 3) novam post correctionem saec. XVII», — вотъ это различіе по періодамъ, не замѣченное въ трудѣ Добровскаго, поразило Копи-

тара; что же касается сопоставленія ж съ ą и ę, онъ думалъ даже, что Добровскій будетъ надъ этимъ смѣяться (Письма 473)! Добровскій едва ли смѣялся, но не раздѣлялъ убѣжденія Востокова — въ письмѣ своему другу Бандтке отъ 4 марта 1824 онъ говоритъ: Wostokows Einfall ж für das poln. ą und ę zu halten, ist ohne Grund (Francev, Dobr. Bandtke 146) — а также должно быть не соглашался въ душѣ съ мнѣніемъ Копитара, будто бы послѣ грамматики Добровскаго Востокову не осталось ничего прибавить. Правильнѣе смотрѣлъ самъ Востоковъ на грамматику Добровскаго, заявивъ Калайдовичу, что онъ не взялся бы за простой переводъ ея на русскій языкъ, находя ее въ разныхъ частяхъ нуждающейся въ переработкѣ, въ дополненіяхъ или сокращеніяхъ. Но и подъ этими условіями онъ не согласился бы взяться за это дѣло, потому что самъ имѣлъ намѣреніе написать славянскую грамматику. Какъ извѣстно, Востоковъ не исполнилъ этого обѣщанія относительно церковнослав. грамматики. Трудъ же Добровскаго все-таки имѣлъ свое большое, плодотворное значеніе для славянской науки съ одной стороны въ двухъ центрахъ умственнаго движенія въ Австріи — въ Вѣнѣ (Копитаръ) и въ Прагѣ (Ганка), съ другой же, въ Россіи въ кружкѣ любителей славянской и русской старины, собравшемся около графа Румянцева (Востоковъ, Калайдовичъ, Евгеній и пр.). Грамматика Добровскаго, созданная, конечно, на совсѣмъ другихъ началахъ, чѣмъ царствовавшій до тѣхъ поръ Смотрицкій, не могла понравиться тѣмъ, кто церковно-славянскій языкъ подчинялъ исключительно служенію потребностямъ православной церкви. Однимъ изъ такихъ былъ карловицкій митрополитъ Стратимировичъ. По словамъ Копитара, онъ не былъ доволенъ грамматикой: dicit te regulas mutasse in exceptiones et vice versa. Item irascitur tibi quod glagolitarum memineris qui sibi sunt invisi utpote latini ritus, quicum nil vult commune habere. Добровскаго этотъ неодобрительный отзывъ Стратимировича нисколько не тронулъ, онъ ссылался на мнѣніе Востокова, «und mit diesem Kenner der alten Sprache wird er sich nicht messen wollen» (Письма 581). Съ полнымъ пониманіемъ значенія этого труда отозвалась о немъ западная наука, въ особенности въ Германіи. Знаменитый историкъ Нибуръ въ письмѣ Копитару жалѣлъ, что онъ не могъ имѣть 15 лѣтъ тому назадъ этой грамматики въ рукахъ. Замѣчательно, даже нѣсколько удивительно для насъ, но по перепискѣ отца Мартынова съ Ганкой оказывается, что еще въ 1856 и 1857 годахъ почтенный русскій іезуитъ намѣревался издать сокращенную грамматику (конечно, церковно-славянскую) Добровскаго (Францевъ, Письма къ Ганкѣ 679. 683).

Какъ путешественникъ, преодолѣвшій всѣ трудности и достигшій желанной цѣли, чувствуетъ потребность нѣкотораго отдыха, такъ и Добровскій

могъ позволить себѣ теперь, какъ говорится, почивать на лаврахъ. Изъ корреспонденціи его все-таки видно, что онъ не покидалъ любимаго занятія. Заходила даже рѣчь о сокращенномъ изданіи грамматики со многими поправками. Его ручной экземпляръ былъ вскорѣ переполненъ многими прибавленіями. На экземплярѣ, подаренномъ въ 1823 году Палацкому, онъ сдѣлалъ приписку (дистихъ Овидія):

Cum relego scripsisse pudet, quia plurima cerno
Me quoque qui feci iudice digna lini.

Говорятъ, Добровскій, хотя былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, увлекался въ тѣ годы смѣлой мыслью поѣхать на Аѳонъ, чтобы тамъ, быть можетъ, открыть древне-славянскій памятникъ старше Остромирова евангелія. Это осталось, конечно, только pium desiderium, но даже въ идеѣ это дѣлало честь Добровскому. О чемъ онъ первый помышлялъ, то послѣдовавшія поколѣнія исполнили на дѣлѣ и обогатили дѣйствительно славянскую науку рядомъ памятниковъ, не уступающихъ по времени происхожденія Остромирову евангелію (Codex Zographensis, Codex Marianus)! Въ эти годы онъ посвятилъ, какъ видно изъ переписки съ Копитаромъ, нѣсколько больше вниманія Фризингскимъ отрывкамъ, которые тотчасъ послѣ сдѣланнаго открытія (т.-е. перваго сообщенія о нихъ Добровскому изъ Мюнхена) были отодвинуты на задній планъ грамматикою, поглощавшею все его вниманіе. Изъ переписки съ Копитаромъ мы обязаны вывести заключеніе, что послѣ Востокова никто не сдѣлалъ столько для объясненія этихъ отрывковъ, какъ Добровскій, гораздо больше чѣмъ Копитаръ, которому онъ сначала предоставлялъ первенствующую роль. Тутъ блестяще оправдалась большая начитанность Добровскаго въ древне-славянскихъ текстахъ. Такъ, онъ указалъ на случаи употребленія префикса **къı** (вм. **изъ**) у южныхъ славянъ (Письма 564), онъ объяснилъ вѣрно формы isko (566), ispovede (569), онъ догадался насчетъ значенія слова spytny (574).

Въ новѣйшее время отдается полная справедливость критическому чутью Добровскаго также относительно «Любушина Суда» и отрывка евангелія отъ Іоанна, отрицаніе подлинности которыхъ причинило ему много горечи, именно въ послѣдніе годы жизни. Его отрицательное отношеніе къ этимъ мнимымъ памятникамъ чешской старины послужило новому поколѣнію патріотическихъ романтиковъ оружіемъ противъ его научной искренности, его упрекали въ недостаткѣ любви и привязанности къ чешской родной землѣ. Въ одномъ письмѣ Юнгманна къ другу Мареку (1823 г., Брандль 202) высказана противъ него прямо такая напраслина: «мы обманулись въ этомъ человѣкѣ, я правда всегда полагалъ, что онъ не чехъ, а только славизирующій нѣмецъ»!

Если бы не было крупныхъ трудовъ Добровскаго, одной переписки его съ Дурихомъ, Рибаемъ, Копитаромъ и др. было бы достаточно, чтобы сохранить его память незапятнанной. Добровскій, протестовавшій сначала въ письмахъ къ Ганкѣ противъ опубликованія Любушина Суда, съ негодованіемъ узналъ потомъ, что заднимъ ходомъ, черезъ сочиненіе Раковецкаго «Prawda ruska», пустили этотъ подлогъ въ свѣтъ; онъ разразился противъ фанатиковъ въ архивѣ Гормайера 1824 № 46, озаглавивъ свой отзывъ рѣзко и рѣшительно «Literarischer Betrug». Реплику помѣстилъ тамъ же отъ имени многихъ Свобода въ № 64, которую Добровскій не оставилъ безъ отвѣта (Vorläufige Antwort auf d. H. W. S. Ausfälle, № 79). Добровскій считалъ Любушинъ Судъ простымъ неумѣлымъ подражаніемъ эпическимъ пѣснямъ Краледворской рукописи, фальсификаторъ былъ знакомъ съ Словомъ о полку Игоревѣ и древне-русскими стихами, онъ принялъ къ свѣдѣнію разныя замѣчанія Добровскаго насчетъ древне-чешскаго языка и правописанія, такъ, напр., онъ избѣгалъ h и rz. Принявши въ расчетъ всѣ эти обстоятельства, Добровскому казалось вовсе немудренымъ скропать какихъ-нибудь 120 стиховъ, имѣющихъ видъ какъ будто бы ихъ составилъ нотаріусъ Любуши! Удивительная смѣсь древне-славянскаго, древне-чешскаго и новѣйшаго русскаго языка придавала этой штукѣ заманчивый видъ старины, которою восхищались горячіе патріоты. Добровскій отвергалъ только Любушинъ Судъ; противъ подлинности Краледворской рукописи онъ еще не возражалъ. Но какъ легко было въ этихъ дѣлахъ обмануться, доказалъ самъ Добровскій, взявшійся за объясненіе стиховъ «ha ty naše slunce», какъ одного изъ остатковъ чешской старины, который онъ самъ потомъ долженъ былъ бросить. Обширный анализъ Любушина Суда съ нѣкоторыми ссылками также на Крал. рукопись представленъ Добровскимъ въ вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur 1824 года томъ XXVII, стр. 95—119, по поводу отзыва о книгѣ Раковецкаго. Эту, какъ и прочія рецензіи его въ названномъ журналѣ можно и теперь еще прочесть съ интересомъ. Вслѣдствіе его критики оставили Любушинъ Судъ пока въ покоѣ, но зато, гдѣ могли, отомщали почтенному старцу мелочными придирками въ доказательство своего нерасположенія къ нему. Такъ, по случаю, когда англичанинъ Борингъ (Bowring) заинтересовался чешской литературой, изъ Праги былъ доставленъ ему черезъ Копитара запечатанный пакетикъ, въ которомъ кажется не безъ основанія Добровскій подозрѣвалъ источникъ неблагопріятныхъ отзывовъ англичанина о немъ. Онъ сообщилъ объ этомъ Копитару въ письмѣ отъ 28 іюля 1828 года, гдѣ онъ жалуется на неискренность и неблагодарность Ганки (Письма 616—617) и вѣрно предсказываетъ, что эти господа (Ганка, Юнгманнъ,

Свобода) ждутъ только его смерти, чтобы выступить передъ публикой и съ Любушинымъ Судомъ и съ отрывкомъ евангелія отъ Іоанна (ib. 617). И точно въ годъ кончины Добровскаго вышло новое изданіе Краледворской рукописи съ приложеніемъ упомянутаго отрывка, а въ 1840 году двое изъ лучшихъ знатоковъ чешской старины (Шафарикъ и Палацкій) издали цѣлое сочиненіе, въ которомъ доказывалась подлинность почти всѣхъ потомъ общепризнанныхъ подлоговъ, между прочими и Любушина Суда и отрывка евангелія отъ Іоанна. Плоды познанія созрѣваютъ медленно и поздно. Въ 1828 году 17 авг. Добровскій писалъ Копитару замѣчательное письмо слѣдующаго содержанія: «Завтра (18 авг.) мой 75-ый годъ рожденія. Три дня тому назадъ я поднялся на высокую крутую гору. Немногіе вынесутъ мои путешествія пѣшкомъ. Я знаю, кому я обязанъ этимъ, какъ и другими качествами. Что я старался воспользоваться моимъ разумомъ по мѣрѣ пріобрѣтенныхъ познаній, свободно безъ предвзятыхъ мыслей, не желая угодить извѣстнымъ людямъ, а такъ, какъ приличествуетъ честному человѣку, это сознаніе живетъ во мнѣ. Я не доискивался знакомства съ Борингомъ, я отвѣтилъ ему только по вашему требованію. Это причинило мнѣ незаслуженныя непріятности. Я придаю мало значенія тому, что англійскій поэтъ находитъ мои критическія и филологическія заслуги ниже моихъ свѣдѣній, но я гнушаюсь предательскимъ способомъ тѣхъ іюдушекъ, которые ввели его въ заблужденіе. Эти безумцы воображаютъ себѣ, что они могутъ посредствомъ англійскаго органа повліять на мое убѣжденіе! Если бы Ганка рѣшился вторично опустить записочку въ почтовый ящикъ, въ которомъ онъ сознался бы, хоть анонимно, въ своемъ безобразномъ поступкѣ, на обращеніе Юнгманна и людей его сорта онъ бы не повліялъ. Уговорили ли Ганка и Челаковскій Юнгманна отправить Борингу запечатанный пакетъ, этого я въ точности не знаю, но это кажется правдоподобнымъ» (Письма 617—8). Эти аккорды глубокаго оскорбленія вырвались изъ души почтеннаго старца за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти!

Въ послѣдніе годы Добровскій занимался между прочимъ двумя предметами, которые къ сожалѣнію не доведены до конца. Какъ видно изъ его переписки (напр. съ Бандтке), онъ усердно собиралъ рукописный матеріалъ для критическаго изданія Іордана (между прочимъ состоялъ по этому поводу въ сношеніяхъ съ Пертцомъ), стало быть хотѣлъ выполнить позднѣйшую задачу Моммзена. Куда дѣлся его матеріалъ, неизвѣстно. Другое подобнаго рода занятіе было имъ доведено до конца въ 1827 году, когда онъ напечаталъ Ансбертову исторію о походѣ нѣмецкаго императора Фридерика: Historia de expeditione Friderici imperatoris edita a quodam Austriensi

clerico qui eidem interfuit, nomine Ansbertus, nunc primum... typis expressa curante Josepho Dobrowsky (Pragae). Еще одинъ предметъ, интересовавшій его въ послѣдніе годы жизни и оставшійся не конченнымъ — это была грамматика лужицко-сербскаго языка. Старикъ любилъ заходить въ пражскую семинарію, гдѣ воспитывались клирики-лужичане, и прислушиваться къ ихъ говору. Онъ ѣздилъ также въ Лужицы въ 1825 году, въ августѣ былъ въ Будышинѣ, путешествовалъ же сопровождаемый тремя лужицкими мальчиками (Francev, Dobr. Bandtke 170). Разсказываютъ даже, что онъ изъ своей второй поѣздки привезъ оттуда съ собой двухъ мальчиковъ. Поэтому, когда по наслышкѣ зашла рѣчь о Македоніи, которая могла бы быть родиной церковно-слав. языка, онъ заговорилъ опять о македонскомъ мальчикѣ. Съ ироніею Копитаръ направлялъ его къ Шафарику.

Добровскій скончался по пути изъ Вѣны въ Прагу въ Брюннѣ, 6 янв. 1829. На памятникѣ брюнскаго кладбища читается:

Hungaria me genuit
Bohemia sibi literisque vindicavit,
Moravia regendis sacrorum alumnis quondam adhibuit
nunc pia condidit.
Slavica qua patet terra non ignorat, amici lugent.

Мы почитаемъ въ незабвенномъ Добровскомъ отца славяновѣдѣнія съ полнымъ правомъ. Онъ первый сознательно поставилъ себѣ цѣлью изучить всѣ славянскія нарѣчія на основаніи церковно-славянскаго языка, всѣ славянскія литературы и вопросы древности, а также бытовыя явленія современнаго славянства. Примѣръ его нашелъ послѣдователей, стремленія его не прекратились съ его кончиной, идея явилась во-время. Слѣды многосторонней дѣятельности его живутъ до сихъ поръ. Въ исторіи чешской литературы закончилась только въ концѣ XIX столѣтія борьба противъ подлоговъ, поднятая впервые Добровскимъ. Въ исторіи чешскаго языка покинуть преданія Добровскаго значило блуждать въ потемкахъ. Еще выше стоялъ Добровскій своими изслѣдованіями въ области церковно-славянскаго языка и литературы. Въ Востоковѣ и Копитарѣ онъ нашелъ выдающихся сотрудниковъ въ этой области, къ которымъ вскорѣ примкнули въ Австріи Шафарикъ и Миклошичъ, въ Россіи русскіе славяновѣды. Его заботливость о библіографическомъ описаніи древнихъ памятниковъ развилась въ Россіи въ образцовые труды Калайдовича, Строева, Востокова, Ундольскаго, Горскаго и Невоструева и т. д. Въ его путешествіи въ Швецію и въ Россію, въ его желаніи попасть на Аѳонъ даны импульсы послѣдовавшему поколѣнію русскихъ славистовъ для поисковъ, увѣнчавшихся блестящими результатами, оказавшихъ громадную пользу славянской наукѣ (Григоровичъ, Гильфердингъ и др.).

Любовь Добровскаго къ вопросамъ о славянскихъ древностяхъ отозвалась на изслѣдованіяхъ Суровецкаго и Шафарика, опередившихъ его объемомъ, но едва ли трезвостью взглядовъ. Добровскій не раздѣлялъ романтическаго сентиментализма, который сквозитъ черезъ картины древняго быта славянъ въ сочиненіяхъ Раковецкаго, Шафарика и Палацкаго. Менѣе всего удовлетворяютъ насъ отзывы Добровскаго о произведеніяхъ простонароднаго творчества. Хотя онъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ Яковомъ Гриммомъ, а Копитаръ гордился ближайшей дружбой любимаго учителя, называя себя его евангельскимъ Іоанномъ, — все же въ этой сферѣ научныхъ интересовъ душа его не роднилась ни съ Гриммомъ, ни съ Копитаромъ; къ дѣятельности Вука онъ показывалъ полное равнодушіе. Говорятъ, будто бы онъ высказалъ свое изумленіе предъ восторгомъ, вызваннымъ сербской народной поэзіей, такъ какъ она сохранилась и передается на языкѣ, не имѣющемъ даже окончанія *-тъ* въ третьемъ лицѣ. Едва ли это правда. Мы не замѣчаемъ такихъ черезчуръ узкихъ взглядовъ у Добровскаго, хотя насъ дѣйствительно поражаетъ его придирчивость даже къ такимъ явленіямъ, какъ къ окончанію въ сербскомъ языкѣ *ао — іо* вм. *al — il* (Francev, Dobr. Bandtke 117); новыя буквы Вукова алфавита љ њ ему тоже не нравились (ib. 186). Итакъ одушевленія романтиковъ народною поэзіею онъ дѣйствительно не раздѣлялъ. Прочтя II и III книжку сербскихъ пѣсенъ Лейпцигскаго изданія, онъ написалъ между прочимъ Копитару: «Die Ajdukenstreiche mögen den Serbiern eben so gut gefallen, als den Deutschen ihre Niebelungen oder andere Gassenhauer. Am ähnlichsten in Rüsksicht der ungeheuren Lügen und Prahlereien sind den serbischen die russischen drevnija stichotvorenija. Von vorzüglichem Alter können sellst die ältesten (Band II) nicht sein... Ich war sehr auf Spuren der alten Sprache aufmerksam» (Письма 558). Отзывъ этотъ, несомнѣнно, крайне одностороненъ; Добровскій взглянулъ на народную поэзію подъ невѣрнымъ угломъ зрѣнія. Но отсюда не слѣдуетъ, что онъ не былъ правъ, отвергая подлинность Любушина Суда. О Краледворской же рукописи, въ которой и онъ видѣлъ остатки древне-чешскаго народнаго творчества, онъ отзывался въ перепискѣ довольно рѣдко. Въ письмѣ 1827 года (Письма 596) онъ приводитъ въ числѣ другихъ сочиненій, собираемыхъ для англичанина Боринга, также Краледворскую рукопись и высказываетъ такое мнѣніе: «Gäbe es doch mehr von ähnlichen Gedichten, als die in der K. H. sind. Sonst haben wir leider nichts so nationales, das mit den serb. Liedern und russ. alten Erzählungen verglichen werden könnte». Копитаръ, отличавшійся даже въ злобныхъ нападкахъ остроуміемъ, спрашивалъ въ одномъ письмѣ 1828 года Добровскаго: не размножились ли чешскія глоссы Ганки съ тѣхъ поръ, какъ

онѣ найдены? «Ihr werdet an Ende noch ein Fragment aus Alexander des Grossen Zeiten entdecken, i. e. fabrizieren und sich und andere damit plagen (Письма 601), а когда Добровскій не отозвался на этотъ вызовъ, онъ опять повторилъ свои сомнѣнія (602): videris nolle capere suspicionem meam de glossis Salomonis. Ego enim valde suspicor ipsas has glossas bohemas esse recens omnes confictas et illatas in codicem a noto et passionato falsario. Ergo vide tu praesens et tuis oculis, annon sit impostura et haec. Fortasse ille vobis Ioannem propinavit, ut saltem glossas sineretis transire inultas. Equidem vereor, ne sint ad unam interpolatae omnes, suppositae manu recentis falsarii, aut posito etiam adfuisse ante illum unam alteramve, quis credat illum neglexisse tam bellam occasionem augendi veteres glossas proprio Marte. *Fateor me nec Kralodvorskas nunc credere extra dubium positas*. Къ этому длинному, оправдавшемуся потомъ обвиненію и подозрѣнію прибавлено по нѣмецки: «Wer einmal gelogen hat, dem glaub' ich nicht mehr». Добровскій находилъ подозрительность Копитара относительно чешскихъ глоссъ въ Mater verborum не вполнѣ оправданной (Письма 613), а о Краледворской рукописи онъ и не заикнулся, считая ее конечно выше всякаго подозрѣнія. Впрочемъ молодому патріотически настроенному поколѣнію онъ слабо довѣрялъ, очевидно полагая не невозможнымъ продолженіе фабрикаціи подлоговъ. Поэтому онъ и говоритъ въ одномъ письмѣ (614), что не хочетъ выдать всѣ признаки подложности евангелія отъ Іоанна, «damit man bei einem zweiten Versuche nicht etwa davon Gebrauch machte, d. h. dasjenige vermiede, wogegen sich Einwendungen machen lassen».

Не буду распространяться о возвышенности духа Добровскаго, которой онъ превосходилъ всѣхъ своихъ чешскихъ современниковъ, объ его философскомъ спокойствіи, съ которымъ онъ выносилъ всѣ невзгоды, объ его идеальной любви, которой онъ обнималъ все славянство, о его чувствѣ справедливости, которое заставляло его не разъ сдерживать пристрастнаго Копитара въ не всегда обдуманныхъ отзывахъ о Россіи и въ преувеличиваніи значенія католическаго паннонизма, о его чрезвычайной гуманности, обвораживавшей всѣхъ знавшихъ его лично. Славянская филологія въ правѣ гордиться такимъ родоначальникомъ.

ГЛАВА VI.

Польскіе современники Добровскаго.

Ученая дѣятельность Добровскаго обнимала послѣднія два десятилѣтія XVIII-го и три первыя XIX-го столѣтія. Въ теченіе этого времени онъ поддерживалъ живыя сношенія съ многими современными учеными на родинѣ, въ Австріи и Венгріи, а также за границей. На первомъ планѣ послѣ Дуриха стоялъ Копитаръ, ознаменовавшій и самъ одну эпоху славянской науки, которая шла почти двадцать лѣтъ параллельно съ Добровскимъ, и послѣ смерти его продолжалась еще слишкомъ цѣлое десятилѣтіе. Но прежде чѣмъ перейти къ оцѣнкѣ его дѣятельности, не будетъ неумѣстнымъ сдѣлать коротенькое обозрѣніе того, что параллельно съ дѣятельностью Добровскаго творилось въ Польшѣ и въ Россіи въ области наукъ, составляющихъ теперь славяновѣдѣніе. Выше были сдѣланы намеки на вѣроятныя причины, почему Добровскій въ своихъ всеславянскихъ сочиненіяхъ очень мало касался польскихъ вопросовъ. Въ одномъ письмѣ къ Копитару (1815 года) онъ отзывается довольно загадочно о своихъ симпатіяхъ къ Польшѣ: «Die Polen bleiben mir werth und ich *werde nicht unterlassen auch für ihre Nationalfreiheit zu arbeiten*, nach allen meinen Kräften, als wenn es mein Vaterland wäre (Письма 405)». Не написаны ли эти слова въ минуту того болѣзненнаго психическаго настроенія, которое время отъ времени овладѣвало имъ? Въ близкихъ сношеніяхъ онъ стоялъ съ княземъ Оссолинскимъ, съ Линде, Бандтке, интересовался также дѣятельностью графа Іо. Потоцкаго, Бентковскаго, Раковецкаго и Лелевеля. Изъ этого видно, что онъ былъ знакомъ съ главными трудами польской литературы въ области древностей, исторіи литературы, библіографіи, лексикографіи и грамматики.

Относительно зарождавшагося въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го столѣтія стремленія поляковъ знакомиться съ славянскими дѣлами политическаго и культурнаго свойства можно теперь сослаться на прекрасное сочиненіе Влад. Францева: «Польское славяновѣдѣніе конца XVIII и первой четверти XIX ст.» (Прага Чешская 1906), въ особенности на двѣ-три первыя главы. Въ исторіи славянской филологіи достаточно выдѣлить изъ большого числа тѣ сочиненія, въ которыхъ затрогиваются вопросы общеславянскіе въ области языка, литературы и древностей. Знаменитый польскій историкъ Адамъ Нарушевичъ (1733—1796), этотъ Карамзинъ польской исторіографіи, издалъ 1780—1786 семь томовъ исторіи польскаго народа, но не коснулся древнѣйшаго періода, въ которомъ пришлось бы говорить

объ общеславянскихъ дѣлахъ. Зато Иванъ Потоцкій (1761—1815), неутомимый труженикъ по вопросамъ славянскихъ древностей, посвятилъ нѣсколько обширныхъ трудовъ самымъ темнымъ и труднымъ вопросамъ древне-славянской географіи и этнографіи. Подробности о немъ съ указаніями источниковъ у Францева стр. 47—62. Изъ значительнаго числа отчасти даже неизданныхъ его трудовъ касаются славянскихъ древностей нѣкоторыя части сочиненія «Essay sur l'histoire universelle et recherches sur celle de la Sarmatie» (1789—1792), потомъ матеріалы собранные въ «Chroniques, mémoires et recherches pour servir à l'histoire de tous les peuples Slaves» (1793), и «Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves» (1795), четыре тома. Несмотря на похвальное желаніе автора итти надежнымъ путемъ по стопамъ источниковъ, которые онъ подбиралъ, по собственному признанію, подражая примѣру Стриттера, онъ все же не могъ выпутаться изъ заколдованнаго круга скиѳскихъ и сарматскихъ предковъ славянъ. Больше вниманія заслуживалъ его отчетъ о путешествіи по тѣмъ мѣстамъ Германіи, гдѣ когда-то жили славяне и гдѣ нѣмецкіе антиквары открывали остатки славянскихъ древностей. Въ 1795 вышло въ Гамбургѣ его путешествіе «Voyage dans quelques parties de la Basse-Saxe pour la recherche des antiquités Slaves ou Vendes». Здѣсь съ похвальнымъ усердіемъ, но безъ малѣйшей критики собраны новые матеріалы для славянскаго язычества, въ видѣ прильвицкихъ божковъ съ руническими надписями. Все прежде него другими найденное и описанное съ придачею того, что онъ впервые видѣлъ, срисовалъ и издалъ, принимается имъ на вѣру, какъ подлинное. Тутъ имѣются также небезынтересные матеріалы для полабскихъ славянъ. Припомнимъ, наконецъ, его извѣстія о славянахъ сѣверной Италіи, о резьянахъ. Они не были изданы на французскомъ языкѣ, а чрезъ Оссолинскаго попали въ руки Копитара, который намѣревался помѣстить нѣмецкій переводъ въ продолженіи «Славина» (въ первомъ выпускѣ было уже небольшое сообщеніе о резьянахъ), но такъ какъ послѣ «Слованки» I и II продолженія не послѣдовало, Копитаръ напечаталъ свой переводъ въ Vaterländische Blätter, оттуда онъ попалъ въ Kl. Schriften I. 323—330.

Съ Потоцкимъ представляетъ много сходства современникъ его Станиславъ Сестренцевичъ-Богушъ, — подробности о немъ у Францева 62—74. Любовь его къ изслѣдованіямъ вопросовъ о славянскихъ древностяхъ слишкомъ замѣтна въ его четырехъ томахъ «Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves» (въ Петербургѣ 1812) и въ позднѣйшемъ выводѣ изъ всѣхъ его трудовъ 1824—5 «Précis des re-

cherches historiques sur l'origine des Slavons ou Esclavons et des Sarmates — то и другое написано безъ малѣйшей критики. Различая напр. сарматовъ отъ славянъ, онъ причислялъ къ первымъ: богемцевъ, поляковъ, сербовъ на Дунаѣ, кашубовъ, сорабовъ въ Лузаціи, вендовъ, виндіанъ въ Штиріи, крайновъ, расцевъ и козаковъ, ко вторымъ же: славянъ, руссовъ, моравовъ, иллиріанъ, далматовъ, кроатовъ, жителей Славоніи и босняковъ (сл. Буличъ 680 — 1). Этотъ перечень свидѣтельствуетъ наглядно, какія смутныя были у автора познанія славянскаго міра, нѣтъ даже тѣхъ данныхъ изъ современности, которыя попадаются у Потоцкаго.

Наконецъ, третій изъ ученыхъ поляковъ того времени, обратившихъ свои взоры на славянскій міръ, былъ князь Александръ Сапѣга, о немъ у Францева 78—100. Онъ занимался естественными науками, въ родѣ знаменитаго Фортиса, путешествіе котораго несомнѣнно оказало не мало вліянія на рѣшеніе его пропутешествовать по южно-славянскимъ землямъ, хотя были и другія причины чисто національнаго, польско-славянскаго свойства. Его «Podróże w krajach Sławiańskich odbywane w latach 1802 — 1803» вышло впервые въ 1811 году, но, какъ доказываетъ Францевъ, это только часть французскаго подлинника, который до сихъ поръ не отысканъ (Францевъ, 79 въ прим. 2). Францеву удалось все-таки познакомиться во Львовѣ съ одной рукописью «Путешествія», гдѣ разсказъ идетъ дальше, чѣмъ въ печатныхъ двухъ изданіяхъ. Содержаніемъ этой до сихъ поръ неизданной части Францевъ подѣлился съ читателями своей книги на стр. 87—97. Сапѣга отзывался нѣсколько иронически объ антикварахъ, надѣявшихся въ извѣстіяхъ древнихъ писателей найти разрѣшеніе загадки о происхожденіи славянъ, онъ предпочиталъ доказательства о родствѣ славянъ, извлекаемыя изъ преданій простого народа, изъ его языка и обычаевъ. Поэтому можно было бы ожидать, что онъ не будетъ вдаваться ни въ какія научныя соображенія, а какъ истинный естествоиспытатель ограничится вѣрной передачей собственныхъ наблюденій. Къ сожалѣнію, онъ не устоялъ отъ соблазна выставить напоказъ и свою ученость. Оттуда его сближеніе словъ «морлякъ» и «полякъ» и объясненіе перваго названія, какъ «морской влякъ», а второго какъ «польскій влякъ». Фантазія разыгралась, и онъ замѣтилъ какое-то особое сочувствіе у морляковъ къ своимъ братьямъ полякамъ. Еще хуже подшутила надъ нимъ его ученость, когда онъ все славянское племя (ród słowacki по его терминологіи) сталъ дѣлить на семью народовъ русскихъ и народовъ хорватскихъ, а къ первымъ кромѣ русскаго народа причислялъ еще болгаръ, крайнцевъ, остатки какихъ-то «pieczyngów (печенѣговъ?) и исчезнувшихъ «враговъ» (ѳракійцевъ) и «бѣсовъ»; къ хор-

ватамъ же кромѣ ихъ самихъ еще рацовъ, сербовъ, босняковъ, морляковъ, сеньянъ, ликавцевъ (т.-е. жителей Лики!) и крбавцевъ, герцеговинцевъ, рагузанъ и черногорцевъ! Мазуры у него самое широкое названіе для польской семьи, къ чехамъ же причислялъ онъ также миснянъ и слензаковъ помимо моравань, ганаковъ и др. Жаль, что этими вымыслами онъ самъ повредилъ себѣ въ глазахъ разумныхъ читателей; впрочемъ, говорятъ, наблюденія его надъ современной жизнью южныхъ славянъ, въ особенности дубровчанъ, отличаются множествомъ вѣрно подмѣченныхъ чертъ ихъ жизни. Но «Путешествіе» его не произвело даже у себя дома, у поляковъ, того впечатлѣнія, какое досталось въ высокой мѣрѣ Фортису во всей Европѣ.

Въ болѣе близкихъ сношеніяхъ съ движеніемъ славянской науки, воплощенной тогда въ Добровскомъ, какъ центрѣ, стоялъ графъ Іос. Максим. Оссолинскій, знаменитый основатель института во Львовѣ. Насъ интересуетъ здѣсь его пребываніе въ Вѣнѣ, гдѣ онъ подъ конецъ жизни стоялъ во главѣ вѣнской придворной библіотеки; въ собственной же его библіотекѣ работалъ усердный Линде надъ словаремъ. Славянская филологія съ признательностью всегда вспомнитъ, что графъ Оссолинскій содѣйствовалъ своимъ покровительствомъ назначенію Копитара чиновникомъ въ библіотекѣ, чѣмъ онъ обезпечилъ его пребываніе въ Вѣнѣ на пользу славянской науки. Понятное дѣло, въ перепискѣ Добровскаго съ Копитаромъ довольно часто рѣчь идетъ объ Оссолинскомъ. Когда Добровскій собирался въ Вѣну для окончанія и печатанія своей церковно-славянской грамматики, Оссолинскій предложилъ ему черезъ Копитара остановиться въ его дворцѣ, что польстило Добровскому, хотя онъ и отклонилъ предложеніе. Оссолинскій интересовался литературно-историческими и общественными вопросами Польши, въ особенности дѣятельностью отдѣльныхъ выдающихся личностей. Собраніе его изслѣдованій вышло подъ заглавіемъ «Wiadomości historyczno-krytyczne do dziejów literatury polskiej». Три тома изданы при жизни графа (1819—1822), четвертый въ 1852 году подъ редакціей Авг. Бѣлёвскаго. Въ I томѣ имѣются біографіи Станислава Варшевицкаго, Мартына Польскаго (Martinus Polonus), Эразма Тёлка (Ciołek), Мартына и Іоахима Бѣльскихъ, Станислава Горскаго (Górski); во II томѣ излагается значеніе римскаго права для Польши и говорится обширно о Винцентѣ Кадлубкѣ — эту послѣднюю часть переработалъ С. Б. Линде по-нѣмецки; въ III томѣ разбирается Станиславъ Оржеховскій (вновь напечатано въ 1851 году въ Краковѣ); въ IV томѣ собраны біографіи, найденныя въ бумагахъ Оссолинскаго. Копитаръ должно быть зналъ, что взгляды Оссолинскаго на

славянскія древности не отличались критичностью, поэтому онъ надѣялся, что Добровскій подѣйствуетъ на графа въ благопріятномъ для науки направленіи: docebis illum plurima quae nunc somniat de Slavis. Къ счастію, Оссолинскій касался этихъ вопросовъ въ своихъ печатныхъ трудахъ очень мало. Что же касается его Кадлубка, Цейсбергъ признаетъ за нимъ по крайней мѣрѣ ту заслугу, что онъ сумѣлъ различить въ разсказѣ Кадлубка о первоначальныхъ временахъ польскаго народа двѣ саги: лехитскую (ляшскую) и хорватскую, или же, какъ мы теперь сказали бы, великопольскую и малопольскую, соединенныя обѣ въ одно, но такъ что элементы той и другой можно еще выдѣлить. Впрочемъ объ изслѣдованіи Оссолинскаго любопытенъ также отзывъ Добровскаго въ вѣнскихъ Jahrbücher B. XXVII и примѣчанія къ этому отзыву въ письмѣ Добровскаго къ Бандтке (Francev, Dobr. Bandt. 132. 154). О жизни и трудахъ Оссолинскаго сл. въ V томѣ Rocznika towarzystwa przyjaciół nauk poznańskiego.

Самуилъ Богумилъ (по нѣмецки Gottlieb) Линде былъ въ перепискѣ съ Добровскимъ, начиная съ 1808 года, хотя они завели личное знакомство еще въ 1796 въ Вѣнѣ. Добровскій дорожилъ его лексикографическимъ трудомъ и написалъ рецензіи на первые томы польскаго словаря въ Annalen d. Lit. u. K. 1809 и 1811 (Письма 638). Въ противоположность придирчивому Шлёцеру онъ обращалъ особенное вниманіе на общеславянскую сторону словаря, т.-е. на этимологическія сопоставленія, поражавшія дѣйствительно необыкновеннымъ для того времени богатствомъ. Добровскій, правда, не могъ согласиться со всѣми сопоставленіями, въ особенности словообразовательный анализъ, которому онъ придавалъ большое значеніе, не удовлетворялъ его (сл. замѣчанія его въ Письмахъ I. 301), но отзывъ его все-таки свидѣтельствовалъ о сердечномъ уваженіи компетентнаго ученаго. Въ доказательство своего сочувствія Добровскій постарался, чтобы Линде вскорѣ былъ почтенъ избраніемъ въ члены Пражскимъ обществомъ наукъ, какъ со своей стороны Варшавское общество друзей наукъ избрало Добровскаго въ свои члены.

Линде, происхожденіемъ изъ Швеціи, родился въ Торнѣ 1771, изучалъ филологію и теологію въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ онъ вскорѣ (1792) получилъ мѣсто лектора польскаго языка. Здѣсь онъ сблизился съ многими польскими эмигрантами, которые воспламеняли въ немъ любовь къ польской филологіи, въ особенности по словарной части. Это и заставило его покинуть Лейпцигъ и перебраться въ центръ духовной жизни польской, въ Варшаву (1794). Собираніе матеріаловъ для польскаго словаря, сначала въ скромныхъ размѣрахъ, сдѣлалось извѣстнымъ и было причиной того, что

онъ при наступленіи безпокойныхъ временъ бѣжалъ въ Вѣну къ графу Оссолинскому, у котораго въ качествѣ частнаго библіотекаря и близкаго довѣреннаго лица работалъ неустанно около десяти лѣтъ надъ словаремъ, поддерживаемый съ разныхъ сторонъ не только лексическими матеріалами, но также денежно, для обезпеченія значительныхъ расходовъ по изданію. Когда трудъ его близился къ концу и онъ послалъ уже образцы его на обсужденіе въ общество друзей наукъ — оно вообще осталось довольнымъ — прусское правительство вызвало его въ 1803 году опять въ Варшаву въ качествѣ директора лицея. Онъ принялъ приглашеніе, должно быть, по соображеніямъ національно-научнымъ. Къ печатанію словаря онъ приступилъ въ 1806 году, въ 1807 году первая часть (буквы A — F) была уже готова (посвящена Чарторыйскому и Оссолинскому[1]), вторая (буквы G — L) вышла въ концѣ 1808 года (посвящена Замойскому). Продолжая печатаніе слѣдующихъ томовъ, онъ боролся съ недостаткомъ средствъ. Тома II-го 1-ая часть (M—O) вышла въ 1809 г. (посвящена Потоцкому), II т. 2-ая часть (P) явилась въ 1811 г., III томъ (въ общемъ volumen V, R—T) въ 1812 г. (посвященъ Понятовскому), послѣдній (шестой) томъ (U — Z) въ 1814. При этомъ послѣднемъ томѣ, который вышелъ безъ посвященія, имѣется «Zdanie sprawy z całego ciągu pracy» (стр. I—XC), т. е. отчетъ о цѣломъ ходѣ труда, въ который включена также автобіографія автора и отзывы разныхъ ученыхъ о лексиконѣ. Когда это большое національное предпріятіе было благополучно доведено до конца, вся Польша поздравляла автора въ стихахъ и прозѣ, ему поднесли большую золотую медаль, даже Россійская академія вспомнила о немъ, избравъ его въ 1818 въ свои почетные члены. Только что Линде свалилъ съ плечъ этотъ многолѣтній трудъ, у него уже возникла мысль о грамматикѣ польскаго языка, но на этотъ счетъ понятія его были довольно смутны, онъ мечталъ о какомъ-то обогащеніи польскаго языка при помощи прочихъ славянскихъ нарѣчій. Поэтому неудивительно, что изъ этого въ концѣ концовъ ничего не вышло. Гораздо позже, подъ конецъ уже своей жизни, онъ взялся за другую лексикальную работу — за сравнительный русско-польскій словарь. Очень любопытныя данныя объ этомъ новомъ предпріятіи его сообщены Францевымъ въ статьѣ «Сравнительный славянскій словарь С. Б.

---

1) Въ введеніи (Wstęp стр. I — XVIII) излагается, почему онъ упускалъ изъ виду прочія славянскія нарѣчія, перечисляетъ же ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) чешскій, 2) моравскій, 3) словацкій, 4) хорватскій, 5) далматскій, 6) боснійскій, 7) пропущенъ, 8) виндійскій въ Штиріи, 9) крайнскій, 10) славонскій, 11) и 12) верхній и нижній лужицкій, 13) россійскій, 14) церковный. Какъ видно, ясныхъ понятій о родственныхъ отношеніяхъ слав. нарѣчій у него еще не было.

Линде» (Варшава 1905, отд. оттискъ изъ Русск. Филол. Вѣстника). У старика, относившагося въ тяжелые сороковые годы съ искреннимъ сочувствіемъ и сознаніемъ важности къ русскому языку (какъ видно изъ его писемъ къ министру графу С. С. Уварову, см. у Францева), не было точно выработаннаго плана, онъ самъ не имѣлъ яснаго понятія о томъ, что́ выйдетъ изъ его громоздкихъ выписокъ, но я все-таки не могъ бы одобрить того небрежно-отрицательнаго отношенія къ труду Линде, которое высказывалось въ отзывахъ Россійской академіи. Матеріалъ, собранный самимъ Линде и его молодыми помощниками, можно было пустить въ свѣтъ, именно какъ матеріалъ. Онъ принесъ бы свою пользу.

Еще во время окончанія своего польскаго словаря Линде задавался цѣлью реформировать польскую орѳографію, т.-е. привести ее въ связь съ прочими славянскими. Была ли эта мысль внушена ему Копитаромъ или же она родилась въ силу собственныхъ занятій различными славянскими языками, изъ которыхъ онъ вносилъ матеріалъ въ этимологическую часть своего словаря, — сказать трудно. Но изъ этого точно такъ же ничего не вышло, какъ изъ его мечты о томъ, что всѣ славяне могли бы когда-нибудь объединиться на одномъ искусственномъ языкѣ, преимущественную часть котораго составляло бы все-таки нарѣчіе польское. Для достиженія этой цѣли онъ помышлялъ о своего рода славянской академіи или, какъ въ бумагахъ его сказано, объ ученомъ обществѣ подъ названіемъ «Towarzystwo polsko-słowiańskie», значитъ, приблизительно о томъ, что̀ потомъ Ганка предлагалъ Шишкову учредить при Россійской академіи, только у Линде съ центромъ въ Варшавѣ. Подробности у Францева, Польск. Славяновѣд. 131—137.

Замѣчательная дѣятельность Линде еще не оцѣнена по достоинству. Изъ современниковъ лучше другихъ понялъ и оцѣнилъ его Добровскій. Онъ не впадалъ въ безусловно хвалебный тонъ нѣкоторыхъ польскихъ ученыхъ, но держался также далеко отъ «непристойной» придирчивости Шлёцера или отъ излишняго пренебреженія русскихъ ученыхъ, Евгенія и Востокова. У Линде были очень широкіе научные взгляды, на проведеніе которыхъ въ жизнь не хватало силъ одного человѣка. Онъ былъ очень добросовѣстный труженикъ безъ геніальности Добровскаго, безъ остроумія Копитарова; какъ лексикографъ, онъ роднился съ Юнгманномъ. Уже въ бытность свою въ Вѣнѣ онъ вращался не исключительно въ польскихъ кружкахъ, а искалъ также общества и прочихъ славянъ, у которыхъ въ то время были на очереди аналогичные національные вопросы культурно-просвѣтительнаго характера. Онъ былъ лично знакомъ съ историкомъ Энгелемъ, съ профессоромъ чешскаго языка Злобицкимъ, съ словенцемъ Доли-

наромъ, съ Фортунатомъ Дурихомъ, съ библіотекаремъ Гербицомъ, съ хорватскимъ лексикографомъ Вольтиджи и др. Выше всѣхъ онъ ставилъ Добровскаго, назвавъ его начальникомъ «całej literatury słowiańskiej», а о своемъ пребываніи въ Вѣнѣ онъ говорилъ, что оно было «trzecim w życiu kursem naukowym to jest polskosłowiańskim». Онъ былъ въ перепискѣ не только съ Добровскимъ, но также съ Япелемъ и Водникомъ въ качествѣ словенскихъ лексикографовъ. Кромѣ большихъ заслугъ его въ области польскаго языка, онъ служилъ по возможности той великой идеѣ, которую проповѣдывалъ Добровскій, идеѣ сравнительнаго изученія славянскихъ языковъ и литературъ. Онъ задавался цѣлью издать по очереди на польскомъ языкѣ исторіи всѣхъ славянскихъ литературъ. Въ 1823 вышла въ Варшавѣ подъ его редакціею и съ различными добавленіями книга: Mikołaia Grecza Rys historyczny literatury Rossyyskiey. Какъ продолженіе, онъ имѣлъ въ виду перевести книгу Добровскаго. И для исторіи польской литературы онъ мечталъ о такомъ сочиненіи, какимъ опередилъ его Бентковскій. Его переводъ изслѣдованія Оссолинскаго о Кадлубкѣ вышелъ въ Варшавѣ 1822: Vincent Kadłubek, ein historisch-kritischer Beytrag zur slavischen Literatur aus dem Polnischen des Grafen Jos. Maximil. Ossolinski von Samuel Gottlieb Linde, тоже съ разными прибавленіями, между прочимъ съ переводомъ статьи Чацкаго о Мартынѣ Галлѣ и Кадлубкѣ и нѣсколькихъ статей Лелевеля (Добровскій сдѣлалъ многія поправки къ подлиннику въ вѣнскихъ Jahrbücher 1824, XXVII 254—284, сл. Francev, Dobr. Bandtke 153). Укажемъ еще на изслѣдованіе его «O statucie litewskim, russkim językiem i drukiem wydanym wiadomość (Warszawa 1816 4⁰ 218) и на участіе въ Janociana sive clarorum atque illustrium Poloniae auctorum maecenatumque memoriae, гдѣ третій томъ содержитъ матеріалы его (1819). Его интересы къ литовской литературѣ и языку доказываютъ сообщенія, сдѣланныя имъ въ Обществѣ друзей наукъ.

Когда въ Польшѣ подъ вліяніемъ общаго славянскаго движенія стали думать объ учрежденіи славянскихъ каѳедръ въ университетахъ виленскомъ и варшавскомъ, имѣя при этомъ главнымъ образомъ въ виду обогащеніе и усовершенствованіе своего родного польскаго языка посредствомъ изученія языковъ «pobratymskich narodów» (какъ говорилось въ запискѣ Альбертранди 1816 г.), — Линде принялъ живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ уже по своему положенію, какъ предсѣдатель общества элементарныхъ школъ. Это общество составило по порученію главной правительственной комиссіи (въ родѣ министерства народнаго просвѣщенія) инструкцію для кандидатовъ на поѣздки въ славянскія земли (въ 1823 году); въ ней отражаются мысли и

взгляды Линде. Содержаніе у Францева въ статьѣ «Къ исторіи каѳедры славяновѣдѣнія въ Варшавскомъ университетѣ» (Варшава 1904). Сознаніе важности хорошей подготовки кандидата въ русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ высказывалось въ предложеніи Линде дать кандидату еще до поѣздки его за границу нѣсколько уроковъ по церковно-славянскому языку на основаніи Institutiones Добровскаго.

Біографія Линде написана Бѣлёвскимъ въ первомъ томѣ новаго изданія словаря: «Żywot Samuela Bogumiła Lindego» (Lwow 1854, стр. 15—39), другія пособія указаны у Францева.

Большимъ почитателемъ Добровскаго въ предѣлахъ польскаго научнаго движенія былъ Г. С. Бандтке (1768—1835), извѣстный литературный историкъ и филологъ, авторъ грамматики польской, изданной на нѣмецкомъ языкѣ (Polnische Grammatik für Deutsche) въ 1808, 1818 и 1824. Нѣсколькими годами раньше онъ издалъ небольшой словарь (1806) польско-нѣмецкій и польско-французско-нѣмецкій, послѣдній при участіи брата. Вліяніе Добровскаго на Бандтке обнаруживается изъ ихъ переписки съ 1810 по 1827 годъ, а также изъ нѣкотораго параллелизма въ ихъ научныхъ занятіяхъ, напр., въ библіографическихъ разысканіяхъ. Бандтке написалъ уже въ 1812 году латинскую диссертацію: De primis Cracoviae incunabulis; въ 1815 году вышла его Historya drukarń krakowskich, позже въ болѣе широкихъ размѣрахъ трехтомное сочиненіе: Historya drukarń w Polsce i Wielkiem Księstwie Litewskiém (1825—6). Онъ написалъ также исторію народа польскаго, вышедшую въ трехъ изданіяхъ (1810, 1820, 1835). Какъ издатель, онъ выступилъ съ повременнымъ изданіемъ Miscellanea Cracoviensia I, II (1814—1816) и Miscellanea Cracoviensia nova (1829). Бандтке, родомъ изъ Люблина, учился въ Бреславлѣ, Галле и Іенѣ. Окончивъ университетское образованіе, онъ жилъ въ качествѣ домашняго воспитателя въ графской семьѣ Ожаровскихъ долгое время (8 лѣтъ) въ Варшавѣ, Дрезденѣ, Берлинѣ и въ Петербургѣ, потомъ онъ получилъ мѣсто учителя въ Бреславлѣ, подъ конецъ состоялъ библіотекаремъ и профессоромъ «библіографіи» при университетѣ Краковскомъ. Въ этой должности онъ издалъ въ 1821 году также исторію краковской университетской библіотеки. Въ перепискѣ Добровскаго съ Копитаромъ часто упоминается о Бандтке, къ нему обращались тотъ и другой за различными справками по части польской (Polonica), но Копитаръ не стѣснялся своей извѣстной поспѣшностью назвать его свѣдѣнія по части славяновѣдѣнія довольно поверхностными (93): vix primoribus labris attigit, «videtur verus Germanus, indefessus sed minus agilis ingenii» (309). Добровскій, напротивъ, хвалилъ его скромность (419), былъ его участіемъ въ

«Слованкѣ» доволенъ (250), относительно грамматики отзывался вообще одобрительно, хотя находилъ ее «doch oft zu flüchtig» (414). Наконецъ, и Копитаръ не могъ отказать ему въ большой начитанности (410), поэтому приглашалъ его, какъ въ свое время Линде, къ участью и сотрудничеству въ вѣнскихъ Jahrbücher (307, 329). Его переписка съ Добровскимъ, изданная въ 1905 году Вл. А. Францевымъ въ академіи пражской (Sbírka pramenův II, 8) подъ заглавіемъ: Korrespondence Josefa Dobrovského. Díl II. Vzájemné dopisy Josefa Dobrovského a Jiřího Samuele Bandtkeho z let 1810—1827), проливаетъ новый свѣтъ на этого достойнаго труженика въ польской наукѣ, который теперь въ глазахъ нашихъ и какъ ученый и какъ прекрасный человѣкъ значительно выигрываетъ. Съ любовью къ польскимъ научнымъ занятіямъ онъ соединялъ широкій интересъ общеславянскій, понимая ихъ близкія отношенія. Добровскій назвалъ его не даромъ ein wahrer Slavophilus (Francev Dobr. Bandt. 10). Какъ изъ писемъ видно, онъ тяготился одностороннимъ настроеніемъ польской современной науки, не выносившей голоса истины, если онъ не льстилъ національному самолюбію. Въ такихъ случаяхъ онъ предпочиталъ или молчать или же писать анонимно (Francev стр. 157, 159, 167). Добровскій снабжалъ съ любовью изданія его въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ многочисленными поправками и разными полезными указаніями, которыя придаютъ перепискѣ большое значеніе. Подъ конецъ Бандтке подарилъ своему другу Добровскому изданную въ 1826 году въ Бреславлѣ книжку: «Oycze nasz. Modlitwa Pańska z rozmaitych rękopismow i drukow starożytnych w języku polskim i w innych dialektach słowiańskich». Письмо, которымъ Бандтке сопроводилъ этотъ подарокъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ приготовилъ къ печати эту анонимную книжку. Добровскій указалъ ему на ошибки (Francev, Dobr. Bandtke 175, сл. 179). Въ 1827 году вышла предварительная записка Бандтке о древнепольской псалтыри: De psalterio Davidico trilingui, latine, germanice et polonice codice manuscripto. Cracoviae 1827. Но Бандтке не былъ филологомъ, а только библіографомъ и историкомъ, сочувствовавшимъ изслѣдованіямъ филологическимъ. Еще въ 1802 году, издавая свои Historischkritische Analecten zur Erläuterung der Geschichte des Ostens von Europa онъ коснулся особенностей польскаго языка въ Силезіи, которыми потомъ Добровскій воспользовался въ Слованкѣ II, 122. Одна статья Бандтке, написанная въ 1814 году, «Ueber den reinsten slawischen Dialect», была авторомъ предназначена для Wiener Literatur-Zeitung, но Добровскій напечаталъ ее въ Слованкѣ II. 213, объясняя это тѣмъ, что Копитаръ не захотѣлъ бы помѣстить ее въ вѣнскомъ

журналѣ: «da er für sein Krainisches zu sehr eingenommen ist». (Dobr. Bandtke 82).

Къ славяновѣдѣнію Добровскаго примыкалъ въ области исторіи славянскаго права — какъ разъ къ той отрасли, которой Добровскій самъ менѣе всего касался, — Игн. Бенед. Раковецкій (1782—1839). Въ то время замѣтны были въ польскихъ научныхъ кружкахъ два направленія (сл. Slovanské hnutí mezi Polaky 1800—1830, въ пражскомъ журналѣ Osvěta 1879 года), Раковецкій принадлежалъ къ тѣмъ, которые не ограничивались исключительно польскими интересами въ области наукъ. Онъ стоялъ подъ вліяніемъ Линде и тѣхъ, кто согласно съ нимъ на словахъ и на дѣлѣ доказывали необходимость прибѣгать къ сравнительному методу изслѣдованія, сопоставляя рядомъ всѣ параллели славянскія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его главный трудъ, двухтомное сочиненіе, изданное 1820 — 1822 подъ заглавіемъ: Prawda ruska czyli Prawa W. X. Jarosława Wladymirowicza, tudzież traktaty Olga i Igora .... których texta obok z polskiem tłómaczeniem poprzedza Rys historyczny zwyczajów, religiy, praw i języka dawnych słowiańskich i słowiańsko-russkich narodów. Трудъ посвященъ императору Александру I. Добровскій написалъ реценцію объ этомъ сочиненіи, которая напечатана въ вѣнскихъ Jahrbücher 1824 (т. 27) стр. 88—119. Онъ указалъ на зависимость автора въ общей характеристикѣ славянъ отъ изложенія Карамзина, прибавилъ свои поправки, въ особенности въ сопоставленіяхъ этимологическихъ, напр., о «страва» (стр. 90), «kolada» (стр. 91) и т. д.

Въ сочиненіи Раковецкаго, какъ уже въ его рѣчи «O stanie cywilnym dawnych Słowian (1820, есть и русскій переводъ 1822 г.), слышится отголосокъ той же романтики въ области права, которая отразилась также на трудахъ Суровецкаго, Шафарика и Палацкаго въ области исторіи, это идеализація древне-славянской жизни, подкрѣпленная даже изреченіями «Суда Любуши» и «Краледворской рукописи». Въ I томѣ Раковецкаго толкуется сначала о древнихъ славянахъ вообще, дается характеристика ихъ внутренней, общественной и религіозной жизни, изложеніе переходитъ потомъ къ русскимъ славянамъ, говорится о формахъ ихъ быта, даже объ искусствѣ и торговлѣ. Добровскій заканчиваетъ свой анализъ I тома этого сочиненія словами: «Главное стремленіе автора заключалось въ томъ, чтобы показать, что древніе славяне не были такъ дики и суровы, какъ ихъ обыкновенно изображаютъ, что у нихъ былъ развитой языкъ, что они раньше принятія христіанства знали искусство письма и что древне-русское право представляетъ остатокъ древнѣйшаго славянскаго права. Стремленіе автора очевидно, но

референтъ сомнѣвается, «dass er auch andre Leser davon überzeugen werde, als solche welche leicht und willig alles ohne hinlängliche Gründe annehmen, was ihrem übermässigen Patriotismus schmeichelt» (стр. 96). Второй томъ переходитъ уже къ памятникамъ слав. законодательства, содержитъ тексты, снабженные примѣчаніями автора. Послѣ всего этого во второй половинѣ II-го тома представленъ «Rys historyczny początku i stanu języka Słowiańskiego i polskiego».—Эта часть труда самая слабая. Главный памятникъ, по которому и названо сочиненіе «Русская правда», считается и для юридическихъ и для филологическихъ древностей славянскихъ однимъ изъ древнѣйшихъ, совсѣмъ оригинальныхъ остатковъ старины, при чемъ не допускается помышленія о какомъ-либо чужестранномъ вліяніи, хотя теоретически авторъ не противъ возможности взаимныхъ заимствованій въ области обычаевъ народныхъ, стало быть, и правовыхъ (I. 199). Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ славянскихъ правъ, проф. Бальцеръ во Львовѣ (сл. сочиненіе его: Historya porównawcza praw słowiańskich. Lwów 1900) ставитъ трудъ Раковецкаго очень высоко, присваивая ему чуть ли не значеніе сочиненія, сдѣлавшаго эпоху въ изученіи славянскаго права. Намъ кажется эта оцѣнка нѣсколько преувеличенной. Въ исторіи русскаго права Раковецкій не выдерживаетъ сравненія съ Эверсомъ, несмотря на то, что и Эверсъ впалъ въ противоположную крайность, усматривая въ «Русской правдѣ» исключительно отголоски германскіе. Но какъ попытка путемъ сравненія различныхъ частныхъ правъ славянскихъ, тогда еще мало извѣстныхъ, вникнуть въ духъ славянскаго права вообще — сочиненіе Раковецкаго имѣетъ свое историческое значеніе. Въ этомъ смыслѣ оно, стоя на почвѣ романтическаго увлеченія, встрѣтило восторженный пріемъ въ особенности у патріотически настроенныхъ чеховъ, какъ Шафарикъ, Челаковскій, Колларъ, тогда какъ критическій Добровскій въ вышеупомянутой рецензіи былъ гораздо сдержаннѣе. Равнодушію поляковъ по отношенію къ сочиненію, озаглавленному памятникомъ русской старины, нечего удивляться, хотя оно огорчало Раковецкаго (см. Францевъ, Польск. славяновѣдѣніе 238). Въ послѣдніе годы своей жизни Раковецкій задавался планомъ обширнаго изслѣдованія объ исторіи славянскаго языка, для чего ему недоставало филологической подготовки. Что могло бы изъ этого выйти, доказываетъ его въ I части «Pisma rozmaite» (Варшава 1834) напечатанный разборъ одного сочиненія въ родѣ бредней Данковскаго.

Въ области славянскихъ древностей обратилъ на себя вниманіе Лаврентій Суровецкій (1769—1827). Родомъ изъ Познанской области (недалеко отъ Гнѣзна), онъ хотѣлъ было посвятить себя духовному званію, но плохое

здоровье заставило его остаться Privatlehrer и Privatgelehrter; въ безпокойное военное время онъ совсѣмъ ушелъ въ науку, своими же совѣтами по вопросамъ воспитанія и развитія благосостоянія старался оказать пользу польскому народу. Вопросовъ по слав. древностямъ онъ коснулся въ слѣдующихъ статьяхъ: a) Rozprawa o sposobach dopełnienia historyi i znajomości dawnych Słowian (1809, рефератъ, прочитанный въ королевскомъ обществѣ любителей наукъ), здѣсь указывается на важность изслѣдованій археологическихъ для славянскихъ древностей, въ особенности по части древнихъ религіозныхъ обрядовъ; b) O charakterach pisma runicznego u dawnych barbarzyńców europejskich (1822 прочитано, въ томъ же обществѣ); c) Śledzienie początka narodów słowiańskich (1824, вышло въ XVII томѣ «Roczniki towarzystwa przyj. n. и отдѣльнымъ сочиненіемъ); d) Zdanie o piśmie Z. D. Chodakowskiego pod tytułem «o Słowiańszczyznie przedchrześciańskiej», Kraków 1835. Всѣ эти статьи вошли въ 1861 г. въ изданіе Туровскаго въ Краковѣ подъ заглавіемъ «Dzieła Wawrzyńca Surowieckiego» 8⁰ 561. Самое важное изъ его изслѣдованій упомянуто подъ c); оно дало молодому Шафарику поводъ написать по-нѣмецки переработку его подъ заглавіемъ «Ueber die Abkunft der Slawen, von P. J. Schaffarik. Ofen 1828, 8⁰ 212. Въ польскомъ подлинникѣ изслѣдованіе обнимаетъ (во второмъ изданіи) стр. 379—495, значитъ 116 страницъ, въ нѣмецкой же переработкѣ 212 стр. Уже эта разница въ объемѣ доказываетъ большое различіе между обоими сочиненіями. Въ началѣ Шафарикъ прибавилъ отъ себя (стр. 8—15) хорошее обозрѣніе библіографическихъ пособій, потомъ далъ сжатое изложеніе сочиненія Суровецкаго (15—54), въ слѣдующемъ же разсказѣ (почти ³/₄ цѣлаго сочиненія) онъ попытался то подкрѣпить мнѣніе Суровецкаго новыми доводами, то исправить или опровергнуть его. Такъ, онъ полемизируетъ, на нашъ нынѣшній взглядъ не совсѣмъ удачно, противъ мнѣнія Суровецкаго, что всѣ славяне происходятъ собственно изъ Тацитовыхъ (т.-е. балтійскихъ) венетовъ. Шафарику казалось предпочтительнѣе извѣстіе Прокопія о спорахъ (= сербахъ), потому что оно, по мнѣнію его, основано на домашнихъ славянскихъ преданіяхъ. Новѣйшія изслѣдованія не раздѣляютъ взгляда Шафарикова, будто бы когда-то всѣ славяне назывались сербами (66). Точно такъ не считается доказаннымъ мнѣніе Шафарика, что упоминаемые у Плинія и Птолемея какіе-то кавказскіе «сербы» или что Геродотовы «будины» были дѣйствительно славяне. Аргументація на основаніи глагола budować нынѣ отвергается (67), точно такъ мнимые славизмы англійскаго языка (69—70). Суровецкій открылъ на Балканскомъ полуостровѣ слѣды давнѣйшихъ славянскихъ народовъ; Шафарикъ, соглашаясь съ нимъ, прибавилъ еще трибалловъ (70).

Съ полнымъ правомъ Шафарикъ отвергалъ мнѣніе Суровецкаго, что скиѳы и сарматы германскаго происхожденія, но онъ самъ былъ склоненъ причислять скиѳовъ къ финскому племени. Въ русскомъ полногласіи *передъ*, *голосъ*, *солома* и т. д. Шафарикъ усматривалъ черту не славянскаго происхожденія (74). Относительно же сарматовъ онъ старался доказать (82—95), въ противоположность Суровецкому, что они были славяне, при этомъ онъ даетъ перечень отдѣльныхъ народовъ (95—112). Поучительно сравнить эту обширную главу съ изложеніемъ того же вопроса въ славянскихъ древностяхъ, гдѣ Шафарикъ простосердечно сознается, что онъ былъ въ заблужденіи, сарматы — не были славяне. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Шафарикъ разбиралъ Суровецкаго относительно распространенія славянъ на Балканскомъ полуостровѣ. Тутъ между прочимъ рѣчь идетъ о положеніи civitas Novietunensis и lacus Mursianus (114—126), но съ результатами Шафарика не соглашались потомъ ни Спрунеръ Менке ни Рёслеръ. Стремленіе Шафарика отнести заселеніе полуострова славянами къ очень раннимъ столѣтіямъ (133—149) опровергалось потомъ имъ же самимъ, отчасти также Дриновымъ и еще рѣшительнѣе Рёслеромъ. Мнимое славянское происхожденіе императора Юстиніана не признается, какъ извѣстно, новѣйшими изслѣдователями, Томашекомъ (въ Журналѣ Австр. гимназій: Z. f. ö. G. 1874, 658) и Брейсомъ (Bryce) въ Archivio della R. Societá Romana di storia patria. Roma 1887. X fasc. I—II. 137—171, сл. Arch. f. sl. Phil. XI. 300—304. Шафарикъ шелъ тогда еще дальше, высказывая догадку о славянствѣ древнихъ иллировъ (доказательства, заимствованныя изъ языка, вышли совсѣмъ неудачными, стр. 158—189), отъ чего онъ самъ въ Древностяхъ отказался, хотя не довольно рѣшительно (I. гл. II, §. 11). Къ сожалѣнію, Суровецкій не увидалъ переработки его собственнаго сочиненія въ трудѣ Шафарика, онъ скончался въ 1827 году, раньше Добровскаго. Статья его была въ 1846 переведена по-русски съ предисловіемъ Бодянскаго, въ которомъ нѣсколько несмѣло выставляются заслуги Суровецкаго, какъ давшаго несомнѣнный толчокъ изслѣдованіямъ Шафарика. Рѣшительнѣе и вполнѣ справедливо оцѣнена заслуга Суровецкаго въ сравненіи съ Шафарикомъ въ статьѣ Нидерле: P. J. Šafařika Slovanské Starožitnosti, въ чешскомъ «Časopis»-ѣ историческомъ 1895, стр. 143 и сл., въ особенности стр. 161. Относительно Суровецкаго можно теперь сослаться также на Францева, Польское славяновѣдѣніе, стр. 191—217.

Къ кругу современниковъ Добровскаго въ Польшѣ можно причислить еще Фел. Бентковскаго (1781—1852), занимавшагося въ началѣ XIX-го столѣтія разысканіями библіографическими. Другъ Добровскаго,

Бандтке вспоминаетъ въ своихъ письмахъ довольно часто Бентковскаго, какъ своего хорошаго варшавскаго друга. Онъ напечаталъ въ 1812 году въ Варшавѣ хорошую книжечку «O naydawnieyszych książkach drukowanych w Polszcze, a w szczególności o tych, które Jan Haller w Krakowie wydał». Добровскій получилъ эту книжечку отъ Линде и написалъ о ней рецензію. Онъ задалъ ему одинъ библіогр. вопросъ и получилъ не удовлетворившій его отвѣтъ черезъ Линде (Dobr. Bandtkie 65). Въ 1814 году вышла его Historya literatury polskiéj wystawiona w spisie dzieł drukiem ogłoszonych, которая и теперь еще не потеряла библіографическаго значенія. Добровскій, получившій въ томъ же году сочиненіе въ подарокъ отъ князя Любомирскаго, написалъ къ Бандтке вкратцѣ свой отзывъ: admiror diligentiam viri eruditissimi. Ему пришлось выслушать много неблагопріятныхъ отзывовъ о Бентковскомъ отъ яраго католика Воронича (ib. 108) за то, что тотъ не хотѣлъ безусловно хвалить іезуитовъ. Съ 1815 по 1822 г. Бентковскій издавалъ знаменитый для своего времени Pamiętnik Warszawski, посвященный литературѣ и наукѣ. Въ немъ помѣщались также статьи о слав. языкахъ, напр., въ 1815 г. (I. 116) статья Бандтке «Uwagi nad językiem czeskim, polskim i rossyjskim».

Наконецъ, современникомъ двухъ поколѣній славянской науки, представляемыхъ Добровскимъ и Шафарикомъ, былъ Іоахимъ Лелевель, человѣкъ въ высокой степени своеобразный, оригинальный, отличавшійся многосторонней ученой и писательской дѣятельностью. Онъ былъ заодно библіографъ и историкъ, географъ и нумизматъ, археологъ, журналистъ и политикъ. Лелевель во всякомъ случаѣ замѣчательное явленіе въ польской наукѣ конца XVIII-го и первой половины XIX-го столѣтія, хотя трудно опредѣлить ему подобающее мѣсто въ постепенномъ развитіи славянской науки, или же привести его въ связь и зависимость съ прочими представителями этой науки. Мы помѣщаемъ его здѣсь только потому, что о немъ довольно часто идетъ рѣчь уже въ этотъ періодъ славянской науки, въ особенности въ письмахъ Добровскаго. Родившись въ Варшавѣ (1786), онъ изучалъ науки тамъ же и въ Вильнѣ, но въ сущности остался на все время самоучкой въ области того идеальнаго міра, который онъ самъ создалъ себѣ по книгамъ разнообразнѣйшаго содержанія съ богатой примѣсью собственной фантазіи. Въ очень молодые годы онъ изучалъ универсальную исторію чуть ли не всѣхъ народовъ сего міра, рисовалъ при этомъ карты, усовершенствовавшись въ техникѣ по литографіи. Онъ занялъ необыкновенно рано каѳедру всеобщей исторіи въ Виленскомъ университетѣ, гдѣ продолжалась его дѣятельность съ небольшимъ перерывомъ съ 1814 по 1824 годъ. Онъ

поддавался вліянію господствовавшаго тогда романтико-мистическаго направленія, которое увлекало его мечтательность въ эпохи глубочайшей древности, въ сказочный міръ миѳовъ, покрытый мракомъ неизвѣстности. Двадцатилѣтнимъ юношею онъ написалъ, собственно перевелъ съ французскаго статью «Edda czyli księga religii dawnych Skandynawii mieszkańców (Wilno 1807. 8⁰ 55. XVI), передѣланную и распространенную имъ на 226 страницахъ во второмъ изданіи 1822 года. Въ слѣдующемъ уже году (1808) напечаталъ Rzut oka na dawność Litewskich narodów i związki ich z Herulami (съ приложеніемъ описанія сѣверной Европы по Амміану Марцеллину). Wilno 1808. 8⁰ 73 (отчасти въ полемикѣ противъ Нарушевича). Самыя отдаленныя страны привлекали его любознательность, какъ видно изъ слѣдующихъ сочиненій его: Stosunki handlowe Fenicyan potem Karthagów z Grekami. Warszawa 1814. 8⁰ 51, или: Dzieje starożytne Indyi, 1820. 8⁰ 224, рядомъ съ Dzieje starożytne od początku czasów historycznych do drugiej połowy VI ery chrześciańskiej. Wilno 1818, 505, и опять: Odkrycia Karthagów i Greków na Oceanie Atlantyckim. Warsz. 1821. 177 (переведено въ 1831 на нѣмецкій языкъ съ предисловіемъ Риттера). Какъ видно, онъ особенно любилъ географію и въ связи съ ней обращалъ вниманіе на торговыя сношенія. Уже въ 1814 году онъ написалъ: Historya geografii i odkryć, Opis Skytyi przez Herodota, въ 1816 вышла статья Winulska Sławiańszczyzna, на основаніи извѣстнаго перечня географа баварскаго, въ 1818: Badania starożytności we względzie geografii (Wilno 8⁰ 591). Большимъ уваженіемъ пользовался въ теченіе долгаго времени его на французскомъ языкѣ написанный трудъ: Géographie du moyen âge (онъ напечатанъ въ Брюсселѣ 1850—7 въ пяти томахъ). Также его Numismatique du moyen âge, II tomes. (Paris 1835) встрѣтила признаніе въ рядахъ спеціалистовъ. При этихъ столь широко раскинутыхъ занятіяхъ онъ не забывалъ своей родной страны — Польши. Онъ выступилъ со множествомъ сочиненій въ разнообразныхъ направленіяхъ. Онъ писалъ о древнѣйшихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ періодахъ польской исторіи, о торговлѣ, о конституціи и революціи. Всѣхъ этихъ вопросовъ коснулось его неутомимое перо. Изъ большого числа вынемъ замѣчательную по оригинальности принципіальныхъ взглядовъ статью: Historyczna parallela Hiszpanii z Polską w XVI, XVII i XVIII wieku (1820), она переведена потомъ на нѣмецкій, французскій и русскій языки. Какъ въ своихъ идеалахъ Лелевель пренебрегалъ реальными условіями современности, не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія, такъ и въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ онъ нисколько не заботился о томъ, что раньше его другими сказано о томъ же предметѣ или вопросѣ. Уже

Добровскій жаловался въ одномъ письмѣ къ Линде (1822 г.), что Лелевель не считается съ тѣмъ, что раньше его сказано другими (Письма 658), онъ признавалъ достоинства его трудовъ, только находилъ, что въ своихъ (прибавимъ — Порфирогенитовыхъ) хорватовъ онъ слишкомъ влюбленъ (660). Лучше было бы сказать, что онъ влюбился въ свои предвзятыя идеи и теоріи, въ угоду которымъ онъ произвольно группировалъ и толковалъ факты, перетягивая ихъ на свою сторону. Онъ хотѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая даже языка и стиля, быть оригинальнымъ. По удачному выраженію Спасовича, онъ работалъ съ усердіемъ Болландистовъ, только критическая провѣрка источниковъ ему не была извѣстна. Не будь онъ вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ его жизни поставленъ въ такое затруднительное положеніе, что долженъ былъ содержать себя литературнымъ заработкомъ, его сочиненія были бы менѣе многочисленны, но зато глубже, критичнѣе. Политическія убѣжденія Лелевеля клонились къ крайнему республиканскому радикализму. Этимъ онъ вліялъ на молодежь, несмотря на недостатокъ ораторскаго таланта или краснорѣчія. Поэтому, когда онъ въ 1821 году возобновилъ свою профессорскую дѣятельность въ Вильнѣ, Мицкевичъ поздравилъ его восторженными стихами. Однакожъ вскорѣ пришлось ему покинуть эту дѣятельность (1824), онъ переѣхалъ въ Варшаву, былъ членомъ революціоннаго правительства въ 1830 году а послѣ подавленнаго возстанія долженъ былъ бѣжать на всегда изъ Польши. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ въ очень бѣдственномъ положеніи въ Брюсселѣ. Онъ скончался въ Парижѣ 75 лѣтъ отъ роду, въ 1861 году. Оставляя въ сторонѣ разныя книжки, написанныя изъ-за куска хлѣба, а также политическія брошюры, въ исторіи славянской филологіи обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе его труды: 1) его библіографія: Bibliograficznych ksiąg dwoje — продолженіе и поправки къ сочиненію Бандтке — I. 1823, II. 1826 (имѣлось въ виду продолженіе, сл. у Францева письмо Лелевеля къ Кеппену стр. XXXI). Добровскій зналъ это изданіе Лелевеля, но не былъ вполнѣ доволенъ исполненіемъ; 2) въ исторіи права важно его изданіе древнихъ польскихъ переводовъ польскихъ и мазовецкихъ юридическихъ источниковъ: Księgi ustaw polskich i mazowieckich po raz pierwszy staraniem J. Lelewela drukiem ogłoszone. Wilno 1824; 3) для древнѣйшей исторіи славянъ и предшествовавшихъ имъ на той же почвѣ народовъ, нѣчто въ родѣ первой части славянскихъ древностей Шафарика, составлено имъ историко-этнографическое обозрѣніе: Narody na ziemiach Sławiańskich przed powstaniem Polski (въ изданіи Жупанскаго въ Познани 1853, 8⁰ 820). Важнѣе его Polska wieków średnich (I т. 1846, II. 1847, III

и IV 1851), которую можно поставить рядомъ со второй, славянской частью древностей Шафарика, съ придачею разбора вопросовъ внутренней жизни славянъ. О взглядахъ его на аграрныя отношенія славянъ см. Rozprawy i sprawozd. histor. filozof. wydział XIV (1881) стр. 87—88 (въ статьѣ Пекосинскаго).

Насъ здѣсь спеціально интересуетъ отношеніе Лелевеля къ Добровскому отразившееся не прямо, а въ отзывахъ о немъ. Впервые, кажется, заговорилъ о немъ Добровскому Бандтке въ письмѣ 1814 года, гдѣ называетъ его «ein junger hoffnungsvoller Mann in Warschau, der aber kein Professor ist weil er noch keinen Barth hat und eine eigene Orthographie braucht» и проситъ содѣйствія относительно одной рукописи Богуфала. Лѣтъ десять спустя Добровскій со вниманіемъ читалъ I томъ библіографіи польской Лелевеля и дѣлалъ свои примѣчанія и поправки (Dobr. Bandtkie 140. 145). Точно такъ онъ ставитъ свои вопросы по поводу мнимаго участія Лелевеля въ изданіи «Kronika węgierska na początku wieku XII. Kronika czeska na początku wieku XI» (Warszawa 1823). Добровскій узналъ о книгѣ изъ архива Гормайера, гдѣ разобрана только венгерская хроника, со своей же стороны, не имѣя еще изданія, спрашивалъ только: откуда взялъ Лелевель чешскую хронику изъ XI столѣтія? Бандтке выяснилъ, что изданіе хроники чешской приготовлено не Лелевелемъ, а Ковнацкимъ. Но по поводу статьи Лелевеля, напечатанной въ приложеніи къ нѣмецкому переводу Оссолинскаго о Кадлубкѣ, Добровскій критиковалъ методъ Лелевеля: «Lelewel will überall Einschiebsel und Verfälschungen des Textes wittern, wo Kadl. ihm zuwider ist». Точно такъ онъ исправлялъ взгляды Лелевеля и другихъ тогдашнихъ историковъ насчетъ Порфирогенитовыхъ хорватовъ. Критическій талантъ Добровскаго выступаетъ здѣсь въ блестящемъ видѣ (Dobr. Bandtkie 154—5). Стоитъ припомнить его прекрасныя слова: «amica veritas. So bitte ich alles zu deuten, was ich gegen Rakowiecki, Ossolinski, Lelewel in den Rezensionen vorbrachte. Ich würde alle drey recht freundschaftlich als slawische Brüder umarmen, nur kann ich nicht blind unterschreiben was sie für ihrer Landsleute Ruhm zu Tage fördern (ib. 162). Широкій взглядъ Лелевеля на общеславянскіе вопросы высказался въ его обширномъ разборѣ исторіи Карамзина (сл. объ этомъ у Францева 247—248) и въ готовности участвовать въ качествѣ сотрудника въ затѣянномъ изданіи старохорватской хроники, съ которой много лѣтъ возился Добровскій. Объ этомъ подробности см. у Францева 297—8, LIII. LXXVIII—LXXXIII. О дѣятельности Лелевеля см. статью Т. Корзона: «Pogląd na działalność naukową J. Lelewela», въ журналѣ Kwartalnik

historyczny. Rocznik XI, we Lwowe 1897 (статья отзывается излишнимъ панегиризмомъ).

ГЛАВА VII.

Славяно-русскія историко-филологическія и библіографическія занятія въ Россіи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX стол. — Состояніе науки у южныхъ славянъ во время Добровскаго.

Изученіе славянскихъ вопросовъ, начатое столь успѣшно и удачно Добровскимъ и его современниками на западѣ, нашло воспріимчивую почву въ Россіи, гдѣ, какъ мы видѣли, уже со времени императрицы Екатерины стали заботиться о памятникахъ русской древности и интересоваться лингвистическими вопросами. Съ особенной цѣлью разработки русскаго языка и словесности была въ 1783 году учреждена Россійская академія, вышедшая изъ предшествовавшаго ей съ 1735 г. Россійскаго собранія. Исторію Россійской академіи представилъ академикъ М. Сухомлиновъ въ VIII томахъ, помѣщенныхъ въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности при томахъ XI. XIV. XVI. XIX. XXII. XXXI. XXXVII. XLIII. Первый достойный упоминанія трудъ академіи былъ «Словарь академіи Россійской», изданный въ шести частяхъ 1789—1794, о значеніи и составѣ его у Сухомлинова въ VIII выпускѣ Исторіи Росс. акад. 3—171; тутъ же и объ отношеніи его къ словарю Алексѣева. Вторымъ дополненнымъ изданіемъ, въ азбучномъ порядкѣ, словарь этотъ вышелъ въ 1806—1822 гг. (сл. у Сухомлинова стр. 181—195, а также у Булича въ Очеркѣ истор. языкозн. въ Россіи 240—246). Отзывъ Добровскаго объ этомъ словарѣ напечатанъ въ вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur 1825, B. XXIX, стр. 53—70. Гораздо менѣе значенія имѣетъ «Россійская грамматика, сочиненная Имп. россійск. академіею» (1802 г.), сл. у Сухомлинова VIII, 195—205 и во II томѣ Записокъ А. С. Шишкова стр. 102—109. Въ этой грамматикѣ впервые сдѣлана попытка подѣлить русскій глаголъ на четыре спряженія на основаніи неопредѣленнаго наклоненія, но если это дѣленіе въ идеѣ совпадало съ извѣстной классификаціей Добровскаго, въ исполненіи оно совсѣмъ отступало и, конечно, вызвало его критику въ предисловіи, имъ написанномъ къ русской грамматикѣ Пухмайера: Vorrede. Literatur der rusischen Sprachlehren (IX—XLI), на стр. XXVII—VIII).

Въ числѣ выдающихся современниковъ Добровскаго упомянемъ раньше другихъ знаменитаго автора исторіи Россійскаго государства Н. М. Карамзина (1766—1826), главный трудъ котораго Добровскій зналъ и уважалъ,

хотя личныхъ сношеній или переписки между ними не было. На западѣ вообще знали Карамзина почти исключительно по послѣднему и главному труду его, по его Исторіи. Значеніе же его какъ писателя, родоначальника русскаго журнализма и въ изящной словесности впервые выступившаго съ сентиментальными разсказами — все это предоставлено было обозрѣнію внутренняго развитія русской культуры. Исторія славянской филологіи должна именно съ этой стороны коснуться дѣятельности его, какъ болѣе близкой къ ея интересамъ. Карамзинъ былъ однимъ изъ первыхъ въ Россіи поклонниковъ западноевропейскаго просвѣщенія въ видѣ французской просвѣтительной литературы и нѣмецкой философіи, онъ изучалъ съ равной любовью французскихъ и нѣмецкихъ писателей. Очень рано онъ подружился въ Москвѣ съ однимъ изъ представителей нѣмецкаго «Sturm und Drang» — съ поэтомъ Ленцомъ. Онъ не чуждался также стремленій русскихъ фрамасоновъ. Все это вліяло на чувствительную природу Карамзина какъ писателя, развило въ немъ романтика особаго рода, въ которомъ сосредоточивалась сентиментальность нѣмецкая съ идиллическими бреднями Руссо на фонѣ положительной натуры русскаго человѣка. Желая лучше узнать жизнь западную и познакомиться съ настроеніемъ умовъ на западѣ, преимущественно въ рядахъ поэтовъ и философовъ, онъ объѣхалъ Германію, Швейцарію, былъ во Франціи и Англіи. Это знакомство хотя не вникало глубоко, а скользило по поверхности, поддерживало все-таки его личную наклонность къ литературнымъ занятіямъ, какъ къ главной, если не исключительной цѣли жизни. Онъ выступилъ въ качествѣ издателя журналовъ, альманаховъ, печаталъ въ нихъ собственныя и чужія произведенія, переводы изъ европ. литературъ. Его произведенія: Наталья боярская дочь (1792), Лизинъ прудъ (1797), Письма русскаго путешественника (1797 — 1801), альманахи Аглая 2 ч. (1794), Аониды 3 ч. (1796—1799), хрестоматіи: Пантеонъ иностранной словесности (1798) и Пантеонъ россійскихъ авторовъ (1801). Въ началѣ XIX-го столѣтія онъ основалъ знаменитый журналъ «Вѣстникъ Европы», продолжавшій свое существованіе сначала до 1830 года, потомъ же возобновленный М. Стасюлевичемъ въ шестидесятыхъ годахъ, подъ образцовой редакціею котораго онъ перешагнулъ благополучно въ новое двадцатое столѣтіе. Въ теченіе всего этого времени журналъ служилъ вѣрно своей главной идеѣ — сближенію Россіи съ западной Европой, ознакомленію ея съ началами общественной, литературной, культурной и политической жизни запада, не забывая при этомъ домашнихъ потребностей, поддержки развитія изящной словесности, литературы, науки и общественной жизни. Въ первыя десятилѣтія своего существованія журналъ охотно касался славянскихъ темъ,

пока московское славянофильство не стало проповѣдывать мнимой противоположности между славянскимъ и общеевропейскими началами просвѣщенія.

Съ 1803 года Карамзинъ получилъ новое званіе историографа россійскаго государства, сдѣлавшись изъ бывшаго журналиста оффиціальной, даже придворной личностью. Съ тѣхъ поръ онъ покинулъ дальнѣйшее участіе въ изящной словесности (за исключеніемъ исторической повѣсти «Мароа посадница») и сосредоточилъ все свое вниманіе на исполненіе возложенной на него задачи. Оцѣнка этого большого труда не входитъ въ планъ нашего обозрѣнія. Въ 1815 году у него было готово восемь томовъ, съ ними онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь они были отпечатаны въ 1816 — 1818 годахъ. Когда появились первые томы, публика накинулась съ жадностью на этотъ трудъ, открывшій ей Америку по выраженію Пушкина. До двѣнадцатаго тома подвинулась исторія при жизни императора Александра. Авторъ пережилъ его только на одинъ годъ. Императоръ Николай предоставилъ въ его распоряженіе особый фрегатъ для поѣздки на югъ Европы въ Италію, для поправленія здоровья, но ему не было суждено воспользоваться этой милостью; онъ скончался 22 мая 1826 года. Для славянской филологіи имѣютъ большое значеніе многочисленныя примѣчанія, которыми авторъ снабдилъ свою исторію; въ нихъ попадаются нерѣдко описанія памятниковъ и важныя выписки изъ древнихъ рукописныхъ текстовъ (I. прим. 529 описаніе еванг. 1144 г.), отчасти даже такихъ, которые потомъ погибли (III. прим. 258. 272). Есть также сопоставленія лингвистическія (сл. у Булича стр. 669—674). Карамзинъ склонялся относительно церковно-славянскаго языка въ сторону Добровскаго, что этотъ языкъ происхожденіемъ — нарѣчіе иллирическое или сербское (см. Ист. Госуд. росс. 1816, I. 250), онъ считалъ кириллицу древнѣе глаголицы (сл. I. прим. 265—267), и т. д.

Въ литературномъ отношеніи было бы излишне распространяться о восторгѣ, съ которымъ тогдашняя русская публика приняла его сентиментальныя повѣсти. Продолжительное значеніе, не утраченное до сихъ поръ, осталось только за его «Письмами русскаго путешественника». Хотя теперь уже доказано, что одушевленіе, выставленное на показъ въ этихъ письмахъ относительно культурнаго состоянія тогдашней западной Европы, не было всегда непосредственнымъ изливомъ его чувствъ, настроенія его души, все же и теперь еще пріятно читать эти первые въ русской литературѣ отклики сердечнаго и сознательнаго уваженія къ прогрессу человѣчества. Карамзинъ сталъ первымъ русскимъ западникомъ. (О значеніи «Писемъ

русскаго путешественника» сл. этюдъ Сиповскаго въ «Извѣстіяхъ Отд. русск. яз. и слов.» томъ II, кн. 3, томъ III, кн. 1 и 3, подъ заглавіемъ: «Къ литературной исторіи писемъ русскаго путешественника»). По отношенію къ требованіямъ литературнаго вкуса, отражающагося въ стилѣ, онъ былъ поклонникомъ французской школы, отъ которой онъ заимствовалъ свое стремленіе къ пріятности, передавая этимъ выраженіемъ французское слово élégance, какъ главное условіе хорошаго литературнаго произведенія. Оно достигалось сближеніемъ языка съ легкостью интеллигентной конверсаціи, посредствомъ устраненія тяжеловѣсныхъ выраженій церковно-славянскихъ и замѣной ихъ оригинальными народными словами и оборотами и введеніемъ легкаго хода разсказа состоящаго изъ коротенькихъ изреченій. Конечно, не всѣ послѣдователи новаго карамзинскаго направленія сумѣли воздержаться отъ неумѣреннаго подражанія французскимъ образцамъ; что и вызвало реакцію со стороны любителей старины, во главѣ которыхъ стоялъ Шишковъ. Возникла борьба двухъ не только литературныхъ, но даже соціально-политическихъ направленій, имѣющая параллели, болѣе или менѣе подобныя, въ литературѣ польской, чешской, сербской, иллирской и т. д. Карамзинъ любилъ держаться въ сторонѣ, предоставивъ активное участіе въ полемикѣ Макарову, Каченовскому, Дашкову и др., только изрѣдка онъ отзывался о приверженцахъ старой школы иронически, что они «голѣмые претолковинники, иже отрѣваютъ все еже есть русское и блещаются блаженнѣ сіяніемъ славяномудрія». Отвѣтъ Шишкова въ защиту старины не столько противъ Карамзина, сколько противъ неумѣренныхъ галломановъ напечатанъ 1803 въ его сочиненіи «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка» (8⁰ 6. 453, второе изданіе Спб. 1818). Хотя въ частностяхъ Шишковъ былъ правъ, въ главномъ все же онъ отстаивалъ дѣло уже проигранное, потому что воевалъ противъ естественной эволюціи русской жизни, общества и литературы и вмѣстѣ съ ними языка. Въ особенности онъ преувеличивалъ значеніе церковно-славянскаго языка, называя его, по примѣру стараго лѣтописца, корнемъ и основаніемъ языка русскаго, придающими послѣднему богатство, разумъ, силу и красоту. Еще далѣе онъ заходилъ, въ область уже не грамматики, лексикона или стилистики, а въ область идей, когда требовалъ, чтобы русская духовная жизнь питалась не сочиненіями Боннета, Вольтера, Юнга и Томсона, а содержаніемъ церковно-славянской письменности. Полемика его коснулась также широкихъ вопросовъ воспитанія, семьи и школы, наклонностей и привычекъ новаго русскаго общества. И тутъ Шишковъ былъ въ извѣстной мѣрѣ правъ, бичуя черезмѣрное увлеченіе своихъ со-

временниковъ за подражаніе внѣшнему лоску западной культуры, но онъ забылъ, что эти излишества со временемъ могутъ сгладиться, тогда какъ гораздо опаснѣе для русской жизни былъ бы проповѣдуемый имъ застой. Въ 1804 году вышло еще «Прибавленіе» къ его «Разсужденію», вызвавшее много возраженій (сл. между прочимъ статью Дашкова въ Цвѣтникѣ 1810 № 11 и 12). Какъ часто бываетъ, полемика вышла изъ предѣловъ теоретической борьбы и приняла некрасивый видъ злословія, клеветы и оскорбленій. Шишковъ выступилъ въ качествѣ русскаго censor morum, и слылъ опаснымъ ретроградомъ. Ему ставили прежде всего въ упрекъ его чрезмѣрную любовь къ церковно-славянской старинѣ подъ кличкой «славянофильства», выраженія принявшаго въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія болѣе широкое культурно-политическое значеніе. Сначала оно обозначало приблизительно то, что на западѣ называли бы обскурантизмомъ. Уваженію славяновѣдѣнія въ Россіи нѣсколько повредило то случайное обстоятельство, что оно съ самаго начала было привязано къ колесницѣ одной партіи, не стоявшей во главѣ культурнаго прогресса. Говорятъ, что Василій Пушкинъ первый употребилъ выраженіе «славянофилъ» какъ бранное слово. Другой писатель (Макаровъ) написалъ комедію «Обращенный славянофилъ», въ которой «славянофилъ» и его другъ «педантъ» изображены какъ дураки! Шишковъ былъ лично знакомъ съ Добровскимъ и Копитаромъ, но оба они относились болѣе снисходительно чѣмъ съ уваженіемъ къ его странностямъ. Объ его неудачномъ участіи въ привитіи славяновѣдѣнія къ русскимъ университетамъ разскажемъ потомъ.

Стоитъ припомнить, что въ концѣ XVIII столѣтія между прочими открытіями древнихъ памятниковъ русской письменности въ 1795 году пріобрѣтенъ въ Ярославлѣ рукописный сборникъ, въ которомъ отыскалось «Слово о полку Игоревѣ». Рукопись попала въ Москву въ библіотеку Мусина-Пушкина; императрицѣ Екатеринѣ доставленъ списокъ, который изданъ въ 1864 году академикомъ Пекарскимъ. Карамзинъ сообщилъ объ этой находкѣ Европѣ въ 1797 году въ октябрьскомъ выпускѣ гамбургскаго «Spectateur du Nord». Открытіе вызвало подозрѣніе, между прочимъ Шлёцера, который потомъ (1802) въ своемъ «Несторѣ» перемѣнилъ свой взглядъ въ пользу подлинности «слова». Первое изданіе памятника вышло въ 1800 году подъ именемъ Мусина-Пушкина, хотя въ немъ участвовали и другіе (это первое изданіе, имѣющее теперь послѣ гибели подлинника большое значеніе, повторено съ буквальной точностью въ исторіи древнерусск. литературы П. В. Владимірова и въ фото-литографированномъ видѣ воспроизведено недавно А. С. Суворинымъ). Карамзинъ имѣлъ возможность свѣрить первое изданіе съ

существовавшимъ тогда еще подлинникомъ и нашелъ его, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отступленій, точнымъ. Что касается столѣтія, къ которому относили рукописный сборникъ этого слова, мнѣнія расходились уже въ то время. Мусинъ-Пушкинъ стоялъ за XIV — XV столѣтіе, точно такъ же Малиновскій, предпочитавшій XIV столѣтіе, Калайдовичъ полагалъ, что лучше отнести сборникъ къ XVI столѣтію. Того же мнѣнія придерживался потомъ Тихонравовъ. Въ 1812 году рукопись сгорѣла во время большого московскаго пожара. Карамзинъ первый указалъ на большое сходство слова съ поэтическимъ разсказомъ о томъ же событіи въ Кіевской лѣтописи. Въ I томѣ «Исторіи россійскаго государства» въ примѣчаніяхъ (по изданію 1818 года) 69. 203. 205. 284. 315. 316. 394. 459, и въ III томѣ того же изданія въ примѣчаніяхъ 69. 70. 71. 72. 77. 238. 262. 263. 266, приводится «Слово», а также содержаніе другихъ статей погибшаго сборника (III прим. 272). Карамзинъ полагалъ, что авторомъ слова не было лицо духовное, что сочинитель слова жилъ въ XII столѣтіи и что онъ подражалъ другимъ бывшимъ въ то время въ ходу эпическимъ повѣстямъ. Карамзину мы обязаны также выписками изъ нѣкоторыхъ другихъ статей, бывшихъ въ сгорѣвшемъ потомъ сборникѣ. Припомнимъ кстати, что въ 1814 году найдена проф. Тимковскимъ въ рукописи XVII в. извѣстная «Задонщина», т.-е. «Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ», изложеніемъ своимъ близко напоминающее «Слово». Изъ множества попытокъ объясненія многихъ темныхъ мѣстъ «Слова» укажемъ на участіе Шишкова (въ I части академическихъ «Сочиненій и переводовъ» 1805 23—234, или въ его «Полномъ собраніи сочиненій» VII и XI. 382—441, здѣсь съ примѣчаніями на русскій переводъ Я. О. Пожарскаго, 1819. Были уже и раньше переводы Сѣрякова, Палицына, Левицкаго — см. библіографію въ I томѣ изданія Е. Барсова).

Изъ числа современниковъ Карамзина мы остановимся на тѣхъ только, изслѣдованія и труды которыхъ входятъ въ область славянской филологіи по тогдашнимъ понятіямъ Добровскаго. Къ такимъ слѣдуетъ несомнѣнно отнести Евѳимія Алексѣевича Болховитинова, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ митрополита Евгенія. Сынъ православ. священника, родившійся въ 1767 въ Воронежѣ, онъ посвятилъ себя духовному званію, изучилъ высшія науки въ Москвѣ, началъ въ Воронежѣ свою учительскую дѣятельность, назначенъ въ 1796 начальникомъ семинаріи, въ 1799 приглашенъ въ Петербургъ въ Невскую Лавру, въ 1804 посвященъ въ епископы Старой Русы. Онъ усердно изучалъ памятники русской старины въ бывшей тогда при Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ богатой библіотекѣ, собирая матеріалъ для исторіи древне-русской письменности. Съ благороднымъ одуше-

вленіемъ онъ называлъ Софійскій соборъ палладіумомъ стараго Новгорода, свидѣтелемъ многихъ славныхъ и плачевныхъ событій, обвѣшаннымъ многочисленными трофеями, обмытымъ многими слезами. Изъ оконъ своей кельи онъ устремлялъ взоры на этого почтеннаго старца, перевертывая листы новгородской лѣтописи, перечитывая съ увлеченіемъ самобытные обороты стариннаго языка, переносясь мысленно въ тѣ отдаленныя времена, когда тутъ жили и мудро правили могучимъ центромъ сѣверно-русскаго народа свободные граждане свободнаго города. Въ 1808 году Евгеній попалъ въ Вологду и здѣсь на досугѣ разрабатывалъ собранный въ Новгородѣ матеріалъ для освѣщенія разныхъ сторонъ древне-русской жизни. Въ 1813 онъ былъ переведенъ въ Калугу, въ 1816 назначенъ архіепископомъ во Псковъ, въ 1822 митрополитомъ въ Кіевъ. Высокій санъ не мѣшалъ почтенному владыкѣ и митрополиту продолжать свои занятія, посвященныя русской древней письменности, объясненію памятниковъ, описанію храмовъ и монастырей. Онъ принималъ живѣйшее участіе въ объясненіи «Слова о полку Игоревѣ» (см. у Барсова I подъ годами 1805. 1806. 1811. 1812. 1814. 1819. 1821. 1823. 1834. 1842). Въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» онъ помѣстилъ статьи: «Замѣчанія на новгородскія грамоты и на толкованіе ихъ» (1812, ч. 64 № 15), «О личныхъ собственныхъ именахъ у славяно-руссовъ» (1813, ч. 70 № 13), «О разныхъ родахъ присягъ у славяно-руссовъ» ib., «О старинной славяно-русской ариѳметикѣ» (1813, ч. 71 № 17), «О Максимѣ Грекѣ и Петрѣ Могилѣ» (ib. ч. 72 № 21), «Замѣчанія объ уставныхъ и губныхъ грамотахъ» (ib. ч. 72 № 21), «Замѣчанія на грамоту вел. князя Мстислава...» (1818, ч. 100 № 15. 18. 20). Онъ сотрудничалъ также въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей и въ «Трудахъ» его напечаталъ нѣсколько статей. Но самый выдающійся трудъ его по древне-русской письменности, надъ которымъ онъ работалъ много лѣтъ, это его «Словарь русскихъ писателей», приготовленный уже въ 1814 году и отосланный въ Москву въ Общество ист. и древностей для восполненія пробѣловъ. Въ 1814 вышла только часть этого труда, обнимавшая писателей духовнаго чина греко-россійской церкви (Спб. 8°, стр. 720), второе исправленное и дополненное изданіе этой части явилось въ 1827 году (О словаряхъ Евгенія см. статью Бычкова въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности V, стр. 217—237, съ приложеніями 238—288). Обширный анализъ богатаго содержанія словаря въ первомъ его изданіи представленъ Добровскимъ въ вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur 1824, т. 27 стр. 25—54. Остальная часть библіографическихъ разысканій Евгенія вышла подъ редакціей И. Снегирева, М. 1838, подъ заглавіемъ: «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей,

соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи» и потомъ послѣ смерти его въ 1845 году подъ редакціей М. П. Погодина въ двухъ томахъ. Первое изданіе на буквы А — Г съ дополненіями и измѣненіями, принадлежавшими Снегиреву и другимъ лицамъ, встрѣтило мало поддержки въ публикѣ и должно было остановиться на первомъ томѣ. Только Погодинское изданіе сдѣлано на основаніи подлинной рукописи Евгенія. Будучи во Псковѣ, Евгеній занимался не только исторической судьбой разныхъ монастырей Псковской земли, но также собираніемъ лѣтописей и грамотъ. Часть этого матеріала вышла въ 1825 году въ Отечеств. Запискахъ (XXII), и въ Исторіи княжества Псковскаго, изданной уже потомъ въ 1831 году въ Кіевѣ. И эта мать городовъ русскихъ не осталась имъ обиженной. Евгеній занялся вскорѣ послѣ пріѣзда въ Кіевъ описаніемъ Софійскаго собора (издано въ 1825 году) и описаніемъ Кіево-Печерской лавры (издано въ 1828 году). Авторъ не ограничился внѣшней стороной дѣла, онъ внесъ много историческихъ свѣдѣній, а также грамотъ и другихъ выписокъ. Его занимала также исторія россійской іерархіи, первый и единственный томъ которой вышелъ въ Кіевѣ въ 1827 г. Много мелкихъ статей археологическаго или историко-юридическаго содержанія, по словамъ Срезневскаго (Сборникъ т. V. 38) не попали въ печать. Евгеній скончался 23 февр. 1837 г., не увидавъ, какъ сказано у Срезневскаго, труда проф. Ореста Новицкаго «О первоначальномъ переводѣ священнаго писанія на славянскій языкъ», который былъ написанъ по задачѣ его, съ одобренія его и при его указаніяхъ. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Срезневскаго, что еще лѣтъ сорокъ тому назадъ было бы полезно собрать и вновь (отчасти, быть можетъ, даже впервые) издать по крайней мѣрѣ извѣстную часть трудовъ Евгенія. Онъ принадлежалъ безспорно къ передовымъ дѣятелямъ и самымъ просвѣщеннымъ людямъ своего времени въ Россіи. Онъ состоялъ въ перепискѣ со всѣми выдающимися учеными современниками въ Россіи (съ Румянцевымъ, Востоковымъ, графомъ Хвостовымъ, Ермолаевымъ, Калайдовичемъ, Кеппеномъ и др.). Славянская филологія обязана ему, кромѣ выше упомянутыхъ сочиненій еще открытіемъ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ памятниковъ славяно-русской письменности, какъ напр., такъ называемой Евгеніевской псалтыри, отрывковъ житій Кондрата и Ѳеклы. (Сл. Archiv für slavische Philologie, т. VI. 224—238). Памяти Евгенія посвященъ рядъ статей съ приложеніями въ V. 1 Сборникѣ Отд. р. яз. и сл., Спб. 1868. Переписка его съ графомъ Румянцевымъ издана въ 1868 году въ Воронежѣ. См. также книгу Шмурло «Митр. Евгеній Болховитиновъ».

Въ сочиненіи «Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія» (Одесса 1888) проф. Кочубинскій связываетъ *начало русскаго славяновѣдѣнія съ Москвой*

(въ противоположность Петербургу), съ учрежденіемъ Общества исторіи и древностей (1804). Въ моемъ отзывѣ (Увар. отчетъ) объ этомъ хорошемъ трудѣ оспаривается выставленная авторомъ рѣзкая противоположность Петербурга—Москвы, Шишкова — Румянцева, какъ искусственная натяжка. Но это не мѣшаетъ намъ указать на нѣкоторыя данныя упомянутаго сочиненія. Оно обрисовываетъ, напримѣръ, Чеботарева, распространявшагося на своихъ лекціяхъ о славянахъ, вмѣняетъ ему въ заслугу, что въ 1805 объявлена была премія на тему: кто были Несторовы волохи, вытѣснившіе славянъ съ Дуная. Одинъ изъ учениковъ Чеботарева, основательный знатокъ классической филологіи, проф. Тимковскій, затѣялъ критическое изданіе текста Несторовой лѣтописи, которое къ сожалѣнію оборвалось на самомъ началѣ (подъ 1019 годомъ). Подобнаго изданія этого памятника нѣтъ до сихъ поръ въ русской литературѣ. Преемникомъ Чеботарева на каѳедрѣ русской исторіи въ Московскомъ университетѣ былъ Каченовскій, значеніе котораго для славянской филологіи въ изслѣдованіи Кочубинскаго на мой взглядъ значительно преувеличено. Гончаровъ охарактеризовалъ лекціи Каченовскаго какъ многосодержательныя и поучительныя при нѣсколько сухомъ и монотонномъ изложеніи. Въ качествѣ редактора «Вѣстника Европы» онъ любилъ помѣщать въ этомъ журналѣ статьи по славяновѣдѣнію (см. у Кочубинскаго стр. 42—46). Припомнимъ между прочимъ статью самого М. Г. Каченовскаго «О славянскомъ языкѣ вообще и въ особенности о церковномъ» (В. Евр. 1816, ч. 89, 241—263), въ которой авторъ рядомъ соображеній доходитъ до результата, что церковно-славянскій языкъ былъ древне-сербскій. Или же «Историческій взглядъ на грамматику слав. нарѣчій» (ib. 1817, ч. 93 № 11, 186—256). Переводились также статьи Добровскаго, Линде, Бандтке и др.—Проснувшееся сочувствіе къ славянскому вопросу стало вызывать различныя подражанія. Мы слышимъ о кружкѣ съ франкмасонскимъ направленіемъ въ Кіевѣ (1819) подъ названіемъ «Бѣдные славяне», другой кружокъ «Соединенные славяне» (въ Васильковѣ) преслѣдовалъ политическія цѣли: федерацію славянскаго міра (Кочуб. 49). Доходили ли слухи о существованіи подобныхъ кружковъ до Праги и Вѣны, неизвѣстно. Министръ Разумовскій учредилъ еще въ 1811 году въ Московскомъ университетѣ каѳедру славянской словесности, чтобы дать учащимся возможность познакомиться съ славянскими книгами, съ отношеніемъ славянскаго языка къ русскому. Имѣлось въ виду, конечно, церковно-славянское нарѣчіе, но задача каѳедры понята совсѣмъ ненаучно: читали и объясняли (проф. Гавриловъ) церковно-славянскую псалтырь! Такимъ образомъ недовольство профессоровъ-нѣмцевъ московскаго университета въ концѣ-концовъ оправдалось.

Событія времени, коснувшіяся также славянъ внѣ Россіи (возстаніе въ Сербіи, умственное движеніе въ Чехіи и у южныхъ славянъ), манили то того, то другого изъ Русскихъ къ непосредственному ознакомленію съ юго-западнымъ славянствомъ. До тѣхъ поръ направляли главнымъ образомъ русскаго солдата въ разные концы Европы, чтобы пожинать лавры не всегда въ свою пользу. Теперь стали присоединяться ученые путешественники. Къ самымъ раннимъ путешественникамъ въ Славянскія земли (помимо заѣзжавшихъ по болѣзни въ Карлсбадъ и иногда по дорогѣ въ Прагу) нужно причислить знаменитаго русскаго историка Александра Тургенева (1784—1845) и его друга рано скончавшагося († 1812) Кайсарова. Тургеневъ разсказываетъ въ своихъ письмахъ, какъ онъ когда-то у Шлёцера въ Гёттингенѣ слушалъ лекціи, какъ Кайсаровъ уже тогда интересовался славянской наукой, онъ назвалъ его первымъ истиннымъ славянофиломъ, они собирали славянскія книги и рукописи, заѣхали даже къ митрополиту Стратимировичу въ Карловцахъ (1804), который слылъ тогда очень ученымъ человѣкомъ — сохранились слѣды ихъ переписки съ сербскимъ митрополитомъ (Письма II. 694—708 и стр. XC—XCII). Кайсаровъ былъ также въ Загребѣ, судя по помѣтѣ въ одной кайкавской книгѣ, купленной имъ въ Загребѣ 8/10 ноября 1804. Онъ заплатилъ дань своему славянскому одушевленію, написавъ славянскую миѳологію (сначала по-нѣмецки: Versuch einer slavischen Mythologie, Göttingen 1804, русскій переводъ 1807 въ Москвѣ, второе изд. 1810), не имѣвшую впрочемъ даже тогда особаго значенія. О Кайсаровѣ см. статью Сухомлинова въ Извѣстіяхъ отд. русск. яз. и сл. 1897, II. 1—33. Потомъ былъ въ Австріи и интересовался славянскимъ вопросомъ бывшіи президентъ Импер. Академіи Наукъ Новосильцовъ, который по словамъ Копитара желалъ найти кого-нибудь изъ западныхъ славянъ для написанія сравнительнаго словаря славянскихъ нарѣчій — желаніе повторенное и довольно неудачно исполненное Миклошичемъ для принца Ольденбургскаго въ концѣ девятнадцатаго столѣтія. О сношеніяхъ Русскихъ съ славянами, преимущественно южными, въ теченіе предыдущихъ и девятнадцатаго столѣтія сл. статью А. Пыпина: «Обзоръ русскихъ изученій славянства» (В. Евр. 1889, кн. 4. 5. 6) и «Русское славяновѣдѣніе въ XIX-мъ столѣтіи» (ibid. кн. 7. 8. 9).

Щедрымъ и умѣлымъ покровителемъ всѣхъ научныхъ стремленій въ области русско-славянской филологіи, исторіи и древностей былъ тогда графъ Николай Петровичъ Румянцевъ. Закончивъ свою дипломатическую дѣятельность, онъ посвятилъ всю свою любовь, свои средства и свои отношенія — русско-славянской наукѣ въ качествѣ собирателя памятниковъ древне-русской письменности, покровителя русскимъ ученымъ и щедраго мецената

драгоцѣнныхъ изданій. Всѣ на средства графа напечатанныя книги носятъ и теперь еще отпечатокъ внѣшняго великолѣпія и большихъ издержекъ. Достаточно указать на Іоанна екзарха болгарскаго, изданнаго подъ редакціей Калайдовича, на четырехтомное «Собраніе государственныхъ грамотъ» (1813—1828), на Древне-русскія стихотворенія Кирши Данилова, на изданное въ русскомъ переводѣ сочиненіе Добровскаго «Кириллъ и Меѳодій», на составленное А. Х. Востоковымъ Описаніе рукописей его же собранія, представляющаго и теперь въ зданіи Румянцевскаго музея украшеніе Москвы, и т. д. Румянцевъ сумѣлъ устроить дѣла такъ, что лучшіе спеціалисты и знатоки принимали участіе въ собираніи, описаніи и изданіи различныхъ древне-русскихъ памятниковъ. Достаточно упомянуть имена Востокова, Калайдовича, Строева, а для госуд. грамотъ Бантыша-Каменскаго и Ал. Ѳ. Малиновскаго. Каждый изъ этихъ сотрудниковъ извѣстенъ въ исторіи русской науки. О нѣкоторыхъ изъ нихъ рѣчь впереди. Про Бантыша-Каменскаго напомнимъ здѣсь, что онъ родился 1737 въ Нѣжинѣ, кончилъ курсъ наукъ въ Москвѣ, онъ извѣстенъ какъ авторъ исторіи Южной Россіи, съ 1786 по 1814 г. онъ стоялъ во главѣ московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, куда поступилъ еще въ 1762 г. актуаріусомъ. Въ изданіи государственныхъ грамотъ участіе его ограничилось первымъ томомъ. Продолженіе изданія было поручено Малиновскому, которому принадлежитъ главная роль и въ первомъ изданіи «Слова о Полку Игоревѣ». Изъ матеріаловъ, напечатанныхъ въ приложеніи къ сочиненію Кочубинскаго, можно убѣдиться, что въ прекрасномъ изданіи государственныхъ грамотъ личные совѣты и указанія графа Румянцева имѣли большое значеніе. Какъ извѣстно, графъ желалъ было притянуть къ своимъ планамъ также Вука Караджича, т.-е. онъ хотѣлъ поручить ему отыскиваніе и собираніе древнихъ документовъ славянскихъ въ разныхъ западныхъ, преимущественно южно-славянскихъ странахъ. Но этотъ планъ растроился. Переписка Румянцева съ Малиновскимъ и Калайдовичемъ, Строева съ Малиновскимъ и т. д. напечатана въ Чтеніяхъ 1882 кн. I. 1—368 подъ редакціею Е. В. Барсова. Взоры графа Румянцева были направлены еще въ одну славянскую страну, преданную почти совсѣмъ забвенію. Когда польскій лексикографъ Христофъ Целестинъ Мронговіусъ (1764—1855), бывшій пасторомъ въ Лейпцигѣ, напечаталъ въ 1823 году свой Słownik niemiecko-polski. Deutsch-polnisches Handwörterbuch nach Adelung und Linde bearbeitet von Christoph Cölestin Mrongovius. Danzig 1823. 4⁰ VIII. 712, онъ доставилъ одинъ экземпляръ графу Румянцеву, который своей отзывчивостью на всѣ полезныя стремленія въ пользу славянскихъ древностей предложилъ Мрон-

говіусу «объѣхать кашубскія селенія, составить по возможности словарь сего погасающаго нарѣчія и собрать хотя нѣкоторыя преданія, существующія въ устахъ сихъ поморянъ» (Библіогр. Листы 1825, № 31, 448). Мронговіусъ по крайней мѣрѣ отчасти исполнилъ желаніе графа Румянцева, но смерть Румянцева прекратила дальнѣйшій ходъ дѣла. Письмо графа Румянцева напечатано Мронговіусомъ въ предисловіи ко второму изданію его словаря (1835 г.) латинскими буквами, но никакихъ упоминаній о кашубскомъ нарѣчіи нѣтъ. Рамултъ въ своемъ словарѣ (1893) приводитъ слова Мронговіуса изъ перваго изданія словаря (стр. XXXVII), но и только.

Кропотливымъ собирателемъ и усерднымъ изслѣдователемъ древней письменности преимущественно по рукописямъ синодальной библіотеки, которыми въ то время еще мало пользовались — былъ Константинъ Ѳедоровичъ Калайдовичъ, происхожденіемъ какъ говорятъ изъ южныхъ славянъ. Онъ родился въ 1792 году въ Ельцѣ, изучалъ науки здѣсь и въ Кіевѣ, переѣхалъ потомъ въ Москву. Рано проснулась въ немъ любовь къ коллекціонерству. Будучи еще студентомъ онъ сдѣлалъ коллекцію насѣкомыхъ: Collectio insectorim provinciae Mosquensis, которая заставила профессора Фишера взять его съ собой какъ спутника въ одной экскурсіи съ научной цѣлью по Московской губерніи. Но онъ изучалъ не только естественныя науки, а главнымъ образомъ языкъ, древняя письменность и рукописные памятники были съ раннихъ лѣтъ любимымъ предметомъ его занятій. Въ 1809 году, по окончаніи университета, получивъ мѣсто учителя въ одной московской гимназіи, онъ завелъ знакомство съ выдающимися тогдашними представителями русской историко-филологической науки, какъ напр., съ проф. Тимковскимъ, онъ бывалъ у Карамзина, состоялъ членомъ различныхъ обществъ. Въ 1812 и 1813 годахъ участвуя въ войнѣ противъ французовъ, онъ воспользовался случаемъ пребыванія въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, чтобы познакомиться съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ и польскимъ языкомъ. Въ Москвѣ въ то время сгорѣлъ его родительскій домъ и съ нимъ его собственная библіотека. Возвратившись домой, безъ средствъ, онъ получилъ небольшое пособіе отъ университета съ обязательствомъ читать лекціи по русской словесности, но главнымъ его занятіемъ были прилежныя разысканія памятниковъ древней письменности по рукописямъ синодальной библіотеки. Изъ этой приготовительной работы возникли потомъ его древніе русскіе памятники двѣнадцатаго столѣтія и его Іоаннъ екзархъ болгарскій. Еще и прежде онъ ознаменовалъ себя рядомъ статей, посвященныхъ отдѣльнымъ вопросамъ въ Вѣстникѣ Европы, гдѣ онъ напечаталъ между прочимъ свои замѣчанія на объясненія двухъ грамотъ, сдѣланныя Хр. Шлецеромъ, (1812, ч. 61, № 3), о первомъ московскомъ

типографщикѣ Іо. Ѳедоровѣ (1813, ч. 71, № 18 съ указаніями библіографическими и прибавленіемъ подъ 1822 г., ч. 123, № 11), объ ученыхъ трудахъ митрополита Кипріана (1813, ч. 72, № 23, въ частности объ авторѣ степенной книги), о Бантышѣ-Каменскомъ (1814, ч. 74, № 6), исторію котораго онъ напечаталъ по порученію сына въ 1822 году, о трудахъ Швайпольта Феоля (1819), статья озаглавлена у него «О Святополкѣ Фіолѣ краковскомъ типографщикѣ, первомъ издателѣ книгъ церковно-славянскихъ» (ч. 106, № 14) — это собственно извлеченіе изъ Бандтке, но ч. 107 № 18 въ «дополнительныхъ свѣдѣніяхъ» типографщикъ названъ уже правильно Швайпольтъ и подробно описанъ часословъ 1491 года, оказавшійся въ библіотекѣ графа Ѳ. А. Толстого. Далѣе онъ напечаталъ въ В. Евр. о трудахъ профессора Тимковскаго (1820, ч. 110, № 6), «о слав. переводѣ кормчей и древнѣйшемъ оной спискѣ» (ib. № 5), гдѣ приводятся доказательства, что слав. переводъ былъ происхожденія южно-славянскаго. Въ «Русскихъ достопамятностяхъ» онъ напечаталъ въ 1-ой части (1815) много важныхъ текстовъ древне-русской письменности. Занятія въ синодальной и другихъ библіотекахъ московскихъ наталкивали его на множество важныхъ памятниковъ, на которые онъ первый указывалъ (напр., въ 1813 г. онъ нашелъ апостолъ 1307 года, въ 1814 г. евангеліе 1144 года, въ 1815 году сочиненія Іоанна екзарха: Небеса, Шестодневъ, и т. д.). Въ 1815 году произошла въ его жизни какая-то роковая катастрофа (въ городѣ Владимірѣ?), прекратившая его дальнѣйшую служебную карьеру. Въ избѣжаніе другихъ непріятностей онъ былъ помѣщенъ въ домъ умалишенныхъ, потомъ въ монастырь на покаяніе. Возвратившись въ Москву онъ представилъ въ Общество Любит. росск. словесности «Опытъ рѣшенія вопроса, на какомъ языкѣ писана пѣснь о полку Игоря» (напеч. въ «Трудахъ» 1818 г., ч. XI, стр. 3—32), гдѣ несмотря на неудовлетворительность результатовъ внимательное изслѣдованіе языка произвело благопріятное вліяніе и обратило вновь на него вниманіе. На дѣлѣ онъ нашелъ тогда покровителя въ графѣ Румянцевѣ, дававшемъ ему различныя порученія, напр., объѣзжать и описывать монастыри. И во время одной такой поѣздки въ 1817 году онъ открылъ въ новоіерусалимскомъ монастырѣ Изборникъ Святослава 1073 года, который графъ Румянцевъ собирался уже тогда издать. Какъ жаль, что не дошло до этого! Точный списокъ съ подлинника хранится, какъ извѣстно по описанію Востокова, и теперь еще въ Румянцевскомъ музеѣ (описанъ Мазингомъ въ VIII томѣ моего журнала Arch. f. sl. Philologie). Познакомившись въ Калугѣ съ Якубовичемъ, издавшимъ еще въ 1804 году неполнымъ изданіемъ «Древнія русскія стихотворенія», онъ получилъ теперь (1816) подлинную

рукопись, которая въ 1818 вновь напечатана на средства графа Румянцева въ прекрасномъ изданіи подъ редакціею Калайдовича: «Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ и вторично изданныя съ прибавленіемъ 35 пѣсень и сказокъ доселѣ неизвѣстныхъ» Москва 1818. 4⁰. (Существуетъ какъ извѣстно теперь уже новое изданіе). Удачное исполненіе этой задачи внушило графу Румянцеву довѣріе къ Калайдовичу. Онъ готовъ былъ издать подъ редакціей его Новгородскую синодальную лѣтопись, но и это не было исполнено; зато онъ заставилъ его издать въ 1821 году собранные въ рукописяхъ синодальной библіотеки «Памятники Россійской словесности XII вѣка», главное содержаніе которыхъ представляютъ сочиненія Кирилла Туровскаго (прибавлены также замѣчательные «вопросы Кирика», «слово» Данила Заточника и др.). Кромѣ того Калайдовичъ принималъ участіе въ изданіи 2-го и слѣдующихъ томовъ Государственныхъ грамотъ (1819 и сл.), а вмѣстѣ съ Строевымъ въ теченіе трехъ лѣтъ работалъ надъ описаніемъ рукописей графа Толстого, которое въ одномъ объемистомъ томѣ (8⁰ LXVII. 811) вышло въ 1825 году подъ заглавіемъ: «Обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей хранящихся въ Москвѣ въ библіотекѣ графа Ѳедора Андреевича Толстова. Издали К. Калайдовичъ и П. Строевъ. Москва». Но главнымъ трудомъ его и дѣйствительно большой заслугой въ области древне-славянской письменности было великолѣпное изданіе Іоанна екзарха болгарскаго, начатое въ 1818 году, поконченное въ Москвѣ 1824. Трудъ этотъ, результатъ его многолѣтнихъ разысканій по рукописямъ синодальной библіотеки, — введеніе «о древнемъ церковномъ языкѣ славянскомъ» было уже въ 1822 году напечатано какъ особая статья въ «Трудахъ» Общества Люб. росс. словесности (ч. XXII), сл. тамъ же ч. XXIII отвѣтъ Калайдовича Капнисту относительно отношеній между церковно-славянскимъ и русскимъ языками — обогатилъ тогдашнія довольно скромныя свѣдѣнія по церковно-славянской письменности древнѣйшаго южно-славянскаго (болгарскаго) періода такимъ количествомъ новыхъ данныхъ, что даже знатоки въ родѣ Добровскаго пришли въ недоумѣніе. Добровскому показались всѣ эти открытія на столько новыми и неожиданными, что онъ еще въ 1825 выразилъ свою недовѣрчивость словами: Mir ist alles äusserst verdächtig» (Письма 513), а раньше изданія, узнавъ о немъ по наслышкѣ (1823), онъ писалъ Кеппену: «Kalajdowič mag sich mit seinem Exarch Iohann in Acht nehmen. Die Vorrede vor dem Buche Небеса ist mir sehr verdächtig» (668). Маститый представитель славяновѣдѣнія не могъ вполнѣ освоиться съ фактами, бывшими на лицо, даже тогда, когда написалъ отзывъ объ изданіи въ вѣнскихъ Jahrbücher d. Lit.

томъ 32, стр. 65—77 (1825). Онъ отнесся недовѣрчиво напр., къ царю Симеону и Іоанну екзарху, полагая что эти лица не IX—X столѣтія а позднѣйшаго времени; онъ полагалъ, что Шестодневъ и Дамаскиново богословіе не обнаруживаютъ одного переводчика, потому что оба текста сохранились въ различныхъ редакціяхъ, суть которыхъ ему еще не была понятна; онъ вѣрилъ въ дѣятельность слав. апостоловъ въ Болгаріи раньше чѣмъ въ Моравіи, поэтому конечно отвергалъ мнѣніе Калайдовича, будто бы церковно-славянскій языкъ былъ нарѣчіемъ древнихъ моравaнъ. Румянцевъ, получивъ первый экземпляръ изданія, былъ въ восторгѣ, благодарилъ Калайдовича и прочилъ ему видное мѣсто въ исторіи славянской науки. Ближайшими экземплярами онъ хотѣлъ обрадовать Евгенія и Добровскаго. Отзывы получались со всѣхъ сторонъ самые лестные. Дѣйствительно авторъ внесъ своимъ изслѣдованіемъ сразу въ исторію церковно-славянской литературы такой богатый вкладъ, что имя Калайдовича не забудется. Его неутомимость въ отыскиваніи матеріаловъ и добросовѣстность въ точной передачѣ ихъ путемъ печати заслуживаетъ и теперь еще всякого признанія. Кажется, это послѣднее качество у него осталось отъ занятій естественными науками въ ранней молодости. Вопросовъ чисто филологическихъ онъ мало касался и хорошо дѣлалъ, не имѣя для этого научной подготовки. Въ этомъ отношеніи нельзя его сравнивать конечно ни съ Добровскимъ ни съ Востоковымъ, скорѣе съ Евгеніемъ. Доказательствомъ можетъ служить вышеупомянутая статейка «о славянскомъ переводѣ Кормчей», гдѣ имѣется нѣсколько неудачныхъ соображеній этимологическихъ. Напротивъ очень кстати было его рѣшеніе, послѣ оконченныхъ занятій по изданію Іоанна екзарха, посвятить себя цѣликомъ описанію синодальныхъ рукописей. Къ сожалѣнію въ этомъ предпріятіи ему не повезло, такъ же какъ потомъ и Ундольскому: мѣшали предразсудки и сословная нетерпимость. Въ 1825 году онъ могъ похвалиться, что описалъ уже 58 рукописей, но въ 1826 году скончался его покровитель графъ Румянцевъ и дальнѣйшія занятія этимъ полезнымъ дѣломъ прекратились. Уже въ 1828 году появились у него первые признаки душевнаго разстройства, которое кончилось смертью послѣдовавшей въ 1832 году.

Упоминаемый рядомъ съ Калайдовичемъ Павелъ Мих. Строевъ (1796—1876) принималъ сначала по порученію графа Румянцева участіе въ розыскахъ древнихъ рукописныхъ памятниковъ по монастырскимъ библіотекамъ, напр., въ Волоколамскомъ, Новоіерусалимскомъ, Звенигородскомъ, Боровскомъ монастыряхъ (въ 1817. 1818. 1820 г.). Сдѣланное Строевымъ описаніе вышло въ 1891 г. подъ редакціей Н. Барсукова какъ № XCVIII изданій Общества Люб. Др. Письменности подъ общимъ загла-

віемъ: «Павелъ Строевъ. Описаніе рукописей». Еще въ 1842 г. Сахаровъ напечаталъ описаніе рукописей Воскресенскаго монастыря, именуемаго Новый Іерусалимъ, не упомянувъ имени автора, въ изданіи: Русскіе древніе памятники. Спбгъ 1842, вып. I. По порученію графа Румянцева Строевъ занялся изданіемъ такъ называемой Софійской лѣтописи, первая часть которой вышла въ 1820 году подъ заглавіемъ «Софійскій Временникъ. Издалъ П. Строевъ. Москва. 8°. XXVIII. 456, вторая ч. въ 1821 г., 8°. VII. 495. Склонность къ библіографическимъ разысканіямъ засвидѣтельствовалъ П. Строевъ описаніемъ рукописей графа Ѳ. А. Толстого, первый томъ котораго изданъ вмѣстѣ съ Калайдовичемъ (см. выше стр. 169), но Прибавленія къ этому описанію упоминаютъ уже одного Строева какъ редактора (I-ое 1825, II-ое 1827). Въ 1829 году вышло его Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и россійскихъ того же Толстовскаго собранія. Лѣтъ двадцать спустя (1848) имъ же разобраны и описаны «Рукописи славянскія и россійскія, принадлежащія Ивану Никитичу Царскому» (Собраніе это теперь собственность семьи графовъ Уваровыхъ въ Москвѣ и Порѣчьѣ, описанное вновь и вполнѣ архимандритомъ Леонидомъ). Въ концѣ двадцатыхъ годовъ Строевъ предпринялъ археографическое путешествіе по Россіи, по плану представленному черезъ графа Уварова въ Академію Наукъ и ею одобренному (по отзыву историка Круга). Онъ поѣхалъ весной 1829 г. изъ Москвы на сѣверъ, въ Архангельскую губернію, потомъ въ Вологду; въ слѣдующемъ году онъ былъ въ Кириллово-Бѣлозерскомъ монастырѣ, въ Костромѣ, Ярославлѣ, Тихвинѣ. Въ 1831 г. продолжалось разыскиваніе съ посѣщенія Троице-Сергіевской лавры и прочихъ монастырей Московской епархіи. Въ 1832 г. онъ работалъ сначала въ Московскихъ библіотекахъ, потомъ поѣхалъ съ Бередниковымъ въ Новгородъ, Псковъ и Тверь. Въ 1833 экспедиція навѣстила губерніи Владимірскую, Нижегородскую, Казанскую, Пермскую и Вятскую. На этотъ разъ онъ былъ также на Соловкахъ. Какъ результатъ этихъ розысковъ, обогатившихъ русскую исторіографію громаднымъ матеріаломъ рукописныхъ памятниковъ, была въ 1834 году учреждена Археографическая Коммисія въ Петербургѣ, завѣдываніе которой было однакожъ поручено не Строеву, а одному высокопоставленному бюрократу — Ширинскому-Шахматову. Строевъ воспользовался богатствомъ данныхъ, собранныхъ во время упомянутыхъ экспедицій, для составленія библіографическаго словаря, который начатъ въ 1835 году, но не оконченъ. Изъ сохранившихся въ академіи матеріаловъ покойный академикъ А. Ѳ. Бычковъ приготовилъ уже послѣ смерти Строева и издалъ въ 1882 г. «Библіографическій словарь и черновые

къ нему матеріалы П. М. Строева, 8⁰ 532 (въ Сборникѣ Отдѣл. русск. яз. и слов. т. XXIX и какъ приложеніе 2-ое къ 41 тому «Записокъ» Имп. Акад. Н.).

Въ Петербургѣ группировался кругъ ученыхъ или любителей изслѣдованій, вращавшихся въ области русскаго языка, главнымъ образомъ около Ал. Шишкова, сначала члена, а потомъ (съ 1813 года) президента Россійской академіи. О полемикѣ его съ приверженцами новаго направленія, карамзинскаго, въ русской литературѣ была уже рѣчь выше. Когда онъ выступилъ въ защиту церковно-славянскаго языка въ русской литературѣ, въ извѣстномъ своемъ «Разсужденіи», (1803) у него явилось желаніе собирать матеріалъ для словаря. Этотъ небольшого объема матеріалъ долженъ былъ явиться въ 3 части «Сочиненій и переводовъ» 1808, но произошли недоразумѣнія, о которыхъ самъ Шишковъ подробно разсказываетъ во II томѣ изданныхъ 1870 въ Берлинѣ (подъ редакціей Н. Киселева и И. Ю. Самарина) «Записокъ, мнѣній и переписки адмирала А. С. Шишкова» на стр. 1—42. Потомъ «Опытъ славенскаго словаря» сталъ выходить по частямъ въ «Извѣстіяхъ» ч. 1. 2. 3. 4 и 7. Шишковъ преслѣдовалъ очень высокія цѣли, онъ хотѣлъ прославить себя освѣщеніемъ русскаго языка въ связи съ родственными славянскими и касался даже общихъ вопросовъ о происхожденіи первоначальнаго языка и развѣтвленіи его въ существующее въ мірѣ разнообразіе языковъ. Главнымъ, чуть ли не единственнымъ источникомъ всѣхъ языковъ у него было, какъ и у многихъ тогдашнихъ лингвистовъ, звукоподражаніе. Объ этомъ онъ написалъ статью еще въ 1805 году (въ I книжкѣ «Сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ Россійскою академіею», 245—261). Этому убѣжденію онъ не измѣнилъ въ своемъ «Опытѣ разсужденія о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ, основанномъ на изслѣдованіи оныхъ» (въ Извѣстіяхъ Россійской Академіи, книжка пятая, 1817). Здѣсь развертывается картина первоначальныхъ усилій языка, какъ изъ *а е и о у* вышли *ба*, *ма*, *на*, *та* и пр., потомъ изъ повторенія произошли уже настоящія имена *баба*, *мама*, *няня*, *тятя*. Природа служила человѣку учительницей; вслушиваясь въ различные звуки ея онъ старался подражать имъ: *куку*, *кукушка*, изъ *чу*, *грр*, *трр* вышли: *чую*, *чухать*, *чутье*, *громъ*, *гремѣть*, *гремушка*, *трескъ*, *трещать*, *трещотка* и т. д. Какъ же объясняется существующее нынѣ различіе? «Сіе происходитъ отъ того, что человѣческій голосъ удобно измѣняется на множество звуковъ; переходя изъ устъ въ уста слово мало по-малу портится произношеніемъ, сокращеніемъ, прибавленіемъ» и т. д. Такимъ образомъ Шишковъ доказалъ что славянское *отецъ* и французское *père* одного происхожденія изъ *at*, *ata* (стр. 12—13)! Такимъ же способомъ объясняются и другія слова родственныхъ отношеній

и онъ доходитъ до результата, что «Еврей, Грекъ, Славенинъ, Французъ, Нѣмецъ, Лапланецъ, Турка, Японецъ, Камчадалъ, словомъ всѣ безъ изъятія народы, при всей разности языковъ ихъ, говорятъ въ нѣкоторомъ смыслѣ первобытнымъ языкомъ» (стр. 24)! Въ доказательство, какъ языки видоизмѣнялись, Шишковъ беретъ «Сравненіе крайнскаго нарѣчія съ Россійскимъ, взятымъ собственно за славенскій языкъ». Сначала перечисляются слова въ обоихъ языкахъ по звукамъ и знаменованію тожественныя (23—29), потомъ на очереди «разности» такого рода, какъ напр. sit—сытъ, vira—вѣра (Шишковъ не зналъ, что слов. vera еще ближе), drevu — древо, lash (т. е. laž)—ложь, roka—рука, urata—врата (Шишковъ не зналъ, что собственно u̥ = v), wogat — богатъ (такихъ недоразумѣній, гдѣ латинская буква b у него передается черезъ w, еще нѣсколько), и т. д.; всѣхъ разностей у него выходитъ 16 группъ, всѣ онѣ подобраны безъ малѣйшей попытки вникнуть въ законы звукового соотвѣтствія или же различить суффиксы и окончанія отъ корней. Дальнѣйшія статьи стараются представить богатство словообразовательныхъ измѣненій, авторъ для примѣра беретъ видоизмѣненія одного корня, какъ -вѣщ-, -вѣт-, -вѣст-, даже -бѣщ-; но отношеніе этихъ -вѣщ-, -вѣт-, -вѣст- у Шишкова не выяснено, поэтому онъ не стѣснялся включить подъ тотъ же корень даже такія слова какъ с-вѣт-лый, с-вятый, ц-вѣтъ, и считать принадлежащимъ сюда также вѣд-аю и т. д., вид-ѣть и т. д., изъ латинскаго же языка кромѣ vates присовокупляются еще всѣ возможныя словообразованія съ fat-, vet-, voc-, vit-, vid-. Въ томъ же направленіи разбирается богатое развѣтвленіе корней мал-, pin-, гдѣ опять мал-ый, мель-ница, мел-кій, мал-ина идутъ подъ одинъ корень, видоизмѣненіемъ котораго считается еще мен-ѣе, миз-инецъ и т. д.; къ pin- принадлежатъ по Шишкову pin-so, pul-so, pugn-o, pun-go, s-pic-are, pon-ere, poen-a. Съ усердіемъ, заслуживавшимъ лучшей участи, Шишковъ продолжалъ свои механическія, въ сущности лишь на внѣшнемъ обликѣ словъ останавливающіяся этимологическія сопоставленія. Они сдѣланы доступными даже иностранной публикѣ въ нѣмецкомъ переводѣ: «Untersuchungen über die Sprache» I ч. 1826, II ч. 1827, III ч. 1837. Нѣсколько примѣровъ для характеристики словопроизводства Шишкова приведено у Сухомлинова въ Исторіи рос. акад. VII. 207—213. Еще въ 1830 году онъ напечаталъ какъ образецъ своихъ этимологическихъ увлеченій (въ Повременномъ изданіи Рос. академіи 1830, ч. II) статейку подъ заглавіемъ «Собраніе языковъ и нарѣчій съ примѣчаніями на оныя», гдѣ онъ старался сблизить слова *богъ* и *небо* и т. д. Добровскій познакомился съ Шишковымъ лично въ 1813 году (Переп. 353), они говорили объ этимологіи и объ орѳографіи, но

взгляды ихъ далеко расходились, поэтому и неудивительно, что Добровскій еще въ 1826 году отозвался о разсужденіяхъ этимологическихъ Шишкова (въ письмѣ къ Кеппену) вполнѣ справедливо такъ: «Von Schischkow Wurzelsystem ist nichts erspriessliches zu erwarten» (Переп. 679). Нѣсколько выше ставилъ онъ объясненія Шишкова къ «Слову о полку Игоревѣ» (1805).

Самолюбивому Шишкову, обмѣнявшемуся нѣсколькими письмами съ Добровскимъ (сл. Записки адм. Шишкова II. 370—380), лучше понравился, должно быть, молодой Ганка, сумѣвшій польстить ему. Поэтому онъ издалъ въ подлинникѣ вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ и примѣчаніями «Рукопись Кралодворскую, собраніе лирико-эпическихъ народныхъ пѣснопѣній (въ «Извѣстіяхъ» кн. 8, 1820 г., стр. 47—215). Въ 1821 году, въ 9-ой книжкѣ Извѣстій, онъ извлекъ изъ сочиненія Раковецкаго текстъ «Любушина Суда», перевелъ его на русскій языкъ, прибавивъ свои примѣчанія, въ которыхъ не ускользнуло отъ его вниманія нѣкоторое сходство этого подлога съ Словомъ о полку Игоревѣ, только Шишковъ не былъ въ состояніи догадаться о подлогѣ. Въ доказательство смутныхъ понятій Шишкова о всѣхъ вопросахъ лингвистическихъ можемъ указать на рѣшеніе его обогатить русскую науку переводами такихъ некритическихъ статей какъ Аппендини «О сходствѣ языка древнихъ народовъ Малой Азіи съ языкомъ древнихъ и новыхъ народовъ ѳракійскихъ и иллирійскихъ» (въ «Повременномъ изданіи» Россійской академіи). Въ подлинникѣ эта статья напечатана на итальянскомъ языкѣ въ 1810 г. въ введеніи къ Итальянско-иллирско-латинской части словаря Іоахима Стулли.

Не желая отказать Шишкову въ заслугѣ въ пользу русскаго языка, укажемъ на наблюденія его надъ синонимическими тонкостями русскаго языка, но и тутъ онъ всегда присоединялъ къ русскому также церковно-славянскій языкъ. Уже въ 1806 онъ написалъ статью «О сословахъ», а въ 1810 году онъ прочелъ рѣчь «о краснорѣчіи священнаго писанія и о томъ въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и сила Россійскаго языка» (СПбгъ 1811, 8° 2+11+2). Если въ доказательство самостоятельности русскаго языка и его превосходства передъ французскимъ приводится въ видѣ примѣра также слово *цѣломудріе* въ сравненіи съ французскимъ chasteté (Keuschheit), то Шишковъ забылъ или не зналъ, что славянское *цѣломудріе* представляетъ буквальный и довольно неудачный переводъ греческаго σωφροσύνη. Признанія достойно также усердіе его относительно словаря славянскихъ нарѣчій, при чемъ онъ указывалъ на возможное содѣйствіе западно-славянскихъ ученыхъ. Но объ этомъ рѣчь впереди. Стараніемъ его пріобрѣла Россійская академія еще въ 1818 какой-то иллирско-латинскій словарь, сочиненіе рукописное подъ заглавіемъ «Glossarium illyricum», со-

ставленное (или списанное) между годами 1766 и 1769, о которомъ упоминается у Булича на стр. 1181—2. Составитель словаря былъ по видимому знакомъ съ восточными языками, но это не былъ извѣстный оріенталистъ Нибуръ, имя котораго упоминается въ заглавіи.

Къ Шишковскому кружку и направленію можно между прочими причислить Николая Греча, автора русской грамматики (въ нѣсколькихъ видахъ) и исторіи русской литературы. Еще въ 1811 году онъ написалъ книжечку «Опытъ о русскихъ спряженіяхъ», въ которой онъ по словамъ Булича (Ист. языкозн. въ Рос. 1010) главное заимствовалъ изъ грамматики А. В. Таппе (Neue theoretisch-praktische russische Sprachlehre für Deutsche. S.-Petersburg und Riga 1810, 8° XII. 268; еще много другихъ изданій, сл. оцѣнку этой грамматики у Булича 733—738). Въ 1822 году вышла книга Греча «Опытъ краткой исторіи русской литературы», которую Линде перевелъ на польскій языкъ. По выраженію А. Пыпина это было скорѣе собраніе послужныхъ списковъ чѣмъ исторія. Въ томъ же году онъ заявилъ въ Вольномъ обществѣ любителей россійской словесности, что онъ уже 17 лѣтъ постоянно трудится надъ составленіемъ Россійской грамматики, которую желалъ бы по частямъ представлять въ Общество на обсужденіе. Грамматика его вышла впервые въ 1827 году въ двухъ видахъ, подъ заглавіемъ: Практ. русская грамматика, и Пространная русская грамматика. Томъ I. 1827, 8° XVI. 386. (2-ое изд. 1830). Гротъ, сказавшій про Греча, что онъ въ сущности никогда не былъ изслѣдователемъ языка, отозвался о немъ въ своихъ Разысканіяхъ II. 73. 249 и сл. довольно неблагопріятно. Н. Гречъ написалъ, лучше сказать собралъ свои разбросанныя статьи въ 1840 году въ одно изданіе въ двухъ частяхъ: «Чтенія о русскомъ языкѣ», отзывъ Востокова въ десятомъ присужденіи премій Демидовскихъ или же еще подробнѣе у Сухомлинова въ VII томѣ Ист. рос. акад. 341—350. О другихъ трудахъ въ русской литературѣ по славяно-русскому языковѣдѣнію въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX стол. сл. у Булича 525—618, 947—1060.

Изъ иностранныхъ ученыхъ, дѣйствовавшихъ въ пользу славяно-русской филологіи, хотя бы не на русскомъ языкѣ, вспомнимъ прежде всего о бывшемъ академикѣ Филиппѣ Кругѣ. Происхожденіемъ изъ Германіи (род. въ Галле 1764) онъ попалъ сначала въ качествѣ воспитателя въ домъ одного польскаго полковника въ юго-западной Россіи, потомъ въ 1794 г. въ Москву. Изъ любителя общей нумизматики онъ вскорѣ вышелъ нумизматомъ русскимъ и вообще любителемъ русской старины. Въ 1803 онъ пріѣхалъ на время въ Петербургъ, но остался здѣсь въ эрмитажѣ при нумизматическомъ отдѣлѣ и вскорѣ былъ избранъ въ члены Импер. академіи наукъ на каѳедру русской

исторіи. Нумизматическое его сочиненіе вышло въ 1805 году: «Zur Münzkunde Russlands», въ русскомъ переводѣ 1807: «Критическія разысканія о древнихъ русскихъ монетахъ»; потомъ же онъ посвятилъ себя изслѣдованіямъ историческимъ византійско-русскимъ. Въ 1810 году онъ издалъ свой главный трудъ: «Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands» (8⁰. XVI. 326). Критическая оцѣнка обоихъ этихъ сочиненій Круга представлена А. А. Куникомъ въ введеніи къ приготовленному имъ же изданію собранныхъ изслѣдованій Круга, подъ заглавіемъ: «Forschungen in der älteren Geschichte Russlands von Philipp Krug. St. Petersburg 1848», въ двухъ томахъ. Тутъ собраны статьи Круга, относящіяся къ древнѣйшей русской исторіи, съ нѣкоторыми филологическими экскурсами.

Къ Россіи въ широкомъ значеніи можно причислить еще дѣятельность нѣмецкихъ профессоровъ дерптскаго университета, хотя они, по справедливому замѣчанію одного изъ ученыхъ, принявшихъ участіе въ славянской наукѣ, находились въ болѣе близкихъ сношеніяхъ съ Германіей, чѣмъ съ Россіей. Только въ юридическомъ факультетѣ фактическія потребности преподаванія русскаго права вызвали также научные вопросы, соприкасающіеся съ русской и славянской филологіей. Къ числу такихъ представителей, включившихъ въ кругъ своихъ ученыхъ занятій историческія изслѣдованія по русскому праву, принадлежитъ Эверсъ (Johann Filipp Gustav Ewers), 1781—1830, кончившій свое университетское образованіе въ Геттингенѣ подъ руководствомъ Геерена и Шлёцера и пріѣхавшій въ 1803 году въ Россію. Онъ получилъ въ 1810 профессуру въ Дерптскомъ университетѣ, сначала русской исторіи и статистики, потомъ (1826) исторіи русскаго права. Уже въ 1808 году онъ написалъ «Vom Ursprung des russischen Staates» (Riga und Leipzig), въ 1814 году вышли въ Дерптѣ его «Kritische Vorarbeiten zur Geschichte des russischen Staates», въ русскомъ переводѣ М. Погодина: «Предварительныя крит. изслѣдованія для росс. исторіи» 1826. Гораздо важнѣе его «Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwikkelung dargestellt». Dorpat 1826 (русскій переводъ Ив. Платонова въ 1835 г.). Онъ же издавалъ «Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands (Dorpat 1830).

Русско-славянскимъ правомъ занимался также Рейцъ (Reutz), бывшій профессоръ дерптскій. Кромѣ сочиненія «Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechtsverfassung» (Mittau 1829), обращаютъ на себя вниманіе его изслѣдованія о правахъ городовъ и общинъ Далмаціи. Уже въ 1832 году въ одномъ письмѣ Рейца Мацѣевскому авторъ

хвалится, что онъ въ бытность свою въ Венеціи и въ Далмаціи, собралъ много замѣчательныхъ матеріаловъ, а въ началѣ 1833 года возвращаясь къ тому же предмету онъ говоритъ, что его изслѣдованія были сосредоточены на муниципальныхъ правахъ далматинскихъ городовъ, не чуждыхъ правда вліянія иностраннаго, но все же основанныхъ на славянскихъ правовыхъ воззрѣніяхъ. Къ сожалѣнію древнѣйшіе статуты этихъ общинъ не сохранились, а только позднѣйшія переработки, въ которыхъ уже отражается чужое вліяніе, но все-таки древній фонъ еще виденъ. Ученый авторъ жаловался только на правленія этими славянскими странами, прежде венеціанское, потомъ французское и австрійское, соперничавшія между собою въ истребленіи древняго и насажденіи своего новаго строя, однакожъ и этимъ славянскій характеръ народа еще не уничтоженъ (сл. Чтенія Имп. общ. ист. и древн. росс. Москва 1901, кн. I: Изъ переписки В. А. Мацѣевскаго, сообщ. В. А. Францевъ, стр. 5—7). Рейцъ напечаталъ въ Dorpater Jahrbücher 1833: Die freien Landgemeinden von Zernogora, Poglizza und andere. Ein Beitrag zur Kenntniss des südlichen Slavenstammes. Главное же сочиненіе его вышло въ 1841 г. въ Дерптѣ подъ заглавіемъ: Verfassungs- und Rechtszustand der dalmatinischen Küstenstädte und Inseln im Mittelalter (русскій переводъ въ Историческомъ сборникѣ Валуева I. 1845).

Познакомивъ читателя съ состояніемъ славянской науки въ Польшѣ и Россіи въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX стол., въ тѣ годы когда въ Чехіи дѣйствовалъ уже Добровскій, прибавимъ еще нѣсколько словъ относительно южныхъ славянъ, насколько не было еще сказано выше. Настоящаго національнаго объединенія даже въ тѣхъ размѣрахъ, какіе потомъ развились въ смыслѣ четырехъ культурныхъ центровъ, словенскаго, хорватскаго, сербскаго, болгарскаго, тогда еще не было. Словенцевъ Штиріи и Каринтіи тогда еще не привлекала Любляна къ себѣ, ограничивавшаяся ролью центра крайнскаго. Копитаръ отличавшійся уже въ ранней молодости широкими взглядами относительно словенскаго народа, не посмѣлъ еще назвать свою грамматику «Grammatik der slovenischen Sprache», онъ употребилъ общее, слишкомъ обширное названіе «Grammatik der slavischen Sprache». Объясненіе можно найти на страницѣ VI «Введенія» или въ Перепискѣ съ Добровскимъ на стр. 10. Въ своемъ введеніи онъ распространяется также о грамматической обработкѣ словенскаго языка. Кромѣ выше упомянутыхъ сочиненій (на стр. 55—6) заслуживаетъ вниманія замѣчательный лингвистическій талантъ словенца Поповича. Его «Untersuchungen vom Meere (Frankfurt und Leipzig 1750) поражаютъ множествомъ здравыхъ мыслей въ области языковѣдѣнія и географіи; онъ не только дорожилъ правильнымъ употре-

бленіемъ нѣмецкаго языка, защищая его права по отношенію къ господствовавшему тогда еще латинскому, но требовалъ также большой внимательности къ изученію славянскихъ языковъ. Онъ путешествовалъ очень много, любилъ естественныя науки и филологію, желалъ еще посѣтить южно-славянскія страны вплоть до Константинополя, для подробнаго изученія народныхъ славянскихъ говоровъ. Зная множество языковъ авторъ вдавался въ этимологическія сопоставленія, мало удачныя, потому что останавливался на внѣшнемъ созвучіи и любилъ привлекать также еврейскій языкъ. Напр., названіе германскаго божества Wodan онъ производилъ какъ dux itineris отъ глагола «wodim duco» (Zweite Untersuchung LXIX), Hemd сопоставлялъ съ ἱμάτιον, Wermut объяснялъ изъ wórm-wood: planta vermes educens и въ wood находилъ опять слав. глаголъ wodim и т. д. Зная теоретически кое-что о славянскихъ языкахъ, менѣе всего о русскомъ, онъ открывалъ различіе въ произношеніи между славянами (Slaven) и вендами (Wenden), причисляя къ первымъ поляковъ, чеховъ, моравaнъ, словаковъ, хорватовъ, далматовъ, боснійцевъ, рацовъ, болгаръ и славонцевъ, къ вендамъ же относя своихъ соотчичей (словенцевъ, die Windischen) и нѣмецкихъ вендовъ (лужичанъ). Не нужно доказывать, что это дѣленіе ни на чемъ не основано. Поповичъ былъ очень оригинальный человѣкъ, но лишенный средствъ для осуществленія своихъ плановъ, онъ не могъ или не умѣлъ привести въ порядокъ свои обширныя свѣдѣнія, доказательствомъ чему служитъ пестрое содержаніе его вышеупомянутаго сочиненія. Такая же неудача преслѣдовала Кумердея, написавшаго нѣчто въ родѣ сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, рукопись осталась ненапечатанной, теперь въ лицейской библіотекѣ въ Люблянѣ. Добровскій, путешествуя черезъ Люблjану въ 1794 г. (см. стр. 114), хотѣлъ навѣстить Кумердея, но не засталъ его. Онъ еще потомъ въ первыхъ письмахъ къ Копитару иногда вспоминалъ Кумердея и Япеля, написавшаго тоже какую-то неизданную грамматику. Оба они (т.-е. Кумердей и Япель) отозвались по воспоминаніямъ Цойса на воззваніе, сдѣланное по случаю изданія Сравнительнаго словаря импер. Екатерины, и прислали какой-то матеріалъ въ Петербургъ. Наконецъ и ожиданія, что Водникъ (1756—1819) издастъ словенскій словарь, не исполнились. Рукописный матеріалъ (нѣмецко-словенскаго словаря) состоялъ изъ 95 тетрадокъ, авторъ обѣщалъ къ 1813 году издать его, но это не осуществилось. Тетрадки попали потомъ въ руки Метелька, который уступилъ ихъ для употребленія при разработкѣ нѣмецко-словенскаго словаря, изданнаго подъ именемъ А. А. Вольфа (Deutsch-slovenisches Wörterbuch herausgegeben auf Kosten des... Fürstbischofes von Laibach Anton Alois Wolf, Laibach 1860, два тома), но редак-

торомъ словаря былъ М. Цигале. Водникъ напечаталъ было 15 іюля 1813 объявленіе на подписку (на 3 листахъ) подъ заглавіемъ: Deutsch-Windisch-Lateinisches Wörterbuch. Slovar némshko-slovénsko-latinski. Verfasset von Valentin Vodnik Professor des zweyten Jahres der Humanität am Lyzeo zu Laybach. Praenumeration auf den ersten Band. Авторъ указываетъ тутъ на прежнія объявленія въ Patriotisches Tagblatt von Brünn 11 авг. 1802, № 63, и на «Vorläufige Nachricht im Juni 1806» и обѣщаетъ втеченіе двухъ мѣсяцевъ начать печатаніе. Взгляды, здѣсь изложенные, вообще заслуживаютъ одобренія. Онъ считалъ въ то время нужнымъ оправдывать обозначеніе «slovenski», ссылаясь между прочимъ на примѣръ Трубера. Какъ сказано, этотъ словарь къ сожалѣнію не вышелъ, но Водникъ успѣлъ издать небольшую грамматику словенскаго языка (1811), о которой отзывъ Копитара не былъ благопріятенъ (Переписка 225—6). И попытка объясненія Фризингскихъ отрывковъ, сдѣланная имъ и доставленная Добровскому черезъ Копитара (Переп. 344—352), тоже не отличалась большимъ остроуміемъ.

Хорваты, т.-е. католическая часть сербско-хорватскаго племени, въ то время были еще по діалектическимъ разновидностямъ разъединены на три группы: во-первыхъ на такъ называемую хорватскую par excellence, обнимавшую духовную жизнь кайкавскихъ хорватовъ съ Загребомъ какъ центромъ. О значеніи этихъ хорватовъ существовало разногласіе между Добровскимъ и Копитаромъ. Оба они сознавали близкое родство ихъ по языку съ словенцами, но Добровскій желалъ расширить названіе хорватское также на словенцевъ, Копитаръ же зная, что настоящіе генетическіе хорваты примыкали ближе къ Адріатическому морю и къ Далмаціи, предпочиталъ тогдашнихъ хорватовъ причислять къ словенцамъ (См. Переписка 11. 44. 50 — 51. 62. 74. 80. 86. 87. 94 — 5. 97. 109. 111. 136. 184. 190. 193). Послѣ лексикальныхъ трудовъ Бѣлостѣнца и Ямбрешича (см. выше на стр. 56—58), вышло со второй половины XVIII-го стол. нѣсколько учебниковъ хорватскаго языка, между прочими въ 1783 «Einleitung zur Kroatischen Sprachlehre für Deutsche» (авторомъ былъ Игн. Сентъ-Мартонъ, см. у Шафарика Gesch. der südsl. Lit. II. 308), въ 1795 «Kroatische Sprachlehre... von Franz Kornig». О «Хорватской грамматикѣ» 1810 г., которую Шафарикъ приписывалъ Матьевичу (ib. 309), сл. отзывъ Копитара въ Kl. Schriften 42—47. Во время Добровскаго возлагались большія надежды на епископа Загребскаго Верховца (Переп. 138. 320. 328), сл. монографію: Maksimilijan Vrhovac (1752—1827), napisao Dr. Velimir Deželić, u Zagrebu 1904. 8° 217. Изъ второй группы, т.-е. славонскихъ, штокавскихъ грамматиковъ (съ і вм. ѣ) упоминанія достойны грамматическія на нѣмецкомъ языкѣ написанныя руководства Ла-

носовича и Рельковича, первая въ 1798, 1789, 1795, вторая въ 1767, 1774, 1789 гг. Добровскій зналъ лично Ланосовича (Переп. 108). Копитаръ разсказываетъ въ Kl. Schriften 14—15 о враждебныхъ отношеніяхъ между Ланосовичемъ и Стулли по поводу словаря послѣдняго. Этотъ словарь, несмотря на многіе недостатки или лучше сказать некритическія излишества его, представляетъ большой трудъ почтеннаго Дубровчанина Іоахима Стулли, въ шести объемистыхъ томахъ, въ трехъ частяхъ. Раньше другихъ была составлена латинско-итальянско-иллирская часть. Самъ авторъ разсказываетъ въ посвященіи императору Франциску (въ 1797 г.), что слишкомъ сорокъ лѣтъ работалъ надъ своимъ словаремъ, сначала дома въ Дубровникѣ, потомъ въ Римѣ и въ Венеціи, наконецъ въ Вѣнѣ и въ Будимѣ. По словамъ Шафарика онъ не только изъ печатныхъ источниковъ почерпалъ, а также путешествовалъ съ той же цѣлью (вѣрно ли это, не знаемъ). Извѣстно, что онъ не только въ Италіи искалъ издателя, а также обращался къ королю прусскому Фридриху II, пока наконецъ нашелъ пріютъ и матеріальную поддержку въ Вѣнѣ, рядомъ при трехъ императорахъ, Іосифѣ II, Леопольдѣ II и Францискѣ. Въ Вѣнѣ онъ прожилъ 12 лѣтъ, съ 1782 по 1794. Для осуществленія изданія онъ пользовался не только ежегодной денежной субсидіей, а была также назначена особая комиссія для составленія правилъ ороографическихъ и для обсужденія достоинства труда. Автору съ однимъ изъ цензоровъ его словаря не повезло. Это и былъ выше упомянутый Ланосовичъ, продержавшій рукопись у себя такъ долго, что Стулли сталъ опасаться потери своего труда или плагіата. Наконецъ съ трудомъ удалось ему вырвать словарь изъ рукъ Ланосовича и типографія будимская получила приказъ начать печатаніе. Съ этой цѣлью онъ поѣхалъ въ 1794 въ Будимъ, гдѣ первая часть словаря вышла въ 1801 году подъ заглавіемъ: Ioachimi Stulli Rhagusini, ordinis s. Francisci Seraphici Lexicon latino-italico-illyricum ditissimum ac locupletissimum, in quo adferuntur usitatiores, elegantiores, difficiliores earundem linguarum phrases, loquendi formulae ac proverbia. Budae, typis ac sumptibus typographiae regiae universitatis Pestanae. Томъ первый A—I, 4⁰ 800 страницъ; томъ второй L—Z, 810 стр. и еще Index 10 страницъ. Перечень источниковъ для «иллирійскихъ» или «словинскихъ» словъ очень богатъ и обширенъ, онъ свидѣтельствуетъ, что громадное большинство выраженій все-таки взято не изъ живого употребленія въ народѣ, а изъ книгъ, изъ сочиненій писателей, отчасти даже еще по рукописямъ. Въ перечнѣ попадаются и такія сочиненія съ содержаніемъ на церковнославянскомъ, русскомъ, польскомъ, чешскомъ языкахъ, которыхъ никто не ожидалъ бы. Но такова уже была некритическая точка зрѣнія дубровниц-

каго лексикографа, что онъ не стѣснялся вносить въ свой словарь также слова чужія, главнымъ образомъ русско-славянскія, напр., подъ словомъ advocatus между прочимъ приводится vinoslovec, подъ aedifico: grāxdati, ugrāxdati, подъ aequo: prjamiti, подъ aer: uzduh, vozduh, подъ avicula: pticska, подъ bene: dōbrje, подъ crudelis: bezsctadan, bezsctedar, подъ debitum: dolxnost, viplachivati, подъ ebrietas: braxnicsestvo, voztrezvljati se и т. д. Къ сожалѣнію богатый матеріалъ этого труда еще никѣмъ критически не разобранъ. Продолженіе словаря напечатано не въ Будимѣ, а въ Дубровникѣ, часть вторая, иллирско-итальянско-латинская въ 1806 году подъ заглавіемъ: Joakima Stulli Dubrocsanina svechenika reda s. Franceska Serafinskoga Rjecsoslòxje, u komu donosu se upotrebljenia, urednia, mucsnia, istieh jezika krasnoslovja nacsini, izgovaranja i prorjecsja. Томъ I, A — O, стр. 727; томъ II, P — Z стр. 674. Выгодное преимущество этой части словаря заключается въ томъ, что здѣсь довольно часто указаны источники, откуда взяты слова, напр., Lex. r. обозначаетъ слово русско-славянское, Br. gl. заимствованіе изъ глаголическаго часослова, и т. д. Третья и послѣдняя часть вышла въ 1810 году подъ заглавіемъ: Vocabolario italiano-illirico-latino del P. Gioacchino Stulli Raguseo de' minori osservanti, diviso in due tomi. Томъ I, A — I, стр. 838; томъ II, L—Z стр. 862. Эта часть по собственному признанію лексикографа напечатана на средства «duca di Ragusa» Augusto Marmont, которому она также посвящена. Несмотря на огромные недостатки и крупные промахи, погрѣшности и заблужденія, словарь Стулли все же остается до сихъ поръ самымъ замѣчательнымъ лексикографическимъ явленіемъ въ области «иллирскаго» литературнаго языка, но онъ уступаетъ, конечно, уже по идеѣ словарю Вука Караджича. Отзывъ Добровскаго о Стулли см. въ Перепискѣ 340. 421.

Съ словаремъ Стулли не можетъ сравниться въ объемѣ словарь Вольтиджи, изданный въ одномъ томѣ въ Вѣнѣ (8°. 33 непагинир., LIX. 710), въ 1803 году, стало быть нѣсколько раньше Стулли. Вольтиджи (Jose Voltiggi) по славянски собственно Вольтичь (Voltić), былъ родомъ истріанецъ (около 1750 † 1825), изучалъ среднія школы въ гимназіи Горицкой (Gorica-Gorizia-Görz), университетъ же (юридическія науки) въ Вѣнѣ (около 1777). Неудача преслѣдовала его на жизненномъ пути, онъ не могъ нигдѣ получить мѣста, о чемъ съ горькимъ разочарованіемъ разсказывалъ въ брошюрѣ, напечатанной въ 1789 году въ Вѣнѣ: «Lettere viennesi di Giuseppe Voltiggi». Въ качествѣ воспитателя и домашняго учителя онъ бѣдствовалъ въ Вѣнѣ, наконецъ посчастливилось ему давать уроки родного хорватскаго или же какъ тогда говорили, иллирскаго языка одному вліятельному и высокопоставлен-

ному лицу, барону Carnea-Steffaneo, который внушилъ ему мысль написать краткую грамматику и словарь этого языка и принялъ на свой счетъ расходы. Такимъ образомъ вышелъ въ 1803 году выше упомянутый словарь подъ заглавіемъ: Ricsoslovnik (Vocabolario-Wörterbuch) illiricskoga i nimacskoga jezika s jednom pridpostavljenom grammatikom illi pismenstvom. Sve ovo sabrano i sloxeno od Jose Voltiggi istrianina. U Becsu (Vienna) 1803. U pritesctenici Kurtsbecka. Въ статьѣ предшествующей на латинскомъ языкѣ въ видѣ предисловія, разсказывается «de Illyrico», между прочимъ о тогдашнемъ состояніи лексикографіи у славянъ вообще. Въ грамматикѣ онъ подражалъ образцу Делла Беллы (I — LIX). Самъ словарь не богатъ, уступаетъ Микальѣ и Делла Беллѣ, которыми авторъ пользовался рядомъ съ Бѣлостѣнцемъ и Ямбрешичемъ, но есть и слова имъ впервые внесенныя, напр., axdaja, arvaliscte, baschovan, berliak и т. д. Безъ послѣдовательности приводятся кайкавскія слова въ кайкавской же формѣ, напр., beljanek (лучше было бы belanjek), bridek, cepec, cigelj, descsica и т. д. Въ передачѣ словъ съ ѣ пишется и *e* и *i* и *je*: bexati-bjexati-bixati, ciriti se, civ-cjev, cepati-cjepati, ciditi-cjediti и т. д. Слоговое ꞅ̥ передается черезъ *ar* и *er*: carkva-cerkva, darvo-dervo, darhtati-derhtati и т. д. О словарѣ высказалъ уже давно свое мнѣніе Добровскій (Slovanka I. 224 — 6), онъ зналъ автора лично. Копитару казалась орѳографія, придуманная Вольтиджи, лучше обыкновенной того времени хорватской и далматинской, но самъ авторъ не нравился ему потому, что онъ давалъ въ отношеніи Истріи разумное предпочтеніе штокавскому нарѣчію передъ чакавскимъ, Копитаръ назвалъ его «ein Erzragusaner» (Переп. 160). Біографія Вольтиджи у Мильчетича въ «Spomencvieće iz hrvatskih i slovenskih dubrava (Zagreb 1900), стр. 403—416 и въ книжкѣ: Mirko Breyer, Prilozi k starijoj književnoj i kulturnoj povjesti hrvatskoj (Zagreb 1904), стр. 65—80.

Тому же представителю французскаго правленія въ Далмаціи «Augusto Marmont duca di Ragusa, in capo dell'armato francese della Dalmazia et Albania», приказомъ котораго была напечатана итальянско-иллирско-латинская часть словаря Стулли, посвятилъ также упомянутый уже въ нашемъ обозрѣніи Аппендини (Francesco Maria Appendini, см. выше. стр. 68) свою въ 1808 году въ Дубровникѣ напечатанную «Grammatica della lingua illyrica» 8°. XXIV. 336. Съ достойнымъ признанія уваженіемъ этотъ ученый итальянецъ говоритъ объ иллирскомъ языкѣ какъ объ одномъ изъ «dialetti primari» языка славянскаго, указавъ десятилѣтіями раньше Коллара на четыре главныя нарѣчія языка славянскаго: «il Russo, il Polacco, il Boemo e l'Illirico» (Prefazione IX). Между этими нарѣчіями ему казался «il dialetto Illirico, o Dal-

mato-Bosnese, il più perfetto di tutti» ib. Онъ отзывается съ восторгомъ о немъ и о писателяхъ дубровницкихъ, во главѣ которыхъ и у него стоитъ поэтъ «Османа». Перечисливъ лексикальныя пособія этого языка, онъ находилъ большіе пробѣлы только въ грамматической разработкѣ языка. Упоминаются и Богоричъ и Кашичъ и Делла Белла (авторомъ грамматики при его словарѣ 1728 года онъ считалъ по преданію Игнатія Гіорги) и Микалья — но ни одною изъ этихъ грамматикъ онъ не былъ вполнѣ доволенъ. Разумно говорится, что орѳографія должна итти рука объ руку съ установленіемъ прочнаго литературнаго языка, какимъ, по его мнѣнію, можетъ быть только языкъ Дубровника. На этомъ-то языкѣ основана грамматика Аппендини. Авторъ не отличался ни глубокомысліемъ ни наблюдательностью, хотя въ частностяхъ многія замѣчанія его вѣрны. Въ склоненіи и онъ нашелъ въ ед. числѣ шесть, во множ. ч. семь падежей. Замѣчательно что 7-ой падежъ мн. ч. пишется еще u vjetrieh, u vjetrīh, u dānieh, dnèvieh, dnèvīh, u gliūdieh, gliūdīh, u vrèmenieh, vrèmenīh, staddieh, stadīh, telèsieh-telèsīh, u vojvòdah и т. д. Кажется, тутъ не передается дѣйствительнаго произношенія его времени, а подражаніе образцамъ Делла Беллы, отъ котораго заимствованы также ударенія. Отзывъ Добровскаго о бредняхъ Аппендини по части слав. древностей былъ уже упомянутъ выше (стр. 68). Своимъ дикимъ этимологіямъ онъ остался вѣренъ до конца жизни. Копитаръ сообщалъ еще въ 1823 году Добровскому о пребываніи Аппендини черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Вѣнѣ, съ вѣрной характеристикой: полный доброй воли, но безъ (знанія) нѣмецкаго языка и литературы. Для него всѣ европейскіе языки — испорченные славянскіе, въ этомъ направленіи у него три тома въ рукописи закончены. Neptunus у него конечно: ne potone и т. д. (Переп. 494). Гораздо лучше, чѣмъ антикварныя и грамматическія изслѣдованія Аппендини, другой трудъ его, а именно его въ 1802—3 въ Дубровникѣ изданныя: Notizie istorico-critiche sulle antichità, storia e letteratura de'Ragusei. Два тома 4⁰, первый археологическаго и историческаго содержанія, второй (гораздо важнѣе) историко-литературнаго. Долгое время этотъ второй томъ служилъ главнымъ источникомъ для исторіи дубровницкой литературы. Насколько онъ при этомъ воспользовался сочиненіемъ Игнатія Гіорги, это еще не окончательно рѣшенный вопросъ. О заслугахъ Аппендини приготовилъ въ новѣйшее время для печати монографію др. Наджь (Nagy), одинъ изъ бывшихъ моихъ учениковъ, она пока еще не издана. Существуетъ также посмертный панегирикъ-некрологъ, изданный въ Дубровникѣ 1838 подъ заглавіемъ: A perpetua onoranza del Padre Franc. M. Appendini delle scuole pie direttore generale dei ginnasii della Dalmazia e del liceo-convitto

di Zara, изданный отъ его друзей и воспитанниковъ Дубровчанъ, біографію написалъ Антонъ Казначичъ.

У православныхъ сербовъ, не принимавшихъ участія въ духовной жизни своихъ католическихъ собратьевъ, поддерживалась въ теченіе послѣднихъ столѣтій духовная связь съ Россіею, то путемъ церковныхъ книгъ, получаемыхъ изъ Кіева и Москвы, то путемъ отдѣльныхъ лицъ, выѣзжавшихъ для духовнаго образованія въ Россію. Въ водвореніи православно-церковныхъ школъ у сербовъ южной Венгріи и Срѣма участвовали даже русскіе учителя, сл. объ этомъ поучительную статью П. Кулаковскаго: Начало русской школы у сербовъ, въ Извѣстіяхъ 1903 года, томъ VIII, кн. 2, 246—311, кн. 3, 190—297. Перечень сербовъ, пріѣзжавшихъ въ Кіевъ, составленъ проф. Петровымъ въ Извѣстіяхъ 1904 т. IX, кн. 4, 1—16. Къ числу воспитанниковъ Кіева и Москвы, прославившихся потомъ своей ученой дѣятельностью, принадлежитъ сербскій историкъ Іоаннъ Раичъ (см. біографію его у Дмитрія Руварца: Архимандрит Јован Раић, Карловци 1902). Раичъ (1726—1801) бывалъ въ Кіевѣ и Москвѣ, въ Константинополѣ и на Аѳонѣ. Онъ живо чувствовалъ потребность просвѣщенія для своего народа, но не всегда встрѣчалъ одобреніе со стороны своего начальства. Въ исторіи славяновѣдѣнія главное значеніе имѣетъ его еще въ 1768 году оконченная «Исторія разныхъ славянскихъ народовъ, наипаче Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ» (1794—5 въ IV томахъ въ Вѣнѣ, новымъ изданіемъ въ Будимѣ 1823, первая часть вышла также въ Петербургѣ въ 1795 г.). Трудъ этотъ замѣчателенъ, конечно, не сухостью изложенія, а богатствомъ источниковъ, авторомъ впервые принятыхъ въ соображеніе (сербскія лѣтописи, жизнеописанія Даніила). Сочиненіе Раича пользовалось не безъ основанія большимъ авторитетомъ, несмотря на неудобопонятность его языка. Вѣдь оно въ полномъ своемъ объемѣ съ одинаково широкими взглядами еще до сихъ поръ не замѣнено другимъ, лучшимъ, хотя по частямъ разные отдѣльные вопросы и періоды сербской исторіи разработаны исправнѣе. Раичъ отличался неутомимымъ усердіемъ въ списываніи различныхъ сочиненій, собственныхъ и чужихъ. Большая часть его рукописей хранится въ митрополичьей библіотекѣ въ Карловцахъ. Между прочимъ онъ перевелъ трудъ нѣмецкаго историка Л. А. Гебгарди: «Geschichte der Königreiche Servien, Rasscien, Bosnien und Rama» (1781), переводъ его вышелъ въ 1793 въ Вѣнѣ.

Въ то время у сербовъ господствовалъ въ литературѣ такъ называемый «славяно-сербскій» языкъ, т.-е. смѣсь церковно-славянскаго русской редакціи съ простонародными сербскими элементами. Но потребности культурной жизни

сербовъ, переѣхавшихъ въ теченіе послѣднихъ столѣтій, въ особенности въ концѣ XVII-го ст. подъ Чарноевичемъ, на территоріи Венгріи и Хорватіи, стали очень рано, т.-е. начиная съ самого начала XVIII-го столѣтія, указывать на простой народный языкъ, какъ средство для народнаго просвѣщенія. Писатели этого направленія сначала являлись лишь изрѣдка. Указываютъ на букварь 1717 года Кипріяна Рачанина, какъ на одно изъ первыхъ явленій этого рода. Нѣкто Гавріилъ Стефановичъ переводилъ много изъ южно-русской литературы (напримѣръ, изъ Лазаря Барановича) въ защиту православія «на просты єзыкъ србскій» или же «за селяне и просте люди». Къ сожалѣнію труды его остались неизданными (сл. статью Витковича въ сербскомъ «Гласникѣ» кн. 34). О другихъ предшественникахъ Вука скажемъ ниже. Раньше стоитъ на очереди тотъ представитель славянской науки, который рядомъ съ Добровскимъ стоялъ во главѣ австро-славянскаго филологическаго переворота и для всѣхъ южныхъ славянъ, въ особенности для возрожденія сербовъ имѣлъ выдающееся значеніе. Это же былъ Копитаръ.

ГЛАВА VIII.

Варволомей (Ерней) Копитаръ.

Источники для біографіи Копитара довольно многочисленны. Самая ранняя автобіографія, представленная еще въ 1808 году Добровскому, напечатана мною во II томѣ «Источниковъ» для исторіи славянской филологіи, стр. 309—312. То что напечатано въ Миклошичевой Slavische Bibliothek I (1851) стр. 1—18, предназначалось первоначально для Брокгаузова Conversationslexicon der Gegenwart 1839, März. Но тамъ сдѣлано изъ доставленной автобіографіи только извлеченіе съ критикой не совсѣмъ благопріятной (сл. Источники II. 323—326). Въ первоначальномъ видѣ автобіографія находилась еще въ 1846 году у Фессля, одного изъ послѣднихъ друзей Копитара. Д-ръ Легисъ-Глюкзелигъ воспользовался этимъ матеріаломъ для своихъ статей, напечатанныхъ въ Oesterreichische Blätter für Literatur und Kunst, Wien 1846, № 86—87, подъ заглавіемъ Kopitariana. Настоящая біографія, самая обширная того времени, написанная тѣмъ же Глюкзелигомъ, осталась тогда неизданной и напечатана мною во II томѣ «Источниковъ» 328—353. По даннымъ Глюкзелига составлена также біографія въ біографическомъ лексиконѣ Вурцбаха. На словенскомъ языкѣ написалъ Марнъ въ 18 выпускѣ своего повременнаго изданія «Jezičnik» (V Ljubljani 1880) обо-

зрѣніе главныхъ трудовъ Копитара (Jernej Kopitar) на стр. 1—36, и въ томъ же году вышла въ Люблянѣ «Kopitarjeva Spomenica» vredil Josip Marn, гдѣ имѣется обширная біографія написанная И. Навратиломъ (1—111). Но самый богатый источникъ для біографіи и оцѣнки ученой дѣятельности Копитара заключается въ его письмахъ, часть которыхъ уже издана въ первыхъ двухъ томахъ моихъ «Источниковъ», но и у проф. Менчика и у меня и въ Люблянѣ имѣются еще не изданные матеріалы. Издаваемая нынѣ въ Бѣлградѣ подъ редакціей Люб. Стояновича, переписка Вука Стеф. Караджича содержитъ въ I томѣ много до сихъ поръ неизвѣстныхъ писемъ Копитара, значеніе которыхъ анализируется въ статьѣ проф. Мурка въ люблянскомъ журналѣ «Zvon» 1908, № 5 и 6. Очень обширное, по всѣмъ изданнымъ и многимъ еще не использованнымъ матеріаламъ составленное сочиненіе представляетъ трудъ Н. Петровскаго: Первые годы дѣятельности В. Копитара. Казань 1906. 8⁰ XXIII. 757.

Копитаръ[1]) родился 23 (или по другимъ извѣстіямъ) 21 августа 1780 года, въ верхнекрайнской деревнѣ Репняхъ (имн. множ. ч. по словенски Repnje) отъ родителей крестьянскаго сословія. Дома прошелъ простонародную школу, въ 1790 году отецъ отправилъ его въ Любляну, въ городскую такъ называемую нормальную школу, изъ которой послѣ трехлѣтняго курса былъ прямой переходъ въ гимназію. Въ 1794 году, когда родители его скончались, онъ былъ уже въ гимназіи, во второмъ классѣ (Петровскій стр. 10 прим.), въ 1797 и 1798 онъ кончилъ такъ называемыя humaniora (пятый и шестой классы). Предстояло еще продолжать двухгодичный философскій курсъ, до окончанія котораго онъ уже въ 1799 году поступилъ въ домъ барона Цойса, своего будущаго благодѣтеля, въ качествѣ домашняго учителя для его племянника. Въ домѣ барона Цойса, центрѣ умственной жизни того времени въ Люблянѣ, онъ могъ продолжать свое образованіе, въ особенности по части новыхъ языковъ (итальянскаго, французскаго, отчасти также англійскаго, о чемъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ своемъ прошеніи 1809 года, Spomenica 125),—и естественныхъ наукъ (онъ наблюдалъ за по-

---

1) Словенцы пишутъ фамилію знаменитаго слависта Kopitar, съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ. Въ род. падежѣ словенскій языкъ скланяетъ Kopitarja и т. д., но въ русскомъ языкѣ рекомендуется оставить въ имен. падежѣ Копитаръ, стало быть въ родит. Копитара (не Копитарь-Копитаря). Эта форма подходитъ ближе къ европейскому правописанію фамиліи Kopitar, оставлена же безъ измѣненія и въ чешскомъ или польскомъ языкахъ, гдѣ не пишется ни Kopytář ни Kopitarz, а остается Kopitar. Что же касается имени Ерней, теперь уже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что оно соотвѣтствуетъ латинскому Irenaeus. Въ календаряхъ, судя по мѣсяцеслову архим. Сергія, упоминается муч. Ириней подъ 22, 23 и 24 авг., днемъ или двумя раньше Varѳоломея.

рядкомъ богатой минералогической коллекціи барона Цойса). Въ качествѣ секретаря барона Цойса онъ вскорѣ завелъ знакомства со всѣми представителями тогдашней интеллигенціи крайнской, навѣщавшей гостепріимный домъ Цойса. Изъ бесѣдъ съ ними онъ вошелъ въ интересы славянскаго возрожденія, занятія же минералогіей знакомили его съ методомъ объективнаго наблюденія явленій языка, хотя въ цѣлой личности его преобладалъ сильно развитой субъективизмъ. Съ 1800 по 1808 годъ онъ оставался у Цойса.—Уже въ 1806 году, по весьма вѣроятному указанію Петровскаго, стр. 36, онъ выступилъ въ Laibacher Zeitung съ маленькой статейкой о «Славинѣ» Добровскаго. У Цойса онъ познакомился съ главнымъ представителемъ тогдашнихъ еще очень скромныхъ литературныхъ стремленій словенцевъ — съ Валентиномъ Водникомъ, съ которымъ у него очень скоро вышло соревнованіе, вызванное отчасти несходствомъ характеровъ, отчасти случайными обстоятельствами. Молодому Копитару пришлось давать уроки словенскаго языка одной дамѣ (графинѣ Беллегарде). Побужденный этимъ обстоятельствомъ, онъ взялся за составленіе грамматики своего родного языка по-нѣмецки, опередивъ такимъ образомъ своего соперника Водника. Грамматика вышла въ 1808 году въ Люблянѣ, 8⁰. XLVIII, 460. Она представляетъ для своего времени и для молодого автора трудъ очень удачный. Тутъ впервые блестяще проявилась большая даровитость Копитара[1]). Грамматика его еще не была отпечатана, когда онъ, поддерживаемый великодушной помощью барона Цойса, отпра-

---

1) Копитаръ назвалъ свою грамматику «Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Kärnthen und Steyermark», въ Введеніи (48 страницъ) распространяется о границахъ этого языка, принадлежащаго «der ausgebreitesten aller Völkerfamilien auf Gottes Erdboden», говоритъ о «виндахъ», что они только въ Штиріи и Каринтіи: «Nie wird der Krainer Slovénz im speziellen Sinne und umgekehrt der Slovenz nie Krajnz genannt»; дальше рѣчь идетъ о распространеніи христіанства у славянъ, потомъ о классификаціи слав. нарѣчій, припоминается желаніе Шлёцера, чтобы латинскій алфавитъ былъ принятъ всѣми славянами. Введеніе заканчивается коротенькой исторіею словенскихъ грамматическихъ сочиненій. Первая часть грамматики, на 212 страницахъ, толкуетъ объ орѳографіи, вторая о склоненіяхъ и спряженіяхъ. Въ склоненіи онъ писалъ твор. пад. ед. и дат. пад. мн. ч. rakam, krajam, то же двойств. ч. rakama, krajama; отъ vòda предложный падежъ v vòdah, vodàh и vodèh, точно такъ отъ gospá: gospéh, gospémi, рядомъ съ shiválim: klopém, vasém, съ shivàlih: klopéh, vaséh. У прилагательнаго сказано, что рядомъ съ gòrek слышится gorìk, goràk, рядомъ съ slàdek тоже sladìk, sladàk. 1-ое лицо мѣстоимѣнія звучитъ у него jest (въ скобкахъ jes). У прилагательныхъ stékli, vélki онъ называетъ гласную i «Concretionsvocal» (стр. 258), ему казалось, что почти одно и тоже, сказать ли pravizhen mósh или pravizhni mósh. Отзывъ Добровскаго о грамматикѣ въ Annalen 1810, B. I, 264—275. Добровскій м. пр. возражалъ противъ обширности науки о правописаніи, причину которой см. у Копитара Kl. Schr. стр. 10. Копитаръ былъ на столько влюбленъ въ свой словенскій языкъ, что окончаніе дат. падежа мн. ч. муж. рода на -am (вмѣсто -омъ) называлъ «Sanskritisch, folglich besser als das der übrigen Slaven», ссылаясь на Поссельта въ рецензіи на его грамматику въ Leipziger Literaturzeitung (II. 221).

вился въ Вѣну для изученія юридическихъ наукъ въ университетѣ. Онъ жилъ здѣсь уроками, а чего недоставало, прибавлялъ «veliki oča» (т. е. Цойсъ). Одно время онъ былъ также воспитателемъ у Гики. Еще въ бытность свою въ Люблянѣ онъ, молодой человѣкъ, одушевленный идеею славянскаго возрожденія въ предѣлахъ Австріи, рискнулъ обратиться съ длиннымъ письмомъ къ прославившемуся уже тогда Добровскому. Письмо встрѣтило дружескій пріемъ и отзывъ со стороны Добровскаго, плѣнившагося, должно быть, живостью и замѣченной даровитостью молодого словенца. Такимъ образомъ завязались между ними сношенія, продолжавшіяся слишкомъ двадцать лѣтъ, до самой кончины Добровскаго, отразившіяся въ обширной и замѣчательной перепискѣ, которая развертываетъ передъ нами блестящую страничку изъ исторіи славянской филологіи. Живо рисуется передъ нами духовный обликъ Копитара со всѣми порывами его пламенной души, со всѣми его превосходными качествами и со всѣми, конечно, слабостями. Юридическія науки туго прививались, римское право онъ кончилъ все таки передъ 15 августомъ 1810 (Новыя письма II. 197); но зато судьба поблагопріятствовала ему попасть въ вѣнскую придворную библіотеку. Онъ вскорѣ послѣ пріѣзда въ Вѣну началъ усердно заниматься въ этой библіотекѣ, въ апрѣлѣ 1809 онъ говоритъ, какъ жаль, что онъ не имѣетъ службы въ библіотекѣ монарха, котораго государство состоитъ на $^3/_4$ изъ славянъ. «Keine Rücksicht auf Slavica»! Онъ возлагалъ большія надежды на новаго префекта (графа Оссолинскаго, назначеннаго 18 февр. 1809), которыя и не обманули его. Въ мартѣ 1810 г. скончался Злобицкій, бывшій цензоръ славянскихъ книгъ. Копитаръ получилъ его мѣсто, въ августѣ или сентябрѣ того же года; къ славянской печати прибавлено было ему также читать греческія книги, а потомъ и румынскія (Письма II. 241). Но и желанное назначеніе въ придворную библіотеку не замедлило осуществиться, въ декабрѣ того же года онъ получилъ тамъ мѣсто скриптора. Повидимому Копитаръ своимъ горячимъ славяно-австрійскимъ патріотизмомъ сталъ уже обращать на себя вниманіе, не безъ основанія онъ писалъ: favent multi slavistae juveni. Кромѣ того онъ былъ уже извѣстенъ въ библіотекѣ своими усердными занятіями, ему шли на встрѣчу и облегчали пользованіе книгами. Очевидно и графъ Оссолинскій поддерживалъ его прошеніе, быть можетъ также по рекомендаціи Линде. Наконецъ и обстоятельства сложились такъ, что и въ руководящихъ правительственныхъ сферахъ тогда поневолѣ стали обращать вниманіе на славянъ[1]).

---

1) О просыпавшемся сознаніи своего значенія у славянскихъ подданныхъ габсбургской имперіи свидѣтельствуютъ такія выходки Копитара въ его перепискѣ, какъ напримѣръ

Получивъ мѣсто въ библіотекѣ Копитаръ могъ спокойно предаваться своимъ любимымъ мечтамъ и занятіямъ. Плановъ у него всегда было множество. Онъ строилъ ихъ и для себя и для другихъ. Въ одномъ письмѣ 1810 года, еще до назначенія, онъ мечталъ о древне-славянской каѳедрѣ, и задавалъ Добровскому тему написать поскорѣе церковно-славянскую грамматику, тогда они вдвоемъ будутъ извлекать изъ библіи, изъ легендъ и другихъ памятниковъ этого языка, матеріалъ для lexicon plenissimum (Письма 140—141). Для службы въ библіотекѣ ему какъ нельзя лучше пригодились его свѣдѣнія литературныя и по новымъ языкамъ. Въ 1811 году онъ путешествовалъ частнымъ образомъ, провожая одного молодого помѣщика (въ сентябрѣ и октябрѣ) по Германіи (черезъ Прагу въ Дрезденъ, Лейпцигъ, Берлинъ и Мюнхенъ), а въ 1814 году (лѣтомъ) получилъ оффиціальное порученіе поѣхать въ Парижъ, чтобы возвратить оттуда нѣкоторыя Наполеономъ изъ Вѣны отобранныя драгоцѣнныя книги и рукописи. Отъ вниманія его не ускользнуло превосходство библіотечныхъ учрежденій Парижскихъ (сл. его письмо изъ Парижа отъ 24 дек. 1814 Добровскому). Въ особенности онъ любилъ мечтать о томъ, какъ бы слѣдовало сдѣлать Вѣну научнымъ центромъ славянства. Добровскій относился къ этимъ мечтамъ Копитара гораздо скептичнѣе. Въ февралѣ 1815 года Копитаръ былъ уже опять въ Вѣнѣ. Въ Парижѣ онъ видѣлъ Abecenarium bulgaricum. Въ слѣдующемъ году (1816) ему было поручено завѣдывать рукописнымъ отдѣленіемъ библіотеки (движеніе его по службѣ въ придв. библ. см. у Петровскаго 74—75—76).

Литературная дѣятельность Копитара до 1818 года собрана, и доступна теперь въ изданіи Миклошича: Kopitars Kleine Schriften (Wien 1857, не вполнѣ благопріятный отзывъ объ изданіи у Петровскаго XI—XVI). Она не шла глубоко въ суть какихъ-либо серьезныхъ вопросовъ, а скользила по поверхности въ талантливыхъ журналистическихъ статьяхъ, въ родѣ: «Adresse der künftigen slavischen Akademie» или «Patriotische Phantasien eines Slaven». Нѣкоторыя идеи, овладѣвшія потомъ всецѣло Копитаромъ, намѣчены уже здѣсь въ видѣ игриво набросанныхъ догадокъ, напр., о соединеніи словаковъ съ словенцами въ паннонскомъ словенизмѣ, которое гораздо позже мерещилось также Миклошичу (Kl. Schriften 61—62), полемика противъ Добровскаго

(Письма стр. 141—142): «die Armeen sind ohnehin lauter Slaven, warum kommandiert man nicht stupaj» или же его наивное желаніе, что бы дворъ по крайней мѣрѣ на половину чувствовалъ себя по славянски (ib.). Копитаръ любилъ затрогивать подобнаго рода темы въ своихъ рефератахъ о различныхъ сочиненіяхъ относившихся къ славянамъ (въ Vaterländische Blatter, Annalen für Literatur und Kunst, въ Wiener allgemeine Literaturzeitung).

относительно хорватскаго языка и замѣна его словенскимъ (объ этомъ часто рѣчь шла въ ранней перепискѣ, сл. Письма 33—37. 44. 50—1. 62. 74), нерасположеніе къ Русскимъ, и т. д. Философски спокойно настроенному Добровскому свѣжесть мыслей въ статьяхъ Копитаровыхъ была очень пріятна, но съ главнымъ содержаніемъ мечтаній и плановъ его онъ не былъ согласенъ. Только этимъ объясняется взаимная привлекательность ихъ переписки, имѣющая и теперь еще, почти сто лѣтъ спустя, для насъ неувядаемую прелесть. Она представляетъ намъ Копитара въ его безпрерывно живомъ движеніи, не дававшемъ ему даже времени сосредоточиваться на какомъ либо большомъ единственномъ вопросѣ или предпріятіи. Ни одинъ изъ плановъ, которыми онъ задавался еще до поступленія въ библіотеку, не осуществился потомъ. Въ сравненіи напр., съ параллельнымъ положеніемъ Востокова онъ самъ сдѣлалъ очень мало, но зато непрестанно толкалъ другихъ впередъ идеями и хорошими совѣтами. Припомнимъ только его сношенія съ Вукомъ Караджичемъ, который въ первые судьбоносные годы своей дѣятельности совсѣмъ зависѣлъ отъ Копитара, повинуясь его доводамъ. У Копитара научныя убѣжденія слагались не изъ напряженнаго углубленія въ предметъ, изъ всесторонняго анализа его, какъ напр. у Востокова, а изъ мгновенныхъ догадокъ, подсказанныхъ ему личными симпатіями или антипатіями. Любовь къ родному словенскому нарѣчію развивала въ немъ идею словенизма, перенесенную изъ современности,—гдѣ онъ возставалъ противъ иллирскаго самомнѣнія (сл. Kl. Schriften 65), полемизировалъ противъ Сиврича, указывая для преимущества словенскаго нарѣчія передъ иллирскимъ на такія мелочи какъ на двойственное число, на слово resnica и т. д, (Письма II. 203) — въ глубь старинныхъ временъ, въ періодъ переселенія славянъ на югъ, который по его толкованію, раньше наѣзда болгаръ и пришествія хорватовъ и сербовъ, весь былъ заселенъ единственнымъ народомъ словенскимъ, прямыми предками нынѣшнихъ словенцевъ, его соотчичей (сл. Kl. Schr. 35). Съ этимъ народомъ онъ связывалъ судьбу и родину церковно-славянскаго языка, остатки этого когда-то большого по его мнѣнію народа были современные словенцы, языкъ которыхъ онъ называлъ pulcherrima dialectus pulcherrimae linguae (II. 182), или же (ib. II. 207): quo plenius ceteras pernovi dialectos, eo vehementius meam diligo quia optima. Поэтому говоря о главныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, онъ перечислялъ ихъ такъ: русское, польское, лужицкое, чешское и словенское! Но у него была еще одна любовь, овладѣвшая его мыслями, его перомъ — католицизмъ. На эту сторону обращено давно уже большое вниманіе со стороны позднѣйшихъ русскихъ славянофиловъ, отрицавшихъ у всѣхъ неправославныхъ славянъ настоящее славянство. Копитаръ,

дѣйствительно, подчинялся идеѣ католицизма на столько, что онъ хотѣлъ привязать судьбу всѣхъ юго-западныхъ славянъ къ Вѣнѣ въ противоположность Россіи, о которой онъ очень часто безъ достаточной причины отзывался рѣзко и несправедливо, не желая ей успѣховъ не только въ подвигахъ военно-политическихъ, а даже въ области литературы и науки (сл. Kl. Schr. 67, Письма I. 92). Добровскому приходилось не разъ дружески обуздывать пристрастіе въ этомъ отношеніи своего «славина» (ученика).

Копитаръ не былъ самъ очень внимателенъ къ вопросамъ чисто грамматическимъ, но тѣмъ настойчивѣе онъ требовалъ отъ Добровскаго, чтобы тотъ написалъ церковно-славянскую грамматику (сл. Письма 52, 61, 130, 177 и т. д.), онъ вызывалъ его быть вторымъ Кирилломъ (Письма I. 84. 179. 201), разъ онъ обмолвился даже, что грамматика должна быть напечатана — латинскими буквами. О его собственныхъ занятіяхъ въ родѣ чтенія древне-славянскихъ рукописей, выписокъ изъ нихъ, составленія глоссаріевъ и т. д. ничего не слышно изъ переписки, входившей въ подробности. Мы знаемъ только, что онъ когда-то читалъ псалтырь въ изданіи Викентія Вуковича и сравнивалъ текстъ его съ Курцбековскимъ изданіемъ. Вотъ и все. И несмотря на эти поверхностныя свѣдѣнія онъ не стѣснялся говорить: «so haben es die Russen ja wandalisch mit dem altslawischen Original getrieben» (Письма I. 92). Увлекаясь по образцу древнихъ грековъ неограниченнымъ господствомъ нарѣчій (Письма I. 165), онъ всетаки мечталъ объ одномъ средствѣ объединенія ихъ для лучшаго взаимнаго пониманія — это было бы единство ороографіи. На этомъ конькѣ онъ ѣздилъ почти всю свою жизнь. Въ перепискѣ съ Добровскимъ постоянно повторяется этотъ вопросъ, значеніе котораго онъ преувеличивалъ (сл. 54. 84. 106. 135. 165 и т. д.). Онъ восхвалялъ Кирилла почти исключительно изъ-за алфавита (сл. Письма I. стр. 42. 65. 85), но все-же и этимъ алфавитомъ онъ не былъ совсѣмъ доволенъ по различнымъ причинамъ (ib.). Его идеалъ былъ для всѣхъ славянъ латинскія буквы, но славянскія начертанія въ родѣ кирилловскихъ для восполненія, voilà mon idée (февр. 1810 года). Но и относительно латинскихъ буквъ у него были нѣкоторыя оговорки, напр., онъ не любилъ *c* для звука *ц*, потому что передъ *a o u* оно въ большинствѣ языковъ равняется согласной *к*. Добровскій, къ которому онъ приставалъ съ этими требованіями ороографической реформы, по крайней мѣрѣ для юго-западныхъ, или хотя бы лишь для южныхъ славянъ, употребляющихъ латинскія письмена (сл. Письма, 159. 160. 214), сознавалъ, правда, желательность подобнаго рода реформы, но чувствовалъ вмѣстѣ трудность исполненія ея при существующихъ предразсудкахъ; онъ указывалъ на южно-славянскаго лексикографа Вольтиджи (Vol-

tiggi) какъ на примѣръ человѣка отворачивавшагося отъ кирилловскаго алфавита (80—81), а на Шишкова какъ на противника латинскаго алфавита, насколько рѣчь заходила о языкѣ русскомъ (Письма 360), а для иллюстраціи непримиримости даже въ мелочныхъ вопросахъ ороографическихъ онъ разсказалъ Копитару сцену, какъ разъ Лапосовичъ и Стулли просили его быть мировымъ посредникомъ между ихъ разногласіемъ (стр. 108): «Stulli gerieth in solche Wuth bei dem geringen Widerspruch, dass ich froh war, dass die zwei Patres mein Zimmer verliessen». Хладнокровный и въ этомъ отношеніи на Добровскаго очень похожій Бандтке былъ рѣшительнымъ противникомъ Копитаровыхъ увлеченій (Francev, Dobr. Bandtke 13).

Замѣчательно, что Копитаръ, воображая необыкновенныя выгоды отъ единства ороографическаго, не хотѣлъ и слышать о какой либо попыткѣ кристаллизаціи въ употребленіи литературныхъ языковъ. Его тревожилъ уже слухъ, что французы, создавъ политическую Иллирію, могла бы попытаться ввести въ администрацію и въ школы рядомъ съ французскимъ языкъ иллирскій, т.-е. языкъ Дубровчанъ (сл. Письма I. 138—139, 179). Не будь онъ заядлымъ партикуляристомъ, любителемъ миніатюрныхъ литературъ, онъ могъ бы въ тѣ времена оказать важныя услуги идеѣ южно-славянской солидарности. Вѣдь онъ самъ признавалъ (Письма I. 60): «Die Slaven sind nun an der Reihe. Man hat hier (т.-е. въ Вѣнѣ) viel gekundschaftet über das Verhältniss der Dialekte und ihre limites géographiques». Приведенныя черты изъ жизни Копитара не были только увлеченіемъ молодости. Хотя въ перепискѣ его съ Добровскимъ эти вопросы потомъ стихаютъ, на дѣлѣ онъ остался еще гораздо позже по прежнему вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ относительно ороографіи, какъ доказали попытки Дайнка, Метелька и Ганки, вызванныя Копитаровыми идеями, а также относительно южно-славянскаго литературнаго единенія, какъ видно изъ его враждебнаго настроенія противъ Гая и иллиризма, сочувствія же Кристановичу въ отстаиваніи хорватскаго кайкавскаго говора.

Кромѣ упомянутыхъ вопросовъ Копитаръ старался еще въ первые годы своего пребыванія въ Вѣнѣ сойтись съ сербской молодежью, изучавшей здѣсь различныя науки. Въ началѣ 1809 года онъ уже говорилъ о карловицкихъ condiscipuli, которые обратили первое вниманіе его на Обрадовича и его сочиненія (сл. Kl. Schriften 49 и сл., 79 и сл., 113). Одинъ изъ нихъ (Ранковичъ) посредничалъ въ заведеніи знакомства (хотя бы путемъ писемъ) съ Мушицкимъ. Онъ былъ также въ перепискѣ съ племянникомъ Обрадовича Несторовичемъ. Съ разныхъ сторонъ онъ получалъ сербскія книги и писалъ о нихъ рефераты (сл. статью его «Beiträge zur Uebersicht der serbischen Li-

teratur in dem oester. Kaiserstaate» KS. 135 и сл.). Въ особенности понравилась ему извѣстная статья «Сало дебелога Ера», соотвѣтствовавшая его взглядамъ на сербскій языкъ, простонародный обликъ котораго уже тогда ему былъ по вкусу. Кромѣ переписки съ Мушицкимъ, начиная съ 1811 года онъ началъ обмѣниваться письмами также съ митрополитомъ Стратимировичемъ (сл. Письма II. 779—785, I. 231. 238. 288, II. 278. 793). И съ Соларичемъ въ Венеціи онъ поддерживалъ сношенія (I. 242). Это сближеніе съ австрійскими сербами, паломничество которыхъ въ Россію, въ Кіевъ, въ глазахъ австрійскихъ патріотовъ не встрѣчало сочувствія, дало возможность Копитару познакомиться съ главными культурно-литературными потребностями сербовъ и выработать у себя опредѣленную точку зрѣнія, дать извѣстное направленіе своимъ взглядамъ, то направленіе, которое онъ потомъ могъ цѣликомъ передать своему любимцу Вуку Караджичу, замѣтивъ въ немъ очень даровитаго исполнителя собственныхъ идеаловъ. Цензурныя обязанности сближали Копитара также съ вѣнскими греками и румынами, цвѣтущая торговля которыхъ въ то время образовала въ Вѣнѣ богатую колонію. Слѣды этого знакомства видны въ различныхъ статьяхъ (Kl. Schr. 73. 94. 198). И у румынъ тогда началась борьба мнѣній изъ-за орѳографической реформы. Копитаръ отстаивалъ кирилловскій алфавитъ, выставляя не безъ основанія его «himmlische Klarheit» въ сравненіи съ хаосомъ «der Westeuropäer» (Kl. Schr. 186). Онъ конечно не возражалъ противъ введенія латинскаго алфавита, но съ обогащеніемъ его à la Cyrill (Письма I, 298—9).

Съ родиной крайнской Копитаръ остался въ сношеніяхъ главнымъ образомъ черезъ барона Цойса. Непріятное впечатлѣніе производитъ постоянная натянутость отношеній его съ Водникомъ, продолжавшаяся и послѣ отъѣзда его въ Вѣну. Въ перепискѣ, не сохранившейся, они бранили другъ друга до того, что баронъ Цойсъ разъ даже порѣшилъ не посылать грубостей Копитара Воднику: remisit inclusam nolens ali iras grammaticorum (Письма I. 162). Но не съ однимъ Водникомъ Копитаръ не ладилъ. То же самое случилось потомъ съ Жупаномъ (Suppan) и съ Примицомъ. На перваго изъ нихъ Копитаръ возлагалъ большія надежды, которыхъ впослѣдствіи тотъ не оправдалъ, такъ что и переписка, продолжавшаяся между 1809 и 1821 годами, потомъ совсѣмъ прекратилась. О Примицѣ Копитаръ отзывался постоянно съ малоуваженіемъ (Письма I. 193—5. 222, 271—2, 289, II. 216, 236, 245—6), чтобы не сказать съ невѣжливой грубостью, что Примица, мягкаго и сердечнаго человѣка, очень огорчало (II. 274. 285).

Много времени у Копитара уходило на обширную переписку, которая далеко еще не вся издана. Съ многими филологами Германіи онъ состоялъ

въ перепискѣ (напр., съ знаменитымъ Фрид. Авг. Вольфомъ, съ издателемъ Менандра Шнейдеромъ и др.). Съ В. Гумбольдтомъ читалъ въ Вѣнѣ въ 1812 году Slavica. Онъ самъ не то жалуется не то гордится, что его Tedeschi persequuntur (разумѣется письмами) и сознается, что «equidem nunc totus et nimius sum in hoc Journalwesen» (II. 247). Онъ правда увѣрялъ: cum rem slavicam sat patefecero, considebo, но мы не замѣчаемъ этого успокоенія. Слишкомъ живая натура его не выдерживала сосредоточенности на какомъ-либо одномъ важномъ вопросѣ, онъ размѣнялъ все свое время на мелкую монету. Его самолюбію могла льстить извѣстная популярность, которую онъ этимъ путемъ пріобрѣталъ въ литературномъ мірѣ, но славянская филологія отъ этого не выигрывала. Онъ самъ хвастался: «Ich werde mich in kurzer Zeit in meinem lieben Wiener Centro schon einspinnen, dasz ich die Bewegung meiner slavischen Fliege in Belgrad oder Lemberg, Prag oder Laibach gewahr werden werde» (Письма I. 205), но пока эта надежда его, дѣйствительно, исполнилась, было утрачено много дорогого времени даромъ и не будь счастливаго случая, который далъ ему возможность совершить одно важное дѣло (Glagolita Clozianus), онъ бы такъ и расточилъ свои таланты на мелочи. Въ доказательство можно сослаться на его бездѣйствіе относительно Фризингскихъ отрывковъ. Уже въ 1811 году Добровскій сообщилъ ему первыя свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ остаткѣ древне-словенской старины (Письма I. 210 — 212). Много говорилось, кому и какъ издать этотъ памятникъ (ib. 295. 296. 297—8), отрывки были сообщены даже въ Люблjану Воднику и Жупану, а все-таки пока ничего изъ этого не вышло. Копитара больше обольщала идея быть сотрудникомъ основаннаго въ 1813 г. журнала Wiener Allgemeine Literaturzeitung. «Journalwesen» замѣтно вліялъ на него, вовлекалъ его въ свой омутъ.

Новое, неожиданное поприще дѣятельности для Копитара открылось съ пріѣздомъ Вука Караджича въ Вѣну, ихъ знакомствомъ и дружбой, которая вскорѣ сдѣлалась очень искренней и близкой. Подробности объ этомъ союзѣ двухъ даровитыхъ людей, въ которомъ идейный починъ исходилъ отъ Копитара, блестящее же исполненіе было предоставляемо Вуку — лучше будетъ разсказать въ главѣ о Вукѣ. Здѣсь достаточно выставить главные факты, доказывающіе всё возрастающій интересъ Копитара и его забѣганіе впередъ, такъ что Вукъ съ трудомъ могъ слѣдовать за нимъ. Когда во время пребыванія Копитара въ Парижѣ Вукъ, напечатавъ «Пѣснарицу» и «Писменицу», поѣхалъ въ Срѣмъ, для собиранія новаго матеріала, Копитаръ, сообщая объ этомъ Добровскому, выдаетъ уже свою новую идею (Письма I. 406, авг. 1815 г.), что онъ не перестанетъ приставать къ Вуку, пока тотъ кромѣ

продолженія Пѣснарицы не составитъ также словаря. Какъ извѣстно, онъ постарался, что содержаніе Пѣснарицы дошло въ нѣмецкомъ переводѣ до свѣдѣнія Гёте (Письма I. 406); второй выпускъ Вукъ посвятилъ ему. Въ сентябрѣ 1815 онъ называетъ его уже «Мой Вукъ» и сообщаетъ о начатой работѣ по словарю. Между ними зашла рѣчь о томъ, каковъ долженъ быть этотъ словарь, въ подробностяхъ они не соглашались, ни тотъ ни другой сначала не представлялъ себѣ словаря въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ на дѣлѣ. Въ теченіе цѣлаго года 1816 и 1817 Копитаръ посвящалъ все свободное время сотрудничеству надъ словаремъ, въ которомъ онъ къ сербскимъ словамъ присоединялъ латинскія и нѣмецкія значенія. Объ этомъ говоритъ не только онъ самъ Добровскому (въ письмѣ 23 марта 1817), но и Вукъ въ письмѣ къ Мушицкому (14 окт. 1816): «онъ (т.-е. Копитаръ) мени свакій данъ послѣ подне долази и од 6 сатій до 8 прегледамо србскій рѣчникъ и додаемо му што треба (Гласникъ т. 75, стр. 252), и въ слѣдующемъ письмѣ (24 ноября 1816): «забуніо се око србског Рѣчника, свакій е данъ послѣ подне код мене» (ib. 254). Какъ они вмѣстѣ работали, наглядно разсказываетъ Вукъ (въ письмѣ 28 нояб. 1816): «Мы додаемо србском' Рѣчнику латинске рѣчи на мѣсто таліанскихъ, тако смо нашли за добро... предъ нама стое два астала (или стола, асталъ самъ кодъ васъ у Срему научио) и на нима великій Аделунгъ у 4 тома и Шелеръ у 5 томова латинскихъ и два нѣмачка» (ib. 257). Конечно, и эти словари дѣло Копитара. Ему словарь обязанъ тоже этнографическимъ матеріаломъ. Вукъ самъ сознался: «У Рѣчнику ћe србском' быти описани скоро сви обичаи србски. Копитаръ ме на то наћерао». Также принципъ фонетическаго правописанія внушенъ Вуку, безъ сомнѣнія, Копитаромъ, увлекавшимся и въ этомъ пунктѣ примѣромъ древнихъ грековъ. Мушицкій на сдѣланный ему Вукомъ запросъ заявилъ, что онъ съ фонетическимъ правописаніемъ согласенъ, что Копитара по словамъ Вука очень обрадовало (Одговоръ Вашъ ...гну. е Копитару миліи, него да му е ко поклоніо оседлана хâта). Копитаръ снабдилъ его также словарями Микальи и треязычнымъ академическимъ («то ми е све Копитаръ набавио», свидѣтельствуетъ Вукъ въ письмѣ отъ 6 марта 1817 г.). По вопросамъ графики Вукъ руководился не только своимъ вкусомъ, но также соображеніями Копитара, напр., давая предпочтеніе начертанію новой буквы ђ въ томъ видѣ, какъ ее предложилъ Мушицкій, онъ излагалъ знакомыя намъ уже мысли Копитара: «Копитаръ каже, да не треба узимать латинска слова па и друкчіе изговарати него што се у латинскоме езыку изговараю. Зато онъ Краньцима (и шокцима) оћe да да изрезати ново *ц* и *ж*, да не узимаю латинско *c* и *x* (Гласникъ 75. 269). Поддерживая всѣ стремленія вѣнскихъ сербовъ, Копи-

таръ рѣшился въ 1817 году, во время отсутствія Давидовича, принять вмѣстѣ съ Вукомъ участіе въ редакціи вѣнской Сербской газеты: «Садъ я и онъ (т. е. Копитаръ) пишемо српске новине. Како вам се допадаю ове данашнѣ (одъ суботе, недеље, понедельника и уторника)? То е наша рукотворина (письмо Мушицкому отъ 21 мая 1817). Свое удовольствіе передъ успѣхами этого дѣла, въ которомъ онъ принималъ столь живое участіе, Копитаръ высказалъ въ рефератѣ о грамматикѣ Вуковой (Kl. Schr. 310—320) и о второй части Пѣснарицы (ib. 347—359). О словарѣ же Вука онъ помѣстилъ въ вѣнскія Jahrbücher für Liter. 1818 B. IV, Anz. Bl. 45—59 обширный рефератъ, въ которомъ говорится о культурномъ состояніи сербскаго народа (называемаго также иллирами, славонцами, боснійцами), полемизируется противъ мыслей журнала Oesterr. Beobachter № 260, намеками также противъ Добровскаго, не раздѣлявшаго во всемъ взглядовъ Вуковыхъ или лучше Копитаровыхъ (сл. Письма I. 425, 426—8).

Сотрудничество Копитара въ дѣятельности Вуковой этого перваго и самаго важнаго періода, въ которомъ положены прочныя основанія и дано опредѣленное направленіе Вуковой реформѣ, заслуживаетъ похвалы и признанія какъ самого удачнаго труда, сдѣланнаго Копитаромъ. Это дѣло его стоитъ выше всѣхъ его полемикъ и критикъ въ пользу панслованизма, оно раскинулось шире, чѣмъ слава знаменитаго изданія Glagolita Clozianus, имъ сталъ Копитаръ для новой сербской литературы рядомъ съ Вукомъ тѣмъ, на что онъ приглашалъ Добровскаго — т.-е. новымъ Кирилломъ. Реформа Вука приняла Копитарово направленіе по слѣдующимъ пунктамъ: 1-е по выбору простонароднаго языка, какъ органа литературы, 2-е по началу фонетическаго правописанія, 3-е по усовершенствованію графики (j, ћ, ђ, љ, њ, выброшены ъ, ь и ѣ). Мы видимъ теперь изъ переписки Вуковой, что онъ вплоть до 1818 года часто употреблялъ церковно-славянскія выраженія, въ силу привычки и вліянія церковнаго. Копитаръ, не зная такой привычки и не чувствуя такого вліянія, могъ легче контролировать Вука и указывать ему на необходимую строгую послѣдовательность, доходившую пожалуй до радикализма. Напр., извѣстно, какой шумъ надѣлалъ словарь Вуковъ внесеніемъ въ составъ его такихъ словъ, которыя обыкновенно употребляются лишь въ завѣтныхъ сказаніяхъ, въ κρυπτάδια. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ сдѣлалъ это подъ вліяніемъ Копитара, такъ какъ во второмъ изданіи, приготовленномъ уже послѣ смерти Копитара, этихъ словъ нѣтъ, хотя во второмъ и слѣдующихъ изданіяхъ они прошли бы незамѣченными. Надо отдать Копитару полную справедливость, когда уже дѣло было сдѣлано, онъ отстаивалъ его съ энергіею, стоя горою за реформу Вука во всѣхъ ея пунктахъ.

Только что это сотрудничество благополучно было доведено до конца, наступило наконецъ и желанное для Копитара время видѣть Добровскаго въ Вѣнѣ, гдѣ его уже давно ждали съ нетерпѣніемъ, что бы окончательно приготовить къ печати церковно-славянскую грамматику и наблюдать за ходомъ печатанія. Мы вѣримъ Копитару, когда онъ со вздохомъ вспоминаетъ то прекрасное время, когда они вмѣстѣ работали, на квартирѣ у Копитара ежедневно съ 6—9 вечеромъ, «worauf zum Souper an unseren slavischen Tisch beim Weissen Wolf gegangen, diskutiert und bis etwa 12 Uhr Billard gespielt wird» (изъ письма Мушицкому отъ 26 янв. 1821, Письма II. 800). Кромѣ грамматики они собирали матеріалъ для словаря, который съ отъѣздомъ Добровскаго изъ Вѣны такъ и остановился. Копитаръ самъ упрекалъ себя потомъ (въ 1822 году): haec scripsi nostra hora (6), absentiam tuam frustra excusans slavicis schedis (et libris) quae iacent viduae: ridebant meam ignaviam te absente et increpabant (Письма I. 468). Поэтому Копитаръ долго не переставалъ приглашать его опять въ Вѣну (473. 475. 477. 498. 502. 536), онъ говорилъ о выпискахъ для словаря на половину будто бы уже сдѣланныхъ, которыя онъ предпринялъ въ угоду Добровскому. Куда дѣлись эти выписки, мы не знаемъ. Копитаръ не воспользовался ими даже при изданіи своего Glagolita Clozianus. Хотя онъ, несомнѣнно, въ обществѣ Добровскаго, помогая ему при окончаніи и печатаніи грамматики, глубже вникъ въ церковно-славянскій языкъ, чѣмъ прежде, насъ все-таки поражаетъ неточность грамматическихъ свѣдѣній его, обнаруженная въ Glagolita Clozianus. Даровитый автодидактъ Добровскій замѣнялъ своему младшему другу, то же автодидакту, роль наставника и учителя, подъ руководствомъ котораго онъ могъ бы сдѣлать очень много и, быть можетъ, обогнать его, уйти впередъ. Но когда это непосредственное руководство прекратилось, упала и энергія Копитара: non sapiunt slavica sine te, сказалъ разъ Копитаръ и это вѣрно сказано. Онъ участвовалъ въ изданіи грамматики съ epimetra tria, онъ познакомился со статьею Востокова и все-таки еще въ 1826 году онъ колебался, положить ли въ словарѣ въ основаніе форму **приѩтъ** или **прѩтъ**, и на дѣлѣ предпочелъ форму сербскую: «nec est cur mihi succenseas de praelatis formis serbicis... ultro cessuro bonis argumentis si adferantur» (Письма I. 538). Значитъ, онъ еще ожидалъ доказательства, что форма **прѩтъ** старше!

Забросивъ за отсутствіемъ Добровскаго грамматическія и лексическія занятія, Копитаръ отдался опять по старой привычкѣ рефератамъ и рецензіямъ, журнальнымъ статьямъ и полемикѣ въ пользу излюбленнаго паннонизма. О грамматикѣ Добровскаго вышелъ довольно обширный рефератъ въ вѣнскихъ Jahrbücher 1822 года, въ которомъ найдется всего больше чего-

нибудь другого, чѣмъ подробностей о грамматикѣ. Онъ полемизируетъ только противъ теоріи о древне-сербскомъ происхожденіи церковно-славянскаго языка, достаетъ, кажется впервые, изъ арсенала своихъ аргументовъ въ пользу паннонизма извѣстныя слова, перечисленныя выше на стр. 129. Его субъективная точка зрѣнія и отсутствіе историческаго чутья обнаруживались въ такихъ «требованіяхъ», какъ введенія буквы j въ церковно-славянскій языкъ, въ такихъ взглядахъ, какъ сѧ тѧ — это формы сѣверно-славянскія, «человѣкъ» же прямо русскій финнизмъ. Въ прибавленіи къ этому реферату, которымъ Добровскій остался очень недоволенъ, указано впервые на важную статью Востокова (сл. также Oester. Beobachter 1822, I. № 59, стр. 219). И въ слѣдующихъ годахъ знаменитаго вѣнскаго журнала, въ которомъ Копитаръ игралъ видную роль, какъ членъ редакціи по славянскимъ вопросамъ, вышли различные его рефераты, такъ въ 1823 году т. 23, Anz. Bl. 45—57 о Линде, въ 1824 году т. 26 (113—199) о Герасимѣ Зеличѣ, въ 1825 году т. 30 (159—277) обширная статья о сербской народной поэзіи на основаніи трехъ выпусковъ Лейпцигскаго изданія Вукова собранія и новогреч. пѣсенъ Форіеля (Fauriel), въ 1826 году т. 34 (111—145) рефератъ (съ его поправками и дополненіями) объ албанцахъ, волохахъ и болгарахъ на основаніи труда Лика (William Martin Leak, Researches in Greece, начало вышло уже въ 1816 году въ Wiener Literatur-Zeitung № 10—13, тамъ говорилось о грекахъ). Въ 1829 году т. 46 (стр. 59—106) появилась статья: «Albanesische, walachische und bulgarische Sprache» (по поводу изданія румынскихъ словарей въ Будимѣ и Колошварѣ). Новизной содержанія для западной публики отличалась статья о Кормчей въ томъ же журналѣ 1823, 1824 и 1826: томъ 23 (стр. 220—273) съ патріотическимъ эпилогомъ (стр. 273—4), томъ 25 (152—168), томъ 33 (288—290): это рефератъ на основаніи труда Розенкампфа и др. Въ 1830 году онъ коснулся въ 51 томѣ того же журнала надѣлавшей тогда много шума теоріи Фальмерайеровой подъ заглавіемъ «Slovenisirung Griechenlands» (стр. 111—120).

Съ Добровскимъ продолжался въ перепискѣ споръ относительно дѣятельности Кирилла и Меѳодія и происхожденія церковно-славянскаго языка. Замѣтимъ, что Копитаръ, котораго очень безпокоили такія формы какъ нощь, рождeнъ (одно время онъ полагалъ, что это могла бы быть позднѣйшая передѣлка), когда убѣдился въ первоначальности этихъ звуковыхъ сочетаній, старался примирить и этотъ фактъ со своей теоріей: «dico ergo, coeptam esse a Methodio literaturam in Slavis qui iam habebant christianismum a Germanis, ergo in Karantanis, sed continuatam post 24 primos annos per tria-quattuor

saecula in Bulgaris, Serbis, Russis» (Письма 484). Это была собственно мысль Вука (ib. 532). Копитаръ подошелъ тутъ очень близко къ истинѣ, не будь только постоянно загораживавшаго ему путь карантанизма (сл. Письма I 510. 514), пристрастіе къ которому заставляло его расширять границы болгарскаго владычества очень глубоко въ Паннонію, чтобы только спасти свою теорію! Главный аргументъ его въ пользу карантанизма состоялъ въ часто повторяемыхъ словахъ, число которыхъ мало по малу увеличивалось, онъ говорилъ о нихъ какъ о своихъ паннонскихъ «Sprachargumente». Этихъ аргументовъ Добровскій не могъ удовлетворительно опровергнуть, онъ прибѣгалъ только къ различнымъ оговоркамъ, которыя еще сильнѣе раздражали Копитара и толкали въ сторону карантанизма (сл. Письма 545). Его объясненія были иногда прямо произвольны. Онъ находилъ, напр., что упоминаемые въ легендѣ св. Климента болгаре жили не въ Мизіи, а въ Панноніи, подъ Moravos искалъ городъ Штиріи Marburg (ib. 541. 549) и т. д.

Въ послѣдніе годы передъ кончиной Добровскаго (1826—1828), какъ видно изъ переписки, Копитаръ серьезно собирался издать Фризингскіе отрывки съ объясненіями (Письма I. 563). Его встревожилъ должно быть слухъ о томъ, что въ Россіи, на основаніи точнаго снимка, доставленнаго Кеппеномъ, Востоковъ изучалъ этотъ памятникъ. Копитаръ опасался не столько конкурренціи Востокова, сколько указаній, которыя могъ бы русскій ученый получить отъ Добровскаго: «hoc unum me angit, ne tu his barbaris opem tuleris in explicandis nostris rebus», пишетъ Копитаръ Добровскому. Его планъ былъ сначала напечатать цѣлый текстъ съ латинскимъ переводомъ въ вѣнскихъ Jahrbücher, потомъ отдѣльно написать обширный комментарій съ словаремъ (Письма I. 582). Добровскій поощрялъ его и уговаривалъ не медлить. Но несмотря на драгоцѣнныя указанія, которыми Добровскій, какъ мы видѣли выше, снабжалъ не «русскихъ варваровъ», а его, Копитаръ прозѣвалъ моментъ и опоздалъ. Востоковъ опередилъ его такъ удачно, что онъ самъ, при всей своей наклонности къ злоязычію, долженъ былъ отозваться объ изданіи съ большой похвалой: «non solum sculpta omnia sed et explicata summo studio et scientia mirabili, ut nobis vix restet aliud quam illorum rarioris apud nos editionis nostris reliquis monumentis partem maxime necessariam adicere» — таково было мнѣніе Копитара въ 1836 году, когда онъ въ Glagolita Clozianus напечаталъ эти отрывки только съ латинскимъ переводомъ безъ комментарія и безъ словаря!

Зная характеръ Копитара, зная что у него были свои предвзятыя мысли, которыя онъ отстаивалъ съ удивительной упрямостью, тогда какъ и нерасположенія своего и нелюбви не скрывалъ, мы не можемъ преувеличи-

вать значенія его выходокъ противъ извѣстныхъ фальсификатовъ въ чешской литературѣ. Это не были результаты научныхъ изслѣдованій или хотя бы внимательнаго осмотра текстовъ, а только изліяніе чувствъ нерасположенія къ чешскимъ патріотамъ, складу мыслей которыхъ онъ не сочувствовалъ по разнымъ причинамъ, между прочимъ также вслѣдствіе ихъ руссофильства[1]). Поэтому онъ охотно повѣрилъ Добровскому насчетъ Любушина Суда и отрывка евангелія отъ Іоанна, но онъ пошелъ еще дальше. Уже въ 1824 году (16 сент.) онъ задалъ Добровскому вопросъ: Also de codicis Reginohrad. authentia nullum dubium? quid si suppostor hinc incepisset? Tu vidisti codicem et nec dubium subortum? (ib. 507). А нѣсколько лѣтъ спустя (1828) онъ опять спрашивалъ его: «Не размножились ли чешскія глоссы Ганки (въ Mater verborum) съ тѣхъ поръ какъ онѣ найдены? прибавивъ ядовито: «ihr werdet am Ende noch ein Fragment aus Alexander des Groszen Zeiten entdecken, i. e. fabriziren und sich und andere damit plagen (Письма 603). А когда Добровскій оставилъ запросъ его безъ отвѣта, онъ повторилъ опять свои сомнѣнія (ib. 612): videris nolle capere suspicionem meam de glossis Salomonis. Ego enim valde suspicor ipsas has glossas bohemas esse recens omnes confictas et illatas in codicem a noto et passionato falsario. Ergo vide tu praesens et tuis occulis, annon sit impostura et haec. Equidem vereor, ne sint ad unam interpolatae omnes, suppositae manu recentis falsarii, aut posito etiam adfuisse ante illum unam alteramve, quis credat illum neglexisse tam bellam occasionem augendi veteres glossas proprio marte. Fateor me nec kralodvorskas nunc credere extra dubium positas». Къ этому многословному обвиненію, написанному его причудливой латынью, онъ прибавляетъ въ концѣ по нѣмецки: wer einmal gelogen hat, dem glaub' ich nichts mehr. Что на это Добровскій отвѣтилъ, сказано выше (стр. 133). И на жалобы Добровскаго противъ «заговорщиковъ» между чешскими литературными патріотами, какъ онъ выражался (Письма I. 620), когда они сыграли съ нимъ нелѣпую исторію передъ англичаниномъ Борингомъ, Копитаръ не далъ вполнѣ удовлетворительныхъ объясненій. Онъ не могъ, конечно, не отослать запечатаннаго пакета по назначенію, но едва ли нужно было при этомъ вдаваться въ подробности о чешскихъ партіяхъ, давая этимъ Борингу понять, что онъ догадывается о содержаніи пакета, направленномъ противъ Добровскаго. Подозрительно во всякомъ случаѣ, что Копитаръ не убѣдилъ Боринга относительно Добров-

1) Онъ не прощалъ даже Добровскому черезчуръ снисходительнаго на его взглядъ отношенія къ русской наукѣ и къ русскимъ ученымъ: Köppen und die Russen überhaupt sind noch Fratzen in der gelehrten Kritik und man sollte sie weniger menagiren und cajoliren. Sed potentiorum limina adoratis Bohemi (Письма I. 539).

скаго, но для себя онъ выручилъ такой даже не совсѣмъ вѣрный отзывъ, что онъ «спокойный» ученый! (Zelený 259).

Смерть Добровскаго, стариннаго друга и руководителя, была для Копитара очень чувствительная, даже невознаградимая потеря. Что онъ въ теченіе слѣдующихъ 15 лѣтъ жизни успѣлъ издать только одно капитальное сочиненіе, знаменитый памятникъ Glagolita Clozianus — въ этомъ отражается его одиночество. Уже съ Добровскимъ были подъ конецъ сношенія нѣсколько натянуты, хотя непріятности, вызванныя отрицательнымъ отношеніемъ Добровскаго къ поддѣлкамъ чешской литературы, сблизили опять обоихъ друзей. Но со смертью Добровскаго оборвалась для него послѣдняя нить между Вѣной и Прагой. Сдерживаемое авторитетомъ Добровскаго молодое чешское поколѣніе патріотовъ-романтиковъ, почувствовало теперь нѣкоторое облегченіе. Уже въ 1829 году, только что Добровскій скончался, выступилъ молодой Палацкій въ вѣнскихъ Jahrbücher съ особой статьею въ защиту заподозрѣнныхъ памятниковъ, которую Копитаръ помѣстилъ въ 48 томѣ журнала, но съ оговоркой: «Wir haben H. Palacký ausreden lassen, müssen aber doch bemerken, dass der sel. Dobrowský durch alles obengesagte von Seiten der Schrift nur bestätigt, von Seiten der Sprache aber bei weitem nicht widerlegt ist.». Этимъ заявленіемъ Копитаръ сталъ въ разрѣзъ съ пражскими славянофилами, къ числу которыхъ еще однимъ прибавилось. Это былъ проживавшій тогда въ Новомъ Садѣ П. І. Шафарикъ, о которомъ рѣчь впереди. Онъ былъ еще при жизни Добровскаго съ Копитаромъ въ перепискѣ, которая до сихъ поръ намъ мало извѣстна. Видно только изъ косвенныхъ намековъ, что Копитаръ не былъ имъ доволенъ (Письма I. 542), уже по тому, что онъ стоялъ на сторонѣ Юнгманна и Палацкаго. Они не довѣряли другъ другу. Шафарикъ не могъ раздѣлять взглядовъ Копитаровыхъ о карантанизмѣ, но въ своей македонской теоріи не былъ и самъ еще достаточно убѣжденъ, поэтому, сообщая о ней Коллару, онъ скрывалъ ее отъ Копитара. Когда впервые зашла рѣчь о приглашеніи нѣкоторыхъ чешскихъ ученыхъ въ Россію, Копитаръ иронически отзывался объ этомъ въ письмѣ Добровскому, уступая ей не только Ганку, но и Шафарика, а также «санскритиста» Михановича, потому что онъ «sans critique» (Письма I. 587). Несмотря на все то, когда Шафарикъ покинулъ Новый Садъ (1833) и проѣздомъ въ Прагу остановился на нѣкоторое время въ Вѣнѣ, они видѣлись съ Копитаромъ и тотъ предлагалъ ему остаться въ Вѣнѣ, гдѣ они могли бы вмѣстѣ работать, какъ когда-то съ Добровскимъ — въ пользу славянской науки. Къ сожалѣнію они съ каждымъ годомъ больше расходились въ главныхъ вопросахъ по славянской культурной исторіи, такъ что дружба ихъ, не отличавшаяся никогда

интимностью, вскорѣ превратилась въ противоположность. Ярымъ доказательствомъ служатъ отзывы Копитара въ Герсдорфовомъ Repertorium der deutschen Literatur (Лейпцигъ 1837, вып. 14, 182—185) о первомъ томѣ чешской исторіи Палацкаго, подъ псевдонимомъ Cosmas Luden, гдѣ онъ не безъ основанія возражалъ противъ употребленія подложныхъ памятниковъ (Любушина Суда), какъ источниковъ для древне-славянской культуры и правовыхъ порядковъ, и въ «Oester. Geschichtsforscher» Хмеля 1838 года о славянскихъ древностяхъ Шафарика, гдѣ онъ подъ заглавіемъ «Ursprung der slavischen Liturgie in Pannonien» лишній разъ отстаивалъ свой карантанизмъ.

Главный трудъ Копитара, его Glagolita Clozianus, состоялся благодаря счастливой случайности. Онъ самъ разсказываетъ предварительную исторію открытія въ своихъ Prolegomena. Въ іюнѣ 1830 года нѣкто Дрекслеръ предложилъ Вѣнской придворной библіотекѣ купить пергаменный томъ урбара (писцовыхъ книгъ) Тироля на нѣмецкомъ языкѣ. Копитаръ сообщилъ обязательно объ этой находкѣ президенту Тирольской судебной палаты Di Pauli. Изъ благодарности тотъ извѣстилъ Копитара о существованіи какой-то славянской пергаменной рукописи, которую ученые итальянцы относили къ VI-му столѣтію. Онъ склонилъ также владѣльца рукописи, графа Париса Клоца (Paris Cloz), послать на опредѣленный срокъ рукопись въ Вѣну. Копитаръ былъ въ высшей степени обрадованъ этой находкой, онъ убѣдился сразу, что глаголическій вопросъ вступаетъ въ новый фазисъ. Изданіе вышло въ 1836 году, оно было готово уже въ 1835 году — стало быть пять лѣтъ приготовительныхъ занятій ушло на это замѣчательное и для своего времени великолѣпное изданіе. Первымъ, о которомъ вспомнилъ Копитаръ, очутившись въ завидномъ положеніи, былъ Востоковъ. Уже въ сентябрѣ 1830 года онъ сообщилъ ему о «пергаменномъ кодексѣ глаголическомъ», который онъ сопоставлялъ съ Остроміровымъ евангеліемъ; желая издать этотъ памятникъ, онъ просилъ у Востокова содѣйствовать, «qui cum ipse sis rei peritissimus, tum in medio sedes codicum rarissimorum et librorum, nobis hic summa utriusque rei penuria laborantibus». Востоковъ охотно внялъ мольбѣ его и въ концѣ 1830 и въ продолженіе 1831 года доставилъ ему различныя полезныя выписки, между прочимъ изъ Супрасльской рукописи. Копитаръ старался кое-что узнать также черезъ Ганку (Письма II. 93. 100. 116). Изъ письма отъ 24 марта 1834 (II. 118) узнаемъ, что дней черезъ десятокъ онъ собирался отдать свои Glagolitica въ типографію. Замѣчательно, что Копитаръ въ своемъ изданіи не всѣмъ воспользовался, что у него было подъ рукою или что онъ надѣялся получить. Такъ у него нѣтъ параллельныхъ

мѣстъ изъ Супрасльской рукописи. Онъ не воспользовался также Ассемановымъ евангеліемъ, на которое самъ указывалъ еще въ маѣ 1831 года. Должно быть ни то ни другое не дошло до него вó-время. Въ общемъ содержаніи его изданія нѣтъ единства плана. Мы ожидали бы собственно только полное изданіе глаголическаго текста съ латинскимъ переводомъ и греческимъ источникомъ, потомъ параллели къ этимъ текстамъ изъ другихъ славянскихъ памятниковъ, что и сдѣлано вполнѣ удовлетворительно. Но уже Фризингскіе отрывки собственно сюда не идутъ. Еще же менѣе понимаемъ, съ какой стати нужно было издавать извѣстный евангельскій разсказъ о поѣздкѣ въ Эмаусъ по Остромірову Евангелію, по глаголическому тексту изъ Новакова служебника и по одному сербскому списку 1372 года, не говоря уже о совсѣмъ лишнихъ приложеніяхъ новыхъ переводовъ. Не нужнымъ можно назвать также напечатаніе синаксаря по Остромірову евангелію. Такимъ образомъ расширенная программа изданія могла бы быть оправдана желаніемъ издателя дать очеркъ историческаго развитія церковно-славянскаго языка. Но этой попытки и слѣда нѣтъ. Историческое освѣщеніе издаваемаго памятника сводится къ любимой идеѣ его, выставить на показъ карантанизмъ. Въ угоду ей онъ помѣстилъ въ свое изданіе текстъ анонима de conversione Caranthanorum, а также отрывокъ изъ паннонской исторіи. Менѣе всего удовлетворяетъ третья часть изданія. Хотя Копитаръ довольно долго уже занимался церковно-славянскимъ языкомъ, изложеніе грамматическое, прибавленное къ этому изданію, нисколько не удовлетворяетъ насъ. Не говоря уже о томъ, что восхваленіе буквы j или Вуковскаго правописанія сюда не идетъ, удивляемся упрямству его, съ которымъ онъ отклонялъ Востоковское открытіе назализма: ѫ онъ беретъ за ê productum aut è fermè, несмотря на правильное сравненіе плѧсати съ plinsjan, пѣнѧзь съ phening, оусерѧзь съ ausahriggs. Въ сравненіи съ наукой, изложенной у Добровскаго, замѣтно очень мало улучшеній. Невѣрно напр. говорить что ь въ трьгоубь или рьци произошло изъ ѣ, мало выигрывается отъ опредѣленія ъ — ь какъ e muet gallicum! Въ склоненіи еще повторяются ошибки, какъ предл. п. ед. ч. сынѣ, двойств. число сына, вин. мн. ч. сыновы, предл. мн. ч. сыновѣхъ, твор. сыновы. Отъ слова «домъ» предл. мн. ч. имѣетъ форму домехъ, отъ «слово» нѣтъ формы съ тематическимъ слогомъ — ес, двойств. ч. слова и лица; отъ «небо» дат. ед. ч. «небесоу». Прилагательныя оканчиваются на -омоу, -омь, -ои, отъ «вышьнии» род. ед. ч. вышьниѩ! Въ спряженіи переходящаго времени совсѣмъ нѣтъ, онъ пишетъ формы наст. вр. ıадева, ıадета, вѣдева, дадева (хотя зналъ даста, вѣста), отъ чьтѫ неопредѣл. наклоненіе выходитъ ему чьсти, аор. рѣхъ производится отъ рѣѫ и т. д. все

грубыя грамматическія ошибки, ускользнувшія отъ его вниманія изъ-за постояннаго доказыванія «карантанскаго» происхожденія этого языка. Востоковъ замѣтилъ, конечно, ошибки, часть ихъ онъ хотѣлъ представить Копитару черезъ Кеппена (Письма II. 820 — 821), въ особенности по части словаря, гдѣ имѣются формы какъ **дъштьи** (вм. **дъшти**), **дѫтѫ** (вм. **дѣтѫ**), **лѣдъ — льдоу** (вм. **ледъ — ледоу**), **лѫзѫ** (вм. **лѣзѫ**) и т. д. Блестящую сторону изданія представляютъ, несмотря на тенденціозность подбора, историческія данныя, написанныя живо съ увлеченіемъ и остроуміемъ. Извѣстныя слова (на стр. IX), какъ **црькы**, **олтарь**, **хрьстъ**, **постъ** и т. д. повторяются конечно и здѣсь; къ прежнимъ прибавлены здѣсь еще **пеклъ** и **срѣда**. Говоря о соотношеніи обоихъ алфавитовъ, онъ думалъ что **ѧ** супрасльской рукописи заимствовано изъ глаголическаго алфавита. Онъ не прочь приписать глаголическому алфавиту первенство, только «грекъ» (Кириллъ?) предпочелъ греческія письмена, дополнивъ ихъ изъ глаголическихъ начертаній. Или же, спрашиваетъ, Меѳодій ввелъ глаголическій алфавитъ, чтобы успокоить латинянъ? (X — XI). Въ гл. XIII — XIV уже заглавію данъ нѣсколько странный видъ: Russi olim novissimi nunc primi, sed reliqui olim primi nunc novissimi. О Востоковѣ онъ отзывается съ большой похвалой, но все же, какъ мы видѣли, не соглашался съ нимъ тамъ, гдѣ слѣдовало. Не въ сущности, а въ названіи онъ былъ готовъ сдѣлать маленькую уступку, утверждая что «et Bulgaros in inferiori saltem Pannonia tunc habitasse inter Savum Dravumque fluvios, e francicis chronicis notum est», точно господство болгаръ было вездѣ основано на этнографической подкладкѣ. Подробно онъ распространяется о Новаковомъ миссалѣ и о различныхъ фазисахъ глаголизма въ Далмаціи съ нѣкоторыми совѣтами отъ себя (стр. XVIII — XIX). Хорошо сдѣлано коротенькое обозрѣніе древнѣйшей исторіи Болгаріи и Панноніи, но и здѣсь не обошлось безъ нѣкоторыхъ натяжекъ въ пользу паннонской теоріи, съ полемикой противъ Шафарика на счетъ **жд** и **шт** (XXXIII).

Копитаръ сумѣлъ позаботиться о томъ, вслѣдствіе своей опытности въ журналистикѣ, чтобы изданіе Glagolita Clozianus получило очень широкую и, конечно, заслуженную извѣстность. Отзывы вышли въ вѣнскихъ Jahrbücher 1836, томъ 76, 103—133 отъ М. Гаупта, въ Theologische Zeitschrift 1838 т. I, 343 — 370 отъ Феля, въ Göttinger Gel. Anz. 1836, № 33—35 отъ Як. Гримма (этимъ отзывомъ К. не былъ доволенъ «mehr chicanirend und capriciös als ernstlich und gründlich»), въ Gelehrter Anzeiger der k. bayr. Akademie 1837, № 140—142, отъ Андр. Шмеллера, въ часописѣ чешскаго музея 1837 отъ П. І. Шафарика. Шафарикъ былъ гораздо сдер-

жаннѣе въ напечатанной рецензіи, чѣмъ въ письмахъ къ Погодину и Востокову, въ которыхъ, признавая за Копитаромъ даровитость и богатыя свѣдѣнія, упрекалъ его въ «Rechthaberei, Sophisterei, gänzlicher Mangel an Wahrheitssinn». Это были только отчасти заслуженные упреки. Можно даже доказать, что Шафарикъ не вполнѣ вѣрно понялъ Копитара, приписывая ему отзывы о кирилловскомъ алфавитѣ, которые тотъ относилъ къ глаголическому. Разногласіе по вопросамъ далекаго прошлаго произвело между обоими всякого уваженія достойными учеными очень грустную взаимную ненависть, въ которой не послѣднюю роль играло тайное соревнованіе между ними. Копитаръ претендовалъ послѣ смерти Добровскаго на значеніе вожака in Slavicis, между тѣмъ и Шафарику изданныя уже въ то время Славянскія древности доставили большую славу и извѣстность въ славянскомъ мірѣ, такъ что Прага стала болѣе привлекать къ себѣ представителей славянской науки, чѣмъ Вѣна. Изъ переписки Копитара съ Ганкой, на которомъ онъ остановился за неимѣніемъ лучшаго корреспондента въ Прагѣ, довольствуясь этимъ старымъ, но мало уважаемымъ знакомствомъ — можно такъ сказать шагъ за шагомъ прослѣдить какъ нарождалась эта ненависть Копитара по отношенію къ Шафарику. Уже въ 1833 онъ спрашивалъ Ганку, читалъ ли онъ похвалу на Шафарика отъ Кухарскаго въ Blätter für literar. Unterhaltung? Videant ne se invicem nimis laudent, замѣчаетъ Копитаръ (Письма II. 110), и опять въ одномъ изъ слѣдующихъ (ib. 114) жалуется на то, что Ш* (т.-е. Шафарикъ), П* (т.-е. Палацкій), Ч* (т.-е. Челаковскій?), завидуютъ имъ (т.-е. будто ему и Ганкѣ!) и что Кухарскій разславилъ Шафарика какъ перваго слависта. Мало искренно онъ прибавляетъ: «Meinetwegen» и думаетъ: «Aber der Letzte hat noch nicht geschoben und wer der Letzte ist, wird nach dem Evangelium der Erste sein». Въ одномъ письмѣ 1834 года слышится опять та же жалоба противъ Шафарика, будто бы онъ хотѣлъ даже поссорить его съ Вукомъ, онъ обвиняетъ его чуть ли не зато, что теперь не благоволятъ къ нему ни Кухарскій, ни Мацѣевскій, ни Чопъ. Отзвуки этой натянутости между Копитаромъ и Шафарикомъ слышны еще въ 1841 году въ одномъ письмѣ Копитара Востокову (Переп. № 271, стр. 349), въ которомъ Копитаръ главную вину сваливаетъ на «meisterhaft bis zum Genie intriganten Пал**» (т.-е. на Палацкаго), Шафарика же называетъ иронически замѣстителемъ каѳедры Добровскаго въ Прагѣ, значитъ первенствующимъ по волѣ Палацкаго и другихъ въ славистикѣ. Съ большой горечью на душѣ вырвалось у него слѣдующее признаніе: «Daher werden Sie in allen Zeitungen, ja Conversationslexicis nur von Ш. П. und Kollár als slavischen Sprach- und Geschichtsforschern lesen. Ich stehe allein». На дѣлѣ Копитаръ самъ былъ много виноватъ въ этомъ. Онъ видѣлъ

только недостатки другихъ, самъ же не умѣлъ сдерживаться. Небольшого объема статьи полемическаго содержанія, затрогивавшія щекотливые вопросы о религіи и о славянской литургіи, вызывали съ многихъ сторонъ неодобреніе и бросали на Копитара тѣнь религіознаго прозелитизма. Не надо же забывать, что Палацкій, Шафарикъ и Колларъ были протестанты и вслѣдствіе того смотрѣли на вопросъ о Кириллѣ и о славянской литургіи съ другой точки зрѣнія чѣмъ Копитаръ. Изъ числа такихъ статей припомнимъ въ «Ausland» 1836 г. № 228 — 230: «Die Kirchenbücher der Russen» (написанная съ нѣкоторой анимозностью), въ 1838 году въ III выпускѣ журнала «Oester. Geschichtsforscher» (подъ редакціею Н. Хмеля): Pannonischer Ursprung der slavischen Liturgie», въ Augsburger Allg. Zeitung отъ 8 іюля 1839 № 189: «Die griechische und die lateinische Kirche».

Уже въ одномъ письмѣ Востокову Копитаръ высказалъ свое намѣреніе издать Ассеманово евангеліе, но въ изданіи Glagolita Clozianus нѣтъ и слѣдовъ знакомства его съ памятникомъ, значитъ, онъ не получилъ до тѣхъ поръ никакихъ выписокъ. Это обстоятельство ускорило его желаніе поѣхать въ Римъ. Путешествіе совершилось, какъ знаемъ изъ выписокъ изъ корреспонденціи съ Феслемъ, въ 1837 году: 29 апрѣля онъ уѣхалъ изъ Вѣны, 20 мая онъ уже съ удовольствіемъ сообщалъ, что благодаря любезности и предупредительности начальства ватиканской библіотеки, онъ могъ ежедневно заниматься и что треть упомянутаго памятника уже пройдена («excerpirt», значитъ, онъ дѣлалъ себѣ только выписки) и уже до конца того мѣсяца онъ надѣялся все закончить. Однакожъ въ письмѣ отъ 27 мая онъ могъ сообщить только о половинѣ готовой работы. Дальнѣйшихъ подробностей объ объемѣ выписокъ не имѣемъ. Въ теченіе или подъ конецъ іюня онъ, должно быть, покинулъ Римъ, на обратномъ пути остановился на десять дней въ Болоньѣ, гдѣ онъ усердно занимался (по 9 часовъ въ день) славянской псалтырью. 16 іюля онъ былъ въ Тріестѣ, 22-го уже въ Вѣнѣ. Послѣ этихъ положительныхъ извѣстій о занятіяхъ двумя замѣчательными памятниками церковно-славянской письменности можно было ожидать, что Копитаръ опубликуетъ что нибудь изъ нихъ, или что онъ приготовитъ новый трудъ въ родѣ Glagolita Clozianus. Къ сожалѣнію и тутъ онъ опять доказалъ, какъ у него не было способности спокойно сосредоточиваться на одномъ какомъ-либо вопросѣ. У него постоянно вертѣлась въ головѣ только полемика противъ несогласныхъ съ его взглядами представителей, которыхъ онъ считалъ точно своими личными врагами. Въ изданной въ 1840 году книжечкѣ: Hesychii Glossographi discipulus russus cum appendice philologici, maxime et slavistici argumenti nunc primum edidit Barthol. Kopitar, 8° 72, занимаютъ результаты его поѣздки въ Италію сравнительно не

много простора: о Болонской псалтыри стр. 34—39, объ Ассемановомъ евангеліи стр. 39—44 и о Манассіиной лѣтописи стр. 44—45, все остальное посвящено по обычаю критикѣ, въ которой нѣтъ необходимой научной объективности, а горечь недовольствія и разочарованія беретъ верхъ. Конечно, и здѣсь опять рѣчь идетъ «de linguae s. Methodii liturgicae pannonietate», (Кириллъ у него тенденціозно вытѣсненъ на задній планъ) и «de theatro apostolorum fratrum Cyrilli et Methodii laborum», въ знакомомъ смыслѣ и направленіи; личная же полемика направлена противъ Мацѣёвскаго, Коллара, Палацкаго, Шафарика, Гая и т. д. Онъ, должно быть, чувствовалъ и самъ, что этими безконечными полемиками поставилъ себя въ очень непріятное положеніе. Но вмѣсто того, чтобы спокойно разбирать аргументы своихъ противниковъ и гдѣ бы пришлось, дѣлать нѣкоторыя уступки, онъ съ упрямостью и безъ малѣйшей уступчивости настаивалъ на своемъ, заходя иногда слишкомъ далеко въ разрѣзъ съ преданіемъ, все подъ видомъ критики. Въ одномъ самообъявленіи своего Гезихія (Wiener Zeitung 1840 № 72) онъ порицаетъ «Partey-Unwesen» другихъ, упрекая ихъ въ постройкѣ «eines panslawischen Orientalismus», свою же точку зрѣнія считаетъ единственно вѣрной! Для потребностей новаго времени у него не было, по видимому, ни малѣйшаго смысла. Толковавшій въ молодые годы о важности орѳографической реформы, теперь, когда Гай сталъ вводить начала чешскаго правописанія въ хорватскую литературу, онъ назвалъ эту попытку неприличнымъ выраженіемъ. Противъ идеи иллиризма онъ былъ настолько враждебно настроенъ, что загребскимъ хорватамъ предлагалъ примкнуть лучше къ нѣмецкому или мадьярскому языку, если уже не желаютъ сохранить свой кайкавскій говоръ!

Въ это время онъ, состоя по своей наклонности и изъ-за своего Glagolita Clozianus въ перепискѣ со всѣмъ ученымъ міромъ, задался мыслью отыскать вновь слѣдъ того памятника, который извѣстенъ въ наукѣ по своему мѣсту храненія какъ Реймское евангеліе. Его поиски и распросы наконецъ увѣнчались успѣхомъ. Въ журналѣ «Blätter für literarische Unterhaltung» 1838 № 34—35 имѣется отчетъ объ этомъ благопріятномъ результатѣ съ отзывомъ о личности и дѣятельности Копитара, въ которомъ опять не обошлось безъ задора и выходки противъ славистовъ другого лагеря. Мы читаемъ: «Dieser geistige Erbe Dobrowskys, entfernt wie dieser von der Sucht durch oberflächliche Schöngeisterei dem Zeitgeiste zu huldigen, hat die slawische Sprachforschung um mehr als einen entschiedenen Schritt gefördert»... Дальше разсказывается о поѣздкѣ Копитара въ Римъ и занятіяхъ въ Ватиканѣ, потомъ о Кириллѣ и Меѳодіи, гдѣ опять подвигу ихъ дана въ смыслѣ теоріи Копитаровой совсѣмъ невѣрная окраска: «Die

Dioskuren Cyrill und Method fanden bereits ein weitverbreitetes, sittiges, mit christlichen Nationen vielfach verkehrendes, selbst schon christlich gewordenes Volk vor, als sie die slavischen Länder mit ihrem apostolischen Hirtenstabe segnend durchwanderten: ein Volk das nicht nur seine Religion und fertige Sprache, sondern auch seine Verfassung, sein öffentliches und Familienwesen und seine Schrift besass». Рисуя такую картину культурной среды, Копитаръ, конечно, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ западную Паннонію съ многочисленными колоніями нѣмецкими и большимъ церковнымъ вліяніемъ со стороны Зальцбурга, при чемъ онъ нарочно забывалъ, что первые шаги славянскихъ «діоскуровъ» были направлены не туда, а въ Моравію. Трудно сказать, сколько во всемъ этомъ извращеніи фактовъ примѣшивалось къ личнымъ чувствамъ любви къ своему родному племени, еще желаніе угодить Риму. Складъ мыслей и религіозныя убѣжденія склоняли, дѣйствительно, Копитара въ сторону Рима, какъ потомъ многихъ другихъ западно-славянскихъ или нѣмецкихъ католиковъ, что навлекало на него даже лишнія подозрѣнія со стороны православныхъ славянъ, а между тѣмъ вышло такъ, что его все таки искренняя и сердечная привязанность идеѣ славянства, хотя бы съ извѣстными ограниченіями, не находила полнаго одобренія даже въ Вѣнѣ, и еще менѣе въ Римѣ. Въ біографіи написанной Глюкзелигомъ имѣется къ словамъ, что дѣятельность Палацкаго, Шафарика и др. вызывала его поднять голосъ въ интересѣ церковно-исторической критики и обиженной католической церкви, слѣдующая выписка на поляхъ (внушенная безспорно самимъ Копитаромъ): «Merkwürdig, dass von Seite der römischen Theologen fast kein Gebrauch gemacht wurde von K's Forschungen pro domo eorum. Er war mit Mai, Theiner in Correspondenz, die benutzten ihn aber nicht». Такимъ образомъ выходило бы, что Копитаръ сидѣлъ между двумя стульями! Его своеобразнымъ симпатіямъ не сочувствовали ни тѣ, кто ихъ не раздѣлялъ, ни тѣ, кому онѣ расточались!

Послѣдніе годы его жизни ознаменованы рядомъ непріятностей въ сущности неважныхъ, но для впечатлительной натуры его все таки очень чувствительныхъ. Его сотрудничество въ изданіи древне-польской псалтыри принесло ему только непріятныя столкновенія, полемику и обиды. Онъ вмѣнялъ себѣ въ заслугу, что онъ первый указалъ Гормайеру на польскую псалтырь (въ письмѣ Добровскому отъ 15 апр. 1828, Письма I стр. 604), о которомъ тотъ потомъ оповѣщалъ ученый міръ какъ о своемъ открытіи. По своему обыкновенію Копитаръ тотъ часъ же заявилъ: мы хотимъ эту псалтырь издать здѣсь, т.-е. въ Вѣнѣ или по крайней въ Австріи. «Extra Austriam (sensu latissimo) non datur propter gloriam patriae»! Объ издателѣ

(графъ Дунинъ-Борковскій) сначала не упоминалось. Въ изданіи же, вышедшемъ въ 1834 году въ Вѣнѣ подъ именемъ графа, разсказывается, что сначала каноникъ Хмель извѣстилъ объ этой рукописи Копитара, отъ него же узналъ въ 1827 году Бандтке, который познакомилъ съ этой находкой польскую публику. Дунинъ-Борковскій сошелся съ Копитаромъ въ томъ, что списокъ рукописи, сдѣланный по порученію Хмеля въ Санктъ-Флоріанѣ, доставленъ въ Вѣну, а потомъ Дунинъ-Борковскій поѣхалъ самъ въ Санктъ-Флоріанъ, что бы еще разъ свѣрить списокъ съ подлинникомъ (1831, тамъ былъ и Кухарскій). О дальнѣйшемъ участіи Копитара сказано, что въ 1832 г. графъ хотѣлъ издать рукопись во Львовѣ, но что Копитаръ настаивалъ на скорѣйшемъ изданіи ея въ Вѣнѣ, обѣщавъ при корректурахъ свою помощь. Это обѣщаніе онъ сдержалъ, прибавивъ еще отъ себя раздѣленіе словъ (вм. scriptura continua подлинника), интерпункціи, отмѣтки pro и sic и новую свѣрку текста съ подлинникомъ, доставленнымъ въ Вѣну въ придворную библіотеку. Изданіе вышло, но Копитаръ не былъ удовлетворенъ передачею его участія въ изданіи, онъ напечаталъ въ вѣнскихъ Jahrbücher 1834, ч. 67, стр. 154—165 заявленіе отъ себя, на которое отвѣтилъ графъ Дунинъ-Борковскій (Zur Geschichte des ältesten polnischen Psalters. Eine Antwort. Wien 1835) и этимъ отвѣтомъ опять вызвалъ реплику Копитара въ особенной брошюрѣ «Antitartar». Сл. разсказъ Дунина-Борковскаго у Францева (Письма къ Ганкѣ стр. 341—2), а также разсказъ, Копитара Ганкѣ (въ Письмахъ II. 117—127). Здѣсь Копитаръ разразился бранью, и ему отлегло отъ сердца. Но не такъ легко онъ принялъ къ сердцу непріятныя столкновенія съ Прагой. Тутъ накоплялось, начиная со смерти Добровскаго, съ обѣихъ сторонъ много желчи. Вѣна (Копитаръ) и Прага (Палацкій, Шафарикъ) отомщали другъ другу. Копитаръ былъ очень недоволенъ уже тѣмъ, что въ реперторіумѣ Герсдорфа критика его (противъ Палацкаго) не была напечатана цѣликомъ. Но новыя оскорбленія для себя нашелъ онъ въ слѣдующемъ. Редакція изданія «Conversationslexicon der Gegenwart» пожелала получить его автобіографію (ту самую, которая напечатана потомъ въ I томѣ «Slavische Bibliothek» на стр. 1—18). Редакція воспользовалась ею (Leipzig 1840, III. B. 109—110) въ очень сокращенномъ видѣ, въ передѣлкѣ, которую потомъ приписывали д-ру Крейцбергу (Archiv XVIII. 577). Во всякомъ случаѣ, дѣятельность Копитара представлена здѣсь подъ угломъ зрѣнія пражскихъ славистовъ. Отдавая полную справедливость Копитару, какъ филологу, въ его экскурсахъ въ область исторіи біографъ находилъ его менѣе счастливымъ, чѣмъ школу Д., П. и Ш. О главномъ же трудѣ его, Glagolita Clozianus, говорится прямо, какъ о тенденціозномъ сочиненіи «rücksichtlich des seit Jahren, aber nur im

Geheimen sich fortspinnenden Krieges zwischen Oesterreich und Russland in Beziehung auf die Union der lateinischen und griechischen Kirchen im oestlichen Europa». Копитаръ представленъ здѣсь какъ своимъ Glagolita Clozianus, такъ и другими своими, отчасти анонимными или псевдонимными, статьями, какъ человѣкъ, который «unter dem Scheine unbefangener, rein historischer, gelehrter Forschung sich auch auf kirchlichen Boden gestellt als Vorkämpfer für die Union, vorzüglich bei den slavischen Völkern». Его паннонская теорія, которая никогда не шла такъ далеко, чтобы отвергать вліяніе греческихъ источниковъ на славянскія церковныя книги, обвиняется здѣсь въ томъ, что онъ отрицаетъ «auch den byzantinischen Ursprung der Slavischen Liturgie», и «der slavischen Kirchensprache, deren sich jetzt noch 40 von den 60 Millionen Slaven, beide des morgenländischen als des abendländischen Ritus bedienen, das oesterreichische Pannonien als ursprüngliche Heimath anzuwiesen und somit die Christianisierung der süddonauischen Slaven der lateinischen Kirche zu vindiciren suche, um dadurch die Uniirung der oesterreichischen nichtunirten Griechen, welche Russland bischer aus politischen Zwecken zu hintertreiben suchte, als ehemals bereits da gewesen zu erleichtern und zu bewirken». Наконецъ, порицается въ біографіи также дѣятельность Копитара, какъ цензора. Также въ IV томѣ того же изданія, гдѣ помѣщена біографія Палацкаго, есть нападки на Копитара: «dass er Palackýs Ansichten über den byzant. Ursprung der slavischen Liturgie auf eine in den Motiven wie in der Ausführung gleich unwissenschaftliche Weise zu verneinen suche, um hiedurch kirchlich-politische Bestrebungen zu erreichen».

Неудовольствіе, чтобы не сказать ярость Копитара можно представить себѣ. Ударъ этотъ былъ для него вдвойнѣ чувствителенъ, такъ какъ онъ, должно быть, сознавалъ по крайней мѣрѣ отчасти свою вину. Какъ иначе объяснить себѣ нежеланіе его оправдать себя фактами противъ довольно некрасивыхъ обвиненій? Правда въ книжкѣ Hesychii glossogr. discip. онъ (на стр. 67—72) напечаталъ свой отвѣтъ на обвиненія нѣмецкаго конверсаціонслексикона, но доказательствами его были — новая брань по адресу пражскихъ славистовъ, которые какъ протестанты не могутъ, по его мнѣнію, не ненавидѣть католицизма и Рима! Анонимный авторъ біографіи написалъ въ свое оправданіе статью въ Leipziger Allgemeine Zeitung № 128 (7 мая 1840), въ которой требуетъ для себя свободы мнѣнія, отрицаетъ же какое бы то ни было вмѣшательство Палацкаго или Шафарика въ составленіе біографіи. Не знаю, нашелъ ли Копитаръ достаточную награду за всѣ эти непріятности въ признаніи его трудовъ со стороны Импер. Петербургской Академіи (присудившей ему за Glagolita Clozianus большую золотую медаль) и короля

прусскаго, отличившаго его орденомъ pour le mérite (31 мая 1842). Но характерно для его душевнаго настроенія, что онъ обмѣнялъ русскую медаль на деньги и раздѣлилъ эти деньги между Вукомъ и Шафарикомъ! Зная его любовь къ экономничанію и скопидомству, мы вправѣ утверждать, что онъ сдѣлалъ подарки упомянутымъ двумъ лицамъ не изъ милосердія, а изъ желанія продѣлать маленькую демонстрацію!

Одинъ изъ послѣднихъ трудовъ Копитара свидѣтельствуетъ вновь о потерянномъ душевномъ равновѣсіи. Къ факсимилированному изданію Реймскаго евангелія, которое производилось въ Парижѣ на средства императора Николая, Копитаръ написалъ Prolegomena historica, но онъ сдѣлалъ это, даже по нашимъ нынѣшнимъ впечатлѣніямъ, настолько тенденціозно, что мы нисколько ни удивляемся, что русская цензура Николаевскаго времени не пропустила этихъ Prolegomena. По крайней мѣрѣ въ Россіи были въ обращеніи экземпляры изданія безъ этой Копитаровой прибавки, которую потомъ Миклошичъ перепечаталъ въ Slavische Bibliothek I. 57—84. Но не соглашаясь съ Копитаромъ, нужно все-таки преклониться передъ его замѣчательной твердостью, доходившей относительно вопросовъ о происхожденіи церковно-славянскаго языка просто до фанатизма. Какъ непоколебимъ онъ былъ въ своей вѣрѣ въ «цисданубіанизмъ», доказываетъ маленькая статейка его, которую онъ написалъ въ 1844 году (въ Wiener Zeitung) подъ заглавіемъ «Wissenschaftliche Nachrichten. Weitere Erläuterungen über das Rheimser und das Ostromirsche Evangelium». Статейка восполняетъ сообщеніе сдѣланное кѣмъ-то тамъ же въ № 9, которое онъ называетъ поверхностнымъ; тенденція же Копитара стремилась къ тому, чтобы представить читателю, что Реймское евангеліе принадлежитъ «ganz und gar nach Oesterreich», что оно представляетъ «für uns ein näheres vaterländisches Interesse». Признаться, удивляешься такой ненаучной точкѣ зрѣнія у Копитара! Объ участіи его въ изданіи Реймскаго евангелія написалъ Францевъ очень подробную статью въ Ж. М. Н. Пр. 1900: «Къ исторіи изданій Реймскаго евангелія».

Еще разъ былъ Копитаръ въ Римѣ: онъ уѣхалъ въ октябрѣ 1842 г. и пробылъ тамъ до мая 1843 г. Поѣздка состоялась при довольно необыкновенныхъ обстоятельствахъ. Въ Римѣ замышляли открыть греко-русскій коллегіумъ, въ которомъ намѣревались устроить каѳедру церковно-славянскаго языка, а также снабдить типографію Пропаганды новымъ славянскимъ шрифтомъ взамѣнъ или въ дополненіе того, который былъ увезенъ въ Парижъ. По указанію Авг. Тейнера Пропаганда обратила свои взоры на Копитара. Дипломатическимъ путемъ онъ получилъ отъ Меттерниха отпускъ и съ восторгомъ взялся за дѣло. Пріѣхавъ въ Римъ, онъ совѣщался съ секретаремъ Пропа-

ганды монсиньоромъ Кадолини, съ кардиналомъ Меззофанти и другими, какъ приступить къ дѣлу. Планъ его былъ — остаться въ Римѣ приблизительно на два года, въ теченіе этого времени преподавать питомцамъ коллегіума, пріѣзда которыхъ въ Римъ дожидались со дня на день, церковно-славянскій языкъ и литературу и одного изъ воспитанниковъ приготовить для замѣщенія его на каѳедрѣ. Точно такъ же имъ былъ представленъ планъ, какъ бы привести въ порядомъ славянскую типографію при Пропагандѣ. По его смѣтѣ хотѣлось бы расходовать на это дѣло около 15—20000 талеровъ (scudi). Но ожидаемые питомцы не пріѣзжали, Копитаръ же, за неимѣніемъ другихъ слушателей, сталъ обучать славянщинѣ одного францисканца, происхожденіемъ португальца, который готовился въ миссіонеры въ Молдавію и Болгарію. Онъ дѣлалъ хорошіе успѣхи, не успѣлъ только въ одномъ — сдѣлать Копитара монахомъ! Свободное время Копитаръ употреблялъ на списываніе Ассеманова евангелія при льготныхъ условіяхъ съ соизволенія папы. Онъ списалъ цѣлое евангеліе отъ Іоанна, изъ прочихъ дѣлалъ только выписки. Его здоровье пошатнулось, и онъ пожелалъ возвратиться домой. Вѣрно ли, какъ біографъ утверждаетъ, что у него было нѣсколько бесѣдъ съ папою, мы не знаемъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ своего друга Тейнера посвящалъ въ противоположныя теченія тогдашней славянской науки. Возвратившись домой, онъ получилъ повышеніе по службѣ (27 апрѣля 1843: первый хранитель и гофратъ), а отъ папы орденъ Григорія. Славянская наука, какъ видно, и отъ второй поѣздки его въ Римъ ничего не выиграла. Сл. отзывъ Зубрицкаго о Копитарѣ по этому дѣлу у Францева (Письма къ Ганкѣ) на стр. 383 и письмо Копитара Зубрицкому вскорѣ послѣ возвращенія изъ Рима (18 іюня 1843), въ которомъ онъ рекомендуетъ галицкимъ малороссамъ ожидать упорядоченія своего положенія при помощи Рима и нѣмцевъ и поэтому предлагаетъ митрополиту поѣхать въ Римъ («З корреспонденціи Дениса Зубрицького», отд. отт. изъ 43 тома Записокъ тов. Шевченка, 1901 стр. 39).

Въ эти годы онъ былъ занятъ еще однимъ дѣломъ, которое близко касалось славянской филологіи. Какъ извѣстно, онъ еще въ началѣ 30-хъ годовъ много интересовался Супрасльской рукописью, желая при посредничествѣ Востокова получить выписки изъ этого памятника. Что не удалось въ тѣ годы, когда онъ приготовлялъ изданіе Glagolita Clozianus, имѣло успѣхъ нѣсколько лѣтъ спустя. (Сл. статью П. О. Бобровскаго: Судьба супрасльской рукописи. Историко-библiограф. изслѣдованіе. СПбгъ 1887, 8°. 76 съ приложеніями; того же: Еще замѣтка о супрасльской рукописи. СПбгъ 1888. 8°. 11, и Archiv f. sl. Phil. X. 361). Приблизительно лѣтомъ 1838 года

онъ получилъ отъ Бобровскаго въ Вѣну часть (вторую) подлинника Супрасльской рукописи. Списавъ ее въ теченіе этого и первыхъ мѣсяцевъ 1839 года, онъ возвратилъ ее Бобровскому и вскорѣ потомъ получилъ остальную, т.-е первую часть подлинника. Знаемъ, что эту часть онъ началъ списывать въ 1840 году (19 февр.), а 20 апрѣля т. г. кончилъ 16 тетрадокъ. Какъ могло случиться, что послѣ законченной еще въ 1840 году работы списыванія, рукопись не была возвращена Бобровскому — это остается тайной. Виноватъ, быть можетъ, не столько Копитаръ, сколько Бобровскій. Какъ бы то ни было, рукопись нашлась послѣ смерти Копитара въ его библіотекѣ и вмѣстѣ съ прочимъ составомъ ея попала въ Любляну. Итакъ, и этотъ трудъ Копитара не имѣлъ успѣха, по крайней мѣрѣ его желаніе издать этотъ памятникъ не исполнилось при его жизни. Изъ одного письма Зубрицкаго къ Ганкѣ узнаемъ косвеннымъ путемъ, что Копитаръ собиралъ матеріалъ для житія славянскихъ апостоловъ. По крайней мѣрѣ Зубрицкій снабдилъ его копіею одного Львовскаго текста (сербской редакціи XV вѣка или русской XVII в.) житія Кирилла, а онъ «намѣревался издать... рукопись съ собственными примѣчаніями». Изъ этого тоже ничего не вышло. (Сл. вышеупомянутое письмо Копитара Зубрицкому, изданное проф. К. Студинськимъ въ 43 томѣ Записокъ тов. Шевч. 1901).

Къ физическимъ страданіямъ Копитара, повторявшимся въ послѣдніе годы все чаще — говорили о болѣзни легкихъ — присоединилась еще болѣзнь душевная, ипохондрія или малодушіе. По разсказамъ Миклошича Копитаръ постоянно боялся, какъ бы не остаться безъ средствъ подъ свои старые годы, поэтому и копилъ деньги на старость. Но онъ былъ въ то же время очень непрактиченъ въ житейскихъ дѣлахъ. Онъ отдалъ всѣ свои сбереженія (около 20000 флориновъ) одному своему земляку, вѣнскому адвокату Гостишѣ, на храненіе, не получивъ никакой расписки. Когда Гостиша внезапно скончался, вдова не хотѣла ничего знать о деньгахъ, и Копитаръ, не имѣя въ рукахъ никакихъ доказательствъ, потерялъ весь свой капиталъ. Говорятъ, это было такимъ ударомъ для него, что онъ съ тѣхъ поръ такъ и не могъ оправиться. Какъ въ прежніе годы, такъ и въ 1844 г. онъ поѣхалъ на лѣто въ Баденъ (подъ Вѣной) на отдыхъ и лѣченіе. Но лѣченіе въ Баденѣ на этотъ разъ не принесло облегченія. Тогда его ближайшій другъ, проф. Іенко, взялъ его къ себѣ, въ свою квартиру, для лучшаго ухода за больнымъ. И тутъ онъ (на Landstrasse) скончался 11 авг. 1844 г. Онъ не дожилъ 12 дней до совершенія 64 лѣтъ. Черезъ годъ ему былъ воздвигнутъ на могилѣ его памятникъ, на которомъ другъ его д-ръ М. Г. Фесль поставилъ слѣдующую надпись:

Bartholomaeus Kopitar
Carantanus
natus in pago Repnje ad Aenonam
d. 23 m. Augusti 1780
in slavicis literis augendis
magni Dobrovii
ingeniosus aemulator
obiit Vindobonae d. 11 m. Augusti 1844.

Я старался быть справедливымъ въ оцѣнкѣ этого даровитаго человѣка, накопившаго въ теченіе лѣтъ громадную эрудицію, человѣка въ высшей степени остроумнаго и оригинальнаго, о чемъ свидѣтельствуетъ уже его стиль, обнаруживающій большую начитанность въ классической, французской и нѣмецкой литературахъ. Хотя онъ не былъ поэтомъ на словахъ, но у него было много поэтическаго въ чувствахъ, которыя очень часто у него брали верхъ надъ разсужденіями трезваго разума. Онъ былъ неутомимъ въ литературныхъ занятіяхъ, но слишкомъ много времени у него уходило на мелочи, на переписку, на статейки, рефераты, критики и полемики. Его одушевленіе идеею австрійскаго, преимущественно католическаго славизма нажило ему при жизни и послѣ смерти много враговъ, не нашло же признанія ни въ наукѣ ни въ общественной жизни. Даже по библіотечнымъ дѣламъ не всѣ его желанія исполнялись. Когда въ 1827 году было предложено библіотекѣ купить 12 аѳонскихъ рукописей, Копитаръ описалъ ихъ и сдѣлалъ представленіе, требовалось 20000 флориновъ. Отвѣтъ былъ: отложить до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Въ 1830 году, когда въ Вѣнѣ узнали, что Венелинъ получилъ порученіе собирать на балканскомъ полуостровѣ рукописи, Копитаръ явился съ подобнымъ же планомъ въ пользу Вѣны, но въ 1831 году (въ январѣ) послѣдовало рѣшеніе: представленію не давать хода. Зная такіе факты, было бы трудно повѣрить, что у Копитара были когда-нибудь какія-либо тайныя порученія со стороны вѣнскаго правительства. Все, что онъ дѣлалъ, было сдѣлано по собственной его инициативѣ, открыто и откровенно, побужденіемъ же всегда было его личное убѣжденіе и настроеніе. Нельзя отрицать, что у Копитара было очень много чертъ, напоминающихъ романтиковъ первыхъ десятилѣтій XIX столѣтія, но онъ былъ, какъ во всемъ, такъ и въ своихъ романтическихъ увлеченіяхъ—человѣкъ въ высшей степени оригинальный. Трудно представить себѣ болѣе рѣзкую противоположность въ характерѣ и дѣятельности, чѣмъ была та, которую въ сравненіи съ Копитаромъ мы увидимъ у третьяго выдающагося представителя возрождавшейся новой славянской науки, у Востокова, къ которому насъ подводитъ нить разсказа.

ГЛАВА IX.

А. Хр. Востоковъ и его современники. — Первые кандидаты славяновѣдѣнія въ Польшѣ.

Первымъ настоящимъ русско-славянскимъ филологомъ въ Россіи былъ Александръ Христофоровичъ Востоковъ, нѣмецкаго происхожденія, но обрусѣвшій уже съ восьмилѣтняго возраста. Фамилія его писалась по произвольному опредѣленію отца Остенекъ — Ostenneck, которую онъ самъ, выступившій въ качествѣ русскаго поэта, замѣнилъ свободнымъ переводомъ въ Востокова. О молодыхъ годахъ его сохранились собственноручныя записи, изданныя съ подробными примѣчаніями въ 70-омъ томѣ «Сборника» отд., приложеніе 6-ое: Замѣтки А. Х. Востокова о его жизни, сообщилъ В. И. Срезневскій (1901, 1 — 110). Сл. также статью Пѣтухова «Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ научной и литературной дѣятельности А. Х. Востокова» (въ Ж. М. Н. Пр. 1890, мартъ. 56—118), гдѣ указана вся предыдущая литература. Вообще о Востоковѣ въ VII томѣ Исторіи росс. академіи М. И. Сухомлинова, 301—380. Востоковъ родился въ 1781 г. въ Аренсбургѣ на островѣ Эзелѣ (Oesel), онъ былъ незаконнорожденнымъ сыномъ (онъ самъ употреблялъ слово найденышъ) Л. Хр. Остенъ-Сакена, получилъ же первое воспитаніе (нѣмецкое) въ Ревелѣ у чужихъ людей, на восьмомъ году (1787) былъ по волѣ отца отправленъ въ Петербургъ и отданъ на воспитаніе въ кадетскій корпусъ (1788). Здѣсь онъ началъ «вникать» въ русскій языкъ, а тринадцатилѣтнимъ юношею писалъ уже русскіе стихи. Изъ корпуса онъ поступилъ въ февралѣ 1794 года въ академію художествъ съ цѣлью изучать архитектуру (по причинѣ физическаго недостатка — заиканія). Хотя онъ усердно занимался, но его тянуло главнымъ образомъ къ русской словесности и къ изученію русскаго языка въ связи съ прочими родственными языками путемъ сравненія. Въ академіи онъ между прочимъ подружился съ Ермолаевымъ, извѣстнымъ любителемъ русской археологіи, который попалъ потомъ въ Публичную библіотеку къ Оленину (Оленинъ извѣстенъ своимъ изслѣдованіемъ о Тмутороканскомъ камнѣ, изданнымъ въ 1806 году при содѣйствіи Ермолаева подъ заглавіемъ: «Письмо къ графу Алексѣю Ив. Мусину-Пушкину о камнѣ Тмутороканскомъ»). Востоковъ окончилъ курсъ академіи въ 1800 году, но оставленъ былъ еще на три года при академіи въ качествѣ пенсіонера, а въ апрѣлѣ 1803 года назначенъ помощникомъ библіотекаря въ академіи. Въ 1804 г. (въ апрѣлѣ) онъ прервалъ свои сношенія съ академіею, поступивъ на службу въ комиссію для составленія законовъ въ качествѣ переводчика. Въ то время (начиная съ 1801 г.) уже

существовало, получивъ свой уставъ, въ Петербургѣ «Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ», которому Востоковъ былъ извѣстенъ еще съ молодыхъ лѣтъ пребыванія въ академіи своими стихотвореніями. Дѣятельность его въ Вольномъ обществѣ изложена въ вышеупомянутой статьѣ Пѣтухова. Укажемъ на его поэму «Пѣвисладъ и Зора» (въ Періодическомъ изданіи этого общества 1804), замѣчательную примѣчаніями этимологическаго, но довольно фантастичнаго характера (въ родѣ Купало отъ глагола совокупить, Хорсъ отъ корчмы и т. д.). Въ 1805 и 1806 годахъ онъ рѣшился издать свои стихотворенія отдѣльными книжечками подъ заглавіемъ «Опыты лирическіе» двѣ части (новое изданіе въ 3 частяхъ вышло въ 1821 г.). Перечень и хронологическій порядокъ его стиховъ, начиная съ тѣхъ лѣтъ, когда онъ еще былъ въ академіи, указанъ въ его Записяхъ и примѣчаніяхъ В. И. Срезневскаго. Поэтъ Дмитріевъ отзывался о стихахъ его очень похвально, а императоръ подарилъ молодому поэту брилліантовый перстень. Но Востоковъ не ограничился произведеніями собственнаго творчества, а углублялся также въ теоретическую сторону стихотворства, написавъ въ 1812 г. въ видѣ критики на книгу Рижскаго и переиздавъ въ 1817 г. «Опытъ о русскомъ стихосложеніи». Въ 1812 г. онъ перевелъ также статью Шиллера «О высокомъ». Очень рано онъ началъ обращать вниманіе на грамматическую сторону русскаго языка. Въ «Краткомъ руководствѣ къ россійской словесности» Борна (1808) онъ помѣстилъ нѣсколько статеекъ грамматическаго содержанія, онѣ перечислены у В. И. Срезневскаго стр. 78 и сл. и у Булича, стр. 718. Читая Добровскаго «Славина» онъ перевелъ (1810) на русскій языкъ статью 20-ую подъ буквой Т, въ которой Добровскій снабдилъ своими примѣчаніями разсужденіе Шлёцера «Ueber die altslawonische Sprache», Востоковъ же сдѣлалъ свои примѣчанія на эти примѣчанія Добровскаго (сл. въ Филол. Наблюденіяхъ стр. XVIII — XXV). Его интересовала также народная поэзія и прочія явленія народнаго творчества (народныя пословицы). Въ связи съ собираніемъ матеріаловъ подобнаго рода онъ вдался въ переводъ нѣкоторыхъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ изъ собранія Вука Караджича. Въ 1825 и 1826 годахъ вышло нѣсколько переводовъ въ журналѣ «Сѣверные цвѣты» (перечислены у Срезневскаго на стр. 107—9).

Изъ собственныхъ записей Востокова видно, что онъ съ 1810 года мечталъ попасть въ Публичную библіотеку. Желаніе его исполнилось въ 1815 году — и этимъ, можно сказать, заканчивается первый періодъ его дѣятельности. Съ какимъ усердіемъ Востоковъ извлекалъ пользу для славянской филологіи изъ своего новаго положенія въ качествѣ помощника хранителя рукописей Императ. Публичной библіотеки, объ этомъ краснорѣчиво

свидѣтельствуетъ его извѣстное «Разсужденіе о славянскомъ языкѣ», напечатанное въ 1820 году въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской словесности», ч. XIX-ая (вторично въ 1856 году въ II. 1 «Ученыхъ записокъ II-го отдѣленія Импер. Акад. Наукъ», третій разъ, въ «Филологическихъ наблюденіяхъ» въ 1865 году — повидимому это тотъ же наборъ 1856 года). Въ этой знаменитой статьѣ Востоковъ даетъ сначала широкое обозрѣніе славянскихъ нарѣчій, припоминаетъ Фрейзингенскіе отрывки и Краледворскую рукопись, касается классификаціи Добровскаго, замѣчая при этомъ что русскій языкъ участвуетъ также въ такъ называемыхъ западныхъ примѣтахъ: *роз-*, *вы-*, *потка-птаха*. Онъ выводилъ оттуда, что русскій языкъ занимаетъ средину между восточными и западными нарѣчіями, къ восточнымъ нарѣчіямъ отводятъ его слѣдующія черты: 1) отсутствіе ř, 2) отсутствіе dl, 3) существованіе l epentheticum. На его взглядъ во время Кирилла и Меѳодія всѣ славяне еще понимали другъ друга, такъ, напримѣръ, какъ теперь житель Архангельска или Донской области понимаетъ москвича и сибиряка. Но лѣтъ 300—400 спустя отличія были замѣтнѣе, хотя по его мнѣнію и теперь еще западно-славянскія нарѣчія ближе другъ другу, чѣмъ русское къ сербскому или хорватскому. Замѣчательно вѣрно опредѣлялась природа гласныхъ ъ и ь: «стремленіе воздуха изъ гортани, потребное для образованія всякой изъ пяти гласныхъ а, е, і, о, u, но не достигающее сего полнаго изглашенія, потому что на половинѣ пути остановленное ударяется въ нёбо вмѣсто того, чтобы устремиться въ отверстіе рта». Разницу же между ъ и ь онъ означалъ такъ: «ь ближе подходитъ къ полнымъ гласнымъ отъ того, что гортанный воздухъ для произношенія его совершаетъ въ устахъ болѣе пути и ударяется въ переднюю часть нёба, почти къ деснамъ; ъ напротивъ того при самомъ исходѣ изъ гортани въ нёбо ударяется». Дальше продолжается относительно ъ: «сей послѣдній звукъ въ глубинѣ рта поднёбный звукъ между всѣми европейскими языками одному только славянскому принадлежитъ, да и между славянами остался, какъ кажется, у однихъ русскихъ и поляковъ. Но ь или й находится и въ другихъ языкахъ подъ именемъ j». Какъ видно, Востоковъ не понималъ еще настоящаго этимологическаго происхожденія обѣихъ гласныхъ, остановившись только на ихъ позднѣйшемъ фонетическомъ значеніи. Онъ зналъ, что сербы употребляютъ только ь, потерю ъı онъ ставилъ въ связь съ потерею ъ; начертаніе ьı въ Изборникѣ 1076 года онъ называлъ сербскимъ. Болѣе правильными познаніями древнѣйшаго типа церковно-славянскаго языка, чѣмъ они были у Добровскаго, Востоковъ обязанъ благопріятному обстоятельству, что у него находилось подъ рукою Остромірово евангеліе, которое онъ сталъ изучать еще до поступленія на

службу въ Публичную библіотеку (приблизительно въ 1814 году). На этомъ прочномъ основаніи онъ сумѣлъ различить различные періоды церковно-славянскаго языка. Для древнѣйшаго онъ указывалъ, кромѣ Остромірова евангелія, на Тмуторокапскій камень 1068 г., на Изборники 1073 и 1076 г. Сравнивая ихъ между собою, онъ отмѣтилъ въ Остроміровомъ евангеліи какъ не русскую, т.-е. южно-славянскую черту правописанія, различіе между **оу** и **ѫ**, **ю** и **ѭ**, **ꙗ** и **ѧ**, **ꙗ**. Назализмъ гласныхъ **ѫ**, **ѧ**, **ѭ**, **ѩ** утвержденъ главнымъ образомъ при помощи сравненія съ польскимъ языкомъ. Онъ увидѣлъ, что **ѫ** соотвѣтствуетъ польскому ą въ словахъ, какъ: **зѫбъ**, **мѫжь**, **голѫбь**, польскому ę въ словахъ, какъ: **гѫба**, **рѫка**, **ѫгль**, далѣе онъ замѣтилъ, что **ѫ** равняется польскому ą въ творительномъ падежѣ, польскому же ę въ 1 лицѣ ед. ч. Для **ѧ** соотвѣтствіе нашлось съ польскимъ ią въ **ꙗти**, **жѧти**, **зачѧти**, съ польскимъ ię въ **пѧть**, **десѧть**, **свѧтыи**, **ѩзыкъ**; потомъ онъ видѣлъ, что **ѧ** какъ ię существуетъ въ **имѧ**, **мѧ**, **тѧ**, **сѧ**, какъ ią въ **хвалѧть**, **творѧть** и въ причастіяхъ **любѧ**, **сѣдѧ**, **оучѧ** сравнительно съ польскимъ окончаніемъ — ąс. Какъ въ польскомъ видоизмѣняются ę и ą, такъ нашелъ Востоковъ въ средне-болгарскихъ памятникахъ смѣшанное употребленіе **ѧ** и **ѫ**, что еще болѣе убѣдило его въ точности его сопоставленія.

Главное открытіе статьи Востокова, какъ уже сказано выше (на стр. 130—1) не достигло своей цѣли въ глазахъ Добровскаго и Копитара. Замѣчательно, что Копитаръ еще въ 1836 году, издавая своего Glagolita Clozianus, не хотѣлъ стать рѣшительно на правильную точку зрѣнія, называя **ѧ** и **ѫ** «vocales productae sive nasales». Это упорство его объясняется отчасти тѣмъ, что онъ считалъ церковно-славянскій языкъ отцомъ нынѣшняго словенскаго, который за небольшими остатками не знаетъ назализма, вслѣдствіе чего онъ смотрѣлъ подозрительно также на польскій назализмъ. Еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Миклошичъ считалъ своей обязанностью исправлять Копитара (Vergl. Gr. I[1]. 54).

Какимъ путемъ Востоковъ дошелъ до своего открытія? Какъ изъ предыдущаго видно, главнымъ образомъ посредствомъ сравненія церковно-славянскаго языка съ польскимъ. Стало быть, сравнительный методъ тутъ блестяще оправдался. Мы знаемъ, что Востоковъ очень рано сталъ заниматься въ этомъ направленіи. Около 1802 г. онъ началъ собирать «коренныя и первообразныя слова языка словенскаго», въ 1808 г. онъ приводилъ уже въ порядокъ свое «Этимологическое словорасписаніе» (сл. примѣры по его рукописи у Срезневскаго въ Филол. наблюденіяхъ Востокова стр. V и у Булича 654—666), въ которое онъ вносилъ также польскія слова (1809). Для этого языка онъ пользовался словаремъ Кондратовича, для чешскаго слово-

указателемъ Добровскаго (въ его отчетѣ о путешествіи въ Швецію и Россію). Когда вышли первые томы словаря Линде, онъ не преминулъ ими воспользоваться и сдѣлать изъ нихъ извлеченія. Такимъ образомъ, именно польскій языкъ оказалъ ему для знаменитаго «Разсужденія» существенную услугу, что̀, кажется, и въ Россіи не сразу поняли. Въ доказательство можно указать на знаменательный фактъ, что противъ откровенно выраженнаго неодобренія со стороны Востокова грамматика Добровскаго переведена была на русскій языкъ и издана еще въ 1833—1834 годахъ безъ поправокъ, безъ измѣненій (подъ редакціей Погодина и Шевырева) или же,— что уже раньше (въ 1825 году) сдѣланное Пенинскимъ извлеченіе изъ грамматики Добровскаго тоже не воспользовалось указаніями Востокова. Отзывъ его объ этой книгѣ вышелъ въ Библіогр. листахъ Кеппена 1825, 349—359. Несмотря на все это, «Разсужденіе» упрочило быстро авторитетъ Востокова. Россійская академія избрала его въ 1820 году въ свои члены. Шишковъ поздравляя его, выразилъ желаніе, чтобы онъ въ академіи продолжалъ любимое Шишковское занятіе — опыты этимологическіе. На него вмѣстѣ съ непремѣннымъ секретаремъ Соколовымъ возлагалось составленіе сравнительнаго словаря всѣхъ славянскихъ нарѣчій, но Востокова въ то время влекло не къ словарю, а къ церковно-славянской грамматикѣ. Примѣръ Добровскаго побуждалъ его взяться за церковно-славянскую грамматику по богатымъ даннымъ, которыя были ему доступны въ рукописяхъ Публичной библіотеки. Но и этотъ трудъ требовалъ много времени и одного предварительнаго условія — изученія рукописей. Поэтому мы видимъ, что онъ занятъ (въ 1821 г.) описаніемъ «Евгеніевскихъ рукописей» (напеч. въ Уч. Запискахъ II отд. II. 2. 59—75, Филол. наблюд. 135—151), въ числѣ которыхъ оказались такіе древніе памятники, какъ отрывокъ Евгеніевской псалтыри, какъ листки Ѳеклы и Кондрата и т. д. Въ Библіографич. листахъ Кеппена (1825) онъ помѣстилъ описаніе рукописи XI стол., содержащей переводъ твореній Григорія Богослова, первыя извѣстія о Супрасльской рукописи.

Евгенію принадлежитъ заслуга, что онъ первый изъ русскихъ оцѣнилъ какъ слѣдуетъ достоинства Востокова и указалъ на него Румянцеву. Румянцевъ думалъ, быть можетъ, сначала обходиться съ нимъ, какъ съ Калайдовичемъ, но вскорѣ убѣдился, что свѣдѣнія Востокова нужно ставить несравненно выше. Онъ сталъ очень дорожить его совѣтами, и мы очень признательны ему за то, что ему удалось поручить Востокову описаніе своего богатаго собранія рукописей. Первые переговоры начались еще въ 1823 году. Много лѣтъ своей трудолюбивой жизни Востоковъ посвятилъ этому описанію, какъ

видно изъ его переписки съ Румянцевымъ. Меценатъ древне-русской письменности охотно снабжалъ Востокова библіографическими пособіями, онъ выписывалъ для него рѣдкія изданія, заказывалъ по его указаніямъ выписки изъ греческихъ рукописей и т. д. Когда описаніе, наконецъ, спустя уже много времени послѣ смерти Румянцева, было готово для печати, духовная цензура заставила кое-что вычеркнуть (сл. у Сухомлинова Истор. росс. академіи VII. 377—8), рукопись же была напечатана на счетъ Россійской академіи при сочувственной поддержкѣ со стороны министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова. Изданіе вышло въ 1842 г., 839 стр. in fol. Занятія по описанію этихъ рукописей были вскорѣ послѣ 1823 года прерваны на нѣсколько лѣтъ образцовымъ изслѣдованіемъ знаменитыхъ Фрейзингенскихъ отрывковъ, въ изданіи, появившемся въ свѣтъ въ 1827 году на средства графа Румянцева подъ именемъ П. Кеппена, но главное значеніе этого изданія: «Собраніе словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи, составлено Петромъ Кеппеномъ Спб. 1827 fol. XXXII. IX 94», — состоитъ въ приложеніи къ факсимилированному воспроизведенію текста, подъ названіемъ «Грамматическія объясненія на три статьи Фрейзингенской рукописи» соч. А. В. (стр. 21—86). Уже въ введеніи Востоковъ первый указалъ на взаимную зависимость одного изъ трехъ отрывковъ съ однимъ церковно-славянскимъ поученіемъ на имя апостола Марка, потомъ перечислены особенности правописанія и наконецъ слѣдуетъ «Алфавитный указатель реченій» съ замѣчательно точнымъ объясненіемъ, вызвавшимъ удивленіе Копитара. Недосмотровъ было очень мало. Востоковъ предпочелъ сознаться, что то или другое осталось ему непонятнымъ.

Еще одинъ трудъ его прервалъ на время занятія церковно-славянскимъ языкомъ. Въ 1831 году вышла первымъ изданіемъ его русская грамматика, пріобрѣвшая большую извѣстность въ русской учебной литературѣ. Грамматика явилась сразу въ двухъ видахъ: сокращенная стала учебникомъ уѣздныхъ училищъ и сдѣлалась съ самаго начала собственностью Департамента народнаго просвѣщенія; болѣе обширная, подъ заглавіемъ «Русская грамматика Александра Востокова по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенная» вышла въ первыхъ двухъ изданіяхъ (1831 и 1838) на счетъ Россійской академіи (см. Сухомлиновъ Истор. росс. акад. VII. 371—5), и еще въ 1874 году двѣнадцатымъ изданіемъ. Эта обширная редакція изобилуетъ множествомъ внимательно собранныхъ данныхъ относительно формъ склоненій и спряженій, но безъ малѣйшей попытки привести богатый матеріалъ въ систему. Въ этомъ учебникѣ Востоковъ выступаетъ какъ поклонникъ фактическихъ сторонъ и явленій языка, въ передачѣ которыхъ онъ всегда отличался удивительной точностью, но тутъ онъ и по-

казалъ самымъ нагляднымъ образомъ, какъ всегда чуждался теоретическихъ анализовъ. Поворотъ къ любимымъ библіографическимъ занятіямъ представляетъ описаніе рукописей Норовскихъ, напечатанное въ 1836 году въ Журналѣ мин. нар. просвѣщенія (перепеч. въ Уч. запискахъ II. 2, 96—115 и Филол. наблюд. 172—187).

Въ 1843 году Востоковъ обогатилъ славянскую филологію полнымъ изданіемъ Остромірова евангелія. Какъ извѣстно, для этого изданія былъ приготовленъ особый церковно-славянскій шрифтъ, передающій палеографическій характеръ подлинника по возможности вѣрно. Въ изданіи напечатанъ текстъ подлинника, какъ говорится, строка въ строку, буква въ букву, со всѣми сокращеніями. Подъ строкой внесенъ греческій текстъ, въ концѣ же текста приложена коротенькая грамматика и подробный словоуказатель. Все это сдѣлано Востоковымъ съ монументальной солидностью, свойственной всѣмъ его трудамъ. Не вдаваясь охотно въ какія-либо гипотетическія соображенія, онъ всегда отличался замѣчательно точной наблюдательностью и удивительно вѣрной передачею фактическаго. Какъ архитекторъ рѣшается на постройку только въ размѣрѣ существующаго матеріала, такъ и Востоковъ, изучившій не даромъ въ молодости архитектуру, въ своихъ филологическихъ постройкахъ не удалялся отъ данныхъ ему фактовъ. Не исполнивъ даннаго когда-то обѣщанія, написать обширную церковно-славянскую грамматику, онъ издалъ между 1858 и 1861 гг. по крайней мѣрѣ словарь этого языка въ двухъ томахъ, превышавшихъ значительно первое изданіе словаря Миклошича, но несравненно скуднѣе второго изданія Миклошича. Но и здѣсь превосходныя качества всѣхъ трудовъ Востокова выходятъ наружу въ полномъ блескѣ. Въ то время какъ Миклошичъ въ своемъ словарѣ даетъ множество примѣровъ, съ изложеніемъ, доходящимъ вслѣдствіе краткости иногда до полной неудобопонятности, Востоковъ приводитъ мало примѣровъ, но зато они отличаются всегда точностью и осмысливающею обширностью. Такимъ образомъ, словарь Востокова не утерялъ своего значенія даже и послѣ второго изданія Миклошича. Востоковъ принялъ участіе также въ академическомъ изданіи словаря русскаго языка въ четырехъ томахъ (1847); второй томъ вышелъ подъ его редакціею. Точно такъ же подъ его редакціею вышелъ «Опытъ областного словаря» (1852) съ Дополненіемъ (1858). Въ присужденіяхъ Демидовскихъ премій онъ участвовалъ въ качествѣ рецензента разныхъ, на полученіе премій представленныхъ сочиненій. Укажемъ на отзывы о фантастическомъ сочиненіи Данковскаго Matris slavicae filia erudita vulgo lingua graeca etc., напечатанный у Сухомлинова Ист. Росс. акад. VII. 321—326, гдѣ онъ, щадя безконечно самолюбіе составителя, совсѣмъ спокойно дока-

зываетъ автору, что ἄναξ не юнакъ, γάμοροι не ямари, παραφήμη не тожественно съ правлю — pravím, πόνος не поносъ! Далѣе о словарѣ Шимкевича 1842 (XI присужд.), о филологическихъ наблюденіяхъ Павскаго 1844 (XIII присужд.), о средне-болгарскомъ вокализмѣ Билярскаго 1848 (XVII присужд.), о словарѣ Павловскаго, о библіографическомъ трудѣ Каратаева и проч. Въ отзывѣ о корнесловѣ Шимкевича исправлено очень много невѣрныхъ сопоставленій автора, при чемъ Востоковъ обнаружилъ богатую этимологическую сообразительность. Въ отзывѣ о средне-болгарскомъ вокализмѣ Билярскаго можно указать на мнѣніе Востокова, что Реймское евангеліе не старше XIV-го столѣтія. Оно господствовало довольно долго въ наукѣ благодаря именно авторитету Востокова. Въ примѣчаніяхъ его на разныя сочиненія русскихъ и западно-славянскихъ ученыхъ слышатся отголоски его большой начитанности и научной осторожности. Укажемъ на нѣсколько мѣткихъ замѣтокъ по поводу реферата о Vergleichende Lautlehre Миклошича (въ I томѣ Извѣстій): въ оборотѣ **бѣгоу сѧ ꙗтъ** онъ узналъ дательный падежъ, въ именит. мн. ч. предпочелъ **четыре** формѣ **четырие**, въ именительномъ на **-ыни**, **-ни** правильно усмотрѣлъ болѣе древнюю форму, онъ зналъ, что **цръкви** для именит. ед. ч. менѣе древняя форма, чѣмъ **цръкы**, онъ исправилъ склоненіе мѣстоименія изъ **кои** въ **кыи** и т. д., вѣрно сказалъ, что при именительномъ **хвалѧ** существуетъ **хвалѧщь**, какъ винит. ед. ч. Неосновательными были только его возраженія противъ причастія **хваль** вм. **хваливъ**, но относительно дѣленія глаголовъ по классамъ нельзя иногда съ нимъ не соглашаться: **ковати** и **плькати** дѣйствительно не одно и тоже съ **коуповати**, **коевати**; **зовѫ-тъкѫ-съсѫ** не одно и то же съ **орѭ-сълѭ-глаголѭ** и т. д.

По отношенію къ западнымъ славянамъ переписка Востокова (изд. въ Сборникѣ V. 2) представляетъ такъ сказать три фазиса: въ первомъ мы встрѣчаемъ очень сердечное письмо Востокова Добровскому (въ 1824 году), заключающее въ себѣ много точныхъ указаній о церковно-славянскомъ языкѣ; во второмъ фазисѣ является Копитаръ (начиная съ 1828 года), сначала довольно сухимъ тономъ обращаясь къ Востокову, какъ къ своему «Fach- und Amtskollege», съ теченіемъ времени переписка становится нѣсколько сердечнѣе. Копитаръ воспользовался первымъ случаемъ (1830 г. апрѣль), чтобы изложить Востокову свою теорію пансловенизма (паннонско-корутанско-болгарскаго), указывалъ даже въ Остроміровомъ евангеліи на слѣдъ западнаго вліянія въ календарѣ (упоминаніе Сильвестра подъ послѣднимъ числомъ декабря), и — по своему обычаю всегда придраться къ кому-либо, — припомнилъ о чешскомъ фальсификатѣ относительно евангелія отъ Іоанна, говорилъ

о некритичности Кухарскаго и — Палацкаго. Новый толчокъ получила переписка вслѣдствіе открытія глаголическихъ отрывковъ Клоцовыхъ; сердечность Востокова, съ которой онъ поздравлялъ Копитара по поводу счастливаго открытія «глаголическаго Остроміра», какъ онъ выражался, и въ то же время надежда Копитара получить черезъ Востокова полезные матеріалы для изданія и поясненія найденныхъ глаголическихъ листовъ — все это внушило вѣнскому слависту уваженіе къ Востокову, на которое онъ нелегко рѣшился. Бывшій «Fach-und Amtskollege» превратился въ глазахъ Копитара въ «Verehrter Freund», — онъ высказалъ даже желаніе (въ 1841 г.), чтобы Востоковъ вознаградилъ его за потерю незабвеннаго Добровскаго, потому что онъ чувствуетъ себя одинокимъ. Гораздо содержательнѣе третій фазисъ переписки — сношенія Востокова съ Шафарикомъ, начавшіяся въ 1833 году, послѣ того какъ рухнула надежда Шафарика на личное свиданіе и знакомство съ Востоковымъ въ Россіи. Въ этой перепискѣ очень много интересныхъ указаній на ходъ занятій Шафарика, много данныхъ относительно различныхъ церковнославянскихъ памятниковъ, бывшихъ то у того то у другого, такъ сказать, подъ перомъ. Она даетъ также замѣчательную иллюстрацію натянутыхъ отношеній между Шафарикомъ и Копитаромъ все изъ-за паннонской теоріи послѣдняго. Шафарикъ увлекся чувствомъ оскорбленнаго въ своихъ убѣжденіяхъ ученаго до того, что торжественно заявилъ, что въ первенство глаголическаго письма передъ кирилловскимъ никогда не повѣритъ, «solange ich gesunden Menschenverstand habe»! Нашлись дѣйствительно люди, заподозрившіе потомъ здравый разумъ Шафарика, когда онъ подъ конецъ своихъ научныхъ занятій сталъ доказывать старшинство глаголическаго письма! Для насъ любопытно наблюдать, какъ Шафарикъ и Копитаръ обращаются съ своими взаимными жалобами и нареканіями къ одному и тому же лицу, къ Востокову, какъ высшему форуму объективности и справедливости. Востоковъ однако не любилъ входить въ споры. Мы по крайней мѣрѣ не знаемъ отвѣтовъ его, въ которыхъ онъ касался бы этого разногласія между Шафарикомъ и Копитаромъ, тогда какъ фактическими объясненіями охотно снабжалъ и того и другого. Не безъ основанія еще въ 1874 году Миклошичъ назвалъ Востокова самымъ трезвымъ изъ всѣхъ славянскихъ филологовъ и археологовъ. Даже такіе животрепещущіе вопросы, какъ о происхожденіи и родинѣ церковно-славянскаго языка, объ отношеніи двухъ славянскихъ алфавитовъ другъ къ другу — его не волновали, онъ былъ увѣренъ, что какъ при томъ, такъ и при другомъ взглядѣ на эти вопросы можно оказать большія услуги наукѣ, что онъ, дѣйствительно, доказалъ своими монументальными трудами. Къ сожалѣнію только небольшая часть ихъ повторена въ изданіи

1865 г.: «Филологическія наблюденія А. Х. Востокова», гдѣ помимо перепечатки его изслѣдованій большого признанія заслуживаетъ «Сводъ наблюденій Востокова о рукописяхъ» составленный молодымъ тогда славистомъ А. Н. Пыпинымъ. Скажемъ, наконецъ, что Востоковъ подъ конецъ жизни, хотя и не исполнилъ давнишняго обѣщанія насчетъ церковно-славянской грамматики въ широкихъ размѣрахъ, все же издалъ въ 1863 году въ «Ученыхъ Запискахъ» (VII. 2) болѣе обширное обозрѣніе грамматическихъ формъ языка по древнѣйшимъ источникамъ, чѣмъ то, которое въ свое время было приложено къ изданію Остромірова Евангелія. Однако и здѣсь онъ ограничился передачей фактовъ, не вдаваясь ни въ какія объясненія.

Замѣчательную роль посредника между Россіей и западными славянами игралъ Петръ Ив. Кеппенъ (Köppen), русскій нѣмецъ, очень благородный человѣкъ съ широкимъ образованіемъ, любитель русской словесности и археологическихъ изслѣдованій, хотя по воспитанію онъ былъ юристъ и служилъ сначала въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ въ особенности статистика была его главнымъ занятіемъ. Въ ранніе годы онъ уже показывалъ наклонность къ нумизматикѣ и палеографіи, какъ видно изъ переписки съ Калайдовичемъ (Чтенія 1862, III. 124—6), въ 1818 г. вышло его «Обозрѣніе источниковъ для составленія исторіи русской словесности», а въ 1822 «Списокъ русскимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной палеографіи» (на средства графа Ѳ. А. Толстого, Москва 8⁰ 12, VIII. 119). Любовь къ языкознанію явствуетъ изъ обширнаго «донесенія» въ Вольное общество любителей Россійской словесности (часть X. 189—225) о сочиненіи Аделунга» «Uebersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte» (1820, сл. у Булича стр. 596—8). Провожая молодого Березина въ 1822 году за границу, Кеппенъ любилъ въ Германіи и въ Австріи вращаться въ кругу ученыхъ, заводилъ со многими изъ нихъ личныя знакомства, сообщалъ имъ любопытныя для нихъ свѣдѣнія о Россіи, самъ же расширялъ горизонтъ своихъ свѣдѣній. Познакомившись въ Вѣнѣ (въ 1823 г.) съ Копитаромъ и въ Прагѣ съ Добровскимъ и со свѣжимъ движеніемъ австрійскаго (чешскаго) славяновѣдѣнія (Караджичъ въ Вѣнѣ, Ганка въ Прагѣ), Кеппенъ и самъ полюбилъ теперь еще болѣе, чѣмъ прежде, эту отрасль научныхъ изслѣдованій и сдѣлался горячимъ приверженцемъ славянской науки въ качествѣ просвѣщеннаго диллетанта. Подъ вліяніемъ разсказовъ, должно быть, Копитара или Добровскаго онъ порѣшилъ поѣхать въ Мюнхенъ и снять тамъ въ полномъ объемѣ текстъ Фрейзингенскихъ отрывковъ, который онъ привезъ въ Петербургъ и отдалъ въ научное распоряженіе Востокову, съ которымъ завелись сношенія еще раньше. Трудъ Восто-

кова, посвященный этимъ драгоцѣннымъ остаткамъ славянской старины, представляетъ главную часть изданія, но есть также прибавленія самого Кеппена. Къ общему заглавію изданія (выше на стр. 220) прибавлено еще: Кн. I. содержащая въ себѣ Памятники собранные въ Германіи (СПбгъ 1827. 4⁰ XXXII. 187), но кромѣ этой I книги ничего больше не вышло. Подъ вліяніемъ идей австрійскихъ славистовъ — Копитаръ втянулъ его также въ вѣнскій журналъ Jahrbücher für Literatur — онъ порѣшилъ издавать въ Россіи журналъ, посвященный вопросамъ древне-русской и древне-славянской письменности. Это были очень замѣчательные и очень полезные «Библіографическіе листы», въ которыхъ сообщалось много критико-библіографическихъ свѣдѣній не только изъ русской, но также и изъ прочихъ славянскихъ литературъ. Тутъ впервые русская публика знакомилась съ именами, раньше того малоизвѣстными, западно-славянскихъ ученыхъ Добровскаго, Копитара, Вука, Коллара, Бандтке, Линде, Ганки, Шафарика, Мронговіуса и т. д. Какъ извѣстно, его «Записка о путешествіи по словенскимъ землямъ и архивамъ», напечатанная въ Библіограф. листахъ, 1825 № 33—34, послужила образцомъ и руководствомъ для вскорѣ послѣдовавшихъ путешествій въ славянскія земли молодыхъ русскихъ славистовъ, даже и Кухарскаго. Живой обмѣнъ мыслей въ этомъ изданіи, касавшійся также памятниковъ церковнаго содержанія, о которыхъ осмѣлились разсуждать даже католики и протестанты (издатель журнала былъ тоже протестантъ), не былъ къ сожалѣнію по вкусу злогласному ретрограду Магницкому. Онъ написалъ доносъ на Кеппена и его изданіе, и хотя духовный судъ, въ которомъ участвовалъ ученый Евгеній, оправдалъ Кеппена, все же у него пропала охота продолжать изданіе журнала (сл. Чтенія Моск. Общ. ист. и др. рос. 1864 кн. II. 143—161). Ему опротивѣла даже служба въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія, въ которомъ онъ состоялъ послѣдніе годы на службѣ, въ 1827 году онъ переведенъ по собственному прошенію въ министерство внутреннихъ дѣлъ и вскорѣ уѣхалъ въ Крымъ на службу по шелководству. Но онъ успѣлъ все-таки еще до отъѣзда въ Крымъ, какъ довѣренное лицо Шишкова и Россійской академіи, войти въ сношенія съ западно-славянскими учеными Ганкой, Шафарикомъ и Челаковскимъ о поступленіи ихъ на службу въ Россію въ качествѣ не то профессоровъ, не то библіотекарей по славяновѣдѣнію. Объ этомъ рѣчь ниже. Свое стремленіе быть посредникомъ между Россіей и славянскими странами, Кеппенъ засвидѣтельствовалъ послѣ прекращенія его Библіографическихъ листовъ тѣмъ, что перенесъ свои рефераты о славянскомъ литературномъ и научномъ движеніи въ Московскій «Телеграфъ» (1826, ч. X). Когда въ 1834 году онъ опять возвратился по приглашенію графа С. С. Уварова въ Петербургъ, у него

возобновилась прежняя преданность къ славянской наукѣ. Поддерживая сношенія съ западно-славянскими учеными, въ особенности съ Шафарикомъ, онъ сталъ помѣщать въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія письма о литературахъ славянскихъ. Кромѣ того, въ исторіи славянской филологіи должно вспомнить еще его въ 1851 году изданную этнографическую карту Россіи, матеріалъ для которой былъ имъ собираемъ еще въ двадцатыхъ годахъ, когда онъ состоялъ съ митрополитомъ Евгеніемъ въ перепискѣ относительно русскихъ нарѣчій (сл. Извѣстія 1896, I. 396 и сл.) и собиралъ образцы русскихъ говоровъ (сл. А. А. Куника статью «Ueber die von P. v. Köppen gesammelten Sprachproben, въ Melanges russes IV, livraison 2, St. Pétersbourg 1861, p. 210—217.

Рядомъ съ усерднымъ Кеппеномъ надо вспомнить о заслугахъ Филиппа Рейфа, родомъ швейцарца (1792—1872), не столько по грамматикѣ, которая вышла въ 1821 году на французскомъ языкѣ (Grammaire russe à l'usage des étrangers (есть и польское изданіе) и какъ передѣлка пространной грамматики Греча (Grammaire raisonnée de la langue Russe. St.-Petersbourg. 1829 въ двухъ томахъ), а по его этимологическому словарю, представленному въ 1833 году на соисканіе Демидовской преміи, въ обсужденіи котораго принялъ участіе также Востоковъ. Словарь признанъ достойнымъ преміи и напечатанъ въ двухъ томахъ 1835—1836 подъ заглавіемъ: Русско-Французскій словарь или этимологическій лексиконъ русскаго языка, составленный Филиппомъ Рейфомъ I. А—О. LIX, 648, II. П—У, 641—1111, съ приложеніемъ алфавитнаго списка русскимъ словамъ, содержащимся въ обѣихъ частяхъ сего словаря, 1—279, и еще однимъ прибавленіемъ, 8 стр. Словарь претендовалъ въ свое время на большую ученость, въ немъ славянскіе корни сравнивались съ санскритскими, персидскими, греческими, латинскими, германскими, арабскими и еврейскими, но сравненія, насколько относились къ коренному сродству, были мало удачны. Напр. *витать* сравнивается съ φοιτᾶν, *вымя* съ *mamma*, *жалѣть* съ ἐλεεῖν, *зыбать* съ σοβεῖν и σείειν, *крухъ* съ однимъ турецкимъ словомъ, *лить* съ λύειν, *рука* съ χείρ, *сътить* съ ζητεῖν и т. д. Гораздо исправнѣе указанія источниковъ при многочисленныхъ заимствованныхъ словахъ. По этой части словарь могъ оказать нѣкоторыя услуги позднѣйшимъ разысканіямъ Миклошича, Маценауера и другихъ.

Переходя отъ Россіи румянцевскаго и востоковскаго времени на почву польскую, наталкиваемся, послѣ обозрѣнія дѣятельности вышеупомянутыхъ лицъ (на стр. 138—156), на много обѣщавшее сознаніе необходимости болѣе систематическаго изученія славянства, хотя бы оно сначала понималось только

какъ посторонняя цѣль, какъ средство для обогащенія польскаго языка и польской литературы. Такъ мы видѣли уже у Линде, что всѣ попытки сближенія русскихъ научныхъ вопросовъ съ польскими получали окраску выгодъ польскихъ. Не безъ содѣйствія его произошло и то, о чемъ мы хотимъ теперь сказать два слова — о попыткѣ отправить нѣсколькихъ молодыхъ ученыхъ въ славянскія земли съ цѣлью изученія славянства и подготовленія ихъ для занятія каѳедръ по славяновѣдѣнію въ обоихъ тогдашнихъ польскихъ университетахъ, виленскомъ и варшавскомъ.

При жизни Добровскаго, такъ что онъ былъ еще свидѣтелемъ событія, состоялось рѣшеніе польскаго правительства, и это было уже въ 1816 году, что нужно для усовершенствованія, обогащенія и углубленія польскаго языка ввести въ кругъ предметовъ университетскаго преподаванія также родственные славянскіе языки. Нельзя отрицать, что на это рѣшеніе въ извѣстной долѣ повліяла дѣятельность Добровскаго въ Прагѣ и его сношенія съ выдающимися представителями польской науки, преимущественно съ С. Б. Линде. Первые избранники польскихъ университетовъ, Бобровскій для Виленскаго, Кухарскій для Варшавскаго, доказали предписаннымъ имъ маршрутомъ въ Вѣну и Прагу, своими сношеніями съ Добровскимъ и Копитаромъ, что ими и тѣми, кто ихъ отправлялъ за границу, сознавалась научная солидарность съ движеніемъ, сосредоточивавшимся тогда въ Прагѣ около Добровскаго, въ Вѣнѣ около Копитара. Обстоятельства выдвинули раньше Бобровскаго, но хотя условія его поѣздки за границу были довольно выгодны, полученный результатъ все же былъ для славянской науки самымъ ничтожнымъ, главнымъ образомъ потому, что онъ преслѣдовалъ двѣ очень различныя цѣли — усовершенствоваться въ богословскихъ наукахъ и изучать славянскую филологію. Кромѣ того, ему даны были еще порученія чисто историческаго характера въ пользу дѣла польскаго.

Бобровскій, Михаилъ Кирилловичъ, сынъ священника въ Гродненской губерніи (1785), учился въ гимназіи въ Дрогичинѣ и Бѣлостокѣ, въ университетѣ въ Вильнѣ, получилъ въ 1811 г. степень магистра философіи и въ 1812 г. магистра богословія. Въ Вѣнѣ, куда онъ поѣхалъ въ 1817 году, онъ долженъ былъ изучать на богословскомъ факультетѣ восточные языки и нѣкоторыя другія науки, а въ придачу обращать вниманіе также на славянскую литературу, предпринимать даже поѣздки въ разныя славянскія провинціи Австріи. Какъ совмѣстить все это, объ этомъ писавшіе инструкцію мало заботились. Въ Вѣнѣ онъ, конечно, познакомился не только съ знаменитымъ оріенталистомъ Гаммеромъ, но также и съ славистомъ Копитаромъ. Первый совѣтовалъ ему стремиться въ Парижъ

и Римъ, второй направлялъ его въ смыслѣ инструкціи въ Прагу къ Добровскому. Онъ послушался совѣта Копитара и поѣхалъ сначала на нѣсколько мѣсяцевъ въ Прагу къ Добровскому. Указанія и совѣты патріарха слав. филологіи произвели на благодарнаго Бобровскаго глубокое впечатлѣніе, подъ руководствомъ его онъ теперь только сталъ знакомиться съ древностями разныхъ славянскихъ литературъ, въ особенности съ церковно-славянскими, отчасти глаголическими текстами, рукописными и печатными. Но всѣ эти поученія Добровскаго не пустили глубокихъ корней у колебавшагося между богословіемъ и славистикой Бобровскаго. Изъ Вѣны сообразно съ инструкціей, руководясь, быть можетъ, также совѣтами Добровскаго, онъ поѣхалъ въ сѣверо-западную Венгрію, потомъ черезъ Грацъ въ Любляну, гдѣ библіотека Цойса представила ему богатую пищу. Водника не было уже въ живыхъ, но онъ познакомился съ М. Равникаромъ и знатокомъ глаголизма Я. Жупаномъ. Въ Венеціи онъ сошелся съ Соларичемъ, нѣсколько конфузныя понятія котораго не могли оказать большой пользы непосвященному въ подробности чужестранцу; желанное совмѣстное путешествіе въ Далмацію не состоялось. Въ Римѣ онъ познакомился съ рукописнымъ составомъ ватиканской библіотеки изъ церковно-славянскихъ памятниковъ, сдѣлалъ даже ихъ описаніе, которое и теперь еще существуетъ (сл. Archiv f. slav. Phil. XXV. 1 ff.). Онъ не имѣлъ однакожъ времени подробно вникать въ отдѣльные памятники, за исключеніемъ одного, такъ называемой старо-хорватской хроники, которую онъ списалъ и желалъ издать, придавая ей страннымъ образомъ значеніе большой старины. Прервавъ свое пребываніе въ Римѣ Бобровскій совершилъ поѣздку въ Далмацію (любопытныя подробности объ этомъ у Францева, Польск. славяновѣд. 278—292), гдѣ онъ лично познакомился съ Аппендини, принялъ даже участіе въ совѣщаніи объ ороографіи, пріобрѣлъ кой-какія книги, увидѣлъ печальное пренебреженіе со стороны австрійскаго правительства по отношенію къ языку народонаселенія, вездѣ поддерживавшаго и употреблявшаго только итальянскій языкъ — но изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній и путевыхъ впечатлѣній для славянской науки не осталось почти ничего. Даже то единственное пріобрѣтеніе, на которое онъ постоянно ссылался въ своихъ письмахъ и отчетахъ, хроника старо-хорватская, списанная имъ съ буквальной точностью съ ватиканской рукописи — не появилась въ свѣтъ, хотя намѣреніе было. Бобровскій должно быть чувствовалъ, что эта задача ему не по силамъ. Даже Лелевель, къ которому онъ не разъ обращался за совѣтами и помощью, не могъ оказать ему существенныхъ услугъ, за исключеніемъ того, что снабдилъ его матеріаломъ изъ Швандтнера. Куда попалъ весь мате-

ріалъ приготовлявшагося Бобровскимъ изданія, неизвѣстно. Въ его переводѣ на польскій языкъ вышла позже (въ 1826 г.) статья Совича (см. Францевъ 299), собственное же разсужденіе его о паденіи глаголизма въ Далмаціи приводитъ Францевъ (303—307) по рукописному тексту въ извлеченіи. Онъ интересовался также Гундуличемъ, имѣлъ списокъ лирическихъ сочиненій аббата Игнатія Гіорги (Францевъ 311). — Изъ Италіи Бобровскій поѣхалъ во Францію, гдѣ опять вниманіе его было раздвоено: то привлекали его восточные языки, то славянскія рукописи. По дорогѣ черезъ Германію онъ вспомнилъ о лужичанахъ, которые заинтересовали его больше по книгамъ, чѣмъ своимъ живымъ говоромъ и бытомъ. Возвратясь въ 1822 году, послѣ пятилѣтняго пребыванія за границей, въ Вильну, онъ не получилъ славянской каѳедры, а остался на богословскомъ факультетѣ, гдѣ въ 1824 г. дѣятельность его по невыясненнымъ еще причинамъ внезапно прекратилась. Для славянскихъ интересовъ этотъ переворотъ въ его жизни имѣлъ настолько хорошія послѣдствія, что онъ теперь могъ на невольномъ досугѣ больше времени посвящать славянскимъ вопросамъ. Завязалась переписка съ Кеппеномъ и Востоковымъ, касавшаяся между прочимъ Супрасльской рукописи, которую, говорятъ, Бобровскій списалъ съ подлинника, задаваясь мыслію объ изданіи ея. Только съ 1826 года, возвращенный въ Вильну, Бобровскій могъ думать о преподаваніи церковнославянскаго языка въ главной семинаріи, но и эта дѣятельность его не была продолжительна, въ 1833 году онъ получилъ приходъ и съ тѣхъ поръ ученая дѣятельность его окончательно прекратилась. Всѣ усилія его быть полезнымъ славянской наукѣ пропали окончательно. Насколько онъ самъ въ этомъ виноватъ, насколько неблагопріятныя обстоятельства, трудно опредѣлить.

Гораздо позже уже было приступлено къ проведенію въ жизнь того же плана въ Варшавѣ. Только въ 1823 году, послѣ того какъ прошеніе извѣстнаго впослѣдствіи поэта Іос. Богдана Залѣскаго, пожелавшаго въ 1822 году получить славянскую коммандировку, не имѣло успѣха (см. Францевъ, Къ исторіи каѳедры славяновѣдѣнія въ Варшавскомъ университетѣ, Варшава 1904, стр. 3—4), счастливѣе его былъ другой кандидатъ, пожелавшій достигнуть той же цѣли, Андрей Кухарскій. Прошеніе его, представленное въ 1823 году, было уважено по крайней мѣрѣ въ 1825 году. Онъ былъ отправленъ въ славянскія земли на основаніи инструкціи, суть которой сводится къ идеямъ представленнымъ въ главную государственную комиссію въ запискѣ составленной предсѣдателемъ Общества элементарныхъ школъ, выше упомянутымъ С. Б. Линде. Въ инструкціи слышится еще отзвукъ идей конца XVIII-го столѣтія, требованіе основательнаго знакомства съ всеобщей философской грамматикой (упоминаются Сильвестръ де Саси, Фа-

теръ, Бернгарди и др.), предполагается подробное изученіе польской грамматики въ историческомъ ея развитіи (слова zgłębić grammatykę naszę narodową z wszelkiemi przypisami — относятся конечно къ Копчинскому), потомъ знаніе русскаго языка и главныхъ данныхъ церковно-славянской грамматики. Относительно пребыванія заграницею главное значеніе придавалось Прагѣ, рекомендовалось по дорогѣ туда познакомиться съ однимъ изъ польскихъ почитателей Добровскаго (Бандтке) въ Краковѣ, въ Прагѣ оставаться довольно долго, потомъ побывать нѣсколько времени въ Лужицахъ и черезъ Германію отправиться въ Вѣну, гдѣ опять главное вниманіе слѣдовало посвятить Копитару. Этой инструкціи придерживался Кухарскій, исполняя ее въ точности съ большой добросовѣстностью. Уже въ прошеніи онъ указывалъ на свои занятія, какъ студента, польскимъ языкомъ и санскритскимъ, русскимъ и чешскимъ языками. Еще до поѣздки онъ издалъ въ польскомъ переводѣ орѳографію Заборовскаго и Секлюціана (въ 1825 году) и статью объ акцентѣ польскомъ (1822, Gazeta literacka № 32), гдѣ рѣчь шла о значеніи акцента для версификаціи. По указаніямъ проф. Ляпунова въ одесской университетской библіотекѣ хранится въ рукописи (№ 93) статья Кухарскаго, написанная въ 1823 году «O języku sęskryckim i dyjalektach słowiańskich. Badania przez Andr. Franc. Kucharskiego». Окончивъ курсъ, онъ служилъ (съ 1816 по 1825) въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ (въ восьми заведеніяхъ, см. Францевъ 398), пока не состоялась его командировка. Черезъ Краковъ онъ поѣхалъ въ Бреславль (зимой 1825 г.), гдѣ усердно обогащалъ свои свѣдѣнія по исторіи польскаго языка, а оттуда въ Прагу, рекомендуемый Добровскому самимъ Линде и потомъ изъ Кракова Бандтке. Здѣсь его шестимѣсячное пребываніе было посвящено множеству задачъ, изумляющихъ даже своимъ разнообразіемъ: практическое изученіе живого языка, чтеніе древнихъ памятниковъ, занятія въ области географіи и древностей, ко всему этому еще собственные переводы изъ Краледворской рукописи, при чемъ онъ входилъ также въ обсужденіе спорнаго тогда вопроса о «часомѣрномъ» принципѣ чешской просодіи. Эта всеобъемлющая горячность Кухарскаго, имѣвшаго въ Прагѣ возможность пользоваться мудрыми совѣтами Добровскаго, не принесла желанныхъ плодовъ. Слишкомъ много вопросовъ накопилось у него въ головѣ. Требовалось много геніальности, которой вовсе не было у Кухарскаго, чтобы переварить такую богатую пищу. Замѣчательно, что у него не завязалось болѣе близкихъ сношеній съ Добровскимъ, послѣ его отъѣзда изъ Праги, а только съ Ганкой. И то, что Кухарскимъ сдѣлано относительно Лужицъ (изученіе нарѣчій, географіи и статистики, собираніе народныхъ пѣсенъ), доказываетъ его громад-

ное усердіе, но сумбуръ въ его головѣ отъ этого только увеличивался. Пріѣхавъ, послѣ вторичнаго пребыванія въ Прагѣ, въ Вѣну, онъ опять забралъ въ руки слишкомъ много предметовъ: занятія въ придворной библіотекѣ, изученіе южно-слав. нарѣчій и — желаніе списать и издать древнепольскую псалтырь. И здѣсь странная жадность повредила ему. Изъ всѣхъ этихъ занятій ничего не вышло, хотя пребываніе въ Вѣнѣ было довольно продолжительнымъ. Странствованіе Кухарскаго по Венгріи, между словаками, и къ южнымъ славянамъ — принадлежитъ къ довольно труднымъ подвигамъ, отнимаетъ собственно пальму первенства отъ русскихъ путешественниковъ (Срезневскаго и Прейса), но въ концѣ концовъ не привело тоже ни къ чему. Кухарскій много видѣлъ, много разбиралъ, но единственный остатокъ всѣхъ этихъ занятій его сохранился въ письмахъ, отчетахъ и нѣсколькихъ довольно незначительныхъ статейкахъ. Вліяніе Копитара замѣтно въ попыткахъ реформировать всю славянскую орѳографію по началамъ именно Копитаровскимъ. Впрочемъ, отзывы его о различныхъ говорахъ, напр. словацкихъ или венгерско-хорватскихъ, содержатъ при нѣкоторыхъ вѣрныхъ наблюденіяхъ все-таки очень много фантастическаго. Точно такою же была его попытка прочесть надписи на штирійскихъ шлемахъ по-славянски. Опредѣленіе кайкавскаго нарѣчія, наперекоръ авторитету Копитара, было сдѣлано у него довольно вѣрно. Онъ собирался написать грамматику этого нарѣчія, до чего однако не дошло. Путешествіе дальше на югъ, въ хорватское приморье и на острова, потомъ въ Далмацію до Дубровника, дало Кухарскому возможность видѣть много новаго и незнакомаго, пріобрѣсти порядочное число библіографическихъ рѣдкостей, встрѣчаться съ людьми и прислушиваться къ говорамъ. Но, увы! и это богатство впечатлѣній и наблюденій такъ и осталось неиспользованнымъ. Часть пріобрѣтеній его попала потомъ въ библіотеку Новороссійскаго Университета (напр., рѣдкія Бернардиновы «Pistule» 1495 г.). Кухарскій пробрался даже въ Черногорію и остался тамъ дольше, чѣмъ нѣсколько лѣтъ спустя русскіе путешественники. Онъ видѣлъ здѣсь много рукописныхъ памятниковъ, наблюдая же народный говоръ, первый отмѣтилъ особенности произношенія согласной *х*. И объ этой, тогда еще мало знакомой странѣ онъ собирался написать особое сочиненіе, что однако не осуществилось! Возвратившись изъ путешествія вновь въ Загребъ, онъ не исполнилъ своего намѣренія поѣхать дальше на востокъ, между прочимъ, чтобы навѣстить Шафарика въ Новомъ Садѣ, а прямо черезъ Вѣну уѣхалъ въ Галицію, во Львовъ, потомъ въ Кіевъ и Москву, гдѣ онъ познакомился съ Погодинымъ и былъ очень радушно встрѣченъ. Въ Москвѣ онъ изучалъ, какъ самъ говоритъ, Мстиславово, въ Петербургѣ Остроміpово евангеліе, слова

Григорія и т. д., съ какой пользой,—неизвѣстно. Въ злополучный часъ Кухарскій возвратился въ Варшаву осенью 1830 года. Смутное время лишило его каѳедры славянскихъ нарѣчій, которая была ему уже назначена. Насколько онъ самъ былъ тутъ виноватъ, насколько другіе, трудно сказать. Вмѣсто университетской каѳедры онъ долженъ былъ довольствоваться мѣстомъ учителя въ гимназіи. Эта развязка, правда, не соотвѣтствовала ожиданіямъ Кухарскаго, но все-таки онъ самъ виноватъ, что и въ ближайшіе годы на него не обращали вниманія. Изъ громаднаго запаса собранныхъ имъ матеріаловъ онъ не сумѣлъ сдѣлать ровно ничего. Самое главное, что онъ впослѣдствіи исполнилъ, это было сочиненіе: Najdawniejsze pomniki prawodawstwa słowiańskiego, изданное въ Варшавѣ въ 1838 г. которое Бодянскій, несомнѣнно, согласно съ мнѣніемъ Шафарика, назвалъ грубой, безвкусной компиляціей, составленной изъ чужихъ трудовъ, въ которой нѣтъ ни одного слова, кромѣ заглавія, отъ издателя! Совершенно справедливо одинъ польскій ученый замѣтилъ, что для такого труда не представлялось необходимымъ путешествовать по славянскимъ землямъ. Разныя мелочи, напечатанныя имъ до появленія этого труда и позже, перечислены у Францева. Трудно угадать настоящую причину этой поразительной неудачи человѣка, подававшаго когда-то большія надежды. Соглашаясь съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ очеркѣ посвященномъ Кухарскому въ сочиненіи Францева, я придаю наибольшее значеніе роковымъ событіямъ 1830 и 1831 годовъ, отнявшимъ, повидимому, и у Кухарскаго охоту заниматься славянской наукой, перешедшей тогда уже совсѣмъ въ чешско-русское научное русло. «Ученѣйшій филологъ и пламенный славянинъ», какъ назвалъ его Погодинъ въ 1830 году, подавленный роковыми событіями упомянутыхъ годовъ и ихъ тяжелыми послѣдствіями, превратился въ жалкую фигуру сидящаго на развалинахъ своихъ надеждъ человѣка, который въ уныніи предался полнѣйшему бездѣйствію. Въ этомъ смыслѣ жаловался еще въ 1836 году на него его ближайшій соотчичъ и товарищъ Мацѣёвскій (Францевъ 745—8).

Не имѣя оффиціальнаго порученія посвятить себя славянской наукѣ, все-таки ревностнымъ поклонникомъ ея сталъ извѣстный польскій славянофилъ Вячеславъ Александръ Мацѣёвскій (Maciejowski). По спеціальной подготовкѣ юристъ въ области римскаго права, познакомившись съ средневѣковыми германскими правами, онъ вскорѣ накинулся на изученіе славянскаго права съ увлеченіемъ романтическаго націонализма, руководимый горячимъ желаніемъ доказать на основаніи древнѣйшихъ памятниковъ славянскаго права, при помощи языка и быта, что всѣхъ славянъ объединяетъ въ одно цѣлое единство правовыхъ воззрѣній и первобытныхъ учрежденій обще-

ственной жизни. Пока еще не было сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій, предмета болѣе доступнаго изслѣдованію, чѣмъ оттѣнки юридическіе, Мацѣёвскій задался смѣлой цѣлью написать сравнительное славянское право. Эта смѣлость достойна высокаго уваженія, хотя бы изслѣдователю пришлось на скользкомъ пути не разъ споткнуться, и даже въ томъ случаѣ, если бы пришлось назвать эту похвальную попытку вполнѣ неудавшейся. Мацѣёвскій родился въ 1793 году (въ Кальваріи, въ Польшѣ), кончилъ свое первое образованіе въ Петроковѣ, перебрался потомъ въ Краковъ (1812) пользуясь покровительствомъ Бандтке, и въ Бреславль. Здѣсь, будучи еще студентомъ, онъ получилъ назначеніе читать въ университетѣ о польскомъ языкѣ въ качествѣ лектора (Francev, Dobr. Bandtke 88). Продолживъ юридическія науки, онъ слушалъ лекціи римскаго и германскихъ правъ въ Берлинѣ и Гёттингенѣ. Съ признательностью онъ причислялъ себя къ ученикамъ Савиньи, съ благодарностью вспоминалъ также Эйхорна. Возвратясь въ Варшаву (1819), онъ былъ сначала преподавателемъ древнихъ языковъ въ лицеѣ, потомъ сдѣлался профессоромъ римскаго права, нѣкоторое время состоялъ также судьею трибунала. Въ молодые годы (1820) онъ написалъ по латыни Primaria iuris romani, которые вышли въ 1825 г. вторымъ изданіемъ, какъ Historia juris romani. Ко второй части этого сочиненія онъ собирался, нѣсколько лѣтъ спустя, написать въ видѣ приложенія нѣчто относящееся къ славянскому праву. Въ Варшавѣ онъ могъ пользоваться совѣтами и указаніями Лелевеля и Ив. В. Бандтке. Съ тою же цѣлью онъ завязалъ (1829) переписку съ Ганкой, продолжавшуюся много лѣтъ. Главное желаніе его заключалось въ томъ, чтобы черезъ Ганку достать необходимыя ему пособія для чешскаго права и еще кое-что другое. Отвѣты Ганки, повидимому, не вполнѣ удовлетворяли Мацѣёвскаго. Уносимый пылкой фантазіею одушевленнаго романтика въ идеальный міръ общеславянскихъ правовыхъ началъ, онъ не могъ довольствоваться первоначальнымъ намѣреніемъ придаточнаго изложенія къ римскому праву, а уже въ 1830 году выражалъ желаніе написать Rys praw słowiańskich (Францевъ, Письма къ Ганкѣ 711), въ 1831 году слышимъ даже о рѣшеніи написать трудъ: Historya prawodawstw słowiańskich (ib. 712). Гораздо позже авторъ самъ относилъ первые замыслы къ 1820 году. Въ одномъ письмѣ онъ намекаетъ на замѣчательныя, оригинальныя открытія, сдѣланныя имъ въ области славянскаго права (ib. 713). Это открытіе его вѣроятно заключалось въ томъ, что онъ во всѣхъ почти средневѣковыхъ правахъ германскихъ открывалъ слѣды славянскіе. Въ этомъ отношеніи онъ былъ похожъ на тѣхъ изслѣдователей въ области славянскихъ древностей, не прекратившихся до сихъ

поръ, которые вездѣ въ Германіи видятъ слѣды славянъ. Мацѣевскій увлекшись мыслью, когда она разъ овладѣла имъ, былъ въ состояніи неимовѣрно быстро работать. Онъ напоминаетъ намъ Лелевеля. Въ началѣ 1832 года I томъ его Исторіи былъ уже готовъ, въ іюнѣ того же года также II томъ (онъ вышелъ въ ноябрѣ этого года). Для продолженія дѣла (III и IV-го тома) ему казалось желательнымъ сдѣлать еще нѣкоторыя предварительныя изслѣдованія, сопряженныя съ поѣздками во Львовъ, въ Прагу и т. д. Въ 1834 году ему удалось получить пособіе на эту поѣздку. Съ тѣхъ поръ онъ чаще заѣзжалъ въ Прагу, былъ также въ 1842 году въ Москвѣ, состоялъ въ перепискѣ съ Погодинымъ. Проникнутый идеями славянской взаимности онъ построилъ свое изслѣдованіе на томъ убѣжденіи, что по древнѣйшимъ памятникамъ славянскаго права можно доказать такія же тѣсныя узы родства между славянскими народами и единство ихъ происхожденія, какъ на основаніи славянскихъ нарѣчій. Въ 1835 г. былъ уже готовъ III-ій и вскорѣ потомъ также IV-ый (послѣдній) томъ. Но хлопотливому ученому было мало того, что онъ самъ такъ скоро окончилъ свой трудъ. Онъ позаботился также о переводѣ его на другіе языки: на нѣмецкій (Buss u. Nawrocki, Slavische Rechtsgeschichte, Stuttgart 1835—1839) и на русскій (переводъ, предполагалось, сдѣлаетъ Хиждеу въ Бессарабіи, но это не состоялось). Объ отзывахъ на первое изданіе исторіи сообщаетъ авторъ самъ на стр. 498—499 перваго тома второго изданія. Неутомимая дѣятельность Мацѣёвскаго не прекращалась. Въ 1836 году онъ сталъ говорить уже о второмъ изданіи (въ письмахъ къ Погодину и Ганкѣ), которое должно было быть переработано и значительно расширено. Но въ это время онъ былъ занятъ еще и другимъ изданіемъ, какъ бы въ дополненіе къ исторіи. Оно вышло въ 1839 году въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: Pamiętniki o dziejach, pismiennictwie i prawodawstwie Słowian. Какъ извѣстно, это сочиненіе вызвало рѣзкую, хотя и вполнѣ заслуженную критику Копитара въ Hesychii glossographi discipulus. Желаніе Мацѣёвскаго доказать, что всѣ славяне приняли христіанство съ востока въ видѣ славянскаго богослуженія, конечно, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, Копитаръ сдѣлалъ только большую ошибку, припутавъ къ этой фантастической теоріи Мацѣёвскаго свои не вполнѣ справедливыя выходки противъ Шафарика и Палацкаго. Однако, критика Копитара не повредила Мацѣёвскому. Напротивъ, именно та часть труда его, гдѣ разсуждалось о первоначальномъ христіанствѣ славянъ, была переведена въ 1840 году на русскій языкъ Орестомъ Евецкимъ, подъ заглавіемъ: Исторія первобытной христіанской церкви у славянъ; переводъ же второй части сдѣланный П. Дубровскимъ вышелъ тоже, въ 1846 году въ «Чтеніяхъ», кн. 6.

Имѣется также французскій переводъ первой части, изданный въ 1846 г. подъ заглавіемъ: «Essai historique sur l'eglise chrètienne primitive des deux rites chez les Slaves. Traduit par Louis de Sauvé».

Новое изданіе главнаго труда, т. е. исторіи славянскихъ правъ, подвигалось медленно, авторъ перебивалъ самъ себя другими сочиненіями, посвященными различнымъ культурно-историческимъ вопросамъ внутренней жизни Польши, такъ, напримѣръ, въ 1842 г. вышелъ трудъ его: Polska aż do piérwszéj połowy XVII w. pod względem obyczajów i zwyczajów (4 вып.), въ 1846: Pierwotne dzieje Polski i Litwy. Даже второй главный трудъ его, посвященный исторіи польской литературы, опередилъ второе изданіе исторіи славянскихъ правъ. Это было его въ трехъ томахъ изданное Piśmiennictwo polskie (1851), на заглавіи значится «od czasów najdawniejszych do roku 1830», но на дѣлѣ сочиненіе прекращается на половинѣ XVII столѣтія. Изложеніе предмета довольно сухое, не отличающееся богатой библіографіей въ родѣ Юнгманна, но для древнѣйшей эпохи сочиненіе имѣетъ свою цѣну указаніями на разные памятники древне-польской письменности (въ особенности въ приложеніяхъ); впрочемъ нельзя полагаться на его опредѣленія времени отдѣльныхъ памятниковъ или на точность передачи текстовъ. Преимущества сочиненія состоятъ въ томъ, что авторъ обращалъ вниманіе на народную поэзію, ставилъ литературу въ связь съ совокупной жизнью народа. Это сочиненіе въ рукописи было окончено еще въ 1844 году. Мацѣёвскій самъ охарактеризовалъ тенденцію своихъ трудовъ такъ: «Въ Pierwotnych dziejach главное значеніе придается просвѣщенію, я разбираю этотъ вопросъ по возможности обширно. Это мое сочиненіе должно представлять дополненіе ко второму тому древностей Шафарика. Сколько у меня хватило силъ, я употребилъ ихъ для поддержки духа славянства въ Польшѣ, я выставилъ моимъ соотчичамъ на видъ, что отъ познанія общеславянскаго просвѣщенія зависитъ основательное пониманіе нашей (т.-е. польской) исторіи. Я старался привить побольше славянщины литературѣ польской. Съ этой цѣлью обработаны мною до сихъ поръ отдѣльные вопросы изъ внутренней исторіи славянъ, изъ такихъ побужденій возникли мои Pamiętniki, Polska pod względem obyczajów, Pierwotne dzieje и наконецъ исторія литературы». Всѣ эти труды Мацѣёвскій считалъ только предварительными изслѣдованіями для всесторонняго освѣщенія главной задачи — исторіи славянскихъ правъ. Онъ говорилъ, правда, и объ этомъ своемъ трудѣ уже въ 1847 году, какъ оконченномъ, но его собственныя слова свидѣтельствуютъ, что въ немъ тогда было еще много пробѣловъ. Въ особенности шестой томъ, посвященный памятникамъ, нуждался въ дополненіяхъ; пока, кромѣ польскихъ текстовъ, у него былъ только цольскій

переводъ винодольскаго статута, «lecz potrzebaby też umieścić pomniki prawodawstw czeskich, serbskich, słowackich. Jeżeli takowych nie znajdę, wtedy, niestety, będę się musiał ograniczyć na samych polskich... co nie będzie dobrze przystawać do prawodawstw słowiańskich». О статутахъ полицкомъ и туропольскомъ онъ зналъ только по наслышкѣ. Все-таки Мацѣёвскій былъ въ концѣ концовъ трудомъ своимъ доволенъ. Для его точки зрѣнія характерны слѣдующія слова: «Widzę teraz, jak na dłoni, że w salickiej ustawie, że w prawach anglo-saksońskich, że w niemieckich najdawniejszych prawach iest wiele słowiańskiego i litewskiego». Онъ былъ настолько убѣжденъ въ правотѣ этого своего взгляда, что предоставлялъ будущимъ изслѣдователямъ продолжать дѣло въ томъ же направленіи и доказать ясно, «że w niemieckich prawach iest daleko więcey słowiańskiego, niż w słowiańskich niemieckiego». Второе переработанное и значительно расширенное изданіе вышло въ шести томахъ: I въ 1856 г., II и VI въ 1858 г., III 1859, IV 1862, V 1865. Съ нѣкоторой гордостью могъ авторъ смотрѣть на это многотомное изданіе, въ немъ, дѣйствительно, много славянскаго энтузіазма, но ужасно мало критики. Фантастичностью своей исторія Мацѣёвскаго не много уступаетъ Колларовой «Староиталіи славянской». Въ доказательство можно бы привести множество курьезныхъ qui pro quo, полнѣйшее отсутствіе исторической критики и смѣшныя словотолкованія съ натяжкой въ пользу славянскаго происхожденія словъ въ родѣ gmina (отъ g-imenu, вм. ku imenu, оттуда kumina, gmina, imię же сопоставляется съ imienie I. 367), или alodis отъ al-ot (въ ot онъ усматриваетъ ojczyzna-patria, I. 528—9), съ alot же отожествляется adal (ib. 533) и т. д. Можно, конечно, во многомъ извинить Мацѣёвскаго, свалить вину на его некритическіе источники, но послѣ появленія въ свѣтъ древностей Шафарика непростительна все-таки путаница въ этнографической оцѣнкѣ древне-европейскихъ народовъ, непростительно также лишь поверхностное знакомство съ пособіями, въ которыхъ авторъ очень часто читалъ не то, что въ нихъ ясно сказано. Поэтому Мацѣёвскій заслуживаетъ большой похвалы за то, что онъ зоркимъ глазомъ слѣдилъ за литературой своего очень обширнаго предмета, такъ что ни одно мало-мальски важное явленіе не ускользнуло отъ его вниманія, но пользованіе этими многочисленными пособіями не можетъ быть названо удовлетворительнымъ. Къ труду его можно примѣнить слова: non multa sed multum. Какъ первое, такъ еще болѣе второе изданіе «Исторіи славянскихъ правъ» вызвало жестокую критику. Достаточно указать на книгу Дуткевича «Spostrzeżenia nad Historyą prawodawstw słowiańskich» (1870). На прочихъ трудахъ Мацѣёвскаго не будемъ останавливаться, достаточно указать на задушевно написанный отзывъ о значеніи его

въ славянской наукѣ, представленный южно-славянскимъ историкомъ Рачкимъ (Rački) въ LXVIII кн. акад. журнала «Rad», гдѣ были помѣщены также двѣ статьи самого Мацѣёвскаго (въ IX и XVIII книжкѣ). Онъ скончался девяностолѣтнимъ старикомъ 10 февр. 1883 г.

ГЛАВА X.

Чешскіе патріоты-романтики славянофильствующіе.

Въ то время, когда Добровскій въ Прагѣ высоко держалъ знамя славянской науки, изъ Вѣны же вторилъ ему Копитаръ, то соглашаясь, то противорѣча, пока они поддерживали сношенія со всѣми выдающимися представителями историко-филологическихъ изслѣдованій въ области славянскихъ вопросовъ и этимъ водружали солидарность научныхъ интересовъ между славянами — возрождалось въ Прагѣ молодое, горѣвшее одушевленіемъ поколѣніе чешско-славянскихъ романтиковъ, которые, изучая перемѣнчивую судьбу давно минувшихъ временъ и почерпая изъ нея смѣлыя надежды на возстановленіе лучшаго будущаго подъ эгидой славянской взаимности, внесли въ славяновѣдѣніе новую струю романтико-поэтическаго настроенія, подчиняя ему иногда требованія филологической и исторической критики. Во главѣ этой новой школы стояли Іосифъ Юнгманнъ (1773), Вячеславъ Ганка (1791), Янъ Колларъ (1793), Пав. Іосифъ Шафарикъ (1795), Францъ Палацкій (1798) и Фр. Лад. Челаковскій (1799), окруженные многими звѣздами меньшей величины. Хотя дѣятельность этихъ людей совершалась въ разныхъ областяхъ, и каждый изъ нихъ представлялъ свою особую ярко обрисованную индивидуальность, все-таки много общаго объединяло ихъ въ одну узко сплоченную фалангу. Прежде всего, это были люди изъ простого народа (Юнгманнъ, Ганка, Колларъ — изъ крестьянъ, Шафарикъ сынъ священника, Палацкій сынъ учителя, Челаковскій сынъ ремесленника), въ душѣ которыхъ запечатлѣлась вся поэтическая прелесть народнаго быта, изобиловавшаго тогда еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ теперь, разнообразіемъ народныхъ обычаевъ. Всѣмъ имъ было присуще извѣстное поэтическое дарованіе: Юнгманнъ переводилъ изъ Шатобріана и Мильтона, Ганка сочинялъ лирическія пѣсни въ простонародномъ жанрѣ, Колларова поэтическая натура пропитала собою всю его дѣятельность, Шафарикъ увлекался «татранской музой съ лирой славянской», переводилъ изъ Аристофана и Шиллера, Челаковскій извѣстенъ своими поэтическими воспроизведеніями народныхъ пѣсенъ, даже Палацкій

переводилъ въ молодые годы изъ иностранныхъ литературъ и писалъ стихи. Всѣ они любили народную поэзію: Шафарикъ и Колларъ были собиратели, Ганка и Челаковскій переводчиками и подражателями. Всѣ они любили поэтическимъ ореоломъ окружать древне-славянскій бытъ: Шафарикъ изслѣдовалъ славянскія древности, Палацкій погружался въ старину чешскаго народа, Колларъ искалъ славянъ даже въ старой Италіи. Наконецъ, и въ ходѣ образованія между нѣкоторыми изъ нихъ замѣчается много общаго. Шафарикъ, Колларъ и Палацкій какъ протестанты положили основаніе своему образованію въ Пресбургѣ, — для австрійско-славянскаго возрожденія Пресбургъ имѣетъ большое значеніе, — потомъ привлекала ихъ нѣмецкая университетская жизнь. Шафарикъ и Колларъ были въ 1815 — 1817 годахъ въ Іенѣ, гдѣ нѣсколько времени тому назадъ Фихте котораго историки нѣмецкой литературы называютъ отцомъ всѣхъ романтическихъ увлеченій (Готшаль I. 288—9) развивалъ свою дѣятельность. По разсказу Палацкаго одушевленіе Коллара воспылало впервые въ Іенѣ.

Если бы упомянутыя лица были только хорошими чешскими патріотами, обогатившими свою родную литературу важными сочиненіями въ стихахъ и прозѣ, ихъ значеніе въ исторіи славянской филологіи не имѣло бы большого вѣса. Но у всѣхъ ихъ вниманіе направлялось съ особенной любовью въ самые ранніе вѣка существованія своего народа; стремленіе изслѣдовать и выяснить эту старину, заставляло ихъ покидать узкія границы чешскаго обособленія и задаваться вопросами общеславянскими. Ходомъ и направленіемъ своихъ научныхъ занятій они были принуждены стать на болѣе широкій уровень — общеславянскій, на которомъ имъ уже предшествовалъ Добровскій, примѣромъ же имъ служили нѣкоторые нѣмецкіе ученые того времени, какъ Яковъ Гриммъ и Савиньи. Идеалъ же, къ которому должно было стремиться, нарисованъ былъ имъ гуманнымъ Гердеромъ, котораго всѣ славяне, начиная съ Добровскаго и Карамзина, просто обожали. Въ одномъ письмѣ къ Бандтке Ганка прямо назначаетъ цѣлью маленькаго кружка «uwiadomić się z pobratymczymi dyalektami» (Францевъ 1268).

Іосифъ Юнгманнъ. Менѣе другихъ выступалъ изъ предѣловъ чешскихъ Іосифъ Юнгманнъ. Его главные труды, исторія чешской литературы и чешскій словарь стоятъ на домашней почвѣ, но идеѣ славянской солидарности не былъ чуждъ и онъ, даже въ тяжелыя минуты не столько своей личной жизни, сколько общаго народнаго дѣла онъ почерпалъ изъ этой идеи новыя надежды, новую вѣру, новыя силы. Юнгманнъ родился въ 1773 г. въ Гудлицахъ, по завѣтному желанію матери предназначался для духовнаго званія, пріѣхалъ въ 1788 году въ Прагу въ гимназію піаристовъ, гдѣ обученіе шло,

правда, на нѣмецкомъ языкѣ, но движеніе въ пользу чешскаго языка стало уже замѣтно. Такія имена, какъ Пельцель, Добровскій, Прохазка, Тамъ, Томза, Неѣдлый производили уже впечатлѣніе. Слышались голоса въ пользу чешской національности даже въ рядахъ аристократовъ (графъ Кинскій). Въ Прагу возвратили чешскую корону, которой былъ коронованъ въ 1791 году императоръ Леопольдъ. Эти факты рядомъ съ университетскими профессорами, какъ Зейбтъ, Мейснеръ, Корнова и Выдра, (значеніе ихъ у Вълчека Dějiny české lit. II. 2. 9—11) вліяли на впечатлительную душу юноши, въ которой стало слагаться философское міровозрѣніе въ видѣ раціонализма французскаго и романтическаго національнализма (сл. Вълчекъ ib. 11—16). Первыя литературныя попытки его явились въ видѣ стиховъ (анакреонтическихъ) въ 1798 г. въ собраніи Пухмайера: Nowé básně (выпускъ I. 23. 118. 168) и въ сонетѣ (выпускъ IV. 1802 стр. 29): Těžké wybrání (M. Murko, Deutsche Einflüsse стр. 25). Въ журналѣ Hlasatel онъ напечаталъ также прозу, отличавшуюся правильностью чешскаго языка. Содержаніе было ультрапатріотическое: Dwoji rozmlauwani (I. стр. 43. 321) о чешскомъ языкѣ стремились воспламенить любовь къ чешскому языку. Изучивъ помимо классическихъ также новые языки (французскій и англійскій), онъ началъ очень рано переводить изъ Мильтона Ztracený ráj (1800—1804, изд. 1811) и изъ Шатобріана «Atala» (изд. 1805), увлекаясь не только прелестью содержанія, но также и желаніемъ содѣйствовать развитію чешскаго языка (сл. Zápisky 34). Дѣйствительно Юнгманнъ обогатилъ чешскій языкъ множествомъ неологизмовъ, большая часть которыхъ сдѣлалась потомъ общимъ достояніемъ литературнаго языка. Съ 1799 по 1815 годъ Юнгманнъ учительствовалъ въ гимназіи въ Лютомѣржицахъ, гдѣ при служебныхъ обязанностяхъ, исполнявшихся съ большимъ усердіемъ, окончилъ упомянутые переводы и кромѣ того принималъ участіе въ пражскомъ органѣ Неѣдлаго «Hlasatel» и въ вѣнскомъ журналѣ Громадка (Hromádko): Prvotiny pěkných umění. Въ первомъ журналѣ вышелъ, между прочимъ, его переводъ Бюргеровой Леноры, подъ названіемъ Lenka (1806, 466 и сл.). По словамъ Добровскаго, онъ намѣревался издать здѣсь въ подлинникѣ и въ чешскомъ переводѣ «Слово о полку Игоревѣ» (Francev, Dobr. Bandtke 57). Во второмъ журналѣ вышло между прочимъ въ гексаметрахъ написанное имъ посланіе «Slavěnka Slavinovi», а также переводъ изъ Гердеровыхъ «Ideen zur Philosophie der Geschichte des Menschheit», тѣхъ, всѣмъ славянамъ крайне понравившихся разсужденій, что относятся къ значенію славянъ въ прошломъ и будущемъ (№ XVII, 65—66), и переводъ статьи Копитаровой «Patriotische Phantasien eines Slaven» (Kl. Schr. 61—70) подъ заглавіемъ «O slovanských

nářečích a prostředcích jim se naučiti». Стоитъ для характеристики Юнгманна упомянуть, что онъ старался въ переводахъ дать иногда чужеземному содержанію національную славянско-чешскую окраску. Заслуга его состоитъ между прочимъ и въ томъ, что онъ, кромѣ переводовъ изъ французской, англійской и нѣмецкой литературъ, чуть ли не первый сталъ обращать вниманіе также и на литературу русскую. Относительно оригинальныхъ стихотвореній его см. отзывъ Якубца въ «Literatura česká devatenáctého století I. 566—572. Переведенный въ 1815 году въ старомѣстскую гимназію въ Прагѣ, Юнгманнъ нашелъ новую пищу и новыя побужденія къ дѣятельности въ окружавшей его здѣсь литературной средѣ, но положеніе его здѣсь было несравненно сложнѣе и затруднительнѣе. Нашлись люди, неблагопріятно и съ подозрѣніемъ слѣдившіе за движеніемъ чешскаго языка, которымъ и Юнгманнъ показался подозрительнымъ. Говорятъ, что онъ состоялъ даже подъ полицейскимъ надзоромъ (Č. Č. M. 1871, 272). Потребности школы, въ особенности для зрѣлаго возраста юношества, вызвали новое очень полезное изданіе Юнгманна, его «Slovesnost» (названіе, какъ видно, заимствовано изъ русскаго языка), которую онъ написалъ для распространенія эстетическаго вкуса и ознакомленія юношества съ главными началами поэтики, стилистики и риторики. Книга написана въ 1817 году подъ заглавіемъ «Slovesnost aneb zbírka příkladů s krátkým pojednáním o slohu». Пока она прошла всѣ цензурныя мытарства, наступилъ и 1820 г. Сочиненію предшествуетъ написанное въ патріотическомъ тонѣ введеніе, призывъ къ молодежи, «цвѣтущей надеждѣ родины», чтобы она изъ этого сочиненія выучилась «česky mysliti a mluviti». Добровскій, говорятъ, не былъ доволенъ сочиненіемъ изъ-за слишкомъ многочисленныхъ неологизмовъ, но не могъ быть доволенъ также и Нейдлый. Какъ разъ тогда бушевала между чешскими литераторами ороографическая вражда: Нейдлый и Ганка представляли оба противоположныя, въ сущности очень не далеко расходившіяся направленія. Юнгманнъ держался сначала въ сторонѣ отчасти потому, что, какъ видно изъ писемъ Добровскаго, Ганки и Линде, онъ еще не терялъ надежды на осуществленіе одной общей ороографіи для всѣхъ по крайней мѣрѣ западныхъ, латиницею пишущихъ славянъ, въ которой онъ усматривалъ большой рычагъ «k konečnému všech nás spojení» (V. Zelený, Život Josefa Jungmanna. V Praze 1874, стр. 183). Изъ переписки его съ Марекомъ (между 1813 и 1818) можно усмотрѣть, что онъ уже тогда интересовался вопросами о сплоченіи всѣхъ австрійскихъ славянъ для взаимной поддержки. Примкнувъ къ Ганкѣ, онъ устранилъ отъ себя вліятельнаго въ то время Нейдлаго, такъ что въ 1819 году жаловался на свое одиночество. Нейдлый заподазривалъ его и всѣхъ приверженцевъ новаго

правописанія въ тайномъ сообщничествѣ съ поляками и Русскими (Zel. 192). Споръ продолжался съ 1817 года, когда впервые вышла брошюра Ганки «Pravopis český», до конца слѣдующаго десятилѣтія. По разсказу Гануша въ Исторіи чешской литературы XIX столѣтія (I, 689 и сл.) выходитъ, что Ганка много виноватъ въ враждѣ возникшей между Неѣдлымъ и Юнгманномъ. Въ брошюрѣ Ганки 1827—1828 года «O počátku a proměnách pravopisu českého» (въ составленіи которой участвовалъ также Юнгманнъ) причисленъ Юнгманнъ къ новому направленію. Неѣдлый отвѣтилъ въ 1828 году (въ «Widerlegung der sogenannten analog. orthogr. Neuerungen in der boehm. Sprache»), вооружившись не только противъ новшествъ аналогическаго правописанія, но также противъ неологизмовъ въ словахъ, въ особенности противъ заимствованій изъ русскаго языка (Zel. 194). Юнгманнъ не хотѣлъ остаться въ накладѣ, онъ развивалъ свою точку зрѣнія 1829 въ брошюрѣ: «Beleuchtung der Streitfrage über die boehm. Orthographie». Послѣдній, выступившій въ защиту стараго направленія, былъ Палковичъ, издавшій въ 1830 г. въ Пресбургѣ: «Bestreitung der Neuerungen in der boehm. Orthographie». Вражда доходила до того, что Неѣдлый, какъ говорятъ, представилъ даже въ полицію какія-то выписки изъ сочиненій Юнгманна! Очень можетъ быть, что Юнгманнъ, взволнованный полемикой, не всегда благовидной, обвинялъ въ своихъ мемуарахъ Неѣдлаго и Добровскаго даже въ томъ, чтó имъ и въ голову не приходило (Zel. 198). Мы знаемъ изъ переписки Добровскаго съ Копитаромъ, что старикъ Добровскій именно въ послѣдніе годы былъ недоволенъ Юнгманномъ, но по другимъ причинамъ, не изъ-за правописанія.

Пуризмъ Юнгманна, вызывавшій много неологизмовъ, заставлялъ его иногда ломать себѣ голову, безъ малѣйшей надобности; напримѣръ, въ 1818 году онъ недоумѣвалъ, перевести ли слово «логика» существительнымъ ж. рода umnice или м. рода umník (по аналогіи съ slovník, mluvník; вмѣсто мужескаго рода mluvník Ганка предлагалъ mluvnice, которое потомъ было принято, Zel. 202). Цѣлесообразнѣе, во всякомъ случаѣ, была заботливость Юнгманна объ обогащеніи чешской литературы полезными сочиненіями изъ области различныхъ наукъ. Въ такихъ случаяхъ на судъ его выносили вопросы языка, въ особенности терминологіи, которая нуждалась въ новыхъ словахъ. Вниманіе его было обращено на научный журналъ «Krok», основанный въ 1821 году подъ редакціей Яна Пресля, не безъ участія Юнгманна; значеніе его съ самаго начала старались поднять своимъ участіемъ Юнгманнъ, Шафарикъ, Палацкій, Колларъ и др. Неологизмы, встрѣчаемые въ этомъ журналѣ, вызвали неодобрительную критику Добровскаго, онъ писалъ Ганкѣ, что новаго «Kroka» уже не понимаетъ: «Starý by novému nerozuměl, a nový brzo

usne» (Zelený 209). О неологизмахъ въ языкѣ сочиненій Юнгманна и вообще объ обогащеніи имъ чешскаго литер. языка написалъ недавно одинъ изъ бывшихъ моихъ учениковъ, Іосифъ Вальцель, очень старательно разработанную диссертацію: Die Verdienste Jungmanns um die čechische Schriftsprache. Она появится въ Archiv für slavische Philologie.

Еще однимъ обстоятельствомъ Юнгманнъ вооружилъ противъ себя Добровскаго, Пухмайера и прочихъ приверженцевъ ихъ направленія. Въ 1818 году вышла безъ именъ авторовъ, Шафарика и Палацкаго, ихъ книжка: «Počátkové českého básnictví, obzvláště prosodie» (v Prešpurku a v Praze), въ которой рекомендовались чешскимъ поэтамъ начала античнаго стихотворства, такъ называемая časoměrnost, вм. принятаго, по теоретической инціативѣ Добровскаго и практическому примѣру Пухмайера, принципа тоническаго. Къ нововведенію примкнулъ также Юнгманнъ, помѣстивъ въ «Крокѣ» (I. 2) статью въ защиту новой теоріи. Объ участіи его въ написаніи самой книжки мнѣнія расходятся. Проф. Краль (Král) доказывалъ, что Юнгманнъ принималъ участіе (въ Listy Filologické 1894. 2, 1895. 33, 1897. 19), дочь д-ра Ригра Червинка оспаривала это участіе («Osvěta» 1895, 101 сл.). Во всякомъ случаѣ, Юнгманнъ выступилъ въ пользу классическаго принципа еще въ 1804 г. однимъ рукописнымъ разсужденіемъ «Nepředsudné mínění o prozodii české», но оно не встрѣтило тогда сочувственнаго отзыва и осталось ненапечатаннымъ (сл. Literatura česká devatenáctého století II. 82 сл.). Добровскій назвалъ его въ одномъ письмѣ къ Линде (23. 3. 1823) главой особой секты чешскихъ зилотовъ и «ein erhitzter Kopf». Но авторитетъ Юнгманна въ то время былъ всѣми признанъ. Всѣ литераторы, въ особенности начинающіе, дорожили его покровительствомъ. Янъ Колларъ, возвращаясь изъ Германіи домой, остановился по дорогѣ въ Прагѣ (весною 1819), чтобы познакомиться съ тамошнимъ литературнымъ міромъ. Юнгманнъ взялъ подъ свою опеку его первыя стихотворенія, напечатанныя въ 1821 году подъ заглавіемъ Básně (это былъ зародышъ позднѣйшей «Slávy dcery» сл. Lit. česká devatenáct. stol. II. 164). О благорасположеніи его заботились и другіе тогдашніе писатели, напр. Челаковскій. Говорятъ, что Юнгманнъ зимой 1822 года читалъ друзьямъ своимъ частнымъ образомъ лекціи литературно-филологическаго содержанія, а когда дѣло шло объ учрежденіи чешскаго музея, онъ старался расположить графа Коловрата въ пользу разумной мысли, чтобы музей не былъ только складомъ древностей и коллекцій по разнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ, а также учрежденіемъ полезнымъ для чешской литературы. Однакожъ его разочаровала рѣчь графа Штернберга,

указывавшая при открытіи въ 1823 году только на задачу пускать въ чешскій народъ книжки общедоступнаго содержанія для укрѣпленія нравственности и святыхъ истинъ религіи.

Открытіе Краледворской рукописи привело Юнгманна въ восторгъ. Уже въ 1817 году онъ сообщилъ своему другу Мареку, какъ нѣчто особенно достопримѣчательное, что въ этихъ пѣсняхъ нѣтъ риѳмъ, онѣ написаны совсѣмъ въ духѣ Оссіана; вспоминалось уже о чешскихъ бардахъ. Юнгманнъ написалъ въ Dobroslav-ѣ (ч. III, вып. 2, 27—39) статью о Краледворской рукописи въ напыщенномъ тонѣ романтическаго патріотизма безъ малѣйшей критики. О какомъ-нибудь подозрѣніи насчетъ подлинности, конечно, не было рѣчи. Въ 70-ыхъ годахъ упрекали не безъ основанія Юнгманна (Č. Č. M. 1873 стр. 93) въ томъ, что онъ самъ могъ приготовить тотъ историческій, миѳологическій и филологическій комментарій къ Краледворской рукописи, который напрасно ожидалъ отъ Ганки. Добровскій, какъ мы уже говорили, нигдѣ не высказывался противъ подлинности Краледворской рукописи, должо быть, онъ и не изучалъ ея въ подробностяхъ, тогда какъ его отрицательное отношеніе къ Любушину Суду было главнѣйшимъ поводомъ къ столкновеніямъ съ Юнгманномъ. Кажется, Добровскій имѣлъ даже Юнгманна рядомъ съ Ганкой и Линдой въ подозрѣніи, считая Ганку и Юнгманна составителями, а Линду переписчикомъ Любушина Суда (Älteste Denkm. 169). Юнгманнъ не входилъ въ критику аргументовъ Добровскаго, такъ какъ нельзя признать критикой, что онъ назвалъ его нѣмцемъ! Но онъ сообщилъ намъ, какъ попалъ текстъ Любушина Суда въ «Правду русскую» Раковецкаго. Это случилось черезъ Ант. Юнгманна, пославшаго изъ одолженія польскому ученому Маевскому списокъ текста, отъ котораго онъ и достался Раковецкому. Мы уже знаемъ, что эта публикація подлога очень разгнѣвала Добровскаго. Когда же къ изданію текста въ «Крокѣ» (I. ч. 3, 56—61) Юнгманнъ написалъ комментарій, тогда выступилъ и Добровскій публично противъ подлинности, но на его возраженія Юнгманнъ не отвѣчалъ даже и тогда, когда появилась болѣе обширная полемика противъ подлинности въ вѣнскихъ Jahrb. (томъ 27). Съ тѣхъ поръ Юнгманнъ считалъ Добровскаго своимъ врагомъ, вотъ и все! А все-таки послѣдствія оправдали не Юнгманна, а Добровскаго. Мы теперь соглашаемся не съ Юнгманномъ, а съ Добровскимъ въ томъ, что древніе славяне до принятія христіанства не умѣли читать и писать. Позднѣйшее развитіе чешской поэзіи осталось также вѣрно принципу Добровскаго, сочинять стихи по ударенію. Какъ жаль, однако, что разногласіе въ чисто литературныхъ вопросахъ оттолкнуло этихъ двухъ замѣчательнѣй-

шихъ чеховъ того времени другъ отъ друга настолько, что они, живя въ одномъ и томъ же не очень большомъ городѣ, избѣгали встрѣчи даже въ теченіе многихъ лѣтъ (Zel. 243).

Рано, еще до своего прибытія въ Прагу, Юнгманнъ сталъ заниматься собираніемъ матеріаловъ для двухъ своихъ главнѣйшихъ трудовъ, для исторіи чешской литературы и для чешскаго словаря. Неѣдлый разсказывалъ въ 1809 году въ своей грамматикѣ, что Юнгманнъ готовитъ обширную исторію литературы. Педагогическія потребности, заставившія его написать прежде «Slovesnost», отодвинули исторію литературы на задній планъ. Въ 1822 году, когда Линде хотѣлъ издать коротенькое обозрѣніе чешской литературы на подобіе того, что имъ сдѣлано для литературы русской, и самъ съ этой цѣлью обратился къ Юнгманну за совѣтами и указаніями, проснулось должно быть у Юнгманна желаніе ускорить свой трудъ. Въ 1824 году онъ говорилъ уже что дѣло идетъ къ концу, вышла же книга въ 1825 году, какъ блестящій памятникъ большого трудолюбія. Но при богатствѣ описаній библіографическихъ критическая сторона труда, разборъ писателей и оцѣнка ихъ сочиненій, не оправдала ожиданій (сл. Lit. č. devaten. st. II. 550—564). Эту односторонность чувствовалъ и самъ авторъ, какъ видно изъ собственныхъ словъ его другу Мареку (1824). Справедливо замѣчаетъ при этомъ біографъ Юнгманна (Zelený), что Юнгманнъ отнесся къ заслугамъ Добровскаго не совсѣмъ безпристрастно. Онъ старался уменьшить его значеніе, даже въ сравненіи съ Пельцелемъ, обвинялъ же безъ причины его въ томъ расколѣ, который въ концѣ XVIII-го столѣтія произошелъ между словаками, католиками и протестантами (Zel. 251). Юнгманнъ выбросилъ это обвиненіе изъ 2-го изданія своей исторіи литературы. Критика Добровскаго на сочиненіе Юнгманна въ вѣнскихъ Jahrbücher (1827 Jänner-März) показала лишній разъ, что онъ стоялъ выше всѣхъ своихъ современниковъ, не исключая Юнгманна: ни малѣйшаго слѣда какого-либо личнаго нерасположенія, всѣ возраженія дѣльны, Любушинъ Судъ отклоняется съ легкой ироніей. Юнгманнъ былъ все-таки очень взволнованъ критикой Добровскаго, собирался написать реплику, но старанія Ганки, дѣйствовавшаго въ примирительномъ духѣ по внушенію Добровскаго (Vorschlag zum Frieden), имѣли успѣхъ (сл. Č. Č. M. 1870, стр. 340, Zelený 255). Юнгманнъ не совсѣмъ былъ доволенъ также отзывомъ Палацкаго о его книгѣ (Č. Č. M. 1827, ч. 1. 2. 4), какъ видно изъ нареканій его въ письмѣ къ Коллару (Zelený 257 прим.). Ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать оправданнымъ изреченіе Коллара, что Юнгманнъ былъ «тихій геній»; относительно геніальности, которой вообще нельзя ему приписывать, онъ стоялъ ниже Добровскаго, Шафарика и Палацкаго. Обидчи-

вость же его не знала предѣловъ, какъ видно изъ переписки его съ Колларомъ (Zelený 257) и изъ афферы съ Борингомъ, о которой уже упоминалось. Этотъ англичанинъ былъ, безъ сомнѣнія, Юнгманномъ нѣсколько враждебно настроенъ противъ Добровскаго (сл. Zel. 260 и Письма I 620—621), его неблагопріятный отзывъ встрѣтилъ у чеховъ порицаніе, по крайней мѣрѣ Палацкій въ Č. Č. M. 1828 (сл. нынѣ въ Spisy drobné III. 604) написалъ нѣсколько словъ въ защиту Добровскаго, гдѣ конечно о запечатанномъ пакетѣ Юнгманна не было рѣчи.

Постоянныя заботы Юнгманна о поднятіи уровня чешскаго языка заставили его возражать противъ слишкомъ широкаго, по его мнѣнію, употребленія нѣмецкаго языка въ изданіяхъ чешскаго музея (отзывъ объ этомъ, направленный противъ Палацкаго, въ одномъ письмѣ 1827 г., 10 нояб., Č. Č. M. 1880, 57, сл. также ibid. 1880, 199), напротивъ, онъ принялъ участіе (предисловіемъ) въ основанномъ тогда чешскомъ журналѣ для духовенства (но его статья не понравилась клерикаламъ, одинъ изъ нихъ, капланъ Ябулка заявилъ въ отвѣтъ Юнгманну, что чешскій народъ нуждается не столько въ литературѣ, сколько въ религіи), наконецъ возбудилъ вопросъ о роли, которую могъ бы играть чешскій музей для лучшаго покровительствованія чешскому языку. Говорилось объ изданіи при музеѣ чешскаго энциклопедическаго словаря подъ редакціей Палацкаго, Пресля и Юнгманна. Изъ редакціоннаго комитета по этому вопросу развилось новое литературное общество «Matice česká» 1830. Первымъ секретаремъ или управляющимъ этимъ обществомъ былъ Юнгманнъ. Ему принадлежала задача стоять на стражѣ чешскаго языка, наблюдать за его развитіемъ. Статья въ Č. Č. M. 1832, II, 165—181: «O různění českého písemního jazyka», отстаиваетъ идеалъ единства литературнаго языка на основаніи образцовъ XVI-го столѣтія (напр., Кралицкой библіи), она была направлена противъ сепаратизма словацкаго. Юнгманнъ возставалъ даже противъ Коллара, считая его слишкомъ уступчивымъ (въ письмѣ 1836 года, Č. Č. M. 1880, 210), онъ внушалъ ему писать такъ, какъ нѣкогда писалъ Коменскій и всѣ словацкіе протестанты, по крайней мѣрѣ, всѣ выдающіеся люди пойдутъ по его стопамъ. Нарушать авторитетъ этихъ идеаловъ ему теперь казалось очень вреднымъ. Въ то время журналъ матицы чешской «Časopis» принималъ еще статьи поэтическаго содержанія. Поэтому на страницахъ его появлялись переводы Юнгманна изъ Шлегеля, Клопстока, Гердера. Въ одной полемической статьѣ (противъ Палковичевой «Татранки», Č. Č. M. 1832, 235—248) онъ, разсказывая много о Добровскомъ, защищалъ себя отъ подозрѣнія, брошеннаго ему въ томъ, что онъ сочинилъ «Любушинъ Судъ».

Все это время, пока онъ печаталъ мелкія статьи разнообразнаго содер-

жанія, главной задачей его жизни былъ — словарь. Онъ началъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Прагу трудиться надъ осуществленіемъ этой идеи. Какъ трудъ его подвигался, мы знаемъ въ точности. Изъ различныхъ отзывовъ его выходитъ, что въ 1817 году онъ работалъ надъ буквою G (т. е. *j* по нынѣшнему), въ 1818 г. былъ при H. Въ слѣдующіе годы работа плохо подвигалась, отчасти вслѣдствіе болѣзни его. Осенью 1821 г. была кончена буква L. Въ 1828 году весной онъ дошелъ до предлога pod (въ непосредственно предыдущіе годы отнимала почти все время исторія литературы), въ 1831 году до U, весной 1832 до V, въ іюлѣ 1833 г. сынъ его писалъ Коллару: «Отецъ уже дошелъ до Z и будущей весной надѣется кончить». Расходы по изданію взялся, по крайней мѣрѣ для начала, покрыть музейный комитетъ. Въ сентябрѣ 1834 г. вышелъ первый томъ, съ предисловіемъ, въ которомъ авторъ благодарилъ за оказанныя ему пособія, упомянуты Kinský, Seidl, Hanka и пр. Ганка обидѣлся на то, что онъ былъ упомянутъ на третьемъ мѣстѣ. Юнгманновъ другъ Марекъ старался успокоить мелкое честолюбіе Вячеслава Вячеславича ссылкою на Краледворскую рукопись и на отличіе со стороны перваго славянина — императора Николая (Zel. 314)! Въ теченіе слѣдующихъ пяти лѣтъ печатаніе словаря было доведено до конца (1839). Признанія послѣдовали одно за другимъ, отъ Императорской Россійской Академіи была присуждена ему не большая (какъ Копитару), а средняя медаль, видно изданія его никто не изучалъ, какъ слѣдовало.

Самымъ лучшимъ доказательствомъ серьезности этого громаднаго труда Юнгманна служитъ тотъ фактъ, что до сихъ поръ онъ не устарѣлъ. Въ области древне-чешскихъ памятниковъ онъ, конечно, будетъ вполнѣ замѣненъ словаремъ Гебауера, когда тотъ послѣ преждевременной кончины автора будетъ продолженъ и конченъ. По количеству словъ превышаетъ его, правда, словарь Котта. Но какъ трудъ, почерпавшій съ послѣдовательной равномѣрностью изъ источниковъ чешской литературы по всѣмъ столѣтіямъ, словарь Юнгманна стоитъ несравненно выше Котта. Разработка отдѣльныхъ словъ отличается прекрасной наглядностью, въ этомъ отношеніи Юнгманнъ стоитъ выше Линде. Вообще словарь Юнгманна подкупаетъ читателя многими превосходными сторонами; но есть и слабыя стороны, укажемъ на одну: Юнгманнъ внесъ безъ надобности въ свой словарь много словъ, заимствованныхъ имъ же изъ языка русскаго и польскаго, про которыя нельзя утверждать, что они вошли въ общее употребленіе.

Со словаремъ, приведеннымъ благополучно къ концу, достигнута была главная цѣль его жизни. Теперь онъ могъ возвращаться къ своимъ прежнимъ занятіямъ. Въ 1845 г. вышла новымъ, совсѣмъ переработаннымъ

изданіемъ его Slovesnost, встрѣченная публикой съ большимъ сочувствіемъ (такъ что въ 1846 г. надо было изданіе повторить). Точно такъ же значительно расширена и дополнена во второмъ изданіи (1849) его исторія чешской литературы, хотя характеръ сочиненія остался прежній: Josefa Jungmanna Historie literatury české. Druhé wydání. W Praze 1849. 8⁰ VI. 772. На дѣлѣ изданіе вышло года четыре спустя послѣ смерти автора, въ 1851 году при содѣйствіи бывшаго секретаря его, извѣстнаго потомъ историка Томека, который написалъ біографію его, напечатанную вм. предисловія ко второму изданію исторіи чешской литературы I—VI.

Юнгманнъ слылъ аристархомъ чешскаго языка, онъ заботился въ особенности о томъ, чтобы изданія Чешской матицы были написаны правильнымъ языкомъ. Въ 1842 онъ вмѣстѣ съ Шафарикомъ сдѣлалъ шагъ впередъ въ упрощеніи чешской ороографіи, буква *g* была ими замѣнена *j*, взамѣнъ прежняго примѣненія которой въ качествѣ долготы гласной *i* стали писать *í*. Вскорѣ прибавилось еще *ou* вм. *au* и *v* вм. *w*. Юнгманнъ принялъ дѣятельное участіе также въ составленной на историческомъ основаніи хрестоматіи чешской литературы; первый томъ «Výbor z literatury české» вышелъ подъ редакціею Шафарика, Палацкаго, Ганки и Юнгманна. И для второго тома приготовлено кое-что имъ.

Юнгманнъ скончался въ 1847 году. Для характеристики его какъ человѣка можно найти богатыя данныя въ его Zápiskách (Č. Č. M. 1871, ч. 3 и 4) и въ его, къ сожалѣнію, критически еще не изданной корреспонденціи (Č. Č. M. 1880, 1881—1884, 1886, 1887, 1888—1889, 1890, 1892), въ которой главную роль играетъ его старинный вѣрный другъ Марекъ (о значеніи Марека см. въ Č. Č. M. 1890 статью Яна Якубца, на стр. 115—147, 344—375). Юнгманнъ принадлежалъ къ тому лагерю чешскихъ патріотовъ, которые въ горячемъ желаніи расшевелить національное сознаніе своего народа, охотно прибѣгали къ идеѣ славянскаго единства, какъ средству для достиженія цѣли, не имѣя серьезнаго желанія потонуть со своей индивидуальностью въ общеславянскомъ морѣ. Если одинъ изъ нынѣшнихъ польскихъ ученыхъ (проф. Здѣховскій) говоритъ, что le panslavisme est une preuve palpable de la faiblesse de la nation, то это было бы вѣрно тогда только, если бы такъ называемые панслависты дѣйствительно стремились къ уничтоженію славянскихъ особей. Но этого грѣха за западно-славянскими «панславистами» не водилось. Развѣ о германскомъ или романскомъ мірѣ толкуютъ только слабые и малодушные люди? Очень можетъ быть, что у Юнгманна въ тяжелой борьбѣ за права существованія чешскаго народа были минуты мгновеннаго отчаянія или по крайней мѣрѣ разочарованія, когда и онъ задумывался надъ

судьбой, предстоящей чешскому народу: быть или не быть ему. Но было бы большимъ самообманомъ придавать такимъ отголоскамъ унылой души слишкомъ большое значеніе (сл. Будиловичъ, Общеславянскій языкъ II. 329). Если онъ говорилъ или мечталъ на тему «Všeslovanský písemní jazyk» (Č. Č. M. 1871, 271—2), то это еще не значило, чтобы онъ готовъ былъ отказаться отъ своего родного чешскаго языка. Только вѣра въ будущность этого языка могла поддерживать въ немъ въ теченіе цѣлой его жизни напряженіе всѣхъ силъ для усиленныхъ трудовъ въ пользу этого языка.

Вячеславъ Ганка. Незавидную роль, какъ развѣнчанная величина, играетъ въ исторіи славяновѣдѣнія Вячеславъ Вячеславовичъ Ганка, имя котораго въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій произносилось съ почтительнымъ уваженіемъ, потомъ же стало мишенью ироническаго презрѣнія. Изъза подозрѣнія въ поддѣлкахъ, съ нѣкоторыми уликами на лицо, забывались скоро и легко также несомнѣнныя заслуги его для чешскаго языка. Постараемся оцѣнить его по достоинству, хотя надо признаться, что это — задача нелегкая. Въ характерѣ Ганки было много неискренности, много тщеславія, много самомнѣнія. Онъ самъ любилъ окружать свою личность ореоломъ чего-то необыкновеннаго, исключительнаго. Уже о первыхъ годахъ его молодости (онъ родился 10 іюня 1791) разсказывалось съ его же словъ съ разными поэтическими прибаутками. До 16-ти лѣтняго возраста онъ будто бы не учился ничему, чтобы такимъ образомъ даровитость его внезапно прорвала всѣ плотины. Но трезвый біографъ Юнгманна доказалъ (стр. 179 и сл.), что онъ мальчикомъ 13-ти лѣтъ былъ отданъ въ гимназію въ Кенигтрецъ (1804), которую кончилъ въ 1809 году, чтобы перейти осенью того же года въ Прагу на философію. Здѣсь онъ дѣйствительно примкнулъ сразу къ небольшому тогда еще кружку патріотически настроенной молодежи и сталъ принимать участіе во всѣхъ ея упражненіяхъ и празднествахъ (декламаціи и т. д.). Ближайшимъ другомъ его сдѣлался В. А. Свобода. Не легко провѣрить разсказъ о томъ, будто бы онъ отъ передвигавшихся изъ города въ городъ солдатъ различныхъ славянскихъ народностей выучился практически говорить на нѣсколькихъ славянскихъ языкахъ. Кажется, способность легкаго усваиванія у него была дѣйствительно. Но если такъ, тогда трудно повѣрить, чтобы именно нѣмецкій языкъ представлялъ для него большія трудности. Мы вправѣ допустить, что молодой Ганка отличался качествами, которыя очень рано обратили на него вниманіе Добровскаго. Это могло случиться раньше 1813 года. Въ этомъ году осенью Ганка поѣхалъ въ Вѣну и имѣлъ порученіе передать Копитару одно письмо Добровскаго. По своему обыкновенію Копитаръ придрался къ молодому человѣку: Hanka placet quamvis a discipulo

tuo plus etymologiae exspectassem. Добровскій не отрицалъ знакомства, но назвалъ его своимъ ученикомъ нѣсколькихъ часовъ (discipulus aliquot horarum), онъ же приблизился къ Добровскому, чтобы у него учиться русскому языку. Пребываніе Ганки въ Вѣнѣ совпадало съ отъѣздомъ Копитара въ Парижъ, потому и сношенія ихъ въ это время не могли быть особенно близкими. Чаще онъ видѣлся въ Вѣнѣ съ Громадкомъ, редакторомъ журнальчика Prvotiny pěkných umění aneb literní příloha k c. k. Videňským Novinám». Вѣрно ли мнѣніе, что Громадко даже злоупотреблялъ его большимъ сотрудничествомъ въ этомъ журналѣ (о характерѣ Громадка отзывался скептически Копитаръ уже въ 1812 г., сл. Lit. č. dev. stol. I. 651—670), не могу сказать. Здѣсь онъ между прочимъ написалъ о Вуковомъ и Прачевомъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ (Prvotiny 22 srpna 1817). Еще въ 1814 году онъ покинулъ Вѣну. Возвратясь въ Прагу онъ привязался теперь ближе къ Добровскому; онъ былъ самымъ прилежнымъ ученикомъ его кружка, что очень выгодно повліяло на духовное его развитіе и расширяло его свѣдѣнія по славянскимъ вопросамъ. Безъ преувеличенія можно утверждать, что въ эти годы, когда Шафарика и Палацкаго еще не было въ Прагѣ, Юнгманнъ же только что началъ знакомиться съ пражской жизнью, рядомъ съ Добровскимъ все чаще упоминалось имя Ганки. Первые литературные опыты его состояли главнымъ образомъ въ стихахъ, въ 1815 г. вышли безъ имени автора Dvanáctero písní. Книжечка, говорятъ, была издана на средства, собранныя въ средѣ товарищей — студентовъ. Второй выпускъ стиховъ вышелъ въ 1816 году. Несмотря на болѣе чѣмъ скромный видъ этихъ книжекъ, ихъ содержаніе понравилось. Копитаръ дразнилъ его, что даже чешскія красавицы твердятъ его стихи наизусть (Письма II. 6). Другого мнѣнія объ этихъ стихахъ былъ въ свое время Вълтятко въ Č. Č. M. 1871, 294 и сл. Собранныя его пѣсни вышли въ 1819 году, и это изданіе повторялось потомъ нѣсколько разъ (до 1851 г. пять разъ). Въ своихъ пѣсняхъ Ганка подражалъ уже народной поэзіи не только чешской, но и русской, въ томъ смыслѣ, какъ она была представлена въ русскихъ пѣсенникахъ конца XVIII-го и начала XIX столѣтія, но въ подражаніяхъ своихъ онъ не всегда указывалъ источники (сл. Listy Filol. 1899, 30 и сл.).

Подражая примѣру Добровскаго относительно церковно-славянскаго языка, Ганка задумалъ читать частныя лекціи о чешскомъ языкѣ (1815), изъ-за этого произошли нѣкоторыя пререканія между нимъ и Неѣдлымъ (безъ сомнѣнія, главную роль играло правописаніе), наконецъ запретили ему эти лекціи (1817). На память своимъ слушателямъ онъ напечаталъ, въ 1817 году книжечку (8⁰. 96): Prawopis český podle základu grammatiky

Dobrowského od jeho žáka W. Hanky (много изданій). Нѣдлый и Палковичъ возстали, какъ уже сказано на стр. 241, противъ новой науки, но она одержала верхъ. (Подробности въ Lit. č. dev. stol. I. 687—696). Ганка интересовался также церковно-славянскимъ языкомъ, Добровскій назвалъ его въ этомъ смыслѣ подучителемъ своей славянской школы (Письма I. 404).

Уже въ 1816 г., посылая нѣсколько экземпляровъ Вуковой пѣснарицы Добровскому въ Прагу, Копитаръ примѣтилъ, что нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ можно бы перевести на чешскій языкъ. Это сдѣлалъ Ганка, напечатавъ въ 1817 году Prostonárodní srbská muza do Čech převedená, 12⁰ 34 стр. Въ этомъ отражается наклонность его къ народной поэзіи, унаслѣдованная, какъ говорятъ, отъ отца и матери. Но еще болѣе привлекала его древне-чешская литература. Уже въ 1815 г. онъ началъ дѣлать выписки изъ различныхъ рукописей, а въ августѣ 1817 года Добровскій могъ сообщить Копитару: Hanka poemata antiqua imprimi curavit nomini meo inscripta. Первый выпускъ былъ, дѣйствительно, посвященъ «Geho Důstognosti Jozefowi Dobrowskému učiteli swému na důkaz wděčnosti». Предисловіе написано Юнгманномъ въ патріотическомъ тонѣ, въ немъ восхваляется Добровскій какъ руководитель, Ганка— какъ собиратель и издатель. Во введеніи Ганка распространялся о древнечешскомъ языкѣ съ указаніемъ образцовъ правописанія отъ самыхъ раннихъ временъ до 1437 г. и выводилъ оттуда доказательства, что въ древне-чешскомъ языкѣ имѣлось ú вм. au, ý вм. ey, aj вм. ej, ⁱu вм. ʲi, даже ⁱa вм. ʲe (примѣры изъ Козмы Пражскаго) и g вм. h (раньше 13 стол.); въ коротенькомъ обозрѣніи формъ обращено главное вниманіе на двойственное число, на аористы и имперфекты (не все вѣрно представлено). Ганка засвидѣтельствовалъ этимъ свою начитанность въ древне-чешской литературѣ, которой за исключеніемъ Добровскаго ни у кого не было тогда въ равной степени. Въ прочемъ же изданіе было довольно небрежно, пропущены были цѣлые стихи. Поправки Добровскаго напечатаны въ концѣ второго выпуска. Ганка старался часть вины за эти промахи свалить на Юнгманна. Второй выпускъ, посвященный Юнгманну, изданный 1 февр. 1818 года, несомнѣнно предшествовалъ пресловутому открытію Краледворской рукописи. Принявъ въ соображеніе, что Ганка былъ поэтомъ, что онъ на переводахъ упражнялся въ сербскомъ десятисложномъ стихѣ, что для эпики ему, кромѣ сербскихъ народныхъ пѣсенъ, были знакомы русское Слово о Полку Игоревѣ, пѣсни Оссіана и древне-чешская Александрія, что онъ, наконецъ, въ достаточной мѣрѣ изучилъ главныя особенности древне-чешскаго языка, мы легко придемъ къ убѣжденію, что для составленія подлога въ родѣ Краледворской рукописи никто не былъ лучше его подготовленъ. Кромѣ первыхъ двухъ выпусковъ «Starobylých Skládání»,

онъ располагалъ въ то время также списками древне-чешскаго Тристрама и переводомъ Миліона Мандевилля (Č. Č. M. 1871, 291). Хватило ли времени у него одного на составленіе стиховъ и очень аккуратную палеографическую передачу ихъ, при всѣхъ прочихъ его занятіяхъ въ тѣ годы, этотъ вопросъ еще не разобранъ, какъ слѣдуетъ. Поэтому, въ данный моментъ можно только съ полной убѣдительностью утверждать, что Краледворская рукопись удачный подлогъ, сочиненный для прославленія древне-чешской культуры и поднятія значенія современнаго чешскаго народа, что дѣло сдѣлано въ минуты одушевленія, охватившаго извѣстный кружокъ людей, и что въ этомъ дѣлѣ Ганка принималъ выдающееся участіе не только актомъ открытія, но и предшествовавшими работами. Однако, произошла ли поддѣлка въ полномъ объемѣ отъ одного Ганки, или же были и другіе участники въ этомъ патріотическомъ подвигѣ, — указываютъ, напр., на Линду — это пока еще можно считать вопросомъ нерѣшеннымъ. О самомъ актѣ открытія сл. сообщеніе Ганки Кинскому въ Č. Č. M. 1881, стр. 212, о подлогахъ вообще въ связи съ обстоятельствами того времени Lit. č. dev. st. I. 809—859. Въ предисловіи ко второму выпуску Starobylých Skládání Ганка далъ только образецъ ороографіи Краледворской рукописи, первое изданіе вышло въ 1818 году. Свобода позаботился о переводѣ на нѣмецкій языкъ 1819, о которомъ рефератъ Копитара вышелъ въ Vaterländische Blätter (Jhrg. 12, Bd. L, № 9—10). Въ томъ же году изданъ былъ также третій выпускъ Skládání.

Все это время общественное положеніе Ганки было очень скромное, чтобы не сказать — бѣдственное. Какъ хранитель литературныхъ коллекцій чешскаго музея, онъ получалъ (съ 1819 г.) очень умѣренное вознагражденіе, еще же менѣе, какъ славянскій переводчикъ. Всѣ заботы какъ его самого, такъ и друзей его, улучшить его положеніе остались безъ успѣха. Въ 1819 году рѣчь заходила о назначеніи его во Львовъ, потомъ о Вѣнѣ, объ Оломуцѣ (сл. Письма I. 448. 470, II. 22—4. 37. 44. 50. 52. 641). Онъ продолжалъ бѣдствовать и искать средствъ для существованія въ работахъ литературныхъ, хотя этотъ заработокъ въ то время былъ очень ничтожнымъ. Въ 1819 году вышла въ переводѣ его изъ книги Ruh, Geschichte des Mittelalters: Krátká historie slovenských národů; такъ какъ въ то время публика увлекалась идиллической поэзіей (см. статью Іосифа Иречка въ Č. Č. M. 1878, 230—242), то Ганка поднесъ ей свой переводъ: Gesnerowy Idylly, 1819, 12° 245. О поэтической дѣятельности Ганки за эти годы сл. статью Іос. Иречка въ Č. Č. M. 1879, 351—364, и Lit. č. dev. stol. I, 671—687. Добровскій хотѣлъ было помочь своему очень усердному, молодому приверженцу. Поэтому, въ 1820 году въ бытность Австрійскихъ импе-

ратора и императрицы въ Прагѣ онъ поднесъ императрицѣ экземпляръ «Геснеровыхъ идиллій» и могъ даже прочесть ей одну піесу,—но хорошихъ послѣдствій этой рекомендаціи не видно (Письма I. 456). Копитаръ въ свою очередь рекомендовалъ его какъ сотрудника редакціямъ вѣнскихъ журналовъ (напр., редактору Сартори, Письма II. 26).

При такомъ неопредѣленномъ положеніи Ганки взоры его уже въ тѣ годы были обращены въ Россію. Въ февралѣ 1819 года имѣются въ письмѣ Копитара (Письма II. 29) намеки на возможность поѣздки его въ Россію, съ очень неблагопріятнымъ гороскопомъ. Копитаръ спрашивалъ его своимъ ядовитымъ способомъ: scis serpere, adulari collegis et servis? vix credo te ultra annum laturum russicam servitutem. Дальнѣйшихъ подробностей нѣтъ. Подъ Raz подразумѣвался Разумовскій, на котораго Ганка должно быть возлагалъ надежды, Копитаръ же назвалъ его inconstans. Между тѣмъ Ганка продолжалъ усердствовать въ открытіяхъ: 14 мѣсяцевъ спустя послѣ Краледворской рукописи, доставленъ въ музей таинственнымъ способомъ «Любушинъ Судъ», о подробностяхъ котораго мы говорили въ главахъ о Добровскомъ и Юнгманнѣ. Какъ извѣстно, подозрѣніе Добровскаго относительно этого подлога падало на Ганку и отчасти на Линду или Юнгманна. Новѣйшіе чешскіе изслѣдователи ссылаются на Линды Záře, какъ на образецъ для Любушина Суда. Záře напечатана осенью 1818 года. Въ 1820 году Ганка издалъ 4-ый выпускъ Starobylých Skládání, посвященный Пухмайеру. Въ то же время онъ участвовалъ въ окончаніи нѣмецко-чешскаго словаря Добровскаго, вторая часть котораго вышла въ 1821 году.

Желаніе доказать свою привязанность къ русской литературѣ и языку заставило Ганку исполнить бывшее когда-то желаніе Юнгманна. Онъ издалъ русскій текстъ съ чешскимъ и нѣмецкимъ переводами: «Слово о плку Игоревѣ. Slovo o plku Igorevie. Slovianom latinskago pisma vierno v podlinnom jazycie s ꙗeskym i niemeckym prevodom izdano Viaꙗeslavom Hankoju. V Prazie iƶdiveniem izdatelevym. 1821. Уже вычурность заглавія на языкѣ не чешскомъ и не русскомъ, латинскими буквами, но въ идеальной орѳографіи Копитаровой, свидѣтельствуетъ о странностяхъ Ганки, которыми онъ желалъ обратить вниманіе на свою книгу. Онѣ видны и въ содержаніи. Послѣ чешскаго предисловія, въ которомъ говорится, что уже въ 1808 году Юнгманнъ сдѣлалъ чешскій переводъ Слова, слѣдуетъ «иллирское», подъ заглавіемъ «Pripomenutje», латинскими буквами икавскимъ говоромъ. Этотъ текстъ написанъ довольно правильно въ подражаніе тогдашнимъ славонскимъ и далматинскимъ писателямъ. За этимъ идетъ статья, написанная довольно неуклюжимъ русскимъ языкомъ: «О языку и рукописи» (10—12), въ которой

проводится параллель между Словомъ и Краледворскою рукописью, находится сходство не только въ выраженіяхъ, но также въ духѣ старины и мыслей, сравнивается, напр., конецъ «Олдриха и Болеслава» съ концомъ «Слова». Наконецъ, сказано о содержаніи «Слова» нѣсколько словъ попольски (Treść tey piesni), но безъ ę и ą (вѣроятно ихъ не было въ типографіи). Такимъ образомъ, изданіе Ганки представило гораздо раньше Коллара и его мыслей о славянской взаимности воплощенную идею о четырехъ главныхъ славянскихъ языкахъ: русскомъ, польскомъ, чешскомъ и иллирскомъ, и кромѣ того, онъ первый попыталъ счастія съ ороографической реформою по планамъ Копитара, т.-е. для шипящихъ согласныхъ заимствованы (ч) или вновь выдуманы (для š, ž) особые знаки, только для ć онъ не сумѣлъ найти ничего лучшаго, а остался при ch; для іотаціи употреблена буква і, но безъ точки. За исключеніемъ этихъ ороографическихъ игрушекъ и заискиванія у всѣхъ славянъ вводными статейками, изданіе Ганки не представляло ничего новаго.

Въ 1822 году — въ это время онъ женился, сл. Письма II. 46 — онъ издалъ на чешскомъ языкѣ переработанную грамматику Добровскаго: Mluvnice podle Dobrowského (8⁰ XXXII, 312), здѣсь приняты въ соображеніе также древне-чешскія формы (новое изданіе этой книги вышло въ 1831, третье въ 1849 году подъ заглавіемъ: Mluvnice českého jazyka na zakladě soustavy Dobrovského, XII. 268). Говорилось также, что онъ передѣлаетъ въ сокращенное чешское изданіе церковно-славянскую грамматику Добровскаго (Письма II. 48, Францевъ 1190), но изъ этого ничего не вышло. Пустымъ слухомъ оказалось также извѣстіе, которое онъ въ это время сообщалъ Шишкову, о бывшемъ будто бы намѣреніи учредить въ Вѣнѣ профессуру славянскаго языка и словесности (Францевъ 1190). Поводъ къ этому слуху могъ дать Копитаръ, любившій своими планами забѣгать впередъ; Ганка же прибавилъ отъ себя, что тогда онъ будетъ настаивать на томъ, чтобы то же самое сдѣлалось и для Праги. Какая самоувѣренность! Теперь онъ готовилъ къ печати также Далимилову хронику (Кинскій въ Брюнѣ помогалъ ему, см. Č. Č. M. 1881, 119), но цензура не разрѣшила изданія. Апелляція въ Вѣну, на вѣнскаго цензора, — имъ былъ Копитаръ — обусловливала возможность печатанія кляузулой, если Добровскій напишетъ предисловіе для успокоенія нѣмцевъ (II. 53)! Копитаръ давалъ Ганкѣ, кромѣ того, частнымъ путемъ совѣты не пускаться въ препирательство съ «ипсилонистами», предоставить защиту ороографической реформы вліятельному авторитету Добровскаго и также не давать повода клеветамъ «loquendo fortasse antigermanica» (Письма II. 55). Когда всѣ

остальные планы рухнули, — онъ дѣлалъ въ письмѣ къ Шишкову 3 мая 1822 г. намеки на желательное участіе славянъ въ Россійской академіи, при чемъ несомнѣнно лелѣялъ надежду, что и онъ могъ бы попасть въ число избранниковъ (Францевъ 1190), — въ 1823 году (или уже въ концѣ 1821 года?) онъ получилъ при чешскомъ музеѣ мѣсто библіотекаря съ очень умѣреннымъ содержаніемъ. Въ томъ же году вышелъ пятый выпускъ его Skládání (съ нѣкоторыми затрудненіями; нѣкоторыя слова подлинниковъ должны были уступить свое мѣсто искусственнымъ поправкамъ, о чемъ Ганка не обмолвился). О другихъ его изданіяхъ этого времени сл. Lit. č. dev. stol. I. 704 и сл., они выходили стихами и прозой. Критическія достоинства изданныхъ имъ текстовъ очень небольшія. Эти недостатки онъ старался прикрыть своимъ патріотизмомъ, въ которомъ онъ самъ ставилъ себя очень высоко, напр., выше Палацкаго, къ нѣмецкой наклонности котораго онъ охотно придирался (сл. отзывъ въ письмѣ къ Коллару 1824 г., Č. Č. M. 1897, 227). Тщеславіе его проявлялось и въ такихъ мелочахъ, что онъ жаловался въ 1832 г. Коллару на роль, которую онъ играетъ въ Slávy dcera (Č. Č. M. 1897, 230—231).

У Ганки было большое пристрастіе къ перепискѣ, онъ любилъ писать письма, кромѣ родного чешскаго, также на русскомъ и польскомъ языкахъ, отчасти для того, чтобы избѣгать ненавистнаго ему языка нѣмецкаго, но несомнѣнно и для того, чтобы щеголять своими свѣдѣніями. Тщеславіе было у него большое. Ему льстило, когда польскіе ученые хвалили его польскія письма. Но въ особенности къ Русскимъ онъ пристрастился до того, что въ Прагѣ игралъ роль чичероне для всѣхъ русскихъ знаменитостей и незнаменитостей, навѣщавшихъ проѣздомъ въ Карлсбадъ или по другимъ причинамъ также Прагу. Эти личныя знакомства распространили его славу далеко по славянскому міру, дальше, чѣмъ могли бы это сдѣлать одни ученые труды его; они приносили ему также различныя отличія въ родѣ перстней, булавокъ и наконецъ орденовъ, на что онъ былъ падокъ до смѣшного. Конечно, онъ дорожилъ также избраніями въ члены ученыхъ или литературныхъ обществъ, поэтому охотно разсылалъ свои изданія не только различнымъ лицамъ, но также обществамъ или, какъ иронически, но очень мѣтко выразился уже Добровскій въ одномъ письмѣ къ Бандтке: Hanka wird Ihnen wohl selbst seine Sachelchen geschickt haben (Francev, Dobr. Bandtke 136). Все это содѣйствовало упроченію научнаго значенія его даже свыше дѣйствительности. Поэтому неудивительно, что съ тѣхъ поръ, какъ Шишковъ и потомъ Кеппенъ начали заводить сношенія съ западно-славянскими учеными, въ числѣ имѣвшихся въ виду «славянъ», приглашеніе которыхъ въ

Россію пригодилось бы, на первомъ планѣ было имя Ганки. Кеппенъ называлъ его въ письмѣ Востокову «мастеромъ своего дѣла». Еще при жизни Добровскаго часто заходила въ перепискѣ рѣчь о томъ, кто поѣдетъ въ Россію. Добровскій замѣтилъ, что русскіе рубли могутъ, конечно, представлять для многихъ большую приманку, но, зная нѣсколько необузданный характеръ Копитара, онъ думалъ, что Копитаръ, напримѣръ, оказался бы обманутымъ, если бы отказался отъ здѣшняго мѣста хоть бы и съ самымъ умѣреннымъ содержаніемъ (Добровскій намекалъ тутъ, конечно, больше на Ганку, чѣмъ на Копитара). «И десять тысячъ рублей не заманило бы меня туда», говорилъ Добровскій, «хотя 34 года тому назадъ климатъ мнѣ благопріятствовалъ». О всѣхъ перипетіяхъ этого вопроса рѣчь впереди. Здѣсь замѣтимъ только, что новые источники о дѣятельности Ганки, изданные Вл. А. Францевымъ (Письма къ Вячеславу Ганкѣ изъ славянскихъ земель. Варшава 1905, 8° 16. 1296), развертываютъ передъ нами очень пеструю картину его громадной корреспонденціи, но содержаніе ея (судя, конечно, только по отвѣтнымъ письмамъ, такъ какъ подлинныя письма его еще не подобраны) сводится по большей части къ обоюдной пересылкѣ книгъ и выраженіямъ признательности со стороны Русскихъ за оказанныя имъ Ганкой любезности. Не слѣдуетъ, правда, уменьшать и эти заслуги, вѣдь онѣ приносили извѣстную пользу не только лично Ганкѣ, но также и славянской наукѣ, въ особенности же пражскому музею и его библіотекѣ (эти заведенія дѣйствительно очень обязаны ему), но трудно сказать, чтобы отъ этого Ганка въ глазахъ критической оцѣнки значительно выигрывалъ.

Въ 1828 году Ганка опять сдѣлалъ открытіе, будто бы у одного антиквара онъ нашелъ отрывокъ евангелія отъ Іоанна, текстъ латинскій съ чешскимъ междустрочнымъ переводомъ. Добровскій сумѣлъ своимъ авторитетомъ остановить его, такъ что при жизни старика этотъ текстъ не былъ изданъ. Но зато уже въ 1827 году найдены чешскія глоссы въ Mater verborum. Это случилось, когда германистъ Граффъ пріѣхалъ въ Прагу для нѣмецкихъ глоссъ. Ганка и здѣсь увлекся своей маніею поддѣлывать и къ оригинальнымъ чешскимъ глоссамъ въ строкѣ прибавилъ отъ себя много надстрочныхъ. Сл. объ этомъ вышеупомянутое (на стр. 12) изслѣдованіе Патеры и Срезневскаго, а также статью Вънтятка въ Č. Č. M. 1871. 287. 411. Въ то же время (1826) онъ издалъ книгу, очень характерную для его любви къ возобновленію, конечно, искусственному, древнечешской эпической поэзіи: České historické zpěvy (содержаніе сл. Lit. č. dev. stol. I. 705), потомъ въ 1827 году: Staré pověsti o Stojmírovi, и псалмы Давыдовы въ переводѣ Георгія Стрейца (Žalmy neb zpěvy Sv.

Davida). Онъ написалъ объ этомъ въ «Часописѣ» 1827, вып. I маленькую статейку, а въ выпускѣ IV того же года о глоссахъ. Въ 1833 году вышелъ чуть ли не самый важный трудъ его, собраніе разныхъ рукописныхъ словарей подъ заглавіемъ: Zbírka nejdavnějších slovníků, о которой была уже рѣчь выше, стр. 12.

Когда въ 1834 году скончался Неѣдлый (Nejedlý), многіе ожидали, что Ганка будетъ назначенъ на его мѣсто, но ожиданія эти не оправдались. Причиной могло быть между прочимъ его руссофильство, выставляемое имъ черезчуръ на показъ. Едва ли нужно объ этомъ слишкомъ жалѣть, по крайней мѣрѣ, съ научной точки зрѣнія. У Ганки не было самостоятельныхъ взглядовъ на науку, не было филологическаго чутья. Лучшія его познанія заключались когда-то подъ руководствомъ Добровскаго въ области древне-чешскаго языка, но и этихъ познаній онъ не расширялъ и не углублялъ. Послѣ изданія Starobylých Skládání онъ расточалъ всю свою внимательность на поддѣлки и на перепечатываніе трудовъ Добровскаго, чтобы подъ авторитетомъ этого имени поддерживалась память и о немъ. Такъ, онъ перепечаталъ Entwurf zu einem Etymologikon, Slavin и Glagolitica; еще усерднѣе онъ перепечатывалъ Краледворскую рукопись. Въ 1829 году вышло изданіе съ введеніемъ Свободы, въ 1835 году съ образцами переводовъ на разные славянскіе языки, въ 1843 году полиглоттное (восьмиязычное) изданіе, которое въ слѣдующихъ годахъ повторялось и обогащалось новыми переводами. При этомъ онъ любилъ выпускать переводы даже отдѣльными книжечками; такъ, напримѣръ, въ 1851 году объявлялись отдѣльными изданіями переводы итальянскій (Франческона), русскій (Н. Берга), польскій (Сѣменскаго), сербскій (Златоевича), лужицкій (Смоляря). Очень неважными самостоятельными трудами его были грамматики польскаго и русскаго языковъ. Издавая прежде польскую, чѣмъ русскую грамматику (1839), онъ считалъ своей обязанностью извиниться передъ графомъ Уваровымъ (1840) довольно хитро тѣмъ, что онъ хотѣлъ отвести глаза подозрительной Австріи, «чтобъ отвратить вниманіе правительства нашего въ послѣдствіи отъ русскаго (языка)», сл. Францевъ, 1133. На дѣлѣ вышло такъ, что грамматика польская, хотя вообще трудъ неважный, все же имѣла нѣсколько больше значенія, чѣмъ его Начала русскаго языка (1850).

Въ сороковыхъ годахъ онъ сталъ помышлять объ изданіи юридическихъ памятниковъ. Кажется, что и эта охота у него явилась подъ вліяніемъ переписки съ Мацѣёвскимъ, о горячей любви котораго къ славянскому праву была уже рѣчь выше. Въ 1841 году онъ приготовилъ для пе-

чати въ видѣ перваго тома задуманной матицей древне-чешской библіотеки (Staročeská bibliotéka), т.-е. собранія древне-чешскихъ памятниковъ: Knihy devatery o práviech a sudiech Викторина Вшегърда. Изъ писемъ къ нему (у Францева) можно убѣдиться, что пріѣзжіе въ Прагу русскіе юристы, интересовавшіеся чешскимъ правомъ, отзывались съ благодарностью объ указаніяхъ, доставляемыхъ имъ Ганкой (Елагинъ, Ширяевъ, Иванишевъ). Онъ самъ мечталъ даже объ изданіи «сравнительнаго кодекса древнихъ чешскихъ, моравскихъ и сербскихъ юридическихъ памятниковъ» сообща съ Иванишевымъ уже въ 1838 году (сл. у Францева стр. 481, 1131). Но еще раньше онъ состоялъ въ перепискѣ съ Мацѣёвскимъ, сообщавшимъ ему свои планы и свои желанія, которые на мой взглядъ давали толчки также Ганкѣ (Францевъ, 721—732). Но вышеупомянутое изданіе все-таки не удовлетворило чешскихъ современниковъ, Матица чешская должна была даже поручить Юнгманну и Палацкому исправить что и насколько возможно было (Radhost I. 214). Кромѣ того, Ганка принималъ участіе въ печатаніи чешскаго Архива (Archiv český). Въ 1848 году онъ издалъ Исторію Карла IV Лупача, а въ 1849 году наконецъ не было препятствій для изданія Далимиловой хроники, которая въ этомъ году и вышла.

Кромѣ этихъ трудовъ въ области чешскаго языка и литературы, можно было отъ Ганки ожидать живого интереса къ церковно-славянскому языку и письменности. Замѣчательно однако, что и по этой части позднѣйшія занятія его не представляли значительнаго прогресса сравнительно съ одушевленіемъ молодыхъ лѣтъ, когда еще Добровскій правилъ твердой рукой. Дѣятельность его состояла главнымъ образомъ въ перепечатываніи нѣкоторыхъ текстовъ, даже не къ лучшему, а къ худшему. Онъ слѣдилъ за судьбою Реймскаго евангелія—въ Č. Č. M. подъ рубрикой Učené zprávy 1839. IV, 1840. II, 1842. I, 1843. II, въ Rozprawy král. české společnosti 1842, здѣсь напечатаны: «Wýpisky Remešského a Ostromírského ewangelium» (по выпискамъ, полученнымъ отъ Ястржембскаго, сл. у Францева 1250) — и наконецъ издалъ въ 1846 году этотъ памятникъ, связанный по преданію съ чешской исторіею: Сазавоеммаусское благовѣствованіе. Sazavo-Emmauntinum Evangelium nunc Reimense. Это изданіе, — не первое, ибо его опередилъ вѣдь какъ издатель Сильвестръ съ Prolegomena Копитара (сл. объ этомъ статью Францева въ Ж. М. Н. Пр. 1900, іюль, и Č. Č. M. 1900, 164; о неточности перваго изданія сл. отзывъ въ письмѣ Ганки къ Мартынову 1858 года и Мартынова въ письмѣ 1859 года у Францева, на стр. 689, 692, 694—7, а также статью Лося въ Archiv für slav. Phil. IX. 478), — предпринято было съ цѣлью доказать, что «мы

(т. е. чехи, т. е. собственно онъ) такъ легко не упустимъ, какъ Копитаръ думалъ безъ всякихъ доказательствъ, послѣдняго остатка православія въ Чехахъ» (Францевъ, Письма къ Ганкѣ, стр. 178). Стало быть побудительной причиной было желаніе на основаніи по крайней мѣрѣ историческаго православія еще болѣе сблизить Чехію съ Россіей. Не тенденція ли и это, только другого рода, чѣмъ та, которую онъ приписывалъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ кончины Копитара, этому лукавому Мефистофелю, какъ онъ назвалъ его, бросивъ на память его такое тяжелое обвиненіе, будто онъ самъ не вѣрилъ своимъ парадоксамъ, а посмѣивался ими надъ славянскимъ ученымъ міромъ, какъ врагъ всего славянскаго (ib. 176—9). Еще непріятнѣе бросается это въ глаза въ письмѣ, написанномъ мѣсяца два спустя послѣ кончины Копитара графу Уварову (Францевъ на стр. 1142 и слѣд.), въ которомъ злоба и невѣжество соединились, чтобы запятнать память Копитара въ глазахъ русскихъ. Отсталость же его въ славянской наукѣ видна и въ томъ, что онъ не затруднялся еще въ 1844 году повторять заблужденіе Добровскаго, что «глаголическія буквы ведутъ свое начало не раньше, какъ изъ XIII-го вѣка»! О неудовлетворительности изданія Ганки писали не только Билярскій и Куникъ, но даже Бодянскій и Шафарикъ. Самъ Ганка, объявляя свое изданіе, утверждалъ, что это «vlastně kniha rukou sv. opata Prokopa okolo 1030 leta pisana, nejstarší posud známý slovanský rukopis». Въ 1853 году имъ же переизданъ текстъ Остроміровa Евангелія, но съ полнымъ непониманіемъ дѣла, какъ это доказано рѣзкой критикой Миклошича въ Slavische Bibliothek, въ книжкѣ I. Если Ганка не сумѣлъ даже аккуратно издать текста — на что указано ему было нѣсколько разъ, — то еще менѣе былъ ему по силамъ анализъ грамматическій. Въ древне-чешскомъ языкѣ онъ не умѣлъ отличать имперфекта отъ аориста — оттого ошибки также въ Краледворской рукописи — въ церковно-славянскомъ же онъ повторялъ ошибки Добровскаго съ нѣкоторой придачей. Его Počátky posvátného jazyka slovanského (первымъ изданіемъ въ 1846 г.) или «Начала священнаго языка славянъ» (во второмъ изданіи 1859 года) повторяютъ классификацію Добровскаго безъ измѣненій, **ь** и **ъ** означаютъ у него мягкость и твердость и только, слоги **ди** и **ды**, **ти** и **ты** будто внятнѣе отличаются у чеховъ, чѣмъ у прочихъ славянъ. Фонетики почти и нѣтъ, въ склоненіяхъ пишетъ **полѥхъ**, дв. ч. **ка́меню**, **именю́**, **ко́стю**, въ прилагательныхъ знаетъ дат. только **свѧто́моу**, предл. **свѧтѣмь — вышнемь**; къ мѣстоименію **ѥго** ставится какъ именит. падежъ форма **онъ**, въ спряженіяхъ читаемъ такія формы повелит. наклоненія: **глаголѣва — глаголѣмъ**, **мажѣва**, вм. переходящаго времени прибавлено

только къ 3 л. мн. ч. аориста **несошѧ—хѫ, бишѧ—бихѫ, зьрѣшѧ—хѫ;** и у него повторяются формы **ꙗдева, снѣдева, вѣдева, дадева.** Несмотря на эти крупные недостатки, Ганка все-таки былъ, за исключеніемъ Шафарика и быть можетъ Челаковскаго, лучшимъ знатокомъ церковно-славянскаго языка въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ въ Прагѣ. Поэтому и неудивительно, что онъ послѣ 1849 года, когда явилась возможность преподавать въ университетѣ, взялся читать въ качествѣ приватъ-доцента церковно-славянскую грамматику и литературу въ зимнихъ, русскую же грамматику и литературу въ лѣтнихъ полугодіяхъ (Францевъ, Письма къ Ганкѣ 17. 486. 827). Какъ долго это продолжалось и съ какимъ успѣхомъ, мнѣ неизвѣстно.

Приглашенія, получаемыя имъ съ разныхъ сторонъ къ участію своей ученой дѣятельностью въ различныхъ инославянскихъ журналахъ (между прочимъ въ петербургскихъ академическихъ Извѣстіяхъ 1851, сл. Францевъ, Письма къ Ганкѣ стр. 280), обыкновенно не находили отзыва (отчасти, правда, за неимѣніемъ времени) или же ограничивались со стороны его пересылкой книгъ, своихъ собственныхъ и чужихъ. Впрочемъ, услужливость Ганки не ограничивалась пересылкой книгъ или выписками изъ нихъ: онъ бралъ на себя охотно также порученія другого рода, напр., по живописи онъ готовъ былъ оказать услуги князю Демидову, по типографскому дѣлу Каткову, онъ отыскивалъ педагоговъ для помѣщенія ихъ въ Польшѣ или Россіи, даже въ Карловцы и т. д. Однимъ словомъ, Ганка былъ для Русскихъ центромъ славянства въ Прагѣ, онъ былъ главной причиной того, что еще въ 1856 году одинъ Русскій могъ сказать про Прагу: «я въ Прагѣ, гдѣ все такъ пахнетъ Русью» (Францевъ, Письма къ Ганкѣ стр. 678). Значеніе его въ глазахъ русскаго министерства народнаго просвѣщенія считалось довольно вліятельнымъ и важнымъ (Объ отношеніи къ нему графа С. С. Уварова свидѣтельствуютъ письма у Францева 1132—3). Въ 1844 году даже самъ министръ графъ Уваровъ обратился къ нему съ просьбою, не можетъ ли онъ указать ему на славянина, который могъ бы занять каѳедру славянскихъ нарѣчій въ университетѣ св. Владиміра (Францевъ 1140—5). Поэтому неудивительно, что пріѣзжіе молодые Русскіе не разъ возлагали свои надежды на Ганку, что онъ поддержитъ своимъ добрымъ словомъ ихъ желанія и прошенія. Какъ изъ писемъ видно, они были ему за это очень признательны, быть можетъ, никто больше И. И. Срезневскаго, преданность котораго Ганкѣ и теперь еще, когда напечатаны его письма, выступаетъ въ очень симпатичномъ видѣ. Надо отдать Ганкѣ справедливость, онъ сумѣлъ изъ богатой и содержа-

тельной переписки извлекать все существенное для чешской публики и помѣщать въ Č. Č. M. въ чешскомъ переводѣ.

Когда Ганка скончался († 12 янв. 1861), потерю великаго славянина оплакивали въ особенности въ Россіи, имѣя въ виду скорѣе любезнаго человѣка, до пристрастія преданнаго Россіи, чѣмъ великаго ученаго.

Янъ Колларъ. Если и не жилъ въ Прагѣ, какъ Юнгманнъ и Ганка, то все-таки близко примыкалъ къ этому же кругу всѣми своими идеями и помышленіями знаменитый проповѣдникъ славянской взаимности, одушевленный воспѣватель старинной славы славянской, Янъ Колларъ. Онъ былъ происхожденіемъ словакъ, какъ и Шафарикъ, вѣроисповѣданіемъ же протестантъ, какъ Шафарикъ и Палацкій, родился 23 іюля 1793 г. въ Мошовцахъ, въ Турчанскомъ комитатѣ Венгріи, между словаками-протестантами. Отецъ его былъ деревенскій житель не безъ состоянія, не только грамотный, но и въ чтеніи библіи довольно опытный и очень набожный человѣкъ. Онъ состоялъ волостнымъ старостою своего мѣстечка. Желая сдѣлать своихъ сыновей хорошими хозяевами, онъ заставлялъ ихъ участвовать во всѣхъ занятіяхъ деревенской жизни. Такимъ образомъ, въ поэтической душѣ мальчика глубоко впечатлѣлись многія сцены изъ домашняго быта со всей ихъ поэтической обстановкой. Колларъ самъ разсказываетъ довольно подробно о разныхъ событіяхъ своей ранней молодости, быть можетъ, не безъ поэтическихъ прикрасъ. Для дальнѣйшаго школьнаго образованія его отдали въ Кремницъ (сл. Jan Kollár изд. Фр. Пастернека въ Вѣнѣ 1893, въ «Paměti» его автобіографію въ собр. соч. 1863 года, ч. IV. 85—289), но отцу не хотѣлось сдѣлать сына отщепенцемъ отъ деревенской жизни и крестьянскаго сословія. Поэтому молодому Яну пришлось противъ воли отца покинуть родительскій домъ и продолжать ученіе на свой страхъ, не безъ страданій и лишеній. Онъ былъ въ Банской Быстрицѣ въ гимназіи (1810—1812), а потомъ попалъ въ Пресбургъ (1812—1815), гдѣ впервые познакомился съ Палацкимъ. Оба они стали уже здѣсь интересоваться чешскимъ языкомъ и прочими славянскими (напр., сербскимъ и церковно-славянскимъ). Уже тогда, по собственному его признанію, просыпалось въ немъ сознаніе о большей близости славянскихъ народовъ другъ къ другу, чѣмъ по отношенію къ прочимъ народамъ.

По окончаніи лицейскаго курса онъ попалъ въ Банскую Быстрицу въ качествѣ воспитателя (1815—1817), познакомился здѣсь, между прочимъ, съ чешскимъ писателемъ Рожнаемъ (переводчикомъ изъ разл. слав. нарѣчій, между прочимъ онъ перевелъ знаменитую Асанъ-агиницу) и Змешкаломъ, оба были любители литературъ, послѣдній — въ особенности фран-

цузской. Сдавъ съ хорошимъ успѣхомъ экзаменъ, Колларъ получилъ стипендію для поѣздки въ Германію и слушанія университетскихъ лекцій. Черезъ Прагу, гдѣ онъ навѣстилъ Юнгманна, Дрезденъ и Лейпцигъ шаги его были направлены въ Іену. По дорогѣ онъ познакомился съ какими-то русскими путешественниками и началъ упражняться въ русскомъ языкѣ. Его патріотическое настроеніе страдало отъ равнодушія молодыхъ русскихъ богачей къ славянамъ: они, понятное дѣло, больше интересовались нѣмцами, французами и итальянцами, чѣмъ славянами! Поэтическая душа его чуяла во множествѣ названій мѣстъ около Іены славянское происхожденіе, эти мѣста привлекали его и давали богатую пищу его мечтамъ. Онъ дѣлалъ экскурсіи и сочинялъ сонеты — содержаніе позднѣйшей первой книги «Дочери славы». Изъ числа профессоровъ, которыхъ лекціи онъ слушалъ, главнымъ образомъ три, Луденъ, Океnъ и Фризе, производили на него глубокое впечатлѣніе. Но объясненія Лудена относительно германскихъ древностей возбуждали въ немъ тихій протестъ, онъ рѣшился посѣтить профессора и представить ему на обсужденіе свою славянскую точку зрѣнія на нѣкоторые вопросы германскихъ древностей. У него были уже богатыя выписки о славянскихъ поселеніяхъ въ Германіи. Луденъ, какъ полагалъ Колларъ, сдѣлалъ впослѣдствіи въ своей исторіи нѣсколько поправокъ. Когда въ 1835 году Колларъ навѣстилъ его и привезъ ему въ подарокъ нѣсколько бутылокъ токайскаго, Луденъ назвалъ его своимъ «славянскимъ учителемъ». И въ другихъ профессорахъ и въ Гете, котораго онъ нѣсколько разъ видѣлъ, онъ старался разсѣять предубѣжденіе, будто въ Венгріи нѣтъ другихъ народовъ, кромѣ мадьяръ. Разсказы Коллара о разныхъ случаяхъ проявленія германскаго патріотизма не остались безъ впечатлѣнія на отзывчивую душу поэта (см. Jakubec «O Kollárově erudici básnické» Č. Č. M. 1895, 98).

Разъ по случаю болѣзни пастора ближайшей деревни Шмидта жена его обратилась, по указанію пастора Марецолла, къ Коллару съ просьбой произнести проповѣдь вмѣсто разболѣвшаг мужа.ося Вотъ тутъ впервые онъ увидѣлъ въ ихъ домѣ воспѣваемую въ его сонетахъ Мину (Wilhelmine Friederike Schmidt). Впечатлительный Колларъ дорожилъ тѣмъ, что пасторъ Шмидтъ былъ родомъ изъ Лужицъ, стало быть изъ славянской среды, онъ нашелъ въ его библіотекѣ лужицкія книги, получилъ отъ него въ подарокъ сочиненіе М. Френцеля De idolis Slavorum. Романтически настроенный поэтъ проникся элегическимъ чувствомъ печали надъ гибелью старыхъ славянъ, сербовъ, на Салѣ. Каждое мѣстечко, каждая деревня, рѣчка или гора, сохранившая славянское названіе, рисовались ему какъ могилы или памятники на огромномъ кладбищѣ. Свои странствованія онъ не ограничивалъ ближайшей

окрестностью, онъ бывалъ и дальше, въ мѣстахъ, манившихъ его къ себѣ своими безспорно славянскими названіями (Радигастъ, Гера). Уже теперь онъ заговорилъ съ матерью (отецъ, пасторъ, скончался) насчетъ Мины, но ее пугала мысль отдать дочку въ такія далекія и дикія страны, какъ она представляла себѣ Венгрію, Колларъ же не соглашался искать для себя положенія въ Германіи. Сношенія поддерживались только перепиской, которая, наконецъ, тоже прекратилась. Мать Мины умерла въ 1831 году, Колларъ же возобновилъ знакомство только въ 1835 году. Три семестра онъ прожилъ въ Іенѣ, между прочимъ въ дружбѣ со своимъ землякомъ Бенедикти (см. статью Якубца: «Kollár v Jeně» въ Osvět'ѣ 1893, стр. 979).

Возвращаясь въ Венгрію, на обратномъ пути онъ остановился опять въ Прагѣ, вращался здѣсь въ кругу Юнгманна и Ганки, о Добровскомъ говорилъ съ благоговѣніемъ: «Его высокій ростъ, его нѣжный и пріятный голосъ дѣйствовали на меня удивительно; не иначе какъ съ чувствомъ радостнаго уваженія можно было всматриваться въ этого патріарха, ниспосланнаго небомъ для воскрешенія нашего народа». Добровскій внесъ въ памятную книжечку Коллара слѣдующія слова: «Бога въ помощь, никому въ слѣдъ». Колларъ самъ признавалъ, что онъ возвращался домой съ другими чувствами, чѣмъ когда онъ первый разъ былъ въ Прагѣ. Онъ вкусилъ отъ плода познанія, чувствовалъ несчастія своего народа и когда въ Пресбургѣ встрѣтился съ Палацкимъ, онъ бросился ему на грудь съ восклицаніемъ: «Другъ, съ нами скверно, нашъ народъ несчастливъ, я только теперь чувствую всю горечь его положенія и его большія нужды». Съ такими чувствами возвратившись домой, онъ нашелъ для наболѣвшей души своей облегченіе въ своихъ пѣсняхъ, изданныхъ въ 1821 году въ Прагѣ (Básně Jana Kollára» 8°. 88), изъ 86 сонетовъ около 70 посвящено любви къ Минѣ, въ которой ему отказали. Уже въ февралѣ 1820 сонеты были у Юнгманна, онъ сдѣлалъ изъ нихъ выборку, да и цензура не пропустила всего (Č. Č. M. 1880, 43). Сл. Якубца статью Původní podoba Kollárových Básní, въ журналѣ Obzor liter. a uměl. III. 97 (1901). Между ненапечатанными были стихи панславистическаго направленія.

Положеніе Коллара въ Венгріи было очень скромное, онъ состоялъ помощникомъ священника при евангелической церкви въ Пештѣ, потомъ самостоятельнымъ проповѣдникомъ. Его нескрываемое славянское чувство причинило ему много горькихъ часовъ со стороны мадьяръ и нѣмцевъ. Въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ общепризнаннымъ вожакомъ національнаго движенія между словаками, вся ярость мадьяръ сосредоточилась на немъ. Въ 1821 г. онъ напечаталъ статью «Etwas über die Magyarisirung

der Slaven in Ungarn» въ Zschokke «Ueberlieferungen zur Geschichte unserer Zeit», которая была переведена на чешскій и сербскій языки, а въ 1833 г. вышла передѣланной, подъ заглавіемъ «Sollen wir Magyaren werden», въ Карловцѣ анонимно, но давно догадывались, что это сочиненіе Коллара, теперь же это доказано профессоромъ Муркомъ (въ Spomen-cvieće въ Загребѣ 1900). Въ 1825 году поговаривали даже, что Колларъ не можетъ оставаться въ Пештѣ. Шафарикъ совѣтовалъ ему быть стойкимъ, не отчаиваться, разъ внушалъ даже ему мысль обратиться непосредственно къ императору съ жалобой на преслѣдованія (сл. переписку Шафарика съ Колларомъ Č. Č. M. 1873—5, № 36. 79. 82). Первое изданіе пѣсенъ (Básně) не произвело большого впечатлѣнія, въ нихъ не было еще патріотической струнки, но знатоки, какъ Бенедикти, Шафарикъ, Юнгманнъ, Челаковскій, дорожили уже теперь поэзіей его, сопоставляли его даже съ Петраркой. Въ 1824 году вмѣсто продолженія пѣсенъ явилась «Slávy dcera» въ трехъ частяхъ (по рѣкамъ: Сала, Лаба, Дунай). Эта переработка (въ которую вошли прежніе сонеты съ прибавкой новыхъ) произвела сенсацію. Палацкій писалъ ему въ 1826 г. (Č. Č. M. 179, 386), что голосъ «Slávy dcery» повсюду въ Чехіи раздается у всѣхъ невыродившихся сыновъ, но никто не смѣетъ откровенно одушевляться ею. Особенно глубокое впечатлѣніе произвела знаменитая элегія о погибшемъ въ Германіи славянствѣ, напечатанная какъ Předzpěv. Поэтъ всего славянства осмѣлился было послать два экземпляра своей «Slávy dcera» въ русское посольство въ Вѣну для пересылки въ Петербургъ, но русская дипломатія отказалась исполнить желаніе «всеславянскаго» поэта (Č. Č. M. 1904, 245). Въ 1822 году Колларъ напечаталъ: «Dobré wlastnosti národu slowanského. Dwoje kázaní od Jana Kollára». Шафарикъ, какъ доказано Собѣстіанскимъ (Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Харьковъ 1892, на стр. 225 и слѣд.), воспользовался изображеніемъ славянъ въ этомъ сочиненіи Коллара для своей характеристики въ исторіи славянскихъ литературъ, отчасти даже буквально.

Въ 1823 году Шафарикъ послалъ Коллару часть матеріаловъ, собранныхъ для изданія словацкихъ народныхъ пѣсенъ, съ своими замѣчаніями о началахъ изданія, о транскрипціи текста и т. под. Первый выпускъ изданія вышелъ уже въ 1823 году: Písně světské lidu slovenského v Uhřích, второй въ 1827 году съ перемѣною формы slovenského въ slavenského и вм. v Uhřích сказано v Uhrách. Шафарикъ не былъ этой перемѣной доволенъ (Письмо № 73 отъ 31 дек. 1827). Колларъ снабдилъ оба выпуска обширнымъ введеніемъ, которое Шафарику очень понравилось. На заглавномъ

листѣ имя Коллара не упомянуто по извѣстнымъ соображеніямъ (сл. Č. Č. M. 1873, 389). Въ 1825 г. Колларъ напечаталъ «Čitanku» (2-ое изд. 1844), а въ 1826 г. Slabikář, послѣдній онъ издалъ по совѣту Шафарика.

Въ тѣ годы происходилъ между словаками большой споръ изъ-за литературнаго языка: одна партія стояла за сохраненіе чешскаго, другая за введеніе словацкаго нарѣчія. Колларъ сначала защищалъ теоретически чешскій языкъ (напр., въ предисловіи къ изданію народныхъ пѣсенъ онъ отстаивалъ statu quo). И Шафарику казалось, что время созданія новыхъ литературныхъ языковъ, какъ и новыхъ религій, уже миновало (Письмо № 36). Но въ своихъ стихотвореніяхъ Колларъ стоялъ на особой точкѣ зрѣнія, онъ позволялъ себѣ большую долю примѣси словацкихъ элементовъ въ чешскую рѣчь. Вообще его взгляды на языкъ заключали въ себѣ много искусственнаго, какъ видно изъ его статьи: «Myšlénky o libozvučnosti řeči vůbec, obzvláště československé» (напеч. въ Krok'ѣ 1822, I. 3, стр. 32—47). Поэтическія мечтанія, внесенныя Колларомъ въ науку путемъ чудовищныхъ этимологій, не встрѣчали даже тогда одобренія. Палацкій въ качествѣ редактора чешскаго «Часописа» не могъ принять Колларова толкованія имени «славянъ» (Č. Č. M. 1879. 387/8) и совѣтовалъ ему остаться на болѣе реальной почвѣ этнографическихъ наблюденій, чѣмъ Колларъ оскорбился (ib. 389). Въ 1828 году вышелъ Колларовъ «Jmenoslow čili slowník osobných jmen sebrany od Pačiće, rozmnoženy od J. Kollára» (въ Будимѣ). Шафарикъ увидѣлъ тотчасъ же, что эта книга изобиловала промахами (Č. Č. M. 1875. 144 слѣд.), происходившими по большей части оттого, что Колларъ не почерпалъ прямо изъ источниковъ, а довольствовался очень часто второстепенными пособіями. Но Колларъ любилъ уже тогда какъ разъ эту сторону славянскихъ древностей — объясненія именъ (переп. № 78, Č. Č. M. 1880, 58. 197). Не узналъ ли Шафарикъ тогда еще полной научной несостоятельности Коллара, или же только изъ вѣжливости предлагалъ ему: «Vy pište starožitnosti slovenské» (переп. № 72), — во всякомъ случаѣ мы теперь должны быть довольны тѣмъ, что Колларъ не послушался совѣта своего друга.

Нападенія мадьяръ на словацкія школы причиняли Коллару много непріятностей, и онъ не переставалъ мечтать о томъ, какъ бы покинуть Пештъ. Шафарикъ и Копитаръ совѣтовали ему не покидать родины, не довѣрять Мушицкому и даже не предпочитать родинѣ Чехію (переп. № 82). Колларъ мечталъ о профессурѣ или же о такомъ положеніи, гдѣ бы онъ не былъ совсѣмъ изолированъ отъ научнаго славянскаго движенія. Въ 1830 г.

вышелъ новый трудъ его: Rozprawy o jmenách, počátkách i staružitnostech národu slawského a jeho kmenů. W Budíně 1830. 8⁰. XII. 396. Тутъ былъ Колларъ въ своей любимой стихіи, тутъ онъ могъ вдаваться въ объясненія названій: slaw, srb, chrb, un-hun, henet-wenet, čech-těch, rus, polak и т. д. Преувеличенныя ожиданія Коллара, конечно, не оправдались, холоднымъ пріемомъ труда его со стороны чеховъ онъ былъ очень недоволенъ, грозилъ даже своего рода эманципаціею со стороны словаковъ (сл. отвѣтъ Палацкаго Č. Č. M. 1879, 468). Удивительно, что Юнгманнъ, въ противоположность Палацкому, назвалъ трудъ Коллара исполинскимъ (Č. Č. M. 1880, 203). Въ слѣдующіе годы, кромѣ изданія своихъ проповѣдей (въ 1831 г. вышла первая часть 8⁰ 635, въ 1844 г. вторая часть 8⁰ 836), Колларъ успѣлъ переработать свой главный поэтическій трудъ, въ 1832 г. вышла «Slávy dcera» въ новомъ изданіи съ комментаріемъ «Výklad» (къ прежнимъ тремъ расширеннымъ частямъ прибавлены еще какъ IV-ая часть Лета (Lethe), какъ V-ая Ахеронъ (Acheron), по и II-ая часть передѣлана и расширена изъ Лабы въ «Labe, Rén, Vltava». Палацкій сравнивалъ новый трудъ съ извѣстнымъ сочиненіемъ Байрона «Childe Harold», былъ отъ него въ восторгѣ, не соглашался только съ внѣшней стороной, т.-е. съ языкомъ этого произведенія (ib. 475—8). Въ исторіи славянской филологіи могли бы имѣть большое значеніе ученыя объясненія автора (Výklad), если бы въ нихъ при громадной начитанности не было слишкомъ много критически не провѣреннаго содержанія. О учености Коллара въ поэтической формѣ сл. статью Якубца: O Kollárově erudici básnické, въ Č. Č. M. 1895, 83—110.

Въ 1834—1835 гг. вышли вторымъ изданіемъ словацкія народныя пѣсни, подъ заглавіемъ «Národnie zpiewanky, wydání hojně rozmnožené» въ двухъ томахъ, I. 8⁰ 454, II. 8⁰ 566. И здѣсь Колларъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи снабдить изданіе учеными объясненіями, онъ написалъ Vysvětlenia къ I-му, Poznamenania a pojednania ко II-му тому. Особенную роль играетъ здѣсь миѳологія! Въ 1839 году появился опять новый трудъ Коллара въ любимомъ его жанрѣ, этимологико-миѳологическомъ: Sláva bohyně a půwod jména Sláwůw čili Slawjanů, w listech k welectěnému příteli p. P. J. Šafaříkowi. S přídawky srownalost indického a slawského žiwota, řeči a bájeslowi ukazujícimi. W Pešti 1839. 8⁰ 362. Шафарикъ, прославившійся уже своими «Старожитностями», могъ только съ улыбкой недовѣрія брать въ руки это новое сочиненіе своего друга, которое было какъ разъ ему посвящено. Дѣйствительно вѣрно у него сказано, что Колларъ стремился нѣчто доказать, не зная при этомъ ни санскритскаго, ни церковно-славянскаго языка, ни миѳологіи. Но не у

всѣхъ былъ трезвый взглядъ Шафарика. Другіе взглянули на трудъ Коллара съ патріотической точки зрѣнія, столь же фантастически настроенные, какъ самъ авторъ. Даже Юнгманнъ не затруднялся сказать, что это сочиненіе принадлежитъ къ лучшимъ и въ высшей степени ему симпатичнымъ миѳологическимъ изслѣдованіямъ, что онъ никогда не читалъ ничего лучшаго на какомъ бы то ни было языкѣ. Въ 1843—1844 г. Колларъ познакомилъ чешско-словацкую публику въ двухъ описаніяхъ или отчетахъ съ результатами своихъ путешествій и поисковъ славянскихъ слѣдовъ по Тиролю, Баваріи и сѣверной Италіи. Это представлено въ двухъ такъ называемыхъ «Цестописахъ»: Cestopis, obsahujíci cestu do horni Italie a odtud přes Tyrolsko a Bavorsko, se zwláštním ohledem na slawjanské žiwly r. 1841 konanau a sepsanau. W Pešti 1843. 8⁰ 363. Второй Cestopis явился позже.

Пылкая фантазія Яна Коллара не ограничилась стихами и учеными изслѣдованіями славянской старины, она перенеслась также въ область практическихъ вопросовъ о современныхъ отношеніяхъ славянскихъ народовъ и умственной ихъ жизни, какія они есть и какими слѣдовало бы имъ быть по его мнѣнію. И тутъ поэзія его нарисовала безъ труда прекрасную картину славянской взаимности, которая въ области науки и литературы принесла, дѣйствительно, свои плоды, — голосъ его не остался совсѣмъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Книжка, надѣлавшая потомъ много шуму, вышла въ 1837 году: «Ueber die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slavischen Nation» Pest 1837. 8⁰ 132. Какъ уже изъ заглавія видно, авторъ представлялъ себѣ всѣхъ славянъ собственно какъ одну славянскую націю, разъединенную на роды и нарѣчія; объединеніе ихъ въ одно цѣлое, позднѣйшая идея московскихъ славянофиловъ, ему казалось возможнымъ пока въ такомъ видѣ, что онъ въ области умственной жизни выставилъ начало равнаго распространенія и общаго знакомства четырехъ главныхъ славянскихъ языковъ. Но пока онъ мечталъ о сближеніи всѣхъ славянъ, угрожало разъединеніе даже тамъ, въ ближайшей близости его, гдѣ объединеніе уже казалось достигнутымъ. Это былъ вопросъ объ отношеніи словаковъ къ чехамъ. Рознь чувствовалась въ религіозномъ отношеніи, Колларъ неоднократно жаловался на католическую исключительность чеховъ (сл., напр., письмо Станеку 1844 года въ Č. Č. M. 1893, стр. 189—191), но она захватывала все болѣе и болѣе и литературный языкъ. Въ 1846 году чешскій музей пустилъ по этому поводу въ ходъ одну книжку: Hlasowé o potřebě jednoty spisowného jazyka pro Čechy, Morawany a Slowáky. Изъ числа 242 страницъ статья Коллара, написанная по

этому поводу, занимаетъ 82 страницы. Желанія чеховъ оказались несбыточными; въ чью пользу — это другой вопросъ.

Событія сорокъвосьмого года окончательно сдѣлали положеніе Коллара въ Венгріи невозможнымъ. Онъ переѣхалъ въ Вѣну какъ лицо, заслуживавшее довѣрія тогдашняго правительства (1849, сл. письма его къ женѣ въ Č. Č. M. 1893, 194—204). Въ награду за его австрійскій патріотизмъ онъ получилъ вскорѣ въ Вѣнѣ каѳедру славянской археологіи въ университетѣ. Этимъ исполнилось его давнишнее желаніе, но на пользу ли славянской науки — въ этомъ можно сомнѣваться. Для отрицательнаго отвѣта достаточно указать на объявленныя имъ лекціи: въ 1849/50 «объ умбрійскихъ древностяхъ и надписяхъ, въ частности объ ингувійскихъ таблицахъ по отношенію къ старославянскимъ», въ 1850 «о славянскихъ древностяхъ сѣверной Германіи, въ особенности о ретро-прильвицкихъ божкахъ», въ 1851/2 «о миѳологическо-астрономической части ретрскихъ древностей и о зодіакѣ древнихъ славянъ сравнительно съ индо-египетскимъ»! Часть этихъ странныхъ лекцій стоитъ въ связи съ его путешествіемъ въ Мекленбургъ-Стрелицъ. Онъ стремился туда еще изъ Пешта, находясь въ перепискѣ съ библіотекаремъ великаго герцога. Въ 1850 г. уже изъ Вѣны онъ поѣхалъ туда, занимался около 9 недѣль. Результаты должны были быть напечатаны по-нѣмецки на средства великаго герцога. Говорилось о 50 листахъ текста и слишкомъ 50 таблицахъ изображеній. Но трудъ этотъ такъ и остался въ рукописи, о чемъ не приходится очень жалѣть. Другая часть его лекцій относилась къ древней Италіи. О поѣздкахъ его въ Италію въ 1841 и 1844 годахъ была уже рѣчь. Названія мѣстностей дразнили фантазію его: въ Tepula, Juturna, Egeria, Tiberis, Tarpeius, Palatinus и т. д. ему слышались славянскія слова, онъ накинулся на идею славянскаго пранаселенія Италіи, она поглощала все его вниманіе съ тѣхъ поръ, какъ онъ возвратился изъ Италіи (co jsem se z Italie vrátil, jiné myšlénky ani schopen nejsem, пишетъ онъ Ганкѣ въ іюлѣ 1847 г., Č. Č. M. 1897, 243), и работу свою онъ успѣлъ до кончины, послѣдовавшей въ 1852 году, привести въ рукописи въ исполненіе. Вѣнская академія взялась напечатать трудъ, который былъ посвященъ императору Францу Іосифу: «Staroitalia slavjanská» (1853).

П. І. Шафарикъ. Современникъ и соотчичъ Коллара, его близкій другъ и въ молодыхъ лѣтахъ сотрудникъ, Павелъ Іосифъ Шафарикъ занимаетъ въ славянской филологіи столь выдающееся положеніе, что онъ на смѣну Добровскаго перетянулъ центръ славяновѣдѣнія изъ Вѣны, гдѣ всѣми усиліями старался водворить его Копитаръ, опять въ Прагу. Намъ придется

говорить о немъ въ трехъ различныхъ періодахъ славянскаго научнаго движенія. Первый періодъ ознаменованъ сношеніями его съ Колларомъ и прочими словацкими соотчичами и пребываніемъ его на югѣ Венгріи между сербами. Второй періодъ исполненъ его неутомимой дѣятельностью въ Прагѣ и сношеніями его съ представителями русскаго славяновѣдѣнія. Третій періодъ обнимаетъ послѣднія два десятилѣтія (начиная съ 1848 года) его жизни, посвященныя преимущественно глаголической отрасли церковнославянской письменности. Здѣсь мы остановимся на первомъ періодѣ его жизни и дѣятельности.

Шафарикъ родился 15 мая 1795 г. въ мѣстечкѣ Кобеляровѣ, Гэмёрскомъ комитатѣ Венгріи, странѣ словацкой-протестантской, гдѣ отецъ его состоялъ приходскимъ священникомъ тамошнихъ евангеликовъ. Получивъ первое воспитаніе въ родительскомъ домѣ, въ 1805 году онъ былъ отосланъ въ низшую гимназію въ Рожнаву, въ 1808 на такъ называемыя humaniora (5 и 6 классъ) въ Добшинъ. Въ 1810 году онъ попалъ въ знаменитый въ то время евангелическій лицей въ Кежмаркъ, гдѣ занятія его продолжались пять лѣтъ. По собственному признанію, здѣсь впервые проснулось у него національное сознаніе и патріотически настроенный образъ мыслей, прибавимъ, — съ примѣсью большой доли романтики. Онъ самъ хвалилъ отличное вліяніе на него профессора Генерсича. Здѣсь ему попала въ руки статья Юнгманна о чешскомъ языкѣ (напечатанная въ журналѣ Hlasatel, не 1803, а 1806), которую онъ прочелъ съ восторгомъ, такъ что и впослѣдствіи считалъ Юнгманна своимъ вторымъ отцомъ. И Шафарикъ началъ свою литературную дѣятельность съ поэзіи. Въ 1814 году вышла въ Левочѣ маленькая книжечка (80 страницъ) стиховъ: Tatranska muza s ljrau Slowanskau, въ слѣдующіе годы (1815, 1816) вышло еще кое-что въ вѣнскихъ «Prvotinách». Шафарикъ самъ не придавалъ этимъ своимъ пробамъ поэтическаго пера большого значенія (анализъ въ Исторіи чешской литературы XIX столѣтія, т. II. 44—54). Въ 1815 г. Шафарикъ пріѣхалъ по тогдашнему обычаю венгерскихъ протестантовъ въ Іену для восполненія своего богословскаго образованія въ Іенскомъ богословскомъ факультетѣ. Но онъ изучалъ также филологію, философію и исторію, такъ что Эйхштедтъ, Луденъ, Окенъ и Фризе были его же учителями точно такъ, какъ потомъ Коллара, съ которымъ онъ въ Іенѣ не встрѣтился (Шафарикъ покинулъ Іену въ маѣ 1817, Колларъ же пріѣхалъ туда осенью того же 1817 года). Но онъ сошелся здѣсь съ Бенедикти, оказавшимъ очень благотворное вліяніе на него и сблизившимъ его тоже съ Палацкимъ. Шафарикъ назвалъ Іену «exilium corporis, paradisus animae». Замѣчательно, что въ Іенѣ онъ много интере-

совался классической и нѣмецкой поэзіею. Здѣсь онъ перевелъ отрывки изъ «Облаковъ» Аристофана (Č. Č. M. 1831) и Шиллерову «Марію Стюартъ», кромѣ того, у него накопилось поэтическихъ произведеній на цѣлую книгу. Пражская цензура, отличавшаяся въ тѣ годы особою суровостью по отношенію къ чешской литературѣ, не разрѣшила печатанія даже «Маріи Стюартъ» въ 1822 году, переводъ могъ выйти только въ 1831 г. Но пребываніе Шафарика въ Іенѣ развило въ немъ вкусъ къ изслѣдованіямъ научнымъ въ направленіи славянскомъ. Выходя изъ изученія всего того, что было написано Добровскимъ, онъ дѣлалъ себѣ выписки изъ различныхъ сочиненій, какъ «Slavische Miscellen», а до отъѣзда изъ Іены сообщалъ уже Палацкому о своемъ намѣреніи издать коротенькую исторію славянскихъ литературъ. Такимъ образомъ первоначальная мысль объ его позднѣйшей Geschichte der slawischen Sprachen und Literaturen зародилась въ Іенѣ (Č. Č. M. 1873, 383).

Занятія классической филологіей, знакомство съ проф. Готфридомъ Германномъ, наконецъ, сочувствіе къ нему Палацкаго и Юнгманна заставили его вскорѣ послѣ возвращенія домой вмѣстѣ съ Палацкимъ выпустить въ свѣтъ критическій этюдъ о чешской просодіи, т.-е. выставить для чешской версификаціи принципъ «часомѣрный», какъ они выражались, вмѣсто вошедшаго подъ вліяніемъ Добровскаго и Пухмайера въ употребленіе принципа тоническаго (по ударенію). Книга вышла подъ заглавіемъ «Počátkowé českého básnictwí, obzwláště prosodie», въ Пресбургѣ и Прагѣ 1818, безъ имени авторовъ, съ подписью только Благослава какъ издателя. Мы говорили уже о томъ, что и Юнгманнъ принималъ въ этомъ опытѣ большое участіе (сл. подробнѣе въ Lit. česká dev. stol. II, 82). Книга написана въ видѣ шести писемъ, въ новѣйшее время приписываютъ Палацкому 1. 2. 5, Шафарику 3. 4. 6. Теперь это сочиненіе перепечатано въ Spisy drobné Палацкаго, ч. III, стр. 4—63 (въ Прагѣ 1902).

Возвратясь на родину, Шафарикъ не зналъ, къ чему примѣнить пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія; пробывъ нѣсколько дней съ Палацкимъ въ Пресбургѣ, онъ поѣхалъ сначала къ роднымъ въ Кобелярово, потомъ принялъ на два года мѣсто воспитателя въ домѣ Кубини, поджупана Липтовскаго комитата, для его сына Ладислава, посѣщавшаго лицей въ Пресбургѣ. Такимъ образомъ, Шафарикъ опять имѣлъ возможность видѣться съ Палацкимъ, который въ то время вращался въ знатныхъ домахъ того же города. Лѣтомъ 1819 г. прибылъ туда же еще Колларъ изъ Іены, а очутился здѣсь также и Благославъ. Но осенью того же года Шафарикъ принялъ мѣсто профессора и директора сербской православной гимназіи въ Новомъ Садѣ. На выборъ

этого мѣста — онъ могъ бы получить занятіе также между словаками — повліяла несомнѣнно наклонность его къ южнымъ славянамъ, которые съ молодыхъ лѣтъ привлекали его своею исторіею и своей бытовой оригинальностью. Надежды его не вполнѣ оправдались. Уже въ 1821 году онъ писалъ Коллару, что онъ былъ бы радъ вернуться на родину, чтобы жить въ его обществѣ въ Пресбургѣ или Пештѣ. Здѣсь онъ еще чувствуетъ себя словакомъ (Č. Č. M. 1873, 121), онъ даже говоритъ: мы должны больше на себя, чѣмъ на чеховъ смотрѣть (ib. 122), но прибавляетъ, что онъ не отстаиваетъ Берволаковскаго принципа, а стоитъ за средній языкъ; онъ желалъ бы во всякомъ случаѣ, чтобы словацкая литература не переставала быть отраслью чешской (ib. 136). Въ одномъ письмѣ 1822 года (ib. стр. 125) онъ жалуется на судьбу, что столько лѣнтяевъ находитъ на родинѣ пропитаніе, онъ же не можетъ. Въ перепискѣ съ Колларомъ за это время много говорилось о народныхъ пѣсняхъ (Č. Č. M. 1873, 130—1, 134—5), которыя они вмѣстѣ приготовляли къ печати. Въ 1823 году онъ сообщалъ уже о работѣ надъ исторіей славянскихъ литературъ (ib.), онъ жаловался на скудость пособій по польской и словенской литературамъ (грамматики Копитара еще не было у него). Сербскихъ источниковъ у него было вдоволь, но все же онъ не былъ доволенъ Мушицкимъ, который не охотно отпускалъ ему книги. Къ концу 1823 года его здоровье очень разстроилось, но въ теченіе слѣдующаго онъ опять воспрянулъ духомъ, говорилъ о почти что законченномъ трудѣ, извинялся насчетъ нѣмецкаго языка, что это — послѣднее, Богъ дастъ, его прегрѣшеніе (Č. Č. M. 1873, 383), виноваты-де въ этомъ образцы Добровскаго Slavin и Slovanka, да и онъ находилъ естественнымъ, что сочиненіе, предназначаемое для многихъ славянъ, должно быть написано на общепонятномъ языкѣ. Для чеховъ, онъ думалъ, можно бы потомъ приготовить чешское изданіе (ib. 384). Въ 1824 слышатся опять жалобы на неудовлетворительное здоровье и на нетерпимость правящихъ сферъ (венгерскаго правительства) по отношенію къ нему, какъ протестанту; онъ долженъ былъ сдать дирекцію въ другія руки, самъ же могъ остаться только преподавателемъ (1825).

Устроивъ печатаніе исторіи славянскихъ литературъ въ Будимѣ, онъ заговорилъ уже о спеціальной исторіи сербской литературы. Въ связи съ этимъ его занималъ также вопросъ о родинѣ церковно-славянскаго языка, относительно которой онъ нѣсколько таинственно намекалъ, что онъ напалъ на слѣдъ ея (Č. Č. M. 1874, 54), но потомъ оказалось, что онъ вѣрилъ только въ существованіе бóльшаго числа славянскихъ племенъ въ предѣлахъ Турціи, чѣмъ Вукъ и Копитаръ догадывались, и что одно такое племя Ма-

кедоніи или Өессаліи могло бы представлять потомковъ Кирилла (ib. 62). Въ одномъ длинномъ письмѣ (въ мартѣ 1826 г.) Шафарикъ разсуждалъ о важности параллельной грамматики для всѣхъ десяти славянскихъ нарѣчій, воображая, что этимъ было бы значительно облегчено изученіе ихъ (ib. 67); о томъ же, которое изъ нихъ сдѣлается общеславянскимъ, будетъ рѣшать не перо, а мечъ (ib. 68). Шафарикъ мечталъ о томъ, какъ бы попасть въ Македонію между Стримономъ и Нестомъ, гдѣ онъ надѣялся найти если не болѣе древній языкъ, такъ по крайней мѣрѣ первообразъ языка Кирилла и Меөодія! Въ 1826 году была уже напечатана его исторія славянскихъ литературъ въ Будимѣ; объ отзывѣ Добровскаго была рѣчь выше (вѣнскія Jahrb. 1827, т. XXXVII. 1—47). Кажется, и дома, у чеховъ, не были вполнѣ довольны сочиненіемъ Шафарика; по крайней мѣрѣ, въ одномъ письмѣ къ Коллару (Č. Č. M. 1874, 285) онъ намекаетъ на неудовольствіе чеховъ его характеристикой чешскаго языка, требовавшихъ будто бы или по крайней мѣрѣ ожидавшихъ отъ него, что онъ присудитъ насчетъ благозвучія пальму первенства — чешскому языку! Намъ приходится съ большой признательностью констатировать неоспоримый фактъ, что это сочиненіе Шафарика представляетъ первый, въ обширныхъ размѣрахъ достаточно стройно разработанный опытъ воплотить въ области исторіи славянскихъ литературъ духъ общеславянскихъ изслѣдованій Добровскаго. Поэтому возраженія Добровскаго не могли касаться концепціи и идеи этого сочиненія, а только романтической окраски въ отдѣльныхъ частяхъ. По идеѣ это сочиненіе Шафарика такое же прекрасное предпріятіе, хотя съ меньшимъ напряженіемъ силъ и съ меньшей эрудиціей исполненное, какъ его — «Древности».

Непонятнымъ остается для насъ, почему Шафарикъ, говоря о своихъ свѣдѣніяхъ насчетъ южныхъ, балканскихъ славянъ, довольно часто намекалъ на какія-то ему одному извѣстныя тайны (Č. Č. M. 1874, 280). Въ началѣ 1827 года онъ говорилъ полутаинственно о какихъ-то научныхъ соображеніяхъ или догадкахъ, право первенства относительно которыхъ онъ хотѣлъ себѣ обезпечить записками, адресованными въ Вѣну, Прагу и Петербургъ. Не имѣлъ ли онъ въ виду свои сопоставленія географическихъ именъ, какъ южнаго Лаба съ Лабой, какъ Ниша съ Нейсой, и сдѣланные оттуда выводы для автохтонизма южныхъ славянъ? Въ этомъ же году онъ сообщалъ Коллару о сдѣланномъ ему приглашеніи занять каөедру въ Пресбургѣ въ богословскомъ лицеѣ, отъ чего онъ отказался. О научныхъ же занятіяхъ онъ распространялся главнымъ образомъ въ направленіи исторической географіи Балканскаго полуострова (ib. 420), гдѣ рѣчь идетъ также о кри-

тикѣ на Суровецкаго. Его сочиненіе «Ueber die Abkunft der Slawen nach L. Surowiecki» вышло въ 1828 году въ Будимѣ, 8⁰ 212. Стремясь доказать, что сарматы были славяне, онъ былъ очень доволенъ, узнавъ отъ Коллара, что и онъ раздѣлялъ это мнѣніе. Уже тогда главное желаніе его было то, что́ и въ его древностяхъ, по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ, занимаетъ слишкомъ много мѣста, — доказать въ противоположность многимъ нѣмецкимъ историкамъ старобытность славянъ въ Европѣ. Это предубѣжденіе противъ славянъ онъ называлъ нѣмецкой гидрой. Объ отношеніи труда Шафарика къ польскому изслѣдованію Суровецкаго была рѣчь выше (стр. 150—1).

Въ томъ же году, когда вышло его нѣмецкое сочиненіе, онъ говорилъ уже о своихъ занятіяхъ сербскими грамотами, которыя собирался издать вмѣстѣ съ филологическимъ комментаріемъ. Какъ извѣстно, филологическій комментарій дѣйствительно вышелъ нѣсколько лѣтъ спустя подъ заглавіемъ «Serbische Lesekörner» (1833. 8⁰ 135)—это быть можетъ лучшій его филологическій трудъ, —но сборникъ грамотъ такъ и остался подъ перомъ, равно какъ и историко-географическое изслѣдованіе съ картой. Кромѣ исторіи и древностей, Шафарикъ посвящалъ въ бытность свою между южными славянами очень много вниманія также литературамъ южныхъ славянъ. Шесть томовъ его «Illyrische Literaturgeschichte» были въ рукописи кончены раньше переѣзда его въ Прагу (1833), изданы же, какъ извѣстно, лишь послѣ смерти его, лѣтъ тридцать спустя, его зятемъ Іосифомъ Иречкомъ. Богатство содержанія этихъ рукописныхъ in folio томовъ было просто изумительно. Вѣдь даже и теперь мы постоянно должны наводить справки о многихъ біографическихъ и библіографическихъ подробностяхъ въ этомъ замѣчательномъ трудѣ Шафарика. Какъ извѣстно, для словенской литературы онъ могъ воспользоваться готовымъ матеріаломъ усерднаго Чопа, доставленнымъ ему черезъ Копитара въ 1831 году (въ рукописи, обнимавшей слишкомъ 100 фоліо-страницъ). Все прочее, т.-е. I-го тома стр. 153—190, и оба слѣдующіе тома (II и III) представляетъ личный трудъ Шафарика, заканчивающійся 1830 годомъ. Обширнѣе и точнѣе всѣхъ прочихъ сербская часть этого труда: тутъ онъ вращался въ ближайшей средѣ, почерпалъ прямо изъ первыхъ источниковъ. Обозрѣніе рукописнаго богатства Фрушкогорскихъ монастырей вышло въ вѣнскихъ Jahrbücher томъ 48 и 53, оттуда также въ сербскомъ переводѣ въ «Лѣтописѣ» матицы сербской.

Въ «Serbische Lesekörner», послѣднемъ плодѣ его многолѣтняго пребыванія между сербами, Шафарикъ обнаружилъ гораздо больше критическаго отношенія къ церковно-славянскому языку, чѣмъ, напримѣръ, Копи-

таръ въ своемъ Glagolita Clozianus. Нѣкоторыя подробности, правда, не были ему еще довольно ясны, напр., зависимость нѣкоторыхъ сербскихъ текстовъ отъ болгарскихъ подлинниковъ, или же особенности боснійской отрасли памятниковъ, — но вообще это было для своего времени изслѣдованіе образцовое, сдѣлавшее впервые послѣ грамматики Добровскаго большой шагъ впередъ. Для домашнихъ сербскихъ условій здѣсь высказано очень много горькихъ истинъ противъ смѣшенія церковно-славянскаго въ русской редакціи съ настоящимъ сербскимъ типомъ (113). Противъ Копитарова паннонизма или пансловенизма Шафарикъ исправлялъ классификацію Добровскаго такъ, что онъ церковно-славянское нарѣчіе и новоболгарское причислялъ къ восточной русской группѣ, тогда какъ иллирская группа, по его опредѣленію, обнимала сербское, хорватское и словенское (windische) нарѣчіе.

Этими трудами — къ сожалѣнію, отчасти не во время, отчасти и вовсе не изданными — Шафарикъ воздвигъ себѣ памятникъ неувядаемыхъ заслугъ въ области историко-литературныхъ и филологическихъ изслѣдованій въ пользу «иллирскаго» племени. Но это чувствуемъ только мы теперь, ретроспективная оцѣнка намъ позволяетъ быть вполнѣ справедливыми по отношенію къ нему рядомъ съ другими его современниками. Въ то время пребываніе великаго труженика вдали отъ умственныхъ центровъ (Вѣны, Праги, даже Пешта и Пресбурга) отзывалось вредно на взглядахъ современниковъ относительно достоинствъ Шафарика. Его затмевала громкая слава шумнаго Копитара и шустраго Ганки. Скромныя условія общественнаго положенія не позволяли ему заводить личныя знакомства по образцу Ганки, или же предпринимать поѣздки и побывать въ тѣхъ странахъ, куда тянуло его для выясненія различныхъ вопросовъ, волновавшихъ тогда его (Македонія!).

Фр. Палацкій. Въ молодые свои годы тѣсно примыкалъ къ этому кругу чешскихъ патріотовъ-романтиковъ также Францъ Палацкій, хотя потомъ главная дѣятельность его вращалась въ области чешской исторіи и публицистики, т.-е. прямо политики. Происхожденіемъ изъ Моравіи, изъ мѣстности, гдѣ несмотря на всѣ гоненія сохранились религіозныя преданія чешскихъ или моравскихъ братьевъ, принявшія потомъ обликъ протестантскаго (аугсбургскаго) вѣроисповѣданія (род. 14 іюня 1798 г. въ Годславицахъ), какъ сынъ бѣднаго учителя, молодой Палацкій попалъ къ счастью въ 1807—9 годахъ въ хорошо устроенную Кунвальдскую школу, гдѣ выучился по-нѣмецки и могъ заниматься музыкой, къ которой онъ чувствовалъ особенную наклонность. Оттуда отецъ послалъ его въ Тренчинъ въ гимназію

(1809—1812), потомъ онъ, сопровождаемый отцомъ, пѣшкомъ перебрался въ Пресбургъ, гдѣ сначала пришлось ему бороться съ лишеніями и жить очень скудно, но воспитательскія способности даровитаго юноши вскорѣ преодолѣли всѣ затрудненія. Счастіе улыбнулось ему попасть въ семью очень образованной дамы (Нина Зердагель), повліявшей самымъ благороднымъ образомъ на развитіе его характера, на свѣтскость и тонкость обращенія въ обществѣ. Общенію съ этой блестящими свойствами одаренной женщиной, къ которой онъ былъ сердечно привязанъ съ идеальнымъ обожаніемъ ея, можно приписать его наклонность къ изящной литературѣ съ философскимъ направленіемъ, тогда какъ проснувшееся въ немъ сознаніе національно-культурныхъ потребностей чешскаго народа черпало богатую пищу изъ дружбы съ Бенедикти, Шафарикомъ и друг. У Палацкаго не было столь подходящаго хода образованія, какъ у Шафарика и Коллара, его можно въ извѣстномъ смыслѣ назвать самоучкой. И онъ, какъ Шафарикъ, восхищался въ молодые годы статьями Юнгманна въ защиту правъ чешскаго языка, и онъ читалъ Гердера и Шиллера, но съ историческими сочиненіями передовыхъ ученыхъ въ этой области (напр., Лудена) познакомился не по лекціямъ, а по ихъ печатнымъ трудамъ. И у него явилась сначала наклонность къ поэзіи, особенно привлекалъ его Клопстокъ. Въ вѣнскомъ журналѣ «Prvotiny» 1817 года вышли первыя пробы его. Сл. статью Якубца O básnické činnosti Fr. Palackého, изданную въ сборникѣ «Památník na oslavu stých narozenin Františka Palackého (v Praze 1898) стр. 309—336. Якубецъ издалъ также всѣ стихи Палацкаго въ Básně Fr. Palackého. V Praze 1898. Поворотъ отъ поэзіи къ прозаическимъ разсужденіямъ представляетъ его участіе въ извѣстномъ сочиненіи о началахъ чешскаго стихотворства: Počátkové českého básnictví (1818), объ изданіи котораго была рѣчь выше на стр. 269 (подробнѣе объ этой книжкѣ также въ исторіи чешской лит. Вълчка II. 2, 44—49). Уже въ бытность свою въ Пресбургѣ Палацкій познакомился черезъ Видаковича также съ сербскимъ и церковно-славянско-русскимъ языками. Въ 1820 году, провожая своего воспитанника въ Вѣну, онъ видѣлъ здѣсь и Добровскаго и Копитара.

Знакомство съ вышеупомянутой Ниной Зердагель дало окончательно идеаламъ жизни Палацкаго другое направленіе, онъ отказался отъ мысли сдѣлаться пасторомъ. Сначала его увлекали эстетико-философскія занятія. Все въ этомъ направленіи имъ написанное въ 1820—1830 гг. перепечатано въ Gedenkblätter, въ Radhost'ѣ томъ I, 1—145 и еще полнѣе въ Spisy drobné III подъ заглавіемъ: «Spisy z oboru filosofie a krásovědy» (стр. 64—255), сл. статью Гостинскаго (Hostinský: Fr. Palackého esthetické studie

1816—1821) въ вышеупомянутомъ сборникѣ «Památník» стр. 367—390, а также статью Чеха: Palacký jako aesthetik, ib. 391—442. Любовь къ историческимъ памятникамъ чешскимъ проснулась въ немъ, говорятъ, уже тогда, когда онъ собиралъ у Палковича матеріалъ для его словаря (изданнаго въ 1820 г., предисловіе помѣчено 1819 годомъ, но Палацкій не упоминается въ числѣ сотрудниковъ). Въ 1822 году вышла въ вѣнскихъ Jahrbücher рецензія его на словарь, не во всемъ сочувствующая. Какъ введеніе къ ней, онъ написалъ статью, разбиравшую тяжелое положеніе чешскаго народа въ теченіе столѣтій, постоянную борьбу его за обезпеченіе своего національнаго существованія. Этой статьи Копитаръ не посмѣлъ помѣстить въ Jahrbücher, она напечатана была только въ 1874 г. (въ Gedenkblätter, стр. 19—46) и въ чешскомъ переводѣ въ Spisy drobné III. 489—509, подъ заглавіемъ: «Rozhledy a vyhlídky české řeči a literatury» (Содержаніе у Вълчка 148—9). Въ 1823 году, въ бытность вторично въ Вѣнѣ, онъ познакомился съ Караджичемъ и Кеппеномъ.

Покончивъ съ воспитательской дѣятельностью, Палацкій переселился (11 апр. 1823) въ Прагу, съ намѣреніемъ изучать историческіе источники для періода гуситскихъ войнъ. Добровскій и Юнгманнъ отнеслись сочувственно къ очень образованному и въ высшей степени изящному, многообѣщавшему молодому чешскому литератору, онъ получилъ порученіе составить генеалогію графовъ Штернберговъ для Гормайерова изданія «Taschenbuch für Vaterländische Geschichte». Удачное исполненіе подняло его значеніе въ глазахъ Добровскаго и аристократическихъ круговъ, съ которыми онъ сблизился черезъ Добровскаго. Ему удалось убѣдить ихъ въ необходимости внести въ учрежденіе чешскаго музея больше жизни и сближенія съ широкими слоями общества. Съ этой цѣлью было постановлено издавать два журнала, одинъ (въ трехмѣсячныхъ выпускахъ) на чешскомъ языкѣ: «Časopis Společnosti vlastenského museum v Čechách», другой по нѣмецки: «Monatsschrift der Gesellschaft des vaterländischen Museums in Boehmen» (сл. статью Моурека - Mourek — въ Památník'ѣ стр. 269—289). Редакторомъ того и другого журнала былъ Палацкій, сдѣлавшійся такимъ образомъ центромъ литературной дѣятельности въ Чехіи на двухъ языкахъ. Въ противоположность Юнгманну онъ былъ убѣжденъ, что пока нельзя еще обойтись безъ нѣмецкаго языка, но нѣмецкій журналъ, не встрѣтившій достаточнаго отзыва ни дома ни въ Германіи, послѣ пятилѣтняго существованія долженъ былъ прекратиться. Зато въ чешскомъ журналѣ стараніемъ Палацкаго приняли участіе всѣ выдающіеся представители тогдашней научной и литературной дѣятельности. Его неоцѣненной заслугой

внесено въ чешскую литературу больше идейнаго содержанія, она вышла изъ узкой рамки чисто филологическихъ интересовъ на болѣе широкую реальную почву. Въ этомъ отношеніи Палацкій сталъ сразу выше не только Неѣдлаго, но даже Юнгманна. Обезпеченное общественное положеніе — богатая женитьба — дало ему возможность поддерживать сношенія съ высшими кругами тогдашняго еще очень онѣмеченнаго общества, притянуть которое къ чешскому движенію ему удавалось посредствомъ разумной уступчивости.

Палацкій не стѣснялся откровенно признать, что онъ самъ въ первые годы своей литературной дѣятельности (1824—1830 и еще позже) чаще прибѣгалъ къ нѣмецкому, чѣмъ къ чешскому языку. Исполненіе редакторскихъ обязанностей потребовало отъ него большого напряженія силъ, умѣнія собрать вокругъ себя всѣ выдающіеся таланты изъ рядовъ старыхъ и молодыхъ чеховъ. Это ему удалось какъ нельзя лучше. Въ рядахъ первыхъ сотрудниковъ мы замѣчаемъ Добровскаго и Юнгманна, Шафарика и Челаковскаго и много представителей молодого поколѣнія. Самъ Палацкій принималъ живѣйшее участіе многочисленными своими статьями преимущественно историческаго содержанія. Къ области славянской филологіи относятся такія, какъ «Příspěvky ku glossarium řeči české» (1827) или «Popis staročeských osobních a křestných jmen» (1832), «Rozbor etymologický místních jmen česko-slovanských» (1834), нынѣ перепечатано въ Spisy drobné II. 248—260 (въ послѣдней статьѣ хорошее сопоставленіе личныхъ именъ съ произведенными изъ нихъ названіями мѣстъ); наконецъ статьи «Pravo staroslovanské aneb srovnání zakonův cara srbského Stefana Dušana s nejstaršimi ředy českými v Čechách (1837, Radnost II. 212—258, Spisy drobné II. 141—176) и «O umučení sv. Václava podle legendy slovanské, úvaha kritická» (1837, Radhost II. 131—145, Spisy drobné II. 79—90). Припомнимъ также, что онъ изучалъ біографію Коменскаго (1829), написалъ біографію Добровскаго (1833) и о значеніи графовъ Штернберговъ (1842). Съ особенной старательностью онъ слѣдилъ, какъ редакторъ, за ходомъ чешской литературы въ видѣ отзывовъ и рецензій, онъ самъ привѣтствовалъ разборомъ Юнгманнову исторію чешской литературы, начало его словаря, Шафариковы «Старожитности», Челаковскаго «Ohlas» и т. д. Нѣмецкій журналъ, какъ уже сказано, прекратился въ 1832 году, чешскій же «Часописъ», продолжающій до сихъ поръ свое существованіе, онъ сдалъ въ 1838 году на руки Шафарика. Большая часть или почти все, написанное Палацкимъ въ качествѣ редактора «Часописа», перепечатано теперь въ его Spisy drobné, томъ III. Укажемъ также на статьи о значеніи Палацкаго для

чешскаго литературнаго языка въ Památnik-ѣ стр. 689—712, для исторіи чешскаго права (ib. 485—498), для исторіи славянскаго права (ib. 499—517). Какъ извѣстно, онъ участвовалъ съ Шафарикомъ въ изданіи «Die ältesten Denkmäler der boehmischen Sprache» (1840) — неудачной апологіи древне-чешскихъ подлоговъ; онъ принималъ участіе въ защитѣ подлинности Краледворской рукописи (сл. Gedenkblätter 215. 231). Его заслуга въ изданіи чешскаго энциклопедическаго словаря относится еще къ 1829 году (сл. Spisy drobné III. 328—338), увѣнчалась же заботливость его успѣхомъ при вторичныхъ ходатайствахъ и представленіяхъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ (Spisy drobné III. 350—365, Památnik 337—366).

Фр. Лад. Челаковскій. Много общаго со всѣми до сихъ поръ упоминавшимися участниками въ возрожденіи славянской мысли въ Чехіи представляетъ жизнь и дѣятельность Франтишка Ладислава Челаковскаго. Онъ родился въ 1799 г. въ Страконицахъ въ Чехіи. Отецъ его былъ ремесленникъ, родители желали сына видѣть священникомъ, поэтому отдали его въ гимназію, въ низшіе классы въ Будѣёвицахъ, потомъ въ humaniora въ Писекъ. У сына проснулась очень рано наклонность къ поэзіи и сочиненію стиховъ, которую поддерживалъ бывшій его учитель Уле. Вмѣсто духовной семинаріи онъ предпочелъ поступить на философскій факультетъ въ Прагѣ. Не столько преподаваніе и лекціи привлекали здѣсь его вниманіе, сколько движеніе національное и сочиненія въ родѣ грамматики и исторіи чешской литературы Добровскаго, изданія (Starobylá Skládání) и открытія (Крал. рук.) Ганки и т. д. На второй годъ философіи онъ попытался еще разъ угодить горячему желанію матери и поступилъ въ духовное заведеніе епископа будѣёвицкаго. Но здѣсь разразилась катастрофа, начальство открыло, что онъ читаетъ постиллы Гуса, онъ былъ уволенъ и поѣхалъ въ Линцъ для окончанія второго года философскаго курса. Въ то время возникъ въ чешской литературѣ споръ о началахъ версификаціи, любовь же къ народной поэзіи получила новую пищу, благодаря открытіямъ мнимыхъ остатковъ древне-чешскаго народнаго творчества. Челаковскій привязался къ тому и другому, въ особенности онъ пристрастился къ изученію народныхъ пѣсенъ, и въ своемъ творчествѣ подражать имъ представляло для него высшее наслажденіе. Въ Линцѣ вкусъ его развивался на чтеніи произведеній нѣмецкой литературы (Шиллера и Гете), онъ читалъ также Шекспира, одинъ словенецъ и dr. Клицпера (братъ извѣстнаго писателя) поддерживали въ немъ любовь къ литературѣ разсказами и книгами (въ числѣ ихъ также русскими). Еще въ 1820 году онъ мечталъ о поѣздкѣ въ Россію и, какъ говорятъ, предложилъ свои услуги черезъ русское посольство въ Вѣнѣ.

Отвѣтъ разочаровалъ его поэтическую натуру, онъ почувствовалъ себя несчастнымъ въ Линцѣ, въ родѣ Овидія, когда тотъ жилъ въ ссылкѣ на Черномъ морѣ. Поэтическія упражненія этихъ молодыхъ лѣтъ обнаруживаютъ подражаніе нѣмецкой лирикѣ.

Въ 1820—1 Челаковскій переѣхалъ въ Прагу, друзья пріискали ему мѣсто домашняго учителя, онъ могъ всею душою посвятить себя литературѣ. Особеннымъ уваженіемъ его пользовался Іос. Юнгманнъ: jen jedna Praha a v ní jen jeden Jungmann! Первые труды по славяновѣдѣнію были и ему очень дороги. Когда критическій духъ Добровскаго сталъ возражать противъ подлинности Любушина Суда, и ему поэтическое чутье подсказывало правду, онъ написалъ Камариту: já, abych upřímně řekl, sám bych jí starověkost odepřel! (Korrespondence a zápisky F. L. Čelakovského, vydal fr. Bílý. I. 81). Но реакція противъ Добровскаго увлекла потомъ и его, онъ сталъ вмѣстѣ съ другими одушевляться подлинной стариной Ганкиныхъ открытій. Другъ его молодости Камаритъ (Kamarýt) избралъ для себя духовное званіе. Челаковскій, идеалистъ и поклонникъ красоты (Ideal a krása naše heslo — это изреченіе передѣлано имъ потомъ въ Slavie a krása naše heslo), искалъ другого призванія. Онъ началъ опять обращать свои взоры на Россію. Это заставило его серьезно изучать русскій языкъ и литературу, интересоваться славянской филологіей. Въ 1822 году, говорятъ, онъ поѣхалъ въ Вѣну, чтобы въ этомъ смыслѣ похлопотать, но цензъ чешскаго поэта на вѣсахъ чиновническихъ соображеній былъ слишкомъ легокъ, и онъ вернулся въ Прагу безъ успѣха. Продолжая быть (до 1828 года) домашнимъ учителемъ, онъ рѣшилъ искать счастія въ литературныхъ и филологическихъ занятіяхъ. Въ 1822 г. онъ издалъ 1-ый выпускъ своихъ Slowanské národnj pjsně (маленькое собраніе славянскихъ народныхъ пѣсенъ въ подлинникѣ и въ чешскомъ переводѣ), книжечка эта была посвящена Ганкѣ, 2-ой выпускъ (1825) — Бродзинскому, съ которымъ онъ подружился въ бытность послѣдняго въ Прагѣ и въ Чехіи (сл. статью Францева: «Казиміръ Бродзинскій и чехи» (Изборникъ въ честь Флоринскаго, Кіевъ 1904), 3-ій (1827) — Вуку. Въ своихъ филологическихъ занятіяхъ онъ стоялъ ближе къ Юнгманну, чѣмъ къ Добровскому. Какъ одушевленный любитель всего славянскаго онъ вскорѣ сдѣлался виднымъ членомъ маленькаго тогда еще кружка чешско-славянскихъ патріотовъ. Когда Вукъ проѣздомъ въ Галлѣ былъ въ Прагѣ, онъ познакомился съ Челаковскимъ. Тотъ хвалилъ красоту сербскаго языка по произношенію Вука, Вукъ же удивлялся, что въ Прагѣ нашелъ больше любителей всего славянскаго, чѣмъ въ Россіи или въ Польшѣ.

Занятія славянской филологіей какъ-то не удавались Челаковскому, не было настоящаго руководителя, не было необходимой поддержки. Рукописный трудъ «Vocabularia linguae polabicae quae exstant omnia collegit Č. Pragae 1827», отправленный имъ въ Россію, застрялъ гдѣ-то въ Россійской академіи, или же быть можетъ былъ ему возвращенъ, такъ какъ послѣ смерти его рукопись подобнаго содержанія нашлась между его бумагами. Сл. изслѣдованіе Францева въ 70-мъ томѣ «Сборника»: «Остатки языка полабскихъ славянъ, собранные и объясненные Ф. Л. Челаковскимъ». Въ изданіи чешской антологіи (Cheskian Anthology) англичанина Боринга онъ помогалъ ему такъ усердно, что англійскій издатель посвятилъ ему книгу. Кромѣ народныхъ пѣсенъ, онъ интересовался пословицами, но собраніе его, начатое еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ, вышло гораздо позже (въ 1852 г., 2-ое изд. въ 1893 г.). Матеріальное положеніе его продолжало быть неудовлетворительнымъ; понятно, что онъ самъ называлъ себя «nespokojený s sebou i se světem» (1826). Попытка Кеппена найти ему мѣсто въ Россіи не имѣла успѣха, хотя именно Челаковскій искренно и сердечно, безъ заднихъ мыслей въ родѣ Ганки, стремился уже издавна попасть туда. Въ то время (1829) вышла его книжка «Ohlas písní ruských», собраніе пѣсенъ эпическаго и лирическаго содержанія, въ которыхъ онъ очень удачно подражалъ русскимъ образцамъ, хотя лучше бы было не подражать въ родѣ подделокъ, а прямо переводить. Когда всѣ надежды получить какое-либо мѣсто въ Россіи или дома рухнули, онъ посвятилъ все свое время занятіямъ научнымъ и литературнымъ и, наконецъ, журналистикѣ. Въ Часописѣ чешскаго музея стали все чаще появляться его статьи и рефераты (удачно сказано, напр., въ рефератѣ о Колларѣ, что онъ пишетъ стихи филологически, а филологіею занимается поэтически; разборъ «Slávy dcery» въ Č. Č. M. 1831 удался Челаковскому какъ нельзя лучше, съ расширеннымъ послѣднимъ изданіемъ онъ не былъ вполнѣ доволенъ). Наконецъ ему поручили редакцію офиціальнаго органа «Pražské noviny»; литературное приложеніе къ политическому отдѣлу газеты, «Wčela Česká», давало многосодержательные матеріалы по славянскимъ литературамъ. Критика литературная старалась быть требовательнѣе по отношенію ко многимъ самодовольнымъ чешскимъ поэтамъ и писателямъ. Тутъ досталось и Ганкѣ. Но вскорѣ обрушилась бѣда на голову Челаковскаго. Неосторожный отзывъ въ газетѣ Noviny объ императорѣ Николаѣ (по поводу непринятія адреса, поднесеннаго императору поляками 26 ноября 1835), вооружилъ противъ него вѣнское представительство русской дипломатіи. Пока онъ предлагалъ свои услуги Россіи, на него не обращали вниманія, но теперь вспомнили о немъ

(говорятъ, по доносу изъ—Праги!), пожаловались на него, и бѣдный поэтъ-славянофилъ и руссофилъ потерялъ всѣ источники своего существованія, т.-е. редакцію и даже мѣсто преподавателя чешской литературы въ университетѣ, которое временно досталось ему послѣ смерти Неѣдлаго (1834). Профессоромъ былъ назначенъ не онъ, а Коубекъ. Виновникомъ катастрофы, постигшей Челаковскаго, довольно часто считали Ганку, но Францевъ постарался освободить Ганку отъ этой напраслины (Č. Č. M. 1899, 44—48). Въ это время, по разсказамъ Прейса, поговаривали много въ Прагѣ о томъ, что Челаковскій напишетъ этимологическій словарь чешскаго языка, но мы знаемъ, что только въ 1851 г. вышло его дополненіе къ словарю Юнгманна, трудъ не важный. Въ своихъ этимологическихъ изслѣдованіяхъ онъ не далеко опередилъ Коллара; въ Č. Č. M. 1837 онъ возражалъ противъ производства названія славянъ отъ славы (любимая фантазія Коллара), но и его попытка объяснить слово сопоставленіемъ съ člověk (на что указывалъ уже Добровскій) была не лучше. Наконецъ, счастіе улыбнулось и ему: оно явилось не изъ Россіи, не изъ Австріи, а изъ — Пруссіи. Дальновидное прусское правительство смекнуло раньше, чѣмъ меттерниховская Австрія, что пора уже позаботиться о славянской филологіи и въ прусскихъ университетахъ. Челаковскому предложили каѳедру въ Бреславлѣ (1842). Но дѣятельность его не встрѣтила сочувственной воспріимчивости со стороны слушателей. Кажется, онъ принялъ это живо къ сердцу. Друзья успокаивали его примѣромъ Боппа въ Берлинѣ и указывали ему на возможность поработать на пользу славянской филологіи въ научныхъ журналахъ (Berliner Jahrbücher für Kritik, Jenaische Literaturzeitung). Но поэтически-чувствительная душа Челаковскаго не находила во всемъ этомъ для себя успокоенія. Челаковскій стремился всѣми порывами души на родину, въ Чехію, но это желаніе его исполнилось лишь послѣ переворота 1848 года. Объ этомъ будетъ рѣчь впереди.

ГЛАВА XI.

О приглашеніи нѣсколькихъ чешскихъ славистовъ въ Россію.

Въ двадцатыхъ годахъ, еще при жизни Добровскаго и въ бытность Шафарика въ Новомъ Садѣ, возникъ въ Россіи вопросъ о приглашеніи нѣкоторыхъ западно-славянскихъ ученыхъ, подававшихъ большія надежды для славянской науки въ смыслѣ Добровскаго, въ русскіе университеты, чтобы

этимъ путемъ, какъ казалось самымъ прямымъ и цѣлесообразнымъ, водворить изученіе славянъ черезъ славянъ же въ Россіи. Въ этомъ вопросѣ, какъ мы уже видѣли, игралъ видную роль искренносердечнаго посредника П. Кеппенъ. Познакомившись съ Копитаромъ въ Вѣнѣ и съ Добровскимъ въ Прагѣ, онъ сталъ пріискивать такихъ же людей, какъ они, и въ Вѣнѣ и въ Прагѣ. Первый бросившійся ему въ глаза былъ не бѣдный, проживавшій далеко въ провинціи Шафарикъ, а увѣнчавшій себя ореоломъ счастливаго не то открывателя, не то изобрѣтателя древне-чешскихъ памятниковъ—Ганка, который самъ себя величалъ, да и другіе считали его ближайшимъ ученикомъ Добровскаго. Кеппенъ, правда, видѣлъ въ Новомъ Садѣ Шафарика и, конечно, сразу сталъ расчитывать также и на него, но ни онъ, ни Шишковъ не отличались такой проницательностью, чтобы самостоятельно могли оцѣнить научныя достоинства кандидатовъ. Это было для нихъ тѣмъ труднѣе, что они сами не понимали хорошо, что̀ имъ собственно нужно. Каѳедръ славянской науки еще не существовало. Добровскій занимался ею какъ частный ученый, поддерживаемый чешской аристократіею, эксъ-іезуитъ и abbé. Дурихъ любилъ эти занятія тоже какъ скромный отставной профессоръ богословскаго факультета, членъ закрытаго ордена. Копитаръ и Востоковъ занимали должности библіотекарей и могли досуги свои посвящать занятіямъ въ области славянской филологіи. Въ такомъ же приблизительно, только менѣе обезпеченномъ положеніи находился Ганка въ Прагѣ. Юнгманнъ и Шафарикъ учительствовали, Колларъ боролся какъ пасторъ словацкой общины за свое существованіе въ Пештѣ, Вукъ Караджичъ жилъ отъ милостыни покупавшей его книги сербской публики, отъ щедротъ сербскихъ купцовъ и архимандритовъ, наконецъ, отъ пенсіи русскаго правительства. Приблизительно такое же положеніе занималъ въ Россіи Калайдовичъ, зависѣвшій главнымъ образомъ отъ расположенія графа Румянцева. Къ нимъ примкнулъ Кеппенъ, служебное положеніе котораго не имѣло много точекъ соприкосновенія со славянской филологіею. Параллели можно еще продолжать. Суровецкій и Линде были сначала частными учеными, послѣдній составлялъ польскій словарь какъ библіотекарь у графа Оссолинскаго. Такимъ образомъ, славянская наука не нашла себѣ еще прочнаго пріюта, не располагала оффиціальнымъ признаніемъ. Къ счастью, нашлись благородные покровители и меценаты, пособившіе матеріальными средствами этимъ занятіямъ. Румянцевъ въ Россіи, Оссолинскій для поляковъ, Штернберги для чеховъ, Цойсъ для словенцевъ, въ извѣстной степени также митрополитъ Стратимировичъ въ Карловцахъ и епископъ Върховацъ въ Загребѣ.

Разсѣянные по далекому славянскому міру, безъ центра, безъ руко-

водительства, каждый на свой страхъ и свою отвѣтственность, упомянутыя лица стремились путемъ обмѣна мыслей въ письмахъ поощрять и одушевлять другъ друга, сближаться въ идеяхъ, помогать себѣ взаимными совѣтами, указаніями и сообщеніями. Попытка Добровскаго создать центральный органъ (Slavin, Slovanka) остановилась на первыхъ же шагахъ. Копитаръ попытался поднять значеніе славянскаго отдѣла въ органѣ князя Меттерниха, въ вѣнскихъ Jahrbücher, но несмотря на стараніе его притянуть къ этому журналу также и неавстрійскихъ славянъ, — онъ остался чуждымъ и полякамъ и Русскимъ. Статейки Кеппена или Надеждина составляли не правило, а исключеніе. Непродолжительно было также въ Россіи существованіе Кеппеновскихъ «Библіографическихъ листовъ», о судьбѣ которыхъ была уже рѣчь. Взамѣнъ не существовавшихъ органовъ играла большую роль частная переписка, чрезвычайное значеніе которой мы узнаемъ только въ новѣйшее время, мало-по-малу, по мѣрѣ изданія этого первостепеннаго источника для нашихъ свѣдѣній о движеніи и развитіи славянской науки.

Въ тѣ годы, на которыхъ остановился нашъ разсказъ о дѣятельности Шафарика, выступаетъ на сцену новый, богатый важными послѣдствіями факторъ — созрѣвшее желаніе учредить каѳедру славяновѣдѣнія при русскихъ университетахъ. О нуждѣ такой каѳедры въ Вѣнѣ строилъ планы на словахъ уже давно молодой Копитаръ (Письма I. 1, 153. 170, Kl. Schr. 61—70), которому возражалъ Добровскій аргументами ad hominem. Дѣйствительно Добровскій былъ правъ: въ австрійской имперіи, на славянское большинство которой постоянно ссылался Копитаръ, были только событія 1848 года въ состояніи воздвигнуть вопросъ о славянскихъ каѳедрахъ. Въ Россіи же зашла (вторично и серьезно) рѣчь объ этомъ двадцатью годами раньше, при министрѣ Шишковѣ (съ 1824 года) [1]). Копитаръ, недолюбливавшій Россію, готовъ былъ уступить ей со стороны чеховъ Ганку и Шафарика, отъ себя же въ придачу еще Михановича — однимъ словомъ, людей недовольныхъ у себя дома (I. 583), которымъ онъ самъ не придавалъ большого научнаго значенія. Что онъ не ставилъ Шафарика выше Ганки или Михановича, это объясняется отчасти несочувствіемъ ему вслѣдствіе несогласія ихъ характеровъ и различія въ религіи, отчасти же и тѣмъ фактомъ, что въ тѣ годы (до 1827 г.) Шафарикъ еще не про-

1) Единичныя попытки прибѣгнуть за помощью къ заграничнымъ славянамъ дѣлались еще раньше, начиная съ Петра Великаго. Въ 1820 году напр. указывалъ князь Голицынъ на возможность пригласить въ Казань того или другого Карпато-Росса (Кочуб. 263).

явилъ себя замѣчательными трудами, его же исторія славянскихъ литературъ не была сочувственно встрѣчена ни Добровскимъ, ни Копитаромъ. Кромѣ того, чуткій и впечатлительный Копитаръ замѣтилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Кеппенъ сдѣлался довѣреннымъ лицомъ Шишкова, отношенія его къ данному вопросу измѣнились. Кеппенъ сталъ теперь по примѣру Шишкова дорожить главнымъ образомъ Прагой, т.-е. поддерживать сношенія съ Ганкой, Юнгманномъ, Палацкимъ, Челаковскимъ. Первое предложеніе насчетъ Россіи сдѣлано было имъ Ганкѣ (въ ноябрѣ 1826 г., см. теперь у Францева, Письма къ Ганкѣ стр. 458—460), у него даже просили совѣта относительно прочихъ сотрудниковъ, все по предписанію самого министра, который перенесъ свое одушевленіе памятниками, найденными Ганкою, на самого автора. Ганка былъ знакомъ Шишкову еще раньше. Когда тотъ, побужденный примѣромъ словаря Линде, въ которомъ оказалось много языкосравнительнаго матеріала, задумывалъ при Россійской Академіи издать сравнительный словарь славянскихъ нарѣчій — о чемъ было доведено также до свѣдѣнія Добровскаго (1822) — юркій Ганка явился съ планомъ, какъ сдѣлать это дѣло. Ему представлялось уже тогда желательнымъ, чтобы въ Россійской Академіи участвовало также нѣсколько славянъ, въ числѣ которыхъ онъ, вѣроятно, не забывалъ и о себѣ.

Съ назначеніемъ Шишкова министромъ вмѣсто словаря заговорили о каѳедрахъ. Намъ теперь кажется нѣсколько страннымъ, что Кеппенъ черезъ Ганку захотѣлъ узнать, во-первыхъ, какого онъ мнѣнія о Шафарикѣ, во-вторыхъ, какъ онъ думаетъ, согласился ли бы Шафарикъ переѣхать въ Россію. Отвѣтъ Ганки (27 дек. 1826, сл. Письма II. 375) не отличался скромностью насчетъ личныхъ условій, онъ указывалъ на Челаковскаго какъ «составленника» (выраженіе Ганки), а о Шафарикѣ прибавилъ только: «Шафарикъ правда тоже способенъ»! Уже въ январѣ 1827 г. Кеппенъ сообщилъ Шишкову, что по отзыву Ганки три лица могли бы быть полезны Россіи: Ганка, Челаковскій и Шафарикъ. Дальнѣйшій ходъ дѣла еще не вполнѣ выясненъ. Въ письмѣ отъ 27 янв. 1827 г. Кеппенъ сообщилъ Ганкѣ, не говоря ничего о прочихъ двухъ, что Шишковъ и Сперанскій находили условія Ганки умѣренными, но прибавилъ къ этому довольно характерныя слова: «Теперь рѣчь идетъ о томъ только, учреждать ли словенскія каѳедры или нѣтъ. Надѣюсь, что дѣло рѣшится въ пользу словенскаго, и слѣдовательно и отечественнаго языка». Въ февралѣ 1827 г. представлена была комитету для реорганизаціи школъ записка (Письма II. 378) министерства о необходимости поднятія изученія славянскихъ языковъ въ Россіи и приглашенія для

сего нѣсколькихъ лицъ изъ числа заграничныхъ ученыхъ занять каѳедры по «славянской литературѣ и слав. исторіи». Приводились по имени Ганка, Шафарикъ и Челаковскій, для Ганки предназначалась профессура при Петербургскомъ Педагогическомъ институтѣ, для Челаковскаго экстраорд. профессура въ Москвѣ, для Шафарика орд. профессура въ Харьковѣ. Записка говоритъ о рѣшеніи министерства исходатайствовать Высочайшее соизволеніе. Мѣсяцы прошли, и ничего не было сдѣлано. Кеппенъ, покидая Петербургъ, могъ сообщить Ганкѣ въ началѣ іюня, что «ist noch immer nichts entschieden», а къ 12 дек. 1827 года, поздравляя Шишкова съ предстоящимъ новымъ годомъ, вновь выражалъ желаніе, чтобы учрежденіе каѳедръ осуществилось, съ нарочной прибавкой, что упомянутыя 3 лица, которымъ Кеппенъ предложилъ переѣхать въ Россію, еще не получили никакихъ окончательныхъ извѣстій. Гдѣ и отчего произошла задержка? Кочубинскій объясняетъ это тѣмъ, что въ комитетѣ о реорганизаціи школъ взялъ верхъ взглядъ академика Перрота, по которому домашнія молодыя силы должны въ Дерптѣ пріобрѣтать подготовку и оспособленіе. Императоръ Николай согласился въ принципѣ съ этимъ взглядомъ, проектъ же Шишкова былъ проваленъ! Все ли такъ, не знаю.

Вскорѣ произошла также перемѣна въ самомъ министерствѣ. Въ 1828 г. мѣсто Шишкова занялъ князь Ливенъ, который еще въ качествѣ члена комитета для реорганизаціи школъ стоялъ на сторонѣ Перрота и теперь, какъ министръ, не торопился осуществлять идею Шишкова. Въ неловкомъ положеніи очутились какъ славяне, дожидавшіеся оффиціальнаго приглашенія, такъ и Кеппенъ, игравшій до сихъ поръ роль оффиціальнаго посредника. Онъ еще не потерялъ надежды. Въ февралѣ 1828 года онъ обратился къ министру Ливену съ письмомъ, въ которомъ вопросъ о желаемомъ приглашеніи трехъ чешскихъ ученыхъ въ Россію перенесенъ на ненаучную, чисто политическую почву симпатій, раздѣляемыхъ австрійскими славянами по отношенію къ ихъ покровительницѣ Россіи. Кеппенъ далъ новому министру всѣ нужныя объясненія о бывшемъ ходѣ этого дѣла при Шишковѣ, съ затаенной надеждой, что и Ливенъ воспользуется, быть можетъ, дальнѣйшими услугами его. Обо всемъ этомъ онъ сообщилъ также Ганкѣ, такъ сказать, для своего оправданія; тутъ мы слышимъ изъ его же словъ плохую надежду: «жаль, очень жаль, что А. С. Шишковъ не успѣлъ привести въ исполненіе сего добраго дѣла» (Францевъ стр. 467). Еще въ ноябрѣ 1829 года Кеппенъ или не терялъ надежды, или же, ut aliquid dixisse videatur, написалъ Ганкѣ: «еще не теряю надежды видѣть Васъ въ С.-Петербургѣ», и просилъ увѣдомить его, не перемѣнили ли онъ и Челаковскій своего

мнѣнія «касательно переселенія въ Россію» (Францевъ стр. 469). Я не считаю доказаннымъ мнѣніе или, лучше, догадку Кочубинскаго, что ходу дѣла при Шишковѣ помѣшала его молодая жена, полька Лобаржевская. Вѣдь до 1830 года поляки не относились враждебно къ вопросамъ подобнаго рода, они у себя дома показали большой интересъ къ славянской наукѣ командировками Бобровскаго изъ Вильны и Кухарскаго изъ Варшавы. Ливенъ, какъ видно изъ документовъ, напечатанныхъ у меня (Письма II. 390) обращался къ Шишкову по этому дѣлу, приглашалъ къ себѣ Кеппена (окт. 1829) и въ концѣ концовъ, очевидно, не былъ убѣжденъ доводами ни того, ни другого и постарался дать другой оборотъ дѣлу, т.-е. свалить отвѣтственность и матеріальныя жертвы съ министерства на Россійскую Академію. Ливенъ, какъ и многіе изъ русской интеллигенціи, не былъ высокаго мнѣнія о дѣятельности Россійской Академіи, располагавшей значительными средствами. Онъ указалъ на находившіеся безъ употребленія 300000 рублей въ банкѣ, третью часть которыхъ можно бы употребить на основаніе при Академіи Славянской библіотеки съ тремя хранителями: Ганкой, Шафарикомъ и Челаковскимъ. Этотъ планъ едва ли созрѣлъ въ головѣ Ливена, хотя онъ могъ со словъ Шишкова узнать, что давно уже говорилось о составленіи всеславянскаго словаря при Академіи. Для составленія же словаря, конечно, нужна и библіотека.

У Ливена была какая-то на нѣмецкомъ языкѣ написанная записка о важности славянской науки для Россіи (Письма II, стр. XCVI), гдѣ уже предлагалось, какъ первое средство, учрежденіе большой славянской библіотеки, дальше какое-то «высшее учебное заведеніе для ученыхъ славянъ» (должно быть — славянское отдѣленіе Академіи). Къ этой запискѣ, которая быть можетъ попалась еще Шишкову въ руки въ бытность его министромъ, было приложено также мнѣніе Шишкова, соглашавшагося съ предложеніемъ записки; повторялась только старая мысль, чтобы назначеннымъ изъ славянъ хранителямъ этой библіотеки вмѣнено было въ обязанность составить сравнительный словарь славянскихъ нарѣчій. Неутомимый Кеппенъ составилъ на основаніи этихъ записокъ, руководясь въ то же время устными объясненіями и порученіями Ливена, новую докладную записку, въ которой опредѣлялось по пунктамъ: 1) пригласить 3 или 4 «извѣстныхъ словенскихъ писателей» въ ново-учрежденную библіотеку; 2) обязать ихъ къ исполненію возложенныхъ на нихъ Академіей задачъ; 3) подѣлить главную задачу между ними такъ, чтобы два изъ нихъ заботились о восточно-славянскихъ, прочіе же два о западно-славянскихъ нарѣчіяхъ. Къ восточно-славянскимъ Кеппенъ причислялъ: русское, карпато-русское,

болгарское, сербское, хорватское и корутанское (крайнское), къ западнославянскимъ: польское, чешско-моравско-силезское и сорабское. На случай, если бы выборъ остановился на Ганкѣ, Шафарикѣ и Челаковскомъ, Кеппенъ предназначалъ для перваго одинъ западно-славянскій (значитъ, чешскій), для второго одинъ восточно-славянскій языкъ (должно быть, южнославянскія нарѣчія), для Челаковскаго польскій и карпато-русскій. Послѣднему, кромѣ того, предназначались еще литовскій и волошскій языки; 4) приглашеннымъ вмѣнить въ обязанность изданіе журнала взамѣнъ прекратившихся «Библіографическихъ листовъ», на первое время этотъ журналъ могъ бы выходить даже на нѣмецкомъ языкѣ, «извѣстномъ всѣмъ безъ изъятія образованнымъ словенамъ»; 5) опредѣлить суммы на покупку книгъ и рукописей; 6) двумъ изъ приглашаемыхъ явиться въ Россію тотчасъ же, третьему (или двумъ прочимъ, имѣлся въ виду Челаковскій) поручить останавливаться по дорогѣ для пріобрѣтенія книгъ во Львовѣ, Краковѣ, Варшавѣ и Вильнѣ.

Упомянутая записка Кеппена отмѣчена датою 3 ноября 1829 г., на основаніи ея онъ долженъ былъ начать новые переговоры съ славянами. Шишковъ, уступая плану министра Ливена, заставилъ еще въ апрѣлѣ 1829 г. Россійскую Академію приступить къ исполненію, т.-е. пригласить упомянутыхъ трехъ чеховъ принять при Академіи мѣста библіотекарей. Но прежде надо было еще извѣстить министра о томъ, какимъ способомъ Академія намѣрена покрыть расходы. Это сдѣлано было отношеніемъ отъ 28 ноября 1829 г. (Письма II. 396—9); Ганка и Шафарикъ должны были въ чинѣ орд. профессоровъ получать 4000 руб., Челаковскій въ званіи экстраорд. профессора 3000 руб. въ годъ. Всѣ эти расходы, какъ и эвентуальныя пенсіи должны быть покрываемы изъ суммъ академическихъ. Министръ, вполнѣ соглашаясь съ постановленіемъ Академіи (отношеніе 11 янв. 1830), прибавилъ отъ себя, что одинъ изъ приглашаемыхъ могъ бы въ Петербургскомъ университетѣ читать лекціи «по исторіи литературы славянскихъ нарѣчій», такъ какъ имѣется въ виду открытіе такихъ каѳедръ по всѣмъ университетамъ. Комитетъ министровъ согласился со всѣмъ, и 7 января 1830 послѣдовало Высочайшее утвержденіе. Извѣстивъ уже въ дек. 1829 г. и янв. 1830 подъ рукой Ганку о ходѣ дѣла (Кочуб. CXL—CXLI, Францевъ 469—70. Первый отвѣтъ Ганки нѣсколько уклончивый, Францевъ 471—2), Кеппенъ теперь участвовалъ въ составленіи офиціальныхъ приглашеній (Письма II. 403—5, 406—408). Письмо Ганкѣ составлено въ болѣе теплыхъ выраженіяхъ, чѣмъ Шафарику (409—412); отвѣты обоихъ намъ извѣстны (414—419). Ганка заставилъ сначала Челаковскаго говорить отъ имени ихъ обо-

ихъ, потомъ прибавилъ кое-что отъ себя и, наконецъ, опять довольно ловко отъ имени Шафарика высказалъ опасеніе, что при петербургской дороговизнѣ, быть можетъ, назначеннаго оклада не хватитъ, но онъ (Ганка) успокоилъ де его (Шафарика), что Академія не допуститъ своихъ библіотекарей помереть съ голоду и позаботится объ ихъ положеніи. Наконецъ, рѣчь идетъ (это уже совсѣмъ лично отъ Вячеслава Вячеславича) о казенной квартиркѣ! О какихъ-либо планахъ насчетъ будущей дѣятельности, о трудностяхъ задачи, о желаніи добросовѣстнаго исполненія ея — ни слова. Только въ письмѣ Шишкову (17/29 апр. 1830, у Сухомлинова, Сборникъ томъ 37, стр. 565, Францевъ 1205—6)—Ганка вспомнилъ, что нужно заявить, что онъ постарается оправдать оказанное ему довѣріе усердной услужливостью, но зато высказалъ надежду, что это ему легко удастся, такъ какъ онъ всегда любилъ заниматься «всеславянской словесностью». Конечно, онъ не забылъ и тутъ о себѣ: если въ Петербургѣ устроится каѳедра славянской науки, онъ выразилъ надежду, что она достанется ему; кромѣ того, онъ повторилъ просьбу относительно казенной квартиры при библіотекѣ и еще объ увеличеніи подъемныхъ денегъ.

Совсѣмъ въ другомъ видѣ выступаетъ передъ нами Шафарикъ. Когда роковое сообщеніе Кеппена пришло къ нему въ Новый Садъ, онъ отвѣтилъ 4 марта 1830 г. письмомъ, полнымъ недоумѣнія и опасенія, удовлетворитъ ли онъ всѣмъ ожиданіямъ, а въ то же время полнымъ скорби, что придется покинуть родину и родныхъ; много заботъ задавала ему также богатая библіотека, онъ не зналъ, что начать съ нею, о транспортѣ ея онъ не посмѣлъ и думать. Наконецъ, онъ передавалъ Кеппену о нѣкоторыхъ мало извѣстныхъ результатахъ своей дѣятельности въ Новомъ Садѣ по древней сербской литературѣ, которые, если бы онъ дѣйствительно попалъ въ Россію, могли бы сдѣлаться украшеніемъ ея изданій. Онъ самъ предназначалъ своимъ собраннымъ матеріаламъ, если бы Академія порѣшила современемъ издать ихъ, заглавіе: «Собраніе сербскихъ памятниковъ». Нѣсколько позже Шафарикъ (6 мая 1830) писалъ также Шишкову или Академіи (это было уже послѣ полученнаго официальнаго приглашенія), но содержанія этого письма мы не знаемъ; знаемъ только изъ письма отъ 10 ноября 1830 г. Шишкову, что послѣ выраженнаго имъ согласія на принятіе предложеннаго ему (какъ и прочимъ двумъ соучастникамъ) мѣста никакого отвѣта отъ Академіи не послѣдовало. Въ этомъ письмѣ онъ ссылается на содержаніе предыдущаго (намъ неизвѣстнаго), выражая надежду, что заявленныя въ немъ просьбы не должны были помѣшать ходу дѣла. Какъ видно, онъ высказывалъ опасеніе, что назначенное ему жалованіе окажется недостаточнымъ и намекалъ, какъ бы сговорив-

шись съ Ганкой, на желательность полученія казенной квартиры. Въ майскомъ письмѣ, кромѣ того, была заявлена просьба, которую онъ и теперь опять повторилъ, чтобы срокъ переѣзда его въ Россію былъ измѣненъ, т.-е. продолженъ на цѣлый годъ. Кромѣ семейныхъ обстоятельствъ, онъ подкрѣплялъ свою просьбу аргументами научнаго характера. Онъ надѣялся въ теченіе этого года кое-что дополнить, кое-что привести къ концу и такимъ образомъ поработать тоже въ пользу Петербургской Академіи. Замѣчательно, что Шафарикъ въ концѣ письма ссылается на рѣшеніе Ганки тоже просить отсрочку. Изъ прочихъ писемъ Шафарика этого рокового 1830 года можно вывести заключеніе, что онъ дѣйствительно колебался и никакъ не могъ притти къ окончательному рѣшенію. Но едва ли можно поставить ему эту нерѣшительность въ вину, а мнимую рѣшительность Ганки въ заслугу его, какъ это сдѣлано въ «Очеркахъ по исторіи чешскаго возрожденія» (151 и слѣд.). Никакъ нельзя утверждать, что у Шафарика вообще не было желанія переселиться въ Россію, колебаніе же его легко объясняется, помимо причинъ семейнаго свойства, еще успѣшнымъ ходомъ многосторонних его занятій, втянувшихъ его глубже въ тамошнюю жизнь, чѣмъ это было у Ганки. Поэтому онъ самъ удивляется въ письмѣ отъ 4 ноября 1830 г. къ Ганкѣ, что онъ услышалъ о намѣреніи Ганки этой осенью еще не уѣзжать въ Россію. Для себя и своей отсрочки онъ находилъ извинительныя причины въ своихъ семейныхъ невзгодахъ (болѣзнь жены, маленькій грудной ребенокъ), всего этого у Ганки не было, а все же и онъ откладываетъ поѣздку. Этотъ справедливый упрекъ, сдѣланный Ганкѣ, свидѣтельствуетъ на мой взглядъ, что у Шафарика было гораздо больше искренности, чѣмъ у Ганки. Академія дѣйствительно уважила его доводы и сообщила ему черезъ Шишкова (18 янв. 1831), что она, правда, жалѣетъ, если онъ пріѣдетъ въ Петербургъ только въ теченіе 1832 года, но что его мѣсто остается за нимъ, хотя бы онъ для приведенія къ концу своихъ нынѣшнихъ занятій и плановъ долженъ былъ остаться еще нѣсколько лѣтъ въ Новомъ Садѣ. Изъ разныхъ отзывовъ Шафарика мы, дѣйствительно, получаемъ впечатлѣніе, что онъ въ теченіе 1831 года постоянно разсчитывалъ на предстоящую поѣздку въ Россію (см. письма у Зеленаго, Zelený 405).

Чѣмъ же оправдывали свою отсрочку Ганка и Челаковскій? Вѣдь Ганка еще въ декабрѣ 1830 г. разыгралъ въ письмѣ къ Кеппену роль нетерпѣливаго, досадовавшаго на молчаніе Академіи, продолжавшееся слишкомъ полгода, тогда какъ въ письмѣ Шафарику уже самъ назначалъ осень 1831 г. какъ ближайшій возможный срокъ для переѣзда! Что онъ потомъ сваливалъ часть вины на колебаніе Шафарика, которое будто бы вызвало въ

Академіи мнительность — это было въ характерѣ Ганки (Šaf. mezi Jihoslov. 121). Въ самомъ затруднительномъ положеніи находился Челаковскій. Онъ, кажется, желалъ искреннѣе и Ганки и Шафарика дѣйствительно попасть въ Россію. Оттого онъ еще въ апрѣлѣ 1831 г. не просилъ отсрочки, какъ Шафарикъ, не увертывался, какъ Ганка, а просто хотѣлъ отъ Шишкова узнать, на чемъ дѣло остановилось. Остановилось же оно не на колебаніи Шафарика, хотя поведеніе его могло отчасти содѣйствовать — кажется, что письма Шафарика, отзывавшіяся глубокимъ научнымъ интересомъ, стали раскрывать въ Академіи глаза на глубокое различіе между Шафарикомъ и Ганкой, и когда Шафарикъ настаивалъ на отсрочкѣ, перестали черезчуръ дорожить однимъ Ганкой, — но главной причиной все же были тяжелыя времена, наступившія для Россіи какъ разъ въ этомъ году (1831): свирѣпствовали съ одной стороны холера, съ другой польское возстаніе. При такихъ условіяхъ извинительна со стороны Академіи медленность въ исполненіи сдѣланныхъ рѣшеній, и со стороны Шафарика желаніе получить продолжительную отсрочку, на которую ссылался также Ганка.

Польское возстаніе вызвало въ Германіи и отчасти также въ Австріи симпатіи въ пользу возстанцевъ. Шафарикъ не скрывалъ своихъ симпатій въ ту же сторону въ разныхъ письмахъ, въ особенности къ Коллару (извлеченіе у Францева и у Иречка: P. I. Šafařík mezi Jihoslovány стр. 122). Пока онъ, бѣдствуя, продолжалъ свою скромную жизнь въ Новомъ Садѣ, занятый своими научными дѣлами, Ганка умудрился и изъ этого положенія извлечь свою выгоду. Его выставленный на показъ русскій патріотизмъ былъ вознагражденъ какъ разъ въ этомъ тяжеломъ 1831 году орденомъ св. Владиміра, точно желали утѣшить его за лишеніе, что еще не могъ перебраться въ Россію! Шафарикъ въ недоумѣніи разсказывалъ Коллару въ письмѣ 18 дек. 1831, что вѣроятно оттого Ганка въ послѣднемъ письмѣ такъ жестоко выругалъ поляковъ, называя ихъ выродившимся, отчужденнымъ племенемъ славянскимъ. Какъ нелѣпо, прибавилъ новосадскій отшельникъ! Русскіе изслѣдователи этого вопроса никакъ не могутъ освободиться отъ предубѣжденія, что въ несостоявшемся этомъ дѣлѣ главная вина — Шафарикъ, тогда какъ Ганка въ ихъ глазахъ самый искренній, славянскому дѣлу всею душою преданный человѣкъ. Что эта характеристика не вѣрна, кажется теперь не нужно доказывать. Ганка преклонялся только передъ оффиціальнымъ блескомъ русскихъ высокопоставленныхъ лицъ, серьезнаго изученія даже русской литературы, не говоря уже о русскомъ народѣ, нигдѣ у него не замѣтно. И теперь Ганка не только не настаивалъ больше на осуществленіи плана, чтобы они въ

троемъ (съ Шафарикомъ и Челаковскимъ) перенесли поприще своей дѣятельности въ Россію, а какъ изъ новыхъ, Францевымъ сообщенныхъ писемъ видно, онъ уже въ 1830 году, значитъ въ то время, когда онъ передъ Кеппеномъ еще настаивалъ на скоромъ рѣшеніи вопроса о переѣздѣ въ Россію, съ министромъ Сперанскимъ, провожая его по Прагѣ и состоя съ нимъ въ перепискѣ, пока тотъ лѣчился въ Маріенбадѣ, обсуждалъ уже вопросъ о возможности составленія требуемаго Шишковымъ словаря въ Прагѣ и, какъ кажется, успѣлъ въ этомъ убѣдить Сперанскаго (сл. письма Сперанскаго у Францева, Письма къ Ганкѣ, стр. 940. 941—943). Шафарикъ могъ преспокойно томиться въ Новомъ Садѣ, Ганка старался устроить дѣло такъ, чтобы на русскомъ окладѣ сидѣть въ Прагѣ и считаться редакторомъ славянскаго сравнительнаго и словопроизводительнаго словаря. Быть можетъ, онъ потомъ сжалился бы также надъ Шафарикомъ (Сл. Записку Ганки въ Академію отъ 10 авг. 1832 у Францева 943), но пока онъ держалъ свой планъ отъ него втайнѣ. И въ письмѣ Сперанскаго (февр. 1831) Ганкѣ, въ которомъ уже нѣтъ и рѣчи о приглашеніи чешскихъ ученыхъ въ Петербургъ, не упоминается о Шафарикѣ или Челаковскомъ ни словомъ. Ганка заботился главнымъ образомъ о себѣ.

Только такимъ двусмысленнымъ поведеніемъ Ганки объясняется жалкое заблужденіе Шафарика, когда онъ еще въ апрѣлѣ 1832-го года вѣрилъ въ возможность переѣзда въ Россію и въ письмѣ Шишкову назначалъ срокомъ для этого весну 1833-го года. Онъ сообщилъ объ этомъ также Ганкѣ (Францевъ 169). Теперь только Ганка долженъ былъ раскрыть карты и посвятить Шафарика въ свой планъ. Бѣдный Шафарикъ обрадовался, конечно, этому обороту и былъ очень доволенъ тѣмъ, что ему придется, быть можетъ, работать въ пользу славянской науки и во славу Петербургской Академіи — въ Прагѣ. Но вскорѣ онъ раскусилъ хитраго Ганку. Въ письмѣ Коллару (4 окт. 1832 года) онъ разразился противъ этого тщеславнаго и честолюбиваго человѣка съ яростью и негодованіемъ: «Ганка замутилъ воду также въ Петербургѣ, ему хотѣлось быть вожакомъ и руководителемъ, а Шафарикъ, Юнгманнъ и Челаковскій должны бы работать». «Risum teneatis», прибавляетъ Шафарикъ и замѣчаетъ, что онъ считаетъ Ганку пригоднымъ развѣ для того, чтобы переписывать его макулатуры! Какъ вѣрно, хотя сурово, Шафарикъ оцѣнилъ этими словами Ганку! Точно такъ же недоволенъ былъ интригами Ганки Челаковскій, написавшій 4 окт. 1832 г. Камариту полное раздраженія письмо, въ которомъ всю отвѣтственность за неудачу сваливаетъ на Ганку. Пора бы и русскимъ ученымъ перестать черезъ мѣру восхвалять своего Вячеслава Вячеславича!

Боязливый Шафарикъ не возлагалъ съ самаго начала большихъ надеждъ на возможность осуществленія новаго плана Ганки, онъ принималъ въ расчетъ также подозрительность австрійскаго правительства, которое не согласилось бы допустить двумъ или тремъ своимъ подданнымъ, чехамъ, работать въ Прагѣ надъ трудомъ всеславянскимъ, на русскія же деньги! Пессимизмъ Шафарика оправдался: изъ плана Ганки ничего не вышло. Но какъ это случилось? Шафарикъ сначала обратился въ Академію съ запросомъ, какъ обстоитъ дѣло о приглашеніи извѣстныхъ трехъ ученыхъ въ Россію. Онъ получилъ отвѣтъ, что отъ первоначальнаго плана пришлось отказаться, такъ какъ Ганка и Челаковскій отклонили приглашеніе (откуда непремѣнный секретарь Академіи почерпнулъ это свѣдѣніе, мы не знаемъ). Тогда Шафарикъ въ новомъ письмѣ (октябрь 1832) рекомендовалъ планъ Ганки, на что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не послѣдовало никакого отвѣта. Только въ маѣ 1833 года секретарь Академіи изумилъ Шафарика сообщеніемъ, что тамъ о планѣ Ганки ничего не знаютъ! Сперанскій ли не говорилъ объ этомъ съ Шишковымъ, или же Шишковъ предпочелъ отмалчиваться, — мы не знаемъ Лѣтомъ 1833 года Сперанскій опять послалъ Ганкѣ изъ Маріенбада письмо, въ которомъ сообщалось что по извѣстнымъ (?) причинамъ въ Академіи вопросъ о словарѣ отложенъ (подробности долженъ былъ Ганкѣ сообщить Балугьянскій), но что онъ не теряетъ надежды, что при первомъ удобномъ случаѣ опять выплыветъ наружу тотъ же вопросъ. Это была конечно пустая фраза, обнадеживанье безъ реальной подкладки. Славянская библіотека провалилась, составленіе сравнительнаго словаря ушло ad graecas calendas. Францевъ довольствуется въ своемъ сочиненіи оговоркой, что мы причинъ не знаемъ. Но стоитъ напомнить, какъ по крайней мѣрѣ одно въ то время причастное лицо (Кеппенъ), лѣтъ тридцать спустя, отзывалось объ этомъ трагикомическомъ окончаніи плана, надѣлавшаго много шуму и причинившаго, по крайней мѣрѣ, одному изъ трехъ много горечи, безпокойствія и разочарованія. Кеппенъ разсказывалъ въ 1861 году со словъ Ливена слѣдующее: Императоръ Николай I, не имѣвшій высокаго мнѣнія о Россійской Академіи, находилъ не нужнымъ дальнѣйшій каждогодный отпускъ суммъ, такъ какъ у нея было довольно собственныхъ капиталовъ, лежавшихъ безъ употребленія. Кн. Ливенъ, объявилъ, что онъ обезпечитъ государственную субсидію Академіи подъ условіемъ, если она возьмется за осуществленіе плана объ учрежденіи славянской библіотеки. Тогда Академія будто бы для виду только интересовалась этимъ дѣломъ, пока ей не были обезпечены суммы изъ государственнаго казна-

чейства. Когда же это совершилось, библіотечный вопросъ преданъ былъ забвенію.

Эта, нѣсколько ядовитая, противъ сумбурнаго Шишкова направленная версія не можетъ быть единственной причиной. Были несомнѣнно и другія. Одну можно усмотрѣть въ полномъ непониманіи сути дѣла со стороны Шишкова, который еще болѣе сконфузился, когда изъ Австріи получались разнорѣчивые отзывы—то рѣчь заходила объ отсрочкѣ пріѣзда въ Петербургъ, то о перенесеніи составленія словаря въ Прагу. Вопросъ, вначалѣ простой, все болѣе запутывался. Если бы у Шишкова были ясныя понятія, онъ могъ бы воспользоваться важнымъ содержаніемъ письма, которое Шафарикъ послалъ 1/13 окт. 1832 г. на имя непремѣннаго секретаря, и просто пригласить Шафарика въ Петербургъ. Вѣдь Шафарикъ въ томъ письмѣ жалѣлъ о томъ, что Ганка и Челаковскій перемѣнили свои мысли, относительно же себя прямо заявлялъ, что для него продолжительное пребываніе въ Новомъ Садѣ просто невозможно. Стало быть, онъ предлагалъ прямо Академіи свои услуги. Но у Шишкова кружилось въ головѣ фальшивое представленіе о важномъ значеніи Ганки, о томъ же, что̀ Шафарикомъ уже сдѣлано для славянской науки и что̀ у него было такъ сказать подъ перомъ, Шишковъ не могъ составить себѣ правильнаго понятія, онъ не сумѣлъ воспользоваться удобнымъ моментомъ, чтобы пересадить Шафарика изъ Новаго Сада въ Россію. Шафарикъ говоритъ, правда, въ этомъ письмѣ о вновь придуманномъ планѣ Ганки, но Академія, вѣдь, заявила уже разъ черезъ своего секретаря, что она ничего не знаетъ о планѣ Ганки, такъ она могла, будь Шишковъ на своемъ мѣстѣ, и теперь просто предложить Шафарику переѣхать въ Петербургъ на прежнихъ условіяхъ. Онъ бы, судя по всему, не отклонилъ такого предложенія. Еще за восемь дней до своего отъѣзда изъ Новаго Сада Шафарикъ написалъ одно письмо въ Академію (у Сухомлинова 578—9), оно было прочитано въ засѣданіи 15 апрѣля 1833, но мы не знаемъ, послѣдовало ли какое-либо постановленіе. Нѣтъ, Шишковъ не былъ судьбою предназначенъ для истинной пользы славянской науки. Характеренъ также фактъ, что въ 1836 году Кеппенъ предложилъ золотую медаль для Копитара и Шафарика, Академія же отъ себя прибавила опять Ганку. Копитаръ недавно издалъ своего Glagolita Clozianus, Шафарикъ прославился, помимо всѣхъ прочихъ трудовъ, своими «Старожитностями». Что-же такое сдѣлалъ Ганка? Онъ былъ неутомимымъ проводникомъ всѣхъ Русскихъ, заѣзжавшихъ въ Прагу. Зато достались ему перстни и булавки и ордена по заслугамъ, но отъ Академіи можно было ожидать, что она въ 1836 году будетъ въ состояніи сдѣлать различіе между Шафарикомъ и Ганкой. Впрочемъ,

какое диво, что Шишковъ не сумѣлъ найтись, когда еще въ наши дни иные сбиваются съ толку, какъ скоро приходится говорить о Ганкѣ. Шафарикъ еще позже, когда онъ уже былъ въ Прагѣ, не переставалъ считать главнымъ виновникомъ всей путаницы по данному вопросу не кого иного, какъ Ганку (см. письмо его Кеппену отъ 8 сент. 1835, Письма II. 432).

Не всѣ въ Россіи такъ на изнанку ставили славянскій вопросъ, какъ Шишковъ. Мухановъ П. А., другъ Погодина, услышавъ еще въ 1832 г. о томъ, что Шафарику предлагаютъ Бреславль, приглашаютъ его даже въ Берлинъ, недоумѣвалъ, что въ Россіи спятъ, тогда какъ было бы очень хорошо пріобрѣсти Шафарика для Москвы. Въ 1835 году, когда Шафарикъ жилъ уже въ Прагѣ, какъ скромный «Privatgelehrter», навѣстилъ его въ Прагѣ, Копитара же и Вука въ Вѣнѣ, русскій путешественникъ А. Титовъ. Его впечатлѣнія дѣлаютъ честь и ему, какъ человѣку безъ предвзятыхъ мыслей, и тѣмъ людямъ, жизнь которыхъ полную самоотверженія онъ съ восторгомъ описывалъ. О Шафарикѣ въ особенности онъ пишетъ съ величайшимъ почтеніемъ и уваженіемъ и прибавляетъ: пріобрѣсти такого человѣка хотя на два, на три года въ Петербургъ или Москву, чтобы читать лекціи о славянскихъ нарѣчіяхъ, какое это было бы счастіе! Но не везло Шафарику съ приглашеніемъ его въ Россію, хотя оно, какъ увидимъ, еще повторялось. Главнымъ же образомъ Россійская Академія не могла похвалиться удачей въ своихъ сношеніяхъ со славянствомъ. Когда явился вѣнскій книгопродавецъ Дундеръ съ громаднымъ планомъ, издать «Vollständiges und allgemeines slavisches Bücherlexicon» въ восьми томахъ (см. об. этомъ любопытную статью Францева: «В. Г. Дундеръ и Императорская Россійская Академія» въ Русск. Фил. Вѣстникѣ, Варшава, 1903, т. L, стр. 42), Шишковъ поспѣшилъ, не дожидаясь появленія въ печати хотя бы одной части этого громко навязывавшагося предпріятія, — вознаградить тщеславнаго Дундера академической медалью! Шишковъ былъ убѣждаемъ въ важности плановъ Дундера русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, гр. Д. П. Татищевымъ, плохимъ знатокомъ людей. Пока онъ представлялъ и Дундера въ Вѣнѣ и Ганку въ Прагѣ императору Николаю для отличія, онъ обрушился на Челаковскаго изъ-за одной неосторожной выходки въ чешскихъ «Пражскихъ Новинахъ» и лишилъ его всѣхъ средствъ существованія! На сколько умнѣе и осторожнѣе дипломата оказался простой смертный А. Титовъ, назвавшій Дундера настоящимъ именемъ — шарлатаномъ (см. у Францева Очерки, стр. XVI)!

Ганка, любившій подавать различныя записки, не успокоился и тогда, когда уже вопросъ о назначеніи его или кого-либо изъ чеховъ на службу

въ Академію окончательно провалился. Изъ письма Княжевича 1843 года (Францевъ 497) мы узнаемъ, что Ганка въ тѣ годы, вѣроятно въ 1841 году, составилъ опять какую-то бумагу «относительно Россійской академіи», которую онъ желалъ черезъ Княжевича представить — неизвѣстно кому. Но онъ опоздалъ. Россійская академія была уже превращена во Второе Отдѣленіе Русскаго языка и словесности, о чемъ впрочемъ сообщилъ ему Востоковъ въ декабрѣ 1841 г. (Францевъ 178—180). Вѣроятно, мысль Ганки вращалась около учрежденія «славянской академіи», на которую, какъ на идею Ганки, указываетъ одно письмо 1845 года (Францевъ стр. 500), см. также намекъ на «славянское отдѣленіе» при Россійской академіи въ письмѣ Ганки графу С. С. Уварову 10/22 мая 1841 г. у Францева 1135 (сл. Кіевская Старина 1892 февр.). Прибавимъ, какъ эпилогъ къ этой исторіи заблужденій, что въ 1838 году Россійская Академія, подъ давленіемъ графа Уварова, постановила выдать въ пособіе Шафарику и Ганкѣ каждому по три тысячи рублей, услышавъ отъ министра, что оба они приготовили о славянскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ нѣкоторыя свои сочиненія, которыя желали бы издать въ свѣтъ, но не имѣютъ нужныхъ къ этому способовъ (Францевъ 1207). Для Шафарика аргументъ этотъ основателенъ, Ганка же былъ и теперь прибавленъ въ видѣ внѣшняго украшенія.

ГЛАВА XII.

Шафарикъ въ Прагѣ. Его Древности. Встрѣча съ Погодинымъ въ Прагѣ, ихъ дружба и переписка. Занятія Шафарика вплоть до 1848-го года.

Шафарикъ порѣшилъ никакъ не оставаться въ Новомъ Садѣ. Если уже не состоится переѣздъ въ Россію, то онъ желалъ бы перебраться въ Прагу. Объ этомъ говорится въ письмѣ къ Коллару отъ сентября 1832 г. (Брандль Šaf. 19). Онъ обратился къ Палацкому и Юнгманну съ просьбой найти ему корку хлѣба. И въ письмѣ къ Мацѣёвскому, непосредственно передъ тѣмъ, какъ покинуть Новый Садъ, онъ говорилъ о своемъ тяжеломъ положеніи прямо съ отчаяніемъ. Вся наша литературная дѣятельность, — вздыхаетъ Шафарикъ, — не что другое, какъ дилетантизмъ, народъ не знаетъ насъ, какое ему дѣло до насъ. При такихъ условіяхъ требовалось много силы душевной, много вѣры въ собственную энергію, чтобы не упасть духомъ, не потерять охоту и расположеніе. Шафарикъ выдержалъ и это испытаніе. Какъ из-

вѣстно, собралось восемь или девять человѣкъ изъ чешскихъ патріотовъ, не располагавшихъ большими средствами, которые сговорились сдѣлать складчину для обезпеченія хотя бы самаго жалкаго существованія этого знаменитаго человѣка. Говорятъ, что объ этомъ было доведено до свѣдѣнія полиціи, чтобы не пало подозрѣніе на бѣднаго слависта. Съ женой и дѣтьми и единственнымъ своимъ имуществомъ, съ книгами, пріѣхалъ онъ 4 мая 1833 г. въ Прагу, чтобы никогда съ нею до своей смерти уже не разставаться. Положеніе его было, конечно, очень незавиднымъ, но онъ не унывалъ и не уставалъ въ своей дѣятельности. Говорятъ, что время отъ времени даже полиція отечески развѣдывала объ его средствахъ существованія, но было бы крайнею нелѣпостью приписывать это любопытство полиціи доносамъ Копитара (Брандль, Šaf. 24). Копитаръ и Шафарикъ не сходились въ вопросахъ чисто научныхъ, они расходились во взглядахъ на славянство и его будущее, они принадлежали къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, какъ извѣстно, Копитаръ былъ горячій католикъ, но при всей страстности своей натуры онъ не былъ подлецомъ, не былъ доносчикомъ!

Главное занятіе Шафарика со дня его пріѣзда въ Прагу состояло въ неустанномъ трудѣ, посвященномъ славянскимъ древностямъ. Это была главная цѣль его жизни, краеугольный камень всѣхъ его занятій. Въ сентябрѣ 1835 года онъ писалъ уже Кеппену, что «Старожитности» его, написанныя сначала по-чешски (потомъ вѣроятно и по-нѣмецки), будутъ обнимать два тома, это будетъ исторія и древности языческихъ славянъ, приблизительно до X-го или XI-го столѣтія; въ первый томъ, который выйдетъ въ будущемъ, т. е. 1836 году, войдутъ исторія и этнографія; второй томъ—годомъ позже. Собирая матеріалъ для этого большого труда, онъ печаталъ мимоходомъ отдѣльными статьями то, что подвертывалось подъ перо, напр., въ Č. Č. M. 1833 статью о русалкахъ, потомъ «Přehled nejnovějši literatury illyrských Slovanův», въ 1834: Myšlénky o starobylosti Slovanů v Evropѣ, Přehled pramenův stare historie slovanské, въ 1835: O národech kmene skythického, O národech kmene litevského, Přehled národních jmen v jazyku slovanském; въ 1837: о Чернобогѣ въ Бамбергѣ, O zemi jmenované Bojky, въ 1838: Literatura illyrská, Literarné zprávy ze Slovanska. — Большая часть этихъ статей собрана въ III томѣ его Sebrané spisy (v Praze 1865, подъ заглавіемъ: Rozpravy z oboru věd slovanských). Въ «Krok»'ѣ онъ напечаталъ въ 1836 г. «Ohledy metrického veršování illyrských Slovenův», и т. д. Въ 1834—5 гг. онъ наблюдалъ за редакціею еженедѣльника «Světozor».

Какъ мало знали даже сами чехи о Шафарикѣ, пока онъ жилъ въ Новомъ Садѣ, такъ много сталъ онъ обращать на себя вниманіе съ тѣхъ

поръ, какъ переселился въ Прагу и очутился здѣсь въ средѣ бойкаго національнаго движенія. Въ особенности русскіе путешественники, которые не довольствовались любезностями пріятнаго чичероне Ганки, а желали посерьезнѣе чему-либо поучиться, охотно отыскивали и знакомились съ Шафарикомъ. Въ числѣ такихъ былъ въ 1835 году М. Погодинъ. Краснорѣчиво описалъ онъ въ дневникѣ свое первое знакомство съ Шафарикомъ (сл. въ изданіи Барсукова IV. 313 и слѣд.). Онъ былъ просто пораженъ контрастомъ между скромной обстановкой жизни и величіемъ ума этого славнаго труженика въ области славянской науки (сл. также его «Годъ въ чужихъ краяхъ» 116—118). У него тотъ часъ же зародилась благородная мысль, какъ бы слѣдовало и возможно было поддержать матеріально и нравственно этого страдальца. Первое, что ему пришло въ голову, это было желаніе пріобрѣсти Шафарика для московскаго университета. Въ новомъ университетскомъ уставѣ 1835 года, выработанномъ въ министерство Уварова, значилась также новоучреждаемая каѳедра «исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій». Вотъ на эту каѳедру Погодинъ хотѣлъ привлечь Шафарика. Онъ поступилъ нѣсколько необдуманно, представивъ это свое горячее желаніе попечителю Строганову, лично, кажется, знавшему Шафарика, прежде чѣмъ заручился согласіемъ со стороны Шафарика. Попечитель послалъ Шафарику оффиціальное приглашеніе 5 янв. 1836 года (сл. Кочубинскаго въ Вѣстн. Евр. 1896, іюль 182), которое поставило его въ неловкое положеніе. Онъ чувствовалъ себя обязаннымъ Погодину и черезъ него тѣмъ Русскимъ, которые поддерживали его денежными пособіями и присылкой книгъ (Погодинъ посредничествовалъ въ этомъ нѣжномъ и щекотливомъ дѣлѣ не всегда съ достаточной осторожностью, но — tamen laudanda est voluntas, сл. у Барсукова IV. 417—419), поэтому онъ опасался, какъ бы не оскорбить Строганова, Погодина и московскій университетъ, но онъ долженъ былъ отклонить сдѣланное ему приглашеніе, въ особенности теперь, когда онъ былъ весь поглощенъ своими древностями. Если сравнить образъ дѣйствія Строганова съ шагами, сдѣланными въ свое время Шишковымъ,—какая огромная разница! Если бы этимъ языкомъ заговорили прежде, Шафарикъ, должно быть, не колебался бы, не устоялъ бы. Поэтому ему и было вдвойнѣ непріятно, что онъ теперь долженъ былъ отказаться. Въ письмѣ Кеппену (21 февр. 1836) онъ распространяется объ этомъ нѣсколько сентиментальными выраженіями: «zufrieden mit meinem idyllischen Vollglück» — это не совсѣмъ искренно сказано. Уже жалоба на недостатокъ многихъ важныхъ сочиненій мѣшала идиллическому счастью. Приставать съ постоянными просьбами ему тоже не хотѣлось, чтобы не смѣшивали его

съ обыкновеннымъ нищимъ. Въ письмѣ къ Погодину, отъ котораго вышло то, что̀ Строгановъ сдѣлалъ, Шафарикъ выражается гораздо сдержаннѣе и осторожнѣе; онъ даже не исключаетъ возможности такъ года черезъ два на дѣлѣ переѣхать въ Россію. Конечно, это была только отговорка, чтобы успокоить Погодина. Но зато вполнѣ искренно и горячо онъ благодарилъ Погодина за все прочее, что тотъ сдѣлалъ для него. Онъ рекомендовалъ себя ему и на будущее время, только не для такихъ игрушекъ, какія приводятъ въ восторгъ Ганку, а для книгъ и другихъ пособій. Недовольство свое Ганкой онъ отмѣтилъ ироническими выраженіями: «Herr Ritter von Hanka воспользовался случаемъ пребыванія у насъ русскаго Императора, чтобы черезъ Татищева опять выманить перстень».

Благоразумный Строгановъ не обидѣлся отказомъ Шафарика, отношенія его къ Россіи остались попрежнему полными взаимнаго уваженія. Погодинъ не переставалъ заботиться о поддержкѣ его. Въ свое время нельзя было много объ этомъ говорить, но теперь справедливость требуетъ указать на собственное признаніе Шафарика (Письма къ Погодину 183), что безъ жертвъ, принесенныхъ въ пользу изданія Погодинымъ и его друзьями, «Старожитности» не могли бы даже явиться въ свѣтъ. Погодинъ снабжалъ его нѣсколько разъ денежными пособіями, по 500 рублей, не говоря уже о драгоцѣнныхъ русскихъ изданіяхъ, которыя онъ получалъ то черезъ Кеппена, то черезъ Погодина.

«Старожитности» Шафарика вышли въ 1837 году, въ одномъ томѣ, обнимавшемъ только первую, историко-географическую часть. Тутъ представленъ славянскій міръ въ географическомъ своемъ распространеніи въ цѣломъ и по частямъ, обращено вниманіе на сосѣднія неславянскія племена и ихъ соприкосновеніе со славянами, далѣе изложена древнѣйшая исторія каждаго отдѣльнаго славянскаго племени приблизительно до введенія христіанства. Въ настоящее время въ этомъ трудѣ кое-что уже устарѣло, но громадная эрудиція автора внушаетъ еще сегодня большое уваженіе. Нѣкоторыя части слишкомъ обширны. Напр., нынѣ уже не нужно доказывать, что славяне въ Европѣ такіе же сторожилы, какъ германцы или кельты (I. 1 § 6). Вопросъ о древнѣйшихъ названіяхъ славянъ теперь уже нуждается въ поправкахъ (ib. § 7), догадка о спорахъ-сербахъ не выдерживаетъ критики. Вопросъ о древнѣйшей торговлѣ въ настоящее время подлежитъ основательной передѣлкѣ (ib. § 8). Всѣ почти этимологическія соображенія теперь уже должны быть выброшены или вполнѣ передѣланы. Цѣлая первая часть труда (§ 1 — 23) требуетъ новаго, сокращеннаго изложенія, на основаніи новыхъ данныхъ антропологіи, этнографіи и линг-

вистики. Напротивъ, обозрѣніе отдѣльныхъ племенъ славянскихъ и изложеніе древнѣйшей исторіи остаются по большей части и теперь еще въ силѣ и составляютъ драгоцѣнный вкладъ въ науку.

Когда было пущено въ ходъ предварительное объявленіе о Славянскихъ Древностяхъ Шафарика (1836), Академія вспомнила, не отъ себя, а по указанію Кеппена, о заслугахъ знаменитаго пражскаго слависта. Онъ получилъ, какъ сказано выше, вмѣстѣ съ Копитаромъ большую золотую медаль.

Только что «Старожитности» приходили къ концу, Шафарикъ сталъ говорить уже объ этнографической картѣ (1836), матеріалъ для которой онъ собиралъ уже давно. Одновременно онъ задавался мыслью охарактеризовать по памятникамъ грамматическія особенности древне-болгарскаго нарѣчія, какъ параллель къ древне-сербскому, уже въ Serbische Lesekörner разработанному типу церковно-славянскаго языка. Для этой цѣли недоставало у него матеріала изъ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ памятниковъ. Онъ обращался и черезъ Кеппена и прямо къ Востокову съ просьбой снабдить его пособіями изъ богатыхъ собраній рукописей въ русскихъ сокровищахъ. Заходила также уже теперь рѣчь о новомъ лучшемъ кирилловскомъ шрифтѣ. Какъ изъ переписки Шафарика видно, онъ давно уже собиралъ матеріалъ для Monumenta serbica; главнымъ образомъ, для этого изданія ему хотѣлось имѣть новыя письмена. Окруженный съ разныхъ сторонъ такими некритическими головами, какъ Ганка въ Прагѣ, какъ Колларъ въ Пештѣ, Шафарикъ старался, напротивъ, быть съ каждымъ годомъ трезвѣе. Это доказываютъ его взгляды на славянство въ «Старожитностяхъ» въ сравненіи съ тѣмъ, что высказано на этотъ счетъ въ «Geschichte» и въ «Abkunft». Эта трезвость высказалась также въ области чисто лингвистической, хотя Шафарикъ этой отраслью науки занимался только мимоходомъ. Данковскаго, издавшаго странное разсужденіе «Matris slavicae filia erudita», онъ назвалъ въ одномъ письмѣ къ Кеппену «literarischer Marktschreier und Windbeutel», его же сопоставленія «grillenhafte, müssige Speculationen etwa wie sein Homerus slavicus». Замѣчаніе его «wir haben Talente, gute Köpfe, aber ohne Bildung, verwildert» — содержитъ въ себѣ горькую правду не только по отношенію къ словакамъ, но и къ прочимъ славянамъ, даже для двадцатаго столѣтія. Въ своей полемикѣ противъ Копитара Шафарикъ заходилъ отчасти слишкомъ далеко (сл. его отзывъ въ письмѣ къ Востокову по поводу изданія Glagolita Clozianus), но все же и тутъ имѣемъ свидѣтельство о трезвости его, когда онъ противъ догадки Копитаровой, что глаголическій алфавитъ произошелъ изъ славянскихъ рунъ, указывалъ на подложность «ободритскихъ рунъ».

Большой трудъ Шафарика произвелъ глубокое впечатлѣніе въ научномъ мірѣ. Древности его были переведены, кромѣ неудачнаго русскаго перевода, рано начатаго, но поздно оконченнаго, также въ 1842 г. на польскій языкъ Бонковскимъ въ Познани, въ 1843—4 году на нѣмецкій языкъ Мозигомъ и Вуттке. Многія ученыя общества почтили автора избраніемъ въ члены, но его скромное положеніе дома въ Прагѣ отъ этого нисколько не улучшилось. Замѣчательно, что онъ какъ разъ въ томъ же году, когда вышли «Древности», жаловался на разныя непріятности, на разстройство не столько физическое, сколько душевное (mein Gemüth ist halb und halb gebrochen, niedergedrückt, erlahmt). Онъ получилъ, правда, послѣ смерти Циммерманна мѣсто цензора, мало доходное, но очень непріятное, отнимавшее у него много времени — къ счастью, онъ нашелъ въ своей женѣ очень полезную сотрудницу, — но въ своихъ ученыхъ занятіяхъ онъ и впередъ нуждался въ поддержкахъ и пособіяхъ, которыхъ никто не доставлялъ ему съ такой сердечностью, какъ обожатель его Погодинъ. Въ письмахъ Шафарика къ русскому другу Погодину сохранились неоцѣненныя указанія не только на ходъ его научныхъ занятій, но и на самыя задушевныя стороны его жизни, на настроеніе его души и завѣтныя его желанія. Много драгоцѣнныхъ отзывовъ о современникахъ мы встрѣчаемъ въ этихъ письмахъ. Напр., онъ жаловался на Кухарскаго, который собралъ, повидимому, много драгоцѣнныхъ матеріаловъ, но не допускалъ никого до нихъ, самъ же былъ лѣнтяемъ (Письма стр. 176). Когда въ 1836 году Булгаринъ издалъ четырехтомный трудъ о Россіи (Россія въ истор., стат., геогр. и литер. отношеніяхъ), Шафарикъ написалъ объ этомъ сочиненіи отзывъ въ Č. Č. M. 1837, изъ котораго прислуживавшійся Ганка сдѣлалъ извлеченіе всего хвалебнаго и послалъ въ Россію. Шафарикъ назвалъ Ганку (не упомянувъ его имени) фокусникомъ, но Погодинъ все же былъ недоволенъ (Письма 218—219). Тогда Шафарикъ разразился совсѣмъ откровенно противъ мелочнаго антагонизма между Петербургомъ и Москвой, въ особенности противъ Булгарина, Греча и Сенковскаго (это было въ 1838 г.). Что онъ не былъ высокаго мнѣнія объ этимологическихъ сопоставленіяхъ Коллара, объ этомъ мы уже говорили. Дѣйствительно, въ одномъ письмѣ онъ называетъ влюбленность Коллара въ свою «Славу» явленіемъ болѣзненнымъ (226—227), а въ другомъ письмѣ повторяетъ свое несочувствіе подобнымъ бреднямъ (255). И Мацѣёвскимъ онъ не былъ доволенъ, замѣчая въ его трудахъ не прогрессъ, а регрессъ. Въ 1838 году онъ сообщилъ своему другу въ Москву, что изъ-за небрежности и лѣни чешскихъ литераторовъ онъ долженъ взяться на нѣкоторое время за редакцію чешскаго «Часописа» (213). При натянутыхъ отношеніяхъ, продолжавшихся уже много

лѣтъ между нимъ и Копитаромъ, не удивительно что онъ касался этого больного мѣста также и въ письмахъ. Въ декабрѣ 1838 г. онъ жаловался на статью Копитара въ Хмѣлевомъ журналѣ (см. выше на стр. 206) и написалъ очень рѣзкія слова противъ вѣнскаго слависта, назвавъ его «falschen und gewissenlosen Bösewicht», а въ письмѣ 25 іюля 1839 г. онъ просилъ Погодина просто не упоминать ему о Копитарѣ, прибавивъ опять съ необыкновенной рѣзкостью, что для него Копитаръ не существуетъ больше, что онъ ненавидитъ его. Едва ли эта рѣзкая выходка убѣдила Погодина, который въ одномъ письмѣ къ Жуковскому отзывался о Копитарѣ такъ: «Первое мѣсто въ Вѣнѣ принадлежитъ г-ну Копитару — онъ первоклассный ученый, наслѣдникъ Добровскаго». Когда вышла книжечка Копитара «Hesychii glossographi discipulus», Шафарикъ не могъ промолчать о неоправданныхъ выходкахъ, онъ обвинялъ вѣнскаго Мефисто въ томъ, что онъ сдѣлался орудіемъ римско-нѣмецко-польскихъ іезуитовъ (іюнь 1840 г.). Замѣчательно, что нѣсколько лѣтъ спустя, когда Миклошичъ впервые появился на научномъ поприщѣ, — вышли его Vita s. Clementis, рецензія на Востокова Остромірово евангеліе и т. д. — Шафарикъ не могъ обойти молчаніемъ духовнаго родства Миклошича съ Копитаромъ: «Er ist durch und durch von K. Phantasien imprägniert und verschliesst mordaciter der Wahrheit die Augen» (Письма 350).

Рѣзкость Шафарика нѣсколько поражаетъ. Изъ-за одного разногласія въ вопросѣ о родинѣ церковно-слав. языка едва ли могло бы дойти до такой враждебности. Были, должно быть, закулисныя исторіи, которымъ быть можетъ Шафарикъ придавалъ черезчуръ много значенія. Объ этихъ недоразумѣніяхъ можно тѣмъ болѣе жалѣть, что Погодинъ, встрѣчаясь съ Шафарикомъ, повидимому самъ сталъ смотрѣть на славянскій міръ другими глазами, чѣмъ это было въ обычаѣ у Русскихъ послѣ польскаго возстанія 1830 и 1831 годовъ. Мы слышимъ съ удовольствіемъ, что онъ еще въ 1839 году, проѣздомъ черезъ Варшаву, считалъ своимъ пріятнымъ долгомъ навѣстить Линде и Мацѣёвскаго. Погодинъ тогда еще не сочувствовалъ гоненію польскаго языка, придерживаясь такого убѣжденія, что русскій языкъ со временемъ и безъ принудительныхъ мѣръ займетъ мѣсто интернаціональнаго общеславянскаго средства. Онъ сдѣлалъ такое сравненіе: не нужно высушивать Оку или Каму, вѣдь онѣ изливаются въ Волгу (Барсуковъ V. 219). Однако жъ Погодинъ не былъ достаточно безпристрастнымъ наблюдателемъ. У него довольно часто примѣшивалась болѣзненная сентиментальность, основанная даже на невѣрныхъ историческихъ догадкахъ. Въ Венеціи, напр., онъ жалѣлъ о судьбѣ тѣхъ славянъ, которые положили фундаментъ

этому чудному городу. Въ Парижѣ восторгался славянами, бывшими когда-то въ Vendée! Пріѣхавъ въ 1840 году домой изъ своей поѣздки къ славянамъ, онъ рисовалъ совсѣмъ невѣрно политическое положеніе тамошнихъ славянъ: всѣ ученые и литераторы, за исключеніемъ немногихъ подкупленныхъ, враждебно настроены противъ правительства, но они скрываютъ свои чувства до поры до времени. Онъ повторялъ старую басню, что Добровскій въ душѣ былъ нѣмецъ. Австріи еще хуже будетъ, чѣмъ Турціи, когда славяне проснутся. Всѣ славяне обратили свои взоры на Россію, какъ библейскіе волхвы на звѣзду. Всѣ славяне негодуютъ на поляковъ, не понимающихъ счастія быть подданными Россіи (Барсуковъ V. 335 сл.). Что человѣкъ съ такими взглядами могъ быть причиною разныхъ непріятностей для Шафарика, объ этомъ мы услышимъ потомъ.

Важнѣе для насъ сообщенія Шафарика о своихъ собственныхъ планахъ и занятіяхъ. Прежде всего, конечно, ждемъ намековъ на продолженіе «Старожитностей», т.-е. второй части относительно внутренней жизни древнихъ славянъ. Въ эту рамку входили, кажется, задуманныя имъ разсужденія о славянскомъ искусствѣ писанія. Въ одномъ письмѣ, касаясь русскаго изданія Муравьева о новгородскихъ древностяхъ (1828 года), онъ утверждалъ, что древніе славяне имѣли свое особое письмо, и продолжалъ, нѣсколько романтически: «жизнь, полная національныхъ особенностей, погибла въ бурѣ столѣтій на берегахъ Вислы, Березины, Двины, Ловати, Днѣпра и т. д., свѣтлыя стороны которой только въ нѣсколькихъ поблеклыхъ лучахъ, доступныхъ чистому цѣломудренному глазу, проникаютъ къ намъ, неблагодарнымъ потомкамъ»! Шафарикъ недоволенъ тѣми, кто, видя только фальшиво понятую оборотную сторону, находитъ въ этомъ предлогъ, чтобы бранить, высмѣивать нашихъ предковъ. Въ связи съ этимъ нѣсколько поэтическимъ расположеніемъ Шафарика въ пользу древнихъ славянъ стоитъ, должно быть, его статья: «Podobizna Černoboha v Bamberku», напечатанная въ томъ же году (1837) въ Č. Č. M., и его замѣчаніе въ письмѣ того же года (Письма 195) о изслѣдованіи, посвященномъ вопросу о письмѣ у древнихъ славянъ, обѣщавшемъ, какъ ему казалось, интересные результаты! Но изъ этого все-таки, можно сказать—къ счастію, ничего не вышло. Такъ и относительно продолженія «Древностей» онъ могъ въ 1839 году сказать только: «Meine Starožitnosti II bestehen in einem Wust von Excerpten» (14 іюля 1839). Этимъ и была вторая часть «Древностей» похоронена. Напротивъ, много занималъ его вопросъ о «народописѣ» и нужной для этого картѣ. Сначала онъ просилъ Погодина и Кирѣевскаго снабдить его изслѣдованіемъ о русскихъ говорахъ и этнографической картой (еще въ маѣ 1836 года). Статью, по крайней

мѣрѣ о малорусскомъ языкѣ, доставилъ ему Бодянскій, но о картѣ онъ напрасно повторялъ свою просьбу (1836 и 1837 г.). Его собственная этнографическая карта была въ 1838—9 году готова (судя по письмамъ сентября 1838, марта и іюля 1839), но въ то время онъ замышлялъ, кромѣ этнографической, также историческую карту (надъ которой онъ работалъ еще въ Новомъ Садѣ, а также теперь въ 1838 и 1839 годахъ, сл. Письма 249. 254). У него былъ даже такой планъ занятій: прежде всего кончить эту историческую карту, какъ дополненіе или иллюстрацію къ I части Древностей, тогда перейти ко второй части Древностей, потомъ къ Исторіи литературы, изданіе же памятниковъ пока отложить. Объ исторической картѣ говорится еще въ декабрѣ 1839 г., въ іюнѣ и осенью 1840 г., даже въ 1845 году онъ еще сообщалъ Погодину, что хочетъ весной начать техническую работу, мѣдная доска изъ Дрездена лежала уже передъ нимъ (338). Къ сожалѣнію, этой картѣ не было суждено появиться въ свѣтъ. Но зато этнографическая карта была готова въ 1841 году (въ ноябрѣ этого года говорится о послѣдней корректурѣ, въ январѣ 1842 года онъ послалъ уже Погодину пробные оттиски), а текстъ къ картѣ былъ написанъ зимой того же года, и весной 1841 поступилъ въ типографію. Въ октябрѣ 1842 года Шафарикъ отправилъ Погодину въ Москву 50 экземпляровъ этого своего труда, который былъ поддерживаемъ денежными пособіями изъ Россіи (Погодина и Императорской Россійской Академіи, которая дала 500 рублей). Въ Россіи возражали противъ нѣкоторыхъ неточностей, что Шафарика значительно обидѣло.

Шафарикъ не опускалъ изъ виду и другихъ вопросовъ. Онъ интересовался открытіями такихъ древнихъ отрывковъ кирилловскаго письма, какъ житіе Кондрата и Ѳеклы, какъ Евгеніевская псалтырь (сл. письмо отъ мая 1838 года). По этому поводу онъ уже допускалъ, что глаголическое письмо гораздо старше, чѣмъ когда-то полагалъ Добровскій, но не соглашался съ Копитаромъ, что оно старше кирилловскаго (Письма 215). Еще въ 1838 году онъ разсказывалъ о кирилловской біографіи Константина-Кирилла, которую хотѣлъ издать (Письма 210). Заходила рѣчь также о грамотахъ (сент. 1838, іюль 1839), въ 1839 году въ сентябрѣ онъ напечаталъ на правахъ рукописи библіографическое обозрѣніе сербскихъ грамотъ: Monumenta illyrica seu Slavorum Gentis Illyrici provincias incolentis omnis aevi documenta cyrillicis litteris consignata. 8⁰ 48. Посылая эту брошюру Погодину, онъ ставилъ на видъ ея исключительно для частнаго употребленія предназначенную цѣль (248).

Желая издавать грамоты и кое-какіе другіе кирилловскіе тексты,

Шафарикъ чувствовалъ потребность внѣшняго усовершенствованія, техническаго улучшенія дѣла, т. е. лучшаго кирилловскаго шрифта. Говоря объ этомъ въ началѣ 1840-го года (Письма 261), онъ предложилъ Погодину образцы новаго шрифта, который соотвѣтственно его желанію долженъ бы заставить сердце и душу трепетать отъ радости. Какъ извѣстно, первое употребленіе этого шрифта относится къ пятидесятымъ годамъ. Сначала Шафарикъ думалъ, что быть можетъ въ Москвѣ состоится эта реформа, не только Погодину, но и Бодянскому онъ развивалъ свои мысли (въ письмѣ 5 февр. 1847 г.), но когда онъ увидѣлъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, онъ началъ (въ 1847 году) переговоры съ Газе (Hase) въ Прагѣ, о чемъ подробно разсказывается въ письмѣ Бодянскому отъ 7 мая 1847 (Спер. Лавр. 87). Въ іюнѣ 1847 онъ послалъ уже пробы новаго шрифта въ Москву.

Шафарикъ часто заговаривалъ о своемъ компендіумѣ исторіи литературы, имѣлось въ виду собственно только обозрѣніе древнѣйшей церковно-славянской письменности, то, что потомъ, должно быть, въ сокращенномъ видѣ и вышло (какъ Rozkvět). Но сначала, по крайней мѣрѣ, онъ ставилъ это задуманное изслѣдованіе въ параллель къ своимъ Serbische Lesekörner. Въ 1842 году онъ писалъ Погодину, что у него подъ перомъ статья о древне-болгарскомъ нарѣчіи, похожая на Serbische Lesekörner, и онъ желалъ для этой цѣли получить копію съ Погодинской псалтыри (Письма 319). Онъ по этому случаю, какъ и прежде, упрекалъ русскихъ ученыхъ въ томъ, что они черезчуръ мало издаютъ.

Но отъ общеславянскихъ вопросовъ вниманіе Шафарика отвлекали нѣкоторыя чисто чешскія задачи, исполненныя имъ отчасти сообща съ Палацкимъ, въ которыхъ, надо сказать правду, Шафарику не повезло. Лучше было бы, еслибъ онъ остался, какъ предполагалось, при своихъ Древностяхъ, при исторіи церковно-славянской письменности и при кирилловскихъ и глаголическихъ памятникахъ. Но взволнованное общественное мнѣніе чешскихъ патріотовъ требовало прекращенія споровъ о подлинности цѣлаго ряда памятниковъ, въ открытіи которыхъ участвовалъ знаменитый Ганка. Какъ извѣстно, начиная съ Добровскаго не прекращались нападенія. Теперь сговорились Шафарикъ и Палацкій дать генеральное сраженіе, въ которомъ они надѣялись отстоять подлинность всѣхъ этихъ древнечешскихъ памятниковъ. Хотя Погодинъ въ началѣ 1839 г. пріѣхалъ въ Прагу (восторженный отзывъ о встрѣчѣ съ Шафарикомъ и о прощальномъ вечерѣ см. у Барсукова V. 226), все же только къ концу года онъ получилъ первое извѣстіе отъ Шафарика о томъ, что они съ Палацкимъ вдвоемъ уже заканчиваютъ изслѣ-

дованіе «Die ältesten Denkmäler der boehmischen Sprache»; 16 марта 1840 г. рукопись сочиненія была уже въ цензурѣ, въ іюнѣ говорится уже о корректурахъ, а въ іюлѣ печатаніе кончилось. Изслѣдованіе касалось Любушина Суда, отрывка евангелія отъ Іоанна, Лютомѣрицкой грамоты и глоссъ въ Mater verborum. Очень обширно говорилось о чернилахъ, о почеркахъ письма, даже о химическомъ анализѣ, но филологическая сторона памятниковъ не была удовлетворительно разобрана. Неудовлетворительность объясняется тѣмъ, что для столь ранняго времени, какое предполагалось для Любушина Суда и отрывка евангелія отъ Іоанна (IX—X столѣтіе), недоставало надежнаго масштаба; теоретически признавалось начало, что древнечешскій памятникъ, чѣмъ онъ старше, тѣмъ ближе долженъ подходить формами и значеніемъ словъ къ церковнославянскому языку. Такимъ образомъ, напр., оправдывалось въ Любушиномъ Судѣ двойств. число bratry рядомъ съ Clenovica, допускалось въ род. падежѣ ед. ч. jeja и jeje, во второмъ лицѣ ед. ч. глагола форма mutisi, въ двойств. ч. для муж. рода budeta, для женск. budete, не возражалось противъ кажє какъ praes. historicum вм. аориста каꙁа, или же противъ сочетанія iskat pravdu (вм. род. пад. pravdy), считалось возможнымъ существительное отъ (вм. отьць), а невѣрному предложному otne искалось подспорье въ прилагательномъ oten-otna-otno. Даже род. падежъ plezne (т. е. pl'znie) былъ допускаемъ потому, что въ Краледворской рукописи читалось прилагательное plzny!

Въ 1841 году Шафарику былъ сдѣланъ запросъ изъ Берлина, не желаетъ ли онъ занять каѳедру славянской филологіи въ Берлинскомъ университетѣ. Въ апрѣлѣ онъ сообщилъ Погодину, что онъ самъ отказался, но что указалъ на Челаковскаго; въ маѣ же (7-го) прибавилъ, что важныя обстоятельства приневолили его поѣхать въ Берлинъ для разъясненія нѣкоторыхъ недоразумѣній по поводу поднятаго вопроса объ учрежденіи славянской каѳедры въ Берлинскомъ университетѣ. Онъ былъ, дѣйствительно, въ Берлинѣ въ теченіе мѣсяца мая — іюня. Подробностей о его переговорахъ въ Берлинѣ мы не знаемъ, но сохранилась его Promemoria представленная въ маѣ 1841 министру Эйхгорну, которая замѣчательна тѣмъ, что, сравнивая ее съ программами для русскихъ славистовъ, мы видимъ громадную разницу между опредѣленными воззрѣніями Шафарика и шаткимъ нащупываніемъ русскаго правительства. Шафарикъ, хотя онъ былъ историкомъ, не затруднялся поставить на первый планъ грамматики главнѣйшихъ славянскихъ нарѣчій и исторіи славянскихъ литературъ; онъ самъ не былъ грамматикомъ, однако признавалъ, что древности должны передъ грамматикой отступить на задній планъ. Еще интереснѣе спросить, какіе языки

въ его Promemoria причислены къ главнымъ. Вѣрный взглядъ и отвѣтъ его совпадаетъ вполнѣ съ нашими нынѣшними взглядами: 1-й языкъ церковнославянскій, 2-й языкъ русскій, 3-й языкъ польскій, 4-й языкъ чешскій, 5-й языкъ иллирскій. Какъ все это просто и убѣдительно! Програмна его допускала, конечно, естественное расширеніе рамки, внесеніемъ въ нее еще и другихъ элементовъ, но такъ, чтобы самое главное отъ этого не пострадало. Какъ жаль, что Погодинъ не употребилъ въ свое время всего своего краснорѣчія, чтобы убѣдить попечителя графа Строганова и черезъ него самого министра поступить такъ разумно, какъ сдѣлали умные пруссаки, когда замышляли учрежденіе славянскихъ каѳедръ.

Вниманіе прусскаго правительства заставило, наконецъ, и Вѣну вспомнить о существованіи въ Прагѣ знаменитаго ученаго по имени Шафарика. О томъ, чтобы поручить ему въ Прагѣ такую же каѳедру, какую онъ рекомендовалъ прусскому правительству для Берлина, было при тогдашнихъ австрійскихъ порядкахъ еще преждевременно помышлять и надѣяться. Единственное, что считалось возможнымъ и безопаснымъ для государства,— это было пристроить Шафарика при пражской университетской библіотекѣ въ качествѣ сверхштатнаго хранителя съ умѣреннымъ окладомъ въ 800 флор. Замѣчательно, что съ этого времени отношенія, столь сердечныя и дружескія между Шафарикомъ и Погодинымъ, нѣсколько пошатнулись. Шафарикъ сталъ опасаться и жаловаться на неосторожные отзывы Погодина о немъ и вообще о положеніи славянъ въ Австріи. Дѣло въ томъ, что чисто научный интересъ, существовавшій до тѣхъ поръ въ отношеніяхъ Погодина къ Шафарику, сталъ принимать съ нѣкотораго времени политическую подкладку, именно съ тѣхъ поръ, какъ Погодинъ взялся издавать «Москвитянина». Онъ сдѣлался политическимъ человѣкомъ съ извѣстнымъ направленіемъ, въ которомъ къ сочувствію славянской наукѣ и западно-славянскимъ, т. е. преимущественно чешскимъ ученымъ, примѣшивались отзывы о бѣдственномъ политическомъ положеніи всѣхъ славянъ внѣ Россіи, объ обязанности Россіи покровительствовать угнетаемымъ и т. п. Эти нареканія вызвали даже въ Россіи оппозицію со стороны людей, не сочувствовавшихъ славянофиламъ, въ сосѣдней же Австріи возбудили тѣмъ большій страхъ передъ панславизмомъ русскимъ, когда даже австрійскій панславизмъ, пропагандированный Копитаромъ, правящимъ сферамъ не былъ по вкусу. Такимъ образомъ, сношенія Шафарика съ Погодинымъ сдѣлались для австрійскаго правительства подозрительными. У Шафарика же всегда была извѣстная доля боязливости и недовѣрчивости. Еще въ 1838 году онъ упрекалъ Погодина въ неосторожности за то, что тотъ сдѣлалъ извлеченіе изъ его писемъ

для журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (Письма 232), но журналъ Мин. Нар. Просв. не былъ органомъ политическимъ, какимъ сталъ теперь Погодинскій «Москвитянинъ». И вотъ въ Россіи иные стали безъ разбору считать чешскихъ славистовъ политическими панславистами. Никитенко, повидавшись въ окт. 1841 г. съ Княжевичемъ, послѣ возвращенія его изъ поѣздки за границу (онъ же былъ и въ Австріи, путешествовалъ по Далмаціи и т. д.), отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что славянскій патріотизмъ, мечтающій о централизаціи славянскаго міра, возникъ въ головахъ такихъ фанатиковъ, какъ Шафарикъ, Ганка и Погодинъ (Барсук. VI. 144). Вотъ въ чемъ обвиняли осторожнаго, боязливаго Шафарика не австрійскіе правители, а русскіе люди, введенные въ заблужденіе статьями такихъ журналовъ, какъ «Москвитянинъ».

Какъ извѣстно во главѣ преклонявшихся передъ западной культурой либераловъ русскихъ стоялъ Бѣлинскій, органомъ же ихъ были «Отечественныя Записки» (сл. Барсуковъ VI. 282 и сл.). Этотъ кружокъ людей, недолюбливавшій русскихъ славянофиловъ, перенесъ мало-по-малу свое несочувствіе также на славянскую науку и такихъ представителей ея на западѣ, какъ Шафарикъ, хотя ни Шафарикъ, ни Колларъ, ни Юнгманнъ, ни Палацкій не раздѣляли основныхъ мыслей московскаго, пропитаннаго гегелевской философіей славянофильства. Колларъ мечталъ всю свою жизнь о славянской взаимности; Шафарикъ бѣжалъ изъ Новаго Сада отъ православнаго и католическаго клерикализма; московскіе же славянофилы требовали подчиненія всѣхъ славянскихъ особей централизму русско-московскому и реформировано-православному. Понятно, что недоразумѣнія были неизбѣжны, хотя обозначались не тотчасъ же. Такъ напр., статья Коллара о славянской взаимности вышла въ русскомъ переводѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1840), Краевскій даже расхвалилъ ее! Жаль, что не взяли верхъ въ Россіи такіе трезвые люди, знатоки славянскихъ странъ, какъ напр. Надеждинъ, напечатавшій въ «Москвитянинѣ» очень дѣльное открытое письмо о славянскомъ вопросѣ и пресловутомъ панславизмѣ. Бодянскій, проболтнувшійся въ славянофильскомъ духѣ въ своемъ письмѣ отъ 8 дек. 1842 г., вызвалъ такую реплику со стороны Шафарика (въ письмѣ Погодину): «Вы знаете, что я простой сухой грамматикъ, антикваръ и филологъ, ни о чемъ другомъ не знаю и ничего знать не хочу» (П. Погодину II. стр. 318). А по адресу самого Погодина онъ написалъ (въ іюнѣ 1843, ib. 329): «Я боюсь неумѣстнаго шума въ журналахъ, я знаю вашу русскую заносчивость и нетерпѣніе. Дѣло отъ этого можетъ только пострадать: холодные, трезвые мыслители будутъ смѣяться надъ нами и нашимъ дѣломъ». Въ то же время

имъ написана одна замѣтка, сообщенная у Барсукова (VI 393), въ которой обращается вниманіе Погодина на то, что австрійское правительство смотритъ на него какъ на вожака русско-славянской партіи, желающей путемъ печати возбуждать австрійскихъ славянъ; что съ тѣхъ поръ, какъ въ прошломъ году (1842) Погодинъ навѣстилъ Шафарика въ Прагѣ, тотъ состоитъ подъ полицейскимъ надзоромъ, все что онъ пишетъ и всѣ его письма прочитываются: поэтому онъ проситъ Погодина не упоминать нигдѣ его имени и не примѣшивать его къ политикѣ, о которой онъ ничего знать не хочетъ. Этотъ крикъ запуганнаго человѣка рисуетъ вѣрно тогдашнее положеніе Шафарика. Оно не было завиднымъ. Продолжая состоять цензоромъ, онъ былъ въ подозрѣніи какъ слишкомъ снисходительный чиновникъ; были на него и доносы; наконецъ отняли отъ него цензуру чешскихъ газетъ. Этимъ тяжелымъ положеніемъ Шафарика у себя дома объясняется его большая не то чувствительность, не то раздражительность. Одно письмо Бодянскаго, въ которомъ возводилась какая-то напраслина на цензора (т. е. Шафарика) — это было въ 1846 году — вызвало очень рѣзкій отвѣтъ Шафарика: «Вы знаете, говорить онъ Бодянскому, что я занимаюсь славянской наукой какъ наукой и только. Хотите ли, чтобы это письмо не было послѣднимъ, такъ останемся при этомъ, при литературѣ, оставляя все прочее въ сторонѣ» (Письма Шаф. къ Бодянскому 81).

Въ эти годы Шафарикъ продолжалъ, правда, заниматься славянскими вопросами, но тутъ онъ больше собиралъ матеріалъ, который появился въ свѣтъ лишь потомъ, въ пятидесятыхъ годахъ, нѣкоторыхъ темъ онъ даже не докончилъ или же придалъ имъ потомъ другой видъ. Напр., 25 марта 1843 (П. Погод. II. 323) онъ писалъ Погодину: «Я теперь занятъ составленіемъ Очерка исторіи славянской литературы, равно теперь работаю надъ отдѣломъ о церковномъ языкѣ и литературѣ. Работа начинаетъ радовать меня». Кажется, что все это относилось къ изданному потомъ (въ 1848 году) очень дѣльному изслѣдованію «Rozkvět». Погодинъ снабжалъ его усердно выписками изъ тѣхъ памятниковъ, которые его интересовали. Отъ полученнаго списка житія Константина (изъ Макаріевскихъ Четьихъ Миней) онъ былъ въ восторгѣ, сообщалъ Погодину съ нѣкоторой таинственностью, что онъ напалъ на слѣдъ сочиненій Константина на греческомъ языкѣ, которыя не могли пропасть. Это таинственное открытіе относилось, какъ изъ всего видно, къ тѣмъ бесѣдамъ съ хазарами, о которыхъ говорится въ легендѣ. Соображенія Шафарика не оправдались (П. Погод. 328). Въ 1845 году онъ просилъ Погодина доставить ему текстъ житія Меѳодія, потому что онъ желалъ кончить свою статью о Кириллѣ и Меѳодіи и приготовить критическое изданіе легендъ, хотя бы

оно вышло послѣ его смерти (ib. 338). Послѣднее замѣчаніе довольно характерно. Оно обнаруживаетъ не прекращавшуюся его безпомощность и отсутствіе средствъ для такого изданія, котораго расходы не оправдывались бы отъ продажи. Пособія денежныя, которыя онъ въ 1845 и слѣдующихъ годахъ получалъ изъ Россіи, уходили на семью и покупку книгъ. Времена были вообще тяжелыя не только для него лично, но также для славянъ австрійскихъ вообще. Въ одномъ письмѣ Бодянскому, отъ 6 іюня 1844, Шафарикъ жаловался, что враги славянскаго національнаго движенія и литературнаго возрожденія не перестаютъ клеветать противъ славянъ: въ Германіи выходятъ бранныя брошюры и памфлеты анти-славянскіе, а славяне — молчатъ какъ рыбы (Спер. Лавр. 54). На чешскомъ языкѣ печатались въ Č. Č. M. и въ изданіи Общества Наукъ различныя статьи его по большей части изъ чешской же литературы: Bibliografický přehled sbírek slovanských národních písní (Č. Č. M. 1838), O staroslovanských, jmenovitě cyril. tiskárnách (Č. Č. M. 1842), Slovo o českém pravopise (Č. Č. M. 1843), O vzdání (Č. Č. M. 1844), O Svarohovi (Č. Č. M. 1844), O položení města Vinety (Č. Č. M. 1845); въ изданіяхъ Общества Наукъ: O nejstarších rukopisech českého žaltáře (1840), Život pana Ježíše Krista (1842), Evangelium sv. Matouše ze XIV století. Для Кухарскаго «Monumenta juris slovenici» (1838) онъ приготовилъ текстъ закона царя Душана. Къ изданію нѣмецкаго перевода древне-чешскихъ пѣсенъ графа Туна (1845) онъ написалъ предисловіе. Въ большой хрестоматіи изъ древне-чешской литературы «Výbor z literatury české» онъ написалъ (1845) грамматическое введеніе: «Počátkové staročeské mluvnice» (нѣмецкій переводъ этого изданія вышелъ въ 1847: Elemente der altboehm. Grammatik, von dr. J. P. Jordan).

Пока обще-славянскія занятія Шафарика были спрятаны въ его портфелѣ, мы замѣчаемъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ поворотъ въ его научныхъ интересахъ. Кромѣ изслѣдованій въ области чешскаго языка и литературы, его охватила любовь къ сравнительному языкознанію. Въ письмѣ къ Бодянскому, отъ 11 іюня 1846, онъ самъ признаетъ, что онъ въ послѣднее время много занимался славянскимъ языковѣдѣніемъ. Мы (т.-е. славяне), говоритъ онъ, на 30 лѣтъ отстали отъ нѣмцевъ, французовъ и англичанъ. Пора итти впередъ. Славное имя Добровскаго бросило насъ въ летаргію, мы воображали, что нами все уже сдѣлано (Спер. Лавр. 78). Въ письмѣ же къ Погодину отъ 16 авг. 1846 мы читаемъ, что онъ собирался даже свой экземпляръ «Monumenta Germaniae» (Пертцово изданіе), 8 томовъ, продать, чтобы на вырученныя деньги пріобрѣсти недостававшія ему лингвистическія изданія, такъ какъ «die Abfassung meines grösseren Werkes über die Sprachforschung

liegt mir sehr am Herzen» (Письма Погод. 340). Подробностей не знаемъ, но несомнѣнно въ нѣкоторой связи съ этимъ желаніемъ написать какое-то болѣе обширное языко-сравнительное изслѣдованіе стоятъ его статьи, появившіяся въ то время въ Часописѣ изъ области сравнительнаго языкознанія. Въ этихъ статьяхъ замѣтна большая способность Шафарика къ языко-сравнительнымъ изслѣдованіямъ, но повидимому онъ все-таки вспомнилъ о лингвистикѣ нѣсколько поздно, и было бы прискорбно, еслибъ онъ изъ-за этого увлеченія отказался отъ своихъ прежнихъ любимыхъ занятій. Статьи, которыя здѣсь имѣются въ виду, носятъ слѣдующія заглавія: «O tvoření slov zdvojováním kořene» въ Č. Č. M. 1846 (то, что у Потта названо «Über die Doppelung»), «O šíření časoslovných kořenův a kmenův vsouváním a přirážením souhlásek» тамъ же (то, что въ сравн. грам. называется Wurzeldetermination), «O přetvořování hrdelných souhlásek» (значитъ, о явленіяхъ палатализма) въ Č. Č. M. 1847, «Výklad některých gramatických forem v jazyku slovanském» (здѣсь впервые объяснены формы предлож. падежа мн. ч. на -ás, дальше о сложномъ склоненіи прилагательныхъ, объ аористахъ и будущ. времени — очень содержательное изслѣдованіе, въ Č. Č. M. 1847); наконецъ, «Mluvozpytný rozbor čísloslova» въ Č. Č. M. 1848. Прибавимъ еще, что онъ въ то время въ Č. Č. M. 1847 и 1848 напечаталъ «Klasobrání na poli staro-české literatury». При всемъ усердіи, которое мы привыкли видѣть у Шафарика, эта энергія, эта производительность въ области, которая до сихъ поръ ему казалась чуждой, поражаетъ наблюдателя. Поневолѣ доискиваешься глубже кроющихся причинъ. Брандль разсказываетъ, что въ эти годы Шафарикъ серьезно стремился получить профессуру славянской филологіи въ Пражскомъ университетѣ. Говорятъ, что эрцгерцогъ Стефанъ, бывшій въ 1845 г. губернаторомъ Богеміи, сочувствовалъ этому плану и вытребовалъ отъ Шафарика записку, доставленную ему черезъ Палацкаго. Но на этотъ разъ изъ этого ничего не вышло. Не знаю, вѣрно ли, будто бы Шафарикъ въ 1847 г. подалъ прошеніе на имя императора разрѣшить ему чтеніе лекцій о славянскихъ литературахъ въ пражскомъ университетѣ за умѣренное вознагражденіе 400 гульденовъ, которые онъ до тѣхъ поръ получалъ въ качествѣ цензора. Но и эта комбинація не состоялась! Изъ осторожности разсказалъ Шафарикъ самъ объ этомъ кое-что Погодину лишь въ концѣ декабря 1847 года (Письма Погодину 355).

Неудача съ профессурой возвратила Шафарика къ прежнимъ занятіямъ, о чемъ не приходится жалѣть. Но объ этомъ рѣчь впереди. Прежде мы должны возвратиться къ событіямъ, готовившимся въ Россіи.

ГЛАВА XIII.

Первые русскіе слависты, отправленные за-границу для изученія славянскаго міра. Бодянскій, Срезневскій, Прейсъ, Григоровичъ.

Какъ уже сказано, въ университетскомъ уставѣ 1835 года постановлялось открыть новую каѳедру «Исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій». Уже названіе каѳедры показываетъ, что о настоящемъ значеніи ея существовали еще довольно смутныя понятія. Сначала подразумѣвали подъ этой наукой — чтеніе и объясненіе псалтыри въ церковно-славянскомъ переводѣ. Шишкову, потерявшему вскорѣ университетскую задачу совсѣмъ изъ виду, мерещился передъ глазами только сравнительный славянскій словарь. Теперь заговорили объ «исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій». Странное названіе. Исторія славянскихъ народовъ — это еще понятно. Но что значила «литература славянскихъ нарѣчій»? Вѣроятно, хотѣлось выразить, что дѣло идетъ о серьезномъ изученіи славянскихъ нарѣчій и славянскихъ литературъ. Если бы русскій языкъ и русская литература были правильно поставлены, можно бы было руководиться постановкой этого предмета, какъ близко подходящей параллели. Къ сожалѣнію, русскій языкъ и русская словесность не могли похвалиться хорошимъ положеніемъ въ ряду прочихъ предметовъ. Лучшіе знатоки предмета блистали своимъ отсутствіемъ (напр., Востоковъ). О дѣйствительныхъ же разсказывались нелѣпые анекдоты. Петербургскій профессоръ Толмачевъ выводилъ, говорятъ, хлѣбъ отъ хляби, нѣм. Brot или Brod отъ слав. броженія, лат. panis отъ слав. глагола пасть, французское pain отъ славянской пѣны и т. д. Какое подспорье могла получить новая каѳедра отъ такихъ неудачниковъ? Надо было начать совсѣмъ сызнова, поручить молодыхъ способныхъ людей хорошимъ руководителямъ. Но гдѣ взять хорошихъ руководителей и какъ выбрать способныхъ молодыхъ людей?

Кеппену представлялось еще въ 1827 году, когда онъ сдѣлалъ запросъ Погодину относительно способныхъ молодыхъ людей Московскаго университета, дѣло въ такомъ видѣ, что достаточно было бы послать этихъ людей въ славянскія страны, гдѣ они выучились бы практически разнымъ славянскимъ нарѣчіямъ и потомъ сдѣлались бы профессорами этихъ нарѣчій. Такъ, дѣйствительно, поступили въ 1825 году въ Варшавѣ, отправивъ молодого Кухарскаго даже на пять лѣтъ къ западнымъ и южнымъ славянамъ. Предполагалось, что молодой человѣкъ, преданный своему назначенію, въ теченіе этого довольно продолжительнаго времени успѣетъ достаточно познакомиться съ языками и главными литературными произведеніями западныхъ и южныхъ славянъ. Гдѣ же ему усвоить себѣ пріемы научные, методы изслѣдо-

ванія и преподаванія предмета, объ этомъ въ то время и не думалось. Очевидно играла бо̀льшую роль романтика, чѣмъ научная сторона предмета. Въ Россіи знали о чудесахъ открытій Ганки, знали о Добровскомъ и Копитарѣ, знали о славѣ сербскихъ народныхъ пѣсенъ, прошумѣвшей по всей Европѣ, — и этого было достаточно, чтобы направлять туда молодыхъ Русскихъ, пусть они увидятъ этихъ людей, войдутъ съ ними въ сношенія и поучатся кой-чему у нихъ. Дѣйствительно, отзывы Тургенева и Кайсарова, потомъ Бобровскаго и Кеппена были полны восторга, скорѣе личнаго, чѣмъ научнаго. Разсказы Погодина доходили просто до преклоненія передъ величавой личностью Шафарика. Въ 1830 году прибылъ въ Москву Кухарскій, объѣхавшій уже все западное и южное славянство. Онъ былъ принятъ очень сердечно какъ желанный гость, его программа путешествія и система изслѣдованія славянскаго міра расписывались на страницахъ «Московскаго Вѣстника». Какъ извѣстно, онъ былъ назначенъ для Варшавы, но событія 1830—1831 г. разстроили этотъ планъ. До этого рокового событія отношенія Русскихъ къ полякамъ были самыя дружественныя. Въ 1829 Мицкевичъ вращался въ Москвѣ въ лучшихъ кружкахъ русскаго общества, попечитель князь Голицынъ былъ не прочь устроить ему каѳедру польскаго языка и литературы, еслибъ онъ остался въ Москвѣ. Лучшіе знатоки русскаго языка и словесности сознавали потребность даже для русской грамматики хорошаго ознакомленія съ славянскими нарѣчіями (Каченовскій, Полевой, см. Вѣстн. Евр. 1896, іюль 172). Шевыревъ рекомендовалъ Погодину, чтобы онъ въ теченіе цѣлаго года занимался языкомъ русскимъ рядомъ со всѣми прочими славянскими нарѣчіями (ib. 173). Въ это же время Россійская Академія послала одного молодого Угроросса (Венелина) на свои средства изъ Москвы къ румынамъ и болгарамъ. Погодинъ думалъ, что онъ въ немъ нашелъ будущаго профессора славянскихъ нарѣчій для Москвы. Но ожиданія не оправдались, какъ увидимъ ниже. Въ 1835 году Погодину пришлось познакомиться съ Шафарикомъ. Съ тѣхъ поръ понятія его о славянской наукѣ расширились. Венелинъ, вызванный (21 мая 1834) представить факультету конспектъ своихъ лекцій, написалъ богатое общими мѣстами и цитатами изъ различныхъ источниковъ разсужденіе, такъ же туманное какъ и все, что онъ написалъ о древностяхъ славянскихъ. Какъ же неметодично онъ намѣревался приступить къ славянскимъ нарѣчіямъ, видно изъ того, что, не обращая вниманія на церковно-славянскій языкъ, онъ хотѣлъ начать прямо съ ново-болгарскаго языка! Программа его не была принята факультетомъ. Проф. Кочубинскій разсказываетъ (В. Евр. 1896 іюль 179), что въ 1835 году въ Москвѣ было напечатано напутствіе для поступающихъ въ университетъ

гимназистовъ, какими свѣдѣніями они должны располагать на пріемномъ экзаменѣ. Изъ области русскаго языка требовалось, чтобы они знали: 1-е сколько славянскихъ нарѣчій, 2-е перечислить ихъ по двумъ вѣтвямъ: восточной и западной, 3-е указать главнѣйшіе признаки, 4-е сказать, какіе существуютъ взгляды относительно церковно-славянскаго языка. Можно согласиться съ Кочубинскимъ въ томъ, что отъ этихъ требованій вѣетъ уже духомъ научнымъ, что не даромъ въ Москвѣ были тогда такіе представители, какъ Каченовскій, Надеждинъ, Шевыревъ, Давыдовъ; нельзя не узнать тутъ вліянія школы Добровскаго; но едва ли юноша, поступающій въ университетъ, былъ въ состояніи на всѣ упомянутые вопросы дать толковые отвѣты.

О. М. Бодянскій. Когда желаніе Погодина привлечь Шафарика въ Москву не увѣнчалось успѣхомъ, надо было прибѣгнуть къ другому, уже при министрѣ Ливенѣ намѣченному способу — воспитать будущихъ представителей славяновѣдѣнія, выбравъ для этой цѣли способныхъ молодыхъ людей. Для Москвы вниманіе факультета остановилось на кончившемъ въ 1834 г. свой студенческій курсъ Осипѣ Максимовичѣ Бодянскомъ. Бодянскій, сынъ священника изъ Полтавской губерніи, родился 3 янв. 1803, посѣщалъ школу въ Переяславлѣ, попалъ въ 1831 году въ университетъ, гдѣ пропитывалъ себя уроками, поддерживаемый тоже Максимовичемъ; по свидѣтельству К. Аксакова занимался усердно, пользовался феноменальной памятью и располагалъ желѣзной волею. Но ко всему этому слѣдовало прибавить, что кромѣ упрямства и трудолюбія желательна была также даровитость, этой же у Бодянскаго повидимому было мало. Странно, какъ этого не замѣтили тогда же. Въ статьѣ, посвященной памяти Строганова, проф. Кочубинскій нарисовалъ вѣрную картину проснувшагося уже тогда въ Россіи большого интереса къ этнографическимъ изслѣдованіямъ. Это было романтическое увлеченіе народной поэзіей и всѣми прочими явленіями народнаго быта. По этой же колеѣ пошелъ также молодой (хотя уже не совсѣмъ молодой) кандидатъ О. М. Бодянскій. Онъ былъ романтикомъ, но безъ малѣйшаго аромата романтическаго. У него рано явилось только трудолюбіе романтическое, любовь къ собиранію памятниковъ народной поэзіи. Въ сборникѣ Максимовича находились уже матеріалы, имъ собранные. Къ магистерскому экзамену онъ приготовился въ 1836 г. преимущественно изъ «славянской исторіи и литературы». Экзаминаторомъ былъ старикъ Каченовскій. Строгановъ присутствовалъ, имѣя уже свои намѣренія насчетъ магистранта. Съ Шафарикомъ сошелся Бодянскій еще до этого экзамена путемъ переписки. Онъ послалъ ему (несомнѣнно для

его «Народописа») статью о малорусскомъ языкѣ, которой пражскій славистъ былъ очень доволенъ. Онъ какъ разъ началъ работать также надъ переводомъ «Старожитностей» на русскій языкъ. Поэтому Шафарику было пріятно узнать отъ Погодина (къ концу 1831 года), что Бодянскій опредѣленъ для замѣщенія славистики въ Московскомъ университетѣ. Предложенная Каченовскимъ тема для магистерской диссертаціи какъ разъ соотвѣтствовала желанію Бодянскаго: это было любимымъ его занятіемъ, которому Каченовскій тѣмъ паче сочувствовалъ, что въ 1835 состоялось распоряженіе министра, что отнынѣ должны исторія и литература славянъ входить въ составъ университетскаго преподаванія.

Диссертація, Бодянскимъ представленная, озаглавлена такъ: «О народной поэзіи славянскихъ племенъ. Разсужденіе Іосифа Бодянскаго». М. 1837, 8° 152. Книжка, слабыя стороны которой намъ теперь бросаются въ глаза, была написана въ замѣчательно скоромъ времени, въ маѣ 1837 года состоялся уже диспутъ. Бодянскій собралъ много свидѣтельствъ о любви славянъ къ поэзіи, въ противоположность къ германцамъ, которые въ этой книжкѣ нехорошо прошли. Цѣлое изложеніе автора страдаетъ поразительной односторонностью. Онъ старался нарисовать картину славянскаго міра по своему болѣзненному воображенію какъ нѣчто исключительное, не имѣющее ничего подобнаго у другихъ народовъ. Послѣ общаго введенія разсужденіе переходитъ по очереди къ чехамъ (56—70), мораванамъ (70—71), словакамъ (71—80), полякамъ (80—95), сербамъ (95—113), великороссамъ (114—122) и малороссамъ (122—139). Въ концѣ опять общая характеристика. Ясныхъ мыслей въ книжкѣ очень мало. Она вызвала жестокую оппозицію со стороны противниковъ этой славянофильской неразборчивости. Сенковскій написалъ въ «Библіотекѣ для чтенія» критику не только на Бодянскаго, но, обобщая свое недовольство, придрался безъ достаточной причины также и къ Добровскому, Копитару и Шафарику. Такимъ образомъ уже съ перваго появленія будущаго представителя славянской науки въ русской литературѣ выступаетъ, не безъ вины и той и другой стороны, противоположность двухъ партій: одной либеральной полонофильской, другой консервативной славянофильской. Вмѣсто того, чтобы привѣтствовать новую, многообѣщающую отрасль науки и водвореніе ея въ Московскомъ университетѣ, либеральные элементы общества усмотрѣли въ ней союзницу не то консерватизма, не то реакціи, и припрягли напрасно къ дышлу реакціи даже такихъ людей, какъ Добровскій и Копитаръ. Это недоразумѣніе продолжалось къ сожалѣнію въ Россіи очень долго, да оно и теперь еще не совсѣмъ исчезло. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей этого вопроса еще теперь сочувствуетъ восторжен-

ному тону Бодянскаго и находитъ, что Сенковскій не былъ правъ. Съ последнимъ можно пожалуй согласиться. Бодянскій достигъ все-таки своей цѣли. По предложенію попечителя гр. Строганова, министръ графъ Протасовъ утвердилъ командировку его на два года заграницу. Это состоялось осенью 1837 года. Бодянскій долженъ былъ представить планъ своего путешествія. Онъ сдѣлалъ это и, кажется, все имъ представленное было одобрено какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Планъ его послужилъ даже своего рода подлинникомъ или канвой для будущихъ такихъ же случаевъ.

Проф. Кочубинскій указалъ въ Вѣстникѣ Европы 1896 (августовская книжка) на многія слабыя стороны плана Бодянскаго. Полный анализъ его въ томъ видѣ, какъ онъ въ качествѣ Строгановской инструкціи въ окт. 1837 г. былъ посланъ министерствомъ также и въ Харьковъ, сообщенъ Всев. Срезневскимъ въ Ж. М. Н. Пр. 1898 янв. (23—24). Множество задачъ, предъявленныхъ въ инструкціи, въ сравненіи съ краткостью времени, превращали эту заграничную командировку въ туристическій вояжъ по половинѣ Европы, который при богатомъ обезпеченіи матеріальными средствами (чего впрочемъ не было) могъ бы сдѣлаться очень пріятнымъ и даже полезнымъ, но для научной подготовки на каѳедру славянской филологіи не давалъ почти никакихъ ручательствъ. Замѣчательно также — что̀, вѣроятно, объясняется тяжелыми воспоминаніями о событіяхъ 1830—1831 г.,—что знакомство съ самымъ близкимъ и самымъ многочисленнымъ, послѣ русскаго, племенемъ славянскимъ, съ поляками, вовсе не входило въ планъ Бодянскаго и въ программу гр. Строганова.

Славянскій стипендіатъ-путешественникъ долженъ былъ отправиться сначала прямо въ Прагу и тамъ завести знакомство съ Шафарикомъ, Юнгманномъ, Ганкой, Челаковскимъ, Палацкимъ и пр. Отъ нихъ надо было выучиться «нѣсколькимъ славянскимъ языкамъ». Какъ это сдѣлать и какимъ языкамъ (развѣ чешскому, моравскому, силезскому, словацкому?), не сказано. Такъ какъ упомянутые чехи не занимали каѳедръ, каждый же изъ нихъ представлялъ свою довольно опредѣленную индивидуальность, то трудно было предвидѣть возможность какого-либо систематическаго поученія. Поѣздка въ Оломуцъ и въ Брюннъ могла имѣть только туристическое значеніе (чтобы любоваться костюмами ганаковъ и ганакинь?). Въ Вѣнѣ слѣдовало познакомиться съ Копитаромъ и Вукомъ, но тутъ не забывалось, что въ придворной библіотекѣ имѣются также славянскія рукописи и старопечатныя книги (а развѣ въ синодальной московской ихъ не было гораздо больше?). Странное было требованіе, чтобы при ознакомленіи съ венеціанскими старопечатными изданіями было обращено вниманіе на бывшія когда-

то сношенія венеціанской республики съ Россіею! Дальше, поѣздка должна была взять направленіе на Пештъ, къ Коллару и словакамъ. Знакомство съ Колларомъ едва ли сулило много полезнаго для русскаго слависта, если бы онъ хотѣлъ остаться на реальной почвѣ. Потомъ поѣздка должна итти черезъ Штирію, Каринтію, Крайну, Хорватію, Тріестъ въ Венецію, Миланъ, Геную, Болонью и Римъ. Въ итальянскихъ городахъ предписывалось изученіе славянскихъ рукописей, въ Генуѣ также бывшихъ когда-то сношеній съ Крымомъ — и на все это въ то время, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ, назначался двухмѣсячный срокъ! Въ теченіе слѣдующихъ трехъ мѣсяцевъ слѣдовало побывать въ Далмаціи, Герцеговинѣ, Черной Горѣ, Босніи, Сербіи, Болгаріи и Славоніи! Упоминались даже имена лицъ, съ которыми надо было познакомиться, напр. Аппендини, Милутиновичъ, Давидовичъ и какой-то «Михали» (?). Путь долженъ былъ продолжаться черезъ Трансильванію (Зибенбиргенъ), Буковину, Галицію и часть Венгріи (въ теченіе 4 мѣсяцевъ). Изъ Венгріи рекомендовалось съѣздить въ Силезію, чтобы опредѣлить переходы чешскаго и словацкаго языковъ къ польскому. Дальше въ Лужицы и Саксонію, не пропущенъ городъ Мерзебургъ. Въ Готѣ полагалось даже изучать какую-то переписку царя Алексѣя Михайловича. Еще перечислялись города Кобургъ, Вольфенбюттель, Ганноверъ, Бременъ, Любекъ и Гамбургъ (здѣсь опять изучать сношенія Ганзы съ Новгородомъ!), Шверинъ, Визмаръ, Ростокъ, островъ Рюгенъ. Наконецъ, черезъ Стрѣлицы и Познань въ Бѣлую Русь. Все это путешествіе слѣдовало совершить въ теченіе двухъ лѣтъ. При этомъ полагалось изучать языки, даже говоры, обычаи и образъ жизни народовъ, работать въ библіотекахъ и архивахъ. Трудно повѣрить, какъ никому не пришло въ голову, что эта задача неисполнима, не говоря уже о томъ сумбурѣ въ головѣ, который должно было бы произвести это блужданіе изъ города въ городъ! Уже планъ Кухарскаго задавался слишкомъ широкими цѣлями: діалектологія, географія, политическая исторія, исторія литературъ, древности, даже исторія изящныхъ искусствъ — все это входило въ славянскую филологію. Но Бодянскій желалъ еще перещеголять Кухарскаго!

Совершилъ ли Бодянскій поѣздку по своему собственному плану? Ни чуть не бывало! Осенью 1837 года (14 окт.) онъ покинулъ Москву. До Кіева онъ ѣздилъ въ обществѣ Мурзакевича (сл. полемику Мурзакевича съ Кочубинскимъ въ Варш. Фил. Вѣстникѣ 1880 года). Онъ хотѣлъ въ Бродахъ перешагнуть границу, но по причинѣ эпидеміи здѣсь была граница закрыта, поэтому онъ направилъ свое путешествіе черезъ Дубно, Луцкъ, Владимиръ Волынскій въ Варшаву, въ Калишъ и въ Бреславль, оттуда въ

Чехію (черезъ Трутнаву). Была поздняя осень (ноябрь). Изъ мѣховъ, посланныхъ черезъ него Погодинымъ Шафарику въ подарокъ, онъ заставилъ одного польскаго жида сшить ему провизорную шубу, чтобы избѣжать пошлины. И вотъ онъ двигался по дорогѣ какъ русскій медвѣдь. Уже по пути въ Прагу онъ упражнялся въ чешскомъ языкѣ (онъ много воображалъ себѣ на этотъ счетъ), а такъ какъ онъ хромалъ и одинъ глазъ у него былъ испорченъ, то цѣлая фигура вмѣстѣ съ нѣсколько странными манерами произвела на серьезно настроеннаго Шафарика впечатлѣніе чудака. 1/13 дек. 1837 г. онъ пріѣхалъ въ Прагу и черезъ четверть часа былъ уже у Шафарика. Будучи ему рекомендованъ Погодинымъ, онъ встрѣтилъ радушный пріемъ. Шафарикъ согласился посвятить его въ таинства славистики (какъ онъ самъ понималъ ее). Бодянскій бывалъ у него ежедневно по нѣскольку часовъ (П. Погод. 217). Несмотря на всю осторожность, соблюдаемую въ письмахъ Шафарика къ Погодину, все же между строкъ можно прочесть нѣкоторое разочарованіе. Разъ онъ отзывался о немъ такъ: «онъ сдѣлалъ здѣсь хорошіе успѣхи въ чешскомъ языкѣ, мы проходили также церковную славянщину. Все прочее — въ божьихъ рукахъ» (ib. 229). Онъ жаловался на его упрямство: Бодянскій слишкомъ заговаривается, онъ много обѣщаетъ, но сколько изъ этого выйдетъ, покажетъ будущее. Пока они съ Шафарикомъ читали церковно-славянскій языкъ, онъ самъ давалъ уроки малорусскаго языка Челаковскому. Ганка сумѣлъ подговорить Михеля, чтобы тотъ провозгласилъ Бодянскаго ученикомъ также его. Этимъ Бодянскій обидѣлся; слышали Вы, говоритъ онъ Шафарику, гдѣ-нибудь о подобномъ честолюбіи, столько ничтожномъ, ребяческомъ (П. Погод. 63).

Въ Прагѣ Бодянскій оставался до осени 1838 года, онъ работалъ также въ Чешскомъ музеѣ, а потомъ обвинялъ музей и вообще Прагу въ своей продолжительной болѣзни, сильно помѣшавшей успѣшному ходу его занятій. Съ рекомендаціями къ Шемберѣ онъ поѣхалъ въ Моравію (Оломуцъ, Брюннъ, Райградъ) и потомъ въ Вѣну (на одинъ мѣсяцъ). Здѣсь онъ видѣлъ извѣстную переводчицу сербскихъ народныхъ пѣсенъ (Робинсонъ-Тальви) и занимался въ библіотекѣ южнорусскимъ октоихомъ «Codex Hankensteinianus». Замѣчательно, что онъ о Копитарѣ нигдѣ не обмолвился ни однимъ словомъ, а также Копитаръ нигдѣ не говоритъ о немъ. Не стояло ли это молчаніе въ связи съ натянутыми, какъ разъ, въ то время отношеніями между Копитаромъ и всѣми пражанами? Изъ Вѣны онъ отправился въ Пештъ (черезъ Пресбургъ), гдѣ познакомился съ Колларомъ. Здѣсь выучился нѣсколькимъ словамъ по-сербски. Это былъ его конекъ, изъ каждаго языка по нѣскольку фразъ, но онъ любилъ этимъ похвастаться. Еще

въ февралѣ 1838 года онъ утверждалъ, что говоритъ по-чешски, какъ природный чехъ, и годъ спустя, въ отчетѣ представленномъ министру, хвастался, что знаетъ исторію и литературу чеховъ, поляковъ, словаковъ и сербовъ и языкъ этихъ четырехъ народовъ! Когда онъ въ 1840 году больной лежалъ въ Силезіи, въ одномъ письмѣ къ Погодину онъ ропщетъ на судьбу, говоря: къ чему эти трудныя приготовленія? къ чему легкость и свобода, съ которыми я объясняюсь на семи славянскихъ языкахъ, произнося ихъ какъ свой родной! Проф. Кочубинскій, бывшій ученикъ Бодянскаго, признавалъ за нимъ извѣстную легкость въ усвоеніи языковъ, но зато произношеніе ихъ всѣхъ, не исключая даже русскаго, называлъ «крайне укоризненнымъ» (В. Евр. 1896, авг. 481). Вѣрность этого замѣчанія можетъ быть засвидѣтельствована слѣдующимъ фактомъ, относящимся, правда, еще къ 1835—6 годамъ: Погодинъ, познакомившись осенью 1835 года лично съ Шафарикомъ, желалъ одновременно съ чешскимъ изданіемъ (по выпускамъ) «Старожитностей» пустить въ свѣтъ также русскій переводъ. Шафарикъ, чувствуя себя обязаннымъ Погодину за оказанную ему поддержку, благодаря которой чешское изданіе могло выйти, согласился, но просилъ только дать изданію и по качеству перевода и по внѣшней формѣ приличный видъ, онъ послалъ даже для облегченія труда переводчику чешскіе лексиконы въ Москву. Ему было уже черезъ Кеппена извѣстно, что русская публика относится довольно равнодушно къ научнымъ изслѣдованіямъ этого рода. Поэтому нужно было заботиться по крайней мѣрѣ о выгодномъ внѣшнемъ впечатлѣніи. Выборъ переводчика остановился на Бодянскомъ (Шафарикъ должно быть ожидалъ, что Погодинъ самъ возьмется за это дѣло). Переводъ сдѣланъ поспѣшно, но такъ неудачно, что Сенковскій выразился: «переводъ славянскихъ древностей сдѣланъ такъ искусно, что нашъ языкъ кажется въ немъ почти богемскимъ» (Барсук. Погод. V. 95). Мизерности перевода соотвѣтствовала скромность изданія: вм. хорошаго формата чешскаго подлинника здѣсь выбранъ маленькій невзрачный форматикъ, не понравившійся самому Шафарику. Видно, не было уже Румянцева. Вслѣдствіе этого переводъ сочиненія не нашелъ въ публикѣ отклика, что очень вредно вліяло на потерпѣвшій авторитетъ славистики въ Россіи, а для Погодина кромѣ того было сопряжено съ чувствительнымъ убыткомъ. Съ третьимъ выпускомъ изданіе перевода прекратилось. Въ это же время и Россійской Академіи пришло въ голову обратиться къ священнику при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ (Меглицкому) съ предложеніемъ перевести на русскій языкъ сочиненія Шафарика и Палацкаго. Меглицкій имѣлъ осторожность отклонить просьбу, но пробы ради перевелъ двѣ главы

изъ Шафарика (1837). Академія, сравнивъ оба перевода, нашла ихъ неудовлетворительными, но переводъ Бодянскаго еще менѣе удовлетворилъ ее, чѣмъ переводъ Меглицкаго (Францевъ, Очерки истор. чешскаго возрожденія, 218). И Сперанскій отозвался о переводѣ Бодянскаго такъ: какой-то русскій профессоръ, не знающій ни русскаго ни чешскаго языка, взялся за переводъ тяжело написаннаго труда Шафарика!

Въ Пештѣ Бодянскій заболѣлъ, болѣзнь продолжалась въ теченіе цѣлой зимы до мая 1839 года. Этой невольной задержкой онъ воспользовался для изученія сербскаго языка, собираясь изъ Венгріи перебраться въ Сербію и если бы удалось, то и въ Болгарію. Не много времени осталось еще до окончанія срока его командировкѣ (осени 1839 г.). Онъ обратился къ попечителю съ прошеніемъ о продолженіи командировки еще на годъ. Попечитель согласился только продолжить ему командировку на шесть мѣсяцевъ. Болѣзнь заставила теперь его поѣхать для леченія въ Силезію, въ Фрейвальдау (Грефенбергъ), гдѣ онъ и пробылъ до осени. Въ октябрѣ этого года онъ опять очутился въ Вѣнѣ, оттуда же поѣхалъ (20 окт.) въ Пештъ и въ Карловцы. Какъ долго онъ оставался на югѣ между сербами, мнѣ неизвѣстно. Дѣло въ томъ, что командировка была ему вторично продолжена на полгода, до конца осени 1840, мы же знаемъ, что болѣзнь заставила его опять бѣжать въ Фрейвальдау (т.-е. къ Призницу въ Грефенбергѣ), гдѣ онъ остался большую часть 1841 года и даже весною 1842 г. Двумя годами позже, чѣмъ предполагалось, т.-е. въ сентябрѣ 1842 г. онъ черезъ Силезію и Познань возвратился домой, т.-е. въ Москву. Въ Варшавѣ онъ былъ вмѣстѣ съ Срезневскимъ въ августѣ 1842 (о чемъ извѣщаетъ Денница Дубровскаго 1842, № 15, стр. 196). Онъ привезъ домой большое множество славянскихъ книгъ, газеты говорили о пяти тысячахъ, но онъ самъ допускалъ, что ихъ было около трехъ тысячъ! Книги эти были имъ потомъ по желанію попечителя уступлены университету. За вырученныя деньги онъ пріобрѣлъ новую коллекцію книгъ отъ Ганки.

Бодянскій написалъ много писемъ изъ своей командировки въ Россію. Тѣ что были адресованы Погодину изданы Н. А. Поповымъ (въ московскихъ Чтеніяхъ 1879 кн. 1 и 4, 1880 кн. 1). Мы узнаемъ изъ нихъ мало важнаго. Въ особенности гдѣ онъ касается научныхъ темъ, насъ изумляетъ его некритичность. Уже въ первомъ письмѣ изъ Кіева (ноябр. 1837) онъ попытался на основаніи двухъ рукописныхъ евангелій 1545 и 1561 г. рѣшить вопросъ, на какомъ языкѣ сдѣланъ первый переводъ евангелія. Въ первомъ евангеліи онъ прочелъ: «выложено изъ языка блъгарского на мовь роускоую» и прибавилъ отъ себя: «Итакъ вотъ вамъ слова пере-

водчика, на какомъ славянскомъ языкѣ прежде всего хвалили наши праотцы Бога». Во 2-омъ письмѣ изъ Праги онъ вторично коснулся этого вопроса: «Этимъ конечно и на всегда рѣшается вопросъ, на какой языкъ было переведено св. писаніе». (Сл. также статью его: «О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что церковно-книжный языкъ есть славяно-булгарскій», въ Ж. М. Н. Пр. 1843, іюнь 130—168). Второе открытіе относилось къ Кирилловскимъ припискамъ одной латинской рукописи монастыря Райграда (Raygern) въ Моравіи. Шафарикъ сказалъ такъ наобумъ, что тѣ приписки могли бы быть сдѣланы славянскими апостолами. Бодянскій ухватился за эту догадку и сталъ повторять ее какъ нѣчто вполнѣ возможное (Письма къ Погод. I. 66). Между тѣмъ, Шафарикъ былъ лѣтомъ 1838 г. въ Райградѣ и видѣлъ латинскую рукопись (Martyrologium), а также кирилловскую приписку. Онъ вѣрилъ теперь, что приписка могла быть древнѣе Остромірова евангелія (Подробнѣе у Францева, Чешск. возрожд. 251—3, 257—9). Еще объ одномъ открытіи Бодянскій сообщалъ (стр. 111) Погодину, которое тоже свидѣтельствуетъ объ его филологико-критической неспособности: онъ нашелъ монету будто бы изъ велико-моравскихъ временъ, разъ прочелъ онъ на ней пегнѧѕе, другой разъ растисл! (180). Впрочемъ эту монету уступилъ ему Ганка (см. Письма къ Ганкѣ, изд. Францева, на стр. 105—107, а также письмо Бодянскаго къ гр. Строганову, Чтен. 1885, кн. I). Теперь извѣстно, что и это былъ подлогъ Ганкинъ.

И. И. Срезневскій. Тотъ же планъ, по которому Бодянскій долженъ былъ путешествовать и изучать славянство, былъ отосланъ въ октябрѣ 1837 года въ Харьковъ, съ предписаніемъ отыскать молодого человѣка, который бы въ теченіе двухъ лѣтъ по этому плану приспособился быть профессоромъ славянскихъ нарѣчій въ Харьковскомъ университетѣ. Факультетъ, не зная какъ исполнить желаніе министерства, хотѣлъ было представить въ кандидаты человѣка ничѣмъ не заявившаго желанія или способности — Рославскаго-Петровскаго. Къ счастью тутъ подвернулся другой молодой человѣкъ, окончившій правда юридическія науки (кандидатское сочиненіе 1829 г.: Объ обидѣ), защитившій уже магистерскую диссертацію (Опытъ о сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ) въ іюлѣ 1837 года, и работавшій надъ докторской диссертаціей, но преданный всею душою съ молодыхъ еще лѣтъ этнографическому изученію Украйны. По тогдашнимъ же понятіямъ занятія подобнаго рода составляли главную и существенную часть ново-зарождавшейся славянской науки. Это былъ Измаилъ Ивановичь Срезневскій. Онъ родился 1 іюля 1812 г. въ Ярославлѣ, отецъ его состоялъ профессоромъ Демидовскаго лицея. Но онъ былъ пере-

веденъ въ Харьковскій университетъ, когда ребенку было два мѣсяца. Послѣ смерти отца, послѣдовавшей въ 1819 году, молодой Изм. Ив. остался на попеченіи своей матери, которая умно вела воспитаніе дѣтей. Въ 1826 г. Срезневскій поступилъ въ университетъ и усердно занимался, какъ свидѣтельствуютъ упомянутые успѣхи. Но кромѣ юридическихъ наукъ онъ съ молодыхъ лѣтъ полюбилъ музыку и поэзію. Въ особенности тогда было въ ходу интересоваться народной поэзіею. Романтическое направленіе одушевляло и молодого Срезневскаго въ пользу изученія исторіи и быта Украйны. Онъ успѣлъ еще въ 1831 г. издать Украинскій альманахъ, въ 1832 словацкія пѣсни и первый томикъ «Запорожской старины» (въ предисловіи, помѣченномъ 2 апр. 1833, говорилось, что авторъ тогда уже седьмой годъ занимался подобнаго рода предметами) и, если бы его докторская диссертація не была отвергнута факультетомъ (она касалась вопроса о зависимости національной экономіи отъ статистики: Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно), онъ вѣроятно получилъ бы каѳедру національной экономіи въ юридическомъ факультетѣ, а какъ любитель продолжалъ бы изучать свою Украйну. Но указаніе попечителя, отвергшаго представленнаго ему Рославскаго, на Срезневскаго и неудача постигшая Срезневскаго съ докторской диссертаціей, то и другое, наконецъ, склонило его принять сдѣланное ему предложеніе (въ концѣ 1838 года) и въ началѣ 1839 подписать всѣ предъявленныя ему условія. Однако же только 17 сент. 1839 года онъ покинулъ Харьковъ, двумя годами позднѣе Бодянскаго.

Замѣчательно, что Срезневскій въ запискѣ, представленной въ октябрѣ 1838 г. въ факультетъ, опредѣлялъ какъ главную цѣль своихъ научныхъ занятій по славистикѣ — составленіе этнографико-этимологическаго словаря. По этнографіи онъ имѣлъ должно быть передъ собой какъ образецъ словарь Вуковъ, по этимологіи же вѣроятно Линде. Въ теченіе шести лѣтъ послѣ возвращенія домой онъ надѣялся составить такого рода словарь для всѣхъ славянскихъ нарѣчій. (О первыхъ занятіяхъ его въ кружкѣ тогдашнихъ харьковскихъ украинофиловъ сл. статью Всеволода Срезневскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1898 январь: «Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности И. И. Срезневскаго»). Срезневскій не стѣснялся, конечно, тѣмъ, что ему вмѣнили въ обязанность изучить главные славянскіе языки, но за то освободили его отъ филологико-историческихъ изслѣдованій (В. Евр. 1896, авг. 475), но въ программѣ все же осталось много курьезныхъ требованій: такъ, напр., внушалось ему для изученія народнаго быта предпринимать экскурсіи пѣшкомъ. Въ главныхъ чертахъ программа для поѣздки Срезневскаго совпадала съ прежней, предписанной Бодянскому, съ

точнымъ поименованіемъ лицъ, которыя онъ долженъ былъ за-границею видѣть и предметовъ, о которыхъ съ ними бесѣдовать. Еще въ то время одинъ изъ профессоровъ (Артемовскій-Гулакъ) возражалъ противъ программы, что «цѣль предполагаемаго путешествія не есть живописное обозрѣніе видовъ физической природы».

Поздно осенью, послѣ 17 ноября 1839 года, Срезневскій покинулъ Петербургъ (куда онъ прибылъ 22 окт. т. г.). Въ «Живой Старинѣ» (и отдѣльно) напечатано большое число прелюбопытныхъ писемъ его къ матери со времени отъѣзда его изъ Харькова и во время пребыванія за-границей. Въ нихъ много замѣчательныхъ и остроумныхъ наблюденій о заграничной, преимущественно городской жизни. Хорошій разсказчикъ онъ въ то же время сумѣлъ иллюстрировать свои письма рисунками. Остановившись по дорогѣ въ Москвѣ онъ былъ на лекціи Каченовскаго, которую охарактеризовалъ такъ: читаетъ сухо, несвязно, но дѣльно. Онъ говорилъ съ нимъ о Македоніи, о славянахъ, и заканчиваетъ словами: добрый, умный старикъ и истинный ученый! Въ Москвѣ онъ познакомился также съ Строевымъ, Раичемъ, Вельтманомъ, Погодинымъ, Гоголемъ. Въ Петербургѣ онъ получилъ черезъ Сербиновича этнографическую карту Австріи, сдѣланную Шафарикомъ, съ которой снялъ для себя копію (вѣроятно, это была приготовительная работа Шафарика для «Народописа»). Странно, что ничего не говорится о Востоковѣ; видно, Срезневскій тогда еще мало интересовался филологіею, между тѣмъ какъ въ то же время, какъ мы потомъ увидимъ, Прейсъ уже былъ очень близокъ съ Востоковымъ. Срезневскій взялъ путь на Ригу, Митаву, Таурогенъ, Тильзитъ, Кенигсбергъ (5 дней) въ Берлинъ. Въ Кенигсбергѣ они встрѣтились съ Прейсомъ и дружно сошлись. Въ Берлинѣ онъ слушалъ непродолжительное время лекціи у Боппа (отъ 8 дек. до 27 янв.), оттуда отправился черезъ Галле, Лейпцигъ, Дрезденъ въ Прагу (4/16 февр.).

Впечатлѣніе, полученное отъ внѣшняго вида «золотой» Праги напомнило ему Москву. Первые шаги его были направлены къ Шафарику, котораго съ тѣхъ поръ видѣлъ каждый день. Съ Шумавскимъ онъ занимался чешскимъ языкомъ. Станекъ знакомилъ его съ прочими чешскими патріотами. Срезневскій былъ искреннѣе Бодянскаго: онъ самъ подсмѣивался надъ своимъ ломаннымъ чешскимъ языкомъ. Онъ остался въ Прагѣ до мая мѣсяца, видѣлся кромѣ Шафарика съ Ганкой, Палацкимъ, Челаковскимъ, Станекомъ, Аммерлингомъ, Коубекомъ и др. Съ Ганкой объяснялся онъ порусски, съ Коубекомъ по-малороссійски, по-чешски пришлось менѣе упражняться, чѣмъ слѣдовало, но онъ не любилъ кофейныхъ и политическихъ раз-

говоровъ. Напротивъ, онъ посвящалъ много времени музыкѣ и театру, о чемъ и не пропускалъ сообщать матери довольно обширныя извѣстія. Весной онъ охотно дѣлалъ экскурсіи (вѣдь это было въ программѣ предписано!) къ патріотическимъ священникамъ (Винаржицкому, Мареку). Покинувъ въ іюнѣ Прагу онъ отправился черезъ Пильзенъ, Клатовы, Водняны, Будѣёвице и Линцъ по Дунаю въ Вѣну. Письма къ матери полны любопытныхъ наблюденій о тогдашнемъ житьѣ-бытьѣ въ маленькихъ городахъ Чехіи, о своей же практикѣ на чешскомъ языкѣ онъ выражается, что теперь уже ему легче говорить по-чешски, чѣмъ по-французски или по-малороссійски (?).

Пріѣхавъ въ Вѣну (18 іюня 1840) и остановившись въ гостиницѣ «Goldene Ente», онъ въ тотъ же вечеръ уже наслаждался музыкой Штрауса и Ланнера. О своихъ научныхъ занятіяхъ не говоритъ ничего, не желая, быть можетъ, этими сухими предметами лишать интереса письма, назначенныя для дамы. Замѣчательно все-таки, что и онъ молчитъ о Копитарѣ. Впрочемъ, онъ оставался на этотъ разъ въ Вѣнѣ недолго. Раньше конца іюня онъ отправился уже въ Моравію, въ Брюннъ и въ монастырь Райградъ, гдѣ и онъ разсматривалъ кирилловскія приписки въ латинскомъ мартирологіи (отсюда письмо къ Ганкѣ отъ 29 іюня 1840, сл. у Францева 947 сл.). Въ Моравіи онъ познакомился съ Сушиломъ, Клацелемъ, Іодломъ и Бочкомъ. И здѣсь онъ дѣлалъ экскурсіи пѣшкомъ и по этому поводу замѣтилъ: «Народъ здѣсь сохранилъ болѣе славянскаго, нежели въ Чехахъ». Изъ Оломуца, гдѣ онъ познакомился съ Шемберой, они вдвоемъ объѣхали Гану, «Моравскую Палестину» (по его выраженію). Потомъ онъ попалъ въ Силезію (въ Троппаву), гдѣ онъ прислушивался къ народной поэзіи (даже собиралъ народныя пѣсни) и въ Бреславль, гдѣ онъ гостилъ у Пуркинье двѣ недѣли. Въ письмѣ отсюда онъ говоритъ не о польскомъ языкѣ, который все же долженъ былъ интересовать его, а о нижне-лужицко-сербскомъ нарѣчіи и о какой-то, должно быть, рукописной грамматикѣ этого нарѣчія. Пріѣхавъ въ Ополье (Оппельнъ) онъ замѣтилъ, что плохо понимаетъ силезскихъ поляковъ, произносящихъ очень быстро, между тѣмъ какъ онъ путалъ чешское съ польскимъ. Черезъ Лигницъ, Вармбруннъ, Маріенталь и Кърконоши (онъ поднимался на Кинастъ и Шнеекоппе) онъ пріѣхалъ въ началѣ сентября (6-го) въ Сгорѣлецъ (Гэрлицъ), гдѣ онъ познакомился съ Смоляромъ (Schmaler) и съ Гауптомъ, осмотрѣлъ также библіотеку и, объѣхавъ Лужицы, попалъ въ октябрѣ (18/30, 1840) вторично въ Дрезденъ. Теперь онъ остался здѣсь нѣсколько недѣль, увлекшись осмотромъ богатыхъ историческихъ и художественныхъ коллекцій, о чемъ онъ писалъ матери обширныя письма; одно болѣе научнаго характера, распространявшееся о

слезакахъ, о лужичанахъ, о Смолярѣ и т. д., написалъ Ганкѣ (Франц. 949—953). Въ концѣ ноября онъ прибылъ уже опять въ Прагу. Въ одномъ письмѣ къ матери отсюда находимъ такой отзывъ о пріобрѣтенныхъ имъ во время путешествія этнографическихъ свѣдѣніяхъ: «теперь уже я могу исправлять Шафарику этнографическую карту Богеміи, Моравіи, Силезіи и Лужицъ; лужичанинъ Іорданъ приходитъ ко мнѣ, чтобы изъ моихъ матеріаловъ брать лужицкія слова для своего словаря. Не объѣхавъ всѣхъ славянскихъ земель, я не могъ бы стать преподавателемъ, какимъ я хотѣлъ бы сдѣлаться. Трудно полагаться на другихъ. Очень рѣдко я прибѣгаю къ книгамъ за указаніями. Теперь предстоитъ мнѣ еще познакомиться съ Илліріею, Венгріею, Галиціею и Польшею; начинаю учиться по-мадьярски». Онъ похвалился передъ матерью, что привезъ изъ Дрездена въ Прагу 65 фунтовъ бумаги, исписанной замѣтками — матеріалъ, котораго хватитъ на два года для научной разработки.

Въ Прагѣ Срезневскій опять встрѣтился съ Прейсомъ, они сдѣлались неразлучными друзьями. «Dwa Russy» — такъ называли ихъ въ Прагѣ. Но Срезневскій самъ признаетъ, что ихъ вкусы и взгляды на ближайшія задачи расходились. Прейсъ называлъ Срезневскаго человѣкомъ жизни, онъ же Прейса человѣкомъ книгъ. Самъ Прейсъ говорилъ, что они дополняютъ другъ друга. Срезневскій любилъ современность, интересовался народомъ, этнографіей, Прейсъ же увлекался стариной, прошлыми временами. Шафарикъ замѣтилъ, какъ хорошо было бы, если бы они вдвоемъ сдѣлали путешествіе по Сербіи и Болгаріи: Прейсъ рылся бы по библіотекамъ, Срезневскій ходилъ бы кругомъ по народу. Срезневскій оставался въ Прагѣ недолго. Въ январѣ (15/27) онъ покинулъ городъ и своихъ друзей, провожавшихъ его (Ганку, Прейса, Іордана). Черезъ Кенигграцъ и Лютомышль онъ поѣхалъ опять въ Брюннъ (гдѣ вновь видѣлъ Сушила) и далѣе (по желѣзной дорогѣ) въ Вѣну (23 янв.). Теперь вспомнилъ онъ уже и о Копитарѣ, но въ ближайшемъ письмѣ (27 янв.) сдѣлалъ характерную оговорку насчетъ его: «съ нимъ едва ли буду имѣть дѣло... лучше не подходить, а то смотри и укуситъ», а въ письмѣ къ Ганкѣ (21 февр. 1841) онъ говорилъ: «съ Копитаромъ видѣлся два раза, болѣе нѣтъ охоты. У него хоть и есть душа, но не по мнѣ». Стоитъ напомнить, что онъ прибавилъ еще слѣдующія слова: «Вукъ очень хвалитъ его, называетъ его честнѣйшимъ человѣкомъ. Можетъ быть, это и правда, но все таки его печатные и изустные поступки оттягиваютъ меня отъ него» (Франц. 956). Зато знакомствомъ съ Вукомъ онъ, повидимому, очень дорожилъ: онъ нанялъ даже квартиру на Landstrasse въ Untere Reisnerstrasse, чтобы быть поближе къ Вуковой

Marokkanergasse. Вукъ рекомендовалъ ему для практики въ сербскомъ (хорватскомъ) языкѣ молодого хорвата Курельца (Франц. 957). Въ Вѣнѣ онъ встрѣтился съ Анненковымъ, Княжевичемъ и Надеждинымъ. Любопытенъ отзывъ Анненкова (Анненковъ и его друзья, СПб. 1892, I. 138) о тогдашнемъ одушевленіи Срезневскаго, въ которомъ было много романтическаго увлеченія. Изъ словъ Анненкова можно узнать то, что мы знаемъ также изъ другихъ источниковъ, что Срезневскій тогда еще былъ преимущественно этнографомъ, занимался всѣми явленіями народной жизни славянъ, не исключая, конечно, и практическаго знакомства съ живыми славянскими нарѣчіями. Въ томъ и другомъ отношеніи былъ для него Вукъ драгоцѣннымъ человѣкомъ. Онъ желалъ имѣть и Прейса и Вука спутниками въ области сербскаго языка, но желаніе это осуществилось только отчасти.

Изъ Вѣны уѣхалъ по направленію на югъ одинъ только Срезневскій (26 февр. 1841). Въ Грацѣ онъ навѣстилъ профессора словенскаго языка Кваса, въ Марбургѣ (9 марта) очутился уже въ словенской средѣ; здѣсь познакомился съ одушевленнымъ всеславянскимъ патріотомъ Пуффомъ, въ обществѣ котораго онъ побывалъ въ окрестностяхъ, напр., у священника Цвѣтка, 12 марта онъ навѣстилъ въ Великой Недѣлѣ извѣстнаго словенскаго грамматика Дайнка. Срезневскій восхвалялъ гостепріимство штирійскихъ словенцевъ, а о простомъ народѣ выразился такъ: «бородку бы ему да штаны въ сапоги, такъ и былъ бы русскій мужичокъ»! Женскіе костюмы казались ему похожими на малорусскіе. Черезъ нѣсколько дней (17 марта) онъ уже былъ въ Загребѣ, куда онъ пріѣхалъ черезъ Ормужъ и Вараждинъ. Дайнко провожалъ его до Вараждина. На почтовыхъ онъ пріѣхалъ въ Загребъ. Первый визитъ здѣсь былъ отданъ главѣ славянскаго движенія, извѣстнаго подъ названіемъ иллиризма, Людевиту Гаю, преобразовавшему въ теченіе шести лѣтъ цѣлое общество, мѣщанъ и дворянство, какъ выражался Срезневскій. Нѣсколько дней спустя онъ уже сдѣлалъ съ Вразомъ экскурсію въ очаровательное Загорье (Быстрицу и Крапину), гдѣ природа и люди ему очень понравились. Онъ по этому случаю, какъ и раньше уже выражалъ свое удивленіе о легкомъ пониманіи хорватскаго языка для Русскаго и наоборотъ. Въ жгучій вопросъ «иллировъ», борьбу противъ мадьярской супрематіи, онъ не входилъ, но ему былъ симпатиченъ славянскій характеръ такихъ иллирскихъ патріотовъ, какъ Драшковичъ и Зденчай, только постоянное воспѣваніе всего славянства поражало его. Въ особенности непонятнымъ ему былъ славянскій восторгъ хорватской католической молодежи, посвятившей себя духовному сословію. По его словамъ, всѣ были отъ русскаго путешественника въ восторгѣ, только маленькій ростъ его не подходилъ подъ ихъ

понятіе о Русскихъ: «всѣ тутъ воображаютъ Русскаго великаномъ, голова подъ потолокъ».

Кромѣ писемъ къ матери существуетъ его обширное извѣстіе о путешествіи начиная съ Вѣны до Загреба, написанное 20—30 марта 1841 и посланное Ганкѣ въ Прагу (теперь у Францева 958—969). Въ концѣ марта онъ отправился въ обществѣ словенца Враза черезъ Карловацъ, Метлику и Новомѣсто въ Любляну. По дорогѣ онъ старался изучать жизнь простого народа. Отъ вниманія его не ускользнуло, какъ простой народъ, въ особенности женщины, держатся въ сторонѣ отъ городского сословія, начиная отъ ненавистныхъ имъ городскихъ костюмовъ. Въ Метликѣ онъ хорошо подмѣтилъ, что народонаселеніе этого края еще не говоритъ совсѣмъ по-краински. Въ Ускочскихъ горахъ (въ Жумберкѣ), между Самоборомъ и Метликой впервые пришлось ему услышать народныя пѣсни о Кралевичѣ Маркѣ, Сибинянинѣ Янкѣ и т. д. Въ Люблянѣ онъ уже не могъ такъ легко понимать, когда съ нимъ говорили по-словенски, хотя языкъ, «когда говоритъ имъ хорошенькая Мицка (= Маша), очень пріятенъ для слуха» (Живая Стар. III. 40). Въ Люблянѣ ему бросилась въ глаза большая религіозность, которую онъ безъ причины считалъ напускной. Онъ познакомился здѣсь съ извѣстнымъ въ грамматич. литературѣ Метелькомъ, съ которымъ прошелъ бѣгло грамматику языка; съ Прешерномъ, за которымъ признавалъ первенство въ поэзіи; съ адвокатомъ д-ромъ Хорватомъ и многими учителями: «всѣ они пьютъ вино какъ воду», прибавляетъ Срезневскій. Черезъ городъ Крайнь (Крайнбургъ), гдѣ онъ имѣлъ возможность на пасхѣ наблюдать народъ и прислушиваться къ его говору, онъ поѣхалъ дальше въ Целовецъ (Клагенфуртъ), чтобы повидаться съ Ярникомъ и Суппаномъ. По Каринтіи онъ много ходилъ пѣшкомъ, присматриваясь къ народу и его костюмамъ, онъ бывалъ въ городахъ, какъ Бѣлякъ (Виллахъ) и въ мѣстечкахъ какъ Фельденъ, Розенталь, въ Зильской долинѣ, потомъ черезъ Тарвисъ и Понтеббу отправился въ сѣверную Италію въ Резію, къ резьянамъ (о резьянахъ онъ разсказалъ много любопытныхъ подробностей, между прочимъ также Ганкѣ, Франц. 971—6). На обратномъ пути онъ остановился въ Горицѣ (Görz), 3 мая, и въ Тріестѣ, дожидаясь здѣсь Прейса, чтобы вдвоемъ поѣхать на нѣсколько дней въ Венецію. Предположено было поѣхать въ Далмацію вмѣстѣ съ Вукомъ, но изъ этого ничего не вышло. Когда Срезневскій и Прейсъ черезъ нѣсколько дней возвратились въ Тріестъ, предполагаемый спутникъ ихъ Вукъ уѣхалъ уже въ Далмацію въ обществѣ Княжевича и Надеждина (см. объ этомъ письмо Прейса у Францева 870).

Пробывъ еще нѣсколько времени въ Тріестѣ, они 28 мая пред-

приняли и совершили замѣчательное путешествіе по Истріи (которую въ то время, да еще и гораздо позже ближайшіе домашніе люди мало знали), потомъ черезъ Рѣку (Фіуме) и Кралевицу переѣхали на островъ Кънкъ (Велью), гдѣ имъ пришлось услышать славянскую католическую обедню. Переѣхавъ на лодкѣ въ Сень, они навѣстили епископа Ожеговича, потомъ же отправились дальше въ глубь Военной границы (Оточацъ, Госпичъ). Спустившись опять къ морю, они побывали на островѣ Пагѣ (23 іюня) и дальше двинулись черезъ Нинъ въ Задаръ и его окрестности (напр., въ монастырѣ на Кънкѣ они осмотрѣли нѣкоторыя славянскія рукописи, что, конечно, главнымъ образомъ интересовало Прейса). Путь ихъ шелъ дальше на Дърнишъ (2 іюля), Скрадинъ (здѣсь понравился водопадъ!), Шибеникъ (4 іюля), Трогиръ, Сплѣтъ (6 іюля, въ «Кастелахъ», какъ замѣтилъ Срезневскій, существовалъ обычай погребать мертвыхъ съ «бугараньемъ», т. е. нанимали «нарикачъ», которыя особенными пѣснями оплакиваютъ покойниковъ, см. Францевъ 990), потомъ пароходомъ на Хваръ, Корчулу и въ Дубровникъ (здѣсь встрѣтилъ ихъ русскій консулъ Гагичъ). Въ Дубровникѣ, какъ Срезневскій вѣрно замѣтилъ, проявлялось рядомъ съ подавлявшимъ въ прочей Далмаціи господствомъ итальянскаго языка уже и право на существованіе природнаго языка славянскаго. Дальше они поѣхали въ Боку и Которъ и пѣшкомъ поднялись на Цетинье. Гигантскій ростъ красавца-монаха, владыки Петра Петровича Нѣгоша, произвелъ на путешественниковъ пріятное впечатлѣніе (но варварскій обычай турецкими головами обвѣшивать башни имъ ужасно не понравился). Провожаемые владыкою они возвратились въ Которъ, навѣстили монастырь Савину и верхомъ по Конавлима доѣхали до Дубровника, гдѣ могли нѣсколько дней остаться только благодаря гостепріимству семьи Будмани (изъ которой вышелъ знаменитый сербско-хорватскій филологъ). Дальше на обратномъ пути они были на Стонѣ, въ Макарской, въ Омишѣ (гдѣ списывали кой-какія грамоты, относившіяся къ Полицкой общинѣ, разсказывается объ упадкѣ бывшей здѣсь глаголической семинаріи). Черезъ Полицы и Сплѣтъ они возвратились опять въ Рѣку (Фіуме).

Сдѣлать въ то время такое путешествіе — это былъ подвигъ, достойный всякаго признанія (сл. описаніе Прейса въ письмѣ Куторгѣ, Жив. Стар. III. 35, и Срезневскаго Ганкѣ у Францева 984—992). Изъ Фіуме они отправились, навѣстивъ по дорогѣ православный монастырь Гомирье, въ Карловацъ и дальше въ Загребъ (раньше половины августа). Въ Загребѣ Прейсъ захворалъ маляріею, поэтому здѣсь прекратилось совмѣстное путешествіе. Срезневскій оставался въ Загребѣ съ 10 авг. по 15 сент. Изъ его писемъ узнаемъ многія подробности о тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Загребѣ,

между прочимъ разсказывается о торжественной встрѣчѣ, оказанной Яну Коллару (Жив. Стар. III. 2. 157, сл. также у Францева 992—5). Срезневскій, простившись съ Прейсомъ (15 сент. 1841), направился въ Славонію (Градишку, Бродъ, Пожегу, Винковцы), гдѣ познакомился съ д-ромъ Павичемъ, Берличемъ и Топаловичемъ. Потомъ онъ объѣхалъ Срѣмъ и фрушкогорскіе монастыри (Ковеждинъ, Шишатовацъ, Опово, Гергетегъ, Крушедолъ), былъ въ Карловцахъ, Петроварадинѣ, Новомъ Садѣ и Земунѣ, а 1-го октября очутился въ Бѣлградѣ. Оставшись здѣсь 8 дней, онъ предпринялъ нелегкое въ то время путешествіе во внутренность страны — его описаніе имѣетъ для насъ теперь не малое значеніе — онъ видѣлъ, между прочимъ, монастыри Раваницу и Манассію — и къ концу мѣсяца октября вернулся въ Земунъ. Здѣсь по дорогѣ встрѣтился съ Бабукичемъ, изъ Новаго Сада дальше по Дунаю поднялся въ Пештъ и въ Вѣну. Въ Пештѣ онъ видѣлъ Коллара, Субботича и Павловича. Въ Вѣну онъ попалъ поздней осенью (28 ноября) и порѣшилъ здѣсь провести зиму. Министерство продолжило ему срокъ возврата въ Россію. И теперь онъ дорожилъ главнымъ образомъ дружбой съ Вукомъ, котораго онъ часто навѣщалъ, читалъ съ нимъ народныя пѣсни и т. д. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого знакомства Срезневскій написалъ очень хорошія воспоминанія о Вукѣ (въ Московскомъ сборникѣ 1846 г.). О другихъ занятіяхъ въ Вѣнѣ нѣтъ въ письмахъ никакихъ упоминаній, но въ сообщеніи сдѣланномъ Ганкѣ (у Францева 1010—1012), указывается прямо, какъ главная теперешняя задача его,—работать вмѣстѣ съ Вукомъ, между прочимъ надъ словаремъ. Замѣчателенъ по правильности сужденія его отзывъ о стремленіяхъ иллирскихъ насчетъ языка. Противъ увлеченія многихъ иллирскихъ писателей дубровницкимъ классицизмомъ и желанія подражать даже въ языкѣ писателямъ XVII-го столѣтія Срезневскій сталъ сразу на единственно правильную точку зрѣнія умнаго и даровитаго Враза (у Францева 993—4, 1012—3).

Изъ Вѣны Срезневскій уѣхалъ 13 марта 1842 въ Венгрію, т. е. сначала въ обществѣ Фіалки отправился въ хорватскія колоніи, побывалъ въ разныхъ деревняхъ: «хорваты чудесный народъ, мужчины высоки ростомъ, женщины красавицы и одежда прелестная» (Ж. Ст. III. вып. 3, стр. 346), дальше онъ поѣхалъ въ Пресбургъ (здѣсь онъ встрѣтилъ Курельца и Штура, съ которымъ онъ видѣлся уже въ Галле). Цѣлый мѣсяцъ продержалъ его этотъ важный въ исторіи славянскаго возрожденія городъ. Онъ воспользовался случаемъ сойтись съ находившимися здѣсь южными славянами (сербами, хорватами) и словаками, предпринималъ поѣздки на сѣверъ къ словакамъ въ Нитру, Трнаву, видѣлъ Ходжу и Голлаго — Hollý,

«словацкаго Державина». Простившись очень трогательно съ словаками и сербами Пресбурга, онъ отправился черезъ Пештъ на сѣверъ въ Щавницу и Кремницу. Въ Щавницѣ онъ неожиданно засталъ опять Прейса, который все-еще былъ боленъ. Срезневскій продолжилъ свое путешествіе по сѣверной Венгріи (Туроцъ, Тренчинъ, Липтовъ, Банска Быстрица, Гемеръ, Ципсъ, Левоча, Эперіешъ), населенной словаками, и попалъ въ среду угорско-русскую (Унгваръ, Мункачъ). Онъ называетъ ихъ русняками. Здѣсь познакомился съ Лучкаемъ, составителемъ маленькой грамматики. Въ письмахъ изъ Венгріи у него много недосказаннаго, фанатизмъ мадьярскій проявлялся уже тогда въ высокой степени въ преслѣдованіи венгерскихъ славянъ, въ особенности словаковъ, поэтому и русскій путешественникъ принялъ свои мѣры осторожности.

Оттуда онъ переѣхалъ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Галицію, сначала въ русскую часть ея, гдѣ на каждомъ шагу его встрѣчали евреи. Во Львовѣ онъ познакомился съ Бѣлёвскимъ, Вагилевичемъ, Головацкимъ, Зубрицкимъ и Левицкимъ. Городъ Краковъ напоминалъ ему Дубровникъ, онъ нашелъ въ городѣ мало движенія, умѣніе его говорить по польски оказалось не блестящимъ: «По-польски я начинаю рѣшаться говорить, но робко». Характерно примѣчаніе, сдѣланное къ этимъ словамъ: «Какъ Русскому мнѣ какъ то стыдно, что я не говорю по польски». Это примѣчаніе можно въ извѣстной степени примѣнить къ цѣлому первому періоду славянской филологіи. Но теперь Срезневскій по крайней мѣрѣ сознавалъ еще потребность и долгъ не исключать польскаго языка и литературы изъ объема славистики, послѣ 1863 года и этого теоретическаго сознанія у многихъ уже не было: завладѣло прискорбное взаимное отчужденіе. Въ Краковѣ Срезневскій познакомился съ литературнымъ историкомъ Вишневскимъ; 5-го августа, покинувъ этотъ городъ, онъ уѣхалъ опять въ Бреславль, гдѣ теперь уже встрѣтилъ, кромѣ Пуркинье, также Челаковскаго. Случайно онъ нашелъ здѣсь также Бодянскаго. Они отправились вмѣстѣ дальше на сѣверъ, въ Познань, гдѣ познакомились съ Лукашевичемъ, Поплинскимъ и Цегельскимъ. Стоитъ извлечь изъ писемъ Срезневскаго одно, по этому случаю сдѣланное, замѣчаніе: «поляки, говоритъ онъ, хвалятся большою здѣшнею политической свободой, но не замѣчаютъ, какъ германизація города идетъ впередъ». О Бодянскомъ онъ отозвался такъ: «онъ хорошій человѣкъ, но черезчуръ любитъ свое «я» и слишкомъ поспѣшенъ въ своихъ умозаключеніяхъ. Прейсъ, по моему, несравненно выше, но Бодянскому, кажется, онъ не нравится, онъ не любитъ слышать, когда я Прейса хвалю». На польскихъ литераторовъ Срезневскій жаловался, что они любили вдаваться въ разговоры политическіе, что ему, конечно, не

было пріятно. Числа 25 авг. онъ былъ въ Варшавѣ, городъ ему очень понравился. Здѣсь онъ познакомился съ Дубровскимъ, издателемъ «Денницы», посѣтилъ кружокъ польскихъ литераторовъ, занятыхъ изданіемъ журнала «Biblioteka Warszawska», видѣлъ также Бентковскаго и Кухарскаго. Направившись дальше на Ковно — здѣсь покинулъ его Бодянскій — Вильну, Минскъ, Черниговъ, Кіевъ, 21 сентября онъ вернулся домой въ Харьковъ.

Мы остановились нѣсколько подробнѣе на этой поѣздкѣ Срезневскаго въ славянскія земли, чтобы показать его добросовѣстность въ исполненіи начертанной ему программы. Онъ, дѣйствительно, могъ сказать безъ преувеличенія, возвратившись домой, что онъ знаетъ хорошо почти весь славянскій міръ, что онъ набрался впечатлѣній на всю жизнь, и если бы задача каѳедры славянской филологіи ограничивалась свѣдѣніями по географіи и этнографіи славянскихъ странъ, онъ могъ бы съ полной самоувѣренностью утверждать, что достигъ своей цѣли, что онъ исполнилъ возложенную на него задачу въ высшей степени удовлетворительно. Но что это была только одна сторона медали, что можно было взглянуть на задачу славянскихъ каѳедръ еще съ другой точки зрѣнія, это покажетъ намъ поѣздка за границу третьяго изъ первыхъ избранниковъ русскаго славяновѣдѣнія. У Срезневскаго было очень бойкое перо, онъ умѣлъ разсказывать и описывать живо и привлекательно. Онъ любилъ, кромѣ писемъ къ матери, дѣлиться впечатлѣніями также въ письмахъ къ Ганкѣ и Шафарику. Первый сообщалъ изъ нихъ выписки въ чешскомъ «Часописѣ», напр. извѣстія о литературномъ и народномъ движеніи въ Лужицахъ (Č. Č. M. 1840, 403—12), у южныхъ славянъ (Č. Č. M. 1841, 224—234), о резьянахъ въ Č. Č. M. 1841, 341—5), объ Истріи тамъ же 468—473, о Далмаціи и Военной границѣ въ Č. Č. M. 1841, 473 — 5. 1842, 142 — 7, о Славоніи и Сербіи въ Č. Č. M. 1842, 302—4; о Черногоріи въ видѣ статьи въ Č. Č. M. 1842, 289—300. Все это, какъ и сообщенія изъ слѣдующихъ писемъ (изъ Харькова), можно найти теперь, благодаря образцовому трудолюбію Францева, въ «Письмахъ къ Ганкѣ» на стр. 945—1108, гдѣ переписка Срезневскаго съ Ганкой продолжается до половины 1860 года. Кромѣ того, онъ написалъ о чешской литературѣ корреспонденцію въ 1-ю книжку Загребскаго «Кола» (1842). Въ Журналѣ мин. народн. просвѣщенія вышло въ 1840 г.: Далматосербское преданіе о королѣ Радославѣ, одно извѣстіе съ отчетомъ изъ Вѣны (въ 1841 г., ч. 31), тутъ же «о славянскихъ нарѣчіяхъ», второе извѣстіе съ отчетомъ изъ Загреба (въ 1842 г., ч. 33), дальнѣйшіе отчеты изъ Бреславля и Кракова (въ 1843 г., ч. 37). Отчета о путешествіи вмѣстѣ съ Прейсомъ по Истріи и Далмаціи или не было, или же онъ затерялся.

Вскорѣ послѣ возвращенія въ Россію онъ написалъ отзывъ о «Народописѣ» Шафарика (Ж. М. Н. Пр. 1843, ч. 38, вновь перепеч. въ Жив. Стар. I. 4. 174 и слѣд.). Очеркъ лужицко-сербской литературы (ib. 1844, ч. 43) и «Обозрѣніе главныхъ чертъ сродства звуковъ въ нарѣчіяхъ славянскихъ (ib. 1845, ч. 48). Кромѣ того, онъ сообщалъ о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ въ Отечественныхъ Запискахъ, въ Современникѣ, и въ Москвитянинѣ (1843. 1844. 1846). Въ Варшавской «Денницѣ» помѣщались главнымъ образомъ переводы изъ Č. Č. M.

П. И. Прейсъ. Когда предложеніе министра, подыскать пригоднаго молодого человѣка для приготовленія на каѳедру славянской филологіи, было сообщено петербургскому университету, нѣкоторые изъ профессоровъ этого университета, воспитывавшіеся когда-то въ Дерптѣ, вспомнили о своемъ бывшемъ товарищѣ по дерптскому университету, интересовавшемся уже тогда сочиненіями въ области славянской филологіи. Это были молодые профессора Куторга, Порошинъ, Калмыковъ; бывшій же ихъ товарищъ по дерптскому университету занималъ въ то время въ Дерптѣ мѣсто учителя. Это былъ Петръ Ивановичъ Прейсъ. Его отецъ пріѣхалъ въ свое время (въ концѣ XVIII-го столѣтія) въ качествѣ музыканта изъ Чехіи въ Россію. Въ псковской губерніи родился у него сынъ, показавшій уже въ первые годы молодости большія филологическія дарованія. Родители, несмотря на свою бѣдность, дали сыну воспитаніе, открывшее ему доступъ въ университетъ. Три съ половиной года онъ изучалъ въ Петербургскомъ университетѣ классическую филологію, но не упускалъ изъ виду также славянскихъ источниковъ, которые въ изобиліи давала ему Публичная библіотека. Не сдавъ экзаменовъ, онъ, говорятъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, покинулъ университетъ, поѣхалъ въ Дерптъ, гдѣ въ 1828 г. получилъ мѣсто младшаго учителя русскаго языка а въ 1837 г. былъ уже старшимъ учителемъ. Обучая другихъ, онъ не забывалъ о себѣ. Въ дерптскомъ университетѣ тогда шла кипучая научная дѣятельность, въ институтѣ для приготовленія будущихъ университетскихъ профессоровъ принимали участіе многіе Русскіе. Прейсъ не сторонился отъ этого центра, онъ подружился съ многими Русскими въ Дерптѣ, въ числѣ ихъ съ вышеупомянутыми позднѣйшими профессорами. Онъ самъ разсказываетъ, что въ бытность свою въ Дерптѣ, онъ успѣлъ познакомиться съ знаменитой статьей Востокова, съ критическимъ духомъ въ сочиненіяхъ Добровскаго и Копитара, здѣсь онъ изучалъ Гриммову грамматику и Граффовъ Althochdeutscher Sprachschatz, съ однимъ полякомъ упражнялся въ польскомъ языкѣ, онъ читалъ древне-чешскія «Starobylá skládání» Ганки; кромѣ того, заинтересовался эстскимъ, литовскимъ и ла-

тышскимъ языками и т. д. Университетская библіотека имѣла, благодаря стараніямъ знаменитаго Эверса, довольно много славянскихъ изданій; чего же недоставало, можно было выписать изъ Петербурга (см. письмо къ Куторгѣ отъ 22 апр. 1836, Живая Старина).

Вотъ почему бывшіе дерптскіе товарищи и теперешніе петербургскіе профессора вспомнили о Прейсѣ и указали на него, какъ на единственно способнаго и надежнаго человѣка, которому могла бы быть поручена задача, о которой говорилось въ министерской бумагѣ. Самъ Прейсъ представилъ 19 февр. 1838 попечителю петербургскаго учебнаго округа, князю Дундукову-Корсакову, бумагу, въ которой онъ ссылался на славянскія литературы и славянскія древности, какъ на свои любимыя занятія, и просилъ обратить на него вниманіе. Не имѣя еще степени магистра, онъ просилъ отпуска для поѣздки въ Петербургъ, гдѣ онъ хотѣлъ подъ руководствомъ Востокова приготовиться къ экзамену. Какая разница во взглядахъ! Прейсъ не обращаетъ своихъ взоровъ прежде всего на Прагу или Вѣну. Труды Добровскаго и Копитара, а также Шафарика были ему уже извѣстны. Въ изслѣдованіи же Востокова онъ сразу усмотрѣлъ такую глубину познаній въ области церковно-славянскаго языка, какихъ не было ни у кого другого. Къ счастію просьба его была уважена. Въ іюлѣ 1838 г. онъ получилъ отпускъ, былъ причисленъ къ петербургскому университету» съ обязательствомъ въ теченіе года сдать магистерскій экзаменъ. Какъ онъ въ Петербургѣ готовился къ экзамену, объ этомъ разсказываетъ одна записка его отъ 1839 года, напечатанная Ламанскимъ въ Жив. Старинѣ I. 2. 117—123. О чемъ ни Бодянскій, ни Срезневскій и не думали — вѣдь они были этнографы-романтики — высказывалось опредѣленно въ запискѣ Прейса: церковно-славянскій языкъ и отношенія къ нему живыхъ славянскихъ нарѣчій—вотъ что должно было составлять его ближайшую задачу. При этомъ вѣрно замѣчено, что фонетическая сторона въ грамматикѣ Добровскаго самая слабая, и что открытіе правильнаго употребленія гласныхъ ъ и ь и носового значенія гласныхъ ѧ и ѫ дало новое направленіе научнымъ изслѣдованіямъ. Онъ припомнилъ хорошее изреченіе Якова Гримма: «Die consonanz gestaltet, der vocal bestimmt und beleuchtet das wort». Какъ на свои упражненія онъ указывалъ на чтеніе, съ греческимъ подлинникомъ подъ рукой, хроникъ Манассіи и Георгія Гамартола. Изъ прочихъ славянскихъ памятниковъ онъ читалъ древне-польскую псалтырь и тексты напечатанные у Мацѣёвскаго. Наконецъ, онъ не скрывалъ своего интереса къ сравнительному языкознанію (ссылки на Боппа, Бенары, Куна).

Сообразно съ этими вполнѣ разумными занятіями въ Петербургѣ

отлично составлена также программа для его путешествія заграницу (кажется, не безъ участія въ этомъ дѣлѣ Востокова). На первомъ планѣ требуется изученіе языковъ и литературъ: исторія, древности, разысканія по архивамъ должны передъ этой главной задачею отступить на второй планъ, чтобы не мѣшать ей. Странствованія по мѣстностямъ, гдѣ когда-то, можетъ быть, и были славяне, но теперь ихъ уже нѣтъ, не представляли насущной потребности. Впрочемъ, объ этомъ надо переговорить съ Копитаромъ и Палацкимъ. Зато молодому путешественнику рекомендовалась сравнительная грамматика и въ особенности литовскій языкъ, съ ссылкою на одно изреченіе Шафарика (Č. Č. M. 1838, 255). Кандидату внушалось побывать съ этой цѣлью въ Кенигсбергѣ. Даже указывалось по дорогѣ на кашубовъ недалеко отъ Данцига, хотя бы для провѣрки высказаннаго Мронговіусомъ положенія, что кашубы ближе подходятъ къ Русскимъ, чѣмъ къ полякамъ. Въ Берлинѣ кандидатъ не долженъ былъ пропустить лекцій Боппа. Изъ Берлина путь велъ дальше черезъ Познань, Силезію, Саксонію, Лужицы, Моравію и Богемію. Отдѣльныя лица здѣсь не поименованы, за исключеніемъ Копитара въ Вѣнѣ. Въ дальнѣйшемъ планъ совпадалъ съ инструкціей, данной Срезневскому, только нарочно прибавлено, что для путешествія въ области иллирскаго языка, по Галиціи и королевству понадобится самое меньшее — цѣлый годъ. Это была втихомолку поправка программы Строгановской.

Въ концѣ 1839-го года Прейсъ покинулъ Петербургъ (значитъ, приблизительно въ то же время, какъ и Срезневскій). Черезъ Дерптъ, Ригу и Тильзитъ онъ прибылъ въ Кенигсбергъ и въ письмѣ (19 дек. 1839) своему другу Куторгѣ онъ сообщалъ уже о знакомствѣ съ классич. филологомъ Лобекомъ, съ литовцемъ Резой (Rhesa), самъ же занимался литовскимъ языкомъ при помощи одного молодого литовца (это былъ извѣстный потомъ грамматикъ и лексикографъ Куршатъ). Онъ предсказывалъ литовскому языку скорую гибель, такъ какъ его не допускали для школьнаго обученія. Предсказаніе его къ счастью до сихъ поръ не оправдалось. Въ апрѣлѣ 1840 года онъ прибылъ въ Берлинъ (по дорогѣ онъ видѣлся съ Мронговіусомъ въ Данцигѣ), навѣстилъ Боппа, пускался съ нимъ въ обсужденіе различныхъ вопросовъ сравнительной грамматики, познакомился также съ госпожей Робинсонъ, читалъ съ нею русскія народныя пѣсни, которыя она переводила на нѣмецкій языкъ. Ея самолюбію льстило, когда онъ сказалъ, что онъ при помощи нѣмецкаго ея перевода сербскихъ пѣсенъ учился по-сербски. Изъ Берлина онъ отправился въ Галле, гдѣ завелъ знакомство съ Поттомъ, слушалъ лекціи знаменитаго Гезеніуса и хвалилъ Рёпелля, какъ одного изъ

рѣдкихъ нѣмцевъ, занимавшихся славянскими языками (т. е. польскимъ). Онъ встрѣтилъ здѣсь случайно двухъ словаковъ, услышалъ отъ нихъ впервые словацкіе звуки и отмѣчалъ различія ихъ отъ чешскаго языка. Онъ прибавилъ къ этому замѣчаніе: «не первый разъ я душевно благодаренъ Гримму за методъ сравнительнаго изученія языковъ, который даетъ мнѣ нитку, чтобы не растеряться въ лабиринтѣ нарѣчій и говоровъ». Въ Лейпцигѣ онъ нашелъ нѣсколько лужичанъ.

Лѣтомъ 1840 года Прейсъ былъ въ Прагѣ. И онъ, конечно, направилъ первые шаги къ Шафарику, который ему очень понравился, тогда какъ о кавалерѣ ордена св. Владиміра (Ганкѣ) онъ отзывался лишь иронически. О Шафарикѣ онъ говорилъ: «это въ высшей степени скромный человѣкъ, сердечный, задушевный, ничуть не фанатикъ, какъ его представляютъ себѣ у насъ многіе (Сенковскій?)». Изъ этихъ словъ легко сдѣлать заключеніе, что уже тогда многіе изъ Русскихъ мѣрили однимъ аршиномъ всѣхъ западнославянскихъ ученыхъ, не разбирая громадной разницы въ научныхъ и нравственныхъ достоинствахъ отдѣльныхъ лицъ. Прейсъ видѣлся съ Шафарикомъ каждый день, они входили въ обсужденіе отдѣльныхъ вопросовъ славянскихъ древностей и, по словамъ Прейса, Шафарикъ могъ убѣдиться, что трудъ его былъ основательнѣе изучаемъ Прейсомъ, чѣмъ многими изъ его записныхъ панегиристовъ. Кромѣ Шафарика, онъ велъ знакомство также съ Палацкимъ, обворожившимъ его своими глубокими историческими познаніями. Также Челаковскій понравился ему, его веселую природу онъ противополагалъ серьезности Шафарика. Въ Прагѣ Прейсъ учился не только чешскому языку, но также по-болгарски, надѣясь, что быть можетъ ему удастся проникнуть въ Болгарію. Онъ остался въ Прагѣ до весны слѣд. года (до марта мѣсяца), главнымъ образомъ привлекаемый поучительными бесѣдами съ Шафарикомъ. «Wir etymologisieren und philologisieren mit Preis jeden Abend regelmässig», говорилъ Шафарикъ. Нравственная величина Шафарика внушала Прейсу уваженіе нисколько не менѣе его учености. Онъ находилъ, что только Юнгманнъ и Пресль могли бы въ этомъ отношеніи сравняться съ нимъ. Этотъ отзывъ трезваго Прейса имѣетъ въ глазахъ нашихъ тѣмъ большее значеніе, что онъ не привыкъ впадать въ хвалебный тонъ. Онъ, напримѣръ, судилъ о значеніи тогдашней чешской литературы въ сравненіи съ польской или русской очень трезво. Онъ не ожидалъ той пользы отъ задуманнаго этимологическаго словаря Челаковскаго, какъ сами чехи. Пока онъ еще былъ въ Прагѣ, вышла извѣстная книга Копитара: «Hesychii glossographi discipulus» (январь 1841 г.). Прейсъ, не знавшій еще лично Копитара, отзывался объ этой полной желчи книжкѣ очень неодобрительно.

Онъ сказалъ, что онъ отнынѣ можетъ уважать въ немъ только ученаго. Какъ человѣкъ Копитаръ въ глазахъ его потерялъ всякое значеніе. Достаточно, говоритъ онъ, прочесть эту книгу, чтобы убѣдиться, куда увлекло автора самолюбіе и эгоизмъ. Разнымъ нелѣпымъ слухамъ, которые носились по этому поводу о Копитарѣ въ Прагѣ, онъ однакожъ не хотѣлъ вѣрить.

Стоитъ припомнить, что серьезному Прейсу австрійскіе порядки вообще мало нравились, онъ предпочиталъ Сѣверную Германію, жалѣлъ, что нѣтъ его теперь въ Берлинѣ, когда Гриммъ переселился туда; онъ вспоминалъ о желаніи прусскаго правительства учредить каѳедры славянской филологіи въ нѣкоторыхъ прусскихъ университетахъ, и приписывалъ это рѣшеніе идеямъ Риттера, Боппа и Ранке. Прейсъ, оставшись послѣ отъѣзда Срезневскаго одинъ въ Прагѣ, усердно дѣлалъ для себя въ музеѣ и въ библіотекѣ различныя выписки и замѣтки грамматическаго, лексическаго, миѳологическаго и историко-юридическаго содержанія. Онъ ихъ показывалъ Шафарику, который былъ очень доволенъ въ особенности древне-славянскимъ и древнерусскимъ словарнымъ матеріаломъ, изъ котораго и самъ не мало почерпнулъ. Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, куда все это дѣлось! Шафарикъ говорилъ, что Россія пріобрѣтетъ въ Прейсѣ второго Востокова.

Пока еще Срезневскій былъ въ Вѣнѣ, а Прейсъ въ Прагѣ, они переписывались и сговорились къ 1 маю сойтись въ Тріестѣ для дальнѣйшей поѣздки на югъ. Они разсчитывали на спутничество Вука. Перйсъ былъ въ восторгѣ при одной мысли, что Вукъ съ ними поѣдетъ: «Вукъ — огријано сунце, сербскія пѣсни — Иліада нашего времени, сербскій языкъ — прелесть прелестей» (Ж. Ст. I. 3. 21). Шафарикъ жалѣлъ, что не могъ къ нимъ присоединиться. Но, какъ мы уже слышали, желанія молодыхъ русскихъ славистовъ не исполнились относительно Вука. Прейсъ пріѣхалъ въ Вѣну изъ Праги въ теченіе марта мѣсяца. Срезневскаго онъ уже не засталъ, но оставались Вукъ, Копитаръ, Княжевичъ и Надеждинъ. Съ ними онъ часто встрѣчался для дружескихъ бесѣдъ. Но филологъ и тутъ не измѣнилъ себѣ, его привлекала придворная библіотека, гдѣ онъ читалъ Георгія амартола, беря въ руки также греческій, тогда еще только рукописный текстъ. Съ Вукомъ онъ упражнялся въ сербскомъ языкѣ. Кромѣ другихъ, теперь находились въ Вѣнѣ также Палацкій и Курелацъ. Много говорилось о поѣздкѣ на югъ, пять человѣкъ собиралось принять въ ней участіе: Срезневскій, Прейсъ, Вукъ, Надеждинъ и Княжевичъ. Но Вукъ примкнулъ къ плану Княжевича и Надеждина, у которыхъ не было такихъ научныхъ цѣлей (изученіе говоровъ), какъ у Прейса и Срезневскаго, по этому они втроемъ порѣшили, такъ сказать, по сокращенной программѣ побывать въ Далмаціи.

Вѣной Прейсъ остался не очень доволенъ. Не будь Вука и Надеждина, онъ бы не выдержалъ. Копитаръ былъ въ то время серьезно боленъ. Къ концу апрѣля Прейсъ уѣхалъ изъ Вѣны и, не останавливаясь много по дорогѣ, къ 5-му мая былъ уже въ Тріестѣ. Тутъ же очутился и Вукъ. Вскорѣ пріѣхалъ также Срезневскій. Надеждинъ и Княжевичъ между тѣмъ уѣхали было въ Италію. Дожидаясь ихъ возвращенія, Срезневскій и Прейсъ предприняли тоже маленькую экскурсію въ Венецію. Но пока они были въ Венеціи, тѣ возвратились изъ Италіи и, не обождавъ Срезневскаго и Прейса, уѣхали съ Вукомъ въ Далмацію!

О совмѣстномъ путешествіи нашихъ славистовъ по Истріи и Далмаціи была уже рѣчь выше (стр. 325—326). Когда Срезневскій уѣхалъ изъ Загреба, оставивъ тамъ хворавшаго и дожидавшагося денегъ Прейса, тотъ воспользовался своимъ дальнѣйшимъ пребываніемъ въ Загребѣ для составленія отчета въ министерство и для научныхъ занятій; между прочимъ, онъ сообщилъ своему другу, что снялъ копіи съ текстовъ винодольскаго и терсатскаго статута. И о внутреннихъ дѣлахъ Хорватіи идетъ рѣчь въ письмахъ его изъ Загреба. Изъ нихъ мы узнаемъ нѣкоторыя любопытныя подробности относительно литературнаго движенія тогдашняго иллиризма. Между Гаемъ и Вразомъ происходило соревнованіе по поводу задуманнаго изданія «Кола» (первоначально «Прегледа»). Гай хотѣлъ помѣшать предпріятію, усматривая въ немъ, должно быть, конкуренцію своей «Даницѣ». Прейсу, кажется, удалось успокоить Гая, и «Коло» стало выходить. Въ сравненіи съ «Даницей» это былъ, дѣйствительно, большой шагъ впередъ. Въ это же время стали въ Загребѣ поговаривать объ изданіи «иллирскихъ классиковъ», т.-е. поэтовъ далматинско-дубровницкаго періода сербско-хорватской литературы. Прейсъ интересовался этимъ литературнымъ предпріятіемъ и прочилъ своего любимца Враза въ редакторы: «я имѣю довольно твердую надежду на то, что Вразъ примется за изданіе Дубровчанъ». Онъ кстати прибавилъ: «что мы будемъ дѣлать на каѳедрѣ безъ пособій, безъ матеріаловъ»! Своимъ пребываніемъ въ Загребѣ, которое затянулось до поздней осени, Прейсъ былъ такъ доволенъ, что въ одномъ письмѣ своему другу Куторгѣ взялся защищать хорватовъ противъ общераспространеннаго по Европѣ, и тогда и много позже, предразсудка о ихъ дикости и варварствѣ. Онъ измѣнилъ даже планъ своего дальнѣйшаго путешествія. Относительно Сербіи ему казалось, что уже много сдѣлано Вукомъ, языкъ же и онъ изучалъ еще по дорогѣ вдоль Далмаціи до Цетинья и обратно. Относительно же Болгаріи онъ представлялъ себѣ дѣло легче, чѣмъ оно было на дѣлѣ. По разсказамъ болгарскихъ купцовъ въ Вѣнѣ предполага-

лось, что изъ Видина легко въ десять дней попасть на Аѳонъ. Но эта поѣздка не состоялась, не было Срезневскаго, на котораго онъ разсчитывалъ: находясь вмѣстѣ мы составляемъ одно цѣлое, признавался Прейсъ. Черезъ Венгрію онъ поѣхалъ въ Варшаву и оттуда въ Петербургъ.

Срезневскій дѣлаетъ въ своемъ отзывѣ (На память, 1878 стр. 9) намеки на тяжелое душевное состояніе Прейса, начавшееся будто бы еще въ Загребѣ: «Болѣзнь Прейса, не покидавшая его со времени нашей разлуки въ Загребѣ, если развилась и не исключительно подъ вліяніемъ душевныхъ заботъ, то все-таки отъ нихъ сильно зависѣла. Прейсъ сталъ задумываться все чаще, чѣмъ болѣе приближалось время его возвращенія домой, какая судьба ожидала его безъ состоянія, безъ умѣнія считать копейки и безъ той первой ученой степени, которая необходима для достиженія другихъ высшихъ и для полученія которой испытаніе становилось ему тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе онъ обособлялъ свои научныя работы». Срезневскій говоритъ, что Прейсъ былъ въ Сербіи (?) и потомъ черезъ Новый Садъ и Пештъ пріѣхалъ въ Щавницу, гдѣ онъ видѣлъ его больнымъ, — но дальнѣйшихъ подробностей обо всемъ этомъ мы не имѣемъ.

Возникаетъ вопросъ, какъ намъ судить объ этихъ большихъ, рискованныхъ, съ трудомъ преодолѣваемыхъ странствованіяхъ первыхъ трехъ русскихъ славистовъ по славянскому міру? Кажется, лучше всего опредѣлятъ ихъ значеніе достигнутые ими результаты. А они были у всѣхъ трехъ славистовъ, именно въ томъ направленіи, которое руководило ихъ путешествіями, очень ничтожны. Они всѣ три, въ особенности Срезневскій, могли, какъ отважные путешественники, назвать совершенное ими путешествіе выдающимся подвигомъ. Они видѣли многія страны, сдѣлали мимоходомъ много личныхъ знакомствъ, пріобрѣли также нѣкоторое общее понятіе о славянскихъ нарѣчіяхъ, доходя даже до различій въ говорахъ, но ни одинъ изъ нихъ не выучился, и конечно, негдѣ имъ было выучиться, какъ взяться за дѣло преподаванія этого обширнаго предмета, этого множества славянскихъ языковъ, нарѣчій, литературъ, съ прибавкой еще этнографіи и древностей, когда придется имъ сѣсть на каѳедру въ качествѣ университетскихъ профессоровъ? что имъ изъ всего услышаннаго и видѣннаго сообщать своимъ будущимъ слушателямъ, въ какомъ порядкѣ, по какой системѣ? Безъ преувеличенія можно утверждать, что тѣ указанія, которыя Прейсъ получилъ въ началѣ отъ Востокова и потомъ изъ дружескихъ бесѣдъ отъ Шафарика, имѣли гораздо больше значенія для будущей преподавательской дѣятельности, чѣмъ всѣ дорожныя впечатлѣнія. Пребывая по нѣскольку недѣль, самое большее по нѣскольку мѣсяцевъ то въ той, то въ другой средѣ славян-

ства, развѣ они могли настолько освоиться съ разными славянскими нарѣчіями, чтобы вникнуть въ организмъ и историческую эволюцію каждаго отдѣльнаго изъ нихъ? гдѣ же у нихъ былъ научный методъ для созданія изъ собранныхъ данныхъ стройнаго цѣлаго?

Въ самомъ дѣлѣ, какая польза для науки вышла, напр., изъ пресловутаго знакомства съ семью славянскими нарѣчіями, которымъ когда-то хвастался Бодянскій? или же какъ обогатилъ Срезневскій чешскую или сербскую грамматику своими упражненіями въ Прагѣ, странствованіями по Чехіи и Моравіи, или своими разговорами съ Вукомъ въ Вѣнѣ и своимъ тяжелымъ путешествіемъ по Истріи и Далмаціи? Они, положимъ, знакомились съ народомъ и собирали даже фольклористическій матеріалъ, но какъ ничтожно все это въ сравненіи съ тѣмъ, что могли на досугѣ сдѣлать мѣстные собиратели? Нельзя, конечно, сказать, чтобъ эти путешествія были лишни, но можно жалѣть добросовѣстныхъ исполнителей, (такимъ же былъ преимущественно Срезневскій), что они сдѣлались жертвой односторонняго романтическаго пониманія ихъ задачъ тѣми, кто составлялъ программы. Недоставало положительно самаго главнаго: способности привести въ систему и порядокъ накопившійся матеріалъ, углубиться въ природу предмета, чтобы извлечь изъ него живительные соки. Это же пріобрѣтается занятіемъ филологическимъ, развиваемымъ подъ руководствомъ хорошихъ наставниковъ. Объ этомъ составители программъ забыли или совсѣмъ (какъ у Бодянскаго и Срезневскаго), или наполовину (какъ у Прейса). Можно возразить, что тогда еще не было славянской филологіи въ университетахъ. Да, это такъ. Но процвѣтала вѣдь въ Германіи классическая филологія, зарождалась тамъ же и сравнительная грамматика (Боппъ) и историческая грамматика (Гриммъ). Съ методомъ, средствами и цѣлью этихъ ближайшихъ родственницъ славянской науки слѣдовало молодымъ славистамъ непремѣнно познакомиться. Въ программѣ Прейса на это отчасти и указывалось. Непроизводительность же большей части требованій, содержимыхъ въ этихъ программахъ, доказана фактами изъ послѣдовавшей потомъ университетской дѣятельности Бодянскаго и Срезневскаго. Все то, что ими сдѣлано потомъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, вполнѣ мыслимо и исполнимо безъ разъѣздовъ по Чехіи, Моравіи, Венгріи и т. д. Это почувствовалъ умный Срезневскій вскорѣ и самъ. Въ письмѣ отъ 1 ноября 1840 г. онъ писалъ Ганкѣ изъ Дрездена: «Путешественникъ, ограниченный подобно мнѣ временемъ, не можетъ изучить народъ: хорошо, если онъ успѣетъ только познакомиться съ нимъ; тутъ нужны мѣстные наблюдатели, которые могли бы посвящать на познаніе народа не недѣли, а годы». Вотъ настоящая причина, почему ни тотъ ни другой путешественникъ-этно-

графъ не сдѣлалъ ничего выдающагося именно въ этой области. Они, какъ профессора славянскихъ нарѣчій, спасались въ сосѣднюю область, не чисто филологическую, изученіе послѣдней, къ сожалѣнію, имъ не было съ достаточной энергіею предписано, а историко-литературную, въ область древней письменности, которая представляетъ только часть, важную, но не самую существенную славянской филологіи. Что же касается личныхъ знакомствъ, не слѣдуетъ преувеличивать ихъ значенія. Вотъ, напримѣръ, Срезневскій познакомился съ Шафарикомъ, а все-таки чувствовалъ въ теченіе всей своей жизни больше симпатіи къ Ганкѣ, чѣмъ къ Шафарику. Бодянскій состоялъ, правда, съ Шафарикомъ въ перепискѣ, но ихъ отношенія не были особенно искренни.

В. И. Григоровичъ. Дерптъ (Юрьевъ) далъ еще одного слависта Россіи. Это былъ Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. Его приглашеніе въ Казань состоялось по такой же случайной причинѣ, какъ приглашеніе Прейса въ Петербургъ. Григоровичъ былъ уроженецъ юга. Онъ родился въ Подольской губерніи, въ городѣ Балтѣ 30 авг. 1815 г. (или же, какъ Кочубинскій утверждаетъ, въ Херсонской губерніи, въ деревнѣ, въ имѣніи своей матери). Отецъ былъ малороссъ (по Кочубинскому, занималъ должность исправника), мать полька. Ребенкомъ еще онъ говорилъ по-польски, его воспитаніе въ Умани происходило по-польски и въ католическомъ духѣ; заведеніе находилось въ рукахъ уніатовъ-базиліанъ. Въ университетъ онъ попалъ въ 1830 году въ Харьковъ. Окончивъ здѣсь курсъ дѣйствительнымъ студентомъ (1833), онъ переѣхалъ въ Дерптъ, гдѣ наука въ то время стояла несравненно выше, въ особенности классическая филологія, которую онъ здѣсь усердно изучалъ; кажется, его интересовала также Гегелевская философія. Трудно провѣрить разсказъ Кочубинскаго, что Григоровичъ видѣлъ Прейса въ Дерптѣ, видѣлъ даже въ рукахъ его Glagolita Clozianus, но что Прейсъ не позволилъ ему заглянуть въ эту книгу. Въ то время находился въ Дерптѣ въ качествѣ кандидата казанскаго университета для профессуры по политической экономіи нѣкто Горловъ, который, должно быть, зналъ Григоровича и видѣлъ его научное усердіе. Черезъ него, вѣроятно, было обращено вниманіе казанскаго университета, когда тотъ долженъ былъ также представить одного кандидата для будущей каѳедры славистики изъ своей среды, на молодого Григоровича, занимавшагося уже четыре года науками въ Дерптѣ. Онъ получилъ приглашеніе (въ 1838 г.) пріѣхать въ Казань и, если оправдаетъ ожиданія, ему обѣщана была командировка за границу.

Въ 1839 г. 27 апрѣля Викторъ Ив. Григоровичъ прибылъ въ Казань, получилъ порученіе читать лекціи по греческому языку, сдалъ черезъ нѣ-

сколько мѣсяцевъ магистерскій экзаменъ и занимаясь усердно славянскою филологіею по доступнымъ въ то время сочиненіямъ, преимущественно Добровскаго и Копитара, написалъ сочиненіе (1840): «Изслѣдованія о церковно-славянскомъ нарѣчіи, основанныя на изученіи его въ древнѣйшихъ памятникахъ, на историческихъ свидѣтельствахъ и отношеніи его къ новѣйшимъ нарѣчіямъ». Этого сочиненія, въ родѣ кандидатскаго, мы не знаемъ, разысканія М. П. Петровскаго не увѣнчались успѣхомъ (сл. Славянское обозрѣніе 1892, іюль — сентябрь), но суть его намъ извѣстна по отзыву рецензента (Иванова). Григоровичъ, изучивъ мнѣнія ученыхъ по данному вопросу (Добровскаго, Копитара, Шафарика, Калайдовича, Востокова), пришелъ къ такому заключенію: «Я склоняюсь къ догадкѣ Копитара въ отношеніи вопроса, къ какому племени должно отнести языкъ, нынѣ называемый церковно-славянскимъ». Другое сочиненіе его, изданное въ 1841 году въ Казанскихъ ученыхъ запискахъ (кн. I стр. 93—153), озаглавлено такъ: «Краткое обозрѣніе славянскихъ литературъ»[1]). Это было только приготовленіемъ къ магистерской диссертаціи, послѣ сданнаго устнаго экзамена въ 1841 году, который касался преимущественно народной поэзіи. Самая

1) Такъ какъ это сочиненіе мало извѣстно, укажемъ на нѣкоторыя въ немъ высказанныя мысли В. И. Григоровича съ краткимъ содержаніемъ. Сначала выставляется дуализмъ религіозный: «Славяне на югъ отъ Дуная и на востокъ отъ Карпатскихъ горъ, принявъ вмѣстѣ съ восточнымъ исповѣданіемъ переводъ библіи на языкѣ Виндо-словеновъ, дали ему, съ урономъ собственныхъ нарѣчій, литературное значеніе» (Григор. признавалъ, что это было мнѣніе Копитара, имъ усвоенное). Далѣе идетъ обозрѣніе литературы на церковно-славянскомъ языкѣ у болгаръ, сербовъ и русскихъ, съ раздѣленіемъ на 3 разряда по содержанію: по богословію, лѣтописанію и законодательству. Тутъ сказано относительно языка: «Если по словамъ А. Х. Востокова въ языкѣ нашихъ церковныхъ книгъ мы должны принять три періода его перехода, опредѣляемые XIII, XV и XVII столѣт., то относительно содержанія мы легко въ немъ можемъ усмотрѣть измѣненія соотвѣтственно тому, были ли эти памятники богословскіе, или лѣтописные, или законодательные» (стр. 95). Далѣе (96—7) о значеніи «Аѳонской горы» въ просвѣщеніи восточныхъ славянъ. Обзоръ богословской литературы (97—103), исторической литературы (103—5): Доментіанъ, Григорій Самблакъ. Несторъ, Даніилъ, переводы Амартола, Манассіи, Зонары — до XVII в.; Георгіи Бранковичъ, Иннокентій Гизель, Андрей Курбскій, Авраамій Палицынъ (105); обозрѣніе законодательной литературы (106—8). Общее заключеніе — однообразіе литературы трехъ слов. племенъ — сербовъ, болгаръ, Русскихъ (108—110), вслѣдствіе чего «для уразумѣнія всякой порознь необходимо представить все въ совокупности». Вліяніе германскихъ народовъ на запад. славянъ (111—112). Указаніе на борьбу славянъ съ нѣмцами въ поэтич. памятникѣ, теперь признаваемомъ подложнымъ (Крал. рук.) и на борьбу слав. монаховъ съ нѣмецкими въ легендѣ св. Прокопа (113). О рыцарской поэзіи чеховъ (Александрида) 114—5. Развитіе націон. литературы истор. и религіоз. характера у чеховъ (115—6): Далимилъ, Миличъ, Смиль Фляшка. Значеніе Гуса: «появленіе Гусса и его ученіе совершилось не отъ случ. внѣшнихъ причинъ, не отъ ученія Виклефа исключительно, но имѣло свои внутреннія причины. Духъ сатиры XIV стол., коего цѣлью былъ папистъ, оригин. сочиненія о злоупотребленіяхъ его доказываютъ, что чехи не случайнымъ образомъ, а продолж. борьбою дошли до реформы»

диссертація вышла въ 1842 году въ Казанскихъ ученыхъ запискахъ: «Опытъ изложенія литературы словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ. Часть I. 1 и 2 эпохи» (Казань 1843, 8⁰ 110). Все это написано молодымъ человѣкомъ раньше какой-либо поѣздки заграничной, она ожидала его впереди. Надо признаться, что ни одинъ изъ предшествовавшихъ ему кандидатовъ не далъ съ самаго начала столь хорошихъ доказательствъ способности къ ученой дѣятельности, ни одинъ изъ нихъ не былъ филологически столь хорошо приготовленъ, не только по латинскому и греческому языку, но также и по исторіи славянскихъ литературъ. Въ магистерской диссертаціи его слышатся отзвуки Гегелевской философіи вм. Шеллинговскаго романтизма, овладѣвшаго Колларомъ и Шафарикомъ (сл. характеристику славянъ, опредѣленіе литературы, стр. 6—12). Много удачно выраженныхъ соображеній можно найти въ введеніи къ этой диссертаціи (до стр. 27), которая вообще заслуживала бы большаго вниманія, чѣмъ выпало на ея долю. Въ особенности на западѣ у славянъ австрійскихъ она была мало извѣстна. Григоровичъ раздѣлилъ совокупность славянскихъ литературъ на слѣдующія группы: 1-ая эпоха обнимаетъ IX-ое и X-ое столѣтіе, т. е. до совершившагося раздѣленія церквей; 2-ая отъ XI-го до начала XV-го столѣтія, т.-е. до появленія Гуса у западныхъ славянъ; 3-ья отъ начала XV-го столѣтія до 1620 и 1634 г., т. е. до порабощенія Чехіи іезуитами и основанія кіевской академіи съ во-

117—8). Табориты, Хельчицкій и другіе (119—20). Классицизмъ у чеховъ, поляковъ (123—4), далматинцевъ (124). Указаніе съ ссылкою на Юнгманна и Бентковскаго, что чехи и поляки въ XVI стол. стали выше многихъ европейскихъ по образованію и полит. значенію и что, «если французы называютъ вѣкъ Людовиковъ XIV и XV золотымъ для своей литературы, то поляки и чехи могутъ почесть XVI вѣкъ золотымъ для своего просвѣщенія» (125). Протестантизмъ въ Польшѣ (126). Польская литература XVI стол. Рей, Я. Кохановскій, Гроховскій, Кленовичъ, Горницкій, Шимоновичъ, и др. (132—3). Далматинская литература: Држичъ, Гекторовичъ, Ранина, Чубрановичъ (135), Гундуличъ, Пальмотичъ (136). Протестантизмъ и развитіе литературы на народн. языкѣ у кроатовъ и виндо-словеновъ (137). Господство іезуитовъ и паденіе литературы чешской (139—41), польской (142). Напыщенный тонъ, гоненія на еретическія книги (143). Вліяніе іезуитскаго образованія черезъ поляковъ на сосѣдніе народы (147—8). На стр. 149—151 мѣткое сопоставленіе одинаковыхъ стремленій въ XVIII столѣтіи создать самостоятельную литературу трехъ разныхъ слав. народовъ: «чудное сочувствіе! одна и таже мысль, мысль возрожденія, одно желаніе воскресить поглощенную народность проникаетъ всѣ племена славянъ — Русскихъ, поляковъ, чеховъ, сербовъ, виндо-словеновъ... у всѣхъ появляются геніи страдальцы, неутомимые въ борьбѣ, побѣдоносцы, Ломоносовъ, Конарскій, Кинскій, Обрадовичъ, Япель! (151). Указывая на то, что слѣдующій періодъ богатъ писателями во всѣхъ родахъ, что это разнообразіе и богатство требуетъ для своего уразумѣнія не такъ скудныхъ матеріаловъ, какіе имѣетъ авторъ для новѣйшей литературы, онъ говоритъ, что принужденъ остановиться на «эпохѣ самой замѣчательной въ исторіи славянской, эпохѣ возрожденія» (152) и обращаетъ вниманіе на важность сравнительнаго изученія славянскихъ литературъ. (Этимъ обозрѣніемъ содержанія я обязанъ профессору Б. М. Ляпунову).

двореніемъ въ ней схоластицизма; 4-я отъ 1634 г. до половины XVIII-го столѣтія, т.-е. до появленія Ломоносова, Конарскаго, Яnеля, Крамеріуса, Обрадовича; 5-ая отъ появленія великихъ двигателей славянскаго слова до появленія романтизма; 6-ая новое время. Между пособіями Григоровичъ приводитъ Добровскаго «Славина» (а Слованку?) и его Исторію чешской литературы, Шафарика Древности, Serb. Lesekörner и обозрѣніе памятниковъ древне-сербскихъ въ вѣнскихъ Jahrbücher томъ 53. «Geschichte der slaw. Literaturen» Шафарика онъ, повидимому, не зналъ. Кочубинскій напротивъ думаетъ, что онъ уже въ Дерптѣ изучилъ эту сухую книгу Шафарика и философской мыслью уразумѣлъ ея глубоко сокровенный духъ. Дальше авторъ ссылается на два сочиненія Мацѣёвскаго, на Голембёвскаго и Вишневскаго, на Копитаровъ Glagolita Clozianus, на Колларовъ Vy̋klad, изъ Русскихъ — на Строева, Калайдовича и Максимовича. У южныхъ славянъ ему остался незнакомымъ, кажется, даже трудъ Аппендини, не говоря уже о другихъ пособіяхъ. Разработаны только двѣ первыя эпохи, конечно по чужимъ источникамъ. Прейсъ, говорятъ, много возражалъ противъ этой диссертаціи, упрекая автора въ философскихъ предубѣжденіяхъ, которымъ онъ не сочувствовалъ. Кочубинскій утверждаетъ, что только Востоковъ спасъ Григоровича отъ крушенія.

На основаніи одобренной диссертаціи и программы онъ началъ въ 1842 г. уже читать лекціи, значитъ, приблизительно въ то время, когда возвратившись изъ своихъ командировокъ, начали свою университетскую карьеру Бодянскій, Срезневскій и Прейсъ. Сколько времени продолжались его лекціи на этотъ разъ, не могу сказать. Зимой или ранней весной 1843 г., говорятъ, онъ пріѣзжалъ въ Москву, чтобы посовѣтоваться съ Бодянскимъ относительно своей поѣздки за границу. Въ то же время онъ представилъ на одобреніе программу своего путешествія, въ которой преимущественное значеніе придавалось славянскимъ литературамъ, такъ какъ теорія славянскихъ языковъ, по его мнѣнію, была уже достаточно (!) разработана. Онъ намѣревался сосредочить свое вниманіе преимущественно на южныхъ славянахъ, въ особенности болгарахъ и ихъ памятникахъ древней письменности. Что при этомъ немалую роль играла византологія, это само собой понятно. Григоровичъ былъ для этого очень хорошо подготовленъ. Какъ особые пункты, на которыхъ онъ хотѣлъ остановиться, онъ перечислялъ: Прагу, Загребъ, Дубровникъ, Львовъ, Лейпцигъ и Познань. Съ Одессы онъ желалъ начать свою поѣздку. Тутъ онъ хотѣлъ упражняться еще въ итальянскомъ и новогреческомъ языкахъ и наводить дальнѣйшія справки о южныхъ славянахъ. Черезъ Бессарабію и Молдавію онъ собирался проѣхать,

чтобы прослѣдить границы бывшаго славянскаго населенія, дальше черезъ Венгрію и Славонію отправиться въ Загребъ. Иллирское движеніе привлекало уже его вниманіе. Потомъ черезъ сѣверную Хорватію и западную Венгрію онъ хотѣлъ подвинуться на сѣверъ въ Пештъ, Пресбургъ, Моравію и дальше въ Прагу, гдѣ и онъ разсчитывалъ на совѣты и указанія Шафарика; оттуда повернуть на Вѣну и черезъ Штирію на югъ, въ Тріестъ и Венецію. Изъ Венеціи онъ желалъ перебраться на Кварнерскіе острова, гдѣ онъ думалъ — по указаніямъ Срезневскаго! — найти слѣды аваровъ!! Дальше на югъ дорога должна была итти въ Далмацію и Дубровникъ (южнославянскій Новгородъ, по его не неудачному сравненію) и оттуда по пути, указанному знаменитымъ Ами Буэ, черезъ Албанію, Старую Сербію (Скадаръ, Дечаны, Призренъ), Македонію и Салоники на Аѳонъ. Съ Аѳона черезъ Болгарію, Венгрію, Буковину, Галицію, Оломуцъ и Моравію опять въ Прагу и оттуда черезъ Дрезденъ, Лейпцигъ, Бреславль въ Познань (Р. Ф. В. 1883, вып. 3).

Планъ этотъ, составленный по образцу предшествовавшихъ, раздѣляетъ общую ошибку ихъ всѣхъ, превращая кандидата славянской филологіи въ туриста; но въ частностяхъ нельзя не признать въ немъ нѣкотораго прогресса: во первыхъ, въ немъ видно разумное ограниченіе странствованія по славянскимъ землямъ, хотя все еще слишкомъ обширнаго; во вторыхъ онъ разработанъ съ толкомъ, съ хорошимъ пониманіемъ тогдашняго положенія дѣлъ, съ умѣніемъ отличить важное отъ неважнаго и несущественнаго. Едва ли сумѣлъ бы и нынѣ кандидатъ славянской филологіи, отправляющійся за границу къ «братьямъ славянамъ», лучше нарисовать и охарактеризовать предстоящую ему задачу. Все это была заслуга самого Григоровича. Срезневскій, возвратившійся уже изъ заграничнаго путешествія въ Харьковъ, какъ онъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, встрѣтился съ Григоровичемъ тутъ же: теперь «явился онъ мнѣ еще въ новомъ свѣтѣ какъ ученый предпринимавшій путешествіе со строго обдуманной цѣлью, понятой имъ совершенно самостоятельно, совершенно отличною отъ всѣхъ цѣлей, какія имѣли въ виду всѣ мы русскіе, прежде его ѣздившіе въ славянскія земли». Планъ не былъ существенно различенъ, но пониманіе его у Григоровича было, дѣйствительно, совсѣмъ другое, поэтому онъ вычеркнулъ изъ своего маршрута еще кое-что лишнее. Ему предстояли передъ глазами, какъ главная цѣль, юго-славянскія древне-хранилища (монастыри) съ скрывавшимися въ нихъ памятниками древней византійско-славянской письменности. Поэтому онъ, отступивъ отъ первоначальнаго плана, уѣхалъ изъ Одессы (20 авг. 1844) прямо въ Константинополь, гдѣ оста-

вался 16 дней, потомъ въ Салоники (Солунь, 10 сент.) — на двѣ недѣли, какъ самъ говоритъ, и дѣйствительно — 27 сент. онъ уже былъ на Аѳонѣ.

Объ этой, самой замѣчательной части своего путешествованія по Турціи, онъ самъ даетъ подробный отчетъ въ своемъ знаменитомъ «Очеркѣ ученаго путешествія по европейской Турціи» (8^0, 214), изданномъ въ 1848 году въ Казанскихъ Ученыхъ Запискахъ. Онъ разсказываетъ, что въ Константинополѣ его интересовала въ особенности патріаршая типографія, въ которой онъ нашелъ болгаръ, между прочими извѣстнаго потомъ Гавріила Крьстьовича. Въ Солунѣ онъ познакомился съ хорватомъ Михановичемъ, у него онъ видѣлъ уже много славянскихъ рукописей и, если нужно было, могъ узнать о способѣ, какъ ихъ доставать. На Аѳонѣ онъ прибѣгалъ для достиженія цѣли, по собственному разсказу, къ слѣдующимъ пріемамъ: a) онъ путешествовалъ всегда одинъ, b) исполнялъ всѣ мѣстные обычаи, и c) по мѣрѣ средствъ пускалъ въ ходъ бакшишъ. Начавъ осмотръ Аѳона съ Зографскаго монастыря, куда онъ пѣшкомъ прибылъ изъ Солуня въ три дня (?), онъ долженъ былъ сначала въ Кареѣ дожидаться (около 12 дней), пока собравшіеся настоятели монастырей дали ему разрѣшеніе на объѣздъ Аѳона. Первый на очереди былъ монастырь Пандократора (16—18 окт.), дальше Ставроникита (19 окт.), потомъ Иверскій (20—24 окт.), Филоѳеу (24/5 окт.), Каракаилу (25/6 окт.), лавра св. Аѳанасія (26—30 окт.), монастырь св. Павла (31 окт. — 7 нояб.), Діонисіу (7—8 нояб.), Григоріу (9 нояб.), Ксиропотаму (10—11 нояб.), Кутлумушъ (11—12 нояб.), Руссико (16—20 нояб.), Хилендаръ (20 нояб.—12 дек.), Эсфигмену (12—13 дек.), Ватопедъ (13—20 дек.), Зографскій монастырь (20 дек.—1 янв. 1845), Кастамониту (24 дек.), Ксеноφу (2 янв.), Руссико (3 — 29 янв.). Чтó онъ видѣлъ и чѣмъ онъ занимался въ этихъ мѣстахъ, объ этомъ разсказано довольно подробно въ «Очеркѣ путешествія». Но о томъ, какъ онъ собралъ то порядочное число самыхъ драгоцѣнныхъ рукописей, которыя теперь служатъ украшеніемъ Румянцевскаго музея, — въ отчетѣ его, конечно, не говорится. Григоровичъ покинулъ Аѳонъ 29 января и въ простой лодкѣ поѣхалъ въ Солунь. Путешествіе, говорятъ, продолжалось 9 дней, и было бы крайне любопытно узнать, всѣ ли собранныя драгоцѣнности плавали съ нимъ въ ненадежной лодкѣ. Кочубинскій говоритъ, что главный караванъ его собраній поѣхалъ оффиціальнымъ путемъ черезъ Константинополь въ Одессу. Не знаю, вѣрно ли это извѣстіе. Во всякомъ случаѣ, онъ кое-что тащилъ съ собой, что онъ потомъ показывалъ и Миклошичу въ Вѣнѣ и Шафарику въ Прагѣ. О порядкахъ, господствовавшихъ въ то время на Аѳонѣ, разсказано довольно подробно въ Очеркѣ, 85—103. Дальнѣйшее путешествіе

шло изъ Солуня (28 апрѣля онъ покинулъ Солунь, значитъ оставался здѣсь почти три мѣсяца!) черезъ Македонію (Ениджe, Водени, Битоль, Охридъ), для топографіи которой въ его Очеркѣ имѣется много новыхъ данныхъ: онъ описывалъ мѣста и окрестности (даже съ приложеніемъ карты). Изъ Струга онъ поѣхалъ въ Слѣпче и Прилѣпъ, далѣе черезъ Велесъ, Штипъ, Струмицу, Петерчъ въ Сересъ. Оттуда на Мелеником въ Рылу (кромѣ топографіи, дается коротенькая исторія этого монастыря), гдѣ онъ встрѣтилъ знаменитаго Неофита. Изъ Рыльскаго монастыря онъ спустился въ Софійское поле, — здѣсь упоминается село Бояна — дальше черезъ Балканы въ Ихтиманъ, Татаръ-Пазарджикъ и Филиппополь. Обратно на сѣверъ въ Балканы (Калоферъ, Казанлыкъ, Шипка, Габрово) и въ Търново, оттуда черезъ Свиштовъ въ Рущукъ. (Въ Очеркѣ все это разсказано на стр. 107—177). Для совершенія такого путешествія въ тѣ годы по Турціи нужно было имѣть много мужества, смѣлости и хитрости, и въ то же время обладать большимъ терпѣніемъ въ перенесеніи лишеній. Замѣчательна въ особенности его энергія въ разыскиваніи славянскихъ рукописей и грамотъ. Тысячи разныхъ рукописныхъ томовъ и тетрадокъ пришлось развертывать и перелистывать, славянскую часть вкратцѣ описывать, снимать копіи съ грамотъ и, конечно,—иное брать съ собой. Этотъ непохвальный обычай практиковался раньше его въ теченіе многихъ столѣтій, поэтому не можетъ быть поставленъ ему въ вину лично. Во всякомъ случаѣ, онъ облегчилъ славянской наукѣ пользованіе.

Изъ Болгаріи Григоровичъ переѣхалъ въ Румынію, дальше черезъ Трансильванію и Венгрію (囗ештъ), гдѣ видѣлся съ Колларомъ, въ Вѣну (весною 1846). Въ Вѣнѣ онъ познакомился съ Вукомъ и Миклошичемъ. Повернувъ на югъ, онъ поѣхалъ въ Венецію и Далмацію, былъ въ Черной Горѣ и на обратномъ пути черезъ Военную Границу пріѣхалъ въ Загребъ. Въ Загребѣ онъ сошелся съ Вразомъ (осенью 1846 г., здѣсь онъ нѣкоторое время остался изъ-за болѣзни) и сообщилъ въ его «Колѣ» нѣсколько болгарскихъ пѣсенъ (въ кн. IV и V). Оттуда онъ уѣхалъ въ Пресбургъ и опять въ Вѣну (Атанацковичъ послалъ черезъ него изъ Будима раньше 18 сент. 1846 г. книги Вуку въ Вѣну. Преп. I, 584) и наконецъ былъ въ Прагѣ, гдѣ нашелъ въ Шафарикѣ ученаго, лучше другихъ понимавшаго значеніе результатовъ его смѣлаго путешествія. Шафарикъ былъ первый воспользовавшійся частью (глаголическою) его открытій. Вотъ что онъ писалъ объ этомъ Погодину (Письма 341): «Григоровичевы открытія, сдѣланныя въ Македоніи и Албаніи, о Климентѣ и прочихъ сотрудникахъ Кирилла и Меѳодія, уже теперь очень любопытны, въ особенности свидѣтельство о Климентѣ какъ составителѣ новаго алфавита». Шафарикъ надѣялся, что этимъ пріобрѣте-

ніемъ вопросъ о глаголическомъ письмѣ и его распространеніи получитъ новую болѣе прочную почву (Письма 341). Итакъ новый, послѣдній періодъ дѣятельности Шафарика получилъ толчокъ отъ открытій, сдѣланныхъ Григоровичемъ. Потерпѣвшій много страданій и разочарованій пражскій славистъ воспрянулъ опять духомъ. Въ мартѣ 1847 года онъ написалъ Погодину: «Мы должны стараться прежде всего возстановить честь всего славянскаго. Это наша главная задача. Славянское объединяетъ насъ духовно, это названіе не партійное. Чтобы поднять значеніе его, надо взяться за дѣло другимъ способомъ, чѣмъ до сихъ поръ: мы должны оживить славянскую науку, доселѣ это была игра съ мертвыми мощами» (ib. 344). Для этого онъ предлагалъ, между прочимъ, новыя славянскія письмена, лучшее печатаніе текстовъ и, конечно, возобновленіе разныхъ научныхъ вопросовъ, какъ, напр., о Кириллѣ и Меѳодіи. Григоровичъ уѣхалъ черезъ Германію (Берлинъ) въ Россію и въ іюлѣ 1847 г. былъ уже въ Казани.

Хотя Викторъ Ивановичъ не былъ грамматикомъ по спеціальности, все же путешествіе по Македоніи и Болгаріи дало ему возможность сдѣлать нѣкоторыя важныя наблюденія: такъ напр., онъ замѣтилъ значительную разницу между восточными и западными болгарскими говорами, на югъ отъ Битоля онъ услышалъ остатки носового произношенія (стр. 196). Раньше чѣмъ появился его Очеркъ въ печати, были сдѣланы имъ небольшія сообщенія о путешествіи по Турціи въ Č. Č. M. 1847, I. (508—521) и въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1847.

ГЛАВА XIV.

Господство славяно-сербскаго языка у сербовъ. Предшественники Вука: Досиѳей Обрадовичъ, Стратимировичъ, Мушицкій и другіе.

Послѣ паденія политической независимости сербскаго и болгарскаго государства религіозно-культурная и литературная дѣятельность сербовъ и болгаръ продолжалась въ православныхъ монастыряхъ; насколько позволяла свирѣпствовавшая жестокость турецкаго фанатизма, она происходила на томъ же литературномъ языкѣ церковно-славянскомъ, который въ теченіе предшествовавшихъ столѣтій служилъ органомъ совокупной письменности. Какъ въ грамотахъ и другихъ записяхъ обыденной жизни примѣсь народнаго произношенія брала верхъ, такъ еще въ XVII столѣтіи иные писали языкомъ на половину уже чистымъ народнымъ сербскимъ. Напр., въ монастырѣ

Грабовцѣ (въ Венгріи) записывали въ началѣ 17-го столѣтія такъ: «Сеи игоумень сь братіами ископа подроумь под липомь и посади долиноу окоціемь и посади више долине по брду винограде... а разбоиницы бѣхоу оускоци и мажари и наши србли, ихьже послѣди соудь божіи казни и горкои смрти за злодѣаніе ихь предаде, понеже не такмо имѣніе церковное разграбише, на сь игуменомь и отце свете оубити не поцедѣше...». На этомъ языкѣ продолжались монастырскія записи приблизительно до 1730-го года. Но начиная съ конца XVII столѣтія попадаются все чаще русскія формы церковно-славянскаго языка, ъ и ь стали писать безъ различія, вм. сербскаго *е* (взамѣнъ древняго ѧ) напрашивалось русское *я*, взамѣнъ гласной ъ вм. *а* брало верхъ *о*. Когда народъ, предоставленный самому себѣ не только въ предѣлахъ Турецкой имперіи, но также въ Венгріи, началъ домогаться школьнаго обученія, первая помощь приходила ему изъ православнаго русскаго государства въ видѣ церковныхъ книгъ, потомъ различныхъ учебниковъ и наконецъ даже живыхъ учителей. Состоятельная будимская община обращалась въ 1708 къ церковному конвенту въ Крушедолѣ съ просьбою похлопотать, «типографіи, школѣ и остала церковна налѣжаніа между собомь до бихомь слободно имали», а въ 1712 году требовалось: «молимо се тога ради, промотрите као добри пастири, полагающи дѹшѹ свою стада своего ради, видите како смо меѓу остали ѥзици и народи а ни школе ни ѹченіа не имамо, него иноплеменике призывамо на помоћ на сваком мѣсту». Этимъ и другимъ подобнаго рода просьбамъ первый внялъ Мойсіе Петровичъ, обратившійся къ Петру Великому съ просьбою за книгами, учителями, церковной утварью и т. д. Его примѣру подражалъ также Викентій Іовановичъ. Сл. послѣ статьи Нила Попова въ Журналѣ Мин. Нар. Просв., т. 220, стр. 169 и сл., монографію Дмитрія Руварца въ «Споменикѣ» бѣлград. академіи XXXIV (II. № 31) о Мойсіи Петровичѣ, Мил. Якшича о Викентіи Іовановичѣ (въ Серб. Летописѣ кн. 199) и наконецъ упомянутое выше (на стр. 184) изслѣдованіе П. Кулаковскаго: Начало русской школы у сербовъ, СПб. 1903. Замѣчательною личностью, побужденною этими обстоятельствами прибыть къ сербамъ (въ Карловцы и Бѣлградъ) былъ Максимъ Суворовъ. Его скромная школа, при помощи русскихъ учебниковъ, вызвала подозрѣніе не только іезуитовъ, но и домашнихъ невѣжественныхъ «даскаловъ» и «калугеровъ». Въ особенности не понравилось имъ грамматическое обученіе: «что-де сіе: мой, твой, свой, онъ, она, оно—то мы и безъ грамматики знаемъ». Русскія книги, привозимыя прежде вмѣстѣ съ иконами русскими купцами изъ Владимирской губерніи, обратили теперь на себя очень немилостивое вниманіе со стороны австро-венгерскаго правительства; ихъ конфисковали, за-

прещали ввозы и т. д. Послѣ Суворова дѣйствовалъ въ качествѣ учителя въ Карловцахъ пріѣхавшій изъ Кіева Козачинскій, а когда третій преемникъ Моисія Петровича, Іоаннъ Гіоргьевичъ, недолюбливая русскихъ учителей, сталъ высылать ихъ обратно, Козачинскій перебрался на нѣкоторое время въ Новый Садъ къ епископу Виссаріону Павловичу. Въ его школѣ «Collegium Vissariano-Paulovicsianum Petrovaradinense» давались даже драматическія представленія, душою которыхъ былъ Козачинскій. Написанная въ 1798 году историкомъ Раичемъ трагедія «о Урошу и о паденіи сербскаго царства» была только передѣлкою труда Козачинскаго.

Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ и при увеличивавшемся изъ года въ годъ значеніи Кіева для высшаго духовнаго образованія сербовъ языкъ литературныхъ людей превращался все болѣе и болѣе въ смѣсь церковно-славянско-русскую. Это былъ языкъ образованнаго духовенства и очень небольшого числа мірянъ, представлявшихъ тогда слабую сербскую интеллигенцію. О просвѣщеніи широкихъ массъ народа никто не заботился. Но наступили наконецъ и въ Австріи другія времена, времена Маріи Терезіи и императора Іосифа. Въ 1769 году было постановлено открыть въ Вѣнѣ «иллирическую типографію», чтобы сербы могли получать книги «maiore cum commoditate et leviore pretio», чѣмъ до сихъ поръ «ex alienis provinciis» (конечно изъ Россіи). Это была привилегированная типографія Курцбека (См. о ней статью д-ра Ивиђа въ Archiv f. sl. Phil. XXIX, 511). Для подготовленія же хорошихъ учителей приглашали молодыхъ людей, знавшихъ по-нѣмецки, въ Вѣну въ педагогическое заведеніе. Въ числѣ другихъ былъ также извѣстный Ѳеодоръ Янковичъ де Миріево, который потомъ основалъ на югѣ педагогическій институтъ, поддерживаемый Стефаномъ Вуяновскимъ и Аврамомъ Мразовичемъ. Вся эта дѣятельность производилась на литературномъ, славяно-сербскомъ языкѣ. Но при императорѣ Іосифѣ, благородныя намѣренія котораго очень часто разбивались вслѣдствіе недостатка способныхъ исполнителей, сдѣлана была относительно учебнаго дѣла у православныхъ сербовъ непростительная ошибка. Въ одномъ комитетѣ состоявшемся въ Вѣнѣ постановлено было, по предложенію загребскаго епископа Мандича, чтобы учебники, назначаемые для сербскихъ школъ, насколько это не были церковныя книги, печатались на наилучше разработанномъ иллирскомъ языкѣ (lingua illyrica cultiori). Подразумѣвалось простонародное штокавское нарѣчіе, на которомъ печатались книги для католиковъ Славоніи и Далмаціи. Къ этому разумному постановленію прибавлена была роковая оговорка «et characteribus latinis», которая испортила благое начинаніе. Напрасно протестовалъ Янковичъ. Слѣдуя приглашенію императрицы Екатерины, онъ вскорѣ уѣхалъ въ

Россію. И Вуяновскій и Мразовичъ отсовѣтывали императору Іосифу приведеніе этой мѣры въ исполненіе. Вступился также митрополитъ Мойсіе Путникъ за кириллицу. Сильнѣе, кажется, подѣйствовала денежная сторона вопроса. Типографія Курцбека, считавшая себя въ своихъ доходахъ обманутой, требовала вознагражденія убытковъ на 20000 флориновъ. Тогда махнули рукой на постановленіе и оставили кириллицу въ покоѣ. Но народъ, духовенство и широкіе слои общества, смѣшивая языкъ и шрифтъ, стали съ тѣхъ поръ побаиваться вообще введенія простонароднаго языка въ школы, усматривая въ немъ нѣчто католическое, направленное противъ православія. Не будь этого гоненія кириллицы, проявившагося среди представителей венгерско-хорватскаго правительства, которое въ свою очередь недолюбливало вмѣшательства вѣнскаго центральнаго правленія въ ихъ домашнія дѣла на территоріи венгерско-хорватской, употребленіе народнаго языка въ школахъ, при свободномъ обращеніи кириллицы, завладѣло бы гораздо раньше сербской литературой, чѣмъ это совершилось на дѣлѣ. Мы видимъ это на примѣрѣ упомянутаго выше (на стр. 185) іеромонаха Гаврила Стефановича, переводившаго кое-что изъ малорусской апологической и полемической литературы на сербскій языкъ въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія (Гласник, т. 34, 151 и сл.). Онъ былъ ученикомъ священника Кипріана Рачанина, букварь котораго 1717 года можно назвать самымъ раннимъ явленіемъ въ направленіи простонароднаго языка. Витковичъ насчиталъ въ сербскомъ Гласникѣ (т. 34) до десяти рукописныхъ сочиненій усерднаго Гаврила Стефановича, но всѣ они остались въ рукописяхъ. Не изданными же они остались едва ли потому, что конкуренцію дѣлали русскія печатныя изданія. Еще Нилъ Поповъ доказалъ по каталогамъ (напр., Каулиціи 1804 года), что цѣна русскихъ книгъ была очень высока. Причины надо искать скорѣе въ тогдашнемъ подавленномъ состояніи сербскаго народа. Рукописи Стефановича относятся къ сороковымъ годамъ XVIII-го столѣтія, печатать же начались кирилловскія книги лишь въ 1771 году. Да и кому было судить о достоинствахъ переводовъ Стефановича? Самъ Раичъ признавалъ, что окружавшіе патріарха люди были круглые невѣжды, не желавшіе видѣть въ молодомъ поколѣніи лучше образованныхъ людей. Даже Павелъ Ненадовичъ, впрочемъ одинъ изъ лучшихъ пастырей, не одобрялъ Раичева «Катихизиса»: **«Не требую твога Катихисма, доста є то, обучавай ты дѣтцу тропаремъ и кондакомъ, у томъ состоитъ вѣра и законъ».** При такихъ условіяхъ нечего было ожидать отъ тогдашнихъ іерарховъ подвиговъ въ пользу простого народа. Дѣйствительно никому изъ нихъ не приходило даже въ голову заказывать въ Россіи или потомъ дома, когда уже кирилловская типографія

была разрѣшена, изданія полезныя для простого народа. Итакъ, Гаврилъ Стефановичъ былъ явленіемъ преждевременнымъ.

Одинъ новосадскій католoгъ книгъ, находившихся въ 1804 г. въ складѣ на продажу, указывалъ 5 книгъ, печатанныхъ въ Вѣнѣ, 12 въ Будимѣ, всѣ же прочія были произведенія русской печати! Самыя раннія печатныя произведенія въ пользу сербовъ выходили въ Рымникѣ. Въ 1727 г. «**Первое ученіе отрокомъ**» по приказанію Мойсіи Петровича, въ 1733 г. второе изданіе; въ 1755 г. иждивеніемъ П. Ненадовича грамматика Смотрицкаго «**въ ползу и употребленіе отроковъ сербскихъ**»; въ 1761 на средства арадскаго епископа Живановича такъ называемый «серблякъ», т. е. «**Правила молебнаѧ свѧтыхъ сербскыхъ просвѣтителей**». О типографіи венеціанской разсказываетъ П. Соларичь въ своемъ «Поминакъ» (см. Andrić 163). Нѣкто Дмитрій Өеодосіевъ, грекъ изъ Янины, получилъ въ 1758 году отъ республики привилегію. Въ его новой «греко-православной» типографіи печатались уже въ то время книги патріотическаго содержанія, разсчитанныя на чтеніе въ широкихъ кругахъ: въ 1761 г. «Горестный плачъ славныя иногда Сербіи», въ 1762 «Пѣснь историческая, како су сербли съ турци на Косовомъ полю побили се, на коемъ полю сербска майка кнза Лазара съ многими сынми сербскими изгубивши и державе сербске конечно лишившисе горке сузе пролива» (53 строфы). О другихъ въ теченіе этого и слѣдующихъ десятилѣтій изданныхъ книгахъ не нужно говорить, достаточно сказать, что въ этихъ книгахъ и изданіяхъ сплошь господствовалъ языкъ «славено-сербскій». Но, какъ сербская поговорка говоритъ: «иде време, носи бреме», назрѣло наконецъ сознаніе, что и для сербскаго простого народа нужно писать книги на удобопонятномъ для него языкѣ.

Главная заслуга сознательнаго поворота въ пользу народнаго языка для просвѣщенія простого народа принадлежитъ Досиөею Обрадовичу, неутомимому ревнителю въ пользу просвѣщенія. Онъ былъ проникнутъ духомъ іозефинизма, автодидактъ, почерпавшій свои познанія не только изъ чтенія книгъ, но также и изъ опытовъ жизни, изъ обращенія со своимъ народомъ и съ просвѣщенными людьми различныхъ европейскихъ народовъ, съ которыми пришлось ему встрѣчаться въ странствованіяхъ, доставившихъ ему названіе сербскаго Анахарсиса. Совокупная дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка далеко еще не выяснена. О первыхъ годахъ его монастырской жизни написалъ недавно др. Тихоміръ Остоичь очень полезное изслѣдованіе по новымъ, въ монастырскихъ библіотекахъ и въ Карловицкомъ архивѣ собраннымъ даннымъ: Доситеј Обрадовић у Хопову. Нови Сад 1907. Укажемъ еще на статью И. Шерцера въ 134 книгѣ «Rada»: O Dositeju

Obradovićи, на монографію покойнаго проф. К. Радченка въ Кіевскихъ университ. Извѣстіяхъ: Досиѳей Обрадовичъ и его литературная дѣятельность (Кіевъ 1897 г.), на очень неважную нѣмецкую диссертацію д-ра Шевича: dr. Milan Šević, Dositheus Obradović, ein serbischer Aufklärer des XVIII Iahrh. (Neusatz 1889 г.) и на книжку Андр. Гавриловича: Доситије Обрадовић (Београд 1900). Къ этой литературѣ можно еще прибавить рефератъ Радченка въ Archiv f. slav. Phil. XXII и печатаемое Остоичемъ извлеченіе изъ его же монографіи въ Archiv f. slav. Phil. XXX. Въ автобіографіи Обрадовича «Живот и приключенія», изданной впервые въ 1783 г. въ Лейпцигѣ, написанной очень поучительно съ патетическимъ увлеченіемъ, вслѣдствіе чего она изъ одного поколѣнія въ другое представляла самое любимое чтеніе въ широкихъ кругахъ сербской публики, — не все, конечно, разсказано изъ событій его жизни безъ прикрасъ, однако эта книжечка останется навсегда главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о жизни Досиѳея. Черезъ годъ вышла въ Лейпцигѣ его книжка (1784) «Совѣти здравога разума», а въ 1788 году его «Басне». Въ своей автобіографіи онъ самъ разсказываетъ, что убѣжавъ изъ монастыря, уже въ Далмаціи почувствовалъ потребность написать какое либо полезное сочиненіе «на общемъ народномъ языкѣ», хотя онъ не скрывалъ отъ себя, «какву су буру и метавицу на себе сви они привлачили, кои су се усудили найпре подобна представленія народу чинити». Это было въ далматинской деревнѣ «Косово» — пріятное воспоминаніе о событіи другого рода на старосербскомъ Косовѣ. Остановившись здѣсь въ домѣ одного православнаго священника (Авраама Симича), онъ написалъ для его дочери книжку изъ поясненій Іоанна Златоустаго на апостольскія дѣянія, раздѣливъ изложеніе по буквамъ азъ, буки, вѣди. Вслѣдствіе этого у него родилась мысль и желаніе, «да мы само бог даруе живот док што србски на штампу издам».

Досиѳей желалъ, говоря о языкѣ, писать такъ, чтобы понимали его всѣ сыны и всѣ дочери сербскаго народа отъ Черной Горы до Смедерева и Баната. Ссылаясь на примѣры французовъ и итальянцевъ, которые переставъ писать по-латыни, не желали этимъ совсѣмъ устранить латинскій языкъ, и онъ не опасался за судьбу церковнаго языка, указывалъ даже на «московитовъ», употребляющихъ теперь уже народный языкъ и гражданское письмо. Его іозефинскій духъ слышится, когда онъ говоритъ: «само простота и глупост задоволява се свагда при старинском остати. Зашто е друго бог дао човѣку разум и разсужденіе и слободну волю, неґо да може разсудити, распознати и изабрати оно што е болѣ»... Поднявшись на эту высшую точку зрѣнія, онъ обозрѣвалъ своимъ духовнымъ взоромъ цѣлое пространство

сербскаго языка. Пока другіе считали необходимымъ перелагать Рельковичевъ «Satir» съ чисто-народнаго икавскаго (славонскаго) говора на «славеносербскій» языкъ (1807), Досиѳей говорилъ разумно: «тко не зна да жители црногорски, далматски, херцеговски, босански, србски, хорватски, славонійски, сремски, бачки и банатски, осим влаха, едним истим езыком говоре? Разумѣвам колико грчке цркве толико и латинске слѣдователе, не исключуюћи ни саме Турке, будућ да закон и вѣра може се промѣнити, а род и език никада»... Такъ просто и вразумительно не высказывалъ подобныхъ мыслей никто раньше Досиѳея, а чтобы по достоинству оцѣнить его просвѣтительную пропаганду, не надо забывать, что многіе нынѣ общепризнанныя идеи въ его время были достояніемъ лишь передовыхъ людей. Напр., идея о вѣротерпимости горячо отстаивалась имъ въ то время, когда на дѣлѣ именно православные были очень чувствительно притѣсняемы. Ядовитая его критика монашескаго невѣжества и ханжества, проглядывающая довольно часто изъ его сочиненій, объясняется отчасти духомъ времени, отчасти горькимъ собственнымъ разочарованіемъ. Онъ долженъ быть причисляемъ скорѣе къ раціоналистически критикующимъ моралистамъ, чѣмъ къ положительно вѣрующимъ православнымъ христіанамъ. Поэтому официальная церковь не особенно сочувствовала его литературной дѣятельности, несмотря на многія хорошія качества его сочиненій, въ которыхъ всѣ мы и до сихъ поръ любуемся остроумнымъ разсказчикомъ, богатымъ житейскими опытами наблюдателемъ, писателемъ полнымъ ироніи и сарказма, когда понадобилось развѣнчать или выставить на смѣхъ противника.

Досиѳей Обрадовичъ хотѣлъ писать языкомъ общепонятнымъ простому народу, что онъ и дѣлалъ по мѣрѣ возможности, но онъ не былъ филологомъ, не заботился о вопросахъ грамматическихъ; языкъ для него не былъ цѣлью, а средствомъ. Поэтому языкъ его еще далеко не чистый народный, къ нему онъ постоянно примѣшивалъ церковно-славянскія слова и обороты изъ богатой начитанности автора въ церковной литературѣ по славянскимъ переводамъ. Мы встрѣчаемъ у него еще: во 1, не народныя словечки въ родѣ *обаче*, *ибо*, *сирѣчь*, *аки*, *весма*, *всегда* и т. д., во 2, церковно-славянскія слова: *вещь*, *польза*, *полезни*, *щастіе*, въ особенности отвлеченныя выраженія: *благополучіе*, *вліяніе*, *разсужденіе*, *устремленіе*, *приключеніе* и т. д., въ 3, русскія формы въ вокализмѣ: *воз-*, *со-*, *долгота*, *исполнити*, *безмолвни*, *чадо*, *зачало*, *пришествіе*, *отечески*, *гречески*, *человѣчески* и т. д.; въ 4, въ склоненіяхъ: при старим *мненіам*, слѣдуюћи *правилам*, *отеческою милостію*, по *совести твоей* и т. д. Вкрадывались иногда и не литературные провинціализмы въ родѣ формы ћеду (хотятъ). Объ языкѣ Обрадовича нѣтъ еще

подробныхъ изслѣдованій. Сл. мои бѣглыя замѣчанія въ Književnik'ѣ I. 451—55, Е. Гацкевича статью въ Варшавскихъ университетскихъ извѣстіяхъ 1879, № 5 и 6. Обрадовичъ скончался въ 1811 году въ качествѣ члена правительствующаго совѣта и министра народнаго посвѣщенія въ Бѣлградѣ.

Хотя нельзя сказать, чтобы Досиѳей Обрадовичъ нашелъ много подражателей — его раціоналистическую точку зрѣнія, его морализацію многіе даже не одобряли, тѣмъ менѣе склонны были подражать ему — въ одномъ отношеніи все-таки примѣръ его дѣйствовалъ. Съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе чувствовалась потребность приближаться въ литературномъ языкѣ къ простонародному сербскому говору. Очень близокъ былъ Обрадовичу въ этомъ отношеній Павелъ Соларичъ (сл. статью д-ра Н. Андрича въ 150 кн. «Rada»: Život i književni rad Pavla Solarića). Не вдаваясь въ анализъ его отчасти довольно странныхъ сочиненій, скажемъ только, что онъ былъ большимъ любителемъ народнаго сербскаго языка и съ одушевленіемъ предсказывалъ ему близкій поворотъ къ лучшему. Онъ говорилъ: «Помозимо му (т.-е. языку), кад е тако наступио рок и утврдимо га, док нам ништа не смета к тому. Нека нитко у нас не узможе бити ни книжевником ни свеħеником ни учителем, не умѣюħи савршено ветхога нашега езика, нек у нем славно торжествуе вѣроисповѣданіе наше, и нек се списую, нитко не крати, и мирске важне книге, обаче нек се народ наш просвѣħава и образуjе садашним своим послѣ италъянскога за свашто првим езиком». Въ этихъ словахъ содержится его программа, напоминающая отчасти воззрѣнія Ломоносова и у сербовъ Мушицкаго. Онъ желалъ, чтобы вскорѣ была написана грамматика этого языка: «Писменицу нову надлежи колико можно скорие издати народу нашему и книжеству» (сл. Književnik I. 405). Онъ любилъ заниматься сложными филологическими вопросами, но былъ полнѣйшій автодидактъ. Нѣсколько писемъ его къ Вуку Караджичу по поводу собиранія подписчиковъ на словарь доказываютъ его патріотическое настроеніе, но со странными вкусами по отношенію къ вопросамъ грамматическимъ. Напр., словарь Вука онъ желалъ видѣть напечатаннымъ не русско-гражданскими, а старыми кирилловскими буквами (Преп. Вука II. 395), церковносл. языкъ былъ ему «правымъ и родьенымъ отцомъ садашнѣга сербскога», т.-е. «негда свеобщій іллѵріческій» (ib. 398), онъ намѣревался издать «Кажипуть к писменицы и езыкознанію» (ib. 400). Въ реформѣ сербскаго алфавита принялъ и онъ участіе, предложивъ Вуку за букву ђ удвоенную фигуру буквы ħ (ib. 402).

Между сербскими писателями южной Венгріи, культурное стремленіе

которыхъ достойно признанія, хотя они часто дѣйствовали невпопадъ, нѣкоторые писали свои сочиненія довольно правильнымъ народнымъ языкомъ. Напр., Эммануилъ Янковичъ, въ переводахъ своихъ поэтическаго содержанія («Трговци» соч. Гольдони, «Зао отацъ и неваляо сынъ» соч. Штарка, «Благодарни сынъ» соч. Энгеля), писалъ языкомъ гораздо лучшимъ и болѣе правильнымъ, чѣмъ Досиѳей Обрадовичъ (сл. статью о немъ въ Летописѣ мат. серб. 1881, кн. 126, Ђорђа Рајковића). Сноснымъ языкомъ написанъ также Раичевъ «Бой змая съ орлови» (1791).

Видную роль въ просвѣтительномъ стремленіи австрійскихъ (собственно венгерско-хорватскихъ) сербовъ игралъ епископъ и потомъ митрополитъ Стефанъ Стратимировичъ (1757—1836). Онъ изучалъ сначала философскія и юридическія науки въ Будимѣ и въ Вѣнѣ и потомъ только (1783) посвятилъ себя духовному званію. Въ 1786 г. онъ избранъ былъ въ епископы (въ Будимѣ), въ 1790 г. въ митрополиты, въ 1792 г. сдѣланъ тайнымъ совѣтникомъ. Его заслуги относительно гимназіи (1791) и богословскаго заведенія въ Карловцахъ (1794) очень значительны. Онъ слылъ ученымъ человѣкомъ, но еще больше самъ воображалъ о себѣ, любилъ переписываться со знаменитыми учеными Германіи (сл. въ моихъ Письмахъ II. 710—778). Изъ сербовъ онъ болѣе всѣхъ уважалъ Раича, какъ видно изъ писемъ послѣдняго, напечатанныхъ у меня (во второмъ томѣ 652—675). Въ особенности онъ приложилъ большое стараніе къ изданію Раичевой исторіи (сл. статью Радонича въ сербскомъ Летописѣ 1900, кн. 201, стр. 50—53). Стратимировичъ написалъ коротенькую біографію Раича (она напечатана въ 50 кн. Лѣтописа мат. сербской). Его стремленіе клонилось къ тому, чтобы въ Карловцахъ образовался кружокъ людей, занимающихся сербской исторіей, древностями и языкомъ. Правой рукой его въ этихъ стремленіяхъ былъ Мушицкій, кромѣ него онъ считалъ своимъ воспитанникомъ одного изъ молодыхъ профессоровъ, Лазаревича. По сербскому языку задачей ихъ было истреблять турецкія слова изъ сербскаго словаря и замѣнять ихъ славянскими. «Затрудненіе превеликое», говорилъ Мушицкій, «несчастныхъ оныхъ словъ нашли даже до 500». (Нов. Письма 706). Любопытныя мелочи о предполагаемыхъ лексикографическихъ работахъ этого кружка разсказаны Вукомъ Караджичемъ (Грам. и полем. списи III. 1. 68—9). Русскіе путешественники Тургеневъ и Кайсаровъ отзывались о Стратимировичѣ съ большимъ почтеніемъ, къ сожалѣнію надежды ихъ не оправдались. (См. кромѣ писемъ, изданныхъ мною въ II томѣ, еще у Радонича «Прилошци» Нов. Садъ 1900 и Летопис Мат. српске 1904, кн. 228). Стратимировичъ любилъ заниматься исторіею и, что у дилетантовъ часто

бываетъ, затрогивать самые трудные вопросы изъ славяно-сербскихъ древностей. Въ 1805 году онъ попыталъ счастія въ ученой этимологіи книжечкой, изданной въ Будимѣ: «Опытъ произведенія именъ сихъ князь и книга» (8°—30)[1]). Содержаніе и отзывъ объ этой книжечкѣ сдѣланъ Добровскимъ въ «Слованкѣ» II. 217—220. Въ народномъ языкѣ и по образцу народныхъ пѣсенъ составлены (1800) оды въ книжечкѣ: «Любосава и Радованъ или пѣсни нравоучителныя по начину простонародныхъ србскихъ пѣсней»; книжка вышла подъ именемъ Іосифа Путника. Столкновеніе съ Вукомъ и его реформами затмило въ памяти потомства имя Стратимировича, но справедливость требуетъ не забывать совсѣмъ его заслугъ. Копитаръ, недолюбливавшій его изъ-за преслѣдованій Вука, все-таки еще послѣ смерти его желалъ узнать содержаніе его статьи о Кириллѣ и Меѳодіи (Преписка I. 478). Его литер. труды, кромѣ упомянутыхъ, напечатаны въ «Летописѣ» мат. сербской кн. 88 и 228, въ сербскомъ «Гласникѣ» т. II, въ бѣлградскомъ «Споменикѣ» кн. 39, въ бѣлградскомъ журналѣ «Дело» 1899, кн. 21, стр. 49—56. Были еще и другіе труды его каноническаго содержанія. Обширная переписка Стратимировича еще не собрана, много писемъ напечатано въ духовномъ журналѣ «Српски Сион» за 1903, 1904 и 1905 года, раньше въ «Глас истине» за 1884 и 1885 годъ, кромѣ того въ журналѣ «Јавор» за 1880 г., въ «Вечерњача» 1881 г., и въ «Летописѣ» матицы сербской кн. 42, 106, 202, 228. Полной справедливой оцѣнки совокупной дѣятельности Стратимировича еще не имѣется; Ђ. Рајковић началъ было въ Вечерњачѣ 1881, но журналъ на 10 № прекратился; анонимная статья въ Српскомъ Сионѣ 1899. Вышло еще нѣсколько панегириковъ. О заслугахъ его за карловицкую гимназію писали С. Лазић (въ календарѣ «Годишњак» за 1890 г.), Магарашевић въ отчетѣ (Извештај) карловицкой гимназіи за 190¾ г., Ђукић ib. за 190⅘ г. Просвѣтительной дѣятельности Стратимировича коснулись также Ил. Руварацъ («Глас истине» 1886, стр. 165—8), др. Јован Суботић въ 1 выпускѣ своей автобіографіи, глава 8 и 9. Сл. также статью Јована Радонича въ «Летописѣ» (О Стратимировичѣ и спошеніяхъ его съ Раичемъ кн. 201. 46—66, кн. 202. 158—194) и Дм. Руварца въ «Дело» 1899, кн. 21. (Этими библіограф. подробностями я обязанъ проф. д-ру Тихомиру Остојићу въ Новомъ Садѣ).

Важнѣе роль, которую въ исторіи сербскаго языка, стало быть и славянской филологіи, игралъ Лукіянъ Мушицкій (сл. о немъ въ Летописѣ мат.

---

1) Были также другіе доморощенные опыты произведенія словъ «князь» и «книга», напр. *княз* отъ глагола *гнету* или отъ какого-то греческаго названія Χνάος (Χνᾶς). Сл. у Булича на стр. 173.

серб. кн. 120 статью Ђ. Рајковића: «Лукијан Мушицки и његов рад» и въ 1879 изданную мат. сербской книгу Ђ. Мушицкаго: Животопис Лукијанов, сл. еще Летоп. кн. 144, и въ кн. 130 и 132 двѣ статьи А. Сандича). Уже одно покровительствованіе Вуку въ тяжелые годы его только что начинавшейся дѣятельности должно бы заставить историка славянской филологіи съ благодарностью вспоминать имя Мушицкаго. Но значеніе Мушицкаго этимъ не исчерпывается. Лукіянъ (собственно Лука) Мушицкій родился въ 1777 г., изучалъ школы въ Новомъ Садѣ и Сегединѣ, потомъ въ Пештѣ университетъ (философію и юрид. науки): здѣсь указываютъ на Шедіуса, имѣвшаго на него вліяніе. Въ Карловцахъ поручили ему (1800) быть преподавателемъ славеносербскаго языка (по латыни), но тутъ онъ почувствовалъ призваніе къ духовному званію, 1802 поступилъ въ монастырѣ Гергетегѣ въ монахи — изъ Луки вышелъ Лукіянъ, — въ 1803 какъ протодіаконъ началъ преподавать церковносл. грамматику въ богословскомъ училищѣ въ Карловцахъ; въ 1805 сдѣланъ архидіакономъ и получилъ право преподавать также греческій языкъ. Здѣсь можно указать на встрѣчу его въ Карловцахъ съ русскими путешественниками А. Тургеневымъ и Кайсаровымъ, отмѣтившими значеніе его (Сличи также отзывъ Терлаича въ Новыхъ письмахъ стр. 687—8). О своихъ филологическихъ занятіяхъ онъ разсказывалъ что-то Копитару въ письмѣ 1811 года (Письма II. 228), тогда онъ желалъ дать церковнославянской грамматикѣ новую систему (отрывки недоконченной славяносербск. грамматики хранятся и теперь еще въ академ. библіотекѣ въ Бѣлградѣ). Раньше уже (1809) мечталъ онъ о библіографіи и исторіи литературы сербской (Serbia docta). Въ 1812 ему поручили сначала быть учителемъ Закона Божьяго въ учительской школѣ въ св. Андріи, но когда онъ отказался итти туда, тогда получилъ монастырь Шишатовацъ въ завѣдываніе какъ архимандритъ. Здѣсь и въ эти годы онъ началъ оказывать поддержку Вуку, сочувствуя съ хорошимъ пониманіемъ дѣла его собирательской дѣятельности и помогая ему при составленіи словаря. Различные денежные расходы на постройки въ монастырѣ и плохое должно быть хозяйство привели монастырскія дѣла въ разстройство, отъ котораго Мушицкій лично претерпѣлъ много непріятностей, начиная съ 1816 года. Высланная въ 1819 г. комиссія нашла, что общая сумма долговъ доходитъ до 22 тысячъ флориновъ (Преп. II. 247). Съ 1820 по 1823 онъ былъ даже устраненъ отъ завѣдыванія монастыремъ. Его жалобы на безвыходное положеніе повторяются въ письмахъ къ Вуку (Преп. II), начиная съ конца 1817 г., очень часто, но мы удивляемся теперь его самообману, что онъ могъ надѣяться путемъ протекціи или же хвалебными одами на помощь нѣкоторыхъ русскихъ высоко-

поставленныхъ лицъ и сановниковъ покрыть свои долги, составлявшіе упомянутую довольно значительную сумму. Въ этомъ отношеніи у него было много общаго съ Вукомъ. Ни тотъ, ни другой не умѣли сводить концы съ концами. Но по словамъ Мушицкаго выходитъ, что Стратимировичъ отомщалъ ему не только за долги, а также за его либеральное направленіе, за его хвалебные отзывы о Досиѳеѣ Обрадовичѣ и за его дружбу съ Вукомъ. Онъ не могъ простить Мушицкому, что ненавистный ему изъ-за извѣстныхъ словъ сербскій словарь Вуковъ былъ составляемъ въ православномъ монастырѣ подъ покровительствомъ Мушицкаго (Преп. II. 265—273). Но блестящія качества Мушицкаго какъ ученаго и поэта выдвигали его изъ среды прочихъ монаховъ настолько, что онъ въ 1824 г. былъ назначенъ въ администраторы, и черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1827 г., утвержденъ и посвященъ (25 апр. 1828) въ санъ епископа карловацкаго (Карловацъ—Karlstadt въ Хорватіи). И какъ епископъ онъ боролся съ долгами (Преп. II. 313), напр., въ 1830 г. съ авг. по январь 1831 г. онъ проводилъ въ Вѣнѣ, пріискивая средства для покрытія долговъ, какъ увѣрялъ Копитаръ (Преп. I. 393—398). Онъ скончался въ 1837 году. О Мушицкомъ выйдетъ вскорѣ докторская диссертація д-ра Вл. Ћоровића въ Новомъ Садѣ, въ изданіяхъ Матицы сербской.

Въ литературной дѣятельности Мушицкаго замѣчается поразительная двойственность. Съ одной стороны онъ былъ поклонникомъ старинныхъ преданій, сочинялъ стихи на славеносербскомъ языкѣ въ духѣ Горація — его такъ и величали сербскимъ Гораціемъ, — съ другой же стороны онъ сочувствовалъ реформѣ Вука, принявъ въ ней дѣятельное участіе. Когда вышла грамматика Добровскаго, онъ воспѣлъ славу ея торжественной одой, точно теперь найдено средство для литературнагѡ объединенія всѣхъ славянъ. Поэтому онъ и не переставалъ вѣрить въ возможность языкового дуализма въ сербской литературѣ. Онъ различалъ книжное и бесѣдное нарѣчіе. Обращаясь къ писателямъ, онъ говорилъ:

Вы писательи равно люб'те єзыкъ
Церкви свое, рода свог',
Не тудь онай, не простъ овай намъ, браћо,
Обоимъ се дичи сербъ.
Нит' намъ онай привезанъ само церкви,
Нити к теби овай
. . . .
Славенскій, сербскій єзыкъ — два пута:
Къ едной цѣльи воде насъ (Давид. Нов. Србске 1819, № 44).
. . . .
Вишь — два за єзыка граматике двѣ .
Треба Сербской дѣцы дат' (Стихотвор. I. 92—100. Сл. еще IV. 129—131: «Ѡда ѿ ѵ҆потребленіи ѡ҆боегѡ нарѣчія Се́рбскагѡ ꙗ҆зы́ка, кни́жнагѡ же и҆ бесѣ́днагѡ на по́ли Се́рбскаго кни́жества. Л. 1821». См. письмо его Копитару 1821 года (Новыя письма, стр. 801).

Не нужно, конечно, доказывать, что это былъ лишь поэтическій обманъ, что два языка въ одной литературѣ не могли рядомъ существовать. Онъ это предчувствовалъ и самъ, но искусственные идеалы его, витаніе въ облакахъ классической лирики, отнимали у него смѣлость порвать съ старыми формами. Вукъ указывалъ ему на неестественность этого дуализма (см. Новыя письма стр. 865), но онъ, признавая дуализмъ, защищалъ его необходимостью.

Вотъ какъ сердечно онъ относится къ народному сербскому языку:

Я сербинъ сербски читамъ, пишемъ,
И духомъ сербскимъ къ роду дишемъ
Па пѣсмомъ сербскомъ дижемъ родъ.
Свой езыкъ свакій народъ чува:
Зашт' ньиме своимъ родомъ бьва,
Ньимъ слађе куша ума плодъ. (Стихи написаны въ 1826 г.) IV. 137.

Но онъ не можетъ отказаться ни отъ славянскаго:

Наша су нарѣч'я да сербе! оба;
Ал' имъ границу ты дай.
Нит' едногъ нити другогъ губи, али
Смѣсе ты не чин' изъ ньи. (Стихотвор. I. 96).

Этотъ нѣсколько неопредѣленный дуализмъ проявляется довольно часто также въ его сношеніяхъ съ Вукомъ. Что онъ былъ воодушевленнымъ почитателемъ народной поэзіи, видно изъ того обстоятельства, что уже въ 1805 году, будучи профессоромъ въ Карловцахъ, онъ ободрялъ молодежь собирать народныя пѣсни. Вукъ, находясь въ числѣ учениковъ, хотя возрастомъ старше другихъ, не посмѣлъ сообщить профессору, что онъ ихъ много знаетъ наизусть. Познакомившись потомъ съ Вукомъ, онъ выражалъ свое сочувствіе его предпріятію не только тѣмъ, что уступилъ ему свои матеріалы, но еще существеннѣе покровительствомъ, оказаннымъ главнымъ его живымъ источникамъ, гайдукамъ или слѣпцамъ, какъ Тешану Подруговичу, Филиппу Вишничу, одной слѣпой женщинѣ изъ Гргуревца (сл. статью д-ра Никол. Крстића въ Гласникѣ др. срб. слов., т. 20, стр. 236—243, и въ издаваемой Луб. Стояновичемъ «Преепискѣ» II. 105. 107. 115. 119. 122.124. 125. 128. 146. 187. 189. 245). Эта поддержка, оказанная архимандритомъ одного монастыря, людямъ не то нищимъ не то разбойникамъ, могла, конечно, вызвать соблазнъ высшаго духовнаго начальства: мы нисколько не удивляемся, что митрополитъ Стратимировичъ вознегодовалъ на такое странное, какъ ему казалось, гостепріимство Мушицкаго и запретилъ ему поддерживать Вука. Конечно, этотъ запретъ не имѣлъ успѣха. Много лѣтъ спустя Мушицкій разсказывалъ, какъ онъ спряталъ бывшій у него какой-то

портретъ Вука, чтобы монахи не видали его (Преп. II. 250). Мушицкій не переставалъ быть искреннимъ другомъ Вука и Копитара. Онъ оказывалъ Вуку существенную помощь во время составленія словаря. Къ нему обращался Вукъ за совѣтомъ, когда надо было отличить *ћ* отъ *ђ* (объ этомъ много говорится въ письмахъ Мушицкаго. Преп. II. 161—166, 171—9, 184—6); предложенный Мушицкимъ образецъ буквы ђ былъ даже принятъ Вукомъ: «све ћу вам ђервове, печатне и рукописне, ваше, Гершиħеве и Солариħеве, изрезати на једном листу и додати к Рѣчнику, па нека люди бираю по вольи а я ћу Ваше употребити у Рѣчнику, зашто ми се найболѣ допада». Мушицкій не имѣлъ ничего противъ того, чтобы отбросить лишнее ъ (уже въ 1805 г. году была напечатана одна книжка Савы Текеліи безъ ъ), о *ль* и *нь* см. отзывъ въ Преппскѣ II. 170. 179; *ы* казалось ему нужнымъ только для славено-сербскаго языка, но Мушицкій отстаивалъ *я*, *ѣ*, *ю*, для смягченія предпочиталъ *ь* и не сочувствовалъ крайнему фонетическому началу въ правописаніи. Напр., Вукъ спрашивалъ, какъ писать *узки* или *уски*, *женитба* или *женидба* (ib. 122), какъ писать *людски*, *войводски*, *градски*, *господски* (ib. 179—180); *србски* или *српски*. Отвѣты Мушицкаго не удовлетворяли не столько Вука, который былъ бы даже сговорчивѣе, сколько Копитара, увлекавшагося въ этомъ вопросѣ началами древнегреческаго правописанія. Вукъ говорилъ (ib. 188): «айде нека иде *градски*, *изженити*, *исшетати*, али зашто *оттворити*»? И относительно буквы х Вукъ недоумѣвалъ, былъ даже не прочь оставить ее (что онъ потомъ и сдѣлалъ), Мушицкій не далъ рѣшительнаго отвѣта (ib. 136. 166), относительно х существуетъ его ученая аргументація въ письмѣ 1817 года, онъ предлагалъ даже особую букву.

Когда уже словарь Вуковъ былъ напечатанъ, Мушицкій дѣлалъ возраженія противъ формы буквъ *ћ* и *ђ*, *ль*, и предлагалъ улучшенія (Преп. II. 281—287). Замѣчательно, что Мушицкій не сопротивлялся введенію буквы ј (хотя онъ отстаивалъ *я*, *ю*, *ѣ*), по крайней мѣрѣ нигдѣ не видно, чтобы онъ въ этой буквѣ видѣлъ латинскую ересь. Правда, Вукъ желалъ отъ него больше рѣшительности въ пользу орѳографической реформы (сл. Гл. 75, стр. 287, 291 и еще въ 1825 г. ib. 300, см. заявленіе Мушицкаго въ IV т. Стихотвореній, въ его эпиграммахъ, кн. I. 1820 г. 6. 7. 14, кн. III. 1821 г. 14—16). Только отъ своего «славеносербскаго» Мушицкій не отступалъ, въ особенности въ поэзіи высшаго сорта, какимъ онъ самъ считалъ свои оды. Онъ ссылался также на внутреннее богатство этого языка въ сравненіи съ неразработаннымъ еще простонароднымъ. Возраженія Вука дѣлались отчасти отъ имени Копитара, авторитетомъ котораго Вукъ прикрывалъ свою полемику. Такъ, напр., посылая ему Марціала, онъ поручилъ перевести его по желанію Ко-

питара на языкъ сербскій, не славеносрбскій или лучше србославенскій; а на счетъ богатства церковно-славянскаго языка онъ передавалъ ему опять мнѣніе Копитара: «Копитар вам не дае за право, што кажете да е мало внутренье богаство езыка нашега и да е народъ нашъ слабо мысліо и размышляо. Онъ каже да ніеднога народа езыкъ ніе внутренье богатіи одъ српскога; народне су ріечи само оне, кое народъ познае, говори и треба» (Гл. 75, 295). Интересно, что Вукъ, настаивавшій постоянно на томъ, чтобы Мушицкій сочинялъ свои оды на чисто сербскомъ языкѣ (сл. Гл. 75, стр. 256. 257. 260), чтобы избѣгалъ въ сербскомъ языкѣ несербскихъ словъ (даже *обѣд* вм. *ручак* было тогда еще по мнѣнію Вука «славено-сербское» слово), возвратившись изъ своей поѣздки въ Россію (1820), подтрунивалъ надъ Мушицкимъ, увѣряя его, что русскіе читатели даже чисто «славенскихъ» одъ его не признаютъ по языку славянскими (ib. 285). Оттуда онъ дѣлалъ заключеніе: «Српски дакле пјевајте»! Мушицкій, какъ и нынѣшніе сербы Сербіи и Срема, не сочувствовалъ употребленію южнаго нарѣчія («јекавскаго») для литературнаго языка, но въ этомъ пунктѣ Вукъ былъ неуступчивъ (сл. Преп. II, 261, отвѣтъ Вука ib. 263), руководимый болѣе широкими взглядами, чѣмъ его современники. Наконецъ и Мушицкій по неволѣ сдался (Преп. II. 264).

Разные планы Мушицкаго такъ и остались планами. Такъ, напр., какъ разъ въ то время, когда дѣла его въ монастырѣ запутывались, онъ подумывалъ объ изданіи литературнаго журнала (Гл. 75. 253, въ 1816 году), заходила даже рѣчь о названіи его «Вѣстникъ» (ib. 257. 264); на дѣлѣ не вышло ничего. Потомъ говорилось о томъ, что онъ составляетъ какой-то славянскій, т. е. церковно-славянскій словарь, или какъ онъ говорилъ, «словникъ славеносрбски допунительныи или прибавительныи къ србскоме» (въ 1816 г., Гл. 75, стр. 255), надъ которымъ онъ будто бы работалъ съ давнихъ временъ. И объ этомъ мы не знаемъ подробностей. Когда возникъ вопросъ ороографическій (1817 г.), Мушицкій представилъ Вуку и Копитару на обсужденіе какую-то статью «о изоставляњю и промѣнљиваню писмена», которая имъ обоимъ, въ особенности же Копитару весьма понравилась (ib. 263). Куда дѣлась эта статья, не знаемъ. Что Вукъ возлагалъ на него надежды, что онъ могъ бы дѣйствительно написать грамматику церковно-славянскую или сербскую исторію литературы, свидѣтельствуетъ (помимо собственныхъ плановъ Мушицкаго по поводу учрежденія одного литературнаго общества) еще совѣтъ, данный Мушицкому Вукомъ. Когда дѣла монастырскія обстояли весьма неблагополучно, денежной помощи не являлось ни съ какой стороны, Вукъ сказалъ (1820, стр. 287): «дајте славенску граматику и српску литературу на свијет па ће онда бити и славе

и новаца и кредита». Такихъ несбыточныхъ надеждъ было и кромѣ того въ жизни Мушицкаго нѣсколько; напр., онъ задавался мыслью перевести грамматику Добровскаго (Преп. II. 268—9. 271. 289). Мы уже слышали, что одно время и Колларъ думалъ найти пріютъ у Мушицкаго, но Шафарикъ отговаривалъ его отъ иллюзій, препятствіемъ служило его лютеранство (Переп. II. 329. 331). Рѣчь заходила и о Вукѣ, что онъ поѣдетъ къ нему, какъ когда-то въ Шишатовацъ, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ собирать новый матеріалъ (Преп. II. 315). Изъ этого тоже ничего не вышло. Какъ епископъ онъ мечталъ объ учрежденіи православной гимназіи въ своей епархіи—но и этотъ планъ не состоялся (Переп. II. 318). О сношеніяхъ его съ разными учеными пока знаемъ очень мало. Съ Копитаромъ онъ состоялъ въ переепискѣ, начиная съ 1811 года (сл. Письма II. 785—7). Извѣстно также, что онъ былъ въ перепискѣ съ Тургеневымъ, Кайсаровымъ, Кеппеномъ. Нѣсколько писемъ, сюда относящихся, напечатано у меня (сл. Новыя письма 694—70). Замѣчательно, что Мушицкій далъ нѣкоторымъ образомъ первый толчекъ къ учрежденію «Матицы сербской». Во время самаго стѣснительнаго положенія своего онъ составилъ въ 1820 году планъ литературнаго общества, которое изданіемъ его сочиненій поддержало бы его денежно. Эту мысль его усвоилъ въ 1823 году поклонникъ его Іованъ Хаджичъ, желая издать въ пользу Мушицкаго его оды. Такимъ образомъ явилось изданіе «Лѣтописи» (1824), для обезпеченія же ея какъ повременнаго изданія основана въ 1826 году Матица сербская.

Пока Мушицкій защищалъ дуализмъ («нашъ сугубый языкъ»), ярыми защитниками исключительно славеносербскаго направленія были два сербскіе воспитанника русскихъ учебныхъ заведеній Павелъ Кенгелацъ и Терлаичъ. Кенгелацъ родился въ Кикиндѣ (1770), учился въ Сегединѣ, Шопронѣ (Эденбургѣ) и Кезмаркѣ (около 1790), но потомъ попалъ въ духовную академію въ Петербургѣ, гдѣ и получилъ степень доктора богословія. Здѣсь онъ состоялъ воспитателемъ дѣтей перешедшаго на русскую службу извѣстнаго педагога Янковича де Миріево, что доставило ему возможность поѣхать въ Германію (въ 1797 онъ получилъ въ Галле степень доктора философіи). Говорятъ, что онъ былъ также въ Парижѣ и Лондонѣ. Во всякомъ случаѣ слава объ его учености проникла и до его родного города Кикинды, гдѣ при возвращеніи его на родину встрѣтили его съ крестами и хоругвями! Онъ ушелъ въ монахи послѣ неудачныхъ попытокъ на политическомъ поприщѣ—говорятъ, чтобы убѣжать отъ преслѣдованій мадьярскаго «поджупана» (vicecomes) Марфи. Но и въ духовномъ званіи, кажется, не повезло ему. Митрополитъ Стратимировичъ недолюбливалъ его. Онъ скончался въ качествѣ архи-

мандрита одного монастыря († 1834), не достигши архіерейскаго сана, хотя еще въ 1826 году Вукъ сообщалъ Мушицкому, что Кенгелацъ пріѣхалъ въ Вѣну, чтобы проложить себѣ дорогу къ архіерейству (Преп. II. 309). Вукъ отзывался о его сочиненіяхъ въ области естественныхъ наукъ (Естествословіе вышло въ Будимѣ 1811, Всемірнаго сбытіясловія часть первая, въ Будимѣ 1821—то и другое славянскимъ шрифтомъ, на славено-сербскомъ языкѣ съ удареніями) полу-иронически, полу-серьезно: «Богме се он прослави мимо све наше владике и архимандрите: он ако и није владика, али је доказао да је вредан бити владика и у Руса и у Луторана, а камо ли у Срба!» (Преписка II. 292, относится къ 1822 году). О языкѣ его дастъ понятіе слѣдующая выписка: «Печахся, елико славянски сам разумѣвао, чисто славянски писати. Большимъ отъ мене славяномъ возмнится твореніе или стvлъ мой простъ; мнѣ равнымъ угоденъ якоже и мнѣ; полуученымъ и школскимъ лисовомъ (Schulfüchsen!) высокъ и теменъ!». Говорятъ, его учепая «естественная исторія» надѣлала у сербовъ такого шума, что заподозрили его даже въ плагіатѣ; Россійская Академія должна была оправдать его! (О Кенгельцѣ имѣется статья въ Летописѣ Матицы Сербской 1880 г., кн. 124).

Григорій Терлаичъ, тоже воспитанникъ Россіи, состоялъ одно время (около 1795 г.) на службѣ у русскаго посланника въ Вѣнѣ Голицына, потомъ переѣхалъ окончательно въ Россію, гдѣ въ Педагогическомъ институтѣ получилъ мѣсто «профессора всемірной исторіи». Кромѣ исторіи его занимала также литература. Онъ писалъ оды, какъ Мушицкій. Но на первомъ планѣ у него стояла любовь къ разсужденіямъ о славено-сербскомъ языкѣ. Въ 1801 году вышелъ въ Будимѣ его переводъ «Нумы» русскаго поэта Хераскова, подъ заглавіемъ: **Нꙋ́ма и́ли процвѣта́ющій Ри́мъ** 8°. XXIV. 231. Раньше еще онъ издалъ въ 1793 г. «Забавленіе единаго лѣтнаго утра или удивленіе естественнымъ красотамъ» и въ томъ же году «Идеа или мужеска и женска добродѣтель». Къ первому тексту прибавлено какъ приложеніе «Увѣщаніе представляющее серблемъ побужденія къ присвоенію себѣ славянскаго языка своего». Въ переводѣ «Нумы» онъ ссылается на эту свою рекомендацію сербамъ учиться славянскому языку слѣдующими словами: «Въ свое время нарочно писахъ и издахъ книжицу, въ коей предложихъ причины требующія всего вниманія нашего къ прекрасному славянскому языку и старанія преобладать имъ совершенно» (въ подлинникѣ эти слова слав. шрифтомъ съ удареніями). Усердіе въ пользу «прекраснаго славянскаго языка» побуждало его подумать и о составленіи грамматики: «Заеже оускорити пріобрѣтеніе неоцѣнимаго сокровища сего, зато нынѣ паче всего занимаюся сочиненіемъ нуждныѧ грамматики коя скоро ꙗвится и нашъ трудъ сей облегчитъ». Ка-

жется, этотъ трудъ не «явился», о чемъ едва ли кто будетъ жалѣть. Но сочиненія Терлаича стоило бы подробнѣе разобрать, хоть бы какъ образецъ жалкаго заблужденія. Вотъ какъ онъ опредѣлялъ задачу сербскихъ филологовъ (въ концѣ своего «Нумы»): «Воистину времѧ оуже єсть и намъ (т.-е. сербамъ) помышлѧти не ѿ ѿчищеніи и оукрашеніи простаго нашего ѧзыка, но токмо старатисѧ ѿ присвоеніи намъ чистаго, богатаго и прекраснаго славѧнскаго ѧзыка нашего». Всего этого легко по его мнѣнію достигнуть въ кратчайшій срокъ, надо бы только взяться за дѣло директорамъ народныхъ школъ, учителямъ и проповѣдникамъ (стр. 228). Нареканія его напоминаютъ намъ Константина философа и грамматика временъ деспота Стефана Лазаревича. Вотъ о чемъ Терлаичъ скорбѣлъ: «никто не хощетъ оучащейся юности сказати, како наше Ы произносить подобаетъ: бити и быти равно произношаемъ, гдѣ єдиначе толикое различіе єсть въ значеніи. Тако сирый и сырыи, сынъ и синь, и прочая». Въ лексиконѣ онъ тоже находилъ различные камни преткновенія: «вредный єже знаменуетъ оубыточный, шкодливый» употребляется по его мнѣнію неправильно въ значеніи: способный, проворный, благоковарный (!). Онъ спрашиваетъ: «не говоримъ ли оубо наопакѡ, называюще того вреднымъ человѣкомъ кого хвалити хощемъ»? Онъ находилъ много подобныхъ случаевъ, забывая при этомъ только одно, что церковно-славянскій, русскій и сербскій языкъ — не одно и то же. Конечно, сербовъ можно до извѣстной степени извинить, говорилъ Терлаичъ, потому что у нихъ еще нѣтъ ни «языкословія» ни «словаря». Онъ зналъ только о грамматикѣ Мразовича (1794 года), которую не считалъ удовлетворительной, надѣялся однако, что новое изданіе ея (которое въ 1800 г. уже вышло) будетъ лучше. Какая близорукость во всемъ этомъ рвеніи! Терлаичъ надѣялся, что найдутся помимо Мразовича еще и другіе «славяне», которые постараются обратить вниманіе «къ ѡчищенію зарослаго полѧ ѧзыка нашего», а не зналъ, хотя не мудрено было узнать, о существованіи такихъ грамматикъ, какъ Антона Рельковича (первымъ изданіемъ въ 1767 г., вторымъ 1774, третьимъ 1789) или Ланосовича (первымъ изд. 1778, вторымъ изд. 1789, третьимъ 1795). См. выше стр. 180 (гдѣ въ первой строкѣ 1798 слѣдуетъ исправить въ 1778). Обѣ эти грамматики были предназначены преимущественно для Славоніи, онѣ и озаглавлены какъ грамматическія руководства «славонскаго» языка. Какъ далеко отъ Славоніи до Срема, Бачки и Баната? И все же ученые Кенгельцы, Терлаичи, да пойдемъ дальше, даже такіе люди, какъ Мушицкій, который былъ умнѣе прочихъ, не считали эту дѣятельность, посвященную братьямъ того же народа, только другого вѣроисповѣданія, имѣющей какое-либо отноше-

ніе къ нимъ. Въ лучшемъ случаѣ дѣлались «переводы» съ хорошаго народнаго языка на вычурную смѣсь «славено-сербскую», какъ было уже сказано про Рельковичевъ «Сатиръ», то же самое сдѣлано съ Дошеновой «Аждаей» (1803) и еще нѣкоторыми другими сочиненіями.

Въ грамматикахъ Рельковича и Ланосовича попадается много любопытныхъ мелочей. У Рельковича замѣтно стремленіе быть пуристомъ, поэтому онъ началъ свое руководство спискомъ иностранныхъ (напр., турецкихъ) словъ, которымъ онъ противополагалъ славянскую замѣну (между иностранными словами приводится также *чаша* и *грозница*!). Курьезное различіе установляетъ грамматикъ между титулами «господине» и «господару», перечисляетъ подробно, кого надлежитъ титуловать «господине» и кого «господару». Дамамъ перваго класса присваивается названіе «госпоя», второго «господарица» или при случаѣ «майсторица». Дочерямъ подобаетъ безъ различія титулъ «господична».

Кромѣ «славянскихъ» грамматикъ вышла въ 1785 г. вторымъ изданіемъ (при словарѣ) иллирская грамматика Делла Беллы, и въ началѣ XIX-го столѣтія еще двѣ: Appendini на итальянскомъ языкѣ (см. выше на стр. 182) и Старчевича на хорватскомъ (1812), но все это для ревнителей славяносербскихъ было — terra incognita.

Благодаря сочувственному отзыву Копитара (Kl. Schriften 143—4) очень сталъ извѣстенъ Сава Мркаль своей книжечкой «Сало дебелога ера либо азбукопротресъ» 1810, 8°. 18. Новое изданіе вышло въ собранныхъ грамматическихъ и полемическихъ сочиненіяхъ Вука (I. 209—216), такъ что мы теперь въ состояніи, независимо отъ мнѣнія Копитара, составить себѣ понятіе о достоинствѣ этой книжечки. Въ предисловіи перечисляются тѣ изъ сербскихъ писателей, кто уже рѣшился печатать безъ Ъ: Обрадовичъ, Стойковичъ, Текелія, Соларичъ, Дошеновичъ, въ примѣчаніи прибавленъ еще Лука Миловановъ. Начиная съ общихъ разсужденій о природѣ звуковъ языка вообще и сербскаго въ частности, авторъ переходитъ къ славянскому алфавиту въ его зависимости отъ греческаго. О Ь говорится «єрь танко (Ь) ние писме, но само знак умегчательни», а о Ъ разсуждаетъ такъ: Кириллъ прибавилъ Ъ «кой би нас опоминявао да онде гдье он стои никаков умегчак бити не имаде. Излишна, свеца ми, провидльивост. Болѣ би свети Ћирило учинио био, кад би нас на мѣсто многи други непотребни, сва тако постаюшта научио писмена. Тада му не би ни за танко єр требало било разбияти главу». Эта критика, выходящая изъ невѣрныхъ посылокъ, намъ кажется теперь уже аляповатой. Перебирая отдѣльныя буквы, онъ стоялъ на правильной точкѣ зрѣнія, когда требовалъ, чтобы *е*, *и*, *у* были чистыя гласныя, *і* соотвѣтствовало бы ла-

тинскому *j*, ȣ и ѵ онъ выбросилъ изъ алфавита. О гласной χ сказано очень умно: «за χ сельани сербльи не знаду, но мало улюдниі почти свагда га изговараю и ꙑ га за то употреблявам». Излишнимъ находилъ буквы ѿ щ ѣ є ꙗ ѧ ю ѯ ѱ ꙋ, а также и ѡ. «За дебело єр (Ъ) не треба ни да говоримо»., но что сдѣлать съ Ь: «Колико се до мога мнѣния каса, требало бы нам писмена *дь*, *ль*, *нь*, као што имамо *ть*, под каковим ни буд обликом изрезати, пак танкоме єру онда казати пут за дебелим. Тако би азбука наша добила 29 писмена измедьу кои никаково многозвучно, никаково звукопремѣнльиво, замѣнльиво или сложено било не би». До тѣхъ поръ, пока это не будетъ кѣмъ-нибудь сдѣлано (мы же знаемъ, что именно эту задачу исполнилъ Вукъ), мы должны оставить Ь нетронутымъ, такъ думалъ Мркаль.

Противъ возможныхъ возраженій авторъ написалъ «неки отвіети», это сдѣлано уже съ примѣненіемъ его орѳографіи. Противъ тѣхъ, кто боится смѣшенія понятій, если писать бити въ значеніи бить и въ значеніи быть, онъ указываетъ на латинское est panem и est in officio и очень удачно приводитъ семь различныхъ значеній слова «горе»: 1-е род. ед. числа silvae, 2-е имен. множ. ч. silvae, 3-е винит. множ. silvas, 4-е глаголъ 3-е лицо м. ч. ardent, 5-е аористъ ardebat, 6-е нарѣчіе peius, 7-е нарѣчіе superius! На вопросъ, цѣлесообразно ли нѣкоторыя обычныя буквы похерить, онъ отвѣчаетъ утвердительно, ссылаясь на облегченіе для дѣтей и на правильное произношеніе. Этотъ коротенькій анализъ показываетъ, что Копитаръ, дѣйствительно, не преувеличивалъ, когда сказалъ, что на этихъ 18 страницахъ содержится больше языкознанія, чѣмъ во многихъ толстыхъ грамматикахъ.

Сава Мркаль (или Мркайль) родился въ 1783 г. въ хорватской Военной Границѣ, былъ учителемъ въ Госпичѣ, потомъ кончилъ юрид. академію въ Загребѣ и поѣхалъ въ Пештъ, гдѣ онъ слушалъ лекціи по философіи и математикѣ. Здѣсь онъ познакомился съ Миловановымъ, написалъ и издалъ упомянутое полемическое разсужденіе. Но уже въ 1811 г. онъ поступилъ въ монахи, перебрался въ монастырь Гомирье (гдѣ тогда архимандритомъ былъ Раячичъ) и черезъ два года опять покинулъ монастырь. Преслѣдуемый всѣми приверженцами консервативной орѳографіи, онъ написалъ въ 1817 г. «Палинодія. Обрана дебелога ъ» и напечаталъ ее въ газетѣ Давидовича (перепеч. въ Вук. полем. сп. I. стр. 98 и сл.). Доводы его, приводимые здѣсь въ пользу *ъ* мало убѣдительны. Онъ говоритъ напр., что *въ*, *къ*, *съ* безъ гласныхъ нельзя бы произносить, и вдается въ физіологическія тонкости, забывая, что по физіологической теоріи каждая согласная должна бы быть провожаема извѣстнымъ спутникомъ. Очень остроумно онъ выставляетъ нѣкоторые случаи, гдѣ дѣйствительно было бы лучше и теперь еще писать *ъ* (или *ь*), чѣмъ не-

красивое двоеточіе: на връу, я самъ тръо, попаде ме некаква дръадъ, пръати, съ вруа, подъ гръоца, връомъ ножа. Отвѣтъ на эту «Палинодію», написанный Вукомъ и Копитаромъ, приводится въ новомъ изданіи на стр. 101—105. Несчастный Мркаль лишился въ 1827 г. ума, скончался же въ 1835 г. въ Вѣнѣ. Онъ былъ первымъ юго-славянскимъ физіологомъ по звукамъ сербскаго языка; если бы не помѣшали его занятіямъ очень несчастныя личныя обстоятельства, онъ могъ бы оказать большія услуги сербскому языку въ этомъ направленіи.

Вспомнимъ еще добрымъ словомъ Луку Милованова, родомъ изъ Босніи, но ребенкомъ онъ переѣхалъ съ отцомъ въ Срѣмъ, отецъ скончался въ 1820 г. въ Винковцахъ. Сынъ посѣщалъ Пештскій университетъ, получилъ потомъ въ Пештѣ мѣсто учителя; когда же отъ простуды оглохъ, перебивался съ трудомъ. Онъ умеръ въ 1828 году. Оставшееся въ рукописи его еще въ 1810 году написанное сочиненіе «Опит настављења к србској сличноречности и слогомјерју или просодии» издано потомъ (въ 1833 г.) Вукомъ. Приступая къ опредѣленію слога въ просодическомъ отношеніи какъ краткости или долготы, онъ долженъ былъ коснуться звуковой стороны языка, и въ своихъ разсужденіяхъ сходился съ Савой Мркалемъ. Въ алфавитѣ послѣ *де* пишетъ *дь*, послѣ *ел* ставитъ *ель*, точно такъ *ень* и *тье*; и онъ различаетъ *и* отъ *і*, называя *и* гласной, *і* согласной. Про *і* говоритъ: ја се до сада пригнути не мого да га јотом назовем, него велим да је *и*, само у првом случају разумјевајући, да је цјело *и*, а у другом полу *и*. О смягченныхъ *дь*, *ть*, *ль*, *нь*, пишетъ: «за сад нужде ради тако, докле у штампи не добиіу сливен и прости знак». О своемъ отношеніи къ Мркалѣ онъ говоритъ въ предисловіи, помѣченномъ авг. 1810 г. такъ: пока его книжка получила 10 авг. 1810 г. цензурное разрѣшеніе, вышелъ въ сентябрѣ Мркалевъ «Азбукопротрес». Когда же весной 1811 года русскіе пѣвчіе хотѣли книжку Милованова напечатать, онъ получилъ отъ цензора внушеніе не дѣлать этого, потому что правописаніе книжечки совпадало съ Азбукопротресомъ, или же измѣнить орѳографію. Но авторъ не согласился: «Ја нити сам Азбукопротресом на овај правописања начин наведен нити ћу оно што сам дуговетним разлишљавањем и многим с ученим људма о том разговарањем за правилно нашао, с неправилним промијенити». Миловановъ основываетъ свое изложеніе на другихъ аргументахъ, чѣмъ Мркаль. Онъ не занимался физіологіей звуковъ, но читалъ мадьярскую грамматику Реваи и кое-что изъ сочиненій Добровскаго (Јавор 1877).

ГЛАВА XV.

Сербская народная поэзія и Вукъ Караджичъ, реформа сербскаго литературнаго языка и правописанія.

О существованіи народной поэзіи у славянъ, въ особенности южныхъ, имѣются свѣдѣнія у поэтовъ и бытописателей XVI, XVII и XVIII вѣковъ. Далматинскіе поэты Гекторовичъ и Бараковичъ внесли въ свои поэтическія сочиненія образцы такъ называемыхъ «бугарщицъ» (эпическихъ пѣсенъ элегическаго содержанія). Принявшій участіе въ одной дипломатической миссіи въ Константинополь словенецъ Курипешичъ разсказывалъ о герояхъ, воспѣваемыхъ сербами и хорватами. Подобныя упоминанія сохранились у польскихъ писателей XVII стол. относительно южно-славянской и южно-русской народной поэзіи. Значеніе этихъ фактовъ тогда еще не было сознано. Въ Англіи впервые стали съ уваженіемъ и сочувствіемъ относиться къ проявленіямъ духовной жизни простого народа. Къ этому присоединился энтузіазмъ Руссо въ пользу возстановленія идеальной простоты первобытной жизни. Съ тѣхъ поръ начали обращать болѣе вниманія на значеніе поэзіи еврейской (Lowth) и Гомеровской (Wood), а также собирать англійскія и шотландскія баллады (Percy), появились пѣсни Оссіановы Макферсона и его подражателей или поклонниковъ въ родѣ Клопстока въ нѣмецкой литературѣ. Никто не вникъ столь глубоко и съ такимъ чутьемъ въ смыслъ этихъ новыхъ данныхъ культурнаго свойства, какъ нѣмецкій поэтъ и философъ Гердеръ. Будучи поклонникомъ идей Руссо, онъ примѣнилъ ихъ къ изслѣдованію духовной жизни народовъ. Оттуда его любовь къ народной поэзіи, его желаніе прислушиваться къ откликамъ народной души въ произведеніяхъ народнаго творчества. Въ народной поэзіи онъ усматривалъ не только настроеніе души, производимое впечатлѣніями природы, а также осадокъ старинныхъ вѣрованій, воззрѣній и преданій. Поэзія первобытныхъ народовъ представлялась ему въ родѣ архива народной жизни, въ которомъ хранятся знаніе и вѣрованіе, ѳеогонія и космогонія, память о славныхъ подвигахъ предковъ, картина ихъ старинной жизни. Своимъ усердіемъ собирателя онъ далъ хорошій примѣръ многимъ другимъ, центральное же положеніе нѣмецкой литературы содѣйствовало къ широкому распространенію его воодушевленія въ особенности въ средѣ славянъ, охотно прислушивавшихся къ его хвалебнымъ отзывамъ какъ о важности народнаго творчества вообще, такъ и о красотѣ славянской народной поэзіи въ частности. Въ книжечкѣ, изданной въ 1778 г. въ Лейпцигѣ («Volkslieder», мал. форм. стр. 331, въ большомъ изданіи нашего времени т. XXV, 127—310), помѣщена въ кн. II, № 8 (стр. 130—138, новаго изд.

стр. 196—200) пѣсня «Ein Gesang von Milos Cobilich und Vuko Brankowich» съ прибавкой, что это заимствовано изъ Фортиса Osservazioni, и въ кн. III. № 24 (стр. 309—314, новаго изд. 295—298): «Klagegesang von der edlen Frau des Asanaga», съ прибавкой, что и это изъ Фортиса, но здѣсь указано на нѣмецкій переводъ, изданный въ 1775 въ Бернѣ: «Die Sitten der Morlaken» и прибавлено, что нѣмецкій переводъ этой пѣсни принадлежитъ не самому Гердеру. Какъ извѣстно, пѣсня о Кобиличѣ попала въ трудъ Фортиса изъ Качича (въ изданіи 1759 года на стр. 59), а пѣсня объ Асанагиницѣ изъ того же Фортиса по переводу, сдѣланному Гёте (сл. монографію Миклошича: «Ueber Goethe's Klagegesang von der Edlen Frauen des Asanaga, Wien 1883, съ дополненіями Пніовера въ Anzeiger der Zeitschr. f. d. Alterth. XXVIII, 402 и сл., сл. также статью Барча въ Gegenwart 1883, т. XXIV, № 41).

Вторая книжечка Гердеровыхъ «Volkslieder» вышла въ 1779 году съ обширнымъ изложеніемъ его мыслей, не всегда вѣрныхъ: простонародное спутано съ широко распространеннымъ популярнымъ. Здѣсь помѣщены въ кн. II, № 28: «Radoslaus» (на стр. 161—166, новаго изданія 444—449) и № 29 «Die schöne Dollmetscherin» (сл. 167—171, нов. изд. 449—452). Гердеръ прибавилъ, что обѣ пѣсни заимствованы изъ рукописи Фортиса еще неизданной. Новѣйшій же издатель сочиненій Гердера объяснилъ это примѣчаніе, доказавъ точную основательность его (сл. Goethe Jahrbuch VI, 37 A. 2). Обѣ пѣсни взяты тоже изъ Качича (изд. 1759 г. стр. 27, 155). Ко второй пѣсни Качичъ прибавилъ отъ себя: «такъ поетъ нашъ народъ, кто хочетъ вѣрить пусть вѣритъ, кто не хочетъ, «нека мируje». Кромѣ этихъ двухъ «морлацкихъ повѣстей» Гердеръ помѣстилъ еще какъ № 30 «Die Fürstentafel», указавъ на чешскую лѣтопись Гаека какъ источникъ, а въ приложеніи (Anhang) напечатано еще «Das Ross aus dem Berge» (въ нов. изд. стр. 614) — тоже изъ чешской лѣтописи Гаека (то и другое по изданію Добнера 1763). Переводъ сдѣланъ Гердеромъ, и замѣчательно, въ трохейскихъ десятисложныхъ стихахъ — готовый образецъ для Ганки, когда онъ сочинялъ «Любушинъ судъ». Наконецъ въ изданіе Гердера попала одна юмористическая пѣсня полабскихъ славянъ изъ изданія Эккарда Historia studii etymologici. Hannover. 1711 (въ выпускѣ I. 104, нов. изд. стр. 183). Вотъ и все, касающееся славянъ. Даже Гердеръ, зорко слѣдившій за подобными явленіями, не могъ ничего найти во всѣхъ прочихъ славянскихъ литературахъ! Когда послѣ смерти его († 1803) вдова поручила извѣстному историку Миллеру (Johannes von Müller) приготовить новое изданіе Volkslieder (народныхъ пѣсенъ), книжка получила отъ новаго издателя то заглавіе, подъ которымъ изданіе сдѣлалось популярнымъ въ славянскомъ мірѣ: «Die

Stimmen der Völker in Liedern», нужды нѣтъ, что новѣйшій издатель Гердера выборъ этого заглавія называетъ неудачнымъ.

Восторгъ Гердера относительно новой отрасли поэзіи не былъ всѣми раздѣляемъ. Одни считали вкусъ его черезчуръ демократическимъ, другіе черезчуръ консервативнымъ. Въ числѣ враговъ его былъ также Шлёцеръ, подсмѣивавшійся надъ новой породой франтовъ — богослововъ, которымъ простонародныя ярмарочныя пѣсни кажутся интереснѣе догматики. Не далеко отъ Шлёцера ушелъ также нашъ Добровскій, какъ мы видѣли выше (стр. 136). Напротивъ неожиданнаго союзника пріобрѣлъ Гердеръ въ лицѣ знаменитаго филолога Фрид. Авг. Вольфа, «Prolegomena» котораго (1795) были ему на руку. Съ тѣхъ поръ число почитателей народной поэзіи изъ года въ годъ возрастало. Упомянутый историкъ Миллеръ обратилъ между прочимъ вниманіе на книжечку дубровчанина Ферича (Fabulae ab illyricis adagiis desumptae, 1794), въ которой сербскія пословицы облекались въ поэтическія басни (напр. поговорка «юначка мати прва заплаче» дала поводъ разсказу въ 23 ямвійскихъ триметрахъ: Pulli aquilini et gallina; или же поговорка «ко може и конь му може» вызвала басню «Rusticus equi medicus» и т.). Миллеръ написалъ Феричу открытое посланіе, излагающее важность народныхъ преданій въ смыслѣ Гердера: «Illyricum, heroum mater, bellis quidem et magnis olim triumphis claruit. Quam vellem, placeret tibi, civi optimo, quae in proverbiis expertus es, in reliquis popularium fabulis, cantibus, historiarum traditionibus audere». Феричъ отозвался, напечатавъ въ 1799 г. новую книжечку въ стихахъ, въ которой жалуется на свои преклонныя лѣта, не допускающія его покидать свое мѣсто, характеризуетъ восклицаніе oh! credas ululare lupos, вспоминаетъ instrumentum quod Gusla vocatur, говоритъ о монотонности игры, о первомъ героѣ rex Marco, о пляскѣ «Коло» и, наконецъ, передаетъ содержаніе нѣсколькихъ пѣсенъ, прежде всего знакомые уже стихи Асанагиницы (объ этомъ латинскомъ пересказѣ забылъ вспомнить Миклошичъ), потомъ пѣснь о бановичѣ Страхіи и еще нѣсколько лирическихъ. (См. статью Касумовича: Dvije poslanice Gjura Ferića, въ журналѣ: Nastavni Vjesnik, X кн. 1902, Još jedan lat. prijevod ib. XIV. 1906, O latin. prijevodu nekijeh našijeh nar. pjesama, въ журналѣ: Školski Vjesnik, VII. 190, сл. еще Nast. Vjesnik, кн. VIII).

Другой любитель народной поэзіи и всѣхъ простонародныхъ преданій явился въ Германіи въ лицѣ Якова Гримма. О немъ скажемъ еще нѣсколько словъ, когда рѣчь зайдетъ о дѣятельности Вука Караджича. Но изъ переписки его съ Добровскимъ (въ «Archiv f. sl. Phil.» I и II) видно, что онъ еще до появленія Вука разспрашивалъ о славянскихъ сказкахъ, сагахъ, раз-

считывая найти въ нихъ кое-что миѳологическое. Добровскій не раздѣлялъ увлеченій Гримма, отвѣчалъ довольно сдержанно и холодно, указывалъ на собраніе народныхъ пѣсенъ у иллирійцевъ, по большей части передѣланныхъ (несомнѣнно подразумѣвался Качичъ) и въ одномъ письмѣ приводилъ по изданію Слова о полку Игоревѣ (1800) начало одной былины. Попытка Добровскаго по этому случаю исправить текстъ для возстановленія риѳмы доказываетъ, что у него не было правильныхъ понятій о размѣрѣ народной поэзіи. Стоитъ упомянуть еще, что въ богатой и очень содержательной перепискѣ Добровскаго съ Дурихомъ нигдѣ нѣтъ и рѣчи о народной поэзіи, да и въ перепискѣ съ Копитаромъ лишь изрѣдка. Если въ первомъ письмѣ къ Копитару Добровскій спрашивалъ его, имѣются ли у южныхъ славянъ дѣйствительно старыя пѣсни и каковъ ихъ размѣръ (въ 1808 г., Копитаръ былъ тогда еще въ Люблянѣ), то это показываетъ только, что вопросы о народной поэзіи тогда уже были на очереди (Добровскому, конечно, были извѣстны «Stimmen der Völker»). Копитаръ могъ насчетъ своихъ словенцевъ отвѣтить только уклончиво, но относительно хорватовъ онъ подтвердилъ существованіе народной поэзіи (Письма I. 40).

О важности собиранія и изученія памятниковъ народной поэзіи стали тогда уже писать и у прочихъ славянъ, напр. Коллонтай (Kołłątai) и Вороничъ (1802. 1803) у поляковъ, у Русскихъ же открытіе Слова о полку Игоревѣ дало крѣпкій толчокъ дальнѣйшимъ розыскамъ (и фальсификаціи), но изданныя въ 1804 году въ Москвѣ «Древнія рускія стихотворенія» (безъ подробныхъ указаній) остались пока незамѣченными, въ сравненіи со «Словомъ» смотрѣли на нихъ какъ на нѣчто простое, грубое, мужицкое. Въ южной Венгріи, гдѣ, какъ мы слышали старaніемъ митрополита Карловицкаго Стратимировича образовывался кружокъ любителей наукъ, уже въ 1805/6 годы молодой преподаватель Мушицкій разспрашивалъ у своихъ учениковъ, кто изъ нихъ знаетъ народныя пѣсни. Въ числѣ воспитанниковъ находился также прославившійся потомъ Вукъ Караджичъ. Онъ самъ, посвящая въ 1815 году вторую книжку своей «Народной србской пѣснарицы» «Ярнею Копытару крайнцу» сознается, что Мушицкому и Копитару онъ обязанъ проснувшейся въ немъ любовью къ собиранію и изданію сербскихъ пѣсенъ. Но Вукъ не былъ только собирателемъ и издателемъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ, на долю его выпала роль несравненно важнѣе: онъ сдѣлался реформаторомъ совокупной сербской письменности, онъ преобразовалъ сербскую орѳографію, водворилъ въ литературу чисто народный сербскій языкъ по образцу лучшаго нарѣчія герцеговинскаго, того же самаго, которое даже безъ вѣдома сербскаго реформатора въ теченіе столѣтій процвѣтало въ литературѣ дубровницкой. Та-

кимъ образомъ Вукъ и не догадываясь шелъ навстрѣчу объединенію всѣхъ сербовъ и хорватовъ, рядомъ же съ нимъ съ запада прокладывалъ дорогу къ осуществленію той же идеи Гаевъ иллиризмъ. На дѣятельности этихъ двухъ реформаторовъ стоитъ остановиться подробнѣе.

О дѣятельности Вука Стефановича Караджича писалось очень много, но всесторонняго критическаго изслѣдованія до сихъ поръ нѣтъ, такъ какъ его обширная переписка, значительно освѣщающая совокупный характеръ этого выдающагося человѣка, до сихъ поръ не вполнѣ издана. Это изданіе подъ редакціей г. Любомира Стояновича теперь на очереди. Пишущій эти строки могъ воспользоваться первымъ томомъ (Вукова преписка. Књига прва. Београд, 1907) и 32 листами второго тома. Объ интимной сторонѣ Вука, какъ человѣка и пріятнаго собесѣдника, написалъ въ свое время И. И. Срезневскій очень поучительный разсказъ въ Московскомъ Сборникѣ (1846). Сжатый разборъ его реформы по отношенію къ языку представленъ мною въ «Književnik'ѣ» 1863 г. вып. 4. Тѣмъ и другимъ воспользовался Ристо Ковачичъ въ своемъ нѣсколько растянутомъ, многословномъ этюдѣ, напечатанномъ въ журналѣ дубровницкомъ «Slovinac» 1881 (III-й годъ изданія). Въ 1882 году вышла въ Москвѣ монографія П. Кулаковскаго о Вукѣ Караджичѣ, въ которой предметъ далеко не исчерпанъ. Въ 1888 году напечаталъ Іованъ Бошковичъ въ Бѣлградѣ торжественную рѣчь о Вукѣ. Послѣднее и до сихъ поръ самое лучшее, сжатое обозрѣніе дѣятельности этого реформатора представлено Л. Стояновичемъ въ сербскомъ академическомъ органѣ «Глас» (1899) вып. LV. Какъ въ свое время Вукъ страдалъ отъ несправедливыхъ и пристрастныхъ нападокъ на его реформы, такъ послѣ окончательной побѣды всѣхъ его стремленій домашніе сербскіе писатели, касаясь Вуковой реформы, легко впадаютъ въ противоположную крайность — преувеличенный панегирическій тонъ. Критическая точка зрѣнія должна стараться избѣгать обѣихъ крайностей.

Вукъ Стефановичъ Караджичъ родомъ изъ Тршича, села сербскаго заселеннаго въ 1737 году выходцами изъ Герцеговины (прежде тутъ же существовала деревня «Старо Село»), на западной границѣ Сербіи, считалъ своимъ днемъ и годомъ рожденія 26 окт. 1787. У отца Стефана Іоксимова и матери Егды Симовой Зрничевой было пятеро дѣтей, скончавшихся вскорѣ послѣ рожденія. Тогда, по народному вѣрованію, новорожденнаго шестого ребенка назвали Вукомъ (волкомъ), чтобы вѣдьмы не могли испортить его. Читать и писать онъ выучился у своего родственника Ефты Савича-Чотрича: въ иллюстрированномъ букварѣ была между прочимъ нарисована какая-то ужасающая птица (не соловей ли русскихъ былинъ?), возбуждавшая дѣтскую

фантазію. Въ 1795 г. отецъ отправилъ его въ Лозницу въ школу, но ученіе прекратилось изъ-за появившейся эпидеміи. Въ монастырѣ Троношѣ онъ больше прислуживалъ, чѣмъ учился, но все-таки на 17 году своей жизни онъ слылъ самымъ грамотнымъ юношей во всей окрестности. Слабое физическое развитіе, мѣшавшее ему сдѣлаться священникомъ или купцомъ, направляло его къ продолженію книжныхъ занятій. Взоры его были устремлены на Срѣмъ, но вспыхнувшее въ Сербіи возстаніе нуждалось дома не только въ физическихъ герояхъ, а также въ грамотныхъ юношахъ. Такимъ образомъ онъ исполнялъ должность писаря у войводы ядарскаго Чурчіи (біографію его онъ помѣстилъ въ альманахѣ «Даница» за 1828 г.). Когда же отецъ пострадалъ отъ турокъ, потерявъ все свое состояніе, молодой Вукъ покинулъ родной край и уѣхалъ въ Карловцы учиться. Здѣсь по собственному его признанію былъ его учителемъ Мушицкій, но пока они, повидимому, еще не сошлись. Вукъ поѣхалъ дальше въ Хорватію, въ городъ Петриню, чтобы основательнѣе изучить нѣмецкій языкъ, но его тамъ пребываніе не было продолжительно. Въ 1807 году онъ возвратился въ Сербію и былъ здѣсь опять секретаремъ у войводы Якова Ненадовича въ Лозницѣ. Пристрастіе войводы къ сербскимъ пѣснямъ о подвигахъ народныхъ юнаковъ, воспѣваемыхъ простонародными рапсодами, дало Вуку возможность собрать въ своей свѣжей памяти богатый репертуаръ эпическихъ пѣсенъ, но всего онъ все-таки не запомнилъ. Когда Бѣлградъ достался сербамъ, Вукъ получилъ назначеніе въ качествѣ секретаря при «Правительствующемъ совѣтѣ». Тутъ онъ сошелся съ Юговичемъ, который помогалъ ему въ чтеніи нѣмецкихъ книгъ, доставляя ему книжки въ родѣ «Eduard Rosenthal, Eine abentheuerliche Geschichte» (Leipzig 1784). Ревматическая болѣзнь заставила его искать средствъ для лѣченія на минеральныхъ водахъ въ Мехадіи и въ Пештѣ, но онъ возвратился (въ 1810 г.) въ Сербію, хромая и употребляя костыль.

Сначала онъ былъ учителемъ въ Бѣлградѣ, съ 1811 г. по 1813 г. чиновникомъ таможеннымъ и судебнымъ въ Кладовѣ, Брзой Паланкѣ и другихъ мѣстахъ сѣверо-восточной Сербіи (имѣются письма къ нему въ Кладово 1811 г., въ Брегово 1812 г., въ Неготинъ, въ Брзу Паланку 1813 г.). Вращаясь здѣсь на восточной границѣ Сербіи въ средѣ народа, онъ имѣлъ возможность прислушиваться къ особенностямъ сербскаго восточнаго говора и сравнивать его съ своимъ южнымъ. Говорятъ, уже теперь онъ любилъ записывать кое-что изъ этихъ наблюденій въ свою книжечку. Неблагопріятный поворотъ политики сербской въ 1813 году заставилъ Вука вновь покинуть Сербію и отправиться въ Карловцы и дальше на сѣверъ черезъ Венгрію въ— Вѣну. Въ августѣ 1813 года онъ былъ еще въ Бѣлградѣ: поздней осенью

т. г., должно быть, очутился уже въ Вѣнѣ. Не видно изъ переписки, чтобы у него были какія-либо рекомендательныя письма отъ Мушицкаго къ Копитару. Напротивъ съ Мушицкимъ онъ ближе сошелся только въ 1814/5 году (Преп. I. 142). Копитаръ, начавшій переписку съ Мушицкимъ уже въ 1811 году (Письма I. 231—238. 278), даже въ концѣ 1813 года не упоминаетъ Добровскому еще ничего о Вукѣ. Онъ жаловался въ это время на языкъ «Сербскихъ новинъ», которыя начали выходить съ августа 1813 года въ Вѣнѣ; о редакторахъ же говорилъ: sunt boni et quotidie se emendant . . . dicunt se non audere pure, prosto, scribere, ne.. subscribentes offendant.

Когда и по какому случаю Копитаръ познакомился съ Вукомъ въ самомъ концѣ 1813 или же въ началѣ 1814 года, — остается пока не вполнѣ выясненнымъ (см. Разсказъ у Бошковича, стр. 53). Но въ письмѣ 20 февр. 1814 Копитаръ уже отзывается въ письмѣ своему соотчичу Жупану съ большой похвалой о правильномъ языкѣ Вука: «Est hic Vuko quidam qui praeclare scribit serbice» (Письма II. 265). Какъ скоро они подружились, свидѣтельствуютъ письма Вука Копитару отъ 28 февр. 1814 и отъ 18 мая 1814 (Вукова Преп. I. 130—133). Первая книжечка сербскихъ народныхъ пѣсенъ была тогда уже приготовлена для печати (посвященіе и предисловіе помѣчены 25 янв. 1814 г., значитъ Вукъ тогда еще былъ въ Вѣнѣ). А какъ рано орѳографія сдѣлалась предметомъ его заботъ, видно изъ письма 6/18 мая изъ Будима, гдѣ онъ проситъ Копитара въ «Пѣснарицѣ» вм. *тѣ* поставить *ћ*, не употреблять *я ѣ ю*, а писать *ьа*, *ье*, *ьу*, не *і* а *и*, *ѣ* выражать черезъ *э*, только въ началѣ словъ или послѣ гласныхъ оставить *я* и *ю*. Въ изданіи исполнены всѣ желанія Вука, только *э* замѣнено буквой *є*. Долгіе слоги южнаго произношенія гласной *ѣ* переданы черезъ *ие*, позднѣйшее *ј* черезъ *й*, но послѣ гласныхъ или въ началѣ словъ *јu* передается черезъ *и*: *мои*, *кои*, такъ и *моега*.

Изъ первыхъ писемъ Вука, а также изъ его книжечки «Пѣснарица» узнаемъ многія интересныя подробности. Между прочимъ тутъ разсказано, что очень рано попалъ въ руки молодого серба одинъ русскій «Пѣсенникъ» и одно изданіе пѣсенъ Качича. Извѣстно, что Копитаръ, не познакомившись еще порядочно съ содержаніемъ Качича, внушалъ молодому Вуку передѣлать эту книгу на сербскій ладъ кирилловскимъ шрифтомъ (Преп. I. 134. 699). Но онъ вскорѣ убѣдился въ неправильности этого своего взгляда на книгу Качича и, конечно, уже не настаивалъ на передѣлкѣ этого сочиненія. Вукъ, напротивъ, уже тогда изъ Будима увѣрялъ своего новаго друга, что лучшая мечта его была бы поселиться окончательно въ Вѣнѣ: «Али я ћу опет доћи да видим не Беч, не Пратер, не Шенбрун, него — Вас (Преп. I. 137).

«Пѣснарица» Вука вышла въ іюлѣ 1814 года (въ началѣ іюля еще не

была напечатана. Преп. I. 139). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя (осенью того же года) появилась также «Писменица сербског̃а іезика по говору простог̃а народа». Для того и другого изданія Вукъ перебрался было вновь въ Вѣну, гдѣ и остался до ноября, не дождавшись однако возвращенія Копитара изъ поѣздки въ Парижъ. Кончивъ эту свою первую задачу, онъ поѣхалъ въ Карловцы, для того чтобы на югѣ собирать новый матеріалъ. «Писменица» Вука была конечно только первой очень скромной попыткой, неудовлетворительность которой никто не сознавалъ лучше его. Цѣль его была—дать хорошій примѣръ, хоть бы при этомъ самъ лично и пострадалъ. «Мене іе истинита ревност к роду моме ободрила и принудила ме да зажмурим и да іеданнут тумарим главом кроз ово терньe, макар на ону страну сав подерап и крвав изишао; само нека се зна стаза, коіом би се други могао лагше усудити да подье». Въ этихъ словахъ содержится программа всѣхъ стремленій Вука. Въ сравненіи съ правописаніемъ «Пѣсн̂арицы» здѣсь замѣтны уже опять нѣкоторыя измѣненія—лучшее доказательство его заботливости объ усовершенствованіи. Вмѣсто э или є здѣсь онъ пишетъ їе (ї уже здѣсь указываетъ на позднѣйшее j), *ђ* и *њ* передаетъ черезъ *дь*, *нь*; *ю* и *я* еще рѣшительнѣе выброшено за бортъ. Ссылаясь на различіе между языка̀ми церковно-славянскимъ и сербскимъ, Вукъ находилъ естественнымъ желаніе устроить также ороографію для сербскаго языка самостоятельно (Преп. I. 145).

«Писменица» основывается на системѣ грамматики Мразовича (по изданію 1800 года), состоитъ изъ трехъ частей: I. Правописанье и Правоизговаранье риѐчи. II. Познаванье и скланьанье риѐчи. III. Саставльанье разговора риѐчи. Въ I части разсуждается о правописаніи, съ похвальнымъ отзывомъ о попыткѣ Савы Мркаля; *ы*, *є*, *ю*, *я* отклоняются (взамѣнъ ихъ *и*, *їа*, *їе*, *їу*), по аналогіи буквы *ћ* предлагаются монограммы для *ђ*, *љ*, *њ*, только въ другомъ видѣ, чѣмъ теперь, о џ нѣтъ рѣчи, но *х* еще остается. Въ главѣ объ удареніяхъ нѣтъ еще точной разницы между ′ и ̑, Вукъ обозначалъ тра́ва, ра́на (sc. храна) а также во́з, стру́к; удареніе ′ названо «пригласило одульуїуће». Только для род. падежа мн. ч. онъ допускалъ удареніе «преодульуїуће» въ видѣ ̑, протягивающееся черезъ два слога: десет льу̑ди, шест ко̑нья, седам іѐзика. Разница между ̀ и ̏ еще не установлена, т.-е. одинаково обозначалось ра̀на, вра̀на и но̀га, во̀да; но долгое удареніе падающее чувствовалось какъ «пригласило преподижуће» въ бла̑го, дра̑го, зла̑то. Падежей Вукъ зналъ только шесть (предложнаго еще не различалъ отъ дательнаго). Для четырехъ склоненій приведены образцы: апостол, вода, сласт, полье — село. Въ прилагательныхъ формы какъ «добар» названы «усіечены», форма «питомо̀ме» считается народной при церковно-славянскомъ «питомому», точно такъ въ род.

мн. ч. «питомие» при «питомй», которое впрочемъ у него же осталось въ употребленіи. Къ спряженіямъ прибавлены личныя мѣстоименія *їа ти он*, допускалось существованіе сослагательнаго наклоненія съ приставкой союза *да* къ формамъ изъявительнаго накл., только рядомъ съ «іа ћу бити» indic. пишется «да ї̈а будем» coniunct. рядомъ съ indic. «ї̈а ћу бивати» какъ coniunct. «ако ї̈а узбивам». Къ спряженію глагола «оћу» прибавлено какъ повелительное наклоненіе *дела ти*, *дела ми*, *нека он*, *дете ви*, *нека они*, въ отрицательномъ значеніи *немої̈*. Образцами спряженій служатъ глаголы *карам*, *орем*, *творим*. Формы имперфекта названы «полупрошавшим временем»: биах, ћадиах, карах, орах, творах, (2-ое и 3-е лицо — ше), аористъ же названъ «скоро прошавшимъ» временемъ: бих, ћедох, карах, орах, творих. Сложныя формы «іа сам карао» и «ї̈а сам био карао» считались «давнопрошавшими» временами 1 и 2. Но въ сослагательномъ наклоненіи первое «давнопрошавшее» передается такъ: ї̈а би био, ї̈а би бивао, ї̈а би ћео, ї̈а би карао, орао, творио; второе же «давнопрошавшее» выражается такъ: да ї̈а биах био, бивао, да сам ї̈а био ћео, карао, орао, творио. И въ будущемъ времени различались формы сослагательнаго наклоненія отъ изъявительнаго: ї̈а ћу ћети: ако ї̈а ћетбудем; ї̈а ћу карати, орати, говорити: ако ї̈а ускарам, узорем, устворим. Вукъ старался провести черезъ всѣ формы также «залог страдательни» и «залог повраћательни». Образованіе имперфекта вызывало нѣкоторыя затрудненія, однѣ формы обнаруживали ту же согласную какъ въ настоящемъ времени: гребах, ї̈едах, гризах, тресах, плетах, стрижах, жежах, пиї̈ах, чуї̈ах, жаньах, мельах, тарах, другія же отступали: веньах (венем), тоньах (тонем), куньах (кунем), пециах (печем), туциах (тучем), сї̈ециах (сї̈ечем), вуциах (вучем). Такія затрудненія, т.-е. «отступленія отъ правила» Вукъ находилъ также въ формахъ: льубльах, терпльах, судьах, гажах, ношах, праћах и т. д. Не менѣе затруднительнымъ оказалось «скоро прошавшее время, т.-е. аористъ, гдѣ рядомъ съ орах (Вукъ отмѣтилъ разницу въ удареніи, пѝсах — пи́сах, стру̑гах — стру́гах, но безъ обозначенія долготы послѣдняго слова въ имперфектѣ) имѣются окончанія «неправильныя» на — ох.

Вукъ уѣхалъ въ ноябрѣ 1814 на югъ (въ Карловцы), чтобы легче провести зиму и продолжать собираніе народныхъ пѣсенъ. Копитаръ, возвратясь въ Вѣну, написалъ отзывъ о писменицѣ (сл. Kl. Schr. I. 310—320), гдѣ по существу сдѣлано очень мало возраженій (напр., требуется еще седьмой падежъ, отклоняется сослагательное наклоненіе, лишнее *ї̈а ти он*, и т. д.), но въ правописаніи указывается на необходимость введенія буквы *j* (предложенные монограммы для *ћ ђ љ њ* Копитару не понравились), повелительнаго «немой» не сумѣлъ и Копитаръ объяснить. Суровѣе отнесся къ опыту Вука Добровскій

(сл. Письма I. 421). Оцѣнивъ даровитость молодого серба, Копитаръ привыкъ очень рано распоряжаться его дружбой, преданностью и податливостью, онъ сталъ навязывать ему одну идею за другой. Еще въ августѣ 1815 г. онъ пишетъ Добровскому, что Вукъ кромѣ продолженія Пѣснарицы долженъ написать еще словарь (lexicon serbico-altslavico-germanicum, Письма I. 406), а черезъ мѣсяцъ уже говоритъ: Mein Vuk macht jetzt ein serbisches Lexikon (ib. 409). Вукъ самъ сознавалъ, что онъ почином этихъ предпріятій обязанъ Копитару. Уже въ мартѣ 1815 г., когда онъ проживалъ еще на югѣ (въ Новомъ Садѣ), сорвалось у него съ языка слѣдующее признаніе: «да ніе Вас било, ни ту Писменицу ни Пѣснарицу никад небы свѣт од мене видіо» (Преп. I. 145). Но пока Вукъ, побуждаемый своимъ вѣнскимъ другомъ, собиралъ народныя пѣсни, требованія Копитара шли уже дальше. Въ одномъ письмѣ отъ 11 апр. 1815 (Преп. I. 489—92) онъ указывалъ ему (ссылаясь на планъ общества, задуманнаго Як. Гриммомъ, сл. Преп. II. 1—3) между прочимъ на народныя преданія въ видѣ сказокъ и сагъ. Вукъ тогда еще и не понималъ точно этого выраженія (Преп. I. 146).

Второй въ 1815 году изданный выпускъ «Пѣснарицы» доказываетъ, что Вукъ съ каждымъ годомъ критичнѣе понималъ свою задачу по отношенію къ точной передачѣ памятниковъ народнаго творчества. Въ предисловіи онъ увѣряетъ читателей, что второй томикъ правильнѣе «у смотренію говора народног'» (сл. также Преп. I. 168), т. е. здѣсь онъ старался быть точнымъ въ сохраненіи различій народныхъ говоровъ относительно произношенія гласной *ѣ*. Вукъ различалъ тогда три говора (уже въ Писменицѣ): а) герцеговинскій, в) срѣмскій, г) славонскій, т. е. южный (іекавскій), восточный (экавскій) и западный (икавскій). Какъ мало тогда еще читающая публика понимала значеніе этой разницы, доказываютъ слова Вука, что сербы Срѣма и Южной Венгріи противъ употребленія южнаго говора легко возражали бы, что это «хорватскій» языкъ. Даже Вукъ самъ нѣсколько лѣтъ спустя измѣнилъ это дѣленіе сербскаго языка на три говора, вычеркнувъ славонскій (т. е. икавскій) и замѣнивъ его — ресавскимъ. Это былъ шагъ не впередъ, а назадъ, отъ лучшаго къ худшему. Безъ сомнѣнія Вукъ испугался возможнаго возраженія, какъ онъ посмѣлъ вносить славонскій говоръ (католическихъ «шокцевъ») въ область сербскую. Это измѣненіе къ худшему сдѣлано въ грамматикѣ, напечатанной при словарѣ 1818 года. Во второмъ томикѣ «Пѣснарицы» поражаетъ неожиданный поворотъ въ правописаніи къ прежнему способу, несвойственный природѣ Вука консерватизмъ. Тутъ вдругъ является ѣ въ концѣ словъ, возстановлены буквы *я ю ѣ й ы*, *ї* передъ гласной; «њему» «јагње» пишется *нѣму ягнѣ*, и пд., осталось только *ћ*. Не вызванъ ли

этотъ поворотъ къ худшему пребываніемъ его въ Шишатовцѣ и сближеніемъ съ Мушицкимъ? Замѣчательно во всякомъ случаѣ, что въ письмѣ къ Мушицкому (авг. 1815 г.) и въ письмахъ 1816 года (Преп. I. 152—165) Вукъ употреблялъ старые пріемы правописанія. Какая иронія судьбы, что какъ разъ этотъ томикъ пѣсенъ посвященъ — Копитару. Вукъ возвратился съ юга въ Вѣну лѣтомъ (послѣ 28 іюня) 1815 г.; пребываніе между сербами обогатило его собраніе многими пѣснями (Преп. I. 142). На этотъ разъ онъ оставался въ Вѣнѣ очень не долго, въ декабрѣ мѣсяцѣ возвратился опять въ Срѣмъ (Преп. I. 152), съ нарочной цѣлью позаняться словаремъ. Для этого онъ сталъ учиться у Мушицкаго латинскому языку, Копитаръ же долженъ былъ снабдить его различными словарями («да нам пошлѣте Ваше све шокачке рѣчнике» Преп. I. 153, 26 янв. 1816). Копитаръ исполнилъ желаніе не раньше 18 марта 1816 (Преп. I. 158), словарь Микальи не удалось пока отыскать. Въ то время трудъ его уже нѣсколько подвинулся, слова были почти всѣ приведены въ алфавитный порядокъ, но Копитаръ и Добровскій все еще недоумѣвали, каковъ собственно долженъ быть этотъ словарь. Добровскій предлагалъ ограничиться сербскими писателями (Письма I. 421), Копитаръ внушалъ Вуку сдѣлать изъ присланныхъ словарей извлеченіе, прочее же прибавить изъ собственной памяти и почерпнуть изъ окружавшей его среды (Преп. I. 158). Вукъ поторопился съ предварительнымъ «Объявленіемъ», приглашая на подписку. Изъ этого объявленія видно (Скуплєни грам. и полем. списи В. Ст. Кар. I. 92—97), что самъ Вукъ поддаваясь плану Копитара, обѣщалъ подписчикамъ словарь, въ которомъ содержались бы всѣ слова, находящіяся у Курцбека, Деллабеллы, Бѣлостѣнца, Ямбрешича, Стулли, Вольтиджи и Хайма, да кромѣ того цѣлая треть настоящихъ сербскихъ, не имѣющихся въ упомянутыхъ словаряхъ. Турецкія слова должны бы попасть въ Приложеніе. Указывалось на удареніе и на объясненіе словъ нѣмецкимъ языкомъ. Относительно «славянскихъ» выраженій, столь употребительныхъ въ тогдашнемъ литературномъ славеносербскомъ языкѣ, сдѣланъ намекъ на особый словарь, приготовляемый другимъ лицомъ (глухой намекъ на Мушицкаго!). Замѣчательно, что о правописаніи словаря не сказано ни слова — разумная осторожность, такъ какъ тогда еще этотъ вопросъ не былъ и у него самого выясненъ. Въ письмѣ 10/22 марта 1816 г. опять повторяется прекрасное признаніе, что со времени знакомства съ Копитаромъ онъ мало по малу сталъ все ближе подходить къ уваженію настоящаго народнаго языка и что словарь, наконецъ, уже будетъ записанъ и напечатанъ такъ, какъ народъ говоритъ (Преп. I. 156/7).

Нѣсколько преждевременное приглашеніе на подписку словаря объясняется стѣснительнымъ положеніемъ Вука. Онъ нуждался въ средствахъ для существованія и надѣялся получить нѣсколько денегъ отъ подписчиковъ. Возвратясь въ августѣ въ Вѣну, у него закипѣла работа надъ словаремъ благодаря живѣйшему участью Копитара въ теченіе осени и зимы 1816 г., о чемъ была уже рѣчь выше (стр. 194 и слѣд.). Сл. отзывы объ усердіи Копитара въ письмахъ Мушицкому (Преп. II 107. 118/119), о замѣнѣ итальянскаго языка латинскимъ (ib. 121. 124)—итальянскій языкъ желалъ главнымъ образомъ П. Соларичъ въ пользу своихъ далматинскихъ сербовъ-подписчиковъ (Преп. I. 164), о рѣшеніи снабдить словарь реальными этнографическими объясненіями (ib. 122. 145), и это была мысль Копитарова (самъ Вукъ говорилъ: «Копитаръ ме на то наћерао»). Изъ переписки съ Мушицкимъ явствуетъ, что тотъ помогалъ и содѣйствовалъ при рѣшеніи различныхъ предварительныхъ вопросовъ, напр. при выборѣ названія словаря словомъ «рѣчникъ» (ib. 137, 142, 145, 148, названіе «Рѣчникъ» осталось по волѣ Вука), при окончательномъ предпочтеніи данномъ принципу фонетическаго правописанія (это мысль Копитарова), съ которымъ отчасти соглашался также Мушицкій (ib. 133), только писаніе «српски» (черезъ *п*) ему никакъ не нравилось. Главнымъ же образомъ Мушицкій интересовался начертаніемъ буквы ђ, его предложеніе было принято (объ этомъ говорится выше на стр. 358).

За неимѣніемъ средствъ начало печатанія словаря затянулось до поздней осени 1817 или даже до начала 1818 года (Преп. II. 211), хотя Копитаръ еще лѣтомъ 1817 г. сообщалъ Добровскому: Lexicon Vukii vix non finitum. Возможность приступить къ печатанію была дана знакомымъ купеческимъ семействомъ Тирка-Демеличъ (Преп. II. 194), ссудившимъ Вука тремя тысячами гульденовъ. Когда, наконецъ, приступили къ печатанью, наборъ подвигался быстро, въ іюнѣ 1818 г. были уже при буквѣ К, въ іюлѣ при О, въ сентябрѣ при Т, но подъ конецъ опять произошла задержка за неимѣніемъ денегъ. Въ октябрѣ или нѣсколько позже купеческій домъ Тирка ссудилъ его опять двумя тысячами. Печатая словарь Вукъ пустилъ въ ходъ второе объявленіе въ мартѣ 1818 года (Скуп. грам. и полем. списи В. С. К. I. 182—186), въ которомъ не безъ умысла оставлено старое правописаніе, хотя словарь уже печатался новымъ правописаніемъ. Издатель прибѣгъ къ этой невинной хитрости, чтобы не вооружать противъ себя многочисленныхъ противниковъ орѳографической реформы, о которой и теперь не упомянуто ни словомъ, даже названіе оставлено еще на русскій ладъ, говорилось «о србскоме словару»; даже во вторичномъ объявленіи 23 іюля 1818 г. все еще говорится

о «србскомъ словарѣ»! На дѣлѣ же вышелъ въ первой половинѣ декабря 1818 года не «србски словар», а — «Српски рјечник истолкован њемачким и латинским ријечма, скупио га и на свијет издао Вук Стефановић». (Нѣмецкое заглавіе подъ сербскимъ: Wolf Stephansohns Serbisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch, латинское подъ этимъ: Lupi Stephani F. Lexicon Serbico-germanico-latinum). У Бечу (Wien, Viennae) gedruckt bei den P. P. Armeniern 1818. 8⁰. LXXII. 927.

Вукъ, печатая словарь, предсказывалъ въ письмахъ къ друзьямъ, напр., Мушицкому, съ полной увѣренностью, что трудъ его будетъ «тріумфомъ сербскаго языка», что ни у одного славянскаго народа нѣтъ такого словаря. Онъ, дѣйствительно, сдержалъ слово. Словарь его былъ въ славянской наукѣ для своего времени — явленіемъ единственнымъ. Ни въ одномъ словарѣ не проведено начало строгаго подбора исключительно простонародныхъ словъ съ такой послѣдовательностью, какъ здѣсь. Ни въ одномъ не обойденъ литературный языкъ такъ безжалостно, какъ въ этомъ словарѣ; а такъ какъ въ то время цѣлая западная половина сербско-хорватскаго народа и языка была Вуку еще совсѣмъ неизвѣстна, поневолѣ пришлось и въ области простонароднаго языка ограничиться языкомъ Сербіи, Срѣма и южной Венгріи. Вукъ не исполнилъ и не намѣревался по позднѣйшему своему плану исполнять обѣщанія, даннаго въ первомъ объявленіи, что въ словарь его войдутъ всѣ слова, содержащіяся въ словаряхъ Микальи и Деллабеллы, не говоря уже о прочихъ тутъ же перечисленныхъ печатныхъ словаряхъ. Нѣтъ, онъ хотя быть можетъ и читалъ эти словари, не смѣлъ изъ нихъ брать тѣ слова, которыя ему не были извѣстны; напр., въ словарь его не попали изъ Микальи слѣдующія народныя слова: благовати, блазина, блазнити, блудити, блудник, бодац (въ значеніи болѣзни pleuritis), богословац, братична, бравар, бређ, бридак (есть только бритка сабља), бродити (въ значеніи navigare), бродар, бучити и т. д. Онъ, положимъ, читалъ эти слова, но не зная ихъ не вѣрилъ Микальѣ. Во второе изданіе большая часть ихъ вошла, но не всѣ. Это была, правда, нѣсколько односторонняя точка зрѣнія, но по крайней мѣрѣ надежная. И несмотря на все то, какое богатство словъ вошло въ словарь его, которыхъ напрасно искали бы у Микальи, Деллабеллы или Стулли! Еще въ одномъ отношеніи первое изданіе словаря остается и до сихъ поръ единственнымъ. Повинуясь указаніямъ и внушеніямъ Копитара, Вукъ включилъ въ свой словарь также слова неудобопечатаемыя (verba obscoena). Противники его, роясь по словарю насчетъ подобнаго рода словъ, подняли шумъ и доносы на автора; изъ Карловицкой митрополіи пошла даже жалоба въ Будимъ. Самъ Вукъ чувствовалъ потомъ, что въ данномъ случаѣ лучше

было бы не слушаться Копитара (въ письмѣ Якову Гримму 14 ноября 1823 г. Преп. II. 13). И дѣйствительно, во второмъ изданіи эти слова пропущены. Они не внесены, хотя это можно было бы сдѣлать, даже въ новѣйшее правительственное изданіе словаря 1898 года.

Въ словарѣ 1818 года проведены уже всѣ главныя реформы Вука, а именно: 1) Нынѣшняя графика относительно ћ ђ џ (противъ ћ ђ, правда, возражалъ еще въ концѣ 1821 года Мушицкій, Преп. II, 278. 282. 287, но Вукъ не уступалъ: въ сущности это и были мелочныя придирки), только насчетъ х еще не было ясно, чѣмъ его замѣнить, и тутъ Мушицкій вмѣшивался своей воображаемой ученостью (Преп. II. 140. 152—156. 164—170), но Вукъ пока рѣшилъ не писать х и ничѣмъ не замѣнять его. Поэтому онъ писалъ Ала для нѣмецкаго города Halle, Анка для чеха Hanka! Въ словарѣ буквы х вовсе нѣтъ, послѣ ф идетъ ц. Во второмъ изданіи этотъ недостатокъ исправленъ, послѣ того какъ самъ Вукъ, объѣзжая западную часть сербско-хорватскаго народа, убѣдился въ произношеніи буквы х въ Дубровникѣ. 2) Начало фонетическаго правописанія, съ нѣкоторымъ правда колебаніемъ, такъ, напр., пишется господски (безъ госпоцки), но љуцки (безъ људски, хотя есть људство), при господство ссылается на госпоство, напротивъ при брацтво на братство, и т. д. Такія непослѣдовательности существуютъ еще и во второмъ изданіи словаря. 3) Главныя слова снабжены удареніемъ, но тутъ еще Вукъ не былъ послѣдователенъ. Хотя онъ отмѣчалъ разницу между ̀ и ̏, — онъ самъ говоритъ въ грамматикѣ, что у ̀ двойное произношеніе, стр. XXXVI — но она не выдержана во всѣхъ случаяхъ, а только тамъ указана, гдѣ одно и то же слово по различному произношенію имѣетъ различное значеніе, напр., па̀ша и па̏ша, па̀ра и па̏ра, ја̀рица и ја̏рица, (въ словахъ бацати и ора въ словарѣ знака ̏ нѣтъ). Въ приложеніи къ грамматикѣ (на стр. LXXI) указано еще на разницу между ед. ч. сѐдло и мн. ч. се̏дла, сѐло и се̏ла, но вообще Вукъ еще не сознавалъ точной разницы между ̀ и ̏, утверждая, напр., что масло и весло «имају у имен. готово једнак глас», что невѣрно, ма̏сло и вѐсло слѣдовало различать, вѣрно же отмѣчено, что масло во множ. ч. не произносится «са свим тако оштро» т. е. не ма̏сла а ма̀сла. Впрочемъ и вѐсло вѣроятно во мн. ч. произносится ве̏сла, какъ по̏ље мн. ч. по̀ља. Какъ бы то ни было, Вукъ и въ словарѣ и въ грамматикѣ писалъ тогда еще безъ различія: жѐна, зми̏ја књи̏га, му̀ка, только въ грамматикѣ чувствовалъ разницу зват. падежа же̏но и же̏не, и въ множ. ч. им., вин. и зв. зми̏је. Какъ извѣстно точному проведенію разницы между ̀ и ̏ во второмъ изданіи словаря наука обязана Даничичу. Но Вукъ не только не разбиралъ тогда еще точно разницы между ̀ и ̏, а важнѣе то, что у него въ двухсложныхъ словахъ съ

долгой послѣдней гласной предыдущая всегда оставлена безъ обозначенія краткаго слабаго или остраго ударенія. Онъ напр. пишетъ: безјâк, бисâг, бољâр, викâч, гатњйк, довâт (дохват), јастрêб, комâд, копâч, колâч, кокôш, орâч, псовâч, радôст, что могло бы дать поводъ невѣрному умозаключенію, что тогда еще такъ и произносилось. Что такое умозаключеніе было бы поспѣшно и невѣрно, доказываетъ самъ авторъ своимъ точнымъ объясненіемъ въ грамматикѣ (стр. XXXVI) и болѣе точнымъ обозначеніемъ въ примѣрахъ, гдѣ пишется кòлâч, сòкô, тѐлâд, и т. д. Все это исправлено во второмъ изданіи. Еще одна неточность замѣтна въ пропускѣ обозначенія долготы предпослѣдняго слога въ существительныхъ средняго рода: досађи́вање, жи́вљење, стру́гање, спа́вање и т. д. И объ этомъ упомянуто въ грамматикѣ (XXXVI). Наконецъ, надо прибавить, что и здѣсь еще Вукъ употреблялъ знакъ ^ для обозначенія двухъ подрядъ долгихъ слоговъ род. мн. ч. Гриммъ, позанявшись пересмотромъ нѣмецкаго перевода грамматики для изданія, замѣтилъ тутъ нѣкоторую неопредѣленность и указалъ на нее Вуку въ письмѣ (Преп. II. 7—8). Вообще участіе и внимательность знаменитаго германиста, какъ усерднаго помощника въ изданіи нѣмецкаго перевода сербской грамматики (она вышла въ 1824 г. у Реймера въ Лейпцигѣ-Берлинѣ), принадлежитъ къ лучшимъ цвѣточкамъ позднѣйшей нѣмецкой романтики. Участіе Гриммово теперь великолѣпно освѣщено перепиской во II томѣ Вуковой «Преписки» (стр. 1—67), оно видно также въ разныхъ поправкахъ или дополненіяхъ въ нѣмецкомъ переводѣ грамматики сравнительно съ подлинникомъ, напечатаннымъ при словарѣ.

Грамматика при словарѣ значительно точнѣе и исправнѣе представляетъ анализъ сербскаго языка, чѣмъ это сдѣлано въ Писменицѣ. Здѣсь указано уже на слогообразовательное употребленіе звука р, внесена цѣлая глава объ измѣненіи согласныхъ, вм. шести падежей является также седьмой (предложный) съ указаніемъ даже разницы въ удареніи сравнительно съ дательнымъ (ства́ри: ствâри, ми́сли: мûсли). Глава о прилагательныхъ значительно исправлена (впрочемъ здѣсь и въ нѣмецкомъ переводѣ еще кое-что прибавлено). Въ спряженіи отброшены лишнія прибавки мѣстоименій: ја ти он. Не говорится о сослагательномъ, не представлено особаго образца страдательнаго спряженія и т. д. Дѣленіе сербскаго языка на три говора, при чемъ на икавскій вовсе не обращено вниманія (см. выше на стр. 375), не понравилось даже Гримму; не зная ничего объ икавскомъ говорѣ, онъ предлагалъ вполнѣ послѣдовательно говоры ресавскій и срѣмскій соединить въ одну сѣверно-восточную группу въ противоположность юго-за-

падной (Wuk's Stephanowitsch kl. Serbische Grammatik verdeutscht und mit einer Vorrede von Jacob Grimm, стр. XXIX).

Пока Вукъ былъ занятъ изданіемъ Пѣснарицъ, Писменицы и Словаря, появленіе въ сербской литературѣ двухъ романовъ Милована Видаковича — «Усамлѣный юноша» (1810) и «Любомиръ у Елісїуму» (1814 и 1817, двѣ части) — вызвало критику Вука и Копитара, напечатанную въ вѣнскихъ «Сербскихъ Новинахъ» 1815 и 1817 (теперь вмѣстѣ съ разными замѣчаніями Видаковича перепечатано въ Скупл. грам. и пол. списи I. 81—91, 106—181). Этотъ первый обширный обмѣнъ мыслей о сербскомъ языкѣ въ высшей степени поучителенъ. Все въ критикѣ Вука относящееся не къ языку, а къ техникѣ романа написано безспорно Копитаромъ или подъ его диктовку (напр., введеніе на стр. 81—82, большая часть того что на стр. 117—147), но и тамъ, гдѣ говорится о языкѣ, слышны отголоски Копитаровскихъ воззрѣній, напр., на стр. 150—151 разсуждаетъ скорѣе Копитаръ чѣмъ Вукъ, что каждый писатель пусть пишетъ такъ, какъ говорится въ его окрестности! Противъ этого просто анархическаго начала, которымъ восторгался Копитаръ по примѣру древнихъ грековъ, не обращая вниманія на культурныя потребности нашего времени, не допускающія каждой деревнѣ, каждой округѣ писать по своему — возставалъ уже давно Добровскій, отличавшійся въ этомъ отношеніи болѣе широкими взглядами, чѣмъ Копитаръ. Поэтому Видаковичъ обратился было къ Добровскому, чтобы авторитетомъ его защитить свою точку зрѣнія на потребность въ литературномъ языкѣ болѣе высокаго сорта (Сл. Письма Добр. и Коп. I, 426—430), но отвѣтъ старика не удовлетворилъ ни той ни другой партіи. Добровскій желалъ даже, чтобы въ сербскомъ литературномъ языкѣ писалось не *сунце*, *вук*, *суза*, а—*slnce*, *vlk*, *slza!* Такъ радикально не понималъ консерватизма литературнаго языка даже Видаковичъ! Въ это время была у Вука также полемика съ -ц- (Атанацковичемъ?), сл. Ск. сп. I. 190—207.

Къ Рождеству 1818 года Вукъ предпринялъ поѣздку въ Россію, она совершилась полутаинственно, не желалось давать ей огласку. Не трудно догадаться, какія причины побуждали его къ совершенію этой поѣздки. Онъ нуждался въ средствахъ существованія, желательна же была для него также нравственная поддержка. Противъ словаря возсталъ съ полнымъ авторитетомъ главы православія у сербовъ — митрополитъ Стратимировичъ. Вуку хотѣлось противъ Стратимировича заручиться одобреніемъ труда его со стороны не менѣе авторитетныхъ и не менѣе православныхъ представителей русскаго правительства и русской науки. Эта надежда его исполнилась какъ нельзя лучше. Всѣ взятые имъ съ собой экземпляры словаря разо-

шлись нарасхватъ. Поддержка матеріальная, кажется, не оправдала его, быть можетъ, преувеличенныхъ ожиданій. Повидимому, онъ разсчитывалъ между прочимъ на возможность напечатать въ Россіи, на казенныя средства, нѣсколько томиковъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ, отъ продажи которыхъ онъ обезпечилъ бы себѣ жизнь по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Но изъ этого ничего не вышло. Были еще и другія соображенія, не приведшія къ желанной цѣли. Вукъ надѣялся сговориться съ англійско-россійскимъ библейскимъ Обществомъ насчетъ перевода библіи, или пока по крайней мѣрѣ одного Новаго Завѣта, на простонародный сербскій языкъ, который Общество должно было издать на свои средства, трудъ же Вука щедро вознаградить. Кой-какія условія были дѣйствительно установлены еще въ Петербургѣ весной 1819 года (сл. Преписка I. 170—173). Вукъ вѣроятно и получилъ извѣстную сумму денегъ въ родѣ задатка, но переводъ его попалъ потомъ въ руки невѣжественнаго фанаріота бѣлградскаго и черезъ него достался бывшему харьковскому профессору Стойковичу на обсужденіе. Придерживаясь враждебнаго Вуку направленія Стойковичъ передѣлалъ, по словамъ Вука, переводъ его на языкъ славено-сербскій и въ такомъ видѣ былъ онъ даже напечатанъ въ 1824 году, но кажется не выпущенъ въ свѣтъ. Подлинная же рукопись Вука съ сдѣланными въ ней поправками, возвращена автору въ 1823 году въ Лейпцигѣ (сл. Преп. I. 251) и находится теперь въ вѣнской придворной библіотекѣ (сл. статью проф. Решетара въ Archiv f. sl. Phil. XVII. 626—629, о мнимыхъ поправкахъ Стойковича сообщилъ нѣкоторыя подробности еще Даничичъ въ 1847 году, напечатанныя въ газетѣ «Видов Дан» 1862 г. № 63. 129. 130. 131. 137. 140 (отд. отт. 16⁰, 25 стр.), подъ заглавіемъ: «Вуков пријевод Новога Завјета»).

Вукъ вращался въ Россіи въ кругу всѣхъ литературныхъ и научныхъ знаменитостей того времени, онъ видѣлъ Карамзина и Жуковскаго, графа Румянцова и Шишкова, Тургенева, Дмитріева, Калайдовича и т. д. Изъ нѣмецкихъ ученыхъ онъ пользовался особымъ расположеніемъ знаменитаго Аделунга. Славянолюбивый Шишковъ представилъ его въ одномъ засѣданіи членамъ Россійской Академіи. Московское Общество любителей россійской словесности почтило его избраніемъ въ члены. Путешествіе Вуково въ Россію шло изъ Кракова на Варшаву, Вильну и Псковъ въ Петербургъ, изъ Петербурга же на Новгородъ и Тверь въ Москву, изъ Москвы черезъ Тулу, Кіевъ въ Кишиневъ (здѣсь онъ прожилъ съ мѣсяцъ). Дальнѣйшее путешествіе по южному направленію было невозможно по причинѣ какой-то эпидеміи, онъ поѣхалъ черезъ Черновцы во Львовъ, гдѣ очутился къ концу

сентября 1819 года (оттуда одно письмо Мушицкому, Преписка II. 231). Поздней осенью онъ былъ уже въ Вѣнѣ, куда привезъ съ собой значительное количество русскихъ книгъ, а также нѣсколько имъ же собранныхъ русскихъ народныхъ пѣсенъ изъ Орловской губерніи, которыя хотѣлъ было издать въ Вѣнѣ (сл. Преписка II. 863, подробности въ статьѣ проф. Сперанскаго въ «Извѣстіяхъ», томъ XII, кн. 4, стр. 277—285, СПбгъ 1907). Въ Вѣнѣ онъ засталъ Добровскаго, который и какъ человѣкъ и какъ ученый внушалъ ему большое уваженіе (любопытный отзывъ о немъ въ письмѣ къ Мушицкому, Преп. II. 242—3). Между прочимъ у нихъ былъ ученый споръ насчетъ формы такихъ словъ, какъ кнѧзь сѧ или кнезь се, что́ старше. Сл. объ этомъ отчетъ Вука въ статьѣ, изданной въ «Новине Србске» за 1821 годъ, подъ заглавіемъ: «Писмо Димитрију Фрушићу у Бечу 19 нојемвра 1819» (теперь въ Скуп. грам. и полем. сп. II. 160). Подъ вліяніемъ Копитара Вукъ отстаивалъ первенство сербскихъ формъ (есть намеки на такой взглядъ еще въ 1816 году, Преп. I. 165) и излагалъ ходъ дѣла такъ, что уже славянскіе первоучители въ Моравіи употребляли формы моравскія, въ Болгаріи болгарскія!

Матеріальное положеніе Вука не было обезпечено, ему приходилось бороться съ нуждой, но едва-ли справедливъ былъ упрекъ, сдѣланный Копитаромъ Русскимъ въ письмѣ къ Добровскому: Vukium vere doleo, deceptum a Russis et tot nevolis circumventum (Письма I. 456). Часть русскихъ книгъ пришлось продать въ Прагу (Письма I. 452—3), что не понравилось Мушицкому (Преп. II. 271), въ глазахъ котораго дипломы на членство въ ученыхъ обществахъ имѣли чуть-ли не больше значенія, чѣмъ деньги (ib. 265). Лѣтомъ 1820 года Вукъ поѣхалъ черезъ Пештъ, Варадинъ (здѣсь впервые познакомился съ Шафарикомъ) въ Земунъ (письма Копитару, Преп. I. 179, и Мушицкому, Преп. II. 263) и дальше въ Сербію, гдѣ собирался завести школу взаимнаго обученія, должно быть, въ Крагуевцѣ. Въ связи съ этимъ планомъ стоитъ выписка различныхъ пособій черезъ Копитара изъ Вѣны (Преп. I. 182—3). Въ Крагуевцѣ онъ, конечно, познакомился съ Милошемъ, у котораго и жилъ въ качествѣ придворнаго человѣка (Преп. I. 184). Говорятъ, онъ хотѣлъ даже обучать его читать и писать. Пребываніе въ Сербіи продолжалось до апрѣля 1821 года (есть письмо изъ Крагуевца еще отъ 15 апр. 1821 г., Преп. I. 190, но въ маѣ говорится о немъ уже какъ уѣхавшемъ въ Вѣну, Преп. II. 486). Обращенія его къ Милошу за поддержкой его деньгами теперь напечатаны (въ Преепискѣ, II, стр. 536—547).

Въ центрѣ интересовъ все стоялъ словарь Вуковъ. Уже въ февралѣ

1819 года Копитаръ приставалъ къ Добровскому, чтобы тотъ защитилъ трудъ своимъ одобрительнымъ отзывомъ: Recense illum respectu bonae causae, pro qua crucifigitur a pharisaeis Carlovicensibus. Добровскаго опередилъ Яковъ Гриммъ, написавъ въ Göttinger Gel. Anzeigen сочувственный рефератъ. Но нападки на автора дома въ средѣ сербовъ не прекращались. Тремъ изъ нихъ, возставшимъ подъ различными псевдонимами, Вукъ отвѣтилъ въ 1821 году: «Неколико ријечи мојим овогодишњим рецензентима» (Ск. сп. II. 131—142). Отвѣтъ написанъ просто, убѣдительно, съ мѣткимъ отраженіемъ нападокъ, иногда въ довольно рѣзкихъ словахъ. Одинъ изъ противниковъ предлагалъ для орѳографіи нѣчто въ родѣ Тредьяковскаго, т.-е. *і* для *и*, *є* для *је*, *ѡ* для *іо*, *ы* для *ји*. Вукъ отвѣтилъ удачно: «мислим да је много боље и паметније узети и туђе па усвојити, него ли славенско наопако извраћати и кварити». На упрекъ, сдѣланный ему по причинѣ извѣстныхъ нелитературныхъ словъ, внесенныхъ по совѣту Копитара въ словарь, послѣдовалъ нѣсколько хитрый отвѣтъ: «у други народа нема тако много људи који само то траже и читају; али ако српски рјечник устреба за ђецу, ласно ћемо неколико листа измијенити» (Нѣчто подобное предлагалъ ему серьезно проф. Магарашевичь въ письмѣ 1819 года. Преп. II. 474).

Чтобы угодить желанію Якова Гримма, онъ сталъ теперь собирать также народныя сказки. Въ 1821 году напечатано въ нѣсколькихъ номерахъ сербскихъ «Новинъ» нѣсколько сказокъ, изданныхъ также отдѣльнымъ оттискомъ. Важнѣе его поправки къ языкосравнительному словарю императрицы Екатерины, напечатанныя въ Вѣнѣ въ 1822 году при сербской газетѣ и также отдѣльно: «Додатак к санктпетербургским сравнитељним рјечницима» (теперь въ Скуп. сп. II. 178—240). Здѣсь обратила на себя вниманіе славянскихъ филологовъ краткая характеристика болгарскаго языка и нѣсколько примѣровъ народной поэзіи болгаръ — это было для своего времени открытіемъ въ славянской наукѣ. Сл. замѣчанія Кеппена въ Wiener Jahrbücher (Преп. I. 205. 207). Въ 1822 году большую часть лѣта и осени Вукъ прожилъ въ южной Венгріи, въ мѣстечкѣ Паневѣ (недалеко отъ Темешвара), гдѣ упомянутая выше богатая купеческая семья Тирка изъ Вѣны (греки, сроднившіеся съ сербскимъ родомъ Демеличъ) устроила ему помѣщеніе изъ 4 комнатъ (Преп. I. 192). Здѣсь навѣстилъ его Кеппенъ (Преп. I. 195). Оттуда онъ уѣзжалъ въ Сербію къ Милошу (Преп. I. 198, II. 547), у котораго остался до поздней осени 1822 (ib. 214, II. 548). Нѣтъ сомнѣнія, что онъ и этимъ пребываніемъ между Сербами (на югѣ Венгріи и въ Сербіи, въ Крагуевцѣ) воспользовался для обогащенія своихъ рукописныхъ матеріаловъ по народной поэзіи. На обратномъ пути, не останавли-

ваясь много въ Вѣнѣ (жена осталась въ Темешварѣ, Преп. I. 500), онъ поѣхалъ въ Германію съ цѣлью пріобрѣсти нѣкоторыя свѣдѣнія по медицинѣ, чтобы быть въ состояніи потомъ въ качествѣ врача зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Быть можетъ, примѣръ его друга Фрушича, изучившаго медицину въ Вѣнѣ, повліялъ нѣсколько на его рѣшеніе. Но была еще и другая цѣль. Въ Вѣнѣ возникли препятствія относительно продолженія изданія сербскихъ народныхъ пѣсенъ. Австрійское правительство, желавшее угодить сосѣдней Турціи, стало опасаться вреднаго вліянія народной поэзіи на турецкихъ подданныхъ — сербовъ и не разрѣшало печатанія дальнѣйшихъ книжекъ въ Вѣнѣ. Поэтому Вукъ задался мыслью напечатать свой богатый матеріалъ въ Германіи, что онъ и сдѣлалъ. Въ концѣ марта 1823 онъ былъ по дорогѣ въ Германію уже въ Прагѣ (письмо Копитару, Преп. I. 215), въ началѣ апрѣля пріѣхалъ въ Лейпцигъ (ib. I. 216), гдѣ и оставался нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ. Но медицина не была ему по душѣ (Преп. I. 217: то је гад и смрад да вас Бог сачува!). Въ августѣ мѣсяцѣ онъ поѣхалъ въ Галле, оттуда въ Кассель, Геттингенъ и Веймаръ: свиданіе съ Гриммомъ и Гете (Преп. I. 233. 236). Къ концу октября онъ былъ опять въ Лейпцигѣ, и оттуда заѣзжалъ на время въ Галле (Преп. I. 243. 253). Изъ переписки его съ Мушицкимъ видно, что сначала онъ придавалъ поѣздкѣ въ Германію большое значеніе въ смыслѣ науки медицинской, но вскорѣ послѣдовало разочарованіе, и остались только вопросы о народной поэзіи и о сербской грамматикѣ.

Въ томъ и другомъ отношеніи оказалъ ему большую услугу Яковъ Гриммъ. Благодаря его рекомендаціи, Реймеръ согласился напечатать нѣмецкій переводъ сербской грамматики, исправленный и дополненный самимъ Яковомъ Гриммомъ. У Брейткопфа въ Лейпцигѣ онъ напечаталъ три книжки народныхъ пѣсенъ, печатаніе и корректуры производились подъ его наблюденіемъ. Сначала вышла книга третья, уже въ августѣ 1823 она была почти готова (Преп. I. 225), въ сентябрѣ уже разослана (ib. 655); потомъ онъ кончилъ книгу вторую, въ концѣ 1823 года (Преп. I. 249), и наконецъ книгу первую (на заглавномъ листѣ 1824, предисловіе помѣчено «на божиј дан» 1823). Расходы по изданію отчасти покрыты Милошемъ (въ Преп. I. 263, II. 561, говорится о 1000 гульденовъ С. М.). Милошу посвящена третья книжка, въ Ильинъ день 1823 изъ Лейпцига, но онъ былъ очень недоволенъ этимъ изданіемъ, вспылалъ даже негодованіемъ противъ Вука (Преп. II. 551. Тамъ же отвѣтъ Вука съ извиненіемъ, ib. 552—4). При первой книжкѣ имѣется очень важное, самое обширное предисловіе (на LXIII страницахъ), дающее много подробностей о происхожденіи народ-

ныхъ пѣсенъ и ихъ дальнѣйшихъ судьбахъ. Эта книжка посвящена великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, которой Вукъ представлялся въ бытность свою въ Веймарѣ. Объ изданіи этихъ трехъ книжекъ въ перепискѣ съ Копитаромъ рѣчь ведется съ большой осторожностью, такъ сказать, лишь намеками говорилось о ходѣ печатанія. Повидимому, Вукъ боялся препятствій при транспортѣ изданія въ Австрію и Венгрію (сл. Преп. I. 243, 245). Однако все сошло благополучно. Къ переводу грамматики Гриммъ написалъ предисловіе въ январѣ 1824 года. Оно свидѣтельствуетъ о большомъ интересѣ знаменитаго германиста къ славянской филологіи, въ частности къ сербскому языку. Изъ переписки его съ Вукомъ по этому поводу (сл. Преп. I. 210. 219. 222, II. 1—48) видно ихъ большое взаимное уваженіе, Вукъ дорожилъ совѣтами Гримма, указанія котораго даже для грамматики имѣли свое значеніе. Въ наше время натянутыхъ національныхъ сношеній между нѣмцами и славянами едва вѣрится, чтобы одинъ изъ передовыхъ ученыхъ Германіи въ началѣ XIX-го столѣтія такъ благородно и доброжелательно могъ отзываться о сербскомъ языкѣ.

Вукъ остался въ Германіи до начала марта 1824 г. (Преп. II. 42), т.-е. 1 марта онъ былъ еще въ Ґалле (Новыя письма 140. 141). Расходы на изданіе трехъ книжекъ народныхъ пѣсенъ подорвали его и безъ того бѣдственное положеніе окончательно (Преп. I. 657). Пособія въ родѣ того, которое ему досталось черезъ д-ра Фрушича (Преп. I. 653—4), не могли существенно облегчить его тяжелое положеніе. Возвратившись въ Вѣну, гдѣ прожилъ съ мѣсяцъ, онъ уѣхалъ на югъ; уже въ началѣ апрѣля Копитаръ послалъ ему письмо черезъ Будимъ въ Темешваръ (Преп. I. 254—5). Вскорѣ онъ перебрался въ Земунъ, гдѣ и пребывалъ въ теченіе двухъ-трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, но въ концѣ іюля возвратился опять въ Вѣну (II. 564). Изъ Земуна онъ заѣзжалъ въ Бродъ на Савѣ, что̀ для расширенія его кругозора было очень полезно. Напр., онъ удивлялся, что здѣсь, т.-е. въ Бродѣ, и «шокцы» (такъ называли въ то время православные сербы своихъ собратьевъ католиковъ Славоніи) показываютъ любовь къ народной поэзіи (Преп. I. 265). Такъ мало освѣдомленнымъ былъ онъ тогда насчетъ самаго близкаго къ Срѣму народонаселенія Славоніи! Пока онъ въ Вѣнѣ бѣдствовалъ,—въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1825 г. онъ былъ въ Земунѣ (Преп. II. 569) — Общество наукъ въ Геттингенѣ избрало его въ свои члены-корреспонденты рядомъ съ Гриммомъ (Преп. II. 48). Благородный Гриммъ надѣялся, что это отличіе вмѣстѣ съ переводомъ сербской грамматики на нѣмецкій языкъ подниметъ значеніе Вука даже въ глазахъ Стратимировича (ib. 49). Но отзывы Вука въ письмахъ 1825 года къ старому другу и покровителю

Мушицкому (который въ то время только что вышелъ изъ сквернаго положенія, см. выше стр. 356) преисполнены отчаянія. Онъ жаловался, что къ Рождеству у него не было денегъ, чтобы накормить жену и дѣтей, все было или продано или заложено: «зимно доба а дрва нема, 'љеба нема а новаца нема» (Преп. II. 304). Онъ ропщетъ на судьбу, такъ жестоко преслѣдующую его, и проситъ Мушицкаго помочь ему. Подобныя жалобы повторялись въ письмѣ къ Фрушичу 13 апр. 1826 (Преп. I. 662/3). Эти мрачныя картины едва ли были преувеличены, но справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ бѣдствованіи былъ много виноватъ онъ самъ. Онъ не умѣлъ жить по средствамъ, сводить концы съ концами. Кажется, и хозяйство жены не было изъ образцовыхъ.

По новымъ даннымъ оказывается точнымъ извѣстіе Гавриловича («Гласникъ» XXXIII. 270), что Вукъ получилъ въ 1824 году отъ Милоша 2000 гульденовъ—несомнѣнно, для изданія исторіи о Милошѣ. Мы замѣчаемъ, дѣйствительно, у него въ эти годы поворотъ къ изученію новѣйшей сербской исторіи. Въ 1825 вышла на русскомъ языкѣ исторія освобожденія Сербіи (подъ заглавіемъ: «Жизнь и подвиги князя Милоша Обреновича, верховнаго вождя и предводителя народа сербскаго»), о которой Вукъ сначала сообщалъ князю Милошу какъ о чьемъ-то чужомъ, не о своемъ сочиненіи (Преп. II. 568), но это все-таки былъ трудъ его (сл. Преп. II. 573—4), присвоенный несправедливо себѣ нѣкимъ Германомъ (ib. 576. 578—9), по содержанію тоже самое, что въ 1828 году вышло въ Будимѣ на сербскомъ языкѣ: «Милош Обреновић князь Сербіи или грађа за српску историју нашега времена». 8⁰. 203. Говорятъ, русское изданіе (въ публикацію котораго былъ вмѣшанъ Милошъ, Преп. II. 578. 581) способствовало къ тому, что русскій государь императоръ опредѣлилъ ему пожизненное пособіе по 100 червонцевъ въ годъ [1]). Кромѣ этого историческаго труда вышло въ альма-

1) Любезности г. Мих. Гавриловича въ Бѣлградѣ я обязанъ слѣдующими данными по этому запутанному дѣлу. Вукъ въ бытность свою у Милоша въ Крагуевцѣ собралъ матеріалъ для жизнеописанія его. Въ 1822 году ему удалось склонить Милоша на выдачу денежнаго пособія для покрытія расходовъ. Сочиненіе должно было печататься въ Лейпцигѣ на сербскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Соображенія полит. свойства заставили Вука представить нѣмецкій текстъ черезъ Аделунга въ русское министерство (въ началѣ 1823 г.). Въ 1825 году къ большому изумленію Вука появился русскій переводъ (анонимно), въ которомъ указано на Вука какъ автора («заимствовали мы изъ рукописной біографіи, сочиненной на нѣмецкомъ языкѣ извѣстнымъ сербскимъ литераторомъ Вукомъ Стефановичемъ»). Вукъ тотъ часъ же смекнулъ, что этотъ плагіатъ сдѣланъ агентомъ Милоша въ Петербургѣ, Михаиломъ Германомъ, которому какъ близко стоявшему къ дѣлу человѣку, русск. министерство, должно быть, вручило рукопись для обсужденія. Вукъ вознегодовалъ на Германа и жаловался то у Милоша, то въ русск. министерствѣ (черезъ Татищева), требуя вознагражденія за причиненный ему убытокъ (4000 гульд.). Германъ свалилъ отвѣтственность на Милоша, будто прика-

нахѣ его «Даница» за 1827 годъ: «Географическое и статистическое описаніе Сербіи», за 1828 годъ: «Прва година српскога војевања на даије» (въ Даницѣ 1834: Друга година).

Упомянутый альманахъ «Даница» выходилъ подъ его очень разборчивой и умной редакціей за годы 1826. 1827. 1828. 1829 и 1834. Первый годъ вызвалъ, противъ всякаго ожиданія его, новый взрывъ негодованія со стороны его давнѣйшаго недоброжелателя — митрополита Стратимировича. Вукъ осмѣлился внести въ календарь названія различныхъ праздниковъ по простонародному. Стратимировичъ принялъ это за оскорбленіе православной церкви. Шафарикъ старался посредничествовать (Преп. I. 285. 287), и Вукъ былъ готовъ уступить (ib. 289), такъ какъ Стратимировичъ требовалъ отъ высшаго правленія, полиціи и цензуры въ Вѣнѣ, чтобы календарь былъ конфискованъ! Начальство не поддалось вполнѣ требованію митрополита (любопытный матеріалъ по этому дѣлу печатается въ XXX томѣ моего журнала Archiv f. sl. Phil.), но Вуку казалось благоразумнѣе обезпечить продолженіе Даницы перемѣной названій изъ простонародныхъ въ церковныя. Такимъ образомъ, вмѣсто *Ђурђев дан*, *Иван дан*, *Степан дан*, *Божић*, *Спасов дан* явились вновь *Георїа*, *Іоанна кр.*, *Стефана*, *Рождество*, *Вознесеніе* и т. д. Подобныя затрудненія встрѣтилъ раньше Магарашевичъ съ календаремъ, напечатаннымъ при «Лѣтописи» (Преп. II. 504). «Даница» Вука Караджича превзошла своимъ отборнымъ содержаніемъ всѣ подобнаго рода изданія въ сербской литературѣ того времени. Тутъ имѣются статьи по сербской исторіи, географіи, этнографіи и даже по сербской грамматикѣ. Въ описаніи сербскихъ монастырей (1826) упоминается уже замѣчательное Никольское евангеліе (съ буквой ћ). Въ географическомъ описаніи Сербіи (1827) наблюдалась правильная народная форма названій мѣстъ. Въ угоду Шафарику, собиравшемуся составить карту Сербіи, подобранъ (1828) богатый матеріалъ названій мѣстъ. Въ исторіи Вукъ сосредоточился главнымъ образомъ на новѣйшемъ времени. Всѣ эти статьи съ прибавкой неизданныхъ собраны и перепечатаны теперь въ I книгѣ изданія «Историски и етнографски списи» (1898) подъ заглавіемъ: «Грађа за српску историју нашега времена и животи најзнатнијих поглавица овога времена». Изъ области языковѣдѣ-

---

завшаго ему перевести сочиненіе и издать. Милошъ легко могъ убѣдиться во лживости этого извиненія, но ему трудно было возстать противъ Ґермана и противъ русск. изданія, въ появленіи котораго все-же было замѣшано и русское правительство. Вукъ уступилъ и напечаталъ свой сербскій текстъ въ 1828 г. послѣ того какъ это дѣло было улажено съ Милошемъ въ 1827 г Подробнѣе обо всемъ этомъ въ монографіи: Милош Обреновић и Вук Стеф. Караџић, написао др. Мих. Гавриловић. Нови Сад 1908 (отд. отт. изъ «Летописа матице српске»).

нія въ 1826 году напечатана статья: «Главне разлике између данашњега славенскога и српскога језика» (41—69) и въ 1828 году очень важная статья «Главна свршивања суштестителни' и прилагателни' имена у српском језику» (онъ самъ называлъ Добровскаго и Гримма главными побудителями для составленія этой статьи). Въ отношеніи къ педагогикѣ интересно разсужденіе (1827): «Оглед српскога буквара», въ которомъ критикуются устарѣлые способы обученія грамотѣ. Вукъ говоритъ, что по новому упрощенному способу онъ самъ обучалъ въ Бессарабіи, Сербіи и въ Вѣнѣ и что потомъ въ Галле нашелъ примѣненіе того же метода.

Жизнь Вука не измѣнилась много къ лучшему, онъ продолжалъ быть вольнымъ козакомъ въ смыслѣ полной необезпеченности своего положенія. Получаемыя пособія спасали его отъ голода, холода, да и только. Не удивительно, что онъ самъ и друзья его заботились постоянно о томъ, какъ бы привязать его къ какому-нибудь прочному дѣлу. Онъ подумывалъ даже о томъ, обольщаясь хорошимъ пріемомъ въ Германіи, не пристроиться ли въ какой-нибудь нѣмецкой типографіи въ качествѣ корректора или же въ любомъ университетѣ въ качествѣ лектора сербскаго языка. Заходила рѣчь также о мѣстѣ корректора въ сербской типографіи въ Будимѣ (Преп. I. 270) и о какой-то фундаціи изъ средствъ Зелича (I. 286—7). Печатаніе Даницы вызывало его въ Будимъ. Въ 1826 году онъ былъ въ маѣ въ Будимѣ, въ іюнѣ въ Земунѣ (Преп. II. 74. 581), въ августѣ опять въ Будимѣ. Кромѣ вышеупомянутой пенсіи изъ Россіи «за заслуги по славянской литературѣ» (Преп. I. 286), которую онъ долженъ былъ получать по третямъ черезъ вѣнское посольство, была надежда также на полученіе пособія отъ Россійской Академіи на поѣздку въ южно-славянскія страны. Только что онъ пріѣхалъ на зиму въ Вѣну, какъ уже въ январѣ 1827 года отправился въ Сербію,—въ декабрѣ 1826 г. получилъ отъ Милоша на поѣздку 200 гульд. (Преп. II. 582),—поручивъ жену и дѣтей попеченію друга Копитара. Имѣются письма его Копитару изъ Пожаревца и Крагуевца (Преп. I. 294—5). Пребываніе въ Сербіи продолжалось на этотъ разъ, кажется, до конца года (что значитъ письмо отъ 26 апр. 1827 изъ—Вѣны ?! Преп. II. 583—6), но въ январѣ 1828 онъ былъ уже опять въ Будимѣ и оставался тутъ нѣсколько мѣсяцевъ (Преп. I. 327, II. 587). Этимъ постояннымъ странствованіемъ, пока жена и дѣти жили въ Вѣнѣ въ большой бѣдности, онъ вызвалъ неудовольствіе своего друга Копитара (Преп. I. 304. 327). Сознаваясь простосердечно въ этомъ недостаткѣ, онъ все же постоянно затѣвалъ новыя путешествія, такъ напр. онъ готовъ былъ провожать Боринга (Преп. I. 307), но этотъ планъ не состоялся. Въ 1828 году возвратясь въ Вѣну, приблизи-

тельно въ маѣ, онъ засталъ здѣсь историка Ранке и послужилъ для него своими разсказами главнымъ источникомъ сочиненія, изданнаго въ 1829 году подъ заглавіемъ: «Die serbische Revolution aus serbischen Papieren und Mitteilungen». Для событій слѣдующихъ лѣтъ (1830—1831) Ранке обращался опять къ Вуку (Письма напечатаны въ 1875 г. въ «Србадији»), и получилъ отъ него матеріалъ, которымъ воспользовался уже въ 1834 году, а также въ новомъ изданіи главнаго сочиненія «Serbien und die Türken im neunzehnten Jahrhundert» (Leipzig 1879). Также и сочиненіе Поссарта «Das Leben des Fürsten Milosch» (1828) основано на трудѣ Вука. Наконецъ, онъ снабдилъ извѣстнаго Ами Буэ (Boué) драгоцѣнными свѣдѣніями для 3-ей главы II-го тома (о чемъ самъ авторъ говоритъ на стр. 361), а также по исторіи Черной Горы (стр. 445).

Эта готовность Вука содѣйствовать къ прославленію своего отечества и князя Милоша вызвала у злоязычнаго Копитара насмѣшку, разъ онъ назвалъ его Милошевымъ «Hoftrompeter» (Преп. I. 316). Но легче было Копитару подсмѣиваться, нежели Вуку выносить. Поэтому его опять тянуло въ Сербію, къ Милошу, на этотъ разъ для участвованія въ законодательной комиссіи, въ которой принимали участіе чуть ли не исключительно неюристы, переводившіе Code Napoléon съ нѣмецкаго перевода. Вукъ уѣхалъ въ ноябрѣ 1828 въ Земунъ и оттуда отправился далѣе въ Сербію (Преп. I. 328), но въ декабрѣ онъ былъ опять въ Земунѣ, судя по письмамъ (Преп. II. 588—590). По словамъ Вука въ одномъ письмѣ къ Кеппену (отъ 21 дек. 1831 изъ Земуна), онъ состоялъ въ Сербіи на службѣ въ качествѣ «члена и директора законодательной сербской комиссіи». Время отъ времени онъ отлучался въ Австрію къ своимъ (съ февраля, если не раньше, по апрѣль онъ былъ въ Вѣнѣ), провожалъ въ апрѣлѣ семью въ Земунъ (Преп. II. 591—597), сюда заѣзжалъ въ іюлѣ (Преп. I. 334), въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ (ib. 339. 358, II. 601. 602). О томъ, какъ онъ провелъ лѣто 1829 въ Крагуевцѣ, разсказывается въ одномъ письмѣ къ Копитару (Преп. I. 351—7). И въ теченіе 1830 года онъ прожилъ большую часть въ Крагуевцѣ (сл. письма отъ 4 іюня 1830, Преп. I. 106, отъ 7 іюня ib. 372, отъ 15 августа ib. 378) и былъ положеніемъ своимъ доволенъ. Онъ получалъ 840 гульденовъ серебромъ при готовомъ столѣ и помѣщеніи (Преп. I. 384). Когда же работа по законодательной комиссіи кончилась, пробывъ нѣсколько времени въ Земунѣ, онъ опять переѣхалъ въ Бѣлградъ, гдѣ занялъ должность члена Бѣлградскаго Суда (Гриммъ назвалъ его Oberrichter von Belgrad) съ годовымъ окладомъ въ 1200 гульденовъ серебромъ.

По собственному признанію Вука онъ разсчитывалъ не на чиновничью

карьеру, а на нѣчто другое: онъ надѣялся было, что Милошъ поручитъ ему съѣздить въ Петербургъ для напечатанія ново-составленныхъ законовъ и въ придачу его перевода Новаго Завѣта для своего отечества Сербіи (Преп. I. 406). Но ожиданія его, что Милошъ примкнетъ къ реформѣ его по языку и правописанію — не оправдались (Преп. I. 428—9. 432). Въ октябрѣ того же года (1831) Вукъ покинулъ Бѣлградъ и переѣхалъ въ Земунъ. Предлогомъ подачи въ отставку послужило плохое здоровье его и нежеланіе жены переѣхать на жительство въ Сербію (Преп. II. 621), но были и другія причины (ib. 623—625). Откровенно говоря, и у Вука былъ такой характеръ, что онъ не легко съ другими уживался. Въ письмѣ отъ 24 ноября 1831 къ Копитару онъ опять называетъ себя сербскимъ писателемъ и только (Преп. I. 407). Тѣ же почти слова повторилъ онъ въ письмѣ къ Кеппену (Нов. П. 808—9), желая этимъ сказать, что матеріальное положеніе его опять пошатнулось. Есть даже намеки на то, что при хорошей рекомендаціи онъ могъ бы, пожалуй, надѣяться на удвоеніе назначенной ему пенсіи изъ Россіи. Пока онъ продолжалъ жить въ Земунѣ, получалъ также отъ Милоша денежныя пособія (Преп. II. 628—7). Но обстоятельства измѣнились, когда онъ 12 апрѣля 1832 года направилъ по адресу Милоша обширное замѣчательное письмо, въ которомъ съ откровенной критикой обсуждалъ и по многимъ пунктамъ обличалъ въ неспособности дѣятельность правительства (Преп. I. 439. 441—442). Письмо появилось въ печати только въ 1843 году въ «Србскомъ Улакѣ» и теперь заодно съ комментаріемъ перепечатано въ Преpискѣ II. 627—659. О впечатлѣніи, произведенномъ этой филиппикой, разсказывается очень откровенно въ письмѣ къ Фрушичу (послѣ того, какъ Вукъ въ ноябрѣ 1832 вернулся въ Вѣну, Преп. I. 670—2, 675).

Продолжительное пребываніе въ Сербіи дало Вуку возможность вновь обогатить свой рукописный матеріалъ новыми пѣснями; количество ново-собранныхъ пѣсенъ равнялось почти двумъ книгамъ лейпцигскаго изданія. Кромѣ того, онъ собралъ много пословицъ и около 2000 новыхъ словъ для словаря. Въ одномъ письмѣ Мушицкому (Новыя Письма, II. 869) онъ указалъ, что собраннаго пѣсеннаго матеріала хватитъ на 50 печатныхъ листовъ. Другъ его Копитаръ настаивалъ на томъ, чтобы онъ теперь наконецъ окончательно поселился въ Вѣнѣ, гдѣ бы и рукописный матеріалъ его и его дѣятельность была лучше обезпечена, чѣмъ гдѣ бы то ни было (Преп. I. 425). Исполненію этого желанія мѣшало пока австрійское правительство, которому разрывъ Вука съ Милошемъ казался подозрительнымъ, на него стали смотрѣть и въ Австріи какъ на опасную личность. Его отчаяніе высказалось въ

нѣсколькихъ письмахъ къ Копитару (сл. Преп. I. 417—8. 420—1. 431—435. 439), но наконецъ вѣнскому другу удалось выпутать его изъ безвыходнаго положенія (ib. 450). Матеріальная сторона жизни его была крайне неудовлетворительна, а старый противникъ Стратимировичъ не переставалъ коситься на него, и выражать свое недовольствіе по отношенію къ Вуку и Мушицкому (Нов. П. 871); онъ старался также оклеветать его передъ черногорскимъ владыкою. Возвратясь къ концу 1832 года въ Вѣну Вукъ занялся изданіемъ 4-ой книги народныхъ пѣсенъ, которую разрѣшили ему опять напечатать въ Вѣнѣ (1833, она посвящена русскому посланнику при вѣнскомъ дворѣ Татищеву). Въ предисловіи разсказывается довольно подробно о главнѣйшихъ рапсодахъ того времени, о Подруговичѣ и Вишничѣ, объ источникахъ собраннаго матеріала, излагаются взгляды опытнаго собирателя на неровное достоинство хранителей народныхъ преданій и на необходимость критической сортировки различныхъ редакцій. Вукъ желалъ издать теперь же собраніе народныхъ пословицъ, но, говорятъ, этому помѣшалъ митрополитъ Стратимировичъ. Главнымъ источникомъ для существованія былъ опять сбытъ изданій и кой-какія случайныя пособія, напр. въ 1833 году сербско-православная община въ Тріестѣ постановила давать ему ежегодное пособіе (Преп. I. 682), но въ началѣ 1834 года опять у него не было ни копейки, Копитаръ долженъ былъ ссудить его небольшой суммой (ib. 451).

Какъ разъ въ этомъ году могло осуществиться его давнишнее желаніе — предпринять поѣздку въ юго-западную часть сербскаго народа, чтобы познакомиться съ языкомъ и бытомъ народонаселенія южной Далмаціи, Дубровника, Боки Которской и Черной Горы. Поѣздку сдѣлала возможной Россійская Академія пособіемъ даннымъ Вуку въ размѣрѣ 100 червонцевъ. Въ іюлѣ 1834 г. онъ уѣхалъ сначала въ Тріестъ (Преп. I. 111), оттуда дальше на югъ, въ сентябрѣ былъ уже на Цетиньѣ (ib. 452—3). Здѣсь онъ оставался въ теченіе этого и слѣдующаго года, спускаясь время отъ времени внизъ, въ Боку Которскую (см. письмо Копитару отъ мая мѣсяца 1835 изъ Котора, Преп. I. 461) и въ окрестности, для изученія народа. Главнымъ его литературнымъ занятіемъ было печатаніе «Пословицъ», которое началось при немъ, но кончилось послѣ его отъѣзда, состоявшагося должно быть въ іюлѣ 1835 года. Посвященіе пословицъ владыкѣ черногорскому помѣчено Ильинымъ днемъ 1835 г. изъ Тріеста, но замѣчательное и богатое наблюденіями надъ языкомъ тѣхъ странъ предисловіе написано только годъ спустя, въ Вѣнѣ (помѣчено 10 іюля 1836), стало быть между началомъ печатанія и выходомъ книги прошло около полутора года. Въ Вѣну онъ могъ вернуться въ сентябрѣ, не позже (сл. Преп. I. 692), хотя Шафа-

рикъ въ письмѣ отъ 8 сент. 1835 сообщалъ Кеппену о пребываніи Вука еще на югѣ (Нов. П. 435), но до него въ Прагу могли и не доходить точные слухи.

Въ началѣ 1836 года Вукъ сообщалъ Кеппену о результатахъ своей поѣздки, которой онъ остался очень доволенъ (Нов. П. 810—812) и намекалъ въ то же время на желательность повторенія подобнаго пособія (о первомъ пособіи сообщеніе въ одномъ письмѣ Фрушича, Преп. I. 691). Услужливый Кеппенъ, ходатайства котораго въ пользу матеріальнаго положенія Вука очень значительны, представилъ въ мартѣ т. г. въ Россійскую Академію записку, разсказывавшую о дѣятельности австрійскихъ славистовъ Копитара и Шафарика и о путешествіяхъ Вука, которыя не должны бы прерваться, такъ какъ уже первое увѣнчалось, по отзыву Копитара, блестящимъ успѣхомъ. Академія присудила Шафарику и Копитару, присоединивъ еще отъ себя и Ганку, золотыя медали, насчетъ же Вука пока не постановлено ничего. Тогда Вукъ написалъ Кеппену новое письмо, въ которомъ онъ извинялся, что въ 1836 году не могъ предпріять задуманнаго путешествія въ Хорватію и Истрію за неимѣніемъ средствъ и указывалъ на возможность этого путешествія въ ближайшемъ будущемъ, если достанетъ средства. Милошъ обѣщалъ ему годовыя пособія въ размѣрѣ 200 талеровъ (Преп. II. 670), но этого было мало для поѣздки, какую онъ замышлялъ не только въ Хорватію, Истрію и Далмацію, а также въ Боснію, Герцеговину и южныя страны сербскаго народа (Косово поле, Метохію, Македонію, на границу сербскаго и болгарскаго языковъ).

Познакомившись съ бытовыми особенностями Черной Горы, Вукъ располагалъ свѣдѣніями, которыя въ то время были очень рѣдки. Поэтому не удивительно, что нѣмецкая географическая наука (быть можетъ при посредничествѣ Копитара) воспользовалась этимъ живымъ источникомъ. Какъ одиннадцатый выпускъ задуманной серіи изданій «Reisen und Länderbeschreibungen der älteren und neuesten Zeit» (подъ редакціей Widenmann und Hauff) вышло въ 1837 году описаніе «Montenegro und die Montenegriner. Ein Beitrag zur Kenntniss der europ. Türkei und des serbischen Volkes» безъ указанія имени автора. Издатели увѣряли только, что это описаніе сдѣлано человѣкомъ, «der seine Nachrichten auf mehrfaltigen Reisen an Ort und Stelle gesammelt hat». Какъ кстати было это описаніе, можно судить по книжкѣ, изданной въ 1831 году въ Вѣнѣ, какъ учебникъ географіи для перваго класса австрійскихъ гимназій (Grundriss der Erdbeschreibung), въ которой далматскіе «морлаки» (славянское народонаселеніе далматинскаго материка) названы кочующимъ народомъ татарскаго происхожденія! Монографія Вука (на

114 страницахъ) излагаетъ географію страны, говоритъ о народонаселеніи, даетъ бѣглый обзоръ исторіи, касается сношеній съ сосѣдями, рисуетъ бытъ, народные обычаи, говоритъ о церкви и школѣ.

Но для славянской филологіи важнѣе коснуться данныхъ, собранныхъ Вукомъ въ предисловіи къ «Пословицамъ», изданнымъ какъ сказано, въ 1836 году. Вукъ должно быть и самъ дорожилъ этими драгоцѣнными наблюденіями, потому что онъ все сказанное въ первомъ изданіи повторилъ и во второмъ изданіи. Прежде всего для него было поразительно убѣдиться, что въ Дубровникѣ произносится звукъ *х*, который у него въ словарѣ и не былъ внесенъ въ алфавитный порядокъ. Потомъ онъ распространяется о существованіи особой неопредѣленной гласной *ъ* и о другихъ звуковыхъ особенностяхъ, при чемъ имъ обращено вниманіе также на удареніе, хотя далеко не во всѣхъ подробностяхъ, извѣстныхъ намъ теперь по изслѣдованію профессора Решетара («Die Serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten», въ Schriften der Balkankommission linguistische Abteilung, вып. I. Wien 1900). Бывшія до тѣхъ поръ одностороннія свѣдѣнія Вука въ области языка, въ особенности относительно лексикальнаго богатства, расширились въ значительной мѣрѣ послѣ того, какъ онъ сталъ прислушиваться къ языку дубровчанъ, Боки Которской и Черной Горы. Иныя выраженія, которыя онъ прежде избѣгалъ, считая ихъ славянизмами (словами церковнаго языка), теперь пріобрѣли въ глазахъ его право гражданства, какъ, напр. *плâш(т)*, *ỳбогй*, *ȕлица*, *ѝскрњй*, *влâс*, *дбјед*, *мýка* и т. д. Эти слова въ первомъ изданіи словаря или вовсе не внесены или же не съ тѣмъ значеніемъ, какое имъ на западѣ принадлежитъ, напр. *влâс* значило только «eine Gattung Flachs», *ỳлица* только «Hof, Flur». Смотря по этимъ прекраснымъ результатамъ первой, очень непродолжительной поѣздки, можно только жалѣть, что обстоятельства не позволяли Вуку очень часто дѣлать такихъ поѣздокъ и разъѣздовъ по разнымъ краямъ всей области сербско-хорватскаго языка.

Изъ частной жизни Вука извѣстно въ теченіе 1836 и слѣдующихъ годовъ очень немного. Вѣроятно, онъ жилъ по большей части спокойно въ Вѣнѣ. Въ маѣ 1837 г. онъ потерялъ старшаго сына, который воспитывался въ Петербургѣ и тамъ скончался (Преп. I. 696). Въ концѣ 1837 и въ началѣ 1838 онъ былъ въ Срѣмѣ, имѣются письма изъ Вуковара, онъ занимался собираніемъ новыхъ матеріаловъ и для словаря и для народныхъ пѣсенъ (Преп. I. 463—469—526). Лѣтомъ того же года онъ поѣхалъ въ Хорватію, главнымъ образомъ въ Военную границу, потомъ въ приморье (Сењ) и черезъ Лику въ Далмацію (Преп. I. 474). Теперь впервые ему пришлось столкнуться съ движеніемъ, извѣстнымъ въ культурной исторіи южныхъ славянъ подъ именемъ

«иллиризма». Придерживаясь идеаловъ Копитаровскихъ насчетъ латинской ороографіи, онъ, конечно, не сочувствовалъ реформѣ Гаевой (Преп. I. 470), о кайкавскомъ же нарѣчіи, съ которымъ теперь впервые познакомился, отзывался какъ о нѣсколько «испорченномъ» языкѣ сербскомъ (ib. 475). Теперь онъ имѣлъ возможность прислушиваться также къ особенностямъ чакавскаго нарѣчія и, стоя подъ вліяніемъ теоріи Копитаровой, воображалъ себѣ, что нашелъ «старыхъ хорватовъ» (ib. 474). Похвалы достойно его усердіе въ разыскиваніи древнихъ памятниковъ, при чемъ онъ не чуждался также глагольческихъ. Копитаръ указывалъ ему на островъ Кркъ и напомнилъ о Glagolita Clozianus (ib. 473), но неизвѣстно, попалъ ли Вукъ на этотъ завѣтный островъ. Въ слѣдующемъ году (1839) онъ поѣхалъ опять въ Сербію (въ маѣ мѣсяцѣ онъ былъ уже въ Бѣлградѣ, Преп. I. 475), гдѣ и остался до сентября; сближеніе съ Милошемъ имѣло для него тотъ важный результатъ, что ему была вновь обѣщана пенсія въ 400 гульденовъ въ годъ (ib. 479).

Съ основанія «Матицы сербской» въ Новомъ Садѣ для изданія общеполезныхъ сочиненій на сербскомъ языкѣ пріобрѣла сербская интеллигенція Южной Венгріи и Срѣма свой естественный центръ, притягивавшій къ себѣ совокупную литературную и научную дѣятельность австрійскихъ сербовъ, которые въ первое время оказывали также услуги культурнымъ потребностямъ только что начинавшей развиваться турецкой Сербіи. Такъ какъ въ литературномъ органѣ этого общества («Лѣтописъ») затрогивались также вопросы языка и правописанія, Матица поневолѣ должна была занять опредѣленное положеніе по отношенію къ реформѣ Вука. Надо было примкнуть или къ сторонникамъ или къ противникамъ Вука. Послѣднее было a priori вѣроятнѣе, судя по составу членовъ Матицы и вліянію, которымъ располагало духовенство съ митрополитомъ Стратимировичемъ во главѣ. На дѣлѣ такъ и вышло. Магарашевичъ, бывшій редакторъ «Лѣтописа», несмотря на всю свою мягкость и дружбу съ Вукомъ, задѣлъ его за живое нѣкоторыми мелочами. Вукъ сталъ жаловаться на него въ началѣ 1828 года (Преп. II. 513—515). Но такъ какъ Магарашевичъ только отчасти соглашался съ его ороографіей, то уже раньше въ «Лѣтописѣ» была помѣщена статья изъ русскаго «Сына Отечества» (1824 г.) о реформѣ Вуковой, вызвавшая его отвѣтъ въ «Даницѣ» за 1826 годъ (теперь въ Ск. сп. II. 274). Вука упрекали въ томъ, что онъ испортилъ «древнюю славянскую азбуку изобрѣтеніемъ новыхъ буквъ и введеніемъ ороографіи чуждой и дикой для славянъ», что онъ разорвалъ связь, объединявшую посредствомъ кирилловскаго алфавита сербовъ съ Русскими и т. д. Онъ отвѣтилъ очень удачно, что и у Русскихъ произошла крупная реформа во время Петра Великаго, что буквы ћ и џ очень давняго

происхожденія, что вязи љ њ (вм. ль нь) попадаются иногда въ древнихъ рукописяхъ, наконецъ онъ отстаивалъ для сербовъ право введенія j по примѣру русскаго э и т. под. (Сл. еще примѣчаніе Копитара Преп. I. 387).

Противъ дѣятельности «Матицы» направлены примѣчанія Вуковы къ одному открытому письму П. Б. (Павла Берича), адресованному на Іосифа Миловука и напечатанному въ Вуковой «Даницѣ» за 1834 г. (55—83). Вукъ упрекалъ Матицу въ томъ, что она стала литературной партіей, желающей сербскимъ писателямъ предписывать законы сербскаго писанія, хотя это пока еще немыслимо, во-первыхъ, мы всѣ пока дилетанты «да не речем фушери», во-вторыхъ же, Матица доказала со всѣми своими «учредниками» (редакторами) и «актуарами», что она не знаетъ ни языка ни ороографіи. Наконецъ, она напечатала нѣсколько сочиненій, которыя слѣдовало бы оплатить гонораромъ, чтобы они не появлялись въ печати. Вукъ накинулся также лично на покойнаго Магарашевича, почерпавшаго изъ Матицы матеріальныя выгоды, и еще болѣе на Светича, мишенью для котораго онъ сталъ съ 1828 года (послѣ возвращенія Светича изъ Вѣны въ Новый Садъ). Тутъ столкнулись, какъ видно, два различныя направленія; Кулаковскій прибавляетъ (стр. 136) отъ себя: «въ то же время ясно сознавали всѣ тогдашніе писатели, что разорвавъ съ языкомъ церковной и русской книги, сербская литература лишится той твердой почвы, на которой она стояла до тѣхъ поръ». Слова эти заключали бы въ себѣ тяжкое обвиненіе противъ Вука, если бы на дѣлѣ было такъ. Но мы знаемъ очень хорошо, что тогдашняя сербская литература не имѣла никакого прочнаго основанія ни въ церковно-славянскомъ ни въ русскомъ языкахъ, каждый писалъ по своему, господствовала ужаснѣйшая путаница. Сербская литературная дѣятельность конца XVIII и начала XIX столѣтія почерпала изъ русской литературы очень мало, почти ничего, напротивъ, сравнительно много переводилось изъ нѣмецкаго. Передовыхъ писателей русскихъ, Ломоносова, Сумарокова, Державина, Фонвизина, Карамзина и Крылова сербская современная литература вовсе и не знала. Терлаичъ подарилъ ей Хераскова «Нуму или процвѣтающій Римъ», а Карамзинскую «Мароу посадницу» (1803) перевели на сербскій языкъ лѣтъ сорокъ спустя, когда уже взяло верхъ совсѣмъ другое направленіе въ русской изящной литературѣ. Можно бы подумать, что русскія книги читались въ подлинникѣ, но и это невѣрно. По каталогу книгопродавца Каулицiи за 1804 годъ выходитъ, что у него тогда не было ни одной русской книги изъ нецерковной литературы на складѣ. Факты эти служатъ лишь доказательствомъ очень низкаго уровня образованія тогдашней сербской интеллигенціи. Вуку не пришлось разрывать связи, которой вовсе не существовало.

Полемика между Светичемъ и Вукомъ завязалась, когда тотъ въ 1838 г. въ Лѣтописѣ кн. 45 помѣстилъ свои «Ситнице єзыкословне» (отд. изданіемъ и въ Ск. сп. III. 24—29). Свою наклонность къ занятіямъ филологическимъ онъ засвидѣтельствовалъ уже раньше, напечатавъ въ 1829 въ «Лѣтописѣ» статью «О бражаваню србски рѣчи» — это былъ своего рода противовѣсъ къ статьѣ Вука, изданной въ Даницѣ 1828 г. Друзья и поклонники Светича ожидали отъ него также грамматики сербскаго языка. Въ своихъ «Ситницахъ» (мелочахъ) онъ примѣшивалъ къ нѣкоторымъ вѣрнымъ замѣчаніямъ очень много невѣрнаго; напр., за кой-какія погрѣшности въ сочиненіяхъ писателей, писавшихъ латинскими буквами, онъ дѣлалъ отвѣтственными авторовъ грамматикъ (Деллабеллу, Рельковича, Ланосовича, Вольтиджи), перечисленныхъ имъ для показанія своей учености; неточности же въ грамматикѣ Берлича онъ ставилъ прямо въ вину Вуку, придравшись такимъ образомъ безъ малѣйшей причины. Тогда Вукъ выступилъ въ 1839 году съ отвѣтомъ: «Одговор на ситнице језикословне» (Ск. сп. III. 29—40), гдѣ особенно удачно критиковалась Светичева попытка объяснить этимологически слово «князь». Светичъ возражалъ своимъ «Утукомъ» или «одговоръ на одговоръ» (1839, Ск. сп. III. 40—54), въ которомъ поражаетъ высокомѣрный тонъ человѣка, мнящаго себя образованіемъ и свѣдѣніями несравненно выше своего противника, который не прошелъ даже латинскихъ школъ, на счетъ же слова «князь» онъ запуталъ вопросъ еще хуже. Точно такъ же неудовлетворительны были его увертки относительно неправильнаго употребленія буквы ѣ. Вукъ не остался въ долгу. Его «Одговор на Утук» вышелъ въ 1843 году (Ск. сп. III. 105—132) и отличался въ сравненіи съ грубыми выходками Светича очень спокойнымъ изложеніемъ фактовъ, чтобы отклонить отъ себя неосновательныя подозрѣнія и клеветы, и исправить новыя ошибки Светича. Но Светичъ и теперь не успокоился. Въ 1844 году вышелъ въ Бѣлградѣ его «Утукъ II или одговоръ на Вуковъ одговоръ», въ которомъ авторъ бросилъ грамматику и коснулся отношенія Вука къ Милошу Обреновичу и достовѣрности его какъ историка. Этотъ Утукъ II явился отвѣтомъ на брошюру Вука: «Вуков одговор на лажи и опадање у Србскоме Улаку» (Беч 1844. 8° 38), въ которой онъ защищалъ себя отъ лживыхъ обвиненій, присоединенныхъ въ видѣ предисловія и послѣсловія къ напечатанному тогда впервые письму Вука на Милоша 1832 года (см. выше стр. 391). Вукъ заподозрилъ не безъ основанія Светича въ авторствѣ прибавленій къ его письму, назвалъ его довольно прозрачно Мнимко Свезналица (вм. Милошъ Светичъ). Светичевъ Утукъ II изобилуетъ опять руганью, между прочимъ высказана напраслина, что Вукъ присвоилъ себѣ для своего словаря 12000 словъ собран-

ныхъ Аврамомъ Паничемъ (стр. 11). Намъ теперь доступны письма Панича (Преп. II. 416—452), начиная съ 1816 по 1842 годъ. Если онъ далъ Вуку что нибудь, о чемъ нигдѣ не упоминается, то это сдѣлано по дружбѣ, которая у нихъ продолжалась все время. Только подъ 1827 годомъ мы слышимъ, что у Панича сгорѣлъ «библическій словарь», его двадцатилѣтній трудъ (ib. стр. 433), а подъ 1835 г. сказано, что онъ собралъ для новаго изданія словаря до 2000—2400 словъ (ib. 441. 442. 445), или даже до 6000 (446), часть ихъ была послана Вуку. Изъ послѣдняго письма (1842 года) видно только, что Паничъ собирался самъ составить нѣмецко-сербскій словарь. Не могу сказать, подразумѣвалъ ли Светичъ этотъ матеріалъ.

Очень поучительно написано разсужденіе Вука о сербской ороографіи и языкѣ вообще, изданное въ 1845 году, подъ заглавіемъ: Вука Ст. Караџића и Саве Текелије писма Пл. Атанацковићу. 8⁰, 95 стр. Здѣсь подобрано этимъ прекраснымъ знатокомъ сербскаго языка такъ много драгоцѣнныхъ его наблюденій, что безъ преувеличенія можно утверждать, такимъ богатствомъ свѣдѣній въ то время не располагалъ никто кромѣ него. Въ этомъ разсужденіи Вукъ коснулся также статьи В. Лазича «О чистоти и правилности єзика србскога» (перепеч. въ Скуп. сп. III. 133—145) и одной статейки Іо. Ст. Поповича (перепеч. тамъ же 145—147). Въ разсужденіи Вука между прочимъ отстаивается выборъ южнаго нарѣчія для литературнаго языка очень вѣскими аргументами, свидѣтельствующими о его широкихъ взглядахъ относительно необходимости литературнаго единства. Въ уровень съ его благородными стремленіями шелъ тогда не столько Бѣлградъ или Новый Садъ, сколько иллиризмъ со своимъ центромъ въ Загребѣ. Поэтому и неудивительно, что онъ ставилъ нѣсколькихъ иллирскихъ писателей, какъ д-ра Деметра и Ст. Враза, въ примѣръ другимъ и, ссылаясь на изреченіе русскихъ ученыхъ (имѣлись въ виду Срезневскій и Прейсъ) «да ће доћи вријеме кад ће Срби из Сријема, из Бачке и из Србије ићи у Загреб да уче српски», прибавилъ отъ себя: «ако ми у томе послу jеднако узрадимо онако као што смо до сад радили и илири ако само овако узнапредују, као што су до сад напредовали, онда не само то може него ће морати бити» (стр. 27). Вопросъ поставленъ собственно невѣрно, успѣхи запада не должны мѣшать процвѣтанію языка и литературы на востокѣ и на оборотъ, но этимъ сознаніемъ не прониклись даже до сихъ поръ всѣ ученые и писатели у сербовъ и хорватовъ. Разсужденіе Вука, написанное превосходнымъ, простымъ и убѣдительнымъ языкомъ безъ всякой примѣси полемики, не дало покою его противнику: онъ разразился опять противъ Вука своимъ «Утукомъ III» (Утукъ III єзикословный. О єзыку и правопису србскомъ. У Новомъ Саду 1846, 8⁰ 77), гдѣ выносилъ въ пуб-

лику не относившійся къ дѣлу вопросъ о постоянныхъ денежныхъ нуждахъ Вука и сводилъ реформу его на «јотовско безкоренство», какъ будто бы этимъ весь трудъ Вука исчерпывался. Разумный отзывъ о Утукѣ III Платона Атанацковича въ Преп. I. 584. Коротенькій отвѣтъ Вука появился въ одной сербской газетѣ 1847 года, теперь въ Скуп. сп. III. 259—262. Въ этой репликѣ Вука замѣчательно то мѣсто, гдѣ онъ, возражая Светичу, отдаетъ справедливость литературѣ дубровницко-далматинской, выставляетъ важность ея и говоритъ: «ја сам сила пута мислио и говорио, да би било вриједно нашијем словима наштампати сва дјела дубровачкијех и гдјекојијех далматинскијех пјесника без икакве промјене у језику». Этимъ отзывомъ Вукъ опередилъ своихъ современниковъ на полстолѣтія. Только въ наши дни просыпается обоюдное сознаніе, что результаты литературной дѣятельности запада должны быть считаемы въ равной мѣрѣ общимъ достояніемъ востока какъ и плоды дѣятельности востока должны проникать на западъ. Двойное письмо не должно служить препятствіемъ по крайней мѣрѣ для интеллигенціи.

Вуку пришлось полемизировать не только съ Светичемъ. Противники его реформы старались уменьшить его заслуги извращеніемъ фактовъ. Въ 1841 нѣкто П. А. Поповичъ хотѣлъ отнять у него славу собирателя народныхъ пѣсенъ, преувеличивъ значеніе въ этомъ дѣлѣ Мушицкаго (Ск. сп. III. 61—65). Вукъ на это отвѣтилъ въ 1842 г. статьей «Прави узрок и почетак скупљања нашијех народнијех пјесама» (Ск. сп. III. 65—72). Здѣсь превосходно обрисованъ характеръ Мушицкаго, оцѣнено по заслугамъ большое участіе Копитара; далѣе говорится о значеніи народной поэзіи по понятіямъ самого народа. Недостойный издатель сербскихъ памятниковъ, Павелъ Карано-Твртковичъ (1840 г. въ Бѣлградѣ: Србскіи споменицы... собрани трудомъ Павла Карано-Твртковића, часть прва, 8⁰ XXIII. 336) счелъ тоже своимъ долгомъ придраться къ Вуку, чтобы примѣромъ его оправдать свой неблаговидный поступокъ при изданіи сербскихъ памятниковъ. Надеждинъ и Тироль разоблачили обманъ Карано-Твртковича, а тотъ оправдывалъ себя тѣмъ, что и Вукъ присвоилъ-де себѣ чужую (т.-е. народную) собственность. На это послѣдовалъ (1842) отвѣтъ Вука, нарисовавшій полное невѣжество Карано-Твртковича. Но тотъ не замолкъ сразу, а еще разъ (1843) впустился въ полемику, на которую Вукъ отвѣтилъ въ томъ же году (теперь въ Скуп. сп. III. 97—104). Также епископъ Евгеніи Іоановичъ возсталъ противъ Вука въ защиту старинняго правописанія и церковно-славянскаго языка (1846), Вукъ же отвѣтилъ ему статьей «Критика у језику» (Ск. сп. III. 192—199), въ которой впервые намѣчены главныя особенности чакавскаго нарѣчія (стр. 195). Невѣрно, конечно, сказано у Вука, что «срѣмское и бач-

ванское на *коли*, по *сели*, за *врати*, по *кућа*, по *ливада* по всей вѣроятности кайкавскаго и чакавскаго происхожденія» (стр. 195). Исторіей языка Вукъ тогда еще не занимался.

Изъ частной жизни Вука за эти годы знаемъ пока, что онъ большую часть времени прожилъ въ Вѣнѣ, здѣсь видѣлись съ нимъ и полюбили его русскіе путешественники Срезневскій, Прейсъ, Надеждинъ; въ обществѣ послѣдняго и Княжевича онъ съѣздилъ въ 1841 году опять въ Далмацію (въ маѣ мѣсяцѣ). Въ концѣ 1843 онъ былъ въ Берлинѣ (Преп. I. 488), вѣроятно провожая молодого Михаила Обреновича (II. 54. I. 558). На обратномъ пути онъ остановился въ Прагѣ на очень короткое время (Преп. I. 560).

Въ 1841 году начало выходить новое вѣнское изданіе сербскихъ народныхъ пѣсенъ, лучшее до сихъ поръ. Первый томъ («Различне женске пјесме») обнимаетъ 793 нумера на 640 страницахъ, съ предисловіемъ XIV стр., въ которомъ между прочимъ издатель жалуется на головную боль и слабость глазъ. Второй томъ («У којој су пјесме јуначке најстарије») вышелъ въ 1845 году, безъ предисловія, на 664 стр., 101 нумеръ. Третій томъ послѣдовалъ въ 1846 году («У којој су пјесме јуначке средњијех времена») на 592 стр. 89 нумеровъ. Изъ одного письма 1845 года къ Якову Гримму мы узнаемъ, что дочка Вука Минна переводила народныя пѣсни на нѣмецкій языкъ, переводъ понравился даже Гримму, но онъ не могъ найти въ Берлинѣ издателя (Преп. II. 55—56).

Не только матеріальное положеніе Вука улучшилось, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Милошъ съ сыномъ Михаиломъ, переѣхали въ Вѣну (въ 1842 г.), но также и нравственный и литературный авторитетъ его значительно поднялся. Число приверженцевъ его реформы съ каждымъ годомъ увеличивалось, даже въ Матицѣ нашлись искренніе почитатели его. Между ними сталъ рано обращать на себя вниманіе др. Іованъ Субботичъ. Хотя юристъ по призванію, онъ любилъ изящную литературу (онъ самъ былъ изрядный поэтъ) и занимался съ молодыхъ лѣтъ также вопросами филологическими. Его статейки въ «Лѣтописѣ» (књ. 49 (1839) нешто о сербской азбуки, књ. 55 (1841) «Примѣчанія на Одговоръ о сербской азбуки, књ. 56 (1842) о писмену ы, књ. 61 (1843) афоризми єзикословни), придерживались примирительнаго направленія. Матица желала водворить у себя порядокъ (Преп. I. 533), объ этомъ мнѣніе Вука Атанацковичу 1842 г. (Преп. I. 535). Хотя Субботичъ не примкнулъ цѣликомъ къ реформѣ Вуковой (онъ употреблялъ ѣ), но онъ хвалилъ его способъ писанія (въ изд. Лет. за 1846—1847 г.): его послѣдовательность, его цѣлесообразность, говорилъ онъ, гарантируютъ ему окончательный успѣхъ, въ особенности послѣ того, какъ

онъ самъ отказался отъ нѣкоторыхъ крайностей: «сад му није Херцеговина србски Париз, него му је Херцеговина свуда, куд се србски говори». Субботичъ указывалъ на возстановленіе Вукомъ буквы *х*, на замѣну такихъ словъ, какъ *опшити*, *член*, *истолковати*, народными *опћи*, *члан*, *истумачити*, на поправки *много*, *сумња* вм. прежняго *млого*, *сумља*, на признаніе Вука, что безъ нѣкоторыхъ славянскихъ и нѣкоторыхъ новыхъ словъ нельзя обойтись (Письма Пл. Атан. 17). Субботичъ разсказываетъ въ своей автобіографіи (II. 47), что только упорство и угрозы Савы Текеліи мѣшали ему въ качествѣ редактора сербскаго «Летописа» (1842—1847) ввести въ органъ Матицы Вукову орѳографію. Впрочемъ онъ не сочувствовалъ крайнему фонетическому направленію. Въ этомъ смыслѣ была составлена Субботичемъ также сербская грамматика, получившая на основаніи отзывовъ епископа Іоановича, Исайловича и Шафарика отъ Матицы премію, но она осталась въ рукописи неизданной. Послѣ этихъ попытокъ примиренія неудивительно, что въ 1846 году Атанацковичъ, одинъ изъ друзей Вука, совѣтовалъ ему не продолжать больше полемики со Светичемъ — это было мнѣніе также Шафарика — а лучше посвятить себя цѣликомъ словарю (Преп. I. 583). Атанацковичъ мечталъ даже о томъ (1844), какъ бы Матица пособіемъ пришла на помощь Вуку при изданіи второй книги народныхъ пѣсенъ и словаря (Преп. I. 562), но это были — pia desideria благороднаго владыки.

Въ теченіе этого разсказа нѣсколько разъ бросался въ глаза широкій кругозоръ Вука по отношенію къ различнымъ вопросамъ языка и литературы, гораздо шире чѣмъ у другихъ его современниковъ. Конечно и у него не явились эти преимущества сразу, надо было внимательно вглядѣться въ жизнь народа западной части, познакомиться съ его языкомъ, нравами и обычаями въ сравненіи съ ближе знакомымъ ему востокомъ, чтобы убѣдиться въ единствѣ на всемъ пространствѣ, несмотря на раздробленность политическую, на рознь религіозную и разнообразіе діалектическое. Не удивительно потому, что онъ сталъ наконецъ обнаруживать интересъ къ тѣмъ католикамъ, шокцамъ по названію употребительному въ Срѣмѣ, которые въ литературѣ употребляли латинскій шрифтъ. Хотя онъ сначала раздѣлялъ предубѣжденіе Копитара противъ Гаевой орѳографіи (сл. Преп. I. 469. 480. 482. 487), все же не былъ равнодушенъ къ отзывамъ иллирійцевъ о его разсужденіяхъ филологическихъ. Въ четвертомъ выпускѣ «Kola» (1847) появилось письмо В. Бабукича, тогдашняго офиціальнаго представителя «иллирской» грамматики, изъ котораго узнаемъ желаніе Вука, чтобы во вкусѣ Копитара буквы č ć ž dž š были замѣнены особыми нововыдуманными знаками, при чемъ каждый тотчасъ же припомнитъ подобнаго рода попытки у Дайнка,

Метелька и Ганки. Бабукичъ, конечно, не соглашался, ссылаясь на сочувствіе къ діакритическимъ знакамъ на вышеупомянутыхъ согласныхъ такихъ европейскихъ знаменитостей, какъ Раскъ, Боппъ, Кеппенъ Шафарикъ. Вукъ отвѣтилъ ему, что онъ уже приготовилъ новые знаки, только еще не порѣшилъ, въ какомъ текстѣ представить ихъ читателямъ (ali mi se sad valja nakaniti da što napišem, u čemu ću ih pokazati).

Не только на Загребъ были устремлены его взоры, а также на Далмацію, которую онъ зналъ ужъ очень хорошо. Здѣсь (въ сѣверной Далмаціи) выходила «Zora Dalmatinska» для католиковъ, какъ «Србско-далматинскій магазинъ» для православныхъ. Въ 1847 году Вукъ написалъ своему еще изъ прежнихъ поѣздокъ туда знакомому Антону Кузманичу открытое посланіе («Посланица»), въ которомъ онъ коснулся вопроса, присоединиться ли имъ (католикамъ Далмаціи) къ орѳографіи загребскихъ иллирійцевъ или нѣтъ. Онъ говоритъ, что ихъ мнительность была бы еще понятна, еслибъ они замышляли что нибудь болѣе усовершенствованное; если же этого намѣренія у нихъ нѣтъ, онъ совѣтуетъ имъ немедленно отказаться отъ нынѣшняго правописанія «и загребачки да примите», ссылаясь при этомъ на свои письма Пл. Атанацковичу и Бабукичу. Онъ повторилъ намѣреніе вскорѣ представить образецъ своихъ новыхъ буквъ, но въ примѣчаніи 1850 года (когда упомянутое посланіе было уступлено Миклошичу для его Slavische Bibliothek томъ I) сказано: «ја сам ово одавно смислио, али ни до данас још нијесам имао кад написати и наштампати». Въ посланіи онъ предостерегаетъ отъ смѣшенія говоровъ, не сочувствуетъ загребскому *ě* ради его неопредѣленности, рекомендуетъ выбросить *h* въ род. мн. ч. существительныхъ, и говоритъ, что все это имъ сказано съ цѣлью «што желим, да би се гдјегод у књижевности почело радити управо као што треба, дакле за љубав *нашега заједничкога језика, наше књижевности и слоге у њој, али слоге на паметан и добар начин*».

Когда Вукъ это свое посланіе уступилъ Миклошичу для Slavische Bibliothek, ходъ событій заставилъ его окончательно отказаться отъ реформы латинскаго алфавита въ духѣ Копитара. Въ мартѣ (28) 1850 года появилось заявленіе подъ заглавіемъ «Književni dogovor» (въ Загребѣ въ газетѣ «Narodne Novine»), оповѣщающее о состоявшемся соглашеніи насчетъ единственной графики латинской въ соотвѣтствіе кирилловской Вуковой. Подъ соглашеніемъ подписались д-ръ Димитрій Деметеръ, Иванъ Кукулевичъ, Иванъ Мажураничъ, Винко Пацелъ, Стѣпанъ Пеяковичъ, Гюро Даничичъ, Вукъ Караджичъ и Францъ Миклошичъ — значитъ восемь главнѣйшихъ представителей сербско-хорватской литературы и науки. Основой соглашенія послу-

жила ороографія Вукова: 1) установлено южное нарѣчіе, 2) на этимологически оправданныхъ мѣстахъ слѣдуетъ писать *ћ*, 3) отбросить *ћ* въ род. мн. ч. существительныхъ, 4) признать *r* въ качествѣ слогообразовательнаго звука. Не говорилось въ соглашеніи о фонетическомъ принципѣ правописанія, не предлагалось также употребленія въ множ. числѣ окончаній *-ima*, *-ama*. Къ сожалѣнію и въ этомъ ограниченномъ объемѣ соглашеніе не было уважено жизнью. Загребскіе филологи, во главѣ которыхъ стояли Бабукичь, Мажураничъ и вліятельный журналистъ и въ то же время филологъ-дилетантъ Шулекъ, не хотѣли отказаться тогда еще отъ *ћ* въ род. мн. ч. существительныхъ, защищали старыя окончанія въ трехъ падежахъ мн. ч. вм. *-ima*, *-ama*, для передачи *ђ* не приняли предложенное *gj* а остались при *dj* и, наконецъ, долготу слога *ѣ* не передавали черезъ *ije*, а только черезъ *ie*. По этимъ принципамъ писалось и печаталось латинскимъ шрифтомъ почти исключительно въ теченіе слѣдующихъ двадцати пяти лѣтъ въ Загребѣ и въ Хорватіи вообще.

Въ 1847 году вышелъ, наконецъ, тотъ трудъ Вука Караджича, о которомъ онъ велъ переговоры уже въ 1819 году съ библейскимъ обществомъ въ Петербургѣ, образцы котораго, послѣ неудачнаго изданія подъ редакціей Стойковича, у него напечатаны въ подлинномъ видѣ въ Лейпцигѣ въ 1824 г.: «Огледи светога писма на српском језику» (перепеч. въ Скуп. сп. II. 385—413); трудъ объ осуществленіи котораго онъ мечталъ въ бытность свою въ Сербіи (см. выше, стр. 391)—это былъ «Нови завјет господа нашега Исуса Христа (у Бечу 1847, XV. 607). Оригинальное изданіе снабжено «Предговоромъ», который начинается словами: «Ево и на српскоме језику Новога Завјета! Да ми се кад овако опростити *ријечи* и осталога којечега о народу нашему што сам којекуда скупио, онда се смрти нимало не бих бојао». Не вдаваясь въ длинную исторію происхожденія этого перевода, онъ указывалъ только на заботливость о точности перевода, при чемъ помогали ему прежде Копитаръ, а потомъ Миклошичъ. Послѣдній, кажется, помѣстилъ въ загребскій на нѣмецкомъ языкѣ выходившій литературный листокъ «Luna» (1847, № 98) подробный разсказъ о прежнихъ судьбахъ Вукова перевода, о вмѣшательствѣ въ это дѣло Стойковича, жаловался на неожиданное равнодушіе общества теперь при появленіи труда въ полномъ видѣ, допускалъ возможность нѣкоторыхъ недосмотровъ, но вообще находилъ переводъ превосходнымъ. Одобрительный отзывъ не понравился В. Лазичу, одному анониму съ + + и д-ру Стеичу. У перваго завязалась полемика съ Даничичемъ (В. Лазићу I. 8° 20, В. Лазићу II и још којешта, 8° 16 — обѣ брошюрки въ 1848 г.), второму отвѣчалъ самъ Вукъ (Господину са два крста, перепеч. въ Ск. сп.

III. 274—279). Примѣчанія д-ра Стеича напечатаны въ II томѣ «Гласника дружтва србске словесности» подъ заглавіемъ: «Єзыкословне примѣдбе на предговоръ г. В. С. К. къ преводу Новога Завѣта» (Београдъ 1849. 1—42). На примѣчанія Стеича не нужно было обращать вниманіе, они не важны своею аргументаціею, — это не трудно было доказать, — что и помимо заимствованій изъ церковно-славянскаго языка, Вукъ не могъ не вносить въ свой переводъ оборотовъ не чисто народныхъ, и т. д. Сл. также мои примѣчанія въ Književnik'ѣ I. 478. Но анонимъ съ + + позволилъ себѣ въ отвѣтѣ дикія выходки противъ Вука, обвиняя его въ заговорѣ съ «шокачкимъ фратровима», отъ которыхъ онъ заимствовалъ *ј њ љ* и въ доказательство этого обвиненія онъ сдѣлалъ открытіе (изъ Калайдовичева Іоанна Ексарха Болгарскаго!) что «речена писмена *некій шокачкій фраторъ Юрка, родомъ изъ Крижеваца у Хорватской* пре 183 године у Русію пренео»!! Не имѣя понятія о значеніи Крижанича ученый критикъ сдѣлалъ такой выводъ: «дакле е пре 183 године фраторъ шокачкій Юрка писао *ј њ љ*, избацивши изъ азбуке србске писмена *я, ю, є, ђ* и *ъ*»! Это безсмысленное обвиненіе могло въ то время дѣйствовать. Упомянутый выше отзывъ Даничича былъ напечатанъ только въ 1862 году. Хорошо отозвался о трудѣ Вука И. И. Срезневскій въ Ж. М. Н. Пр. за 1848 г. февраль.

Самую обширную рецензію на Вуковъ переводъ Новаго Завѣта написалъ ученый сербскій богословъ, потомъ владыка Никаноръ Груичъ (въ Земунѣ 1852, 138 стр.), — отрывочно перепечатана въ Ск. сп. III. 310—335, отзывъ Атанацковича въ Преп. I. 595, — на которую Вукъ собирался написать обширный отвѣтъ, но въ посмертныхъ бумагахъ его нашлась только часть отвѣта, она напечатана въ Скуп. сп. III. 336—364. Изъ этого только въ 1891 году изданнаго отвѣта получается вновь впечатлѣніе, что Копитаръ былъ и въ этомъ трудѣ Вука его правою рукою, онъ помогалъ ему почти ежедневно, какъ въ свое время при словарѣ. Простосердечный разсказъ Вука подкупаетъ и теперь еще безпристрастнаго читателя въ пользу этихъ двухъ благородныхъ тружениковъ. Впрочемъ замѣтки Вука въ защиту своего перевода противъ возраженій Груича содержатъ много очень тонкихъ наблюденій надъ различными оттѣнками въ значеніи отдѣльныхъ словъ или оборотовъ. Читатель просто любуется на этого превосходнаго знатока своего родного языка.

Въ одной изъ позднѣйшихъ перепечатокъ Новаго Завѣта (въ 1857 г. въ Берлинѣ у Тровича) Вукъ самъ рѣшился сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ своемъ первоначальномъ переводѣ, напр., мат. I. 20 заметнуло 1847: зачело 1857, XXVI. 49 добро јутро (1847 и 1857): здраво 1868, XXVII.

29 помоз' бог 1847: како си 1857: здраво 1868, XXVIII. 15 чивутима 1847: јеврејима 1857 (такъ и на другихъ мѣстахъ), Марк. IX. 15 називаху му бога 1847, 1857: поздрављаху га 1868 (ср. ib. XV. 18, Лук. X. 4), Лук. I. 40 честита Јелисавети 1847: поздрави се с Јелисаветом 1857, ib. 42 род утробе твоје 1847, 1857: плод утр. тв. 1867. Укажемъ еще на обозначеніе род. падежа мн. ч. на предпослѣднемъ слогѣ знакомъ долготы ˆ: Matth. VIII. 12 зу̑ба 1847. 1857: зу́ба̑ 1868, XII. 24 ђаво̑ла 1847: ђаво́ла̑ 1868, XVI. 3 времѐна 1847. 1857: времѐна̑ 1868, XXIII. 29 праведни̑ка 1847: праведни̑ка̑ 1868, ib. 30 про̑рока 1847: про́ро̑ка̑ 1868, въ XXVI. 28 стоитъ уже въ 1847. 1857 гријеха̑, въ 1868 гријеха, ib. 45 грјешни̑ка 1847: грјешни̑ка̑ 1868, gгješnikȃ 1868. Эта непослѣдовательность можетъ быть только отчасти приписана Вуку. Что же касается самого языка, Вукъ доказалъ своимъ переводомъ превосходную освѣдомленность по отношенію къ живому сербскому языку, но для углубленія этихъ свѣдѣній путемъ изученія историческихъ судебъ сербскаго языка у него не хватало времени и условій. Западная (латинскимъ шрифтомъ печатанная) литература XVI—XVIII столѣтій была ему мало доступна и мало извѣстна. Только такъ называемыми «србулями» (рукописными и старопечатными сербскими книгами) онъ охотно занимался, въ доказательство чего въ 1857 году напечаталъ «Примјери српско-славенскога језика» (у Бечу 1857. lex. 8⁰ 78). Тутъ видно, какъ пріятно пораженъ онъ былъ языкомъ Дивковича.

Вышеупомянутыми поѣздками Вука расширились значительно его свѣдѣнія въ области различныхъ говоровъ. Кромѣ языка Сербіи и Срѣма онъ внимательно прислушивался къ говору Дубровника, Боки Которской и Черной Горы. Онъ былъ знакомъ съ языкомъ Лики и тогдашней Военной Хорватіи. Но кромѣ словаря, приводящаго въ новомъ изданіи часто слова изъ Хорватіи, о другихъ особенностяхъ этого говора нигдѣ не слышно. Зато онъ обращалъ довольно вниманія на языкъ *чакавцевъ*. Вторичная поѣздка на западъ въ теченіе 1838 года сблизила его съ чакавцами, первыя свѣдѣнія объ этомъ нарѣчіи сообщены имъ въ 1846 году (см. выше 395. 400). Болѣе подробно излагается объ отношеніи чакавскаго нарѣчія къ штокавскому рядомъ съ присвоеніемъ его «хорватамъ» въ замѣчательномъ его сочиненіи «Ковчежић» (1849), въ статьѣ надѣлавшей много шума своимъ нѣсколько сбивчивымъ заглавіемъ «Срби сви и свуда» (стр. 1—27). Если онъ уже въ 1846 году ссылался на свидѣтельство Константина Багрянороднаго, что чакавцы представляютъ остатокъ древнихъ хорватовъ и то же самое повторилъ въ 1849 г. въ «Ковчежић-ѣ», то не нужно особенныхъ доказательствъ, что все это сказано не по собственному его домыслу, а со словъ Копитара и Миклошича. Гдѣ же

по его собственнымъ наблюденіямъ стоялъ передъ нимъ одинъ и тотъ же языкъ, тутъ онъ видѣлъ сербовъ, хотя отъ его вниманія не ускользнулъ фактъ, что не всѣ хотѣли на дѣлѣ называться сербами, а это имя признавали только православные, «остали овога имена не ће да приме», а называются или турками или по областямъ: славонцами, боснійцами, далматинцами, дубровчанами и т. д. или по книжному иллирійцами; приводятся даже мѣстныя названія: буневцы, шокцы, латины, влахи, ръкачи, и различіе между «ришћани» и «кршћани». Изъ этого пестраго разнообразія Вукъ старался сдѣлать правильный выводъ, ссылаясь на параллельные примѣры у мадьяръ, нѣмцевъ, арнаутовъ, при чемъ онъ забылъ только принять въ соображеніе, что исторія все таки знаетъ по крайней мѣрѣ два или три старинныя названія, не имѣющія ничего общаго съ позднѣйшимъ вліяніемъ областныхъ географическихъ именъ. Эти названія были: «словенцы» (на сѣверѣ, гдѣ изъ него отчасти вышло потомъ «славонцы») или «словинцы» (на югѣ, бывшее долго въ употребленіи въ южной Далмаціи и Дубровникѣ), потомъ «хорваты» и «сербы». Поэтому и былъ поспѣшенъ его выводъ, что «сербы» католики «ако неће да су срби, они немају никакова народнога имена». Виновата и тутъ навязанная ему авторитетность науки, не разобравшейся тогда еще какъ слѣдуетъ въ этомъ вопросѣ, теорія о Константиновыхъ хорватахъ. Такимъ образомъ, преслѣдуя благородную цѣль національнаго объединенія, статья Вука сдѣлалась камнемъ преткновенія и принесла нежелательные плоды взаимныхъ жалобъ и нареканій, т.-е. недоразумѣній между сербами и хорватами. (Сл. полемику между Вукомъ и Шулекомъ въ 1856—1861 г., въ Скуп. сп. III. 443—468). Самъ Вукъ наперекоръ ученой теоріи доходилъ по своему умуразуму до правильнаго умозаключенія: «тако врло ласно може бити да су Срби и Хрвати, кад су се амо доселили, били један народ под два различита имена». Но онъ впадалъ тотчасъ въ другую ошибку, сопоставляя названія «срби и хрвати» съ названіями, «срби и бошњаци», «срби и црногорци», «срби и далматинци». Онъ забывалъ, что имя «хорватъ» не есть только территоріальное, а также генетическое на ряду съ «сербъ». Вукъ ломалъ себѣ голову также надъ штокавцами-икавцами, недоумѣвая причислить ли ихъ къ сербамъ или къ хорватамъ; послѣ нѣкотораго колебанія онъ рѣшился считать ихъ сербами. Заслуга Вука состоитъ въ томъ, что онъ смѣло поднялъ эти вопросы. Не вполнѣ удачное рѣшеніе ихъ объясняется различными причинами: 1) очень низкимъ уровнемъ этнографическихъ свѣдѣній относительно Далмаціи, 2) непониманіемъ настоящаго значенія кайкавскихъ хорватовъ (Horvati) и ихъ отношенія къ приморскимъ и далматинскимъ хорватамъ (Hrvati, Harvati, Arvati), 3) противодѣйствіемъ загребскаго иллиризма.

Рядомъ съ изданіемъ «Ковчежића» вышло новое изданіе «Пословицъ» (1849), предисловіе повторено по первому изданію, число же пословицъ значительно увеличено. Въ 1852 г. (раньше апрѣля, Преп. II. 61) вышелъ новымъ изданіемъ словарь: «Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Скупио га и на свијет издао Вук Стеф. Караџић». У Бечу 1852. 8⁰ 10. 862. Словарь увеличенъ многими тысячами новыхъ словъ. Въ краткомъ предисловіи Вукъ жалѣетъ, что не могъ объѣхать Босніи, Герцеговины и Старой Сербіи, между тѣмъ какъ онъ былъ въ Хорватіи, Далмаціи, Дубровникѣ, Бокѣ Которской и Черной Горѣ. Замѣчательно, что ничего не сказано о послѣдовательно проведенномъ различіи между двумя краткими удареніями ̏ и ̀ (это была заслуга Даничича). Не оговоренъ также пропускъ всѣхъ неудобныхъ въ печати словъ перваго изданія, надѣлавшихъ въ свое время много шуму — теперь они могли бы остаться. Такого мнѣнія былъ также и Яковъ Гриммъ (Преп. II. 64—5). Годъ спустя вышла книжка сербскихъ народныхъ сказокъ: «Српске народне приповијетке» (у Бечу 1853. 8⁰ XII. 263), посвящена Якову Гримму, котораго это вниманіе очень обрадовало (Преп. II. 65). Нѣмецкій переводъ, сдѣланный дочерью Вука Минной, почтилъ Гриммъ своимъ предисловіемъ. Народныхъ пѣсенъ IV-ю книгу, посвященную князю Михаилу Обреновичу, успѣлъ еще онъ самъ приготовить къ печати и издать 1862. Раньше еще (въ 1860 г.) вышелъ его не очень важный историческій трудъ «Правительствующій Совѣтъ Сербскій», вызвавшій полемику, въ которой и самъ Вукъ принялъ участіе для обороны противъ нападокъ (Одбрана од ружења и куђења», 18 стр. отд. отт.).

Изъ частной жизни его за послѣднее десятилѣтіе знаемъ пока очень мало. Онъ самъ говоритъ (въ предисловіи къ 2-му изданію словаря), что онъ въ 1848 (или 1849 году) навѣстилъ свое родное мѣсто «Тршић». Въ апрѣлѣ 1850 г. Берлинская академія избрала его въ свои члены-корреспонденты (Преп. II. 59). Весной 1852 г. онъ поѣхалъ на коротенькій срокъ въ Сербію (ib. 62. 63). За присланный королю прусскому экземпляръ словаря онъ получилъ орденъ (ib. 64). Въ одномъ изъ слѣдующихъ годовъ (1857) онъ былъ опять въ Берлинѣ, судя по одному письму Якова Гримма (Преп. II. 67). По содержанію письма епископа Атанацковича осенью 1858 г. онъ опять нуждался въ деньгахъ (Преп. I. 600), но на этотъ разъ это не была матеріальная нужда а покупка какой-то земли въ Сербіи (ib. 599). Изъ писемъ Тирки (Преп. I. 114—117) явствуетъ, что въ 1859. 1860. 1861 годахъ онъ былъ въ Бѣлградѣ, вмѣстѣ съ женою и дочерью, которая вышла замужъ за Вукомановича.

Вукъ скончался на 77 году своей жизни 26 января 1864 въ Вѣнѣ.

ГЛАВА XVI.

Иллиризмъ и его главнѣйшіе литературные представители въ Загребѣ: Гай, Ст. Вразъ, Бабукичъ, братья Мажураничи, Шулекъ. Литературное движеніе у Словенцевъ.

Успѣхамъ Вука въ восточной половинѣ (у православныхъ сербовъ) соотвѣтствуетъ въ западной половинѣ (у католическихъ хорватовъ) подобнаго же рода стремленіе къ реформѣ и объединенію литературному, извѣстное въ культурной исторіи южныхъ славянъ подъ именемъ «*иллиризма*». Это движеніе, нѣсколько болѣе сложное, чѣмъ дѣятельность Вука, приняло очень рано характеръ политической борьбы, но и оно началось съ вопросовъ чисто филологическаго свойства, съ реформы орѳографической и съ разсужденій о литературномъ языкѣ, при чемъ для скорѣйшаго достиженія желательнаго единства ко всѣмъ прочимъ вопросамъ присоединился также вопросъ о названіи этого новаго языка — *иллирскимъ*. Сама идея этого названія коренится въ очень раннихъ среднихъ вѣкахъ. Иллиризмъ имѣетъ свою длинную исторію, раскинувшуюся на продолженіи нѣсколько столѣтій; онъ вспыхивалъ какъ блудящій огонекъ то тутъ то тамъ. Писатели Далмаціи прежнихъ столѣтій, въ особенности XV-го по XVIII-ое, любили и какъ историки и какъ филологи это названіе для обозначенія языка сербско-хорватскаго населенія Далмаціи, Босніи и прочихъ областей Балканскаго полуострова. Лексикографъ Микалья (о немъ см. выше на стр. 50) далъ своему словарю (1649 г.) двоякое заглавіе, по славянски: Blago jezika *Slovinskoga*, по латыни: Thesaurus linguae *illyricae*, въ самомъ словарѣ онъ приводитъ *Hrrivat*, *Hervat* съ переводомъ не только *Croata*, но и *Illyricus*, и слово *Hrrivaçia*, *Hervatska zemglia* переводитъ: *Illyris*, *Illyricum*, *Croatia*. *Slovinac* у него означаетъ далматинца, по-латыни *Illyricus* и *Dalmata*, и т. д. В. Кашичъ (см. выше, стр. 47 и слѣд.) назвалъ точно такъ свой ритуалъ переведеннымъ по-«slovinski», по-латыни же «lingua illyrica». Боснійскіе писатели Анчичъ, Филиповичъ, Добретичъ, говоря о своемъ языкѣ, постоянно называли его «jezik ilirički». У этихъ и другихъ писателей того времени не рѣдко затрогивался вопросъ о лучшемъ говорѣ этого «иллирскаго языка» и такимъ признавался языкъ Босніи. Ученый библіотекарь въ Ватиканѣ, дубровчанинъ Степанъ Градичъ (Stephanus Gradius bibliothecae Vaticanae custos) приходилъ отъ красоты языка боснійскихъ сосѣдей Дубровника (quod vicinis Bosniensibus in usu est) въ такой восторгъ, что онъ надѣялся, что всѣ славяне рѣшатся писать свои поэтическія сочиненія на этомъ языкѣ (въ статьѣ: «De vita, ingenio et studiis Auctoris», т.-е. въ жизнеописаніи автора сочиненія «Christiada to iest xivot i diela Isukarstova spievana po Gionu Palmotichiu vlastelinu dubrovackomu. U Rimu MDCLXX»).

Эти мечтанія писателей минувшихъ столѣтій приняли въ началѣ XIX-го столѣтія реальную политическую форму: Наполеонъ создалъ своей властной рукой въ 1810—1811 году французскую провинцію «Иллирію», заключавшую въ себѣ Далмацію, Истрію съ островами, Хорватію до Савы, всю приморскую область, Крайну и часть Корутаніи (Каринтіи). Это было воплощеніе того, о чемъ говорили писатели въ теченіе столѣтій хотя не въ полномъ объемѣ. «Illyricum sacrum» церковнаго историка Фарлати обнимало несравненно больше, чѣмъ Наполеонова «Иллирія» (сл. выше на стр. 74—5). И несмотря на этотъ урѣзъ границъ, созданіе Наполеона вызывало повсюду неподдѣльный восторгъ, какъ въ Далмаціи (въ особенности въ Дубровникѣ, см. выше стр. 182—183), такъ и въ Крайнѣ. Словенскій поэтъ Валентинъ Водникъ, издавая въ 1811 году маленькую грамматику «Pismenoſt ali gramatika za perve ſhole» напечаталъ знаменитую оду «Iliria oshivlena» (Оживленная Иллирія), гдѣ между прочимъ говорится: *Ilirsko* me kliče Latinic in Grek, *Slovensko* me pravio domači vsi prek», «Dobrovčan Kotoran, Primoric, Gorénc, Pokopjan po starim se zove *Slovenc*». Это административное объединеніе, перенесенное на практическую почву, возбуждало вопросъ объ оффиціальномъ языкѣ новосозданной провинціи, конечно рядомъ съ французскимъ. Изъ сообщеній Копитара узнаемъ, что одно время было намѣреніе ввести повсюду въ администрацію и въ школы тотъ языкъ, который обыкновенно подразумѣвался подъ именемъ иллирскаго, т.-е. языкъ Далмаціи и главнымъ образомъ Дубровника, пользовавшагося у французовъ большой репутаціей. Копитаръ сообщалъ Добровскому (въ декабрѣ 1810), что и для Любляны имѣлось въ виду ввести въ школьное обученіе и въ администрацію не краинскій, а иллирскій языкъ. Его прибавка (Письма 179): «ich hätte nichts dagegen», не была вполнѣ искренна. Онъ бы подчинился лишь неизбѣжному, но доволенъ этимъ постановленіемъ онъ не былъ, какъ видно изъ его ядовитаго замѣчанія (ib. 139), что бывшіе республиканцы (Ragusini) ввели французовъ въ заблужденіе, якобы ихъ языкъ былъ самый правильный: quare et professor linguae Illyricae, i. e. dialecti Ragusinae Labaci est constitutus abate Severich».

Неудовольствіе Копитара, читаемое между строками противъ иллиризма, стоитъ на одномъ уровнѣ съ его упрекомъ, сдѣланнымъ загребскимъ богословамъ, что и они не имѣютъ правильнаго понятія о хорватскомъ нарѣчіи, раздѣляя общій предразсудокъ, будто бы дубровницко-иллирское нарѣчіе представляетъ самый древній славянскій языкъ. Но дѣло не было въ большей или меньшей древности, а въ томъ, которое нарѣчіе располагало въ свою пользу богатой письменностью и привлекало своимъ широкимъ распро-

страненіемъ. Поэтому упрекъ Копитара имѣетъ важное значеніе какъ доказательство, что еще раньше Гая въ извѣстныхъ кружкахъ въ Загребѣ существовало расположеніе въ пользу штокавскаго нарѣчія. Мы знаемъ на дѣлѣ, что уже въ 1791 году въ Загребѣ, въ противодѣйствіе попыткамъ мадьяризаціи, сеймомъ было сдѣлано постановленіе: quia idiomatis *illyrici* summa necessitas esset, tum quod huius idiomatis homines non tantum in his regnis sed et ipso regno Hungariae infinito numero continerentur... idem idioma *illyricum* in omnibus gymnasiis, academiis et ipsa etiam universitate tradatur (Кукулевичъ, Iura regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, Pars II. Zagrabiae 1862, стр. 261). Раньше завоеванія Наполеономъ Далмаціи и Истріи вышелъ уже въ 1803 г. въ Вѣнѣ «Ricsoslovnik illiricskoga jezika» отъ уроженца Истріи Вольтиджи (см. выше стр. 181—2), въ Дубровникѣ Аппендини издалъ въ 1808 г. грамматику «della lingua illyrica» (выше стр. 182—3), въ Тріестѣ напечаталъ въ 1812 году Шиме Старчевичъ изъ Лики грамматику «Nova ricsoslovica iliricska, vojnicskoj mladosti Krajicskoj poklonjena». Вліяніе духа французскаго отражается между прочимъ въ томъ, что во главѣ стоятъ (стр. 9) «obicsajna prislovja iliricska» и прежде чѣмъ о богѣ, рѣчь идетъ о гражданской добродѣтели: «csestitost izvrstita». Про извѣстнаго Шпорера разсказываютъ, что онъ собирался во второмъ десятилѣтіи XIX-го столѣтія издавать въ Вѣнѣ «Ilirske Novine». Михановичу присваиваютъ намѣреніе издавать тамъ же «Oglasnik ilirski». Епископъ Загребскій, патріотически настроенный Максиміліанъ Врховацъ (сл. о немъ монографію Дежелича, упомянутую на стр. 179) употребилъ въ своемъ циркулярѣ 1813 года то же названіе «illyrica lingua» (сл. Rad кн. LXXX, 27. 30. Kolo IX. 43). Такимъ образомъ преданіе объ «иллирскомъ» языкѣ не ослабѣвало. Упомянутый Шпореръ издалъ въ 1833 г. альманахъ («Almanah ilirski»), въ которомъ уже употреблялось названіе «Илирацъ» совсѣмъ въ позднѣйшемъ смыслѣ Гаевскаго «иллиризма» (сл. Шурминъ, Preporod I. 78 и сл.); языкъ же книжки смахивалъ на икавское што-нарѣчіе.

Даже кайкавскіе писатели не чуждались иллирскаго языка, т. е. штокавскаго нарѣчія. Томашъ Миклоушичъ, хорватскій писатель на кайкавскомъ нарѣчіи, которое онъ называлъ «horvatzkim jezikom», ссылался на Андр. Качича «Razgovor ugodni», хваля это сочиненіе, что оно «z vugodnostjum čteje se», стало быть онъ не считалъ его чуждымъ или непонятнымъ для кайкавцевъ. Въ 1826 году вышла въ Пештѣ грамматика Іожефа Гюрковечкаго, тоже кайкавскаго хорвата, но такъ какъ она была назначена собственно для людей военнаго сословія въ пограничныхъ двухъ вараждинскихъ полкахъ (гдѣ уже замѣтны переходы съ кайкавскаго въ штокав-

ское, славонское нарѣчіе), то авторъ не хотѣлъ назвать ее ни хорватской ни иллирской, а употребилъ сложное названіе «Kroatisch-slavische Sprachlehre: Jezichnica horvatsko-slavinska». У него замѣтно желаніе составить какой-то общій языкъ для Хорватіи, Славоніи и Далмаціи, но въ сущности онъ не вышелъ изъ предѣловъ кайкавскаго, его родного нарѣчія. Даже съ православными, какъ онъ думалъ, было бы возможно соглашеніе: «naj odhitiju slove i rechi gerchke» (пусть откажутся отъ кириллицы), и тогда единство готово.

Такимъ образомъ почва для Гая была приготовлена. Новыя вѣянія носились, такъ сказать, по воздуху. Гаю и его кружку предстояло дать точно опредѣленную формулу тому, что уже многими предчувствовалось. Въ этомъ дѣлѣ Гай не игралъ роли Вука. Онъ былъ только предпріимчивымъ иниціаторомъ въ практическихъ условіяхъ обезпечивавшихъ иллиризмъ: онъ успѣлъ получить концессію для типографіи и политической газеты съ литературнымъ приложеніемъ. Онъ руководилъ кружкомъ, раздѣлялъ роли, распоряжался способностями отдѣльныхъ членовъ, но самъ писалъ очень немного, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ принялъ бразды въ свои руки. Да у него и не было на это ни въ одной области достаточной подготовки. (Вразъ напр. подтрунивалъ надъ его затѣею писать исторію. Dĕla St. Vraza, V. 303). Гай производилъ чарующее впечатлѣніе своей личностью, сладкимъ краснорѣчіемъ, но дарованія писательскаго у него не было. У него проявлялись поэтическія наклонности, извѣстная доля романтики и мистицизма. Родное мѣсто Крапина, знаменитое своими развалинами замка, изъ котораго по народному преданію вышли родоначальники всѣхъ славянъ, три брата Чехъ, Лехъ и Мехъ (сл. у Кулаковскаго стр. 020), питало въ юношѣ съ молодыхъ лѣтъ расположеніе къ романтической мечтательности. Изучая гимназію въ Вараждинѣ и Карловцѣ, онъ увлекался уже тогда старинными преданіями, касавшимися родины. Въ 1826 году (17-лѣтній юноша) онъ написалъ книжечку на нѣмецкомъ языкѣ «Die Schlösser bei Krapina», въ которой проявляется его знакомство съ исторіей страны, но по очень некритическимъ источникамъ (напр. по Мавру Орбини). Замѣчательно, что и онъ въ Карловцѣ зачитывался «Угоднымъ разговоромъ» Качича, какъ въ свое время Вукъ. Его попытки въ стихахъ были написаны на родномъ кай-нарѣчіи.

Для высшихъ наукъ Гай отправился по тогдашнему обычаю въ Вѣну и Грацъ. Въ послѣднемъ городѣ онъ засталъ цѣлый кружокъ восторженныхъ юношей, увлекавшихся желаніемъ поднять значеніе родного языка. Въ числѣ ихъ были Божидаръ Петрановичъ, Моисей Балтичъ, Деметеръ и Курелацъ, значитъ православные и католики безъ различія. Въ этомъ

кругу Гай впервые познакомился съ изданіями народныхъ пѣсенъ Вука Караджича, здѣсь стали ему понятны различныя попытки ороографическихъ реформъ. Но еще важнѣе для него было пребываніе въ囲Пештѣ, гдѣ онъ познакомился съ Яномъ Колларомъ, большое вліяніе котораго на Гая не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Здѣсь онъ проникся идеею славянской взаимности и солидарности. Эта идея внушила ему благоразумную мысль воспользоваться средствами чешской графики для перенесенія ихъ на почву родного, пока еще кайкавскаго нарѣчія. Въ 1830 году вышла его «Kratka osnova horvatsko-slovenskoga pravopisaňa», гдѣ съ послѣдовательностью кромѣ прочихъ знаковъ, принятыхъ потомъ также въ «иллирское» правописаніе, предлагались еще ň ľ ď ǧ (но не ť, такъ какъ этого звука въ кайкавскомъ нарѣчіи нѣтъ). Разсужденіе дышетъ патріотическимъ духомъ, выставляетъ уже какъ принципъ цѣлесообразность сближенія въ ороографіи съ прочими славянами, поэтому онъ и давалъ чешскому č предпочтеніе передъ далматинскимъ ç; бывшее въ то время кайкавское употребленіе буквы s въ значеніи ž онъ считалъ антиевропейскимъ и требовалъ возвратить ему его европейскую службу, указывая при этомъ на s signatum у Ямбрешича. Противъ x въ значеніи ž, бывшаго въ употребленіи у славонцевъ и далматинцевъ, а въ новѣйшее время, какъ онъ говорилъ, также у словенцевъ въ Штиріи и Крайнѣ (Гай подразумѣвалъ новые знаки у Дайнка и Метелька), онъ выставлялъ аргументъ Копитаровъ, что эта буква (x) въ латинскомъ алфавитѣ имѣетъ другое значеніе. Въ пользу новопредложенной ороографіи приводилось и то соображеніе, что посредствомъ ея хорватскія книги сдѣлаются доступнѣе пониманію чеховъ и поляковъ. Въ этой аргументаціи отзывается духъ Колларовой взаимности.

Значеніе предлагаемой Гаемъ ороографіи поднялось бы, какъ онъ думалъ, еслибъ и «наши сосѣди въ Славоніи, Далмаціи, Штиріи, Крайнѣ и Каринтіи передѣлали свою ороографію по тому же методу». Какъ видно, Гай тогда еще и не думалъ серьезно о единствѣ литературнаго языка на основаніи штокавскаго нарѣчія, онъ питался тогда еще заблужденіемъ Копитара, что суть дѣла въ ороографіи, что она главное условіе единства, нарѣчія же могутъ процвѣтать въ любомъ количествѣ. Поэтому онъ уговаривалъ Раковца принять его правописаніе (Građa III. 214), жаловался же на него, когда отказался примкнуть «k napreduvaňu Slavo-Horvatske obraženosti» (ib. 249). Онъ называлъ свое правописаніе «славохорватскимъ» — но все это дѣлалось еще на основаніи кайкавскаго нарѣчія, которое онъ желалъ лишь нѣсколько поисправить (ib. 251). Его чешская точка зрѣнія относительно реформы ороографической заставила его отвергать попытки сло-

венцевъ Дайнка и Метелька. По этому поводу онъ повторилъ Колларову идею сосредоточенія всѣхъ славянскихъ нарѣчій въ числѣ четырехъ главныхъ. Эти четыре главныя нарѣчія у него пока не поименованы, но относительно южнаго уже слѣдующіе годы принесли рѣшеніе вопроса. Молодой юристъ Иванъ Деркосъ въ латинской брошюркѣ «Genius patriae» (1832) рекомендовалъ уже уступку кайкавскаго нарѣчія въ пользу преимущества штокавскаго, только оно должно бы въ Далмаціи очиститься отъ итальянизмовъ, въ Славоніи же отъ турцизмовъ. Такимъ путемъ достиглось бы также сближеніе съ сербами Венгріи и Турціи.

Мысли, изложенныя въ книжкѣ Деркоса по латыни, повторены въ 1832 году въ любопытной политико-филологической брошюрѣ графа Янка Драшковича; «Disertacija iliti Razgovor darovan gospodi poklisarom... po jednom starom domorodcu kraljevinah ovih» (U Karlovcu 1832, перепеч. въ 80 книгѣ Rad-a). Драшковичъ былъ происхожденіемъ «кайкавецъ», но онъ полюбилъ нарѣчіе штокавское какъ лучшее, хотя не могъ овладѣть имъ въ достаточной мѣрѣ; вышла путаница кай-штокавская. Напр. «*ja odaberem*» въ значеніи будущаго времени — по кайкавскому синтаксису; род. мн. ч. *knjigah*, *kraljevinah*, но рядомъ *krajev*, *narodov*; твор. пад. *viernostjum*, *kervjum*, *s onum stranum*; сравн. степень *pametneše*, повел. наклоненіе *ljubete*, имперф. *biadu*, *učiniadu*, *primiadu*, аористъ 3 л. мн. ч. *naseljaše* и т. д. Рядомъ съ церковно-сл. формами *sostojanje*, *mogučestvo*, стоятъ кайкав. слова *aldov*, *pelda* и т. д. Но этотъ неправильный языкъ выкупается патріотической тенденціей. Онъ восхвалялъ штокавское нарѣчіе, «jer ga Slavonac, kraišni Hervat, Přimorac, Prikupnik (т. е. на берегахъ рѣки Купы обитающее населеніе), Dalmatinac, Bosanac, Cernogorac i oni Hervati koji se Wasser Kroaten zovu i po magjarske zemlje razsuti jesu, jednako govore». Политическое содержаніе брошюры относилось собственно только къ нуждамъ и требованіямъ Хорватіи и Славоніи, но въ концѣ все-таки прибавлена «Tabella dokazujuća broj, bogoštovje i jezik *Illyrie velike*». Итакъ уже здѣсь провозглашался иллиризмъ какъ воплощеніе язычнаго и литературнаго единства. Авторъ разграничивалъ свою Великую Иллирію въ область чистаго иллирскаго языка и въ область смѣшаннаго языка. Къ послѣдней онъ причислялъ всѣ части бывшаго тогда «королевства иллирскаго» (т. е. районъ словенскаго языка) и двѣ трети бывшихъ трехъ провинціально-хорватскихъ комитатовъ (жупаній), всего 1216000 народонаселенія; всѣ же прочія страны «Великой Иллиріи» считались по языку чистыми: Военная граница, Славонія (цивильная и военная), Боснія, Турская Хорватія, Герцеговина, Далмація, Которъ. Тутъ онъ насчиталъ 2230000 народонаселенія.

Какъ видно, собственные сербы Венгріи и Турціи тутъ еще не приняты въ счетъ.

Раньше официальнаго провозглашенія «иллиризма», въ то же время, когда вышла брошюра графа Драшковича, появилась замѣчательная для своего времени грамматика «иллирскаго языка» Игнатія Берлича, подъ заглавіемъ: «Grammatik der illyrischen Sprache wie solche in Bosnien, Dalmazien, Slawonien, Serbien, Ragusa etc, dann von den Illyriern in Banat und Ungarn gesprochen wird» Ofen 1833. Предисловіе помѣчено 22-ымъ мая 1832. Авторъ, человѣкъ болѣе практической жизни, чѣмъ кабинетной учености, отличался здравымъ смысломъ и искреннѣйшей любовью къ дѣлу. Зная превосходно свой родной языкъ, который на границѣ Славоніи и Босніи, въ Бродѣ на Савѣ, принадлежитъ и теперь еще къ образцовому штокавскому нарѣчію съ нѣкоторымъ консерватизмомъ въ удареніи, — познакомившись при этомъ почти со всѣми южнославянскими грамматиками, кромѣ того съ церковно-славянской Мразовича и Добровскаго, Берличъ сумѣлъ заурядно анализировать грамматическій организмъ языка, который подъ названіемъ «иллирскаго», обнималъ по его опредѣленію Боснію, Далмацію, Герцеговину, Южную Венгрію, Лику, Черногорію, Дубровникъ, Сербію, Славонію и Срѣмъ (предисл.), численностью до слишкомъ 4-хъ милліоновъ. Исключено было, какъ видно, только нарѣчіе кайкавское и, конечно, вся область словенская. Выборъ названія «иллирскій языкъ» онъ оправдывалъ совѣтомъ, даннымъ ему дорогимъ другомъ (намъ неизвѣстно, кѣмъ; не Шафарикъ ли былъ этотъ другъ?) и обычнымъ употребленіемъ этого названія въ Босніи, Далмаціи и у Дубровчанъ. И онъ указывалъ на примѣръ, данный Наполеономъ, но на его взглядъ наполеоновская Иллирія должна бы была скорѣе отвращать отъ употребленія этого имени, чѣмъ поддерживать его. Несомнѣнно, по мнѣнію Берлича въ Наполеоновскую «Иллирію» входило слишкомъ много словенскаго элемента, отъ котораго какъ и отъ кайкавскаго онъ держалъ свою грамматику въ сторонѣ. Но какъ въ такомъ случаѣ назвать этотъ языкъ? И на это у него имѣется обширное разсужденіе, не рѣшающее однако вопроса, если не прибѣгнуть, какъ онъ самъ говоритъ, въ концѣ концовъ къ отчаянному названію «нашъ», «нашкій»! Въ грамматикѣ Берлича преобладаетъ икавское нарѣчіе, для *ѣ* онъ предложилъ въ своей ороографіи лат. букву *y* (напр. *vŷra*, *svỳt*, *zvýzde*, *sŷna*). О значеніи его удареній сл. статью Шахматова «Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній» (Варшава 1888. 8° 71). Р. Ф. В. XIX.

Послѣ такого довольно хорошаго грамматическаго пособія, которое точно опредѣляло объемъ «иллирскаго» языка, былъ въ смыслѣ вышеупомянутыхъ брошюръ на очереди еще послѣдній рѣшительный шагъ, торжественное

заявленіе, что и въ предѣлахъ кайкавскаго народонаселенія отселѣ впредь должно штокавское нарѣчіе занять мѣсто литературнаго органа подъ названіемъ иллирскаго языка. Этотъ актъ совершился основаніемъ политической газеты и ея литературнаго приложенія въ теченіе 1835 года. Объявленіе объ изданіи этихъ двухъ органовъ (20 окт. 1834) написано еще кайкавскимъ нарѣчіемъ, даже старымъ правописаніемъ. Политическая газета стала выходить подъ заглавіемъ: «Novine Horvatzke», приложеніе (еженедѣльное) подъ заглавіемъ «Danicza Horvatzka, Slavonzka y Dalmatinzka». Въ приложеніи начали немедленно давать предпочтеніе штокавскому нарѣчію, по крайней мѣрѣ въ стихахъ. Въ 1-омъ № вышло стихотвореніе Раковца «Danicza» съ посильнымъ стараніемъ употреблять штокавскія формы: «da nam ono ne pogine shto je nashe od ztarine». Стихи Бабукича «Granici i Danici» представляютъ уже чисто штокавскій говоръ. Съ № 10 (14 марта 1835) «Даница» (за исключеніемъ заглавія) начала выходить новой орѳографіей. И тутъ опять было суждено Качичу, рядомъ съ любимыми стихами Михановича «Lěpa naša domovina», открыть очередь новаго правописанія. Въ статьѣ «Pravopisz» (еще старымъ правописаніемъ) Гай представилъ отчетъ о ходѣ орѳографическаго дѣла, оглядываясь въ старину онъ указалъ на попытки Витезовича реформировать правописаніе; отъ своей реформы, предложенной въ 1830 году, онъ отказался относительно l̆ ň ď ğ, отдавъ предпочтеніе комбинаціямъ lj nj dj gj, чтобы угодить славонцамъ и далматинцамъ. Онъ закончилъ статью словами: «отбросимъ въ орѳографіи вліяніе нѣмецкое, итальянское и мадьярское и будемъ придерживаться природной славянской старины». Съ № 28 (18 іюля 1835) произошла перемѣна тоже въ правописаніи заглавія, а въ концѣ года на заглавномъ листѣ читаемъ уже и названіе «Danica ilirska». Въ доказательство того, какъ быстро идеи развивались и чередовались, служитъ напечатанное въ № 31 «Даницы» (отъ 8 авг. 1835) письмо вышеупомянутаго Игнатія Берлича, въ которомъ онъ, отдавая должное признаніе новѣйшей орѳографической реформѣ Гая, заявилъ отъ себя желаніе, чтобы, если сербы не примкнутъ къ Гаевой реформѣ, всѣ вмѣстѣ усвоили кириллицу. Онъ назвалъ даже себя «кирилліанцемъ» въ томъ смыслѣ, что на этотъ случай вышло бы 6 милліоновъ народа пишущаго тѣмъ же шрифтомъ и тѣмъ же языкомъ: «to je ono što mene na kirilicu goni», хотя латинскій алфавитъ казался ему красивѣе. Въ отвѣтномъ письмѣ В. Бабукича выдвинуты аргументы, говорившіе противъ Берлича: трудно было бы, какъ вѣрно замѣтилъ Бабукичъ, уговорить хорватовъ, славонцевъ, далматинцевъ, дубровчанъ, крайнцевъ, корутанъ, штирійцевъ, истріанъ, медьюмурцевъ и словенцевъ, обитающихъ по ту сторону Дравы и Муры,

чтобы всѣ они приняли кириллицу. Онъ возлагалъ большія надежды на успѣхи времени: «передъ пятью годами считалось диковиной, если кто изъ насъ умѣлъ читать по-сербски, а вотъ теперь уже никто не удивляется, зная что всѣ мы славяне «jedne gore list». Бабукичъ сослался опять при этомъ на Колларову взаимность и на отзывы Досиѳея Обрадовича. Въ слѣдующемъ году «Даницы иллирской» (за 1836 годъ) онъ же представилъ въ № 10—15 читателямъ коротенькую грамматику: «Osnova slovnice slavjanske narěčja ilirskoga», составленную по образцу Добровскаго (о правописаніи и формахъ языка). Эта маленькая грамматика считалась съ тѣхъ поръ оффиціальнымъ руководствомъ для иллирскаго языка загребской школы, въ ней въ различіе отъ грамматики Берлича признавались только старинныя формы трехъ падежей мн. числа, въ отличіе отъ Вука требовалось этимологическое начало правописанія, не признавалось слоговое значеніе звука *р*.

Противъ этой школы загребскаго иллиризма по отношенію къ языку подняли голосъ два ярые противника, идущіе рука объ руку противъ Гая какъ главы иллирскаго движенія. Одинъ былъ Копитаръ, стараніемъ котораго еще въ 1820 году состоялась въ Вѣнѣ орѳографическая коммиссія (въ ней участвовали Добровскій, Копитаръ, Метелько, Калистеръ, Шлокаръ и Равникаръ), порѣшившая прекратить неурядицу въ словенскомъ правописаніи и устроить новую орѳографію способомъ принципіально отличнымъ отъ чешскаго. Изъ этого совѣщанія вышли извѣстныя попытки Метелька и Дайнка. Метелько въ грамматикѣ, изданной въ 1825 году, положилъ въ основаніе графическаго изображенія звуковъ *š č šč c ž lj nj*—нѣсколько передѣланныя фигуры кирилловскаго алфавита. Добровскій съ нимъ не соглашался. Годомъ раньше выдалъ Дайнко подобнаго рода попытку (1824), отличавшуюся немногимъ отъ изображеній Метелька. Копитаръ давалъ предпочтеніе Дайнку. Эти попытки вызвали дома у словенцевъ такъ называемый ABC — споръ (сл. статью Кошана «Slovenischer ABC Streit», въ программѣ Марбургской гимназіи за 1890 годъ). Въ Прагѣ попыталъ счастія въ томъ же направленіи В. Ганка, но безъ успѣха. Шафарикъ не одобрялъ ни того ни другого (сл. Č. Č. M. 1874, стр. 64 и 297), а также Гай отнесся, какъ мы уже замѣтили, отрицательно. Зато отомстилъ ему Копитаръ бѣшеной выходкой въ Hesychii Glossographi Discipulus, гдѣ § 17 посвященъ Гаю: De Gaji nunc Ljudeviti, (olim Ludovici) duplici molimine novarum tabularum tam *linguae* quam *scripturae* Croatarum Zagrabiensium». Тутъ Копитаръ подсмѣивается надъ перемѣной Гáева имени, издѣвается надъ реформой орѳографической, пуще же всего надъ новымъ литературнымъ языкомъ. Ему стало обидно за кайкавское нарѣчіе, въ деградаціи котораго онъ усматривалъ уронъ своего панословенизма.

Ограниченію литературнаго употребленія на четыре главные языка (идея Коллара) онъ, конечно, не сочувствовалъ, отвергая эту мысль рѣшительно; онъ порицалъ и протестанта Шафарика, родомъ словака, за пренебреженіе словацкимъ языкомъ. Противъ очень благоразумнаго стремленія Гая и его кружка достигнуть иллирскаго культурнаго объединенія путемъ единства литературнаго языка Копитаръ, не присматриваясь нисколько къ потребностямъ жизни, виталъ въ облакахъ древнегреческихъ воспоминаній и требовалъ, чтобы писали каждый на своемъ нарѣчіи: Carniolus carniolana, provincialis Croata provinciali, militaris militari, Dalmata dalmatica, Ragusinus ragusina, Serbus serbica, Slavonus denique slavonica. Странное упорство непрактичнаго филолога!

Другой противникъ Гая и иллиризма былъ послѣдній поборникъ кайкавскаго нарѣчія Игнатій Кристіановичъ, духовный писатель на кайкавскомъ нарѣчіи и авторъ кайкавской грамматики, изданной въ 1837 году въ Загребѣ: «Grammatik der Kroatischen Mundart. Neu bearbeitet und herausgegeben von Ignaz Kriztianovich. Agram 1837. 8⁰ XXV. 246», съ приложеніемъ примѣровъ, разговоровъ, формуляровъ и т. д.: «Anhang zur Grammatik der Kroatischen Mundart». Agram 1840. 8⁰ 261. Грамматика посвящена «der edlen hochherzigen kroatischen Nation». Въ посвященіи авторъ возсталъ противъ иллиризма въ слѣдующихъ полныхъ негодованія словахъ: «In dieser düsteren von Meinungen und Doctrinen bewegten Zeit, wo auch die heiligsten Interessen der Völker nicht verschont, vielmehr angegriffen werden, schwankt auch unsere theure Muttersprache zwischen den Irrgängen der *Neuerungssucht*, der lockenden *Versuche* und kecken *Angriffe moderner Thorheiten*». И въ предисловіи онъ выражалъ свое недовольствіе противъ неопытныхъ и непризнанныхъ новаторовъ, противъ приверженцевъ «славянскихъ нововведеній», онъ негодовалъ на желавшихъ «слить всѣ славянскія нарѣчія въ одно». Этотъ упрекъ, конечно, не могъ относиться къ иллиризму, такъ какъ онъ стремился именно къ тому, на что указывалъ самъ Кристіановичъ въ области нѣмецкаго языка, т.-е. къ предпочтенію лучшаго нарѣчія и избранію его въ роли литературнаго языка. Кристіановичъ расходился съ общимъ мнѣніемъ лишь въ томъ, что онъ считалъ именно кайкавское нарѣчіе самымъ лучшимъ, самымъ благозвучнымъ. Онъ охотно сослался на мнѣніе какого-то Витковича, сказавшаго въ 1779 году (въ неизданной рукописной грамматикѣ) про кайкавское нарѣчіе: «Die Kroatische Sprache, welche in Agram in Flor ist, ist die erstgeborene Tochter der illyrischen Sprache, weil dieselbe die lindeste und annehmlichste unter den anderen ist». Кристіановичъ былъ довольно начитанъ въ грамматической литературѣ, онъ зналъ грамма-

тику Рельковича, Добровскаго «Славина», сочиненія Копитара и Шафарика, почерпалъ изъ нихъ впрочемъ только то, что годилось для его точки зрѣнія. Пріятнѣе всего было для него одобреніе со стороны Копитара, написавшаго ему еще въ 1831 году (цитата изъ письма, въ предисловіи къ грамматикѣ, на стр. XVIII) насчетъ кайкавскаго нарѣчія, что оно — прямой потомокъ языка Кирилла IX стол., да и кромѣ того одно изъ самыхъ чистыхъ и in medulio slavico неиспорченныхъ». Въ 1832 году писалъ ему Копитаръ (сл. Кукулевичъ, Arkiv XII. 94), что хорваты не должны причислять себя къ иллирійцамъ, такъ какъ они лучше ихъ, т.-е. старше, потому что *konecz* старше нежели *konac*, какъ произносятъ иллирійцы, т.-е. сербы или далматинцы или славонцы.

Такія похвалы поощряли Кристіановича въ борьбѣ противъ иллиризма и навели на мысль выступить съ выше упомянутой грамматикой, которая все-таки обнаружила его очень поверхностныя свѣдѣнія. Онъ не зналъ ни чешской, ни церковно-славянской грамматики Добровскаго, не имѣлъ понятія объ его классификаціи славянскихъ глаголовъ, требовалъ напр. для 3 лица мн. ч. написаніе *rekû*, *tekû*, *pekû*, потому что въ *û* полагалъ сокращеніе изъ *rečeju*, *tečeju*, *pečeju*. Въ причастіи писалъ *rekuvši*, и т. д. Копитаръ былъ все-таки доволенъ грамматикой, порицалъ новую ороографію и по обыкновенію восхвалялъ принципъ неограниченнаго употребленія нарѣчій въ литературѣ. Къ сожалѣнію не сохранилось письма Кристіановича (24 мая 1838), въ которомъ онъ еще подробнѣе входилъ въ вопросъ объ иллиризмѣ, но изъ отвѣта Копитарова (5 іюня 1838) видно, что Кристіановичъ обвинялъ въ этомъ иллирскомъ поворотѣ главнымъ образомъ вліяніе Коллара. Копитаръ же въ отвѣтѣ своемъ указывалъ также на Прагу какъ второй очагъ лютеровскихъ интригъ. Онъ совѣтовалъ Кристіановичу оглянуться на союзниковъ въ борьбѣ, рекомендовалъ Дайнка, бранилъ вновь чешскій «Fliegendreck». Оба сочувствовавшіе другъ другу поборника кайкавскаго сепаратизма обмѣнялись еще и другими письмами, но до насъ дошли только Копитаровы отвѣты, обнаруживающіе безпримѣрно пристрастное настроеніе его противъ иллиризма. Выходитъ даже трогательно, съ какими обвиненіями онъ набрасывался на «die Hetzer in Pest und Prag», какъ бранилъ Шафарика за честолюбіе и ограниченность, называя его разсказъ въ Старожитностяхъ о Кириллѣ «eine blendende Lüge», считая иллиризмъ глупой выходкой Гая, Кристіановича же ободрялъ стоять горой за кайкавизмъ; онъ ободрялъ его перечисленіемъ всѣхъ «словенъ» (т.-е. словенцевъ съ кайкавскими хорватами и даже съ болгарами): выходило, что ихъ не менѣе 4 милліоновъ (стало быть не менѣе всѣхъ иллирійцевъ вмѣстѣ). Поддерживая такимъ образомъ враждебное на-

строеніе Кристіановича противъ иллиризма, Копитаръ повидимому все-таки сомнѣвался въ успѣшномъ исходѣ борьбы. Онъ говорилъ ему: «je mehr ich das Ding bedenke, um so mehr muss ich sie bitten wohl zu bedenken, *ob Ihnen der Sieg am Ende gewiss ist.* Sonst wäre es besser die Sache—*Gott zu überlassen*»! Онъ не скрывалъ даже отъ Кристіановича нѣкоторыхъ выгодъ, бывшихъ на сторонѣ иллирійцевъ: 1) такіе союзники, какъ Шафарикъ и Колларъ, 2) новая типографія, снабженная превосходными средствами и, 3) поддержка со стороны «граничаръ» (жителей военной границы). Кристіановичъ не уставалъ въ отстаиваніи кайкавскаго нарѣчія, до конца жизни онъ все издавалъ свои произведенія на кайкавскомъ нарѣчіи, но въ последніе годы сдѣлалъ и онъ уступку въ пользу нелюбимой имъ Гаевой ороографіи!

Съ какими трудностями политическаго характера приходилось Гаю бороться при распространеніи своихъ идей объ единой Великой Иллиріи, которой онъ упивался, и какъ трудно прививался его литературный языкъ съ новымъ правописаніемъ,—это повѣствованіе не входитъ въ нашу задачу. Достаточно сказать, что участіе Хорватіи и Славоніи было довольно живое, но со стороны сербовъ, а также словенцевъ, являлись только единичные участники. Въ Далмаціи ороографія Гая прокладывала себѣ дорогу очень туго (см. письмо А. Мажуранича въ Далмацію). Комиссія, собравшаяся въ 1820 г. въ Задрѣ, въ которой приняли участіе Аппендини, Микальевичъ, Будровичъ, Міошичъ и какъ гость иностранецъ Бобровскій, бывшій тогда проѣздомъ въ Далмаціи, установила было такую ороографію, по которой č передавалось черезъ ç, ž черезъ *x*, š черезъ ʃ, ć черезъ *ch* — и этой ороографіей печаталась «Zora Dalmatinska» (единственный литературный органъ далматинскихъ хорватовъ) еще въ сороковыхъ годахъ. У словенцевъ переодѣлось второе изданіе грамматики Мурка (Theoretisch-practische Grammatik der Słowenischen Sprache in Steiermark, Kärnten, Krain, und dem illyrischen Küstenlande. Gratz. 1843) уже въ новую ороографію (съ č š ž), примѣру его началъ подражать Блейвейсъ въ своемъ люблянскомъ органѣ «Novice» (хотя и не сразу, а мало-по-малу), но распространеніе иллирскаго литературнаго языка (штокавскаго нарѣчія) между словенцами не удавалось. Кромѣ Станка Враза, перебравшагося очень рано совсѣмъ въ Загребъ, иллирской идеѣ болѣе или менѣе сочувствовали Муршецъ, Кочеваръ, Терстенякъ, Цафъ и Миклошичъ. Въ защиту же словенскаго нарѣчія возсталъ самый даровитый поэтъ словенскій Прешернъ. Не уступая настоятельнымъ просьбамъ Враза относительно словенцевъ, онъ отнесся къ иллирскому движенію даже въ предѣлахъ Хорватіи очень скептически. Говорятъ, что было

у него еще личное нерасположеніе къ Гаю. Когда Корытко приготовилъ собраніе словенскихъ народныхъ пѣсенъ, разсчитывалось, что Гай напечатаетъ ихъ, отказомъ же будто бы онъ обидѣлъ Прешерна.

Не знаю, сколько правды въ этомъ преданіи: вѣрно то, что въ личномъ характерѣ Гая, несмотря на громадную услугу, сдѣланную имъ иллиризму, были нѣкоторыя пятна. У него не было достаточно прямоты и искренности, онъ былъ склоненъ къ мистицизму, любилъ прибѣгать къ хитростямъ, окружать себя ореоломъ, онъ преслѣдовалъ отчасти свои личныя выгоды подъ прикрытіемъ общенародныхъ интересовъ. По отношенію къ австрійскимъ придворнымъ сферамъ онъ игралъ роль преданнѣйшаго подданнаго, въ запискѣ же, которую въ 1840 году подалъ въ Россію, онъ указывалъ на свои заслуги въ покровительствованіи православію и въ одерживаніи папизма. Онъ ссылался въ Россіи на свою особую любовь къ кириллицѣ, чего дома не было видно (Кромѣ Кулаковскаго Иллиризмъ, 289 и сл. см. еще статью Францева въ Građa V. томъ, стр. 142—147). Когда въ 1841 году Колларъ навѣстилъ Загребъ, онъ не допускалъ очень торжественнаго пріема подъ предлогомъ, что пріѣзжій гость протестантъ, на дѣлѣ же тутъ было задѣто его самолюбіе. Когда затѣвался новый литературный органъ («Kolo»), заѣзжихъ русскихъ славистовъ (Срезневскаго и Прейса) стоило много труда склонить его на уступку, онъ боялся конкуренціи своей «Даницѣ» (сл. стр. 335). Когда въ 1848 г. Милошъ прибылъ въ Загребъ, Гай поступилъ съ нимъ довольно неблаговидно (сл. Кулаковскій 309). Но несмотря на всѣ эти недостатки въ личномъ характерѣ Гая, заслуги его огромны. Назрѣвшая идея нашла въ немъ свое воплощеніе. Онъ исполнилъ задачу свою, если не въ полномъ объемѣ первоначальнаго плана, все-таки съ блестящимъ успѣхомъ. Кайкавская Хорватія присоединилась къ литературному языку прочихъ частей, Загребъ сдѣлался новымъ центромъ не кайкавской, а штокавской литературы латинскаго письма: онъ занялъ мѣсто, принадлежавшее когда-то Дубровнику. Въ сравненіи съ безсмысленной разрозненностью, господствовавшей до 1830 года, успѣхи достигнутые въ теченіе слѣдующаго полустолѣтія могутъ быть безъ преувеличенія названы громадными — и въ этомъ блестящемъ дѣлѣ лучъ преображенія падаетъ прежде всего на Гая.

Между литературными дѣятелями кружка Гаева первое мѣсто въ исторіи филологіи принадлежитъ даровитому и отлично образованному словенскому «иллирцу» Станку Вразу. Родомъ изъ восточной Штиріи (1810), онъ посѣщалъ гимназію въ Марбургѣ и въ 1830 году поступилъ въ университетъ въ Грацѣ, гдѣ съ перерывами продолжалъ заниматься то на философскомъ, то на юридическомъ факультетѣ вплоть до 1838 года, не кон-

чивъ ни того не другого по предписанію. Поэтому у него и не было никакой ученой степени, ни права на вступленіе въ государственную службу, но зато было то, чѣмъ онъ дорожилъ больше всего,—превосходное литературное образованіе. Подробности о годахъ его молодости разсказаны въ статьѣ д-ра Илешича въ пятомъ томѣ акад. изданія «Građa za povjest književnosti hrvatske» 1907 стр. 76—117, подъ заглавіемъ: «Stanko Vraz u školama». Отличаясь незаурядным поэтическимъ дарованіемъ, плѣняясь романтической любовью къ изученію народности, онъ сталъ очень рано въ Грацѣ интересоваться славянствомъ, усердно изучать рядомъ съ западно-европейскими литературами также славянскія литературы и нарѣчія, съ особенно тонкимъ чутьемъ въ сторону народной поэзіи. Молодые друзья его въ Грацѣ изъ словенцевъ и прочихъ славянъ всѣ безъ исключенія восторгались тогда идеями о славянской взаимности Яна Коллара, зачитывались поэзіями Мицкевича и Пушкина, вникали въ труды Шафарика. Очень рано взоры его были обращены на сосѣднюю Хорватію. Онъ заѣзжалъ туда въ Загребъ, Самоборъ, въ живописное Загорье, на Быстрицу къ гостепріимному Кризманичу, гдѣ онъ встрѣчалъ своего товарища по университету Гая, въ теченіе 1834—1836 годовъ. Гай посвятилъ его уже весной 1834 года въ свои планы объ изданіи политической газеты (Děla Stanka Vraza, V. стр. XVIII). Одушевленный молодой словенецъ еще въ 1835 году въ литературномъ органѣ Гая «Danica» (въ № 36) заявилъ себя стихами «Стана и Марко», на иллирскомъ языкѣ, и вскорѣ, т.-е., судя по собственнымъ его словамъ, весной 1836 года изъ Якова Фраса превратился въ Станка Враза (быть можетъ уже въ 1835 году, Děla V. 137. 145), изъ штирійскаго словенца вышелъ общимъ югославянскимъ «иллирцемъ» (сл. письмо Прешерну, написанное въ ноябрѣ 1837 г., Děla V. 161—163), вм. словенскаго нарѣчія далъ предпочтеніе «сладкой иллирщинѣ» (ib. 179). Его confession de foi относительно словенскаго нарѣчія изложено очень коротко, но ясно въ одномъ письмѣ 1843 года (къ Мацуну, Děla V. 331—333). Почему же идея его, привлечь къ иллиризму также словенцевъ, не увѣнчалась успѣхомъ, объ этомъ см. въ статьѣ профессора Фр. Марковича въ «Spomen-Knjiga» о матицѣ хорватской, 1892, стр. 258—260.

Блестящій примѣръ Вука подѣйствовалъ какъ на многихъ другихъ, такъ и на Враза, и онъ сталъ очень рано собирать народныя пѣсни въ своемъ родномъ краю и всѣхъ сосѣднихъ областяхъ, обитаемыхъ словенцами. У себя дома въ 1833 году, въ 1834 и 1837 г. въ Крайнѣ и Корутаніи, въ 1838 г. въ Западной Венгріи. Богатый матеріалъ, собранный то имъ самимъ, то доставленный ему другими, остался по большей части въ рукописи.

только одна книжка была имъ же напечатана въ Загребѣ въ 1839 году подъ заглавіемъ: «Narodne pěsni ilirske koje se pěvaju po Štajerskoj, Kranjskoj, Koruškoj i zapadnoj strani Ugàrske. Skupio i na svět izdao Stanko Vraz. Razdělak I» (8⁰ XXII. 204). Въ предисловіи Вразъ даетъ хорошее обозрѣніе всего, что до тѣхъ поръ въ этой области сдѣлано другими, начиная съ Качича, Водника и Вука, съ вѣрными критическими примѣчаніями. Продолженіе должно было выйти въ 1842 году (Děla V. 326), съ этой цѣлью онъ собирался еще въ 1844 г. въ Прагу (ib. 341—2), но изданіе при его жизни не состоялось (первая книга не окупалась, Děla V. 208). Какъ хорошо Вразъ понялъ значеніе и обязанности безупречнаго собирателя народныхъ пѣсенъ и другихъ бытовыхъ особенностей (народныхъ обычаевъ, описаніемъ которыхъ онъ дорожилъ для своего «Кола»), объ этомъ прекрасно говорится въ его письмахъ 1842 года къ Кукулевичу (Děla V. 305), къ Эрбену (ib. 311), 1843 г. къ Мацуну (ib. 330). Позже (въ шестидесятыхъ годахъ) Матица иллирская въ Загребѣ, сдѣлавшись наслѣдницей всѣхъ бумагъ Станка Враза, уступила весь словенскій рукописный матеріалъ своей ново учрежденной подругѣ «Матицѣ словенской» въ Люблянѣ съ завѣтнымъ желаніемъ обнародованія. Правда, долго пришлось ждать, но наконецъ проф. Штрекель исполнилъ общее желаніе, въ своемъ великолѣпномъ, образцовомъ изданіи подъ заглавіемъ «Slovenske narodne pesni iz tiskanih in pisanih virov zbral in vredil dr Karol Štrekelj (до сихъ поръ вышли три тома I. 1895—98 г., II. 1900—1903 г., III. 1904—1907 г.). Онъ воспользовался между прочимъ также рукописнымъ матеріаломъ Ст. Враза.

Не вдаваясь здѣсь въ обсужденіе поэтической дѣятельности Враза, мы укажемъ только на значеніе его какъ превосходнаго литературнаго критика; по правдѣ его можно назвать отцомъ литературно-эстетической критики въ иллирской литературѣ: отзывы его печатались, отчасти за его подписью, отчасти подъ псевдонимомъ Якова Решетара (или J. R.) изъ Церовца. Большая часть прозаическихъ статей его собрана и издана въ V. книгѣ «Děla Stanka Vraza» (U Zagrebu 1877 г.). Вразъ былъ кромѣ того большимъ любителемъ всѣхъ тѣхъ явленій народной жизни, которыя мы теперь сводимъ подъ общее названіе этнографіи: не только народная поэзія, но также народные обычаи и въ особенности народные говоры нашли въ немъ очень внимательнаго наблюдателя и остроумнаго цѣнителя. Все это онъ доказалъ своимъ живѣйшимъ участіемъ въ вновь основанномъ, главнымъ образомъ стараніями его, литературномъ органѣ «Kolo» (Kolo, Članci za literaturu, umětnost i narodni život). Хотя на первыхъ трехъ книжкахъ редакторами значились Раковацъ, Вразъ, Вукотиновичъ, все-таки душой

предпріятія былъ Вразъ. Въ этомъ убѣждаемся легко и по содержанію книжекъ и по собственному признанію Враза въ его письмахъ къ такимъ лицамъ, какъ Вукъ, Субботичъ, Шафарикъ, Эрбенъ, Заппъ и др. (см. Dĕla, V. 282, 290, 292, 295, 306, 310 и т. д.). Вразъ сумѣлъ этимъ органомъ привлечь къ иллирской литературѣ многихъ писателей, стоявшихъ внѣ узкаго загребскаго круга, сербовъ (Вука, Милоша Поповича, переведшаго для «Кола» Пушкинскую «Пиковую даму»), словенцевъ (напр. Ярника, М. Маяра), чеховъ (Шафарика, Челаковскаго, Эрбена) и русскихъ (Срезневскаго, Прейса, Дубровскаго, Григоровича). Къ сожалѣнію, нужно сказать, что домашняя публика, отъ поддержки которой главнымъ образомъ зависѣло изданіе журнала, не сумѣла тогда еще вполнѣ оцѣнить высокія достоинства «Кола». Число подписчиковъ упало до того, что изданіе не оплачивалось и съ третьимъ выпускомъ прекратилось на нѣсколько лѣтъ, съ 1844 по 1847 годъ. Начиная съ четвертаго выпуска по седьмой, Матица иллирская, взявшая на себя продолженіе изданія, поручила редакцію ему одному (1847—1850 г.), какъ секретарю этого общества.

Дружба Враза съ русскими учеными, въ особенности его путешествіе съ Срезневскимъ по Хорватіи и словенскимъ землямъ, возбудило подозрѣніе правительства, за нимъ стали слѣдить на каждомъ шагу, даже въ обществѣ распустили слухъ объ его лишнемъ русофильствѣ (сл. письмо о путешествіи съ Срезневскимъ Dĕla V. 213—225. 278, къ Муршецу ib. 288). Все это доказываетъ только то, что у Враза кругозоръ былъ несравненно шире, чѣмъ у кого бы то ни было изъ тогдашнихъ «иллирцевъ». Это его духовное превосходство отражается въ его богатой и очень поучительной перепискѣ, къ сожалѣнію пока еще очень неудовлетворительно изданной, въ пятомъ томѣ «Dĕla Stanka Vraza» (напечатано довольно небрежно 103 письма, издатель же говоритъ, что сохранилось слишкомъ 900 писемъ!). Желательно было бы, конечно, увидѣть и тѣ письма, которыя онъ получалъ. Такъ напримѣръ нѣсколько писемъ Прерадовича (Građa т. I) къ Вразу доказываютъ наглядно, что младшій другъ-поэтъ очень дорожилъ отзывомъ старшаго друга-поэта о его поэтической дѣятельности. Только сношенія Враза съ Гаемъ становились съ каждымъ годомъ натянутѣе. Гай не могъ простить Вразу конкуренціи, вызванной «Коломъ» въ мнимый ущербъ «Даницѣ» (сл. отзывъ въ Dĕla St. Vraza V. 322). Вразъ же, чѣмъ онъ ближе приглядывался къ ходу дѣлъ, все непріятнѣе былъ поражаемъ замѣченными въ поступкахъ Гая чертами неблаговиднаго эгоизма. Они не поладили вслѣдствіе различія ихъ характеровъ. Гай былъ человѣкомъ дѣла, практическихъ соображеній, неразборчивый въ средствахъ, не

забывающій никогда своихъ личныхъ выгодъ. Вразъ же увлекался крайнимъ идеализмомъ, онъ былъ истинно поэтической натурой, поклонникомъ народной поэзіи, знатокомъ изящной литературы, любителемъ театра и музыки (онъ собиралъ также народныя мелодіи, Dĕla V. 349, 395) и всѣхъ эстетическихъ наслажденій. Гаю ничего не стоило по соображеніямъ политическимъ порицать сегодня то, что вчера восхвалялъ (сл. отзывъ его о Колларѣ въ письмѣ къ Раковцу въ 1837 г., Građa III. 253), отказаться отъ идей, которыя ему казались священными (напр. о славянствѣ, ib. 254). Человѣкъ такого практическаго расчета не могъ быть Вразу симпатиченъ. Ихъ отношенія другъ къ другу вскорѣ до того охладѣли, что Вразъ сталъ избѣгать даже Гаевой типографіи и предпочиталъ Прагу.

Въ 1845 году явилась для Враза нѣкоторая надежда получить въ Загребѣ въ академіи каѳедру хорватскаго (иллирскаго) языка и литературы. Но назначенія добивались также Ант. Мажураничъ и Вѣкославъ Бабукичъ, побѣдителемъ вышелъ послѣдній, уступавшій даровитостью и общимъ образованіемъ, кажется, также Антону Мажураничу, во всякомъ же случаѣ стоявшій далеко ниже Станка Враза. Положимъ, Бабукичъ, какъ уроженецъ Славоніи, зналъ практически лучше свое родное штокавское нарѣчіе, но Вразъ понималъ несравненно лучше всѣ вопросы, относящіеся къ литературѣ (сл. напримѣръ его прекрасный совѣтъ, данный Мацуну въ 1849 г., относительно антологіи, Dĕla V. 408—414); даже и по вопросамъ языка, если выйти изъ узкой рамки грамматики, взгляды Враза были шире и правильнѣе (Любопытныя свѣдѣнія о предстоявшемъ конкурсѣ у Враза, Dĕla V. 364—5). Онъ доказалъ свое превосходство между прочимъ по одному животрепещущему вопросу того времени. Онъ не раздѣлялъ общаго увлеченія «иллирцевъ» дубровницкимъ классицизмомъ XVII столѣтія, который тогдашніе загребскіе писатели иллирскаго направленія серьезно трудились возстановить и выставили какъ идеалъ подражанія достойный (Сл. отзывъ Вукотиновича къ Вразу о языкѣ Гундулича, въ Dĕla Stanka Vraza, V. стр. XVIII). Вразъ настаивалъ на другой, болѣе близкой и естественной задачѣ. Цѣль стремленій новой иллирской литературы онъ усматривалъ въ сближеніи съ современнымъ народнымъ языкомъ и народной поэзіей, по тѣмъ великолѣпнымъ образцамъ, которые даны были въ превосходныхъ изданіяхъ Вука Караджича. Въ этомъ смыслѣ Враза можно бы назвать тогдашнимъ сербофиломъ, но онъ не боялся этого упрека, потому что, по его убѣжденію, иллиризмъ объединялъ все сербское, хорватское и словенское въ одно цѣлое. Противъ односторонняго сербизма онъ даже возставалъ (Dĕla V. 303—304). Очень трезвыя разсужденія о необходимости національнаго направленія въ со-

временной иллирской литературѣ, въ противодѣйствіе подражанію старымъ дубровчанамъ, изложены Вразомъ въ письмахъ къ Челаковскому (1841 г., Dėla V. 272—3) и Эрбену (1844 г. ib. 342—3).

Вразъ любилъ путешествовать съ главной цѣлью, чтобы знакомиться съ бытомъ народа Иллиріи (т.-е. пока хорватовъ и словенцевъ) и для личнаго знакомства съ знаменитостями тогдашняго времени изъ числа славянскихъ писателей, поэтовъ и ученыхъ. Кромѣ своего Граца онъ бывалъ въ Вѣнѣ и въ Прагѣ, послѣдній городъ онъ покинулъ 14 іюня 1848 г. вслѣдствіе бывшаго возстанія. Въ 1849 году онъ сталъ хворать и не могъ больше оправиться (Совѣтъ Бабукича, данный Вразу, въ Dėla V. стр. XXV). Онъ скончался 24 мая 1851 г. въ Загребѣ. Послѣдніе дни и даже годы его были помрачены кромѣ болѣзни или собственно вслѣдствіе болѣзни непріятными столкновеніями съ Матицей, плохо понимавшей въ тогдашнемъ составѣ своихъ членовъ незамѣнимыя качества Станка Враза. Онъ самъ былъ блестящей страницей въ иллиризмѣ съ 1835 по 1850 годъ. Мало оцѣненное до сихъ поръ значеніе его въ литературѣ иллирской проявилось важнѣе въ историко-литературномъ и этнографическомъ отношеніяхъ, чѣмъ даже въ его стихотвореніяхъ.

Въ числѣ ближайшихъ сотрудниковъ въ движеніи иллиризма больше другихъ соприкасались съ славяновѣдѣніемъ Вѣкославъ (Алойсъ) Бабукичъ и Антонъ Мажураничъ. Бабукичъ (родомъ изъ Пожеги 1812 г.) изучалъ гимназію и права въ южной Венгріи (въ Печухѣ, Сегединѣ) и въ Загребѣ, примкнулъ съ молодыхъ лѣтъ какъ одинъ изъ представителей Славоніи, къ кружку Гая, занимался славянскимъ вопросомъ въ смыслѣ Коллара и Шафарика, познакомился довольно рано съ грамматическими трудами Добровскаго и сталъ записнымъ грамматикомъ загребскаго иллиризма. Его уже упомянутая «Osnova» (см. выше стр. 416) вышла для своего времени довольно удачной; вѣроятно ему принадлежатъ также поправки въ иллирскомъ правописаніи 1835-го года въ сравненіи съ предложенной Гаемъ ороографіею 1830 года, въ особенности введеніе буквы *ć*, хотя въ то время еще часто писалось *tj* подъ вліяніемъ невѣрно понятаго принципа этимологическаго, гдѣ слѣдовало писать *ć*, напр. въ причастіи страд. Бабукичъ въ параллель къ формѣ *rodjen* требовалъ *vratjen* (вм. правильнаго *vraćen*). Въ 1833 году Бабукичъ еще и не зналъ буквы *ć*, а писалъ вездѣ *tj* (сл. Život i djela Vjekoslava Babukića, napisao Tade Smičiklas. U Zagrebu 1876, въ приложеніи стр. 58—62), а Курелацъ употреблялъ тогда еще вездѣ *ć* (ib. 62—65). Желаніе сохранить большое количество различныхъ падежныхъ окончаній— въ чемъ усматривалось богатство языка, кто же не дорожитъ богатствомъ?—

заставило Бабукича, хотя онъ происхожденіемъ принадлежалъ къ штокавскому нарѣчію, отстаивать сообразно съ кайкавскимъ нарѣчіемъ различіе трехъ падежей множ. числа: дательнаго, творительнаго и предложнаго. Подъ вліяніемъ тѣхъ же соображеній онъ былъ даже не прочь дать предпочтеніе согласной *l* въ причастіяхъ передъ штокавскимъ *o* (mislil, obratil), но отъ этой жертвы въ пользу всеславянскую онъ вскорѣ отказался. Грамматика Бабукича была имъ же въ 1837 году представлена «Матицѣ сербской» на соисканіе преміи, которой однако онъ не получилъ. Рецензентъ (Светичъ) напечаталъ свой отзывъ о книжкѣ Бабукича въ 1838 году и тѣмъ вызвалъ недовольствіе Бабукича въ «Бачкой Вилѣ» 1841 I. 86. Отвѣтъ на это Светича въ Б. В., II. 196—200. Въ качествѣ знатока штокавскаго нарѣчія Бабукичъ сдѣлался незамѣнимымъ исправщикомъ языка кайкавскихъ писателей, поэтому и занялъ съ самаго начала мѣсто секретаря въ игравшей тогда важную роль «читаоницѣ», и былъ не то корректоромъ, не то редакторомъ «Даницы». Вразъ называлъ его Аристархомъ или Квинтиліаномъ (Děla V. 197). Такую же роль онъ любилъ играть также по отношенію къ неточнымъ даннымъ статистики или этнографіи, напр. въ одномъ письмѣ 1842 года къ Шафарику онъ дѣлалъ поправки въ его «Народописѣ» (Smičiklas l. c. 73—87). Онъ здѣсь расписался много и о славянствѣ старыхъ иллировъ, что конечно у Шафарика, отказавшагося уже въ своихъ «Старожитностяхъ» отъ мечтаній этого рода, могло вызвать только улыбку. Какъ секретарь «читаоницы» Бабукичъ трудился надъ изданіемъ Гундулича (Osman 1844, Različite piesni 1847, здѣсь онъ подписался уже какъ бывшій секретарь, потому что тогда уже былъ «profesor jezika i književnosti hàrvatsko-slavonske»).

Кромѣ изданной въ 1836 году «Основы» иллирскаго языка, которая была переведена также на нѣмецкій и итальянскій языки, онъ принялъ участіе въ словарѣ Дробнича (Mali ilirsko-němačko-taljanski rěčnik od Josipa Drobnića 1846—1849, съ нѣсколько передѣланной грамматикой Бабукича). Въ календарѣ за 1846 годъ (Obći Zagrebački Kalendar za god. 1846, izdaje Lav. Župan, u Zagrebu) вышла статья его объ иллирскомъ правописаніи (Několiko rěčih o pravopisu), по поводу которой напечатанъ въ «Колѣ» вып. IV на стр. 69—79 обмѣнъ мыслей между Бабукичемъ и Вукомъ Караджичемъ, въ которомъ принялъ участіе также Ст. Вразъ, склонившійся недвусмысленно въ сторону Вука. Еще раньше да и потомъ нѣсколько разъ Бабукичу пришлось отстаивать новое иллирское правописаніе. Онъ писалъ о немъ въ «Бачкой Вилѣ» (1841—1844, I. II. III) подъ заглавіемъ «Мисли о правопису», хотя онъ здѣсь вдавался также въ общій

вопросъ о происхожденіи письменъ, къ которому еще разъ возвратился въ 1859 году въ статьѣ «Mněnje o postanku glagoljskih pismenah» (напечатанной въ Programm des K. K. Gymnasiums zu Agram, am Schlusse des Schuljahres 1859). То что здѣсь говорится о происхожденіи глаголицы (главнымъ образомъ подборъ чужихъ мнѣній) не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. У Бабукича были свои хорошія стороны, которыя я тѣмъ паче долженъ выставить, когда отзывъ мой о его филологическихъ способностяхъ не выходитъ вполнѣ благопріятнымъ. Какъ секретарь «читаоницы» онъ отличался необычайнымъ усердіемъ въ служеніи этому центру національной жизни, гдѣ сосредоточивалось все что дышало духомъ славянскаго иллиризма. Не будь у Бабукича прекрасной черты сердечнаго простодушія, его можно бы сравнивать съ Ганкой въ Прагѣ. Разница между ними въ томъ, что Ганка своей любезностью, расточаемой преимущественно проѣзжимъ гостямъ изъ славянъ, въ особенности Русскимъ, старался поднять свое личное значеніе, Бабукичъ же былъ гораздо скромнѣе, онъ жертвовалъ всѣ свои силы, все свое время для блага и выгодъ иллиризма. Онъ былъ дѣйствительно идеально преданъ иллирскому возрожденію, но безъ самостоятельнаго полета, больше какъ добросовѣстный исполнитель чужихъ порученій или постановленій. Все что можно привести въ сохраненіе доброй памяти объ этомъ честномъ труженикѣ, собрано въ одну нѣсколько панегирически нарисованную картину въ вышеупомянутомъ біографическомъ очеркѣ Смичикласа. Пишущій эти строки называлъ въ теченіе пяти лѣтъ (1851—1856) Бабукича своимъ учителемъ, въ теченіе же дальнѣйшихъ девяти лѣтъ (1861—1870) своимъ старшимъ товарищемъ по службѣ въ той же гимназіи и можетъ засвидѣтельствовать, что онъ дѣйствительно былъ добрѣйшій, честнѣйшій человѣкъ. Но нечего грѣха таить, ожиданій онъ не оправдалъ ни какъ учитель, ни какъ ученый. Священный огонекъ одушевленія въ немъ потухъ или же онъ не сумѣлъ сообщить его своимъ ученикамъ, уроки его проходили вяло, безъ интереса къ предмету. Какъ автодидактъ онъ не ушелъ въ своемъ самообразованіи дальше грамматическихъ трудовъ Добровскаго. Когда въ 1854 году, наконецъ, вышла его обширная грамматика, подъ устарѣлымъ тогда уже заглавіемъ «Ilirska slovnica» (u Zagrebu 8° XVI. 444), она представляла собой анахронизмъ. Такъ можно было писать раньше, чѣмъ въ наукѣ появились труды Миклошича и Шлейхера, раньше чѣмъ вышла «Мала српска граматика» Даничича. Напрасно авторъ просилъ бана Елачича взять подъ свое покровительство его новый трудъ, напрасно онъ ссылался на похвальные отзывы объ его прежнихъ грамматическихъ трудахъ, это сочиненіе ему не удалось. Такое впечатлѣніе оно произвело на

насъ, бывшихъ его учениковъ, сразу при своемъ первомъ появленіи. Наука подтвердила наше чутье.

Рядомъ съ Бабукичемъ участвовалъ въ первомъ кружкѣ сотрудниковъ Гая также Антонъ Мажураничъ, представитель хорватскаго приморья, знатокъ чакавскаго какъ своего родного нарѣчія. Онъ родился въ Винодолѣ (въ городкѣ «Нови») 1805 г., былъ старшій братъ знаменитаго поэта Ивана Мажуранича. Въ немъ не замѣтно той мечтательной наклонности къ славянской взаимности, которую Бабукичъ проповѣдывалъ по книгамъ, Вразъ по поэтическому вдохновенію; положительная натура его отражалась во всемъ, что имъ сдѣлано въ пользу иллиризма въ области языка. Получивъ очень рано (въ 1836 г.) мѣсто учителя латинскаго языка въ гимназіи въ Загребѣ, гдѣ онъ жилъ съ 1826 года, онъ сталъ съ позволенія начальства частнымъ образомъ обучать молодежь высшихъ классовъ въ хорватскомъ (иллирскомъ) языкѣ и это продолжалось нѣсколько лѣтъ. Руководимый тѣмъ же желаніемъ онъ написалъ еще въ 1839 году параллельную иллирско-латинскую грамматику: «Temelji ilirskoga i latinskoga jezika za početnike» (2-ое изд. 1842). Въ изданіи «Османа» Ивана Гундулича онъ принялъ вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ дѣльное участіе, составивъ полный словарь къ знаменитому эпосу, обнимающій 137 страницъ (1844). Годомъ раньше (1843) вышло въ третьей книжкѣ «Кола» приготовленное имъ же превосходное, дѣйствительно критическое изданіе «Закона Винодольскаго» («Zakon Vinodolski od lěta 1280. Priobćen od prof. Ant. Mažuranića, стр. 50—97). Къ точной передачѣ текста (хотя въ латинской транскрипціи), буква въ букву, строка въ строку, онъ прибавилъ дѣльныя замѣчанія о Винодолѣ, о говорѣ нынѣшнихъ жителей Винодола и коротенькій словарь.

Самъ Вразъ откровенно признавалъ (1845), что когда рѣчь зашла о замѣщеніи каѳедры иллирскаго языка въ загребской академіи, большинство тогдашняго литературнаго міра давало предпочтеніе А. Мажураничу передъ Бабукичемъ (Děla St. Vraza V. 365). Но А. Мажураничъ, отличаясь твердостью характера, былъ въ то же время нѣсколько неподвиженъ и мало сообщителенъ. Этимъ, должно быть, объясняется, что онъ оставался много лѣтъ въ томъ же положеніи профессора гимназіи, пока довольно поздно, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, получилъ мѣсто директора въ бывшей тогда хорватской гимназіи па Рѣкѣ (Фіуме). Въ 1847 году онъ приготовилъ къ печати новымъ изданіемъ сочиненія поэта Ганибала Луцича (Hanibala Lucića Hvaranina Skladanja pisana 1495—1525), снабдивъ текстъ предисловіемъ и очень внимательно составленнымъ словаремъ. Его трудомъ должно считать также изданіе, озаглавленное именемъ

Гая, въ 1855 году: «Ign. Gjorgjića Piesni Razlike». Что и это изданіе приготовлено къ печати Мажураничемъ, — доказываютъ его собственныя слова въ предисловіи къ изданію. Вмѣстѣ съ Бабукичемъ онъ принималъ участіе въ изданныхъ въ 1853 году двухъ драмахъ Ветранича (Mavra Vetranića Hekuba i Posvetilište Abramovo. Zagreb 1853). Въ изданной въ 1856 году въ Вѣнѣ хрестоматіи (Čitanka ilirska za više gimnazije dio I) онъ участвовалъ въ особенности краткимъ обозрѣніемъ старой хорв. литературы, которое было напечатано въ 1855 году въ программѣ загреб. гимназіи (Kratak pregled stare literature hèrvatske). Въ 1858 году вышла первымъ изданіемъ его «Slovnica hèrvatska», замѣчательная тѣмъ, что здѣсь впервые обращено вниманіе на отношеніе ударенія чакавскаго нарѣчія къ ударенію штокавскому. Это удареніе по большей части совпадаетъ съ удареніемъ русскаго языка, Мажураничу принадлежитъ заслуга, что онъ, должно быть, первый обратилъ на это вниманіе въ статьѣ «O važnosti accenta hèrvatskoga za historiju Slavjanah» (напечатана въ Programm des k. k. Gymnasiums zu Agram 1860). А. Мажураничъ вѣрно указалъ, что чакавское удареніе старше штоковскаго, но объясненіе его, якобы чакавскимъ удареніемъ говорили и произносили какіе то славяне, населявшіе Балканскій полуостровъ до переселенія туда хорватовъ и сербовъ, должно быть, конечно, отвергнуто, точно такъ, какъ и его мысль, что Русскій народъ, произносящій удареніемъ «чакавскимъ», тѣмъ самымъ доказываетъ свое происхожденіе съ юга! Грамматика Мажуранича перепечатывалась потомъ нѣсколько разъ (четвертымъ изданіемъ вышла въ 1869 г.), но авторъ страннымъ образомъ нисколько не заботился о исправленіи или расширеніи ея. Вышедши въ отставку, онъ прожилъ опять много лѣтъ въ Загребѣ въ полномъ бездѣйствіи, какъ ходячая тѣнь или живой мертвецъ, не принимая почти никакого участія въ дѣятельности нараставшихъ молодыхъ поколѣній. Бѣглый очеркъ жизнеписанія А. Мажуранича въ Spomen-Knjiga Matice hrvatske. Zagreb 1892, стр. 289—300.

Знаменитый младшій братъ его Иванъ Мажураничъ, не говоря уже объ его поэтической дѣятельности, одолжилъ славянскую филологію словаремъ, который онъ сообща съ Яковомъ Ужаревичемъ издалъ еще въ 1842 году въ Загребѣ: Deutsch-ilirisches Wörterbuch. Němačko-ilirski slovar, sastavljen po I. Mažuraniću i dru. J. Užareviću (8⁰ 484). Словарь этотъ былъ для своего времени очень полезнымъ пособіемъ, подобнаго которому не имѣла тогда ни сербская ни хорватская литература; онъ сдѣланъ несравненно критичнѣе и лучше, чѣмъ напр., латинско-иллирскій или итальянско-иллирскій словарь Стулли. Иванъ Мажураничъ постарался также сообща съ другими юристами сербско-хорватской національности (др. Де-

метеръ, Петрановичъ, Вукъ) объ юридической терминологіи сербско-хорватской, которая вышла въ 1853 году подъ заглавіемъ: Juridisch-politische Terminologie für die slavischen Sprachen Oesterreichs. Deutsch-kroatische, serbische und slovenische Ausgabe (8⁰ XIV. 694). Могу засвидѣтельствовать личнымъ опытомъ, что Ив. Мажураничъ всегда настаивалъ на чистотѣ, правильности и единствѣ литературнаго языка. Правда, у него были на этотъ счетъ нѣсколько односторонніе взгляды, онъ стремился санкціонировать языкъ и правописаніе такъ называемой загребской школы, грамматическими представителями которой считалъ Бабукича, Мажуранича, Вебера. Даже Б. Шулекъ на его взглядъ принадлежалъ уже къ оппозиціи, потому что не хотѣлъ писать *ě* и *ė*. Кажется даже, что и утвержденіе Южно-славянской Академіи нѣсколько откладывалось изъ за ороографіи и окончаній падежей! Отношеніе Ив. Мажуранича къ литературному языку вѣрно изложено его сыномъ Владиміромъ въ изданіи стихотвореній отца: «Pjesme Ivana Mažuranića. Izdao Vladimir Mažuranić». Zagreb 1895, стр. XIII—XVI.

Въ исторіи иллиризма занимаетъ особое мѣсто словакъ по происхожденію, пріѣхавшій въ Хорватію въ качествѣ наборщика, но своимъ неутомимымъ трудолюбіемъ при здравомъ смыслѣ и непрерывномъ самообразованіи развившійся до замѣчательнаго иллирско-хорватскаго писателя — Богославъ Шулекъ. Онъ родился въ нитранскомъ комитатѣ 20 апр. 1816 г., отецъ его былъ въ свое время въ Мошовцахъ учителемъ Яна Коллара, но потомъ перебрался на положеніе священника въ приходъ мѣстечка Суботище, окруженный многочисленной семьей. Молодой Богославъ изучилъ первоначальную школу дома, потомъ переѣхалъ въ Пресбургъ для продолженія философскихъ и юридическихъ наукъ въ лицеѣ (1828—1837). Послѣ смерти отца († 1837) глухота мѣшала ему занять мѣсто священника (пастора) и учителя по примѣру отца, его взоры были обращены на югъ, гдѣ одинъ изъ его братьевъ уже состоялъ врачемъ въ Бродѣ (на Савѣ). Остановившись на нѣсколько мѣсяцевъ у брата, онъ пріѣхалъ въ Загребъ со скромнымъ намѣреніемъ быть наборщикомъ въ одной изъ типографій (сл. его письмо къ Гаю въ Građa II. 274—7). Ему повезло въ типографіи Фр. Жупана, гдѣ вскорѣ увидѣли его рѣдкія способности; сыновья Жупана подружились съ молодымъ словакомъ, ввели его въ кругъ своихъ знакомыхъ, отецъ сдѣлалъ его факторомъ своей типографіи. Шулекъ взялся за перо, сначала по-нѣмецки, но вскорѣ изучилъ настолько иллирскій языкъ, что сталъ писать въ органы Гая. Съ 1843 года Гай поручилъ ему редакцію «Даницы иллирской», да судя по письмамъ (l. c.) и завѣдываніе типографіей. Участіе въ политической газетѣ «Narodne Novine», рядомъ съ литературнымъ приложеніемъ,

втянуло Шулека въ круговоротъ политическій, онъ сдѣлался не только литераторомъ, но и публицистомъ. Для послѣдней роли ему помогло и его знаніе мадьярскаго языка. Это пристрастіе къ участію въ политикѣ въ качествѣ писателя передовыхъ и другихъ статей не покидало его до конца жизни. Онъ боролся всегда въ рядахъ оппозиціонныхъ, руководимый любовью къ духовному просвѣщенію и упроченію политической самостоятельности своей второй родины, Хорватіи. Въ этомъ отношеніи заслуги Шулека громадны, молодому поколѣнію даже мало извѣстны. Насъ здѣсь онѣ, конечно, не касаются. Но слабаго тѣлосложенія, маленькаго роста, глухой человѣчекъ, хотя происхожденіемъ словакъ, имѣетъ также неоцѣненныя заслуги передъ иллирскимъ, или какъ потомъ звали его, хорватскимъ языкомъ. Изучивъ практически на основаніи усерднаго чтенія лучшихъ образцовъ сербско-хорватскій живой языкъ, онъ считалъ своей задачей какъ писателя употребить всѣ усилія для обогащенія его въ пользу потребностей культурныхъ во всѣхъ областяхъ общественной жизни, прогресса техническаго, движенія мысли въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ. При этомъ ему помогло практическое знаніе нѣсколькихъ родственныхъ языковъ, посредствомъ сравненія которыхъ между собой онъ вникалъ въ духъ истинно народнаго способа выраженія во избѣжаніе назойливыхъ германизмовъ. Жаль, что Шулекъ не задался мыслью написать что-нибудь въ родѣ стилистики языка, гдѣ вліяніе его было бы и полезнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ по вопросамъ чисто грамматическимъ, въ которыхъ менѣе всего подѣлаешь соображеніями привычными ему. Въ вопросѣ о правописаніи онъ когда-то защищалъ написаніе *kàrv*, потомъ же (противъ *kèrv*) согласился на *krv*; онъ настаивалъ на *-ah*, *-ih* въ род. мн. ч. существительныхъ до конца жизни; вм. *ě* рекомендовалъ *ie* — *je* (какъ многіе до сихъ поръ пишутъ); онъ отстаивалъ различіе трехъ падежей мн. ч. какъ признакъ загребской школы.

Удачнѣе было его очень разумно написанное разсужденіе «Srbi i Hrvati» (въ 1856 г., перепечатано въ Скуп. сп. Вука, т. III). Но несравненно важнѣе дѣятельность Шулека въ области лексикографіи. Словарь его нѣмецко-хорватскій (Deutsch-Kroatisches Wörterbuch, Němačko-hrvatski rěčnik. Agram 1860 I A — L. 8⁰ 872, II M — Z. 873 — 1712) оказалъ литературному языку среди хорватовъ такія услуги, какъ рѣдкія сочиненія. На немъ воспитывались цѣлыя поколѣнія писателей въ правильномъ употребленіи языка, изъ него почерпали, при большой зависимости отъ нѣмецкаго языка, указанія на сносную передачу нѣмецкихъ выраженій и оборотовъ по-хорватски. Правда, Шулекъ прибѣгалъ очень часто, какъ говорится, къ «новокованвымъ» словамъ, но, быть можетъ, ихъ далеко не такъ много,

какъ обыкновенно полагалось. Ему помогали въ передачѣ нѣмецкихъ выраженій нѣкоторые хорошіе знатоки языка (въ родѣ поэта Ивана Трнскаго), пособравшіе много словъ изъ устъ народа, такъ что не все, что казалось новымъ и выдуманнымъ, слѣдовало заподозрѣвать, какъ это дѣлалъ, напр., Даничичъ. Шулекъ повредилъ своему почтенному труду только тѣмъ, что не обозначалъ своихъ собственныхъ издѣлій звѣздочками. Впрочемъ слѣдуетъ признать, что ему попытка создавать новыя выраженія по большей части превосходно удавалась. Большое количество словъ, имъ предложенныхъ, вошло въ общее обращеніе, сначала, скажемъ, въ литературныхъ кружкахъ Загреба, потомъ же они проникали все глубже и дальше, пока наконецъ стали общимъ достояніемъ литературнаго языка. Широкая энциклопедическая образованность Шулека отразилась въ его участіи въ различныхъ наукахъ въ качествѣ популяризатора: помимо вопросовъ грамматическихъ и политико-историческихъ, онъ затрогивалъ съ особенной любовью естественныя науки, напримѣръ, ботанику и химію. Поэтому онъ пригодился для составленія спеціальныхъ словарей по научной терминологіи въ области отдѣльныхъ наукъ. Имъ издана въ 1874—5 году терминологія подъ заглавіемъ: Hrvatsko-njemačko-talijanski rječnik znanstvenoga nazivlja (въ двухъ томахъ). О ботаническомъ словарѣ его (1869) была уже рѣчь (на стр. 13). Шулекъ скончался въ 1895 году 30 ноября. Біографію его написалъ Торбаръ въ альманахѣ юго-славянской Академіи: Ljetopis jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti za godinu 1896. Jedanaesti svezak. U Zagrebu 1897, стр. 100—193.

Иллиризмъ имѣетъ свое значеніе также для духовной жизни словенцевъ. Наполеонъ, какъ мы уже говорили, создалъ Иллирію, въ составъ которой входила также большая часть словенцевъ. Водникъ прославилъ ее своей одою. Нѣкоторое движеніе въ области языка замѣтно, правда, еще до Наполеонова вмѣшательства въ политическія дѣла Австріи. Послѣ Гутсманна (см. выше 56) затѣвалъ написать грамматику не то словенскаго, не то обще-славянскаго языка Блажъ Кумердей (около 1793), но она не вышла (см. стр. 178). Юрій Зеленько напечаталъ въ 1791 г. въ Цельѣ «Wendische Sprachlehre» (безъ значенія). Янезъ Дебевцъ трудился надъ тѣмъ же планомъ, но его «Krainerische Grammatik» (1795—7) и также Deutsch-Krainerisches Wörterbuch» остались въ рукописи (въ Люблянѣ). Въ началѣ XIX столѣтія нѣсколько священниковъ южной Штиріи, между ними Стефанъ Модринякъ, стали разсуждать въ частныхъ бесѣдахъ о томъ, какъ бы помочь словенскому языку; предлагалось составленіе словаря, написаніе грамматики, говорилось о правописной реформѣ. Въ 1804 году

долженъ былъ состояться съѣздъ патріотовъ въ городишкѣ Птуѣ (Pettau), но этотъ планъ не удался сполна, какъ онъ самъ объ этомъ подробно разсказываетъ въ одномъ письмѣ 1810 года молодому богослову въ Грацѣ Цвѣтку (сл. Нов. Письма 302—303). Любопытно прислушаться, о чемъ они ломали себѣ головы. Во-первыхъ, разногласіе вышло относительно названія языка: одни предлагали нѣмецкое прозвище windisch, другіе slawisch. Одни стояли за сохраненіе двойственнаго числа, другіе не дорожили имъ, поддаваясь вліянію хорватскому (кайкавскому). Много толковали объ ороографіи, гдѣ тоже замѣчалось вліяніе хорватское у тѣхъ, которые предлагали *c* и *z* въ звуковомъ значеніи *ц* и *з*, *ch* для *č* (*ч*) и т. д.

Оккупація французская внесла безспорно нѣкоторое оживленіе. Копитаръ, собираясь покинуть Любляну, въ 1808 году написалъ Добровскому письмо, въ которомъ излагалъ свое отношеніе къ Воднику (Нов. П. 308—9). Хотя онъ опередилъ его своей грамматикой, все-таки въ письмахъ къ другу Жупану допускалъ возможность, чтобы Водникъ стоялъ у себя дома (въ Крайнѣ) во главѣ движенія (Нов. П. 183—186), но эти ожиданія не оправдались. Водникъ не написалъ грамматики за исключеніемъ учебника: Pismenost ali Gramatika sa perve Shole (V Lublani 1811, 8⁰ 190). Въ этой книжкѣ онъ не измѣнилъ правописанія, не внесъ въ формы языка послѣдовательности, писалъ род. пад. на — *iga* (*eniga*, *perviga*), твор. и дат. м. р. на — *am* (*foglafnikam*, *rakam*), прилагательное выразилъ названіемъ *perlog* (вм. *prilog*), бѣглую гласную передавалъ то черезъ *i*, то черезъ *e*: *fim*, *odlozhik*, *raslozhik*, *ofredik*, *perftavik*, *pozhetik*, *predimik*, *ftavik*, *prejfhin*, *kakfhin*, но *fladek*, *kratek*, *teshek*, *dolozhen* или безъ гласной: *perdevk*. Его долго ожидаемый словарь остался въ рукописи (см. выше на стр. 179). Водникъ скончался въ 1819 году.

Въ Грацѣ хлопоталъ Примицъ въ пользу словенскаго языка, онъ устраивалъ литературное общество по большей части изъ молодыхъ богослововъ (Н. П. стр. 298), но у молодыхъ людей не было усидчивости. Когда Копитаръ услышалъ о затѣяхъ Примица составить кружокъ любителей словенскаго языка въ Грацѣ, онъ составилъ тотчасъ для нихъ хорошую программу: a) написать словарь, b) описать «antiquitates et mores», c) собирать народныя пѣсни и саги; онъ рекомендовалъ имъ раздѣлить между собою эту работу, когда они получатъ мѣста священниковъ по приходамъ. Примицъ желалъ примирить Копитара съ Водникомъ, о чемъ Копитаръ и слышать не хотѣлъ (ib. 200—202). Примицъ получилъ въ Грацѣ профессуру преимущественно вслѣдствіе практическихъ потребностей для богослововъ и отчасти для юристовъ (это состоялось къ веснѣ 1812 года). Кромѣ того онъ

былъ занятъ въ университетской библіотекѣ. Преподаваніе словенскаго языка задавало ему очень много недоумѣній и затрудненій, онъ обращался въ разныя стороны за совѣтами (къ Жупану въ Крайнѣ, къ Ярнику въ Корутаніи и т. д.), но Копитаръ, не придававшій большого значенія его довольно ограниченнымъ способностямъ, оттолкнулъ его отъ себя некрасивымъ высокомѣріемъ (ib. 219). Онъ называлъ его марцистомъ (подражателемъ Марка Поглина, заслуги котораго Примицъ защищалъ отъ нападокъ Копитара, ib. 274), сравнивалъ его съ Готшедомъ, но признавалъ за нимъ ту заслугу, что онъ «ein grosser Proselytenmacher» (ib. 218). Примицъ жаловался на него въ письмахъ къ друзьямъ, отчасти не безъ основанія, потому что у него было все-таки много хорошаго расположенія къ дѣлу и даже краснорѣчиваго патріотизма (сл. его письма, Нов. П. 276—278), но безъ даровитости и конечно, безъ злоязычія Копитарова. Примицъ побуждалъ своихъ краинскихъ соотчичей къ дѣятельности, порицалъ ихъ неподвижность въ отношеніи того, что новые хозяева страны (французы) отдавали предпочтеніе дубровницко-далматинскому языку (ib. 280). Онъ былъ подвижнѣе Копитара, заѣзжалъ и въ Вѣну (къ Копитару, который дурно принялъ его) и въ Любляну для совѣщаній (съ Жупаномъ, Равникаромъ). Онъ составилъ програму къ собиранію матеріала для словаря и распространялъ ее черезъ административные органы южной Штиріи между словенскимъ духовенствомъ страны. Эти благородныя стремленія, конечно, не могли вполнѣ вознаградить отсутствіе личнаго таланта. Примицъ скончался въ 1823 году, не примкнувъ ни въ теоріи, ни въ своей христоматіи къ ороографическимъ требованіямъ Копитара. Конкурентомъ Примица на каѳедру словенскаго языка были Иванъ Шмигоцъ, написавшій въ 1812 году «Theoretisch-praktische windische Sprachlehre», и Францъ Цвѣтко, ограничившійся въ литературѣ нѣсколькими стихотвореніями.

Большія надежды возлагалъ Копитаръ на своего земляка доктора богословія Жупана, не оправдавшаго однакожъ его ожиданій. Онъ чуялъ въ немъ черты самобытности въ языкѣ: «dixi, mihi te omnium nostrum videri habere venam naturaliter slavam et scribere sermonem nostrum coulament, cum ceteri omnes germanisemus in cogitando et non nisi pedantici traductores simus» (Нов. П. 211). Копитару дѣлаетъ честь это откровенное признаніе, что и онъ стоялъ подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ всемогущаго германизма и что онъ во второй разъ не посмѣлъ бы взяться за грамматику, будучи въ Вѣнѣ: oportet in patria esse. Онъ давалъ своимъ любимцамъ Жупану и Равникару совѣтъ — прислушиваться къ языку простого народа: «kmetos observate ut de omnibus rebus loquuntur, sed *verbis* potius quam *substantivis*» (Н. П. 218).

Предвзятая мысль, что славянскіе языки предпочитаютъ выражаться посредствомъ глаголовъ, чѣмъ именъ существительныхъ, повторялась у многихъ славянскихъ филологовъ того времени очень часто. Знаменательна для Копитара также прибавка: «si quando (sc. kmeti) nova fingunt, audacter fingunt ut *primi linguae inventores*, non ut nos Germanorum servum pecus, qui germanice semper cogitamus aut gallice aut cuiuscunque demum exterae gentis potius genio quam nostro» (ib. 218). Поняли ли земляки эти совѣты и упреки Копитара, сказать трудно, но роль его была уже такова, что онъ другимъ давалъ прекрасные совѣты, самъ же дѣйствовалъ не по ихъ указу.

Къ кружку не Копитара, а Примица причислялъ себя корутанецъ Урбанъ Ярникъ (1784—1844), особенно усердный любитель словенскаго языка, даже романтикъ съ панславистическими поползновеніями. Въ частной перепискѣ со своимъ другомъ Шнейдеромъ онъ упражнялся даже въ удивительномъ южно-славянскомъ нарѣчіи, въ которомъ, чтобы угодить церковнославянскому языку, онъ писалъ такъ: «iz možk*ego* i srečn*ego* boja Moškobitarjov», «serdit*ego* kozaka morijočo koso čuti» и т. д.! Узнавъ о кружкѣ Примица въ Грацѣ, онъ заинтересовался имъ (Н. П. 294), питалъ же рядомъ со многими другими надежду, что французское правленіе въ Илліріи благопріятно повліяетъ на развитіе словенскаго языка. Голосъ одушевленнаго романтика слышенъ и въ одномъ отвѣтномъ письмѣ къ Примицу (дек. 1810 г.), гдѣ онъ высказываетъ даже желаніе о введеніи церковно-славянскаго языка въ богослуженіе (съ чѣмъ Примицъ былъ не прочь согласиться, но никакъ не Копитаръ), признаетъ даже превосходство протестантизма въ дѣлѣ народнаго образованія (ib. 298). Ярникъ сталъ очень рано обращать вниманіе на особенности словенскихъ нарѣчій въ Корутаніи (ib. стр. 281—2), о чемъ написалъ статью для «Kola» Ст. Враза, кн. I. 41—57 (1842 г.), но какъ филологъ онъ главнымъ образомъ интересовался по примѣру Добровскаго образованіемъ словъ, этимологическими разсужденіями. Укажемъ помимо множества разбросанныхъ статей его по вопросамъ, близко касающимся славянской филологіи, на изданную въ 1822 г. «Kleine Sammlung solcher altslawischer Wörter, welche im heutigen windischen Dialekt noch kräftig fortleben» (Klagenfurt) и расширенное въ томъ же духѣ изслѣдованіе: «Versuch eines Etymologikons der slowenischen Mundart in Innerösterreich» (ib. 1832).

Не найдя сочувственнаго отзыва ни у Водника, ни у Примица, Копитаръ старался отыскать союзниковъ для своихъ мыслей объ ороографической реформѣ на другой сторонѣ, какъ для Крайны такъ и для Штиріи. Это и удалось ему въ лицѣ двухъ грамматиковъ. Для Штиріи написалъ Петръ Дайнко

«Lehrbuch der Windischen Sprache» Grätz 1824, 8⁰ XVI. 344; грамматика назначалась для нѣмцевъ «zur gründlichen Erlernung» и для словенцевъ «zur vollkommeneren Kenntnis» (подражаніе Добровскому). Въ основаніе легло восточное, штирійское нарѣчіе, но авторъ познакомился также съ языкомъ словенцевъ западной Венгріи (въ верхней половинѣ Желѣзнаго, т. е. Эйзенбургскаго комитата), тогда какъ говоръ южной и западной Штиріи онъ считалъ ближе подходящимъ къ нарѣчію краинскому. Въ этомъ сочиненіи составлена ороографія отчасти примѣнительно къ Копитаровскому вкусу, т.-е. для звука *ž* взятъ знакъ *x* (должно быть потому, что онъ напоминаетъ кирилловское *ж*), для *š* знакъ 8, т.-е. закругленное закрытое *s*, для *č* кирилловское *ч*, для *c* и *z* латинскія буквы *c* и *z* (не въ смыслѣ Богоричевой ороографіи, гдѣ *c* передавалось черезъ *z*, а для *z* писалось *s*); еще надо напомнить особый знакъ для ń, похожій на ŋ; для звука *ü*, замѣняющаго обыкновенное *y* (лат. *u*), Дайнко писалъ *y*: lyk, jyg, kyp (вм. luk, jug, kup). Грамматика Дайнка принадлежала къ очень хорошимъ пособіямъ для своего времени, въ ней собрано довольно много любопытныхъ особенностей восточно-штирійскаго словенскаго нарѣчія, преимущественно въ словарѣ. Говорятъ, что у него былъ въ рукописи готовъ также и нѣмецко-словенскій словарь (Плетершникъ въ предисловіи къ своему словарю не упоминаетъ о немъ) и что онъ подъ вліяніемъ изданія «Глаголиты Клоца» написалъ по латыни какую-то статью, сравнивавшую нынѣшнее штирійское нарѣчіе съ языкомъ стараго глаголическаго текста. Усердный когда-то грамматикъ и лексикографъ дожилъ до глубокой старости († 1873), не принимая послѣ тридцатыхъ годовъ никакого участія въ литературѣ словенской.

Второй поборникъ Копитаровыхъ мыслей объ ороографіи словенской былъ Францъ Метелько. Онъ получилъ въ 1817 году каѳедру словенскаго языка для богослововъ въ семинаріи Люблянской. Результатомъ этой дѣятельности и занятій его оффиціальными переводами на словенскій языкъ вышла въ 1825 г. грамматика: Lehrgebäude der Slowenischen Sprache im Königreiche Illyrien und in den benachbarten Provinzen. Von Franz Seraph. Metelko (Laibach, 8⁰. LII. 296). Уже заглавіе этой грамматики обнаруживаетъ стремленіе автора представить соотчичамъ руководство въ широкихъ размѣрахъ языка съ цѣлью литературнаго объединенія всѣхъ словенцевъ. Авторъ подписался какъ «K. K. Professor der Slowenischen Philologie am Lyceum zu Laibach» и на заглавіи указалъ на образецъ, которому онъ подражалъ: «Nach dem Lehrgebäude der boehm. Sprache der Hrn. Abbé Dobrowsky». Но, выставляя напоказъ авторитетное имя Добровскаго, Метелько все-таки не былъ настолько послѣдователемъ Добровскаго, сколько Копитара. Идеи

Копитара повторяются въ проповѣдываніи пансловенизма (Предисловіе къ грамматикѣ, стр. IV—V), паннонскаго происхожденія церковно-славянскаго языка (ib. V—XII) и въ составленіи особенной орѳографіи, которая только въ принципѣ, но не въ подробностяхъ совпадала съ Дайнковой. Метелько рабски повиновался требованіямъ Копитара, онъ не посмѣлъ даже латинское *c* употребить для звука *ц*, для *z* внесъ въ свой алфавитъ кирилловскій знакъ *з*, для *ž* знакъ похожій на *ж* (безъ средней отвѣсной черточки), для *š* нѣчто похожее на кирилловское *ш*, для *č* кирилловское *ч* и для *c* (*ц*) нѣчто особое, передѣланное изъ *ц*. Точно такъ онъ видоизмѣнилъ нѣсколько другихъ латинскихъ буквъ для выраженія особенныхъ звуковыхъ тонкостей: при *e* онъ прибавилъ для закрытаго *e* знакъ *в*, при *i* для ирраціональной гласной *г*, при закрытомъ *o* для широкаго знакъ ω, и т. д. Все это теоретически очень хорошо задумано, но потребности жизни приспособляются къ менѣе сложнымъ формамъ правописанія, не слишкомъ удаляющимся отъ навыка и отъ примѣра у сосѣдей. Поэтому «Метельчица» не привилась, а «Гаевица» пошла быстро въ ходъ. Несмотря на орѳографическую неудачу трудъ Метелька имѣетъ до сихъ поръ свое научное значеніе.

Иллиризмъ хорватскій, какъ уже сказано, не былъ въ состояніи притянуть къ общему дѣлу литературнаго единства такъ же и словенцевъ. Причинъ было нѣсколько, главная заключалась въ томъ, что словенскія области были политически обособлены, а неславянское государство Австріи, конечно, не считало своей задачей усиливать значеніе славянъ въ предѣлахъ своей имперіи. Много повредило иллиризму такъ же и то, что отъ идеи его сторонились сербы, усматривая въ немъ не прекрасныя духовныя перспективы, а угрожавшую ихъ стремленіямъ политическую силу.

ГЛАВА XVII.

Возрожденіе болгаръ. Венелинъ.

Возрожденіе болгарскаго языка и литературы происходило нѣсколько иначе, чѣмъ у сербовъ путемъ реформы Вуковой или у хорватовъ путемъ Гаева иллиризма. Романтическому направленію, проявлявшемуся довольно живо у сербовъ и хорватовъ, почти и слѣда нѣтъ у болгаръ. Трезвымъ реализмомъ ознаменовалось ихъ движеніе, борьбой за господство церковной славянщины вмѣсто греческаго языка въ *церкви*, и болгарскаго языка вмѣсто греческаго въ *школѣ*. У сербовъ и хорватовъ на первое время не много слышно о школьномъ дѣлѣ, оно было отчасти рѣшено уже правительственными мѣропріятіями XVIII-го столѣтія. У болгаръ же съ самаго начала

постоянно всплываютъ наружу вопросы объ открытіи болгарскихъ школъ и о дѣятельности отдѣльныхъ выдающихся личностей въ качествѣ народныхъ учителей. Въ напряженіяхъ просыпавшагося національнаго сознанія у болгаръ турецкое правительство, относившееся враждебно къ христіанскому просвѣщенію, не принимало конечно никакого участія, предоставивъ своимъ христіанскимъ подданнымъ состязаться между собою и набирать частныя средства для постройки церквей (если онѣ вообще разрѣшались) и открытія школъ. Въ томъ и другомъ дѣлѣ важнымъ факторомъ было купеческое сословіе (въ замѣну не существовавшей національной аристократіи), состоявшее изъ христіанскихъ цеховъ, по турецки называемыхъ эснафовъ, которые много жертвовали на постройки церквей и школъ и даже на подкупы турецкихъ властей посредствомъ всемогущаго на востокѣ бакшиша. Заслуги эснафовъ греческихъ, румынскихъ, болгарскихъ и сербскихъ въ дѣлѣ народнаго образованія прямо громадны, хотя пока со стороны болгаръ и сербовъ мало изслѣдованы (О болгарскихъ писалъ нѣкто Афанасовъ въ недоступномъ мнѣ журналѣ «Свѣтлина», сл. ПСп. LXII. 879).

Болгарскій типъ «даскала» развивался по греческому образцу. Въ городахъ образовали греки, даже среди славянъ или турокъ, состоятельное населеніе, продолжавшее старинныя преданія греко-византійской культуры посредствомъ различныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ обученіе велось частными лицами, учителями-даскалами, по соглашенію съ владѣльцами, за условленную плату безъ дальнѣйшихъ обязательствъ. Успѣхъ дѣла распространялъ славу даскала. Они переѣзжали часто изъ города въ городъ, соображаясь съ предложенными имъ выгодами. Все это такъ происходило не только у грековъ, но въ подражаніе имъ также и у болгаръ. Духовенство, состоявшее въ высшихъ рядахъ іерархіи исключительно изъ грековъ, относилось сначала въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го столѣтія, пока у болгаръ не замѣчалось національныхъ стремленій, съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ къ болгарскимъ школамъ, въ которыхъ, понятное дѣло, преобладало господство языка греческаго. Допускалась возможность прибѣгать къ славяно-болгарскому языку какъ вспомогательному педагогическому средству при элементарномъ обученіи мальчиковъ болгарской національности. Еще въ 1770 г. напечатанъ впервые въ Москополѣ, а потомъ въ 1802 г. перепечатанъ въ Венеціи Λεξικὸν τετράγλωσσον, содержавшій толкованіе греческихъ словъ языкомъ македо-румынскимъ, *болгарскимъ* и албанскимъ (Сл. объ этомъ лексикографическомъ пособіи замѣтки проф. Дринова въ отзывѣ «О болгарскомъ словарѣ А. А. Дювернуа». СПбгъ 1892. Отд. отт. изъ Отчета о присужденіи Макаріевской преміи, стр. 1—2). Болгарскіе даскалы въ свою

очередь составляли греческія грамматическія руководства, какъ напр. Фотиновъ въ Смирнѣ, или Христаки Павловичъ, отъ котораго имѣется «Разговорникъ греко-болгарскій» (1835, 8⁰ VI. 106). Патріотически настроенные болгаре, въ родѣ Априлова въ Одессѣ, Неофита въ Рылѣ, Христаки Павловича, Райна Поповича, переписывались между собою нерѣдко на греческомъ языкѣ (сл. Сборникъ болг. мин. XI. 641—648, ПСп. XXV—XXVI).

Съ возрожденіемъ болгаръ приводятся обыкновенно въ ближайшую связь имена трехъ лицъ духовнаго сословія: Паисія, Софронія и Неофита Рыльскаго. Нельзя конечно отрицать, что уступки въ пользу болгарскаго простонароднаго говора дѣлались уже до Паисія или Софронія. Это случалось въ поучительныхъ словахъ и проповѣдяхъ, извѣстныхъ въ среднеболгарской литературѣ подъ названіемъ «Дамаскиновъ» (сл. П. А. Лаврова: «Дамаскинъ Студитъ и сборники его имени Дамаскины въ юго-славянской письменности». Одесса 1899, Цоневъ въ «Бълг. прегледѣ» I, кн. VIII: Новобългарска письменность прѣди Паисия», Сборникъ министерства т. XVIII. 101 слѣд.).

Паисій былъ монахъ Хиландарскаго монастыря, происхожденіемъ изъ Самоковскаго округа. Подражая примѣру сербскаго историка Раича, съ которымъ онъ познакомился на Аѳонѣ, онъ порѣшилъ написать исторію Болгаръ: «Историа славеноболгарская о народахъ и о царѣхъ и святыхъ болгарскихъ ... на пользу роду болгарскому». По различнымъ ему доступнымъ источникамъ (между прочимъ по русскому переводу 1716 г. Баронія, и по такому же переводу Мавра Орбини), безъ критической разборчивости, написалъ онъ свое сочиненіе въ 1762 г. Оно осталось въ рукописи, но въ спискахъ расходилось по Болгаріи. Въ 1765 г. авторъ самъ привезъ свой автографъ въ Котелъ. Здѣсь уже въ XVIII столѣтіи болгарское народонаселеніе обнаруживало любовь къ родному языку и къ школьному дѣлу (Сборн. XXII—XXIII, 1). Сочиненіе Паисія было написано въ приподнятомъ настроеніи и патріотическомъ духѣ, языкъ его представлялъ по примѣру Раича смѣсь церковно-слав. языка (въ русской формѣ) съ народными болгарскими формами и оборотами. Первый обратилъ вниманіе на Паисія М. С. Дриновъ въ Браиловскомъ Период. Сп. за 1871 г. вып. IV; дальнѣйшія указанія см. въ Соф. Псп. XIX—XX. 134 и сл., XLVI. 1, LIX. 723. Сохранившись въ различныхъ спискахъ, сочиненіе Паисія представляетъ нѣсколько редакцій; критикѣ предстоитъ задача опредѣлить первоначальный обликъ труда. Въ 1885 нѣкто Лонгиновъ напечаталъ эту исторію въ Люблинѣ по экземпляру Тошковича, потомъ же вышло другое изданіе въ Одессѣ (Псп. XLVI. 1, LIX. 723), имѣется также болгарское изданіе 1898 г. въ Пловдивѣ у Данова въ 1 выпускѣ: «Тремъ на българската словесность». О редакціи текста

Котленскаго, сл. Бълг. прегледъ 1898 г., IV. 12. 163. Изданіе Христаки Павловича Дупничанина «Царственникъ» (въ Будимѣ 1844) только переработка Паисія.

Ученикомъ Паисія можно считать Стойка Владиславова, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ Софронія. Происхожденіемъ изъ Котла (1739), послѣ ранней кончины родителей онъ былъ взятъ дядею на попеченіе, послѣ смерти и этого (1756) онъ попалъ изъ-за наслѣдства въ молодые годы въ Константинополь. Возвратясь домой потерпѣлъ много непріятностей отъ родныхъ: они насильственно заставили его въ 1759 году жениться, а въ 1762 по желанію жителей родного города онъ былъ какъ самый выдающійся изъ нихъ посвященъ въ священники. Но разныя непріятности и страданія его въ церкви и школѣ и теперь еще не прекращались. Трудно сказать, сколько во всемъ этомъ былъ виноватъ его, должно быть, нѣсколько крутой нравъ. Изъ Котла онъ переѣхалъ, послѣдуя за своимъ сыномъ, въ окрестность Търнова, въ 1794 г. предложено было ему быть владыкой въ Врацѣ, но гоненія со стороны турокъ заставили его бѣжать опять въ Котелъ, потомъ въ Видинъ (1800), Краёву и Букарештъ. Его главный трудъ — автобіографія, написанная въ подражаніе Досиѳею Обрадовичу, сдѣлалась вскорѣ очень популярнымъ сочиненіемъ (напеч. въ Брайл. Пер. сп., вып. V и VI, стр. 52—77). Кажется, подражая тому же Обрадовичу, онъ написалъ еще и Басни, сл. СПсп. XII. 1 сл., и Гражданское позорище ib. 12. Собраніе проповѣдей его, подъ заглавіемъ «Кѵріакодроміонъ сирѣчь Недельникъ» напечатано въ 1806 г. въ Рымникѣ. Открытое посланіе, относящееся сюда, см. въ СПсп. III. 157. Проповѣди Софронія могутъ быть названы первымъ популярнымъ печатнымъ изданіемъ болгар. литературы. Онъ былъ сердечнымъ приверженцемъ Русскихъ, поэтому и пользовался большимъ уваженіемъ. Знаменитый позднѣйшій Стефанъ Богориди, по первоначальному названію Стойко, числился его внукомъ. Сл. въ СПсп. кн. LXV (1904), стр. 595.

Упомянемъ однимъ словомъ еще Кирилла Тетовца Пейчиновича, напечатавшаго въ 1816 году въ Будимѣ «Огледало» (Псп. XXXI. 14—22), потомъ его, кажется, учителя Хаджи Іоакима даскала Кърчовскаго, издавшаго въ 1814 г. «Амартолонъ Сотирия», въ 1817 г. «Мытарства» и «Чудеса» и др. (Псп. XXXIV. 569—573, сл. XXXIX. 405—427). Относительную правильность болгарскаго языка этихъ книжекъ хвалятъ. Теодоровъ называетъ этихъ двухъ писателей — Софроніевцами (Бълг. Прегл. I, кн. 2).

Въ хронологическомъ порядкѣ можно причислить къ-нимъ еще Петра Беровича или д-ра Берона (родился въ Котлѣ въ 1797 г.), котораго букварь, названный «рыбенный» изъ-за картинъ по естественной исторіи

(онъ изданъ въ 1824 году въ Брашовѣ — Кронштадтѣ), славился долгое время какъ превосходное изданіе. Сл. отзывъ о немъ въ Брайл. Пер. Сп. 1872. V. 42.

Третьимъ изъ числа первыхъ пробудителей называютъ Неофита Рыльскаго, происхожденіемъ изъ окрестности Разлога въ Родопахъ (1790). Въ молодые годы онъ сдѣлался монахомъ (1808), и когда епископа Иларіона, у котораго онъ состоялъ секретаремъ, убили въ Самоковѣ, онъ ушелъ въ монастырь Рыльскій. Въ качествѣ очень усерднаго самоучки онъ выучился не только церковно-славянскому, но также русскому и сербскому, старо- и новогреческому языкамъ. Когда въ 1833 году монастырь Рыльскій пострадалъ отъ пожара, Неофитъ взялся для собиранія милостыни странствовать по всему Балканскому полуострову, что̀ для ознакомленія его съ болгарскимъ народомъ во всѣхъ его частяхъ было очень полезно и поучительно (ПСп. XXXVI. 920). Его успѣшная учительская дѣятельность въ монастырѣ распространила слухъ о его педагогическихъ способностяхъ, и когда два состоятельныхъ купца въ Одессѣ, Априловъ и Палаузовъ, родомъ изъ Габрова, порѣшили въ своемъ родномъ мѣстѣ открыть учебное заведеніе, собравши для этой цѣли необходимыя средства и у прочихъ состоятельныхъ болгаръ Россіи и Румыніи (напр. отъ Мустакова въ Букарештѣ, сл. СПСп. XXV—XXVI. 35—39—43), Неофитъ былъ съ разрѣшенія архіепископа търновскаго Иларіона, приглашенъ занять въ новоустроенномъ училищѣ мѣсто главнаго учителя и директора. Онъ ввелъ такъ называемый аллелодидактическій методъ, которому самъ выучился въ Букарештѣ, по внушенію Иларіона. Въ эту школу, во главѣ которой онъ оставался не больше двухъ-трехъ лѣтъ, потомъ же, быть можетъ, недовольный отношеніемъ къ нему жителей Габрова, перебрался въ Копривштицу (въ 1837 г.), гдѣ тоже существовала школа (сл. ПСп. LII—LIII. 688). Но пребываніе Неофита и здѣсь не было продолжительно. Онъ предпочелъ уединеніе въ Рыльскомъ монастырѣ, гдѣ могъ спокойнѣе заниматься литературной дѣятельностью. Уже въ 1835 году вышли два его грамматическія сочиненія: «Краткое и ꙗсное изложеніе... на писмената и... за правото четеніе на греческій ꙗзыкъ» (въ Бѣлградѣ 8⁰ 36) и «Болгарска грамматіка сега перво сочинена въ употребленіе на славеноболгарските училища»[1]) (въ Крагуевцѣ, 8⁰, стр. 1—72: Филологическое предувѣдомленіе, 73—211: Грамматика).

---

1) Въ этой грамматикѣ, въ особенности въ предисловіи, Неофитъ разсуждалъ много о чистотѣ и правильности языка; приведемъ нѣсколько мѣстъ въ доказательство его широкаго знакомства съ діалектическими и лексическими явленіями:

Една̀ ако говóратъ: ще да ида, други говóратъ: ше да ида, други: ке да идемъ, други:

Подробный анализъ мыслей, изложенныхъ въ «Предувѣдомленіи» Неофита, а также разборъ его грамматической теоріи представленъ проф. Милетичемъ въ статьѣ «От. Неофитъ Рилски какъ филологъ», напечатанной въ журналѣ «Училищенъ Прѣгледъ» ч. XI, кн. 1 (1906), отд. отт. 1—53. Проф. Милетичъ признаетъ за Неофитомъ большія заслуги: въ его грамматикѣ, несмотря на зависимость ея отъ Смотрицкаго-Мразовича, онъ указываетъ на порядочное количество примѣровъ, почерпнутыхъ изъ народнаго языка, выставляетъ его знакомство съ различными говорами и хвалитъ его сказавшееся въ толкованіяхъ грамматическое остроуміе и здравый смыслъ.

Главнымъ занятіемъ Неофита въ теченіе долгой жизни было собираніе матеріала для болгарскаго словаря. Объ этомъ словарѣ много говорилось и писалось какъ о національномъ памятникѣ, но онъ остался неизданнымъ и теперь можетъ послужить лишь въ видѣ матеріала (Сл. объ этомъ словарѣ статью Иречка въ ПСп. 1888, II. 131—137, и вышеупомянутую статью Дринова, стр. 6—7). Успѣшнѣе оказалось другое его предпріятіе — переводъ Новаго Завѣта на болгарскій языкъ, начатый имъ еще въ Габровѣ по почину архіепископа Иларіона. Къ 1838—1840 году переводъ былъ конченъ и въ Смирнѣ напечатанъ на средства американскаго Библейскаго Общества. Патріархъ константинопольскій запретилъ это изданіе, но оно все-таки расходилось по Болгаріи, было нѣсколько разъ перепечатываемо, на заглавномъ листѣ 3-го изданія (1853) сказано: «Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа сега ново преведенный отъ славенскаго на болгарскій языкъ отъ Неофѵта іеромонаха п. п. Рылца» съ прибавкой: «и съ прилѣжаніемъ прегледанъ и одобренъ отъ преосвѧщеннѣйшаго и премудраго митро-

---

че да идемъ, други: ща да ида, други: ша да ида, други: жда да ида. — Едни: некю́, други: не́кемъ, други: не́чемъ, други: нещѐмъ, други: нищѝ, други: нещѝ. Едни: тресемъ, други: тжрсимъ; едни: трасимъ, други: тражимъ, други: тжрсѫ; едни: блажимъ, други: мжрсимъ; едни: дойдѐ, други: додѐ; едни: ще до́ди (вмѣсто: ще до́йде); едни: додѐ, други: доргдѐ, други: докле, други: докадъ. Едни: камень, други: ка́макъ, други: ка́микъ; едни: пето́къ, други: пе́токъ, други: петакъ; еднѝ: песокъ, дру́ги: пясакъ; едни: хлѣ́бъ, други: лепъ, други: ляпъ; едни: ла́катъ нокотъ, други: лакетъ некетъ; едни: разбо́и, други станъ; едни: свещь, други: све́кя; едни: змѝя, други: замѝ; едни: чове́къ, други: чиля́къ, други: чуля́къ, други: чое́къ; едни: месецъ, други: месечина.

Тако и въ глаголы-те едни гово́ратъ: хо́дѫ, други: хо́де, други: хо́димъ; едни тжрчи́мъ, други: тжрче.

Прости-те и безкнижни-те человѣцы говорятъ: чиля́къ, ля̀пъ, замѝ, кра́къ, пя́сакъ, некетъ, нѣщѝ, ту́такси, вмѣсто: человѣкъ, хлѣбъ, змѝя, нога, песокъ, абіе, по часъ.

Тако и за неправо то употребле́ніе на *и* дето не му є мѣсто-то. Некои пишатъ тако: ни можи ни кои да познаи, вмѣсто: не може никои да позна́е; да призамни, вм. да преземе; ще иди, вм. ще иде; да покажи, вм. да покаже; речи вм. рече; направини ідѡли, вм. направени; ако имахмы, вм. имахме́, можи вм. може, да спиче́ля вм. да спеча́лимъ; ни щѐ ричѐ, вм. не щѐ речѐ, да стани вм. стане; ривѐ вм. реве, есинь вм. есень, кога испа́ни вм. когѝ

політа Терновскаго». Объ участіи американскаго библейскаго Общества въ этомъ дѣлѣ см. статью Шишманова «Нови данни за историята на нашето възраждание» (Българскй Прегледъ IV, кн. 11, 1898). Неофиту было суждено дожить до освобожденія Болгаріи, онъ принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ культурныхъ дѣлахъ своей родины, его занимали народныя пѣсни, когда стали собирать ихъ по почину Априлова и Венелина, онъ велъ богатую переписку съ Априловымъ и многими другими, со своимъ другомъ Райномъ Поповичемъ онъ обсуждалъ еще въ молодые годы вопросы о болгарскомъ языкѣ. Его «Описаніе болгарскаго священнаго монастыря Рыльскаго» вышло въ Софіи въ 1879 году. Объ одномъ рукописномъ сочиненіи его «Басни Эзопа» сл. Сборникъ болг. мин., т. XV. 299—303.

Если держаться хронологическаго порядка, то Неофита опередилъ болгаринъ города Смирны, бывшій учитель греческаго языка Фотиновъ. О немъ написалъ прекрасный біографическій этюдъ Ив. Шишмановъ въ XI томѣ министерскаго Сборника, 617—768, съ дополненіемъ въ Бълг. Прегледѣ IV, кн. 11, стр. 53—78. По даннымъ тутъ собраннымъ, Фотиновъ былъ купеческій сынъ, но съ хорошимъ образованіемъ, пріобрѣтеннымъ въ Самоковѣ и Пловдивѣ. Торговыя сношенія его простирались до Константинополя. Одна торговая неудача, кораблекрушеніе, имѣла рѣшающее значеніе для его жизни. Вмѣсто того чтобы возвратиться домой въ Болгарію, онъ порѣшилъ зарабатывать себѣ средства для существованія собственнымъ трудомъ въ качествѣ учителя греческаго языка въ одномъ изъ городовъ, гдѣ находились высшія и низшія учебныя заведенія (такія были кромѣ Константинополя во многихъ другихъ городахъ, какъ въ Кидоніи, Корфу, Янинѣ, Хіосѣ, Смирнѣ, Одессѣ и т. д.). Взоры его были устремлены на богатую Смирну. Здѣсь существовало Σκλαβονικὸν μετόχιον — подворье монастыря Хиландара.

Существованіе школы Фотинова можетъ быть доказано по крайней мѣрѣ съ іюня 1828 года: онъ началъ въ очень скромныхъ размѣрахъ, не

испадне, като снисѐ мице вм. като снесе, да митáть вм. метáть, и т. д. Не знайхъ чи є твóй а той му рече: ами не знаи ли чи не є твои, вм. не знаяхъ че не є твоѐ, áми не зная ли че не твоѐ.

А вмѣсто *и* паки *е*, декато не му е мѣсто-то: намереха вм. намериха, крела вм. крила, истенско вм. истинско, бащено вм. бащино; бяленá вм. белинѝ, высочена вм. высочинѝ, дохóде вм. дохóди, пять стотенъ вм. стотинъ, должена̀ вм. должина̀.

Онъ любилъ ударенія: «Но коя̀ бы тщета̀ была̀ нáмъ ако бы стоя́ли и оксіите, каквó то що стоятъ и въ гре́ческіатъ и не причиня́вавъ му ни́каковъ вредъ; като напр. едни говóратъ: тре́бува, а други: требу́ва; рабóта, други: рáбота; гумнѝ, платнѝ, перѝ, четы́ри, говоратъ други: гу́мно, плáтно, пе́ро, че́тыри». Некои паки говóратъ глáва, нóга, ржка, не́бо, ме́со, оу́хо, óко, дж́рво, когáто ги произносатъ безъ членове. А кога̀ ги произнóсатъ сосъ членове те, тогáва сме́статъ оксíите на крáйныатъ слогъ: главá та, ногá та, ржкá та, небó то, месѝ то, оухѝ то, окѝ то, джрвѝ то».

болѣе чѣмъ съ 10 учениками, по методу взаимнаго обученія (Шишм. 632), но въ теченіе лѣтъ заведеніе расширилось, число учениковъ возрастало, слава его педагогическихъ подвиговъ разошлась по всей Болгаріи. Обученіе велось конечно на греческомъ языкѣ. Въ 1838 онъ издалъ даже грамматическое руководство для этого языка. Уваженіе къ греческому языку и греческой культурѣ было тогда у всѣхъ болгаръ искреннее и полное. Поворотъ въ болгарскую сторону у Фотинова вызванъ, кажется, тѣмъ обстоятельствомъ, что американское Библейское Общество учредило въ Смирнѣ славянскую типографію для изданія Неофитова перевода Новаго Завѣта (1838—1840) и поручило завѣдываніе ею Фотинову. Фотиновъ должно быть былъ еще раньше извѣстенъ какъ знатокъ этого дѣла, а нѣсколько времени спустя задумалъ дѣятельность свою посвятить особаго рода новому для болгаръ предпріятію—изданію болгарскаго повременнаго «списанія», не то газеты не то журнала. Уже въ 1842 г. вышелъ пробный нумеръ подъ заглавіемъ: «Любословіе или періодическо списаніе разныхъ вѣдѣній, издадено трудомъ Константина Т. Фотиновъ» (8⁰ 32). Заглавіе выдаетъ переводъ греческаго названія Φιλολογία, но доказано, что образцомъ ему послужило греческое изданіе Ἀποθήκη τῶν ὠφελίμων γνώσεων (1836)—это же былъ органъ американскихъ миссіонеровъ, съ которыми Фотиновъ стоялъ по видимому въ очень близкихъ сношеніяхъ. Любословіе стало выходить въ 1844 году: по мнѣнію Шишманова, который отзывается очень благопріятно объ этомъ изданіи, болгарскій языкъ перваго года былъ проще, ближе къ народному, чѣмъ второго года, въ которомъ замѣтно даже стремленіе издателя избѣгать болгарскій членъ. Фотиновъ, не переставая быть учителемъ въ греческомъ учебномъ заведеніи, сдѣлался такимъ образомъ болгарскимъ писателемъ. Уже въ 1843 году онъ напечаталъ «Обще землеописаніе» (8⁰ 236) по греческимъ пособіямъ, но съ поправками почерпнутыми отчасти изъ собственныхъ познаній. Изданіе, повидимому, бойко расходилось, авторъ самъ свезъ его въ Узунджово (недалеко отъ Константинополя) на большую ярмарку.

Въ эти годы стали обрисовываться въ литературномъ употребленіи болгарскаго языка два направленія, одно болѣе консервативное, умѣренное, другое рѣшительнѣе выступающее въ пользу простонародныхъ формъ. Къ первому принадлежалъ кромѣ Фотинова также Христаки Павловичъ Дупничанинъ, написавшій въ 1835 году «грамматику славеноболгарскую», второе изданіе которой (1845) пошло въ консервативномъ направленіи такъ далеко, что авторъ выбросилъ употребленіе члена. (Сл. въ ПСп. 1889, год. седма, стр. 256—262, въ статьѣ А. Теодорова «Къмъ историята на българскш езикъ»). Неофитъ Рыльскій былъ впрочемъ сторонникомъ консервативнаго на-

правленія, стоя по отношенію къ грекамъ на примирительной точкѣ зрѣнія, какъ и Райно Поповичъ, его преклоненіе передъ греческой культурой выразилось краснорѣчиво въ предисловіи къ «Краткому и ясному изложенію за правото четеніе на греческій языкъ», но въ болгарскомъ языкѣ онъ соглашался на компромиссы и отстаивалъ употребленіе члена. Къ новому же направленію принадлежали Неофитъ Бозвели и Априловъ въ Одессѣ. Главная разница между старыми и молодыми проявлялась въ то время въ употребленіи буквы ѫ. Консерваторы, дорожившіе церковно-славянскимъ преданіемъ, знали этотъ языкъ тогда еще только по русскимъ и сербскимъ спискамъ, поэтому и писали гласную *у* тамъ, гдѣ въ древнѣйшихъ болгарскихъ памятникахъ писалось ѫ. Априловъ написалъ въ Любословіи статью въ пользу употребленія буквы ѫ, она вышла въ 1847 году отдѣльной брошюрой: «Мысли за сегашното бѫлгарско ученіе» (Одесса). Указавъ на споры въ сербской ореографіи, онъ отстаивалъ ѫ какъ настоящій болгарскій звукъ съ ссылкой между прочимъ на Остромірово евангеліе. Фотиновъ, придерживаясь противоположнаго направленія, отвѣтилъ нѣсколько ядовито, сославшись между прочимъ на авторитетъ Мразовича (Шишм. 703 и сл.). Такъ какъ Априловъ не былъ вполнѣ доволенъ и Неофитомъ или Христаки Поповичемъ, не считая ихъ вполнѣ современными, то отношенія ихъ стали натянутыми. Неофитъ высказывалъ свое недовольствіе въ перепискѣ съ Райномъ Поповичемъ.

Авторитетъ Фотинова какъ издателя Любословія поднялся настолько, что американское Библейское Общество предложило ему продолжать переводъ св. Писанія. Псалтырь вышла въ 1855 году, но прочія части Ветхаго Завѣта, говорятъ, уже не его трудъ (Шишм. 757). У меня переводъ Моисеева «Пятикнижія» въ Константинопольскомъ изданіи 1860 года, гдѣ имя переводчика не указано. Не знаю, кому онъ принадлежитъ. По новымъ американскимъ даннымъ Фотиновъ предлагалъ еще въ 1834 году свой переводъ Евангелія американскому обществу, но этотъ трудъ не былъ принятъ, языкъ перевода не удовлетворялъ американцевъ, требовавшихъ принципіально примѣненія простонароднаго болгарскаго языка, удобопонятнаго широкимъ слоямъ общества. Поэтому и написалъ американецъ Ригсъ (Riggs) въ 1844 году маленькую грамматику болгарскаго языка: «Notes on the Grammar of the Bulgarian language». Журналъ «Любословіе» прекратился на второмъ году, но въ 1845 г. вышла книжка Фотинова «Болгарскій разговорникъ» для введенія въ греческій языкъ, а въ 1852 году онъ напечаталъ переводъ какого-то психологическаго сочиненія съ греческаго. Послѣ прекращенія Любословія онъ затѣвалъ изданіе новаго журнала въ Константинополѣ, но скончался раньше осуществленія его, въ 1858 г. (въ ноябрѣ).

И Райно Поповичъ былъ греческій даскалъ, сначала въ Котлѣ, потомъ въ Карловѣ. Въ напечатанной имъ въ 1837 году въ Будимѣ «Христоіѳіи или благонравіи» (8^0 326) онъ говорилъ еще по старой памяти съ большимъ почетомъ о культурномъ значеніи греческаго языка для болгаръ, былъ такимъ образомъ представителемъ антирусскаго направленія, т. е. преклонялся передъ подавлявшею тогда еще силою греческаго духовнаго господства надъ болгарами. По даннымъ д-ра Крьстьовича (Псп. LXV. 578) онъ при обученіи греческому языку въ низшихъ классахъ прибѣгалъ за объясненіемъ къ болгарскому языку, въ высшихъ же для древнегреческаго къ современному разговорному греческому языку. Въ Котлѣ онъ сталъ учительствовать еще въ 1819 году и продолжалъ эту дѣятельность съ большимъ успѣхомъ до 1826 года. Покинувъ этотъ городъ по разнымъ причинамъ, онъ сначала остановился на нѣкоторое время въ родномъ мѣстѣ Жеравна, потомъ получилъ выгодное предложеніе въ Карлово, гдѣ съ тѣхъ поръ и оставался († 1858). Кромѣ вышеупомянутой Христоіѳіи, въ которой для славянской филологіи поучительно его обширное предисловіе «камто любезнытѣ прочитатели» онъ трудился надъ переводомъ Робинзона по новогреческому тексту, но этотъ переводъ не былъ изданъ. По свидѣтельству Славейкова (Псп. XIV. 296—300), онъ получилъ свое образованіе на Аѳонѣ, въ Солунѣ и въ Айвали.

Въ другомъ направленіи дѣйствовалъ Неофитъ Бозвели, родомъ тоже изъ Котла (въ Сборн. XVIII приводится 1790 какъ годъ его рожденія). О немъ сказано кое-что въ XII т. болг. Сборника Славейковымъ, подробнѣе Шишмановымъ въ Сб. XVIII. 232—353. Его главный трудъ, прославившій автора, было поэтическое въ прозѣ написанное сочиненіе «Мати Болгарія» (сл. въ Брайл. Пер. Сп. кн. IX—X, XI—XII), діалогъ матери съ сыномъ, въ которомъ описываются страданія Болгаріи. Существуетъ кромѣ обширной еще сокращенная редакція, которую Шишмановъ считаетъ старшей. Это пышное, съ преувеличеннымъ употребленіемъ сложныхъ словъ по образцу греческаго краснорѣчія написанное повѣствованіе, не имѣетъ важнаго литературнаго значенія, но вліяло на болгарскую публику патріотическимъ содержаніемъ. Кромѣ катихизиса и библейской исторіи, изданныхъ въ 1835 году въ Сербіи, онъ перевелъ съ греческаго маленькую энциклопедію для дѣтей: «Славено-болгарское дѣтоводство за малкитѣ дѣца», состоящую изъ шести частей; въ пятой, части посвященной географіи, имѣются поправки болгарскаго переводчика. Важнѣе его борьба для освобожденія болгаръ отъ церковно-духовнаго порабощенія со стороны грековъ. Распространяя свои сочиненія по Болгаріи, онъ вездѣ проповѣдывалъ о правахъ болгаръ на независимость отъ грековъ въ церкви и школѣ, въ особенности

въ Калоферѣ и Свиштовѣ. Агитація эта причинила ему много непріятностей, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ старался въ Константинополѣ поднять значеніе болгарской національности и обратить вниманіе султана на болгаръ; какими средствами онъ пользовался для достиженія этой цѣли, разсказъ объ этомъ производитъ впечатлѣніе сложнаго романа, въ который мы не можемъ здѣсь вдаваться. Достаточно напомнить, что греческая іерархія преслѣдовала его уже въ бытность въ Константинополѣ 1836—1839, его заподозрѣвали въ тайномъ сочувствіи уніи, такъ что онъ и у Русскихъ не встрѣчалъ поддержки, съ 1843 года онъ жилъ въ заточеніи на Аѳонѣ, гдѣ и скончался въ 1849 г.

Въ болгарскомъ просвѣтительномъ движеніи принялъ живое участіе, какъ покровитель школьнаго дѣла и въ то же время какъ писатель, богатый одесскій купецъ, родомъ болгаринъ изъ Габрова, Василій Евстаѳьевичъ Априловъ. Онъ пріѣхалъ въ молодомъ возрастѣ (1800) въ Москву и нѣсколько лѣтъ спустя (около 1810) выбралъ себѣ мѣстомъ жительства и своихъ коммерческихъ оборотовъ городъ Одессу. Разбогатѣвъ, онъ вспомнилъ о своей болгарской родинѣ, никакъ не исключительно подъ вліяніемъ изданнаго въ 1829 г. въ Москвѣ сочиненія Венелина: Древніе и нынѣшніе болгаре. Вѣдь онъ былъ настолько образованъ, что могъ, по крайней мѣрѣ по извѣстіямъ русскихъ журналовъ, слѣдить за ходомъ славянскаго возрожденія, за блестящими успѣхами этнографическихъ разысканій (въ видѣ собранія народныхъ пѣсенъ и т. п.) на западѣ, въ Россіи и у сербовъ. Онъ несомнѣнно слыхалъ кое-что и о Вукѣ и о его поѣздкѣ въ Россію, о его пребываніи (съ мѣсяцъ) въ Кишиневѣ. Нельзя однакожъ отрицать, что теплыя симпатіи Венелина къ болгарскому народу, къ его прошедшей славѣ и незаслуженному позднѣйшему порабощенію, могли оказать на чувствительнаго Априлова, какъ и на прочихъ болгаръ, глубокое впечатлѣніе. Нужды нѣтъ, что большой некритичностью отличались сочиненія Венелина. Достаточно, что изложеніе льстило болгарскому самолюбію, болгаре одушевлялись имъ и почерпали изъ него свое патріотическое настроеніе. Такимъ образомъ и Априловъ остановился около 1832 года на благородномъ рѣшеніи учредить въ своемъ родномъ Габровѣ болгарскую школу, съ Венелинымъ же завелъ переписку лишь около 1836 года, продолжавшуюся потомъ до конца жизни Венелина. Поддерживаемый въ своихъ патріотическихъ стремленіяхъ своимъ землякомъ Палаузовымъ, Априловъ игралъ роль посредника между Венелинымъ и своей родиной, особенно что касалось собиранія народныхъ пѣсенъ. Габровская школа сдѣлалась образцовой для многихъ другихъ, напр., для Свиштова (1835, здѣсь учительствовалъ Христаки Павловичъ Дупничанинъ, сначала на греческомъ,

потомъ съ 1840 на болгар. языкѣ), для Копривштицы (1837), для Панагюришта (1839), для Сопота (1838), для Карлова (1837), для Казанлыка (1838), для Търнова (1839), для Калофера (1839), для Софіи (1839, здѣсь учительствовалъ Круша-Захарія Икономовичъ 1839—1846, ученикъ Неофитовъ въ бытность его въ Копривштицѣ), для Татаръ-Базарджика (1837/8 г. построена церковь и школа, 1842 г. открыта школа, но лишь около 1845 г. была въ полномъ цвѣту, до 700 учениковъ!). Особеннымъ почетомъ пользовался какъ учитель Иванъ Момчиловъ, пріобрѣвшій образованіе въ Греціи и Россіи. Когда онъ въ 1843 началъ учительствовать въ Еленѣ, весь округъ толпился около него: Драганъ Цанковъ и Іорданъ Неновъ принадлежали къ числу его учениковъ (Неновъ описалъ судьбы Татаръ-Базарджика, сл. Сборникъ мин. болг. III, кн. отд. 89). Упомянемъ еще учителя Константина Огняновича, происхожденіемъ серба, о которомъ отзывались современники съ большимъ уваженіемъ (сл. Доневъ въ Българ. Прегледѣ I, кн. 11 и 12, стр. 259—265).

Всѣ эти утѣшительные факты болгарскаго просвѣщенія стоятъ въ извѣстной связи съ дѣломъ Априлова. Но онъ бралъ время отъ времени въ руки также перо. Его «Денница новоболгарскаго образованія» (Одесса 1841) разсказываетъ о подвигахъ въ школьномъ дѣлѣ, о Венелинѣ и т. д. Въ брошюркѣ «Болгарскіе книжники или какому славянскому племени собственно принадлежитъ кирилловская азбука» (Одесса 1841, 8⁰ 22) онъ отстаивалъ право болгаръ на происхожденіе кирилловскаго письма и перваго перевода св. писанія (противъ серба Тироля, повторявшаго мысли Копитара). Въ 1845 г. вышли его «Болгарскія Грамоты», а въ 1847 г. переработанныя изъ Любословія: «Мысли за сегашното бѫлгарско ученіе» (8⁰ 47). Какъ уже отмѣчено, онъ здѣсь возражалъ противъ русско-сербскаго употребленія гласной *у*, гдѣ на болгарскій ладъ слѣдовало писать *ѫ*, отстаивалъ также употребленіе члена. Полемика его была отчасти направлена противъ второго изданія грамматики Христаки Павловича Дупничанина (въ Бѣлградѣ 1845). Априловъ сознательно настаивалъ на томъ, чтобы болгаре для высшаго образованія изучали русскій языкъ и изъ русской литературы въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ почерпали средства образованія. Объ этомъ много разсуждается въ его «Денницѣ» (сл. И. Шишмановъ: «Наченки отъ русско влияние» (Бълг. Прегледъ V, кн. 9—10, 1899).

Какъ Априловъ въ Одессѣ, такъ въ Букарештѣ дѣйствовалъ въ пользу болгаръ Василій Неновичъ, издавшій еще въ 1826 г. букварь, потомъ Анастасъ Кипиловскій, занимавшійся въ Букарештѣ переводами на болгарскій языкъ.

Важнымъ средствомъ для успѣховъ литературы и культуры были какъ вездѣ, такъ и у Болгаръ, типографіи. Мы видѣли, что Гай началъ свой иллиризмъ съ учрежденія національной типографіи, важность которой признавалъ даже врагъ его Копитаръ. Извѣстно, что сербы Венгріи и Хорватіи въ теченіе XVIII-го столѣтія долго безуспѣшно домогались разрѣшенія открыть кирилловскую типографію. Маленькая Сербія, только что добилась нѣкоторой независимости, какъ запаслась типографіями въ Крагуевцѣ и Бѣлградѣ, сослужившими не малую службу также и для болгаръ. Отъ турокъ не получалось очень долго разрѣшеніе типографіи для болгаръ, у грековъ было дѣло поставлено несравненно лучше. Наконецъ въ 1838 году было дозволено въ Солунѣ открыть славяноболгарскую типографію, нѣкто хаджи Теодосіосъ, родомъ македонецъ, архимандритъ синайскій, былъ основателемъ ея (ПСп. XXXI. 1—25). Извѣстно, что Априловъ и Палаузовъ мечтали объ открытіи типографіи также въ Габровѣ, но безуспѣшно. Объ одной тайной типографіи въ Самоковѣ имѣется подробное изслѣдованіе Златарскаго въ ПСп. LXVI (1906), 623—665.

Мимоходомъ мы уже упоминали Юрія Венелина. Пора сказать нѣсколько словъ и объ этомъ всѣми болгарами почитаемомъ героѣ болгарскаго возрожденія, о которомъ до сихъ поръ всѣ болгарскіе историки литературы и культуры пишутъ безусловно похвальные отзывы. Когда въ 1902 году чествовалось столѣтіе рожденія Венелина (1802—1902) и Болгарское «Книжовно дружество» устроило торжественное засѣданіе въ память этого дня, историкъ Златарскій прочелъ статью подъ заглавіемъ «Юрій Ивановичъ Венелинъ и значението му за българитѣ» (въ болг. «Лѣтописѣ» за 1901—2 годъ, III. 90—160). Хотя видно желаніе автора нѣсколько поубавить панегирическій тонъ этой статьи, она все таки производитъ такое впечатлѣніе, что нынѣшніе болгаре изъ уваженія къ памяти Венелина пока еще не рѣшаются стать на критическую точку зрѣнія въ оцѣнкѣ его научныхъ заслугъ. Можно и конечно должно питать полное уваженіе къ личности этого болгарофила, жизнь котораго была переполнена разочарованій и неудачъ, но справедливость требуетъ сказать, что зародышъ всѣхъ научныхъ и житейскихъ невзгодъ Венелина покоился въ немъ самомъ, въ ходѣ образованія и въ личномъ характерѣ этого неутомимаго самоучки. Венелинъ былъ чрезвычайно усердный труженикъ, но безъ прочной научной подготовки. Онъ читалъ, собиралъ и выписывалъ безъ исключенія все, что ему попадалось подъ руку, но этотъ громоздкій матеріалъ такъ и остался у него неразработаннымъ, онъ не сумѣлъ провѣрить его филологической и исторической критикой. Венелина можно назвать продуктомъ и даже жертвой романтиче-

скаго увлеченія; въ немъ было много общаго съ польскими учеными Лелевелемъ, Раковецкимъ и Мацѣёвскимъ. Его оппозиція противъ критицизма Тунманъ-Шлёцеровскихъ историческихъ изслѣдованій, невниманіе къ результатамъ филологическихъ трудовъ Добровскаго и Востокова, отозвались жалкими послѣдствіями на его собственныхъ трудахъ и для науки они оказались почти совсѣмъ ненужными, пропали безслѣдно.

Юрій Венелинъ происхожденіемъ изъ угорскихъ Русскихъ, сынъ священника Гуцы (род. 1802 г.), получилъ первоначальное воспитаніе въ Унгварѣ (Ужгородѣ). Духовное вѣдомство округа, обратившее на него вниманіе, вслѣдствіе его отличныхъ успѣховъ, продолжало послѣ смерти отца воспитывать его на свои средства (въ Сатмарскомъ лицеѣ), съ предназначеніемъ его въ священники, но онъ не чувствовалъ въ себѣ призванія къ духовному сословію, поэтому убѣжалъ въ Львовъ для продолженія наукъ въ университетѣ, а чтобы замять слѣды своего пребыванія, онъ принялъ теперь фамилію Венелинъ (1822). Во Львовѣ онъ погружался больше какъ самоучка въ чтеніе историческихъ источниковъ для освѣщенія древнѣйшей славянской исторіи. Его желаніе было попасть въ Россію, но не прямымъ а окольнымъ путемъ, черезъ Тріестъ, Константинополь и Одессу. Съ этой цѣлью онъ и направился было на югъ въ Венгрію, гдѣ въ теченіе 1822/3 года посѣщалъ Сегединскую академію. Политическія дѣла Балканскаго полуострова помѣшали осуществленію его плана въ полномъ объемѣ и онъ порѣшилъ, сопровождаемый своимъ родственникомъ и товарищемъ Молнаромъ, проникнуть въ Россію ближайшимъ путемъ черезъ Черновцы на Хотинъ. Первая остановка была въ Кишиневѣ, гдѣ гуманный губернаторъ Инзовъ, извѣстный покровитель Пушкина, позаботился о немъ и доставилъ ему мѣсто учителя въ семинаріи. И здѣсь продолжалось его самоученіе по славянской исторіи: мѣстныя обстоятельства, пестрая смѣсь народонаселенія, Русскихъ, румынъ, грековъ и болгаръ, толпившихся въ этомъ городѣ, привлекала его пытливость, она дала его занятіямъ извѣстное направленіе, передъ нимъ возстала картина русско-болгарскихъ историко-этнографическихъ сношеній. Въ Бессарабіи въ то время насчитывалось до 38 тысячъ болгарскихъ колонистовъ. Венелинъ легко могъ убѣдиться, что историческія судьбы этого народа еще мало извѣстны. Онъ самъ могъ кое что почерпнуть о нихъ изъ Энгеля, о языкѣ же едва ли онъ зналъ и то, что Вукъ въ 1822 году напечаталъ. Всего этого было мало и не удовлетворяло его любознательности, склонной къ романтическому увлеченію. Въ теченіе двухъ лѣтъ своего пребыванія въ Кишиневѣ онъ могъ бы, правда, изучить порядочно современный болгарскій языкъ, но повидимому онъ этого не сдѣлалъ, задавшись рѣшеніемъ болѣе важныхъ на

его взглядъ вопросовъ, относившихся не столько къ современности, сколько къ самымъ отдаленнымъ временамъ, вопросовъ о происхожденіи древнихъ болгаръ и ихъ родственныхъ сношеніяхъ съ Русскими. Эта двойственность его научныхъ стремленій, съ одной стороны изучать самыя трудныя проблемы славянскихъ древностей, съ примѣненіемъ ихъ къ болгарамъ, съ другой же вникнуть въ бытовыя особенности современныхъ болгаръ — не привела къ желаемой цѣли, она мѣшала ему добиться ясныхъ взглядовъ, занять правильныя реальныя точки зрѣнія.

Въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ Венелинъ впутался въ полемическое отношеніе къ лучшимъ представителямъ критической школы историковъ, напр. къ Тунманну и Шлёцеру. Его романтическое славянолюбіе манило его къ фантастическимъ комбинаціямъ на счетъ славянскихъ древностей: скиѳы, сарматы, гунны, хазары, древніе болгаре — всѣ они были по его мнѣнію славяне. Для изученія современнаго быта болгаръ у него не хватало въ бытность его въ Бессарабіи ни времени, ни досуга, да и Бессарабія не Болгарія. Въ 1825 г., покинувъ Бессарабію, онъ перебрался въ Москву, чтобы быть ближе къ научнымъ средствамъ тамошнихъ богатыхъ древнехранилищъ. Но по совѣтамъ своего земляка Орлая онъ взялся теперь изучать медицину, чтобы обезпечить себѣ кусокъ хлѣба; однако дѣла его отъ этого запутались еще хуже: изъ медицины ничего не вышло, въ душѣ онъ остался антикваромъ, любителемъ всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ вопросовъ, касающихся славянскихъ древностей. Знакомство съ Погодинымъ и К. С. Аксаковымъ давало новую пищу его наклонности къ изученію славянства, не исправивъ его научныхъ пріемовъ. Самъ Венелинъ любилъ блистать оригинальностью взглядовъ: зная хорошо древніе языки и будучи начитанъ въ источникахъ, онъ внушалъ Погодину такое уваженіе, что тотъ поощрялъ его собрать свои богатыя выписки о болгарахъ, древнихъ и новыхъ, привести ихъ въ извѣстный порядокъ и издать. Такимъ образомъ вышла въ 1829 году его книга: «Древніе и нынѣшніе болгаре въ политическомъ, народописномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ». Общимъ заглавіемъ было: «Историко-критическія изысканія», но эти «изысканія» не были чисто историческими, такъ какъ и современный бытъ болгаръ входилъ въ его программу, еще же менѣе можно назвать ихъ критическими, если не считать критикой его полемику противъ Байера, Шлёцера, Тунманна и Энгеля. О современныхъ болгарахъ сказано очень мало, на какихъ нибудь 20 страницахъ, но теплыя выраженія искренняго сочувствія подкупали болгарскихъ и неболгарскихъ читателей. Все прочее содержаніе книги касалось большого вопроса: какого происхожденія были древніе болгаре? гдѣ было ихъ древ-

нѣйшее мѣстопребываніе? когда и какъ они явились на югъ, въ страны Балканскаго полуострова? Не нужно вдаваться въ подробный разборъ его смѣлыхъ комбинацій; ихъ нельзя оправдывать желаніемъ автора обнадежить славянъ вѣрой въ лучшее будущее. Эта вѣра должна выносить строжайшую критику прошлой судьбы славянъ и не питать никого обманомъ. Явись строгая и дѣльная критика сочиненія Венелина, она могла бы оказать полезное вліяніе на автора и, быть можетъ, выпутать его изъ заколдованнаго круга его сумбурныхъ взглядовъ. Къ сожалѣнію такой оцѣнки не послѣдовало. На западѣ сочиненія его и не знали, въ Россіи едвали кто могъ рѣшиться написать научную критику, когда даже Погодинъ раздѣлялъ восторгъ Венелина. Шлецера, Энгеля, Добровскаго не было уже въ живыхъ, Шафарикъ только что кончилъ свою исторію славянскихъ литературъ и былъ занятъ собираніемъ матеріаловъ для своихъ древностей. Въ своихъ «Старожитностяхъ» изданныхъ въ 1837 г., онъ коснулся только разъ мимоходомъ сочиненія Венелина, гдѣ рѣчь шла о мнимомъ славянствѣ древнихъ болгаръ; онъ повидимому зналъ это сочиненіе, но оно шло такъ въ разрѣзъ съ его собственными критическими взглядами, что лучшимъ казалось оставить его безъ вниманія.

Венелинъ получилъ, несмотря на неудовлетворительность своего труда, порученіе отъ Россійской Академіи предпринять научное путешествіе по Болгаріи. Планъ поѣздки оказался, въ сравненіи съ краткостью времени, слишкомъ обширнымъ и сложнымъ: отъ него требовалось, чтобы онъ посвятилъ свое вниманіе вопросамъ археологическимъ, этнографическимъ, литературнымъ и діалектологическимъ. Въ началѣ 1830 года Венелинъ пріѣхалъ для переговоровъ въ Петербургъ, въ мартѣ двинулся въ путь, остановился по дорогѣ въ Одессѣ, къ концу іюня отправился въ Варну, куда онъ прибылъ въ началѣ іюля. Дальше на югъ проникнуть нельзя было, потому что какъ разъ тогда русскія войска стали покидать Турцію. Поэтому онъ направилъ свое путешествіе на сѣверъ, въ Каварну, Костанцу-Бабадагъ и Добруджу, дальше въ Свиштовъ (Силистрію) на Дунаѣ. Такимъ образомъ онъ видѣлъ собственными глазами только незначительную часть сѣверо-восточной Болгаріи, все прочее онъ долженъ былъ черпать изъ чужихъ разсказовъ, довѣряться чужимъ пособіямъ. Во второй половинѣ сентября 1830 г. онъ былъ уже въ Букарештѣ; оставшись здѣсь около 5 мѣсяцевъ, онъ поѣхалъ дальше въ Кишиневъ, гдѣ по странной прихоти сталъ изучать албанскій языкъ. Черезъ Одессу онъ отправился дальше въ Харьковъ, а въ октябрѣ 1831 очутился опять въ Москвѣ. Въ сравненіи съ бывшимъ желаніемъ изучить всю Болгарію на дѣлѣ сдѣлано Венелинымъ очень мало, но разныя причины извиняютъ его, хотя бы отчасти. Послѣ разорительной войны путешествовать

въ чужой странѣ было довольно рискованно. При этомъ онъ не зналъ хорошо языка, а какъ къ иностранцу къ нему относились довольно недовѣрчиво; его распросы вызывали не то недоумѣніе, не то подозрѣніе. Обо всемъ этомъ разсказываетъ онъ самъ въ письмѣ къ Априлову 1837 года. Собираніе народныхъ пѣсенъ, чему послѣ блестящихъ результатовъ Вука придавалась особая важность, не удавалось ему по многимъ причинамъ, какихъ-нибудь 50 пѣсенъ — это было все его богатство (даже не вдвое больше того, что было уже изъ другой мѣстности издано Вукомъ).

По плану, одобренному Россійской Академіей, предстояла ему еще одна обязанность, написать грамматику болгарскаго языка; но не владѣя порядочно болгарскимъ языкомъ, не имѣя хорошей филологической подготовки, онъ долженъ былъ затрудняться исполненіемъ этой задачи. Главная же причина его дальнѣйшихъ неуспѣховъ заключалась въ необезпеченности матеріальнаго положенія — ему приходилось давать уроки, чтобы пропитать себя. Фальшиво понятое научное честолюбіе толкало его постоянно въ сторону безплодныхъ разысканій въ области древнѣйшей славянской исторіи. Къ сожалѣнію у него не было искренняго и разумнаго друга, совѣтами котораго онъ могъ бы пользоваться. Когда, благодаря настоятельнымъ требованіямъ Погодина, Московскій университетъ обратилъ свои взоры на Венелина, пригласивъ его составить программу, по которой онъ читалъ бы лекціи по славяновѣдѣнію въ Московскомъ университетѣ, онъ составилъ правда «конспектъ преподаванія исторіи славянскаго языка и литературы», но эта программа вышла настолько неудачной, конфузной, что факультетъ не принялъ ея. Напрасно Златарскій указываетъ на планы Прейса или Шафарика! Итакъ, надежды Венелина на полученіе каѳедры по славяновѣдѣнію въ Москвѣ рухнули! Не лучше повезло ему съ грамматикой. Онъ самъ хвалился, правда, что представилъ въ Академію рукопись около 400 листовъ in folio (въ 1835 году). Она хранится теперь въ библіотекѣ московскаго Импер. Общества исторіи и древностей, отчетъ о ней сдѣланъ недавно Ив. Шишмановымъ въ Българ. Прегледѣ IV. кн. 8—9—10, гдѣ несмотря на снисхожденіе къ заслугамъ Венелина, признается, что затѣя его представить въ своей грамматикѣ какой-то искусственный болгарскій языкъ, не выдерживала критики. На дѣлѣ онъ былъ слишкомъ непродолжительное время въ Болгаріи, чтобы грамматика его могла дать вѣрное представленіе о болгарскомъ языкѣ. При его пылкой фантазіи онъ даже и не дорожилъ реальной постановкой дѣла, предпочитая идеализацію своей задачи; онъ любовался опасной игрой въ гипотезы. Поэтому не удивительно, что Академія не согласилась напечатать грамматику.

Изъ современныхъ научныхъ вопросовъ его, какъ романтика, привлекала главнымъ образомъ народная поэзія. Двѣ статьи посвящены этому предмету: «Объ источникѣ народной поэзіи вообще и о южнорусской въ особенности» (1834) и «О характерѣ народныхъ пѣсенъ у славянъ задунайскихъ». Тутъ онъ былъ въ своей стихіи, могъ предаваться свободному мечтанію, не стѣсняемый положительными данными. Вотъ до какихъ выводовъ онъ дошелъ въ первой статьѣ, относительно разницы между народной поэзіей русскаго сѣвера и юга: 1-е малоросса трогаетъ пѣсня до слезъ, великоросса никогда; 2-е великороссъ чувствуетъ себя хорошо, когда онъ находится въ движеніи и дѣятельности, малороссъ предпочитаетъ спокойствіе и тишину; 3-е великороссъ воспѣваетъ свою свободу воли, малороссъ свою судьбу (долю); 4-е южнорусская поэзія изобилуетъ богатствомъ чувствъ, сѣвернорусская выраженіемъ эмпирической философіи. Однимъ словомъ — сердце русскаго народа на югѣ, голова на сѣверѣ! Вторая статья посвящена сербской народной поэзіи, преимущественно эпической. И здѣсь онъ даетъ такую импровизацію: пѣсня дунайскихъ славянъ есть произведеніе риторическое, длинное какъ шлейфъ олимпійской богини, испещренный багровыми пятнышками; движенія богини внезапны и рѣшительны, это шаги величественно-грозной беллоны, направленные на жизнь и смерть людей и народовъ. Двумя идеями одушевляется балканскій славянинъ: умыканіемъ дѣвицъ и местью надъ врагами! Въ такихъ фантастическихъ сужденіяхъ расплывался Венелинъ по этой части своихъ этюдовъ.

Въ 1836 году онъ получилъ скромное назначеніе инспектора въ одномъ изъ учебныхъ заведеній и продолжалъ свои ученыя мечтанія. Сближеніе съ болгарами черезъ Априлова и участіе въ русскомъ журналѣ «Московскій Наблюдатель» заставило его въ 1837 году написать очень прочувствованную статью въ сентябрской книжкѣ упомянутаго журнала «О зародышѣ новой болгарской литературы», гдѣ онъ сообщилъ тяжелыя впечатлѣнія, вынесенныя изъ поѣздки въ Болгарію и свои совѣты, какъ можно бы помочь этому горю. Статья, изданная въ 1838 г. отдѣльной книжкою и въ 1842 г. переведенная на болгарскій языкъ, произвела у болгаръ тогдашняго времени, большое впечатлѣніе. Но вскорѣ онъ возвратился къ своимъ ученымъ изслѣдованіямъ. Во второмъ томѣ своихъ «Изысканій» онъ коснулся «словенъ»: «Древніе и нынѣшніе словене» съ прежней прибавкой: «въ политическомъ, народописномъ, историческомъ и религіозномъ отношеніи къ Россіянамъ». Изданіе помѣчено 1841 годомъ, но «Черты изъ частной и ученой жизни Юрія Ивановича Венелина», внесенныя въ это изданіе, написаны въ 1846 году его соотчичемъ И. Молнаромъ. Да и самого сочиненія лишь

первыхъ 15 листовъ напечатано раньше кончины автора (въ 1839 году), со стр. 241 продолжалъ печатаніе Молнаръ при помощи болгарскихъ подписчиковъ (стр. 241—326). Въ этомъ изслѣдованіи видна такая же некритичность, какъ въ первомъ томѣ. Авторъ затрогивалъ всѣ возможные вопросы, прежде всего связывалъ «словеновъ» (словенцевъ) со словаками, начиная ихъ исторію съ венетовъ и Венеціи; онъ зналъ о всѣхъ фантастическихъ соображеніяхъ Катанчича, провинцію Ретію (Raetia) производилъ отъ ῥητός, это де не есть что другое, какъ переводъ названія «словенецъ». Въ доказательство существованія словенцевъ уже въ римское время (или еще раньше) онъ прибѣгалъ къ толкованію личныхъ именъ на надписяхъ по словенски: Belenus = Бѣленъ, Chartus = Чартъ, въ Brotonti онъ узналъ Перуна, въ названіи Cuslano слово *гусли*, въ Bedaio слѣдъ слова *бадњи (бадњак)*. Этруски тоже славяне. Онъ распространялся также о глаголическомъ письмѣ, которое происхожденіемъ относилъ къ 4-му столѣтію. Между прочимъ онъ коснулся Вуковой орѳогр. реформы, открылъ въ ней «кривописательныя выдумки» (стр. 272). Однимъ словомъ, сочиненіе это — ужасающій примѣръ громадной начитанности при полнѣйшемъ отсутствіи критики!

Такихъ вещей осталось много въ рукописи, когда несчастный Венелинъ въ 1839 году скончался, въ крайней бѣдности. Нѣкоторыя статьи его вышли потомъ въ московскихъ «Чтеніяхъ», въ 1846 г. подъ общимъ заглавіемъ «Окружные жители балтійскаго моря»: въ кн. 8 о летахъ, кн. 9 о славянахъ; въ кн. 10 о соляномъ озерѣ Halmyris, въ 1847 г. въ кн. 12 «Мысли объ исторіи вообще, и Русской въ частности», кн. 13 «О древнихъ жилищахъ Русскаго народа» и «О времени рожденія названій, греческое и т. д. письмо»; кн. 14 о словѣ бояринъ, кн. 15 о готахъ, кн. 16 объ обрахъ, кн. 17 «О спорѣ между южанами и сѣверянами насчетъ ихъ россизма», кн. 18 «О нашествіи завислянскихъ славянъ на Русь», въ 1848 г. кн. 21 «О происхожденіи маршаловъ и производствѣ слова». Все это — статьи небольшого объема, въ коихъ много начитанности, мало критичности, но Бодянскому, судя по всему, ученость Венелина импонировала. На средства Россійской Академіи изданы въ 1840 году «Влахоболгарскія грамоты», а въ 1849 г. на средства Денкоглу явились «Критическія изслѣдованія объ исторіи Болгаръ» — продолженіе труда изданнаго еще въ 1829 году, т.-е. исторія болгаръ со времени ихъ прибытія на Балканскомъ полуостровѣ и далѣе до 968 (подчиненіе Святославу). Златарскій долженъ допустить, что немногое вѣрное, что здѣсь сказано о сношеніяхъ болгаръ съ Византіей, исчезаетъ передъ массой неудачныхъ доказательствъ въ пользу мнимаго славянства древнихъ болгаръ, аваръ и хазаръ.

Рукописный матеріалъ народныхъ пѣсенъ, которыя онъ такъ близко принималъ къ сердцу, что не разъ выражалъ свое недовольствіе на болгаръ, не оказавшихъ ему такихъ услугъ, какъ сербы своему Вуку — вошелъ почти цѣликомъ въ изданіе Безсонова. Подробности объ этомъ въ статьѣ Хр. П. Стоилова въ ПСп. LXVI, вып. 5 и 6: «Показалецъ по мотивы и съдръжание на пѣснитѣ въ Венелинова сбирка» — всего 70 пѣсенъ, изъ нихъ 34 собраны самимъ Венелинымъ (30 въ Одессѣ, 4 въ Варнѣ), 20 доставлено ему отъ Неофита, 10 отъ Кипиловскаго и 6 отъ Пѣшакова. Тутъ же на стр. 385—390 полный списокъ сочиненій Венелина. Бумаги, находящіяся теперь въ библіотекѣ Имп. Общества ист. и древн. росс. въ Москвѣ, разобраны Е. И. Соколовымъ въ «Чтеніяхъ» 1899, кн. III, и Ив. Шишмановымъ въ Българскомъ Прегледѣ 1897—8, год. IV, кн. 8. 9 и 10: «Венелиновете книжа въ Москва». Недоступной мнѣ осталась статья П. Безсонова, напечатанная въ «Москвитянинѣ» 1856 № 10: «Нѣкоторыя черты путешествія Ю. Венелина по Болгаріи». Пресловутый «Конспектъ» его не состоявшихся лекцій сообщенъ П. А. Лавровымъ въ «Древностяхъ». Труды слав. комиссіи москов. Археол. Общества, томъ II, Москва 1898. Матеріалы, стр. 110—124. Мой, нѣсколько строгій отзывъ о значеніи Венелина въ славянской наукѣ, не раздѣляется многими болгарами, да и проф. Лавровъ, быть можетъ, съ нимъ несогласенъ, но я все-таки нахожу въ словахъ покойнаго Матова («Сборникъ» болг. министерства т. XII, отдѣлъ критики стр. 11—14) много справедливыхъ замѣчаній.

ГЛАВА XVIII.

Московскіе славянофилы. К. С. Аксаковъ. Дѣятельность первыхъ русскихъ профессоровъ славяновѣдѣнія.

Венелинъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ неудавшійся предтеча первыхъ русскихъ славистовъ, о которыхъ была уже рѣчь выше въ главѣ XIII. Пока онъ въ Москвѣ доживалъ послѣдніе годы своей неудавшейся жизни, Погодинъ распространялъ посредствомъ своего «Москвитянина» идеи о сближеніи славянъ не только въ области духовной жизни, но незамѣтно входилъ также въ политику, вслѣдствіе чего возникли, какъ мы видѣли, недоразумѣнія между нимъ и Шафарикомъ, отворачивавшимся боязливо отъ малѣйшихъ намековъ на политику. Но Погодинъ, бывшій покровитель Вене-

лина, не удовлетворялъ также чистокровныхъ славянофиловъ московской школы своей слишкомъ оффиціально понятой народностью. Старшее поколѣніе московскихъ славянофиловъ вышло, какъ извѣстно, изъ философской школы Гегеля подобно тому, какъ и позднѣйшіе представители западноевропейскаго либерализма и доктринаризма. До тѣхъ поръ, пока эти русскіе поклонники Гегелевской философіи не раздѣлились въ оцѣнкѣ достоинствъ древнерусской жизни и цѣлаго хода русской исторіи на два противоположные лагеря — на одной сторонѣ очутились приверженцы религіозно-культурныхъ началъ Византіи, обожатели древнерусскаго консервативнаго склада жизни («православною патріархальностью» называлъ это направленіе Грановскій), на другой стояли друзья культурнаго прогресса западной Европы—ихъ отношеніе какъ Русскихъ къ прочимъ славянамъ было почти одинаково. Статью Коллара «О славянской взаимности», это откровеннѣйшее проявленіе всеславянской мысли со стороны западныхъ славянъ, перевели и напечатали, какъ уже было сказано, въ 1840 году въ журналѣ «Отечественныя Записки» — органѣ западниковъ. Краевскій прибавилъ къ переводу отъ себя: «Мы убѣждены, что всякій Русскій прочтетъ эту статью съ удовольствіемъ и оцѣнитъ ее по достоинству». Только послѣ того, какъ между обѣими партіями русской интеллигенціи произошелъ расколъ (около 1844 года, Языковъ противъ Грановскаго, статьи Бѣлинскаго), случилось такъ, что славянскій вопросъ (т.-е. интересъ къ славянамъ внѣ Россіи) вошелъ цѣликомъ въ кругъ идей славянофильства, имъ овладѣли и заинтересовались главные представители этой партіи, какъ Кирѣевскій и Хомяковъ, питая сочувствіе къ одной части славянъ изъ-за единства религіознаго (къ болгарамъ и сербамъ), къ другой же части (къ чехамъ) изъ-за уваженія къ величавой исторической личности Яна Гуса, въ которомъ усматривали славяно-чешскаго борца за начала православія противъ притязаній Рима.

Какія мысли одушевляли первыхъ московскихъ славянофиловъ, явствуетъ изъ анализа ихъ сочиненій. Относительно Ив. В. Кирѣевскаго укажемъ на хорошій этюдъ профессора Массарика, изданный въ 1889 году: Slavjanofilství Ivana Vasiljeviče Kirějevského, сл. также статью И. Панова «Славянофильство какъ философское ученіе» въ Ж. М. Н. Пр. ч. 212, статью М. О. Гершензона въ В. Евр. 1908, кн. 8, и сочиненіе В. З. Завитневича о Хомяковѣ: «Алексѣй Степановичъ Хомяковъ». Т. I, кн. 1: Молодые годы, общественная и научно-историческая дѣятельность (XVI. 866. XIII) и кн. 2: Труды Х. въ области богословія (866—1422, VIII) Кіевъ, 1902 г. см. Рец. А. Н. Пыпина въ В. Евр. 1902 г., май, 404—407 и отзывы А. И. Кирпичникова и И. С. Пальмова въ Отчетѣ о 45-омъ прису-

жденіи наградъ гр. Уварова (Зап. Импер. Акад. Н. истор.-филол. отд. VIII, серія, т. VII, № 3 (1905). Первые зародыши славянофильства и вообще судьба его на русской почвѣ очень хорошо изложены въ поучительной статьѣ Милюкова въ Брокгаузовомъ энциклоп. словарѣ подъ этимъ заглавіемъ (т. XXX, 307—315).

У старшихъ славянофиловъ занималъ, какъ извѣстно, религіозный вопросъ очень важное, даже первенствующее мѣсто. Въ принципѣ всѣ они стояли за восточную церковь, осуждая разъединеніе церквей, находя въ западной церкви нарушеніе первоначальнаго христіанства; но оффиціальное положеніе Русской православной церкви ихъ все таки не удовлетворяло, они требовали значительныхъ реформъ, исповѣдывали, по выраженію Самарина, церковь развивающуюся, вслѣдствіе чего сдѣлались подозрительными въ глазахъ правительства Николаевскихъ временъ. Понятное дѣло, ихъ взгляды на народность тоже не соотвѣтствовали воззрѣніямъ правительства. Самобытность русскаго народа они представляли себѣ какъ живой организмъ, способный къ широкому развитію самоуправленія, не нуждающійся въ постоянномъ полицейскомъ покровительствѣ. Желаніе изучить всѣ стороны народнаго быта вызвало какъ разъ у славянофиловъ любовь къ этнографическимъ изслѣдованіямъ, принимавшимъ главнымъ образомъ видъ собиранія народныхъ пѣсенъ, описанія обрядовъ и обычаевъ народной жизни. Такимъ образомъ изъ ряда славянофиловъ вышли знаменитые собиратели народнаго творчества, какъ Петръ Кирѣевскій (братъ Ивана), Якушкинъ, Безсоновъ, Гильфердингъ, и мн. др. На изученіе быта западныхъ славянъ не возлагалось большихъ надеждъ, старыя славянскія начала народной жизни казались имъ здѣсь поколебленными подъ вліяніемъ европейскаго запада и испорченными. Самаринъ говорилъ еще въ 1842 году: «Искать словенскаго духа въ сложности всѣхъ племенъ кажется мнѣ мыслью ошибочною... Только въ Россіи словенскій духъ дошелъ до самосознанія, условленнаго самоотрицаніемъ... Я не думаю, чтобы что-либо новое, чего бы въ ней не было, Россія могла получить отъ словенскихъ племенъ. Напротивъ того, для нихъ освобожденіе отъ ихъ племенныхъ односторонностей и осуществленіе въ себѣ обще-словенскаго начала возможно только подъ однимъ условіемъ — сознать себя въ Россіи» (Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, VI. 291). Подобнаго рода культурно-политическія убѣжденія руководили постоянно московскимъ славянофильствомъ, въ силу которыхъ всѣ славяне должны бы стремиться къ тому, какъ бы слиться въ русскомъ морѣ. У старшихъ славянофиловъ хватало по крайней мѣрѣ смѣлости на то, чтобы заявлять требованіе по-

правокъ и реформъ въ ходячихъ грекославянскихъ міровоззрѣніяхъ, измѣненій въ дѣлахъ церковныхъ и общественныхъ, — позднѣйшіе представители этой школы не обладали ужъ и этой смѣлостью, у нихъ остался только пустой внѣшній лозунгъ, извѣстныя три начала: самодержавіе, православіе и народность, безъ требованій обновленія въ жизни русскаго народа, присоединенія къ которому долженъ былъ добиваться весь славянскій міръ! Такимъ образомъ славянофилы сдѣлались за рѣдкимъ исключеніемъ консервативною партіею, привязавшей къ своей колесницѣ весь славянскій вопросъ, уронившею его значеніе въ глазахъ прогрессивныхъ западниковъ. По счастію оффиціальные представители славяновѣдѣнія изъ числа первыхъ не принадлежали къ этой партіи, по крайней мѣрѣ не всей своей душою. Бодянскій и Срезневскій были романтически настроенные этнографы и антиквары, Прейсъ принадлежалъ къ небольшому числу истинныхъ языковѣдовъ-грамматиковъ, Григоровичъ былъ поклонникомъ византійско-славянскихъ культурноисторическихъ сношеній. Всѣ они любили славянство безъ предвзятыхъ мыслей славянофильскихъ. Поэтому ихъ дѣятельность и принесла славянской филологіи больше результатовъ, чѣмъ дѣятельность славянофиловъ, какъ это увидимъ изъ сопоставленія филологическихъ трудовъ одного изъ передовыхъ славянофиловъ К. С. Аксакова съ дѣятельностью первыхъ записныхъ славяновѣдовъ, занявшихъ послѣ возвращенія въ Россію предназначенныя для нихъ каѳедры.

Одинъ изъ первыхъ представителей московскаго славянофильства Константинъ С. Аксаковъ (1817—1860) долженъ быть упомянутъ въ исторіи славянской филологіи уже потому, что онъ какъ въ своихъ прочихъ воззрѣніяхъ относительно самобытнаго развитія исторической и культурной жизни русскаго народа, такъ и по вопросамъ касающимся языка, литературы и народнаго творчества, стремился стать на оригинально-національную точку зрѣнія, отвергавшую вліяніе европейскаго запада, въ частности нѣмецкой науки. К. С. Аксаковъ хотѣлъ создать самобытную теорію русскаго языка, независимую отъ существующихъ грамматику. Согласимся съ оцѣнкой его взглядовъ на значеніе русскаго народа и на ту роль, которую онъ предназначалъ преданіямъ Москвы для будущаго Россіи и славянства, какъ она представлена А. Н. Пыпинымъ въ Исторіи русской этнографіи (II. 190—219), куда и отсылаемъ читателя. Для біографіи можно указать на очень обстоятельное изложеніе въ Критико-біографическомъ словарѣ Венгерова (т. I. 201—318). Скажемъ только, что желаніе Аксакова разсуждать о русскомъ языкѣ и его грамматическомъ организмѣ, не обращая вниманія на результаты добытые другими изслѣдователями, въ числѣ которыхъ нахо-

дились не только нѣмцы, но и славяне и русскіе, кончилось полнымъ крушеніемъ, совершенной неудачею. Какъ извѣстно, его «Полное собраніе сочиненій» изданное послѣ смерти автора, заключаетъ во второмъ томѣ (1875) сочиненія филологическія, въ III томѣ (1886) «Опытъ русской грамматики», послѣднее изданіе снабдилъ П. Безсоновъ своимъ скучно-высокомѣрнымъ предисловіемъ.

К. Аксаковъ ошибался, разсуждая о языкѣ, которымъ онъ только практически прекрасно владѣлъ, не изучивъ грамматическихъ теорій и не вникнувъ въ организмъ языка съ точки зрѣнія исторической или сравнительной грамматики, но его промахи обнаруживаютъ всетаки увлеченія человѣка въ высшей степени даровитаго, бѣда только въ томъ, что онъ попалъ въ область научную, которая была ему мало знакома. Но что сказать о бездарно-грубоватыхъ выходкахъ Безсонова, считавшаго себя младшимъ сотоварищемъ и соучастникомъ К. Аксакова?! Несостоятельность Аксаковскаго умствованія о вопросахъ грамматическихъ выходитъ нагляднѣе всего наружу въ критическомъ разборѣ, написанномъ объ Опытѣ исторической грамматики русскаго языка Ѳ. И. Буслаева (во II томѣ Сочиненій, стр. 439—645 съ примѣчаніями и приложеніями 645—653). Ни съ однимъ почти возраженіемъ Аксакова нельзя согласиться. Его разсужденіе «О русскихъ глаголахъ» (въ «Полномъ собраніи сочиненій» II. 405—439), вызвало возраженія и Срезневскаго (Извѣстія т. IV, 1855 г., стр. 354) и Буслаева (въ Отеч. Зап. 1855 г. № 8), та и другая критика написаны очень мягко, не хотѣлось изъ уваженія къ благородной личности автора откровенно заявить, что К. Аксаковъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы не затрогивалъ этихъ вопросовъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о его «Опытѣ русской грамматики», нужды нѣтъ, что Безсоновъ назвалъ этотъ трудъ дѣломъ творчества автора, чувствовавшаго себя въ вопросахъ языка какъ Илья Муромецъ. Единственно, чему нельзя возражать въ грамматическихъ разсужденіяхъ К. Аксакова — это его неподдѣльное одушевленіе въ отношеніи къ русскому языку, идеализація котораго доходитъ у автора до крайнихъ предѣловъ возможнаго. Русскій языкъ въ его глазахъ — совершеннѣйшій языкъ. Для славянофильскаго энтузіазма это, быть можетъ, такъ и подобало, но какая польза отъ этого для науки?

Изъ исторіи литературы обращаетъ на себя вниманіе главнымъ образомъ монографія К. Аксакова о Ломоносовѣ («Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка» въ «Полномъ собраніи сочиненій» II. 23—389). Эта диссертація, написанная въ 1846 году, сохранила еще много слѣдовъ большого вліянія Гегелевской философіи на К. Аксакова,

какъ и на прочихъ московскихъ славянофиловъ старшаго поколѣнія. Та противоположность двухъ эпохъ, одной блестящей національной русской, съ Москвой какъ центромъ, и другой петровско-петербургской, подчинившей русскую народную самобытность игу европеизма, не выступаетъ здѣсь еще такъ рѣшительно, какъ въ позднѣйшихъ его разсужденіяхъ.

Какъ выдающійся славянофилъ К. Аксаковъ придавалъ большое значеніе преданіямъ старины, живущимъ въ народѣ, въ особенности былевой поэзіи, изъ которой почерпалъ доказательства о состояніи и бытѣ русскаго народа въ древнѣйшія, отчасти доисторическія времена. Несмотря на допускавшуюся возможность позднѣйшихъ наслоеній въ содержаніи былинъ, все же вѣрилось въ достовѣрность тѣхъ картинъ, которыя рисовались въ былинахъ. Что не подходило подъ славянофильскіе идеалы, считалось конечно позднѣйшимъ вымысломъ. Статьи, посвященныя типамъ былевой поэзіи, напечатаны въ I томѣ «Полнаго собранія сочиненій» (Москва 1861. 8⁰ VII. 232): «О богатыряхъ временъ Владиміра по русскимъ пѣснямъ» (331—398), «Замѣтка о значеніи Ильи Муромца» (409—415), «О различіи между сказками и пѣснями русскими» (399—409), «О древнемъ бытѣ славянъ вообще и Русскихъ въ особенности на основаніи обычаевъ, преданій и пѣсенъ» (311—325). Сюда можно причислить также статью: «О древнемъ бытѣ славянъ вообще и Русскихъ въ особенности» (59—125), написанную уже въ 1852 году, гдѣ большую роль играетъ Любушинъ Судъ рядомъ съ древнѣйшею лѣтописью. Характерная черта взглядовъ К. Аксакова на древній бытъ славянъ заключалась, какъ извѣстно, въ отрицаніи родового быта и замѣнѣ этой теоріи общиннымъ бытомъ, вызвавшимъ полемику съ С. М. Соловьевымъ. Въ этомъ направленіи заслуга К. Аксакова несравненно выше, чѣмъ въ филологіи, но произвольной идеализаціи и тутъ слишкомъ много. Вездѣ онъ видѣлъ господство или вмѣшательство своего принципа, общины, напр. въ старинныхъ бракосочетаніяхъ, въ подвигахъ богатырей чудилось ему движеніе русской общины, и т. д.

О. М. Бодянскій. Когда Григоровичъ, позднѣйшій изъ первыхъ славистовъ русскихъ, только что собирался за границу (сл. стр. 341), старшіе товарищи его уже начали свою преподавательскую дѣятельность. Но о первомъ изъ нихъ Бодянскомъ извѣстно очень мало. Говорятъ, что онъ почерпалъ свѣдѣнія для своихъ лекцій изъ переведеннаго имъ же Шафарикова «Народописа», потомъ представлялъ образцы разныхъ слав. нарѣчій и читалъ еще отдѣльныя части слав. литературъ. Что Погодинъ, увидѣвъ Бодянскаго на каѳедрѣ, въ лирическомъ настроеніи воскликнулъ: «Слава Богу, слава Богу! Цѣль наша достигнута. Славяновѣдѣніе водворено въ первопрестоль-

ной, а черезъ нее и въ цѣлой, дастъ Богъ, Россіи», — это конечно не удивительно. Но Шафарикъ, получившій отъ Бодянскаго еще въ декабрѣ 1842 г. длинное письмо, въ которомъ много разсказывалось о началѣ его преподавательской дѣятельности — не былъ очень доволенъ. Онъ находилъ фантазію его слишкомъ пылкой, онъ-де говоритъ какъ въ горячкѣ о вещахъ, которыхъ Шафарикъ даже не понимаетъ! Другой разъ Шафарикъ сказалъ, что не слѣдовало бы пускать Бодянскаго вторично за границу, пусть онъ останется спокойно дома, читаетъ лекціи и пишетъ руководства! Въ письмѣ къ Ганкѣ 1843 года (мѣсяца іюля) Бодянскій хвалитъ усердіе студентовъ: «Студенты такъ и лѣзутъ, какъ говорится, очертя голову, на все славянское» (Францевъ, Письма къ Ганкѣ стр. 113). Онъ самъ развивалъ въ этомъ письмѣ такую программу своей дѣятельности: «каждый годъ преподавать одинъ изъ главныхъ слав. языковъ и нѣсколько самоближайшихъ къ нему второстепенныхъ... присоединяя къ язычному изученію также историческое, т.-е. дѣеписаніе народа и его письменности». Замѣчанія его на счетъ сравнительной грамматики совершенно справедливы (ib. 113—114). Что церковно-слав. языкъ онъ читалъ, доказываютъ его собственныя слова 1847 года (ib. 135). Изъ учениковъ своихъ Бодянскій указывалъ съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ на А. А. Майкова и его толстую диссертацію (Москва 1857, lex. 8⁰ 845) «Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кирилицею, въ связи съ исторіею народа» (Франц. ib. 149—150).

Ученая дѣятельность Бодянскаго по славистикѣ состояла прежде всего въ переводѣ трудовъ Шафарика и другихъ. Кромѣ Древностей, начатыхъ еще до поѣздки за границу, конченныхъ же лишь въ 1848 году, онъ перевелъ въ 1843 г. «Славянское народописаніе», и по очереди въ Чтеніяхъ статьи Шафарика: о древне-славянскихъ, именно кирилловскихъ типографіяхъ (1846, кн. 3), о Сварогѣ (ib. кн. 1), о Винетѣ (ib. кн. 11), Rozkvět (Разцвѣтъ, ib. 1847, кн. 7) и Образованіе словъ удвоеніемъ корня (ib. 1863, кн. 1). Изъ Палацкаго онъ перевелъ этюдъ о законѣ царя Душана (ib. 1846, кн. 2), о русскомъ князѣ Ростиславѣ (ib. кн. 3). Онъ перевелъ также текстъ статута Винодольскаго (Чтенія 1846, кн. 4) и старохорватскую хронику (ib. 1867, кн. 3) и т. д. Еще больше онъ сдѣлалъ въ пользу славянской науки изданіями важныхъ памятниковъ, хотя эти изданія ограничивались механической передачей рукописныхъ подлинниковъ буква въ букву, строка въ строку. Часть этихъ трудовъ вышла своевременно, но большая часть была задержана, неизвѣстно по какимъ причинамъ, и могла явиться въ свѣтъ только гораздо позже, уже послѣ смерти Бодянскаго. Самое замѣчательное его изданіе представляютъ легенды о Кириллѣ и Меѳодіи, напе-

чатанныя имъ по многимъ рукописямъ, но не по пріемамъ критики, которая требуетъ прежде всего тщательнаго изученія всѣхъ отдѣльныхъ текстовъ, опредѣленія ихъ взаимной зависимости и сгруппированія тѣхъ, которые окажутся въ болѣе близкой зависимости, въ одно цѣлое, съ однимъ основнымъ текстомъ, къ которому были бы подведены разночтенія изъ всѣхъ прочихъ той же группы. Не такъ поступилъ Бодянскій. У него тексты воспроизведены совсѣмъ механически, рядомъ одинъ за другимъ. Это весьма обширное изданіе выходило въ Чтеніяхъ: Житія 1863, кн. 2, 1864 кн. 2, 1869 кн. 1 и 1873 кн. 1, Похвальныя слова ib. 1865 кн. 2, 1866 кн. 2. Уже въ 1847 году онъ напечаталъ Паралипоменъ Зонары (Чтенія 1847 г., кн. 1). Ему же мы обязаны русскою грамматикою Крижанича (Чт. 1848, III г. кн. 1 и 1859 кн. 4). Напечатаны, но только послѣ смерти его подъ редакціею А. Попова изданы главныя сочиненія Іоанна Екзарха: Богословіе (1878) и Шестодневъ (1879), то и другое въ «Чтеніяхъ» (за 1877 г., кн. IV, 1879 кн. III). Имъ самимъ издано житіе Θеодосія печерскаго (Чт. 1858, кн. 3), Бориса и Глѣба (ib. 1859, кн. 1 и 1870, кн. 1), житіе Θеодосія Търновскаго (ib. 1860, кн. 1). Онъ же началъ печатать знаменитый изборникъ Святослава 1073 года (послѣ пятилѣтней возни съ цензурой, сл. Францева П. къ Ганкѣ 149), но здѣсь онъ хотѣлъ поступить иначе, и на этомъ измѣненномъ взглядѣ изданіе оборвалось. Къ славянскому тексту онъ желалъ присоединить также греческій подлинникъ — что было очень похвально — и латинскій переводъ, безъ чего можно было обойтись. Онъ самъ извинялся, что подыскиваніе греческихъ подлинниковъ отняло у него много времени (Чтенія 1893, кн. 3, стр. 81 въ письмѣ Сахарову), такъ что онъ успѣлъ напечатать только часть памятника. Стыдно почти сказать, что на этомъ стоитъ этотъ важный памятникъ до сихъ поръ. Все сдѣланное Бодянскимъ пустилъ въ свѣтъ въ Чтеніяхъ (1882, кн. 4) бывшій преемникъ его проф. Дювернуа, но продолжать дѣло не успѣлъ ни онъ ни кто-либо другой съ тѣхъ поръ. Имѣется, правда, фотолитографическое воспроизведеніе памятника, сдѣланное на средства Морозова въ Импер. Обществѣ Любителей древней письменности, но оно имѣетъ лишь техническое (палеографическое) значеніе, и стало теперь уже рѣдкостью.

Бодянскому мы обязаны все же однимъ большимъ трудомъ, плодомъ его изумительнаго трудолюбія, только безъ другихъ достоинствъ: его обширное сочиненіе «О времени происхожденія славянскихъ писменъ» (Москва, 1855, 8⁰ III. 381. CXV, со снимками) останется на долгое время богатой справочной книгой, хотя заданнаго вопроса оно не рѣшило, даже не выяснило. Въ доказательство можно привести слѣдующее: еще въ 1858 году, значитъ три

года спустя послѣ оконченнаго своего сочиненія, онъ хотѣлъ черезъ Ганку узнать, что читалъ Ганушъ въ пражскомъ Обществѣ Наукъ о глаголицѣ, и тутъ прибавилъ отъ себя: «и азъ ломаю главу свою надъ нею» (Францевъ, Письма къ Ганкѣ 151). Стало быть трудъ его ничего не выяснилъ.

Бодянскій никогда не скрывалъ своей привязанности къ родной Украйнѣ. Часть его дѣятельности была посвящена ей. Онъ напечаталъ разные историческіе тексты, относящіеся къ Украйнѣ; такъ называемую Исторію Россовъ Конискаго (Чт. 1846, кн. 1. 2. 3. 4; II годъ, кн. 3), Лѣтопись Самовидца (ib. 1846, II годъ, кн. 1. 2), Ригельмана Исторію о донскихъ козакахъ (ib. 1846, II годъ, кн. 3. 4), его же Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи (ib. кн. 5. 6. 7. 8. 9), историка Миллера статьи относящіяся къ Малороссіи (1846 годъ, II. кн. 3. 4. 5. 6), Симоновскаго Краткое описаніе о козацкомъ малоросс. народѣ (Чт. 1847, кн. 2), Станислава Зарульскаго Описаніе о Малой Россіи (Чт. 1848, кн. 8), Бантыша-Каменскаго Источники Малороссійской исторіи (Чтенія 1858 г. кн. 1, 1859 кн. 1), Реестра всего войска Запорожскаго (Чт. 1874, кн. 2. 3) и т. д. Этой любви къ малорусскому югу надо приписать также напечатанное имъ въ «Чтеніяхъ» (1863—1877) изданіе народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси, собранныхъ Я. Ѳ. Головацкимъ, въ трехъ частяхъ: I. Думы и думки, II. Обрядовыя пѣсни, III. Разночтенія и дополненія: ч. 1 Думы и думки, ч. 2 Обрядныя пѣсни.

Несмотря на громадное трудолюбіе Бодянскій къ сожалѣнію не оправдалъ возложенныхъ когда-то на него надеждъ въ области славянской науки. Состоя въ перепискѣ съ Шафарикомъ, которая съ 1895 г. сдѣлалась доступной въ изданіи Лаврова и Сперанскаго (въ Чтеніяхъ), онъ не воспользовался, какъ можно было ожидать, даже тѣми богатыми указаніями, заключавшимися въ письмахъ пражскаго слависта, чтобы нѣсколько оживить научныя сношенія Россіи съ славянскими землями. Понятное дѣло, Шафарикъ дѣлалъ ему сообщенія не для того, чтобы они оставались спрятанными подъ спудомъ, а чтобы онъ оглаской ихъ воспользовался для популяризаціи слав. наукъ въ Россіи, чего такъ горячо всегда желалъ просвѣщенный чешскій славистъ, но не сумѣлъ исполнить Бодянскій. Шафарикъ не переставалъ спабжать его извѣстіями о литературныхъ новостяхъ у чеховъ, словаковъ и даже южныхъ славянъ: иллировъ въ Загребѣ, сербовъ въ Пештѣ, Новомъ Садѣ и Бѣлградѣ. Онъ не скрывалъ даже своего недовольствія и разочарованія относительно цѣлаго перваго періода славяновѣдѣнія въ Россіи. Онъ ожидалъ отъ профессоровъ этой новой для Россіи науки, что они напишутъ по крайней мѣрѣ кой-какія руководства и учебники, какъ полезное введеніе въ славяновѣдѣніе. Самому Бодянскому онъ внушалъ (Спер. и Лавр. стр. 77) издать всѣ сочиненія

Іоанна Экзарха и все что имѣется отъ Климента (часть первой задачи, дѣйствительно, исполнена Бодянскимъ, за Климента же взялся Ундольскій — ни тому ни другому не повезло). Писемъ Бодянскаго къ Шафарику мы еще не знаемъ, но изъ отвѣтовъ Шафарика видно, что неуклюжій малороссъ охотно входилъ также въ пережевываніе различныхъ сплетенъ изъ пражской жизни. Шафарикъ употребилъ разъ по отношенію къ нему выраженіе Вука «да не лудуjе», а другой разъ отвѣтилъ ему, что его пражскій корреспондентъ, снабжающій его ложными извѣстіями — не Ганка ли былъ это? — заслуживаетъ старочешскую поговорку: «v hrdlo lhal s'jako pes».

Шафарикъ находилъ уже въ то время, когда Бодянскій какъ первый русскій славистъ навѣстилъ его въ Прагѣ, характеръ его тяжелымъ, упрямымъ, нелюдимымъ. Такимъ же онъ оставался въ теченіе всей своей жизни. У него были различныя полемики съ Максимовичемъ, съ Погодинымъ и другими. Несомнѣнны его заслуги относительно изданія московскихъ Чтеній, онъ велъ ихъ бойко съ многостороннимъ интересомъ, но и тутъ произошелъ въ 1848 году погромъ, не безъ нѣкоторой вины его самого. Въ 1857 г. обстоятельства измѣнились, онъ опять занялъ прежнее мѣсто въ Обществѣ и оказывалъ своей стойкостью, пожалуй даже упрямостью, полезное вліяніе на современниковъ по различнымъ вопросамъ древней русской письменности и по русской исторіи. Въ 1868 году Бодянскій долженъ былъ за неизбраніемъ на дальнѣйшіе сроки службы прекратить свою профессорскую дѣятельность, но онъ остался главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ Обществѣ какъ редакторъ «Чтеній». Онъ умеръ 6 сент. 1877. Когда онъ за годъ до своей смерти въ 1876 году говорилъ рѣчь въ память М. П. Погодина, онъ не упомянулъ ни однимъ словомъ ни о славянской филологіи ни о проблемахъ или пробѣлахъ ея, а говорилъ только о славянской взаимности и о полезной дѣятельности славянскихъ благотворительныхъ обществъ! Событія времени могли, правда, до извѣстной степени оправдать содержаніе этой рѣчи, странно однако, что бывшій профессоръ славянской филологіи не сумѣлъ ничего сказать объ успѣхахъ славянской науки, ничего о результатахъ достигнутыхъ въ области научныхъ изслѣдованій первымъ поколѣніемъ русскихъ славистовъ. Не видѣлъ ли онъ ихъ или же не былъ ими доволенъ? Панегиристъ Бодянскаго А. Кочубинскій (см. Славянское обозрѣніе 1892, III кн. 11 и 12, стр. 291—305) очень наглядно обрисовалъ физическую неуклюжесть московскаго слависта, и объ успѣхахъ его преподавательской дѣятельности былъ довольно высокаго мнѣнія, сославшись между прочимъ на учениковъ его А. А. Майкова, Е. П. Новикова, А. А. Котляревскаго и А. А. Дювернуа, но въ трудахъ упомянутыхъ лицъ слабо отра-

жается вліяніе Бодянскаго, они очень мало похожи на него и другъ на друга. Ближе всѣхъ и сродни ему былъ, можетъ быть, А. Майковъ, сочиненіе котораго упомянуто. Е. П. Новиковъ, позднѣе дипломатъ, напечаталъ какъ диссертацію грамматическій анализъ лужицко-сербскихъ нарѣчій, подъ заглавіемъ: «О важнѣйшихъ особенностяхъ Лужицкихъ нарѣчій» (М. 1849 г., 8⁰ III. 138). О Котляревскомъ и Дювернуа рѣчь впереди. Укажемъ еще на отзывъ А. А. Котляревскаго о Бодянскомъ въ Сочиненіяхъ II. 432—443.

И. Срезневскій. Второй русскій славистъ, И. И. Срезневскій, возвратившись осенью 1842 года въ Харьковъ, началъ свою дѣятельность вступительной лекціею 16 окт. т. г. (она напеч. въ Ж. М. Н. Пр. 1893, май). Онъ самъ живо чувствовалъ всю трудность задачи, матеріала было вдоволь, но плана не было; онъ опасался даже, найдутъ ли лекціи достаточно сочувствія и пониманія у слушателей. Сначала онъ думалъ прочесть курсъ о простонародныхъ слав. литературахъ и по этому случаю познакомить слушателей со слав. народами и ихъ нарѣчіями. Но, судя по письму къ Ганкѣ отъ 1 дек. 1842 года, онъ потомъ перемѣнилъ планъ и порѣшилъ начать съ «энциклопедическаго введенія въ изученіе славянства». Главное содержаніе этого введенія заключалось въ слѣдующемъ: 1. Древность славянъ въ Европѣ — по Шафарику. 2. Границы славянства встарину и нынѣ. 3. Развѣтвленіе славянъ: a) русскіе славяне, b) западные славяне южная вѣтвь, c) западные славяне сѣверная вѣтвь, въ совокупности 10 народовъ: Великороссы, малороссы, болгаре, сербы, хорваты, корутанскіе славяне, поляки, полабскіе славяне, чехи, словаки. 4. Политическое положеніе славянъ: a) встарину, b) преобразованія, образованіе и развитіе по очереди слав. государствъ, c) современное состояніе. 5. Религіозное состояніе славянъ: a) язычество, b) водвореніе христіанства, c) современное положеніе. 6. Литературное состояніе славянъ: a) характеръ простонародной литературы, b) развитіе письменности, c) нынѣшняя литература подъ вліяніемъ своей народности и чуженародности. Множество этнографико-историческихъ и литературныхъ вопросовъ подавляетъ въ этой программѣ собственно филологію, въ особенности не видно сознанія о важности церковно-славянской грамматики.

Вступительная лекція Срезневскаго излагала сначала, какъ проснулось въ Россіи сознаніе о важномъ значеніи ея для славянскаго міра. Съ этимъ пробужденіемъ, Срезневскій говоритъ, славянское дѣло началось. Лучше было бы сказать «русское славяновѣдѣніе началось», такъ какъ славянское движеніе внесено въ Россію безъ сомнѣнія извнѣ. Это признавалъ самъ Срезневскій, заявивъ, что Русскіе сначала мало вниманія обращали на новыя обстоятельства, и что мысль о славянской солидарности, чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ

слабѣе отзывается. Поражаетъ, что у него на первомъ планѣ стояли для чеховъ Ганка, для сербовъ Вукъ, оба будто бы развившіеся изъ себя, а не подъ вліяніемъ европейскаго схоластицизма. Но во-первыхъ, европейскаго схоластицизма тогда уже почти не существовало, во-вторыхъ же мы знаемъ, что Ганка вышелъ изъ школы Добровскаго, хотя и былъ своего рода выродокъ, Вукъ же былъ ученикомъ Копитара. На второмъ планѣ приводятся «словакъ» (!) Добровскій и «крайнецъ» Копитаръ; потомъ рѣчь идетъ о Шафарикѣ и Колларѣ. Лекція изукрашена цитатами изъ Коллара и Враза, Мицкевича и Пушкина. Говорятъ, она произвела великолѣпное впечатлѣніе. Это вполнѣ понятно. Новость предмета, живость изложенія не могли не повліять на воспріимчивую аудиторію. Но вскорѣ (уже въ 1843) Срезневскій сталъ жаловаться (въ письмѣ къ Погодину), что онъ строилъ воздушные замки. Интересъ къ предмету началъ быстро падать. Онъ самъ вѣрно замѣтилъ, что причиною могла быть не столько личность преподавателя, который очень усердно готовился къ лекціямъ (по 10 часовъ уходило на одну лекцію!), сколько природа предмета: славистика слишкомъ близко соприкасалась съ политикой (Сл. объ этомъ въ Archiv für slav. Phil. XV. 436). Конечно, въ такомъ опредѣленіи славянской филологіи не одинъ Срезневскій виноватъ, а весь ходъ предписаннаго ему приготовленія. Когда онъ говорилъ «я не читаю грамматикъ, на палеографію обращаю мало вниманія, изъ писателей выбираю только то, что каждому славянину должно быть дорого», этимъ уже достаточно охарактеризовано нефилологическое отношеніе къ дѣлу. Желаніе сдѣлать предметъ занимательнымъ, не слишкомъ серьезнымъ и труднымъ, могло только повредить ему въ глазахъ слушателей. Жаль, что Срезневскій не могъ получить отъ Погодина, къ которому онъ обращался, никакихъ полезныхъ указаній или совѣтовъ. Лучше было бы обратиться ему къ Шафарику, котораго совѣты, какъ мы видѣли, данные прусскому правительству, могли бы въ высшей степени пригодиться и для Срезневскаго.

Но въ научной дѣятельности его вскорѣ произошелъ полнѣйшій переломъ вслѣдствіе перемѣны личныхъ обстоятельствъ. Срезневскій, получившій въ началѣ декабря 1846 степень доктора въ Харьковскомъ университетѣ, вскорѣ потомъ (въ концѣ того же мѣсяца) перемѣстился изъ Харьковскаго университета въ Петербургскій. (Сначала онъ былъ вызванъ только на время для замѣщенія покойнаго Прейса, но потомъ такъ и остался). Эта перемѣна мѣста для него имѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ можно было предвидѣть; послѣдствіемъ ея былъ рѣзкій поворотъ въ цѣломъ направленіи его дѣятельности. Изъ бывшаго до тѣхъ поръ этнографа, любителя народной поэзіи съ широкимъ фономъ бытовыхъ особенностей, вышелъ мало-

по-малу литературный антикваръ, любитель памятниковъ древней письменности и русско-славянской старины вообще. Едва ли мы ошибемся, если эту замѣчательную метаморфозу Срезневскаго припишемъ авторитетному вліянію Востокова, прославившагося какъ разъ въ то время своими образцовыми трудами: Описаніемъ рукописей Румянцовскаго музея и изданіемъ Остромірова евангелія. До тѣхъ поръ Срезневскій обходилъ дѣятельность Добровскаго, Копитара и Востокова не то молчаніемъ, не то невниманіемъ. Филологическій критицизмъ ихъ отступалъ для него на задній планъ передъ болѣе громкой извѣстностью прославившихся собирателей и издателей памятниковъ народнаго творчества въ лицѣ Вука, Коллара, Шафарика и Ганки; у Шафарика присоединялась къ этому, правда, въ широкихъ размѣрахъ также историческая (древности) и современная (народописъ) этнографія. Пока Срезневскій путешествовалъ по слав. землямъ и послѣ возвращенія въ Харьковъ продолжалъ интимную переписку съ Ганкой и Погодинымъ, онъ не былъ въ состояніи вырваться изъ этого заколдованнаго круга этнографическихъ интересовъ. Но переѣздъ его въ Петербургъ, гдѣ Востоковъ и Прейсъ уже проложили путь другому, т.-е. филологическому направленію, а быть можетъ также разочарованіе его вслѣдствіе слабаго успѣха его лекцій — подѣйствовали на Срезневскаго съ такой силой, что онъ изъ бывшаго до тѣхъ поръ слависта-этнографа сдѣлался, почти слишкомъ далеко удалившись въ сторону, преимущественно собирателемъ, описателемъ и издателемъ русско-славянскихъ древнихъ памятниковъ письменности. Описывая новооткрываемые памятники, онъ давалъ конечно также характеристику ихъ языка, но она не отличалась ни глубиной ни оригинальностью; важнѣе были палеографическія замѣтки и поясненія текстовъ по содержанію. Большая часть памятниковъ относилась къ древне-русской письменности, но многіе списки были въ первоначальномъ видѣ южно-славянскаго происхожденія. Такимъ образомъ разысканія автора обнимали также южныхъ славянъ. Однако допуская зависимость русскихъ памятниковъ отъ южнославянскихъ первообразовъ и подлинниковъ, онъ на возстановленіи древнѣйшаго типа церковно-слав. языка не особенно настаивалъ. Отъ этой филологической операціи онъ воздерживался. Точно такъ онъ сторонился отъ рѣшенія спорныхъ вопросовъ изъ древнѣйшей эпохи славянской письменности, напр. объ отношеніи глаголическаго письма къ кирилловскому онъ никогда не высказывался опредѣленно.

Въ качествѣ Харьковскаго профессора и этнографа Срезневскій напечаталъ, кромѣ вышеупомянутыхъ отчетовъ, относившихся къ его путешествію по славянскимъ странамъ (стр. 329), еще слѣдующія статьи: Объ обожаніи солнца у древнихъ славянъ (Ж. М. Н. Пр. 1845), Архитектура хра-

мовъ языческихъ славянъ (Чтенія общ. истор. и древн. 1846, кн. 7) и какъ докторскую диссертацію: «Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ». Харьковъ, 1846, 8⁰ 107. Эту диссертацію онъ защитилъ 3 декабря 1846 г. Сюда относятся далѣе «О языческомъ вѣрованіи древнихъ славянъ въ безсмертіе души» Ж. М. Н. Пр. 1847 г., ч. 53 (вторично по докторской диссертаціи въ «Финскомъ сборникѣ» 1847 г., т. XX: «Изслѣдованія о языческомъ богослуженіи древнихъ славянъ») и еще «Очерки Трансильваніи» С.-Петербургъ 1849 г. 8⁰ 82 (его ли?), «Угорская Русь. Отрывокъ изъ опыта географіи Русскаго языка». СПбгъ. 1852 г. 8⁰ 28 и «Фріульскіе славяне». СПбгъ. 1878 г. 8⁰ 91 (напечатано еще въ 1844 году).

Въ январѣ 1847 г., какъ сказано, онъ былъ прикомандированъ въ Петербургъ (профессоромъ же С.-Петербургскаго университета онъ утвержденъ 5 іюня т. г.). Въ 1847 г. 28 янв. открылась его новая дѣятельность вступительной лекціею «О пользѣ изученія славянской филологіи». Онъ былъ также профессоромъ славянскихъ нарѣчій въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ; по указаніямъ Всеволода Срезневскаго, его пригласили въ 1848 году читать лекціи въ этомъ институтѣ по славянскимъ нарѣчіямъ, и эта дѣятельность его продолжалась до закрытія института въ 1859 году. Программа его лекцій была принята какъ руководство министерствомъ нар. просвѣщенія и напечатана институтомъ въ 1855 году подъ заглавіемъ «Славянская филологія» 8⁰ 13 стр. (сл. Францева, Письма къ Ганкѣ 369). Онъ велъ свои преподаванія такъ, что сначала давалъ энциклопедическое обозрѣніе науки вообще, потомъ краткіе конспекты слав. нарѣчій и литературъ, дальше онъ читалъ о древностяхъ и о палеографіи, и въ особенности о памятникахъ то южно-славянской то русской письменности въ библіографико-хронологическомъ порядкѣ. О церковно-слав. языкѣ и значеніи грамматики его по отношенію къ живымъ слав. нарѣчіямъ, о сравнительной грамматикѣ слав. нарѣчій и о другихъ подобныхъ грамматическихъ вопросахъ что-то не слышно изъ отзывовъ о его преподавательской дѣятельности. По собственнымъ словамъ его (въ письмѣ къ Ганкѣ 15 марта 1847) въ первый же годъ его петербургской дѣятельности онъ читалъ студентамъ 1-го и 2-го курса «общее обозрѣніе славянъ» и «Слово о полку Игоревомъ», а студентамъ 3-го курса «Исторію древней письменности славянской» (Францевъ 1055). Графъ Уваровъ съ удовольствіемъ находилъ въ его чтеніяхъ «филологическое изыскательное направленіе, дѣлающее изъ изученія славянства науку», что конечно для Срезневскаго было очень лестно, но мы не раздѣляемъ совсѣмъ этихъ взглядовъ. Направленіе дѣятельности Срезневскаго было скорѣе исто-

рико-литературно-палеографическое и археологическое, чѣмъ строго филологико-критическое. Правда, въ началѣ своей преподавательской дѣятельности въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ онъ упоминаетъ (въ письмѣ къ Ганкѣ отъ 14 февр. 1848 г.) въ числѣ прочихъ лекцій также «старославянскую грамматику сравнительно съ другими нарѣчіями» и говоритъ даже, что «подробное преподаваніе старослав. грамматики сравнительной» (!) «очень утѣшаетъ» его; «до сихъ поръ она не была нигдѣ (? а Прейсъ?) читана и заставляетъ меня самого отчетливо слѣдить за всѣми частностями своими, чего до сихъ поръ я не могъ, будучи занятъ другимъ» (Францевъ 1058). Но это похвальное рѣшеніе Срезневскаго, кажется, не было приведено въ исполненіе въ той мѣрѣ, какъ можно было бы желать. Множество другихъ занятій, болѣе близкихъ сердцу его, отодвинуло у него подробное изученіе грамматики церковно-славянской, хотя бы и не «сравнительной», на задній планъ. О ходѣ его лекцій по курсамъ распространяется подробно Всев. Срезневскій въ біографическомъ очеркѣ (отд. отт. изъ «Рус. біограф. словаря». СПб. 1908, стр. 21—31). Лекціи его «Энциклопедическое введеніе въ славянскую филологію», читанныя въ 1876—1877 гг., напечатаны на правахъ рукописи въ картогр. заведеніи Ильина, малая 4⁰ 59 стр. Въ отдѣлѣ о языкознаніи видно вліяніе Шлейхера; въ отдѣлѣ же о филологіи почти исключительно сообщается о произведеніяхъ народнаго творчества. Объ этомъ можно жалѣть, судя по одному сочиненію его, которое образуетъ такъ сказать грань между молодымъ и старшимъ Срезневскимъ. Это были его смѣлой кистью набросанныя «Мысли объ исторіи русскаго языка», отпечатанныя первоначально какъ приложеніе къ университетскому акту 1849 года и отдѣльнымъ оттискомъ (новое изданіе въ С.-Пбургѣ. 1887, 8⁰ 164).

На содержаніи «Мыслей» стоитъ вкратцѣ остановиться: авторъ начинаетъ съ общихъ замѣчаній о тайнѣ происхожденія языка вообще, приписывая первому періоду развитіе формъ, второму ихъ преобразованіе. Переходя къ русскому языку въ моментъ его обособленія, онъ вѣрно указываетъ на роль гласныхъ *ъ — ь*, на исчезновеніе назализма, но полногласія еще не понялъ, когда говорилъ, что въ такихъ словахъ какъ *слѣпъ*, *слѣдъ*, *стрѣла*, *стрѣмя* и т. д. полногласіе еще не успѣло овладѣть языкомъ! Въ консонантизмѣ еще не отмѣчена русская черта въ *ч* вм. *шт*, *ж* вм. *жд*, но зато указано на отсутствіе въ древнерусскомъ языкѣ сочетаній *гѣ кѣ хѣ* и *ги ки хи*. Въ формахъ указывается на возможность древнерусск. номинальнаго склоненія прилагательныхъ и причастій, у глаголовъ на преимущество двойств. числа, полнаго окончанія неопредѣленнаго наклоненія, выставляется еще существованіе имперфекта и аориста. Въ синтаксисѣ

указано на употребленіе дательнаго и предложнаго падежей въ извѣстныхъ оборотахъ древняго языка безъ предлоговъ. Съ постановкой эпохъ древнерусскаго языка нельзя вполнѣ согласиться. Онъ считалъ X—XIV стол. переходнымъ временемъ, въ которомъ старыя и новыя формы употреблялись безразлично. По его мнѣнію, русскіе нарѣчія и говоры развились сравнительно поздно. Не совсѣмъ точно было говорить о большей древности признаковъ малорусскихъ въ сравненіи съ великорусскими, чѣмъ бѣлорусскихъ въ сравненіи съ великорусскими, или сѣверновеликорусскихъ по отношенію къ южновеликорусскимъ, которые по его соображеніямъ представляли бы новѣйшее наслоеніе. Въ то время придерживались еще теоріи о распаденіи цѣлаго сначала на большія группы и потомъ только внутри этихъ группъ о дробленіи на маленькія частички. По этой теоріи должно бы напр. смѣшеніе *ц* и *ч* въ сѣверновеликорусскихъ нарѣчіяхъ принадлежать позднѣйшему времени, точно такъ какъ и произношеніе *ѣ* какъ *и*, тогда какъ малорусское *і* для *ѣ* должно бы быть несравненно древнѣе и т. д. Въ средину между малорусскими и великорусскими отличіями вставлена характеристика звуковыхъ особенностей прочихъ слав. нарѣчій. Эта здѣсь ненужная вставка взята изъ особой, имъ же раньше напечатанной статьи (см. выше, стр. 329). Отношеніе русскаго языка къ церковно-славянскому представлено не совсѣмъ вѣрно. Что церковно-славянскій языкъ пустилъ глубокіе корни въ русской жизни, это не можетъ быть объяснено чисто филологическими причинами, т. е. самымъ ближайшимъ сродствомъ обоихъ нарѣчій, какъ полагалъ И. И. Срезневскій. До XIII-го столѣтія господствовалъ, по его мнѣнію, вездѣ въ Россіи одинъ литературный языкъ потому, что не было различія въ противодѣйствіи ему со стороны живой среды. Только начиная съ XIV ст. начала народная реакція различно дѣйствовать. Но мнимое единство (на дѣлѣ его не было) могло бы заключать въ себѣ другія причины, вовсе не исключающія существованія нарѣчныхъ особенностей уже въ древнѣйшія времена. «О «Мысляхъ» сл. статью П. В. Владимірова «Пятидесятилѣтіе Мыслей объ исторіи русскаго языка И. И. Срезневскаго» (изъ Кіевск. унив. Извѣстій 1899 года, отд. отт. 8⁰ 45). Это было самое обширное изслѣдованіе Срезневскаго, посвященное разсужденію о языкѣ. И здѣсь онъ не вдавался въ какое-либо толкованіе грамматическихъ явленій, довольствуясь самыми общими замѣчаніями. Прибавить можно еще статью «О древнерусскомъ языкѣ» въ V томѣ «Извѣстій» (подъ заглавіемъ «Вмѣсто предисловія» 65—70 къ статьѣ М. Погодина «Записка о древнемъ языкѣ русскомъ») и статью о языкѣ Крылова въ Сборникѣ т. VI. 65—80.

Начиная съ 1850 года его обширная научная дѣятельность, касающаяся и славяновѣдѣнія, заключалась главнымъ образомъ въ болѣе или менѣе обширныхъ рефератахъ о сочиненіяхъ, выходившихъ въ свѣтъ за границей у западныхъ славянъ. Эти очень полезные для ознакомленія русской интеллигенціи съ литературной дѣятельностью западныхъ славянъ рефераты печатались въ Извѣстіяхъ (редакція которыхъ была съ самаго начала поручена Отдѣленіемъ ему) и приносили свою большую пользу. Во многихъ изъ нихъ можно найти любопытныя замѣтки, дополненія и поправки самого референта, которыя и теперь еще читаются съ интересомъ, такъ что они могли бы оказать и въ свое время пользу для развитія науки, если бы только «Извѣстія» не были, къ сожалѣнію, слишкомъ мало распространены даже между славянами. Часть (небольшая впрочемъ) этихъ рефератовъ собрана подъ заглавіемъ: «И. И. Срезневскій. Изъ библіографическихъ статей (1852—1853)». Заглавіе это напечатано лишь въ 1899 году издателями-наслѣдниками, собравшими ихъ въ одинъ выпускъ. Между рефератами имѣлись отзывы о трудахъ Миклошича и Шафарика и всѣхъ прочихъ славянъ; нѣтъ почти изданія, касающагося славянской филологіи въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, въ какой бы не было славянской литературѣ, которое ускользнуло бы отъ внимательнаго взора редактора «Извѣстій». Объ изданіи «Извѣстій» (X томовъ) и «Ученыхъ Записокъ» (VII томовъ), и участіи въ веденіи этого дѣла И. И. Срезневскаго см. статью Вс. И. Срезневскаго въ LXXX-омъ томѣ «Сборника» (1905) стр. 1—42: «Къ исторіи изданія Извѣстій и Ученыхъ Записокъ... по архивнымъ даннымъ». Изданія подобнаго Извѣстіямъ Срезневскаго не было во всемъ славянскомъ мірѣ до появленія въ 1876 г. «Архива» Ягича, говоритъ Всев. Срезневскій.

Все остальное, сдѣланное Срезневскимъ — издавалъ же онъ очень много — относится почти исключительно къ памятникамъ древнеславянской и древнерусской письменности. Не входя въ подробное исчисленіе, которое приложено къ біографическому очерку А. Ѳ. Бычкова (въ XXII томѣ Сборника Отд. р. яз. и сл.), мы можемъ довольствоваться общей характеристикой:

1. На первомъ планѣ стоитъ несомнѣнно изданіе текстовъ. Срезн. любилъ издавать только отрывки съ общей грамматико-палеографической характеристикой памятника. Все сообщаемое передавалось съ возможно точнымъ соблюденіемъ всѣхъ палеограф. особенностей, строка въ строку, буква въ букву, какъ онъ любилъ выражаться; но вторичныя сличенія, сдѣланныя отчасти мною, отчасти другими, доказали, что изданія далеко не такъ точны, какъ на видъ казалось. Для лучшаго же уразумѣнія текстовъ, для поправокъ несомнѣнныхъ описокъ сдѣлано довольно мало. Цѣль въ концѣ концовъ

имѣла главнымъ образомъ библіографическое значеніе. Памятники такимъ образомъ изданные относятся:

а) къ церковно-славянской литературѣ. Срезневскій, побуждаемый примѣромъ Шафарика, охотно занимался текстами глаголическаго письма. Уже въ 1848 году онъ напечаталъ въ Ж. М. Н. Пр. ч. LIX, отд. II. 18—66, статью «Древнія письмена славянскія». Въ Извѣстіяхъ второго отд. т. III. IV. V. VI. VII, онъ давалъ отчеты о новыхъ открытіяхъ и изслѣдованіяхъ въ этой области. Въ I. 353—389: О древнихъ памятникахъ глагольской письменности; во II. 299—305: Новое мнѣніе Шафарика о письменности глагольской; въ IV. 367—375: Извѣстіе о глагольскомъ четвероевангеліи Зограф. монастыря; въ V. 48—50: Свѣтильны изъ древней глагольской рукописи; въ VI. 171—179: Глагол. отрывки найденные въ Прагѣ; сл. VII. 217—219; ib. 337—352: Слѣды глаголицы въ памятникахъ X-го вѣка. Несмотря на все то, онъ до конца жизни колебался насчетъ происхожденія глаголической письменности, на аргументы Шафарика въ пользу пріоритета глаголицы онъ не сдавался, хотя допускалъ возможность глаголическаго вліянія даже въ нѣкоторыхъ чисто русскихъ произведеніяхъ (сл. Изв. VII. 337—352). Въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества т. III. IV и въ Запискахъ академическихъ т. IV онъ представилъ обозрѣніе почти всѣхъ до тѣхъ поръ извѣстныхъ глаголическихъ памятниковъ; приводимые имъ тексты почти всегда сопоставлены параллельно съ кирилловскими. Трудъ этотъ вышелъ и отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: «Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками кириллицы». СПб. 1866, 8⁰ VIII. 298 съ атласомъ снимковъ. Подобное же обозрѣніе съ соблюденіемъ хронологическаго порядка, но безъ текстовъ, сдѣлано имъ въ 1865 году: «Древніе памятники письма и языка югозападныхъ славянъ (IX—XII в.)», fol. стр. 67 (въ Христ. Древн. А. Прохорова). Въ «Извѣстіяхъ» I. 293—301, 343—350, онъ сдѣлалъ много критическихъ примѣчаній на изданіе Шафарика: «Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův». Въ IV. 294—312 напечатано съ объясненіями X-ое слово Григорія Богослова. Въ V. 191—2, 273—7: О древнемъ канонѣ въ честь св. Вячеслава. Въ VII. 41—8, 147—155: Выписки изъ пандектовъ Антіоха (сообща съ архим. Амфилохіемъ). Ib. 145—8: Слово Константина философа. Важнѣе изданные въ 1868 году (въ Сборникѣ т. III) «Древніе славянскіе памятники юсоваго письма» (8⁰ стр. 192. 416. 24), гдѣ между прочимъ впервые напечатана такъ называемая «Савина книга». Къ южнославянской письменности относятся также многіе нумера въ длинной серіи «Свѣдѣній и замѣтокъ о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ», изданной въ приложеніяхъ къ акад. Запискамъ т. I. VI.

VII. IX. XI. XX. XXII. XXIV. XXVIII. XXXIV. XXXIX (то же самое въ Сборникѣ т. XII. XV. XX; отдѣльно I—XL СПбгъ 1867, XLI—LXV СПбгъ 1874, LXVI—LXXX СПбгъ 1877, LXXXI—XC СПбгъ 1879, XCI СПбгъ 1881). Одна статья подобнаго рода появилась также въ загребскомъ акад. органѣ «Starine» (т. III),

b) къ древнечешской письменности: Mater verborum СПбгъ 1857 (въ Изв. археол. Общества I. 1—6) и Дополнительныя замѣчанія на статью А. Патеры (въ Зап. т. XXXI, и въ Сборникѣ т. 19, № 2. 1—152). Сл. еще статью «Былина о судѣ Любуши» (въ Р. Ф. В. 1879, т. I. 1—34),

c) къ кашубскому нарѣчію: Образцы кашебскаго нарѣчія, собранные Цейновою и приготовленные къ печати И. И. Ср. СПбгъ 1852. 8⁰ 16 (вышло отдѣльно изъ сборника «Памятники и образцы народнаго языка и словесности русскихъ и западныхъ славянъ» I—IV),

d) къ древнерусской письменности, что составляло центръ его дѣятельности: «Памятники X-го вѣка до Владиміра Святого» (въ Изв. III. 49—66). Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ по синод. сп. XIV вѣка. СПбгъ 1860, fol. 90—147, съ факсимилированнымъ воспроизведеніемъ. «Повѣсть о Цареградѣ» (въ Уч. Зап. 1854, I. стр. 99—137), «Хожденіе за три моря Аѳанасія Никитина». СПбгъ. 1857. 88 (ib. II. 2. 225—307). «Задонщина» въ Изв. VI. 337—363 (1858. 8⁰ 52, еще ib. VII. 96—100), «Грамота Мстислава» (въ Изв. т. VIII. 337—360). «Слово Данила заточника» (въ Изв. X, стб. 263—275). Особенной обширностью отличается сводное изданіе: «Древніе памятники русскаго письма и языка XI—XIV стол.» въ Извѣстіяхъ т. X (1863) съ приложеніемъ выписокъ изъ текстовъ и снимковъ (отд. отт. 4⁰ стр. 299). Второе дополненное изданіе безъ приложеній, въ 1882 г. «Пандекты Никона Черногорца въ русск. сп. XII в.» въ Запискахъ т. XX (и въ Сборникѣ т. VIII. 1871). Изданіе К. И. Невоструева объ антихристѣ дало Срезневскому поводъ къ многимъ дополненіямъ: «Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ» 1873 (XIX присужд. Увар. премій). Много нумеровъ «Свѣдѣній и Замѣтокъ» относится сюда. Послѣ смерти его издано сыномъ его: «Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги». СПбгъ 1897. 8⁰ 207.

2. Къ лексикону и палеографическому объясненію древнихъ памятниковъ относятся (помимо того, что сказано при изданіи отдѣльныхъ памятниковъ) слѣдующія статьи: Отзывъ о русскомъ акад. словарѣ въ Ж. М. Н. Пр. 1848 ч. 57. 58. 60 (№ 3. 6. 12). Срезневскій принялъ участіе въ изданіи Областного словаря СПб. 1852. «О договорахъ князя Олега съ греками» (въ Изв. I. 309—326), сл. также «Договоры съ греками» (въ Изв. III.

257—295). «Древнѣйшія договорныя грамоты Новгорода съ нѣмцами» (въ Изв. VI. 154—171). Примѣчанія къ словарн. выпискамъ Буслаева изъ книгъ пророчествъ (въ «Матеріалахъ» т. II. 561—571). Примѣчанія къ пѣснѣ о Горѣ Злосчастіи въ приложеніи къ Изв. V. «Памятники и образцы» I—IV (1852—1856, стр. 401—412). Палеогр. изслѣдов. пам. русск. древности (въ Изв. VI. 257—275, сл. также IX. 161—170). Приложеніе къ отчету о словарѣ Востокова (въ Уч. Зап. IV, стр. XIX—XLIII). Дополненія къ словарю Востокова въ «Матеріалахъ» томъ VII. Обзоръ матеріаловъ для изученія русской палеографіи (въ Ж. М. Н. Пр. 1867 г., ч. 133). Замѣтки о тайнописаніи въ т. XIX акад. Записокъ. «Греческая иверская кормчая» въ XX т. Записокъ. «Палеограф. наблюденія по памятникамъ греч. письма» (въ Сборникѣ т. XV). Отдѣльнымъ изданіемъ вышла въ 1881 г. «Славянорусская палеографія» (8^0 261). Какъ посмертный трудъ И. И. Срезневскаго выходитъ подъ редакціею умной дочери его Ольги Измаиловны «Словарь древнерусскаго языка». Печатаемымъ 3 выпускомъ III тома онъ закончится (быть можетъ съ однимъ прибавленіемъ). Сл. еще статью «Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей», (въ Изв. III. 145—164, 177—187, 235—248). Въ началѣ своей петербургской дѣятельности Срезневскій указывалъ также на словарь болгарскаго языка (современнаго), который былъ у него въ рукописи, но дальнѣйшій ходъ его занятій удалилъ его отъ продолженія этого предмета (Францевъ 1059). Теперь у семьи Срезневскихъ такого матеріала нѣтъ, а есть мелкіе рукописные словари сербскій, малороссійскій, словацкій, лужицкій.

3. Литературная исторія представлена статьями и изслѣдованіями слѣдующаго содержанія: «Древнія жизнеописанія русскихъ князей» (въ Изв. II. 113—130, 157—164, 209—221), «Труды митрополита Ѳеодосія» (въ Изв. II. 321—324), «О лѣтописяхъ новгородскихъ» (въ Изв. II. 18—27, 70—78), «Новые списки поученій Кирилла Туровскаго» (въ Изв. III. 369—381, IV. 177—184, V. 306—313). «Нѣсколько замѣчаній объ эпическомъ размѣрѣ слав. народныхъ пѣсенъ» (въ Изв. IX. 345—366). «Чтенія о древне-русской лѣтописи» (въ Запискахъ Имп. Ак. Н. т. II. 1862). Вторая статья напечатана недавно въ новыхъ Извѣстіяхъ т. VIII, 1903 г. (кн. 1, стр. 120—173: Чтенія IV—VIII). Сюда можно отнести еще многіе отзывы его по случаю присужденія различныхъ премій.

4. Біографическія данныя имѣются о Востоковѣ при перепискѣ его (въ Сборникѣ V. 2), о Надеждинѣ (Вѣстникъ геогр. общ. 1856), о Савельевѣ (Изв. арх. общ. II. 1859), о Ганкѣ 1861 (Изв. IX), о Савваитовѣ 1872 (Сборникъ X), о А. Ив. Тургеневѣ 1875 (Р. Старина XII), о Невоструевѣ

1873 ib., о Строевѣ 1877 (Сборн. XVII), о Гриммѣ 1864 (Зап. ак. н. IV), о Сахаровѣ 1864 ib., о Ундольскомъ 1865 (Зап. ак. н. VI), о Шлейхерѣ 1866 (Сборникъ I), о Евгеніи съ перепиской 1868 (Сборникъ V), о А. Е. Викторовѣ 1881, о югослав. академіи 1868 (Сборн. II), о чешскомъ музеѣ 1869 (Зап. а. н. XIV), на память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ 1878 (въ Сборникѣ XVIII). О Вукѣ Караджичѣ онъ сообщилъ о первыхъ своихъ встрѣчахъ съ нимъ въ Вѣнѣ въ Москов. сборникѣ 1846 г., съ дополненіями въ «Братская помочь» 1876.

5. По этнографіи и географіи, кромѣ выше упомянутыхъ сообщеній о славянахъ тѣхъ странъ, которыя онъ объѣхалъ, напечатаны въ Вѣстникѣ Географ. Общества I: «Замѣчанія о матеріалахъ для географіи русскаго языка», тамъ же IV: Русь Угорская. Югозападные славяне, тамъ же, ч. XVIII. Фріульскіе славяне 1878 г. (въ прилож. къ XXXVIII т. Записокъ, 1881 г.). Въ «Сборникѣ Государственныхъ знаній» томъ IV въ 1874 году вышелъ на основаніи труда Миличевића рефератъ: «Свѣдѣнія о современной Сербіи». Сл. еще въ Изв. 1860 г. 313—320 статью «Русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV вв.».

6. Изслѣдованія археологическаго содержанія имѣются въ нѣкоторыхъ изъ выше упомянутыхъ статей, и кромѣ того: Збручскій истуканъ (въ Запискахъ археолог. Общества V. 163—183). Пещера Ивана Грѣшнаго (въ Изв. археол. об. II. 1—7). Древнія изображенія князей Бориса и Глѣба (въ Христіанскихъ Древностяхъ за 1863 годъ, 49—80). Древній византійскій ковчежецъ (въ Изв. арх. об. т. IV. 498—516). Древнія изображенія великаго князя Владиміра и Ольги (въ Археол. Вѣстникѣ Моск. Арх. Общ.). Къ древностямъ относятся еще статьи: Объ идолахъ въ Ретрѣ (Ж. М. Н. Пр. 1851 г., ч. 70). Роженицы у славянъ (въ Архивѣ Калачова т. I). Русскіе калики древняго времени (въ Запискахъ Имп. Ак. Н. I. 2. 186—210). Древній русскій календарь (въ Христ. Древн. 1863 г., кн. 7. 2—21). Древнія Русскія книги (тамъ же 1864 г., кн. 2. 13—36). Не могу сказать, въ какомъ году съ позволенія его литографированы его лекціи «Славянскія древности», въ 4-ку 98 стр.

Чтобы однимъ взглядомъ окинуть совокупную дѣятельность Срезневскаго, она внушаетъ большое уваженіе широкимъ размахомъ многочисленныхъ его трудовъ, хотя бóльшая часть ихъ имѣетъ характеръ чего-то отрывочнаго. Совокупность трудовъ его представляетъ собою великолѣпную мозаику въ древнерусскомъ стилѣ. Срезневскій не былъ славянофиломъ въ русскомъ значеніи этого названія, а славистомъ съ рѣшительнымъ перевѣ-

сомъ въ петербургскій періодъ своей дѣятельности въ сторону русскую.] Великолѣпное опредѣленіе разницы между славистомъ и славянофиломъ можно найти въ письмѣ его къ Ганкѣ отъ 1 февр. 1848 г. (Францевъ 1061—2), хотя именно Ганка былъ менѣе всѣхъ способенъ понять его. Полная, справедливая оцѣнка совокупной дѣятельности Измаила Ивановича невозможна, пока не будетъ издана его богатая переписка, отрывки изъ которой стали появляться въ «Русской Старинѣ», въ «Кіевской Старинѣ», и т. д. Подробныя указанія у Вс. И. Срезневскаго въ вышеупомянутой статьѣ.

П. И. Прейсъ. Третій по очереди П. И. Прейсъ занялъ свое мѣсто въ Петербургѣ осенью 1842 года. Мы знаемъ, что когда редакторъ журнала Мин. Нар. Просвѣщенія (Сербиновичъ) хотѣлъ отъ него получить рецензію на Národopis Шафарика, онъ указывалъ на Срезневскаго какъ спеціалиста по этимъ вопросамъ, самъ же предлагалъ свои услуги для рецензій другого рода, напр. на изданія Востокова (Остр. ев., Описаніе Рум. Муз.). Этимъ онъ самъ точно обозначилъ филологическій характеръ своей науки, не раздѣляя увлеченій славяновѣдовъ-романтиковъ. Въ одномъ письмѣ Срезневскому отъ 26 янв. 1843 г., значитъ въ началѣ его профессорской дѣятельности, говорится о томъ, что министръ нар. просвѣщенія выразилъ желаніе, чтобы русскіе слависты въ лекціяхъ не касались политики и не говорили о положеніи австрійскихъ славянъ. Должно быть подозрительное вѣнское правительство опасалось чего-то; быть можетъ, путешествія Русскихъ по славянскимъ землямъ вызывали подозрѣніе. Прейсъ рекомендовалъ Срезневскому по этому поводу осторожность, насчетъ же Бодянскаго одобрялъ, кажется, выговоръ сдѣланный ему министромъ. Онъ упрекалъ москвичей (Погодина, Бодянскаго и др.) въ увлеченіи славянами, они-де не могутъ быть безъ новыхъ святыхъ, Шафарика и Ганки. Прейсъ, замѣчавшій своимъ критическимъ глазомъ кой-какія неприглядныя стороны чешской жизни, между прочимъ въ характерѣ Ганки, не могъ раздѣлять восторговъ Бодянскаго или Погодина. Въ доказательство онъ приводилъ напр. слова Ганки о Копитарѣ: «Копитаръ лукавецъ знаетъ свое ремесло. Вукъ его рабъ и такъ бы хотѣлъ всѣхъ словить». Подобнаго рода нареканія австрійскихъ славянъ другъ на друга не могли конечно поднять значенія ихъ въ глазахъ такихъ людей, лишенныхъ сентиментальной романтики, какъ Прейсъ.

Но для насъ важнѣе узнать, какъ Прейсъ понималъ свою обязанность какъ преподавателя славяновѣдѣнія. Онъ хотѣлъ читать, мы слышимъ, на 1-омъ курсѣ о южныхъ славянахъ (болгарахъ, сербахъ, хорватахъ, корутанахъ), на 2-омъ курсѣ о чехахъ, на 3-емъ о полякахъ, на 4-омъ сравнительную грамматику славянскихъ нарѣчій, не исключая русскаго языка.

Чтенія 1-го, 2-го и 3-го курсовъ должны были сосредоточиваться преимущественно и прежде всего на языкахъ. Въ письмѣ къ Шафарику отъ 6 іюля 1843 года, значитъ послѣ перваго года акад. дѣятельности, онъ не жалуется на неуспѣхъ, помышляетъ уже объ изданіи Георгія Амартола, котораго, странная иронія судьбы, еще до сихъ поръ (значитъ 1907 г.) нѣтъ въ печати! Одному сербу, желавшему перевести на сербскій языкъ славянскія «Старожитности» Шафарика, Прейсъ рекомендовалъ довольствоваться извлеченіемъ, такъ какъ въ этомъ сочиненіи уже кое-что устарѣло и должно быть передѣлано на основаніи результатовъ новѣйшихъ изслѣдованій.

Не долго было Прейсу суждено исполнять должность представителя славянской филологіи въ Петербургскомъ университетѣ. Онъ скончался уже 11 мая 1846 года, занятый такъ сказать только приготовленіями къ серьезной ученой дѣятельности, на 36 году жизни. Юристъ Ширяевъ, сообщившій въ іюлѣ 1845 года Ганкѣ, что Прейсъ приготовляетъ двухъ молодыхъ славистовъ для поѣздки за границу (Францевъ 360), предсказывалъ смерть его уже въ апрѣлѣ 1846, замѣтивъ при этомъ, что всѣ ужасно сожалѣютъ объ немъ, потому что всѣ смотрѣли на него, какъ на весьма серіознаго и неутомимо дѣятельнаго «славянофила». Срезневскій же, сообщая въ мартѣ 1847 года Ганкѣ о поступленіи библіотеки и бумагъ Прейса въ СПб. университетъ, сказалъ: «Я разсматривалъ ихъ и чуть не плакалъ о томъ, что мы такъ рано лишились этого незамѣнимаго ученаго» (Францевъ 1056). По словамъ Срезневскаго вм. сравнительной грамматики Прейсъ читалъ грамматику церковнославянскаго языка, значитъ то, что и должно быть самое главное. Какъ онъ относился къ отдѣльнымъ славянскимъ нарѣчіямъ и литературамъ, еще не изслѣдовано. Но относительно общаго введенія, которое прежде всего Срезневскому нравилось, мы слышимъ о слѣдующемъ содержаніи его лекцій: О древнѣйшихъ жилищахъ славянъ въ Европѣ, о сношеніяхъ ихъ съ сосѣдями, о ихъ переселеніи, о причинахъ и послѣдствіяхъ его, о началѣ самостоятельныхъ славянскихъ государствъ, о принятіи христіанства, о внутреннемъ бытѣ славянъ по древнѣйшимъ положительнымъ свидѣтельствамъ и по результатамъ, добываемымъ изъ сравнительнаго изученія славянскихъ древностей. Кто не видитъ въ этомъ указаніи Срезневскаго вѣрное отраженіе слав. древностей Шафарика съ разными дополненіями? Какъ жаль, что не исполнилось обѣщаніе Срезневскаго, что онъ съ Куторгой и Куникомъ изъ оставшихся бумагъ Прейса кое-что приведутъ въ порядокъ и напечатаютъ. Правда, Срезневскій уже тогда говорилъ (въ письмѣ Бодянскому): «Въ нихъ нѣтъ ничего доконченнаго», но вѣрно прибавилъ отъ себя: «но матеріалы имъ собранные, будучи изданы, облегчатъ труды другихъ въ многомъ». И въ

письмѣ къ Ганкѣ сказано: «Приготовительныхъ работъ сдѣлано у него множество, работъ и тяжелыхъ и веденныхъ съ отличнымъ знаніемъ дѣла, съ аккуратностью, съ добросовѣстностью, но кажется ничто не кончено; куда ни заглянешь, все одни матеріалы. Ихъ однако надобно издать». Срезневскій съ нѣкоторымъ изумленіемъ жалѣлъ, что въ Петербургѣ не всѣ цѣнили его какъ бы надобно было ожидать. Это конечно были люди, придававшіе главное значеніе формальной сторонѣ дѣла. У Прейса не было еще степеней! Но Срезневскій хорошо замѣтилъ, что въ немъ было все, что нужно для хорошаго профессора: и ученость, и методъ, и любовь къ дѣлу и характеръ. Такіе разумные взгляды къ сожалѣнію именно въ славянской филологіи не всегда признавались. Въ 1878 году Срезневскій, получивъ отъ кого-то изъ бывшихъ слушателей Прейса рукописный экземпляръ лекцій его, утверждалъ, что онъ находитъ въ нихъ преимущества, не сдѣлавшіяся еще лѣтъ 30 спустя общимъ достояніемъ! И всетаки не только лекцій его никто не издалъ, но даже его диссертація о богомилахъ, надъ которой онъ трудился до послѣднихъ дней своей жизни, несмотря на то, что нѣсколько тетрадокъ было уже переписано начисто, пропала куда-то безслѣдно. Въ 1845 году онъ прочелъ рѣчь «объ эпической поэзіи у сербовъ», которая напечатана въ актѣ С.-Петерб. университета 1845. Разныя статьи его печатались въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. въ ч. XIV 1837 г. (О волохахъ Нестора, по Шафарику), ч. XVIII 1838 г. (Изображеніе Чернобога въ Бамбергѣ, изъ Č. Č. M.), ч. XXI и XXIII 1839 г. (рефераты о нѣмецкихъ изданіяхъ по славянской исторіи и древностямъ), далѣе: Донесенія г. министру нар. просвѣщенія изъ Кенигсберга (о литовскомъ языкѣ, ч. XXVI 1840 г.), изъ Берлина (о кашубскомъ языкѣ и т. д. ч. XXVIII, 1840 г.), изъ Праги (о г. Галле, о Словѣ о Полку Игоревѣ и т. д., ч. XXIX, 1841 г.), изъ Загреба (о Вѣнѣ и болгарскихъ изученіяхъ, ч. XXXIII, 1842 г.), изъ Кракова (О глагольской письменности, ч. XXXVII, 1843 г.). Весьма поучительны «Письма П. И. Прейса», изданныя В. И. Ламанскимъ въ СПтбгѣ 1892. 8° 114 (изъ Жив. Старины) какъ драгоцѣнный матеріалъ къ исторіи славяновѣдѣнія.

В. И. Григоровичъ. Характеръ и преподавательская дѣятельность четвертаго изъ перваго поколѣнія русскихъ славистовъ, В. И. Григоровича, пишущему эти строки по крайней мѣрѣ отчасти извѣстны по бывшему хотя непродолжительному товариществу въ Новороссійскомъ университетѣ (въ годахъ 1872—1874). Григоровичъ и тогда еще, хотя уже въ преклонныхъ лѣтахъ, поражалъ громадной памятью и глубокой начитанностью въ области византологіи и близкихъ къ ней отношеній славянской филологіи. Не формальная сторона, а содержаніе, духъ и направленіе писателей привлекали его.

Такіе представители византійской мысли, какъ Фотій и Николай мистикъ, или религіознаго критицизма, какъ Гусъ и Коменскій, были любимымъ предметомъ его размышленій. Искренно преданный славянской наукѣ, онъ любилъ все-таки скрытничать. Большая доля недовѣрчивости, отчасти вслѣдствіе кой-какихъ разочарованій, бросалась во всей его внушительной фигурѣ постоянно въ глаза. Трудно, даже невозможно было проникнуть въ тайники его души. Онъ любилъ витійствовать. Произносить торжественныя рѣчи, поражать своимъ прямо византійскимъ краснорѣчіемъ—это была слабость его, переходившая въ обидчивость, если не послѣдовало шумнаго одобренія. Онъ самъ былъ очень высокаго мнѣнія о себѣ, хотя выставлялъ на показъ свою скромность чернорабочаго въ наукѣ. Слушатели его считали его оригиналомъ и чудакомъ, внушавшимъ однакожъ уваженіе своей любовью къ наукѣ. Можно было любоваться его рѣчами, оригинальностью его взглядовъ, но въ терпѣливые, послѣдовательные руководители онъ не годился.

Лѣтомъ 1847 года Григоровичъ началъ въ Казанскомъ университетѣ свою профессорскую дѣятельность, лекціи тамъ же онъ читалъ уже раньше до поѣздки за границу. Нынѣ онъ началъ, какъ самъ писалъ Ганкѣ, съ ознакомленія съ югозападными языками и преимущественно священнымъ. Черезъ годъ (въ 1848 г.), когда Бодянскаго застигла катастрофа изъ-за Чтеній и онъ въ видѣ наказанія долженъ былъ быть переведенъ въ Казанскій университетъ, Григоровичъ назначался на каѳедру московскую и, говорятъ, въ 1849/50 г. пріѣхалъ дѣйствительно въ Москву, а по извѣстіямъ Успенскаго началъ даже читать лекціи. Но Бодянскій не уступалъ, такъ что Григоровичъ опять возвратился въ Казань. Очень жаль, что Викторъ Ивановичъ изъ громаднаго запаса своихъ свѣдѣній такъ мало сдѣлалъ доступнымъ путемъ печати въ видѣ статей. Онъ походилъ на энциклопедическій словарь, въ которомъ можно было найти большое количество полезныхъ справокъ, кто искалъ ихъ; но самъ владѣлецъ этого запаса оставался пассивенъ. Систематическая работа не укладывалась въ калейдоскопическій талантъ его. Постоянно выскакивали изъ головы его единичныя оригинальныя мысли, но все это были мысли безсвязныя, безъ системы. Въ 1852 году вышли въ Казани его «Статьи касающіяся древняго славянскаго языка». Въ нихъ было для своего времени много замѣчательнаго содержанія. Въ 1-ой статьѣ рѣчь идетъ «О значеніи церковнослав. языка» (стр. 1—25). Здѣсь упоминается впервые о значеніи Константина грамматика и философа. Важность церковно-славянскаго языка доказывается не съ филологической или грамматической точки зрѣнія, а культурно-исторически выставляется значеніе его какъ звена культурной преемственности между славянами юга и востока. Во 2-ой

статьѣ «О трудахъ касающихся древняго славянскаго языка до Смотрицкаго» (стр. 26—52) напечатана грамматическая статья Константина грамматика въ сокращенномъ ея видѣ. Въ 3-ей статьѣ «Предварительныя свѣдѣнія касающіяся литературы церковнославянской» (стр. 53—70) разсуждается о глаголицѣ. Григоровичъ и теперь еще близко примыкалъ къ бывшему мнѣнію Копитара, что Кириллъ и Меѳодій нашли уже глаголицу и воспользовались ею для пополненія кирилловскаго письма. Въ 4-ой статьѣ «О древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянской литературы» (стр. 71—94) сдѣлана попытка охарактеризовать древнѣйшіе памятники, ихъ перечень и выписки изъ нихъ. Въ 5-ой статьѣ «Замѣчаніе о лексикальномъ изученіи рукописей» (стр. 95—108) сообщено кое-что въ лексикальномъ отношеніи интересное по рукописямъ находившимся у него. Въ этомъ родѣ Григоровичъ могъ бы съ успѣхомъ подвигаться и оказать большую пользу славянской наукѣ, если бы захотѣлъ.

Въ чисто филологическихъ вопросахъ Григоровичъ очень рано отсталъ отъ науки. Въ доказательство укажемъ на лекціи его, читанныя въ 1865 году въ Одессѣ, которыя издалъ въ 1884 году одинъ изъ бывшихъ учениковъ его, А. И. Смирновъ, подъ заглавіемъ «Славянскія нарѣчія» (8⁰ 158. VII). Чему училъ здѣсь Григоровичъ въ 1865 году? Онъ преподавалъ, если вѣрить запискамъ, по которымъ изданы эти лекціи, что славяне отъ незапамятныхъ временъ жили между Балтійскимъ, Чернымъ и Адріатическимъ морями, между Волгой и Лабой, что они нѣкогда всѣ говорили однимъ языкомъ, по вслѣдствіе безмѣрнаго и весьма разнообразнаго пространства, занимаемаго ими, распались на множество племенъ. Перечисляя отдѣльныя племена, онъ приводилъ какъ 3-ью группу лужицкое *или* полабское племя, въ 5-ой упоминалъ болгаръ, доходившихъ до Адріатическаго моря, какъ о 6-ой группѣ, говоря о сербахъ и хорватахъ, онъ называлъ ихъ народомъ загадочнаго происхожденія и причислялъ къ нимъ босняковъ, черногорцевъ и герцеговинцевъ, подъ 7-ой группой говорилъ о корутанахъ, которые живутъ въ Каринтіи, въ древнемъ Норикѣ и въ «Ванделиціи», и въ Штиріи, а теперь ихъ мѣстныя названія: горяне, доленцы и словены. Въ честь памяти Григоровича скажемъ лучше, что тотъ кто записывалъ эти «нарѣчія», поступилъ очень небрежно. Во всякомъ случаѣ поражаетъ насъ слышать, что Григоровичъ будто бы перечислялъ главные славянскіе языки въ слѣдующемъ видѣ и порядкѣ: 1-е — болгаре, 2-е — сербы съ хорватами и другими говорами, 3 — поляки, 4 — чехи съ моравами и словаками, 5 — хорутаны, 6 — лужичане (верхніе и нижніе), 7 — русскіе. Вдаваясь въ характеристику церковнославянскаго нарѣчія,

онъ приводилъ въ доказательство того, что *щ* произошло изъ *т*, примѣръ *щадить* = штѧдити (стр. 9), а въ доказательство, что въ славянскомъ языкѣ первоначально не было согласной *щ*, онъ указывалъ на сербское и болгарское слово *штука*. Въ склоненіи слова сынъ предлагались слѣдующія формы: род. — сына, предл. — сынѣ, зв. сыне, дв. ч. сына и т. д. Для славянской грамматики, какъ изъ этихъ примѣровъ видно, сдѣлано Григоровичемъ такъ же мало или еще менѣе, чѣмъ Срезневскимъ и Бодянскимъ.

Замѣчательно, что Григоровичъ по собственному признанію на 1-омъ курсѣ читалъ о славянскихъ нарѣчіяхъ, а о церковно-славянскомъ языкѣ только на 2-мъ курсѣ; о мѣстностяхъ древнихъ славянъ, значитъ о древностяхъ, на 3-мъ курсѣ, а о слав. литературахъ на 4-мъ курсѣ (сл. Обзоръ славянскихъ литературъ, лекціи В. И. Григоровича изданныя А. И. Смирновымъ. Воронежъ 1880, стр. 3—4). Какъ туманны были, должно быть, эти лекціи, свидѣтельствуютъ его собственныя слова. О нарѣчіяхъ напр. онъ говорилъ: мы старались изучать ихъ путемъ аналогіи, взявши за нормальную единицу языкъ церковно-славянскій, мы пытались искать въ немъ «типъ» славянскихъ нарѣчій... Говоря же подробно о церковно-славянскомъ языкѣ, онъ считалъ нужнымъ доказывать его — индогерманское происхожденіе, что конечно и удалось ему! Толкуя о бытѣ древнихъ славянъ, онъ останавливался болѣе всего на общинѣ, ему посчастливилось по его словамъ отыскать въ религіозныхъ, политическихъ и семейныхъ воззрѣніяхъ славянъ ихъ оригинальность и самостоятельность! Въ упомянутомъ «Обзорѣ», т. е. въ лекціяхъ читанныхъ въ 1868/9 г., повторяется то же самое дѣленіе предмета, которое мы видѣли выше на стр. 340 (въ монографіи 1843 года). Обозрѣніе источниковъ для исторіи отдѣльныхъ славянскихъ литературъ изобилуетъ множествомъ странныхъ недосмотровъ и недоразумѣній. Въ главѣ, посвященной древнѣйшей письменности у славянъ, Григоровичъ съоригинальничалъ на счетъ происхожденія глаголицы, производя ее изъ — Херсона. Вообще книжечка (52 страницы) производитъ жалкое впечатлѣніе.

Для антикварныхъ и историческихъ разсужденій было у Григоровича повидимому больше и наклонности и способности. Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи всегда стоялъ у него на первомъ планѣ. Еще въ 1847 году онъ напечаталъ въ Ж. М. Н. Пр. ч. LIII, № 1: «Изысканія о славянскихъ апостолахъ», а въ 1862 г. въ Казани: «Древнеславянскій памятникъ, дополняющій житіе слав. апостоловъ Кирилла и Меѳодія», въ 1869 г. онъ произнесъ рѣчь, отпечатанную въ приложеніи къ III тому Записокъ: «Нѣсколько словъ,

сказанныхъ проф. славянскихъ нарѣчій В. Григоровичемъ по поводу празднованія тысячелѣтія со времени кончины св. Кирилла» (7—20), опять «Изъ лѣтописи славянской науки» (1871) выходитъ изъ упоминанія памяти Кирилла и Меѳодія. Сл. еще рѣчь его: «О Борисѣ-Михаилѣ Болгарскомъ, праотцѣ славянскаго просвѣщенія» (она перепечатана въ Слав. Ежегодникѣ за 1877 г., стр. 316—324). Монографія его, изданная въ 1859 году въ Казани: «О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ» была для своего времени очень важнымъ явленіемъ, написаннымъ съ нѣкоторой горечью, но при большомъ знакомствѣ съ византійскими источниками, въ которыхъ онъ открывалъ славофильскія и туркофильскія стремленія. Изъ этой монографіи явствуетъ, что спеціальностью Григоровича, гдѣ могъ бы великолѣпно развернуться его талантъ, было именно примѣненіе византійскихъ источниковъ къ освѣщенію внутреннихъ вопросовъ славянской исторіи. Никто въ его время не располагалъ въ Россіи такого рода свѣдѣніями, пока не явился В. Г. Васильевскій.

Въ продолженіе времени онъ самъ сталъ чувствовать, что Казань не подходящее для него мѣсто, не благопріятствующее подобнаго рода занятіямъ. Поэтому, какъ уроженецъ юга, онъ началъ рано помышлять объ Одессѣ. Уже въ 1860 году онъ доказывалъ въ одномъ меморандумѣ важность учрежденія каѳедры славянской филологіи съ византійскимъ фономъ для Одессы. Въ 1865 году Новороссійскій университетъ былъ открытъ и Григоровичъ получилъ желанную каѳедру. Казанскій университетъ онъ покинулъ въ концѣ 1863-го года, цѣлый годъ прожилъ въ отставкѣ въ Херсонѣ. Но вскорѣ послѣдовало разочарованіе. Одесса не понимала завѣтныхъ желаній Григоровича, «этотъ пшеничный городъ», какъ тогда называли черноморскую красавицу, былъ чуждъ интересамъ научнымъ вообще, тѣмъ паче филологическимъ мечтаніямъ Григоровича. И шаблонное отношеніе къ дѣлу органовъ правительства, да скажемъ правду, также большинства профессорской коллегіи не отражалось выгодно на дѣятельности Григоровича. Несмотря на все то, онъ могъ бы сдѣлать гораздо больше чѣмъ сдѣлалъ. Не «духъ смиренномудрія» виноватъ въ этомъ пробѣлѣ, какъ думалъ Успенскій, большой поклонникъ его, а скорѣе тщеславіе самого профессора, оскорбленное равнодушіемъ одесской, пропитанной коммерческимъ духомъ, публики къ его краснорѣчивымъ изліяніямъ чувствъ преклоненія передъ древней византійской культурой. Говорятъ, онъ жаловался еще въ Казани на равнодушіе публики: одно высокопоставленное, бюрократически настроенное, лицо разсказывало потомъ, что онъ съ ума сошелъ. Такъ истолковы-

вали люди, не знавшіе его близко, его наклонность къ чудачеству. Когда Востоковъ имѣлъ намѣреніе представить его въ помощники хранителя рукописнаго отдѣленія въ Импер. публ. библіотекѣ cum iure successionis, правительство отклонило это желаніе и я думаю, не соглашаясь въ этомъ съ Кочубинскимъ, что оно было право. Григоровичъ не годился въ библіотекари или хранители. Онъ былъ человѣкъ въ высшей степени капризный, недовѣрчивый, неохотно показывалъ свои сокровища, позволялъ другимъ только по кускамъ ими пользоваться, самъ же не издавалъ почти ничего.

Что же онъ сдѣлалъ въ этотъ послѣдній періодъ своей одесской жизни? По большей части это были торжественныя рѣчи, какъ напр. «Значеніе славянской взаимности въ русскомъ спорѣ о старинѣ и преобразованіяхъ» (1870) или «О нѣкоторыхъ явленіяхъ народной русской жизни въ эпоху преобразованій Петра Великаго» (1872); иногда статьи озаглавлены довольно причудливо, какъ напр. въ 1872 году «Замѣтки о Солунѣ и Корсунѣ» (Одесса 8⁰ 16), или «Что принесъ намъ годъ прошедшій» (1873). Его интересовала также археологія юга Россіи, о чемъ свидѣтельствуетъ изданная въ 1874 г. «Записка антиквара».

Важнѣе прочихъ была его статья, напечатанная въ 1866 году: «Какъ выражались отношенія Константинопольской церкви къ окрестнымъ сѣвернымъ народамъ и преимущественно къ болгарамъ въ началѣ X-го столѣтія» (8⁰ 95). Эта «рѣчь» свидѣтельствуетъ о превосходныхъ познаніяхъ внутренней византійской исторіи, въ особенности по отношенію къ ближайшему болгарскому государству, но свѣдѣнія о самомъ славянскомъ народонаселеніи Балканскаго полуострова довольно заурядны. Нѣсколько писемъ Николая мистика болгарскому царю Симеону въ приложеніяхъ только перепечатано.

Григоровичъ вышелъ въ 1876 году (въ сентябрѣ) въ отставку, покинулъ университетъ и городъ Одессу, переселился въ Елисаветградъ, гдѣ и умеръ 19 дек. того же года.

Къ біографіи его: А. И. Александровъ. Викторъ Ивановичъ Григоровичъ, профессоръ славянскихъ нарѣчій. (Страничка изъ исторіи казанскаго университета). Казань 1901. 8⁰ 30, а также въ сочиненіи А. И. Маркевича «Двадцатипятилѣтіе Имп. Новор. университета» (Одесса 1890) имѣется подробная біографія В. И. Григоровича (въ LIII томѣ Записокъ Импер. Новор. университета, стр. 229—252).

ГЛАВА XIX.

Дѣятельность въ области славянской этнографіи.

Помимо записныхъ представителей славянской филологіи ex cathedra были въ то же время и другіе ученые въ Россіи, дѣятельность которыхъ вращалась въ областяхъ близко соприкасающихся съ славяновѣдѣніемъ. Въ особенности любовь къ произведеніямъ народнаго творчества, проснувшаяся и въ Россіи подъ вліяніемъ романтики конца XVIII-го и начала XIX вѣка, привлекала многихъ усердныхъ и даровитыхъ представителей къ дѣятельности въ области русско-славянской этнографіи, которая, какъ мы видѣли, занимала первенствующее мѣсто также въ кругу занятій первыхъ офиціальныхъ славистовъ. Число записныхъ филологовъ въ сравненіи съ представителями этнографіи было очень незначительно. Упомянемъ такъ сказать въ видѣ исключенія протоіерея Павскаго, издавшаго въ 1841—2 гг. «Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка» (три части, вторымъ изданіемъ въ 1850 г.). Авторъ пользовался въ сороковыхъ годахъ большимъ уваженіемъ. Онъ былъ знакомъ съ восточными языками, но примѣненіе этихъ свѣдѣній въ пользу русскаго языка вызвало въ сочиненіи его много невѣрныхъ соображеній. Напр. онъ считалъ гласныя *ъ* и *ь* въ подражаніе вокализму восточныхъ языковъ за нѣчто неопредѣленное, хотя зналъ уже о сопоставленіи *ь* съ *і* по примѣру словъ *огнь*, *гость* и *ignis*, *hostis*. Окончанія род. падежа *-овъ*, *-евъ* онъ производилъ изъ *-ъъ*, *-ьъ*, назвавъ это удвоеніе гласныхъ выдумкой писцовъ! Словамъ *ратай*, *чешуя* онъ назначалъ старшую форму съ *л*: *раталь*, *чешуля*, и т. д.

Одинокимъ явленіемъ нужно назвать также трудъ Ф. Шимкевича, напечатанный въ 1841 г. подъ заглавіемъ: «Корнесловъ русскаго языка, сравненнаго со всѣми славянскими нарѣчіями и съ двадцатью четырьмя иностранными». Книга составлена очень добросовѣстно, съ большимъ усердіемъ, хотя ошибочныхъ толкованій въ ней много. На нѣкоторыя изъ нихъ указано Востоковымъ въ разборѣ сочиненія, напечатанномъ въ XI присужденіи Демидовскихъ наградъ. — Неважна была дѣятельность позднѣйшаго оффиціальнаго представителя русской грамматики отъ имени Академіи, И. И. Давыдова. Его «Общесравнительная русская грамматика» (1855) не обнаруживаетъ знакомства автора съ новѣйшими успѣхами въ области общей, еще же менѣе въ предѣлахъ славянской филологіи. Церковно-славянскій языкъ былъ, по его мнѣнію, все еще древнерусскій. Въ III томѣ «Ученыхъ Записокъ» Отдѣленія русскаго языка и словесности онъ на-

печаталъ «Воспоминаніе столѣтія русской грамматики» — полезное библіографическое обозрѣніе.

Гораздо важнѣе дѣятельность цѣлаго ряда представителей въ области этнографіи, въ широкомъ смыслѣ этого слова, такъ что собираніе народныхъ пѣсенъ и другихъ произведеній народнаго творчества, описаніе быта и народныхъ обычаевъ, передача народныхъ преданій, наблюденіе надъ особенностями народныхъ говоровъ, — все это вмѣстѣ входило въ програму ихъ ученыхъ интересовъ. Въ рядахъ представителей ученой дѣятельности подобнаго рода можно указать на нѣсколько выдающихся именъ у всѣхъ славянъ, въ особенности въ Россіи. Имъ-то мы и посвятимъ эту главу, придерживаясь по возможности хронологическаго порядка.

Бывшій профессоръ латинской словесности въ Московскомъ университетѣ Иванъ Мих. Снегиревъ (1793 — 1868) взглянулъ на преданія русской старины съ точки зрѣнія антиквара, безъ примѣси романтической. Руководителями его были не романтики въ родѣ Якова Гримма, а почтенные представители классической филологіи по части древностей, съ перенесеніемъ задачи на почву домашнюю русскую. Въ такомъ духѣ исполнены его этнограф. труды: «Русскіе въ своихъ пословицахъ» (4 выпуска 1831—1834 въ Москвѣ), гдѣ онъ, по собственнымъ его словамъ, пытался доказать отношеніе ихъ къ антропологіи, физикѣ, исторіи и т. д. Новое изданіе самихъ пословицъ вышло въ 1848 г. «Русскія народныя пословицы и притчи» М. 8° XIV. 503, съ дополненіемъ изданнымъ въ 1857 г. М. 8° 91. Кромѣ того имъ же изданы «Русскіе простонародные и суевѣрные обряды» 4 выпуска (1837—1839 въ Москвѣ). Это были труды почтенные, нѣсколько сухіе по изложенію, въ толкованіяхъ этимологическихъ поддававшіеся иногда обманчивому внѣшнему созвучію, но въ сущности очень полезные, не утратившіе и до сихъ поръ своего значенія. Его изслѣдованія о лубочныхъ картинахъ оцѣнены по достоинству Ровинскимъ.

Важное значеніе могла бы имѣть при болѣе благопріятныхъ условіяхъ нѣсколько разбросанная и отрывочная дѣятельность Николая И. Надеждина (1804—1856). Насъ здѣсь не касается его литературная дѣятельность въ качествѣ поэта и критика, участвовавшаго въ разныхъ русскихъ журналахъ (объ участіи его въ Вѣстникѣ Европы имѣется обширная статья Н. К. Козмина въ Извѣстіяхъ Отд. русск. яз. и слов. 1907, томъ XII, кн. 2, 3, 4, подъ заглавіемъ: «Н. И. Надеждинъ, сотрудникъ Вѣстника Европы»), наконецъ въ собственномъ органѣ «Телескопѣ» (1830—35) съ приложеніемъ «Молвы». Достаточно сказать, что онъ охотно вмѣшивался въ разгорѣвшуюся въ то время борьбу между классиками и романтиками и,

какъ поклонникъ нѣмецкой философіи, выбралъ среднее положеніе, находя что спорщики, строго говоря, не понимали о чемъ спорятъ. Отъ русской литературы онъ требовалъ по возможности самостоятельнаго направленія: въ доказательство возможности его указывалъ на Ломоносова, Державина, Жуковскаго и Пушкина. Его диссертація «de origine, natura et fatis» романтической поэзіи вышла въ 1830 г. въ Москвѣ. Не причисляя себя ни къ славянофиламъ ни къ западникамъ въ обыкновенномъ значеніи этихъ названій, онъ склонялся повидимому въ сторону первыхъ, но безъ увлеченія романтическаго въ той мѣрѣ, какъ оно проявлялось у его друга Максимовича. Въ противоположность Шишкову и его сторонникамъ, Надеждинъ усматривалъ въ продолжительномъ господствѣ церковно-слав. языка въ Россіи одну изъ причинъ культурной косности, и настаивалъ на всестороннемъ развитіи русскаго языка какъ органа національнаго культурнаго движенія. Зачитываясь сочиненіями Платона и увлекаясь поэзіей Горація, онъ старался своими трудами поработать также въ пользу русскаго языка.

Очень рано стала привлекать вниманіе Надеждина историческая географія, цѣлью ея было освѣтить прошлое Россіи. Когда каѳедра его уставомъ 1835 г. была закрыта, послѣ насильственнаго прекращенія его журнала изъ-за помѣщенія въ немъ «Философическихъ писемъ» Чаадаева, онъ долженъ былъ на нѣкоторое время удалиться въ Усть-Сысольскъ и Вологду; дѣятельность его стала все болѣе принимать характеръ спеціально научный. Въ энциклопедическій словарь Плюшара, выходившій въ тѣ годы, онъ внесъ очень много дѣльныхъ статей по церковной исторіи, философіи, эстетикѣ, по литературѣ и исторіи русской и славянской. Въ статьѣ «Великая Россія» (IX. 1837 г.) онъ коснулся также дѣленія русскаго языка на три группы нарѣчій. Его «Опытъ исторической географіи русскаго міра», изданный, хотя въ недоконченномъ видѣ, въ 1837 году въ журналѣ «Библіотека для Чтенія» поражалъ оригинальностью взглядовъ на источники (въ особенности по номенклатурѣ), изъ которыхъ надо почерпать свѣдѣнія, преимущественно историко-географическія о Россіи. (Анализъ сочиненія, представленъ у Филевича, см. «Исторія Древней Руси» I. 30—36). Въ бытность свою на югѣ Россіи, въ Одессѣ, на этой почвѣ древней греческой культуры, онъ еще до поѣздки къ юго-западнымъ славянамъ усердно старался поднять интересъ къ историко-географическимъ изслѣдованіямъ,—то чѣмъ занимался Филиппъ Брунъ и о чемъ мечталъ потомъ и Григоровичъ. Въ торжественномъ собраніи Одесскаго Общества любителей исторіи и древностей 4 февр. 1840 г. онъ нарисовалъ обществу картину научныхъ задачъ по изслѣдованію историко-географическому юга Россіи, а возвратясь изъ своего путе-

шествія по славянскимъ землямъ онъ сообщилъ (22 марта 1842 г.) тому же Обществу свой отчетъ о поѣздкѣ къ южнымъ славянамъ, связаннымъ съ древнѣйшихъ временъ съ русскимъ югомъ, но пока мало извѣстнымъ (въ «Запискахъ» Одесскаго общества I. 518—558, 1844 г.). Въ томъ же смыслѣ была имъ раньше напечатана «Записка» въ Ж. М. Н. Пр. 1842 г., ч. 34, стр. 87—106.

Проживая за границей, въ особенности въ Австріи, гдѣ онъ сошелся съ такими представителями славянскаго возрожденія какъ Копитаръ и Вукъ, онъ написалъ по настоятельному требованію Копитара для вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur 1841, т. 91, статью о нарѣчіяхъ (Mundarten) русскаго языка, обратившую на себя общее вниманіе. Перебравшись въ Петербургъ, гдѣ онъ въ 1842 году получилъ редакцію Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ, онъ принялъ живое участіе въ учрежденіи Географическаго Общества. Въ первомъ годовомъ собраніи онъ изложилъ свои мысли «объ этнографическомъ изученіи народности русской (Вѣстникъ геогр. общества I). Побужденіямъ его наука обязана учрежденіемъ при Обществѣ этнографическаго отдѣла, послѣ К. М. Бэра онъ былъ предсѣдателемъ этого отдѣла (1848). Подъ его и Кавелина редакціею вышелъ (1853) I томъ Этногр. сборника — всего напечатано шесть томовъ, продолженіемъ этого сборника можно назвать издаваемый теперь подъ редакціею Вл. И. Ламанскаго журналъ «Живая Старина». По программѣ, составленной Надеждинымъ относительно собиранія этнографическаго матеріала, поступило въ Географическое Общество много отвѣтовъ, описаній, много сказочнаго и пѣсеннаго матеріала. Между прочимъ въ извѣстное собраніе русскихъ народныхъ сказокъ Аѳанасьева вошло много текстовъ изъ матеріаловъ, накопившихся въ архивѣ Географическаго Общества. Заслуги Надеждина для русской этнографіи признаны такими знатоками какъ А. Пыпинъ (Истор. русск. этногр. I. 267) и А. Н. Анучинъ (Этногр. обозрѣніе 1889 I), для исторической же географіи значеніе его возстановлено опять Филевичемъ, не указавшимъ однако довольно отчетливо на нѣкоторыя слабыя стороны въ изслѣдованіяхъ Надеждина, бывшія причиной того, что имя его и даже многія вѣрныя идеи потомъ были совсѣмъ забыты. Впрочемъ и въ наше время Филевичъ оказалъ плохую услугу памяти Надеждина, поставивъ его какъ изслѣдователя славянскихъ древностей въ одинъ уровень по научному методу съ Шемберой.

Статьи Надеждина къ сожалѣнію никогда не были собраны въ одинъ сборникъ, поэтому и теперь мало извѣстны и мало доступны. Перечень ихъ въ Вѣстникѣ Географическаго Общества XVI, № 5. Какъ глубоко въ старину проникали его взоры, доказываютъ такія изслѣдованія его, какъ о «Ге-

родотовой Скиѳіи объясненной чрезъ сличеніе съ мѣстностями» (въ Запискахъ Одесскаго Общества I), статья же его «О русскихъ народныхъ миѳахъ и сагахъ въ примѣненіи ихъ къ географіи и въ особенности къ этнографіи русской» (она издана въ Русской Бесѣдѣ 1857 г., кн. III и IV. 1, Смѣсь 1—20, 19—64) отражаетъ романтическое настроеніе автора. Изъ переписки Надеждина съ славянами вышли письма Платона Атанацковича, Вука, Миклошича и Коллара въ Русскомъ Архивѣ 1873 г. 1131—1221. О профессорской дѣятельности Надеждина въ Москвѣ см. статью Н. Попова въ Ж. М. Н. Пр. 1880, янв. кн.

Еще ближе касалась славянской филологіи дѣятельность Михайла Максимовича (1804—1873). Біографія его въ Ж. М. Н. Пр. 1871, октябрь, въ ст. Пономарева и въ «Извѣстіяхъ» т. XI, 1906, кн. I. 375—416, въ статьѣ А. С. Грушевскаго. Кромѣ того въ исторіяхъ малорусской литературы Петрова (съ примѣчаніями Дашкевича) и Огоновскаго, въ Исторіи русской этнографіи А. Н. Пыпина (III. 16—37) и въ статьѣ А. И. Соболевскаго, въ Біографическомъ словарѣ профессоровъ университета св. Владиміра (Кіевъ 1884, стр. 379—397). Окончивъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ гимназію, Максимовичъ поступилъ въ 1819 году въ Московскій университетъ, гдѣ привлекали его естественныя науки, въ особенности ботаника. По этой наукѣ онъ получилъ даже каѳедру въ Московскомъ Университетѣ (1833). Но его поэтической душѣ были сроднѣе занятія бытомъ малорусскаго народа, какъ онъ отражался въ исторіи и народной словесности близкаго его сердцу русскаго юга, Украйны. Поэтому не стоило большихъ усилій уговорить его замѣнить каѳедру ботаники русской словесностью въ ново-открытомъ Кіевскомъ университетѣ, завѣдываніе которымъ было ему поручено какъ ректору (1834). Но онъ вскорѣ отказался отъ ректорства, а въ 1841 году покинулъ съ начала на время, потомъ совсѣмъ университетъ по разстроенному здоровью. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ въ своемъ небольшомъ имѣньѣ «Михайлова Гора» въ Полтавской губерніи, стѣсняемый скудными матеріальными средствами, только изрѣдка позволявшими ему заѣзжать то въ Кіевъ, то въ Москву, для свиданія съ друзьями и товарищами и для литературныхъ предпріятій.

Максимовичъ былъ очень даровитый человѣкъ съ широкимъ образованіемъ, съ тонкимъ чутьемъ для всего прекраснаго какъ въ природѣ, такъ и въ произведеніяхъ словесности. Какъ истинный романтикъ онъ плѣнялся прелестью народнаго творчества и всѣми преданіями старины. У него были близкія сношенія съ замѣчательнѣйшими современниками: Пушкинымъ, Жуковскимъ, Вяземскимъ, м. Евгеніемъ, Надеждинымъ, Погодинымъ, Бодян-

скимъ, Шевыревымъ, Хомяковымъ, Аксаковымъ. Выдержки изъ писемъ его, сообщаемыя въ статьѣ Грушевскаго, рисуютъ Максимовича какъ типичнаго представителя тѣхъ образованныхъ малороссовъ, которые сумѣли свою сердечную привязанность къ родному краю, Украйнѣ, примирить съ широкими общерусскими потребностями. Онъ самъ охарактеризовалъ себя такъ: «Уроженецъ южной Кіевской Руси, гдѣ земля и небо моихъ предковъ, я преимущественно ей принадлежалъ и принадлежу донынѣ, посвящая преимущественно ей и мою умственную дѣятельность. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, возмужавшій въ Москвѣ, я также любилъ, изучалъ и сѣверную Московскую Русь какъ родную сестру нашей Кіевской Руси, какъ вторую половину одной и той же святой Владимірской Руси, чувствуя и сознавая, что какъ ихъ бытіе такъ и уразумѣніе ихъ одна безъ другой недостаточны, односторонни» (Грушевскій 289). Эти взгляды вскорѣ потомъ при неблагопріятныхъ внутреннихъ условіяхъ перестали господствовать, но возрожденіе Россіи на новыхъ началахъ расширенной политической свободы можетъ опять возобновить ихъ жизненную силу. Собранныя сочиненія М. Максимовича вышли въ Кіевѣ въ трехъ томахъ (1876—1880), подъ редакціею А. А. Котляревскаго. I томъ содержитъ историческія изслѣдованія, II томъ историко-топографическія, археологическія и этнографическія, III томъ языкознаніе и исторію словесности. Но въ это изданіе внесено далеко не все, что слѣдовало.

Для этнографіи имъ сдѣлано гораздо больше, чѣмъ видно, напр., по второму тому: онъ издалъ по нѣскольку разъ собранныя имъ малорусскія пѣсни и думы, изъ которыхъ во II томъ Собранія сочиненій вошли только его предисловія (изъ изданія 1827 года: «Малорусскія пѣсни», изъ изданія 1834 года «Украинскія народныя пѣсни», и изъ изданія 1849 года «Сборникъ Украинскихъ пѣсенъ»). Максимовичъ былъ восторженный почитатель народной поэзіи въ родѣ Вука Караджича, по примѣру котораго онъ и говорилъ о мужскихъ и женскихъ малорусскихъ пѣсняхъ. Кромѣ отраженія народной души и осадковъ старинныхъ воспоминаній, въ пѣсенномъ творчествѣ онъ усматривалъ средство для возможнаго возрожденія русской поэзіи на основаніи чисто народныхъ идеаловъ и освобожденія отъ чужого вліянія. Онъ увлекался по примѣру Якова Гримма изяществомъ славянской народной поэзіи, ссылаясь при этомъ на отзывъ Бродзинскаго. Поэтому въ его критической дѣятельности какъ издателя замѣтна та же черта, которую мы подмѣтили у Вука, т. е. стараніе выбирать и издавать только самые лучшіе варіанты бывшихъ у него подъ руками текстовъ. Не все, что у него было подъ руками (напр. сборникъ пѣсенъ собранныхъ З. Д. Ходаковскимъ былъ имъ же пріобрѣтенъ), издано. Послѣдняго начатаго въ 1849 г. въ Кіевѣ

«Сборника украинскихъ пѣсенъ» (8° 116) не знаю по какой причинѣ появился въ свѣтъ только первый выпускъ, содержащій 20 думъ и начало «женскихъ пѣсенъ (21—40: пѣсни колыбельныя и материнскія). Въ томъ же II томѣ собранныхъ сочиненій перепечатана еще изъ «Русской Бесѣды статья: «Дни и мѣсяцы Украинскаго селянина», разсказывающая народныя вѣрованія о явленіяхъ природы и передающая событія и занятія изъ жизни простолюдина. Жаль, что сообщенія Максимовича прервались на трехъ весеннихъ мѣсяцахъ (мартѣ, апрѣлѣ, маѣ).

Для славянской филологіи самый важный матеріалъ содержится въ III томѣ сочиненій Максимовича. Укажемъ главнѣйшія изъ нихъ. «Критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ» (изъ Ж. М. Н. Пр. 1838) касается главнымъ образомъ классификаціи славянскихъ языковъ Добровскаго и Шафарика. Максимовичъ возражалъ еще въ 1827 году противъ классификаціи Добровскаго главнымъ образомъ потому, что у него русскій языкъ былъ представленъ какъ нѣчто единственное, безъ дальнѣйшихъ раздѣленій на нарѣчія или говоры. Онъ предложилъ съ своей стороны поправку слѣдующаго рода: Всѣ славянскіе языки надо подѣлить сначала на двѣ группы: I восточную, II западную. На востокѣ онъ различалъ два русскихъ языка: сѣверный и южный, на западѣ же двѣ группы языковъ: сѣверо-западную и юго-западную. Эта чисто географическая группировка разработана здѣсь болѣе подробно, всѣ примѣты Добровскаго подвергнуты критикѣ, въ многихъ пунктахъ вполнѣ основательной. Вѣрно напр. указано, что русскій языкъ знаетъ рядомъ съ *раз-* также форму *роз-*, знаетъ *вы-* при *из-*; указано на южно-русскій обликъ *квѣтъ*, на *птаха — пташка*. Имѣется еще много другихъ дѣльныхъ замѣчаній этого превосходнаго практическаго знатока русскаго языка. Въ 1846 г. вышли въ Кіевѣ «Начатки славянской филологіи», здѣсь они перепечатаны на второмъ мѣстѣ. И тутъ опять разбирается отношеніе русской рѣчи къ западно-славянской, критикуются прежнія попытки классификаціи и настаивается на дуализмѣ всѣхъ славянскихъ языковъ (восточныхъ — западныхъ), но рядомъ съ этимъ представлены также нѣкоторыя подробности внутри области русской, нарѣчій русскихъ. Очень обширно изложена слѣдующая статья «О полногласіи», при чемъ устраняется догадка о финскомъ вліяніи или о вліяніи климата, но авторъ впалъ и въ противоположную крайность сказавъ, что въ этомъ пунктѣ «остатокъ первобытной славянщины сбереженъ на русскомъ востокѣ болѣе, чѣмъ онъ сохранился у западной братьи». Истина и тутъ по серединѣ стоитъ. Разсуждая объ отношеніи церковно-слав. языка къ русскому, онъ коснулся главнымъ образомъ значенія звуковъ *ъ* и *ь*, при чемъ не-

вѣрно сказано, что когда-то произносилось *сомереть* или *семереть* (съ ссылкой на простонародное «семерётушка»). Возвращаясь вторично къ подробному разбору примѣтъ Добровскаго и Шафарика въ дѣлѣ классификаціи славянскихъ нарѣчій, Максимовичъ обогатилъ и тутъ свое изложеніе многими дѣльными замѣчаніями въ частностяхъ.

Въ томъ же томѣ отпечатаны также письма Максимовича по поводу его полемики съ Погодинымъ (и наконецъ съ П. Лавровскимъ) насчетъ старобытности малорусскаго языка. Жаль, что издатель сочиненій не устроилъ изданіе такъ, чтобы приложены были также статьи Погодина, вызвавшія этотъ замѣчательный для своего времени филологическій споръ; аргументація Максимовича, во многихъ отношеніяхъ вѣрная, была бы удобопонятнѣе. Что въ то время это разногласіе двухъ старинныхъ друзей не привело ни къ какому положительному результату, — объясняется преждевременностью поднятыхъ вопросовъ, для удовлетворительнаго отвѣта на которые тогда еще не существовало необходимыхъ предварительныхъ изслѣдованій. Да и оба спорившіе не были по этому вопросу спеціалистами. Однакожъ полемика принесла свои плоды, послуживъ толчкомъ къ болѣе внимательному обсужденію этого вопроса, послѣдовавшему вскорѣ потомъ. — Послѣдній отдѣлъ III тома посвященъ исторіи русской словесности. Тутъ перепечатана книжечка, изданная еще въ 1839 году подъ заглавіемъ «Исторія древней русской словесности», въ которой говорится не столько о литературѣ, сколько о языкѣ и опять о развѣтвленіи его на нарѣчія. Максимовичъ любилъ повторяться; разсуждать о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій другъ къ другу было его любимымъ занятіемъ; разсказъ его почти всегда занимателенъ, производитъ впечатлѣніе образованнаго начитаннаго человѣка, хотя бы безъ спеціальной филологической подготовки. Максимовичъ взялся также за объясненіе Слова о полку Игоревѣ, но замѣчанія его по большей части эстетическаго свойства, хотя есть также указанія на параллели изъ лѣтописей.

Нѣкоторое сходство не трудно замѣтить между Максимовичемъ и Николаемъ Ивановичемъ Костомаровымъ (1817—1885). Оба они были уроженцы юга, оба любили народное творчество, у обоихъ было тонкое поэтическое чутье, у обоихъ приблизительно то же міровоззрѣніе, искреннее желаніе примирить любовь къ родной странѣ украинской и всѣмъ ея бытовымъ особенностямъ съ требованіями общерусскими, не допускавшими лишняго дробленія русскаго культурнаго и политическаго единства. Родомъ изъ Воронежской губерніи, такъ сказать, на рубежѣ двухъ русскихъ народностей, онъ вышелъ по характеру въ свою мать, чистую малороссіянку. Окончивъ гим-

назію въ Воронежѣ, онъ продолжалъ университетское образованіе въ Харьковѣ. Представленная имъ въ 1842 году диссертація «О значеніи уніи въ Западной Россіи» не была допущена къ диспуту (въ переработанномъ видѣ подъ заглавіемъ «Южная Русь въ концѣ XVI вѣка» она вошла въ III томъ «Историческихъ монографій», новаго изданія 1905 года). Въ 1843 году онъ представилъ новую диссертацію «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи» (Харьковъ, 1843, 8⁰ 214), свидѣтельствующую о его преклоненіи передъ народной поэзіей, которая тогда одушевляла почти весь славянскій міръ. Онъ самъ говорилъ, что у него любовь къ малорусскому языку и народности проснулась, когда онъ познакомился съ малорусскимъ народнымъ творчествомъ по изданіямъ Максимовича и когда чтеніе Гоголя раскрыло передъ его глазами всю прелесть Украйны. Будучи романтикомъ въ родѣ Максимовича, съ большимъ смысломъ историческимъ, онъ искалъ въ произведеніяхъ народнаго творчества не по началамъ Гриммовой науки отклики миѳологическіе, а отраженіе, болѣе или менѣе вѣрное, народнаго характера и воспоминаній историческихъ. Вѣря въ изреченіе «пѣсня быль», Костомаровъ называлъ народную поэзію памятникомъ «воззрѣній народа самого на себя и на все окружающее», разсматривалъ же ее въ трехъ видахъ какъ отраженіе народной жизни духовной, исторической и общественной. Въ главѣ I и II разбирается «Жизнь духовная» въ откликахъ о религіи и природѣ (съ анализомъ символики изъ царства растительнаго 28—63 и изъ царства животнаго 63—89); въ главѣ III—IV «Историческая жизнь русскаго народа» касается воспоминаній, сохранившихся въ поэзіи малорусской (91—111) и великорусской (112—118); въ главѣ V и VI «Общественная жизнь русскаго народа» содержитъ по его анализу слѣдующіе типы: у малоруссовъ — козакъ, чумакъ, бурлакъ, поселянинъ какъ парубокъ, мужъ, рекрутъ, дивчина, молодиця, мать, панъ, жидъ, полякъ, москаль, невѣрный (119—191), у великоруссовъ—царь, бояринъ, удалой молодецъ, бродяга, разбойникъ, козакъ, солдатъ (192—214). Уже здѣсь несравненно подробнѣе представлена поэзія малорусская, чѣмъ великорусская. Диссертація эта переработана потомъ имъ же и расширена, но съ ограниченіемъ на малор. поэзію, подъ заглавіемъ «Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества», сначала въ Бесѣдѣ 1872 и въ Русской Мысли 1880—1883, потомъ въ полномъ объемѣ въ XXI томѣ собранныхъ сочиненій (въ новомъ изданіи въ VIII томѣ стр. 429—1081).

Любимымъ развлеченіемъ Костомарова было присматриваться ко всѣмъ явленіямъ жизни простого народа; его хожденіе въ народъ въ молодые годы бросалось даже въ глаза и навлекало на него подозрѣніе. Сначала

онъ состоялъ учителемъ въ гимназіи въ Ровнѣ и въ Кіевѣ, а въ 1846 г. получилъ каѳедру русской исторіи въ Кіевскомъ университетѣ. Въ это время появилась написанная имъ въ духѣ того времени «Славянская миѳологія» (содержаніе изложено у Пыпина Истор. р. этногр. III. 175—179). Вскорѣ разразилась бѣда надъ Костомаровымъ. Какъ членъ Кирилло-меѳодіевскаго Общества, славянолюбительскія тенденціи котораго (мечта о федераціи всѣхъ славянъ) показались тогдашнему правительству опасными, онъ былъ заключенъ въ тюрьму (какъ и Шевченко). Просидѣвъ цѣлый годъ (1847) въ Петропавловской крѣпости, онъ былъ сосланъ въ Саратовъ съ запрещеніемъ принимать участіе въ литературѣ. Здѣсь онъ состоялъ секретаремъ стат. комитета. Занимаясь усердно южно-русской исторіей, онъ кончилъ здѣсь монографіи о Богданѣ Хмельницкомъ, о Стенькѣ Разинѣ и рядъ другихъ работъ. Когда въ 1856 г. разрѣшена ему была лишь ограниченная свобода, онъ сталъ кряду выпускать въ свѣтъ свои уже приготовленныя изслѣдованія, сначала въ либеральныхъ журналахъ (Отеч. Запискахъ и Современникѣ) о Богданѣ Хмельницкомъ, въ 1858 г. послѣдовалъ «Бунтъ Стеньки Разина», въ 1860 г. «Очерки быта, домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа» (въ Современникѣ), въ 1861 г. замѣчательная статья «Двѣ русскія народности», въ 1863 «Сѣверно-русскія народоправства», въ 1868 «Смутное время» и т. д. Художественно написанныя историческія монографіи доставили автору въ 1859 г. (послѣ Устрялова) каѳедру русской исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, но и эта дѣятельность его вскорѣ прекратилась. Вспыхнувшія въ началѣ 60-ыхъ годовъ студенческія волненія устранили и его навсегда отъ занимаемой имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ каѳедры (Сл. подробности у Барсукова въ «Ж. и тр. Погодина», т. XIX, стр. 94—112). Съ тѣхъ поръ онъ жилъ, состоя членомъ археографической комиссіи, исключительно для литературы и науки, обогативъ ихъ рядомъ великолѣпныхъ трудовъ, вращающихся въ области исторіи и словесности. Не вдаваясь въ оцѣнку его историческихъ монографій, пріобрѣвшихъ ему названіе историка-художника — онѣ собраны подъ общимъ заглавіемъ «Историческія монографіи и изслѣдованія», XXI томъ (по 2-му изданію 1872 года — въ изданіи 1905 года въ 8 томахъ) — ограничимся указаніемъ на большой интересъ его для этнографіи и древней письменности. Онъ участвовалъ своимъ матеріаломъ въ изданіяхъ народныхъ пѣсенъ (1859 г. въ Саратовѣ подъ редакціей Мордовцева, 1862 г. въ четвертой книжкѣ «Лѣтописей» Тихонравова; противъ подлинности нѣкоторыхъ изъ пѣсенъ, сообщенныхъ въ этихъ двухъ изданіяхъ, сдѣланы возраженія, сл. у Пыпина въ Истор. р. этногр. III. 183) и взялъ на себя редакцію нѣсколькихъ томовъ

богатаго матеріала, собраннаго въ экспедиціи Чубинскаго въ юго-западный край: III томъ содержитъ «Народный дневникъ», IV т. обряды, V т. пѣсни.

Несмотря на несомнѣнныя романтическія черты въ характерѣ Костомарова и его любовь къ славянству, онъ не раздѣлялъ взглядовъ московскихъ славянофиловъ. Еще подъ конецъ его жизни, въ бытность мою въ Петербургѣ, мы съ нимъ и Пыпинымъ поговаривали о томъ, какъ слѣдовало бы въ Петербургѣ, въ противовѣсъ Славянскому благотворительному Обществу, учредить кружокъ истинныхъ любителей славянства въ чисто культурномъ направленіи. Но мы опасались, что такое собраніе не было бы разрѣшено, да и Костомаровъ тогда уже похварывалъ и вскорѣ скончался. Изъ большого числа статей не вошедшихъ въ его собраніе сочиненій припомнимъ изданіе «Горя злосчастія» съ его замѣчаніями въ «Современникѣ» (1856 г., т. LVI, отд. I, 49—68) и о миѳическомъ значеніи его (ib. LIX, отд. II, 113—124). Въ Отеч. Запискахъ 1857 г. (№-ѣ 6 и 9) онъ напечаталъ отзывъ о «Запискахъ о южной Руси» Кулиша. Въ «Русскомъ Словѣ» 1860 г. о Литовской народной поэзіи.

Вопросъ о происхожденіи или началѣ Руси очень интересовалъ его, въ мартѣ 1860 г. состоялся даже диспутъ въ родѣ поединка между нимъ и Погодинымъ. См. объ этомъ отчетъ М. Погодина въ «Русской Бесѣдѣ» (1860 г., кн. I. Смѣсь 149—171) и Костомарова въ Современникѣ (т. LXXX № 3, отд. I, 257—292 и LXXXI № 5, отд. III, 73—83). Тамъ же (т. LXXIX № I, отд. I, 1—32) вышла его статья «Начало Руси», вызвавшая цѣлую полемику (см. объ этомъ разсказъ у Барсукова «Ж. и тр. Погодина» т. XVIII. 272—323). Право малорусскаго языка на вниманіе со стороны Государства онъ отстаивалъ очень часто и по разнымъ поводамъ, напр. въ полемикѣ съ Катковымъ (сл. у Барсукова, т. XX, стр. 325—353) и во многихъ статьяхъ Вѣстника Европы за 1881 и 1882 годы. Изданіе южно-русскихъ народныхъ пѣсенъ Антоновича и Драгоманова онъ разобралъ въ Вѣстникѣ Европы за 1874 г. № 12 (подъ заглавіемъ «Историческая поэзія и новые ея матеріалы»). О Шевченкѣ см. статейку въ Русской Старинѣ 1880 г. (587—600). Для древней русской письменности онъ далъ починъ изданію «Памятниковъ старинной русской литературы», въ четырехъ выпускахъ in folio (СПб. 1860—1862); выпускъ третій приготовленъ къ печати А. Пыпинымъ, прочіе три Костомаровымъ. Прекрасная характеристика Костомарова представлена А. Н. Пыпинымъ въ III томѣ его «Исторіи русской этнографіи», стр. 151—187. См. еще статью въ изданіи Иконникова «Біографическій словарь профессоровъ Имп. унив. св. Владиміра». Кіевъ 1884,

стр. 283—297, и самого Костомарова: «Литературное наслѣдіе». Автобіографія, стихотвореніе, сцены, историческіе отрывки, малорусская народная поэзія — послѣдняя работа... (Спб. 1890 г.).

Съ Костомаровымъ имѣлъ близкія сношенія въ молодости Пантелеймонъ Ал. Кулишъ (1819—1897). Они встрѣтились въ гимназіи, потомъ какъ молодые учителя въ Ровнѣ и въ Кіевѣ. Оба принимали участіе въ Кирилло-меѳодіевскомъ обществѣ, за что и пострадали лишеніемъ свободы. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ оба они сотрудничали въ журналѣ «Основа», посвященномъ спеціально малорусскимъ интересамъ. Кулишъ извѣстенъ въ русской, въ частности малорусской литературѣ, множествомъ повѣстей и романовъ изъ южнорусской жизни, кромѣ того историческими и этнографическими трудами, не имѣющими, правда, того значенія, какъ однородныя произведенія Костомарова. По части этнографіи припомнимъ его еще въ 1847 году въ Москвѣ напечатанный, но только въ Чтеніяхъ 1893 кн. I изданный трудъ «Украинскія народныя преданія», 8⁰ I—IV, 1—90. Въ первомъ отдѣлѣ подобраны преданія историческія (1—65), во второмъ преданія фантастическія (66—84). Кулишъ коснулся также малорусскаго языка, попытавшись замѣнить этимологическую исторически сложившуюся орѳографію фонетической, подходящей ближе къ звуковымъ особенностямъ малорусск. языка. Эга попытка, представляющая первый шагъ къ нынѣшнему правописанію, извѣстна въ исторіи малорусскаго языка подъ названіемъ «кулишовки». Онъ предложилъ свою реформу, примѣнивъ ее практически въ важнѣйшемъ изъ его трудовъ, входящихъ въ область слав. филологіи: «Записки о южной Руси» (два тома 1856—7). Сочиненіе это свидѣтельствуетъ о замѣчательно живой наблюдательности автора, не ограничившагося простой передачею текстовъ собраннаго имъ матеріала, а снабдившаго ихъ прекрасно нарисованными картинами реальной обстановки. Трудъ его производитъ на читателя впечатлѣніе, будто бы онъ вошелъ въ этнографическій музей. Еще въ началѣ сороковыхъ годовъ (1843) онъ собирался издать собранный имъ матеріалъ, мечталъ даже о томъ, какъ бы изъ думъ составить по примѣру Гомера одинъ эпосъ, которому онъ далъ бы названіе «Украйна»! Въ 1857 г. онъ напечаталъ небольшую грамматику («граматка») малорусскаго языка, которая въ 1861 году вышла вторымъ изданіемъ. Книжечка разошлась въ большомъ количествѣ экземпляровъ, такъ что иные приписывали ему большую прибыль. Въ характерѣ Кулиша, этого во всякомъ случаѣ замѣчательнаго явленія въ средѣ русскихъ украинцевъ,—не трудно подмѣтить много неровностей, колебаній то въ ту то въ другую сторону, въ особенности по запутанному вопросу объ отношеніяхъ народности малорусской къ великорусской. Не удиви-

тельно, что онъ, подыскивая правильную точку зрѣнія, перемѣнялъ свои взгляды и воззрѣнія, не переставая при этомъ сердечно любить свою Украйну, для прославленія которой онъ много сдѣлалъ своимъ плодовитымъ перомъ. Между прочимъ ему и д-ру Пулюю обязана малорусская литература переводомъ св. писанія. О Кулишѣ сл. отзывы Петрова и Огоновскаго, кромѣ того этюдъ Осипа Маковея: Панько Олелькович Куліш. Огляд його діяльности. Львів 1900. 8⁰ 169.

Вспомнимъ еще словомъ бывшаго профессора харьковскаго и кіевскаго университетовъ А. Л. Метлинскаго (1814—1870), полюбившаго народную поэзію малорусскую съ дѣтскихъ лѣтъ, еще изъ устъ своей няни. Онъ былъ скорѣе романтически настроенный любитель, чѣмъ этнографъ; эстетически наслаждался народной поэзіей, которую любилъ переводить также съ прочихъ славянскихъ языковъ; какъ собиратель онъ дорожилъ точной передачей текстовъ въ пользу изученія настоящаго народнаго языка. Хотя онъ очень рано сталъ собирать, только въ 1854 г. вышло его изданіе «Народныя южно-русскія пѣсни» (Кіевъ, XVIII. 472), содержащее думы (въ числѣ ихъ нѣкоторыя считаются нынѣ подложными, на стр. 373, 374, 436 и 434) и лирическія пѣсни. Сборникъ пользуется и теперь еще хорошей репутаціей по большой точности. Въ пользу свободнаго развитія малорусскаго языка онъ ломалъ копье въ «Замѣткахъ относительно южно-русскаго языка», напечатанныхъ какъ вступленіе (стр. 3—35) къ его стихотвореніямъ: «Думки и писни та шче де-шчо Амвросія Могилы» (Харьковъ 1839), а также въ «Южномъ русскомъ зборникѣ», изданномъ имъ же въ 1848 г. въ Харьковѣ. О поэтической дѣятельности его имѣется монографія Кирилла Студинскаго въ XXVI томѣ краковскихъ «Rozpraw wydziału filologicznego»: «Charakterystyka i geneza poetycznych utworów Ambrożego Metlińskiego» (отд. отт. 1—51). Студинскій издалъ также «Думки і пісні Амврозия Метлиньского» въ Львовѣ 1897. 8⁰ 99. Біографію его написалъ Дашкевичъ для біографическаго словаря профессоровъ университета св. Владимира (Кіевъ 1884) на стр. 409—423.

Почти за двадцать лѣтъ раньше вышелъ (въ Петербургѣ, въ 1836 году) сборникъ П. А. Лукашевича: «Малороссійскія и Червонорусскія народныя думы и пѣсни», въ которомъ оказалось нѣсколько замѣчательныхъ думъ, только безъ точнаго обозначенія мѣста, гдѣ онѣ найдены. Издатель, впрочемъ, извѣстенъ своими странными сочиненіями, въ родѣ «Чаромутія» (1846) и «Всесвѣтнаго славянскаго чаромутія» (1855). До конца своей жизни († 1887) онъ, говорятъ, продолжалъ печатать филологическія книжки дикаго содержанія, свидѣтельствовавшія о не вполнѣ нормальномъ психиче-

скомъ состояніи автора (Кіевская Старина. 1887, кн. I). Мнѣ онѣ неизвѣстны. Сл. о немъ въ Исторіи русской этнографіи А. Н. Пыпина III. 139—146.

Съ галицкой стороны подходитъ къ этимъ славянофиламъ-малороссамъ и романтикамъ Яковъ Головацкій, превратившійся во второй половинѣ своей жизни изъ ревнителя галицкаго областного движенія въ представителя «старорусской», свято-юрьевской партіи, задача которой сводилась къ поддержкѣ культурно-литературныхъ связей съ общерусскимъ языкомъ и литературой, противъ чего нельзя было бы много возражать, если бы сторонники этой партіи не относились отрицательно къ стремленіямъ того большинства, которое раздѣляетъ вполнѣ оправданное убѣжденіе, что народу слѣдуетъ дать просвѣщеніе на основаніи понятнаго ему языка. Уроженецъ Галиціи, сынъ священника (род. 1814 г.), онъ получилъ образованіе въ Львовѣ; въ университетѣ привлекало его вниманіе кромѣ русскаго языка и литературы, также славяновѣдѣніе вообще, въ томъ преимущественно этнографическомъ направленіи, которое въ тѣ годы между всѣми славянами было въ большомъ ходу. Изданіе народныхъ пѣсенъ малорусскихъ Максимовича, русскихъ и польскихъ Вацлава Залѣскаго и Жеготы Паули произвели на него большое впечатлѣніе и давали опредѣленное направленіе его работамъ, которыя въ частной библіотекѣ графа Яна Тарновскаго, гдѣ у него были нѣкоторое время занятія, нашли богатую пищу также для церковно-славянской и древне-русской письменности. Другомъ и товарищемъ его въ этихъ занятіяхъ былъ Вагилевичъ.

Познакомившись въ Пештѣ съ Колларомъ и нѣкоторыми южными славянами, Головацкій сдѣлался вскорѣ для русской Галиціи такимъ же представителемъ славянской взаимности, какими были въ то время всѣ славянскіе дѣятели, стоявшіе болѣе или менѣе подъ вліяніемъ Яна Коллара. Съ Россіей онъ поддерживалъ сношенія черезъ Бодянскаго, Погодина и Срезневскаго. Кончивъ богословскій факультетъ въ Львовѣ, Головацкій получилъ въ 1842 году мѣсто священника въ одной деревнѣ, но считался подозрительной личностью изъ-за участія въ альманахѣ «Русалка Днѣстровая» и въ другихъ изданіяхъ національнаго малорусскаго направленія, напримѣръ, въ «Вѣнкѣ Русинамъ на обжинки». Онъ поднималъ свой голосъ въ пользу малорусской народности также въ нѣмецкомъ журналѣ Jahrbücher лужичанина Іордана (въ Лейпцигѣ 1844—6 г.), а чешскій «Časopis» сообщалъ статьи о его этнографическихъ поѣздкахъ и разысканіяхъ по Галиціи. Статьи Головацкаго касались то изданія народныхъ пѣсенъ, то описанія народныхъ обычаевъ, то разработки отдѣльныхъ вопросовъ изъ исторіи страны. Важнымъ

для своего времени было его разсужденіе о южно-русскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ, оно читано въ 1848 г., напечатано же въ 1850 году во Львовѣ, въ изданіи «Историческій очеркъ основанія галицко-руской матицѣ», подъ заглавіемъ: «Розправа о изыцѣ южнорускôмъ и его нарѣчіяхъ», стр. 17—80. Статья отличалась правильными взглядами относительно затронутаго вопроса. Она выдвинула сразу значеніе автора какъ знатока малорусскаго языка, такъ что къ концу 1848 г. онъ получилъ профессуру малорусскаго языка и литературы въ Львовскомъ университетѣ. Первыя три вступительныя лекціи его на этой каѳедрѣ вышли иждивеніемъ Матицы галицкой въ 1849 году. Въ томъ же году также издана его «Грамматика руского языка» (8⁰ 219), въ которой основаніемъ научнаго анализа послужило не мѣстное галицкое нарѣчіе, а украинское. Авторъ тогда еще выходилъ изъ предположенія самостоятельности этого языка какъ особенной славянской вѣтви, нисколько не подчиненной великорусскому языку. Эту точку зрѣнія онъ раздѣлялъ еще въ 1861 году, когда выступилъ на защиту кирилловскаго письма противъ попытокъ польско-австрійской католической партіи ввести въ употребленіе латинское письмо; это онъ сдѣлалъ своимъ сочиненіемъ: Die ruthenische Sprach-und Schriftfrage in Galizien (во Львовѣ).

Когда галицкая «Матица» стала издавать «Науковый сборникъ» (съ 1865 года), Головацкій участвовалъ въ немъ многими статьями; важнѣе всѣхъ было его изданіе грамотъ, продолжавшееся въ томахъ за 1865—1867 годы, подъ заглавіемъ: «Памятники дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русского въ древнемъ галицко-володимирскомъ княжествѣ и въ смежныхъ русскихъ областяхъ со второй половины XIV столѣтія». Въ употребленіи литературнаго языка Головацкій изъ году въ годъ дѣлался консервативнѣе, удаляясь отъ украинскаго нарѣчія и вводя языкъ великорусскій, вслѣдствіе чего выходила помѣсь, не соотвѣтствовавшая вкусамъ большинства писателей. И въ орѳографіи онъ придерживался историческаго направленія, стремившагося не порвать во внѣшнихъ обликахъ связи съ общерусскимъ видомъ словъ. Потребности культуры (общенародное образованіе, введеніе народнаго языка въ школы и мало-по-малу въ администрацію) шли въ разрѣзъ съ этимъ консервативнымъ направленіемъ, которому изъ-за политическихъ соображеній не сочувствовало также австро-галицкое правительство. Такимъ образомъ неудивительно, что изъ-за ничтожныхъ причинъ профессорская дѣятельность Головацкаго во Львовѣ была пріостановлена (въ 1867 году), поѣздка же его на московскую этнографическую выставку и рѣчь его, произнесенная въ Петербургскомъ дворянскомъ собраніи въ смыслѣ и духѣ народнаго единства всѣхъ Русскихъ (Огоновскій назвалъ ее

«панславистичной бесѣдой»), испортили его положеніе въ Галиціи окончательно. Онъ получилъ, правда, отъ русскаго правительства мѣсто предсѣдателя археографической комиссіи въ Вильнѣ, но для просвѣтительной дѣятельности Галиціи въ національно-малорусскомъ направленіи онъ былъ потерянъ.

Труды Головацкаго, помѣщенные въ русскихъ изданіяхъ, вращались и потомъ въ области юго-западной Россіи, преимущественно Галиціи; это были изслѣдованія библіографическія, изданіе грамотъ со снимками, и изданный въ 1884 г. въ Вильнѣ: «Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ» (8⁰ XXXII. 371). Въ этомъ изданіи онъ представилъ русской литературѣ подлинныя западно-славянскія и юго-славянскія названія мѣстъ взамѣнъ тѣхъ, которыя были въ русской литературѣ въ употребленіи въ нѣмецкой формѣ, высказавъ естественное желаніе, чтобы русскій литературный языкъ давалъ предпочтеніе подлиннымъ славянскимъ названіямъ. Въ принципѣ Головацкій былъ правъ, только требованія его не соблюдали необходимой мѣры. Достаточно было ограничиться тѣми названіями, которыя дѣйствительно и теперь еще живутъ въ постоянномъ употребленіи у уроженцевъ-славянъ даннаго мѣста. Но гдѣ бывшая когда-то славянская мѣстность онѣмечена, едва ли цѣлесообразно отыскивать старыя, отжившія уже славянскія названія. Въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно, въ новѣйшее время исправляется географическая номенклатура въ русскихъ учебникахъ, газетахъ, журналахъ: вмѣсто Аграмъ, Лайбахъ, Рагуза, Будвейсъ и т. д. стали писать Загребъ, Любляна, Дубровникъ, Будѣёвицы и т. д., но Вѣна, Дрезденъ, Потсдамъ и т. д. могутъ такъ и остаться въ общепринятой иностранной формѣ. Головацкій скончался въ 1888 году. Самымъ важнымъ трудомъ его были собранныя имъ и изданныя Бодянскимъ (упомянутыя уже на стр. 464) «Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси» (въ «Чтеніяхъ» за 1863—1865 годы). Обширно распространяется объ этомъ изданіи Огоновскій въ ч. IV своей «Исторіи литературы рускои» 106—119, гдѣ затронута также полемика, происшедшая изъ-за этого изданія между Пыпинымъ и Головацкимъ. У Головацкаго была значительная переписка, разборомъ которой занятъ професоръ К. Студинскій («Кореспонденция Якова Головацького в лїтах 1850—62» эта часть вышла въ Львовѣ 1905 г., старшая же, еще болѣе примѣчательная, выйдетъ вскорѣ). Въ «Введеніи» къ изданнымъ уже письмамъ (стр. I—CLXI), авторъ подробно разсказываетъ исторію борьбы за народный языкъ и фонетическое правописаніе, критикуетъ нѣсколько недружелюбно дѣятельность Головацкаго, двигавшуюся въ противоположномъ направленіи. Съ рус-

ской точки зрѣнія, укажемъ на отзывы, собранные Барсуковымъ въ «Жизни и трудахъ М. П. Погодина», т. XVIII, стр. 124—143. Автобіографическія воспоминанія Я. Головацкаго напечатаны въ «Литературномъ сборникѣ», изданномъ галицко-русской Матицею во Львовѣ за 1885 и 1886 гг.

Къ кругу малорусскихъ славянофиловъ можно причислить еще Ивана Вагилевича (1811—1866), въ жизни котораго многія черты напоминаютъ друга его молодости Головацкаго. Вагилевичъ изъ уніатскаго священника вышелъ подъ конецъ жизни протестантомъ, Головацкій принялъ православіе. Вагилевичъ отъ малороссовъ перешелъ въ лагерь польскій, Головацкій въ лагерь великорусскій. Тотъ и другой занимались славянской этнографіей, собирали народныя пѣсни. Вагилевичъ былъ также въ перепискѣ съ Погодинымъ, но это было раньше, чѣмъ онъ примкнулъ къ польской партіи (1836—1846, см. Письма къ М. П. Погодину, изданныя Ниломъ Поповымъ, стр. 622—651). Вагилевичъ любилъ, какъ и Головацкій, предпринимать этнографическія путешествія, статьи его объ этихъ путешествіяхъ выходили въ переводѣ на чешскій языкъ, въ Č. Č. M. 1838, 1839, 1840 и 1841 гг. (о бойкахъ, о гуцулахъ, о упыряхъ и вѣдьмахъ). Тутъ заходила, между прочимъ, рѣчь о мнимомъ открытіи рунической надписи въ пещерѣ Розгорецкой, о чемъ уже раньше Погодинъ поспѣшилъ сообщить русской публикѣ въ «Московскомъ Наблюдателѣ» за 1836 г., № 7. Вагилевичъ сообщилъ о своемъ открытіи также Шафарику, но тотъ не могъ ничего разобрать. Въ 1845 г. вышла во Львовѣ на польскомъ языкѣ его «Grammatyka języka małoruskiego w Galicii, ułożona przez Jana Wagilewicza». (Lwów 1845, 8⁰. XXIII. 181). Хотя авторъ не составилъ себѣ точныхъ понятій о малорусскомъ языкѣ и о его отношеніяхъ къ великорусскому и польскому языкамъ, все же книга его богата драгоцѣнными діалектологическими данными. Въ малорусскомъ языкѣ онъ находилъ два нарѣчія, галицкое и кіевское[1]).

Подружившись съ Августомъ Бѣлёвскимъ, Вагилевичъ перевелъ для I тома «Monumenta Poloniae historica» такъ называемую Несторову лѣтопись на польскій языкъ (Latopis Nestora z dodatkiem Monomacha nauki i listu do Olega, w originale i polskiem tłumaczeniu wydali i objasnili August Bielowski i Jan Wagilewicz). Онъ принялъ также участіе во второмъ изданіи

1) О старшихъ грамматикахъ малорусскаго языка сл. статью д-ра Осипа Маковея: «З історії нашої фільольогії. Три галицьки грамматики». У Львові 1903. 8⁰ 96. Перечень библіографическій также въ «Отчетѣ» А. Кочубинскаго въ XVIII томѣ Одесскихъ университетскихъ Записокъ, стр. 49—52.

словаря Линде (1854—1860), какъ свидѣтельствуютъ слова Бѣлёвскаго (томъ I, стр. 14). Было даже, говорятъ, намѣреніе издать дополнительный томъ (вмѣстѣ съ Шайнохой), но до этого дѣло не дошло. Въ рукописномъ собраніи института Оссолинскихъ во Львовѣ хранится нѣсколько рукописныхъ статей Вагилевича филологическаго содержанія, которыя онъ самъ не успѣлъ напечатать, подъ заглавіемъ «Badania filologiczne przez Jana Wagilewicza» (1856). Между прочимъ тутъ имѣется переводъ Слова о полку Игоревѣ по малорусски (изданъ въ III томѣ библіотеки Оныцкевича, 1884) и по польски (еще не изданъ). Огоновскій ставилъ Вагилевича, какъ филолога, выше Якова Головацкаго, хотя грамматикѣ Головацкаго отдавалъ предпочтеніе передъ сочиненіемъ Вагилевича. Его собраніе народныхъ пѣсенъ вышло еще въ 1837 г. въ «Русалкѣ Днѣстровой» (стр. IX—XX, 1—58).

Возвратимся къ этнографамъ великорусскимъ. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ пользовался большой извѣстностью среди русскихъ этнографовъ И. П. Сахаровъ (1807—1863). Сынъ священника въ Тулѣ, Сахаровъ кончилъ университетъ по медицинскому факультету, и затѣмъ сталъ интересоваться болѣе вопросами народной жизни и бытовой старины, чѣмъ физическимъ здоровьемъ человѣка. Начавъ съ описанія родного края—Тульской губерніи (1831 и 1832), онъ вскорѣ расширилъ рамку своихъ изслѣдованій на совокупную духовную жизнь русскаго народа какъ въ современномъ его состояніи, такъ и въ старину. Подъ заглавіемъ «Сказанія русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ» онъ началъ издавать въ 1836 и 1837 годахъ сочиненіе, обратившее на себя всеобщее вниманіе, претендовавшее на немаловажную роль быть вѣрнымъ зеркаломъ духовной жизни не только современныхъ русскихъ, а также ихъ предковъ; объ утратѣ многихъ чертъ ея авторъ жалѣлъ и хотѣлъ по крайней мѣрѣ въ наукѣ возстановить ихъ.

Свѣдѣнія объ этой русской старинѣ онъ почерпалъ не изъ глубокаго и внимательнаго изученія древнихъ памятниковъ, хотя и пользовался кой-чѣмъ, что подвернулось подъ руку, а по большей части изъ наблюденій надъ современнымъ бытомъ, изъ разъѣздовъ по нѣкоторымъ великорусскимъ губерніямъ, прислушиваясь къ разнымъ явленіямъ современной народной жизни (пѣснямъ, сказкамъ, преданіямъ, вѣрованіямъ), не тронутой еще, какъ ему казалось, западно-европейскою культурою, къ которой онъ относился враждебно. Какимъ-то духомъ доморощеннаго самомнѣнія вѣетъ отъ всѣхъ изданій Сахарова, совсѣмъ отличнымъ отъ гуманно-сердечнаго отношенія Якова Гримма къ преданіямъ народа. Быть можетъ, ужасная некультурность окружавшей его среды (въ Тульской губерніи), дѣйствительно, затѣвала преслѣдованіе молодого

ревнителя въ пользу русской народности, но тѣмъ страннѣе его вражда противъ иностраннаго культурнаго вліянія, когда онъ самъ сознавался, что его защитили и оберегли именно культурные на европейскій ладъ образованные люди (князь Голицынъ). Но этотъ задоръ, какъ вѣрно замѣчаетъ Пыпинъ (Истор. рус. этногр. III, 291), прощался ему въ виду новости любопытнаго содержанія, всего собраннаго имъ въ «Сказаніяхъ», провѣрить содержаніе которыхъ тогда еще современная критика не была въ состояніи. Самъ онъ относился къ своимъ предшественникамъ съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ, о себѣ же былъ очень высокаго мнѣнія.

Вопросы, затрогиваемые Сахаровымъ въ «Сказаніяхъ русскаго народа», принадлежатъ вовсе не къ легкимъ. На первомъ планѣ были такіе, какъ «славянорусская миѳологія»—его попытка замѣнить существовавшія до тѣхъ поръ въ русской литературѣ «баснословія» и миѳологіи должна быть названа вполнѣ неудавшейся. Статьи его о «Пѣсняхъ русскаго народа» и о «Словѣ о полку Игоревѣ» ограничивалась библіографическими данными и передачею чужихъ мнѣній и взглядовъ. Такого же характера было и все прочее содержаніе «Сказаній», напримѣръ, о русскихъ народныхъ праздникахъ. Много страннаго содержитъ статья о «русскомъ чернокнижіи» (характеристика у Пыпина И. р. э. I, стр. 296—300). «Сказанія» встрѣтили радушный пріемъ и выходили нѣсколько разъ, третье изданіе въ двухъ томахъ, раздѣленное на восемь книгъ, вышло въ 1841 г. (I томъ, книги 1—4) и въ 1849 г. (II томъ, книги 5—8). Отдѣльно изданы «Пѣсни русскаго народа», пять частей въ маленькихъ книжкахъ 16⁰ (1838—1839), преимущественно лирическаго содержанія съ произвольной классификаціей, придуманной авторомъ. Въ 1-й книжкѣ напечатаны «Святочныя пѣсни» подъ отдѣльными заглавіями: п. подблюдныя, игорныя, обрядныя; во 2-й книжкѣ хороводныя пѣсни, плясовыя пѣсни; въ 3-й книжечкѣ свадебныя пѣсни, съ подраздѣленіемъ на: п. сговорныя, п. дѣвицъ на дѣвичникѣ, п. шуточныя, п. семейныя, п. обрядныя; въ 4-й книжкѣ опять пѣсни семейныя, разгульныя, удалыя, солдатскія, казацкія, историческія, обрядныя, колыбельныя; въ 5-й книжкѣ былины русскихъ людей, вынутыя будто бы изъ рукописей купца Бѣльскаго, на самомъ же дѣлѣ изъ Кирши Данилова. Прибавленъ еще текстъ Слова о полку Игоревѣ съ библіографическими указаніями и полемикой противъ скептиковъ, отвергавшихъ подлинность слова. Въ каждомъ томикѣ прибавлены варіанты и еще сравненія изъ родственныхъ языковъ: малорусскаго, червонорусскаго, словацкаго, сербскаго. Хотя издатель увѣрялъ, что почти весь матеріалъ собранъ имъ самимъ (упомянуты еще четыре сотрудника), доказано все-таки, что онъ

бралъ также и изъ печатныхъ источниковъ (напримѣръ, изъ Чулкова), сл. у Пыпина, И. р. э. I. 301—302.

Но Сахаровъ не ограничился только матеріалами простонароднаго творчества, во второмъ томѣ его «Сказаній» (по изданію 1849 г.) имѣются также перепечатки различныхъ старинныхъ текстовъ, не удовлетворяющія, правда, критическимъ требованіямъ, но все-таки для своего времени полезныя. Серьезное усердіе появившихся вскорѣ другихъ собирателей въ области русской этнографіи развѣнчало Сахарова, быть можетъ, даже нѣсколько поспѣшно; за нимъ водились свои грѣшки, но были же и заслуги; по письмамъ его къ Бодянскому (въ Чтеніяхъ 1893, кн. 3) можно убѣдиться, что Сахаровъ былъ дѣйствительно большой знатокъ въ библіографіи древне-русской письменности, могъ давать полезныя указанія даже издателю «Чтеній». Онъ занимался также палеографіей, нумизматикой, главнымъ образомъ палеографической ея стороной («Чтенія» 1905, кн. 4, смѣсь, стр. 56).

Въ то же приблизительно время одинъ изъ московскихъ славянофиловъ Петръ Васильевичъ Кирѣевскій (1808—1856) обнаружилъ большое усердіе въ собираніи русскихъ народныхъ пѣсенъ. Онъ началъ свою собирательскую дѣятельность въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ, и она увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ, но стараніе его издать свой богатый матеріалъ (въ началѣ и срединѣ сороковыхъ годовъ, сл. объ этомъ сообщеніе у Барсукова, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. X. 13—15) встрѣтило препятствіе со стороны реакціоннаго правительства, внушившаго цензурѣ не допускать къ изданію даже памятниковъ народнаго творчества, оно знало лучше чѣмъ представители науки, что «народныя суевѣрія» и фальшивыя преданія не имѣютъ «въ ученомъ отношеніи никакого значенія», и что было бы лишне путемъ печати сохранять въ памяти народа разныя некрасивыя событія старины (напримѣръ, воспоминанія смутнаго времени и т. д.). Такимъ образомъ матеріалъ П. Кирѣевскаго могъ явиться въ свѣтъ только послѣ смерти его, начиная съ 1860 года, стараніемъ Общества Любителей россійской словесности, поручившаго эту задачу нѣсколькимъ лицамъ, въ числѣ ихъ были К. С. Аксаковъ, Вл. Даль и П. Безсоновъ, но благодаря усердію П. Безсонова, можно сказать, что онъ забралъ все въ свои руки. Только одна часть, духовные стихи, напечатана еще раньше, при жизни Кирѣевскаго, въ московскихъ «Чтеніяхъ» за 1847—48 гг. кн. 9. И это изданіе, снабженное коротенькимъ предисловіемъ, въ которомъ собиратель распространяется о своей дѣятельности въ этой области и о поддержкѣ, оказанной ему друзьями, обогатившими его собраніе (Языковымъ, Пушкинымъ, Го-

големъ, Погодинымъ, Снегиревымъ, Шевыревымъ, Кавелинымъ, Далемъ, Кольцовымъ), должно бы строго говоря послужить образцомъ для Безсонова. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Трудъ Кирѣевскаго, къ сожалѣнію, намъ не вполнѣ извѣстенъ въ настоящемъ его видѣ; во всякомъ случаѣ онъ былъ бы крупнымъ явленіемъ въ русской этнографической литературѣ. Но Безсоновъ распоряжался матеріаломъ слишкомъ безцеремонно, наложивъ на него отпечатокъ своихъ взглядовъ и своихъ толкованій, не всегда удачныхъ. Благодаря этому рвенію, отчасти похвальному, отчасти же лишнему и вредному, изданіе собраннаго матеріала разрослось на десять выпусковъ, напечатанныхъ въ Москвѣ 1860—1874 гг. Первые четыре выпуска (въ двухъ изданіяхъ), содержатъ пѣсни былевыя старшаго круга эпическихъ преданій; выпускъ пятый, по опредѣленію Безсонова, назначенъ для пѣсенъ новгородскихъ и княжескихъ, шестой и седьмой для историческихъ московскаго періода, восьмой и девятый для пѣсенъ времени Петра Великаго и восемнадцатаго столѣтія, десятый для девятнадцатаго столѣтія. Вс. Θ. Миллеръ готовитъ къ печати какъ продолженіе — изданіе бытовыхъ (лирич.) пѣсенъ.

Въ каждомъ выпускѣ рядомъ съ матеріаломъ, почерпнутымъ изъ собранія Кирѣевскаго, имѣются также пѣсни, вынутыя изъ Кирши Данилова, изъ изданія Импер. Академіи Наукъ при Извѣстіяхъ, изъ собраній Погодина, Даля, Варенцова и т. д. Есть также пѣсни, записанныя Шейномъ или Рыбниковымъ. Не всегда можно съ точностью сказать, что̀ Безсоновъ нашелъ уже въ бумагахъ П. Кирѣевскаго и что̀ онъ прибавилъ отъ себя.

До фанатизма доходила любовь къ хожденію въ народъ съ цѣлью изученія народнаго быта и собиранія матеріаловъ народнаго творчества у Павла Ивановича Якушкина (1820—1872). Онъ увлекся своей задачей настолько, что всей своей наружностью, костюмомъ и манерами, подражалъ русскому простолюдину, чего по опыту знатоковъ вовсе не нужно было для того, чтобы войти въ довѣріе народа, между тѣмъ какъ у Якушкина именно мужицкія манеры и мужицкая наружность рядомъ съ записной книжечкой и карандашомъ въ рукахъ вызывали подозрѣніе блюстителей общественнаго порядка, отъ чего онъ не разъ и пострадалъ. Якушкинъ поступилъ сначала, такъ сказать, на службу къ Кирѣевскому и, по собственнымъ его словамъ, около двадцати лѣтъ собиралъ матеріалъ для Кирѣевскаго, о которомъ всегда отзывался съ искреннимъ уваженіемъ; но въ концѣ пятидесятыхъ годовъ онъ сталъ издавать уже отъ своего имени, должно быть послѣ того, какъ у него отняли рукописи Кирѣевскаго, приготовить къ печати которыя сначала предоставлялось ему. Въ 1860 и 1865 годахъ вышли собранныя имъ русскія пѣсни, а также его «Путевыя письма» печатались въ различныхъ журналахъ

и отдѣльно. Послѣднее изданіе вышло подъ заглавіемъ: «Сочиненія П. И. Якушкина» въ СПб. 1884, 8°. CIV. 708. Въ немъ имѣются матеріалы для біографіи этого оригинальнаго человѣка по воспоминаніямъ многихъ современниковъ, далѣе напечатаны (1—160) «Разсказы и очерки» и «Путевыя письма» (169—452) и, наконецъ, «Народные стихи и пѣсни», гдѣ, какъ введеніе къ текстамъ, разсказывается о значеніи Кирѣевскаго для собиранія народныхъ пѣсенъ, о пріемахъ его редакторской дѣятельности, напоминающихъ отчасти отношеніе Вука къ своему матеріалу, съ рѣзкой выходкой противъ Безсонова и его пріемовъ (стр. 462 и слѣд.).

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ собирать матеріалы народнаго творчества и изучать народный бытъ было сопряжено съ различными препятствіями и затрудненіями. Но когда севастопольскій погромъ раскрылъ глаза правительству, въ связи съ другими коренными преобразованіями и этнографическія изслѣдованія почувствовали значительное облегченіе. Что прежде запрещалось, встрѣчало теперь даже поощреніе со стороны правительства. По почину великаго князя Константина Николаевича, предсѣдателя географич. общества, и его сотрудника А. В. Головина снаряжена была экспедиція на русскій сѣверъ (послѣ 1855 года) съ опредѣленной цѣлью изучить бытъ жителей поморскихъ странъ и рѣчныхъ побережій, у которыхъ рыболовство составляло главное средство пропитанія. Принимавшіе въ этой экспедиціи участіе русскіе писатели, какъ Островскій, Писемскій, Потѣхинъ и Максимовъ, обращали конечно вниманіе и на другія стороны народнаго быта, обогативъ свое творческое дарованіе новыми свѣжими впечатлѣніями. Важнѣе всего было то, что благодаря этимъ разысканіямъ вышло на свѣтъ неподозрѣваемое дотолѣ обиліе народной былевой поэзіи на крайнемъ сѣверѣ Россіи.

Главная заслуга въ этомъ открытіи принадлежитъ П. Н. Рыбникову (1832—1885). Съ хорошимъ университетскимъ образованіемъ и широкимъ знакомствомъ съ западными литературами онъ соединялъ унаслѣдованную въ славянофильскихъ кружкахъ московскихъ любовь и уваженіе къ произведеніямъ народнаго творчества, усматривая въ немъ отраженіе русской души, стариннаго народнаго міровоззрѣнія. Онъ началъ свою собирательскую дѣятельность въ Черниговской губерніи, но вскорѣ (1859) былъ сосланъ въ Петрозаводскъ, что для русской этнографіи имѣло важныя послѣдствія. Перенеся свою любовь къ собиранію произведеній народнаго творчества на новую, до тѣхъ поръ мало извѣстную почву, онъ открылъ здѣсь богатый родникъ эпической (былевой) поэзіи, привелъ русскихъ любителей народной поэзіи въ изумленіе своими разсказами о существованіи знамени-

тыхъ рапсодовъ, какъ Леонтій Богдановъ, Козьма Романовъ, Рябининъ, Щеголенковъ, Прохоровъ и др. Не откладывая своего открытія въ долгій ящикъ, онъ еще въ 1861 году напечаталъ въ Москвѣ первый, а въ 1862 г. второй томъ собранныхъ пѣсенъ (подъ спеціальнымъ названіемъ: Народныя былины, старины и побывальщины). И это изданіе (первые два тома) вышло на средства московскаго Общества Любителей россійской словесности, и неизбѣжный П. Безсоновъ наложилъ печать своей учености на изданіе; во второмъ томѣ «Замѣтка» его обнимаетъ — 350 страницъ! Томъ третій вышелъ уже самостоятельно въ 1864 г. въ Петрозаводскѣ, томъ четвертый въ 1867 г. въ Петербургѣ. Неожиданное богатство перваго тома привело въ тупикъ людей науки, даже столь близкихъ предмету, какъ И. И. Срезневскій. Онъ назвалъ изданіе Рыбникова «явленіемъ поразительнымъ» и сдѣлалъ намеки на позволительность недовѣрчиваго отношенія къ этимъ пѣснямъ, какъ къ искусственной поддѣлкѣ (въ родѣ Оссіана или Краледворской рукописи). Виноватъ былъ отчасти Рыбниковъ самъ, пустившій въ ходъ первый томъ безъ достаточныхъ объясненій. Ко второму тому напечаталъ П. Безсоновъ по своему обыкновенію длинное разсужденіе и толкованіе, но отъ ученыхъ, по большей части ни на чемъ не основанныхъ соображеній его, дѣло мало выиграло. Только къ третьему тому прибавлены Рыбниковымъ желанныя объясненія, развернувшія впервые любопытную страничку о существованіи сѣверновеликорусской былевой поэзіи, о носителяхъ этого запаса старинныхъ преданій и о всѣхъ внѣшнихъ условіяхъ передачи и сохраненія этого инвентаря.

Въ области великорусскаго и бѣлорусскаго народнаго творчества большія заслуги принадлежатъ собирателю этого рода матеріаловъ П. В. Шейну (1826—1900). Происхожденіемъ изъ евреевъ (род. въ Могилевѣ на Днѣпрѣ), онъ въ московской больницѣ, куда отецъ помѣстилъ его какъ калѣку на лѣченіе, полюбилъ русскаго человѣка. Принявъ христіанство (протестантскаго вѣроисповѣданія), онъ познакомился въ качествѣ скромнаго домашняго учителя съ кружкомъ сотрудниковъ въ журналѣ «Русская Бесѣда» въ Москвѣ. Поработавъ серьезно надъ своимъ самообразованіемъ и изучивъ въ широкихъ размѣрахъ русскую и нѣмецкую литературу, онъ сдѣлался съ теченіемъ времени однимъ изъ лучшихъ русскихъ этнографовъ. Собирать матеріалъ онъ началъ въ Симбирской губерніи, движеніе по учительской службѣ сблизило его потомъ съ великорусскимъ народомъ и другихъ мѣстностей. Уже въ 1859 г. въ 3 кн. моск. Чтеній вышелъ первый его матеріалъ (Русскія народныя былины и пѣсни, стр. 121—170); въ болѣе обширныхъ размѣрахъ тамъ же 1868 кн. 1, 2, 4, 1869 кн. 1, 3, 4, 1870

кн. 1, 3 (также отдѣльнымъ изданіемъ, 1870 въ Москвѣ). Онъ самъ впослѣдствіи не былъ совсѣмъ доволенъ этимъ сборникомъ, въ особенности въ отношеніи всего того, что касалось точности въ передачѣ всѣхъ оттѣнковъ языка и произношенія. Поэтому этотъ матеріалъ имъ переработанъ потомъ рядомъ съ богатыми прибавленіями въ изданіи подъ заглавіемъ: «Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Матеріалы, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ». Вышелъ пока только одинъ томъ въ двухъ выпускахъ, первый въ 1898 г., больш. 8⁰ XII. 1—376, второй 1900 г., LVIII. 377—833. Содержаніе этого тома, посвященнаго всестороннему объясненію народнаго быта видно изъ слѣдующаго обозрѣнія. Отдѣлъ первый заключаетъ въ себѣ пѣсни дѣтскія, хороводныя, плясовыя, бесѣдныя (любовныя, семейныя, юмористическія). Отдѣлъ второй пѣсни обрядовыя: А) праздничныя, Б) свадебныя (по губерніямъ); приложены еще обряды погребальные и поминальные. Будетъ ли продолжаться это изданіе, не могу сказать.

Гораздо обширнѣе разрослась дѣятельность П. В. Шейна въ этой области по отношенію къ Западному краю, по народной бѣлорусской поэзіи, которою онъ позанялся впервые въ бытность свою учителемъ въ Витебскѣ. Первый сборникъ бѣлорусскихъ пѣсенъ, собранныхъ имъ, вышелъ въ Запискахъ географ. общества по отдѣленію этнографіи, въ пятомъ томѣ, СПбгъ 1874: «Бѣлорусскія народныя пѣсни. Сборникъ П. В. Шейна». 8⁰ 566. Потомъ поддерживаемый Отдѣленіемъ русск. яз. и словесности Импер. Акад. Наукъ, онъ продолжалъ собираніе матеріала и старался о точной по возможности передачѣ его по собственнымъ записямъ и по чужимъ спискамъ (поэтому и не все въ равной мѣрѣ точно). Этотъ матеріалъ напечатанъ въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности подъ заглавіемъ: «Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ». Томъ I. 1, 1887; I. 2, 1890; томъ II. 1893, томъ III. 1903 (въ «Сборникѣ Отдѣленія» т. 41, 51, 57, 72). Послѣдній томъ, послѣ смерти Шейна, послѣдовавшей въ 1900 г., доконченъ проф. Карскимъ. Шейну, проживавшему на скромныя средства отъ пенсіи учителя, присуждались для поддержки его и въ знакъ одобренія его этнографическаго трудолюбія, различныя преміи. Въ 1875 г. присуждена ему премія Уваровская на основаніи отзыва О. Ѳ. Миллера (Отчетъ о 18 присужд. прем. графа Уварова 1875 г.), въ 1899 г. онъ получилъ вознагражденіе при первомъ присужденіи премій П. Н. Батюшкова на основаніи обширнаго разбора его этнограф. трудовъ по бѣлорусскому племени, написаннаго

проф. Карскимъ (Записки Импер. Ак. Наукъ по историко-филол. отдѣл. IV, № 1, СПбгъ 1899).

Раньше Шейна сталъ интересоваться бѣлорусскимъ языкомъ и народнымъ творчествомъ Ив. Ив. Носовичъ (1788—1877). Происхожденіемъ изъ Могилевской губерніи, онъ учительствовалъ многіе годы въ мѣстныхъ училищахъ, наконецъ былъ смотрителемъ дворянскаго училища въ Молодечнѣ, въ 1844 г. вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ сталъ принимать участіе въ предпринятыхъ по инициативѣ И. И. Срезневскаго приложеніяхъ къ «Извѣстіямъ» русскаго Отдѣленія Импер. Академіи Наукъ (1852), и въ изданіяхъ этнограф. содержанія И. Р. Географ. общества. По внѣшнему объему самый главный трудъ его представляетъ изданный въ 1870 году «Словарь бѣлорусскаго языка» 4⁰, 756 стр., обширность котораго объясняется между прочимъ внесеніемъ множества польскихъ словъ въ составъ бѣлорусскій, да и въ другихъ отношеніяхъ словарь не отличался критичностью. Собранныя имъ пословицы вышли въ 1852 г. въ академ. «Памятникахъ», потомъ въ 1867 г. въ Запискахъ геогр. общ. по отдѣленію этнографіи т. I и 1869 ib т. II вмѣстѣ съ загадками; вторично какъ изданіе Отдѣленія русск. языка и словесности (Сб. т. XII): «Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ, составленный И. И. Носовичемъ». (СПбгъ 1874, 8⁰ 232) и Сборникъ (небольшой) пѣсенъ (въ Зап. геогр. общ. по отдѣленію этнографіи т. V. СПбгъ. 1873), съ не всегда удачными объясненіями (напр., названіе «кривичи» онъ производилъ отъ слова «кровь»!).

Въ этнографической литературѣ видное мѣсто принадлежитъ П. А. Безсонову, одушевленному приверженцу московскихъ славянофиловъ и любителю народной словесности, человѣку рѣдкаго усердія и неутомимаго трудолюбія, но безъ остроумія и безъ критическаго метода въ своихъ, иногда очень многословныхъ разсужденіяхъ. Мы уже указывали на его неудачное усердіе въ изданіи сочиненій Ю. Крижанича (стр. 34), потомъ на участіе въ изданіи народныхъ пѣсенъ Кирѣевскаго (стр. 504), которыя онъ снабжалъ своими толкованіями, какъ и изданіе пѣсенъ Рыбникова (стр. 507). Въ своихъ не всегда ясныхъ разсужденіяхъ онъ возставалъ, правда, не безъ основанія, противъ миѳологическихъ увлеченій Гриммовскаго направленія, но если онъ для объясненія доисторической жизни славянъ ссылался на языкъ, какъ на самое могучее средство толкованія, то ему слѣдовало поглубже вникнуть въ этимологическія сопоставленія, чѣмъ то видно въ примѣрахъ его, когда онъ приводитъ въ параллель Велеса или Волоса съ греческимъ Геліосомъ, Купалу съ Кувелою (Cubele), Соботку съ Сабаціями (Пѣсни Кирѣевскаго вып. IV, 1-го изд., стр. LXXV). Испестривъ изданіе пѣсенъ Ки-

рѣевскаго своими учеными толкованіями, Безсоновъ вооружилъ противъ себя не только П. Якушкина какъ собирателя и практическаго знатока, а также такихъ людей науки, какъ Буслаева и Котляревскаго. Впрочемъ его «Калѣки перехожіе», шесть выпусковъ (М. 1861—1864), представляютъ собою предпріятіе во многихъ отношеніяхъ похвальное (хотя онъ и тутъ пользовался чужими трудами): критика отозвалась о немъ съ одобреніемъ (Тихонравовъ въ 33 присужденіи Демидовскихъ наградъ). Очутившись въ шестидесятыхъ годахъ въ Вильнѣ для служенія русскому дѣлу (гдѣ ему впрочемъ не все понравилось), онъ приглядѣлся къ народному быту и напечаталъ въ 1871 году одинъ 1-ый выпускъ пѣсенъ: «Бѣлорусскія пѣсни съ подробными объясненіями ихъ творчества и языка, съ очерками народнаго обряда, обычая и всего быта» (Москва 1871, LXXXI. 176). Безсоновъ принималъ уже раньше участіе также въ изданіяхъ народнаго творчества южныхъ славянъ, напечатавъ въ 21 и 22 книгахъ московскаго «Временника» (1855) «Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Ю. Венелина, Н. Катранова и другихъ болгаръ». Тутъ есть и статья сравнивающая эпосы сербскій и болгарскій (стр. 1—136) и статья объ особенностяхъ новоболгарскаго языка (стр. 1—156).

Онъ брался также за изданіе древнерусскихъ памятниковъ (Книга Пчела. Памятникъ древней русской словесности, въ «Временникѣ» кн. 25, неокончено) и за изданіе филологическихъ сочиненій К. Аксакова, гдѣ онъ по обыкновенію снабжалъ чужой трудъ собственными примѣчаніями, на этотъ разъ въ защиту К. Аксакова и его странныхъ выходокъ противъ сравнительной грамматики. Безсоновъ величалъ Аксакова во всѣхъ вопросахъ, касающихся русскаго языка — Ильею Муромцемъ! Русскіе критики, не одобрявшіе теоріи Аксакова (Срезневскій, Буслаевъ), причислялись Безсоновымъ къ мелкой наукѣ «посѣдѣлыхъ школьниковъ»! Безсоновъ написалъ біографію Калайдовича (Чтенія 1862, кн. 3), кн. Цертелева (В. Евр. 1870, іюнь) и др. Онъ коснулся въ одной статьѣ (въ Чтеніяхъ, 1885, кн. 2) вопроса о мнимомъ туранизмѣ русскихъ, въ которой, по выраженію А. Пыпина, факты и соображенія, не лишенные важности, перемѣшаны съ фантазіей (Ист. русск. этногр. III. 394). Подробный анализъ этого куріознаго сочиненія представленъ Н. Ѳ. Сумцовымъ въ «Кіевской старинѣ» 1897 г., январь, подъ заглавіемъ: «Новая наука г. Безсонова».

Самому Безсонову, должно быть, казалось лучшей его заслугой то, что онъ сумѣлъ изданіе пѣсенъ Кирѣевскаго (отчасти также Рыбникова) снабдить очень учеными примѣчаніями въ родѣ комментарія. Къ каждому выпуску у него прибавлены приложенія, доходящія объемомъ иногда до размѣровъ, превышающихъ самый текстъ пѣсенъ; напримѣръ, четвертый выпускъ на

138 страницъ текста содержитъ CXCIV страницы толкованій, не многимъ уступаетъ выпускъ пятый съ CXLIII страницами толкованій на 189 страницъ текста стиховъ. Трудно вкратцѣ передать, о чемъ Безсоновъ распространяется въ своихъ толкованіяхъ. Названія нѣкоторыхъ былевыхъ героевъ приводятся прямо въ родственную связь съ именами греческой и римской миѳологіи, все на основаніи отчаяннѣйшаго словопроизводства. Напримѣръ, Чурило производится изъ чур-, а это чур- сопоставляется съ сур-, свар-, sol-, ἡλ-, даже съ шуринъ и пращуръ; припоминаются еще кур- ser- sur-, Terminus и Ἑρμῆς (вып. IV, стр. LIX—XCIII). При этомъ онъ все-таки считалъ былевую поэзію вѣрнымъ отраженіемъ древне-русской жизни по началамъ славянофильской доктрины; крохи историческія, дѣйствительныя или мнимыя, послужили ему канвой для хронологическаго порядка. Возможность заимствованій или позднѣйшихъ наслоеній не принималась въ соображеніе. Во главѣ былевого преданія, какъ древнѣйшій осколокъ, стоитъ у него Илья Муромецъ, богатырь крестьянинъ. Ему посвященъ первый выпускъ пѣсенъ Кирѣевскаго. За нимъ чередуются Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, Василій Казиміровичъ (выпускъ второй); Иванъ гостинный сынъ, Иванъ Годиновичъ, Данило Игнатьевичъ, Дунай Ивановичъ, Дюкъ Степановичъ, Суровецъ-Суздалецъ, Сауръ-Саулъ Ванидовичъ-Левандиновичъ (выпускъ третій); четвертый дополнительный выпускъ прибавляетъ еще Потока Михайла Ивановича, Ставра Годиновича, Хотена Блудовича, Чурила Пленковича, Михайла Казарянина, Соловья Будиміровича, Анику Воина. Только въ пятомъ выпускѣ являются какъ спеціально новгородскіе былевые представители Василій Буслаевичъ, Садко Купецъ, Гость Терентьище; потомъ идетъ еще длинный рядъ княжескихъ пѣсенъ, далеко отступающихъ отъ былинъ по формѣ и изложенію. Этотъ шаблонъ въ расположеніи эпическаго матеріала былъ отчасти принятъ и другими. Дѣйствительной заслугой его можно назвать очень обширно и внимательно составленный Указатель, приложенный къ 4-ому выпуску 1-го изданія пѣсенъ П. Кирѣевскаго. Безсоновъ скончался 22-го февраля 1898 года въ Харьковѣ, гдѣ былъ въ послѣднее время профессоромъ.

Скорѣе бытовымъ писателемъ, чѣмъ собирателемъ произведеній народнаго творчества нужно назвать Сергѣя Вас. Максимова (1831—1901). Происхожденіемъ изъ Костромской губерніи, онъ получилъ университетское образованіе въ Москвѣ, кончилъ же науки въ медико-хирургической академіи въ Петербургѣ. Его бытовыя картины, печатавшіяся въ различныхъ журналахъ, вскорѣ обратили на него вниманіе даже такихъ писателей, какъ Ив. С. Тургеневъ. Поощряемый похвальными отзывами, онъ предпринялъ

для обогащенія своего запаса наблюденій поѣздки въ различныя губерніи, въ особенности по порученію великаго князя Константина Николаевича на далекій сѣверъ, къ Бѣлому морю. Плодомъ этой поѣздки явилось въ 1859 г. очень популярное его сочиненіе «Годъ на сѣверѣ». Потомъ онъ изучалъ Сибирь и Амурскій край. Максимовъ принадлежитъ какъ писатель-этнографъ къ числу выдающихся представителей русской литературы, въ сочиненіяхъ его можно найти много важныхъ и любопытныхъ данныхъ для уразумѣнія народной жизни (см. его «Крылатыя слова»): картины, нарисованныя имъ, отличаются глубокой правдой, но все же онъ не былъ этнографомъ-собирателемъ въ родѣ Кирѣевскаго, Якушкина или Рыбникова, а только талантливымъ описателемъ бытовыхъ сюжетовъ. Русская литература шестидесятыхъ годовъ изобиловала такого рода писателями, какъ Глѣбъ Успенскій, Рѣшетниковъ, Златовратскій и т. д. Выше всѣхъ ставятъ Мельникова (Андрея Печерскаго), важнаго также въ исторіи русскаго языка.

Больше значенія для славянской филологіи пріобрѣли своими въ области этнографіи вращавшимися трудами Вл. Даль и А. Н. Аѳанасьевъ.

Владиміръ Ив. Даль, по отцу датскаго происхожденія (род. 1801 г.), но воспитанный въ русскомъ духѣ, былъ сначала въ морскомъ корпусѣ, но не вынося моря, посвятилъ себя медицинѣ (въ Дерптѣ) и какъ военный врачъ участвовалъ въ 1830—2 годахъ въ походахъ въ Турціи и Польшѣ, потомъ переѣхалъ изъ Петербурга въ Оренбургскую губернію, гдѣ оставался около семи лѣтъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій; возвратившись въ Петербургъ онъ состоялъ нѣкоторое время здѣсь чиновникомъ въ министерствѣ удѣловъ, съ 1849—59 въ Нижнемъ Новгородѣ. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ Москвѣ, занятый словаремъ, матеріалъ для котораго у него накоплялся въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Онъ умеръ въ 1872 году. Романтическое направленіе, господствовавшее въ Россіи въ его молодые годы, возбудило въ немъ очень рано горячую любовь къ изученію русской народности въ видѣ языка, его видоизмѣненій по говорамъ, его богатства въ фразахъ, поговоркахъ и пословицахъ. Онъ самъ говоритъ, что начиная съ 1819 года, когда онъ въ новгородской губерніи записалъ слово «замолаживаетъ», не понятое имъ и напомнившее ему, какъ мало еще изученъ русскій языкъ, онъ не пропускалъ почти дня, чтобы не записать рѣчь, слово, оборотъ, поговорку, пословицу. Лучшіе писатели (Пушкинъ, Гоголь, Хомяковъ, Погодинъ, Кирѣевскіе) поддерживали въ немъ это пристрастіе. Увлеченіе его доходило до того, что онъ желалъ передѣлать даже современный литературный языкъ, — этотъ сложный результатъ обогащенія русской рѣчи не только содѣйствіемъ большого числа талантливыхъ писателей, а

также вліяніемъ идей и выраженій, заимствованныхъ или буквально переведенныхъ изъ западно-европейскихъ (французскаго, нѣмецкаго) языковъ,—на простонародный ладъ, по образцу и способу выраженія перваго встрѣчнаго простолюдина. Это стремленіе замѣтно уже въ изданныхъ въ 1832 году «Русскихъ сказкахъ» (сл. Пыпинъ, Истор. русск. этногр. I. 342—3), только въ его бытовыхъ разсказахъ простонародность языка не бросалась очень въ глаза. О значеніи Даля какъ бытового писателя сл. у Пыпина I. 416—419.

Самыя главныя заслуги Даля по отношенію къ лексическому составу русскаго языка прямо громадныя, своимъ словаремъ живого великорусскаго языка изъ устъ народа онъ воздвигъ себѣ памятникъ неувядаемой славы, но своей полемикой противъ литературнаго языка и противъ грамматической теоріи, которую онъ, и не зная ея, обвинялъ въ непригодности для примѣненія къ русскому языку, онъ много повредилъ себѣ въ глазахъ тогдашнихъ русскихъ филологовъ. Академикъ Я. К. Гротъ, отстаивая Академію, собственно Отдѣленіе русскаго языка и словесности, отъ нападеній Даля, возсталъ противъ Даля съ нѣкоторой горечью и рѣзкостью, которая оправдывалась тогдашними натянутыми отношеніями между Далемъ и Академіей. Даль излагалъ свои взгляды на языкъ и на грамматику въ Москвитянинѣ 1842 года, ч. I, № 2 и ч. V, № 9, въ Вѣстникѣ географическаго общества 1852 г., ч. 6, гдѣ рѣчь идетъ о нарѣчіяхъ великорусскаго языка, въ 1860 году въ «Русской бесѣдѣ» № 1 и въ газетѣ Погодина «Русскій» 1868 г., № 25 и 31. Большая часть этихъ статей повторена Далемъ какъ введеніе при изданіи словаря, который сперва печатался выпусками (1861—1868) подъ заглавіемъ «Толковый словарь живаго великорускаго языка» in 4° въ четырехъ томахъ. Изданіе начало выходить на средства московскаго Общества Любителей россійской словесности, но дальнѣйшіе расходы покрыты особыми средствами, пожалованными изъ казны. Словарь Даля встрѣтилъ одушевленный пріемъ (отзывы Срезневскаго въ «Извѣстіяхъ» т. X, Котляревскаго въ «Бесѣдахъ Общества Любителей россійской словесности» вып. 2 (1868, Соч. IV. 437—442), и самый обширный Я. Грота въ «Сборникѣ» т. VII (1870). Объ участіи Погодина въ полемикѣ противъ Академіи въ пользу Даля сл. любопытныя свѣдѣнія у Барсукова т. XXI, 272—279. Вторымъ изданіемъ словарь вышелъ въ пяти томахъ in 8° въ 1879 году у Вольфа, безъ существенныхъ измѣненій. Лучшее изданіе третье, подъ редакціею профессора Бодуэна де-Куртенэ, оканчивающееся въ наши дни. Въ немъ порядокъ словъ переиначенъ въ алфавитномъ порядкѣ. Гротъ доказалъ, что въ словарѣ Даля имѣются многія имъ же изобрѣтенныя слова, въ особенности для передачи иностранныхъ словъ, изго-

нять которыя изъ русскаго языка было одною изъ слабостей Даля. Такія новотворенія не всегда выходили удачны.

Статья Даля о великорусскихъ нарѣчіяхъ, перепечатываемая при словарѣ, доказываетъ его громадное практическое знакомство съ особенностями русскихъ говоровъ, насколько онѣ бросались ему въ слухъ произношеніемъ то отдѣльныхъ звуковъ, то цѣлаго теченія рѣчи или же, наконецъ, употребленіемъ любимыхъ оборотовъ, или необыкновеннымъ сочетаніемъ словъ, но онъ самъ сознавался, что у него не было способности привести свои наблюденія въ систему. Въ этомъ отношеніи онъ завидовалъ даже Максимовичу, мы же знаемъ, что это происходило отъ полнѣйшаго незнакомства его съ научной грамматикой.

Собирая лексическій матеріалъ Даль не пропускалъ, конечно, записывать при случаѣ также произведенія простонароднаго творчества, но онъ поступилъ очень разумно, предоставивъ другимъ воспользоваться этими записями (пѣсни отдавалъ Кирѣевскому, сказки Аѳанасьеву), для себя же оставилъ только пословицы, громадное количество которыхъ (до 30 тысячъ) было имъ же издано въ «Чтеніяхъ моск. Общества истор. и древн.» 1861 г. кн. 2 и 4 и 1862 г. кн. 1 (вторымъ изданіемъ въ 1879 году въ двухъ томахъ малаго формата). О препятствіяхъ, встрѣченныхъ и этимъ великолѣпнымъ сборникомъ, когда пришлось его печатать, сл. разсказъ у Пыпина въ Исторіи русской этнографіи, I. 352—3. Наконецъ, онъ собиралъ также матеріалъ для русскихъ народныхъ повѣрій и суевѣрій (впервые изданъ въ 1845—1846 году въ одномъ журналѣ, второй разъ отдѣльной книжкой въ 1880 году: «О повѣрьяхъ, суевѣріяхъ и предразсудкахъ русскаго народа»).

А. Н. Аѳанасьевъ (1826—1871) стоитъ въ научномъ отношеніи выше Даля, потому что у него рядомъ съ собираніемъ матеріала (главнымъ образомъ сказокъ и легендъ) идетъ попытка ученыхъ объясненій съ точки зрѣнія извѣстныхъ теорій, заимствованныхъ имъ и перенесенныхъ на русско-славянскую почву съ запада. Онъ не былъ простымъ этнографомъ-собирателемъ или бытописателемъ, но очень хорошимъ знатокомъ и внимательнымъ подражателемъ новѣйшихъ миѳологическихъ изслѣдованій въ духѣ Гриммовой школы и дальнѣйшей эволюціи ея у Куна-Шварца, Макса Мюллера и Маннгардта. Удивительная начитанность въ этнографической литературѣ на всѣхъ славянскихъ языкахъ накладывала на его сравненія и соображенія печать самостоятельныхъ изслѣдованій въ рамкѣ упомянутыхъ образцовъ. Ни въ одномъ русскомъ ученомъ трудѣ, до тѣхъ поръ, не отражалось истинное научное славянолюбіе столь наглядно, какъ въ «Русскихъ сказкахъ» и въ «Поэтическихъ воззрѣніяхъ славянъ на природу» А. Н. Аѳа-

насьева. Съ нашей нынѣшней точки зрѣнія должно бы Аѳанасьева назвать первымъ настоящимъ представителемъ сравнительнаго славяновѣдѣнія въ Россіи, только съ ограниченіемъ на область фольклора. Онъ превзошелъ Буслаева въ томъ, что не остановился на одномъ Гриммѣ, а въ толкованіяхъ миѳологическихъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ въ направленіи Куна-Шварца и Макса Мюллера. Но тогда какъ у Буслаева была подкладка филологическая, хотя и не въ уровень съ Яковомъ Гриммомъ, у Аѳанасьева не доставало именно этого качества, очень важнаго для каждаго желающаго вдаваться въ миѳологическія изслѣдованія въ вышеупомянутомъ новомъ направленіи. Вслѣдствіе этого недостатка соображенія Аѳанасьева выходили еще болѣе шаткими и неопредѣленными, чѣмъ вообще допускала теорія, которой онъ подражалъ въ своихъ объясненіяхъ.

Аѳанасьевъ окончилъ московскій университетъ по юридическому факультету (1848) и сначала занимался вопросами юридическаго характера (въ журналахъ либеральнаго направленія, въ Отеч. Запискахъ и Современникѣ), а также по исторіи русской литературы («Русскіе сатирическіе журналы» 1859 года, «Библіографическія Записки» 1858 года), но славяновѣдѣніе будетъ всегда вспоминать его имя какъ перваго научнаго издателя «Русскихъ народныхъ сказокъ» (8 выпусковъ, Москва. 1855—1863) съ толкованіями ихъ значенія въ смыслѣ миѳологической теоріи Гриммовской, и какъ автора «Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу» (три тома, Москва. 1865—1868—1869), написанныхъ съ безпримѣрнымъ трудолюбіемъ по образцу упомянутыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, приводившихъ все миѳологическое разнообразіе въ связь и зависимость съ явленіями природы (солнце, мѣсяцъ, звѣзды, облака, буря, гроза, громъ, вѣтеръ). Напримѣръ, Илья Муромецъ—это, по толкованію Аѳанасьева, Перунъ, богъ грома; когда онъ пьетъ пиво — это дождь, когда сиднемъ сидитъ — это зима. Соловей разбойникъ—это радуга, и т. д. Все разнообразіе былевого эпоса сводится такимъ образомъ—къ воздушнымъ явленіямъ. Аѳанасьевъ почерпалъ для постройки своей миѳологіи матеріалъ не только изъ памятниковъ пѣсеннаго творчества, а также изъ народныхъ сказокъ, сагъ, поговорокъ, заклинаній, повѣрій и суевѣрій. Его сочиненіе начинается главой «Свѣтъ и тьма» (56—113), слово «солнце» производится отъ корня su (родить)! Гдѣ только въ народной поэзіи упоминается «солнце» или «мѣсяцъ», тотчасъ подразумѣваются миѳологическія воззрѣнія. Слѣдующія главы небо и земля (114—150), элементъ свѣта въ поэтическихъ представленіяхъ (151—243), гроза, вѣтры, радуга (244—363) и т. д. Какъ мало Аѳанасьевъ владѣлъ этимологическимъ запасомъ языка, видно изъ того, что, упоминая, напримѣръ, о «небѣ», онъ пропустилъ при-

вести въ связь νέφος рядомъ съ nebula, чтобы сдѣлать, скажемъ, такой выводъ, что страна, гдѣ въ старину жили наши предки, не отличалась множествомъ ясныхъ дней въ теченіе года! Несмотря на односторонность, внушенную автору теоріею его образцовъ, трудъ его останется на долгое время еще богатымъ источникомъ для разнообразныхъ справокъ и блестящимъ памятникомъ его широкаго знакомства съ подходящей литературой славянскихъ трудовъ. Трудолюбіе Аѳанасьева заслуживаетъ тѣмъ большаго признанія, что въ 1862 году и онъ палъ жертвой тогдашняго полицейскаго режима, лишившаго его по пустому подозрѣнію удобнаго для научныхъ занятій положенія, что могло бы надломить всю его научную энергію. Обширный разборъ «Поэтическихъ воззрѣній» представленъ А. А. Котляревскимъ въ 1867 и 1872 гг. въ отчетахъ о X-мъ и XIII-мъ присужденіяхъ Уваровскихъ премій (въ сочиненіяхъ А. А. Котляревскаго т. II, стр. 256—359. Сборникъ, т. XLVIII). Котляревскій указываетъ много сродныхъ чертъ между Буслаевымъ и Аѳанасьевымъ, исправляетъ во многомъ Аѳанасьева, но въ сущности и онъ былъ приверженцемъ миѳологическаго направленія, только у него было еще менѣе поэтическаго чутья, чѣмъ у Аѳанасьева, который въ свою очередь далеко отставалъ отъ Буслаева. Критически настроенный Котляревскій колебался часто между Буслаевымъ и Аѳанасьевымъ, довольствуясь критическимъ рефератомъ. Для біографіи Аѳанасьева см. указанія въ Исторіи русской этнографіи А. Пыпина, I. 114—115 и статью А. Е. Грузинскаго при 3-мъ изданіи Сказокъ (Сытина въ 2-хъ томахъ, Москва. 1897 г.).

У западныхъ славянъ проснулась любовь къ народной поэзіи подъ вліяніемъ романтизма германскаго. Еще до появленія Вука въ Вѣнѣ Яковъ Гриммъ разспрашивалъ, какъ сказано выше (стр. 369), черезъ Добровскаго о произведеніяхъ простонароднаго творчества у славянъ (сл. Письма напечатанныя въ Archiv f. sl. Phil. томы I и II). Добровскій не обнаруживалъ большого интереса, но указалъ все-таки на Слово о полку Игоревѣ, прибавивъ, что, къ сожалѣнію, прочихъ статей изъ той же рукописи не напечатано (1811). Когда въ Вѣнѣ составилось Общество любителей музыки и постановило собирать народныя пѣсни, мелодіи, танцы, посредствомъ центральнаго правительства былъ приглашенъ также моравскій штатгальтеръ графъ Митровскій позаботиться объ этомъ дѣлѣ въ Моравіи. Собранный по этому поводу матеріалъ хранится въ Брюннскомъ музеѣ. Бартошъ, познакомившись съ содержаніемъ его, сообщаетъ (въ предисловіи къ изданнымъ въ 1889 г. «Národní písně Moravské»), что большая часть напечатана въ лучшей редакціи потомъ у Сушила.

Фр. Сушилъ, уроженецъ Моравіи (1804), избралъ духовное званіе

(1827 сталъ священникомъ), съ 1837 г. дѣйствовалъ въ Брюннѣ на богословскомъ поприщѣ. Онъ началъ собирать пѣсни еще въ двадцатыхъ годахъ по Моравіи, сначала преимущественно на своей родинѣ, уступилъ кое-что и Челаковскому, первое собраніе его вышло въ 1835 году въ Брнѣ (Брюннѣ), значительно умноженное второе въ 1840 году (486 нум.), съ мелодіями и варіантами къ основному тексту. Новое изданіе, значительно увеличенное, выходило въ Брнѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1853—1860), переиздано еще разъ въ 1872 году подъ заглавіемъ: «Moravské národní písně s napěvy, sebrané od Fr. Sušila». На 800 страницахъ содержится здѣсь 838 пѣсенъ съ многими варіантами и напѣвами на нотахъ въ текстѣ. Собиратель дорожилъ въ родѣ Вука и Максимовича выборомъ самыхъ лучшихъ пѣсенъ, только у него присоединилось еще вниманіе къ музыкальному достоинству напѣвовъ. Бартошъ, собиравшій послѣ Сушила, долженъ былъ признать, что Сушилъ опередилъ его, издавъ по лучшимъ матеріаламъ. О значеніи Сушила въ литературѣ чешской см. Lit. česká devatenácteho stol. III. 2.

О Челаковскомъ была уже рѣчь выше (стр. 277 и сл.). Стоитъ указать на большое вліяніе Гердера на молодого чешскаго романтика въ области народной поэзіи. Онъ и другъ его Камаритъ стали собирать народныя пѣсни, будучи еще студентами (сл. Korrespondence a zápisky Frant. Ladislava Čelakovského, vydal František Bílý. I. V Praze 1907, стр. 15—16, 18, 50, 53, 61, 67). Челаковскій отличался только тѣмъ отъ обыкновенныхъ собирателей, что съ самаго начала стремленіе его обнимало не одинъ только, самый близкій ему, чешскій народъ и его простонародное творчество, а распространялось также и на прочіе славянскіе языки. Въ бытность свою студентомъ-философомъ въ Линцѣ онъ заинтересовался, благодаря случайному знакомству, словенскимъ языкомъ и его поэзіею. Весной 1821 года онъ сообщалъ уже другу своему, что у него «mnoho slováckých a srbských původních národních hezkých písní» (ib. 82), упоминалъ также о Шафарикѣ и Колларѣ, собравшихъ много словацкихъ пѣсенъ (ib. 83). Въ началѣ 1822 года говорилось о первомъ собраніи чешскихъ пѣсенъ приготовляемыхъ для печати (ib. 122, 126). Челаковскій надѣялся, что по крайней мѣрѣ 30 изъ нихъ будутъ имѣть эстетическое значеніе, столько же ихъ не нашелъ даже Гердеръ въ Германіи (ib. 126). Восторгъ его все возрасталъ. Нѣтъ ничего лучше народныхъ пѣсенъ: Гомеръ, Оссіанъ — что это какъ не народная поэзія—такъ выражался онъ, увѣряя въ то же время своего друга, что съ нимъ произошла большая перемѣна. Теперь онъ мечтаетъ только о народной поэзіи и при содѣйствіи своего друга (Камарита) надѣется осуществить свой планъ, издать «Hlasové Slovanských národův v písních» (ib. 129).

Ясный намекъ на подражаніе Гердеру. Но своими изданіями народной поэзіи Челаковскій преслѣдовалъ не только цѣли этнографическія, онъ хотѣлъ ими практически осуществить идею славянскаго сближенія. Поэтому труды его и въ этой области, какъ и въ собираніи народныхъ пословицъ, обнимали все славянство. Какъ Шафарикъ въ области литературы и древностей, такъ и Челаковскій въ области произведеній народнаго творчества развивали дальше идеи Добровскаго. Увлеченіе балладами по примѣру знаменитой Бюргеровой «Леноры» заставило его включить въ свое собраніе даже нѣкоторые не чисто народные тексты (сл. Lit. č. devaten. stol. II. 518). Отъ этого неправильнаго взгляда онъ отказался, по крайней мѣрѣ отчасти, только въ третьей книжкѣ своего изданія (1827) «Славянскихъ народныхъ пѣсенъ». Въ своей переводческой дѣятельности въ области народнаго творчества Челаковскій не довольствовался предѣлами славянскаго міра, а переводилъ также съ литовскаго языка (1827) и нѣкоторыхъ другихъ. Анализъ его знаменитаго «Ohlas písní ruských» (1829) — всего 25 мнимыхъ русскихъ былинъ — сдѣланъ профессоромъ Махаломъ въ Listy Filologické XXVI. 200—212, 341—347, 432—437 (1899). Подражая самъ себѣ, Челаковскій написалъ также Ohlas písní českých, о значеніи котораго написалъ обширный этюдъ проф. Fr. Bílý въ роскошномъ изданіи этого сочиненія 1896 года, сл. также Lit. č. devaten. stol. II. 687—715.

У Шафарика собираніе словацкихъ народныхъ пѣсенъ можно считать увлеченіемъ молодости, отъ котораго онъ вскорѣ отказался. Еще въ 1822 г., говоря о своей коллекціи народныхъ пѣсенъ, онъ признавалъ: «ale jest tu jen předce dle mého zdání mnoho plev, a zrna málo» (Č. Č. M. 1873, 124), а при появленіи второго томика собранныхъ имъ же и Колларомъ пѣсенъ слышенъ такой отзывъ его: «Za svatý codex našeho slovanstva jich držeti nemohu, sunt bona mixta malis» (Č. Č. M. 1875, 135). Когда Колларъ собирался продолжать изданіе, Шафарикъ не соглашался съ нимъ: «Ašpoň vy byste neměli tím čas tratiti. Hoc mediocria ingenia praestent». О дѣятельности Шафарика и Коллара въ этой области сл. статью Поливки въ альманахѣ изданномъ на память о столѣтней годовщинѣ Яна Коллара (Jan Kollár. Sborník statí o životě, působení a literární činnosti pěvce Slávy Dcery, redakcí Fr. Pastrnka. Ve Vídni 1893. 8° 283. Статья Поливки на стр. 161—168). Противъ Колларовыхъ «Národné zpiewanky» ополчился только въ 1890—91 году Цамбель (Sam. Czambel) въ Ethnogr. Mittheilungen aus Ungarn 1891 (Zur Kritik der Edition slovakischer Volksdichtungen), въ защиту Коллара написалъ отвѣтъ Гоудекъ (Houdek) въ Č. M. Mor. 1892.

Прямымъ наслѣдникомъ Челаковскаго и сотрудникомъ Сушила въ

чешской этнографической литературѣ былъ Карлъ Яромиръ Эрбенъ (1811—1870). Онъ, какъ и Челаковскій, выходилъ въ своемъ поэтическомъ творчествѣ отъ подражанія идеаламъ народной поэзіи; тотъ и другой были усердными собирателями, только Эрбенъ не выказалъ столь широкаго общеславянскаго размаха, какъ Челаковскій. Кончивъ юридическій факультетъ (1837), Эрбенъ предпочелъ скромное положеніе въ Обществѣ наукъ, потомъ при Чешскомъ Музеѣ, служебной карьерѣ въ качествѣ чиновника. Только въ 1851 году досталось ему прочное мѣсто архиваріуса города Праги, которое онъ черезъ нѣсколько лѣтъ замѣнилъ другимъ назначеніемъ тоже на службу городу. Его историческая дѣятельность, главнымъ образомъ архивная (изданіе грамотъ: Regesta diplomatica 1855, и т. д.), насъ здѣсь не касается. Упомянемъ только его участіе въ изданіяхъ древнечешскихъ литературныхъ памятниковъ: Tomáše ze Štítného knížky šestery o obecných věcech křest'anských (1852), Haranta z Polžic cesta do země svaté a do Egypta (1854—5, 2 части), Život sv. Kateřiny (изданіе критическое, вмѣстѣ съ Печиркою приготовленное, безъ транскрипціи и съ нею, въ Прагѣ 1860), изданіе собранныхъ сочиненій чешскихъ Яна Гуса (въ трехъ томахъ: Sebrané spisy české M. Jana Husi. Praha 1865—1868), сотрудничество въ изданіи «Výbora» (2-й томъ подъ его редакціей въ 1868 г.). Какъ любитель и собиратель народной поэзіи, онъ издалъ въ 1842 и 1845 годахъ въ трехъ выпускахъ, потомъ новымъ дополнительнымъ изданіемъ въ 1862—4 г.: «Prostonárodní české písně a říkadla» 8⁰ X. 543 (есть еще изданіе 1886—8). Это изданіе уступаетъ своимъ достоинствомъ параллельной книгѣ Сушила, отчасти не по винѣ собирателя. Въ Чехіи народное творчество не бьетъ столь богатымъ ключемъ, какъ въ Моравіи. Зато Эрбенъ много сдѣлалъ въ области миѳологическаго объясненія чешскихъ простонародныхъ вѣрованій и сказокъ. Раздѣляя взгляды Як. Гримма, что въ народныхъ сказкахъ сохранились старинныя миѳологическія данныя, онъ черпалъ матеріалъ для своихъ миѳологическихъ изслѣдованій главнымъ образомъ изъ произведеній народнаго творчества. Онъ написалъ нѣсколько статей миѳологическаго содержанія, занимающихъ средину между изслѣдованіями Буслаева и Аѳанасьева: Obětování zemi (Č. Č. M. 1848, I. 33—52), O dvojici a o trojici v bájesloví slovanském (Č. Č. M. 1857, 268—286, 390—415), Báje slovanská o stvoření světa (Č. Č. M. 1866, 35—45). Въ славянофильской «Русской бесѣдѣ» вышли въ 1857 г. кн. IV. 1 письма К. Я. Эрбена къ Гильфердингу «О славянской миѳологіи» (71—128). Въ Č. Č. M. 1849, 133—174, онъ напечаталъ «Jmena měsícû slowanská wûbec a česká zwláště». Изъ народныхъ сказокъ по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ

составлена имъ христоматія (Čítanka), имѣвшая для своего времени (1865) значеніе хорошаго пособія къ ознакомленію съ славянской діалектологіей, подъ заглавіемъ: «Сто славянскихъ народныхъ сказокъ и повѣстей въ подлинникѣ. Книга для чтенія съ изъясненіемъ словъ» 8° XV. 392. На чешскомъ языкѣ вышло въ томъ же родѣ собраніе: «Vybrané báje a pověsti národní jiných větví slovanských» (1869, изданіе Matice lidu ročn. III, č. I). По разнымъ журналамъ разсѣянныя народныя сказки его изданія перепечатываются еще въ новѣйшее время: «České pohádky» (подъ редакціею В. Тилле въ собраніи «Žeň z literatur» svazek VII. V Praze 1905). Въ «Světova knihovna» вышли подъ редакціею В. Тилле «Vybrané báje a pověsti národní» три выпуска. Онъ перевелъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» («Хронику Нестора». 1867) на чешскій языкъ, и также издалъ съ чешскимъ переводомъ «Слово о полку Игоревѣ» и «Задонщину» (1869). Его собственныя поэтическія произведенія извѣстны въ чешской литературѣ подъ названіемъ: «Kytice» (первое изданіе 1853 г., потомъ часто, въ 1905 г. Vydání kritické приготовленное Яромиромъ Сутнаромъ: Veškeré spisy básnické). О значеніи Эрбена въ чешской поэзіи см. Lit. č. devaten. stol. II. 796—834. Обстоятельную біографію Эрбена написалъ Брандль въ 1887 году въ Брнѣ: Život Karla Jaromíra Erbena.

Въ 1845, 1847 и 1851 г. напечаталъ Крольмусъ (фамилія навыворотъ передѣлана въ Sumlork) три книжки простонародныхъ матеріаловъ: Staročeské pověsti, spěvy и т. д., изданіе некритическое (см. Zíbrt, Staročeské výroční obyčeje atd. v Praze 1889, 4).

Дѣятельность Яна Коллара напоминаетъ намъ его младшій соотчичъ словакъ Людевитъ Штуръ (1815 — 1856), занимавшійся отстаиваніемъ національныхъ правъ своихъ словаковъ противъ мадьярскаго гнета посредствомъ публицистики (брошюръ политическаго содержанія), что не входитъ въ рамку славянской филологіи. Такъ же его много шума надѣлавшее разсужденіе о будущности славянства (въ русскомъ переводѣ: «Славянство и міръ будущаго. Посланіе славянамъ съ береговъ Дуная». Переводъ Вл. Ив. Ламанскаго, изданный въ московскихъ «Чтеніяхъ» 1867, кн. I, 1—195) можно оставить въ сторонѣ. Но въ наше обозрѣніе входитъ его живое участіе въ водвореніи словацкаго нарѣчія въ литературу путемъ изданія газетъ и беллетристическихъ журналовъ (Slovenskje Národňje Novini, Orol Tatránski), въ чемъ содѣйствовали ему Гурбанъ и Годжа. Онъ выступилъ въ этомъ направленіи также двумя особенными теоретическими сочиненіями: Nárečja slovenskuo alebo potreba pisaňja v tomto nárečí (1846, 8° 86), Nauka reči slovenskej (1846, 8° XII. 214)— но рекомендуемое имъ нарѣчіе все-таки не

было потомъ принято въ основу литературнаго словацкаго языка. Его программа требовала такъ писать, какъ произносятся звуковые оттѣнки нарѣчія въ самыхъ Татрахъ: «v Liptově, Oravě, Turci, v horňom Trenčiňe, v horňej Nitre, Zvoleňe, Ťekove, Honťe, Novohradě a aj vo velkej čjaske Ǧemera» (стр. 9). Но Годжа и Гаттала дали словацкому литературному языку другое направленіе. Въ числѣ любителей славянской народной поэзіи онъ занимаетъ не послѣднее мѣсто своимъ сердечно написаннымъ этюдомъ: O národních písních a pověstech plemen slovanských (въ Прагѣ 1853). Содержаніемъ своимъ это разсужденіе о славянской народной поэзіи очень близко подходитъ къ воззрѣніямъ Максимовича или Костомарова. Съ тонкимъ поэтическимъ чутьемъ Штуръ нарисовалъ картину окружающей славянина природы и всѣхъ отношеній семейной жизни, какъ они отражаются въ его душѣ и въ его поэзіи. Это не было голословной характеристикой въ родѣ книжки Бодянскаго, а все сказанное подтверждалось примѣрами. Поэтому сочиненіе Штура не потеряло и теперь своей прелести. Правда, картина, имъ нарисованная, была внушена ему односторонней влюбленностью въ свой предметъ, повинуясь которой онъ хотѣлъ представить въ лучшемъ свѣтѣ разныя преимущества славянъ и ихъ народной поэзіи, все же неблагопріятное обходя молчаніемъ.

Къ числу выдающихся знатоковъ простонародной жизни моравскихъ славянъ и очень дѣльныхъ собирателей произведеній народнаго творчества принадлежалъ Фр. Бартошъ (1837—1906), происхожденіемъ изъ Моравіи. Кончивъ гимназію въ Оломуцѣ, онъ посвятилъ себя филологіи (классической и славянской въ вѣнскомъ университетѣ, съ 1860 г.). Сдавъ экзамены (1864) и пробывъ два года въ качествѣ супплента въ Стражницѣ и Оломуцѣ, въ 1866 г. онъ получилъ мѣсто учителя въ Тѣшинѣ, гдѣ впервые сталъ заниматься синтаксисомъ чешскаго языка. Въ 1866 и 1867 г. вышли въ программѣ нѣмецкой Тѣшинской гимназіи его двѣ статьи о творит. падежѣ въ чешскомъ языкѣ, а когда въ 1869 г. получилъ мѣсто профессора въ чешской (славянской) гимназіи въ Брнѣ (Брюннѣ), онъ продолжалъ заниматься въ томъ же направленіи, издавъ въ 1872/3 г. въ программѣ гимназіи: Příspěvky k české skladbě (о дательномъ падежѣ), ib. 1876/7 о значеніи предлоговъ *do* и *z*, продолженіе въ журналѣ Filol. Listy II. III и IV, въ Č. M. Moravské 1869—1873 и 1877 и т. д. Результатомъ этихъ занятій вышла въ 1878 г. Skladba jazyka českého, явившаяся потомъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ (въ 1882 г. третье, всего семь изданій). Объ исправности чешскаго языка въ литературномъ употребленіи Бартошъ заботился множествомъ статей въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, а также изданіемъ антологій (čítanky), малой словесности, выборомъ текстовъ изъ сочиненій Божены Нѣмцовой и т. д.

Важнѣе еще его дѣятельность въ области этнографіи. Онъ былъ романтически настроенный любитель простого народа и его быта. Не пропуская случая, когда можно было хоть на нѣсколько дней отлучиться изъ города въ деревню, въ свой любимый Злинъ, онъ наблюдалъ здѣсь съ большимъ вниманіемъ всѣ стороны жизни, начиная съ особенностей языка и занимался собираніемъ народныхъ пѣсенъ. По частямъ его наблюденія выходили въ «Часописѣ» Матицы Моравской (1877—1880). Въ 1882 году онъ издалъ «Nové národní písně moravské», названныя имъ же «Doplněk sbírky Sušilovy» (8⁰ 196, слишкомъ 400 нумеровъ, съ нотами). Получивъ временный отпускъ (1883—1884) отъ служебныхъ занятій для разъѣздовъ по Моравіи, чтобы изучать говоры и собирать новый матеріалъ, онъ напечаталъ въ 1889 г. «Národní písně Moravské v nově nasbírané. Ve sbírku spořádal a vydal František Bartoš» (8⁰ IX. 653, нумеровъ 1017, съ очень поучительной статьей «Několik slov o lidových písních moravských» стр. I—CLII). Справедливое замѣчаніе его, что народная поэзія Моравіи свѣжѣе, чѣмъ Чехіи, вызвало полемику (въ чешскомъ Athenaeum 1890 ч. X, отвѣтъ Бартоша въ журналѣ «Obzor» 1890, 301—3, 318—9). Продолжая свою неутомимую собирательскую дѣятельность, онъ вновь напечаталъ въ 1899—1901 г. на средства Пражской академіи умноженное изданіе народныхъ пѣсенъ: «Národní písně Moravské nově nasbírané», въ громадномъ томѣ lex. 8⁰ 1196, съ введеніемъ (CXXXVI стр.), разсуждающимъ о музыкальной сторонѣ пѣсенъ отъ Леоша Яначека. Въ этомъ изданіи приняли участіе многіе любители этого дѣла, вызванные къ собирательству несомнѣнно одушевленіемъ самого Бартоша. Изданіе обнимаетъ 2057 нумеровъ. Для любителей народной поэзіи выходили еще особыя изданія, какъ въ 1873 г. «Anthologie z národních písní československých», въ 1890 г. «Kytice z narodních písní moravských» (вмѣстѣ съ Яначекомъ издано), въ 1903 г. «Sto lidových písní československých s rozbory a výklady», въ 1900 г. «Domácí čítanka» и много статеекъ преслѣдовали цѣль пересказать бытъ народа, что потомъ собрано въ изданіи «Lid a národ» (1883 и 1885, 2 выпуска, новымъ изданіемъ въ 1892 г.) и въ изданіи «Moravský lid» (1892). Кромѣ того, вышла въ 1898 году очень милая картина «Naše děti» (повторено въ 1899 году) и въ 1892 г. «Moravská svatba».

Теоретическая или аналитическая сторона всѣхъ этихъ его занятій сосредоточена въ двухъ великолѣпныхъ трудахъ: «Dialektologie moravská» (въ двухъ частяхъ, 1-ая v Brně 1886. 8⁰ 374, 2-ая ч. ib. 1895. VIII. 521). Діалектологія эта значительно превышаетъ объемомъ и богатствомъ содержанія извѣстный трудъ Шемберы (Základové Dialektologie československé. Ve Vídni 1864), но придавая большое значеніе богатству данныхъ,

представленныхъ въ этомъ трудѣ, съ объясненіями автора часто не можемъ соглашаться. Видно, онъ все продолжалъ стоять на точкѣ зрѣнія Миклошича въ тѣ годы, когда слушалъ его лекціи, т.-е. въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Другой трудъ его — лексикографическій: «Dialektický slovník moravský, sestavil František Bartoš» (V Praze 1903—1905, lex. 8⁰ 565). Авторъ самъ скромно сознается, что онъ еще не исчерпалъ всего богатства. Прекрасный памятникъ Бартошу воздвигъ его родственникъ и поклонникъ Іосифъ Бартоха въ книжечкѣ «Z pamětí a života Fr. Bartoše. Napsal Ios. Bartocha. V Telči. 8⁰ 278. 6.

У поляковъ указывалъ еще въ началѣ XIX столѣтія Гуго Коллонтай на важность собиранія произведеній народнаго творчества и изслѣдованій народнаго быта (сл. Wójcicki, Historya literatury pol. I, 70). Такого же взгляда придерживался знаменитый Вороничъ. И на поляковъ, какъ и въ Россіи (относительно Россіи сл. у Дашкевича въ Отчетѣ о 29 присужденіи Уваровскихъ премій, СПб. 1889, Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. LIX, стр. 154), вліялъ примѣръ Вука ободряющимъ образомъ на подражаніе и возбуждалъ къ дѣятельности въ томъ же направленіи. Въ 1819 году вышла въ журналѣ «Pamiętnik naukowy» статья (анонимная, не Маевскаго ли? см. Вукову преписку I. 168): «Wiadomość o dziełach p. Wuka Stefanowicza Serblanina». Поэтъ Бродзинскій перевелъ въ томъ же журналѣ (1819) на польскій языкъ Асанъ-Агиницу (Żona Asan-Agi) и Радослава (изъ Гердера), потомъ (1821) еще пять сербскихъ народныхъ пѣсенъ. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ сдѣлалъ еще другіе переводы и вмѣстѣ съ одной статьей уступилъ ихъ журналу «Dziennik Warszawski» (1827). Что онъ, будучи самъ поэтъ, относился къ народной поэзіи нѣсколько свысока, этому не нужно удивляться, какъ дѣлаетъ Арабажинъ (стр. 342). Профессоръ Гюттнеръ (Hüttner) напечаталъ въ 1821 г. въ альманахѣ «Pielgrzym Lwowski» статью о народной поэзіи и прибавилъ двѣ малороссійскія пѣсни въ подлинникѣ и переводѣ. О другихъ иниціаторахъ и подражателяхъ народной поэзіи въ польской литературѣ сл. въ сочиненіи Арабажина (Казимиръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность, Кіевъ. 1891), стр. 339—340 и прим. Этюдъ Косаковскаго (Kossakowski, Stan., Brodzińskiego Tlumaczenie pieśni ludowych. Przyczynek do dziejów zajęcia się tworczością ludową w literaturze polskiej. Lwów 1906) остался мнѣ неизвѣстнымъ.

Замѣчательное явленіе въ области мистическаго обожанія всѣхъ преданій, сохраняющихся въ простонародной средѣ, представляетъ полякъ по происхожденію Зорьянъ Доленга Ходаковскій (Zoryan Dołęga Chodakowski), настоящая фамилія его была Адамъ Чарноцкій. Очень

поздно выяснились обстоятельства жизни этого человѣка, бывшаго долгое время загадочной личностью или же типическимъ представителемъ вѣчно странствующаго славянскаго Агасвера. Пушкинъ написалъ въ 1833 г. стихи (въ «Родословная моего героя», III. 550): «Но каюсь, новый Ходаковскій, люблю отъ бабушки московской я толки слушать о роднѣ, объ отдаленной старинѣ». Біографическія данныя объ этомъ страдальцѣ и вмѣстѣ энтузіастѣ сл. у Пыпина въ В. Евр. 1886, № 11 (и въ Истор. русской этнографіи, III. 38—87). Къ несчастью, онъ не ограничивался собираніемъ произведеній народнаго творчества, а задавался болѣе высокой цѣлью, открыть слѣды древнеславянскаго язычества, въ особенности въ такъ называемыхъ городищахъ. Стремленія эти содержали въ себѣ много фантастичнаго, что и повредило ему въ глазахъ трезвыхъ или скептическихъ современниковъ, одинъ же романистъ воспользовался, говорятъ, его личностью какъ фигурой годной для романа (Луціанъ Семенскій, Lucyan Siemieński, въ романѣ «Przygoda podróżnika», въ которомъ главную роль игралъ Ходаковскій). Характерной для археологическаго романтизма Ходаковскаго была написанная по-польски статья «O słowiańszczyznie przed chrześciańśtwem» (въ 1818 г. въ «Cwiczenia naukowe», но есть также изданіе 1835 года А. З. Гельцеля), содержаніе ея у Пыпина, Истор. рус. этногр. III. 69—76. Основныя мысли этого разсужденія повторены по-русски въ Вѣстн. Евр. 1819 г. ч. 107 (октябрь) подъ заглавіемъ: «Разысканія касательно русской исторіи». Его «проектъ ученаго путешествія по Россіи» (напечатанный въ 1820 г. въ «Сынѣ Отечества») перетянулъ его на сторону русской археологіи; отчеты о его разъѣздахъ и сдѣланныхъ по этому случаю открытіяхъ печатались въ «Сѣверномъ Архивѣ» 1822—23 г. Оставшіеся послѣ смерти его матеріалы въ концѣ концовъ попали въ руки Погодина, имъ же была и издана нѣкоторая часть ихъ въ «Русскомъ историческомъ сборникѣ», выходившемъ какъ органъ московскаго Общества исторіи и древностей, за 1837 г. томъ I, кн. 1: «Пути сообщенія въ древней Россіи» (1—50), ib. кн. 3 (1838): «Историческая система Ходаковскаго» (3—109), ib. кн. 2 (за 1839 годъ): «Отрывокъ изъ путешествія Ходаковскаго по Россіи. Ладога. Новгородъ» (131—200); VII томъ Сборника (за 1844 г.) содержитъ на 378 страницахъ Донесеніе о первыхъ успѣхахъ путешествія по Россіи Зоріана Долуга-Ходаковскаго, помѣченное датой 13 ч. «липца» 1822 г. (значитъ, напечатанное 20 лѣтъ спустя!), въ которомъ рѣчь идетъ о городищахъ, о «сопкахъ» и «жальникахъ». Большое собраніе данныхъ географической номенклатуры, почерпнутое имъ вовсе не исключительно изъ собственныхъ записей, а также и изъ другихъ источниковъ, носитъ названіе: «Сравнительный словарь горо-

дищъ» (38—367). Къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ такъ и остался погребеннымъ въ Сборникѣ, такъ что о немъ Миклошичъ, повидимому, ничего не зналъ. Филологическія сопоставленія его были сдѣланы по тому же «филологическому» методу, которымъ прославился Ѳед. Лук. Морошкинъ въ своихъ «Историко-критическихъ изслѣдованіяхъ о Руссахъ и Славянахъ» (четыре статьи «Маяка» 1842 г.), см. о немъ у Пыпина Истор. русск. этнографіи, II. 368—72. Въ бумагахъ Ходаковскаго нашлись также народныя пѣсни (южнорусскія), доставшіяся потомъ Максимовичу (сл. выше, стр. 490), имъ же не использованныя (сл. у Пыпина, III. 86—87). Этотъ матеріалъ находится теперь въ рукахъ В. П. Науменка, который готовитъ его къ печати (или же подъ редакціею В. Доманицкаго?). Въ LXV томѣ «Записокъ» Общества Шевченка (1905) имѣется статья Доманицкаго подъ заглавіемъ «Піонер української етнографії (Зоріан Доленга Ходаковский), стр. 1—43. Сл. также статью Гавронскаго (Gawroński Rawita Fr.: Zoryan Dołęga Chodakowski, jego życie i praca. Lwów 1898), напечатанную въ журналѣ Przewodnik naukowy i literacki за 1897 годъ.

Въ 1828 г. Варшавское Общество Любителей литературы (Królewskie Towarzystwo przyjaciół nauk) назначило премію за сочиненіе о народныхъ обычаяхъ у поляковъ, включая сюда и народную поэзію. Говорятъ, что представленное на полученіе преміи собраніе народныхъ пѣсенъ Войцицкаго (Wójcicki) послужило Голембёвскому (L. Gołębiowski) матеріаломъ для его «Lud polski», изданнаго въ 1830 г., такъ какъ авторъ самъ не изучалъ жизни народа, а почерпалъ изъ печатныхъ источниковъ, не всегда надежныхъ. Его Dzieła заключали въ себѣ: Domy i dwory. Gry i zabawy. Lud polski. Ubiory w Polszcze.

Стоя подъ вліяніемъ историческихъ воспоминаній о границахъ не этнографическихъ, а политическихъ старой Польши, польская литература и наука долгое время держала бѣлорусскую и малорусскую народность на привязи къ политической идеи польской. По крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ Галиціи польскіе историки и этнографы охотно присоединяли къ польскимъ матеріаламъ также и галицко-малорусскіе. Господство такихъ взглядовъ заставило Вацлава Залѣскаго (Wacław z Oleska) при собираніи народныхъ пѣсенъ Галиціи къ польскимъ присовокупить также малорусскія. Сборникъ его вышелъ въ 1833 г. подъ заглавіемъ: Pieśni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego. Z muzyką instrumentowaną przez Karola Lipińskiego. Zebrał i wydał Waclaw z Oleska. We Lwowie 1833, 8⁰ LIV. 516, съ нотнымъ приложеніемъ 8⁰ 183. Изданіе содержитъ большое число пѣсенъ, малорусскихъ больше, чѣмъ польскихъ, но по собственному признанію собирателя, многія

пѣсни записаны имъ самимъ по не всегда точнымъ и надежнымъ воспоминаніямъ молодости. Изъ многословнаго введенія (Rozprawa wstępna) легко разобрать желаніе автора соперничать съ прочими славянами, напр. съ Вукомъ, по крайней мѣрѣ, во внѣшнемъ объемѣ сборника. Это патріотическое усердіе отозвалось вредно на достоинствѣ сборника. Еще Войцицкій (I. 8) упрекалъ Залѣскаго въ томъ, что онъ внесъ въ свое изданіе также стихи не народные. Пыпинъ, на мой взглядъ, нѣсколько преувеличилъ въ своей Этнографіи значеніе Залѣскаго (III. 120—132), но правда, что сборникъ его производилъ большое впечатлѣніе какъ своимъ содержаніемъ, такъ и разсужденіемъ автора о народной поэзіи, написаннымъ въ духѣ славянской романтики.

Важнѣе, хотя далеко уступающее объемомъ, было собраніе польскихъ и малорусскихъ пѣсенъ Жеготы (т. е. Игнатія) Паули. Польскія пѣсни вышли въ 1838 г. подъ заглавіемъ: Pieśni ludu Polskiego w Galicyi, zebrał Żegota Pauli, въ одной книжечкѣ, малорусскія же въ 1839—40 г. подъ параллельнымъ заглавіемъ: Pieśni ludu Ruskiego w Galicyi, въ двухъ книжечкахъ. Тексты пѣсенъ снабжены небольшими объясненіями, указаніями параллелей изъ другихъ славянскихъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ, насколько онѣ были ему доступны по печатнымъ изданіямъ. Головацкій утверждалъ много лѣтъ спустя, что Ж. Паули выманилъ малорусскія пѣсни у молодыхъ галицко-русскихъ патріотовъ (Шашкевича, Вагилевича и Головацкаго).

Двумя годами раньше вышли въ Варшавѣ два тома польскихъ народныхъ пѣсенъ К. В. Войцицкаго (1807—1879) подъ высокопарнымъ заглавіемъ: Pieśni ludu Białochrobatów, Mazurów i Rusi z nad Bugu (1836). И это собраніе не удовлетворяетъ, несмотря на строгое отношеніе автора къ своему предшественнику (Залѣскому). И его матеріалъ не весь имъ самимъ собранъ, какъ онъ увѣрялъ. И тутъ слишкомъ громко звучитъ патріотическая струнка. Поляки не должны были ни въ одномъ родѣ народной поэзіи уступать прочимъ славянамъ. Поэтому искусственнымъ образомъ созданы историческія пѣсни, пущено въ ходъ выраженіе «думы», многія пѣсни безъ основанія отнесены къ очень древнему времени (въ первыя столѣтія, даже въ доисторическую прошлость). Менѣе всего было похвально стремленіе Войцицкаго, въ которомъ упрекалъ его Жегота Паули, что онъ пріурочивалъ пѣсни произвольно къ опредѣленнымъ мѣстностямъ. Войцицкій интересовался также другими сторонами бытовыхъ особенностей польскаго народа. Въ 1830 г. вышли его Przysłowia narodowe (3 вып.). Въ 1837 г. «Klechdy, starożytne podania i powieści ludu polskiego» (2 тома, нов. изд.), «Zarysy domowe». Warszawa 1842 (4 тома) и др. Отъ него существуетъ, наконецъ, исторія литературы польской: Historya literatury polskiéj w zarysach (въ

1845 и вторымъ изданіемъ въ 1859 г.), сочиненіе богато образцами, выбранными изъ сочиненій отдѣльныхъ писателей.

Прибавимъ для польской народной поэзіи еще нѣсколько малыхъ, но очень хорошихъ книжекъ: И. Конопка издалъ въ 1840 г. Pieśni ludu Krakowskiego, Липинскій въ 1842 г. Pieśni ludu Wielkopolskiego, Зейшнеръ въ 1845 г. Pieśni ludu Podhalan. Въ слѣдующихъ десятилѣтіяхъ польская этнографія сдѣлалась предметомъ всесторонняго изученія въ громадномъ предпріятіи Оскара Кольберга (1815—1890), затѣявшаго издать нѣчто въ родѣ этнографической энциклопедіи польскаго народа подъ общимъ названіемъ: «Lud». Предпріятіе поражаетъ широкими размѣрами, почти превышающими силы одного человѣка, поэтому въ подробностяхъ нельзя было миновать различныхъ неточностей, происшедшихъ отъ того, что издатель не могъ лично провѣрять все имъ сообщенное изъ вторыхъ рукъ, иногда по источникамъ очень неравнаго достоинства. Кольбергъ былъ большой знатокъ и любитель музыки, онъ сталъ очень рано (съ 1838 года) интересоваться народной музыкой и рядомъ съ ней, конечно, обращалъ вниманіе также на тексты народнаго творчества. Такимъ образомъ его этнографическое воодушевленіе началось съ изученія народной музыки. Первый, изданный въ 1857 году томъ вышелъ еще подъ заглавіемъ «Pieśni ludu polskiego. Seryja I» (болѣе не вышло), въ немъ содержится богатый и снабженный драгоцѣнными варіантами матеріалъ польскихъ балладъ, съ прибавкой около 500 коротенькихъ плясовыхъ пѣсенъ (Dumy i pieśni 1—306, Tańce 306—448). Только съ 1865 года изданіе стало выходить съ раскрашенными картинами и политипажами въ текстѣ по расширенной программѣ, подъ заглавіемъ: «Lud. Jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tance»; на шмуцтитулѣ заглавіе: «Materyały do etnografii słowiańskiej» напоминаетъ желаніе автора этимъ своимъ изданіемъ обогатить обще-славянскую этнографію, что ему и удалось. Его «Lud» дѣйствительно первоклассный трудъ въ богатой этнографической литературѣ славянской. Отдѣльные тома его «матеріаловъ» обнимаютъ Польшу по частямъ, въ основаніе которыхъ легла то исторически сложившаяся группировка, то этнографическое дѣленіе. Томъ II Sandomirskie (Warszawa 1865, 8⁰ 283). Томы III и IV Kujawy (1867 г. 347; 1869 г. 318). Томы V—VIII Krakowskie (1871—1875, Kraków, стр. 384, 540, 354, 368). Томы IX—XV W. Ks. Poznańskie (1875—1882, стр. 320, 388, 248, 335, 212, 390, 323). Томы XVI—XVII Lubelskie (1883—1884, стр. 330, 244). Томы XVIII—XIX Kieleckie (1885—1886, стр. 242, 267). Томы XX—XXI Radomskie (1887—1888, стр. 312, 244). Томъ XXII

Łęczyckie (1889, стр. 279). Томъ XXIII (часть 1-я) Kaliskie (1890, стр. 271). На этомъ томѣ изданіе подъ общимъ названіемъ «Lud» прекратилось. Не знаю, почему, при одинаковой постройкѣ, въ заглавіи опущено заглавіе «Lud» въ слѣдующихъ томахъ: «Mazowsze. Obraz etnograficzny». Томы I и II: Mazowsze polne. Kraków. 1885, 8⁰ 356; 1886, 8⁰ 301. Томъ III: Mazowsze leśne. Kraków. 1887, 8⁰ 368. Томъ IV: Mazowsze stare. Mazury. Kurpie. Kraków. 1888, 8⁰ 398. Томъ V:—Mazury. Podlasie. 1890. 380. Въ область не польскую, а западно-русскую входятъ: «Pokucie. Obraz etnograficzny» томъ I. Kraków. 1882, 8⁰ 360. Томъ II. Kraków. 1883, 8⁰ 300. Томъ III. Kraków. 1888, 8⁰ 240. Томъ IV. Kraków. 1889, 8⁰ 328 и «Chełmskie. Obraz etnograficzny». Томъ I. 1890, 8⁰ 371. Томъ II (посмертное изданіе подъ редакціею доктора I. Коперницкаго). Kraków. 1891, 8⁰ 265. Этимъ еще не исчерпывалась этнографическая дѣятельность Кольберга. Въ повременномъ изданіи «Zbiór wiadomości do antropologii krajowéj» вышли его донесенія въ томахъ: I, III, IX, XI и XII, изъ числа ихъ напомнимъ только статью «Rzecz o mowie ludu wielkopolskiego» въ I томѣ, въ 3-мъ отдѣлѣ, стр. 3—37 (статья неважная). Краковская академія поручила нѣкоторымъ своимъ членамъ разобрать оставшійся послѣ кончины Кольберга матеріалъ и приготовить его для изданія, насколько это возможно. Такимъ образомъ вышелъ недавно (подъ редакціей Іосифа Третьяка) одинъ томъ: «Wołyń. Obrzędy, melodye i pieśni» (8⁰ XI. 450).

Когда волна одушевленія народною поэзіею охватила всѣхъ восточныхъ, южныхъ и западныхъ славянъ, не отстали даже маленькія Лужицы. Въ началѣ сороковыхъ годовъ вышли двѣ части in 4⁰ изданія во всякомъ отношеніи великолѣпнаго, посвященнаго не только народной поэзіи, но и многимъ другимъ сторонамъ народной жизни верхнихъ и нижнихъ лужичанъ, подъ заглавіемъ: Piesnički hornych a delnych łužiskich Serbow, wot Leopolda Hawpta a Jana Ernsta Smolerja. Grymi 1841 (по-нѣмецки: Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz von Leopold Haupt und Johann Ernst Schmaler. Grimma 1841). Издатели Л. Гауптъ и Э. Смоляръ снабдили свой прекрасный трудъ всѣмъ, что̀ нужно было для лучшаго пониманія и болѣе наглядной картины быта. Тутъ имѣется нѣмецкій переводъ пѣсенъ, описаніе народныхъ обычаевъ иллюстрировано картинами народныхъ костюмовъ, сказано самое необходимое объ особенностяхъ обоихъ нарѣчій и т. д. Однимъ словомъ, это было превосходное цѣльное изданіе, которому ничего равнаго не существовало въ то время ни въ одной славянской литературѣ.

Относительно южныхъ славянъ мы говорили обширно въ отдѣльной главѣ о дѣятельности Вука, цѣлью котораго было ознакомленіе сербскаго и

прочихъ славянскихъ народовъ и при помощи Копитара и Якова Гримма такъ же народа нѣмецкаго — съ сербской народной поэзіей. Какъ извѣстно Гете, раздѣлявшій сначала общій восторгъ романтиковъ, потомъ охладѣлъ къ народной поэзіи, онъ сталъ придираться даже къ такимъ великолѣпнымъ образцамъ, какъ «Постройка города Скадра», сл. его статью «Serbische Lieder», напечатанную впервые въ журналѣ «Ueber Kunst und Alterthum» 1825 B. V. H. 2 и рядомъ отзывъ Якова Гримма (Verm. Schriften IV. 220). Онъ говорилъ вообще: «Es ist in der altdeutschen düsteren Zeit eben so wenig für uns zu holen als wir aus den serbischen Liedern und ähnlichen barbarischen Volkspoesien gewonnen haben. Man liest sie und interessiert sich wohl ein Zeit lang dafür, aber bloss um es abzutun und sodann hinter sich liegen zu lassen», а въ 1830 г., возвращаясь къ тому же предмету, сказалъ: «Es war doch eine schöne Zeit als die Uebersetzung der serbischen Gedichte zuerst hervortrat und wir so frisch und lebendig in jene eigentümlichen Zustände hinein versetzt wurden. Jetzt liegt uns das ferne, ich mag nichts mehr davon wissen». Что выставленная здѣсь точка зрѣнія одностороння, не нужно доказывать. Гете требовалъ отъ народной поэзіи слишкомъ много. Вѣрнѣе и менѣе требовательны были взгляды Гердера и Я. Гримма, поэтому съ извѣстными измѣненіями они остаются до сихъ поръ въ силѣ. Подробности объ этомъ вопросѣ у Чурчина (Das serbische Volkslied in der deutschen Literatur von dr. Milan Ćurčin. Leipzig 1905, въ особенности стр. 95—162). Въ 1827 г. Гете одобрялъ дѣятельность популяризаторовъ этого предмета въ Германіи, это же были Яковъ Гриммъ, госпожа Тальви и Гергардъ.

Первые двое стояли въ близкой связи съ Вукомъ, третій сошелся въ Германіи съ выступившимъ въ родѣ конкуррента Вука — Симой Милутиновичемъ (сл. упомянутое сочиненіе Чурчина). Насъ не можетъ здѣсь занимать безпокойная, безпорядочная, скитальческая жизнь этого замѣчательнаго сербскаго писателя и поэта. Достаточно указать на посвященное ему изслѣдованіе д-ра Ђ. С. Ђорђевића: «Сима Милутиновић Сарајлија (1791—1847). Прилог новој историји српске књижевности написао Ђорђе С. Ђорђевић проф.» Бѣлградъ. 1893, 8⁰. 236. Обширный разборъ этого сочиненія написалъ въ видѣ отдѣльнаго изслѣдованія д-ръ Ст. Павловић въ «Летопис'ѣ Матице српске» 1903 г., кн. 173—176. И какъ отвѣтъ на эту критику пустилъ Ђорђевић: «Још нека о Сими Милутиновићу поводом расправе д-ра Стевана Павловића написао С. Ђорђевић. У Новоме Саду». 1894, 8⁰, 82. Милутиновичъ былъ въ Лейпцигѣ учителемъ сербскаго языка у второго (послѣ госпожи Тальви) переводчика сербскихъ народныхъ пѣсенъ, Гергарда, издавшаго въ 1828 г. свой переводъ подъ заглавіемъ: «Wila. Ser-

bische Volkslieder und Heldenmärchen», два томика. (Въ 1877 г. вышло новое изданіе, ограничившееся выборкой самаго интереснаго, подъ заглавіемъ: «Wilh. Gerhards Gesänge der Serben, herausgegeben von Karl Braun. Wiesbaden — Leipzig). Гергардъ самъ разсказывалъ, что онъ познакомился съ Милутиновичемъ, этимъ «почтеннымъ, очень образованнымъ и даровитымъ» человѣкомъ, въ 1826 г. лѣтомъ. При его помощи онъ занялся зимой того же года сербской народной поэзіей, ему онъ обязанъ разными (прибавимъ отъ себя, не всегда вѣрными) объясненіями. Напримѣръ, на счетъ Милутиновича надо поставить сравненіе Лютицы Богдана съ Воданомъ или Радиши съ Радгостомъ, и т. п. Милутиновичъ и самъ не былъ вполнѣ доволенъ своей ролью ментора: къ новому году 1827 онъ написалъ письмо Вуку съ просьбой освободить его изъ Лейпцига, помощь оказанную Гергарду онъ считалъ не стоящей чая и сигаръ, подаваемыхъ ему хозяиномъ. О Гергардѣ и Милутиновичѣ см. отзывъ Вука въ 4-й книжкѣ народныхъ пѣсенъ 1833 года, стр. 39—40 (въ новомъ «државномъ» изданіи IV, стр. 33—34).

Въ бытность свою въ Лейпцигѣ (1826—27) Милутиновичъ, должно быть, располагалъ еще очень незначительнымъ количествомъ народныхъ пѣсенъ. Докторъ Ђорђевић вѣроятно не имѣлъ въ рукахъ книжечки Милутиновича, изданной въ 1826 г. въ Лейпцигѣ: «Неколике піеснице ста́ре нове́ преведе́не и сочиніене́ С. М. Сараілиом», если думаетъ, что тутъ содержалось «неколико народних песама» (Још нека, стр. 38—59); на дѣлѣ я нашелъ въ упомянутой книжкѣ только одну настоящую народную пѣснь «Мо́ба Копчић'-бега» (съ примѣчаніемъ «од' покоіне ми маіке»). Пѣснь «о завоеваніи Крыма» едва ли настоящее народное произведеніе, хотя Милутиновичъ увѣрялъ, «што іе наірадие мои дівд Ср'дан піевао». Народное происхожденіе этихъ двухъ пѣсенъ, повторенныхъ въ «Пѣваніяхъ» (послѣдняя подъ № 58, первая — № 59), перепечатанныхъ еще раньше въ 15 книгѣ «Лѣтописа» (1828), защищалъ самъ Милутиновичъ отъ подозрѣнія, которое могло бы на нихъ пасть отъ г. Б. библіотекаря (должно быть Копитара) «и по вучки критиканта». Зная все это, мы читаемъ съ недоумѣніемъ его слова въ концѣ книги «Пѣваннія» (1837 г.) на стр. 335, будто бы «одъ пѣванніе стотину є пѣсана г. Вилхелмъ Герхардъ зимусь превео на тайтонскій єзыкъ». Что значитъ здѣсь «зимусь»? Замѣтка эта можетъ относиться только къ 1826—27 году (зимой), но тогда должно усмотрѣть въ ней невѣрное преувеличеніе (сл. у Ђорђевића: Још нека, стр. 61).

Первое собраніе пѣсенъ Милутиновича вышло въ 1833 г. въ Будимѣ: «Пѣваннія Церногорска и Херцеговачка сабрана Чубромъ Чойковићемъ Церногорцемъ». Въ немъ заключалась 31 пѣсня (во второмъ изданіи зани-

маютъ эти пѣсни первое мѣсто), онѣ собраны имъ по дорогѣ въ Черногорію и въ самой Черногоріи. Когда же это могло случиться, мы знаемъ. Осенью 1827 г. онъ былъ въ Тріестѣ и оттуда отправился въ Боку Которскую. Здѣсь уже онъ началъ собирать и записывать, какъ свидѣтельствуетъ его замѣтка (на стр. 40): «ове сам и неке іошъ друге пѣсне кое ће слѣдовати на свое мѣсто, од некога Херцеговца, у Котору Бокельскомъ живѣвша, полани (1827) пріймio и написао». Онъ назвалъ его по имени, былъ же «некньижеванъ и не знавшій другога єзыка осим нашег србскога». Отъ него онъ получилъ, если вѣрить его словамъ, еще нѣсколько эпическихъ пѣсенъ (второго изданія 5, 7, 39, 129, 147, 148, 149, 150, 151). Все прочее онъ собралъ въ Черногоріи во время своего пребыванія тамъ; въ большинствѣ случаевъ поименованы лица, отъ которыхъ онъ досталъ этотъ матеріалъ. Такъ какъ нѣкоторыя имена повторяются при другихъ пѣсняхъ второго изданія 1837 года, то можно догадываться, что уже въ 1833 г. было, дѣйствительно, у него гораздо больше народныхъ пѣсенъ, чѣмъ тѣ, которыя были тогда напечатаны. Эта догадка подтверждается извѣстіемъ въ Лѣтописѣ 1833 г. (кн. 35), что у него тогда же было собрано пѣсенъ на два тома. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть собранія пѣсенъ 1837 г., будучи по указаніямъ самого издателя собрана въ Черногоріи, должна была между 1827 и 1831 годами (въ эти годы онъ проживалъ тамъ же) попасть въ его тетрадки. Новое изданіе 1837 г., напечатанное въ Лейпцигѣ, содержитъ 175 нумеровъ съ нѣкоторыми прибавленіями.

Я считаю ни на чемъ не основаннымъ взглядъ проф. Вуловича, будто изданіе народныхъ пѣсенъ у Милутиновича послѣ Вука лучшее (Годишньица Чупићеве задужбине, кн. II). Еще менѣе я могу согласиться съ Серенсеномъ, давшимъ редакціи пѣсенъ, собранныхъ у Милутиновича, предпочтеніе передъ пѣснями въ изданіи Вука. Изданіе Милутиновича обнаруживаетъ фантастичность, свойственную автору и намъ хорошо извѣстную. Уже заглавія отдѣльныхъ пѣсенъ поражаютъ неожиданностью: турчин-човек, вишестручни мейдан, многостручна невѣра, узаямно ропство, несветковане, мука за невѣру, хайдучка правда, разъ даже по-русски: вотъ выгода! Пѣсни разбросаны по сборнику безъ малѣйшаго порядка: о Кралевичѣ Маркѣ попадаются пѣсни подъ № 6, 26, 35, 36, 37, 68, 69, 73, 75, 78, 81, 91, 94, 111, 119, 121, 137, 145, 153. Иныя, судя по содержанію, очень старинныя пѣсни помѣщены не въ началѣ сборника, а ближе къ концу, напримѣръ, № 147 «Момчила смерть», № 156 «О смрти младог' цар' Урошa», № 160 «Царска ріечъ». Еще важнѣе невѣрная точка зрѣнія Милутиновича по отношенію къ роли критическаго издателя памятниковъ народной поэзіи. Онъ

вносилъ въ свое собраніе пѣсни положительно ненародныя, а сочиненныя знакомыми простонародными поэтами о сюжетахъ ненародныхъ. Напримѣръ, № 4 (прежде 8) подъ заглавіемъ «Свѣръ» (прежде «Вѣросвезъ») разсказывается о событіи 1711 года, о столкновеніи Черногоріи съ турками, гдѣ выступаетъ русскій посланникъ Милорадовичъ. Достаточно прочесть нѣсколько стиховъ, чтобы убѣдиться въ ненародномъ происхожденіи этой пѣсни, въ которой говорится, между прочимъ, и о войнѣ Петра Великаго съ Швецiей! Подобнаго характера пѣснь № 63. Ненародными должно считать № 14 о событіи 1768 года, № 48 о французахъ въ Бокѣ, № 55 о русско-турецкой войнѣ 1828 г. (здѣсь самъ Милутиновичъ допускаетъ: ово є сочиненіе младога владыке црногорскогъ, али га є одпріе него є владыкомъ постануо спѣвао). Онъ (т. е. владыка) сочинилъ также № 61, 172, 173. При № 62 и 63 упомянутъ, какъ сочинитель, какой то слѣпой. Есть, конечно, также хорошія народныя пѣсни. Вукъ разсказывалъ, что Сима Милутиновичъ далъ большое рукописное собраніе народныхъ пѣсенъ Кухарскому, чтобы онъ ихъ отвезъ въ Россію (Преп. I, 388). Дальнѣйшая судьба этой рукописи разсказана по новымъ даннымъ въ Извѣстіяхъ Отд. р. я. и сл. за 1908 г. т. XIII, кн. 2, стр. 481—2.

Не вполнѣ народныя пѣсни представляетъ также матеріалъ, напечатанный въ 1845 году въ Бѣлградѣ подъ названіемъ «Огледало». О довольно оригинальномъ происхожденіи этихъ пѣсенъ разсказывается въ предисловіи. Нельзя, правда, говорить о подлогахъ, такъ какъ пѣсни дѣйствительно были записаны, только обстоятельства, сопровождавшія ихъ происхожденіе, не допускаютъ считать ихъ вполнѣ народными. Другое дѣло такіе дѣйствительно подлоги, какъ мистификація сопряженная съ именемъ француза Проспера Меримэ. Объ этомъ теперь достаточно сослаться на новѣйшій разборъ этого вопроса д-ра Т. Матича въ Archiv für slav. Philologie B. XXVIII, 321—350, XXXIX, 49—97: «Prosper Mérimée's Mystifikation Kroatischer Volkslieder».

Между иллирами (хорватами) обнаружилъ рядомъ съ Вразомъ любовь къ народной поэзіи Мато Топаловичъ, родомъ изъ Славоніи, напечатавшій въ Осѣкѣ (Essek), къ сожалѣнію, только одинъ выпускъ: «Tamburaši ilirski» (8° XVI. 83) — пѣсни, собранныя по Славоніи и изданныя очень добросовѣстно, съ точнымъ указаніемъ мѣстъ и съ варіантами. Рядомъ съ лирическими, обрядовыми, напечатано нѣсколько эпическихъ пѣсенъ; строго говоря, только о трехъ можно по классификаціи Вука сказать, что онѣ принадлежатъ къ «юначкимъ» пѣснямъ: Boreta vojvoda i udovica Marta, Krojica Radonja i Turci Kladovjani, Kapetan Pavle i Kraljević Marko. Не столько одной народной поэзіи, сколько вообще описанію народныхъ обычаевъ по-

священа хорошая для своего времени книжка: «Narodni slavonski običaji» (U Zagrebu 1846, 8⁰ XIV. 316), описалъ ихъ Лука Иличъ (Luka Ilić). Въ книжкѣ имѣются вперемежку также народныя пѣсни, пословицы, загадки. Иванъ Кукулевичъ, котораго можно бы назвать хорватскимъ Палацкимъ, занимался въ молодые годы собственнымъ поэтическимъ творчествомъ, а также и народной поэзіей. Въ четвертомъ выпускѣ его собранія сочиненій напечатаны: «Narodne pěsme puka hàrvatskoga» (на стр. 123—256), въ трехъ нарѣчіяхъ *што*, *ча* и *кай*; важнѣе прочихъ послѣднія. Издатель разумно старался сохранить по возможности звуковыя особенности говоровъ. Наконецъ, въ 1852 году напечаталъ Аца Поповичъ въ Прагѣ, съ благотворительной цѣлью, одну книжечку сербскихъ народныхъ пѣсенъ: «Србске народне пјесне са преводом ческијем а части пољскијем, издала југославјанска младеж» (У Златноме Прагу 1852).

У болгаръ съ движеніемъ народнаго сознанія проснулся также интересъ къ народной поэзіи. Послѣ неудавшихся попытокъ Венелина (сл. выше, стр. 453), первымъ явился въ печати Иванъ А. Богоевъ, издавшій въ Пештѣ въ 1842 году «Бѫлгарски народни пѣсни и пословици» (16⁰ 63), всего только 12 нумеровъ и около 200 пословицъ. Авторъ прославился потомъ (подъ другой формой своей фамиліи: Иванъ Богоровъ), стремленіемъ къ крайнему пуризму въ литературномъ болгарскомъ языкѣ, это былъ доморощенный филологъ и лексикографъ. Укажемъ на статью д-ра И. Шишманова въ Българскомъ Прегледѣ год. VI (1899), кн. II, стр. 106—127: «Руското влияние въ езика и Богоровата реакция». Григоровичъ привезъ съ собою, по словамъ Станка Враза, извѣстное количество болгарскихъ пѣсенъ, въ числѣ ихъ нѣсколько эпическихъ. Григоровичъ могъ получить свой матеріалъ въ Македоніи и западной Болгаріи; большая часть ихъ досталась ему отъ молодого болгарина Козмы изъ Галечника. Но Вразъ прибавилъ въ своемъ изданіи нѣсколько нумеровъ изъ Богоева, Вука, и одинъ текстъ получилъ отъ Срезневскаго. Объ эпическихъ пѣсняхъ онъ разсуждалъ на основаніи доступныхъ ему немногочисленныхъ примѣровъ, что эти пѣсни лишь переводы или подражанія сербскимъ юначкимъ пѣснямъ у Вука, не имѣющія той чудесной пластики, которою прославились сербскія пѣсни. Вразъ присвоивалъ также десятисложный размѣръ стиха сербамъ, въ чемъ соглашался съ нимъ впослѣдствіи и Миклошичъ. Объ изданіи болгарскихъ пѣсенъ въ сборникѣ Безсонова была уже рѣчь выше (стр. 456). Съ тѣхъ поръ вошло и у болгаръ, какъ у сербовъ и хорватовъ, въ обычай постоянно сообщать въ повременныхъ изданіяхъ народныя пѣсни. Такого рода матеріалъ давали между прочимъ «Българскія книжицы», «Цареградскій Вѣстникъ»,

«Дунавскій Лебедъ», Приложенія къ акад. «Извѣстіямъ» и др. Отдѣльными изданіями вышли въ 1860 г. въ Бѣлградѣ «Народне песме македонски Бугара. Скупіо Стефанъ И. Верковићъ. Кньига прва. Женске песме» (8⁰ XIX. 373), и въ 1861 г. въ Загребѣ: «Бѫлгарски народни пѣсни, собрани одъ братья Миладиновци Димитрія и Константина и издани одъ Константина» (8⁰ VIII. 542). Въ 1872 г. напечатанъ въ Болградѣ «Българскый народенъ Сборникъ», събранъ, нареденъ и изданенъ отъ Василія Чолакова. Часть I (но больше и не вышло), 8⁰ XXIV. 356. См. перечень другихъ изданій въ статьѣ д-ра Ивана Шишманова «Значението и задачата на нашата етнография» въ I-омъ томѣ минист. Сборника.

У словенцевъ былъ Ст. Вразъ страстный любитель народной поэзіи, душа сродная Челаковскому. Его матеріалъ собранный въ словенскихъ странахъ вышелъ при его жизни и подъ его редакціей, какъ уже сказано выше (на стр. 422), только въ видѣ одной книжечки (1839): «Narodne pěsni ilirske koje se pěvaju po Štajerskoj, Kranjskoj, Koruškoj i zapadnoj strani Ugàrske. Razdělak, I». Во введеніи говорится очень разумно о предшествовавшихъ попыткахъ (некритической Водника и усердной, но мало удачной Корытка). Въ книжкѣ Враза помѣщено по неудачной классификаціи 15 «даворій» и 95 балладъ-романсовъ. Матеріалъ поляка Корытка, проживавшаго въ Люблянѣ съ 1837 по 1839 г., изданъ послѣ смерти его въ пяти выпускахъ въ Люблянѣ 1839—1844 г. подъ заглавіемъ: «Slovénske pésmi krajnſkiga naróda» (I. 1839. 136, II. 1840. 142, III. 1841. 142, IV. 1842. 142, V. 1844. 118). Какъ издатель упомянутъ въ концѣ первой книжки Корытко: «Tukáj ſe le napové de je pésmi prizhujózhiga svésika nabrál ránki Emil Koritko». Его снабдили для этого изданія домашніе собиратели своимъ матеріаломъ: Смолѐ, Рудежъ, Равникаръ, Кастелицъ. Весь остальной запасъ словенской народной поэзіи нашелъ критическаго издателя только въ наши дни въ лицѣ профессора Штрекеля (см. выше на стр. 422).

ГЛАВА XX.

Вліяніе исторической грамматики Якова Гримма и его миѳологическихъ воззрѣній на Буслаева. П. Билярскій. П. Лавровскій. А. Потебня. А. Котляревскій. Н. Тихонравовъ. Ор. Миллеръ. А. Пыпинъ. В. Макушевъ. М. Дриновъ.

Романтическое міровоззрѣніе, овладѣвшее передовыми талантами конца XVIII столѣтія, стремилось во всѣхъ научныхъ вопросахъ историческаго характера проникать въ глубь вѣковъ для выясненія первоначальныхъ условій и формъ. И въ области языка оно ускорило развитіе историческаго на-

правленія. Передовымъ представителемъ историческаго языковѣдѣнія въ Германіи былъ Яковъ Гриммъ, повліявшій на правахъ ближайшаго сосѣдства въ высокой степени на филологію славянскую. Не легко найти болѣе симпатичнаго и болѣе глубокаго послѣдователя Гриммовскихъ идей и теорій, чѣмъ былъ въ Россіи Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ, крупная величина въ области изслѣдованій древнерусской письменности по ея поэтическому смыслу и миѳологическому содержанію. Буслаевъ облагородилъ любовь къ родному языку пониманіемъ значенія его въ смыслѣ воззрѣній школы Гриммовской въ противоположность окоченѣлому схематизму Готшедъ-Аделунга. Въ этомъ направленіи его разсужденіе «О преподаваніи отечественнаго языка». Сочиненіе Ѳедора Буслаева, старш. учителя 3-й Московской, реальной гимназіи. М. унив. тип. 1844. 8⁰ (Часть I. Стран. V+335+1 опечатки. Ч. II. Стр. III+375) имѣетъ принципіальное значеніе. Въ немъ впервые онъ показалъ себя очень талантливымъ приверженцемъ идей Гримма и Раумера.

Ѳедоръ Ивановичъ родился въ 1818 году въ Пензенской губерніи, попалъ въ 1834 году въ Московскій университетъ; окончивъ курсъ истор.-филолог. факультета (1838), получилъ мѣсто преподавателя въ одной изъ московскихъ гимназій. Для его дальнѣйшаго образованія, въ особенности по исторіи искусства, имѣла важныя послѣдствія поѣздка за границу въ теченіе двухъ лѣтъ съ семействомъ графа Строганова, странствованіе преимущественно по Италіи давало его тонкимъ чутьемъ одаренной для искусства натурѣ очень богатую пищу. Къ этому расположенію его къ произведеніямъ средневѣкового христіанскаго искусства привились потомъ идеи и воззрѣнія Якова Гримма, труды котораго онъ усердно изучалъ рядомъ съ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ и Боппомъ. Такимъ образомъ, въ постоянномъ отыскиваніи точекъ соприкосновенія между словеснымъ содержаніемъ и изображеніемъ соотвѣтствующихъ сюжетовъ въ искусствѣ Буслаевъ, можно сказать, превзошелъ даже Гримма, отставъ, впрочемъ, далеко отъ своего идеала по вопросамъ грамматики. Изъ воспоминаній Буслаева о его молодости (напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» за 1890—2 г., отдѣльно: «Мои воспоминанія. Акад. Ѳ. И. Буслаева. Изданіе В. Г. Фонъ-Бооля». М. 1897. 8⁰ (VIII. 387), сл. извлеченіе сдѣланное проф. А. С. Архангельскимъ въ статьѣ, посвященной Ѳ. И. Буслаеву: «Ѳ. И. Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ и ученыхъ трудахъ» (Казань 1899, 8⁰ 79) видно, что онъ находился не только въ первой молодости, но уже какъ университетскій студентъ, подъ большимъ вліяніемъ своей умной матери, отъ нея онъ и унаслѣдовалъ деликатность, которой всегда отличался и какъ преподаватель и какъ ученый. Изъ профессорской среды онъ болѣе другихъ уважалъ Погодина и Шевы-

рева; зарождавшаяся въ то время противоположность двухъ направленій въ ходѣ культурнаго роста Россіи, славянофильства и западничества, не могла перетянуть его рѣшительно ни въ ту, ни въ другую сторону. Такимъ же онъ остался до конца жизни: не сочувствовалъ онъ ни славянофильскимъ увлеченіямъ, относившимся враждебно къ культурному значенію запада, ни доктринаризму западниковъ, не принимавшему достаточно во вниманіе разнообразныхъ чертъ русской народности. Его несочувствіе славянофильскимъ толкованіямъ русскаго былевого эпоса доказываютъ слѣдующія слова его (Русскій Вѣстникъ, кн. XLI, 566—7): «Славянофильскій взглядъ на Микулу Селяниновича какъ на представителя земщины, которая у него сидѣла въ сумкѣ, есть издѣліе новѣйшей политической фабрикаціи, сентиментальная мечта насильно навязываемая народу въ неуклюжей и противной для эпоса формѣ аллегоріи, которую хотятъ видѣть въ русскихъ былинахъ».

Возвратившись изъ заграничной поѣздки въ Москву, Буслаевъ продолжалъ нѣсколько лѣтъ учительствовать въ одной московской гимназіи, но съ 1847 года началась его университетская дѣятельность. Въ магистерской диссертаціи «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ» (Опытъ исторіи языка по Остромирову евангелію, написанный на степень магистра кандидатомъ Ѳ. Буслаевымъ. М. въ унив. тип. 1848. 8⁰ 211) отразилось вліяніе послужившаго ему образцомъ сочиненія Р. Раумера: Die Einwirkung des Christenthums auf die althochdeutsche Sprache (1845). Занявъ каѳедру русскаго языка въ университетѣ (сначала въ качествѣ адъюнкта), Буслаевъ пошелъ по стопамъ своего идеала Якова Гримма, онъ посвятилъ всѣ свои силы историческому изученію русскаго языка и отыскиванію слѣдовъ стариннаго миѳологическаго содержанія въ древнерусской письменности и въ произведеніяхъ народнаго творчества. Къ послѣднему его больше тянуло, чѣмъ къ первому. Его историческая грамматика не играла той роли въ его жизни, какъ нѣмецкая грамматика въ жизни Якова Гримма. Даже появленіе ея не было обусловлено университетской дѣятельностью, а случайнымъ обстоятельствомъ, что авторъ въ качествѣ признаннаго авторитета былъ приглашенъ участвовать въ преобразованіи преподаванія русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. По этому поводу онъ написалъ и издалъ въ 1858 г. «Опытъ исторической грамматики русскаго языка» (Учебное пособіе для преподавателей. Часть I. Этимологія. 8⁰. Стран. XL + 244. Часть II. Синтаксисъ. Стр. IX + 428. Это «пособіе» вышло въ серіи «Учебныя Руководства для Военно-учебныхъ заведеній»), переименованный въ новомъ (2-мъ) изданіи (1863 г.) въ «Историческую грамматику русскаго языка»

(у меня подъ рукой 3-е изданіе 1868 года, есть и 5-е 1881-го года). Въ 1861 г. къ этому труду присоединена въ одномъ очень объемистомъ томѣ «Историческая христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ». Послѣднее сочиненіе едва ли годилось какъ пособіе при преподаваніи русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, но оно было для своего времени очень драгоцѣннымъ обогащеніемъ русско-славянской филологіи, представляя въ палеографически точной формѣ и съ объяснительными примѣчаніями выписки изъ многихъ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ памятниковъ, о которыхъ до тѣхъ поръ было извѣстно только по имени. Что же касается грамматики (главнѣйшіе отзывы русской критики перечислены у Пыпина въ Исторіи русской этнографіи. II. 76), это своеобразное сочиненіе изобилуетъ дѣйствительно множествомъ мѣткихъ наблюденій въ области стариннаго языка по древнимъ памятникамъ и также указаній на различныя современныя особенности въ русскихъ нарѣчіяхъ, но систематическаго анализа всѣхъ явленій русской грамматики, какъ они представлены въ Deutsche Grammatik Якова Гримма, напрасно искали бы вы въ сочиненіи Буслаева. Оно стремилось въ духѣ Гриммовскихъ идей только къ тому, чтобы въ глазахъ читающаго и изучающаго это сочиненіе поднять значеніе языка какъ народной святыни, богатаго сокровища многихъ дорогихъ и важныхъ воспоминаній, уцѣлѣвшихъ въ теченіе столѣтій. Въ доказательство собраны Буслаевымъ цвѣтки по полю древне-русской письменности или произведеній народнаго творчества, не систематически, а съ тонкимъ подборомъ. Сочиненіе Буслаева написано такъ, что оно возбуждаетъ уваженіе къ автору и къ предмету. Онъ поднялъ, такъ сказать, нравственное значеніе русской грамматики. Интересъ къ древне-русскимъ памятникамъ, съ филологической точки зрѣнія, засвидѣтельствованъ Буслаевымъ еще въ изданіи посвященномъ юбилею московскаго университета: «Матеріалы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ изготовлены — трудами: Петрова, Клина, Меншикова и Буслаева». Москва. 1855, fol. Главную цѣль и предметъ изданія, по словамъ декана Шевырева, составляло изслѣдованіе Буслаева: Палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторіи письменъ славянскихъ, собранные изъ 11 рукописей московской синодальной библіотеки, 58 страницъ текста съ хорошими палеографическими таблицами (въ краскахъ).

Гораздо важнѣе его изслѣдованія, обнимающія древне-русскую письменность, народную поэзію, народныя сказки, саги и преданія, въ которыхъ онъ по примѣру Гримма открывалъ осколки старинныхъ миѳологическихъ воспоминаній. Гриммъ, любившій приводить въ своей миѳологіи въ сравненіе дан-

ныя изъ славянскихъ литературъ, зналъ ихъ тогда еще очень мало: богатый источникъ русскаго народнаго творчества ему еще не былъ доступенъ. Поэтому Буслаевъ, сосредоточивъ свою дѣятельность на этой почвѣ, могъ черпать изъ богатаго еле початаго источника, примѣнивъ въ широкихъ размѣрахъ методъ Гриммовъ къ русско-славянскому матеріалу. Очень многія разбросанныя по разнымъ журналамъ статьи его, относящіяся сюда, изданы въ 1861 году въ двухъ объемистыхъ томахъ in 4⁰ подъ общимъ заглавіемъ: «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства». Статьи перваго тома, озаглавленнаго: «Русская народная поэзія», относятся главнымъ образомъ къ словесности, во второмъ же дѣло идетъ объ отношеніяхъ словесности къ искусству. Въ первомъ томѣ имѣются слѣдующія статьи: Эпическая поэзія (1—77), Русскій бытъ и пословицы (78—136), Миѳическія преданія о человѣкѣ и природѣ (137—150), Областныя видоизмѣненія русской народности (151—209), Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи (210—230), О сродствѣ славянскихъ вилъ, русалокъ и полудницъ съ нѣмецкими эльфами и валькиріями (231—241), Языческія преданія села Верхотишанки (242—249), О сродствѣ одного русскаго заклятія съ германскимъ (250—256), Древне-сѣверная жизнь (257—268), Пѣсни древней Эдды о Зигурдѣ и муромская легенда (269—300), Сказаніе новой Эдды о сооруженіи стѣнъ Мидгарда и сербская пѣсня о построеніи Скадра (301—307), Славянскія сказки (308—354), Древнѣйшія эпическія преданія славянскихъ племенъ (355—376), Русская поэзія въ XI и въ началѣ XII вѣка (377—400), Русскій народный эпосъ (401—454), Волотъ Волотовичъ (455—463), Замѣчательное сходство псковскаго преданія о горѣ Судомѣ съ однимъ эпизодомъ Сервантесова Донъ-Кихота (464—469), Русская поэзія XVII вѣка (470—548), Повѣсть о Горѣ злосчастіи (548—643). Уже этотъ сухой перечень статей перваго тома показываетъ, въ какомъ направленіи вращались соображенія и сравненія Буслаева. Но и второй томъ, озаглавленный «Древне-русская народная литература и искусство», содержитъ очень много статей характерныхъ для его принципіальныхъ взглядовъ: «О народной поэзіи въ древней русской литературѣ» (1—63), «О народности въ древне-русской литературѣ и искусствѣ» (64—96), «Памятники древне-русской духовной письменности» (97—132), «Изображеніе страшнаго суда по русскимъ подлинникамъ» (133—154), «Смоленская легенда о св. Меркуріи и Ростовская о Петрѣ царевичѣ Ордынскомъ» (155—198), «Византійская и древне-русская символика по рукописямъ отъ XV до конца XVI вѣка» (199—215), «Древне-русская борода» (216—237), «Идеальные женскіе характеры древней Руси» (238—268), «Новгородъ и Москва» (269—280), «Для исто-

ріи русской живописи XII вѣка» (281—329), «Литература русскихъ иконописныхъ подлинниковъ» (330 — 390), «Видѣніе Мартирія» (391 — 394), «Для біографіи иконописца Ушакова» (395 — 396), «Русская эстетика XVII вѣка» (397—408), «Подлинникъ по редакціи XVIII вѣка» (409—429).

Буслаевъ самъ признавалъ въ своихъ, подъ конецъ жизни написанныхъ, «Воспоминаніяхъ», что для «неясныхъ, смутныхъ помысловъ, для исканія ощупью и для загадочныхъ ожиданій онъ нашелъ въ произведеніяхъ Гримма «настоящее откровеніе». Изслѣдованія Гримма привели его «къ тому убѣжденію, что каждое слово первоначально выражало наглядное изобразительное впечатлѣніе и потомъ уже перешло къ условному знаку отвлеченнаго понятія». Въ этомъ взглядѣ на языкъ онъ нашелъ потайную связь между занятіемъ русскимъ языкомъ и исторіей искусства, о чемъ свидѣтельствуетъ содержаніе второго тома «Историческихъ очерковъ». «Гуляя по берегамъ Байскаго залива, я любилъ реставрировать въ своемъ воображеніи развалины античныхъ храмовъ и другихъ зданій; теперь съ такимъ же любопытствомъ я реставрировалъ себѣ переиначенныя временемъ формы русскаго языка». Послѣдуя примѣру Гримма, онъ ставилъ въ тѣсную связь языкъ, т.-е. слово, съ поэзіею и религіею. «Начало поэтическаго творчества теряется, по словамъ его, подслушаннымъ у Гримма, въ темной доисторической глубинѣ, когда созидался самъ языкъ». «Происхожденіе языка, говорилъ онъ, есть первая, самая рѣшительная и блистательная попытка человѣческаго творчества. Слово есть—художественный образъ, вызванный живѣйшимъ ощущеніемъ, которое въ человѣкѣ возбудила природа и жизнь. Творчество народной фантазіи непосредственно переходитъ отъ языка къ поэзіи. Религія есть та господствующая сила, которая даетъ наиболѣе рѣшительный толчекъ этому творчеству и древнѣйшіе религіозные миѳы, сопровождаемые обрядами, стоятъ на пути созиданія языка и поэзіи». Въ этихъ словахъ слышится откликъ вліянія Якова Гримма. Рядомъ остроумныхъ комбинацій Буслаевъ связывалъ понятія говорить и мыслить, говорить и дѣйствовать, приводилъ въ связь поговорку и клятву, бесѣду и лѣченіе. Маленькія неточности, вкравшіяся тутъ вслѣдствіе невѣрныхъ этимологій, не мѣшали соображеніямъ. Съ Гриммомъ начиналъ и онъ съ языка: «Вся область мышленія нашихъ предковъ ограничивалась языкомъ», а «тою же силою какою творился языкъ, образовались и миѳы народа и его поэзія». Тѣсная связь миѳологіи съ поэзіею изображается слѣдующими словами, позаимствованными изъ Гриммова ученія: «Миѳъ одѣвался въ поэтическую форму пѣсни, пѣснь раздавалась на общественномъ торжествѣ, на пиру, на свадьбѣ, на похоронахъ».

Соображенія Буслаева навѣяны иногда столь нѣжно, что при малѣй-

шемъ соприкосновеніи критикующаго разума расплываются. Они не легко поддаются подробному анализу. Его статьи надо читать, перенесшись съ нимъ въ то поэтическое настроеніе, которымъ онъ, руководимый Гриммомъ, углублялся въ свой предметъ, въ свою нераздѣлимую тримурти: языкъ, поэзія, религія. Разсказывая напр. нордскій миѳъ о происхожденіи поэзіи, онъ не затруднялся пріурочить его также славянамъ, въ чемъ подкрѣпляли его упоминаемыя тутъ *miodr* (медъ) и *quasir* (квасъ). Древнѣйшимъ содержаніемъ народной, конечно, эпической поэзіи были миѳы, т.-е. дѣянія боговъ, только со временемъ присоединялись также дѣянія людей, при чемъ герои играли роль посредниковъ. Буслаевъ съ этой точки зрѣнія сравнивалъ рожденіе Гельги въ Эддѣ съ русскимъ Волхомъ Всеславичемъ, нѣмоту Гельги— съ тридцатилѣтнимъ сидѣніемъ сиднемъ Ильи Муромца (впрочемъ на это указалъ еще Гриммъ въ Deutsche mythol.[4] стр. 322). На взглядъ Буслаева, отъ столкновеній между народами произошла модификація древнѣйшаго содержанія миѳовъ, въ доказательство чего онъ ссылался на вошедшихъ въ поэзію исполиновъ, какъ: Щудъ, Обръ, Волотъ, или на играющихъ роль личныхъ враговъ волковъ, змѣевъ.

Буслаевъ пользовался въ своихъ комбинаціяхъ безъ разбора произведеніями народнаго творчества, старинными сказаніями, сагами, сказками и т. п., выходя изъ предположенія Якова Гримма, что индоевропейскіе народы какъ по языку, такъ и по сказочнымъ преданіямъ находятся въ ближайшихъ родственныхъ сношеніяхъ. Примѣра ради укажемъ на данный имъ анализъ одной сказки русской «О Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ» (у Аѳанасьева VII, № 11): для объясненія отдѣльныхъ мотивовъ тутъ приводятся параллели изъ Эдды, изъ Dornröschen, изъ Пентамероне; золотыя яблоки сравниваются съ нѣмецкой сказкой Goldapfel (о сербской онъ тогда еще не зналъ). При всѣхъ этихъ сравненіяхъ Буслаеву не приходила въ голову мысль о возможности другой причины родства, онъ усматривалъ во всѣхъ этихъ параллеляхъ только раздробленность старинныхъ преданій. Теорія Гримма внушила ему убѣжденіе, что въ народныхъ пѣсняхъ, сказкахъ, даже отдѣльныхъ пословицахъ, поговоркахъ, заговорахъ, клятвахъ, загадкахъ, если ихъ содержаніе обнаруживаетъ извѣстныя черты сходства, кроются «разрозненные члены одного сказочнаго преданія»: «Всѣ эти разрозненные члены, взятые въ совокупности, составляютъ то цѣлое, которое хотя и не высказалось во всей полнотѣ ни въ одной народной поэмѣ, однако всѣми чувствовалось и сознавалось какъ родное достояніе предковъ. Ни одинъ изъ разрозненныхъ членовъ баснословнаго преданія не живетъ въ народѣ отдѣльно, самъ по себѣ: всѣ они взаимно переходятъ другъ въ друга, связываются крѣпкими

узами повѣрья, сцѣпляются и перемѣшиваются, подчиняясь игривой фантазіи народа, изобразительной и художественной. Иногда загадка переходитъ въ поэму, иногда поэма сокращается въ загадку; пословица рождается изъ сказанія и становится необходимою частью поэмы, хотя и ходитъ въ устахъ народа отдѣльно; клятва и заговоръ, составляя оторванный членъ преданія, развиваются въ цѣлое сказаніе или составляютъ обычный пріемъ въ эпическомъ разсказѣ; даже примѣта, обыкновенно подразумѣваемая, а не высказываемая, иногда является обильнымъ источникомъ эпическому замыслу». Въ этихъ краснорѣчиво подобранныхъ словахъ содержится, такъ сказать, главный канонъ миѳологическихъ изслѣдованій Буслаева. По мнѣнію его, навѣянному теоріею Гримма, выходитъ, что человѣкъ и говоритъ и поетъ и, такъ сказать, дышетъ миѳологіею, его окружаютъ какъ атомы отрывки старыхъ миѳологическихъ сюжетовъ.

Буслаевъ, какъ Гриммъ и другіе романтики, включая сюда въ этомъ отношеніи также Миклошича, придерживался такого взгляда, что въ эпическій періодъ жизни переданный стариною обычай имѣлъ такую подавляющую власть надъ отдѣльной личностью, что она не могла сочинять пѣсни или сказки иначе, какъ передавая выраженіе совокупной творческой дѣятельности всего народа. «Если что и прибавлялъ отъ себя пѣвецъ, то единственно потому, что въ немъ по преимуществу дѣйствовалъ поэтическій духъ, которымъ проникнутъ былъ весь народъ». Умѣлой кистью, въ отборныхъ выраженіяхъ нарисовалъ Буслаевъ картину этого эпическаго времени; по изображенію его оно выходитъ столь привлекательнымъ, что намъ, индивидуалистически разстроеннымъ потомкамъ, приходится жалѣть о потерѣ его! Большая часть этихъ общихъ взглядовъ изложена Буслаевымъ въ статьѣ «Эпическая поэзія» (Очерки I, 1—78), въ которой «общія понятія о свойствахъ эпической поэзіи» (стр. 55—76) могутъ быть безъ преувеличенія названы и теперь еще его chef d'oeuvre. И теперь еще можно прочесть ихъ съ напряженнымъ интересомъ. Мнѣ не помнится, чтобы я гдѣ бы то ни было въ славянскихъ литературахъ встрѣтилъ общую характеристику устоевъ эпической поэзіи такъ мило и такъ нѣжно и въ то же время такъ глубокомысленно нарисованную, какъ въ этой статьѣ Буслаева. Нельзя не пожалѣть, что Миклошичъ, занимавшійся подобнаго рода вопросами, повидимому, и не зналъ о существованіи этой и прочихъ сюда относящихся статей Буслаева. Припомнимъ въ связи съ этимъ вопросомъ еще статью «Русскій народный эпосъ» (Очерки I, 401—454), написанную по поводу изданія народныхъ пѣсенъ собранія Якушкина, въ которой Буслаевъ въ противоположность господствовавшему прежде въ исторіяхъ литературъ аристократизму, восхищавшемуся только

произведеніями Данте, Шекспира и Гете, краснорѣчиво восхваляетъ новое, Гриммомъ водворенное направленіе, не гнушающееся принимать въ соображеніе также народную поэзію, при чемъ онъ указываетъ на высокое эстетическое достоинство многихъ произведеній народнаго творчества; между прочимъ, какъ образецъ высокаго нравственнаго чутья, господствующаго въ эпической поэзіи, выставляется сербская пѣснь «Женидба краља Вукашина».

Принципіальный взглядъ Буслаева не позволялъ ему ограничиваться одной эпической народной поэзіей. Изъ широкой области языка, отдѣльныхъ словъ, поговорокъ, пословицъ, изъ народныхъ преданій и т. п. онъ выбиралъ всегда то, что давало ему точки сравненія для нагляднаго примѣра продолжительнаго господства миѳическихъ сюжетовъ. Въ одной статьѣ, напр. (Очерки I, 269—300), онъ сравнивалъ геройскіе подвиги Сигурда старшей Эдды съ муромской легендой о Петрѣ и Февроніи. Замѣченную сродность онъ возводилъ къ общему источнику, изъ котораго-де независимо другъ отъ друга почерпали и Эдда и легенда. Но какой это былъ общій источникъ? на это не имѣется другого отвѣта, какъ: старинный миѳъ, старинное доисторическое преданіе. При этомъ онъ держался такого пріема, что прежде всего надо выдѣлить старшее преданіе, легшее въ основаніе цѣлаго, потомъ позднѣйшія наслоенія, между ними въ данномъ случаѣ также христіанскую идею. Здѣсь онъ считалъ древнѣйшимъ ядромъ два мотива: борьбу съ змѣемъ и вѣщій характеръ Февроніи. Для перваго мотива ему припомнилась параллель изъ сербской народной поэзіи: «Царица Милица и Змај од Јастрепца»; для второго, для «вѣщей дѣвы Февроніи», найдены параллели въ сербскихъ сказкахъ «Усуд» и «Дјевојка надмудрила цара», потомъ въ одной нѣмецкой сказкѣ и въ эпизодѣ изъ «Соломона и Китовраса». Но какъ будто бы у автора возникло подозрѣніе, что эти родственныя связи могли бы имѣть еще и другую причину, онъ отклоняетъ ее слѣдующими словами: «трудно предположить, чтобъ такое поразительное сходство муромской легенды съ сербской сказкой было слѣдствіемъ литературнаго вліянія..., правдоподобнѣе предположеніе, что это замѣчательное сходство... есть результатъ родственнаго развитія народнаго эпоса въ эпоху доисторическую. Если мы видимъ нѣкоторое сходство между Петромъ и Сигурдомъ, между Февроніею и Брунгильдой, то было бы удивительно, когда бы мы не встрѣтили болѣе яснаго и опредѣленнаго даже разительнаго сходства въ преданіяхъ изъ того же эпическаго цикла между племенами родственными славянскими» (Очерки I, 299). Но вотъ какъ разъ эту легенду подвергъ въ 1870 одинъ изъ самыхъ даровитыхъ учениковъ Буслаева, Александръ Н. Веселовскій, подробному анализу, въ которомъ, правда, не отрицается еще возможность родства

вслѣдствіе доисторическихъ преданій (эту уступку ученикъ сдѣлалъ, чтобы угодить своему уважаемому учителю), но все же молодой ученый предпочиталъ стать на болѣе реальную почву историческихъ сношеній и заимствованій. Онъ представилъ эту связь по даннымъ Бенфейевскаго направленія и пришелъ къ такому выводу, что историческій путь заимствованія все же ближе, чѣмъ доисторическое родство! То же самое можно было бы возразить противъ соображеній Буслаева, когда онъ (Очерки I, 301—7) сравнивалъ сербское поэтическое сказаніе о построеніи Скадра съ сооруженіемъ стѣнъ Мидгарда.

Преимущество данное миѳологическимъ объясненіямъ въ сопоставленіяхъ Буслаева стоитъ, конечно, въ связи съ его Гриммовской точкой зрѣнія. Поэтому онъ и про Владиміра-красное солнышко говорилъ (ib. 417), что эпическому циклу Владиміра и его богатырей въ русской поэзіи долженъ былъ предшествовать эпосъ миѳологическій и героическій, идеальные типы котораго потомъ перенесены на Владиміра и его дружину. Теорія его требовала также, чтобы въ «Голубиной книгѣ» вмѣсто Владиміра выступалъ миѳическій Волотъ Волотовичъ (Очерки I, 455—463). Величественный обликъ Ильи Муромца долженъ былъ сводиться по той же теоріи къ полубогамъ, уничтожающимъ всякое зло въ семъ мірѣ. Буслаевъ высказывалъ догадку, что Ильѣ предшествовалъ Перунъ, славянскій товарищъ германскаго Тора. Впрочемъ изданіе духовныхъ стиховъ обратило все-таки вниманіе его на возможность широкаго христіанскаго вліянія (I, 437) и на апокрифы, какъ одинъ изъ источниковъ народнаго творчества, рядомъ съ миѳами. Много способствовалъ также замѣчательный древнерусскій памятникъ «Повѣсть о горѣ злосчастіи» (1856), которому такой одушевленный любитель русской старины, какъ Буслаевъ, не могъ не посвятить особеннаго вниманія (Истор. Очерки I, 548—643). И въ этой статьѣ блестяще выступаетъ глубокое знакомство автора съ древнерусской письменностью, но какъ разъ этотъ новый сюжетъ доказывалъ ему, что и другіе, не только миѳическіе мотивы могутъ войти въ составъ народнаго эпическаго творчества со всѣми его типическими пріемами. Это неожиданное обстоятельство заставило его коснуться вопроса объ отношеніяхъ духовныхъ стиховъ къ народному эпосу, «были» къ «сказкѣ». Тутъ сдѣлано очень много прекрасныхъ замѣчаній, но отъ своей миѳологической точки зрѣнія онъ все-таки не отказывался, она оставалась и впредь у него на первомъ планѣ. Много говорится о миѳическомъ содержаніи въ древнерусской письменности еще въ статьѣ (Истор. Очерки II, 1—63): «О народной поэзіи въ древнерусской литературѣ». Въ болѣе полномъ видѣ статья появилась въ «Рѣчи и Отчетъ, произнес. въ тор-

жеств. собр. И. Москов. унив. 12 янв. 1859 г.» (М. 1859) съ важнымъ собраніемъ текстовъ въ приложеніи.

Изданіе новыхъ матеріаловъ русской былевой поэзіи (Кирѣевскій, Рыбниковъ) дало Буслаеву поводъ къ обширной статьѣ (1862 г.): «Русскій богатырскій эпосъ» (Рус. Вѣстн. 1862 г., 3, 9, 10) и «Слѣды русскаго богатырскаго эпоса въ миѳическихъ представленіяхъ индоевропейскихъ племенъ» (Филол. Зап. 1862—63) и др. И здѣсь онъ оставался вѣренъ своимъ миѳологическимъ объясненіямъ, допускалъ только въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, возможность позднѣйшихъ наслоеній. Такимъ образомъ считалось теперь уже возможнымъ, что въ одномъ лицѣ, напримѣръ, Ильи Муромца могли бы быть соединены черты различныхъ типовъ и различныхъ временъ, напримѣръ, бога Перуна, Ильи пророка, исполинскаго Святогора и какой-нибудь исторической личности. Онъ все еще вѣрилъ въ возможность доискаться общеславянскихъ миѳическихъ преданій; поэтому особенное значеніе придавалъ въ русскомъ эпосѣ упоминанію «старшихъ богатырей», находя въ этомъ преданіи отголосокъ двухъ міровыхъ порядковъ, какъ и въ сербской пѣснѣ о «дивахъ» (Вукъ II. № 8), о принадлежности которыхъ къ славянской миѳологіи онъ не сомнѣвался. Между титаническими образами старшихъ богатырей и младшими онъ помѣщалъ женскіе типы героическихъ поленицъ, свидѣтельствующихъ будто бы о тѣхъ бытовыхъ условіяхъ русскаго народа, когда еще восточный аскетизмъ и татарскіе обычаи не заставляли замыкать русскихъ дѣвицъ въ гинецеи и т. д. Эта обширная статья и нѣсколько другихъ перепечатаны вторично Буслаевымъ въ 1887 году подъ заглавіемъ «Народная поэзія. Историческіе очерки» (Сборникъ Отд. р. яз. т. 42), безъ существенныхъ измѣненій, но въ предисловіи онъ самъ допускалъ, что школа Гриммовская, къ которой, конечно, онъ и себя причислялъ, должна была уступить мѣсто теоріи взаимнаго между народами общенія въ ихъ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ. Многое, что признавалось тогда за наслѣдственную собственность того или другого народа, оказалось теперь случайнымъ заимствованіемъ извнѣ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе объясняемыхъ историческими путями, по которымъ направлялись эти культурныя вліянія. Буслаевъ чувствовалъ, что вслѣдствіе этой перемѣны общихъ взглядовъ многія его статьи должны бы быть коренннымъ образомъ переработаны, но для этого не было у него ни времени ни охоты. Буслаевъ этимъ не вполнѣ отказался отъ своихъ прежнихъ взглядовъ, какъ думаетъ профес. Архангельскій, въ пользу новой бенфейевской теоріи. Да это и не было нужно, потому что, во-первыхъ, не все же заимствовано, во-вторыхъ, и въ былевой поэзіи и вообще въ произведеніяхъ народнаго творчества, устранивъ всѣ

позднѣйшія наслоенія или передѣлки, въ концѣ концовъ остаются извѣстные осадки миѳическіе. Эта мысль должно быть и руководила Буслаевымъ, когда онъ въ 1887 году рѣшился переиздать свои прежнія изслѣдованія, къ чему и я старался склонить его.

Буслаевъ покинулъ еще въ 1881 году московскій университетъ; повидимому, его изслѣдованіями по русской старинѣ не дорожили въ тѣ годы, когда все вниманіе правительственныхъ сферъ было сосредоточено на воспитываніи молодежи классической филологіею. Я помню живо еще до сихъ поръ, какое глубокое впечатлѣніе произвела на меня дружеская бесѣда съ этимъ славнымъ труженикомъ въ области русской письменности, когда я навѣстилъ его въ Москвѣ, кажется, въ 1885 году. Прежде мы видались въ Петербургѣ, куда онъ пріѣзжалъ въ Общество Любителей древнерусской письменности во время печатанія его великолѣпнаго изданія: «Русскій лицевой апокалипсисъ. Сводъ изображеній изъ лицевыхъ апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI по XIX вѣкъ». Спб. 1884. in fol. съ атласомъ изъ 285 таблицъ. О значеніи этого труда для славянской филологіи сл. мои замѣчанія въ Archiv für slav. Phil. VIII. 125—131.

Буслаевъ скончался 31 іюля 1897 года, написавъ о себѣ въ «Воспоминаніяхъ» очень мило и сердечно, какъ онъ, замѣтивъ, что начинаетъ старѣть, предоставилъ молодому поколѣнію вести дѣло по новымъ путямъ, въ средѣ котораго онъ былъ бы въ правѣ не только любоваться, но и гордиться своими учениками. Онъ самъ хорошо прибавилъ, что онъ и тогда не унывалъ духомъ, напротивъ того, радовался, что его ученики со славою ведутъ дѣло, начатое имъ. «Недурной былъ я учитель, когда умѣлъ взлелѣять такихъ учениковъ». См. «Четыре рѣчи о Ѳ. И. Буслаевѣ, читан. въ засѣданіи Отдѣла Коменскаго 21 января 1898 г. проф. А. И. Соболевскимъ, акад. А. А. Шахматовымъ, проф. И. Н. Ждановымъ и директ. гатчинск. Учит. семинаріи В. А. Воскресенскимъ» (Спбгъ 1898, 8° 39 стр.).

Петръ Спирид. Билярскій былъ годомъ старше своего земляка Буслаева (род. 1817), славянская филологія потеряла въ немъ слишкомъ рано ученаго, который своими трудами въ области церковно-славянскаго языка подавалъ надежду сдѣлаться ближайшимъ сотрудникомъ Прейса и помощникомъ Востокова. По происхожденію изъ духовнаго званія (сынъ священника, по фамиліи Раковскаго, его прозвище производилось отъ Биляръ-озера), онъ получилъ сначала духовное образованіе въ Казанской семинаріи и Московской духовной академіи (1834), но вкусивъ отъ плодовъ университетскаго образованія, гдѣ онъ ближе сошелся съ Погодинымъ изъ числа профессоровъ и съ Ундольскимъ изъ числа трудолюбивыхъ собирателей матеріаловъ

по церковно-славянской письменности, онъ сталъ тяготиться своимъ духовнымъ званіемъ, въ особенности когда предстояло ему занять мѣсто преподавателя въ Пермской духовной семинаріи. Преодолѣвъ разныя трудности, онъ получилъ увольненіе изъ духовнаго вѣдомства (1840) и могъ съ сердечнымъ увлеченіемъ предаваться въ московскомъ университетѣ продолженію филологическихъ наукъ. Знакомство съ Погодинымъ и Ундольскимъ, пребываніе въ домѣ Свербеева, одного изъ видныхъ тогдашнихъ славянофиловъ, повліяли на выборъ его научныхъ занятій. Онъ сдѣлался славянскимъ филологомъ и очень рано сосредоточилъ свое вниманіе на средне-болгарскомъ переводѣ хроники Манассіи, тѣмъ болѣе что одна изъ двухъ извѣстныхъ рукописей этого перевода находилась въ московской синодальной библіотекѣ. Онъ сдѣлалъ для себя списокъ съ нея (1840) и собирался издать текстъ этого памятника вмѣстѣ съ критическимъ разборомъ языка славянскаго перевода. Въ домѣ Погодина, гдѣ онъ жилъ въ качествѣ наставника въ пансіонѣ Погодина, онъ познакомился съ Куникомъ, пріѣхавшимъ въ Россію по приглашенію маститаго московскаго профессора. Такъ какъ ему не удалось пристроиться въ Москвѣ (на него смотрѣли какъ бы на разстригу), онъ рѣшился, слѣдуя примѣру Куника, попытать счастія въ Петербургѣ. Это было приблизительно въ 1842 году. Вѣрно ли, что Востоковъ призывалъ его въ Петербургъ, сказать не могу. Но и въ Петербургѣ не скоро удалось ему найти пріютъ. Въ 1844 году онъ получилъ при Императорской Академіи Наукъ скромное мѣсто канцелярскаго чиновника, редакція же Журнала Мин. Нар. Просвѣщенія пользовалась его прекрасными филологическими свѣдѣніями для различныхъ рефератовъ и сообщеній о литературныхъ новостяхъ. Оба занятія такъ плохо оплачивались, что въ 1850 году онъ охотно перешелъ на службу въ сенатъ, получивъ здѣсь назначеніе протоколиста.

Между тѣмъ онъ успѣлъ издать подъ общимъ заглавіемъ: «Судьбы церковнаго языка. Историко-филологическія изслѣдованія П. Билярскаго» первую часть: «О средне-болгарскомъ вокализмѣ по патріаршему списку лѣтописи Манассіи», 4° 42 (Спб. 1847). Изслѣдованіе посвящено памяти Прейса, откуда можно заключить, что въ бытность свою въ Петербургѣ онъ состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ и въ обмѣнѣ научными вопросами и планами съ петербургскимъ славистомъ. Вторымъ расширеннымъ изданіемъ вышло изслѣдованіе Билярскаго въ 1858 году («пересмотрѣнное и дополненное» значится на заглавіи) 8° 143. И это изданіе носитъ посвященіе Прейсу, въ которомъ въ прочувствованныхъ выраженіяхъ авторъ высказывалъ скорбь предъ тяжкой утратой. Быть можетъ, этимъ намекалось на нѣкоторое нерасположеніе по отношенію къ преемнику Прейса на каѳедрѣ славянской фи-

логіи. Билярскій любилъ въ наукѣ критическій задоръ. Въ упомянутомъ изслѣдованіи онъ полемизировалъ слишкомъ придирчиво противъ Миклошича и по тѣмъ пунктамъ, гдѣ онъ былъ правъ (напримѣръ, отвергая названіе «altslovenisch» въ смыслѣ копитаровской теоріи «пансловенизма») и гдѣ полемика не имѣла глубокаго основанія. Второе изслѣдованіе его занялось анализомъ Реймскаго евангелія; оно вышло, кажется, въ 1848 и въ 1859 году какъ 2-я часть «Судебъ церковнаго языка». Анализъ памятника привелъ автора къ такому выводу, что это текстъ молдовалашской редакціи XIV столѣтія. Кажется, этотъ выводъ не понравился тѣмъ, кто стоя подъ вліяніемъ мнимаго авторитета Ганки относилъ памятникъ къ болѣе древнимъ столѣтіямъ, даже какъ свидѣтельство бывшаго когда то въ Чехіи православія. Поэтому эта вторая часть изслѣдованій Билярскаго не нашла большого распространенія, она считается и теперь библіографической рѣдкостью.

Число серьезныхъ тружениковъ по церковно-слав. языку, въ особенности по вопросамъ чисто грамматическимъ, не было въ Россіи ни тогда ни потомъ столь значительно, чтобы трудъ Билярскаго не долженъ былъ обратить на него вниманія представителей ученаго сословія. Мы слышимъ, дѣйствительно, что въ 1860 году Импер. Академія Наукъ избрала его въ адъюнкты. Говорятъ, что онъ содѣйствовалъ къ учрежденію, взамѣнъ прекратившихся «Извѣстій» Отдѣленія русскаго языка и словесности, одного общаго русскаго органа для всѣхъ трехъ Отдѣленій—«Записокъ». Но между нимъ и И. И. Срезневскимъ возникли, не знаю по этой ли или по другимъ причинамъ, большія недоразумѣнія, огорчившія его при участіи въ трудахъ академическихъ. Дѣйствительно, участіе его въ академической дѣятельности не было очень живымъ. Въ «Извѣстіяхъ» онъ напечаталъ нѣсколько статей въ IX и X томахъ, между прочимъ статью «Беккеръ и Гумбольдтъ» (X. 37—55, 388—410, 583—592), отзывъ о «Калѣкахъ перехожихъ» (ib. 256—259). Въ «Запискахъ» вышли въ II т. (109—120) «Замѣчанія о языкѣ сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ», тамъ же (125—137): «Образчикъ филолог. разбора яз. нов. писателей», въ III т. (98—100): «О первомъ опытѣ перев. Герберштейна на русскій языкъ». Плохое здоровье заставило его принять въ 1865 году профессуру въ новороссійскомъ университетѣ въ Одессѣ, гдѣ пребываніе его было очень непродолжительнымъ. Уже въ январѣ 1867 года онъ скончался отъ чахотки. Память его останется ознаменованной въ исторіи славянской филологіи, помимо упомянутыхъ изслѣдованій, прекраснымъ переводомъ на русскій языкъ знаменитаго Введенія В. Гумбольдта въ Кави-языкъ: «О различіи организмовъ человѣческаго языка и о вліяніи этого различія на умственное развитіе человѣческаго рода. Посмертное сочиненіе

Вильгельма фонъ-Гумбольдта. Введеніе во всеобщее языкознаніе. Переводъ П. Билярскаго. Ученое пособіе по теоріи языка и словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ». (Санктпетербургъ 1859. Въ типогр. И. Ак. Н. 8⁰ 366 стран.). Въ Академіи онъ напечаталъ (въ 1865 году): «Матеріалы для біографіи Ломоносова». Недавно издана В. М. Истринымъ переписка Билярскаго: «Письма къ академику Петру Спиридоновичу Билярскому» (Одесса 1906, 8⁰ XLIII. 318). Во введеніи имѣется біографія академика (стр. VII—XLIII).

Между старшими учениками Срезневскаго числится самымъ выдающимся П. А. Лавровскій (1827—1886). Происхожденіемъ изъ Тверской губерніи, онъ попалъ въ 1842 г. въ петербургскій Педагогическій институтъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ спустя сдѣлался ученикомъ Срезневскаго. Онъ обратилъ впервые на себя вниманіе диссертаціей «О языкѣ сѣверно-русскихъ лѣтописей» (Спб. 1852, 160 стр.), которая далѣе развивала мысли его учителя (Срезневскаго) о единствѣ русскаго языка до XIII—XIV столѣтій, но на дѣлѣ должна была впервые констатировать фактъ существованія нѣкоторыхъ діалектическихъ особенностей на сѣверѣ Россіи, въ старой новгородской области, гораздо раньше, чѣмъ учитель его (Срезневскій) допускалъ возникновеніе діалектическихъ различій въ жизни русскаго языка. Вскорѣ онъ получилъ въ Харьковскомъ университетѣ каѳедру сначала педагогики, потомъ русской словесности. Съ тѣхъ поръ дѣятельность его шла бойко, каждый почти годъ приносилъ новые труды. Въ 1853 году вышла статья: «Замѣчанія объ особенностяхъ словообразованія и значеніи словъ въ древнемъ русскомъ языкѣ» (въ Извѣстіяхъ т. II. стр. 273—291), въ приложеніи къ IV тому Извѣстій, т.-е. во второмъ томѣ «Матеріаловъ для сравнительнаго и областного словаря и грамматики» вышелъ «Выборъ словъ изъ лѣтописей новгородскихъ, псковскихъ, переяславскихъ» (въ 1856 г. стр. 1—32), въ Ученыхъ Запискахъ т. II (1856): «Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской» (стр. 77—160), тамъ же т. IV (1858): «Замѣчанія объ этимологическихъ особенностяхъ стариннаго языка польскаго» (стр. 1—50). Важнѣе другихъ, хотя еще безъ рѣшающаго значенія, была его статья «О русскомъ полногласіи» (въ приложеніи къ Извѣстіямъ т. VII и въ VIII томѣ, стр. 330—336, отд. отт. 8⁰ 71). Въ 1858 году онъ напечаталъ въ московскихъ «Чтеніяхъ» кн. IV: «Описаніе семи рукописей Импер. публ. библіотеки» съ нѣкоторыми объясненіями, касающимися словъ важныхъ въ бытовомъ или миѳологическомъ значеніи. Въ 1863 году появилась (въ Уч. Запискахъ VII. 2) статья миѳологическаго содержанія: «О миѳическихъ вѣрованіяхъ у славянъ въ «облако» и «дождь» (1—42); сюда относится также обширный разборъ изслѣдованія А. Потебни «О миѳическомъ значеніи нѣко-

торыхъ повѣрій и обрядовъ» (въ Чтеніяхъ М. Общ. ист. и др., 1866 кн. II). Надо знать, что по признанію самого А. Потебни (см. Исторію русск. этнографіи III. 423), онъ сталъ заниматься славянскимъ языкознаніемъ благодаря П. Лавровскому, черезъ котораго онъ впервые познакомился съ грамматикой Миклошича и съ трудами Караджича; даже по представленію его былъ оставленъ при университетѣ. Но, хотя Потебня отзывался о Лавровскомъ съ признательностью, въ Харьковѣ ему кажется не нравилось. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Лавровскій сдѣлалъ поѣздку къ западнымъ и южнымъ славянамъ, былъ въ Прагѣ, у южныхъ славянъ—доходилъ до юга Далмаціи, приглядѣлся къ положенію этихъ «братьевъ славянъ» (объ этомъ обширное письмо къ Срезневскому напечатано въ VIII т. Извѣстій за 1859—60 гг. стр. 393—416) и кажется повернулъ, если не раньше то теперь, въ лагерь славянофильскій, примкнувъ къ выходкамъ политическаго панславизма (или вѣрнѣе панруссизма), который относился враждебно внутри Имперіи къ полякамъ и малороссамъ. Эти убѣжденія заставили его отдать предпочтеніе Варшавскому русскому университету, гдѣ онъ въ эпоху ярой руссификаціи состоялъ ректоромъ университета. Насколько ему не мѣшало служебное положеніе, онъ продолжалъ ученыя занятія. Во второмъ томѣ академическаго «Сборника» (№ 3) вышло его недурное изслѣдованіе: «Коренное значеніе въ названіяхъ родства у славянъ» (СПбъ 1867, стр. 118). Еще раньше, въ бытность свою въ Харьковѣ, онъ принялъ участіе въ полемикѣ между Погодинымъ и Максимовичемъ по вопросу о древности малорусскаго языка. Въ Ж. М. Н. Пр. 1859, іюнь, стр. 225—266, напечатана его еще въ 1855 году написанная статья: «Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими нарѣчіями», гдѣ довольно вѣрно охарактеризованы главныя различія между малорусскимъ и великорусскимъ нарѣчіями. Полемика продолжалась въ извѣстномъ журналѣ «Основа», гдѣ Лавровскій помѣстилъ по тому же вопросу двѣ статьи въ 1861 г. за мѣсяцы августъ и ноябрь—декабрь (сл. анализъ у Пыпина въ Исторіи русской этнографіи III. 323). Въ 1865 г. онъ написалъ въ Запискахъ Акад. Наукъ (т. VIII. 1865) разборъ 2-го изданія истор. грамматики Буслаева, а въ Отчетѣ о девятомъ присужденіи наградъ гр. Уварова (1867, стр. 11—87) отзывъ объ исторіи слав. литературъ А. Пыпина. Въ область славяновѣдѣнія входятъ обѣ части его сербско-русскаго и русско-сербскаго словаря, изданныя въ 1870 и 1880 годахъ, пособіе для изученія обоихъ языковъ не очень важное, отзывъ Даничича въ Rad'ѣ о сербско-русской части (кн. XV. 182—192), однако не совсѣмъ справедливъ. Въ «Чтеніяхъ» вышли въ 1860 г., кн. II: Житіе царя Лазара, въ 1862 г., кн. II: Стихотвореніе

хорватскаго поэта Павла Витезовича о Петрѣ Великомъ, въ 1868 г., кн. II: Паденіе Чехіи въ XVII-мъ вѣкѣ. Припомнимъ еще его статью: «Старорусское тайнописаніе». Москва 1870 (въ III томѣ Древностей. Трудовъ археол. общества).

Вдаваясь въ разсужденія историческія, П. Лавровскій обнаружилъ менѣе критики, чѣмъ въ изслѣдованіяхъ филологическихъ. Въ 1863 году вышло въ Харьковѣ его изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіи, полемически направленное противъ католическаго историка Рачкаго, но если Рачкій иногда преувеличивалъ, натягивая на сторону католицизма и папскаго авторитета, то еще рѣзче выступала противоположная, византійско-православная точка зрѣнія въ сочиненіи Лавровскаго. Исторической эрудиціи несравненно больше было въ сочиненіи Рачкаго.

П. Лавровскій такъ круто повернулъ русское дѣло въ Варшавскомъ университетѣ, что не могъ долго оставаться ректоромъ, въ 1872 г. онъ вышелъ въ отставку, но въ 1875 г. получилъ назначеніе на должность попечителя въ новоучрежденномъ Оренбургскомъ учебномъ округѣ, откуда въ 1880 году попалъ въ Одессу. Здѣсь постигъ его ударъ и въ 1885 году онъ покинулъ Одессу. Перебравшись въ Петербургъ, онъ намѣревался продолжать свою ученую дѣятельность, прерванную служебными занятіями, но не надолго. Онъ напечаталъ, дѣйствительно, въ Ж. М. Н. Пр. 1886 за іюль и августъ (8° стр. 84) свой критическій разборъ такъ называемой италіанской легенды или трансляціи св. Климента, желая понизить критическое достоинство этой легенды (противъ мнѣнія о. Мартынова), какъ первокласснаго источника для жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія, но эта попытка не можетъ быть названа удавшейся. См. Archiv f. slav. Phil. X 305—310 и о. Мартынова въ Revue des questions historiques 1884 и 1887. П. Лавровскій скончался 28 апрѣля 1886 г. Письма его къ Бодянскому напечатаны А. Титовымъ въ I кн. «Чтеній» за 1887 годъ. Некрологъ написалъ А. Кочубинскій 1889 г. въ XV томѣ Записокъ одесскаго общества исторіи и древностей, см. также въ Отчетѣ А. Ѳ. Бычкова за 1886 г. (Сборникъ XLI, № 4) и въ некрологѣ, составл. А. Ѳ. Бычковымъ же и напечатанномъ въ Ж. М. Н. Пр. 1886 г., апрѣль; тамъ же и списокъ сочиненій Лавровскаго.

Хотя Александръ Аѳанасьевичъ Потебня (1835—1891) самъ сознавался въ томъ, что П. Лавровскій указалъ ему дорогу въ область славянской филологіи, которую онъ и выбралъ своею спеціальностью, все-таки между дѣятельностью Лавровскаго, какъ учителя, и Потебни, какъ ученика, не замѣтно почти ничего общаго. Потебня самъ простосердечно заявлялъ, что

не считаетъ себя послѣдователемъ Лавровскаго. Онъ стоитъ, на мой взглядъ, въ ряду современныхъ съ нимъ русско-славянскихъ филологовъ очень высоко: трудно указать другого, который могъ бы стать въ уровень ему по глубокомысленному понимапію явленій языка и по философской проницательности. Его отличало прекрасное свойство беззавѣтнаго служенія наукѣ какъ священному дѣлу, не допускающему субъективнаго произвола, а требующему абсолютнаго преклоненія передъ истиной, передъ логикой фактовъ. Пишущій эти строки вмѣняетъ себѣ въ нѣкоторую заслугу, что онъ въ 1874 году осенью, уѣзжая черезъ Петербургъ за границу, обратилъ вниманіе надлежащихъ круговъ (черезъ Бестужева-Рюмина) на значеніе изслѣдованій А. Потебни, бывшихъ покрытыми мракомъ неизвѣстности вслѣдствіе того, что они печатались въ провинціальныхъ изданіяхъ. Какъ поздно въ Россіи и за границею стали цѣнить лингвистическую и философско-филологическую дѣятельность Потебни, доказываетъ странный фактъ, что даже Миклошичу большая часть трудовъ Потебни осталась неизвѣстной.

Потебня, происхожденіемъ малороссъ, родился въ Полтавской губерніи 10 сентября 1835 года. Онъ принадлежалъ по своимъ годамъ второму, младшему поколѣнію русскихъ филологовъ, распространявшихъ свое научное вниманіе на совокупную область славянскихъ языковъ и литературъ, хотя и не былъ записнымъ славистомъ. Проходя среднеучебное заведеніе въ Радомѣ, онъ выучился въ молодости польскому языку; въ университетъ же попалъ въ Харьковъ въ 1851 г., сначала на юридическій, потомъ на историко-филологическій факультетъ. Здѣсь не осталась безъ вліянія на него не столько личность, сколько литературная дѣятельность (южнорусскія народныя пѣсни) извѣстнаго профессора А. Л. Метлинскаго, а П. Лавровскій посвятилъ его въ таинства славянской филологіи. «Мысли» И. И. Срезневскаго о русскомъ языкѣ, изслѣдованіе Костомарова «Объ историч. значеніи русской народной поэзіи» и сочиненіе Буслаева «Объ эпической поэзіи» запечатлѣлись глубоко въ его воспріимчивой душѣ. Окончивъ въ 1856 г. университетскій курсъ, онъ былъ по рекомендаціи Лавровскаго оставленъ при университетѣ и приготовилъ магистерскую диссертацію: «О нѣкоторыхъ символахъ въ слав. народной поэзіи» (1860). Тогда какъ это сочиненіе обнаруживало его наклонность, никогда не покидавшую его, къ изученію произведеній народнаго творчества, слѣдующій трудъ его «Мысль и языкъ» (Ж. М. Н. Пр. 1862 г., перепечатано въ Харьковѣ въ 1892 г.), свидѣтельствовалъ о его наблюденіяхъ надъ языкомъ съ философской стороны. Онъ самъ говорилъ, что эта наклонность къ вопросамъ, не имѣющимъ непосредственнаго такъ называемаго житейскаго значенія, каковъ исчерпывающій все языковѣдѣніе вопросъ объ

отношеніи мысли къ слову, у него не объясняется школою. Она могла быть дана ему самой природой, заставлявшей его сосредоточиваться и работать уединенно. Въ 1862 году откомандированный за границу, онъ изучалъ подъ руководствомъ А. Вебера довольно механическимъ способомъ (извѣстнымъ хорошо и мнѣ) санскритскій языкъ, но это ученіе, по собственнымъ его словамъ, продолжалось только одинъ семестръ. «Время тогда было мало располагавшее къ такимъ занятіямъ: стала одолѣвать тоска, и я черезъ годъ самовольно вернулся въ Россію»—этими мало объясняющими словами онъ самъ охарактеризовалъ свою командировку, о которой три отчета его за 1862—3 годы напечатаны въ Ж. М. Нар. Пр. (части CXVII, 1863 г. № 1, стр. 49—50; № 3, стр. 253—4 и части CXX, № 10, стр. 9—10). Первые плоды его тогда же начавшейся филологической дѣятельности стали появляться въ воронежскихъ «Филологическихъ Запискахъ» и, будучи чисто грамматическаго содержанія, изъ области фонетики, обращали на себя мало вниманія. Объ изслѣдованіи его, значительно дополняющемъ и исправляющемъ сочиненіе П. Лавровскаго «О полногласіи» (въ Фил. Зап. за 1864 г.), вышелъ мой отзывъ въ загребскомъ Rad'ѣ кн. XIV. 200—9. Въ 1865 г. онъ началъ свои прекрасныя діалектологическія наблюденія надъ нарѣчіями русскаго языка статьею: «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій»—обѣ статьи вмѣстѣ вышли отдѣльно подъ заглавіемъ «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка» (Воронежъ 1866 г. 8⁰—156 стр., изъ Филол. Записокъ за 1864—1865 г.). Никто не умѣлъ въ то время такъ хорошо и правильно, съ чисто научной точки зрѣнія, анализировать діалектическія, звуковыя особенности русскихъ нарѣчій, какъ Потебня, при чемъ онъ въ особенности подробно входилъ въ характеристику болѣе извѣстныхъ ему малорусскихъ нарѣчій. Матеріалъ, которымъ онъ могъ въ то время располагать для своихъ наблюденій, былъ весьма ограниченъ. Продолженіе этихъ изслѣдованій какъ разъ по малорусскому языку вышло въ тѣхъ же Фил. Запискахъ за 1870 годъ: «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи» (Воронежъ 1871 г. 8⁰—134). Мнѣ кажется, эти изслѣдованія, несмотря на ихъ строго научный характеръ, сначала извѣстнымъ сферамъ не были по вкусу: въ нихъ усматривалось проявленіе малорусскаго сепаратизма. Однако А. Потебня доказалъ между прочимъ своей обширной рецензіею на сочиненіе П. И. Житецкаго «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія» (Кіевъ, 1876, стр. 376), помѣщенной въ Отчетѣ о 20-мъ присужденіи премій графа Уварова (1878, 764—839; отд. отт. 76 стр.), что у него не только не было никакихъ заднихъ мыслей, но что онъ не стѣснялся даже возражать и противъ другихъ тамъ, гдѣ ему казалось, что группировка фактовъ сдѣлана односторонне или тенденціозно.

Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ несравненно выше, напр., галицкаго ученаго О. Огоновскаго.

Изслѣдованіямъ по народной поэзіи и вообще этнографіи, съ наклонностью къ миѳологическимъ объясненіямъ—въ этомъ отношеніи онъ былъ довольно близокъ къ Буслаеву — посвящены его труды: «О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій» (1865 въ московскихъ «Чтеніяхъ» кн. II. III. IV), «О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ» (въ московскихъ «Древностяхъ». Арх. Вѣстн. 1867 г.), «О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ» (ibid.) и «Переправа черезъ воду какъ представленіе брака» (ib. 1868). Глубокое знакомство съ русской народной поэзіей явствуетъ изъ его изданія «Слова о Полку Игоревѣ» съ очень тонкими замѣчаніями (Отд. отт. изъ ворон. Фил. Записокъ за 1877—8 г., стр. 158. II) и изъ его обширнаго разбора сборника народныхъ пѣсенъ Головацкаго (въ Запискахъ Акад. Н. т. 37, № 4), въ особенности же изъ его обширныхъ «Объясненій малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ», которыя печатались въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ между 1883 и 1887 годами (отд. оттискъ I. 268, VIII стр., II. 804 стр.). Трудно, почти невозможно дать коротенькій анализъ этихъ «Объясненій», тутъ не идетъ уже рѣчь только о связи съ миѳологіею или бытовымъ значеніемъ, а также и объ художественной формѣ и поэтическомъ символизмѣ. Наблюденія Потебни выходятъ изъ южнорусской народной поэзіи, но параллели къ отдѣльнымъ мотивамъ и поэтическимъ образамъ онъ беретъ съ удивительно широкими познаніями изъ всѣхъ прочихъ славянскихъ народныхъ поэзій. Въ толкованіи поэтическихъ образовъ, символики и языка Потебня приближался болѣе къ Буслаеву, чѣмъ къ А. Н. Веселовскому. Послѣдній трудъ его впрочемъ еще мало до сихъ поръ изученъ.

Въ научномъ отношеніи выше всего стоятъ отличающіяся глубиной философскихъ мыслей лингвистическія изслѣдованія его въ области языка, сосредоточенныя главнымъ образомъ на вопросахъ синтактическихъ въ духѣ, какъ онъ самъ говорилъ, В. Гумбольдта. Подъ скромнымъ заглавіемъ «Изъ записокъ по русской грамматикѣ» онъ задался разработкой вопросовъ синтактическихъ, выходя изъ предложенія и составныхъ членовъ его. Кромѣ В. Гумбольдта и Штейнталя видно также вліяніе Макса Мюллера, сочиненіе котораго «Das Denken im Lichte der Sprache» приводится довольно часто. Въ общемъ «Введеніи», изданномъ отдѣльнымъ оттискомъ изъ воронежскихъ Филологическ. Зап. 1873 г., какъ I часть (Ворон. 1874. 8⁰ 157), разобраны слѣдующія темы: I—Что такое слово? II—Представленіе и значеніе. III—Различныя понятія о корнѣ слова. IV—Грамматическая форма. V—Почемъ

узнается присутствіе этой формы въ данномъ словѣ? VI—Формы этимологическія и синтактическія. VII—Созданіе и разрушеніе грамматическихъ формъ. VIII—Грамматика и логика. IX—Трудности при опредѣленіи предложенія и его членовъ. X—Члены предложенія и части рѣчи. Вторая часть вышла въ Харьковѣ 1874. VI. 540 съ спеціальнымъ заглавіемъ: II—«Составные члены предложенія и ихъ замѣны въ русскомъ языкѣ». Обѣ части вмѣстѣ съ нѣкоторыми дополненіями, которыя видны по числу страницъ перваго изданія, присоединенныхъ на поляхъ второго, вышли вторично въ 1888 году въ Харьковѣ, 8⁰ 535. VI. Не систематическимъ продолженіемъ этого труда, которое на мой взглядъ должно бы съ простого предложенія, разобраннаго пока какъ подлежащее (субъектъ) и сказательное (предикатъ), перейти на дополненія въ родѣ косвенныхъ падежей и на расширенія въ сложныя предложенія, а скорѣе дополненіемъ къ отдѣльнымъ уже пройденнымъ главамъ, вышла по смерти автора, подъ редакціею Харціева, III-я часть (собственно второй томъ) въ Харьковѣ 1899 г., 8⁰ 663, съ спеціальнымъ заглавіемъ: «Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго». Заглавіе не передаетъ вѣрно содержанія, такъ какъ тутъ не разбираются только существительныя, а также и прилагательныя, рѣчь идетъ и о приложеніяхъ (аппозиціяхъ), о hendiadys, объ устраненіи подлежащаго и т. д. Всего накопилось XII главъ безъ стройной системы, и еще три главы, какъ «Приложенія», въ самомъ концѣ которыхъ «Грамматическій родъ». Трудно рѣшить, назвать ли намъ это неумѣніемъ автора совладать съ богатствомъ собственныхъ наблюденій и подчинить ихъ стройному порядку изложенія, или же лучше предположить, что издатель имѣлъ передъ собой не вполнѣ выработанный матеріалъ, который въ окончательной формѣ долженъ былъ бы войти въ другомъ порядкѣ въ составъ прежней части. Дѣйствительно, по существу содержанія цѣлый синтактическій трудъ Потебни состоитъ изъ одного общаго введенія и всесторонняго обсужденія и анализа главныхъ членовъ предложенія, субъекта и предиката, при чемъ играютъ роль существительное, прилагательное, приложеніе, мимоходомъ также категорія грамматическаго рода; категорію числа авторъ разобралъ отдѣльно въ Филол. Запискахъ за 1887—8 гг. подъ заглавіемъ: «Значеніе множ. числа въ русскомъ языкѣ» (отд. отт. Воронежъ 1888, 8⁰ 76). Итакъ, синтактическія изслѣдованія Потебни представляютъ очень драгоцѣнный торсо, который именно потому не можетъ итти въ сравненіе съ синтаксисомъ Миклошича, разработаннымъ въ цѣльномъ видѣ, хотя по другому принципу, но не съ такой же глубиной взглядовъ.

А. Потебня любилъ заниматься вопросами изъ сравнительной фонетики и объясненіями этимологическими, по большей части отличающимися бога-

той сообразительностью, хотя иныя сопоставленія все-таки сомнительны. Сюда относится напечатанная еще въ 1864 г. въ Филол. Запискахъ статья «О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ» (8° 32), потомъ «Критическія и библіографическія замѣтки» въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1873, октябрь (302—326), 1874, мартъ (103—127), апрѣль (372—389), по поводу сочиненій Гейтлера и Колосова. Цѣлая серія относящихся сюда (но не всѣхъ) статей напечатана подъ заглавіемъ: «Къ исторіи звуковъ русскаго языка» I. (Воронежъ 1876, 8° 243, сначала первыя главы вышли въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1873. X, 1874. III, IV, X). Здѣсь затронуты вопросы, бывшіе тогда въ сравнительной лингвистикѣ на очереди, напримѣръ, о начальномъ русскомъ *о* вмѣсто церковно-славянскаго ѥ, о гласныхъ ъ и ь, о тѣхъ же гласныхъ при плавныхъ *р л*, о первомъ полногласіи, о движеніи коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ. Продолженіе этихъ изслѣдованій стало выходить подъ заглавіемъ: «Этимологическія и другія замѣтки» (Варшава. 1880, изъ Р. Филол. Вѣстника). Подъ II собраны четыре статьи: этимологическія замѣтки 1—31, о вліяніи небности на согласные звуки 1—70, замѣтки о двухъ пѣсняхъ 1—12, «Рожа-спажа, тума, Томашъ» 13—25. Подъ III (Варшава. 1881. 8° 143) приводятся преимущественно объясненія различныхъ словъ и поговорокъ, а также фонетическіе вопросы, напр., о *з* послѣ *р л* вмѣсто spirans tenuis (1—14), о *х* изъ до-славянскаго и славянскаго *с* (82—122). Подъ IV (Варшава, 1883, 8° 86. IX) опять представлены объясненія различныхъ словъ и оборотовъ. Послѣдняя посвященная этимъ вопросамъ статья его появилась въ III томѣ «Живой Старины» 1891 г. подъ обыкновеннымъ заглавіемъ «Этимологическія замѣтки». Въ новыхъ «Извѣстіяхъ» русскаго отдѣленія Академіи Наукъ за 1896 годъ (I. 804—831) напечатанъ его разборъ диссертаціи А. Соболевскаго, написанный еще въ восьмидесятыхъ годахъ («Очерки изъ исторіи русскаго языка»), въ которомъ ярко означена точка зрѣнія Потебни по отношенію къ научнымъ пріемамъ, воплощеннымъ въ диссертаціи.

Обширность философскихъ замысловъ, раскинувшихся по всей области языка въ разнообразныхъ видахъ человѣческаго слова какъ выраженія мысли, заставила А. Потебню вдумываться также въ различныя формы словеснаго изложенія. Онъ увлекся чтеніемъ лекцій по теоріи словесности. Въ 1893 году вышла въ видѣ уже посмертнаго труда часть этихъ лекцій, посвященная разбору басни, пословицы, поговорки («Изъ лекцій по теоріи словесности». Харьковъ, 1894. 8° 162, подъ редакціей Харціева). Въ «Вѣстникѣ Европы» 1895, кн. X напечатано его философское разсужденіе: «Языкъ и Народность».

Свѣтлая личность А. Потебни, какъ преподавателя въ университетѣ, обрисована очень рельефно въ отзывахъ бывшихъ его слушателей, собранныхъ въ статьѣ А. Ветухова: «А. А. Потебня † 29 ноября 1891 г.» (Отд. оттискъ изъ Рус. Фил. Вѣстн., Варшава. 1896. 8° 59). Списокъ трудовъ А. Потебни и перечень статей о немъ см. такъ же въ библіогр. статьѣ Э. А. Вольтера въ «Сборникѣ» Отд. русск. яз. и слов. т. LIII. № 8 (Спб. 1892 г.).

Очень симпатичной личностью въ рядахъ русскихъ филологовъ-славистовъ былъ Ал. Ал. Котляревскій (род. въ 1837 г., † 1881 г.). Кончивъ въ 1853 году гимназію въ Полтавѣ, онъ переѣхалъ въ университетъ въ Москву, гдѣ Бодянскій и Буслаевъ поддерживали въ молодыхъ слушателяхъ любовь къ научнымъ занятіямъ въ области славянскихъ и русскихъ литературъ и народной поэзіи. Котляревскій полюбилъ славяновѣдѣніе, не примкнувъ въ то же время къ московскимъ славянофиламъ. Наглядно рисуетъ его житье-бытье какъ студента въ Москвѣ А. Н. Веселовскій въ L томѣ академическаго «Сборника», въ біографическомъ очеркѣ, написанномъ А. Пыпинымъ. Кончивъ въ 1857 г. университетскій курсъ, но безъ кандидатской степени, открывающей доступъ къ ученой карьерѣ, онъ поступилъ на службу въ качествѣ преподавателя въ московскомъ кадетскомъ корпусѣ и повторилъ кандидатскій экзаменъ въ 1861 г. въ Петербургѣ съ успѣхомъ. Но вскорѣ обрушилась на его голову бѣда, какъ и на Аѳанасьева: заподозрѣнный въ политической неблагонадежности, онъ былъ за неимѣніемъ доказательствъ отпущенъ на свободу, но безъ права служить по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія. Въ тюрьмѣ, говорятъ, онъ пострадалъ и физически, съ надломленными силами вышелъ на свободу. Его участіе въ разныхъ журналахъ, между прочимъ, въ воронежскихъ Филологическихъ Запискахъ, сначала ограничивалось хорошими критическими рефератами о русской ученой литературѣ въ области народнаго творчества, словесности и археологіи, и статьями о сравнительномъ языкознаніи по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, напримѣръ, его книжка «Старина и народность» давала отчетъ (1861) объ успѣхахъ этнографическихъ изслѣдованій въ Россіи, а объ успѣхахъ сравнительной лингвистики онъ написалъ «Сравнительное языкознаніе» въ воронежскихъ Филологическихъ Запискахъ 1862—1863 г. Въ московскомъ Археологическомъ обществѣ онъ состоялъ одно время очень усерднымъ редакторомъ «Древностей — Археологическаго Вѣстника». Такимъ образомъ у Котляревскаго развилась, со временемъ, очень большая начитанность съ присоединеніемъ къ ней по большей части правильныхъ критическихъ взглядовъ на разбираемые предметы, но дѣятельность его пока шла больше въ ширь, чѣмъ въ

глубь, самостоятельнаго было мало. Тогда онъ рѣшился выступить съ однимъ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ изъ области славянскихъ бытовыхъ древностей, значитъ, изъ той области славянской науки, которая послѣ не продолженныхъ славянскихъ «Старожитностей» Шафарика представляла чувствительные пробѣлы. Это была его магистерская диссертація «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ», представленная въ Петербургскій университетъ, на основаніи которой онъ и получилъ въ іюлѣ 1868 года степень магистра и былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ дерптскаго университета для «русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще». Въ этомъ, чужомъ для русскаго ученаго университетѣ положеніе его было не изъ легкихъ, однако онъ успѣлъ завоевать себѣ симпатіи большинства товарищей, пока возбужденное настроеніе во время нѣмецко-французской войны не испортило этихъ отношеній, и онъ почувствовалъ себя между волнами нѣмецкаго одушевленія изолированнымъ. Болѣзнь его тоже усиливалась и увеличивала чувство одиночества. Въ 1872 году онъ получилъ отпускъ на годъ за границу, поѣхалъ черезъ Варшаву, Бреславль, Дрезденъ и Прагу въ Италію (сл. его отзывъ о чехахъ въ ст. Пыпина, Сборникъ L, стр. 105). Лѣтомъ 1873 года мы съ нимъ встрѣтились и познакомились въ Прагѣ, онъ усердно занимался въ библіотекѣ чешскаго Музея, между прочимъ, разбирая богатыя выписки въ бумагахъ Дуриха. Въ это время онъ готовилъ свою докторскую диссертацію, которую порѣшилъ также напечатать въ Прагѣ. Это обстоятельство помѣшало ему къ сроку возвратиться въ Дерптъ, онъ предпочелъ подать въ отставку. Вмѣсто одной докторской диссертаціи у него появились въ свѣтъ сразу два параллельныхъ сочиненія: «Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ въ отношеніи славянской исторіи и древности» (Прага 1874, lex. 8⁰ 160) и «Древности юридическаго быта балтійскихъ славянъ» (Прага 1874, lex. 8⁰ 168). Оба сочиненія отличались тщательной разработкой даннаго вопроса по источникамъ, не вдаваясь въ какія-либо смѣлыя комбинаціи или гипотезы. Котляревскій получилъ въ ноябрѣ 1874 года степень доктора въ Петербургскомъ университетѣ, отзывъ его оппонента В. И. Ламанскаго напечатанъ въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1875 г., январь. Осенью того же года ему досталась каѳедра славистики въ Кіевѣ. Къ сожалѣнію болѣзнь не покидала его, поѣздка въ Италію въ 1881 году кончилась катастрофой. Онъ скончался въ Италіи, въ концѣ октября въ Пизѣ.

Благодаря щедрому постановленію его духовнаго завѣщанія, Академія Наукъ получила возможность назначать преміи имени Котляревскаго въ пользу научныхъ изслѣдованій по славянской филологіи. Собраніе его сочиненій напечатано въ томахъ XLVII—L «Сборника» Отдѣленія русск. яз. и

слов. Четыре тома этихъ трудовъ его дѣлятся на двѣ половины, I и II содержатъ отзывы и разборы чужихъ трудовъ или же извлеченія изъ чужихъ изслѣдованій, только въ III и IV напечатаны вышеупомянутыя его собственныя изслѣдованія съ однимъ хорошимъ библіографическимъ обозрѣніемъ: «Древняя русская письменность», напечатаннымъ впервые въ воронежскихъ Филологическихъ Запискахъ за 1879—1880 г. какъ «Библіографическій опытъ о древней русской письменности» (Воронежъ. 1881). Я нахожу, что значеніе А. А. Котляревскаго въ области славянской филологіи нѣсколько преувеличивается: онъ отличался тщательной разработкой, но не входилъ очень глубоко въ суть затрогиваемыхъ предметовъ. Послѣ А. А. Котляревскаго осталась единственная въ своемъ родѣ по богатому подбору библіотека по славяновѣдѣнію, нынѣ хранящаяся по завѣщанію въ Московскомъ И. Росс. Историческомъ имени Импер. Александра III Музеѣ.

Блестящаго, глубокомысленнаго ученаго съ широкими литературно-историческими познаніями пріобрѣлъ московскій университетъ въ лицѣ Николая Саввича Тихонравова (1832—1893). Въ своей выдающейся не многочисленностью трудовъ, но превосходными критическими качествами изслѣдованій дѣятельности онъ сосредоточивался на древне-славянской и древне-русской письменности, на вопросахъ существенной важности для славянской филологіи. Родомъ изъ Калужской губерніи, онъ попалъ еще ребенкомъ въ Москву. Послѣ окончанія курса гимназіи въ 1849 г., тяжелыя обстоятельства тогдашняго времени приневолили его переѣхать для высшаго образованія въ Педагогическій институтъ въ Петербургъ. Но духъ, господствовавшій здѣсь подъ начальствомъ Давыдова, не былъ ему по вкусу. Его тянуло въ Московскій университетъ, въ которомъ Шевыревъ, Буслаевъ и Леонтьевъ съ большимъ успѣхомъ развивали свою ученую дѣятельность. Не легко было попасть въ ограниченное число студентовъ безъ особенной протекціи. Тихонравову удалось расположить въ свою пользу Погодина одной статьею о Катуллѣ, помѣщенной въ погодинскомъ журналѣ «Москвитянинѣ» 1850 г. т. V, № 19 (она перепечатана въ «Сочиненіяхъ» III, ч. 2, 244—259). Будучи еще студентомъ Тихонравовъ обратилъ на себя вниманіе различными статьями, напечатанными въ современныхъ журналахъ, преимущественно по русской литературѣ и библіографіи. Кончивъ въ 1853 году университетъ, сначала онъ учительствовалъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ Московскихъ (1853—1857), потомъ же былъ избранъ въ адъюнкты по историко-филологическому факультету, съ 1859 года на русскую словесность. Въ трудахъ Тихонравова очень скоро обнаружилось стремленіе не довольствоваться общедоступными, уже изданными источниками, а также порыться самому въ бога-

тыхъ рукописныхъ собраніяхъ, публичныхъ въ родѣ синодальной библіотеки, румянцевскаго музея и частныхъ (у Погодина, Забѣлина и др.). Тутъ повидимому отразилось на немъ вліяніе Буслаева. Изучая этотъ новый и неизвѣстный матеріалъ, Тихонравовъ убѣдился въ большихъ пробѣлахъ относительно тогдашнихъ свѣдѣній по древне-русской письменности вслѣдствіе недостаточно изслѣдованныхъ рукописныхъ источниковъ. Это сознаніе развивало въ немъ пристрастіе къ собиранію рукописей. Постоянныя сношенія съ московскими букинистами изощряли его пытливый глазъ на библіографическихъ и рукописныхъ рѣдкостяхъ; своими пріобрѣтеніями онъ настолько дорожилъ, что и съ заимствованіями изъ чужихъ собраній ему трудно было разставаться. Но чѣмъ усерднѣе онъ самъ почерпалъ изъ этихъ, никому кромѣ него самого неизвѣстныхъ источниковъ, тѣмъ болѣе скупился на изданіе этихъ сокровищъ, которыя послѣ публикаціи переставали бы быть его личнымъ достояніемъ.

Такимъ образомъ выходило естественно, что статьи и изслѣдованія Тихонравова становились драгоцѣнными открытіями въ древне-русской письменности, авторъ прослылъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ въ этой широкой области. Онъ любилъ останавливаться на характерныхъ явленіяхъ, имѣвшихъ значеніе для отдѣльныхъ эпохъ литературы. Будучи еще студентомъ, онъ разбиралъ уже темы въ родѣ «Замѣтки о рѣдкой книгѣ» (Моск. Вѣд. 1851), или «О заимствованіяхъ русскихъ писателей» (напечат. нынѣ въ Сочиненіяхъ III, ч. 2. 290 — 357). Въ 1852 и слѣдующихъ годахъ имъ указано на неполноту Смирдинскаго изданія сочиненій Ломоносова (въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и Москвитянинѣ, см. Сочиненія III, ч. 2. 5—31), предлагались критико-библіографическія поправки къ Фонвизину (Сочиненія III, ч. 1. 90—129, ч. 2. 38 — 48), Гоголю (Сочиненія III, ч. 2. 209—216), Пушкину и Дельвигу (Сочиненія III, ч. 2. 169 — 181) и о Гнѣдичѣ (ib. 100 — 138). Студенческое изслѣдованіе его «О нѣмецкихъ народныхъ преданіяхъ въ связи съ исторіей» не было напечатано. Онъ сотрудничалъ также въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1853 — 55) статьями о новыхъ русскихъ писателяхъ, голосъ его по этимъ вопросамъ становился съ каждымъ годомъ авторитетнѣе. Къ біографическому лексикону Шевырева о русскихъ профессорахъ онъ давалъ свои приложенія (Москва 1855, во II томѣ, теперь въ Сочиненіяхъ III, ч. 1. 15—82). Говорятъ, что имѣлось въ виду помѣстить его въ Кіевскомъ университетѣ, но онъ такъ любилъ свою Москву, что не хотѣлъ съ ней разставаться. Тогда дали ему въ Московскомъ университетѣ чтеніе лекцій по педагогикѣ (послѣ Шевырева), на русскую же словесность Бодянскій успѣлъ провести своего ученика А. Майкова, который однакожъ года черезъ два отказался, и тогда занялъ каѳедру Тихонравовъ (1859). Осно-

ванное имъ, но къ сожалѣнію не долго продолжавшееся повременное изданіе «Лѣтописи русской литературы и древности» принадлежитъ безспорно къ лучшимъ предпріятіямъ подобнаго рода не только въ Россіи, но и за границею. Вышло всего пять томовъ (1859—1863). Въ изданіи кромѣ многочисленныхъ статей самого Тихонравова, приняли участіе видные представители, какъ Буслаевъ, Герцъ, Соловьевъ, Забѣлинъ, Аѳанасьевъ и др., изъ молодыхъ: Ал. Веселовскій, А. С. Павловъ, А. Котляревскій, А. Дювернуа, И. С. Некрасовъ. Многіе важные средневѣковые памятники, характерные для освѣщенія сношеній древне-русской письменности то съ византійскимъ востокомъ, то съ романо-германскимъ западомъ, появились здѣсь или впервые или въ новыхъ редакціяхъ по доступнымъ ему рукописямъ (напримѣръ, повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ, о Вавилонскомъ царствѣ, о Преніи живота со смертію, Луцидаріусъ, сказаніе о Индѣйскомъ царствѣ и т. д.). Полное обозрѣніе содержанія этого журнала представлено въ Отчетахъ Императорскаго Общества Любителей древней письменности за 1895—96 годъ.

Въ особенности много приложилъ стараній Тихонравовъ къ приведенію въ извѣстность славянскихъ текстовъ апокрифической литературы; онъ напечаталъ въ 1863 г. два тома великолѣпнаго изданія: «Памятники отреченной русской литературы». Къ этому матеріалу онъ собирался написать ученую диссертацію, въ которой должно было выясниться большое значеніе отреченныхъ и ложныхъ книгъ для древне-русской письменности. Къ сожалѣнію, изслѣдованіе это не появилось во̀ время, вслѣдствіе чего и избраніе его въ профессоры замедлилось. Только теперь въ I томѣ Сочиненій его (1898) напечатаны всѣ тѣ очерки, которые нашлись въ рукописи, относящіеся къ данному вопросу; подъ заглавіемъ: «Отреченныя книги древней Россіи» (на стр. 127—255). Редакторъ этого тома сочиненій (М. Сперанскій) объяснилъ въ «Примѣчаніяхъ» (13—84) и «Дополненіяхъ» (109—137) исторію происхожденія всѣхъ семи очерковъ. Продолженіе текстовъ отреченной литературы, какъ томъ III, не было авторомъ доведено до конца: все, что нашлось отпечатаннымъ, выпущено въ свѣтъ въ «Сборникѣ» томъ LVIII, № 4. Что̀ намѣревался Тихонравовъ помѣстить въ III томѣ, перечислено имъ въ письмѣ къ Срезневскому, которое сообщилъ А. Пыпинъ въ біографическомъ очеркѣ (Сочиненія, I, стр. 90—91).

Тихонравова не могла не занимать оригинальная личность протопопа Аввакума; онъ издалъ житіе его въ 1862 году въ Петербургѣ. Въ 1866 г. вышло первымъ изданіемъ его «Слово о полку Игоревѣ» (вторично напечатано въ 1868 г.)—изданіе отличалось критической трезвостью. Тихонравовъ приложилъ также много труда къ изслѣдованію вопроса объ исторіи русскаго

театра. Онъ напечаталъ въ 1873 году свою рѣчь «Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра» (Москва. 8⁰ 35), а въ 1874 г. были напечатаны два тома текстовъ: «Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ. Къ 200-лѣтнему юбилею русскаго театра собраны и объяснены Ник. Тихонравовымъ». Но это изданіе не вышло тогда же въ свѣтъ вслѣдствіе банкротства издателя Кожанчикова, а потомъ даже безъ имени автора. Объясненія къ текстамъ доступны теперь во II томѣ «Сочиненій».

Облеченный довѣріемъ Московскаго университета, Н. С. Тихонравовъ какъ человѣкъ съ характеромъ, внушающимъ уваженіе, продолжалъ много лѣтъ занимать тяжелую и отвѣтственную должность ректора. Но эти служебныя обязанности отнимали у него слишкомъ много времени, мѣшали ему не только въ чтеніи лекцій, которыя становились рѣдкими, но и его ученая дѣятельность приняла характеръ чего-то отрывочнаго, о чемъ нельзя не пожалѣть. До насъ дошли дѣйствительно только отрывки его большой эрудиціи, глубокихъ свѣдѣній по русской словесности. За неимѣніемъ болѣе цѣльныхъ обозрѣній мы дорожимъ и этими отрывками. Они появлялись то въ видѣ рѣчей, произносимыхъ въ торжественныхъ случаяхъ, то печатались иногда въ видѣ отдѣльныхъ лекцій, напр., въ Сборникѣ Общества любителей русской словесности за 1896 годъ напечатана одна его лекція «Общій взглядъ на древнюю русскую литературу». Укажемъ на его замѣчательный отзывъ объ исторіи русской литературы Галахова (теперь напечатанъ въ I томѣ Сочиненій подъ заглавіемъ: «Задачи исторіи литературы и методы ея изученія», стр. 1—126). Въ восьмидесятыхъ годахъ Тихонравовъ много занимался Гоголемъ, ему обязана русская литература между прочимъ полнымъ (10-ымъ) критическимъ изданіемъ сочиненій Гоголя, въ семи томахъ 1889 и 1893. «Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонъ-Визина» изданы какъ посмертный трудъ академика Н. С. Тихонравова Вторымъ отдѣленіемъ Импер. Акад. Наукъ (въ С.-Петербургѣ 1894. XLVI. 378). Изученіе народнаго творчества (напр., былинъ) не входило въ планъ его ученыхъ изслѣдованій, но если онъ могъ найти въ древнихъ рукописяхъ ту или другую запись, онъ конечно дорожилъ ею. Такимъ образомъ вышло въ 1891 г. въ Москвѣ его изданіе: «Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка» 8⁰ 48. Этими текстами онъ принялъ также участіе въ изданіи этногр. отдѣла Импер. общества Любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи: «Русскія былины старой и новой записи» (Москва 1894. 16⁰ 304), главнымъ редакторомъ былъ рядомъ съ Тихонравовымъ Всев. Миллеръ.

Н. С. Тихонравовъ оставался много лѣтъ адъюнктомъ (до 1870), потомъ былъ избранъ въ экстраординарные (1870) и ординарные профессоры, съ

1877 по 1883 состоялъ ректоромъ университета. Въ 1889 вышелъ въ отставку, въ 1890 избранъ ординарнымъ академикомъ, скончался 27 ноября 1893 г. Вліяніе его на своихъ слушателей и учениковъ было громадное. Они воздвигли ему памятникъ изданіемъ подъ заглавіемъ «Памяти Николая Саввича Тихонравова» (Москва 1894. lex. 8⁰ 194). Кромѣ того, стараніемъ двухъ большихъ почитателей и видныхъ учениковъ его (М. Сперанскаго и В. Якушкина) напечатаны собранныя сочиненія его въ 1898 году, въ четырехъ томахъ (по отмѣткѣ на заглавномъ листѣ въ трехъ томахъ, но третій состоитъ изъ двухъ частей). Томъ I (8⁰ X 356 и 137) посвященъ «Древней русской литературѣ» и кромѣ вышеупомянутыхъ статей и изслѣдованій содержитъ еще «Девгеніево дѣяніе» (256—274, по изданному прежде сообщенію), и нѣсколько другихъ статей по исторіи литературы XV вѣка, изданныхъ еще раньше и здѣсь перепечатанныхъ, между прочимъ обширный разборъ изданія Безсонова «Калѣки перехожіе» (на стр. 324—358, перепеч. изъ Отчета о 33 присужденіи Демидовскихъ наградъ). Во второй томъ Сочиненій вошли статьи, относящіяся къ русской литературѣ XVII и XVIII вв., перепечатанныя изъ унив. лекцій и различныхъ журналовъ (1—375, 3—68). Въ III-емъ изъ двухъ частей состоящемъ томѣ (Томъ III, ч. 1, 8⁰ 602. 95, ч. 2. 423), собраны, но не вполнѣ удовлетворительно приведены въ порядокъ статьи, заключающія въ себѣ явленія изъ русской литературы XVIII и XIX вв. Это по большей части статьи небольшого объема, относящіяся отчасти къ ранней молодости автора (о которыхъ была выше рѣчь), отчасти къ позднѣйшимъ годамъ, есть и неизданныя раньше статьи (о Жуковскомъ, о Гнѣдичѣ, Пушкинъ и Гоголь, Лермонтовъ въ Москвѣ, Обзоръ переводовъ Гомера на русскій языкъ, о заимствованіяхъ русскихъ писателей). Для полнаго уразумѣнія Тихонравова было бы очень желательно имѣть его переписку, частью которой могъ воспользоваться А. Н. Пыпинъ, написавшій при первомъ томѣ Сочиненій (стр. XIII—XCIII) очень поучительный біографическій очеркъ съ характеристикой его дѣятельности, какъ преподавателя и ученаго.

Славянофильскія воззрѣнія на древне-русскую поэзію и миѳологическое толкованіе въ смыслѣ и направленіи не то Гриммовской, не то Мюллеръ-Шварцовой школы старался соединить и примирить почтенный труженикъ въ области русской словесности и народнаго творчества Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ (1833—1889), бывшій въ восьмидесятыхъ годахъ очень популярнымъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета, любимецъ молодежи по сердечной заботливости о всѣхъ ея нуждахъ. Нѣмецкаго происхожденія (родомъ изъ Гапсаля), онъ обрусѣлъ еще въ ранней молодости, воспитываемый въ разныхъ провинціальныхъ городахъ Россіи, потомъ въ Вильнѣ и Вар-

шавѣ; университетъ кончилъ въ Петербургѣ въ 1855 г. Оставленный при университетѣ въ уваженіе его кандидатскаго сочиненія «О русской комедіи» (1853), онъ получилъ степень магистра русской словесности за диссертацію (1858) «О нравственной стихіи въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ», которая вызвала рѣзкую полемику своимъ, какъ тогда казалось рецензентамъ (между прочимъ Добролюбову и Котляревскому), ретроградным направленіемъ. Не говоря о собственныхъ поэтическихъ произведеніяхъ его, не имѣвшихъ большого успѣха, напомнимъ только о пристрастіи автора къ публичнымъ рѣчамъ и лекціямъ, заполнившимъ большую часть его дѣятельности и помимо профессорской каѳедры. Такъ, еще въ 1860 г., онъ читалъ публичныя лекціи о Шиллерѣ, напечатанныя въ Ж. М. Н. Пр.; изданіе же русскихъ народныхъ пѣсенъ собранія Кирѣевскаго и Рыбникова дало въ 1862 г. ему поводъ къ чтенію публичныхъ лекцій объ этомъ предметѣ, заинтересовавшемъ какъ разъ тогда и его самого. Участіе въ педагогическихъ журналахъ (какъ «Учитель») статьями по русской словесности приготовило первый трудъ его въ видѣ самостоятельнаго сочиненія: «Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности» (1865). Первая глава этого сочиненія «Устная словесность» выдаетъ автора приверженцемъ теорій М. Мюллера и Шварца, находившихъ въ воздушныхъ явленіяхъ природы главный источникъ миѳологіи; миѳологическое объясненіе онъ распространялъ и на коляду, и на купало, и на весь круглый годъ народныхъ обычаевъ и повѣрій. Во второй главѣ онъ отыскивалъ въ русскихъ сказкахъ «остатки миѳическаго эпоса». Въ третьей главѣ говорится объ «остаткахъ животнаго эпоса». Въ четвертой изложены «остатки былевого эпоса». Здѣсь между прочимъ сопоставлено по невѣрной этимологіи слово «богатырь» съ прилагательнымъ «божественный», въ богатыряхъ въ концѣ концовъ предполагаются бывшіе когда-то боги. Всѣ богатырскіе подвиги выводятся изъ явленій природы неба, звѣздъ, воздуха, но въ то же время вѣрится, что въ данныхъ былевого эпоса отражаются, какъ въ зеркалѣ, дѣйствительныя отношенія русской исторической старины.

Осенью 1862 года Орестъ Миллеръ поѣхалъ съ ученою цѣлью въ Германію, гдѣ слушалъ лекціи въ Берлинскомъ университетѣ. Въ журналѣ Геррига «Archiv für das Studium der neueren Sprachen» появилась его статья о «Гильдебрандовой пѣснѣ сравнительно съ былинами про бой Ильи Муромца съ сыномъ». Непродолжительная остановка его въ Прагѣ, быть можетъ, ускорила рѣшительный поворотъ въ славянофильскую сторону, проявлявшуюся съ тѣхъ поръ во всѣхъ его статьяхъ и рѣчахъ съ каждымъ годомъ ярче (Письма къ И. С. Аксакову изъ Праги въ газетѣ «День» 1863). Возвратившись въ Петербургъ, онъ началъ читать лекціи въ качествѣ приватъ-доцента;

это были съ риторическимъ паѳосомъ написанныя общія разсужденія, въ родѣ: «Объ изученіи народной словесности, его историческомъ ходѣ и современныхъ его задачахъ», или «Народное направленіе въ преподаваніи и изученіи отечественнаго языка», или «Монтань и его взглядъ на народную словесность», или «Русскій народный эпосъ передъ судомъ г. Соловьева», или «Славянскій вопросъ въ наукѣ и жизни» (по поводу исторіи славянскихъ литературъ Пыпина и Спасовича). И въ Ж. М. Н. Пр. Орестъ Миллеръ принималъ участіе различными критическими статьями. Въ теченіе этого времени назрѣвалъ его главный трудъ, его громадныхъ размѣровъ докторская диссертація: «Илья Муромецъ и богатырство Кіевское», подъ общимъ заглавіемъ: «Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса» (С.-Петербургъ 1869). Книга обнимаетъ 830 страницъ большого 8⁰ формата убористой печати! Авторъ разсказываетъ самъ простосердечно о ходѣ своего внутренняго развитія, какъ онъ изъ обожателя Шиллера и Шекспира превратился въ одушевленнаго поклонника русской народной поэзіи, главнымъ образомъ послѣ того, какъ познакомился съ изданіями Кирѣевскаго и Рыбникова. Много способствовали этому повороту также статьи И. С. Аксакова въ его знаменитомъ славянофильскомъ органѣ «День», давшія воззрѣніямъ на русскую народность новую пищу въ славянофильскомъ направленіи. Орестъ Миллеръ почерпнулъ свое миѳологическое настроеніе изъ нѣмецкой науки, свое же обожаніе русской народности со всѣмъ мистицизмомъ и идеализмомъ изъ школы славянофильской. Упомянутая диссертація явилась комбинаціею этого двойного одушевленія. Цѣлью изслѣдованія было не только подобрать весь матеріалъ, относящійся къ его темѣ, Ильѣ Муромцу, и по пріемамъ изданія древнихъ текстовъ отыскать при множествѣ варіантовъ древнѣйшую редакцію того или другого сказанія, но также вникнуть въ смыслъ отдѣльныхъ сказаній этого цикла и по возможности объяснить ихъ происхожденіе. Объ этомъ распространяется онъ самъ на стр. VII. Къ разсортированному по филологическому методу матеріалу предстояло прежде всего подыскивать параллели, за которыми авторъ внимательно слѣдилъ въ эпическихъ сказаніяхъ прочихъ славянъ (сербовъ и болгаръ) и другихъ индоевропейскихъ народовъ. Впрочемъ по отношенію къ западнымъ сосѣдямъ славянъ, нѣмцамъ, доктрина славянофильская, которой онъ подчинялся, требовала скорѣе уловить черты розни и противоположности, чѣмъ сходства, чтобы въ этихъ древнихъ устояхъ найти рѣшеніе загадки о нелюбви нѣмцевъ къ славянамъ.

Первыя три главы изслѣдованія разбираютъ извѣстный эпизодъ о борьбѣ отца съ сыномъ, о чемъ авторъ уже писалъ по-нѣмецки. Выводы его

изъ даннаго анализа страдаютъ односторонностью: все славянское отличается превосходными качествами, германское же подлежитъ порицанію. Въ четвертой главѣ (встрѣча Ильи съ Вольгой и Микулой Селяниновичемъ), кромѣ множества миѳологическихъ сопоставленій, превозносится славянское поклоненіе землѣ, принципъ земщины. Въ пятой и шестой главахъ анализируется поѣздка Ильи въ Кіевъ, по дорогѣ встрѣча съ Соловьемъ и въ Кіевѣ съ Владиміромъ. То, что говорится здѣсь о состояніи древняго Кіева, могло бы лучше войти во введеніе изслѣдованія, потому что относится ко временамъ до появленія Ильи. Въ седьмой и восьмой главахъ перечисляются богатыри заѣзжіе въ Кіевѣ, анализируются ихъ отношенія къ Ильѣ. Въ девятой главѣ вновь выступаетъ Владиміръ съ различными прежде не затронутыми сторонами его характера. Въ десятой внесена въ циклъ Ильи татарщина. Въ одиннадцатой на очереди его поѣздка на востокъ (въ Іерусалимъ) и появленіе Идолища. Въ двѣнадцатой заканчивается анализъ его дѣйствій. Въ эпилогѣ самъ авторъ выставляетъ какъ главный результатъ своего всесторонняго анализа, что совокупность богатырскихъ подвиговъ Ильи не обличаетъ въ немъ ни жажды добычи, ни жажды власти, ни даже эпическаго хвастовства (какъ напр. оно было присуще сербскому Марку). Напротивъ утверждается, что желаніе русскаго эпическаго героя клонилось къ тому, чтобы всѣ богатыри въ равной мѣрѣ прославились на благо Россіи. И эти итоги подсказаны автору предвзятой славянофильской доктриной, требовавшей превосходства для всего русскаго, всего славянскаго. Отдавъ дань безусловнаго поклоненія теоріи славянской, авторъ все же не хотѣлъ отказаться отъ миѳологіи. Въ каждой былинѣ, въ основаніи каждаго эпическаго эпизода онъ усматривалъ нѣчто миѳологическое. Все то, что не было автору по вкусу, что не могло войти въ идеалъ Ильи какъ представителя древней Руси, онъ старался отнести въ миѳологію, напр., богатство Ильи, иныя черты жестокости, связь его съ матерью Сокольника—все это на взглядъ Миллера миѳологія! Богатырь же Вольга и жадность Владиміра—черты варяжскія! Позволительно ли такъ выбирать, что̀ отдать миѳологіи, что̀ исторіи—объ этомъ авторъ не спрашивалъ.

Нельзя не отдать полной справедливости большому трудолюбію, обнаруженному Орестомъ Миллеромъ въ собираніи и сортировкѣ эпическаго матеріала и въ подыскиваніи параллелей въ сербскомъ и болгарскомъ народномъ творчествѣ и въ средневѣковыхъ германскихъ преданіяхъ, но съ примѣненіемъ миѳологическихъ и культурно-историческихъ пріемовъ къ объясненію даннаго предмета нельзя согласиться. Миѳологическіе пріемы автора ограничиваются самыми общими безсвязными сравненіями, въ родѣ слѣдующаго: Произошло враждебное столкновеніе Ильи Муромца съ Соловьемъ—это значитъ громо-

вержецъ накинулся на грозу со свистомъ вѣтра и проливнымъ дождемъ. Илья путь ведетъ къ Кіеву, къ князю Владиміру:—значитъ, къ свѣтлому небу съ сіяющимъ солнышкомъ. Авторъ требуетъ отъ насъ на слово ему вѣрить, что именно такъ произошло излагаемое имъ наслоеніе, но гдѣ же доказательства тому, что дѣйствительно миѳическія тучи, дождь, вѣтеръ, гроза, мерцающія звѣзды — получили въ русскомъ эпосѣ такое олицетвореніе, что изъ нихъ произошли Соловей разбойникъ, Илья Муромецъ, князь Владиміръ? Даже Буслаевъ, извѣстный приверженецъ миѳологическаго направленія, не сочувствовалъ такого рода объясненіямъ. Что же касается примѣненія культурно-историческаго пріема, въ немъ замѣтны у Ор. Миллера многія черезчуръ одностороннія натяжки на славянофильскій ладъ, не представляющія ни малѣйшаго правдоподобія. Несмотря на эти недостатки, какъ богатая справочная книга трудъ Ор. Миллера не потерялъ своего значенія и до сихъ поръ.

Когда Вл. В. Стасовъ выступилъ съ своей противоположной крайностью, съ теоріею, по которой въ русскихъ былинахъ все заимствовано съ востока, и сюжеты и поэтическая передача, Ор. Миллеръ завязалъ съ нимъ полемику (въ «Голосѣ» и «Зарѣ», въ послѣднемъ славянофильствующемъ журналѣ появилось нѣсколько статей Ор. Миллера), отголосокъ которой слышенъ и въ только что упомянутомъ сочиненіи; кромѣ того Ор. Миллеръ помѣстилъ въ воронеж. Филол. Запискахъ (1872) статью о русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ; его разборъ изданія Гильфердинга о былинахъ напечатанъ (1873) въ «Русской Старинѣ». На Кіевскомъ археолог. съѣздѣ (1874) онъ коснулся вопроса «О великорусскихъ былинахъ и малорусскихъ думахъ» (напеч. въ «Трудахъ 3-го археолог. съѣзда» Кіевъ 1878 ч. 2), ему было поручено написать отзывъ объ изданіи нар. пѣсенъ Кирѣевскаго и объ изданіи бѣлор. народн. пѣсенъ Шейна (въ отчетѣ о 18 присужденіи Уваровскихъ премій). Для второго изданія исторіи русской литературы Галахова (1880 г.) онъ приготовилъ двѣ статьи: о былинахъ и объ историческихъ пѣсняхъ (16—104, 119—142), очень пригодныя для оріентаціи.

Изъ публичныхъ лекцій, которыя какъ сказано, авторъ любилъ читать, по большей части съ благотворительной цѣлью, вышли его сочиненія «Объ общественныхъ типахъ въ повѣстяхъ И. С. Тургенева» (1871 въ «Бесѣдѣ» за окт., нояб., декабрь), «Русская литература послѣ Гоголя» (1878), расширенное изданіе подъ заглавіемъ «Русскіе писатели послѣ Гоголя» (въ 3-хъ частяхъ) 1886—7 (только что вышло новое изданіе у Вольфа подъ редакціею И. А. Шляпкина), и множество отдѣльныхъ статей въ различныхъ журналахъ (напр., въ «Древней и Новой Россіи», въ «Русской Старинѣ», въ «Русскомъ Архивѣ», въ «Недѣлѣ», въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», въ «Истор. Вѣст-

никѣ», въ «Русской Мысли», даже въ «Вѣстникѣ Европы», съ которымъ онъ однако въ 1878 г. на статьяхъ о Байронѣ разошелся). Ор. Миллеръ чувствовалъ, что онъ обладаетъ даромъ слова, не малой долею краснорѣчія, которымъ онъ билъ на эффектъ, нерѣдко даже во вредъ глубинѣ содержанія. Но его сердечное отношеніе къ каждому честному предпріятію съ цѣлью просвѣтительной или благотворительной подкупало его слушателей и читателей. Хотя нельзя сказать, чтобы положеніе славянъ ему было хорошо знакомо — онъ, кажется, не заѣзжалъ въ славянскія земли и едва ли поддерживалъ сношенія съ славянами путемъ переписки, — все же, какъ причисляющій себя къ славянофиламъ, любилъ произносить рѣчи въ Славянскомъ благотвор. обществѣ и писать статейки о славянскомъ вопросѣ, какъ его въ то время понимали русскіе славянофилы. См. его сборникъ «Славянство и Европа, статьи и рѣчи 1865—1877 гг.». Спб. 1877, XVI. 417. Но на этой сторонѣ его дѣятельности не будемъ останавливаться.

Изученіе культурнаго движенія Россіи, отразившагося въ русской литературѣ и ея выдающихся писателяхъ, раннія сношенія русской письменности съ европейскимъ западомъ, изданіе разныхъ любопытныхъ памятниковъ, наконецъ внимательное наблюденіе за ходомъ и развитіемъ славянскихъ литературъ съ критикой славянскаго вопроса, какъ онъ былъ проповѣдываемъ въ Россіи — вотъ задача и жизненная цѣль одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ тружениковъ второй половины девятнадцатаго столѣтія — Александра Николаевича Пыпина. Онъ исполнилъ ее блестящимъ образомъ, длиннымъ рядомъ изслѣдованій полныхъ здраваго смысла и мѣткой критики, почерпнутой изъ обширной начитанности въ западно-европейскихъ литературахъ, преимущественно культурно-историческаго содержанія, о распространеніи которыхъ путемъ переводовъ въ Россіи онъ много потрудился.

Подъ диктовку отца старшая дочь Вѣра Александровна Ляцкая записала автобіографическія воспоминанія «Мои Замѣтки», рисующія жизнь А. Н. Пыпина въ теченіе его молодости, въ годы университетскаго образованія, характеръ первыхъ литературныхъ занятій, вліяніе близкой ему среды на слагавшіяся его убѣжденія въ направленіи западно-европейскаго либеральнаго склада мыслей на фонѣ русскомъ (Въ «Вѣстникѣ Европы» 1905, февр. 469—509, мартъ 5—58). Пыпинъ родился въ 1833 г. въ Саратовѣ, изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ; по родству съ извѣстнымъ Чернышевскимъ, который былъ старше его на нѣсколько лѣтъ, онъ охотно поддался его вліянію. Чернышевскій обладалъ замѣчательными познаніями по восточнымъ языкамъ, чѣмъ объясняется его наклонность къ языковѣдѣнію; онъ перетянулъ Пыпина въ Петербургскій университетъ, послѣ окончанія въ

1849 г. гимназіи, но не тотчасъ же. Сначала родители отпустили его только въ болѣе близкій университетскій городъ Казань, гдѣ онъ между прочимъ въ теченіе одного семестра слушалъ лекціи Григоровича, произведшаго на него большое впечатлѣніе. Отъ него онъ впервые слышалъ о славянствѣ, его племенахъ и познакомился съ образцами слав. парѣчій (вмѣстѣ съ землякомъ и товарищемъ по университету П. А. Ровинскимъ). Мало того, онъ теперь узналъ о сербскихъ пѣсняхъ Караджича, о «Slávy Dcera» Коллара, о «Славянскихъ древностяхъ» Шафарика, объ «Institutiones» Добровскаго, о «Glagolita Clozianus» Копитара, объ «Остроміровомъ Евангеліи» Востокова и т. д. Случилось такъ, что въ Петербургскомъ университетѣ, куда Пыпинъ отправился уже въ слѣдующемъ году, молодой профессоръ славяновѣдѣнія И. И. Срезневскій продолжалъ поддерживать тотъ же интересъ къ славянамъ у Пыпина, такъ что онъ въ своихъ «Замѣткахъ» сознается, что этимъ двумъ ученымъ изъ числа первыхъ русскихъ славистовъ онъ «на первое время обязанъ своимъ интересомъ къ славянству, хотя и не хотѣлъ быть славистомъ». Онъ «хотѣлъ работать по исторіи славянскихъ литературъ, по исторіи этнографіи», но вполнѣ справедливо жаловался на полнѣйшее отсутствіе вспомогательной литературы «общихъ курсовъ съ объяснительными введеніями и указаніемъ литературы предмета». Кромѣ другихъ это было одною изъ причинъ, что онъ потомъ (въ 1865 г., но написано раньше) издалъ свой «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ», хотя писать такія руководства было бы собственно обязанностью записныхъ славистовъ.

Въ тяжелые годы пришлось Пыпину проходить университетскій курсъ въ Петербургѣ, во время свирѣпствовавшаго преслѣдованія со стороны правительственныхъ органовъ всякаго малѣйшаго проявленія свободной мысли; наука спряталась въ безобидную археологію, весь прочій запасъ свѣдѣній пріобрѣтался самообразованіемъ. У Пыпина была Смирдинская библіотека, по собственнымъ его словамъ, источникомъ для ознакомленія съ произведеніями старой литературы (XVIII-го столѣтія) и для чтенія журналовъ XVIII—XIX столѣтій. Результатомъ этого вышло его кандидатское сочиненіе по исторіи русской комедіи конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка, отрывокъ изъ котораго о Лукинѣ былъ напечатанъ въ 1854 году въ Отеч. Запискахъ. Черезъ Чернышевскаго онъ познакомился съ разными тогдашними представителями въ литературѣ (М. Л. Михайловымъ, П. П. Пекарскимъ, Ир. И. Введенскимъ, Добролюбовымъ) и съ литературными кругами «Отечественныхъ Записокъ» (Краевскаго) и «Современника» (Некрасова). Но, какъ онъ самъ говорилъ, дѣла его шли въ сторонѣ отъ журналовъ, его занимала исторія русской литературы, новая и старая. Въ публичной библіотекѣ и румянц.

музеѣ онъ рылся по рукописнымъ сборникамъ за такими текстами старой русской письменности, которые до тѣхъ поръ мало вниманія обращали на себя, напр., объ Акирѣ Премудромъ, объ Александріи и апокрифическія сказанія въ родѣ «Хожденія Богородицы по мукамъ». Съ статьями подобнаго рода онъ являлся въ академическихъ «Извѣстіяхъ», въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ «Архивѣ» Калачова и въ «Трудахъ» московскаго Археол. общества. Между прочимъ имъ найденъ текстъ «Девгеніева Дѣянія» и «Повѣсти о Горѣ-злосчастіи». Такъ слагалась его прекрасная диссертація «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» (изд. въ Уч. Зап. т. IV, 1857, отг. въ 360 стр.), которая доставила ему ученую степень и командировку за границу на два года (1858 и 1859). Имѣлась въ виду не славистика, а каѳедра по западно-европейскимъ литературамъ: диссертація не потеряла и до сихъ поръ своего значенія, въ свое же время она дала толчекъ другимъ подобнаго рода изслѣдованіямъ, м. пр. А. Н. Веселовскаго («О Соломонѣ и Китоврасѣ»). Хотя еще студентомъ Пыпинъ зналъ имена Добровскаго, Шафарика, Копитара, Ганки, Палацкаго, Коллара, Челаковскаго, Вука, Мацѣевскаго (его слова)—но повидимому на этомъ по славистикѣ пока дѣло и остановилось; для Срезневскаго онъ собиралъ слова изъ русскихъ лѣтописей, дѣлалъ сводъ палеографическихъ наблюденій Востокова, писалъ тему на медаль о Русской правдѣ — и только. При какихъ условіяхъ и съ какими впечатлѣніями А. Н. Пыпинъ поѣхалъ за границу, объ этомъ имъ же самимъ разсказано подробно въ «Моихъ Замѣткахъ». Путь велъ его на Кенигсбергъ и Берлинъ, черезъ Германію (м. пр. въ университетскіе города) и въ Парижъ (въ обществѣ Стасюлевича). Здѣсь остановка была продолжительна. Изъ Парижа заѣзжалъ два раза въ Лондонъ (навѣстилъ Герцена), потомъ черезъ Голландію, Германію и Швейцарію въ Италію. На обратномъ пути онъ закончилъ свое пребываніе за границею «славянскими землями», гдѣ наибольшую часть времени провелъ въ Прагѣ. Имена старыхъ чешскихъ борцовъ за національное возрожденіе были ему всѣ извѣстны изъ лекцій и разсказовъ Срезневскаго, теперь онъ увидѣлъ и младшее поколѣніе, дожидавшееся своей очереди (въ бытность его въ Прагѣ австрійскій абсолютизмъ уже колебался). И для него служилъ чичероне въ Прагѣ Ганка. Пыпинъ занялъ критическую точку зрѣнія по отношенію къ тогдашнимъ дѣламъ чешскимъ, въ особенности поражало его незнакомство чешской интеллигенціи съ новѣйшей русской жизнью и литературой. Объ этомъ онъ и писалъ въ «Современникѣ», а въ Č. Č. M. старался дать чешскимъ читателямъ понятіе о литературномъ движеніи русскомъ: «Listy o ruské literatuře» (1858, 583—599), Listy o nejnovější ruské literatuře (ib. 1859, 119—127, 255—263). Значеніе Пы-

пина тогда еще не было вполнѣ оцѣнено у славянъ, завороженныхъ славянофильствомъ.

Возвратясь домой, А. Пыпинъ издалъ въ 1861 году въ третьемъ томѣ выходившихъ подъ редакціею Н. Костомарова «Памятниковъ старинной русской литературы» много текстовъ «Ложныхъ и отреченныхъ книгъ русской старины» съ объяснительною статьею къ этимъ текстамъ, напечатанной въ 1862 г. въ «Русскомъ Словѣ». Пыпинъ, какъ и Тихонравовъ и Костомаровъ, пристрастился къ собиранію апокрифовъ, усматривая въ нихъ отчасти суррогатъ древнерусской поэзіи, отчасти быть можетъ нѣкоторый остатокъ стариннаго національнаго русскаго или славянскаго міросозерцанія. Какъ церковь и книжники относились къ этимъ отреченнымъ текстамъ, перечисляя ихъ въ особыхъ indices librorum prohibitorum, «спискахъ книгъ истинныхъ и ложныхъ» — объ этомъ напечатанъ А. Пыпинымъ въ III выпускѣ «Лѣтописи занятій археографической комиссіи» (1863) древнѣйшій ихъ сводный текстъ. Такого же рода текстъ, только болѣе поздняго происхожденія, изданъ мною въ X томѣ «Starine» (въ Загребѣ). А. Пыпинъ не переставалъ еще и позже обращать вниманіе на подобнаго рода произведенія русской старины, какъ отголосокъ простонародности. Въ 1880 г. вышелъ его «Старообрядческій синодикъ» (въ т. XXI акад. Сборника), въ расширенномъ изданіи въ 1883 г. какъ № 44 «Памятниковъ древней письменности» (ОЛДП.). Въ 1887 г. тамъ же онъ напечаталъ «Гисторію о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ» (Изъ исторіи народной повѣсти), а въ 1888 г. въ Москвѣ какъ «Изданіе Общ. любителей россійской словесности» вышло любопытное библіографическое обозрѣніе рукописныхъ романовъ, повѣстей, сказокъ и т. д., преимущественно изъ XVIII вѣка, подъ заглавіемъ: «Для любителей книжной старины» (отт. изъ «Сборника Моск. Общ. люб. росс. слов. 1890 г.»). Дополненіе только въ Сборникѣ.

Когда преподавательская дѣятельность А. Пыпина въ университетѣ становилась невозможной, и онъ долженъ былъ покинуть университетъ, онъ пристроился сначала въ редакціи «Современника» (1862), а съ 1867 г. вступилъ въ редакцію «Вѣстника Европы» какъ главный сотрудникъ Стасюлевича. Безконечный рядъ статей изъ русской литературы въ связи ея съ общественнымъ развитіемъ, а также критическіе разборы разныхъ вопросовъ славянскаго содержанія ознаменовали это его нѣсколько десятилѣтій (до конца жизни) продолжавшееся очень усердное участіе въ уважаемомъ органѣ русскихъ «западниковъ», перешедшемъ теперь подъ другую редакцію. Укажемъ на сочиненія, появившіяся отдѣльными изданіями: «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I» (1871, 2 изд. 1885, 3 изд. 1900, 4 изд. 1908), «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятиде-

сятыхъ годовъ» (1873, 2 изд. 1890), «Бѣлинскій, его жизнь и переписка» (1876, 2 изд. 1908), о Салтыковѣ (1899, написано для В. Евр. десятью годами раньше), о Н. А. Некрасовѣ (1904). Въ подробный разборъ этихъ сочиненій не мѣсто здѣсь входить, достаточно сослаться на хорошій анализъ, сдѣланный проф. Поливкою въ Filologické Listy XXXII, стр. 1—52 (отд. отт.): «Alexander Nikolajevič Pypin (1833—1904). Nástin jeho života a práce». Далеко не все, написанное Пыпинымъ для «В. Европы», исчерпано упомянутыми отдѣльными сочиненіями. Перечень прочихъ его статей, кромѣ Поливки, еще у Архангельскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1904, февр., т. 351, 73—125 и въ Спискѣ трудовъ академика А. Н. Пыпина (составленномъ Я. Л. Барсковымъ) СПб. 1903. Оставаясь въ области русской литературы, вспомнимъ только два капитальныхъ труда А. Н. Пыпина: «Исторія русской этнографіи» въ четырехъ томахъ (СПбгъ. I. 1890, 8⁰ VIII. 424, II. 1891, 8⁰ VIII. 428, III. 1891, 8⁰ VIII. 425, IV. 1892, 8⁰ XI. 488), и «Исторія русской литературы» въ четырехъ томахъ (СПбгъ. 1897. I. стр. 537, II. стр. 552, 1898, III. стр. 543, 1899, IV, стр. 677), новая перепечатка 1902—3. Противъ того и другого труда критикой русской сдѣланы различныя возраженія, отчасти основательныя, отчасти придирчивыя (что у иныхъ русскихъ рецензентовъ въ модѣ). Въ этнографіи дѣйствительно предметъ не исчерпанъ. Съ одной стороны, разсказывается слишкомъ обширно о трудахъ, ближе относящихся къ исторіи литературы, чѣмъ этнографіи, съ другой — пропущены вопросы матеріальной обстановки народнаго быта, вопросы антропологическіе, бытовые. Но несмотря на эту неравномѣрность въ объемѣ предмета, трудъ Пыпина останется на долгое время важнымъ пріобрѣтеніемъ русской науки, которая съ гордостью можетъ похвалиться богатствомъ своей этнографической литературы. Нѣкоторымъ, хотя слабымъ дополненіемъ изданія А. Пыпина можетъ послужить изданное въ 1883 году въ Петербургѣ Владиміромъ Ивацевичемъ «Собраніе памятниковъ народнаго творчества у южныхъ и западныхъ славянъ» (библіографическое обозрѣніе) 8⁰ III. 174.

Еще выше на мой взглядъ стоитъ Исторія русской литературы Пыпина, въ которой блестяще проявился широкій кругозоръ автора и отличное пониманіе предстоявшей ему задачи. По своему обыкновенію онъ не вдавался столько въ подробности, очень часто даже невозможныя за неимѣніемъ достаточнаго числа монографій, сколько въ общія характеристики (сл. отзывъ Архангельскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1898 г., сентябрь, т. 319, 179—243). Только въ этомъ видѣ была пока возможна исторія русской литературы отъ древнѣйшихъ временъ до расцвѣта ея въ лицѣ великихъ писателей XIX-го столѣтія (до Гоголя и его времени включительно). Въ сжатомъ

обзорѣ самого автора она представлена въ энциклоп. словарѣ Брокгаузъ-Ефрона s. v. Россія. Кто знаетъ характеръ трудовъ А. Пыпина, развивавшійся въ теченіе полустолѣтія не на профессорской каѳедрѣ, а въ журнальной дѣятельности со всѣми въ этой области преобладающими пріемами, тотъ пойметъ легко нѣкоторую односторонность автора въ исполненіи своей задачи. Онъ писалъ свою исторію русской литературы какъ наслѣдникъ идей Бѣлинскаго и Добролюбова, какъ одинъ изъ представителей оппозиціи противъ дореформеннаго режима и противъ позднѣйшаго ретрограднаго толстовскаго классицизма. Зато и отомстилъ ему графъ Д. А. Толстой, не пожелавшій допустить его въ 1871 году въ адъюнкты по III отдѣленію Импер. Академіи Наукъ. Съ прискорбіемъ я вспоминаю, что и въ бытность мою наличнымъ членомъ II-го отдѣленія еще нельзя было принять его въ нашу среду. Обстоятельства измѣнились къ лучшему только въ теченіе девяностыхъ годовъ. Какъ дѣйствительный членъ русскаго отдѣленія Импер. Академіи Наукъ, онъ взялъ на себя редакцію изданія «Сочиненій Императрицы Екатерины II», разсчитаннаго слишкомъ на 10 томовъ (пока вышли тт. I—IV 1901: Драматическія сочиненія, т. V 1903: Глава изъ Велизарія, Были и небылицы и пр., т. VII 1901: Антидотъ, т. VIII—XI 1901—6: Труды историческіе, и т. XII 1907: Автобіографическія записки).

Менѣе важную часть ученой дѣятельности А. Пыпина представляютъ его труды, касающіеся славянскихъ дѣлъ и вопросовъ. Онъ самъ сознательно заявлялъ, что при всей наклонности къ славяновѣдѣнію, привитому ему Григоровичемъ и Срезневскимъ, онъ не желалъ быть славистомъ. Несмотря на этотъ отказъ, первая исторія слав. литературъ, появившаяся въ Россіи, принадлежитъ ему. Это былъ въ 1865 году, при участіи В. Д. Спасовича, напечатанный «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ» (8⁰ VI+536+VI). Сочиненіе это не довольствовалось въ родѣ извѣстной книги Шафарика, изданной въ 1826 г. на нѣмецкомъ языкѣ, сжатымъ изложеніемъ данныхъ литературныхъ, фактовъ біографическихъ и библіографическихъ, но въ придачу авторъ его подвергъ во введеніи и въ эпилогѣ рѣзкой критикѣ извѣстное славянофильское ученіе, принявшее какъ разъ въ тѣ годы очень широкіе размѣры въ Россіи. Быть можетъ, авторъ хватилъ нѣсколько черезъ край; нежелательность и неосуществимость пропагандированной славянофилами догмы, что всѣ славяне должны слиться въ одномъ русскомъ морѣ, бросалась ему при изученіи славянскихъ литературъ и обнаруженныхъ въ нихъ стремленій такъ ярко въ глаза, что онъ подъ вліяніемъ этого убѣжденія могъ пренебрегать тѣми немногими данными изъ литературной и культурной исторіи славянъ, которыя все же можно бы истолковывать какъ доказатель-

ства нѣкотораго сознанія о болѣе близкомъ родствѣ славянскихъ народовъ другъ съ другомъ, чѣмъ по отношенію къ прочимъ народамъ. Только на основаніи этихъ данныхъ нельзя строить ученіе славянофильское, это вѣрно, и событія послѣдовавшаго потомъ болѣе чѣмъ полустолѣтія доказали на дѣлѣ, что полемика Пыпина лучше соотвѣтствовала реальнымъ условіямъ, чѣмъ доктрина славянофильская. Проф. Поливка представилъ въ вышеупомянутомъ біографическомъ очеркѣ главное содержаніе отзывовъ русскихъ славянофиловъ и западно-славянскихъ критиковъ объ «Опытѣ» А. Пыпина, а также отношеніе второго, въ двухъ частяхъ 1879—1881 переработаннаго изданія къ первому.

Кромѣ упомянутаго труда, А. Пыпинъ касался отдѣльныхъ явленій славянскаго вопроса во многихъ критическихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы», которыя къ сожалѣнію такъ и остались разбросанными на пространствѣ множества томовъ упомянутаго журнала. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: «Польскій вопросъ въ русской литературѣ» (В. Е. 1880, кн. 2. 4. 5. 10. 11), «Обзоръ русскихъ изученій славянства» (В. Е. 1889, кн. 4. 5. 6) и какъ продолженіе «Русское славяновѣдѣніе въ XIX стол. (ib. кн. 7. 8. 9), «Новыя данныя о славянскихъ дѣлахъ» (В. Е. 1893, кн. 6. 7. 8). Разсужденіе Будиловича объ «Общеславянскомъ языкѣ» (Варшава 1892, два тома) вызвало статью А. Пыпина «Теорія общеславянскаго языка» (В. Е. 1892 кн. 4. 5), а въ статьѣ «Изъ исторіи панславизма» (В. Е. 1893, кн. 8) онъ коснулся между прочимъ бывшаго южно-русскаго Кирилло-Меѳодіевскаго кружка въ Кіевѣ, изъ-за котораго пострадалъ въ свое время Н. И. Костомаровъ. Принципіально важны статьи Пыпина, въ которыхъ видна его точка зрѣнія по отношенію къ малорусскому языку. Въ своихъ «Замѣткахъ» онъ указалъ на Мордовцева какъ на пропагандатора въ кружкахъ либерально настроеннаго студенчества и писателей идеи свободнаго развитія малорусскаго языка; онъ изложилъ тамъ же просто и ясно аргументы, склонившіе его примкнуть къ тому же убѣжденію. Поэтому онъ не сочувствовалъ стремленію галицкихъ малороссовъ такъ называемой свято-юрьевской партіи, желавшихъ писать на какомъ-то ломанномъ quasi-русскомъ языкѣ (В. Е. 1888, кн. 11), но его сочувствіе свободному развитію малорусскаго языка не шло такъ далеко, чтобы допускать полный разрывъ между южнорусской и общерусской культурно-литературной жизнью. Онъ представлялъ себѣ, какъ я понялъ его изъ частыхъ дружескихъ бесѣдъ, отношеніе между великорусскимъ и малорусскимъ языками такъ, что образованный малороссъ долженъ непремѣнно знать общерусскій языкъ и его богатую литературу уже въ собственномъ образовательномъ интересѣ. Онъ не принадлежалъ къ

числу тѣхъ, кто жалѣлъ что малороссъ Гоголь писалъ свои безсмертныя сочиненія на общерусскомъ языкѣ. Ему казалось, что такіе представители, какъ Максимовичъ, Костомаровъ, Мордовцевъ, ближе всего подходили къ идеалу сношеній великорусскихъ съ малорусскими, какъ онъ рисовался въ его умѣ. Поэтому онъ и разошелся съ Огоновскимъ (сл. В. Е. 1890, кн. 9) и быть можетъ украинцы новѣйшаго толка съ нимъ. Кто зналъ А. Н. Пыпина, какъ человѣка и семьянина, не могъ не проникнуться уваженіемъ къ его чисто русской душѣ, чисто русскому складу ума. Достаточно было нѣсколько ближе познакомиться съ его образцовой семейной жизнью, чтобы увидѣть его сердечную привязанность ко всему русскому, какъ въ литературѣ, такъ и въ искусствѣ. Поклонникъ культурнаго прогресса Западной Европы, онъ не требовалъ слѣпого подражанія, какъ и не боялся потери русской самобытности, если всему хорошему европейской жизни настежь откроются двери въ Россію.

Славяновѣдѣніе въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ водворилось оно въ русскихъ университетахъ, могло такъ сказать совсѣмъ обойтись безъ славянской филологіи, довольствуясь интересомъ къ славянской исторіи и древностямъ, и въ придачу вопросами культурно-политическими. Однимъ изъ такихъ славяновѣдовъ былъ Викентій Васильевичъ Макушевъ (род. 1837, 11 ноября, † 2 марта 1883). Уроженецъ Западнаго края (род. въ Брестъ-Литовскѣ, гдѣ отецъ его былъ чиновникомъ, мать была полька), оставшись сиротою, онъ былъ принятъ въ число пансіонеровъ Ларинской гимназіи въ Петербургѣ; тутъ же продолжалъ также и университетъ, гдѣ учителемъ и руководителемъ его по славяновѣдѣнію, которое рано стало привлекать его вниманіе, сдѣлался И. И. Срезневскій. Ранній слѣдъ его занятій этимъ предметомъ виденъ въ студенческомъ Сборникѣ, изданномъ въ 1860 г. въ С.-Петербургѣ, гдѣ во II части вышелъ его переводъ съ чешскаго статьи Шафарика о именахъ числительныхъ, съ нѣкоторыми прибавленіями переводчика. Въ слѣдующемъ году (1861) напечатано его кандидатское сочиненіе въ чисто историческомъ направленіи: «Сказанія иностранцевъ VI—X в. о бытѣ и нравахъ славянъ»; значитъ, это была попытка продолженія и дополненія Древностей Шафарика. Честолюбивый молодой человѣкъ, какъ рисуютъ его знавшіе его смолоду, попавшій въ семью князя Кочубея, имѣлъ возможность поѣхать за границу, въ Берлинъ, прирейнскіе города и Парижъ, больше чтобы наслаждаться жизнью, чѣмъ заниматься слав. наукой. Говорятъ, что въ эти ранніе годы развилось въ немъ пристрастіе къ вину, которое долго продолжалось, съ дурными послѣдствіями для его здоровья. Вернувшись въ Петербургъ, онъ поступилъ въ 1861 г. въ министерство иностранныхъ дѣлъ на

службу, въ отдѣленіе по турецко-славянскимъ дѣламъ (азіатскаго департамента), гдѣ очутился подъ начальствомъ Гильфердинга. Въ 1862 онъ былъ посланъ въ Дубровникъ въ качествѣ секретаря русскаго консульства, гдѣ и остался до конца 1865 года. Надо отдать ему справедливость, что здѣсь, не имѣя должно быть очень много служебныхъ занятій, несмотря на наклонность къ алкоголизму, о чемъ намъ съ Матковичемъ и Даничичемъ разсказывалъ потѣшныя подробности д-ръ Казначичъ въ бытность нашу въ Дубровникѣ въ 1868 г., онъ съ усердіемъ накинулся на изученіе богатыхъ историческихъ матеріаловъ, хранившихся въ библіотекахъ и въ архивѣ Дубровника, относящихся къ исторіи Дубровника и юго-слав. земель, отчасти къ сношеніямъ съ Россіею. Въ московскихъ «Чтеніяхъ» за 1865 г. кн. 3 вышла первая проба этихъ его занятій: «Очеркъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Дубровницкой республикой», между тѣмъ какъ о впечатлѣніяхъ своего пребыванія на югѣ онъ писалъ статьи въ русскіе журналы, въ Русскій Вѣстникъ (1866), въ Литературную Библіотеку (1866, 1867) и въ Ж. М. Н. Пр. (1867). Отдѣльной книжкой вышла часть этихъ статей въ 1867, подъ заглавіемъ: «Задунайскіе и адріатическіе славяне». Не имѣя возможности продолжать дипломатическую службу, онъ вспомнилъ объ ученой карьерѣ и для магистерской диссертаціи представилъ изъ своихъ занятій въ Дубровникѣ «Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника» (издано въ XI томѣ акад. «Записокъ» 1867, Прил. № 5). Эти изслѣдованія заключали въ себѣ много любопытныхъ данныхъ, рисующихъ бытъ и нравы стараго Дубровника, но безъ системы и безъ внутренней связи, нѣчто среднее между чисто-историческимъ и литературнымъ матеріаломъ.

Получивъ степень магистра (въ окт. 1867 г.), онъ отправился (въ февр. 1868 г.) вторично за границу съ ученой цѣлью, которая теперь уже опредѣленно высказывалась въ направленіи историка для южно-славянскихъ странъ Балканскаго полуострова. Черезъ Кенигсбергъ, гдѣ у него было желаніе познакомиться съ извѣстнымъ византологомъ Карломъ Гопфомъ, онъ поѣхалъ дальше на югъ (въ Бреславль, Вѣну и Загребъ, гдѣ мы съ Рачкимъ съ нимъ лично познакомились) и въ Италію. Здѣсь разысканія его начиная съ Венеціи распространялись по архивамъ многихъ городовъ сѣверной, средней и южной Италіи. Говорятъ, онъ собралъ громадный матеріалъ, небольшая часть котораго была имъ же потомъ напечатана (въ Варшавѣ, въ Бѣлградѣ, въ Загребѣ). Объ этихъ поискахъ его вышелъ рефератъ въ Акад. Запискахъ т. XIX, Прил. № 3 и 4: «Итал. архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для слав. исторіи» (1871). Говорятъ, ему предлагали каѳедры по славяновѣдѣнію въ Одессѣ и Харьковѣ, но онъ остановился на Варшавѣ, гдѣ въ 1871—1872 г.

получилъ каѳедру профессора по тому же предмету. Съ тѣхъ поръ онъ, конечно, долженъ былъ въ своихъ лекціяхъ касаться также слав. литературъ, въ доказательство чего можно указать на такія статьи, появившіяся въ печати, какъ напр. въ воронежскихъ Филолог. Запискахъ «Изъ чтеній о старочешской письменности» (1877, вып. 4. 5. 6, 1878 вып. 3. 4. 6) или же «Чтенія о старопольской письменности» въ Р. Фил. Вѣстникѣ 1879 № 1 и 2; еще раньше въ «Славянскомъ сборникѣ» т. III (1876): «Слѣды русскаго вліянія на старопольскую письменность» и пр.—Но все это были неважные опыты ученаго, не привыкшаго работать въ области славянской филологіи. Важнѣе его изслѣдованія, затрогивающія славяно-албанскія дѣла среднихъ вѣковъ: «Историческія разысканія о славянахъ въ Албаніи» (въ Варш. Унив. Изв. 1871 и 1873). Говорятъ у него накопилось, и послѣ К. Гопфа, много архивныхъ выписокъ для освѣщенія исторіи Албаніи, но и этотъ матеріалъ остался неиспользованнымъ.

Макушевъ, какъ бывшій дипломатическій чиновникъ, любилъ въ своей литературной дѣятельности касаться вопросовъ историко-политическихъ. Онъ написалъ въ 1872 г. о Болгаріи въ концѣ XII и въ первой половинѣ XIII в. (въ Варш. Ун. Изв.), о Болгаріи подъ турецкимъ владычествомъ, преимущественно въ XV и XVI в. (въ Ж. М. Н. Пр. 1872), о восточномъ вопросѣ въ XVI и XVII ст. по неизданнымъ памятникамъ (въ Слав. Сборникѣ III 1876), о совр. положеніи дунайскихъ славянъ (въ Русск. Вѣстн. 1876, томъ 123), о соврем. положеніи поляковъ въ Австріи, Пруссіи и Россіи (въ «Голосѣ» 1873 года), и т. д. Въ этихъ статьяхъ проявляется его русская тенденція, съ которой польскіе ученые не соглашались. Въ Р. Фил. Вѣстникѣ онъ напечаталъ большое число критическихъ рефератовъ о сочиненіяхъ русской и славянскихъ литературъ историко-филологическаго содержанія, подробный перечень которыхъ сдѣланъ А. Смирновымъ въ Р. Фил. Вѣстникѣ за 1883 г., томъ IX (стр. 146—155).

Несравненно ближе касалась славянской филологіи ученая дѣятельность бывшаго харьковскаго слависта, происхожденіемъ болгарина, Марина Степановича Дринова, хотя и онъ больше сосредоточивался на славянской исторіи и древностяхъ, включая сюда также церковно-славянскую письменность, чѣмъ на вопросахъ языка и грамматики. Но, стоя въ первыхъ рядахъ представителей болгарскаго возрожденія, онъ принужденъ былъ изучать повнимательнѣе по крайней мѣрѣ церковно-славянскій языкъ въ связи съ новымъ болгарскимъ. Можно жалѣть, что такихъ статей, какъ его «Beiträge zur Kunde der neubulgarischen Sprache» (въ V томѣ Archiv f. sl. Phil.), не было больше. Дриновъ былъ, дѣйствительно, тонкій наблюдатель явленій языка,

историческихъ и діалектологическихъ. Вспомнимъ его «Нѣсколько словъ объ языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ дебрскихъ славянъ» (въ «Извѣстіяхъ слав. благотвор. общества» 1887 г. № 1. 4. 7—8), его рецензію на словарь болгарскаго языка профессора Дювернуа (Отчетъ о присужденіи преміи Макарія за 1892 годъ, 1—57), рецензію на неудачное сочиненіе польскаго слависта А. Калины по исторіи болгарскаго языка (въ «Славянскомъ обозрѣніи» за 1892 годъ, 586—593), наконецъ, рецензію на словарь болгарскаго языка Герова (въ «Извѣстіяхъ» II отд. И. Ак. Наукъ 1896, т. I. 355—381. Записки харьк. унив. 1896, кн. IV, стр. 1—21). Во всѣхъ этихъ рецензіяхъ авторъ выступаетъ какъ трезвый филологъ, относящійся очень мягко и умѣренно къ мнѣніямъ, высказаннымъ другими, хотя бы и не соглашался съ ними. Онъ умѣлъ отстаивать свои убѣжденія, приводя вѣскія доказательства, сторонясь отъ предвзятаго узкаго націонализма.

Дриновъ родился въ 1838 году въ Панагюрищѣ, гдѣ, пріобрѣтя необходимый запасъ свѣдѣній, сталъ въ молодые годы учительствовать (до 1858). Тогда судьба порѣшила съ нимъ иначе. Онъ уѣхалъ въ Россію, приготовился въ Кіевѣ и Москвѣ въ теченіе трехъ лѣтъ для поступленія въ историко-филологическій факультетъ московскаго университета. Университетскій курсъ онъ кончилъ въ 1865 году со степенью кандидата и при благопріятныхъ условіяхъ (въ качествѣ информатора въ одной богатой семьѣ) отправился для продолженія научныхъ занятій за границу, сначала въ Прагу (1868—9), потомъ въ Италію. Взоры его были обращены на Болгарію, въ которой какъ разъ въ тѣ годы церковный вопросъ составлялъ явленіе первостепенной важности. Поэтому неудивительно, что одно изъ самыхъ раннихъ произведеній молодого ученаго касалось болгарской церкви: «Исторически прегледъ на българската цьрква отъ самото ѝ начало и до днесь». Въ Віенѫ 1869, 8⁰ VIII. 188. Въ журналѣ «Бесѣда» за 1871 г. (IV. 324—359) разсказана исторія церковнаго спора: «Болгаре и константинопольская патріархія». Въ «Период. Списаніи» за 1873 г. кн. VII—VIII имѣется историческая статья «Възросъ за българската и сръбската църкви прѣдъ сѫдилиштето на Лионский съборъ въ 1274 г.». Опять въ 1879 г. вышла въ болгарскомъ журналѣ «Христіанско братско слово» статья о «Болгарскомъ церковномъ вопросѣ и берлинскомъ трактатѣ».

Заплативъ этими и нѣкоторыми другими статьями дань злобѣ дня, Дриновъ посвятилъ свои болѣе обширныя занятія вопросамъ изъ древнѣйшей эпохи болгарскаго народа, прежде всего вопросу о происхожденіи болгаръ: «Погледъ врѣхъ происхожданье-то на българскій народъ и начало-то на българска-та исторія» (въ Віенѫ 1869. 8⁰ VIII 100), гдѣ онъ стоялъ на

точкѣ зрѣнія критическихъ изслѣдованій Шафарика. Противъ теоріи о гуннскомъ происхожденіи древнихъ болгаръ, которую отстаивалъ Гавр. Крьстьовичъ особеннымъ, на видъ весьма ученымъ сочиненіемъ (оно напечатано въ Константинополѣ 1871), Дриновъ возсталъ съ своимъ критическимъ разборомъ: «Хунни ли сме» въ Период. Сп. 1872, кн. V—VI, 210—244. Онъ стоялъ и здѣсь на точкѣ зрѣнія Шафарика, требующей теперь нѣкоторыхъ поправокъ. Такъ древнихъ болгаръ считаютъ теперь не финскаго происхожденія, а тюркскаго, полагаютъ что исчезновеніе ихъ въ массѣ славянской произошло не очень скоро и т. д. Но по вопросу о времени переселенія славянъ на Балканскій полуостровъ Дриновъ отступилъ нѣсколько отъ Шафарика въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи «Заселеніе Балканскаго полуострова славянами» Москва 1873 (изъ «Чтеній» 1872 кн. IV, 1—174). Оно представлено имъ и принято какъ магистерская диссертація. Соображенія его, собранныя въ этомъ изслѣдованіи, заслуживаютъ полнаго вниманія, потому что они лучше соотвѣтствуютъ нашимъ нынѣшнимъ взглядамъ на вопросы подобнаго рода какъ переселеніе народовъ, чѣмъ слишкомъ односторонняя точка зрѣнія Рэслера, придерживавшагося черезчуръ механически принципа: «quod non est in actis non est in mundo». Относительно народовъ, выступавшихъ, да и теперь еще выступающихъ въ исторіи очень пассивно и тихо, какъ славяне, можно дѣйствительно съ большой вѣроятностью допустить, что между первоначальнымъ ихъ появленіемъ и существованіемъ въ извѣстномъ мѣстѣ и отголосками этого факта, попавшими на страницы исторіи, разстояніе могло бы быть довольно большое. Но вопросъ, затронутый Дриновымъ, остается все-таки и до сихъ поръ открытымъ. Къ взгляду его примкнулъ въ новѣйшее время Нидерле въ своемъ изслѣдованіи о славянскихъ древностяхъ.

Стремленіе болгаръ устроить и упрочить въ своей литературѣ правильную научную дѣятельность, нашло горячаго приверженца въ лицѣ Дринова. О заслугахъ его въ основаніи «Книжовнаго дружества» и о его участіи въ дѣятельности «Периодическаго Списания», сначала въ Брайловѣ, потомъ въ Софіи, разсказывается подробно въ статьѣ А. Теодорова «Обществената дѣйность на професора М. Дриновъ въ свръзка и съ дѣйность на Бълг. книжовно дружество» (въ «Сборниче за юбилея на професора Маринъ С. Дриновъ» София 1900 стр. 15—33). Еще въ Брайловскомъ изданіи Периодическаго Списания онъ старался упростить болгарскую орѳографію: «За новобългарското азбуке» (П. 9—29, сл. іb. вып. IX—X, XI—XII), началъ издавать новые матеріалы для болгарской исторіи (Б. п. сп. I. II); тутъ онъ обратилъ вниманіе на Паисія и его время (Б. п. сп. IV, сл. Соф. п. сп. XIX—XX),

вспомнилъ о Софроніи Врачанскомъ (ib. XII). Его критическія изслѣдованія о внутреннемъ состояніи Болгаріи послѣ кончины Симеона начались въ Бр. п. сп. кн. IX—X и XI—XII, но отдѣльнымъ сочиненіемъ разработанъ этотъ вопросъ въ изслѣдованіи «Южные славяне и Византія въ X в.» (Москва 1876, 8⁰ 152; изъ «Чтеній» 1875, кн. III). Это была его докторская диссертація, на основаніи ея онъ окончательно получилъ занятую имъ уже раньше (съ 1873 г.) каѳедру славяновѣдѣнія въ харьковскомъ университетѣ, въ которомъ дѣятельность его продолжалась съ 1873 г. до конца жизни, несмотря на то, что политическое освобожденіе его родины (Болгаріи) вызывало его къ участію въ ея возрожденіи и въ національномъ правительствѣ страны, что на дѣлѣ такъ и случилось, но только временно (1877—9), пока продолжалось русское правленіе Болгаріею. Эта дѣятельность втягивала его въ участіе по многимъ очень важнымъ вопросамъ народнаго просвѣщенія, не имѣвшимъ однако много общаго съ славянской филологіею, напротивъ мѣшавшимъ ему въ теченіе нѣскольких лѣтъ продолжать болѣе крупныя изслѣдованія по примѣру обѣихъ упомянутыхъ диссертацій. Онъ не переставалъ, правда, зорко слѣдить за выводами чужихъ трудовъ, касавшихся Болгаріи и южнаго славянства вообще и гдѣ съ ними не соглашался, противополагалъ свои взгляды, но этими отзывами, да разными небольшого объема статьями исчерпывалась его дѣятельность. Онъ печаталъ ихъ по большей части въ Софійскомъ «Период. Списании» (по-болгарски), въ Ж. М. Н. Пр. и Извѣстіяхъ слав. благотвор. общества (по-русски), кромѣ того въ моемъ журналѣ «Archiv für sl. Phil.», въ академическихъ «Отчетахъ» о присужденіи премій и въ «Запискахъ Харьковскаго университета». Укажемъ на статью «Новый церковно-славянскій памятникъ съ упоминаніемъ о славянскихъ первоучителяхъ» (Ж. М. Нар. Пр. 1885, мартъ), на «Първата българска типография въ Солунъ (Псп. XXXI), и на статью о двухъ типографахъ XVI стол. въ «Сборникъ на Славянската Беседа» (Софія 1895), на статьи «О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана» въ Виз. Временникѣ I и II и на разборъ сочиненій Ѳ. И. Успенскаго въ Отчетѣ о 23 присужденіи Уваров. премій (1881, стр. 84—113), проф. Собѣстьянскаго въ Харьковскомъ сборникѣ филол. общества (т. VIII, 1896 г.) и П. А. Сырку «Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ» въ Отчетѣ о присужд. Ломоносов. преміи за 1899 г.

Значеніе Дринова какъ университетскаго преподавателя очень сочувственно охарактеризовано бывшимъ его ученикомъ Б. Ляпуновымъ въ статьѣ: «Краткій очеркъ научной дѣятельности М. С. Дринова» (Харьковъ 1905, 8⁰ 15), гдѣ въ концѣ перечислены всѣ его главнѣйшие труды. См. также

«Сборниче на юбилея на професора Маринъ С. Дриновъ 1869—1899» (София 1900, 8⁰ 127), тутъ имѣется его изслѣдованіе о «Мѣдномъ гумнѣ» по славянскимъ и греческимъ народнымъ преданіямъ. Редакція Энциклопедіи слав. филологіи надѣялась отъ него получить статью посвященную дѣятельности Кирилла и Меѳодія по новѣйшимъ изслѣдованіямъ этого важнаго вопроса. М. С. Дриновъ скончался въ Харьковѣ 28 февраля 1906 г.

ГЛАВА XXI.

Дѣятельность въ области славянской библіографіи, исторіи славянскихъ литературъ, изданія древнихъ памятниковъ и писателей: а) у поляковъ, чеховъ и южныхъ славянъ.

Историческое изученіе славянскихъ литературъ началось съ конца восемнадцатаго столѣтія разысканіями преимущественно библіографическими. Мы уже упоминали о трудахъ подобнаго рода у Унгара (стр. 93), Дуриха (стр. 98), Добровскаго (стр. 103—104), Бандтке (стр. 146), Бентковскаго (стр. 152), Лелевеля (стр. 154), Оссолинскаго (стр. 141), Раковецкаго (148), Евгенія (стр. 162—163), Калайдовича (стр. 169), П. Строева (стр. 171), Востокова (220—221), Кеппена (стр. 225), Мацѣёвскаго (стр. 234) и Юнгманна (244—245). Желаніе взаимнаго ознакомленія съ славянскими литературами замѣчается у Линде (стр. 145), оно вызвало извѣстный, первый своего рода, трудъ Шафарика (стр. 271) и въ сороковыхъ годахъ лекціи о славянскихъ литературахъ, читанныя въ Парижѣ знаменитымъ А. Мицкевичемъ, полныя духа и поэтическихъ увлеченій импровизаціи. О текстѣ этихъ лекцій французскомъ (въ 1845—1849 гг. въ пяти томикахъ), польскомъ Вротновскаго (въ первомъ изданіи 1843 г., во второмъ 1865 г. въ четырехъ томахъ), нѣмецкомъ (1843—1845 гг. въ четырехъ томахъ) укажемъ на хорошую статью Вл. Неринга: «O paryskich prelekcyach A. Mickiewicza» (Lwów 1892, отд. отт. изъ Pamiętnika, 8⁰ 34).

Отдѣльныя литературы подвергались исторической разработкѣ отчасти довольно рано, подъ вліяніемъ примѣровъ, данныхъ сосѣдними народами. Такъ, примѣръ итальянской литературы далъ довольно рано толчекъ дубровницкимъ писателямъ къ обозрѣніямъ своей дубровницко-далматинской литературы. Упомянемъ сочиненіе Игнатія Джорджича (Giorgi, Ignatius Georgius, 1675—1737), написавшаго «Vitae et carmina nonnullorum civium Rachusinorum», изданное профессоромъ Павломъ Поповичемъ въ II књ. II одел. «Зборника за историју, језик и књижевност срп. народа» стр. 1—80 (сравни мой рефератъ въ Archiv f. sl. Phil. XXVII, стр. 587—596). Объ авторѣ существуетъ разсужденіе того же профессора Павла Поповича: «Дубровачка биографија. I. Игњат Ђорђић» въ XXII книжкѣ «Годишњица Николе Чупића» (у Београду 1903, 147—230). Гораздо обширнѣе составленъ трудъ, къ сожалѣнію пока еще не изданный, Серафима Червы († 1759), обнимающій въ полномъ объемѣ по дубровницкому Францисканскому списку (автографъ хранящійся у доминикановъ нѣсколько пострадалъ) девять томовъ: т. I—VII Metropolis Ragusina, содержитъ біографіи дубровницкихъ архіепископовъ, значитъ церковную, а также политическую

исторію, т. VIII—IX «Vitae illustrium Ragusinorum» подходитъ ближе къ исторіи литературы, хотя и тутъ есть тоже біографіи монаховъ или государственныхъ людей, не принимавшихъ участія въ литературѣ. О значеніи этого важнаго труда для исторіи дубровницкой литературы сошлемся пока на отзывъ Макушева въ «Изслѣдованіяхъ объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника» (СПб. 1867, стр. 136—142). При изданіи дубровницкихъ писателей (Stari hrvatski pisci) всегда прибѣгалось къ разсказу Червы, какъ главному источнику для біографическихъ данныхъ. Іезуитъ Георгій Башичъ (Bassich 1693—1765) написалъ «Elogia iesuitarum Ragusinorum, qui usque ad annum 1764 obiere», т. е. жизнеописанія прославившихся членовъ ордена родомъ Дубровчанъ, въ числѣ которыхъ были, конечно, и писатели. И это сочиненіе еще не издано. Оба, т. е. Черву и Башича, собирается издать упомянутый проф. Павле Поповичъ въ продолженіи того же «Зборника», въ которомъ уже отпечатанъ Джорджичъ. Упомянемъ еще Франциска Сер. Дольчи (1699—1777), о филологическихъ бредняхъ котораго была уже рѣчь выше (стр. 68), но онъ же напечаталъ также «Fasti litterario-ragusini» (Venetiis 1767, 4°. X. 66)—краткую справочную книгу въ алфавитномъ порядкѣ о знаменитыхъ и незнаменитыхъ писателяхъ и художникахъ Дубровника. Наконецъ, о подобнаго рода трудѣ Аппендини упомянуто уже на стр. 182—183.

Очень рано возникъ интересъ къ исторіи литературы у поляковъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ по большей части библіографическихъ изданій укажемъ еще на М. Юшинскаго (1760—1830): «Dykcyonarz poetów polskich» (Kraków 1820, двѣ части, содержатъ также извѣстія о древнихъ польскихъ текстахъ, напр. о канціоналѣ 1435 года), на Ад. Б. Іохера (1791—1860): «Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce» (Wilno 1839—1857, три части) и въ новѣйшее время на двухъ знаменитыхъ польскихъ библіографовъ: В. Вислоцкаго и К. Эстрейхера.

Владиславъ Вислоцкій (1841—1900) издавалъ много библіографическихъ пособій, между прочимъ въ 1873 и слѣд. гг. «Rękopisy i ciekawsze druki biblioteki Zakładu narodowego im. Ossolińskich nabyte w r. 1870 i 1871» (въ изданіи Rocznik dla archeologów na rok 1870 i 1871. Kraków 1873, 169—206; 1874, 239—311), въ 1877 г. въ V томѣ акад. Rozprawy wydziału filolog.: «Poczet chronologiczny prac drukowanych i rękopiśmiennych Grz. Piramowicza», въ 1877—1881 г. въ Краковѣ: «Catalogus codicum manuscriptorum bibliothecae universitatis Iagellonicae» (двѣ части) и въ 1900 году «Incunabula typographica bibliothecae universitatis Iagellonicae Cracoviensis». Въ теченіе многихъ лѣтъ подъ редакціей его выходилъ «Przewodnik bibliograficzny» (1878—1900), прежде онъ участвовалъ въ журналѣ «Przegląd krytyczny» (1875—1877), это не былъ сухой только указатель и перечень книгъ, а также отзывы, примѣчанія и разборы критическіе. Въ «Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce» имѣются въ томахъ I и II его статьи «Bibliografia z zakresu historyi literatury i oświaty» за нѣсколько лѣтъ; точно такъ въ IV томѣ Scriptores rerum polonicarum: «Bibliografia historyi, geografii historycznej i historyi prawa polskiego». Вислоцкій принималъ также усердное участіе въ изданіи древнихъ памятниковъ. Для древне-чешскаго языка имъ изданъ текстъ начала XV-го столѣтія въ III томѣ «Rozprawy i sprawozdania wydziału filologicznego» (1875): «Kazania niedzielne i świąteczne w języku łacińskim i czeskim» (256—342), а для древне-польскаго: «Legenda o św. Aleksym» ib. IV. 314—362. Сл. еще одинъ текстъ

ib. т. X. 134—143, и въ Rozpr. i sprawozd. wydziału histor. filozoficznego II. 125—205. Въ Sprawozdaniach komisyi językowej онъ напечаталъ: «Glossa super epistolas. Kodeks łacińsko-polski z połowy XV wieku (1880. I. 1—141) и «Modlitewnik siostry Konstancyi z r. 1527» (ib. III. 73—184). Къ молодымъ годамъ его относится статья, напечатанная въ Отчетѣ (Sprawozdanie) Львовской гимназіи Франца Іосифа за 1868 годъ: «Nauka języka polskiego w szkołach polskich przed Kopczyńskim» (4⁰ 63). О Вислоцкомъ написалъ Улашинъ біографическую замѣтку въ Краковѣ, въ Przewodnik-ѣ «библіографичномъ» 1901. № 6, стр. 93—98. Перечень его трудовъ кромѣ того въ академическомъ Rocznik'ѣ за 1878 и 1880 годы.

Кароль Эстрейхеръ (род. 1827 г. въ Краковѣ, † 30 сентября 1908) посвятилъ свою долговѣчную жизнь почти исключительно польской библіографіи, хотя онъ былъ также большой любитель театра и драматической литературы. По воспитанію юристъ, онъ слушалъ также лекціи Вишневскаго. Въ литературѣ участвовалъ статьями по драматич. искусству въ журналѣ Dziennik literacki и въ Львовскихъ Nowiny (1853—1855). Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ былъ занятъ біографіею А. Мицкевича, изданной въ 1863 г. въ Вѣнѣ: «Adam Mickiewicz, rys biograficzny» (8⁰ 122). Въ то же время онъ принималъ участіе въ Вѣнскомъ журналѣ «Postęp» (1860—1862). Въ 1867 г. вышла его докторская диссертація: «Günter Zainer i Świętopełk Fiol» (Warsz. 8⁰ 66). Его Bibliografia polska XIX stulecia обнимаетъ въ алфавитномъ порядкѣ (A—Z) пять томовъ (1872—1880), съ двумя дополненіями (томы VI и VII, 1881—1882), въ Краковѣ. Предыдущія столѣтія вышли какъ часть II-ая, цѣлаго же ряда томы VIII и IX, обнимающіе годы 1455—1799 (Краковъ 1882 и 1887). Какъ часть третья начинается опять Bibliografia polska XIX stulecia, но теперь въ хронологическомъ порядкѣ, и эта часть обнимаетъ (съ X-го тома и дальше) до новѣйшаго времени тринадцать томовъ, т. е. въ полной серіи 22 тома. Эстрейхеръ составлялъ также библіографическія обозрѣнія различныхъ польскихъ журналовъ (напр. Biblioteki Warszawskiej) или авторовъ (Крашевскаго, 1887. 8⁰ 44). Онъ писалъ также кромѣ упомянутой историко-литературной статьи о Мицкевичѣ еще о В. Полѣ (1882) и т. д. и что̀ въ исторіи славянской филологіи въ особенности достойно упоминанія, занимался также тайными языками: Gwara złoczyńców. Warszawa 1867, и Szwargot więzienny. Kraków 1903. 8⁰ 177.

Въ числѣ настоящихъ литературныхъ историковъ важнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ былъ Михаилъ Вишневскій (1794—1865). Отличаясь хорошимъ философскимъ образованіемъ, пріобрѣтеннымъ въ Эдинбургѣ (1820—1822), онъ путешествовалъ много по Европѣ (съ княземъ Чарторыскимъ), въ особенности по Италіи, которую онъ изрядно полюбилъ, состоялъ съ 1832 по 1848 годъ профессоромъ въ Краковѣ, потомъ перебрался опять въ Италію. Въ 1835—1836 году вышли четыре выпуска его изданія: «Pomniki historyi i literatury polskiej» (статьи Тад. Чацкаго и др.), а въ 1840—45 г. «Historya literatury polskiej», семь первыхъ томовъ, съ прибавленіемъ 8-го тома (въ 1851 г.), позже еще вышли 9 и 10 томы безъ вѣдома и согласія автора (1857). Сочиненіе Вишневскаго очень богато содержаніемъ по среднимъ вѣкамъ, включая сюда также изданія на латинскомъ языкѣ. И у него, конечно, преобладалъ еще интересъ библіографическій, но упоминаніе разныхъ старо-польскихъ текстовъ и анализъ многихъ рѣдкихъ книгъ изобилуетъ очень драгоцѣнными данными, что дѣлаетъ трудъ его необходимымъ и до сихъ поръ.

Леславъ Лукашевичъ († 1855) былъ однимъ изъ первыхъ, написавшихъ очень хорошую, сжатостью изложенія отличавшуюся учебную книгу: «Rys dziejów piśmiennictwa polskiego». Начиная съ 1836 года, вышло нѣсколько изданій, въ исправленномъ и расширенномъ видѣ книжка издавалась еще послѣ смерти автора подъ разными редакціями (напр. Килинскаго, у меня изданіе 3-е, 1864 г.). Людвикъ Кондратовичъ (Владиславъ Сырокомля), извѣстный польскій писатель (1823—1862), написалъ тоже «Dzieje literatury w Polsce od pierwiastkowych czasów do XVII wieku» (Wilno. 1852, два тома, новое изданіе 1875 г. въ трехъ томахъ, 12⁰ 352, 349, 369); онъ воспользовался главнымъ образомъ Вишневскимъ. Янъ Маіоркевичъ († 1847), скончавшійся въ молодыхъ лѣтахъ, задавался обширными планами, не доведенными до конца. Его «Literatura polska w rozwinięciu historycznėm» вышла въ Варшавѣ 1850 г. Одинъ изъ Бартошевичей (Доминикъ 1801—1851) издалъ въ Варшавѣ (1841—1843) въ двухъ томахъ «Słownik polsko-rossyjski i rossyjsko-polski»; другой (Сигизмундъ, 1798—около 1870 г.) напечаталъ въ 1828 году книжечку: «Historya literatury polskiej podług dzieł Bentkowskiego, Juszyńskiego, Ossolińskiego i Sołtykowicza». Самый извѣстный Юліанъ Бартошевичъ (1821—1870) принималъ большое участіе многими, преимущественно историческими статьями въ польскихъ журналахъ и изданіяхъ (въ особенности въ Библіотекѣ Варшавской и въ Оргельбрандовой Энциклопедіи), между прочимъ издалъ въ 1861 г. въ Варшавѣ книгу «Historya literatury polskiej» (8⁰ 644, перепечатана въ собранныхъ сочиненіяхъ его: «Dzieła Juliana Bartoszewicza» въ Краковѣ 1876, въ первыхъ двухъ томахъ). Сочиненіе это пользовалось въ свое время большимъ уваженіемъ, за нимъ признавалась оригинальность и критичность. Представителемъ литературной критики этого старшаго поколѣнія былъ Ал. Тышинскій (1811—1880), воспитанникъ Виленскаго университета, подъ конецъ профессоръ польской литературы въ Варшавской Главной школѣ. Онъ состоялъ записнымъ литературнымъ критикомъ при Варшавской Библіотекѣ, гдѣ онъ между прочимъ написалъ «Rys historyczny oświecenia Słowian» (1841). Собранныя статьи его вышли въ 1854 г. въ Петербургѣ (3 части): «Rozbiory i Krytyki». Его такъ сказать преемникъ въ области критики, П. Хмелёвскій, написалъ о немъ обширную біографію, при изданіи его «Pism krytycznych» (1903).

Новые взгляды внесены въ исторію польской литературы изслѣдованіями Романа Пилята, Вл. Спасовича и Петра Хмѣлёвскаго. Романа Пилята (1846—1906), бывшаго профессора польскаго языка и литературы въ Львовѣ, лекціи по польской литературѣ при жизни его не являлись въ печати. Только послѣ смерти его нѣкоторые изъ бывшихъ его учениковъ взялись за дѣло, чтобы издать ихъ. Онѣ, по отзыву издателей, богатыя оригинальными мыслями, выходятъ теперь во Львовѣ (выпусками), подъ главной редакціею профессора Брухнальскаго: «Dr Roman Pilat. Historya literatury polskiej. Wykłady uniwersiteckie... pod redakcyą dra W. Bruchnalskiego». До сихъ поръ вышло 13 выпусковъ, первые четыре выпуска представляютъ первую часть IV-го тома: Historya poezyi polskiej XVIII wieku (1764—1795), opracował dr. Ludwik Bernacki (стр. 1—320); вып. 5 и слѣдующіе (до седьмого) обнимаютъ вторую часть, годы 1795—1815 (стр. 1—195, приготовилъ къ печати К. Войцѣховскій); въ седмомъ же выпускѣ, по одиннадцатый вышла часть I-я второго тома, подъ заглавіемъ: Historya poezyi polskiej od roku 1500—1632, а въ выпускѣ одиннадцатомъ по тринадцатый продолжается II часть второго тома (приготовили къ печати Брухналь-

скій и Коссовскій). Какъ извѣстно, Пилятъ занимался много политической, брошюрной литературой Польши XVII и XVIII столѣтій, но онъ посвятилъ также отдѣльное изслѣдованіе польской пѣснѣ Богородица: Pieśń «Bogarodzica» przez dra Romana Pilata. I. Restytucyja tekstu pieśni. Kraków 1879. 4⁰ 114 (больше не вышло) и состоялъ редакторомъ посвященнаго спеціально изслѣдованіямъ о Мицкевичѣ «Pamiętnika towarzystwa literackiego imienia A. Mickiewicza», шесть томовъ котораго (1887—1898) вышли подъ его редакціею. Между прочими статьями самого Пилята, помѣщенными въ каждомъ томѣ по нѣсколько ихъ, укажемъ въ III томѣ на статью: «Głosy publicystyki emigracyjnej o pierwszych wykładach Mickiewicza w Collège de France» тамъ же: «Współzawodnicy Mickiewiecza do katedry Collège de France», и «Losy pierwszych utworów Mickiewicza»; въ V и VI томахъ: Autografy ksiąg «Pana Tadeusza», въ V т. O Towiańszczyźnie i Mickiewiczu. Наконецъ въ наши дни стала выходить посмертнымъ изданіемъ его «Gramatyka języka polskiego. Wykłady uniwersyteckie opracował dr. Fr. Krček (Lwów 1908. I. Głosownia, стр. 1—160). Преимущество этой грамматики передъ Малэцкимъ и Крыньскимъ состоитъ въ томъ, что авторъ послѣдовательно обращалъ вниманіе на церковно-славянскій языкъ, значитъ вносилъ въ польскую грамматику языкосравнительный элементъ, насколько было тогда возможно.

Владиміръ Спа́совичъ (1824—1906) представляетъ въ исторіи національнаго развитія славянскихъ народовъ особый типъ общественнаго дѣятеля, всѣ помышленія котораго стремились къ сближенію двухъ первенствующихъ народовъ славянской расы — русскихъ и поляковъ. Чувствуя себя по происхожденію полякомъ онъ пустилъ столь глубокіе корни въ средѣ русской (въ Петербургѣ), что безъ преувеличенія можно бы назвать его filius duarum patriarum. Что значитъ уже рѣшимость его пользоваться, безъ оффиціальнаго принужденія, въ литературной своей дѣятельности обоими языками, польскимъ и русскимъ? Еще въ пятидесятыхъ годахъ онъ примкнулъ къ либеральному русскому кружку, въ которомъ близко сошелся съ молодымъ А. Н. Пыпинымъ и сообща съ нимъ издалъ въ 1865 году: «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ», въ этомъ обзорѣ исторія польской литературы написана имъ. Въ новомъ изданіи 1881 года она обнимаетъ во II томѣ стр. 449—782. Въ предисловіи къ этому труду Спасовичъ самъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ, воспитанный офиціально на русскомъ языкѣ (въ Минской гимназіи), по литературному образованію и національнымъ идеаламъ принадлежалъ къ полякамъ, и какъ въ бытность свою студентомъ петербургскаго университета (1845—1849) увлекался идеями лекцій Мицкевича и стихотвореній Красинскаго, предаваясь мистическому мессіанизму. Слѣдующіе годы произвели отрезвляющее впечатлѣніе и на него. Роковыя событія начала 60-хъ годовъ не прервали его сношеній съ Пыпинымъ. Ему не надо было отказываться отъ своихъ польскихъ идеаловъ. Пыпинъ предоставилъ ему въ задуманномъ историко-литературномъ трудѣ полную свободу, и онъ могъ надѣяться не малой пользѣ отъ участія въ общеславянской исторіи литературъ, гдѣ ему была дана возможность популярно представить національные польскіе идеалы, запечатлѣвшіеся въ польской литературѣ, передъ русской публикой. Это онъ и сдѣлалъ не только въ первомъ, но еще выразительнѣе во второмъ изданіи, цѣль котораго сообща съ трудомъ А. Пыпина обозначена словами: «мы поработали на пользу умственнаго общенія, а слѣдовательно сближенія двухъ славянскихъ народностей, считавшихся даже мысленно непримиримыми послѣ того, какъ по отъѣздѣ Мицкевича въ 1829 году изъ Петербурга событія 1830—

1831 г. провели между ними глубокую борозду». Въ 1882 году вышелъ польскій переводъ его сочиненія: «W. Spasowicz. Dzieje literatury polskiej. Przełożyli z rosyjskiego St. Czarnowski i A. G. Bem». 8⁰ VI. 627. Спасовичъ издавалъ много лѣтъ польскій журналъ «Ateneum» (начиная съ 1876 г.) въ Варшавѣ, въ редакціи котораго принимали участіе А. Павинскій, П. Хмелёвскій и др. На русскомъ языкѣ онъ напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» и потомъ въ сочиненіяхъ В. Д. Спасовича (СПб. 1889) м. пр. слѣдующія статьи, въ томѣ I: Владиславъ Сырокомля (стр. 1—92), Мартинъ Матушевичъ (стр. 127—201), Винцентій Поль (стр. 215—286); въ томѣ II: Байронъ и нѣкоторые его предшественники (стр. 1—168), Мицкевичъ въ раннемъ періодѣ его жизни (съ 1830 г.) какъ байронистъ (стр. 171—221), Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго (стр. 225—290), Байронизмъ у Пушкина (стр. 293—340), у Лермонтова (стр. 343—406). Часть этихъ статей напечатана по польски, въ V томѣ (1892 г.) его сочиненій на польскомъ языкѣ (Pisma, 9 томовъ), и кромѣ того: Rzecz o Puszkinie, mój spór z p. Tretiakiem (стр. 343—371). Въ VI томѣ польскихъ сочиненій: Lermontow w książce p. Kotlarewskiego (241—278), Książę P. A. Wiaziemski, jego polskie znajomości i stosunki (стр. 279—325). Въ VII томѣ (1899): Adolf Pawiński (187—228) и Konstanty Kawelin (стр. 275—322). Публицистическая и чисто юридическая (адвокатская) дѣятельность Спасовича, его живое участіе въ польской газетѣ «Kraj» насъ здѣсь не касаются.

Недавно скончавшійся Петръ Хмелёвскій (1848—1904), воспитанникъ Варшавской «Главной школы» и университета, посвятившій себя съ молодыхъ лѣтъ философскимъ наукамъ, потомъ польской литературѣ, какъ критикъ и историкъ, принадлежалъ къ числу самыхъ плодовитыхъ писателей въ области польской литературной исторіи и критики. Въ Лейпцигѣ, куда онъ поѣхалъ въ 1873 году, занятія его сосредоточивались преимущественно на различныхъ отрасляхъ философіи. Возвратившись въ 1874 г. со степенью доктора философіи въ Варшаву, онъ примкнулъ къ тому кружку представителей новаго движенія въ польской общественной жизни и литературѣ, который трезвой положительной дѣятельностью старался замѣнить прежній сентиментализмъ. Сначала онъ усердно участвовалъ въ журналѣ «Niwa» статьями общаго философско-культурнаго направленія (его «Geneza fantazyi» вышла отдѣльной книжкой въ 1873 г. въ Варшавѣ), но мало-по-малу обрисовывается другой образъ дѣятельности, все вниманіе обращается на критику новой польской литературы. Въ 1872 г. началась его редакторская дѣятельность участіемъ въ журналѣ «Opiekun Domowy». Въ 1873 г. вышла первымъ изданіемъ его книжка: «Kobiety Mickiewicza, Słowackiego i Krasińskiego». Въ 1878 году онъ принялъ, на нѣкоторое время, передовое участіе въ изданіи «Biblioteki najcelniejszych utworów literatury europejskiej», снабдивъ издаваемыхъ имъ писателей (Красицкаго, Потоцкаго, Нарушевича, Морштына, Фредру, Крашевскаго и др.) обширными введеніями и объясненіями. Въ качествѣ многолѣтняго редактора журнала «Ateneum» (съ 1881 г.) онъ имѣлъ возможность и обязанность зорко слѣдить за ходомъ современной польской литературы, отъ вниманія его не ускользало ни одно литературное произведеніе, ни одинъ польскій писатель. Изъ разбросанныхъ статей потомъ слагались монографіи и обозрѣнія. Изъ числа монографій укажемъ на обширный трудъ о Мицкевичѣ («Adam Mickiewicz. Zarys biograficzno-literacki», W. 1886, 2 тома, новое изданіе 1901), о Крашевскомъ («Józef Ignacy Kraszewski. Zarys biograf.-literacki». Kraków, 1887), и т. д. Изъ общихъ обозрѣній приведемъ:

«Zarys literatury polskiej z ostatnich lat dwudziestu» (2-е изданіе Warsz. 1886, новое изданіе Kraków, 1894), — трудъ вызвавшій оживленную критику contra и pro; далѣе укажемъ на «Nasi powieściopisarze. Zarysy literackie». Kraków, 1887 (Serya II 1895), на «Studya i szkice z dziejów literatury polskiej». Kraków, 1889 (2 тома), гдѣ подобраны разныя по журналамъ разбросанныя статьи, на «Nasza literatura dramatyczna». С.-Петербургъ, 1898 (2 тома) и «Dramat polski doby najnowszej» (1902). Желаніе обработать исторію литературы въ систематическомъ обозрѣніи заставило его написать наконецъ «Исторію польской литературы» (Historya literatury polskiej) въ шести томахъ (и здѣсь обращено преимущественное вниманіе на литературу XIX столѣтія), дополненіемъ служитъ «Zarys literatury najnowszej» (нѣсколько разъ переиздано съ расширеніями). Имѣется еще въ 3 томахъ: «Obraz literatury polskiej w streszczeniach i celniejszych wyjątkach» (1898). Въ 1902 году, на память своей 35-лѣтней дѣятельности, онъ издалъ: «Dzieje krytyki literackiej w Polsce». Вспомнимъ еще для польскаго языка важное сочиненіе его «Stylistyka polska» (1903). О Хмелёвскомъ имѣется не большой отзывъ Тадеуша Пини (Tadeusz Pini): «Piotr Chmielowski. Wspomnienie pośmiertne» (We Lwowie 1904. 8⁰ 24), который конечно не удовлетворяетъ. Для полной и справедливой оцѣнки этого плодовитаго польскаго Бѣлинскаго хочется имѣть подробный анализъ его критико-эстетическихъ взглядовъ, обсужденіе степени его оригинальности или зависимости отъ современной европейской (французско-нѣмецкой) критики, его знакомства съ прочими славянскими, прежде всего съ русской литературой (чего многіе польскіе литературные историки, правда, не находятъ нужнымъ) и т. д. Какъ извѣстно, подъ конецъ жизни представители польской науки въ Львовскомъ университетѣ пригласили его въ свою среду, выбравъ его въ преемники Р. Пилята. Какъ отразилось это лучше теперь обезпеченное его положеніе на дѣятельности литературной, какое вліяніе на молодежь производили его лекціи—обо всемъ этомъ еще не имѣется подробныхъ разсужденій. Укажемъ пока на краткую, мастерскими штрихами сдѣланную характеристику Хмелёвскаго въ Исторіи польской литературы Брикнера (польскаго 1-го изданія томъ II, стр. 342—3).

Изданіемъ памятниковъ польской политической и культурной исторіи, а также польскаго языка, въ связи съ древностями историко-юридическими, занимались графъ А. Т. Дзялынскій, графъ Александръ Пржездзѣцкій, К. Малковскій, И. Польковскій, Р. Губе (Romuald Hube), А. Гельцель (Helcel), А. Бѣлевскій, А. Павинскій, А. Пекосинскій и многіе другіе.

Графа Адама Тита Дзялынскаго (1797—1861) культурно-политическая дѣятельность насъ здѣсь не касается. Достаточно указать на его большія заслуги для сохраненія польскихъ драгоцѣнныхъ рукописей и книгъ въ Курницкой библіотекѣ. Съ его помощью вышли между прочимъ «Zbiór praw litewskich» (Познань 1841) и «Zabytek dawnej mowy polskiej» (W Poznaniu 1857, fol. 84 со снимками. Новое изданіе этого памятника сдѣлалъ В. Нерингъ въ XXV томѣ, 1897 г., Rozpraw wydziału filolog.). На его средства воспроизведено также изданіе Пулавской псалтыри: «Psałterz Puławski. Z kodeksu pergaminowego księcia Władysława Czartoryskiego przedruk homograficzny wykonali Adam i Stanisław Pilińscy» (1880) и польскіе переводы статута Вислицкаго, правъ польскихъ Казимира Великаго, правъ князей Мазовецкихъ (1876 и 1877), изданіе гомографическое in fol.

Графъ Александръ Пржездзѣцкій (1814—1871), извѣстный труженикъ по изданію Длугоша, издатель многихъ историческихъ памятниковъ и самосто-

ятельныхъ сочиненій характера историческаго, этнографическаго и библіографическаго, и т. д., посвящалъ свое вниманіе также памятникамъ древне-польскаго языка. Напр. онъ первый указалъ на «Modlitwy Wacława» (памятникъ изданный потомъ Л. Малиновскимъ), онъ указалъ на рукопись Ченстоховскую пѣсни «Богародзицы» (въ Bibliot. Warszaw. 1866, I).

К. Малковскій былъ горячій любитель польской литературной старины, но по вопросамъ филологическимъ отчаянный дилетантъ, не стѣснявшійся высказывать смѣлыя, иногда прямо невозможныя гипотезы. Напр. онъ оспаривалъ подлинность Софійской библіи (Bibl. Warszawska 1872, I), въ изданіи «Przegląd najdawniejszych pomników języka polskiego, sporządził Konstanty Małkowski» (W Warszawie 1872, fol. 191) онъ представилъ плоды своего изученія Псалтыри «Krolewny Marji», какъ онъ называлъ Psalterium florianense (стр. 1—65) и нѣсколькихъ другихъ памятниковъ, въ число которыхъ забрались даже «Pomniki frejzyngeńskie X wieku», а подъ конецъ «Poszukiwanie narzecza znikłego» (151—191) дало ему поводъ вдаваться въ очень фантастичныя лингвистическія комбинаціи, напоминающія этимологіи Шишкова. Отрывокъ одного польскаго молитвеника (Modlitewnik dla kobiet z w. XVI) изъ рукописнаго собранія Малковскаго изданъ въ 1905 году С. Пташицкимъ, какъ изданіе Краковской академіи.

Игн. Польковскій († 1888), бывшій каноникъ Краковскій, занимался не только польской исторіею и археологіею (польскими церковными древностями), а также памятниками польскаго языка и разысканіями библіографическими. Въ 1875 г. онъ сдѣлалъ въ брошюрѣ «Dawny zabytek języka polskiego w żywocie ojca Amandusa» (Гнѣзно) первое сообщеніе о текстѣ, который потомъ имъ же напечатанъ въ «Sprawozdania kom. językowej» (Томъ III, 1884, стр. 198—331): «Żywot ojca Amandusa z kodeksu XVI w.». Въ 1882 г. онъ перепечаталъ (воспроизвелъ гомографически, къ сожалѣнію въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ) въ Краковѣ важный для исторіи польскаго языка текстъ: «Żywot Jezu Krista» (Baltazara Opecia), изданный впервые въ 1522 г. у Яна Галлера въ Краковѣ, 4° 388 стр. (было также изданіе того же года въ Краковѣ у Вьетора in folio). Въ X томѣ «Rozpraw wydziału filologicznego» 1884, стр. 94—133, сдѣланъ имъ же разборъ одной рукописной чешской библіи 1476-го года: «Rękopis biblii czeskiej z r. 1476», а въ Archiwum do dziejów literatury i oświaty т. III (1884) онъ сообщилъ «Katalog rękopisów kapitulnych katedry krakowskiej» (1—168, 397—412).

Ромуальдъ Губе (1803—1890) одинъ изъ выдающихся изслѣдователей польскаго и славянскаго права, получилъ высшее образованіе въ Дрезденѣ, Краковѣ, Варшавѣ и Берлинѣ, гдѣ Гегель и Савиньи вліяли на его научное направленіе, въ которомъ, по словамъ Зигеля, онъ не былъ слѣпымъ приверженцемъ ни исторической школы, ни гегеліанизма. Возвратясь изъ-за границы въ Варшаву (1825) онъ преподавалъ въ варшавскомъ университетѣ различныя юридическія дисциплины, напр. исторію римскаго и нѣмецкаго права, потомъ уголовное и каноническое право. Въ этой области вращались также его первые труды, писанные отчасти по латыни (1826—1828). Но ознакомленіе съ Прагой (въ 1828 г.) обратило его взоры на чешское право, о которомъ въ 1829 году онъ напечаталъ въ польскомъ журналѣ «Themis polska czyli pismo nauce i praktyce prawa poświęcone» небольшую статью. По польскому праву хвалятъ одно изъ очень раннихъ его изслѣдованій: «O dawnych pisarzach prawa karnego w Polszcze» (1830). Зигель называетъ это изслѣдованіе мастерскимъ образцомъ того, «какъ долженъ быть по-

ставленъ и рѣшаемъ вопросъ объ отношеніи славянскаго права къ западу». Къ изслѣдованію своего брата Іосифа о законномъ правѣ наслѣдованія у римлянъ, германцевъ и славянъ (оно вышло въ послѣдней книжкѣ журнала «Themis» за 1830 г., переведено въ 1836 г. по-нѣмецки, въ 1845 г. въ сборникѣ Валуева по-русски) онъ помѣстилъ свои прибавленія. Вызванный по законодательнымъ работамъ въ Петербургъ онъ получилъ въ 1841 г. порученіе читать въ университетѣ уголовное и административное право польское. Въ своихъ лекціяхъ онъ излагалъ также исторію польскаго права. Вскорѣ прекратилась эта преподавательская дѣятельность офиціальной поѣздкою въ Римъ, гдѣ онъ воспользовался случаемъ, чтобы завязать сношенія съ итальянскими учеными и изучить богатую юридическую литературу о средне-вѣковыхъ правахъ итальянскихъ (муниципальные статуты). Этотъ расширенный кругозоръ отозвался очень благопріятно на его дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ по славянскому, въ частности польскому праву. Въ 1853 г. вышелъ въ Библіотекѣ Варшавской его «Przyczynek do objaśnienia historyi Statutu Wiślickiego», которому, по словамъ Пекосинскаго, предшествовала уже въ 1839 г. анонимная статья «Statuta ziemi krakowskiej» (въ журналѣ «Tygodnik literacki», сл. Rozprawy wydziału histor. filozof. Serya II, tom III, Kraków 1892, стр. 209—213) — это было началомъ продолжительныхъ занятій, стоявшихъ въ связи съ Вислицкимъ законодательствомъ, въ которомъ съ различныхъ точекъ зрѣнія приходили къ различнымъ выводамъ Губе и Гельцель. Въ 1856 г. напечатано изданіе «Antiquissimae constitutiones synodales provinciae gneznensis», постановленія двѣнадцати польскихъ церковныхъ соборовъ. Онъ написалъ въ Варшавской Библіотекѣ 1852 г.: «O najdawniejszych statutach synodalnych polskich». По примѣру Савиньи онъ изучалъ и въ 1868 г. издалъ важный этюдъ «O znaczeniu prawa rzymskiego i rzymsko-byzantyńskiego u narodów słowiańskich. W dodatku excerpta serbskie» (Warszawa 1868. 8⁰ 89), имѣется переводъ сербскохорватскій и французскій. Въ 1872 г. имъ написанъ для Библіотеки Варшавской «Pogląd na nowsze prace okolo wyjaśnienia historyi praw Słowian południowych» (8⁰ 24) — очень хорошее и поучительное обозрѣніе. Въ 1874 г. вышелъ новый важный трудъ его «Prawo polskie w wieku trzynastym, przedstawił i objaśnił R. Hube». (W. 1874. 8⁰ VIII. 271), а въ 1881 году продолженіемъ его: «Prawo polskie w 14-tym wieku», подъ особымъ заглавіемъ «Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego opracował R. Hube» (Warszawa 1881, 8⁰ III. 226. LXVI. V»). Результаты изслѣдованій Губе во многихъ пунктахъ не совпадали съ выводами Гельцеля. Судить объ этомъ задача исторіи польской юридической науки. Сошлемся на вышеупомянутую статью Пекосинскаго: «Uwagi nad ustawodawstwem wiślickopiotrkowskiem króla Kazimierza Wielkiego» и на дальнѣйшія подробности въ статьѣ «Jeszcze słowo o ustawodawstwie wiślicko-piotrkowskiem króla Kazimierza W.» (ib. т. VIII, 1896). Такъ и сочиненіе Губе «Statuta Nieszawskie z roku 1454» (Warszawa 1875) было направлено противъ Бобржинскаго, посвятившаго этому памятнику спеціальное изслѣдованіе (1873). Губе старался во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ стоять на твердой почвѣ текстовъ, поэтому онъ всегда дорожилъ ихъ критическими изданіями, если и не въ столь широкихъ размѣрахъ какъ это было у Гельцеля. Во всякомъ случаѣ и польскій языкъ обязанъ ему такими изданіями, какъ «Roty przysiąg krakowskich» (въ Библіотекѣ Варшавской 1875, 8⁰ 28) и «Zbiór rot przysiąg sądowych Poznańskich, Kościańskich, Kaliskich, Sieradzkich, Piotrkowskich i Dobrzyszyckich z końca w. XIV i pierwszych lat w. XV».

(Warszawa 1888. 8⁰ 161). Къ этому изданію профессоръ Брикнеръ прибавилъ словарь и личныя названія. Къ славянскому праву относится его монографія «Wrożda, wrożba i pokora. Studyum z historyi prawa karnego» (отдѣльный оттискъ изъ журнала «Ateneum» 1884, 8⁰ 23). Наконецъ въ 1886 г. вышло его послѣднее обширное изслѣдованіе: «Prawo Polskie w w. XIV. Sądy, ich praktyka i stosunki prawne społeczeństwa w Polsce ku schyłkowi 14 wieku». О значеніи этого труда сл. Kwartalnik historyczny I. 477 и слѣд. Хорошая оцѣнка значенія Ромуальда Губе сдѣлана профессоромъ Зигелемъ въ «Журн. Мин. Народн. Просв.» 1891, № 7: «Объ ученой дѣятельности Р. М. Губе (стр. 86—124). Губе скончался какъ членъ государственнаго совѣта въ іюлѣ 1890 г. на 88 году своей жизни. О немъ написалъ К. Дунинъ въ первомъ томѣ изданныхъ его сочиненій: Hube Romuald Pisma, poprzedzone zarysem biograficzno-krytycznym przez Karola Dunina. Warszava 1905 (два тома).

Благороднымъ соперникомъ Губе можно считать представителя исторіи польскаго права въ Краковскомъ университетѣ Антона Гельцеля (Helcel). Онъ родился въ Краковѣ (въ 1808 г., † 1870 г.), изучалъ науки тамъ же и въ Бреславлѣ, Берлинѣ, Гейдельбергѣ и Парижѣ, занялъ еще въ 1832 году каѳедру польскаго права въ Краковскомъ университетѣ, обратившись по этому поводу за совѣтомъ къ Р. Губе. Дѣятельность эта вскорѣ прекратилась и онъ началъ въ 1835 году издавать «Kwartalnik naukowy», въ которомъ помѣщались разныя статьи его и другихъ юридическаго и чуть ли не преимущественно философскаго содержанія (напримѣръ онъ самъ написалъ о своемъ учителѣ, о Г. С. Бандтке, «w stosunku do społeczności i literatury polskiej» хвалебную статью довольно тяжелымъ польскимъ языкомъ). Имѣлось въ виду заинтересовать этимъ журналомъ также другихъ славянъ. На этомъ настаивалъ по крайней мѣрѣ Р. Губе. Но изъ этого ничего не вышло. За недостаткомъ подписчиковъ журналъ долженъ былъ прекратиться на четвертомъ томѣ. Имѣя свою собственную типографію Гельцель печаталъ свои и чужіе труды, отчасти и переводы (между прочимъ статью Долэнги Ходаковскаго, см. выше на стр. 524). Но и это предпріятіе приносило только убытки. Гельцель отказался отъ типографіи. Участіе его въ событіяхъ 1846—1848 гг. не входитъ въ нашъ планъ. Объ этомъ достаточно указать на обширный разсказъ въ сочиненіи Лисицкаго (т. I. 54—390). Возобновленная послѣ успокоенія профессорская дѣятельность вскорѣ прекратилась (въ 1852 г.). Досугомъ Гельцель воспользовался для любимаго своего предмета—исторіи польскаго права. Важнѣйшимъ трудомъ, потребовавшимъ въ теченіе многихъ лѣтъ усиленныхъ приготовительныхъ занятій было его великолѣпное, монументальное изданіе: «Starodawne prawa polskiego pomniki, poprzedzone wywodem historyczno-krytycznym tak zwanego prawodawstwa wiślickiego Kazimierza Wielkiego w texcie starych rękopismów krytycznie dobranym» (Kraków 1856, 4⁰, I. CCLXVII, 428. II. ib. 1870, XIX. 958). Гельцель приготовилъ къ печати только I и II томъ, продолженіе взяла на себя историческая коммиссія Краковской академіи, подъ редакціею Бобржинскаго, Уляновскаго и другихъ (до сихъ поръ XI т.). Онъ самъ напечаталъ въ Варшавской Библіотекѣ за 1863 г. т. III: «Badania w przedmiocie historyi dziesięcin kościelnych w Polsce» и въ 1864 г. издалъ «Księgę pamiętniczą Jakuba Michałowskiego». Изъ оставшихся бумагъ издалъ М. Бобржинскій его лекціи: «Dawne prawo prywatne polskie» (W Krakowie 1874. 8⁰ VII. 233). Статья В. Мацѣёвскаго въ шестомъ томѣ Краковскаго академическаго изданія: «Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń

wydziału historyczno-filozoficznego» (1877) подъ заглавіемъ: «Antoni Żygmunt Helcel, jako prawnik-historyk» (стр. 53—258), могла бы ввести въ заблужденіе. Авторъ говоритъ о Гельцелѣ гораздо менѣе чѣмъ о себѣ. Обширная двухтомная біографія Гельцеля написана Лисицкимъ въ 1882 году во Львовѣ (H. Lisicki. Antoni Zygmunt Helcel 1808—1870) распространяется главнымъ образомъ объ общественной и политической дѣятельности Гельцеля.

Изъ числа историковъ упомянемъ мимоходомъ Карла Шайноху (1818—1868), удивительно плодовитаго писателя въ изящной литературѣ и поэта также въ историческихъ изслѣдованіяхъ. Онъ былъ однимъ изъ сотрудниковъ при новомъ изданіи словаря Линде. Его «Lechicki początek Polski» (1858) представляетъ крайнее увлеченіе теоріею норманской, въ изящной формѣ разсказываются не результаты объективныхъ историческихъ изслѣдованій, а плоды его фантазіи, его предвзятыхъ мыслей.

Августъ Бѣлёвскій (August Bielowski, 1806 † 1876) бывшій директоръ учрежденія Оссолинскихъ, извѣстенъ въ славянской филологіи какъ издатель второго изданія словаря Линде, которое вышло во Львовѣ между 1854 и 1860 гг. въ шести томахъ, какъ «wydanie drugie, poprawne i pomnożone», предпринятое «staraniem i nakładem zakładu narodowego imienia Ossolińskich». Въ поправкахъ и дополненіяхъ приняли участіе кромѣ Бѣлёвскаго еще Вагилевичъ, графъ I. Залускій, Д. Зубрицкій, Лобескій и другіе. Въ различныхъ томахъ поправки и дополненія (отчасти изъ рукописныхъ матеріаловъ самого Линде) выступаютъ въ неравной мѣрѣ и вообще не очень то важны, но это не уменьшаетъ заслуги Бѣлёвскаго, окончившаго это изданіе съ рѣдкой энергіей въ теченіе семи лѣтъ (мартъ 1854—августъ 1861). Еще больше предпріимчивости высказалось въ его изданіи «Monumenta Poloniae historica», которое начато имъ самимъ въ Львовѣ и въ первыхъ двухъ томахъ (въ 1864 I т., въ 1872 II т.) содержитъ древнѣйшія извѣстія о славянахъ вообще и тексты древнѣйшихъ польскихъ дѣеписателей (въ числѣ прочихъ также хронику Нестора). Начиная съ третьяго тома изданіе перешло въ руки Краковской академіи, но и въ этомъ томѣ (1878) большая часть текстовъ приготовлена къ печати еще А. Бѣлёвскимъ. Этому предпріятію предшествовало изслѣдованіе его: «Wstęp krytyczny do dziejów Polski» (Lwów 1850, 8⁰ 542), въ которомъ онъ выводилъ поляковъ отъ гето-даковъ. Къ исторіи литературы польской относится его изслѣдованіе: «Szymon Szymonowicz», напечатанное въ академическомъ Pamiętnik-ѣ, т. II (1875, стр. 105—213). Для древне-польскаго языка укажемъ на его изданіе отрывка «Żywot św. Błażeja», съ примѣчаніями Малэцкаго и Вагилевича, въ повременномъ изданіи «Biblioteka Ossolińskich» (подъ его же редакціею) за 1864 годъ, т. IV.

Въ область славяновѣдѣнія по вопросамъ историческимъ охотно переходилъ почтенный польскій труженикъ Адольфъ Павинскій (1840—1896). Онъ получилъ университетское образованіе въ Петербургѣ (1859—1861) и Дерптѣ (1862—1864), потомъ поѣхалъ въ Германію (въ Берлинъ, Геттингенъ), чтобы продолжать начатыя еще въ Дерптѣ историческія занятія подъ руководствомъ Ранке, Дройзена, Яффэ, Вайца. Получивъ въ 1867 г. степень заграничнаго доктора, онъ началъ въ 1868 г. преподавать въ Главной Школѣ въ качествѣ приватъ-доцента (1868—1871); сдавъ въ Петербургѣ экзаменъ на доктора, онъ получилъ назначеніе экстраординарнаго и съ 1875 года ординарнаго профессора въ Варшавскомъ университетѣ. Въ то же время онъ служилъ въ главномъ архивѣ царства польскаго, подъ конецъ какъ начальникъ. Неутомимая его

дѣятельность обогатила польскую историческую литературу множествомъ имъ изданныхъ источниковъ, въ серіи изданій, подъ заглавіемъ: «Źródla dziejowe», начиная съ 1876 года (его участіе въ томахъ: II, III, IV, VII, VIII, IX, XI, XII—XVI), и многочисленными изслѣдованіями освѣщающими внутренній бытъ средневѣковой Польши. Въ 1871 году вышла на русскомъ языкѣ его диссертація: «Полабскіе славяне» и отчетъ о трудѣ Владимирскаго-Буданова: «Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ» (въ XIII присужденіи наградъ графа Уварова, СПб. 1872. 38—87). Въ 1874 году онъ написалъ книжку о Сербіи («Serbia. Zarysy histor.-etnograficzne», 8⁰ 119). Однимъ изъ важнѣйшихъ его сочиненій считается изданное въ 1888 г.: «Rządy sejmikowe na tle stosunków województw kujawskich», въ связи съ «Dzieje Ziemi Kujawskiej» (5 большихъ томовъ in 4⁰, W. 1888). Сюда также можно причислить изслѣдованіе: «Sejmiki ziemskie 1374—1505» (W. 1895), о которомъ отзывъ Пекосинскаго въ Sprawozdaniach wydziału hist.-filozof. Serya II, t. XIV (1900). Къ исторіи политической литературы польской относится его монографія: «Jana Ostroroga żywot i pismo o naprawie Rzeczypospolitej» (W. 1884), а въ изслѣдованія по польскому праву входитъ монографія его: «O pojednaniu w zabójstwie według dawnego prawa polskiego» (W. 1884, 8⁰ 123). Археологическіе и антикварные вопросы тоже занимали его: на русскомъ языкѣ онъ напечаталъ «Доисторическое время въ царствѣ Польскомъ. Археологическій очеркъ» (В. 1873, 8⁰ 15, рѣчь его) и по польски: «Cmentarzysko w Dobryszycach» (W. 1875. 8⁰ 16). Въ «Текахъ» Павинскаго (Teki Pawińskiego) обращаютъ на себя вниманіе «Księgi sądowe łęczyckie» (3 тома, 1897—1898, томъ третій вышелъ подъ редакціею Л. Малиновскаго, онъ посвященъ разбору языка). О А. Павинскомъ написалъ В. Закржевскій въ 1897 году (Adolf Pawinski 1840—1896. Zarys dziejów żywota i pracy. Petersburg), имѣется также отзывъ Спасовича въ «Вѣстникѣ Европы» 1896 г., декабрь.

Не менѣе трудолюбивымъ издателемъ историческихъ памятниковъ былъ краковскій ученый Фр. Пекосинскій (Piekosiński, 1844—1906), бывшій подъ конецъ профессоромъ польскаго права, директоромъ архива актовъ городскихъ и земскихъ въ Краковѣ. Длинный рядъ «кодексовъ дипломатическихъ» вышелъ въ изданіяхъ краковской академіи подъ его редакціею, отличавшеюся очень тщательной обработкой (Kod. dypl. katedry Krakowskiej, 2 тома. Kod. dyplom. małopolski, 4 тома. Kod. dyplom. m. Krakowa, 2 тома). Въ повременномъ изданіи «Archiwum komisyi prawniczej» онъ напечаталъ въ III томѣ: «Tłumaczenia polskie statutów ziemskich» (1895. 8⁰ 492; здѣсь напечатаны кодексъ Дзиковскій, кодексъ Дзялынскихъ, кодексъ Свентославовъ, кодексъ Страдомскаго); въ VII томѣ: «Statut litewski drugiej redakcyi» (1900. 8⁰ LXX. 568, сличи къ этому изслѣдованіе «Statut litewski. Część I.», въ Rozprawach t. XXXIX. 1900. 61—130), въ VIII томѣ: «Tłómaczenie polskie statutów Kazimierza Wielkiego i statutu wareckiego», и др. Въ «Pomnikach starodawnych prawa polskiego» томъ IX-й заполненъ актами изданными имъ. Кромѣ того имъ написано очень много изслѣдованій въ области польской исторіи и польскаго права: онъ изучалъ польскую нумизматику, сфрагистику и геральдику, занимался археологіею, палеографіею и вопросомъ о рунахъ. Укажемъ только на главнѣйшія изъ этихъ сочиненій, на тѣ изъ нихъ, которыя стоятъ ближе къ славянской филологіи: «O monecie i stopie menniczéj w Polsce w XIV i XV w.» (Rozprawy hist.-filoz., t. IX. 1878, 1—320, и потому же вопросу: «Moneta polska w dobie piastowskiej» (ib. XXXV 1898, 387—410), а также: «Kilka uwag o denarach Bolesława Chrobrego» (1897).

Замѣчателенъ его обмѣнъ мыслей и взглядовъ на происхожденіе Польши съ такими же Бобржинскаго и Смольки. Онъ написалъ: «O powstaniu społeczeństwa polskiego w wiekach średnich i jego pierwotnym ustroju (Rozpr. XIV. 1881, 85—292), въ дополненіе: «Obrona hipotezy najazdu jako podstawy ustroju społeczeństwa polskiego w wiekach średnich, z uwzględnieniem stosunków Słowian pomorskich i zaodrzańskich» (ib. XVI. 1883, 1—146), напечаталъ же еще «O sądach wyższych prawa niemieckiego w Polsce wieków średnich» (ib. XVIII. 1885, 1—68), «O łanach w Polsce wieków średnich» (ib. XXI. 1888, 49—95), «Al Bekri o Polakach» (ib. XXXIX. 1900, 283—295), «O źródłach heraldyki ruskiej» (ib. XXXVIII. 1899, 185—204), «Wiece, sejmiki, sejmy» (ib. XXXIX. 171—251), «Nieznane zapiski heraldyczne średniowieczne» (въ Archiwum kom. histor. VIII. 455—485). Отдѣльно вышли изслѣдованія его: «O dynastycznem szlachty polskiej pochodzeniu» (Kraków, 1888), «Rycerstwo polskie wieków średnich» (1896, три тома) и «Heraldyka polska wieków srednich» (1899). Въ журналѣ «Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne» (Kraków, 1890. № 1. 8⁰ 24) напечатанъ его сфрагистическій этюдъ: «Poczet najstarszych pieczęci szlachty polskiej» а въ 1899 г. вышло большое изслѣдованіе: «Pieczęcie polskie wieków średnich» (Część I. Doba Piastowska z 632 rycinami). Часть этихъ изслѣдованій его повторена въ изданіи «Studya, rozprawy i materyaly» (1902), здѣсь между прочимъ въ т. I Wybór zapisek sądowych grodzkich i ziemskich wielkopolskich z XV w. (1400—1410). Какъ извѣстно, Пекосинскій придавалъ въ своихъ этюдахъ о происхожденіи польской шляхты большое значеніе рунамъ, поэтому онъ объяснялъ въ польской геральдикѣ нѣкоторые знаки (бывшія signa militaria) изъ германскихъ рунъ, вѣрилъ также въ подлинность Микоржинскаго камня съ руническими надписями (Kamienie mikorzyńskie. 1896). Критика однакожъ отвергаетъ эти соображенія. Палеографическія изслѣдованія заставили его изучать бумажные водяные знаки: «Średniowieczne znaki wodne, zebrane z rękopísów... Wieku XIV» (wyd. drugie 1893, 4⁰ 34 и 77 табл.) и «Wybór znaków wodnych z XV stulecia» (Kraków 1896, 4⁰ 20 и табл. 78—112). Стоитъ припомнить еще что и первый трудъ для изданія Шарошпатацкой библіи сдѣланъ трудолюбивымъ Пекосинскимъ, который по порученію князя Любомирскаго списалъ текстъ, изданный потомъ Малэцкимъ (въ 1870 г.). О многосторонней дѣятельности Пекосинскаго вышла недавно въ журналѣ «Kwartalnik historyczny» 1908, вып. 2—3, статья, обстоятельно разбирающая его дѣятельность на стр. 188—288 подъ заглавіемъ «Działalność naukowa Fr. Piekosińskiego». Здѣсь онъ оцѣненъ какъ издатель источниковъ (отъ д-ра В. Семковича), какъ геральдикъ и сфрагистикъ (отъ того же), какъ историкъ польскаго права (отъ Кутржебы) и какъ нумизматъ (отъ Гумовскаго).

Въ молодыхъ лѣтахъ скончался Карлъ Потканскій (1862 † 16 августа 1907), бывшій подъ конецъ жизни ординарнымъ профессоромъ Краковскаго университета, занимавшійся помимо спеціально польскихъ историческихъ изслѣдованій, также вопросами славянскихъ древностей изъ внутренняго быта, принадлежащими къ области сравнительной этнологіи. Такого рода было его изслѣдованіе «Postrzyżyny u Słowian i Germanów» (Rozprawy wydziału histor.-filozoficzn. Serya II, t. VII, 1895, стр. 330—422), изслѣдованіе превосходное, обнаруживающее обширную начитанность автора въ славянскихъ этнографическихъ матеріалахъ и изслѣдованіяхъ. Къ историческимъ древностямъ относится еще изслѣдованіе «Kraków przed Piastami» (Rozprawy wyd. hist.-filozof. Serya II, t. X, 1898, 101—255) и «Lachowie i Lechici» въ «Rozprawach wydziału filologicznego», Serya II, t. XII

(1898, 183—256). Въ первомъ изъ этихъ двухъ съ большою эрудиціею написанныхъ этюдовъ говорится очень много о дѣятельности славянскихъ апостоловъ въ Моравіи. Въ 1905 году онъ въ полемикѣ съ профессоромъ Брикнеромъ написалъ отдѣльную статью Konstantyn i Metodyusz (Kr. 8⁰ 145). Кромѣ того упомянемъ его рефераты: «Zapiski herbowe z dawnych ksiąg ziemskich» (въ Scriptores rerum polonicarum IX. 1886. 119—151), «O pierwotnem osadnictwie w Polsce» (Rozprawy hist.-filoz. tom XXIV. 1889, стр. XXVII—XXXI, изъ второй части сдѣлано извлеченіе въ Sprawozd. z posiedzeń wyd. hist.-filoz. rok 1895, p. 9—11), наконецъ «O pochodzeniu Słowian» (Kwart. histor. 1902). Изслѣдованія Потканскаго слѣдовало бы собрать и издать въ отдѣльномъ сборникѣ. Они заслуживаютъ этого, по крайней мѣрѣ, въ той же мѣрѣ, какъ сочиненія А. А. Котляревскаго, съ которымъ у него было нѣсколько общихъ чертъ.

Упомянемъ еще какъ представителей археологическихъ и миѳологическихъ изслѣдованій, хотя труды ихъ отличались полнѣйшею некритичностью, Тадеуша Волянскаго (Tadeusz Wolański) и Казимира Шульца, оба изъ Познанской области. Первый напечаталъ въ 1843 г. въ Познани (два выпуска): «Odkrycie najdawniejszych pomników narodu polskiego», потомъ «Pomniki pogańskie w Gnieźnie» (1844, 4⁰) и «Listy o starożytnościach słowiańskich» (въ Гнѣзнѣ, 1844, 4⁰, также по нѣмецки въ 1846—7), наконецъ «Schriftdenkmale der Slawen vor Christi Geburt» (въ Гнѣзнѣ 1850—2, три выпуска). Даже Янъ Колларъ былъ недоволенъ Волянскимъ. Въ одномъ письмѣ Кукулевичу 1851 года, онъ жалуется такъ: «P. Wolański jest nekritický, samé holé etymologie a phantasie k ničemu nevedou, tím věda a národ náš nic nezíská. Ja věru lituji času toho muže» (Listy Filolog. XXXI. 359—360). Казимиръ Шульцъ заявилъ о себѣ еще въ 1856 г. докторской диссертаціею по латыни «De origine et sedibus veterum Illyriorum» (Vratislaviae 1856), гдѣ придерживался теоріи антикварнаго панславизма въ родѣ старой школы. Въ слѣдующемъ уже году онъ напечаталъ въ Познани (1857): «O głównych wyobrażeniach i uroczystościach bałwochwalczych naszego ludu». Онъ защищалъ подлинность руническихъ надписей на Микоржинскихъ камняхъ: «Autentyczność kamieni Mikorzyńskich zbadanych na miejscu przez dra Kaz. Szulca» (1876, 8⁰ 152, сл. Archiv f. sl. Phil. II, 383—392). Въ 1880 г. вышла его «Mythyczna historya Polska i Mythologia słowiańska» (w Poznaniu), сл. отзывъ Карловича въ варшавскомъ Ateneum'ѣ (1881, I, 361—370).

Гораздо важнѣе изслѣдованія Садовскаго и Сѣнявскаго, посвященныя вопросамъ о старинной торговлѣ и этнографіи. J. Sadowski издалъ въ 1877 г. въ Краковѣ сочиненіе о старинныхъ торговыхъ путяхъ: Drogi handlowe greckie i rzymskie (также по нѣмецки: Die Handelsstraszen der Griechen und Römer. Jena 1877), гдѣ касается также участія славянъ, a Sieniawski затронулъ опять вопросъ объ этнографическомъ характерѣ древней Германіи, которымъ усердно занимался Шембера, т. е. выступилъ опять въ пользу автохтонизма славянскаго на почвѣ древней Германіи. Его объемистое изслѣдованіе вышло въ 1881 г. въ Гнѣзнѣ подъ заглавіемъ: Pogląd na dzieje Słowian zachodnio-północnych między Łabą i granicami dawnej Polski od czasu wystąpienia ich na widownię dziejową aż do utraty politycznego bytu i znamion narodowych (8⁰ V. 469). Птолемей, задавшій много хлопотъ германскимъ ученымъ (напр. Мюлленгоффу) своимъ Οὐενεδικὸς κόλπος, сдѣлался недавно предметомъ также изслѣдованія М. Лукашевича (M. Łukaszewicz): Starożytne Słowian ludy i ich odwieczne siedliska według Kl. Ptolemeusza (Poznań 1894).

Въ чешской литературѣ рядомъ съ школой славянофильски настроенныхъ патріотовъ, о которыхъ была рѣчь выше (на стр. 237—280), стало довольно поздно являться новое для чешской среды направленіе байронизма, первымъ представителемъ котораго былъ Карлъ Маха (Karel Hynek Mácha, род. 16 ноября 1810, ум. 6 ноября 1836). Не имѣя возможности вдаваться въ подробности о значеніи его какъ поэта, укажемъ на статью Ярослава Кампера въ исторіи чешской литературы девятнадцатаго столѣтія (Literatura česká devatenáctého století. Díl III, 1 стр. 1—35, тамъ же II, 375—378 и т. д.). Спеціальное изслѣдованіе ему какъ представителю чешскаго байронизма посвятилъ М. Здзѣховскій (Maryan Zdziechowski, Karel Hynek Mácha i byronizm czeski. Kraków 1893), сл. также въ большомъ сочиненіи Здзѣховскаго «Byron i jego wiek» (Kraków 1897), во второмъ томѣ (стр. 9—44) статью, посвященную Махѣ. О немъ писалъ очень много чешскій писатель Арбесъ, между прочимъ въ богатой библіографическими указаніями статьѣ въ Otto-вомъ словарѣ Naučný Slovník s. v. Поэзія Махи какъ и поведеніе его въ Прагѣ отличались большимъ сочувствіемъ къ полякамъ, въ особенности послѣ рокового возстанія 1830—1831 гг., впрочемъ оно, какъ извѣстно, не было чуждо также нѣкоторымъ представителямъ другого направленія, напр., Шафарику и Челаковскому (сл. выше стр. 279, 289). Но у Махи по словамъ Здзѣховскаго изъ сочувствія къ полякамъ и къ польской литературѣ такъ и развился культъ Байрона. Для славянской филологіи значеніе Махи сводится къ тому, что онъ былъ въ извѣстной степени духовнымъ отцомъ поэтической и потомъ историко-литературной и критической дѣятельности Сабины и Небескаго. Собранныя сочиненія его вышли послѣдній разъ въ 1906 году: Sebrané spisy Karla H. Máchy k vydání upravil dr. Jos. Šťastný, úvodem opatřil František Sekanina (второй томикъ изданія: Knihovna českých belletristů. Nákladem B. Kočí. V Praze 1906, 8⁰ XIII, 189).

Карлъ Сабина (29/12 1813—9/11 1877) имѣетъ въ чешской литературѣ важное значеніе какъ литературный историкъ, какъ поэтъ и писатель повѣстей и романовъ и какъ публицистъ, авторъ политическихъ статей. Мы, конечно, останавливаемся здѣсь только на его значеніи для литературной критики и для исторіи чешской литературы. Не докончивъ въ Прагѣ университетскаго образованія, онъ посвятилъ себя очень рано журналистикѣ. Его либерализмъ, почерпнутый изъ чтенія нѣмецкихъ сочиненій и газетъ и поджигаемый бѣдственнымъ соціальнымъ положеніемъ молодого человѣка, не могъ такъ сильно проявляться въ чешскихъ журналахъ, въ которыхъ рано стали печататься его статьи (Květy, Česká Včela, Týdenník, Hronka и др.), какъ въ вѣнской газетѣ Adler, но его либерализмъ не понравился полицейскому духу вѣнскаго правительства, когда онъ перебрался было въ Вѣну, въ 1838 году: его выслали оттуда и онъ долженъ былъ возвратиться въ Прагу. Въ своей поэт. дѣятельности онъ примкнулъ къ школѣ Махи, одушевляясь Байрономъ, Гюго, Ламартиномъ, Беранже, Гейне и др. Главная заслуга его заключается въ томъ, что онъ значительно содѣйствовалъ къ расширенію рамокъ чешской литературы внесеніемъ въ нее вмѣсто господствовавшаго до тѣхъ поръ исключительно патріотическаго націонализма также обсужденія животрепещущихъ вопросовъ современнаго движенія и броженія въ обществѣ, вопросовъ соціально-политическихъ, изъ-за которыхъ онъ въ концѣ концовъ и пострадалъ. Участіе его въ журналахъ крайняго направленія и выдающаяся дѣятельность въ 1848 г., выразились при наступившей реакціи катастрофою, чуть-чуть не лишившей его жизни. Онъ попалъ въ тюрьму и отси-

дѣлъ въ Оломуцѣ восемь лѣтъ въ тяжеломъ тюремномъ заключеніи. Общая амнистія 1857 года возвратила и ему свободу. Тогда онъ вновь ринулся въ горячую, иногда черезчуръ спѣшную литературную дѣятельность статьями критическаго содержанія, романами и повѣстями, наконецъ, выступилъ съ обширною исторіею чешской литературы. Своимъ правомъ свободнаго творчества онъ воспользовался въ направленіи, вызывавшемъ постоянныя столкновенія съ цензурою, иногда, говорятъ, не безъ вины съ его стороны. Подробности обо всемъ этомъ въ статьѣ Махала, посвященной ему въ Литературѣ девятнадцатаго столѣтія т. III, ч. 2, стр. 413—442. Изъ числа статей теоретическаго содержанія, относящихся къ литературной критикѣ, укажемъ на его заслугу, состоящую въ правильной оцѣнкѣ значенія Махи для чешской поэзіи (въ 1845 г. какъ введеніе къ «Spisy K. H. Máchy»), на его отзывы о разныхъ писателяхъ, какъ о Рубешѣ (Vlastimil 1840), о Тылѣ (Květy 1844), о Калинѣ (Týdenník 1848) и послѣ освобожденія изъ тюрьмы въ альманахѣ «Máj»: «Upomínka na K. H. Máchu» (1858), о Коубекѣ (Lumír 1857), о Туринскомъ (альм. Růže 1860). Его статья «Slovo o románu vůbec a českém zvláště» (Lumír 1858) отражаетъ собою главныя мысли школы «Юной Германіи» (Jungdeutschland). Монографіи о Шафарикѣ («P. J. Šafařík, nástin životopisný» 1861) и о Стахѣ («Václav Stach, jeho doba a spisy. Nástin životopisný a literární» 1870) не отличаются основательностью. Объемомъ превышаетъ всѣ прочіе труды его исторія чешской литературы: «Dějepis literatury československé staré a střední doby» (V Praze 1866, 8⁰ 948). Сочиненіе это заслуживало еще тогда въ чешской литературѣ больше вниманія, чѣмъ ему на дѣлѣ было оказано. Въ противоположность изданію Юнгманна, изобиловавшему сухой библіографіею, Сабина стремился внести въ свой разсказъ духъ и жизнь. Не заглавія памятниковъ древней письменности и старыхъ изданій выступаютъ передъ читателемъ на первый планъ, какъ у Юнгманна, а содержаніе и мысли предлагаются для свѣдѣнія въ очень обширныхъ извлеченіяхъ, съ ссылками на мнѣнія и отзывы тѣхъ, кто изучалъ тотъ или другой памятникъ. Правда, изложеніе его скользитъ по большей части по поверхности, онъ любилъ лишнее разглагольствованіе, удалялся часто въ сторону отъ предмета, повторялъ съ чужихъ словъ невѣрныя сужденія, но все-таки это былъ трудъ почтенный, дѣлающій ему честь, благодаря обширной начитанности автора въ старой и средней эпохахъ чешской литературы параллельно съ западными литературами. Надо отдать ему справедливость, что онъ сознавалъ задачу настоящей исторіи литературы, гдѣ произведенія письменности не должны стоять особнякомъ, безъ сношеній съ совокупной жизнью народа, нужды нѣтъ что выполненіе этой программы для него оказалось превышающимъ силы и способности. По крайней мѣрѣ желаніе представить въ исторіи чешской литературы движеніе чешской мысли, ея борьбу съ античешскими стихіями, ея побѣды и пораженія, заслуживало бо́льшаго признанія, чѣмъ случилось на дѣлѣ. Только въ новѣйшее время чешская критика начинаетъ относиться къ Сабинѣ справедливѣе и снисходительнѣе къ его небезупречному образу жизни (говорятъ, онъ былъ тайнымъ агентомъ полиціи) въ послѣдніе годы старости. Во всякомъ случаѣ критическія статьи его сто́ятъ и теперь еще того, чтобы съ нѣкоторой выборкою были собраны и перепечатаны.

Съ обоими упомянутыми писателями имѣетъ много общаго **Вацлавъ Небескій** (Václav Bolemír Nebeský, р. 18 авг. 1818, ум. 17 авг. 1882) и какъ поэтъ своимъ новымъ направленіемъ, стоявшимъ въ тѣсной связи съ поэтическимъ творчествомъ Махи и Сабины, и еще болѣе какъ литературный критикъ,

опиравшійся на тѣ же идеалы Гердера и Лессинга, на ту же нѣмецкую романтику (увлеченіе Гофманомъ, Тикомъ, Шлегелемъ, Брентано и др.), которую такъ высоко ставилъ Сабина. Многими чертами своей жизни и своей дѣятельности Небескій напоминаетъ намъ В. Бѣлинскаго. То же преклоненіе передъ западомъ, тѣ же прогрессивныя мысли, тѣ же столкновенія съ невыгодно сложившимися обстоятельствами жизни. Только натура Небескаго была мягче, уступчивѣе, чѣмъ у Бѣлинскаго. Индивидуальность его не могла такъ широко развернуться въ области критики, какъ въ литературныхъ статьяхъ, свидѣтельствующихъ о большомъ вкусѣ его и широкихъ познаніяхъ въ иностранныхъ литературахъ. Небескій получилъ первое образованіе въ нѣмецкой гимназіи Лютомѣрицкой на почвѣ классической филологіи (съ 1830 года), въ 1836 поступилъ въ Пражскій университетъ на философскій факультетъ, гдѣ кромѣ класс. филологіи интересовала его древняя и новая философія. Здѣсь проснулось въ немъ сознаніе чешскаго національнаго духа, которому много способствовало богатство историческихъ памятниковъ «Золотой Праги». Вскорѣ онъ сталъ коноводомъ «Младой Чехіи» (по примѣру нѣмецкой Jungdeutschland) въ области литературы, въ особенности въ критической ея части. Рефераты его стали появляться съ 1841 года въ журналахъ «Květy» и «Vlastimil», касались не только чешской, но и прочихъ литературъ. О значеніи какъ поэтическаго творчества его такъ и критической дѣятельности написалъ Dr. I. Ганушъ (Dr. J. Hanuš) хорошую монографію: «Život a spisy Václava Bolemíra Nebeského» (V Praze 1896, 8⁰, IV, 175), извлеченіе изъ которой повторено въ Литературѣ девятнадцатаго столѣтія (Literatura česká devatenáctého století III, 1 стр. 282—353). Въ 1843 г. Небескій уѣхалъ въ Вѣну изучать медицину, въ которой не сдѣлалъ успѣховъ, но зато здѣсь расширилъ свой кругозоръ, познакомившись съ вѣнскими нѣмцами, потомъ съ словаками и южными славянами. Но здѣсь-то онъ испыталъ и всю горечь тяжелаго положенія въ качествѣ воспитателя въ чужомъ домѣ; онъ сблизился также съ нѣкоторыми нѣмецкими писателями изъ евреевъ и сдѣлался горячимъ проповѣдникомъ дружбы чеховъ съ чешскими же евреями, о чемъ свидѣтельствуютъ его статьи: «Něco o poměru Slovanů a Židů» (Květy 1844), «Slované a Židé» (ib. 1845), «Židovské vzpomínky (Česka Včela 1845).

Возвратясь осенью 1846 г. въ Прагу, онъ поступилъ при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ въ домъ патріотически настроеннаго Яна Нейберка. Черезъ него сошелся съ Матицею чешской, въ органѣ которой, въ «Часописѣ» (Časopis Českého Museum), онъ съ 1845 года по 1861 г. принималъ живѣйшее участіе. Желаніе его (послѣ 1848 года) получить каѳедру классической филологіи или чешской литературы въ университетѣ пражскомъ не осуществилось, но зато въ 1850 г. онъ былъ назначенъ редакторомъ «Часописа» и въ 1851 г. секретаремъ Музея чешскаго, а въ 1852 г. Матицы чешской. Какъ редакторъ «Часописа» онъ былъ продолжателемъ дѣятельности лучшихъ представителей чешской науки: Палацкаго, Шафарика, Воцеля, но вскорѣ наступили тяжелыя времена, абсолютистическое правительство, имѣвшее въ подозрѣніи всякое славянское движеніе, придиралось охотно къ такимъ національнымъ учрежденіямъ какъ Чешскій музей и Матица чешская. Положеніе Небескаго было очень не легкое: чтобы благополучно провести журналъ по золотой серединѣ между непріязненными волнами времени, сдѣлать его полезнымъ и занимательнымъ и въ смыслѣ чешской народности не совсѣмъ безцвѣтнымъ, для этого требовалось много усердія и много хорошаго

такта. Это ему удалось въ высокой степени, несмотря на нападки на его веденіе дѣлъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Съ одной стороны либералы были имъ недовольны, считая его покорнѣйшимъ слугою реакціи графа Льва Туна; съ другой же стороны возражалось противъ его статей, проникнутыхъ не довольно національнымъ духомъ, т.-е. противъ либеральнаго космополитизма. Эта двойственность видна также въ полемикѣ его съ Ганушемъ, возставшимъ въ «Kritische Blätter», противъ партіи сосредоточившейся около «Часописа», которую Ганушъ упрекалъ въ косности, въ числѣ другихъ конечно и Небескаго. Небескій отвѣтилъ столь ядовито, что Ганушъ и его «Kritische Blätter» потерпѣли полное пораженіе. А между тѣмъ вспомнимъ критическое отношеніе Небескаго къ подлогамъ мнимыхъ древне-чешскихъ памятниковъ (въ Č. Č. M. 1854, стр. 347—363: Král Václav I milostný básník německý), его этюдъ о Краледворской рукописи (Č. Č. M. 1852—1853), въ которомъ подъ внѣшнею оболочкою восхваленія памятника и счастливаго открытія, сдѣланнаго Ганкой, кроется много мѣткихъ критическихъ возраженій и противъ Ганки и противъ истолкователей отдѣльныхъ пѣсенъ (напр., противъ Палацкаго), гдѣ изложено, между прочимъ, очень трезво, что Козма не зналъ никакой народной поэзіи чешской, указано на не опровергнутыя возраженія Добровскаго противъ подлинности Любушина Суда; однимъ словомъ въ этомъ замѣчательномъ этюдѣ Небескаго не трудно прочесть между строками, что самъ авторъ уже тогда въ тайникѣ души своей колебался и что у него хоть полубезсознательно возникало сомнѣніе, можно ли вѣрить въ подлинность Краледворской рукописи. Недаромъ у него и на счетъ языка, которымъ онъ впрочемъ очень мало занимался, сказано, что иному «jazyk Rukopisu našeho se zdál byti jako krobotský». Послѣ того не удивительно, что и злопамятный фельетонъ «Handschriftliche Lügen und palaeographische Wahrheiten» (въ газетѣ Tagesbote aus Boehmen № 276 и сл. 1858 г.) всѣ, недовольные Небескимъ и его критическими взглядами, стали втихомолку приписывать ему. Dr. Ганушъ старался въ вышеупомянутой монографіи оправдать Небескаго отъ этого подозрѣнія и бросить тѣнь на Легисъ-Глюкзелига. Быть можетъ онъ и правъ, но изъ всего до тѣхъ поръ сказаннаго Небескимъ о древне-чешскихъ памятникахъ открытія Ганкина выходило очень вѣроятнымъ, что и Небескій раздѣлялъ тѣ же сомнѣнія, которыя были высказаны въ нѣмецкомъ фельетонѣ. Такъ могла возникнуть молва объ авторствѣ Небескаго, причинившая ему много горя; даже полемика противъ Бюдингера (Č. Č. M. 1859, 198—235) не сняла съ него подозрѣнія въ тайномъ сообщничествѣ съ врагами Краледворской рукописи и т. д. Замѣчательно, что Небескій, написавшій много очень хорошихъ литературныхъ критическихъ статей по древне-чешской литературѣ (о Тристрамѣ Č. Č. M. 1846, о Спорѣ души съ тѣломъ ib. 1847, о чешской Александреидѣ ib., о Mastičkář'ѣ ib., текстъ легенды объ Алексѣѣ ib. 1851 и др.), теперь вдругъ почувствовалъ расположеніе къ предметамъ не имѣющимъ ничего общаго съ чешской жизнью и съ чешской литературой. Надоѣли ли ему постоянныя придирки, пока онъ вращался въ домашней области, или же руководило имъ желаніе все таки добиться каѳедры по классической филологіи въ университетѣ—какъ бы то ни было, онъ опять отдался переводамъ изъ Эсхила и Аристофана, изъ Теренція и Плавта, написалъ обширную статью о Трагической поэзіи у Грековъ (Č. Č. M. 1853), о испанскихъ романсахъ и Кальдеронѣ (ib. 1856, 1858, переводы вышли 1864), о ново-греческой народной поэзіи (Č. Č. M. 1863, съ переводомъ пѣсенъ въ

отдѣльномъ изданіи 1864 г.), о финскомъ эпосѣ Калевала (Č. Č. M. 1866) и др., Чешскихъ сюжетовъ онъ почти и не касался (въ 1858 вышелъ рефератъ въ Č. Č. M. о Езбериной книжкѣ относительно кирилловскаго письма и о Kleine Schriften Копитара, въ 1861 г. ib. о названіяхъ личныхъ именъ Миклошича, и др.), но въ 1868 г. появилась Исторія музея королевства чешскаго, написанная имъ по актамъ, впрочемъ очень сдержанно.

Въ 1861 г. Небескій долженъ былъ передать редакцію «Часописа» въ руки несравненно менѣе подготовленнаго, но вѣроятно, въ исполненіи редакторскихъ обязанностей болѣе аккуратнаго Вътятка, но онъ оставался попрежнему секретаремъ музея. Въ 1872 г. Королевское Общество Наукъ въ Прагѣ (Učená Společnost) избрало его въ свои ординарные члены. Въ этомъ качествѣ онъ имѣлъ бы право читать лекціи о чешской литературѣ въ университетѣ, но вѣнское министерство отмѣнило постановленіе объ этомъ правѣ и Небескій остался опять ни при чемъ, хотя онъ въ то время не имѣлъ по критическимъ взглядамъ на чешскую литературу соперника. Продолжительная тяжелая болѣзнь мѣшала Небескому въ послѣдніе годы жизни заниматься наукой. Ожидалось отъ него, что онъ напишетъ Исторію чешской литературы новаго періода (послѣ возрожденія), но и эта надежда не исполнилась. Даже послѣ смерти его еще и до сихъ поръ не осуществилось справедливое требованіе, чтобы по крайней мѣрѣ часть его статей была собрана и переиздана.

Не безъ успѣха подвигался въ области философіи, филологіи и антикварскихъ наукъ Игнатій Ганушъ (Ignác Jan Hanuš, род. 1812, ум. 1869). Кончивъ въ Прагѣ средне-учебное заведеніе при Юнгманнѣ, онъ поступилъ въ 1831 г. въ орденъ премонстратовъ, но, вскорѣ покинувъ орденъ, сталъ изучать права и главнымъ образомъ философію, въ 1835 г. сдѣлался адъюнктомъ профессора Лихтенфельса въ Вѣнѣ и, получивъ въ слѣдующемъ году степень доктора философіи въ Прагѣ, былъ назначенъ профессоромъ философіи въ Львовѣ. Здѣсь впервые онъ выступилъ съ сочиненіемъ, касающимся славянской науки. Это былъ его трудъ, изданный въ 1842 году: «Die Wissenschaft des slavischen Mythus im weitesten, den altpreuszisch-lithauischen Mythus umfassenden Sinne. Nach Quellen bearbeitet, sammt der Literatur der slawisch-preuszisch-lithauischen Archaeologie und Mythologie. Als ein Beitrag zur Geschichte der Entwiklung des menschlichen Geistes» (Lemberg, Stanislawów, Tarnow. 1842, 8⁰ XX, 433), сочиненіе богатое библіографическими данными и воспроизведеніемъ чужихъ мнѣній, но безъ критики. Въ немъ очень мало надежной миѳологіи, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ собственная отрицательная критика, которую онъ нѣсколько времени спустя написалъ противъ своего сочиненія (въ Oesterr. Blätter für Literatur und Kunst 1844, № 10, подъ заглавіемъ: «Zustand der slav. Götterlehre in der Gegenwart»). Я не знаю его статьи: «Blicke in die Urgeschichte der Menschlichen Kultur» (2-е изд. Lemberg 1847), а также «Vorlesungen über Culturgeschichte (Brünn 1849). Его философскія сочиненія, написанныя съ педагогической цѣлью, насъ здѣсь не касаются. Не свыкшись съ порядками Львовскаго университета, онъ домогался перемѣщенія въ Моравію, въ Оломуцъ, что наконецъ ему и удалось (въ 1847 г.), хотя не надолго. Здѣсь разсказываютъ о стараніи его открыть доступъ чешскому языку въ Оломуцкій университетъ, впрочемъ не увѣнчавшемся успѣхомъ. Онъ участвовалъ также въ изданіи двухъ газетъ, а въ чешскихъ изданіяхъ моравской «Jednoty», которая, между прочимъ, издавала альманахъ подъ названіемъ Koleda moravská (1851—1858), онъ прини-

малъ участіе уже изъ Праги статьями антикварнаго и филологическаго содержанія: въ 1852 г. написалъ «O pozůstatcích svátkův pohanských mezi námi, въ 1856 г. «Procházky po oboře mluvozpytu a starožitností slovanských. S úvodem o příbuznosti a živobytí řečí indoevropských» (8⁰ 33). Въ 1849 г. онъ получилъ приглашеніе занять въ Пражскомъ университетѣ каѳедру философіи послѣ Экспера. Дѣятельность его и здѣсь не была продолжительной. Наступившее вскорѣ господство клерикальной реакціи, преслѣдовавшей всякое свободомысліе, въ особенности въ рядахъ профессоровъ, нашло и его, какъ философа, подозрительнымъ и опаснымъ, и онъ былъ уволенъ съ сохраненіемъ оклада. Въ литературѣ остался слѣдъ его преподаванія философіи, между прочимъ, въ изданномъ имъ въ серіи «Новочешской Библіотеки» подъ № 15 сочиненіи: «Rozbor filosofie Tomáše Štítného (Praha 1852). Съ тѣхъ поръ дѣятельность его, имѣвшая по языку утраквистическій характеръ (чешскій и нѣмецкій), но по духу и содержанію примыкавшая всего болѣе къ славянскимъ древностямъ и чешской литературѣ, сосредоточивалась въ Чешскомъ Королевскомъ Обществѣ Наукъ, въ Чешской Матицѣ, отчасти также въ изданіяхъ Вѣнской академіи. Не считаемъ нужнымъ перечислять всѣ его очень разнообразныя статьи, напечатанныя въ Č. Č. M., начиная съ 1851 г. (напр. Historie příslovních sbírek slovanských a zvlášť českých IV, 126—145, какъ расширенное продолженіе этой статьи издана имъ же въ 1853 году отдѣльной книжечкой, посвященной памяти Челаковскаго, 8⁰ 8, 147: «Literatura příslovnictví slovanského a německého či předchůdcové Fr. Lad. Čelakovského, uspořádal dr. Ig. J. Hanuš), онѣ относятся по большей части къ отдѣльнымъ памятникамъ или писателямъ средневѣковой чешской литературы (напр. подъ заглавіемъ «Příspěvky k historii literatury české» напечатаны библіографическія замѣтки съ текстами въ Č. Č. M. 1861, 117—122, 209—216, 343—357, 1862, 77—83, 161—174, 231—254, 298—311, сл. еще въ Krok'ѣ 1865 г. вып. 1, 2, 5, 6 «Hlídka rukopisův»). Въ связи съ этими статьями упомянемъ его изданіе различныхъ неизданныхъ прежде древнечешскихъ текстовъ въ хрестоматіи: Malý Výbor ze staročeské literatury. Podlé rukopisův c. k. knihovny vysokých škol Pražských XIV—XVII století posud z větší části netištěných sestavený od I. J. Hanuše (V Praze, 1863, 8⁰ 100). А съ «Výborom» опять въ извѣстной связи его изданіе: «Die lateinisch-boehmischen Osterspiele der 14—15 Jahrhundert. handschriftlich aufbewahrt in der K. K. Universitätsbibliothek zu Prag» (1863, 8⁰ 106). Важнѣе его не прекращавшійся интересъ къ славянской миѳологіи, гдѣ онъ въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ уже стоялъ на болѣе реальной почвѣ, т. е. почерпалъ изъ народныхъ преданій и приводилъ параллели, только слишкомъ много довѣрялъ народному фольклору въ смыслѣ миѳологическомъ. Упомянемъ прежде всего его «Bájeslovný Kalendář slovanský čili pozůstatky pohansko-svátečných obřadův slovanských» (V Praze 1860, 8⁰ 264) — это была очень полезная справочная книжечка о народныхъ обычаяхъ и повѣріяхъ на круглый годъ, начиная съ Рождества, съ богатыми библіографическими указаніями. Кромѣ того онъ написалъ статьи «Děva zlatovlasá bohyně pohanských Slovanův. O sledu pozůstatkův ctění bohyně této Pallas Athenĕ přepodobné» (1860, Pojednání серія V, т. XI, 1—40), потомъ «O methodickém výkladu pověstí slovanských vůbec a o výkladu pověsti Tři zlaté vlasy Děda Vševěda zvlášť» (1862, Pojednání серія V, т. XII, 263—328, это разсужденіе посвящено Эрбену, разбиравшему ту же сказку въ альманахѣ Máj за 1860 годъ), далѣе «Nástin báječných bytostí Báby

a Děda, hlavně co do starožitností československých (1864, 4⁰ 74, въ Pojednání серія V, т. XIII), и п. др.

Ганушъ интересовался антикварными вопросами такого рода, какъ слав. руны. Объ этомъ онъ написалъ особое изслѣдованіе въ Archiv für Kunde Oesterr. Geschichtsquellen т. XVIII (8⁰ 114): «Zur slavischen Runenfrage mit besonderer Rücskicht auf die obotritischen Runen-Alterthümer sowie auf die Glagolica und Kyrilica. Als ein Beitrag zur comparativen germanisch-slavischen Archaeologie». Какъ всегда, такъ и здѣсь Ганушъ приводитъ съ большимъ усердіемъ библіографическія данныя, вѣритъ всему раньше сказанному, напр., близкому родству глаголицы къ рунамъ — словомъ тутъ имѣется всего только не рѣшенія вопроса. Въ связи съ этимъ предметомъ онъ охотно вдавался въ разборъ спорнаго вопроса о происхожденіи глаголицы. Въ 1857 г. вышла его статья «Sv. Kyril nepsal kyrilsky než hlaholsky. Vypravuje Ignác Jan Hanuš» (4⁰ 26, изъ «Pojednání Král. č. Společnosti nauk. V řada 10 svaz.), въ которой собраны итоги изъ изслѣдованій П. І. Шафарика. Въ то же время въ «Slavische Bibliothek» Миклошича появилась статья его «Zur Glagolica-Frage» (томъ II, стр. 197—232)—разумно написанный рефератъ объ изслѣдованіяхъ посвященныхъ этому вопросу. Сюда относится еще его изслѣдованіе, изданное въ вѣнскомъ Archiv für Kunde Oesterr. Geschichtsquellen, въ Вѣнѣ 1859 (B. XXIII, 8⁰ 100): «Der bulgarische Mönch Chrabrü IX—XI Jahrh., ein Zeuge der Verbreitung glagolischen Schriftwesens unter den Slawen bei deren Bekehrung durch die heiligen Kyril und Method». Занимавшись когда-то юридическими науками, онъ коснулся одного вопроса относящагося къ славянскимъ юридическимъ древностямъ: «Ueber die alterthümliche Sitte der Angebinde bei Deutschen, Slaven und Litauern. Als ein Beitrag zur comparativen deutsch-slavischen Archaeologie entworfen von I. J. Hanuš (Prag 1855, 8⁰ 42), И къ вопросу о подлинности или подлогѣ древне-чешскихъ текстовъ, открытыхъ Ганкой, онъ относился больше какъ референтъ, чѣмъ какъ самостоятельный изслѣдователь. Въ такомъ видѣ написанъ его этюдъ: «Das Schriftwesen und Schriftum der böhmisch-slovenischen Völkerstämme, in der Zeit des Ueberganges aus dem Heidentume in das Christentum» (Prag 1867, 8⁰ 114) и «Die gefälschten böhmischen Gedichte aus den Jahren 1816—1849. Als ein Beitrag zur böhmischen Literaturgeschichte» (Prag 1868, 8⁰, 84) — о Любушиномъ судѣ и Краледворской рукописи здѣсь еще не высказывается ни малѣйшаго подозрѣнія. Такого же направленія было также его библіографическое обозрѣніе «Quellenkunde und Bibliographie der böhmisch-slovenischen Literaturgeschichte vom Jahre 1348—1868. Bearbeitet von dr J. J. Hanuš» (Prag 1868, 8⁰ 251)—полезная справочная книга. Подобнаго рода библіографическія справки содержитъ его въ 1858 г. напечатанная (въ Slavische Bibliothek Миклошича) статья «Zur Literatur und Geschichte der slavischen Sprachen in Deutschland, namentlich der Sprache der ehemaligen Elbeslaven oder Polaben» (стр. 109—140). Спеціально о заслугахъ Лейбница въ славянской археологіи онъ написалъ рефератъ еще въ 1855 г. въ Извѣстіяхъ Кор. Чешск. Общества наукъ.

Очень усердно занимаясь библіографіею, онъ и въ біографіяхъ, посвященныхъ памяти Добровскаго и Челаковскаго, придерживался главнымъ образомъ библіографическаго обозрѣнія ихъ дѣятельности, не вдаваясь въ критическое обсужденіе. Въ 1857 г. вышла (въ Pojednání V серія, 9 томъ, 4⁰ 64) статья «Život a působení Františka Ladislava Čelakovského popisuje Ign. Jan. Hanuš», a въ 1867 г. (въ Pojednání серія VI, томъ I, 4⁰ 55): «Literární působení Josefa

Dobrovského co příspěvek k dějinám literatury české podává ze zřídel samých važené dr. I. J. Hanuš». Также къ исторіи чешской литературы Іосифа Юнгманна онъ сдѣлалъ дополненія: «Dodavky a doplňky k Jungmannově Historii literatury české» (V Praze 1869, больш. 8° 34). Вышелъ еще на частныя средства второй выпускъ такихъ же дополненій въ 1871 г., не поступившій однакожъ въ продажу. И въ грамматикѣ и стилистикѣ Ганушъ сдѣлалъ попытку стать на философскую точку зрѣнія слѣдующими двумя статьями: «Zkouška jakby skladba a tvarosloví české návodem rozbornym v nově uspořádati se daly» (1866), «Nástin slohovědy čili stylistiky» (1864) — то и другое въ изданіяхъ Корол. Общества наукъ. Послѣднюю попытку критика похвалила. О безустанной, хотя не глубоко въ суть вопросовъ вникавшей дѣятельности Гануша сообщилъ подробный библіографическій указатель Věstník bibliografický. Časopis pro literaturu, hudbu a umění. Ročník IV. 1872: «Zpomínky na literární činnost dr. Ign. J. Hanuše» (№ 6—10).

Поэтомъ чешскимъ и археологомъ былъ Янъ Эразимъ Воцель (23 авг. 1803—16 сент. 1871). Происходя изъ чиновнической среды, онъ полюбилъ съ ранней молодости окружавшіе его древніе чешскіе памятники (въ Кутной Горѣ) и старыя иллюстрированныя чешскія книги (кутногорскую библію 1489 года). Попавъ въ гимназію въ Прагѣ, онъ зачитывался всѣмъ, что въ то время выходило на чешскомъ языкѣ и сдѣлался драматическимъ импровизаторомъ. Безъ его вѣдома было напечатано его юношеское произведеніе, трагедія Harfa (въ 1825 г.). Переѣхавъ для продолженія университетскихъ наукъ въ Вѣну, онъ вскорѣ поступилъ домашнимъ учителемъ въ семью Черниныхъ и потомъ еще въ другіе аристократическіе дома, что дало ему возможность, вращаясь въ высшемъ аристократическомъ обществѣ, расширить свое образованіе изученіемъ новыхъ языковъ и литературъ и пріобрѣсти внѣшній лоскъ свѣтскаго человѣка, но эти условія отклоняли его на долгое время отъ употребленія чешскаго языка, такъ что онъ теперь сталъ писать по-нѣмецки различныя довольно удачныя повѣсти и статьи національно-культурнаго содержанія, для нѣмецкихъ журналовъ, съ похвальной цѣлью чтобы познакомить нѣмецкую публику съ чешскимъ національнымъ движеніемъ, объяснить ей смыслъ и значеніе чешскаго возрожденія (Die Westslaven und die boehmische Literatur въ Augsb. Allg. Ztg. 1839, Aufklärungen über die Westslaven, ib. 1840, Die Slaven und ihr Verhältniss zu Deutschland, ib. 1841 и др.), объ этомъ разсказываетъ онъ самъ въ статьѣ: Naše minulé boje (Č. Č. M. 1849, IV, 144—171). Когда въ 1842 году, послѣ 16-лѣтняго информаторства, онъ окончательно поселился въ Прагѣ, національная жизнь потянула его къ себѣ, и онъ сдѣлался однимъ изъ видныхъ чешскихъ дѣятелей. Главные представители національной жизни приняли его въ свою среду, онъ получилъ редакторство Часописа чешскаго музея, который оставался въ его рукахъ до 1850 г., когда явился на смѣну В. Небескій. Въ этомъ журналѣ печатались отрывки его, потомъ отдѣльно изданныхъ поэт. произведеній: «Přemyslovci (1838), «Meč a Kalich» (1843), «Labyrint Slávy» (1846) и различныя статьи изъ литературы, исторіи, древностей и искусства—безъ опредѣленной спеціальности. У него было широкое, блестящее, но только по поверхности скользившее энциклопедическое образованіе, наконецъ оно сосредоточилось преимущественно на археологіи, доисторической и христіанской, на древностяхъ чешско-славянскихъ и на искусствѣ, о чемъ онъ писалъ въ Č. Č. M. общепоучительныя статьи, въ родѣ слѣдующихъ: O zachování starobylostí československých

(1843), O starožitnostech českých a o potřebě chrániti je před zkázou (1845), Účel a význam archeologie české (1852), Česká archeologie křesťanského středověku (1850), Začátkové českého umění (1847), O předhistorických obyvatelích České země a šíření se indoevropských národů vůbec (1850), Slovanské starožitnosti v Severním Německu (1847), спеціальнѣе: O hrobích a mohylách pohanských v Čechách (1844), Některé výsledky archaeologické cesty roku 1852 konané (1853), Zlaté závitky Králove-Hradecké (ib.), Vyvinování křesťanského umění a nejstarší památky jeho zvláště v Čechách (1852). Были также статьи изъ древняго періода чешской и славянской исторіи и изъ исторіи литературы, напр., O vzdělanosti Slovanského národu v prvotních sídlech jeho (1864), V které době opanovali Bojové nynější zemi Českou a kdy opustili zemi tuto (1865), Památky Lutických Slovanů (1849); изъ литературы: Přehled literatury české na r. 1841 (1842), Historický přehled českého časopisectva (1846), Aesthetický význam básní Kralodv. rukopisu Záboj a Jaroslav (1854), Zpráva o Kral. rukopisu obraně J. i H. Jirečka (1863) и т. д. Мы не можемъ останавливаться на многочисленныхъ статьяхъ его по вещественной археологіи, которыя печатались въ Памятникахъ Археологическихъ (Památky archaeologické), достаточно указать на послѣдніе итоги всѣхъ долголѣтнихъ изслѣдованій его, собранные въ сочиненіи «Pravěk země české» (V Praze 1868, 8⁰, VIII. 576). Это былъ для своего времени трудъ образцовый, въ которомъ находки доисторическія и раскопки приводились въ связь съ данными древней исторіи и этнографіи. Первая часть сочиненія разсказываетъ о древностяхъ, пріурочиваемыхъ имъ по разнымъ соображеніямъ эпохѣ дославянской (бои, маркоманны), вторая — о принадлежностяхъ славянскихъ и въ частностяхъ—чешскихъ. Въ настоящее время, конечно, многія подробности этого труда не выдерживаютъ критики, напримѣръ, ссылки на Любушинъ Судъ и Краледворскую рукопись, на слова въ Mater verborum, но вообще Воцель былъ въ своихъ соображеніяхъ и умозаключеніяхъ довольно остороженъ. Къ столѣтней годовщинѣ рожденія Воцеля вышла книжечка «Slavnost na počest stých narozenin Jana Erazima Vocela» (V Praze 1903, 8⁰ 32), въ которой Пичъ оцѣниваетъ его археологическіе труды, Хитиль его дѣятельность по исторіи искусства, Върхлицкій его поэзію. Сл. также Fil. Listy XXX 380—384 и Literatura česká devatenáctého stol. III, 1, стр. 36—61, Отто Naučný Slovník s. v.

Превосходнымъ знатокомъ древне-чешской литературы былъ Юлій Фейфаликъ, родомъ чехъ, но по убѣжденію нѣмецъ изъ Моравіи (изъ Зноймa 1833—1862), знавшій чешскій языкъ должно быть съ молодыхъ лѣтъ. Кончивъ университ. образованіе въ Вѣнѣ онъ продолжалъ на средства правительства изученіе германской филологіи въ Германіи, въ особенности въ Берлинѣ. Возвратившись домой, онъ включилъ въ кругъ своихъ занятій кромѣ нѣмецкой также чешскую литературу и слѣдилъ съ особенной любовью за ихъ взаимными отношеніями. У него былъ большой критическій талантъ, обнаружившійся во многихъ статьяхъ и разборахъ, которые печатались въ Wiener Zeitung, въ Oesterr. Gymnasialzeitschrift, въ Kritische Blätter, въ изданіяхъ Вѣнской Академіи Наукъ и др. Въ Sitzungsberichte Вѣнской Академіи т. XXV, вып. III (1857), вышло его разсужденіе «Ueber König Wenzel von Boehmen als deutscher Liederdichter und über die Unechtheit der altboehmischen Píseň milostná Krále Václava I», въ которой съ филологической точностью доказана подложность мнимой древнечешской пѣсни короля Вячеслава I. Тамъ же (т. XXIX, вып. II, т. XXXIX, вып. II) напечатаны его «Untersuchungen über altboehmische Vers- und Reimkunst». Далѣе

въ т. XXIX, вып. II «Zwei böhmische Volksbücher zur Sage von Reinfrit von Braunschweig», съ приложеніемъ «Nachtrag» (ib. 1860, т. XXXII). Тамъ же (т. XXX, вып. III, т. XXXII, вып. II, IV, т. XXXIII, вып. I, т. XXXVI, вып. II, III, т. XXXVII, вып. I, 1858—1861) явились его важные этюды: «Studien zur Geschichte der altboehmischen Literatur» (I—VII), которымъ ничего подобнаго въ домашней чешской литературѣ не существовало. Такой же интересъ возбуждаетъ довольно обширное изслѣдованіе: «Altčechische Leiche, Lieder und Sprüche des XIV und XV Jahrhunderts» (т. XXXIX, вып. V, 1862 г.). Въ Брюннѣ (Брнѣ, въ Brünner Schriften т. XII), изданы имъ же «Urkundliche Beiträge zur Geschichte der Literaturgesellschaften in Mähren» (1859) и «Die böhmische Elisabethlegende» (ib. 1861), также извѣстіе объ одномъ лат.-нѣм.-чешскомъ словарѣ (ib.). Одинъ изъ сотрудниковъ въ Исторіи Чешской Литературы XIX столѣтія долженъ сознаться, что изслѣдованія Фейфалика «neziskaly si u nás zaslouženého uznání» (III, 2, 633). Въ особенности считалось преступленіемъ, когда онъ въ 1860 году напечаталъ монографію: «Uber die Königinhofer Handschrift», въ которой оспаривалъ подлинность этого памятника. Въ защиту Краледв. рукописи противъ него возстали братья Иречки (Іосифъ и Германегильдъ), отклонявшіе то или другое возраженіе автора, но въ сущности Фейфаликъ остался побѣдителемъ. Самъ Іосифъ Иречекъ соглашался потомъ, что аргументы Фейфалика не были «tak prázdné, jako Büdingerovy», что онъ подходилъ къ вопросу касаясь «jádra věci», только его точка зрѣнія казалась Иречку невѣрной. Послѣ смерти Фейфалика вышли его «Volksschauspiele aus Mähren» (1864), которые онъ, говорятъ, хотѣлъ издать на чешскомъ языкѣ, но обрушившіяся на его голову порицанія со стороны чешской критики помѣшали исполненію этого желанія. Замѣчательно, во всякомъ случаѣ, что Фейфаликъ стоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Небескимъ, которому прислалъ было для «Часописа» Отрывки древне-чешской легенды о св. Анзельмѣ (Hanuš: V. B. Nebeský, стр. 141).

Къ числу представителей старой школы чешскихъ патріотовъ безъ опредѣленной спеціальности, людей очень полезныхъ, даже необходимыхъ на извѣстной степени развитія національной жизни, принадлежали Алойсъ Шембера и Іосифъ Иречекъ съ живущимъ до сихъ поръ братомъ его Герменегильдомъ. Ал. Шембера и Іосифъ Иречекъ касались также чешскаго языка, его нарѣчій и нѣкоторыхъ другихъ филологическихъ вопросовъ, но значеніе ихъ въ области исторіи чешской литературы вообще, занятія древностями, изданія и оцѣнки древнихъ памятниковъ превышаютъ ихъ строго филологическую дѣятельность. Поэтому мы упоминаемъ о нихъ здѣсь.

Алойсъ Войтѣхъ Шембера (род. 21 марта 1807 г. въ Высокомъ Мытѣ, откуда и братья Иречки, † 1882) получилъ первое образованіе въ Моравской Требовѣ и Лютомышлѣ, при тогдашнихъ порядкахъ больше на нѣмецкомъ, чѣмъ на чешскомъ языкѣ, но любовь къ родному чешскому языку не могла быть остановлена искусственными преградами. Такія сочиненія, какъ Юнгманнова Slovesnost' и Колларова Slávy Dcera сдѣлали свое, а въ Прагѣ, гдѣ онъ изучалъ юридическій факультетъ, завязались дружескія сношенія съ Ганкою, Томичкомъ, Шумавскимъ. Шембера началъ очень рано пописывать чешскіе стихи и мелкія статьи историческаго и этнографическаго содержанія. Перебравшись въ Моравію, онъ получилъ въ Брнѣ на нѣсколько лѣтъ назначеніе въ городскомъ правленіи, и вмѣстѣ съ другими патріотами (Клацелемъ, Сушиломъ, Бочкомъ и др.) старался всѣми усиліями возбудить и поднять національное

сознаніе чешскаго народонаселенія, какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ Моравіи вообще. Его, впрочемъ, неважное литературное участіе въ журналахъ, какъ Čechoslav, Květy, Česká včela, Hronka, и въ календаряхъ Posel Moravský (1837—1848), Rolník rozumný (1837—1840), свидѣтельствуетъ о горячемъ патріотизмѣ и многосторонней дѣятельности. Въ 1839 году онъ получилъ (послѣ Бочка) профессуру чешскаго языка въ академіи Оломуцкой, и въ 1847 г. переѣхалъ вмѣстѣ съ перемѣщеніемъ этого заведенія въ Брюннъ (Брно). Здѣсь дѣятельность его еще увеличилась въ различныхъ направленіяхъ (онъ завѣдывалъ одно время архивомъ, состоялъ переводчикомъ, въ 1848 г. нѣкоторое время редакторомъ газеты «Moravské Noviny»), потомъ былъ приглашенъ принять участіе въ составленіи научной терминологіи въ Вѣнѣ и получилъ, наконецъ, профессуру чешскаго языка тамъ же, кромѣ того его назначили сначала помощникомъ, потомъ самостоятельнымъ редакторомъ чешскаго перевода законовъ. Изъ множества мелочей или статей областного значенія (есть и самостоятельныя изданія) выбираемъ нѣкоторыя имѣющія близкій интересъ для славяновѣдѣнія: Odkud pochází jméno Brno a Holomouc (Č. Č. M. 1838, 246—251), Zprávy statistické o Moravě a Slezku (ib. 1840, 375—387), Moravský jazyk v pruském Slezku (ib. 1842, 394—404), O Slovanech v dolních Rakousích (ib. 1844, 536—549, 1845, 163—189), Jan Filip Vezdín (ib. 1845, 346—357, извѣстный авторъ первой санскритской грамматики, славянскимъ, т. е. хорватскимъ происхожденіемъ котораго мы когда-то напрасно увлекались). Его преданность Моравіи, высказалась въ томъ, что онъ много лѣтъ приготовлялъ (сл. напр. его письмо 1851 г. въ XVI т. «Českého Lidu» стр. 314) матеріалъ для обширной карты Моравіи, отличавшейся правильнымъ обозначеніемъ мѣстъ. Она вышла въ 1863 г. на четырехъ листахъ съ прибавленіемъ «Popis Moravy a Slezska» (2-мъ изданіемъ въ 1869 г., есть также объявленіе объ изданіи 1881 года—должно быть только повтореніе съ дополненіями). Сюда относится его статья: Mnoho-li jest Čechů, Moravanů a Slováků» (Č. Č. M. 1876, 393—416, 647—685). Отдѣльной книжечкой вышло въ 1873 году: Obyvatelstvo české a německé na Moravě (XII, стр. 42). Историческій вопросъ о старомъ раздѣленіи Чехіи и Моравіи на жупы занималъ его довольно много; расходясь въ этомъ отношеніи со взглядомъ историка Томека, онъ отрицалъ это раздѣленіе. Онъ коснулся этого вопроса въ Č. Č. M. 1875 г., (стр. 60—72) и ib. 1878 «O domnělém rozdělení země České a Moravské na Župy» (стр. 3—14). Вопросы древней географіи всегда интересовали его. Въ 1871 г. онъ напечаталъ въ «Blätter des Vereins für niederösterr. Volkskunde» монографію «Ueber die Lage der Wohnstätten des h. Severin Comageni, Asturia und Faviana in Niederoesterreich» (8⁰ 26, много этимологическихъ соображеній относительно названій мѣстъ Нижней Австріи, повторено въ изданіи 1882 года подъ заглавіемъ «Wien der Wohnsitz und Sterbeort des h. Severin»). Въ Slavische Bibliothek Миклошича (т. II, 173—197) имъ впервые издана ороографія Яна Гуса (Mistra Jana Husi Ortografie česká).

Очень поздно явились тѣ труды Шемберы, которыми ознаменовано его имя въ чешской научной литературѣ—это были его «Dějiny řeči a literatury české» (первымъ изданіемъ въ 1858, четвертымъ въ 1878 году, 8⁰ VI, 578), потомъ въ 1864 году вышедшая діалектологія: «Základové dialektologie československé» и, наконецъ, въ 1868 году: «Západní Slované v pravěku». Его исторія чешскаго языка и литературы пошла въ изложеніи по стопамъ Юнгманна; имѣя въ виду потребности сподручнаго учебника для взрослаго юношества, авторъ

старался представить предметъ въ сжатомъ, объективномъ, довольно сухомъ изложеніи, изобиловавшемъ богатствомъ данныхъ, но не вдаваясь въ духъ и анализъ содержанія или въ сравненіе съ прочими литературами. Важнѣе его діалектологія, изданная содѣйствіемъ Вѣнской академіи (1864, 8⁰ X. 180). Въ этомъ сочиненіи, обнимающемъ всю область чешско-словацкаго языка, нельзя не отдать полной справедливости смѣлой кисти автора, предпринявшаго большой, при отсутствіи подробныхъ предварительныхъ изслѣдованій, еле исполнимый трудъ. Дѣйствительно пробѣлы и промахи были неизбѣжны, какъ доказываютъ новѣйшія монографіи по отдѣльнымъ чешско-моравско-словацкимъ говорамъ, прежде всего результаты кропотливой работы Бартоша. Но несмотря на всѣ недостатки уже одна идея автора подкупаетъ и представляетъ намъ его въ очень симпатичномъ видѣ. Его наблюдательность, конечно, не вникала глубоко въ діалектическія явленія, для этого недоставало у него основательной лингвистической подготовки; поэтому онъ, не вдаваясь въ объясненія, довольствовался передачею простыхъ фактовъ, насколько онъ зналъ о нихъ. Это сочиненіе—прекрасный трудъ патріотически настроеннаго дилетанта, поэтому мы и теперь еще относимся къ нему съ оправданнымъ снисхожденіемъ. Другое впечатлѣніе производитъ его въ 1868 г. изданное сочиненіе «Západní Slované v pravěku» (8⁰ XXIV, 380 съ картой). Съ тенденціею этого изслѣдованія, не отказывая ему въ правѣ на вниманіе, трудно помириться, потому что авторъ взялся за очень нелегкое предпріятіе, не взвѣсивъ своихъ силъ. Неоспоримый фактъ существованія множества славянскихъ племенъ въ средневѣковой Германіи увлекъ его слишкомъ далеко въ сторону; онъ хотѣлъ доказать, что средневѣковая этнографическая карта Германіи существовала въ такомъ же видѣ еще въ доисторическія времена, что древнѣйшія извѣстія, дошедшія до насъ о Германіи со времени Цезаря, Тацита, Птолемея, переполнены точно такъ указаніями на славянъ, какъ позднѣйшіе средневѣковые источники. Выходя изъ этого предубѣжденія, ему приходилось доказывать славянство цѣлаго ряда старинныхъ народовъ и ихъ этническихъ названій, какъ напр. свевовъ, квадовъ, маркомановъ, боевъ и т. д., однако доказательства эти не были убѣдительны и не были приняты наукой, хотя до сихъ поръ тѣ же или подобные имъ взгляды на страницахъ славянскихъ древностей многими повторяются. Шембера можетъ быть названъ вожакомъ школы, проповѣдывающей славянскій автохтонизмъ на почвѣ Германіи. Книга его, если и не отстояла главнѣйшихъ мнѣній автора, все-таки не заслуживала тѣхъ пренебрежительныхъ отзывовъ, которыми попотчевалъ ее напр. Рэслеръ. Вѣдь и результаты Мюлленгоффа не остались непоколебимыми.

У Шемберы было очень много благородства (это доказываютъ, между прочимъ, письма къ нему Божены Нѣмцовой, см. Český Lid т. XVI), но и у него были свои недоброжелатели, какъ мнѣ разсказывалъ покойный Миклошичъ, даже въ рядахъ ближайшихъ земляковъ. Онъ принадлежалъ къ числу умѣренныхъ либераловъ и отличался независимостью взглядовъ. Поэтому неудивительно, что онъ не стѣснялся публично высказать свое мнѣніе о подложности и Любушина Суда и Краледворской рукописи, какъ скоро онъ проникся этимъ убѣжденіемъ. Въ 1879 году вышла книжечка «Libušin Soud domnělá nejstarší památka řeči české jest podvržen, též Zlomek Evangelium sv. Jana. Čehož důkazy podává Al. Vojtěch Šembera» (Ve Vídni 1879, 8⁰ 142), а въ слѣдующемъ году: «Kdo sepsal Kralodvorský rukopis roku 1817? Objasňuje Alois Vojtěch Šembera»

(Ve Vídni 1880, 8⁰ 62), послѣднее на нѣмецкомъ языкѣ въ 1882 году: «Die Königinhofer Handschrift als eine Fälschung nachgewiesen». Положимъ, что аргументовъ Шемберы не было достаточно, чтобы окончательно отвергнуть оба памятника, но вскорѣ явились и другія еще болѣе вѣскія подозрѣнія, подтвердившія мнѣніе Шемберы. Только Шембера не будучи въ состояніи вдаваться въ тонкости филологическія, такъ какъ для этого у него не было достаточно грамматическаго чутья — довелъ свою подозрительность слишкомъ далеко. Безъ достаточнаго основанія онъ отвергъ какъ поддѣлку Ганки, также древне-чешскій драматическій текстъ «Mastičkář», противъ чего возсталъ потомъ и Гебауеръ (въ Listy filologické a paedagogické, ročník sedmý. V Praze 1880, 90—121 и 259—261). Эта неосторожность Шемберы, конечно, повредила ему въ глазахъ защитниковъ всѣхъ древне-чешскихъ памятниковъ, аргументамъ его не довѣряли, считали ихъ гиперкритическимъ заблужденіемъ. Къ сожалѣнію, въ такихъ случаяхъ нападки не остаются въ предѣлахъ самого предмета, а переходятъ и на личность. Такъ и Шембера былъ провозглашенъ вреднымъ для народной, чешской борьбы и дѣйствующимъ въ ущербъ чешскому національному сознанію. Только въ новѣйшее время въ Исторіи Чешской Литературы XIX столѣтія, снято съ него это пятно: «Nám dnes Alois Vojtěch Šembera skutečně se jeví mužem dokonalého života, všeho zlého prostým, a je spravedlivo, aby byla obnovena světlá památka jeho zásluh o národní obrození moravské» (Lit. česká devat. stol. III, 2, 615—6).

Почти двадцатью годами моложе Шемберы былъ землякъ его **Іосифъ Иречекъ** (Jireček), которому судьба благопріятствовала и подняла его въ общественномъ положеніи даже до высокаго назначенія министра народнаго просвѣщенія въ Австріи, въ странѣ съ трудомъ уступающей такія высокія мѣста людямъ славянской національности. Впрочемъ, министерство Іосифа Иречка было очень непродолжительнымъ.

Іосифъ Иречекъ родился 9 окт. 1825 г. въ Высокомъ Мытѣ, гимназію посѣщалъ въ Лютомышлѣ, въ 1843 г. философію слушалъ въ Прагѣ, гдѣ Коубекъ и Ганка посвящали его въ славянскіе языки, первый по-польски, второй по-русски. Первый литературный трудъ его, появившійся въ 1845 году, представлялъ переводъ съ польскаго языка. Университетскія науки онъ изучалъ по юридическому факультету и принималъ какъ студентъ участіе небольшими статьями въ газетѣ «Pražské Noviny» (подъ редакціею Гавличка). Въ 1847 г. В. Томекъ познакомилъ его съ семействомъ Шафарика, изъ котораго онъ вскорѣ выбралъ себѣ подругою жизни, дочь знаменитаго слависта Божену. Это было въ 1851 году, когда Иречекъ послѣ окончанія курса юридическихъ наукъ получилъ назначеніе въ министерство народнаго просвѣщенія въ Вѣнѣ. Будущій тесть охарактеризовалъ своего зятя in spe слѣдующими словами (въ письмѣ Погодину отъ 1 марта 1853): «Ohne ein Gelehrter vom Fache zu sein, ist er wissenschaftlich gründlich gebildet, ein guter Böhme und Slave, und erfreut sich einer besonderen Gunst und Gewogenheit Sr. Exc. des Ministers Grafen Thun, dem er im Fache der Einrichtung der slavischen Schulbücher für die slavischen Länder der Monarchie fortwährend sehr erspriessliche Dienste leistet» (Н. Поповъ, Письма къ М. П. Погодину, стр. 380). Изъ дальнѣйшихъ глухихъ намековъ видно, что Погодинъ принесъ и свою лепту къ приданому дочери стариннаго друга. Въ безпокойные дни 1848 года Иречекъ принадлежалъ къ числу умѣренныхъ, состоялъ коротенькое время помощникомъ редактора В. Томека въ

газетѣ «Pokrok» и Эрбена въ газетѣ «Pražské Noviny», онъ участвовалъ въ переводахъ законовъ на чешскій языкъ и въ установленіи чешской терминологіи, негласно помогалъ въ редакціи «Часописа» чешской матицы, гдѣ съ 1849 г. имя его уже явно упоминается. Не вдаваясь въ обсужденіе его всесторонней дѣятельности въ министерствѣ, вращавшейся въ консервативномъ, отчасти прямо клерикальномъ направленіи, укажемъ только на участіе его въ вѣнскихъ, выходившихъ подъ покровительствомъ министерства, газетахъ «Vídeňský Denník» (съ литер. приложеніемъ Vesna) и «Slovenské Noviny» (съ литер. приложеніемъ Světozor), гдѣ онъ заодно съ братомъ Германегильдомъ помѣщалъ разныя статьи литературнаго содержанія, между прочимъ апологію Краледворской рукописи (противъ Фейфалика) и т. п. Изъ этихъ статей, напечатанныхъ въ Světozor-ѣ за 1858—1860 гг., вышла потомъ въ 1862 году извѣстная книга «Die Echtheit der Königinhofer Handschrift, kritisch nachgewiesen von Jos. und Herm. Jireček (Prag 1862, 8⁰ VIII, 212). Это было самое лучшее, что можно было въ то время сказать въ защиту подлинности. Дѣйствительно Иречекъ считалъ вопросъ рѣшеннымъ и возобновилъ его только лѣтъ 15 спустя въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда вновь поднялись голоса противъ подлинности, теперь уже со стороны чешскихъ ученыхъ. Сюда относятся его статьи: «Báseň o pobití Tatarův a Million Marka Pavlova» (Č. Č. M. 1877, 103—119), и «O nejnovějších námitkách proti pravosti našich starých památek (ib. 1878, 119—153), а также въ Světozor'ѣ «O rukopise Zelenohorském a o zlomcích evangelia sv. Jana». Къ той же цѣли, т. е., защитѣ Краледворской рукописи, клонятся еще статьи: «Hankovy původní básně od 1813 do 1819» (Č. Č. M. 1879, 351—364) и «Zbytky českých písní národních ze XIV do XVIII věku (ib. 1879, 44—59, 1881, 375—384), потомъ въ «Освѣтѣ» (журналъ «Osvěta») въ 1886—1887: «Ke sporu o rukopisy» и ib.: «Jak P. J. Šafařík za posledních svých let smýšlel o rukopisech Královdvorském a Zelenohorském». Иречекъ обращалъ больше вниманія на содержаніе и поэтическую форму оспариваемыхъ памятниковъ, чѣмъ на грамматическую или лексикальную сторону, хотя онъ любилъ при случаѣ коснуться того или другого изъ грамматическихъ вопросовъ. Но онъ вращался въ заколдованномъ кругу, разсуждая объ особенностяхъ древне-чешскаго языка на основаніи подозрительныхъ текстовъ. Его «Nákres mluvnice staročeské» (V Praze 1870, 8⁰ VI, 104), не обнаружилъ знакомства съ новѣйшими успѣхами историко-сравнительнаго языковѣдѣнія, на что уже тогда указано критикою (моею въ Rad'ѣ XVII, 194—201 и Бодуэна де Куртенэ въ Ж. М. Н. Пр. 1876 г. № 3). Одна статья автора грамматическаго содержанія появилась еще въ 1860 г. въ «Rozpravy z oboru historie, filologie a literatury» (это былъ первый и единственный выпускъ задуманнаго обоими братьями повременнаго изданія) на стр. 33—74: «O účincích přídechův a zvláště joty v řeči české». Кромѣ того онъ написалъ «Kriteria jazykoslovná k ustanovení věku staročeských památek» (Č. Č. M. 1861, 187—198), «O složených číslovkách staročeských» (ib. 1864, 323—342), «Rozličná povaha hlásky l v češtině» (ib. 1867, 217—232), «Podřečí východních Čech» (ib. 1863, 323—345, 414), «Alter des čechischen h für g» (Archiv f. sl. Phil. II, 333—6), «Reste des Localsuffixes -as und -ach in deutschen Umbildungen slavischer Ortsnamen» (ib. 336—337) и самое обширное и послѣднее его изслѣдованіе по исторіи чешскаго языка: «O zvláštnostech češtiny ve starých rukopisech moravských. Příspěvek k dějinám jazyka českého» (изъ Rozpravy k. české společnosti VII řada, 2 svazek, 1887, 4⁰ 86). Сюда можно отнести еще его грамматико-лек-

сическіе разборы древне-чешскаго перевода Св. Писанія въ Spisy Král. české společnosti (V řada, sv. 10, 1859, 4° 36): «O českém prvotním překladu sv. evangelií a o obměnách jeho až do XV století» и въ Č. Č. M. «Rozbor prvotního českého překladu starého zákona» (1864, 136—177, 288—301, 371—388, 1872, 385—401) и «O vyvinutí historické prozy české za XVI a XVII věku» (ib. 1873, 408—420). Рядомъ съ языкомъ шли вопросы о риѳмикѣ и метрикѣ: «Staročeská prosodie a její zvláštnosti» (Č. Č. M. 1861, 320—342), а также о миѳологіи: «Dědky u Dalimila» (ib. 358—360), «Studia v oboru mythologie české» (ib. 1863, 3—28, 141—166, 262—269), «O slovanském bohu Velesu» (ib. 1875, 405—416).

Много вниманія посвящалъ Иречекъ разысканіямъ и изданіямъ памятниковъ. Не говоря о его «Читанкахъ» и «Антологіяхъ» изданныхъ по плану министерства, въ которомъ онъ принималъ живѣйшее участіе (въ трехъ выпускахъ, по старому, среднему и новому періоду чешской литературы), упомянемъ очень важное изданіе грамматики Благослава: Jana Blahoslava Grammatika česká, dokananá l. 1571. Z rukopisu bibliotheky Theresianské we Wídni wydali Ignác Hradil a Josef Jireček (We Wídni 1857, 8°, XIX, 390). Въ собраніи «Památky staré literatury české» онъ издалъ подъ № II Далимила (болѣе обширное изданіе въ Fontes rerum bohemicarum томъ III), подъ № III Staročeské divadelní hry, а въ изданіяхъ Корол. Общества наукъ онъ напечаталъ «Hymnologia bohemica—Dějiny církevního básnictví českého až do XVIII stol. (V Praze 1878, 4° 98, изъ Pojednání řada VI, č. 9). Не будемъ останавливаться на мелочахъ, въ родѣ описаній отдѣльныхъ рукописей (въ Č. Č. M. 1859, 21—27; 1861, 171—6, 270—278; 1862, 24—52, 95, 196—200, 318—322, 360—380; 1863, 91—100; 1873, 235—272; 1874, 190—235, 484—492; 1875, 321—4, 95—100, 167—172; 1885, 563—572) или новыхъ данныхъ біографическихъ. Послѣднія имъ же собраны въ двухтомномъ, очень полезномъ какъ справочная книга, сочиненіи: «Rukověť k dějinám literatury české do konce XVIII věku. Ve způsobě slovníka životopisného a knihoslovného sepsal J. Jireček (V Praze 1875, 8° VIII. 489. 392). Онъ же любилъ писать критическіе разборы, при чемъ не ограничивался чешской литературою, а слѣдилъ также за ходомъ польской и южнославянскихъ литературъ. Укажемъ въ этомъ отношеніи на его статью: «Biblí staropolská» (Č. Č. M. 1872, 297—312). Въ молодые годы онъ переводилъ даже съ польскаго и хорватскаго языковъ. Послѣ смерти своего тестя Шафарика, онъ издалъ его исторію южно-славянскихъ литературъ (1863, въ трехъ частяхъ), написалъ біографію его въ Oesterreichische Revue 1865 г., напечаталъ новымъ изданіемъ его Старожитности въ двухъ томахъ (1862—3), прибавивъ какъ третій томъ «Rozpravy z oboru věd slovanských» (къ сожалѣнію перепечатано только то, что Шафарикъ написалъ по-чешски), въ 1872 г. издалъ вторично его «Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův», принималъ участіе въ издаваемомъ его братомъ Герменегильдомъ Codex juris bohemici, въ «Часописѣ» Матицы Моравской и т. д. Значеніе Иречка для чешскаго культурнаго движенія не оцѣнено еще по достоинству. Очень сочувственно написанный отзывъ барона Гельферта (Joseph Jireček, Biographisch-literarische Skizze entworfen von Freundeshand. Separatabdruck aus der Wiener Zeitung. Wien 1869, малое 8° 61), распространяется о немъ больше какъ о консервативномъ чешскомъ патріотѣ и австрійскомъ чиновникѣ, чѣмъ о значеніи учено-литературныхъ трудовъ его.

Къ патріотамъ чешскимъ старшаго поколѣнія принадлежалъ также Вацлавъ Зеленый (Zelený, род. 1825, скончн. 1875), заслуженный педагогъ и

чешскій писатель, бывшій подъ конецъ жизни директоромъ малостранской чешской гимназіи въ Прагѣ. Онъ участвовалъ въ чешскомъ сеймѣ и въ вѣнскомъ парламентѣ какъ опытный и свѣдущій членъ по вопросамъ народнаго просвѣщенія. Его широкая образованность на основѣ древняго классицизма и познанія новыхъ литературъ сдѣлала его превосходнымъ чешскимъ стилистомъ; писалъ же онъ, между прочимъ, біографію Яна Коллара при изданіи его сочиненій въ собраніи Кобера, біографіи Эрбена, Палацкаго и Коллара въ альманахѣ «Máj» за 1859—61 гг., началъ писать біографію Гавличка (Osvěta 1872), писалъ о Вацлавѣ Стахѣ (Vácslav Stach starý veršovec. Osvěta 1873, стр. 482—504, 724—741, 841—853), помѣстилъ статью Dějiny literatury české въ Ригеровомъ «Научномъ Словникѣ» (подъ заглавіемъ «Čechy») и, наконецъ, отдѣльно напечаталъ очень обширную превосходную характеристику Юнгманна: «Život Josefa Jungmanna» 1874 (8⁰ IV. 416, изданіе Матицы чешской), сочиненіе важное для освѣщенія цѣлой эпохи. Біографію Зеленаго написала дочь его въ журналѣ «Osvěta» за 1905 и 1906 гг.

Винценцъ Брандль (1834—1901), извѣстный многозаслуженный архиваріусъ Моравіи, былъ по своимъ занятіямъ историкъ, собственно представитель разныхъ вспомогательныхъ наукъ исторіи, но имя его должно быть упомянуто въ нашей наукѣ уже потому, что онъ въ своихъ трудахъ и изслѣдованіяхъ касался предметовъ и лицъ, дорогихъ славяновѣдѣнію. Въ 1862 г. онъ написалъ, полемизируя противъ Дудика, изслѣдованіе «Poloha starého Velehradu». Сочиненіе это доставило ему такую извѣстность и популярность въ Моравіи, его родинѣ, что 27-лѣтній молодой учитель получилъ въ 1861 г. мѣсто въ земскомъ архивѣ, съ которымъ онъ больше не разставался до конца жизни. Въ 1883 г. вышла его обстоятельная біографія Добровскаго: «Život Josefa Dobrovského sepsal V. Brandl» (V Brně 1883, 8⁰ 296, VI). Менѣе удовлетворяла біографія Шафарика: Život P. J. Šafaříka» 1887 (сл. Lit. č. devaten. stol. II, 39), онъ написалъ также «Život K. J. Erbena» (Brno 1887, отд. отт. изъ Světozor'a). Въ «Часописѣ» Матицы Моравской (съ 1869 г.) и въ журналѣ «Právník» появилось много его статей историко-юридическаго содержанія. Упомянемъ только біографію М. Фр. Клацеля: «Příspěvky k životopisu Matouše Františka Klácela» (Č. M. Mor. 1881, XIII, 71—120). Въ области юридическихъ памятниковъ вышли подъ его редакціею, между прочимъ, такіе тексты, какъ Kniha Tovačovská, Kniha Drnovská, Kniha Rožmberská, Knihy půhonné a nálezové и др. Для древне-чешскаго юридическаго языка и славянской лексикографіи вообще важно его изданіе: «Glossarium illustrans bohemico-moravicae historiae fontes» (Brünn 1876, 8⁰ XVIII, 476). Консервативное направленіе Брандля возмутилось, когда нападки на древне-чешскіе памятники стали выступать изъ среды чешскихъ ученыхъ. Онъ велъ сначала въ газетѣ «Moravská Orlice» полемику противъ Шемберы: «Libušin Soud. Rozprava o námitkách které prof. dr. A. Šembera proti pravosti básně té učinil» (V Brně 1878, 16⁰ 32), а въ слѣдующемъ году расширилъ эту статейку въ обширную апологію: «Obrana Libušina Soudu, kterou sepsal V. Brandl» (V Brně 1879, 8⁰ 175). Когда же поднялись противъ подлинности еще и другіе голоса поважнѣе Шемберы, Брандль замолкъ. Его интересовала также народная поэзія (Č. M. M. 1876, 117—136: O písních národních) и миѳологія (Příspěvek k mythologii české, ib. 59—76), и названія мѣстностей (O jmenech topických, Obzor 1885), въ Č. M. M. XII, 69—85: Kterak se mění slova a jich význam, и т. д.

Сказано уже, что значеніе критической дѣятельности Сабины или Небескаго еще не оцѣнено по достоинству. То же самое должно утверждать относительно нѣкоторыхъ другихъ чешскихъ писателей, которые рядомъ съ своею прочею литературной дѣятельностью въ области поэзіи, повѣсти и романа старались своимъ примѣромъ и участіемъ поднять значеніе критики. Изъ старшихъ моравскихъ дѣятелей въ этомъ родѣ заслуживаетъ быть упомянутымъ Карлъ Шмидекъ (1818—1878), духовнаго званія, бывшій учитель закона божьяго и чешскаго языка, съ 1851 г. сначала въ Иглавѣ, потомъ съ 1857 г. въ Брнѣ (Брюннѣ). Онъ много писалъ въ журналахъ своего времени, какъ Česká Včela, Květy, Č. Č. M., въ органѣ духовнаго содержанія «Hlas», въ Č. M. M. (Часописъ Матицы Моравской), въ журналахъ Lumír и Osvěta. Но статьи его такъ и остались разбросанными по журналамъ, никому пока не пришло въ голову собрать ихъ въ одно изданіе. Хвалятъ, между прочимъ, его разборъ поэт. произведеній Воцеля (Osvěta 1875). Укажемъ на статью «Literární ruch na Moravě v novější době» (Č. M. M. 1870, 1—17, 65—76, 97—111, 168—186) и на «Upomínka na publicistickou činnost' Jana Er. Vocela» (ib. VIII. 76—117); на отзывъ (Č. Č. M. 1844) о книгѣ Клацеля «Počátky vědeckého mluvnictví českého (1843), о собраніи народныхъ пѣсенъ Сушила (Č. Č. M. 1847, II, 545—564) и на статью «Rozkol literární na Slovensku» (Hlas 1860). Объ учителѣ его, вообще замѣчательной личности въ духовной жизни Моравіи, о Франтишкѣ Клацелѣ (Klácel, 1808—1882), можно сослаться на разборъ, посвященный дѣятельности его въ Литературѣ девятнадцатаго столѣтія (III, 1, 168—179) и на очень хорошую, съ большими свѣдѣніями написанную статью Соучка (Souček): «Klácelova filosofie řeči české a spor jí vznícený. Příspěvek k dějinám blouznění o jazyce» (Listy filol. 1905, стр. 222—58, 346—76, 428—50). Рѣчь идетъ объ упомянутомъ выше сочиненіи «Počátky». Небольшой некрологъ Шмидеку написанъ М. Прохазкою въ Č. M. M. X. 171—176.

Несравненно важнѣе въ области литературной критики дѣятельность двухъ представителей новѣйшаго, европейскаго направленія въ чешской поэзіи и въ чешской изящной литературѣ вообще. Одинъ изъ нихъ Витѣславъ Галекъ (Vítězslav, т.-е., Викторъ, Hálek, 1835—1874), другой Янъ Непом. Неруда (1834—1895). Можно жалѣть, что ни тотъ ни другой еще не сдѣлались предметомъ монографическаго изслѣдованія, не какъ представители изящной литературы, о чемъ уже довольно много писалось, а какъ критики изящной литературы, поднимавшіе свои голоса въ пользу болѣе строгаго отношенія и авторовъ къ своимъ произведеніямъ и публики къ ихъ производительности. Свѣжая новая струя, снятая съ образцовъ западно-европейскихъ литературъ, внесена ими въ чешскую литературу, съ обновленіемъ отчасти идеаловъ Махи. Разница между старымъ и новымъ направленіемъ выступаетъ очень рѣзко и рельефно, если сравнить Лумиръ (Lumír) подъ редакціею Миковца (съ 1851 г.) съ промежуточнымъ альманахомъ Фрича (Lada Nióla) 1853 г. и съ основаннымъ Галекомъ и Нерудою альманахомъ «Máj» (съ 1858 г., названіе въ память о поэт. произведеніи этого имени Махи), за которымъ послѣдовали разныя попытки Галека и Неруды издавать органы новаго направленія, важнѣе всего были Obrazy života (1859 г.), около которыхъ, по словамъ автора статьи о Нерудѣ (въ Liter. č. devatenáct. stol. III, 2, 356), стало собираться все, что тогда обозначало духовную силу, размахъ, полетъ и свѣжесть молодости въ чешской литературѣ. Галекъ сдѣлался записнымъ фельетонистомъ въ основанной въ 1861 г. газетѣ

«Národní Listy» и принималъ участіе съ 1863 г. въ приложеніи къ этой газетѣ «Kritická Příloha». Въ 1863 г. Галекъ былъ редакторомъ журнала «Zlatá Praha», въ 1866 г. оба вмѣстѣ предприняли иллюстрированный еженедѣльникъ «Květy» съ литературнымъ приложеніемъ «Česká Včela», въ 1872 г. Галекъ взялся сообща съ Нерудою за оживленіе «Lumír'a». Анализъ критическихъ началъ, руководившихъ обоими писателями, представленъ въ литературѣ девятнадцатаго столѣтія не такъ подробно, какъ можно было бы ожидать. Относительно Галека укажемъ на собранныя сочиненія подъ редакціею Ф. Шульца (Прага, 1878—1887), гдѣ въ XI книжкѣ имѣется обширная біографія, написанная издателемъ. Въ позднѣйшее время, какъ извѣстно, обрушился Махаръ въ журналѣ «Naše Doba» противъ Галека, отрицая его значеніе, но, кажется, не удалось ему развѣнчать его и лишить ореола. Имѣется еще довольно подробная статья Воборника, касающаяся Галека, въ Otto-вомъ «Naučný Slovník» s. v. О Нерудѣ же писалъ В. Чермакъ въ журналѣ «Květy» 1895—1897, Ел. Красногорская (Krásnohorská) въ журналѣ «Osvěta» 1895 г. Собранныя сочиненія приготовилъ Игн. Германъ (Ign. Herrmann)—12 частей. О Нерудѣ какъ о выдающемся фельетонистѣ см. статью Пражака въ Lit. č. devatenáct. stol. III, 2, 560—598, и въ List. filol. томъ XXXIV (1907, стр. 43—47).

Какъ выдающійся критикъ въ чешской литературѣ долженъ быть еще упомянутъ Фердинандъ Шульцъ (Ferd. Schulz, 1835—1907), такая же журналистическая натура какъ оба предыдущіе, только съ болѣе выразительной наклонностью въ сторону литературной критики вмѣсто собственнаго поэтическаго творчества. Кончивъ въ Прагѣ гимназію и философскій факультетъ онъ продолжалъ расширять свое образованіе въ качествѣ воспитателя у графа Коуница (1855—1866), съ которымъ предпринималъ путешествіе по Европѣ. Потомъ участвовалъ также въ политической жизни. Довольно рано стали являться статьи его въ различныхъ журналахъ, въ 1856 г. въ Lumír'ѣ Миковца, потомъ въ органахъ Kritická Příloha (1861), Osvěta (1862), Literární Listy (1866), Český Obzor literární (1867). При его участіи основана «Matice lidu», предпринято изданіе «Poesie Světová», онъ считался постояннымъ сотрудникомъ журнала «Zlatá Praha» (1884—1898) и т. д. Съ 1872 г. онъ состоялъ преподавателемъ въ Пражской коммерческой академіи. Кромѣ упомянутаго выше изданія собранныхъ сочиненій В. Галека, въ XI книжкѣ котораго (Praha 1887, díl XI, стр. 239—319) имѣется обширная біографія поэта, онъ писалъ литературно-критическія статьи о различныхъ чешскихъ писателяхъ (Doucha, Jungmann, Kapper, Pfleger, Wenzig и др.), отдѣльно вышло его разсужденіе: «Česká ballada a romance» (1877). Несмотря на то, что Неруда называлъ его передовымъ современнымъ критикомъ чешской литературы, статьи его еще не собраны.

Въ старомъ, филологическомъ направленіи занимался исторіей чешской литературы Карлъ Тифтрункъ (Tieftrunk, 1829—1897). Онъ учительствовалъ въ разныхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, состоялъ съ 1882 г. директоромъ одной Пражской гимназіи, вышелъ въ 1892 г. въ отставку. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ жилъ въ Прагѣ, участіе его въ дѣлахъ Матицы чешской отличалось большимъ усердіемъ: имъ дорожили какъ вѣрнымъ приверженцемъ консервативной, старо-чешской партіи. Мы оставляемъ въ сторонѣ его статьи чисто историческаго содержанія, по чешской литературѣ онъ написалъ въ Č. Č. M. 1867 (155—173): Hlavní povahy Kralodv. Rukopisu a důležitost jejich pro kulturní dějepis český», ib. 1879 (71—86): «O éthické a básnické strance kroniky Dalimilovy». Но глав-

нымъ его трудомъ была «Historie literatury české» (впервые издана въ 1874 г., второе умноженное изданіе вышло въ 1880 г., 8⁰ 208). Сочиненіе не претендуетъ на оригинальность, довольствуясь скромной ролью хорошаго учебника. По порученію Матицы чешской онъ же написалъ въ 1881 г. «Dějiny Matice české» (V Praze 1881, 8⁰ 304). Свою же любовь къ народной поэзіи онъ засвидѣтельствовалъ статьею: «O písních národních» (въ První vyroční zpráva c. k. vyš. gymn. v Žitné ulici v Praze 1888). См. отзывъ о немъ въ альманахѣ Пражской академіи за 1899 г. (т. XI).

Историкомъ чешскаго гуманизма κατ' ἐξοχήν прослылъ Антонъ Труглярж (Truhlář, 1849—1908). Будучи хорошимъ знатокомъ классической филологіи, онъ состоялъ учителемъ этого предмета въ разныхъ гимназіяхъ, съ 1901 года директоромъ академической гимназіи въ Прагѣ. Его ученая дѣятельность клонилась къ тому, чтобы выяснить отношеніе чешской литературы къ гуманизму въ Чехіи, то критическими разборами дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, то оцѣнкою чешскихъ переводовъ съ латинской и греческой поэзіи въ теченіе XV-го по XVIII-ое столѣтіе. Въ 1885 и 1887 гг. вышли два выпуска (отд. отт. изъ годовыхъ отчетовъ акад. гимназіи) его изслѣдованія: «O českých překladech z antických básníků latinských a řeckých za doby střední, XV—XVIII st.» (I. 8⁰ 28, II. 8⁰ 30). Новыя прибавленія въ Прусиковомъ журналѣ «Krok» т. I—III (1887—1889): «O překladě bajek Aesopových ve střední době lit. české». Въ 1901 г. труды его, посвященные средневѣковому Эзопу, увѣнчались успѣхомъ — изданіемъ въ акад. Sbírka pramenův. Skupina I, Řada 1, № 3: «Jana Albína Ezopovy fabule a Brantovy rozprávky, 8⁰ LXII. 417). И въ журналѣ Квичалы «České Museum filologické» выходили въ томахъ IV—VI: «Příspěvky k dějinám studií humanistických v Čechách». Хорошо составленныя біографіи гуманистовъ являлись также въ Otto-вомъ словарѣ «Naučný slovník». Съ 1891 по 1901 годъ онъ состоялъ редакторомъ Часописа чешскаго музея (Č. Č. M.), гдѣ и напечатано много его статей и рефератовъ. Въ блестящемъ изданіи громаднаго тома чешской академіи, въ которомъ помѣщенъ «Vědecký a umělecký rozvoj v národě českém 1848—1898», принялъ участіе Тифтрункъ въ обозрѣніи историческаго развитія чешской литературы, въ третьей части «Doba střední», на стр. 67—103. Послѣдніе итоги его многолѣтнихъ розысковъ по исторіи чешскаго гуманизма должны были выйти въ изданіи, задуманномъ по образцу извѣстнаго сочиненія Іосифа Иречка: «Rukověť k písemnictví humanistickému zvláště básnickému v Čechách a na Moravě ve století XVI». Онъ успѣлъ издать только I-ый томъ. О значеніи трудовъ Тругляржа написалъ отзывъ для чешскаго академическаго альманаха т. XIX (1909) проф. Флайшгансъ.

Библіофиломъ и библіографомъ, оказавшимъ большія услуги чешской литературѣ въ этой области, былъ Антонъ Рыбичка (1812—1899), собиравшій въ теченіе долгой жизни съ прилежаніемъ муравья данныя для біографій чешскихъ людей и для восполненія пробѣловъ библіографическихъ или для исправленія ошибокъ и неточностей. Подробности его жизни, какъ бывшаго чиновника по вѣдомству юстиціи (съ начала пятидесятыхъ годовъ онъ служилъ въ центральномъ вѣдомствѣ въ Вѣнѣ), до 1868 г. разсказаны въ словарѣ Ригера (т. VII 1189—90), продолженіе въ Otto-вомъ словарѣ. Его біографическіе матеріалы являлись въ Č. Č. M. за годы 1855. 1856. 1860. 1862. 1863. 1864. 1866—9. 1870—1875. 1878. 1880—2. 1886—1889. 1890. 1892. 1894. 1896; для библіографіи кромѣ того въ 1860. 1865. 1878. 1892 гг. Рефераты въ 1876—7. 1880.

1884. 1888. 1889. 1894. 1897 гг. Его занимали также древности родного мѣста Хрудима (Č. Č. M. 1848—9), кромѣ того, онъ былъ свѣдущъ въ геральдикѣ и сфрагистикѣ. Не только въ Č. Č. M., но и во многихъ другихъ чешскихъ повременныхъ изданіяхъ (напр., въ Č. M. M.) онъ помѣщалъ результаты своихъ розысковъ. Будемъ надѣяться, что труды его не пропадутъ даромъ для будущихъ изслѣдователей по этой части. Самъ онъ напечаталъ въ 1883—4 г. «Přední křísitelé národa českého», собраніе біографій, въ двухъ томахъ.

Къ чешскимъ дѣятелямъ въ широкой области литературно-историческихъ и культурныхъ вопросовъ славянскаго міра принадлежитъ и по своей наклонности и по большинству трудовъ, написанныхъ на чешскомъ языкѣ, Эдвардъ Елинекъ (Edvard Jelínek, 1855—1897); главное стремленіе его клонилось къ поддержкѣ словомъ и примѣромъ такъ называемой славянской взаимности, т.-е., ознакомленію чеховъ съ культурно-общественной, духовной и политической жизнью всѣхъ прочихъ славянъ, преимущественно же поляковъ. Въ послѣднемъ отношеніи можно назвать его выдающимся полонофиломъ среди чеховъ. Его общественное положеніе было довольно скромное, онъ служилъ чиновникомъ города Праги при отдѣленіи статистики, что не мѣшало ему всѣ свои досуги посвящать литературѣ. Не только какъ бытовой писатель онъ обогащалъ чешскую литературу бойко написанными разсказами изъ жизни народа польскаго, малорусскаго и литовскаго, срисованными съ натуры вслѣдствіе частыхъ поѣздокъ его въ страны обитаемыя поляками, малорусами и литовцами, но и какъ литературный историкъ онъ принималъ живое участіе въ различныхъ чешскихъ и польскихъ журналахъ статьями, знакомившими то чеховъ, то поляковъ, съ положеніемъ дѣлъ у прочихъ славянъ. Въ Č. Č. M. за 1878, 1879, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1889, 1890 гг. имѣются его коротенькіе рефераты о различныхъ историко-филологическихъ сочиненіяхъ изъ польской, русской и отчасти сербской литературы. Прекрасную цѣль ознакомленія чеховъ съ положеніемъ дѣлъ культурно-политическихъ у всѣхъ прочихъ славянъ преслѣдовалъ его съ 1881 по 1887 гг. продолжавшійся Slovanský Sborník (въ Прагѣ, всего VI томовъ), который вполнѣ справедливо можетъ быть причисленъ къ лучшимъ предпріятіямъ въ этой области, и должно только жалѣть, что этотъ съ большимъ усердіемъ и превосходно редактированный журналъ нашелъ, повидимому, очень мало распространенія въ чешской публикѣ, на поддержку которой онъ, конечно, прежде всего и разсчитывалъ. Если бы Елинекъ издавалъ подобнаго рода журналъ по-нѣмецки, вѣроятно читателей нашлось бы гораздо больше. Не въ обиду будь это сказано славянскимъ литературамъ, но онѣ пока столь заняты своими частными домашними вопросами, что предпріятія подобнаго рода, какъ Сборникъ Елинека, поневолѣ отступаютъ на задній планъ. Въ доказательство можно провести примѣры изъ русской литературы, гдѣ такія изданія, какъ «Славянскій Ежегодникъ» Задерацкаго (въ Кіевѣ 1876—1884) или «Извѣстія славянскаго благотворительнаго общества» и «Славянское Обозрѣніе» не могли до сихъ поръ завоевать себѣ прочнаго положенія. Между многочисленными въ Сборникѣ Елинека напечатанными статьями различныхъ авторовъ (отчасти въ чешскомъ переводѣ) для исторіи славянской филологіи имѣютъ важное значеніе письма славистовъ (Шафарика, Мацѣёвскаго, Ганки, Цыбульскаго и т. д.). Когда изданіе прекратилось, должно быть, за неимѣніемъ средствъ, Елинекъ не отказался продолжать свою поистинѣ славянолюбивую дѣятельность въ дру-

*

гихъ чешскихъ журналахъ и газетахъ (какъ Slavische Briefe въ «Politik», Slovanské rozhledy въ «Hlas Národa», Slovanské paběrky, Slovanské listy въ «Lumír'ѣ» и т. д.). Въ польскіе же журналы, въ числѣ которыхъ былъ Tygodnik illustrowany и др., онъ дѣлалъ сообщенія о положеніи дѣлъ у чеховъ (Listy z Czech, Idea Slowiańska w Czechach), касался русско-польскаго спора, давалъ даже такіе отчеты какъ Bibliografia dzieł, rozpraw i artykułów czeskich dotyczących rzeczy polskich (1879, 1884, 1887). Однимъ словомъ, дѣятельность Елинека принадлежала къ числу скромныхъ, но очень полезныхъ вкладовъ въ сокровищницу славянской культурно-литературной взаимности.

Упомянемъ, наконецъ, недавно скончавшагося литературнаго историка Бачковскаго (dr. Frant. Bačkovský 1854—1908), попытавшагося соединить любовь къ чешскому языку и литературѣ съ желаніемъ оказать пользу чешскому книжному дѣлу путемъ книжной торговли, но кажется эта затѣя его и погубила. Онъ напечаталъ «Zevrubné dějiny písemnictví českého doby nové» (1884—1887), «Přehled dějin písemnictví českého z let 1848—1898» (V Praze 1898, 8⁰ 226), касался также языка: Stručné dějiny řeči a pravopisu českého (2-е изд. 1883 г.), «Nové výzkumy a návrhy ve příčině české mluvnice» (1885), «Oprávce poklesků mluvnických v jazyce českém» (1882, 16⁰ 256) и т. д.

ГЛАВА XXII.

Дѣятельность въ области славянской библіографіи, исторіи славянскихъ древностей и литературъ, изданій древнихъ памятниковъ и писателей: b) у южныхъ славянъ (словенцевъ, хорватовъ, сербовъ, болгаръ).

Между южными славянами упомянемъ на первомъ планѣ очень трудолюбиваго, но романтически смѣлаго въ своихъ соображеніяхъ словенца Даворина Терстеняка (1817—1890), современника и товарища Станка Враза, вмѣстѣ съ которымъ онъ въ молодые годы примкнулъ было къ иллиризму, только не такъ рѣшительно и безповоротно какъ Вразъ. Не вдаваясь въ оцѣнку его поэт. произведеній, остановимся только на антикварныхъ изслѣдованіяхъ, которыя вращались съ одной стороны въ опредѣленіяхъ античной топографіи, въ родѣ такихъ вопросовъ: «гдѣ былъ Praetorium Latovicorum»? или «Мѣсто Petovium-Ptuj-Pettau» и т. д. — множество такихъ мелочей помѣщалось имъ въ газеткѣ «Novice» (за 1855, 1856, 1857, 1858, 1859 гг. и т. д.), — съ другой на вопросахъ античной этнографіи, гдѣ онъ старался по возможности много античныхъ народовъ пославянить, прежде всего старыхъ венетовъ: «Slovenski elementi v Venetščini» вышло въ органѣ Матицы словенской «Letopis» (V Ljubljani 1874, 8⁰ 74; 1875, 153; 1876, 91; 1877, 91), сл. также «Komentari k zgodovini Salašanov, Japodov, Venetov, Ligurov, Skordiskov, Tauriskov» (ib. 1874, стр. 156—179), гдѣ онъ скордисковъ, яподовъ, либурновъ и т. д. не причислялъ къ славянамъ, но зато венетовъ, карновъ, нориковъ, паннонцевъ. Вдаваясь въ этимологическое словопроизводство, онъ коснулся еще различныхъ словъ, подыскивая имъ корни въ славянщинѣ, въ изслѣдованіи «Slovanščina v romanščini» (1878, v Celovcu, 8⁰ 79). Любимымъ его занятіемъ была также миѳологія, тутъ онъ искалъ слѣдовъ славянской миѳологіи въ индійской, напримѣръ: «Indoslovanska božica Kolanda»

(Novice 1855), O božici Kybala, o božanstvu Korsa (ib. 1856) и т. д. Отдѣльнымъ изданіемъ вышла монографія: «Triglav, mythologično raziskavanje. Spisal in založil Davorin Trstenjak» (1870, v Ljubljani, 8⁰ 24). Въ 1887 г. онъ самъ въ память пятидесятилѣтія своей дѣятельности написалъ: «Pannonica. Spomeniški listi. Svojim prijateljem ostavil Davorin Trstenjak» (v Celovci 8⁰ 31), гдѣ такъ говоритъ о себѣ: «Poskusil sem se kot pesnik, novelist in humorist, kot mytho-, filo- in arheolog. Kot sedemdesetleten starec ne bodem več mogel krepko peresa voditi»... и здѣсь, прощаясь, такъ сказать, съ любимымъ словенскимъ народомъ, онъ коснулся своего главнаго предмета: 1-я статья говоритъ о Панноніи до римскаго господства, 2-я разсуждаетъ о *χαμον-camum*, которыя онъ вѣрно сопоставлялъ съ сербскимъ *ком*, *комина*, 3-я говоритъ о паннонско-норской богинѣ «Adsalluta» (сопоставленія отчаянныя). Терстенякъ принималъ живое участіе въ словенскихъ журнальныхъ предпріятіяхъ, въ особенности въ «Zora» (1872) съ приложеніемъ «Vestnik» и въ «Kres'ѣ» (1881). Подробности о немъ собраны въ исторіи литературы словенской Карла Глазера («Zgodovina slovenskega slovstva» III svezek (v Ljubljani 1896, стр. 136—141, 288—289).

Скромнымъ труженикомъ въ исторіи словенской литературы былъ Иванъ Мацунъ, родомъ изъ Штиріи (1831—1883), бывшій преподаватель классическихъ языковъ въ Цельѣ, Тріестѣ, Загребѣ, Люблянѣ и, наконецъ, въ Грацѣ. Въ мои молодые годы онъ былъ моимъ учителемъ и потомъ товарищемъ въ Загребѣ. Мы уважали его горячую любовь къ славянскимъ литературамъ, онъ разжигалъ въ насъ охоту къ чтенію не только произведеній изящной сербской литературы (напримѣръ по его внушенію я прочелъ эпосъ «Краля Дечанскаго» сочиненіе Субботича), но и сочиненій научнаго характера (благодаря совѣтамъ его я уже въ VI классѣ гимназіи учился по-чешски и читалъ «Старожитности» Шафарика). Не говоря о прочихъ его литературныхъ опытахъ (напримѣръ, объ изданіи южно-славянской хрестоматіи «Cvetje jugoslavjansko z dodanimi cveti iz drugih slavjanskih vrtov», которой вышла въ 1850 г. только первая часть, содержащая образцы изъ словенской поэзіи, съ приложеніемъ нѣсколькихъ примѣровъ иллирскихъ), мы должны вспомнить его участіе въ обширномъ обозрѣніи, напечатанномъ въ чешской энциклопедіи Ф. Л. Ригера «Naučný Slovník» (въ IV томѣ, въ Прагѣ 1865), подъ заглавіемъ «Jihoslované», гдѣ обозрѣніе словенской литературы (стр. 311—318) принадлежитъ ему. На хорватскомъ языкѣ вышло сочиненіе такого же содержанія въ 1863 г.: «Kratak pregled slovenske literature sa dodanim riečnikom za Slovence» (u Zagrebu, 8⁰ VIII, 102). Лѣтъ двадцать спустя онъ напечаталъ опять на словенскомъ языкѣ обозрѣніе словенской литературы Штиріи: «Književna zgodovina Slovenskega Štajerja. Spisal Ivan Macun» (V Gradcu 1883, 8⁰ VII, 181). Подробнѣе о немъ у Глазера l. c. (III, 147—9, 293—4).

Антонъ Янежичъ (1825—1869), родомъ изъ Каринтіи, гдѣ не только получилъ свое образованіе въ Целовцѣ (Klagenfurt), но также съ раннихъ лѣтъ и до конца жизни учительствовалъ въ тамошней гимназіи, извѣстенъ главнымъ образомъ своей грамматикой и словаремъ словенскаго языка, о которыхъ рѣчь ниже, но и въ исторіи словенской литературы заслуги его состоятъ не только въ приготовленіи хрестоматій (Cvet slovenske poezije 1862, Cvetnik slovenske slovesnosti 1868), а также въ изданіи журналовъ, посвященныхъ изящной литературѣ, статьямъ по литературѣ, сообщеніямъ текстовъ народной поэзіи словенской и чакавско-хорватской, и т. д. Онъ началъ съ того, что съ 1850 г.

выходила (по 1853) въ теченіе четырехъ лѣтъ подъ его редакціею «Slovenska Bčela», въ 1854 г. сталъ выходить взамѣнъ «Пчелы» «Glasnik slovenskega slovstva» (но вскорѣ прекратился). Только съ 1858 года началъ уже болѣе правильно, по большей части какъ ежемѣсячникъ, выходить «Glasnik Slovenski», продолжавшійся до 1868 года. Въ теченіе всего этого времени органъ Янежича привлекалъ къ участію почти всѣхъ словенскихъ писателей того времени, старшихъ и младшихъ. Его почину обязана словенская литература еще однимъ полезнымъ изданіемъ: «Cvetje iz domačih in ptujih logov» называлась своего рода библіотека переводовъ изъ разныхъ древнихъ и новыхъ литературъ на словенскій языкъ (всего VI выпусковъ, въ которыхъ содержатся 16 переводовъ, 8 оригинальныхъ текстовъ). Оригиналами тутъ участвовали Крекъ, Франкольскій, Умекъ, Юрчичъ, Валявецъ. Подробнѣе у Глазера (l. c. III, 171—176, 299—302).

Іосипъ Марнъ (1832—1893), изъ Крайны, изъ духовнаго сословія, участвовалъ очень усердно въ словенской литературѣ, по большей части статьями духовнаго содержанія. Такъ, напримѣръ, въ 1863 г. онъ издалъ въ память тысячелѣтія славянскихъ апостоловъ книжку «Zlati vek» (V Ljubljani, 8°, 293), въ которой приняли участіе многіе писатели, онъ самъ двумя статьями (о св. писаніи и о хроникѣ Нестора). Важнѣе для славянской филологіи его изданіе посвященное по опредѣленію Матицы Словенской памяти Копитара: «Kopitarjeva spomenica» (vredil Jos. Marn, v Ljubljani 1880, 8° 188), въ которомъ главную статью (біографію) написалъ Навратилъ, Марнъ же статью «J. Kopitar pa dr. J. Zupan» (129—131), описаніе празднествъ на мѣстѣ рожденія Копитара и еще одну мелочь. Но самое главное чѣмъ Марнъ ознаменовалъ себя въ словенской литературѣ—это повременное изданіе подъ общимъ заглавіемъ «Jezičnik», которое онъ началъ издавать въ 1863 году, и до 1892 года включительно вышло 30 выпусковъ. Преимущественное содержаніе этихъ 30 выпусковъ составляютъ біографіи (съ библіографіею) словенскихъ писателей, стало быть нѣчто въ родѣ матеріаловъ для исторіи словенской литературы, безъ системы, безъ соблюденія хронологическаго порядка, съ богатыми выписками характерныхъ мѣстъ изъ самихъ авторовъ и вслѣдствіе того изданіе очень полезное, какъ справочная книга. Въ первыхъ 8 выпускахъ (по 1870 г.) онъ касался больше различныхъ спорныхъ или объясненія требующихъ вопросовъ изъ словенскаго языка, поэтому къ общему заглавію «Jezičnik» прибавлено было «ali pomenki o slovenskom pisanji». Но съ девятаго и слѣдующихъ выпусковъ беретъ верхъ содержаніе біографическое, напримѣръ, въ вып. 9—11: «Metelko v slovenskem slovstvu», въ 12: Hitzinger, въ 14: Otec Marko Pohlin pa Valentin Vodnik, въ 20: dr. Janez Bleiweis, и т. д.

У хорватовъ и сербовъ исторія литературы долгое время не находила спеціальныхъ представителей, все ограничивалось изданіемъ текстовъ, у сербовъ главнымъ образомъ произведеній народнаго творчества, у хорватовъ поэт. произведеній дубровницко-далматинскаго періода (XV—XVIII стол.). Изъ эпохи иллиризма черезъ австрійскій абсолютизмъ перешелъ въ эпоху возобновленія политической жизни хорватовъ Иванъ Кукулевичъ (1816—1889), сосредоточившій свое преимущественное вниманіе на исторіи. Въ этомъ направленіи онъ былъ въ десятилѣтіе германизаторскаго абсолютизма душой ново-основаннаго общества юго-славянской исторіи; подъ его редакціею вышло съ 1851 по 1875 г. двѣнадцать томовъ повременнаго изданія: «Arkiv za povjestnicu jugoslavensku», со-

держащаго много важныхъ матеріаловъ не только для исторіи, но также для исторіи литературы и для библіографіи. Для исторіи литературы имъ сдѣлано кромѣ того довольно много. Онъ первый освѣжилъ въ памяти современниковъ исторію далматинско-дубровницкой литературы біографіями (съ приложеніемъ образцовъ) многихъ писателей въ изданіи (отпечатанномъ отдѣльными оттисками изъ журнала «Neven»): «Pjesnici hrvatski XV vieka» (U Zagrebu 1856, больш. 8⁰ 110), «Pjesnici hrvatski XVI vieka. Razdjel prvi» (U Zagrebu 1858, больш. 8⁰ VIII. 103) и продолженіе подъ тѣмъ же заглавіемъ (U Zagrebu 1867, 8⁰ 48). Въ томъ же родѣ онъ издалъ (какъ отдѣльный оттискъ изъ своего «Архива») очень важный біографическій матеріалъ въ сочиненіи: «Književnici u Hrvatah iz prve polovine XVI vieka s ove strane Velebita» (U Zagrebu 1869, 8⁰ 414), гдѣ впервые представлено обозрѣніе кайкавскихъ писателей въ ихъ біографіяхъ и въ ихъ сочиненіяхъ. Будучи усерднымъ собирателемъ рукописей и книгъ — библіотека его составляетъ теперь главное богатство Югославянской академіи въ Загребѣ — онъ занимался также библіографіею. Изданная имъ еще въ 1860 году «Bibliografia hrvatska. Dio prvi. Tiskane knjige. Uredio Ivan Kukuljević Sakcinski» (U Zagrebu 1860, 8⁰ IV. 233, съ однимъ дополненіемъ: Dodatak k prvomu dielu. U Zagrebu 1863, 8⁰ II. 31) такъ и не замѣнена до сихъ поръ никакимъ лучшимъ пособіемъ, несмотря на то, что она не отличается ни точностью ни полнотой. У Кукулевича не было спеціальной филологической подготовки, но какъ очень начитанный и образованный человѣкъ онъ отличался широкими взглядами и чуткой отзывчивостью на всѣ культурныя потребности своего народа. Поэтому его интересовали произведенія не только литературы, но также искусства, архитектуры, и конечно въ высшей степени вопросы жизни политической. Обо всемъ этомъ мы не можемъ здѣсь распространяться, см. оцѣнку его политической и литературной дѣятельности въ CX-ой книжкѣ Rada (1892): «Život i djela Ivana Kukuljevića Sakcinskoga. Od Tade Smičiklasa» (стр. 110—204).

Сношеніямъ Кукулевича съ венеціанской библіотекой и директоромъ ея Валентинелли обязана южнославянская литература превосходнымъ библіографическимъ изданіемъ: Bibliografia della Dalmazia e del Montenegro. Saggio di Giuseppe Valentinelli (Zagabria 1855, 8⁰ VII. 339, съ приложеніемъ «Supplementi al Saggio Bibliografico. Zagabria 1862, 8⁰ 132). Это изданіе преимущественно относится къ указаніямъ сочиненій историческихъ. Шире взглянулъ на свою задачу Симеонъ (Симе) Любичъ (1822—1896), онъ написалъ въ 1856 году словарь біографическій знаменитыхъ людей Далмаціи: «Dizionario biografico degli uomini illustri della Dalmazia, compilato dell' ab. Simeone Gliubich di Città Vecchia» (Vienna 1856, 8⁰ VIII. 325). Любичъ любилъ рыться въ архивахъ и библіотекахъ (въ Вѣнѣ, въ Венеціи), въ доказательство его громаднаго трудолюбія Югославянская академія издала изъ его выписокъ, сдѣланныхъ въ Венеціи, цѣлую многотомную серію грамотъ, относящихся къ сношеніямъ венеціанской республики съ южными славянами: «Listine o odnošajih izmedju južnoga slavenstva i mletačke republike», съ 1868 г. десять томовъ съ однимъ томомъ указателей, потомъ: «Commissiones et relationes Venetae» (три тома). Хотя онъ сначала держался нѣсколько въ сторонѣ отъ національнаго движенія, примыкая ближе къ далматинскому, отъ центра въ Загребѣ сторонившемуся сепаратизму, все же еще въ 1846 г. вышло подъ его редакціею изданіе сочиненія Гекторовича «Ribanje», въ Задрѣ (съ различными историческими приложеніями). Въ то же время онъ писалъ статьи біографическаго содержанія въ единственномъ тогда славянскомъ журналѣ Далмаціи

«Zora dalmatinska», издалъ даже книжку «Običaji kod Morlakah u Dalmaciji» (Zadar 1846, 8⁰ 115)—неважную. Онъ собиралъ также народныя пѣсни. Пріѣхавъ въ 1855 г. въ Вѣну для приготовленія въ учителя исторіи и древностей, онъ много занимался археологіею, эпиграфикой и нумизматикой и печаталъ свои труды въ изданіяхъ вѣнской академіи. Перебравшись въ предѣлы Хорватіи (сначала въ Осѣкъ и Рѣку — Фіуме — въ гимназію, потомъ въ Загребъ въ качествѣ директора музея), онъ расширилъ свой кругозоръ и сдѣлался горячимъ патріотомъ и очень усерднымъ писателемъ въ области не только политической исторіи и археологіи (это оставалось его спеціальностью), а также и исторіи литературы. Въ послѣднемъ отношеніи онъ написалъ «Ogledalo književne poviesti jugoslavjanske. Na podučavanje mladeži nacrtao prof. Sime Ljubić» (I томъ 1864. мал. 8⁰ 344; II томъ 1869, 587, оба вышли въ Фіуме). Сочиненіе это на каждой страницѣ обличаетъ автора какъ историка, не умѣвшаго въ области исторіи литературы открыть другихъ сторонъ помимо біографій (съ библіографіею) отдѣльныхъ писателей, уснастивъ предметъ обширными вставками изъ политической исторіи. Жизнеописаніе Гекторовича онъ вторично разработалъ въ видѣ вводной статьи къ академическому изданію (Stari pisci hrvatski томъ VI, на стр. III—XXVII). Къ моему изслѣдованію: «Gradja za historiju slovinske narodne poezije» онъ сдѣлалъ нѣсколько хорошихъ дополненій въ XL томѣ Rad-a. О прочей очень распространенной дѣятельности его достаточно указать на критическій разборъ въ академическомъ альманахѣ «Ljetopis jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti za g. 1897. Dvanaesti svezak», на стр. 150—243. Упомянемъ только его очень обширный трудъ о южнославянскихъ монетахъ: «Opis jugoslavenskih novaca» (U Zagrebu 1875, 4⁰ XXVII. 235). Несмотря на многіе недосмотры трудъ этотъ принадлежитъ къ очень важнымъ явленіямъ въ области славянской нумизматики.

Дубровчане, обнявшіе ровной любовью какъ сербское движеніе, вызванное Вукомъ, такъ и иллирское подъ начальствомъ Гая, принадлежатъ къ рѣдкимъ явленіямъ южнославянскаго культурнаго подъема. Однимъ изъ такихъ былъ графъ Медо (Орсатъ) Пучичъ (Pucić, Pozza по итальянски, 1821—1882), извѣстный сербско-хорватскій поэтъ, литературный критикъ и издатель памятниковъ. Мы коснемся дѣятельности его только отчасти. Въ 1844 г. онъ напечаталъ въ Вѣнѣ книжку: «Slavjanska antologia iz rukopisah dubrovačkih pjesnikah. Knjiga pàrva (8⁰ IV. 195) — тексты изъ одиннадцати дубровницкихъ поэтовъ. Въ слѣдующемъ году онъ писалъ въ журналѣ «Zora Dalmatinska» о поэтѣ Джорджичѣ. Въ 1849 г. сообща съ Баномъ и Казначичемъ они затѣяли изданіе альманаха подъ названіемъ «Dubrovnik» (въ тѣ годы вышли три выпуска: «Dubrovnik cviet narodnoga književstva» I. U Dubrovniku MDCCCXLIX, мал. 8⁰ 307. II. Svezak drugi za godinu MDCCCL. U Zagrebu 1851. 8⁰ 258. III. Svezak treći za godinu MDCCCLI. Urednik Matija Ban. U Zagrebu 1852, 8⁰ 248). Въ этомъ изданіи Пучичъ напечаталъ въ I т. «Plandovanja Ivana Bunića Vučičevića», и собственный переводъ I книги «Одиссеи»; въ III т. Pěsme Marka Brujerovića и Zakoni ostrova Mlěta. Въ 1856 г. вышелъ одинъ выпускъ исторіи Дубровника: «Povjestnica Dubrovnika», собственно сокращенный переводъ изъ Рести, а въ «Osservatore Dalmato» онъ напечаталъ нѣсколько извѣстій о сербско-хорватскихъ колоніяхъ южной Италіи по даннымъ профессора Рубертиса. Въ слѣдующемъ году (1858), подражая итальянскому обычаю, онъ издалъ по поводу вѣнчанія родной сестры, отрывокъ своего перевода изъ Платонова Сим-

посіона. Въ Бѣлградѣ напечатаны иждивеніемъ сербскаго правительства «Споменици сръбски од 1395 до 1423. Писма писана од републике дубровачке... преписао с дубровачке архиве кнез Медо Пуцић (у Београду 1858, 4° XXXVII. 178. XXXI). Второй томъ: Споменици српски. Преписао из дубровачке архиве кн. М. П., књига друга (у Биограду 1862, 4° 178). О значеніи его поэтическихъ произведеній см. критическій разборъ д-ра Фр. Марковича въ LXVII кн. Rad-а (1883, стр. 125—206).

Для православнаго народонаселенія Далмаціи достойны признанія заслуги Божидара Петрановича, уроженца страны (1809—1874), который въ 1836 году началъ издавать «Любитель просвѣштенія. Србско-далматинскій алманахъ» (за 1836 и 1837 г. подъ этимъ заглавіемъ, потомъ начиная съ 1838 г. подъ заглавіемъ: «Србско-далматинскій магазинъ»), по одной книжечкѣ ежегодно, только съ VII-ой книги (за 1842 годъ) редакція изданія перешла въ руки Георгія Николаевича. Петрановичъ велъ дѣло при скромныхъ средствахъ очень умѣло, стараясь познакомить читателей посредствомъ просто и вразумительно написанныхъ статей съ исторической и культурной жизнью прошедшихъ столѣтій сербскаго народа; онъ не покинулъ этого своего органа и послѣ того, когда сдалъ редакцію его въ другія руки (подробности въ некрологѣ написанномъ Рачкимъ въ Rad-ѣ кн. XXX, 183—187). Онъ участвовалъ статьями въ пользу своей родной страны также въ итальянскихъ и нѣмецкихъ журналахъ. Послѣ 1848 года австрійское правительство пригласило и его въ Вѣну для разработки юридической сербско-хорватской терминологіи (рядомъ съ Вукомъ, Ив. Мажураничемъ, Ст. Царомъ, Дм. Деметромъ), кромѣ того онъ получилъ порученіе перевести гражданскій законникъ на сербскій языкъ, о чемъ и написалъ брошюру: «О аустрійскомъ грађанскомъ законику и о србскомъ преводу истога» (У Бечу 1850, 8° IV. 47). Его заслугой надо признать, что въ 1848 году былъ поднятъ вопросъ объ основаніи Матицы Далматинской, по примѣру Матицы иллирской въ Загребѣ (подробности въ книжечкѣ: Matica Dalmatinska. Dio I. Osnutak i rad do izdanja Narodnih pjesama 1865. Napisao Prof. P. Karlić. U Zadru 1907, 8° 43). Когда эта идея осуществилась въ 1862 г., Петрановичъ былъ избранъ первымъ предсѣдателемъ Матицы далматинской. Еще раньше онъ, желая помочь развитію сербско-хорватскаго языка для потребностей судебно-юридическихъ, присоединился къ кружку патріотовъ, порѣшившихъ издавать юридическій журналъ «Pravdonoša» (1851 г.), но это очень хорошее предпріятіе не могло удержаться, въ 1852 г. журналъ прекратилъ свое существованіе. Австрійское правительство того времени преслѣдовало въ Хорватіи цѣли германизаторскія, въ Далмаціи же подавляло народный языкъ итальянщиной. Любовь Петрановича къ изученію литературъ проявилась въ его сочиненіи, въ которое, если бы оно продолжалось, вошла бы также исторія сербской и прочихъ славянскихъ литературъ, на дѣлѣ же вышла въ 1858 году только первая часть: «Исторія књижевности поглавитихъ по свѣту народа одъ найстаріихъ времена до садашнѣга века» (У Новомъ Саду 1858, 8° VI. 340), въ которой излагаются древнія восточныя и классическія литературы и древнѣйшій періодъ христіанской. Культурно-церковный вопросъ о богомилахъ, занимающій столь важное мѣсто въ исторіи сербовъ и хорватовъ, далъ Петрановичу поводъ написать особенное сочиненіе: «Богомилна Цркква босанска и крьстяни. Историчка расправа» (У Задру 1867, 8° 180), которое имѣло свое значеніе, пока не затмили его изслѣдованія Рачкаго. Въ качествѣ члена юго-славянской академіи онъ на-

писалъ нѣсколько статей по исторіи сербскаго права (въ Rad-ѣ кн. VI. XVI. XXIII. XXX).

Братъ его Герасимъ (1820—1906) былъ духовный писатель, но издавалъ также нѣкоторое время «Србско-далматинскій магазинъ» (1862—1868). Третій братъ Боголюбъ († 1887) учительствовалъ въ Босніи и занимался описаніемъ сртаны, быта народа и собираніемъ памятниковъ народной поэзіи. Въ «Гласникѣ српског ученог друштва» т. XXVIII—XXX (за гг. 1870—1871) онъ напечаталъ «Обичаји српског народа у Босни» (три статьи). Ему же, какъ мнѣ когда-то передавали, принадлежитъ анонимно изданное описаніе Босніи и Герцеговины, подъ заглавіемъ: Из «Описа Босне и Херцеговине» од једног родољуба (въ Гласникѣ т. XX. XXI. XXII, 1866—1868). Какъ собиратель памятниковъ народной поэзіи, онъ напечаталъ въ Сараевѣ въ 1867 г. «Српске народне пјесме из Босне (женске). Скупио их и на свијет издао јеромонах Богољуб Петрановић учитељ. Књига прва» (У Сарајеву 1867, мал. 8° XXIII. 362). Въ томъ же году вышло въ Бѣлградѣ изданіе эпическихъ пѣсенъ древнѣйшаго періода: «Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине. Скупио Богољуб Петрановић» (У Биограду 1887, 8° XXVIII. 700). Слишкомъ, быть можетъ, строгій отзывъ объ этомъ изданіи, написанный мною во II книгѣ Rad-а, имѣлъ то неблагопріятное послѣдствіе для собирателя, что «Српско учено друштво» не согласилось напечатать второго тома, и онъ былъ принужденъ выпустить его въ свѣтъ по подпискѣ какъ третью книгу, подъ тѣмъ же заглавіемъ (У Биограду 1870, 8° XVI. 653. XIII). Предостереженіе мое было, конечно, оправдано, но я не ожидалъ тогда такихъ послѣдствій для издателя, котораго впрочемъ большое число подписчиковъ вознаградило за отказъ со стороны «Друштва». (Боголюбъ Петрановичъ скончался въ 1887 г.).

Возвращаясь въ Далмацію, упомянемъ словомъ Антона Казначича и его сына Ивана Августа (1817—1883): первый занимался поэзіею, второй также исторіею литературы. Онъ сталъ очень рано сообща съ Пуцичемъ въ итальянскомъ журналѣ «La Favilla (1842—1844) помѣщать статейки о славянской народной поэзіи и славянскихъ литературахъ (подробнѣе у Валентинелли), а съ основанія беллетристическаго журнала «Zora Dalmatinska» (въ 1844 г.) примкнулъ къ кружку сотрудниковъ этого перваго славянскаго журнала посвященнаго изящной литературѣ въ Далмаціи, въ 1845 г. былъ даже редакторомъ журнала. Въ альманахѣ «Dubrovnik» I. (1849) помѣстилъ нѣсколько стиховъ, точно такъ же въ новой серіи «Dubrovnika» за годъ 1867 (U Spljetu 1866), за годъ 1868 (U Dubrovniku 1868), за годъ 1870 (U Dubrovniku 1871): здѣсь онъ напечаталъ переводы изъ греческой антологіи дубровницкаго поэта Гиджи (Hidža) и двѣ народныя пѣсни, одну также въ «Niz bisera jugoslavjanskoga» (U Zagrebu 1863). Интересъ къ народной поэзіи заставилъ его еще въ 1851 г., въ изданіи напечатанномъ съ благотворительною цѣлью по-итальянски и по-славянски (Dei canti popolari degli Slavi meridionali: O narodniem piesnama jugoslavenskiem. Ragusa 1851, 8° 81) помѣстить статейку «Sui canti ragosei». Онъ принялъ участіе въ очень полезномъ изданіи каталога «Biblioteca di fra Innozenzo Ciulich nella libreria de RR. PP. Francescani di Ragusa (Zara 1860, 8° V. 427), перевелъ маленькую грамматику иллирскаго языка Бабукича на итальянскій языкъ (Fondamenti della grammatica illirica, она часто выходила напр. въ 1860 г. третье изд.), и исторію Черной Горы Милаковича (Storia del Montenero del Cavaliere Demetrio Milaković. Ragusa 1877, 8° XI. 244). И въ

академическомъ изданіи «Stari pisci hrvatski» принадлежитъ ему въ IV томѣ изданіе стихотворенія «Pelegrin» (81—196), съ краткою біографіею Мавра Ветранича (I—IV). Краткій отзывъ о немъ см. въ Giovanni Augusto Kaznačić. Cenni biografici (Ragusa 1883, 8⁰ 21).

Матія Банъ (1818 † 1903), происхожденіемъ тоже дубровчанинъ, извѣстный поэтъ (лирическій и драматическій), посвящалъ свои досуги различнымъ вопросамъ литературной критики, исторіи литературы и даже филологіи; его публицистическую дѣятельность оставляемъ въ сторонѣ. Съ молодыхъ лѣтъ его тянуло на востокъ, онъ проживалъ долгое время въ Константинополѣ и Малой Азіи, предпринималъ потомъ изъ Сербіи различныя порученія политическаго характера, состоялъ наконецъ въ Бѣлградѣ нѣкоторое время преподавателемъ французскаго яз. въ лицеѣ и долгое время въ министерствѣ начальникомъ отдѣленія по дѣламъ печати. Въ Дубровникѣ въ 1849—1852 гг. ему была поручена редакція альманаха «Dubrovnik», гдѣ онъ напечаталъ « Zèrcalo poviestnice dubrovačke» (I. 123—159, II. 61—97, III. 61—76), потомъ (переводъ съ итальянскаго): «Životopisje znamenitih dubrovčana'» (II. 101 — 113, III. 79—100). Въ III книжкѣ онъ написалъ нѣчто въ родѣ автокритики: «Književno razsudjivanje Matije Bana» о своей драмѣ «Мейрима» (первое изд. 1851 г.), которая вызвала критику Вебера и новую полемику съ нимъ М. Бана. Сообразно съ мечтаніями тогдашняго времени, пришло и М. Бану въ голову предложить планъ сближенія сербско-хорватскаго съ общеславянскимъ языкомъ: «Osnova sveslavjanskoga jezika» называется статья, выпущенная имъ въ свѣтъ въ альманахѣ «Dubrovnik» (I. 263—307, II. 133—173). Дѣло шло собственно только о попыткѣ сближенія языковъ сербскаго, русскаго и церковно-славянскаго, не только въ формахъ, но и въ синтактическихъ оборотахъ (напр. писать pepel вм. серб. pepeo, udaren munjom вм. udaren od munje и т. д.). На практикѣ это стремленіе суживалось для сербскаго языка въ требованіе одного литературнаго нарѣчія на основаніи южнаго говора (сл. объ этомъ его разумныя мысли въ введеніи въ Различне пѣсне Матіе Бана дубровчанина I. У Београду 1853). Въ свои старые годы онъ напечаталъ въ «Гласѣ» сербской Академіи вып. IV: «О Ивану Гундулићу» (1888), вып. XXV: «Драмски назори» (1891), здѣсь онъ даетъ эстетическія объясненія къ своимъ драматическимъ произведеніямъ, отчасти полемизируя съ Милованомъ Іовановичемъ (въ Гласѣ № XVIII); вып. XXXVIII «Назори цјеснички по свима струкама сем драмске» (1893). О М. Банѣ писалъ: F. Pjerotić Sulla vita e sulle opere di Mattia Ban (Zara 1881, 8⁰ 38) и M. F. (Fabris) въ календарѣ «Dubrovnik» V (за 1901 г., стр. 147—154); самый обширный отзывъ о его совокупной дѣятельности теперь въ 21 книжкѣ акад. альманаха «Ljetopis jugoslavenske Akademije za godinu 1906»: «U spomen Matije Bana Dubrovčanina, napisala Kamila Lucerna» (стр. 120—168). О М. Банѣ имѣется еще отзывъ въ журналѣ «Српски књижевни Гласник» 1903 г. отъ Павла Поповича, но какъ критикъ и эстетикъ онъ оцѣненъ по достоинству только теперь г-жею Луцерной.

Георгій Малетичъ (1816—1888), родомъ изъ Баната въ Венгріи, переѣхалъ рано въ Сербію (1838), состоялъ здѣсь на службѣ въ различныхъ вѣдомствахъ, наконецъ въ Бѣлградской гимназіи преподавателемъ и потомъ директоромъ. Помимо его поэтическихъ произведеній обращали въ свое время на себя вниманіе его попытки критическія въ области эстетики и сербской литературы. Такъ онъ написалъ эстетическій анализъ народной пѣсни «Страхинићъ

банъ» (Гласникъ, кн. 18), критики на различныя поэтическія произведенія, напр. о «Кралѣ Дечанскомъ» Субботича (1846), объ одной драмѣ Телецкаго (Гл. 22) о драмѣ «Сеоба Србаља» Якшича (1863, Видов дан № 62—70). Отдѣльно вышли «Примери поэтически састава» (1851), Теорія поезіе (1854, новое изданіе 1869), Риторика (1855—6 двѣ части). Едва ли не самое важное сочиненіе его относится къ исторіи сербскаго театра: «Грађа за историју српског народног позоришта у Београду» (Београд 1884, 8⁰ IV. 1044). Сл. о немъ нѣсколько словъ въ журналѣ «Летопис Матице Српске» (кн. 154, 142—147). Когда въ 1883 году «Српско Учено Друштво» чествовало пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности Малетича и Бана (сл. отчетъ въ LXV томѣ сербскаго Гласника), юбиляры принадлежали уже къ полузабытымъ.

И въ Босніи, несмотря на гнетъ турецкаго господства, стали въ девятнадцатомъ столѣтіи являться первые проблески стремленій къ народному просвѣщенію. Сербы православнаго вѣроисповѣданія примыкали къ Сербіи и Черногорію (напр. Сима Милутиновичъ), католики, почти исключительно члены францисканскаго ордена, обращали свои взоры на Загребъ. Въ числѣ послѣднихъ выше всѣхъ стоялъ Иванъ, по орденскому названію Францъ, Юкичъ, родомъ изъ Банялуки (1818—1857), одушевленный приверженецъ иллиризма, всей душою преданный дѣлу просвѣщенія своей родины, которую онъ объѣхалъ вдоль и поперекъ нѣсколько разъ. Получивъ дома скромное орденское образованіе (въ Фойницѣ), онъ продолжалъ науки въ южныхъ странахъ Австріи (въ Загребѣ, Веспримѣ, Дубровникѣ, отчасти и Римѣ). Много пришлось ему страдать за свой славянскій патріотизмъ, при чемъ замѣтна нѣкоторая оплошность и съ его стороны, но онъ успѣлъ все-таки въ пользу своей родины написать нѣсколько хорошихъ книжекъ преимущественно географическаго и этнографическаго содержанія. Въ литературѣ онъ любилъ являться подъ псевдонимомъ Slavoljub Banjalučanin или Slavoljub Bošnjak. Сперва онъ посылалъ маленькія статьи относившіяся къ Босніи въ «Далматинскій Магазинъ» (1841) и въ «Србскій Народный Листъ» (1842). Потомъ участвовалъ въ органѣ Ст. Враза «Kolo», гдѣ изъ его рукописнаго, неизданнаго сочиненія «Plandovanja zabavna» напечатаны въ вып. IV (1847): «Carigradski derviš» и въ вып. VI (1847) «Dram jezika». Въ 1851 г. вышла подъ названіемъ «Slavoljuba Bošnjaka» полезная для своего времени книжечка «Zemljopis i poviestnica Bosne» (8⁰ XII. 164). Желаніе имѣть для католической Босніи особый литературный органъ, вызвало изданіе очень хорошаго не то журнала не то альманаха подъ заглавіемъ «Bosanski Prijatelj. Časopis sadèržavajući potriebite koristne i zabavne stvari» Svezak I (U Zagrebu 1850, 8⁰ IV. 138). Svezak II (U Zagrebu 1851, 8⁰ VI. 198). Svezak III (U Zagrebu 1861, 8⁰ VI. 208), на всѣхъ трехъ книжкахъ значится I. F. Jukić Banjalučanin какъ редакторъ, хотя третій выпускъ вышелъ уже послѣ смерти Юкича. Съ четвертымъ выпускомъ, изданнымъ въ 1870 г. въ Сискѣ (8⁰ II. 192), это полезное изданіе прекратилось. Въ духѣ тогдашняго времени было собирать произведенія народнаго творчества. Недосягаемымъ образцомъ для всѣхъ сталъ Вукъ Караджичъ. И Юкичъ подражалъ этому примѣру, еще въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ сдѣлалъ объ этомъ намѣреніи печатное объявленіе, но на дѣлѣ вышло его собраніе только послѣ его смерти: «Narodne piesme bosanske i hercegovačke, skupio Ivan Franjo Jukić Banjolučanin i Ljubomir Hercegovac (fr. Gr. Martić), izdao O. Filip Kunić Kuprješanin. Svezak pèrvi. Piesme junačke» (U Osieku 1858, 8⁰ XVI. 621). Къ сожалѣнію это по содержанію

очень богатое и замѣчательное собраніе въ отношеніе языка вышло не совсѣмъ удовлетворительнымъ. Издатели считали позволительнымъ сглаживать діалектическія черты языка. О Юкичѣ написалъ хорошій этюдъ Тугомиръ Алауповичъ (Ivan Franjo Jukić. Napisao Tugomir Alaupović. Sarajevo 1907, больш. 8⁰ 63, отд. отт. изъ двадцать перваго Izvještaja velike gimnazije u Sarajevu), та же статья еще въ Сараевскомъ педагогическомъ журналѣ «Школски вјесник» (1907, стр. 318—344).

Мы уже вспомнили имя Субботича (1817—1886) выше (стр. 400), но хотя онъ въ исторіи сербской литературы слыветъ главнымъ образомъ какъ поэтъ, все же и въ исторіи слав. филологіи нѣкоторыя стороны его литературной дѣятельности заслуживаютъ упоминанія, о чемъ отчасти уже говорилось. Припомнимъ еще его «Науку о србскомъ стихотворенію», изданную въ Будимѣ 1845 (8⁰ 160), потомъ въ Летописѣ кн. 62: О хексаметру рускомъ и сербскомъ, кн. 63 «О нашемъ народномъ стиху» и въ кн. 64—66: «О метрики народни сербски песама», а также его участіе въ составленіи хрестоматіи для сербскихъ гимназій, подъ заглавіемъ: «Цвѣтникъ србске словесности» (два тома, 1853). Въ связи съ этимъ вышелъ выпускъ «Spomenici stare jugoslavenske književnosti složeni po dru J. Subbotiću» (U Beču 1853, 8⁰ 58), выборка изъ сербскихъ грамотъ, житій и лѣтописей. На нѣмецкомъ языкѣ онъ написалъ книжку «Einige Grundzüge aus der Geschichte der serbischen Literatur» (Wien 1850). Объ исторіи литературы онъ много разсуждалъ въ «Летописѣ» подъ общимъ заглавіемъ: «Мисли о књижеству» (кн. 73—80, сл. кн. 86), переводилъ кое-что изъ иностранныхъ литературъ (напр., изъ Шафарика кн. 87 и 88), монографически разобранъ имъ «Тодор Павловић» въ кн. 114 и описанъ Сава Текелија (Живот Саве Текелије. У Будиму 1861, 8⁰ 73). Что у южно-славянскихъ писателей рѣдко случается, Субботичъ описалъ свою жизнь и свое время. Матица сербская напечатала это подъ заглавіемъ: «Живот д-ра Јована Суботића. Први део: Идила (У Новом Саду 1891, 8⁰ V. 158), други део: Пролеће (ib. 1902, 8⁰ VI. 179), трећи део: Лето» (ib. 1905, 8⁰ V. 226), первыя двѣ части подъ редакцією Т. Остоича, третья подъ ред. Радонича (окончаніе еще не вышло). Въ этихъ мемуарахъ разсказывается много интереснаго изъ литературной и культурно-политической жизни сербовъ и хорватовъ. Совокупная дѣятельность Субботича, этого виднаго представителя культурной жизни сербовъ въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія, еще не вполнѣ оцѣнена.

Словакъ по происхожденію, но по своей научной дѣятельности принадлежащій къ сербской литературѣ, Янко Шафарикъ (1814—1876), родился въ Венгріи, былъ племянникомъ знаменитаго П. І. Шафарика, у котораго и получилъ гимназическое образованіе въ Новомъ Садѣ, потомъ переѣхалъ въ Пресбургъ (1829—1832) и въ Пештъ для продолженія наукъ философско-юридическихъ, но наконецъ поступилъ на медицинскій факультетъ, который кончилъ въ Вѣнѣ въ 1838 году со степенью доктора медицины. И въ Пресбургѣ и въ Пештѣ и въ Вѣнѣ онъ завелъ знакомства съ выдающимися патріотами словацкими и чешскими (напр., съ Яномъ Колларомъ). Прежде чѣмъ онъ успѣлъ устроиться гдѣ-нибудь въ качествѣ практическаго врача, его потянуло въ Прагу для лучшаго ознакомленія съ славянскимъ движеніемъ. Въ Č. Č. M. и въ журналѣ Květy появились первыя его статьи вовсе не медицинскаго содержанія. Въ 1840 г. онъ поселился въ Новомъ Садѣ въ качествѣ городского врача и опять тотчасъ же принялъ участіе въ сербскомъ «Лѣтописѣ» переводами то съ чешскаго, то съ

*

русскаго языковъ. «Danica ilirska» за 1840 г. дала даже описаніе одной церковной глаголической книги отъ него. Въ 1843 г. сербское министерство пригласило его въ Сербію, онъ послѣдовалъ приглашенію, и съ тѣхъ поръ до конца жизни Сербія стала его второй родиной. Многостороннее приспособленіе его въ различныхъ областяхъ наукъ (естественныхъ, медицинскихъ, экономическихъ и историко-филологическихъ) подходило какъ разъ къ тогдашнимъ потребностямъ Сербіи. Но выше всего у него стояла идея славянской науки, заставившая его съ каѳедры физики переходить на исторію славянскихъ литературъ и древностей. Его стараніемъ былъ основанъ сербскій народный музей (1844 г.), въ которомъ съ тѣхъ поръ сосредоточивалась его главная дѣятельность, хотя профессорская служба его продолжалась до 1861 г. Не можемъ распространяться о его многосторонней дѣятельности въ области разныхъ вспомогательныхъ наукъ исторіи (археологіи, нумизматики и т. д.) — достаточно сослаться на біографическій очеркъ, написанный Ст. Новаковичемъ въ XLI-ой книгѣ Rad-a (Dr. Janko Šafarik, 1877, стр. 190—226), — укажемъ только на его многочисленныя изданія памятниковъ древне-сербской письменности, напр., грамотъ (Гласник II. IV. V. VI. IX. XV. XXIV. XXXV), надписей (Гл. V. VI. VII), лѣтописей (Гл. V), житій (Гл. XI. XVI. XXVII), типика (Гл. XX). Важны для своего времени его Описанія древне-сербскихъ монетъ въ Гласникѣ (I. III. V. VI. VII. VIII. IX). Онъ коснулся также сфрагистики (Гл. IX. 287—291) и геральдики (ib. 341—349). Для Гласника онъ перевелъ на сербскій языкъ (кн. II) извѣстное разсужденіе П. І. Шафарика «Rozkvět» и еще нѣсколько текстовъ (въ Гл. т. XVIII, XXVII).

Нѣчто въ родѣ даровитыхъ самоучекъ въ области этнографіи, т.-е., изученія быта сербскаго народа, представляютъ Вукъ Врчевичъ и Миланъ Миличевичъ. Оба они вышли, такъ сказать, изъ школы Вуковой, одушевляясь всѣми произведеніями народнаго творчества, которое они собирали, воспроизводили и объясняли. Врчевичъ (1811—1882), снабжавшій Вука фольклорскимъ матеріаломъ (напр., для Ковчежића), а также Богишича отвѣтами по обычному праву для изданія «Zbornik pravnih običaja u južnih Slovena (Knjiga prva. U Zagrebu 1874), издавалъ и самъ различные тексты простонароднаго содержанія, какъ, напр., въ 1857 г. въ Задрѣ: «Морално забавне и шаљиво-поучителне загонетке» (этого изданія Новаковичъ не препоминаетъ въ своемъ сборникѣ загадокъ должно быть потому, что здѣсь Врчевичъ далъ загадкамъ свою поэтическую форму, т.-е., не представилъ ихъ въ оригинальной формѣ), въ 1866 г. «Мале женске херцеговачке пјесме» (у Бечу), въ Бѣлградѣ 1868: «Српске народне приповијетке, понајвише кратке и шаљиве», и «Српске народне игре» (ib.); далѣе «Низ српских проповиједака» (Панчево 1883), «Narodne satirično zanimljive podrugačice» (U Dubrovniku 1883), «Narodne basne» (1881, второе изд. 1892), Mudri Ćoso (ib.), «Narodne humoristične gatalice i varalice» (U Dubrovniku 1884, второе изд. 1894), «Народне проповијести и пресуде из живота по Боки, Херцеговини и Црној гори» (1890), и какъ свое описаніе «Три главне народне свечаности: божић, крсно име и свадба» (Панчево 1883). Кромѣ того, онъ писалъ въ альманахѣ «Dubrovnik» за 1874 о владыкѣ черногорскомъ Петрѣ Петровичѣ Нѣгошѣ. Разсказываютъ, что у Врчевича, умѣвшаго ловко поддѣлываться подъ народную форму, кое-что прибавлено лично отъ себя или по печатнымъ источникамъ иностранныхъ литературъ, такъ что нельзя во всемъ на него положиться.

Несравненно выше и надежнѣе стоитъ дѣятельность Милана Миличевича

(1831—1908). Приготовившись къ званію учителя, онъ вскорѣ обнаружилъ столько способностей какъ педагогическій писатель и какъ наблюдатель народной жизни, что сочиненія его сдѣлались очень драгоцѣннымъ вкладомъ въ сербскую литературу по этнографіи. Кромѣ большого числа прекрасно написанныхъ разсказовъ, отчасти анекдотическаго свойства, упоминанія достойны его статьи: «Живот Срба сељака» (въ Гласникѣ кн. XXII. 1867, XXXVII. 1873, XLV. 1877, новымъ изданіемъ вышло какъ I томъ акад. органа «Етнографски Зборник» 1894). Въ эту область входятъ еще «Преглед задружног стања Срба сељака» (въ Гласникѣ т. IX), потомъ «Задружна кућа на селу» (въ Годишњицѣ т. XVIII. 1898), «Славе у Срба» (тамъ же т. I. 1877). Самый капитальный трудъ его относится къ всестороннему, очень живописному описанію Сербіи въ двухъ томахъ: «Кнежевина Србија» (1876, 8⁰ XXIV. 1253) и «Краљевина Србија» (1884, 8⁰ 483). Трудъ этотъ доставилъ Миличевичу общее признаніе въ славянскомъ ученомъ мірѣ. Какъ справочная книга очень большую услугу оказываетъ также его изданіе въ пяти выпускахъ съ однимъ дополненіемъ: «Поменик знаменитих људи у српскога народа новијега доба» (У Београду 1888, 8⁰ 874) и «Додатак Поменику од 1888. Знаменити људи у српскога народа који су преминули до краја 1900 г.» (У Београду 1901. 8⁰ 198). Миличевичъ состоялъ членомъ сербской академіи и предсѣдателемъ комитета завѣдывающаго фондомъ Чупича, гдѣ дѣятельность его въ изданіи «Годишњицы» была выдающаяся: онъ участвовалъ почти въ каждой книжкѣ чѣмъ нибудь (въ кн. 1, 2, 4, 5, 7, 14, 15—20, 22, 24).

Оригинальнымъ типомъ духовнаго лица, владѣвшаго мечомъ и перомъ, былъ архимандритъ Никифоръ Дучичъ (1832—1900), родомъ изъ Герцеговины, принимавшій участіе въ возстаніи своей родины противъ турокъ и въ войнѣ черногорско-турецкой (1861—1862), послѣ неудачи которой онъ перебрался сначала въ Черногорію, потомъ въ Сербію, гдѣ тоже участвовалъ въ войнѣ (1876—1877), потомъ же старался вознаградить перомъ то, чего нельзя было совершить мечомъ, т. е. послужить просвѣщенію сербскаго народа посильными розысканіями въ области сербской исторіи, географіи, этнографіи и древней письменности. Несмотря на неудовлетворительное образованіе, полученное имъ въ молодости, которое онъ старался расширять потомъ усерднымъ самоученіемъ и слушаніемъ лекцій въ Парижѣ и Бѣлградѣ, изъ большого числа статей имъ написанныхъ иныя заслуживаютъ признанія. Дучичъ любилъ заниматься литературой, пописывать о томъ, что самъ видѣлъ и гдѣ самъ участвовалъ, онъ же самъ позаботился и о собраніи своихъ сочиненій, которое вышло, кажется, въ девяти книжкахъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Књижевни радови Ниħифора Дучиħа архимандрита» (въ Бѣлградѣ между 1891 и 1899 въ 16-ю долю, у меня 7-й и 8-й книжки нѣтъ). Въ I книжкѣ имѣется описаніе нѣсколькихъ герцеговинскихъ и черногорскихъ монастырей, а также нѣсколько критическихъ статей; во II книжкѣ опять нѣсколько историко-географическихъ статей и нѣсколько отзывовъ о различныхъ сочиненіяхъ; III книжка посвящена Черногоріи, IV книжка содержитъ монографію о Хиландарскомъ монастырѣ и сербскихъ въ немъ древностяхъ, даетъ анализъ Житомишлицкаго хронографа и описаніе Морачской кормчей (съ выписками текстовъ, цѣликомъ: градскій законъ), кн. V и IX содержатъ статьи по церковной исторіи, прочія разсказываютъ о современныхъ событіяхъ. Труды Дучича не имѣютъ большого значенія, гдѣ дѣло идетъ о критическихъ изслѣдова-

ніяхъ, но географическое описаніе отдѣльныхъ мѣстностей, разсказы о событіяхъ, которымъ онъ самъ былъ свидѣтелемъ, могутъ быть приняты вообще какъ точныя.

Дѣятельность Дучича заставляетъ вспомнить усердное участіе русскаго консула И. С. Ястребова въ разсказахъ изъ исторіи судебъ сербскаго народа, подвластнаго Турціи, въ видѣ многочисленныхъ статей, появившихся въ Бѣлградскомъ «Гласникѣ». Ихъ перечень данъ въ 67 т. Гласника. Славянской филологіи касается ближе всего его два раза изданное сочиненіе: «Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ (въ Призрѣнѣ, Ипекѣ, Моравѣ и Дибрѣ). Изъ путевыхъ записокъ И. С. Ястребова» (СПб. 1886, 8⁰ VII. 498; второе изданіе. СПб. 1889, 8⁰ XXIV. 626). Это изданіе, трудъ благороднаго дилетанта, вызвало большую полемику, въ особенности со стороны болгаръ, оспаривавшихъ сербофильское направленіе автора. Тексты, представленные Ястребовымъ какъ произведенія простонароднаго творчества, не отличаются, правда, діалектологической точностью въ передачѣ всѣхъ оттѣнковъ говора, но изданіе все-таки очень драгоцѣнный вкладъ въ этнографію Старой Сербіи.

Изъ числа молодого поколѣнія сербскихъ ученыхъ выдавался въ области историко-литературныхъ изслѣдованій Светиславъ Н. Вуловичъ (1847—1897), бывшій подъ конецъ своей кратковременной жизни профессоромъ сербской «Великой Школы» въ Бѣлградѣ, хотя по воспитанію и даже университетскому образованію числился юристомъ. Его тянуло къ сербской литературѣ, онъ любилъ разсуждать о теоріи словесности, писать разборы о книгахъ и о театрѣ (въ Вилѣ, Зорѣ, Истокѣ, Отаџбинѣ); напримѣръ, въ 1879 г. вышла его книжка «Из позоришта», заключающая въ себѣ его театральныя критики. Изъ поэтовъ сербскихъ онъ разбиралъ подробнѣе Г. Якшича (въ «Отаџбинѣ» 1875 и въ Годишњицѣ кн. IV, 1880), П. П. Његуша (въ Годишњицѣ I, 1877, VII, 1884), Симу Милутиновича Сарайлію (ib. т. II, сл. еще въ «Јаворѣ» 1879 г. этюдъ о Његушѣ и Милутиновичѣ) и въ особенности Бранка Радичевича, которому онъ посвятилъ довольно обширное изслѣдованіе въ XIII и XIV книжкахъ академическаго «Гласа» (1889): «Бранко Радичевић, прилог историји нове српске књижевности» (I, стр. 1—100, II, стр. 1—198). Это одинъ изъ лучшихъ критико-эстетическихъ разборовъ въ новой сербской литературѣ. Онъ же слѣдилъ своими критическими отзывами за произведеніями иностранныхъ литературъ, насколько они касались Сербіи; напримѣръ, въ «Отаџбинѣ» 1881 г. разобрано сочиненіе Кулаковскаго о Вукѣ Караджичѣ, въ «Самоуправѣ» 1886 г. появилась его критика на нѣмецкій переводъ Кирсте. Для исторіи сербской народной поэзіи любопытна его статья: «Прилог познавању садашњег стања усмене српске поезије» (Годишњица VII, 1884, 334—365). Для древней сербской литературы укажемъ на его критическое изложеніе «Из старе срп. књижевности» (ib. 87—135), въ которомъ онъ засвидѣтельствовалъ много остроумія, если и не во всемъ можно съ нимъ согласиться. Въ XLIII кн. «Гласа» имъ же напечатаны (въ 1894 г.) «Белешке о архиепископу Никодиму». Иногда изслѣдованія касались языка, напримѣръ, въ Годишњицѣ кн. VI онъ разбиралъ значенія прилагательнаго «рујно» (sc. вино), нѣсколько такихъ вопросовъ содержитъ статья «Белешке и белешчице језичне, литерарне, историчне, фолклористичне» (въ Годишњицѣ кн. XIV, 1894, стр. 239—297). Сл. еще «Приложак српској синтакси» (Београд 1887, 8⁰ 22). Послѣ смерти его вышло въ XXXVII томѣ «Споменика» сербской академіи его описаніе слав. рукописей софійской

библіотеки (4^0, 1—48). Нѣсколько словъ о Вуловичѣ сказано въ Годишњицѣ, кн. XVIII.

Изученіе классической филологіи въ связи съ славянской поставилъ себѣ задачею хорватъ Миливой Шрепель (1862—1905), по дѣду и отцу происхожденіемъ изъ Баваріи, но отецъ его еще ребенкомъ пріѣхалъ въ Хорватію, въ городъ Карловацъ, женился на хорваткѣ и дѣти конечно похорватились. Кончивъ науки частію въ Карловцѣ, частію въ Загребѣ, въ университетѣ по философскому факультету, и получивъ степень доктора на основаніи диссертаціи: «Akcenat i metar junačkih narodnih pjesama» (отд. отт. изъ годового отчета Загребской гимназіи за 1885/6 г.), послѣ непродолжительной дѣятельности въ одномъ средне-учебномъ заведеніи, онъ занялъ (1888 г.) каѳедру латинской филологіи въ Загребскомъ университетѣ. Желаніе его со временемъ перейти на каѳедру сербско-хорватскаго языка и литературы, къ которой онъ питалъ особенную любовь, не состоялось по несогласію мадьяронскаго правительства. Такимъ образомъ, онъ долженъ былъ дать своимъ занятіямъ такое направленіе, чтобы оправдать ожиданія официальнаго положенія какъ профессора классической филологіи и угодить влеченію своего сердца изслѣдованіями то той, то другой стороны родной хорватской литературы. Дѣйствительно, нашелся такой предметъ. Это было изученіе южно-славянскихъ средневѣковыхъ латинистовъ и всего того, что съ этимъ стоитъ въ связи. Въ Rad-ѣ кн. 99 (1890 г.) онъ написалъ «Skup Marina Držića prema Plautovoj Aulularij. Prilog književnoj povjesti hrvatskoj» (стр. 185—237). Тамъ же кн. 108 (1892 г.): «O Patricijevoj poetici» (1—67); ib. кн. 114 (1893 г.): «O latinskoj poeziji Junija Restija (стр. 99—158); ib. кн. 118 (1894 г.): «Ivan Bolica Kotoranin, latinski pjesnik» (стр. 116—136); ib. кн. 124 (1895 г.): «Stay prema Lukreciju» (стр. 189—228); ib. кн. 127 (1896 г.): «O Gundulićevim Suzama sina razmetnoga» (стр. 102—110); ib. кн. 138 (1899 г.): «Humanist Šižgorić» (стр. 206—269); ib. кн. 102 (1890 г.): «Latinski izvor i ocjena Kašićeve gramatike» (стр. 172—201, сл. выше на стр. 47—49); ib. кн. 140 (1899 г.): «Hrvat prvi gramatik talijanskoga jezika» (стр. 1—16). Въ повременномъ изданіи «Građa za povijest književnosti hrvatske», напечатаны съ той же цѣлью въ кн. I (1897 г.): «Latinske pjesme Junija Palmotića» (стр. 10—38) и «Pjesni Junija Rastića» (ib. 56—65); ib. въ кн. II (1899 г.): «Jurja Sižgorića spis De situ Illyriae et civitate Sibenici a. 1487» (стр. 1—12), «Marulićeve latinske pjesme» (стр. 13—42, «O Marulićevim latinskim pjesmama» имѣется статья его въ журналѣ «Nastavni Vjesnik», кн. VII, 1899 г., стр. 346—355), въ кн. III (1901 г.): «Marulićevo djelo De ultimo Christi iudicio» (стр. 71—119), ib. кн. IV (1904 г.): «Prvo pjevanje Davideide» (стр. 186—215).

Отдавъ этими изслѣдованіями и изданіями долгъ классицизму въ видѣ изученія средневѣковыхъ латинистовъ Далмаціи и Хорватіи, онъ могъ все прочее время посвящать сербско-хорватской и прочимъ славянскимъ литературамъ, обогащая свою родную, то популярно написанными статьями, то переводами и рефератами. Первые труды его этого рода печатались въ беллетристическомъ журналѣ «Vienac», перечень ихъ (съ 1882 по 1903 гг.), сдѣланъ профессоромъ А. Мусичемъ въ некрологѣ д-ра Миливоя Шрепеля, напечатанномъ въ 20 выпускѣ (1906 г.) акад. альманаха «Ljetopis jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti za godinu 1905» (на стр. 87—97): укажемъ между прочимъ на переводъ Герценова романа «Кто виноватъ» (въ 1886 г.), есть также переводы изъ Тургенева и Толстого, Данилевскаго и др., имѣются эскизы біо-

графическіе (о словенцѣ Кочеварѣ 1883, о Гончаровѣ 1885, о Вразѣ какъ отцѣ хорватской критики 1888, о Герценѣ 1888, о Гаршинѣ ib. и 1891, о Прерадовичѣ 1889, о Водопичѣ 1893, о Лопашичѣ ib., о Янѣ Колларѣ и его сношеніяхъ съ хорватами 1893, и др.). Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ принималъ живое участіе въ изданіяхъ «Матицы Хорватской», онъ приготовилъ къ печати въ 1890 году изданіе «Petar Preradović. Izabrane pjesme. Uvod napisao M. Šrepel», въ 1891 г. въ первой книжкѣ «Slike iz svjetske književnosti» онъ помѣстилъ біографіи знаменитѣйшихъ поэтовъ XIX-го столѣтія (между ними Байрона, Мицкевича, Пушкина и Коллара); вторая книжка (1894 г.) посвящена исключительно русскимъ писателямъ, шестая книжка (1899 г.) содержитъ его же повѣствованіе о возрожденіи Италіи XV—XVI стол., въ 1893—5 гг. вышли подъ его редакціею «Mirko Bogović. Pjesnička djela» въ трехъ книжкахъ (съ біографическимъ введеніемъ его же), въ 1898 г. «Antun Nemčić. Izabrana djela. Uredio i uvod napisao Milivoj Šrepel». Когда приближался юбилей столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина, Шрепель отозвался на мое приглашеніе и написалъ для моего изданія «А. С. Пушкинъ въ южно-славянскихъ литературахъ. Сборникъ библіографическихъ и литературно-критическихъ статей» (СПб. 1901), статью «А. С. Пушкинъ въ хорватской литературѣ» (стр. 51—67), которая вышла въ 13-мъ вып. акад. «Ljetopis-a» на сербско-хорватскомъ языкѣ: «Puškin i hrvatska književnost» (о томъ же онъ написалъ двѣ статьи въ журналѣ «Vienac» за 1899 г.). Въ Rad-ѣ онъ сообщилъ въ кн. 146 (1901 г.) «O Maruliću» (стр. 154—220) и въ кн. 148 (1902 г.): «Sigetski junak u povjesti hrvatskoga pjesništva» (стр. 81—173). Вышеупомянутое повременное изданіе «Građa», выходившее сначала подъ его редакціею, давало стараніемъ его очень много прекрасныхъ статей, освѣщающихъ культурную жизнь у хорватовъ въ теченіе послѣднихъ столѣтій, въ особенности 19-го. Редакція Энциклопедіи славянской филологіи надѣялась получить отъ него очеркъ хорватской литературы 19-го столѣтія. Къ сожалѣнію, преждевременная смерть прекратила много еще впереди обѣщавшую жизнь симпатичнаго труженика.

Къ замѣчательнѣйшимъ критикамъ новѣйшей сербской литературы принадлежалъ проф. Любомиръ Недичъ (род. около 1858 † 1902) съ солиднымъ философскимъ образованіемъ, но нѣсколько одностороннимъ направленіемъ въ оцѣнкѣ современной сербской литературы, въ которой онъ любилъ развѣнчивать и снимать съ пьедестала любимцевъ сербской публики (напр. Якшича, Змая-Іовановича, Любомира Ненадовича, Милана Миличевича). Критика его черезъ-чуръ субъективная и несправедливая, придирчивая, содержала все-таки для сербской литературы много поучительнаго, несмотря на протесты, вызванные его этюдами. Помимо многихъ по различнымъ журналамъ разбросанныхъ статей, которыя такъ и пропадутъ безслѣдно для подростающихъ поколѣній, если никому не придетъ въ голову собрать ихъ (Обозрѣніе важнѣйшаго дано въ «Летописѣ Матице српске» кн. 216, 1902 г., въ статьѣ Скерлича), отдѣльными книжками вышли въ 1893 г. «Из новије српске лирике, критичне студије» и въ 1901 г. «Новији српски писци. Критичне студије». У автора было развито также тонкое чутье для правильности сербскаго языка, доходящее даже до вопросовъ орѳографіи и интерпункціи, какъ показываютъ его статьи: «О правопису и интерпункцији. Предлог књижевно-уметничкој заједници поднесен 8 априла 1894 од д-ра Лубомира Недића» (Београд 1894, 8⁰ 29), или «Српски књижевни језик» (въ выходившемъ въ 1895 году подъ его же редакціею

«Српском Прегледѣ» № 1), «Српски стих» (ib. № 3), «Хрватизми у српском језику» (въ Мостарской «Зорѣ» 1900 г. сентябрь) и др.

Между болгарами до освобожденія не могло быть и рѣчи о литературной дѣятельности, развѣ только внѣ предѣловъ собственной Болгаріи, въ Константинополѣ, въ Россіи, въ Румыніи и, конечно, ближе всего въ Сербіи. Помимо тѣхъ борцовъ за народное просвѣщеніе путемъ учрежденія народныхъ школъ, о которыхъ упоминалось выше (на стр. 437—490), можно въ области болгарской литературы припомнить еще Георгія Стойкова Раковскаго (1818—1868), оригинальную личность, умѣвшую отстаивать болгарскіе интересы и перомъ и мечомъ. Получивъ воспитаніе въ Константинополѣ, въ Аѳинахъ и на Западѣ (въ Парижѣ), онъ велъ очень безпокойную, полную приключеній жизнь, въ немъ политическій агитаторъ и предводитель возстанцевъ смѣнялся писателемъ, редакторомъ политическихъ изданій и издателемъ литературно-ученыхъ сочиненій. Указавъ на данныя о его жизни въ Исторіи славянскихъ литературъ Пыпина и Спасовича (2-го изданія, т. I, 123—4), ограничимся ссылкою на труды его, претендовавшіе на научное изложеніе вопросовъ, касающихся болгарской жизни, исторіи и древностей. Такимъ былъ, прежде всего, его «Показалецъ или ржководство какъ да сѧ изисквѫть и издирѭть найстари чьрти нашего битиѧ, ѧзыка, народопоколѣниѩ, стараго ни правлениѧ, славнаго ни прошествиѧ и проч.» (Одесса 1859, 8⁰ XXIV, 144), вышла первая часть и только, но и этой достаточно, чтобы убѣдиться въ полной фантастической несостоятельности его взглядовъ. По его позднимъ отголоскамъ европейской романтики все сводилось къ «Хиндистану» и «самъскритскому и зендскому» языкамъ, съ которыми-де очень близокъ языкъ болгарскій. По плану предполагалось написать три части цѣлаго изслѣдованія, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, должно бы отражаться ближайшее родство народнаго быта болгаръ съ древнимъ бытомъ арійцевъ Азіи. Первая изданная часть занимается въ введеніи (стр. 1—26) вопросами, обращенными ко всѣмъ болгарамъ вообще, съ цѣлью вызвать интересъ къ собиранію этнографическихъ матеріаловъ. Надо отдать Раковскому справедливость, у него затронуто много сторонъ этой задачи; видно, что онъ былъ порядочно знакомъ съ стремленіями тогдашнихъ этнографическихъ предпріятій. Дожидаясь матеріаловъ по заданнымъ имъ вопросамъ, которые онъ не требовалъ прямо для себя, онъ ограничился описаніемъ современнаго народнаго быта, народныхъ обычаевъ въ обыденной жизни, включительно до совершенія брака. Въ этомъ описаніи много романтическихъ прикрасъ, но и много хорошаго сказано о домѣ, о земледѣліи съ необходимыми снарядами: тутъ говорится о «българоиндийскихъ колахъ» (т. е. повозкахъ), о садоводствѣ и т. п. Приготовленіями къ свадьбѣ и вѣнчаніемъ кончается разсказъ. Воспоминанія на Хиндистанъ были бы на очереди собственно во второй и третьей части, которыя такъ и не вышли, о чемъ не приходится жалѣть. Гораздо фантастичнѣе еще его «Българска Старина. Повремено списание издаваемо въ неѹпредѣлно врѣмѧ отъ Г. С. Раковскаго» (Букурештъ 1865, 4⁰ 206, II). Имѣлось и тутъ въ виду издавать по выпускамъ, но дальше этого перваго (книга пьрва — издание пьрво) не пошло. Когда авторъ уже помѣшался на производствѣ болгарскаго языка и болгарской жизни изъ «Хиндистана», не много усилій требовалось для того, чтобы доказать посредствомъ отчаяннѣйшаго словопроизводства по внѣшнему созвучію ближайшее родство между болгарскимъ языкомъ и бол-

гарскими обычаями и между санскритскимъ языкомъ и индійской миѳологіею. Напримѣръ, извѣстный новогодній обычай обихода съ «сурваками» (т. е. свѣжими, суровыми вѣтвями) Раковскій сближалъ съ Суръ-Сива богъ! «Сурава година» у болгаръ значитъ свѣжій, новый рокъ, какъ у хорватовъ «младо лѣто». Если это слово (сурваки) не славянское, такъ оно могло бы быть въ связи съ румынскимъ «sórcova» происхожденіе котораго отъ латинскаго surculus едва ли допустимо, но ничего индійскаго тутъ искать нельзя. Объ этимологіяхъ такого рода какъ πολεμεῖν и поломать не стоитъ распространяться. Но Раковскій занимался болгарскимъ языкомъ и помимо этого изданія. Его племянникъ (Киро Стояновъ) напечаталъ въ Одессѣ 1880 г. «Ключъ бьлгарскаго ѩзыка. Отъ Г. С. Раковскаго. Написанъ въ Букурештъ 1865, започнѫтъ же въ Одесѫ 1858» (Одесса 1880, 8⁰ 179, XII). Онъ самъ разсказываетъ въ предисловіи, что еще въ 1857 г., когда въ бытность свою въ Новомъ Садѣ былъ занятъ изданіемъ «Горскаго Пѫтникѫ», сталъ разсуждать о болгарскомъ языкѣ и доискиваться его древнѣйшаго состоянія путемъ сравненія, при чемъ имъ руководило невѣрное убѣжденіе о «голѣмо-то сродство, да не кажимъ почти единство съ нашъ българскы ѩзыкъ» санскритскаго языка. Въ дикое содержаніе этого жалкаго «Ключа» не стоитъ входить. Лучше во всякомъ случаѣ его въ 1860 году въ Бѣлградѣ изданная брошюра историческаго содержанія: «Нѣколко рѣчи о Асѣню Пьрвому»... Біографію Раковскаго разсказалъ Черню Поповъ въ книжкѣ: Черти отъ живота на Савва С. Раковски, наредилъ и издава Ч. П. Русе 1891, сл. въ Пер. Сп. кн. XLI—XLII (1893, стр. 999—1010).

Въ качествѣ сотрудника въ такихъ журналахъ какъ «Цариградски Вѣстникъ», въ «Български Книжици», въ «Читалище» и т. д., извѣстенъ Гавріилъ Крьстьовичъ (1820—1898), игравшій видную роль въ политической жизни болгаръ, гдѣ, наконецъ, былъ генералъ-губернаторомъ Румелiи (съ 1884 года). Хотя онъ занимался также вопросомъ о языкѣ (напримѣръ въ «Бълг. Книжицахъ» 1858, кн. 16 и кн. 20 — еще съ 1844 года — онъ напечаталъ: «Писма за нѣкои си мѫчности на българското правописаніе отъ Гавріила Крьстьовича»), все же главное значеніе онъ самъ придавалъ своимъ разысканіямъ въ области древнѣйшей болгарской исторіи: трудъ его «Історія българска подъ имя Унновъ» (Цариградъ 1871) прославилъ автора, какъ очень ученаго и начитаннаго, но въ то же время очень некритическаго изслѣдователя. Цѣль его ученаго труда была доказать, что болгаре потомки гунновъ.

Къ представителямъ стараго поколѣнія болгарскихъ ревнителей народнаго просвѣщенія надо причислить также Найдена Герова (1823—1900), который въ молодые годы былъ въ Одессѣ, потомъ учителемъ въ Копривштицѣ, основалъ болгарское училище въ Пловдивѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ въ бытность свою въ Петербургѣ, онъ напечаталъ въ Приложеніяхъ къ Извѣстіямъ начало болгарскаго словаря и нѣсколько болгарскихъ пѣсенъ. Любовь къ болгарскому языку не могла вознаградить недостатокъ филологическаго образованія. Въ родѣ русскаго Шишкова онъ отстаивалъ старину, въ особенности въ этимологическомъ правописаніи, вслѣдствіе чего произошло столкновеніе между нимъ и его школой (главнымъ представителемъ этого направленія былъ Іоакимъ Груевъ съ своею грамматикой 1858 года: «Основа за българскѫ граматикѫ») съ одной и Дриновымъ съ его приверженцами съ другой стороны (Сл. Брайл. Псп. II, 9—29: «За новобългарското азбуке» и въ «Читалище IV, 259—268 отвѣтъ Герова: «Учение отъ гна М. Дринова за новобългарскѫтѫ азбукѫ»).

Полемика продолжалась еще потомъ въ газетѣ «Марица». Геровъ остался до конца жизни вѣренъ своимъ консервативнымъ началамъ. Еще въ 1891 г. онъ написалъ этюдъ «Буквы ъ и ь въ старомъ церковно-славянскомъ языкѣ съ прибавленіями а) о буквѣ щ, б) о правописаніи народнаго имени «словѧнинъ» (сл. отзывъ Милетича въ Минист. Сборникѣ V, 51—62). Самымъ полезнымъ все-таки было его рѣшеніе привести къ концу свой давно начатый словарь болгарскаго языка, котораго три тома (до О) вышли подъ его редакціею, IV—V подъ редакціею Т. Панчева (1895—1904); словарь не соотвѣтствуетъ вполнѣ нынѣшнимъ потребностямъ (сл. отзывъ Дринова въ новыхъ акад. Извѣстіяхъ I. 1896 г.). Панчевъ издалъ въ 1908 г. «Допълнение» къ словарю.

Постоянно страдавшій за свои національно-либеральныя убѣжденія, и перебиравшійся въ качествѣ учителя съ мѣста на мѣсто, Петко Рачевъ Славейковъ (1827—1895) принадлежитъ къ выдающимся писателямъ возобновлявшейся Болгаріи до освобожденія и послѣ освобожденія, въ славянской же филологіи заслуживаетъ быть упомянутымъ не только какъ превосходный практическій знатокъ болгарскаго языка, а также какъ усердный собиратель народныхъ пѣсенъ и пословицъ. Онъ самъ разсказываетъ, хотя нѣсколько отрывисто, о томъ, какъ у него проснулась охота къ собиранію народныхъ пословицъ и поговорокъ («Български пословици» въ ПСп. I. 116—127, II. 120—131 и Еписодъ ib. XV. 329—344, XVI. 60—82). Его скитальческая жизнь помѣшала ему издать свои собранія, но по его словамъ, ими воспользовались другіе. Вышли, однако, наконецъ, двѣ части его «Български притчи» I. въ Пловдивѣ 1889, II. въ Софіи 1897. Изъ автобіографіи (напечатанной Л. Милетичемъ въ «Българскомъ Прѣгледѣ» 1895, годъ II, кн. IX), которую онъ вкратцѣ набросалъ въ 1884 г., видно живое участіе его въ различныхъ журналахъ, издававшихся то имъ, то другими. Онъ издавалъ «Гайда» (1864—1867) и «Македонія» (1866—1872), потомъ «Пчелица» (1871), «Ружица» (1871) и т. д., послѣ освобожденія «Цѣлокупна България», «Истина», «Правда». Стоитъ упомянуть, что въ «Македоніи» онъ допускалъ къ печатанію иногда болгарскія корреспонденціи греческими буквами. За либеральныя и сатирическія выходки приходилось ему выносить гоненія и тюремныя заключенія (въ особенности преслѣдовалъ его митрополитъ грекъ Неофитъ Търновскій). Даже съ освобожденіемъ Болгаріи не водворилось окончательное спокойствіе въ его жизни. Онъ былъ не только членомъ собранія и предводителемъ, а также министромъ народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и т. д. Въ промежутокъ 1882—1883 г., когда опять пришлось ему покидать Болгарію, онъ состоялъ учителемъ въ Пловдивѣ и напечаталъ въ журналѣ «Наука» между прочими статьями: «Рупското или Рупаланското българско населеніе и нарѣчіе». Въ Пер. сп. кн. IX (1884) онъ написалъ: «Нѣколко думи за Шопитѣ» (стр. 106—124), а въ кн. XIV (1885) вышла имъ написанная краткая біографія извѣстнаго когда-то даскала «Райно Поповичъ» (стр. 296—301), о которомъ см. выше на стр. 446; въ министерскомъ Сборникѣ (т. XII, стр. 383—399) такая же о Неофитѣ Бозвели (сл. выше на стр. 446—7). О Славейковѣ имѣется въ «Знаме» № 88—91, 1895 г. «Кратко животописание на покойния народенъ борецъ и дѣецъ Петко Рачевъ Славейковъ» и въ Пер. сп. кн. LXI, № 8, 549—581 статья С. С. Бобчева. О поэтической дѣятельности его см. Боянъ Пеневъ: «П. Р. Славейковата преводна и подражателна поезия» (ПСп. кн. LXVII, стр. 205—254) и какъ продолженіе ib.

стр. 521—569, 647—692. Письма его напечатаны въ министерскомъ Сборникѣ т. XX. Материали 1—216.

Припомнимъ словомъ еще Райка Иванова Жинзифова (1839—1877), происхожденіемъ македонца, воспитывавшагося въ Россіи (въ Москвѣ), гдѣ онъ и скончался. Въ «Родномъ Племени» кн. 2, 1877 г., стр. 263—288, вышла его біографія братьевъ Миладиновыхъ, извѣстныхъ собирателей македонскихъ народныхъ пѣсенъ, которыя изданы на средства епископа Штросмайера (сл. объ этомъ статью А. Теодорова въ СПсп. XVI, 1885, стр. 82—98). О Жинзифовѣ написалъ статью С. С. Бобчевъ въ журналѣ «Наука» 1883, февраль и мартъ (отд. отт. 8⁰ 31, сл. ПСп. IV, 158). Важнѣе роль, которую игралъ въ литературѣ и политической жизни Любенъ Каравеловъ (1837 † 1879), тоже воспитанникъ московскаго университета. Его изданіе «Памятники народнаго быта болгаръ» (Москва 1861, 8⁰ VIII, 324) осталось въ русской этнографической литературѣ на хорошей памяти. Но главная его дѣятельность принадлежитъ Болгаріи и пока она еще не вполнѣ выяснена. Указать можно на статью С. С. Бобчева «Л. Каравеловъ, неговий животъ и книжовна дѣятельность» (въ журналѣ «Наука» 1881, I, 18—32, 115—124) и на статью д-ра Ворачка въ журналѣ «Slovanský Sborník» 1885, IV. 510—553. «Сѫчинения» Каравелова вышли въ Русчукѣ 1886—1888 г., въ восьми томахъ. Кромѣ того см. у Теодорова, Бълг. литература 2-ое изд. (Пловдивъ 1901) стр. 127.

ГЛАВА XXIII.

Дѣятельность въ области славянской библіографіи, изданія и объясненія древнихъ памятниковъ: с) у русскихъ. Изслѣдованія по византологіи и по вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи.

Въ русской письменности библіографическія изслѣдованія имѣли гораздо больше значенія, чѣмъ въ другихъ славянскихъ, уже потому что здѣсь прежнія столѣтія успѣли только незначительную долю рукописныхъ матеріаловъ привести въ извѣстность или же пустить въ оборотъ путемъ печати. О библіографическихъ трудахъ конца XVIII-го и начала XIX-го столѣтія см. у Пыпина въ Исторіи русской литературы I. 34 и сл. Укажемъ на новое, въ С.-Петербургѣ 1904—5 сдѣланное, изданіе «Опыта россійской библіографіи В. С. Сопикова» (1765—1818), подъ редакціею В. Н. Рогожина (въ шести томахъ). Важнѣе, конечно, библіографическія изслѣдованія въ области рукописей, чѣмъ печатныхъ книгъ. До какихъ блестящихъ результатовъ можно дойти на основаніи розысковъ по рукописнымъ собраніямъ, объ этомъ имѣется прекрасное доказательство въ дѣятельности Калайдовича (см. выше стр. 167—170). Рядомъ съ нимъ вращался въ изученіи рукописей синодальной и многихъ другихъ библіотекъ неутомимый Вуколъ Михайловичъ Ундольскій (1816—1864), превосходный библіографъ, любитель древней письменности и вмѣстѣ съ тѣмъ страстный собиратель рукописей и книгъ. Онъ получилъ высшее образованіе въ Московской духовной академіи (въ 1842 году кончилъ курсъ съ степенью кандидата). Еще въ бытность свою студентомъ въ академіи онъ изучалъ обѣ библіотеки (академическую и лаврскую). Тутъ же узналъ случайно о его библіографическомъ усердіи князь М. А. Оболенскій и принялъ его къ себѣ на службу въ Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. По сообщенію А. Викторова онъ началъ въ это

время (1840—1842) свою собирательскую дѣятельность, въ 1852 году у него было, говорятъ, уже около 1000, а въ 1864 году (годъ кончины его) болѣе 1350 рукописей. Это собраніе попало вскорѣ послѣ смерти его въ Московскій Румянцевскій Музей и было имъ же, по большей части, описано: «Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго, описанныя самимъ собирателемъ и бывшимъ владѣльцемъ собранія, съ приложеніемъ очерка собранія рукописей В. М. Ундольскаго въ полномъ составѣ» (Москва 1870, 8⁰ III. 406. 64). Точно такъ же имъ была составлена библіографія печатныхъ книгъ: «Очеркъ славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго», съ дополненіями А. Бычкова и А. Викторова, (Москва 1871. 8⁰ IV. 387). Этимъ не ограничивается библіографическое трудолюбіе Ундольскаго. Въ рукописи сохранилось его: «Описаніе славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки», обнимающее 980 славянскихъ рукописей (въ одномъ большомъ томѣ 4⁰ на 1243 стр.), часть только этого труда появилась въ печати въ «Чтеніяхъ» за 1867, кн. 2 (напечатано было, около 100 №№, еще при жизни Ундольскаго). Причину прекращенія печатанія объяснилъ Викторовъ. Во всякомъ случаѣ усердіе Ундольскаго было поводомъ, что духовное начальство, чтобы устранить мірянъ отъ участія въ этомъ дѣлѣ, поручило описаніе Горскому и Невоструеву. Кромѣ того Ундольскій сдѣлалъ въ бытность свою архивскимъ чиновникомъ описаніе рукописей этого архива (1842—1847), предназначавшееся для печати, но до сихъ поръ хранящееся тамъ въ рукописи. Извлеченіе изъ этого описанія (около 220 лл. 4⁰) имѣется въ Румянцевскомъ музеѣ. Точно такъ имъ же сдѣлано описаніе рукописей Тр.-Серг. Лавры (около 150 рукописей, на 500 лл. 4⁰). Все это такъ и осталось безъ надлежащаго употребленія. Да этого мало. Даже начатые печататься нѣкоторые труды его остались неоконченными и въ свое время не вышли. Какъ извѣстно Ундольскій сталъ довольно рано, по примѣру Калайдовича, заниматься разыскиваніемъ текстовъ, относящихся къ древнѣйшему болгарскому періоду церковно-славянской письменности. Вниманіе его сосредоточилось преимущественно на Климентѣ и Константинѣ презвитерѣ. То, что имъ найдено о Климентѣ и поступило уже въ печать, издано съ продолженіемъ и дополненіемъ профессора П. А. Лаврова въ «Чтеніяхъ» 1895 г. кн. I: «Климентъ епископъ словѣнскій. Трудъ В. М. Ундольскаго» (8⁰ XLVI и 72). Укажемъ объ этомъ на статью самого Ундольскаго: «Объ открытіи и изданіи твореній Климента епископа словенска» въ «Бесѣдахъ въ Обществѣ Любителей россійской словесности» вып. I. М. 1867, стр. 31—38. Было же, какъ видно по словамъ Викторова, напечатано или по крайней мѣрѣ набрано также нѣсколько листовъ «Учительнаго евангелія Константина епископа болгарскаго» по синодальной рукописи XIII вѣка, но эти листы, неизвѣстно почему, не были до сихъ поръ выпущены въ свѣтъ. Странная судьба преслѣдовала труды Ундольскаго. Даже сочиненіе его о славянскомъ переводѣ Георгія Амартола, представленное на Демидовскую премію, которая ему и присуждена, не появилось въ печати а осталось въ рукописи (въ Румянцевскомъ музеѣ). Сл. отзывъ А. А. Куника въ 25 присужденіи Демидовскихъ наградъ, 1856 г., стр. 71—85: «О временникѣ Георгія Амартола въ отношеніи къ Несторовой лѣтописи». Въ печати вышло очень не много его статей, по большей части различныхъ текстовъ въ «Чтеніяхъ»; въ «Русской Бесѣдѣ» (1857, II. 90—122) онъ напечаталъ новую редакцію «Слова Данiила Заточника». Сл. «Воспоминаніе о трудахъ В. М. Ундольскаго» И. И. Срезневскаго въ Зап. Имп. Ак. Н. VI. 279—284.

Вызванные участіемъ Ундольскаго къ обширному предпріятію, задавшемуся цѣлью дать обстоятельное описаніе славянскихъ рукописей синодальной библіотеки, оба почтенные труженика въ области изслѣдованій по церковно-славянской письменности Горскій и Невоструевъ заслуживаютъ въ исторіи славянской филологіи почетнаго мѣста уже тѣмъ, что они напечатанными матеріалами и ихъ подробнымъ анализомъ значительно обогатили наши свѣдѣнія по церковно-славянской письменности, даже по грамматикѣ и лексикону. Доказательствомъ служитъ словарь Миклошича, почерпнувшій матеріалъ въ очень широкихъ размѣрахъ изъ Описанія Горскаго и Невоструева.

Александръ Васильевичъ Горскій родился 16 августа 1812 года въ Костромѣ. Онъ получилъ высшее образованіе въ духовной академіи, гдѣ въ 1833 году достигъ степени баккалавра по церковной исторіи, а въ 1839 году назначенъ ординарнымъ профессоромъ и долгое время исполнялъ также должность библіотекаря. «Для студентовъ онъ самъ былъ ходячая и вполнѣ доступная библіотека», говоритъ одинъ изъ бывшихъ его учениковъ. Въ 1860 году, неженатый, онъ былъ рукоположенъ въ священника и протоіерея, съ 23-го октября 1862 года состоялъ ректоромъ академіи. Въ 1864 году онъ былъ возведенъ въ степень почетнаго доктора богословія, а въ 1867 году признанъ почетнымъ докторомъ русской исторіи отъ С.-Петербургскаго университета. Горскій скончался 11 октября 1875 года.

Еще въ 1841 г. имъ было составлено «Историческое описаніе Свято-троицк. Серг. лавры по рукописнымъ и печатнымъ источникамъ», которое арх. Леонидъ напечаталъ въ москов. «Чтеніяхъ» (1878, кн. IV. 1—204, 1879, кн. II. 1—117). Какъ рано Горскій началъ интересоваться вопросами древнѣйшей славянской письменности, свидѣтельствуетъ его переписка съ Погодинымъ въ началѣ 40-хъ годовъ по поводу найденной имъ приписки Упыря Лихого (Барсуковъ, Жизнь и Труды Погодина V. 351). Въ связи съ этимъ стоитъ его изученіе житій Кирилла и Меѳодія по такъ называемымъ паннонскимъ легендамъ, которыя онъ нашелъ въ Лаврской рукописи и на основаніи ихъ приготовилъ статью для Москвитянина, гдѣ она и напечатана въ 1843 г. № 6, 405—434, и привела Шафарика въ восторгъ (статья перепечатана въ Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ. М. 1865, стр. 5 — 43). Участіе Горскаго въ изданіи «Приложеній къ твореніямъ святыхъ отцовъ церкви» мы должны обойти молчаніемъ, точно такъ достаточно словомъ указать на вліяніе его, судя по письмамъ, на труды Филарета (Исторія русской церкви) и Муравьева (Житія святыхъ русской церкви); его сочиненіемъ можно назвать изданное въ 1849 году изслѣдованіе «Святой Димитрій Ростовскій» (хотя оно приписано магистру В. П. Нечаеву, сл. Жизнь и Труды Погодина XI. 222), но тѣмъ важнѣе выставить предпринятое имъ вмѣстѣ съ Кап. Невоструевымъ «Описаніе славянскихъ рукописей Московской синодальной библіотеки», которымъ издатели одолжили славянскую филологію незабвенной услугой. Къ 1849 году относится первый починъ этого ученаго предпріятія, когда митрополитъ московскій Филаретъ, не желая, чтобы чужіе люди предпринимали для синодальной библіотеки то, что онъ хотѣлъ предоставить лицамъ духовнаго сословія, потребовалъ отъ ректора московской духовной академіи, чтобы онъ поговорилъ съ Горскимъ, не возьмется ли онъ за это дѣло съ нѣкоторыми сотрудниками. Горскій изъявилъ готовность взять на себя не легкій трудъ и въ сотрудники себѣ указалъ на профессора Симбирской семинаріи Капитона Ивановича Невоструева. Въ 1855 году вышелъ I томъ (8^0 IV. 337),

обнимающій священное писаніе, анализъ 53 рукописей, въ числѣ ихъ три рукописи полной библіи. О подробностяхъ участія обоихъ редакторовъ сл. замѣчанія Срезневскаго въ «Извѣстіяхъ» VII. 201 и въ «Сборникѣ» т. VII. 35—37, и у Смирнова стр. 491—495. Въ 1858 и 1859 гг. появились два дальнѣйшихъ тома: «Толкованіе св. писанія» (№ 54—106 рукопис.) и «Писанія догматическія и духовно-нравственныя» (№ 107—216 рук.). Въ 1862 г. вышелъ четвертый томъ подъ заглавіемъ: «Разныя богословскія сочиненія» (прибавленіе), обнимающій рукописи № 217—341. Въ 1863 году А. Горскій, занятый обязанностями ректора, былъ уволенъ отъ этихъ занятій, продолженіе осталось на рукахъ одного Невоструева, который успѣлъ издать всего только одинъ томъ, въ 1869 г., какъ отдѣлъ третій: Описаніе книгъ служебныхъ (часть первая), описаніе рукоп. № 342—432. Еще одинъ и уже послѣдній томъ печатается въ настоящее время въ Московской Синодальной типографіи; матеріалы заготовленные для слѣдующихъ томовъ затеряны были въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ жилъ Невоструевъ. И такъ работа обоихъ тружениковъ прекратилась. Для славянской филологіи послѣдній изданный томъ уже не такъ важенъ, потому что онъ не входитъ «въ филологическія изслѣдованія о переводѣ и языкѣ». Въ восьмидесятыхъ годахъ поговаривалось о томъ, что А. С. Павловъ возьмется за описаніе рукописей каноническаго содержанія, но до этого не дошло. Отзывы Срезневскаго и Бычкова объ этомъ Описаніи напечатаны въ VII томѣ академическаго «Сборника». Обоимъ ученымъ принадлежитъ еще «Описаніе Великихъ Четьихъ Миней Макарія митрополита всероссійскаго — трудъ А. В. Горскаго и К. И. Невоструева», изданный, но еще не доведенный до конца въ московскихъ «Чтеніяхъ» 1884 г., кн. I. 1—65, 1886 г., кн. I. 65—184 (съ предисловіемъ и дополненіемъ Е. Барсова I—XIX). О Горскомъ какъ профессорѣ духовной академіи писалъ С. К. Смирновъ въ Исторіи академіи (до ея преобразованія, 1814—1870. Москва 1879, 124—127). Подробнѣе С. Поповъ въ біографическомъ очеркѣ «Ректоръ московской духовной академіи протоіерей А. В. Горскій». Спб. 1897. Въ 25-ую годовщину со дня его смерти вышли въ 1890 г. въ Петербургѣ рѣчи и воспоминанія о немъ, между прочимъ и статейка профессора Воскресенскаго «О заслугахъ протоіерея А. В. Горскаго для славяно-русской историко-филологической науки» (76—89), сл. его же воспоминаніе въ «Славянскомъ обозрѣніи» 1892, т. III, кн. 10. 159—180.

Помощникомъ Горскаго былъ Капитонъ Ивановичъ Невоструевъ (1815—1872), воспитанникъ московской духовной академіи, бывшій потомъ наставникомъ симбирской духовной семинаріи; въ 1849 году онъ былъ приглашенъ въ помощники Горскому, жилъ въ Москвѣ, въ Чудовомъ монастырѣ. Онъ скончался въ 1872 году. Кромѣ участія его въ вышеупомянутомъ «Описаніи», имъ сдѣлано образцовое изданіе: «Слово святаго Ипполита объ антихристѣ въ славянскомъ переводѣ по списку XII вѣка» (М. 1868, 8⁰ 117—256), изданіе принадлежитъ къ лучшимъ, какія имѣются въ области древне-славянскихъ памятниковъ. Кромѣ того, Невоструевъ оставилъ въ рукописи очень тщательно сдѣланный анализъ Мстиславова Евангелія во всѣхъ отношеніяхъ. Объ этомъ трудѣ см. упоминаніе въ статьѣ профессора Карскаго «Особенности письма и языка Мстиславова Евангелія» (Р. Ф. В. 1895, от. отт. 8⁰ 24), и еще раньше въ X томѣ акад. Сборника статью И. И. Срезневскаго о Невоструевѣ (стр. XXXVII — XL). О Невоструевѣ см. біографическія черты и перечень трудовъ у Смирнова въ Исторіи Ду-

ховной Академіи стр. 490—497 и въ Православномъ Обозрѣніи 1873, ч. III, № 4, 194—197.

Неимовѣрнымъ трудолюбіемъ, какъ практическій знатокъ греческой палеографіи и большой любитель древне-славянской письменности, отличался отецъ Амфилохій. Онъ родился въ 1818 году въ Калужской губерніи (сынъ причетника Ивана Казанскаго), въ 1840 г. поступилъ въ Московскую духовную академію, которую кончилъ въ 1844 году кандидатомъ; принявъ монашество онъ состоялъ нѣкоторое время смотрителемъ Суздальскихъ духовныхъ училищъ, потомъ Ростовскихъ училищъ и настоятелемъ одного монастыря поблизости Ростова. Въ 1856 году онъ былъ перемѣщенъ въ санѣ архимандрита въ монастырь «Новый Іерусалимъ» (подъ Москвой). Обстоятельства, мнѣ не вполнѣ извѣстныя, заставили его вскорѣ отказаться отъ управленія монастыремъ и въ теченіе десяти лѣтъ онъ жилъ въ Московскомъ Покровскомъ монастырѣ, погруженный въ занятія древней письменностью, пока въ 1870 году былъ опять назначенъ настоятелемъ Московскаго Данилова монастыря, а въ 1888 году посвященъ въ епископа Угличскаго и викарія Ярославской епархіи въ Ростовѣ. Въ этомъ санѣ онъ скончался 20 іюля 1893 года. Амфилохія можно въ буквальномъ смыслѣ назвать чернорабочимъ славянской филологіи, для которой онъ, благодаря рѣдкой усидчивости, сдѣлалъ много полезнаго, несмотря на отсутствіе у него филологической школы и критики, вслѣдствіе чего большая часть его трудовъ вышла неудовлетворительной. За И. И. Срезневскимъ признавалъ самъ Амфилохій главную заслугу какъ своего вдохновителя къ усердію въ дѣлѣ библіографическихъ описаній и изданій древнихъ греческихъ и славянскихъ памятниковъ. Еще въ 1858 году онъ напечаталъ въ VII томѣ академическихъ «Извѣстій»: «Выписки изъ списка Пандектовъ Антіоха XI вѣка» (41—45, 147—155) и въ V томѣ «Матеріаловъ» (на стр. 161—190), а въ VII томѣ: «Дополненіе къ церковно-славянскому словарю А. Х. Востокова», изъ тѣхъ же Пандектъ и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ (1—104). Пандектамъ Антіоха въ славянскомъ переводѣ XI вѣка посвящено Амфилохіемъ много трудовъ. Въ 1880 году опять вышло его «Изслѣдованіе» этого памятника въ Москвѣ 1880, fol. 184 (по большей части выписки съ греческимъ текстомъ) и «Словарь» къ тому же памятнику, ib. 1880, fol. 167. Описаніе рукописей Новоіерусалимскаго монастыря, въ которомъ находится этотъ памятникъ, напечатано первоначально Амфилохіемъ въ «Извѣстіяхъ» VII, 257—288, VIII, 89—112, 186—202, затѣмъ въ переработанномъ и дополненномъ видѣ: «Описаніе Воскресенской Новоіерусалимской Библіотеки» (М. 1875, 4°, съ отдѣльн. атласомъ снимковъ. М. 1876 in folio). Въ X томѣ «Извѣстій» онъ далъ описаніе Юрьевскаго Евангелія XII вѣка (стр. 73—78), болѣе подробное «Описаніе» того же Евангелія вышло въ Москвѣ 1877 года, fol. 233, съ древле-славяно-греко-русскимъ словаремъ ib. 1—39. Не филологическое отношеніе къ исполненію своей задачи вызвало строгую критику Буслаева въ Филологическихъ Запискахъ (1879 г. III. 1—30). Въ 1874 г. онъ далъ описаніе съ выписками изъ «Самодревнѣйшаго октоиха XI вѣка югославянскаго юсоваго письма», изъ собранія А. Ѳ. Гильфердинга (М. 1874, fol. 52; сл. Archiv f. sl. Ph. III. 168—176). Въ то же время вышло въ двухъ томахъ его изданіе: «Древне-славянская псалтырь XIII—XIV вѣка съ греческимъ текстомъ» (М. 1874. I. 8° 500; II. 8° 498), сл. Archiv ib. 164—168. Новымъ, вторымъ, изданіемъ «Древне-славянская псалтырь Симоновская до 1280 года» появилась въ трехъ объемистыхъ томахъ (I. М. 1880,

8⁰ IX, 544. II. М. 1881, 8⁰ 545. III. М. 1881, 8⁰ 452; въ III томѣ между прочимъ говорится о миніатюрахъ, о переводѣ толкованія Ѳеодоритова и т. д.). Въ 1877 г. онъ напечаталъ также «Описаніе Евангелія 1092 года» М. 1877, fol. 32, а въ 1882—1883 году вышло въ трехъ томахъ полное изданіе важнаго памятника: «Четверо-Евангеліе галичское 1144 года», сличенное съ древле-славянскими рукописными Евангеліями XI—XVII вѣковъ и съ греческимъ текстомъ 835 года (М. I. 1882, 8⁰ XXVIII. 897; II. 1883. 8⁰ 1008; III. 8⁰ 384 и словарь 1—162). Мой отзывъ объ этомъ изданіи въ присужденіи Ломоносовской преміи 1883 г. (Четыре критико-палеографическія статьи, въ «Сборникѣ» т. XXX и отдѣльно). Поправки къ изданному тексту даны Г. А. Воскресенскимъ въ XL томѣ «Сборника»: «Къ вопросу о славянскомъ переводѣ Евангелія» С.-Пбгъ. 1886, 8⁰ 41. Послѣдній большой трудъ Амфилохія, посвященный славянскимъ памятникамъ — это было изданіе Апостола: «Древле-славянскій Карпинскій апостолъ XIII вѣка съ греческимъ текстомъ 1072 года», сличенный съ древними памятниками XI—XVII в. и т. д. (Москва. I, часть 1, 1888. 8⁰ LXXXIV. 705; I, часть 2. М. 1886. 8⁰ IV. 316; т. II, ч. 1. М. 1885, 8⁰ 826, ч. 2. М. 1886. 8⁰ 680; т. III, ч. 1: Апокалипсисъ XIV вѣка Румянцевскаго музея. М. 1886, 8⁰ VIII. 270); во второй части III тома (М. 1888. 8⁰ 84. VIII. 239. 178. 20) заключаются, между прочимъ, словари къ Евангелію, Апостолу и Апокалипсису. Въ «Чтеніяхъ» общ. дух. просв. за 1880 годъ вышла статья «Объ отрывкахъ изъ древле-славянскихъ рукописей XI—XII вѣка» (8⁰ 27), а въ 1887 году онъ написалъ нѣсколько словъ о своихъ занятіяхъ по отношенію къ новому завѣту св. Алексія митрополита (Краткія свѣдѣнія и т. д. М. 1887. 8⁰ 10). Въ «Чтеніяхъ» москов. общ. ист. и древ. за 1884 годъ кн. 2 имъ напечатанъ маленькій словарь библ. греческихъ и еврейскихъ словъ съ переводомъ «просто» (т. е. по русски, юго-западнаго говора). Объ этомъ «лексисѣ» можно было бы упомянуть выше (на стр. 13—14). Амфилохій въ бытность свою въ Ростовѣ задавался еще планомъ новаго, полнаго исправленнаго изданія сочиненій Дмитрія Ростовскаго, но этому его предпріятію не было суждено осуществиться.

Архим. Амфилохій не ограничивался древне-славянской письменностью, онъ изучалъ также греческіе тексты и греческую палеографію съ такими же недостатками самоучки, не имѣвшаго филологической подготовки, какіе проглядываютъ во всѣхъ его изданіяхъ славянскихъ текстовъ. Онъ сознавалъ тѣсную связь обѣихъ письменностей, греческой и славянской, какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ. Въ Трудахъ перваго археологическаго съѣзда (Москва. 1872) онъ представилъ свои соображенія въ статьѣ «О вліяніи греческой письменности на славянскую съ IX вѣка по начало XVI вѣка» (отд. отт. 4⁰ 16). Поэтому онъ любилъ постоянно сличать славянскіе тексты съ ближайшими по современности греческими. Въ 1866 году имъ изданы въ Москвѣ «Археологическія замѣтки о греческой псалтири писанной въ концѣ IX вѣка» (8⁰ 26 съ таблицами), въ 1870 году «О неизданныхъ канонахъ въ служебной февральской греческой минеи конца X вѣка» (отд. отт. 4⁰ 24), въ 1873 г. тамъ же «Описаніе греческой псалтири 862 года» (М. 8⁰ 8). Съ 1879 по 1881 г. вышли четыре тома fol. «Палеографическія описанія греческихъ рукописей», о значеніи которыхъ для греческой палеографіи можно указать на мои замѣтки въ «Четырехъ критическо-палеографическихъ статьяхъ» и въ Archiv f. sl. Ph. IV. 699. Въ то же время онъ напечаталъ большой томъ «Кондакарій въ греческомъ подлинникѣ XII—XIII вѣка съ древне-славянскимъ переводомъ» (М. 1879, fol. VII. 260. 103. XIII).

Отзывъ Мансветова (въ «Твореніяхъ Св. Отцовъ») вызвалъ отвѣтъ Амфилохія въ «Чтеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія» 1880; вышелъ также рефератъ И. Е. Троицкаго, присуждавшій его труду Уваровскую премію. Въ Обществѣ Любителей Древней Письменности Амфилохій издалъ подъ № 31 изданій «Хожденіе по вознесеніи Господа нашего Іисуса Христа, св. апостола и евангелиста Іоанна, ученіе и преставленіе списано Прохоромъ» — текстъ славянскій и греческій. Амфилохій любилъ изображенія и украшенія, найденныя въ древнихъ рукописяхъ, хотя основательныхъ свѣдѣній по исторіи искусства у него не было. Но какъ любитель и этой стороны славянской старины онъ, между прочимъ, напечаталъ въ 1885 г. въ Москвѣ: «Сборникъ изображеній Спасителя, Божіей Матери и другихъ святыхъ съ X по XV вѣкъ и т. д.» мал. fol. 40 лл. Съ этимъ его энтузіазмомъ стоитъ въ связи, что онъ главную церковь Данилова монастыря по стѣнамъ изукрасилъ заставками и другими орнаментами изъ древнихъ славянскихъ рукописей — въ родѣ иллюстрированной палеографіи на стѣнахъ церкви! Амфилохію посвящены біографіи П. В. Владимирова въ Словарѣ Русскихъ писателей Венгерова, въ Исторіи Московской Духовной Академіи Смирнова 500—554, и въ «Чтеніяхъ» М. общ. ист. и древн., статья Г. А. Воскресенскаго.

Широкой извѣстностью въ исторіи изученій русско-славянскихъ памятниковъ письменности пользовался современникъ Амфилохія архимандритъ Леонидъ, происхожденіемъ изъ дворянскаго рода Кавелиныхъ. Въ міру Левъ Александровичъ Кавелинъ, родился въ 1822 году въ Калужскомъ имѣніи своего отца, получилъ военное образованіе въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ (1835—1840), на службѣ въ гвардіи дошелъ до капитанскаго чина (1852), когда въ немъ назрѣло давнишнее желаніе отказаться отъ предстоявшей ему блестящей военной карьеры, и онъ, порѣшилъ удалиться въ Оптину пустынь Калужской губерніи и черезъ пять лѣтъ (въ 1857 г.) принялъ постриженіе монашеское съ именемъ Леонида. Онъ былъ вскорѣ назначенъ членомъ русской духовной миссіи въ Іерусалимъ, гдѣ прожилъ сначала два года, потомъ возвратился, побывавъ по пути на Аѳонѣ, въ свою пустынь, но черезъ короткое время ему опять пришлось поѣхать въ Іерусалимъ, въ качествѣ начальника съ 1863 по 1865 г., а съ 1865 по 1869 г. ему поручено было состоять настоятелемъ русской посольской церкви въ Константинополѣ. Съ 1869 по 1877 г. онъ состоялъ настоятелемъ подмосковнаго монастыря «Новый Іерусалимъ», а съ 1877 года и до своей кончины († 22 октября 1891 г.) намѣстникомъ Троице-Сергіевой лавры подъ Москвой.

У Леонида явились съ ранней молодости литературныя наклонности, онъ пописывалъ въ журналахъ статьи историко-литературнаго, историческаго и этнографическаго содержанія еще до поступленія въ монахи (сл. Ж. М. Н. Пр. 1891 г. декабрь, некрологъ, написанный профессоромъ Д. А. Корсаковымъ и статью И. Корсунскаго въ ниже упоминаемыхъ «Памятяхъ»), были также стихотворенія его. Входя въ составъ братіи различныхъ монастырей, онъ всегда старался изслѣдовать историческую судьбу этихъ центровъ духовнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ онъ написалъ очень большое число изслѣдованій мѣстнаго характера и издалъ множество записей, грамотъ, памятниковъ, описаній, относящихся то къ тому, то къ другому изъ монастырей. Мы не можемъ останавливаться на этомъ множествѣ статей и текстовъ, достаточно сослаться на перечень ихъ у Корсакова или у Воскресенскаго (въ «Чтеніяхъ» 1892, кн. 2), но

въ качествѣ усерднаго библіографа онъ способствовалъ очень много тому, что при помощи его описаній разныхъ рукописныхъ собраній это отчасти мракомъ неизвѣстности покрытое богатство дѣлалось извѣстнымъ и наукѣ. Въ 1865 г. въ «Чтеніяхъ» (кн. IV, смѣсь 1—115) вышло его «Обозрѣніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книгохранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской епархіи». Въ 1871 году (тамъ же кн. I. 1—71): «Описаніе славянорусскихъ рукописей книгохранилища Воскресенскаго «Новый Іерусалимъ» именуемаго монастыря». Въ 1878—1879 году напечатано тамъ же: «Описаніе славянскихъ рукописей библіотеки Свято-Троицкой Сергіевой Лавры» (три части: 1-я 8^0 XIX. 352; 2-я 8^0 240; 3-я 8^0 267. 44), но это описаніе есть трудъ пок. о. іером. Арсенія (Лобовикову, ученика Ундольскаго). Въ 1880 году тамъ же (кн. IV): «Славянскія рукописи, хранящіяся въ ризницѣ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры» (8^0 49). Въ 1887 году (напечатанное въ «Чтеніяхъ» 1883, кн. 1—2, 4; 1884, кн. 3, 4; 1885, кн. 1; 1886, кн. 3): «Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ поступившихъ изъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры въ библіотеку Троицкой духовной семинаріи» (нынѣ въ М. Дух, Академіи) (отдѣльнымъ изданіемъ два выпуска: I. 8^0 167; II. 8^0 375. 27). Послѣ описанія рукописей Царскаго, сдѣланнаго П. Строевымъ (см. выше на стр. 171), Леонидъ взялся вновь за описаніе этихъ и прочихъ рукописей богатаго собранія графа А. С. Уварова. Оно вышло въ четырехъ большихъ томахъ 4^0: I (часть первая, М. 1893, VII. 694); II (часть вторая, 577); III (часть третья, М. 1894, 363); IV (часть четвертая, ib. 562). Часть V акты вышла по † Леонида. Въ «Чтеніяхъ» 1891 г. кн. 2, напечатано имъ библіографическое обозрѣніе: «Рукописи сербскаго письма XIII—XVIII вѣка, находящіяся въ библіотекахъ Московской губерніи» (1—8). Наконецъ вышли «Библіографическія разысканія въ области древнѣйшаго періода славянской письменности IX—X вѣка» въ «Чтеніяхъ» 1890 г. кн. 3, 1—28, но это уже не только библіографическій трудъ, а стремленіе привести по древнѣйшимъ текстамъ въ извѣстность памятники церковно-славянской письменности древнѣйшаго періода (статья напоминаетъ Шафариковъ «Rozkvět»).

Въ бытность свою на востокѣ Леонидъ занимался тоже славянскими памятниками востока, въ особенности Аѳона, гдѣ онъ останавливался на нѣкоторое время въ 1859, 1866 и 1868 годахъ. Плодами этого знакомства были: «Историческое описаніе царской лавры Хиландаря и ея отношенія къ царствамъ сербскому и русскому» («Чтенія» 1867, кн. IV. 1—138) и «Славяно-сербскія книгохранилища на св. Аѳонской горѣ, въ монастыряхъ Хилендарѣ и св. Павла» (ib. 1875, кн. I. 1—80). Имъ же издано въ Бѣлградѣ (въ XXIV т. «Гласника») «Типик или устав царске српске лавре Хиландара у св. Гори» (но довольно неисправно), и тамъ же «Стара српска писма» (18 грамотъ), кромѣ того одна грамота въ 27 т. «Гласника», а въ 31 т. новый матеріалъ для болгарской исторіи и въ 44 т. (1877 г.) описаніе сербско-славянскихъ рукописей въ Хиландарской библіотекѣ на Аѳинѣ (приблизительно то, что въ «Чтеніяхъ» 1875 г., кн. 1). Сношенія съ южными славянами привлекали Леонида къ вопросамъ южно-славянской, въ особенности церковной исторіи. Въ «Чтеніяхъ» 1866, кн. 4 (1—75) онъ написалъ замѣчательную статью: «Архіепископія первой Юстиніаны Охридская и ея просвѣтительное вліяніе на южныхъ славянъ, болгаръ и сербовъ». Кромѣ того онъ коснулся вопроса о сочиненіяхъ Ѳеофилакта болгарскаго («Чтенія» 1870, кн. 4, 1—12), о дѣятельности Евѳимія болгарскаго (ib. 13—18) и о слав. церк. богослуж. уставѣ и Кипріянѣ до воспествія на

московскую митрополію (ib. 1867, кн. 2. 1—32); онъ сообщилъ «Надгробное слово Кипріяну отъ Цамблака» (ib. 1872, кн. 1. 25—32) и написалъ нѣсколько словъ о «Сербской иноческой общинѣ въ Палестинѣ» (ib. 1867, кн. 3. 42—65). Какъ настоятель Новоіерусалимскаго монастыря онъ составилъ между прочимъ обширное изслѣдованіе объ исторіи этого монастыря, оно печаталось въ «Чтеніяхъ» 1874 г. кн. 3. 4, 1875 г. кн. 1. 2. 3, и вышло также отдѣльнымъ изданіемъ.

Въ Обществѣ Любителей древней письменности Леонидъ участвовалъ очень усердно изданіями многихъ текстовъ и записей въ «Памятникахъ древней письменности» по каталогу изданій Общества подъ №№ XVI. XVIII. XXX. XXXIV. XXXV. XXXVI. XXXVII. XXXIX. XL. XLII. XLIII. XLVI. XLVII. LIV. LV. LVIII. LIX. LX. LXII. LXIII. LXV. LXVII. LXVIII. LXXII. LXXVIII. Кромѣ того стараніемъ его вышли въ томъ же Обществѣ какъ отдѣльныя изданія подъ № XCV «Бесѣды св. Кесарія» (1890. 8⁰ 260. 19) и № XCVII «Святая Русь» (1891. 8⁰ 220).

Леонидъ былъ еще менѣе филологомъ чѣмъ Амфилохій, поэтому попытки его рѣшать вопросы, требующіе анализовъ критико-филологическихъ и палеографическихъ, выходили неудачными. Это болѣе всего видно на его «Историко-литературномъ изслѣдованіи», посвященномъ вопросу «О родинѣ и происхожденіи глаголицы и объ ея отношеніи къ кириллицѣ» (СПбгъ. 1891, прил. 3 къ LIII тому «Сборника», стр. 1—47). Всѣ соображенія Леонида, отыскивающія изобрѣтателя глаголицы въ предѣлахъ древняго хорватскаго племени, рушатся объ одинъ неоспоримый фактъ, что глаголическое письмо IX столѣтія ничуть не предназначалось для сербскаго или хорватскаго языка. Приписывая же мнѣ пристрастіе къ паннонско-глаголической теоріи Копитара по примѣру А. С. Будиловича, о. Леонидъ доказалъ только, что не изучалъ этого вопроса во всѣхъ его филологическихъ тонкостяхъ и подробностяхъ, которыя впрочемъ для него не были бы и удобопонятны. О арх. Леонидѣ кромѣ выше упомянутыхъ отзывовъ вышли въ изданіи Московскаго археолог. общества «Памяти отца намѣстника Леонида, А. А. Гатцука, Н. А. Попова и А. А. Котляревскаго» двѣ статьи: одна И. Субботина (307—314) и другая И. Корсунскаго (315—348), послѣдняя съ очень подробными библіографическими указаніями.

Упомянемъ словомъ еще одно духовное лицо, одолжившее славянскую филологію по библіографической и палеографической части — это былъ епископъ Можайскій преосв. Савва (1819—1896). Сдѣлавшись вскорѣ послѣ окончанія курса въ Московской духовной академіи (1850 г.) ризничимъ синодальной библіотеки, онъ позаботился тотчасъ объ описаніи наиболѣе примѣчательныхъ предметовъ патріаршей ризницы и библіотеки, получивъ на это порученіе митрополита Филарета. Это описаніе вышло въ 1855 году подъ заглавіемъ: «Указатель для обозрѣнія Московской патріаршей (синодальной) ризницы и библіотеки» (М. 8⁰ 155). Нѣсколько лѣтъ спустя вышло (въ 1858 г.) второе «значительно дополненное» изданіе, въ которомъ для славянской филологіи важна въ особенности вторая и третья части книги, содержащія алфавитный указатель греческихъ рукописей (стр. 41—152) и алфавитный указатель славянскихъ рукописей (стр. 153—292). Объ участіи въ этомъ трудѣ Викторова см. ниже. Пока эта библіографическая часть (въ особенности описаніе славянскихъ рукописей) еще не замѣнена другимъ болѣе полнымъ или обстоятельнымъ пособіемъ, такъ какъ Описаніе Горскаго и Невоструева обнимаетъ только 432 рукописи, значитъ

меньше половины. Первая часть Указателя, описывающая только ризницу, выходила въ измѣненномъ видѣ еще нѣсколько разъ (я знаю изданіе четвертое, пересмотрѣнное и дополненное: Москва 1863, fol. 59. 18. IV, съ фотолитограф. снимками). Повышеніе ризничаго въ должность ректора Московской семинаріи (1859) и Московской духовной академіи (1861) отрывало его отъ ученыхъ занятій. Но несмотря на эти новыя обязанности онъ успѣлъ въ эти годы приготовить свой главный трудъ, обезпечившій ему имя въ нашей наукѣ. Это были его «Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей Московской синодальной библіотеки VI—XVIII вѣка. Издалъ Савва епископъ Можайскій» (Москва 1863 fol. 46, таблицъ XLVII съ дополненіями). О значеніи этого палеографическаго труда см. разборъ М. Сперанскаго: «Археологическіе и палеографическіе труды преосв. Саввы», въ сборникѣ «Памяти архіеп. Саввы, еп. Амфилохія, проф. А. И. Павинскаго и гр. М. В. Толстого». (М. 1898, изданіе Московскаго археол. общества).

Очень дѣльнымъ труженикомъ въ области древней русской письменности былъ Алексѣй Егоровичъ Викторовъ (1827—1883), хранитель рукописнаго отдѣленія Румянцевскаго музея въ Москвѣ. Родомъ изъ Орловской губерніи, послѣ окончанія наукъ въ московской духовной академіи (1846—1851), онъ былъ въ 1852 году по болѣзни уволенъ изъ духовнаго званія и поступилъ на службу въ Главный Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ сослуживцемъ Ундольскимъ приложилъ большое усердіе къ разнымъ библіографическимъ занятіямъ для поднятія значенія Архива въ смыслѣ научныхъ цѣлей. О его тихой дѣятельности въ этомъ направленіи разсказывалъ Срезневскій подъ № LXXXIV «Свѣдѣній и замѣтокъ о малоизвѣстныхъ памятникахъ» (въ XX т. «Сборника») и въ 8-мъ приложеніи XXI-го тома «Сборника». По словамъ Елп. Барсова («Чтенія» Моск. общ. истор. и древн. 1883 г., кн. 3, смѣсь 109) надъ молодыми архиваріусами и ихъ усердіемъ подсмѣивались, прозвавъ одного «чиновникомъ отъ Амартола», другого «чиновникомъ отъ Малалы». Покинувъ архивъ Викторовъ попалъ на короткое время въ преподаватели русскаго языка въ одномъ московскомъ женскомъ училищѣ, гдѣ оставилъ по себѣ добрую память. Сдѣлавшись, наконецъ, хранителемъ въ Румянцевскомъ музеѣ (1862), онъ съ рѣдкимъ усердіемъ и блестящимъ успѣхомъ заботился объ обогащеніи этого учрежденія рукописями и книгами. Благодаря его постояннымъ хлопотамъ и энергическому веденію дѣла Румянцевскій музей сталъ въ недолгій срокъ своего существованія въ Москвѣ учрежденіемъ очень популярнымъ, куда охотно вносились различныя пожертвованія и деньгами и вещами (рукописными собраніями и т. д.). Объ этомъ успѣшномъ ростѣ учрежденія свидѣтельствовали «Отчеты», въ которыхъ Викторовъ давалъ описанія рукописей (подробности объ этомъ у Срезневскаго въ статьѣ «О научной дѣятельности А. Е. Викторова» въ XXI т. «Сборника»). Такимъ образомъ вышли подъ его именемъ въ Отчетахъ и въ отдѣльныхъ оттискахъ: «Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Пискарева» (М. 1874, 8⁰ 69), «Описаніе рукописей В. И. Григоровича» (М. 1879, 8⁰ 60. IV), «Собраніе рукописей П. И. Севастьянова» (М. 1881, 8⁰ 120), «Собраніе рукописей И. Д. Бѣляева» (М. 1881, 8⁰ 127). Объ участіи его въ изданіи описанія рукописей и библіографіи Ундольскаго была уже рѣчь выше (на стр. 633). Кромѣ того разсказываютъ, что онъ, посѣщая усердно Синодальную библіотеку, сотрудничалъ въ выше упомянутомъ описаніи славянскихъ и греческихъ рукописей этой библіотеки, которое вышло подъ ре-

дакціею бывшаго тогда синодальнаго ризничаго архимандрита Саввы: «Указатель для обозрѣнія московской патріаршей библіотеки» (М. 1858. 8⁰ VIII. 290. 40. V). Но и другіе предметы патріаршей ризницы были имъ описываемы; въ 1876 году вышли двѣ небольшія книжечки: «Опись патріаршей ризницы» и «Обозрѣніе старинныхъ описей патріаршей ризницы». Онъ былъ также въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занятъ описаніемъ содержанія Макаріевскихъ «Четьихъ Миней», но этотъ трудъ имъ не былъ доведенъ до конца. Наука обязана ему хорошимъ критическимъ изданіемъ текста «Стефанитъ и Ихнилатъ» (въ Обществѣ Любителей Древней Письменности. М. 1881, 4⁰ XXV. 81). Въ области древне-славянской письменности его вниманіе привлекалъ вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи. Объ этомъ имъ написано въ 1858 году довольно обширное разсужденіе, въ родѣ критическаго реферата: «Кириллъ и Меѳодій. Новые источники и ученые труды для исторіи славянскихъ апостоловъ» (напечатано въ «Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ» 1865, стр. 343—440). Онъ взялся также за разборъ вопроса о глаголицѣ, по поводу послѣдняго труда Шафарика: «Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ» (напечатано въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древности» Н. С. Тихонравова, т. II. 67—150, III. 3—55). Самый капитальный трудъ А. Е. Викторова вышелъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его смерти подъ редакціею его преемника въ рукописномъ отдѣленіи Румянцевскаго Музея Д. П. Лебедева. Это трудъ многолѣтнихъ библіографическихъ разысканій автора, результатъ его путешествій по разнымъ мѣстностямъ Россіи, которыя онъ предпринималъ для обозрѣнія и описанія рукописныхъ и старопечатныхъ собраній въ монастырскихъ и семинарскихъ библіотекахъ. Трудъ его, по записнымъ книгамъ автора приведенный въ порядокъ Лебедевымъ, изданъ въ 1890 г. археографической комиссіею: «Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ сѣверной Россіи» (СПбгъ. 1890, lex. 8⁰ II. 378).

Выдающимся представителемъ критической библіографіи, какъ необходимаго условія для успѣшнаго хода историко-филологическихъ и литературныхъ изслѣдованій, ознаменовалъ себя въ многочисленныхъ трудахъ Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ. Происхожденіемъ изъ дворянскаго рода Ярославской губерніи, онъ родился 15 декабря 1818 года въ Фридрихсгамѣ, гдѣ отецъ его въ то время состоялъ офицеромъ одной артиллерійской бригады, дѣтство провелъ въ Финляндіи, въ 1833 г. былъ опредѣленъ въ пансіонъ при Демидовскомъ училищѣ въ Ярославлѣ, кончилъ тамъ въ 1836 году гимназію и по совѣтамъ Погодина, съ которымъ познакомился въ имѣніи своей тетки Владыкиной, поступилъ въ Московскій университетъ по 1-му отдѣленію философскаго факультета. Здѣсь привлекала его болѣе всего русская исторія, на которой онъ и сблизился съ своимъ главнымъ наставникомъ и руководителемъ М. Погодинымъ. Еще будучи студентомъ онъ составилъ по предложенію Погодина указатель къ сочиненію Арцыбашева «Повѣствованіе о Россіи», гдѣ онъ и напечатанъ при второмъ томѣ (1838 г., стр. I—XXVIII). Кончивъ университетскій курсъ въ 1840 году со степенью кандидата, онъ получилъ по рекомендаціи Погодина назначеніе въ археографическую комиссію въ Петербургѣ; работа была сначала довольно механическая, отнимавшая у него какъ разъ тѣ часы, которые онъ предпочиталъ бы проводить въ Публичной библіотекѣ. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ Погодину онъ жаловался на это стѣсненіе и просилъ его дать ему рекомендательное письмо, черезъ которое онъ могъ бы войти въ ближайшія сношенія съ Востоковымъ. «Сношенія съ такими людьми, какъ Востоковъ, много помогаютъ чело-

вѣку, желающему заниматься» — эти слова молодого Бычкова дѣлали ему честь и доказывали, что онъ былъ на хорошемъ пути. Съ 1842 года онъ началъ участвовать статьями въ Журн. Минист. Народнаго Просв. и въ Погодинскомъ «Москвитянинѣ», гдѣ напечатанъ его обширный разборъ «Описанія рукописей Румянцевскаго музея» А. Х. Востокова въ дополненіе къ тому, что написано Горскимъ («Москвитянинъ» 1843, ч. II. 516—524, ч. III. 195—217). Въ Журн. Минист. Народн. Просв. онъ напечаталъ, между прочимъ, рецензію на «Остромірово Евангеліе» Востокова (1844 г., ч. XLI, отд. VI. 1—16) и на «Русскія достопамятности», ч. II (ib. стр. 162—172). А. Ѳ. Бычковъ помышлялъ о томъ, чтобы занять со временемъ каѳедру русской исторіи въ Московскомъ университетѣ, но судьба рѣшила иначе. Въ 1844 году въ мартѣ онъ получилъ назначеніе хранителя въ Императорской Публичной Библіотекѣ, сдѣлавшись преемникомъ А. Х. Востокова. Учрежденію этому А. Ѳ. Бычковъ остался вѣренъ до конца жизни, поднявшись мало-по-малу до высшей должности директора. Любопытный обмѣнъ письмами по этому поводу между Бычковымъ и Погодинымъ сообщенъ вкратцѣ у Барсукова («Жизнь и труды М. П. Погодина» VII. 326—333). Въ 1852 году пріобрѣтено въ Публичную библіотеку богатое древлехранилище Погодина, о чемъ разсказываются нѣкоторыя любопытныя подробности (см. у Барсукова т. XII. 346—354). Пріемъ столь богатаго собранія задалъ Бычкову, какъ хранителю, очень много домашняго дѣла, но онъ не переставалъ обнаруживать доказательства своей дѣятельности также и въ печати. Въ Отчетахъ, начиная съ 1851 года, стали появляться краткія библіографическія свѣдѣнія о новыхъ пріобрѣтеніяхъ (въ Отчетѣ за 1852 г. имѣется на стр. 21—57 краткій обзоръ «Древлехранилища», въ Отчетѣ за 1861 г. о собраніи Каратаева, въ Отчетѣ за 1868 г. описаніе, довольно подробное, собранія юго-славянскихъ рукописей А. Ѳ. Гильфердинга, ср. также Отчетъ за 1875 г. и т. д.). Въ археографической коммиссіи онъ считался послѣ смерти Бередникова (1856 г.) главнымъ редакторомъ, по этому и самъ принималъ участіе въ изданіи нѣсколькихъ томовъ русскихъ лѣтописей (въ VII, VIII, IX, X, XV, XVI томѣ «Полнаго собранія»); въ 1872 г. онъ издалъ вновь «Лѣтопись по Лаврентіевскому списку», въ 1879 г. «Новгородскія лѣтописи» (вторую и третью) и въ 1897 году третье изданіе «Лаврентьевской лѣтописи» — изданія эти сдѣланы очень аккуратно, хотя не вполнѣ удовлетворяли всѣмъ критическимъ требованіямъ. Онъ участвовалъ также въ составленіи «Указателей» къ актамъ и документамъ (въ Лѣтописи занятій археографической комиссіи вып. I и II), къ полному собранію Лѣтописей (1875 г.). Выдающимся библіографическимъ трудомъ его можно назвать «Описаніе славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки» (три выпуска въ одномъ томѣ. СПб. 1882, 8° II. 538. 152). Въ частностяхъ онъ издалъ нѣсколько памятниковъ древнерусской письменности въ отрывкахъ, какъ: «Отрывки Евангелія XI вѣка» (въ «Извѣстіяхъ Археологическаго Общества» 1865 г., т. V. 29—37), «О вновь найденномъ пергаментномъ спискѣ Евангелія» (въ «Сборникѣ» Отдѣленія русскаго языка и словесности, т. XVII), «Замѣтка о палимпсестѣ» («Сборникъ» Отд. р. я. т. I, стр. XXIX—XXXI) и нѣсколько краткихъ житій (Журн. Минист. Народнаго Просвѣщенія 1859, ч. CIV, отд. III. 28—48; Лѣтопись занятій археографической комиссіи вып. I. II). Въ Императорскомъ Историческомъ Обществѣ вышелъ подъ его редакціей XI (1873 г.) и XXXIV томы «Сборника» (1881 г.), имъ же изданъ библіологическій словарь П. Строева (1882 г.) и подъ его редакціею стали выходить въ ознаменованіе столѣтней

годовщины Петра Великаго «Письма и бумаги Императора Петра Великаго». Громадный трудъ въ четырехъ объемистыхъ томахъ исполненъ усиліями одного человѣка, самого А. Ѳ. Бычкова — т. I. 1887 (8⁰ XXIII. XXXII. 888. LIII), т. II. 1889 (8⁰ XX. 594. 33), т. III. 1893 (8⁰ XXVI. 855. 35), т. IV. 1900 (8⁰ XXXIV. 1259. CXIV), этотъ послѣдній томъ приготовленный и почти до конца доведенный при жизни А. Ѳ., вышелъ послѣ смерти его, а также подъ редакціею его сына И. А. Бычкова въ 1907 г.—томъ пятый. Петровское время давало поводъ еще для другихъ библіографическихъ разысканій, предпринятыхъ А. Ѳ. Бычковымъ, которыя перечислены въ отчетѣ академика А. Шахматова. Но онъ обращалъ вниманіе также на выдающихся дѣятелей позднѣйшаго времени (императрицы Екатерины, Сперанскаго) и на писателей (Кантемира, Ломоносова, Державина, Карамзина, Крылова, Жуковскаго, Пушкина, Гоголя).

А. Ѳ. Бычковъ принималъ какъ академикъ (съ 1866 г.) живое участіе въ различныхъ порученіяхъ, то въ разборахъ сочиненій представленныхъ на соисканіе премій, то въ отчетахъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности, членомъ котораго онъ состоялъ со дня избранія (1866 г.), а съ 1893 года былъ предсѣдательствующимъ Отдѣленія, то въ отзывахъ и библіографическихъ перечняхъ трудовъ скончавшихся сочленовъ. Обозрѣніе этихъ трудовъ его напечатано послѣдній разъ при Отчетѣ за 1899 г. въ «Сборникѣ» т. LXVIII, стр. 29—66. Бычковъ обладалъ очень широкой эрудиціею въ области политической и культурной исторіи русскаго народа, въ особенности послѣднихъ двухъ столѣтій, онъ былъ въ состояніи къ многочисленнымъ чужимъ трудамъ прибавлять поправки и дополненія, хотя большой оригинальностью не отличался. Къ чести его нужно сказать, что онъ охотно покровительствовалъ молодымъ ученымъ силамъ русскимъ, былъ всегда доступенъ просьбамъ и желаніямъ товарищей и представителей науки, когда они приходили къ нему съ различными требованіями въ пользу науки. Пишущій эти строки съ благодарностью вспоминаетъ его любезную предупредительность при различныхъ случаяхъ.

Къ библіографамъ, оказавшимъ очень большую пользу славянской филологіи своими вспомогательными изданіями и изслѣдованіями, принадлежитъ Андрей Николаевичъ Поповъ (родился 1841 года въ Тамбовской губерніи, † 30 мая 1881 года въ Тамбовѣ), бывшій профессоромъ русской словесности въ Лазаревскомъ институтѣ въ Москвѣ и съ 1877 г. секретаремъ Императорскаго Общества истор. и древн. россійскихъ. Неутомимую свою библіографическую дѣятельность онъ засвидѣтельствовалъ прежде всего замѣчательнымъ изслѣдованіемъ о хронографахъ, которому онъ посвятилъ два выпуска сочиненія: «Обзоръ хронографовъ русской редакціи» (вып. первый М. 1866, 8⁰. IV. 226; вып. второй М. 1889, 8⁰ 287). Какъ прибавленіе къ этому очень сложному изслѣдованію, требовавшему много усердія и критической сообразительности, чтобы разобраться въ большомъ количествѣ подходящихъ текстовъ и уловить нити для установленія различныхъ редакцій — изданъ имъ же въ 1869 году цѣлый томъ текстовъ: «Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей внесенныхъ въ хронографы русской редакціи. Собралъ и издалъ Андрей Поповъ» (8⁰ V. 541). А. Поповъ далъ этимъ образцовымъ изслѣдованіемъ толчекъ къ цѣлому ряду вопросовъ, стоящихъ еще до сихъ поръ на очереди для выясненія дѣятельности въ древне-славянской литературѣ по части исторіографической. Нѣсколько лѣтъ спустя авторъ явился съ великолѣпнымъ изданіемъ: «Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова. Со-

ставилъ Андрей Поповъ» (Москва. 1872, большая 8⁰, X. 664. 54). Это—описаніе большого числа (всего 361) преимущественно южно-славянскихъ рукописей, попавшихъ въ собраніе богатаго купца Хлудова покупкою отъ А. Ѳ. Гильфердинга, соперничаетъ содержательностью своей съ Описаніемъ рукописей Румянцевскаго музея А. Востокова; если нѣсколько уступаетъ ему въ мѣткости критико-палеографическихъ наблюденій, зато превышаетъ значеніе его многими очень важными, отчасти довольно обширными выписками текстовъ. Въ 1875 г. вышло еще «Первое прибавленіе къ описанію рукописей и каталогу книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова» (lex. 8⁰, III. 94. 5), тоже съ очень драгоцѣнными выписками. Подъ общимъ заглавіемъ «Библіографическіе матеріалы» имъ же изданы въ московскихъ «Чтеніяхъ» весьма добросовѣстно составленныя описанія и извлеченія изъ многихъ важныхъ рукописей, тоже съ выписками, отчасти даже обширными, и съ драгоцѣнными объясненіями издателя: № I: «Чтенія» 1879, кн. 1; № II — VII: «Чтенія» 1880, кн. 3; № VIII: «Чтенія» 1880, кн. 4; № IX — XIV: «Чтенія» 1881, кн. 2; № XV — XIX (послѣ кончины автора, подъ редакціею М. Сперанскаго): «Чтенія» 1889, кн. III; № XX (подъ редакціею В. Щепкина): «Чтенія» 1889, кн. III. Помимо этой серіи вышли изданные имъ же тексты полемическаго содержанія (въ «Чтеніяхъ» 1878, кн. 2; 1879, кн. 1 и 2) и обширное «Посланіе многословное, сочиненіе инока Зиновія» («Чтенія» 1880, кн. 2). Отдѣльнымъ изданіемъ онъ напечаталъ еще изслѣдованіе: «Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ XI—XV в.» (М. 1875. 8⁰ VII. 417). Это разсужденіе, представленное на Уваровскую премію, дало поводъ А. С. Павлову написать въ видѣ отзыва особенное изслѣдованіе «Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики» (СПбгъ 1878, 8⁰ VI. 210). Подъ редакціею Забѣлина вышло въ «Чтеніяхъ» 1882, въ кн. 2 изданіе, отпечатанное еще Поповымъ: «Домострой по списку Императорскаго Общества истор. и древн. россійскихъ» (8⁰ IV. 202. XVI). Еще раньше, при жизни автора, напечатана въ 1 кн. «Чтеній» за 1881 годъ: «Книга бытія небеси и земли (палея историческая), съ приложеніемъ сокращенной палеи русской редакціи. Трудъ Андрея Попова» (М. 1881, 8⁰ XXXIV. 172. 92. XVI). Греческій, имъ же въ предисловіи указанный текстъ этого славянскаго перевода изданъ въ Anecdota graeco-byzantina. Pars prior, coll. digessit, recensuit A. Vasiliev. Mosquae MDCCCXCIII (на стр. 188—292). Усердное желаніе А. Попова поднять значеніе «Чтеній» высказалось и въ томъ, что онъ позаботился объ изданіи всѣхъ тѣхъ очень важныхъ текстовъ церковно-славянской письменности, которые давно уже, въ концѣ еще сороковыхъ годовъ, были отпечатаны О. М. Бодянскимъ, но по разнымъ невзгодамъ не были выпущены въ свѣтъ. Поповъ подвергъ напечатанные тексты вторичному сличенію съ подлинниками и всѣ замѣченныя погрѣшности исправилъ въ своихъ введеніяхъ. Такимъ образомъ вышло въ 1 книгѣ «Чтеній» 1877 г.: «Богословіе святаго Іоанна Дамаскина въ переводѣ Іоанна ексарха болгарскаго» (М. 1878, 8⁰ 69. 422), въ 3 книгѣ «Чтеній» 1879 года: «Шестодневъ составленный Іоанномъ ексархомъ болгарскимъ. По харатейному списку московской синодальной библіотеки 1263 года слово въ слово и буква въ букву» (М. 1879, 8⁰ XXVI. 244 листа, т. е. 488 стр.) Въ 1879 г. кн. 1 «Чтеній»: «Житіе преподобнаго отца нашего Ѳеодосія игумена печерскаго. Списаніе Нестора» (М. 1879. 8⁰ 10. 42 лл., т. е. 84 стр.).

Въ третьей книгѣ «Чтеній» за 1889 г. перечислено въ предисловіи большое количество древнихъ рукописей, о содержаніи которыхъ собирался помѣ-

щать свои отчеты трудолюбивый Анд. Н. Поповъ. Преждевременная кончина симпатичнаго труженика помѣшала ему самому, но, какъ выше сказано, часть приготовленныхъ имъ матеріаловъ напечатана благодаря стараніямъ Сперанскаго и Щепкина. О Анд. Поповѣ см. отзывъ въ Журналѣ Минист. Народнаго Просвѣщенія (за 1881 г. № 7), «Вѣстникъ Европы» (1881 № 7) и Р. Ф. В. (1881 т. VI, стр. 199—201).

Въ древне-русской письменности, въ особенности по вопросамъ христіанской археологіи, а также въ библіографіи усердствовалъ профес. Казанскаго, потомъ Одесскаго университета Николай Ѳомичъ Красносельцевъ. Родомъ изъ Самарской губерніи (3 декабря 1845 г.), онъ прошелъ уфимскую духовную семинарію и поступилъ въ 1866 году въ Казанскую духовную академію, гдѣ между прочимъ, слушалъ лекціи профессоровъ Порфирьева и Ильминскаго. Кончивъ курсъ со степенью кандидата въ 1870 году, онъ получилъ въ 1871 году командировку за границу, которую посвятилъ, главнымъ образомъ, изученію христіанскихъ древностей въ Италіи. Возвратившись въ Казань, онъ занялъ каѳедру по церковной исторіи и усердно участвовалъ своими трудами въ «Православномъ Собесѣдникѣ». Изъ числа ихъ славянской филологіи касаются: «Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ ватиканской библіотеки» (Казань 1885, 8⁰ 375)—есть данныя о греческихъ и славянскихъ рукописяхъ,—«Славянскія рукописи патріаршей библіотеки въ Іерусалимѣ» (Казань 1889, 8⁰ 32)—этотъ отчетъ стоитъ въ связи съ путешествіемъ его въ томъ же году на востокъ. Изслѣдованіе его «Къ исторіи православнаго богослуженія» (Казань 1889, 8⁰ 246) черпало матеріалъ главнымъ образомъ изъ славянскихъ рукописей соловецкой библіотеки, въ описаніи которыхъ Красносельцевъ принималъ главное участіе. Въ «Описаніи рукописей соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской духовной академіи» (Казань 1881, ч. I. 8⁰ V. 755. XLVII; ч. II. 1885, VI. 581. LXIII; части III-ей я знаю только 22 листа, до № 859 включительно, вышелъ ли полный томъ, мнѣ неизвѣстно), Красносельцевъ участвовалъ въ ч. I и III, въ описаніи книгъ св. писанія и богослужебныхъ. Въ 1889 году онъ перешелъ на каѳедру церковной исторіи въ Одессу, но въ Казани еще напечатаны его «Матеріалы для исторіи чинопослѣдованія литургіи св. Іоанна Златоустаго» (Казань 1889, 8⁰ 114)—и тутъ имѣются неизданные греческіе и славянскіе тексты. Обладая большой начитанностью въ греческихъ литургическихъ текстахъ по изданіямъ и неизданнымъ рукописямъ, онъ былъ въ состояніи для иныхъ славянскихъ текстовъ указать на греческіе источники. Въ 1890 году онъ напечаталъ «Къ вопросу о греческихъ источникахъ Бесѣды трехъ святителей» (Одесса 1890, 8⁰ 43), добавленіе къ этому въ «Еще по вопросу объ источникахъ Бесѣды трехъ святителей» (ib. 8⁰ 14). Чисто греческихъ литургическихъ текстовъ касаются его дальнѣйшія изслѣдованія: «Типикъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ IX вѣка» (Одесса 1892, 8⁰ 101), «О древнихъ литургическихъ толкованіяхъ» (Одесса 1894, 8⁰ 82), «Addenda» къ изданію А. Васильева «Anecdota graeco-byzantina» (Одесса 1898, 8⁰ 107). О значеніи трудовъ Красносельцева для церковно-славянскаго языка сл. статью П. А. Лаврова: «Значеніе славянскихъ текстовъ изданныхъ Н. Ѳ. Красносельцевымъ» (отд. отт. изъ Одесскихъ унив. «Записокъ»).

Иванъ Даниловичъ Мансветовъ (1843—1885), воспитанникъ Московской духовной академіи и потомъ профессоръ церковной археологіи и литургики въ томъ же заведеніи, занимался археологическими вопросами относящимися къ

Россіи, преимущественно по архитектурѣ русскихъ церквей. Кромѣ того, къ славянской филологіи имѣютъ нѣкоторое отношеніе его: «Очерки изъ исторіи просвѣщенія и духовной литературы древней Руси» (въ Правосл. Обозрѣніи за 1876 годъ) и еще ближе его монографія о Кипріанѣ: «Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности. Историко-литургическое изслѣдованіе» (М. 1882, 8⁰ 202. XXXVIII). Любопытны для исторіи церковно-славянскихъ текстовъ въ Россіи его разысканія: «Какъ у насъ правились церковныя книги. Матеріалъ для исторіи книжной справы въ XVII столѣтіи. По бумагамъ архива типографской библіотеки въ Москвѣ» (М. 1883. 8⁰ 61) и «Какъ у насъ правились типикъ и минеи. Очеркъ по исторіи книжной справы въ XVII столѣтіи» (М. 1884, 8⁰ 48). Для уразумѣнія разныхъ текстовъ церковно-славянской письменности важно его изслѣдованіе: «Церковный уставъ (типикъ), его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви» (М. 1885, 8⁰ IV. 448). Какъ Красносельцевъ, такъ и Мансветовъ могли, благодаря знакомству съ византійской церковной литературой, находить параллели и объясненія для того или другого церковно-славянскаго памятника. Дѣйствительно въ Древностяхъ Моск. Археол. Общ. онъ напечаталъ «Византійскій матеріалъ для сказанія о двѣнадцати трясавицахъ» (Москва 1881, 4⁰ 15).

Число любителей древней письменности, обогатившихъ своими библіографическими разысканіями славянскую филологію, не было бы полно, если бы мы обошли молчаніемъ князя Павла Петровича Вяземскаго, основателя Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности (въ 1877 г.), одолжившаго русско-славянскую филологію изданіемъ, отчасти даже палеографически вѣрнымъ воспроизведеніемъ очень большого числа памятниковъ. Князь Павелъ родился въ 1820 году въ Варшавѣ, гдѣ отецъ его знаменитый русскій писатель князь Петръ Андреевичъ состоялъ на службѣ. Получивъ образованіе дома, потомъ въ Петровской нѣмецкой школѣ и въ Петербургскомъ университетѣ, онъ съ 1840 года былъ на службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ по дипломатической части; въ этомъ званіи онъ пробылъ въ разныхъ городахъ Европы (Константинополь, Гаага, Карлсруэ, Вѣна) съ 1846 по 1856 годъ. Переведенный на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, онъ состоялъ то помощникомъ попечителя, то попечителемъ въ разныхъ учебныхъ округахъ, пока въ 1862 году не перешелъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ былъ опредѣленъ въ предсѣдатели комитета по иностранной цензурѣ и потомъ въ начальники главнаго управленія по дѣламъ печати. Съ 1883 года до конца жизни онъ былъ членомъ сената. У князя Павла Петровича было блестящее свѣтское образованіе, склонявшееся съ особенной любовью къ древне-русской письменности и искусству. Онъ обладалъ изящнымъ вкусомъ на основѣ древняго классицизма, который у него высказался въ оригинальной попыткѣ объяснить древне-русскій памятникъ «Слово о полку Игоревѣ» реминисценціями изъ античнаго міра, въ «Замѣчаніяхъ на Слово о полку Игоревѣ» (Временникъ 1851, кн. 11, XX. 66, ib. 1853, кн. 17, 54). Въ полномъ видѣ трудъ этотъ вышелъ въ 1875 году, съ прибавленіемъ 1877 года: «Слово о полку Игоревѣ. Изслѣдованіе о варіантахъ» (СПбгъ. 1877. 8⁰ 265). О заслугахъ князя для основанія и оживленія дѣятельности Общества Любителей Древней Письменности могъ бы и пишущій эти строки сказать нѣсколько сердечныхъ словъ, если бы это было нужно. Укажемъ на изданіе «Сборникъ въ память князя Павла Петровича Вяземскаго», изданный Обществомъ въ 1902 году (8⁰. 75). Часть сочи-

пеній его (за исключеніемъ изслѣдованія о Словѣ о Полку Игоревѣ) издана на средства графа С. Д. Шереметева въ 1893 году подъ редакціею П. Тиханова: «Собраніе сочиненій князя П. П. Вяземскаго 1876—1887» (СПбгъ. 1893. 8⁰ 644). Князь П. П. Вяземскій скончался 29 іюня 1888 года.

Своеобразно оригинальной личностью былъ Влад. Вас. Стасовъ (1824—1906), большой любитель и знатокъ искусства, въ особенности какъ оно отражалось въ русской народной жизни, современной и прошлой; первое онъ изучалъ на народныхъ издѣліяхъ, узорахъ народнаго шитья и т. п., послѣднее на изображеніяхъ древнихъ памятниковъ, между прочимъ также на лицевыхъ рукописяхъ. Его интересовали всѣ проявленія художества, не только живопись, скульптура и архитектура, но также музыка и всѣ словесныя произведенія народнаго творчества или народной подражательности. Вездѣ онъ доискивался національной сути, воплощенія народнаго идеала. Его энергичная натура увлекала нерѣдко восторженное настроеніе его относительно какого либо имъ сдѣланнаго открытія или догадки за предѣлы всякой вѣроятности, но этотъ личный энтузіазмъ выступалъ въ горячо написанныхъ статьяхъ съ такой силой убѣдительности, что доводамъ его поневолѣ вѣрили и онъ самъ и многіе другіе. Одушевленный поклонникъ просвѣщенія и европейскаго прогресса, онъ въ то же время чуялъ русскую душу и очень высоко цѣнилъ ее: чистѣйшій западникъ и русскій народникъ сплотились въ немъ въ одно гармоническое цѣлое. Оставляя въ сторонѣ его очень плодовитую дѣятельность по искусству, ограничимся тѣмъ, что близко касается славянской филологіи. На тему о происхожденіи народной поэзіи Стасовъ увлекся Бенфейевской теоріею и написалъ въ «Вѣстникѣ Европы» рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ «Происхожденіе русскихъ былинъ» (Спб. 1868 янв.—апрѣль, іюнь—іюль), гдѣ онъ старался доказать, что все содержаніе и даже поэтическая форма русскихъ былинъ—дѣло заимствованное съ востока. Эта гипотеза Стасова вызвала энергическій протестъ, между прочимъ, со стороны Ѳ. И. Буслаева и А. Шифнера въ XII присужденіи наградъ графа Уварова, а также отклоняющіе отзывы А. Розова (въ Трудахъ Кіев. д. Ак. 1871, № 3, 4, 6, 7) и В. Ѳ. Миллера (въ Бесѣдахъ Общ. л. р. слов. III). Другіе труды Стасова, имѣющіе отношеніе къ слав. этнографіи или археологіи, перечислены у А. Пыпина въ Исторіи русской этнографіи II, 156—7. Еще ближе соприкасается съ славянской филологіею по археологической части ея самый важный, прямо можно сказать монументальный трудъ Стасова, его сборникъ матеріаловъ для славянскаго и восточнаго орнамента по рукописямъ. И здѣсь исходная точка Стасова была сосредоточена въ желаніи доказать извѣстную степень зависимости орнаментовъ русскихъ рукописей отъ окружавшей писцовъ національной среды и ея художественныхъ преданій. Но у него оказалось столько историческаго смысла, что онъ для проведенія параллели порѣшилъ собрать матеріалъ также изъ тѣхъ источниковъ, которые въ историко-литературномъ отношеніи являются по большей части первообразами произведеній русскихъ, т. е. изъ рукописей южно-славянскихъ, потомъ византійскихъ и восточныхъ. Увлекшись этой многолѣтней приготовительной работой, онъ обратилъ вниманіе также на оригинальную сторону латинскихъ рукописей, возникшихъ въ западно-славянскихъ странахъ, а для расширенія рамки по восточной части не ограничился исключительно византійскимъ матеріаломъ, но захватилъ еще дальше на востокъ. Такимъ образомъ образовался великолѣпный, даже единственный трудъ его: «Славянскій и восточный орнаментъ по рукописямъ древняго и новаго вре-

мени: «L'ornement slave et oriental d'après les manuscrits anciens et modernes» (Спб. 1884, fol.) обнимающій на 156 таблицахъ fol. большое количество рисунковъ, заставокъ, заглавныхъ буквъ, скопированныхъ по большей части имъ самимъ съ подлинниковъ, съ соблюденіемъ не только всѣхъ контурныхъ подробностей, но также красочныхъ оттѣнковъ. Къ сожалѣнію текста, въ которомъ были бы представлены итоги этого труда, Стасовъ не написалъ, да скажемъ откровенно, и не могъ написать. Его соображенія художественнаго чутья шли въ разрѣзъ съ исторической преемственностью. Хорошую характеристику Стасова какъ писателя по разнымъ отраслямъ русскаго искусства представилъ акад. Кондаковъ въ Отзывѣ (некрологѣ) напечатанномъ въ Ж. М. Н. Пр. 1907 январь (Соврем. лѣтопись 51—72). Относительно изданія его орнамента сл. мой отзывъ въ Archiv f. sl. Phil. VIII, 120, въ «Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ» 1888, 146—185, Буслаева въ Ж. М. Н. Пр. 1884 май 54—104, Соболевскаго въ Извѣстіяхъ Кіевск. унив. 1887. Собранныя сочиненія Вл. В. Стасова (1847—1886) вышли въ 4 томахъ Спб. 1894—1905. Въ «Вѣстникѣ Европы» 1908 г. кн. февраль—май напечаталъ Григорій Тимофеевъ довольно обширный очеркъ жизни и дѣятельности В. В. Стасова.

Для исторіи русскаго права, памятники котораго входятъ въ славянскую филологію, какъ очень важные источники языка и свидѣтельства его развитія, помимо заслугъ Карамзина (о значеніи Карамзина въ исторіи русскаго законодательства произнесъ рѣчь Калачовъ въ Моск. университетѣ 1 дек. 1861 г., напеч. въ Моск. унив. Изв. за 1866—7 г. № 3), К. Калайдовича и другихъ, упомянемъ изданіе «Русскихъ достопамятностей», первая часть которыхъ вышла еще въ 1815 г. подъ редакціею К. Калайдовича, во второй (1843 г.) издалъ Д. Дубенскій «Памятники древняго русскаго права» (главное содержаніе «Правда Русская» стр. 10—137 и «Законъ судный людемъ» стр. 138—242), въ третьей части (1844) подъ редакціею того же Дубенскаго вышло «Слово о плъку Игоревѣ» (8⁰ 316). Большое значеніе для своего времени приписывалось изслѣдованіямъ барона Розенкампфа о Кормчей книгѣ: «Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ» (М. 1829, 2-е изданіе 1839). Содержаніе того и другого изданія представлено въ изслѣдованіи Августа Энгельмана: «Объ ученой обработкѣ греко-римскаго права, съ обозрѣніемъ новѣйшей его литературы» (Спб. 1857, 8⁰ VII, 189). Для изданія не только историческихъ, но и юридическихъ памятниковъ важное значеніе имѣло учрежденіе Археографической Коммиссіи (1837). Ей наука обязана въ 1838 г. прекраснымъ изданіемъ «Актовъ юридическихъ» (4⁰ VII, 465, 23, 61), между тѣмъ еще раньше, какъ результатъ археограф. экспедиціи при Академіи Наукъ, вышли въ 1836 году три тома «Актовъ, собранныхъ въ библіотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи».

Въ пятидесятыхъ годахъ занялъ Н. В. Калачовъ (1819—1885), извѣстный знатокъ русскаго права и всѣхъ юридическихъ сторонъ русской старины и русскаго народнаго быта, должность правителя дѣлъ археограф. коммиссіи (1856), гдѣ онъ началъ свою дѣятельность тотчасъ же по выходѣ изъ университета (1836—1840), занимаясь въ то же время приготовленіемъ диссертаціи, которую по семейнымъ обстоятельствамъ успѣлъ представить въ юр. факультетъ и защитить только въ 1846 году: «Изслѣдованіе о русской правдѣ. Ч. I. Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія русской правды» (М. 1846). На основаніи этого труда онъ получилъ (1848 г.) за выходомъ Кавелина, каѳедру исторіи русскаго законодательства въ Московскомъ университетѣ.

Въ 1847 г. имъ напечатано въ Чтеніяхъ (кн. 3—4, общ. число кн. 16—17) важное изслѣдованіе: «О значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права» (8⁰ 128, 80). Имъ же основано въ бытность его профессоромъ очень замѣчательное повременное изданіе: «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній относящихся до Россіи», въ которомъ помимо его самого приняли участіе всѣ лучшіе тогдашніе ученые по историко-филологической и историко-юридической спеціальности. Съ 1851 по 1858 г. вышло всего 4 тома. Изданіе это пользуется и теперь еще большимъ значеніемъ. Но Калачова тянуло въ археографическую коммиссію, для которой онъ еще въ бытность свою въ Москвѣ предпринималъ путешествія по разнымъ губерніямъ для собиранія матеріаловъ. Въ 1857—1884 годахъ, какъ членъ коммиссіи, онъ издалъ три тома «Актовъ относящихся до юридическаго быта древней Россіи» — изданіе очень полезное и важное. Въ Импер. академіи наукъ выходили его крит. разборы различныхъ трудовъ юрид. содержанія въ Отчетахъ о присужденіяхъ Демидовской и Уваровской премій. Онъ участвовалъ въ многихъ журналахъ, сталъ въ 1858 издавать взамѣнъ прежняго «Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи» съ приложеніемъ «Юридическій Вѣстникъ» (за 1860—1864 гг.). Будучи предсѣдателемъ въ этнограф. отдѣленіи геогр. общества онъ указывалъ на важность собиранія юридическихъ обычаевъ въ народномъ быту, къ чему въ то же время у южныхъ славянъ возникъ большой интересъ благодаря трудамъ Утѣшеновича, Герменегильда Иречка и В. Богишича. Заслуги Калачова объ усовершенствованіи архивнаго дѣла въ Россіи, объ учрежденіи Археологическаго института и т. д. не входятъ въ планъ нашего обозрѣнія. Достаточно указать на статьи посвященныя его памяти и заслугамъ въ этихъ дѣлахъ (Андреевскаго, Данилова, А. Н. Львова, Труворова) въ Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи, издаваемомъ Археологическимъ институтомъ. Спб. 1886, вып. V.

По каноническому праву, въ ближайшей связи съ славянской филологіею, поработалъ очень много весьма даровитый и энергичный въ своей области А. Ст. Павловъ (1823—1898) родомъ сибирякъ, бывшій профессоръ казанскаго, потомъ одесскаго и московскаго университетовъ. Въ бытность мою профессоромъ въ Одессѣ я имѣлъ удовольствіе близко сойтись съ нимъ и оцѣнить по достоинству его прямо сказать жажду науки, его неутомимое стремленіе подойти къ занимавшимъ его вопросамъ по исторіи каноническаго права критически, на основаніи изученія источниковъ не то византійскихъ, не то славянскихъ. По славянской филологіи онъ не прошелъ къ сожалѣнію хорошей школы, былъ и тогда еще слабо свѣдущъ, но онъ чувствовалъ этотъ пробѣлъ и старался восполнить его, изучая кромѣ русскихъ также южно-слав. памятники, къ каноническому содержанію которыхъ онъ возбуждалъ также (за что я ему весьма благодаренъ) и мою пытливость. Тексты напечатанные мною въ VI томѣ «Starine» (1874) подъ заглавіемъ «Krmčaja ilovička 1262» и «Sitna gradja za crkveno pravo» (60—156), вызваны прямо желаніемъ моего одесскаго товарища и сослуживца, которому я желалъ угодить изученіемъ и выписками изъ упомянутыхъ памятниковъ, находившихся отчасти въ Загребѣ, отчасти въ Прагѣ, гдѣ я прожилъ лѣто 1873 года, изучая рукописи собранія Шафарика. Мнѣ приходилось, правда, возражать противъ одного положенія его классической монографіи: «Первоначальный славяно-русскій номоканонъ» (Казань 1869), насколько рѣчь заходила объ участіи сербскаго Саввы въ составленіи Кормчей рязанскаго типа, и мнѣ кажется, что онъ придавалъ моимъ воз-

раженіямъ довольно много значенія, хотя вообще филологическимъ аргументамъ онъ былъ мало доступенъ. Какъ удачно онъ постоянно слѣдилъ за греческими источниками славянскихъ текстовъ каноническаго содержанія, доказываетъ его въ 1872 г. изданный (въ Запискахъ Одесск. университета) трудъ «Номоканонъ при большомъ требникѣ, изданный вмѣстѣ съ греческимъ подлинникомъ до сихъ поръ неизвѣстнымъ и съ объясненіями издателя» (8⁰ 240). Но на этомъ же памятникѣ, во второмъ изданіи его въ 1897 г. въ Москвѣ (8⁰ XIV. 520) видно, что изслѣдованія Павлова постоянно углублялись привлеченіемъ къ обсужденію вопроса новыхъ данныхъ, напр., въ этомъ случаѣ значительно расширеннаго рукописнаго матеріала греческаго, только по славянской части и теперь еще не было сдѣлано столько, сколько можно было ожидать. Напротивъ, о греческихъ рукописяхъ онъ постоянно заботился, ему была прекрасно извѣстна обширная область рукописной библіографіи, обогащаемая собственными его разысканіями. Такимъ образомъ въ XIII томѣ одесскихъ унив. записокъ (1874) вышла его статья: «Замѣчательнѣйшія греческія рукописи каноническаго содержанія въ московской синодальной библіотекѣ» (8⁰ 34). Сюда относится также статья (1875): «Замѣчанія на программу изданія въ русскомъ переводѣ церковныхъ правилъ съ толкованіями». Поговаривалось также, вскорѣ послѣ его переѣзда въ Москву, что ему будетъ поручено описаніе слав. (и греч.?) рукописей канонич. содержанія синодальной библіотеки, какъ продолженіе прекрасно начатаго дѣла Горскаго и Невоструева, но его самостоятельные взгляды какъ ученаго, въ своихъ отзывахъ иногда нѣсколько рѣзкаго, которыми еще въ бытность свою молодымъ ученымъ въ Казани не понравился начальству, должно быть и теперь помѣшали осуществленію этого хорошаго замысла (см. выше на стр. 635).

Въ 1875 году Павловъ перешелъ въ Московскій университетъ, гдѣ сокровища библіотечныя были у него ближе подъ рукою, но жизнь была менѣе спокойна чѣмъ въ Одессѣ. Первымъ трудомъ его московской дѣятельности была очень обстоятельная рецензія на сочиненіе Андр. Попова о Полемической литературѣ противъ латинянъ (Москва 1875), она вышла въ XIX отчетѣ присужденій наградъ графа Уварова (отд. отт. Спб. 1878, 8⁰ VI, 210). Кромѣ критическихъ замѣчаній на сочиненіе Попова здѣсь напечатано въ приложеніяхъ много важныхъ текстовъ (по большей части греческихъ), почерпнутыхъ имъ прямо изъ рукописей синод. библіотеки. Въ 1880 году вышелъ какъ шестой томъ «Русской исторической библіотеки» его давно приготовляемый большой сборникъ: «Памятники древне-русскаго каноническаго права» (больш. 8⁰ XIX, 930, 315, 70) — это капитальный трудъ, необходимый критическій фундаментъ для исторіи каноническаго права на русско-славянскомъ православномъ востокѣ. Изданіе очень важно также для славянской филологіи, потому что въ немъ вновь критически перепечатаны такіе замѣчательные памятники древне-русской письменности, какъ «Вопросы Кирика, Саввы и Ильи» (стр. 21—62) и много другихъ текстовъ 12—15 в.в. Павловъ старался передать тексты критически вѣрно, съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей орѳографическихъ и палеографическихъ. Къ сожалѣнію на этомъ одномъ томѣ изданіе такъ и остановилось. Только небольшое прибавленіе было напечатано въ брошюрѣ: «Неизданный памятникъ русскаго церковнаго права XII вѣка» (Спб. 1890, отд. отт. Ж. М. Н. Пр. 1890 октябрь). Небольшого объема, но очень важное своимъ содержаніемъ было также изданіе: «Книги законныя, содержащія въ себѣ

въ древне-русскомъ переводѣ византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачные и судебные» (Спб. 1885, 8⁰ 92). И здѣсь Павловъ снабдилъ вновь (впервые послѣ 1768 года) изданный славянскій текстъ греческимъ подлинникомъ той редакціи, которая ближе всего напоминала составъ славянскаго перевода. Но и здѣсь слабую сторону изслѣдованія Павлова представляла филологическая часть славянскаго текста, на что вѣрно указано въ обширной рецензіи В. Г. Васильевскаго (въ Ж. М. Н. Пр. 1886, ч. CCXLIII). Болѣе практическое значеніе для русской церковной жизни имѣло изслѣдованіе: «50-я глава Кормчей книги» (М. 1887, 8⁰ 452), вызванное отчасти сочиненіемъ проф. М. Горчакова.

А. Павловъ любилъ вдаваться въ полемику, въ которой отзывался иногда горячей діалектикою, прикрывавшей слабость положительныхъ аргументовъ. Такого рода была его въ 1892 противъ сочиненія Н. С. Суворова (Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права. Ярославль 1888) направленная полемика: «Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права» (Москва 1892, 8⁰ 174). Какъ извѣстно, Суворовъ отвѣчалъ двумя сочиненіями: «Къ вопросу о западномъ вліяніи на древне-русское право» (Ярославль 1893, 8⁰ 383, XVI) и «Вопросъ о номоканонѣ Іоанна Постника въ новой постановкѣ» (Ярославль 1898, 8⁰ 112). Нѣсколько лѣтъ спустя коснулся того же вопроса также проф. В. Вондракъ въ «Zachodnio-europejskie Postanowienia pokutne w języku cerkiewnosłowiańskim (т. XL Rozpraw wydziału filologicznego. Kraków 1904, 8⁰ 68), но несмотря на пользу оказанную этими изслѣдованіями разъясненію интереснаго вопроса, я не считаю его еще окончательно рѣшеннымъ въ смыслѣ Суворова и Вондрака. Павловъ принималъ участіе въ «Византійскомъ Временникѣ», т. I, II, III, IV (здѣсь важна замѣчательная статья его: «О преимуществахъ Константинопольскаго патріаршаго престола» съ двумя дополненіями въ слав. переводѣ, которыя Павловъ былъ не прочь приписать Меѳодію, на что должны обратить вниманіе славянскіе филологи). Памяти А. С. Павлова посвященъ отзывъ А. Ѳ. Бычкова въ Отчетѣ о дѣятельности Отд. р. яз. и сл. за 1898 г. (въ Сборникѣ т. LXVII), проф. Суворова въ «Виз. Врем.» (V, 830—841) и въ особенности некрологъ написанный Вл. Сокольскимъ съ введеніемъ и дополнительными примѣчаніями В. Г. Васильевскаго (въ Ж. М. Н. Пр. 1898 октябрь). Здѣсь имѣется перечень всѣхъ статей Павлова, помимо указанныхъ нами сочиненій.

Для исторіи славянской филологіи важны, конечно, труды такихъ русскихъ историковъ, какъ С. М. Соловьевъ или К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, но мы не можемъ останавливаться на ихъ дѣятельности. Упомянемъ только, что у Соловьева помимо первыхъ главъ его «Исторіи Россіи» о славянахъ вообще распространяется его статья: «Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи славянъ, преимущественно восточныхъ во времена языческія» (въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній» Н. В. Калачева 1850, кн. I, стр. 1—54). О Бестужевѣ-Рюминѣ (1829—1897) слѣдуетъ прежде всего вспомнить какъ о новомъ издателѣ «Онежскихъ былинъ» Гильфердинга Въ филологіи славянской занимаетъ почетное мѣсто его критическое разсужденіе «О составѣ русскихъ лѣтописей» (Спб. 1868. 8⁰, 378, въ выпускѣ IV «Лѣтопись занятій археографической коммиссіи»). И для русской литературы онъ обнаруживалъ много интереса и глубокаго смысла, какъ доказываютъ его отзывы объ изданіяхъ или

изслѣдованіяхъ, касающихся Пушкина, Гоголя, Достоевскаго, П. И. Мельникова, К. Кавелина, Н. Я. Данилевскаго, И. С. Аксакова. Н. А. Полевого, митрополита Евгенія и т. д. Съ особенной любовью онъ останавливался также на изданіяхъ произведеній народнаго творчества и сочиненіяхъ посвященныхъ этому предмету (напримѣръ, въ «Отеч. Запискахъ» 1861, № 6 и 7 объ изданіяхъ Рыбникова, Кирѣевскаго, Шейна, Безсонова, о трудѣ Ор. Миллера объ Ильѣ Муромцѣ въ «Зарѣ» 1870, № 1, о La Russie épique Рамбо въ Ж. М. Н. Пр. 1876, № 9). Отзывъ о Бестужевѣ-Рюминѣ съ перечнемъ его трудовъ см. въ Ж. М. Н. Пр. 1897 мартъ: «Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина» (158—207), и Шмурло: «Очеркъ жизни и научной дѣятельности К. Н. Бестужева-Рюмина».

Еще ближе относится къ славянской филологіи Нилъ Александровичъ Поповъ (1833—1891), тоже русскій историкъ, взоры котораго, однакожъ были устремлены также въ славянскія страны, и главнѣйшіе труды его посвящены южнымъ славянамъ, какъ: «Россія и Сербія» (въ двухъ томахъ 1869 года), съ дополненіями: «Сербія послѣ парижскаго мира» (1871), «Сербія и Порта» (1878, отд. отт. изъ В. Евр.), «Вторичное правленіе Милоша» (1880—1, отд. отт. изъ «Русской Мысли»). Ему славянская наука обязана изданіемъ важной переписки съ Погодинымъ Бодянскаго, Шафарика и нѣкоторыхъ другихъ славянъ (Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель. М. 1879, 8⁰ XVIII, 744, отд. отт. изъ московскихъ «Чтеній»). Тамъ же 1881 г. кн. I еще «Письма В. В. Ганки къ А. С. Норову и барону М. А. Корфу» (9—31). Усердной дѣятельности его въ Московскомъ Славянскомъ Обществѣ во время съѣзда славянъ на этнографическую выставку и во время послѣдней русско-турецкой войны мы здѣсь касаться не будемъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ московскихъ славянофиловъ того времени и сообщалъ въ этомъ духѣ и направленіи свои впечатлѣнія о положеніи дѣлъ у южныхъ славянъ, въ особенности православныхъ сербовъ Австріи (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1865, № 5, въ «Православномъ Обозрѣніи» 1873, т. II, въ «Русскомъ Архивѣ» 1873, 159—163, 1878, № 12, 1882, № 1 и т. д.). По исторіи славянскихъ литературъ укажемъ на его статью въ Ж. М. Н. Пр. ч. CCXV, стр. 162, 225: «Къ вопросу о реформѣ Вука Караджича» (по поводу книги Пл. Кулаковскаго). По исторіи внутренняго развитія Россіи онъ напечаталъ въ 1871 году рѣчь «О значеніи германскаго и византійскаго вліяній на русскую историческую жизнь въ первые два вѣка ея развитія» (Москва 1871, 8⁰ 32), а какъ истинный славянофилъ онъ вѣрилъ въ возможность навязать всѣмъ славянамъ кирилловскій шрифтъ. Объ этомъ вышла еще въ 1865 г. въ № 39 «Современной Лѣтописи» (при «Московскихъ Вѣдомостяхъ») его статья, которую я знаю по чешскому ея переводу, изданному въ Прагѣ 1866: «Otázka o písmu všeslovanském. Вопросъ объ обще-славянскомъ письмѣ. Sepsal Nil Popov. Vydal Frant. Aug. Urbánek (16⁰ 20). Какъ я зналъ Попова, мнѣ кажется, что онъ подъ конецъ своей жизни гораздо трезвѣе смотрѣлъ на это дѣло и отказался отъ многихъ увлеченій молодости. Впрочемъ и въ своей ученой дѣятельности онъ теперь возвратился къ вопросамъ русской культурной исторіи, къ Татищеву, къ Исторіи Импер. Общества исторіи и древностей, къ Исторіи Москов. Университета и къ архивному дѣлу по министерству юстиціи, будучи въ 1888 г. назначенъ директоромъ Московскаго архива. Перечень его трудовъ напечатанъ въ «Памятной Книжкѣ Архива Министерства Юстиціи», см. также отзывъ о немъ В. Сторожева въ изданіи Моск. археол. общества «Памяти Леонида, Гатцука, Попова, Котляревскаго» (М. 1893).

Къ славянской филологіи состояли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ два знаменитыхъ представителя византологіи въ Россіи: А. А. Куникъ и В. Г. Васильевскій. Первый изъ нихъ отличался громадной эрудиціею по разнымъ вспомогательнымъ наукамъ для византійско-русской исторіи, напримѣръ онъ былъ отличный знатокъ греко-славянской нумизматики («О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владиміровича» Спб. 1860, VIII, 166), интересовался вопросами хронологическими (въ Mélanges russes II, III, V), историко-топографическими (О запискѣ готскаго топарха, Зап. И. А. Н. XXIV, 61—160) и множествомъ мелочей изъ византійско-русской старины, гдѣ онъ блисталъ критической щепетильностью. Преимущество его передъ всѣми современниками состояло въ хорошей лингвистической подготовкѣ, благодаря которой онъ взялся за рѣшеніе вопроса о происхожденіи настоящихъ Россовъ, основателей древней Руси. Это былъ его главный трудъ на всю жизнь: «Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven. Eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des russischen Staates» (StPbg. 1844—5: I, XXVIII. 182, II, XVI. 496). Куникъ не сумѣлъ своими громадными свѣдѣніями воспользоваться для созданія большихъ систематическихъ трудовъ, но въ примѣчаніяхъ, иногда очень важныхъ, къ чужимъ изслѣдованіямъ любилъ размѣнять свою ученость на мелкую монету. Въ этомъ отношеніи замѣчательны его примѣчанія къ сочиненіямъ академика Б. Дорна «Каспій» (1875, въ Зап. И. А. Н. т. XXVI, № 1, Mémoires de l'Académie impériale, VII série, tome XXIII, № 1), гдѣ онъ входитъ въ критическій разборъ, между прочимъ, вопроса о русскомъ походѣ 1043 г., о древне-русскомъ торговомъ флотѣ, о «Варангомахіи» (библіогр. обозрѣніе вопроса о Варягахъ—Руси) и даже указатель къ своимъ же замѣткамъ снабдилъ опять новыми примѣчаніями. Когда въ моемъ Архивѣ (Archiv f. sl. Phil. VIII, 1—35) вышла статья Первольфа: «Slavische Völkernamen» Куникъ обѣщался было написать свои критическія замѣтки, но къ сожалѣнію не исполнилъ обѣщанія. Зато въ польскомъ журналѣ «Kwartalnik historyczny» (1898, rocznik XII, zeszyt I и III) началъ выходить его этюдъ «Lęchica. Pogląd krytyczny na dotichczasowe traktowanie Kwestyi lechickiej» (1—24, 497—514), гдѣ, главнымъ образомъ, разбираются этимологически названія lęch—lengyel—lenkas—lingones, съ интересной перепиской Куника съ Бодуэномъ (было еще продолженіе Lęchica, которое до сихъ поръ не появилось въ свѣтъ). Послѣ смерти Куника († 18 янв. 1899) вышло въ изданіи «Болеславъ-Юрій II князь всей малой Руси. Сборникъ матеріаловъ и изслѣдованій» (Спб. 1907) его «Объяснительное введеніе къ грамотамъ и лѣтописнымъ сказаніямъ, касающимся исторіи Червонной Руси въ XIV в.» (113—197). Какъ было уже сказано выше (стр. 176). Куникъ издалъ изслѣдованія Круга, а въ 1865 г. подъ его редакціею вышелъ «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Акад. Наукъ въ XVIII вѣкѣ» (два тома). Прекрасную характеристику А. А. Куника написалъ В. Г. Васильевскій въ Извѣстіяхъ Импер. Ак. Н. т. X, № 3 (а также въ Виз. Временникѣ VI, 619—632). Только о значеніи Куника, какъ хорошаго лингвиста не сказано всего того, что можно и должно было сказать.

Василій Григорьевичъ Васильевскій (род. 21/I 1838 † 13/V 1899) съ полнымъ правомъ славится какъ основатель византологіи въ рядахъ русскихъ ученыхъ и профессоровъ. Выходя изъ классической филологіи, онъ примѣнилъ строгій методъ внимательнаго филологическаго изученія отдѣльныхъ изданныхъ и неизданныхъ византійскихъ источниковъ къ выясненію многихъ

важныхъ для Византіи и для Россіи историческихъ событій, къ правильной оцѣнкѣ ихъ значенія, при чемъ на долю славянскихъ памятниковъ выпало нѣсколько менѣе вниманія, чѣмъ можно было бы ожидать, еслибы Васильевскій былъ ближе знакомъ съ славянской филологіею. Правда, онъ не придавалъ главнаго значенія изданію памятниковъ, но и въ этой дѣятельности у него стояли на первомъ планѣ греческіе тексты. Такъ напримѣръ во II томѣ Виз. Временника онъ напечаталъ изслѣдованіе «Хроника Логоѳета на славянскомъ и греческомъ» (стр. 78—144), но славянскаго текста не издалъ онъ самъ, а Вс. Срезневскій въ сочиненіи: «Симеона Метафраста и Логоѳета описаніе міра отъ бытіѧ и лѣтовникъ собранъ отъ различныхъ лѣтописецъ» (Спб. 1905, 4° XVII, 239). Точно такъ у него оставлено въ сторонѣ столь важное для древней русской лѣтописи изданіе той редакціи хроники Георгія Амартола, которая была знакома еще составителю древнѣйшаго свода. Онъ намѣревался, напротивъ, содѣйствовать ко вторичному печатному изданію текста такъ называемой сербской редакціи. Несмотря на это, какъ могло бы казаться, безучастное отношеніе знаменитаго византолога къ памятникамъ славянской письменности, онъ все таки много сдѣлалъ для славяновѣдѣнія, если не по филологической, такъ по исторической части этой науки. Объ этой сторонѣ его дѣятельности сл. статью П. А. Лаврова: «Труды В. Г. Васильевскаго по исторіи славянъ» (отд. отт. изъ «Научно-литературнаго Сборника Галицко-русской Матицы» 1901 т. I, вып. 1, 16 стр.). Большія заслуги Васильевскаго для редакціи Ж. М. Н. Пр., редакторомъ котораго онъ состоялъ съ іюля 1890 г. по мартъ 1899 г., и для Византійскаго Временника, который выходомъ своимъ и существованіемъ обязанъ преимущественно ему же, обрисованы въ отзывахъ о немъ въ Ж. М. Н. Пр. 1899 г. іюнь и августъ и въ Виз. Врем. VI, 636—658. Въ послѣднемъ приложенъ библіографическій перечень его трудовъ. Очень кстати Академія постановила перепечатать труды его, до сихъ поръ вышелъ т. I, Спб. 1908, 8° VI, 401.

Большимъ любителемъ древней церковно-славянской письменности, затрогивавшимъ вопросы первоначальной церковной исторіи славянъ, былъ русскій іезуитъ отецъ Ив. Мартыновъ (род. въ Казани 7 окт. 1821 г.). Онъ воспитывался въ Гатчинскомъ институтѣ, потомъ на историко-филологическомъ факультетѣ Петербургскаго университета, который кончилъ кандидатомъ съ золотой медалью за сочиненіе. Одно время онъ состоялъ домашнимъ учителемъ у Шувалова. Въ 1845 г. перешелъ въ католицизмъ и вступилъ въ орденъ іезуитовъ. Въ 1870 г. присутствовалъ въ качествѣ папскаго ѳеолога концилю, и въ теченіе многихъ лѣтъ былъ consultor s. congregationis de propaganda Fide pro negotiis orientalibus. Онъ скончался въ Каннѣ (Cannes) 26 апр. 1894 г. Его книжечка «Les manuscrits slaves de la bibliothèque imperiale de Paris, par le P. Martinof de la compagnie de Jésus (Paris 1858, 8° 111) свидѣтельствовала о широкой начитанности по данному предмету въ русской и прочихъ славянскихъ литературахъ. Гораздо важнѣе и объемистѣе былъ его агіографическій трудъ, изданный въ 1863 г. подъ заглавіемъ: «Annus ecclesiasticus graeco-slavicus, editus anno millenario ss. Cyrilli et Methodii slav. apostolorum seu Commentatio et breviarium gestarum eorum qui fastis ss. graecis et slavicis illati sunt» (Bruxellis). Пока не вышелъ мѣсяцесловъ Сергія, это было самое обстоятельное сочиненіе относительно святыхъ православной церкви въ календарномъ порядкѣ. Въ томъ же году, но еще раньше появленія главнаго труда, вышла въ Брюсселѣ маленькая

книжечка: «Trifolium Serbicum coronae ss. Cyrilli et Methodii inserendum, seu breviarium vitarum patronorum Serbiae ss. Sabbae, Simeonis et Simonis. Ex antiquis fontibus collegit Joannes Martinov» (Anno milesimo ss. Cyrilli et Mithodii, 8⁰, 32) — пересказъ въ извлеченіи на латинскомъ языкѣ житія св. Саввы, Симеона и Симона. Книжечка была посвящена извѣстному моравскому собирателю народныхъ пѣсенъ Фр. Сушилу. Кромѣ того, онъ перепечаталъ въ 1864 году въ Брюсселѣ «Vita Meletii Smotriscii auctore Jacobo Susza» (1864, 8⁰ III, 189), и еще нѣсколько другихъ сочиненій касавшихся вопроса объ уніи. Свою любовь къ древне-русской письменности Мартыновъ засвидѣтельствовалъ участіемъ въ изданіяхъ Имп. Общества Любителей Др. Письменности, гдѣ онъ въ «Памятникахъ древней письменности» за 1880 г. (вып. 3, стр. 19—70) вновь напечаталъ по парижской рукописи «Житіе св. Симеона» (сл. мои исправленія въ Archiv f. sl. Phil. XXIV, 556—567), и въ 1881 г. подъ № XXIII «Памятниковъ древней письменности» изданъ И. Мартыновымъ «Бдинскій сборникъ 1360, рукопись гентской библіотеки» (4⁰ 8, 28 съ факсимил. приложеніями), т. е. описаніе сборника по его содержанію и нѣсколько выписокъ. Съ какимъ вниманіемъ онъ, живя на чужбинѣ, слѣдилъ за ходомъ русской литературы по части древней письменности, показываютъ его рефераты въ различныхъ французскихъ журналахъ, напр. въ Contemporain 1880 mai: «La société des Anciens textes Russes», въ Revue des Questions historiques 1882 avril: «Périodiques russes»; въ Compte rendu des Travaux de la Société bibliographique въ 1888 г. онъ представилъ полное обозрѣніе за десять лѣтъ русской литературы «La littérature slave 1878—1888» (Paris, 8⁰, 38). Въ Revue des Questions historiques онъ давалъ подъ общимъ заглавіемъ «Courrier Russe» обозрѣніе ученыхъ новостей русской литературы по вопросамъ церковной и другой исторіи Россіи, по изданію древнихъ памятниковъ и т. д. Въ особенности со вниманіемъ ученый іезуитъ слѣдилъ за вопросомъ о Кириллѣ и Меѳодіи и источниками ихъ жизни и дѣятельности. Въ Revue des Questions historiques 1880 Octobre онъ напечаталъ статью: «Saint Méthode apôtre des Slaves et les lettres des souverains pontifes conservées au British Museum» (8⁰, 31), тамъ же въ іюльской книжкѣ 1885 года и въ январской книжкѣ 1887 года «La légende dite italique» и «A propos de la légende dite italique». Статья первая вызвала полемику со стороны П. А. Лавровскаго (см. стр. 550) и отвѣтомъ на его критику явилась вторая изъ упомянутыхъ статей. Въ томъ же журналѣ за 1891 г. имѣется отзывъ его о книгѣ Шлюмберже. Еще въ 1894 г. онъ напечаталъ статейку «Une lettre d'Anastase le bibliothécaire» (въ Monde Latin et Monde Slave 1894, janvier).

Въ русскихъ духовныхъ академіяхъ дѣятельность многихъ профессоровъ вращалась около различныхъ вопросовъ имѣющихъ очень близкое отношеніе къ слав. филологіи. Вспомнимъ хоть бы одинъ такого рода вопросъ — разсужденія о дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Этотъ вопросъ напоминаетъ намъ прекрасный критическій талантъ, обнаружившійся въ сочиненіи бывшаго профессора Кіевской дух. Академіи Ал. Дм. Воронова (1838—1883). Его «Кириллъ и Меѳодій. Главнѣйшіе источники для исторіи св. Кирилла и Меѳодія» (Кіевъ 1877, 8⁰ 331 XX, отд. отт. изъ «Трудовъ» Кіев. дух. Ак. за 1876—7) занимаетъ въ длинномъ ряду изслѣдованій, разбирающихъ этотъ вопросъ, очень видное мѣсто. Сл. Archiv f. slav. Phil. IV. 99—128. См. еще его «Изслѣдованіе западныхъ извѣстій о латинскихъ миссіонерахъ на Руси въ X—XI вв. (въ Чтеніяхъ Ист. Общ. Нестора лѣтописца т. I) и «О новооткрытомъ сборникѣ папскихъ писемъ»

(Т. К. Д. Ак. 1881 № 8). Подробнѣе о немъ въ отзывѣ Малышевскаго въ Трудахъ Кіев. Д. Ак. 1884 № 5. Его товарищъ по той же Дух. Академіи, Иванъ Игн. Малышевскій (1828—1897), напечаталъ въ числѣ многихъ другихъ трудовъ по исторіи русской церкви (напр. «Отношеніе Руси къ церкви римской при князѣ Владимірѣ» въ Трудахъ К. Д. Ак. 1863 № 2, «Варяги въ началѣ исторіи Христіанства въ Кіевѣ» ib. 1887, «Происхожденіе великой княгини Ольги», Кіев. Старина 1869 № 7—8 и т. д.) также по Кирилло-Меѳодіевскому вопросу: «Вопросы критики относительно нѣкоторыхъ источниковъ для исторіи св. Кирилла и Меѳодія» (Труды К. Д. Ак. 1877 № 12) и самый главный трудъ: «Святые Кириллъ и Меѳодій первоучители славянскіе» (Кіевъ 1886, 8⁰ 483), о которомъ существуютъ очень сочувственные отзывы въ Arch. f. sl. Phil. XII 216—221, Ж. М. Н. Пр. 1886 іюнь, Č. M. M. 1891, т. XV. О Малышевскомъ отзывъ въ Ж. М. Н. Пр. 1897 мартъ и въ Странникѣ за 1897 г. № 5.

Кирилло-Меѳодіевскимъ вопросомъ занимался также В. А. Бильбасовъ (1838—1904), извѣстный историкъ-спеціалистъ о времени Екатерины II. Онъ напечаталъ въ 1867 г. въ Ж. М. Н. Пр., май, обширную статью: «Римскіе папы и славянскіе первоучители», вошедшую въ главное сочиненіе, которое вышло въ 1868—1871 въ двухъ томахъ. Первый томъ 1868 г. подъ заглавіемъ: «Кириллъ и Меѳодій по документальнымъ источникамъ». Этотъ томъ содержитъ: a) критику документовъ (стр. 1—51), b) Римскіе папы и слав. первоучители (55—105), c) Monumenta diplomatica in quibus de ss. Cyrillo et Methodio agitur (109—165). Томъ второй (1871) подъ заглавіемъ «Кириллъ и Меѳодій по западнымъ легендамъ» состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: «Критика легендъ» (стр. 1—134), «Легендарный образъ Кирилла и Меѳодія» (стр. 137—214), «Codex legendarum de ss. Cyrillo et Methodio» (стр. 217—310, и переводъ легендъ на русскій языкъ стр. 313—388). Трудъ этотъ, въ которомъ авторъ, оцѣнивая легендарный матеріалъ, стоялъ подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ неоправдавшихся взглядовъ академика Куника, не доведенъ до конца, не достаетъ по его же обозначенію третьей части, которую онъ хотѣлъ озаглавить: «Кириллъ и Меѳодій по русскимъ сказаніямъ». Къ русскимъ источникамъ онъ должно быть намѣревался причислить слав. Житіе Константина—Кирилла, между тѣмъ какъ страннымъ образомъ слав. Житіе Меѳодія присоединено къ западнымъ легендамъ! Еще разъ въ 1886 г. онъ напечаталъ статью въ «Нови» по этому вопросу.

Исторіею, этнографіею и археологіею много и удачно занимался бывшій Казанскій профессоръ Ив. Никол. Смирновъ (1856—1904). Онъ много и внимательно наблюдалъ жизнь инородцевъ русскаго сѣверо-востока, но у него было также желаніе посвящать часть своихъ трудовъ славянамъ, въ особенности южнымъ. Такимъ образомъ онъ напечаталъ въ 1880 г. въ Казанскихъ Уч. Запискахъ: «Очеркъ исторіи Хорватскаго государства до подчиненія его Угорской коронѣ». Въ 1881 г. явилась его диссертація изъ той же области: «Отношенія Венеціи къ городскимъ общинамъ Далмаціи съ XII вѣка до половины XIV вѣка». Выпускъ I вышелъ въ 1881 г. (8⁰ 187), выпускъ II продолжавшій ту же тему съ 1358 г. по 1573, написанъ имъ послѣ посѣщенія Венеціи и Дубровника, и изданъ какъ докторская диссертація въ 1884 г. (8⁰ 231); въ 1882 г. вышла въ Ж. М. Н. Пр. (Ч. CCXIV стр. 289—306) статья: «Городскія общины Далмаціи въ X—XII вѣкахъ», ib. 1883 г. сентябрь (306—315): «Землевладѣніе въ Хорватіи и Далмаціи въ X—XI вѣкахъ». Все это труды молодого ученаго, почерпавшаго матеріалъ изъ давно уже извѣстныхъ источниковъ, для спеціалиста сказано

новаго очень немного. Гораздо оригинальнѣе и важнѣе его этнографическія изслѣдованія въ предѣлахъ Россіи объ инородцахъ. Но въ 1899—1904 онъ еще разъ возвратился къ предмету о южныхъ славянахъ: «Очерки культурной жизни южныхъ славянъ», выходили по выпускамъ, первый изданный въ 1900 г. озаглавленъ: «Введеніе. Развитіе матеріальной культуры» (стр. 1—156), второй явившійся продолженіемъ, носитъ заглавіе «Развитіе общественныхъ отношеній» (стр. 157—332). Третьяго выпуска «Развитіе духовной жизни» я знаю только часть (стр. 333—412; конченъ ли выпускъ, не знаю). Это изслѣдованіе или лучше сказать попытка обобщенія многихъ разбросанныхъ отдѣльныхъ изслѣдованій по разнымъ культурно-истор. вопросамъ относительно южныхъ славянъ заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ до сихъ поръ выпало на долю этого замѣчательнаго труда. Авторъ взглянулъ на свою задачу многостороннѣе и глубже, чѣмъ обыкновенные историки, разсказывающіе о короляхъ и князяхъ и ихъ войнахъ, о феодальныхъ властителяхъ и ихъ междоусобицахъ; ему много помогала обширная начитанность въ богатой литературѣ сравнительныхъ этнографич. изслѣдованій и хорошее знакомство со всѣми изслѣдованіями относительно южныхъ славянъ, которыми онъ воспользовался для своей цѣли и объяснялъ ихъ по своему. Въ послѣдніе годы онъ слѣдилъ внимательно за южнослав. изслѣдованіями и изданіями, сообщая о нихъ рефераты въ Ж. М. Н. Пр. (1901—1904) и въ Уч. Зап. Казанскаго Университета. Сл. отзывъ о дѣятельности его въ Ж. М. Н. Пр. 1904 сентябрь.

ГЛАВА XXIV.

Выдающіеся представители по исторіи русской литературы и по русской критикѣ.

Въ концѣ 18-го и въ первыхъ десятилѣтіяхъ 19-го столѣтія русская литература выдвинула цѣлый рядъ выдающихся поэтовъ и писателей, рядомъ же шла также усердная дѣятельность въ области журналовъ и альманаховъ, гдѣ между прочимъ пестрымъ содержаніемъ уже появлялись отзывы о новѣйшихъ явленіяхъ литературы — первый лепетъ литературной критики. Какъ давно замѣчено еще Бѣлинскимъ («Сочиненія» IX. 371), первымъ критикомъ и основателемъ критики въ русской литературѣ былъ Карамзинъ (сл. выше, стр. 156—161); послѣ него заслуживаютъ быть упомянутыми Жуковскій, Батюшковъ, князь П. А. Вяземскій, не исключая, конечно, и Пушкина. Но исторіи русской литературы еще не было, развѣ только въ видѣ біографическихъ словарей, въ родѣ труда Н. И. Новикова (о его историческомъ словарѣ русскихъ писателей сл. статью М. И. Сухомлинова: «Н. И. Новиковъ, авторъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ» въ сочиненіи «Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію» I и II (СПбгъ. 1889, I на стр. 1—34) и вышеупомянутаго словаря Евгенія (см. стр. 161—163). Литературнымъ критикомъ былъ извѣстный и собственными поэтическими произведеніями, Алексѣй Ѳед. Мерзляковъ († 26 іюля 1830 года). Въ Москов. университетѣ онъ занималъ должность профессора русской словесности. Князь П. А. Вяземскій называлъ его образованнымъ критикомъ, который говоритъ не наобумъ. Есть-де чему поучиться отъ него, по тому что и самъ онъ учился (Собр. Сочин. П. А. Вя-

земскаго. VIII. 164), но онъ все-таки витiйствовалъ и писалъ стихи по чужимъ, преимущественно классическимъ образцамъ, ставилъ Ломоносова выше Пушкина, и былъ офицiальнымъ стихотворцемъ Московскаго университета. Когда вышла «Иліада» въ переводѣ Гнѣдича, ученики Мерзлякова (Погодинъ и Надеждинъ) указывали на примѣръ своего учителя, опередившаго Гнѣдича въ попыткѣ писать гексаметрами (Барсуковъ «Жизнь и Труды М. П. Погодина» III. 170). Въ собранныхъ сочиненiяхъ Мерзлякова, вышедшихъ въ 1867 г. въ Москвѣ, имѣются кромѣ стихотворенiй его также статьи литературно-критическаго содержанiя. Подобнаго же содержанiя также статьи Н. А. Полевого: «Очерки русской литературы», о значенiи которыхъ отзывъ Бѣлинскаго (Соч. IV. 11—38) и о Полевомъ вообще (ib. XII. 148—186). «Учебная книга русской словесности» Н. Греча (1834) явилась какъ бы передѣлкой прежняго его «Краткаго опыта исторiи русской литературы» (1822), имѣвшаго по ядовитому замѣчанiю Бѣлинскаго достоинство литературнаго адресъ-календаря.

Критикомъ Пушкинской эпохи съ тонкимъ литературнымъ вкусомъ нужно признать Петра Александровича Плетнева (1792—1865). Онъ вышелъ изъ духовнаго званiя, кончилъ Тверскую семинарiю и педагогическiй институтъ въ Петербургѣ, учительствовалъ въ различныхъ заведенiяхъ, получилъ въ 1832 г. каѳедру русской словесности въ университетѣ, гдѣ съ 1840 по 1861 годъ состоялъ ректоромъ, и въ то же время членомъ Второго Отдѣленiя Императорской Академiи Наукъ, предсѣдательствующимъ котораго былъ съ 1859 года. Литературная дѣятельность Плетнева, кромѣ его поэзiи, сосредоточивалась на статьяхъ критическаго и бiографическаго содержанiя. Одаренный изящнымъ смысломъ для поэтическаго достоинства произведенiй такихъ писателей, какъ Жуковскiй, Батюшковъ, Пушкинъ, Крыловъ, Гоголь и др., онъ воспользовался для своихъ отзывовъ также преимуществомъ личной дружбы со всѣми выдающимися представителями современной литературы. Онъ принималъ участiе въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей россiйской словесности», въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенiя и, главнымъ образомъ, въ Современникѣ, который послѣ смерти Пушкина попалъ въ его руки (1839—1846, сл. Переписка II. 848). О передачѣ Современника въ 1846 г. въ руки Петербургскихъ западниковъ подъ редакцiею Никитенка сл. у Барсукова IX. 1—3. Самыя обширныя разсужденiя Плетнева были посвящены Жуковскому: помимо обширныхъ разборовъ переводовъ Жуковскаго изъ Гете (Соч. I. 82—96), изъ Шиллера (ib. 132—160), перевода Ундины (ib. 279—289), Наля и Дамаянти (ib. 514—547), вышли еще статьи о Жуковскомъ какъ поэтѣ и писателѣ (Соч. III. 1—60) и о жизни и сочиненiяхъ Жуковскаго (ib. 60—149). Но и Пушкинъ и его поэзiя были предметомъ его разборовъ: «О Кавказскомъ плѣнникѣ» (Соч. I. 68—82), «А. С. Пушкинъ» (ib. II. 364—385; III. 240—243). Еще обширнѣе онъ касался Крылова (Соч. II. 1—116). Есть также отзывъ о «Мертвыхъ душахъ» Гоголя (I. 476—494). Исторiи литературы посвящено кромѣ того нѣсколько статей по поводу изданiй Шевырева (I. 264—272) и Никитенка (II. 31—116), а какъ членъ Второго отдѣленiя Императорской Академiи Наукъ онъ посвятилъ обширную статью графу С. С. Уварову (III. 149—226). У Плетнева было больше краснорѣчивыхъ анализовъ, скользившихъ по поверхности, наслаждавшихся изящной поэтической формой, чѣмъ глубоко въ суть произведенiй вникавшей критики. Къ извѣстной осторожности онъ привыкъ по своему положенiю какъ бывшiй преподаватель русскаго языка и литературы въ Императорской царствующей семьѣ и какъ

должностное лицо въ университетѣ и въ академіи. Кромѣ переписки его съ Пушкинымъ, П. А. Вяземскимъ и Жуковскимъ, изданной въ III томѣ «Сочиненій П. А. Плетнева» подъ редакціею Я. К. Грота (СПбгъ. 1885. III. 313—740), поражаетъ своей обширностью переписка Плетнева съ Я. К. Гротомъ. Она издана въ трехъ объемистыхъ томахъ: «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ издана подъ редакціею К. Я. Грота» (Т. I. 8⁰ XV. 702; т. II. 8⁰ 966; т. III. 8⁰ VII. 854). Переписка продолжалась съ 1840 по 1862 годъ, всѣхъ писемъ слишкомъ полторы тысячи, они представляютъ небезынтересный обмѣнъ мыслями, впечатлѣніями и сплетнями объ интимной жизни петербургскаго интеллигентнаго, отчасти даже придворнаго общества, но попадаются также отзывы о явленіяхъ литературныхъ того времени.

Изъ учениковъ Мерзлякова вышелъ однимъ изъ первыхъ историковъ русской литературы Степанъ Петровичъ Шевыревъ (1806—1864), родомъ изъ Саратова, воспитанникъ московскаго университетскаго пансіона, слушавшій лекціи въ университетѣ, и въ 1823 году поступившій на службу въ Московскій Архивъ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ сошелся съ кружкомъ романтически настроенныхъ обожателей философіи Шеллинга (братья Кирѣевскіе, Веневитиновъ, Титовъ, Мельгуновъ и др.). Направленіе его литературнаго вкуса высказалось въ переводѣ цѣлымъ кружкомъ сочиненій Тика и Вакенродера: «Объ искусствѣ и художникахъ» (Herzensergiessungen eines kunstliebenden Klosterbruders 1797, Phantasieen über die Kunst für Freunde der Kunst 1799). Въ бытность свою въ Москвѣ Пушкинъ сблизился съ этимъ кружкомъ. Шевыревъ самъ сознавался, что его бесѣды съ Пушкинымъ о поэзіи и русскихъ пѣсняхъ принадлежали къ числу тѣхъ плодотворныхъ впечатлѣній, которыя содѣйствовали образованію его вкуса и развитію въ немъ истинныхъ понятій о поэзіи. Еще въ молодые годы онъ сталъ обращать на себя вниманіе своими стихами. Дружба съ Погодинымъ заставила его въ 1826 г. принять участіе въ переводѣ грамматики Добровскаго (Institutiones) на русскій языкъ и сдѣлаться сотрудникомъ въ журналахъ Погодинскаго направленія (Московскій Вѣстникъ), между прочимъ переводами изъ Шиллера, изъ Мицкевича; за разборъ второй части Фауста удостоилъ его самъ Гете благодарственнаго отзыва. Въ 1829 г. онъ поѣхалъ въ Италію въ качествѣ воспитателя молодого князя Волконскаго, гдѣ усовершенствовалъ себя въ теченіе трехъ лѣтъ въ классической филологіи и археологіи, изучая въ то же время исторію искусства и, конечно, средневѣковую итальянскую литературу. Возвратившись въ Россію, онъ вступилъ адъюнктомъ на каѳедру русской словесности въ Московскомъ университетѣ, диссертаціей его было разсужденіе о Данте («Дантъ и его вѣкъ» изд. въ Ученыхъ Зап. Москов. унивеp. 1833, № 5 и 1834, № 11). Уже по выбору темы видно, что это былъ курсъ лекцій изъ исторіи всеобщей литературы, не спеціально русской. Отрывками лекціи его печатались въ различныхъ журналахъ. Въ томъ же направленіи была написана его докторская диссертація: «Теорія поэзіи въ историческомъ ея развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ» (1836 въ Москвѣ, диспутъ былъ блестящій при многолюдномъ собраніи) и его сочиненіе «Исторія поэзіи» (то и другое новымъ изданіемъ въ СПб., 1887 г.). Въ исторіи всеобщей поэзіи онъ придерживался преимущественно Шлегеля (Geschichte der alten und neuen Literatur), въ эстетикѣ былъ ему большимъ авторитетомъ Жанъ-Поль; одобрительный отзывъ Пушкина въ Соч. V. 285—6, о другихъ критикахъ см. у Барсукова IV. 356—360. Вскорѣ онъ на-

чалъ читать (1836) и о русскомъ языкѣ и (1838) объ исторіи русской словесности; историческое направленіе стало вытѣснять эстетическіе разборы. Вникая въ русскую древность, онъ сталъ воодушевляться старинной русской литературой, патріотическая точка зрѣнія брала верхъ. Въ 1839 г. онъ опять былъ въ Италіи (въ Римѣ съ Гоголемъ и Ивановымъ), съѣздилъ въ Парижъ въ обществѣ Погодина и въ Лондонъ, въ 1840—1 гг. былъ занятъ въ Мюнхенѣ приведеніемъ въ порядокъ библіотеки барона Моля, пріобрѣтенной для Московскаго университета. На этотъ разъ онъ познакомился въ Прагѣ съ тогдашними представителями чешскаго возрожденія: Юнгманномъ, Ганкой, Шафарикомъ, Палацкимъ, Челаковскимъ. Въ Москвѣ, куда онъ вернулся въ 1842 году, кромѣ чтенія лекцій въ университетѣ (въ 1844 году имъ были читаны публичныя лекціи объ исторіи русской словесности, преимущественно древней, см. разсказъ объ этихъ лекціяхъ у Барсукова, Жизнь и труды М. П. Погодина VII 453—463), онъ участвовалъ въ Погодинскомъ Москвитянинѣ, что вызвало полемику съ Герценомъ и Бѣлинскимъ, главными представителями либерально-западническаго направленія. Шевыревъ не былъ ни полнымъ славянофиломъ, ни безусловнымъ сторонникомъ Погодина (сл. его разногласіе съ Погодинымъ насчетъ Грановскаго, у Барсукова l. c. VII. 120—124), но научный интересъ, посвящаемый имъ преимущественно русской литературной старинѣ, не встрѣчалъ сочувствія у Бѣлинскаго, Герцена и прочихъ западниковъ, опасавшихся, что съ такими занятіями, какъ восхваленіе древне-русской литературы, сопряжена ретроградность.

Изъ университетскихъ лекцій Шевырева вышли его «Чтенія по исторіи русской словесности» ч. I 1845, ч. II 1846, ч. III 1858, ч. IV 1860 (второе дополн. изд. въ 1887 г. въ СПбгѣ). Эти чтенія имѣли ту заслугу, что обратили вниманіе на очень немногимъ извѣстное богатство древне-русской литературы; большое число открываемыхъ имъ писателей приводило самого автора въ восторгъ, но болѣе глубокаго пониманія памятниковъ древне-русской письменности, обусловленнаго подробнымъ изученіемъ каждаго отдѣльно, нельзя было отъ него ни ожидать, ни требовать. Съ благочестивымъ усердіемъ въ списываніи рукописей, съ ихъ пестрымъ содержаніемъ, могло рядомъ итти крупное невѣжество и очень низкій уровень просвѣщенія, но на этой критической точкѣ зрѣнія, которую потомъ заняли такіе изслѣдователи, какъ Голубинскій, Шевыревъ еще не стоялъ. Если его исторія древней русской литературы не свободна отъ сентиментальной идеализаціи древне-русской жизни, говоритъ Тихонравовъ (Сочиненія III, 2 стр. 228), то не забудемъ, что она была первой попыткой представить полную картину историческаго развитія русской литературы. «Первый эскизъ исторіи древней словесности, набросанный Шевыревымъ, останется исходнымъ пунктомъ», къ которому могли примыкать дальнѣйшія изслѣдованія уже безъ патріотическихъ увлеченій и сентиментальной идеализаціи. Въ своихъ отзывахъ о современной русской литературѣ онъ гораздо рѣзче удалялся отъ голоса либеральной критики, относясь, напр., довольно несочувственно къ представителямъ такъ называемой, по тогдашнему, натуральной школы (Герцену, Гончарову, Григоровичу, Достоевскому, Некрасову, Тургеневу). Онъ, напр., возсталъ противъ разсужденія Бѣлинскаго: «Взглядъ на русскую литературу 1847 года» (Соч. т. XI) своею статьею «Очерки современной русской словесности» (Москвитянинъ 1848, кн. I) и противъ Герцена, написавшаго романъ «Кто виноватъ» подъ псевдонимомъ Искандера, онъ написалъ довольно неудачную выходку, подъ

заглавіемъ: «Словарь солецизмовъ, варваризмовъ и всякихъ измовъ современной русской литературы» (ib.).

Знавшіе Шевырева описывали его какъ человѣка самолюбиваго до мелочей, любителя почестей, искательнаго и готоваго при случаѣ подгадить (Р. Стар. 1886, авг.), поэтому неудивительно, что, несмотря на его безспорныя научныя заслуги, первоначальная популярность его впослѣдствіи прекратилась, произошли даже столкновенія съ членами факультета, по причинѣ которыхъ онъ наконецъ покинулъ Москву и Россію и перебрался въ свою любимую Италію. Онъ успѣлъ еще написать исторію Московскаго университета (М. 1855) и дать толчекъ біографическому словарю московскихъ профессоровъ (здѣсь напечатана и его автобіографія). Въ 1847 г. онъ предпринялъ было поѣздку въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, навѣстивъ по дорогѣ Троицкую Лавру, Ростовъ, Ярославль и др. м. Объ этомъ вышло въ 1850 сочиненіе съ иллюстраціями: «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Вакаціонные дни проф. С. Шевырева» (Москва 1850, въ двухъ частяхъ). Какъ извѣстно, въ библіотекѣ Кириллова монастыря онъ открылъ двойникъ Изборника Святослава 1073 г., въ которомъ упоминается еще болгарскій царь Симеонъ (ч. II, стр. 30—32). О занятіяхъ его въ Италіи (Флоренціи) и въ Парижѣ имѣются по перепискѣ его съ Погодинымъ любопытныя извѣстія въ Ж. М. Н. Пр. (1869, кн. 2, стр. 395—452), сообщенныя М. Погодинымъ. Лекціи его о русской литературѣ, составленныя по словамъ Погодина еще въ Москвѣ и продиктованныя Рубини, вышли въ 1862 году: «Storia della litteratura Russa». То же, что онъ читалъ кружку соотечественниковъ во Флоренціи и потомъ (1862) въ Парижѣ, вышло въ 1884 г. какъ изданіе Отдѣленія Русскаго языка и словесности: «Лекціи о русской литературѣ. Читанныя въ Парижѣ въ 1862 году С. П. Шевыревымъ» (СПбгъ 1884, 8⁰ IV. 280). Много очень любопытныхъ подробностей о Шевыревѣ разбросано по разнымъ томамъ сочиненія Барсукова о жизни и трудахъ М. П. Погодина.

Крупной величиной въ изслѣдованіи русской культурно-политической и литературной исторіи былъ П. П. Пекарскій (1828—1872); родомъ изъ Оренбургской губерніи, онъ кончилъ университетъ въ Казани, служилъ въ министерствѣ финансовъ (1851—1862), но уже тогда любилъ разбирать историко-литературные вопросы, относящіеся къ Россіи въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій. Такъ онъ занимался русскими мемуарами XVIII столѣтія (1855), стариннымъ театромъ въ Россіи (1857, въ Современникѣ кн. 1 и 2), разыскивалъ новые матеріалы для біографій Ломоносова, Сумарокова, Кантемира и др. (1858), заинтересовался кіевскимъ схоластицизмомъ въ статьяхъ «Представители кіевской учености въ половинѣ XVII столѣтія» (въ Отеч. Зап. за 1862 годъ, кн. 2, 3, 4), и т. д., но главный трудъ его этого перваго періода, его неутомимаго трудолюбія, вышелъ въ 1862 году въ двухъ большихъ томахъ: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ»—трудъ, по справедливому замѣчанію бывшаго его товарища по Импер. Академіи Наукъ Никитенка, составляющій цѣлую библіотеку свѣдѣній о зачаткахъ новаго умственнаго движенія, возникшаго изъ реформъ Петра Великаго. Трудъ этотъ засвидѣтельствовалъ столь серьезный ученый характеръ дѣятельности автора, что онъ изъ министерства финансовъ перешелъ на службу въ госуд. архивъ министерства иностр. дѣлъ, гдѣ дѣятельность его уже не была отвлекаема канцелярскими обязанностями, въ 1863 г. онъ былъ причисленъ къ Академіи Наукъ, сначала въ качествѣ адъюнкта, потомъ въ 1865 г. экстраординарнаго и въ 1868 г. орд. академика. Съ тѣхъ поръ вниманіе его

еще болѣе сосредоточилось на различныхъ вопросахъ русской культурной жизни XVIII столѣтія. Къ слав. филологіи имѣютъ нѣкоторое отношеніе его матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II (№ 6 приложеній къ III тому Записокъ Импер. Ак. Наукъ 1863), «Переписка Лейбница съ разными лицами о славянскихъ нарѣчіяхъ и древностяхъ» (ib. Зап. т. IV. 1—19), «Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова» (№ 7 Приложеній къ VIII т. Записокъ, 1865, стр. 1—119), «Матеріалы для біографіи В. К. Тредіаковскаго» (ib. Зап. т. IX, стр. 175—191), «Редакторъ, сотрудники и цензура въ Русскомъ журналѣ 1755—1764 гг.» (№ 5 Прилож. къ Зап. т. XII 1—84) и, конечно, самый главный трудъ его послѣ вышеупомянутаго—по порученію учрежденія, въ коемъ онъ состоялъ членомъ, написанная «Исторія Императ. Академіи Наукъ» (т. I, 1870, 4⁰ LXVII. 774; т. II, доконченный имъ же, но вышедшій въ свѣтъ послѣ смерти его, въ 1873 г., 4⁰ LVIII. 1042). Цѣлый второй томъ посвященъ біографіямъ Тредьяковскаго и Ломоносова. Достоинства какъ и пробѣлы или недостатки этого какъ и вышеупомянутаго труда Пекарскаго оцѣнены съ замѣчательно остроумной объективностью въ Отчетѣ Никитенка за 1872 годъ (№ 9 Приложеній къ X т. «Сборника»), гдѣ про него сказано, что онъ «упорно заглушалъ въ себѣ всякій позывъ къ обсужденію факта, соблазняющему на общій выводъ, хотя по свойству своего образованія и ума онъ имѣлъ полное право на обсуживаніе». Упрекъ этотъ, имѣющій впрочемъ полное основаніе по отношенію не только къ Пекарскому, но и къ очень многимъ другимъ изслѣдователямъ русской культурной жизни, объясняется, по крайней мѣрѣ отчасти, тяжелыми цензурными условіями, не допускавшими свободнаго развитія мыслей.

Своего рода противоположность трудолюбивому собирательству Пекарскаго представляетъ А. В. Никитенко, бывшій товарищъ его по академіи, но не по занятіямъ. Происхожденіемъ изъ крѣпостного сословія (онъ родился въ мартѣ 1805 года въ деревнѣ Воронежской губерніи, принадлежавшей Шереметевымъ), онъ получилъ сначала скромное образованіе въ уѣздномъ училищѣ, но умственная пытливость толкала мальчика къ самоученію, пока, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, онъ не былъ избранъ секретаремъ Библейскаго Общества въ Острогожскѣ (1822 г.) и въ 1823 г. произнесъ замѣчательную для его возраста, горячую и глубоко прочувствованную рѣчь (она перепечатана въ XVIII т. «Сборника» 1878, стр. LVIII—LXVI), обратившую на него вниманіе министра А. Н. Голицына. Ходатайствами его и благороднаго Жуковскаго онъ получилъ вольную и былъ вызванъ (1824) въ Петербургъ, гдѣ онъ могъ поступить въ университетъ, поддерживаемый пособіями отъ министерства. Еще будучи студентомъ, онъ явился въ печати съ статьею въ «Сынѣ Отечества» (1826), по содержанію изъ нравственной философіи, написанной цвѣтисто и многословно. Въ 1827 г. онъ углубился въ политическую экономію разсужденіемъ тоже студенческаго характера. Послѣ окончанія имъ курса унив. наукъ (1828) кандидатомъ, приголубилъ его попечитель Бороздинъ и въ 1830 г. ему было поручено читать въ университетѣ лекціи по полит. экономіи, въ этомъ качествѣ онъ написалъ даже сочиненіе: «О главныхъ источникахъ народнаго богатства» (1832). Но его преподавательская дѣятельность по русской словесности въ высшихъ классахъ одного женскаго учебнаго заведенія обратила на него всеобщее вниманіе краснорѣчіемъ и остроуміемъ изложенія, такъ что не мудрено было желать, чтобы онъ и въ университетѣ перешелъ на каѳедру русской словесности. Это и случилось въ 1832 году. Его вступительная лекція «О происхо-

жденіи и духѣ литературы» была напечатана въ 1833 г. въ «Сынѣ Отечества», а докторская диссертація была озаглавлена: «О творящей силѣ въ поэзіи или о поэтическомъ геніи» (1837). Уже заглавія показываютъ, что эти разсужденія вращались въ направленіи философско-эстетическомъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ также его рѣчи: «О необходимости теоретическаго или философскаго изслѣдованія литературы» (1836), «О критикѣ» (1842), «О началѣ изящнаго въ наукѣ» (1852), даже его «Опытъ исторіи русской литературы» (1845) остановился на книгѣ первой, на общемъ введеніи. Критика Бѣлинскаго отозвалась объ Опытѣ съ большой похвалой (Соч. IX. 370—391), сдержаннѣе былъ отзывъ Плетнева (Переписка Грота съ Плетневымъ II, 464). Никитенко былъ скорѣе человѣкъ живого слова (Бычковъ перечислилъ въ Отчетѣ за 1877 г. въ XVIII томѣ Сборника, на стр. XLI—XLII, тѣ многочисленныя заведенія, въ которыхъ Никитенко состоялъ преподавателемъ русской словесности), чѣмъ обширныхъ изслѣдованій, хотя его участіе во многихъ журналахъ, или его Записки и Дневникъ (Моя повѣсть о самомъ себѣ и чему свидѣтель въ жизни былъ. СПбгъ 1893) доказываютъ, что онъ никогда не покидалъ пера. Какъ цензоръ или состоящій членомъ цензурнаго управленія или совѣта министра по этимъ дѣламъ (съ 1833 по 1865) онъ старался быть по возможности снисходительнымъ и доброжелательнымъ по отношенію къ писателямъ, за что приходилось иногда испытывать личныя непріятности. При министрѣ Норовѣ вліяніе его было очень полезно для науки. Изъ русскихъ писателей подробнѣе другихъ разобранъ имъ Жуковскій (въ окончательной обработкѣ въ Отеч. Зап. за 1853 годъ—«Василій Андреевичъ Жуковскій со стороны поэтическаго характера и дѣятельности»). Въ 1846 г. въ «Петербургскомъ Сборникѣ», изданномъ Н. Некрасовымъ, вышла статья его: «О характерѣ народности въ древнемъ и новѣйшемъ искусствѣ» и въ «Современникѣ» 1847 года: «О современномъ направленіи русской литературы», а лѣтъ почти тридцать спустя (1872) онъ написалъ «Мысли о реализмѣ въ литературѣ», не говоря уже о многихъ разборахъ отдѣльныхъ сочиненій, появлявшихся въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ. Онъ принималъ участіе въ изданіи журналовъ: «Сына Отечества» (1840—1), «Современника» (1846—1848), Ж. М. Н. Пр. (1856—1860), «Сѣверной Почты» (1861—2), писалъ много статей для «Энциклопедическаго Лексикона» Плюшара и т. д. Съ 1855 года онъ состоялъ членомъ Отдѣленія русск. языка и слов. Импер. Акад. Наукъ, гдѣ принималъ особенно усердное участіе въ Отчетахъ о присужденіяхъ премій, насколько дѣло шло о произведеніяхъ русской изящной словесности, и въ Отчетахъ о дѣятельности Отдѣленія, гдѣ онъ старался не быть голословнымъ хвалителемъ, а при случаѣ сдѣлано имъ и много очень хорошихъ критическихъ замѣчаній. См. въ Отчетѣ А. Ѳ. Бычкова за 1877 г. въ XVIII т. Сборника (стр. XXXII—LV). Никитенко скончался въ 1877 году.

Первоклассньмъ критическимъ талантомъ въ русской литературѣ (русскимъ Лессингомъ, какъ говорили) считается Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій (1810—1848), въ теченіе слишкомъ двухъ десятилѣтій поднимавшій свой голосъ въ критическомъ отдѣлѣ журналовъ «Молва», «Телескопъ» и «Московскій Наблюдатель» въ Москвѣ, потомъ же въ журналахъ «Отечественныя Записки» и «Современникъ» въ Петербургѣ—личность въ высшей степени замѣчательная, имѣвшая громадное вліяніе на ходъ русской литературы и отрезвленіе общества своими многочисленными, нѣсколько доктринарнымъ тономъ написан-

ными разсужденіями, разборами и отзывами. Они собраны въ XII томахъ (или частяхъ), въ хронологическомъ порядкѣ, подъ заглавіемъ: «Сочиненія В. Бѣлинскаго» (Москва 1859—1862, изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина, оно перепечатывалось нѣсколько разъ; новое болѣе полное изданіе подъ редакціею С. А. Венгерова, въ 1900 г. и сл. дошло пока до шестого тома). Бѣлинскій родился въ 1810 г. въ Свеаборгѣ, гдѣ отецъ его состоялъ въ то время флотскимъ лѣкаремъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ перебрался на родину въ городъ Чембаръ Пензенской губерніи. Здѣсь проводилъ молодой Виссаріонъ первые годы школьнаго обученія въ уѣздномъ училищѣ, съ хорошимъ успѣхомъ, но въ Пензенской гимназіи ему пришлось бѣдствовать, такъ что онъ даже не окончилъ курса. Обученіе не удовлетворяло его душевныхъ потребностей, проявлявшихся у него очень рано съ односторонней независимостью. Еще хуже пришлось ему страдать въ Москвѣ въ университетѣ (съ 1829 года): здѣсь онъ не только не кончилъ курса, но былъ даже исключенъ изъ числа студентовъ за неспособность и нерадѣніе, какъ значилось на офиціальномъ языкѣ, на дѣлѣ же потому, что увлекшись вмѣсто правильнаго посѣщенія лекцій посторонними занятіями, чтеніемъ литературныхъ произведеній на русскомъ и французскомъ языкахъ, изученіемъ философскихъ произведеній и собственными литературными опытами, онъ пренебрегъ соблюденіемъ студенческихъ формальностей. Въ университетѣ онъ привязался было только къ лекціямъ Павлова и Надеждина, двухъ поклонниковъ нѣмецкой философіи, въ особенности Шеллинга; но у него былъ взамѣнъ офиціальнаго свой частный университетъ, кружокъ одушевленныхъ юношей со Станкевичемъ во главѣ, стремившихся самообразованіемъ и взаимнымъ поученіемъ, главнымъ образомъ въ области философскихъ наукъ, восполнить пробѣлы университета. Это были люди большею частью молодые,—свидѣтельствуетъ одинъ изъ знавшихъ Бѣлинскаго въ тѣ годы—они кипѣли жаждой познанія добра и чести. Почти всѣ они, зная иностранные языки, читали столько же иностранныя, сколько и русскія книги и журналы. Каждый изъ нихъ не былъ профессоръ, но всѣ вмѣстѣ по части философіи, исторіи и литературы постояли бы противъ цѣлой Сорбонны (Пыпинъ, Бѣл. I. 87). Бѣлинскій самъ признавался, что онъ по незнанію нѣмецкаго языка былъ чрезвычайно мало знакомъ съ Гете, но всетаки свято вѣрилъ въ его геніальность (Соч. I. 114).

Тяжкая судьба налегла на Бѣлинскаго при первыхъ же шагахъ молодого, на все благородное и возвышенное одушевленнаго человѣка: неудачи и разочарованія раздражали его и безъ того нервно раздражительную натуру; онъ не падалъ духомъ, но въ сочиненіяхъ его отражалась извѣстная рѣзкость и горячность, которыми онъ то хвалилъ то что было ему по душѣ, то накидывался на все, не соотвѣтствовавшее его тонкому художественному чутью. Онъ родился чтобы быть критикомъ, но критикомъ особаго рода, соединявшимъ въ себѣ, по справедливому замѣчанію Гончарова, публициста и трибуна. Публичной его трибуной были журналы, въ которыхъ онъ не уставалъ поучать и обличать особымъ краснорѣчіемъ, отличавшимся не льстивыми фразами, а логической остротой неотразимыхъ доводовъ; онъ самъ прекрасно сказалъ о себѣ: «Богъ наказалъ меня самою задорною охотою высказывать свои мнѣнія о литературныхъ явленіяхъ и вопросахъ» (Пыпинъ, Бѣлинскій I. 207). Журналы представляли для него съ молодыхъ лѣтъ до конца жизни единственный, но довольно ненадежный источникъ для матеріальной поддержки его страдальческаго существованія. Ненадежность этого источника явствуетъ изъ тяжелыхъ условій

цензурныхъ, висѣвшихъ всегда какъ Дамокловъ мечъ надъ существованіемъ литературныхъ предпріятій, для него же опасность увеличивалась еще желаніемъ быть въ своихъ сужденіяхъ независимымъ. Въ вышеупомянутомъ письмѣ онъ говоритъ: «внѣшнія мои обстоятельства очень плохи во всѣхъ отношеніяхъ, но по моему мнѣнію не только лучше молчать и нуждаться, но даже и сгинуть со свѣту, нежели говорить не то, что думаешь, и спекулировать на свое убѣжденіе». Домашнюю трибуну образовалъ для него небольшой кружокъ близкихъ ему людей, почитателей его таланта, его чистаго характера, привязанностью которыхъ онъ ободрялся, наслажденіемъ которыхъ онъ любовался, хотя самолюбія у него было не много. Такимъ образомъ, онъ стоялъ въ продолженіе многихъ лѣтъ у руля, давая направленіе русской литературѣ, сообразно съ своими философскими убѣжденіями, указывая на тѣ произведенія, въ которыхъ онъ находилъ воплощеніе своихъ идеаловъ, объясняя читателямъ съ любовью и увлеченіемъ всѣ прекрасныя стороны этихъ произведеній, но безпощадно обрушиваясь на всякую бездарность и пошлость, развѣнчивая многихъ пользовавшихся до тѣхъ поръ незаслуженной славою писателей, однимъ словомъ воспитывая общество къ лучшему пониманію всѣхъ какъ недостатковъ, такъ и достоинствъ своей духовной жизни. Критика Бѣлинскаго не была только разрушительною, въ чемъ часто упрекали его представители другого литературнаго лагеря, онъ находилъ много положительныхъ, ему симпатичныхъ чертъ въ твореніяхъ такихъ художниковъ, какъ Пушкинъ, Гоголь, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Крыловъ. Жизненная правда въ литературѣ — вотъ за что онъ боролся въ своихъ горячо написанныхъ критикахъ, въ своемъ, какъ Тургеневъ выразился, стремительномъ домогательствѣ истины. Никто не любилъ такъ русской литературы какъ онъ, ставя на нее очень высокія требованія, никто не возбудилъ въ другихъ столько же любви и уваженія къ ней какъ онъ, откидывая плевелы отъ зерна. Онъ не былъ только обличителемъ. Не признавая лжеклассическихъ, лже-народныхъ авторитетовъ, ниспровергая ихъ, онъ въ то же время тоньше всѣхъ и вѣрнѣе всѣхъ умѣлъ оцѣнить и дать уразумѣть другимъ то, что было дѣйствительно самобытнаго, оригинальнаго въ русской литературѣ (Тургеневъ).

Здѣсь нѣтъ мѣста вдаваться въ подробности. Укажемъ только на содержаніе его сочиненій въ общихъ словахъ. Въ первыхъ двухъ томахъ и части третьяго предстоитъ передъ нами Бѣлинскій какъ московскій критикъ съ 1834 по 1839 годъ. Въ этотъ первый періодъ обратили сразу на себя вниманіе его горячо написанныя «Литературныя мечтанія» (1834, Соч. I. 5—133); это было обозрѣніе русской словесности, обратившее, по словамъ Анненкова, на себя вниманіе бойкостью словъ и характеристикой эпохъ и лицъ, которая не имѣла никакого сходства съ обычными и такъ сказать узаконенными опредѣленіями. Все было тутъ молодо, смѣло, горячо, а также исполнено промаховъ, сознанныхъ и самимъ авторомъ впослѣдствіи. См. впрочемъ примѣчанія С. А. Венгерова къ этой статьѣ, указавшія на заимствованія изъ Полевого, Надеждина и т. д. Дальше его нѣсколько доктринарно написанная критика «О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя» (1835, Соч. I. 169—241), его «Отчетъ за послѣднее (1835) полугодіе русской литературы» (1836, Соч. II. 5—71) и «О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ» (ib. 71—152), послѣдняя статья анализируетъ мастерски критику Шевырева, и одна обширная театральная критика о Гамлетѣ и о Мочаловѣ въ этой роли (1838, Соч. II. 473—503, сл. ib. 207—300). Послѣдняя

вышла рядомъ съ нѣкоторыми другими критическими статьями въ «Московскомъ Наблюдателѣ» подъ его редакціею 1838—39 (см. объ этомъ у Пыпина I. 246—264). Благодаря образцовому труду А. Пыпина о Бѣлинскомъ, мы знаемъ теперь, что въ теченіе 1838 года у него произошла подъ вліяніемъ болѣе подробнаго ознакомленія съ философіею Гегеля — прежде онъ руководился теоріями Шеллинга и Фихте—большая перемѣна во взглядахъ: по его собственнымъ словамъ онъ утомился отвлеченностью и жаждалъ сближенія съ дѣйствительностью (съ замѣчательной откровенностью изложенъ этотъ переворотъ въ одномъ письмѣ его у Пыпина I. 227). Эта жажда дѣйствительности, заставившая его въ обожаемомъ прежде Шиллерѣ и его абстрактномъ героизмѣ теперь усмотрѣть фразерство, вызвала статьи, напечатанныя въ «Отечествен. Запискахъ» объ «Очеркахъ Бородинскаго сраженія» (Сочиненія III. 205—248, сл. ib. 261—278), «Менцель критикъ Гете» (ib. 285—336) и критику на «Горе отъ ума» (Соч. III. 337—434); здѣсь имѣется обширное разсужденіе о классической и романтической поэзіи, о раздѣленіи поэзіи на три рода — все въ духѣ Гегелевой науки. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще статью перепечатанную изъ «Отечественныхъ Записокъ» 1841 года (Соч. XII. 277—364): «Раздѣленіе поэзіи на роды и виды». Содержаніе этихъ статей порицали потомъ не только другіе (Грановскій, Огаревъ и др. сл. у Барсукова «Жизнь и Труды Погодина» V 153), но также онъ самъ (сл. у Пыпина II, стр. 77—78). Бѣлинскій самъ сказалъ въ одномъ письмѣ: «Я имѣю особенно важныя причины злиться на Гегеля, ибо чувствую, что былъ вѣренъ ему мирясь съ *россійскою дѣйствительностью*, хваля Загоскина и подобныя гнусности и ненавидя Шиллера». Объ этомъ переходѣ Бѣлинскаго «отъ самодовольнаго созерцанія отвлеченной красоты и отъ сердечнаго успокоенія въ стройныхъ философскихъ мудрствованіяхъ къ непосредственному участію въ жизни ближняго» имѣется прекрасно написанная статья Н. Котляревскаго въ сборникѣ «Помощь голодающимъ» (М. 1892, стр. 420 — 439). Значитъ не долго продолжалось у Бѣлинскаго философское примиреніе съ Гегелевской дѣйствительностью.

Въ Петербургѣ онъ (съ осени 1839 г.) очутился на другой почвѣ и въ другой средѣ, теперь онъ сблизился съ Герценомъ, который прежде подтрунивалъ надъ московскими энтузіастами Гегелевой философіи (Сочиненія Герцена, изданіе Павленкова, Спб. 1905, т. II. 309—312), образовался новый кружокъ западниковъ съ «Отечественными Записками» какъ главнымъ ихъ органомъ. Въ немъ печатались такія обширныя критики Бѣлинскаго какъ о «Героѣ нашего времени» (Соч. III. 543—653), о стихотвореніяхъ Лермонтова (Соч. IV. 240—331), Державина (Соч. VII. 55—151, сл. X. 147—170), Пушкина (самая обширная статья, лучше сказать большое сочиненіе, т. VIII. 90—697), недоконченная по цензурнымъ причинамъ статья о Петрѣ Великомъ (IV. 331—400), о Кольцовѣ (1846 г., Соч. XII. 81—148), о Н. А. Полевомъ (ib. 148—187), обширная критика о древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ Кирши Данилова (Соч. V. 3—250), о Петербургскомъ сборникѣ Некрасова (X. 329—370), о Петербургѣ и Москвѣ (XII. 192—234), и множество отзывовъ небольшого объема; потомъ Обозрѣніе русской литературы за 1840 г. (Соч. IV. 191—248), за 1841 г. (Соч. VI. 5—102), за 1842 г. (Соч. VII. 5—55), за 1843 г. (VIII. 9—90), за 1844 г. (Соч. IX. 227—309), за 1845 г. (Соч. X. 265—304), за 1846 г. (Соч. XI. 5—69), за 1847 г. (ib. 315—437) — за оба послѣдніе года въ «Современникѣ». Собираясь покинуть «Отечественныя Записки» онъ написалъ для «Петербургскаго сбор-

ника» 1846 г. статью «Мысли и замѣтки о русской литературѣ» (Соч. XII. 235—277). Несмотря на эту неутомимую литературную дѣятельность Бѣлинскаго, матеріальная обстановка его жизни не была никогда вполнѣ удовлетворительной, онъ страдалъ постоянно то физически (по слабому здоровью), то матеріально (по недостатку средствъ для сноснаго образа жизни), то душевно (находясь въ борьбѣ съ самимъ собою, съ друзьями и врагами, не говоря уже о волненіяхъ вызванныхъ тяжелой обстановкою русской общественной жизни).

У Бѣлинскаго были, конечно, многія слабыя стороны, которыя теперь уже не нужно обходить молчаніемъ; миновали тѣ времена, когда можно было опасаться, что его враги воспользуются его слабостями, чтобы уронить его значеніе или напакостить ему. Обвиняли же его, по словамъ Грановскаго, въ томъ, что онъ подрывалъ своими статьями народность, семейную нравственность (вѣроятно изъ-за его сочувствія къ романамъ Жоржъ-Занда) и православіе. Несмотря на даровитость его натуры, проявлявшуюся въ постоянныхъ порывахъ къ усовершенствованію, у него недоставало широкаго первоначальнаго образовательнаго фундамента, видны слѣды спѣшнаго самоучки, заставлявшіе его дѣлать крупные повороты въ своихъ, изъ книгъ почерпнутыхъ, теоретическихъ убѣжденіяхъ, проповѣдываемыхъ съ полной искренностью въ статьяхъ, которыя вслѣдствіе того выходили нерѣдко противорѣчивыми. Его сплошь отрицательное отношеніе ко всѣмъ явленіямъ русской старины до-петровскаго времени, нѣкоторое пренебреженіе современной народной жизнью, преувеличенное преклоненіе передъ западомъ, непримиримая вражда противъ славянофиловъ (по выраженію Герцена онъ не понималъ славянскаго міра, недолюбливалъ также малорусовъ, поляковъ, о прочихъ славянахъ нечего и говорить)—все это были пятна на свѣтломъ фонѣ благородной личности, вызывавшія протесты, за которые онъ не оставался въ долгу. Кромѣ его рѣзкихъ отзывовъ (напримѣръ, о поэт. произведеніяхъ Языкова и Хомякова, Соч. IX. 253—288), онъ въ письмахъ прямо угрожалъ отомщеніемъ (Пыпинъ II. 261). Но есть доказательства тому, что и онъ, если бы ему было суждено дольше пожить, со временемъ нашелъ бы точки соприкосновенія и съ умнѣйшими славянофилами. Въ 1846 году онъ писалъ изъ Одессы своимъ друзьямъ: «Въ Калугѣ столкнулся я съ Иваномъ Аксаковымъ. Славный юноша. Словенофилъ — а такъ хорошъ, какъ будто никогда не былъ словенофиломъ. Вообще я впадаю въ страшную ересь и начинаю думать, что между словенофилами дѣйствительно могутъ быть порядочные люди. Грустно мнѣ думать такъ, но истина впереди всего» (Пыпинъ II. 262). Но зато изъ Крыма явилось уже въ другомъ тонѣ очень ядовитое сравненіе крымскихъ татаръ и—барановъ съ славянофилами (ib. 264). Какъ несправедливо, чтобы не сказать превратно, оцѣнивали значеніе Бѣлинскаго иные записные представители литературы консервативнаго направленія, свидѣтельствуетъ Погодинскій дневникъ, въ которомъ подъ 23 и 24 мая 1846 г. записанъ совсѣмъ невѣрный отзывъ Погодина о Бѣлинскомъ (у Барсукова «Жизнь и Труды Погодина», III. 490—499) по поводу его статьи о Н. Полевомъ. Въ 1847 году Бѣлинскій написалъ изъ Зальцбрунна длинный отвѣтъ Гоголю на его жалобу по поводу отзыва о «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» (Сочиненія XI. 80—103). Отвѣтъ этотъ (сл. у Пыпина II. 289—293, у Барсукова VIII. 596—607) можно бы назвать его исповѣдью и духовнымъ завѣщаніемъ, отказаннымъ Россіи и русскому народу. Прошло шестьдесятъ лѣтъ съ кончины Бѣлинскаго и предсказанія или предостереженія его исполнились. Мнѣнія его стали общимъ достояніемъ

совокупной интеллигентной Россіи, нужды нѣтъ, что цензурными распоряженіями оберегались старинныя сужденія о Ломоносовѣ, Державинѣ, Карамзинѣ и Булгаринѣ. По этому и благодарное потомство не забываетъ его. Въ томъ, что съ тѣхъ поръ совершилось, оно видитъ подтвержденіе взглядовъ Бѣлинскаго на задачу русской литературы и ручательство дальнѣйшихъ успѣховъ внутренняго развитія и роста по программѣ Бѣлинскаго.

Громадное значеніе Бѣлинскаго для русской литературы и культурнаго прогресса Россіи видно уже по еле обозрѣваемому количеству посвященныхъ ему и его критической дѣятельности сочиненій, разсужденій, статей и отзывовъ. Приблизительное представленіе о богатствѣ литературы можно получить по даннымъ, собраннымъ у С. А. Венгерова: «Источники словаря русскихъ писателей» (т. I. 1900), гдѣ подъ словомъ «Бѣлинскій» перечень библіографическій обнимаетъ слишкомъ сорокъ столбцовъ убористой печати (стр. 422—443). На первомъ планѣ все еще стоитъ очень добросовѣстно и внимательно составленное сочиненіе А. Н. Пыпина «Бѣлинскій, его жизнь и переписка» (перепеч. изъ «Вѣстника Европы», СПбгъ. 1876, 8⁰ т. I. XIII. 314; т. II. 374; новое изданіе вышло въ 1900 г.), которое теперь можно бы въ разныхъ мѣстахъ расширить и дополнить на основаніи новыхъ данныхъ, преимущественно изъ переписки Бѣлинскаго (много напечатано въ «Русской Старинѣ» за 1877, 1880, 1882, 1887, 1893 годы, въ «Русской Мысли» за 1888 № 11; 1889 № 1, 5; 1890 № 9; 1891 № 1, 7, 8; 1895 № 4; въ сборникѣ «Починъ» за 1896 г. и т. д.). Бѣлинскаго не могли, конечно, обойти историки русской литературы, укажемъ только на Скабичевскаго: «Начало и развитіе русской критики: В. Г. Бѣлинскій» («Міръ Божій» 1894 № 9—10), на Волынскаго «Русскіе критики» (СПбгъ. 1896), на Н. Котляревскаго «Исторія новой русской литературы отъ Гоголя до нашихъ дней» (СПбгъ. 1897), на М. М. Филиппова «Философскія убѣжденія Бѣлинскаго» («Научное Обозрѣніе» 1897 № 5—9). Въ «Воспоминаніяхъ и критическихъ очеркахъ» П. В. Анненкова стоитъ на первомъ планѣ оцѣнка Бѣлинскаго въ этюдѣ «Замѣчательное десятилѣтіе 1838—1848 г.» (т. III. 1—224 стр.). Прекрасный анализъ главнѣйшихъ мыслей Бѣлинскаго о русской литературѣ, его взглядовъ на задачу критики, его разсужденій о народности въ литературѣ и т. д. представленъ Ждановымъ въ статьѣ «Памяти В. Г. Бѣлинскаго» (теперь во II томѣ «Сочиненій И. Н. Жданова» СПбгъ. 1907, 193—267). Этотъ анализъ Жданова можно назвать лучшимъ дополненіемъ къ біографіи Бѣлинскаго, написанной Пыпинымъ.

Философско-критическая дѣятельность Бѣлинскаго родилась и развивалась подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ хорошо извѣстныхъ въ исторіи русскаго культурнаго движенія лицъ, на которыхъ мы здѣсь не можемъ подробно останавливаться. Упомянемъ только вкратцѣ ихъ имена и важнѣйшія сочиненія, насколько они имѣютъ хоть нѣкоторое соприкосновеніе съ славянской филологіею. Николай Владимировичъ Станкевичъ, введенный въ область нѣмецкой философіи профессорами Павловымъ и Надеждинымъ, считался съ 1835 по 1840 годъ въ Москвѣ главой кружка молодыхъ восторженныхъ поклонниковъ нѣмецкой философіи, преимущественно Шеллинга и потомъ Гегеля; сначала въ этомъ кружкѣ сходились какъ позднѣйшіе западники (Бѣлинскій), такъ и позднѣйшіе славянофилы (К. С. Аксаковъ). Станкевичъ принималъ участіе въ «Московскомъ Наблюдателѣ», когда безгласнымъ редакторомъ этого журнала состоялъ Бѣлинскій (1838). Но вскорѣ онъ уѣхалъ, для продолженія своихъ

занятій, въ Германію (Берлинъ), потомъ въ Италію (въ Римѣ встрѣтился съ бывшимъ своимъ учителемъ Шевыревымъ); быстро развивавшаяся болѣзнь прекратила его молодую жизнь въ городкѣ Нови (25 іюня 1840 г.). См. о немъ трудъ П. В. Анненкова: «Н. В. Станкевичъ. Переписка и его біографія» (М. 1867) и въ «Воспоминаніяхъ и критическихъ очеркахъ» т. III (СПбгъ. 1881, 268—383).

Въ дальнѣйшемъ развитіи Бѣлинскаго еще болѣе важная доля вліянія принадлежала Александру Ивановичу Герцену (1812—1870), у котораго сначала былъ свой особенный кружокъ, не имѣвшій близкихъ сношеній съ философами Станкевича. Герценъ поступилъ на физико-математическій факультетъ Московскаго Университета, который и окончилъ со степенью кандидата. Кружокъ его увлекался не столько отвлеченными философскими, сколько соціально-политическими вопросами, изучая съ особенной любовью школу сенсимонистовъ (сл. статью Н. К. Козмина въ «Извѣстіяхъ» за 1901 г. кн. 4, 1—29). Вскорѣ надъ нимъ разразилась бѣда. Герценъ былъ, послѣ предварительнаго заключенія въ тюрьмѣ (около 9 мѣсяцевъ), сосланъ въ Пермь и Вятку (на 2 года и около 8 мѣсяцевъ), послѣ же переведенъ во Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ и женился на своей Наташѣ Захариной, поддерживавшей въ немъ бодрость духа во время ссылки въ Вятку въ высшей степени замѣчательной перепиской. Когда въ 1840 году ему было разрѣшено возвратиться въ Москву, онъ очутился опять въ новомъ кружкѣ блестящихъ талантовъ, къ которому теперь принадлежали Огаревъ, Бѣлинскій, Грановскій, Бакунинъ, Боткинъ, Щепкинъ, И. Галаховъ, Крюковъ и Рѣдкинъ. Бѣлинскій, увлекшись наукой Гегеля о разумной дѣйствительности, вызвалъ оппозицію со стороны Герцена и другихъ, но въ Петербургѣ они опять сошлись, съ тѣхъ поръ какъ Бѣлинскій сталъ свои критическія разсужденія о русской литературѣ связывать съ вопросами русскаго общественнаго положенія. Новыя непріятности удалили было опять Герцена на нѣкоторое время въ Новгородъ, но въ 1842 году онъ могъ вернуться въ Москву и теперь наступило время очень плодовитой литературной дѣятельности его, продолжавшейся дома, въ Россіи, къ сожалѣнію только пять лѣтъ. Первая статья ранней молодости его свидѣтельствуетъ о его увлеченіи нѣмецкимъ романтикомъ Амадеемъ Гофманомъ, въ преувеличенномъ уваженіи котораго онъ сходился съ кружкомъ Станкевича (статья напечатана въ «Телескопѣ» 1836 г. № 10. Соч. IV. 1—15). Вскорѣ былъ замѣченъ его большой талантъ, проявлявшійся въ философско-общественныхъ этюдахъ, которые печатались въ разныхъ журналахъ («Отечественныя Записки», «Современникъ», «Петербургскій Сборникъ» и т. д.). Онъ сталъ извѣстенъ въ русской литературѣ подъ псевдонимомъ Искандера. Біографъ Грановскаго (А. В. Станкевичъ, М. 1869) охарактеризовалъ его такъ: «Живой, умный, полный интересовъ научныхъ и общественныхъ, даровитый и остроумный онъ соединялъ въ себѣ все, что дѣлало его бесѣду и общество привлекательнымъ». Съ широкимъ энциклопедическимъ образованіемъ онъ соединялъ великолѣпный даръ простого и яснаго изложенія. Онъ самъ подтрунивалъ надъ запутаннымъ языкомъ энтузіастовъ нѣмецкой философіи, между тѣмъ какъ хвалилъ языкъ Грановскаго (Барсуковъ VII. 124—131). Еще въ 1835 г. въ Крутицкихъ казармахъ въ Москвѣ онъ написалъ и посвятилъ «сестрѣ Наташѣ «Легенду о св. Ѳеодо́рѣ» (Соч. I. 1—23), тогда же и въ 1836 г. въ Вяткѣ «Встрѣчи» (ib. 24—43). Въ Отеч. Зап. 1840—1 явились «Записки одного молодого человѣка» (Соч. I. 47—97), въ послѣднихъ авторъ самъ признавалъ вліяніе Гейне. Подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи имъ былъ написанъ рядъ статей

(четыре): «Диллетантизмъ въ наукѣ« (1841—3 г. въ «Отеч. Запискахъ», (Соч. IV. 67—135); какъ финалъ своей молодости онъ нарисовалъ тонкій анализъ: «По поводу одной драмы» (Отеч. Зап. 1843, № 8, Соч. IV. 31—51), потомъ вышли два письма о публичныхъ лекціяхъ Грановскаго (Соч. IV. 136—145), сатира на Московитянина (ib. 147—159), Письма объ изученіи природы (ib. 163—336), «Капризы и раздумье» («Петерб. Сборникъ» 1846 и «Современникъ» 1848 № 2, Соч. IV. 351—375), превосходный набросокъ «Москва и Петербургъ» (Соч. IV. 52—60) и «Станція Едрово» (ib. 376—390) и т. д., не говоря о знаменитомъ романѣ «Кто виноватъ» (Романъ этотъ сталъ выходить въ Отеч. Зап. 1845—6, вполнѣ вышелъ въ «Современникѣ» 1847 № 7, Соч. I. 105—280)—все это были новости для тогдашней русской литературы, отличавшіяся оригинальностью мыслей и мастерствомъ изложенія. Его «Дневникъ», (Соч. VI. 1—166) прекрасный документъ широкой литературно-философской начитанности автора, даетъ возможность слѣдить за ходомъ его развитія, сообщаетъ много отзывовъ его объ окружавшихъ современникахъ, м. пр. о славянофилахъ; его воспоминанія подъ заглавіемъ «Былое и думы» (Соч. т. II и III) представляютъ богатый источникъ для культурной исторіи Россіи во время царствованія императора Николая I и Александра II и для событій Европы, свидѣтелемъ которыхъ былъ онъ самъ за границею. Въ особенности въ выспей степени поучительны размышленія автора «Vom anderen Ufer» (по русски «Съ того берега». Соч. V. 165—261)... Изучать эти и другіе памятники блестящаго дарованія Герцена—должно составлять одно изъ лучшихъ, очень поучительныхъ чтеній образованнаго Русскаго, какъ и за границею только недавно стали серьезно обращать вниманіе на его «Erinnerungen» (1907 г. въ Берлинѣ въ двухъ томахъ). См. статью Алексѣя Веселовскаго «Герценъ-писатель». (В. Евр. 1908 мартъ, апрѣль).

Изящнымъ критикомъ и литературнымъ историкомъ, продолжавшимъ воспоминанія блестящей эпохи Пушкина былъ Павелъ Васильевичъ Анненковъ (1813—1887), издатель великолѣпнаго (перваго критическаго) изданія сочиненій А. С. Пушкина (въ 7 томахъ, СПбгъ. 1855—1857), въ томъ числѣ и «Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній» (СПбгъ. 1855, какъ I томъ «Сочиненій», 2-е изд. 1873) и дополненіе подъ заглавіемъ «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ александровскую эпоху 1799—1826 г.» (СПбгъ. 1874). Какъ критикъ онъ принималъ участіе въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ въ различныхъ журналахъ, въ «Современникѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ» и т. д. Въ «Современникѣ» съ 1849 года въ продолженіе восьми лѣтъ, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Атенеѣ» съ конца пятидесятыхъ годовъ. Съ основанія «Вѣстника Европы» онъ примкнулъ къ этому журналу. Анненковъ стоялъ въ близкой дружбѣ съ выдающимися представителями русской жизни сороковыхъ годовъ. Статьи его вышли въ 1879 году въ трехъ томахъ подъ заглавіемъ: «Воспоминанія и критическіе очерки», укажемъ, между прочимъ, на разсказъ о Гоголѣ въ Римѣ (I. 161—245), о Ег. П. Ковалевскомъ (ib. 329—343), о Бѣлинскомъ и другихъ современникахъ «Замѣчательнаго десятилѣтія 1838—1848» (III. 1—224), объ общественныхъ идеалахъ Пушкина (ib. 225—268) и о Станкевичѣ (ib, 268—383). Послѣдняя статья съ перепиской Станкевича вышла еще въ 1867 г. отдѣльнымъ изданіемъ, первоначально въ «Русск. Вѣстникѣ». Какъ дополненіе къ «Воспоминаніямъ», напечатано въ 1892 г. еще (8⁰ 666. VII): «П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ». Здѣсь имѣются не вошедшія въ Воспоминанія статьи, какъ: «Идеалисты тридцатыхъ

годовъ» (изъ «В. Евр.»), гдѣ рѣчь идетъ о Герценѣ и Огаревѣ, письма Анненкова изъ-за границы, изъ Парижа, изъ Кіева (перепечатанныя изъ журналовъ), статья: «Къ исторіи работъ надъ Пушкинымъ». Переписка содержитъ письма къ Анненкову Каткова, Гоголя, Боткина, Бѣлинскаго, Кудрявцева, Бакунина, Герцена, Некрасова и Огарева. Некрологъ Боткина. О значеніи Анненкова какъ критика см. отзывъ С. А. Венгерова въ Критико-біограф. словарѣ I. 596—611 (по моему, не вполнѣ справедливая оцѣнка).

Филологіей и литературной критикой занимался Н. Г. Чернышевскій (1828—1889), близкій родственникъ А. Н. Пыпина, воспитанникъ Саратовской гимназіи и семинаріи, изъ которой перешелъ въ университетъ въ Петербургъ, зная уже тогда новые языки (французскій и нѣмецкій) и славившійся знаніемъ латинскаго языка. Онъ выучился въ семинаріи также татарскому языку, зналъ тоже нѣсколько по-арабски и по-персидски. Въ Петербургскомъ университетѣ подъ вліяніемъ молодого профессора Срезневскаго онъ занимался тоже славянской филологіею. Кончивъ курсъ въ университетѣ въ 1850 г., годъ спустя онъ отправился въ Саратовъ къ роднымъ, гдѣ получилъ мѣсто учителя въ гимназіи, но оставался въ Саратовѣ не долго (здѣсь видѣлся и познакомился съ Костомаровымъ), его тянуло въ центръ духовной жизни, въ Петербургъ, чтобы отдаться совсѣмъ литературѣ (въ «Современникѣ»). Его диссертація «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности» была сначала пропущена, но потомъ пошли гоненія, о чемъ разсказываетъ вкратцѣ А. Пыпинъ въ монографіи о Некрасовѣ (Спб. 1905, стр. 21—22); 2-е изд. диссертаціи, подъ редакціею А. Пыпина, вышло въ Спб. 1865. Между прочими статьями изъ политической экономіи и близкихъ отраслей упомянемъ его этюдъ: «Лессингъ, его время, его жизнь и дѣятельность» (1857, 8°—112 стр.). Изъ «Современника» 1855—1857 отдѣльно вышли «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы» (новымъ изданіемъ въ 1893 г.), анализъ главныхъ мыслей этихъ очерковъ сдѣланъ А. Пыпинымъ въ Исторіи русск. литературы IV. 597—603 (см. также монографію о Некрасовѣ, стр. 23—24). Изъ «Современника» же перепечатаны «Критическія статьи» (отд. изд. 1893). Его книжка о «Пушкинѣ, его жизни и сочиненіяхъ» (Спб. 1856, 2-мъ изд. 1865) считается однимъ изъ лучшихъ популярныхъ изложеній о значеніи поэтической дѣятельности поэта. Упомянемъ еще изъ «Современника» перепечатанныя «Замѣтки о современной литературѣ 1856—1862 годовъ» (отдѣльнымъ изданіемъ Спб. 1894; о принадлежности этихъ «Замѣтокъ» Чернышевскому см. справки у Пыпина «Н. А. Некрасовъ» стр. 225—32). Изъ-за романа «Что дѣлать?», появившагося въ «Современникѣ», разразилась бѣда надъ авторомъ, онъ былъ сосланъ въ восточную Сибирь (въ Вилюйскъ) и только съ 1883 г. ему было разрѣшено жить въ Астрахани и потомъ въ Саратовѣ. Бѣдственное положеніе заставляло его зарабатывать средства для существованія переводческою дѣятельностью: онъ переводилъ изъ Стуарта Милля, всеобщую исторію Вебера, исторію Шлоссера (1861—1865). Его интересъ къ языковѣдѣнію засвидѣтельствованъ переводомъ (въ 1886 году) сочиненія О. Шрадера: «Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія» (8° IV. 482). Собраніе сочиненій Чернышевскаго вышло въ Швейцаріи (1868—1870) въ четырехъ томахъ, его «Критическія статьи» въ двухъ томахъ. Спб. 1893. См. Вѣст. Евр. 1908 іюль —сент.

Къ числу идеалистически настроенныхъ критиковъ, поклонниковъ чистаго искусства, принадлежалъ Аполлонъ Алекс. Григорьевъ (1822—1864). Онъ кончилъ университетъ въ Москвѣ въ 1842 г. по юридическому факультету и съ

1843 г. началъ участвовать въ «Москвитянинѣ», потомъ переѣхалъ не надолго въ Петербургъ, гдѣ принималъ участіе въ «Репертуарѣ», въ «Финскомъ Вѣстникѣ» и т. д., занимаясь переводами съ французскаго и нѣмецкаго языковъ (между прочимъ, онъ перевелъ «Вильгельма Мейстера» Гете), сочинялъ также стихи, написалъ одну драму, въ которой выставилъ К. С. Аксакова и т. д. Въ 1847 г. онъ возвратился въ Москву, опять подъ власть Погодина, съ которымъ происходили иногда размолвки (напр. въ 1848 г., см. у Барсукова IX. 440—2, X. 293; опять въ 1851 г., ib. XI. 395—8 и въ 1853 г., ib. XII. 291—3). Положеніе его было довольно незавиднымъ и онъ постоянно жаловался на журналистическую кабалу. Его стиль считался неудобопонятнымъ, тяжелымъ: упрекали его въ томъ, что голосъ его раздается съ туманныхъ высотъ, недоступныхъ разумѣнію, но признавали за нимъ благородство и искренность. Сочиненій его вышелъ одинъ первый томъ въ 1876 году подъ редакціею Н. Страхова.

Внезапное какъ метеоръ появленіе въ области русской литературной критики представлялъ Валеріанъ Майковъ, скончавшійся на 24 году отъ роду (1847), послѣ того какъ онъ въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ (1846—1847) завѣдывалъ на смѣну Бѣлинскаго критическимъ отдѣломъ «Отечественныхъ Записокъ», принималъ же участіе и въ «Современникѣ». В. Майковъ родился въ 1823 году въ Москвѣ; получивъ хорошее домашнее образованіе, кончилъ юрид. факультетъ Петерб. университета въ 1842 г. кандидатомъ, въ 1843 г. сдѣлалъ поѣздку за границу (въ Германію, Италію и Францію). Кромѣ интереса къ политико-экономическимъ наукамъ, пріобрѣтеннаго ходомъ образованія, онъ любилъ читать произведенія европейскихъ литературъ и нѣмецкую философію, изучалъ также искусство теоретически и практически. Даровитая натура его высказывалась въ легкости, съ которой онъ усваивалъ и умомъ своимъ оцѣнивалъ богатое содержаніе всего имъ читаннаго и въ занимательной формѣ передавалъ то на словахъ своимъ друзьямъ, то въ журнальныхъ статьяхъ читателямъ. Собранныя подъ заглавіемъ «Критическіе опыты» (Спб. 1891) статьи его представляютъ одинъ объемистый томъ въ 736 страницъ, гдѣ разборъ произведеній изящной литературы и изслѣдованій по исторіи словесности обнимаетъ слишкомъ двѣ трети содержанія (494 страницы). Энтузіазмъ молодой, на все благородное и прекрасное воспріимчивой души заставлялъ его иногда отзываться въ слишкомъ многословныхъ разсужденіяхъ и растянутомъ умствованіи, но сужденія его вообще были вѣрны, они вытекали изъ хорошей философско-литературной подготовки, соединенной съ тонкой наблюдательностью и врожденной способностью излагать свои мысли ясно и убѣдительно. В. Майковъ придерживался либеральныхъ взглядовъ русскихъ западниковъ, но требовалъ критическаго отношенія къ воспріятію западной культуры. Онъ говорилъ (Крит. оп. 594): «Можно рѣшительно сказать, что ни одинъ народъ не можетъ дойти до истинной цивилизаціи безъ помощи другихъ болѣе образованныхъ. Слѣдовательно, Россіи невозможно не благословлять реформъ Петра», или же: «Русскій нимало не утрачиваетъ своей національности, если дѣлается европейцемъ» (596), но «прошло уже то время, когда мы должны были безусловно благоговѣть передъ нашими учителями, вѣря имъ во всемъ на слово. Мы поняли теперь, что самое разнообразіе цивилизаціи западно-европейскихъ народовъ свидѣтельствуетъ объ односторонности каждаго изъ нихъ, что мы должны дѣлать строгій выборъ между тѣмъ, что должно и чего не должно у нихъ заимствовать» (ib. 548). Правда, подъ вліяніемъ программы «Отеч. Записокъ» онъ потомъ расширилъ эту

рамку, сталъ на болѣе высокую точку зрѣнія «человѣчности» (стр. 79), которая впрочемъ вполнѣ соединима съ «народностью»: первая должна быть подкладкой и основаніемъ другой. Многоглаголивость Майкова видна въ томъ, что его отзывъ о стихотвореніяхъ Кольцова обнимаетъ 116 страницъ, разборъ Вальтера Скотта и Загоскина 54 страницы, критика на «Краткое начертаніе русск. литературы» Аскоченскаго—37 страницъ и т. д.

На другой точкѣ зрѣнія, приближавшейся къ воззрѣніямъ Чернышевскаго, стоялъ литературный критикъ Николай Александровичъ Добролюбовъ (1836—1861). Онъ вышелъ изъ духовнаго сословія, окончилъ сначала дух. семинарію, былъ потомъ въ духовной академіи и педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Очень рано сблизился съ Чернышевскимъ и черезъ него получилъ доступъ въ редакцію «Современника». Пыпинъ называетъ его болѣе требовательнымъ и суровымъ воспитанникомъ на трудахъ Чернышевскаго (Истор. р. л. IV. 603). Дѣйствительно, у него не было широкой эрудиціи, ни блестящаго таланта Чернышевскаго, но онъ обладалъ потокомъ краснорѣчиваго изложенія и критическимъ задоромъ. Литература на его взглядъ была только средствомъ для подстрекательства общества, не имѣя въ глазахъ его никакого значенія какъ произведеніе искусства. Онъ стоялъ уже на полупути къ полному пренебреженію поэзіею Пушкина, которое нашло затѣмъ своего представителя въ Писаревѣ. Непризнаваніе никакихъ правъ за русскимъ обществомъ вызывало въ немъ раздраженіе противъ литературы, насколько она не стояла къ услугамъ общества какъ живой протестъ противъ гнета. А такъ какъ единственнымъ средствомъ для успѣшной борьбы противъ безправія считалось распространеніе образованія и просвѣщенія, то и въ его критическихъ разборахъ стояла на первомъ планѣ не литература какъ искусство, а сочиненія поучительнаго и просвѣтительнаго содержанія. Только рѣдкимъ писателямъ, какъ Островскому или Гончарову, уступалось право на значеніе для русскаго общества, съ цѣлью развитія въ немъ сознанія. О столкновеніи, происшедшемъ между старшимъ кружкомъ сотрудниковъ «Современника» и младшими членами его, въ числѣ которыхъ самымъ молодымъ былъ Добролюбовъ, сл. «Русская Мысль» 1898 декабрь, и въ монографіи Пыпина о Некрасовѣ стр. 32—4. Собраніе сочиненій Добролюбова вышло въ четырехъ томахъ въ 1862 году и перепечатывалось много разъ. Это доказываетъ наглядно, что критическіе отзывы Добролюбова все еще находятъ своихъ читателей, чему они обязаны энергіею и прямотой изложенія, умѣніемъ подойти подъ уровень широкихъ слоевъ общества и извѣстной тенденціозностью въ выборѣ поднимаемыхъ вопросовъ. На дѣлѣ съ интересомъ читаются до сихъ поръ его отзывы напр. о сочиненіяхъ С. Т. Аксакова, объ Обломовщинѣ (Гончарова), о Забитыхъ людяхъ (Достоевскаго), о Темномъ царствѣ (Островскаго), или же его обширныя статьи о литературѣ временъ Екатерины, о царствованіи Петра Великаго (по поводу исторіи Устрялова), о значеніи народности въ русской литературѣ (отзывъ о книжкѣ Милюкова по исторіи русской поэзіи) и т. д.

До крайнихъ предѣловъ отрицанія изящной литературы дошелъ Дмитрій Ив. Писаревъ (1840—1868), одинъ изъ главныхъ представителей молодого поколѣнія шестидесятыхъ годовъ и волненія, овладѣвшаго тогдашнимъ обществомъ. Въ его многочисленныхъ критическихъ статьяхъ разливалась вся желчь негодованія на русскихъ поэтовъ и писателей за то, что они вмѣсто прямого воспитыванія народа сочиненіями и переводами популярныхъ книжекъ

по естествознанію и разнымъ отраслямъ практическихъ наукъ любовались твореніями своей поэтической фантазіи и требовали поклоненія ихъ творчеству со стороны общества. Писаревъ забывалъ, что при всей справедливости его требованій, возлагаемыхъ на литературу, это только одна задача ея, не исключающая той другой, противъ которой онъ вооружался такими ядовитыми статьями, злобная тенденція которыхъ высказывалась уже въ заглавіяхъ, какъ: «Стоячая вода» (о Писемскомъ), или «Цвѣты невиннаго юмора» (о Щедринѣ), или «Русскій Донъ-Кихотъ» (о Кирѣевскомъ), или «Бѣдная русская мысль» (о Пекарскомъ), или «Сердитое безсиліе» (о Клюшниковѣ), или «Промахи незрѣлой мысли» (о Л. Н. Толстомъ), и т. д. Писареву пришлось страдать за свою рѣзкость сужденій (съ 1862—1866 онъ былъ въ тюрьмѣ), что его конечно сдѣлало еще популярнѣе. Односторонность его взглядовъ, надѣлавшая больше всего шуму по поводу отрицанія всякаго значенія за поэзіей Пушкина, продолжала господствовать въ извѣстныхъ кружкахъ русскаго общества (преимущественно университетской молодежи) самое большое около двадцати лѣтъ. Собраніе сочиненій его вышло въ 10 частяхъ въ Спб. 1865—1869, изданіе Ф. Павленкова— и еще нѣсколько разъ: первыя четыре части критическаго содержанія, слѣдующія по педагогикѣ, естествознанію, исторіи и философіи.

Трудно себѣ представить болѣе рѣзкую противоположность во взглядахъ на значеніе и цѣль литературы, чѣмъ ее по отношенію къ Писареву представлялъ Николай Николаевичъ Страховъ (1828—1896), идеалистъ и критикъ-философъ крайне консервативнаго направленія. Въ первое время, когда онъ послѣ нѣкоторыхъ сочиненій по естествознанію сталъ печатать статьи философскаго содержанія, критикуя при этомъ направленіе современной русской литературы, всѣ приверженцы прогрессивнаго направленія смотрѣли на него какъ на писателя отсталаго отъ духа времени, не понимающаго потребностей русскаго народа и его литературы. Въ пользу же его стойкости говорило то, что онъ не переставалъ относиться съ полнымъ уваженіемъ къ Пушкину, въ то время, когда великій русскій поэтъ не былъ въ модѣ; онъ не стѣснялся откровенно выражать свое преклоненіе передъ нѣмецкимъ идеализмомъ, почитать Гете и Гегеля и высказывать свое сочувствіе славянофиламъ. Разсужденія его отличались мягкостью и деликатностью, свидѣтельствовали о его очень солидномъ образованіи и обширной начитанности въ области естественныхъ наукъ и философіи, но вплоть до восьмидесятыхъ годовъ на него обращалось очень мало вниманія. Только когда въ направленіи русской мысли произошелъ опять нѣкоторый поворотъ въ національную сторону, общественное мнѣніе начало прислушиваться также къ голосу Страхова и труды его стали выходить новыми изданіями. Не вдаваясь въ перечисленіе его сочиненій по философіи — сошлемся на отзывъ Н. Грота «Памяти Страхова» въ «Вопросахъ философіи и психологіи» (1896, кн. 2) и на статью Э. Л. Радлова: «Нѣсколько замѣчаній о философіи Н. Н. Страхова въ Ж. М. Н. Пр. (1896 іюнь), — ограничимся упоминаніемъ его критич. разсужденій относящихся къ русской литературѣ: «Изъ исторіи литературнаго нигилизма» (раньше и въ 1890 г.), «Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ» (книжка, 1-ая третьимъ изданіемъ въ 1897 г., кн. 2-ая вторымъ изданіемъ 1890 г., книжка 3-ья въ 1896 г.), «Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ» (3-ье изд. 1895 г.), «Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ (1888 и 1897 въ Кіевѣ), «Воспоминанія и отрывки» (1892). Онъ писалъ также о Достоевскомъ при первомъ посмертномъ изданіи сочиненій его, и какъ

было уже сказано выше (на стр. 673), приготовилъ изданіе сочиненій своего друга А. Григорьева. О Страховѣ какъ критикѣ укажемъ на статью Гольцева въ «Вопросахъ филос. и психологіи» (1896, кн. 3) и на статью В. Соловьева въ Русской Мысли 1890, кн. 8.

Одинъ изъ старшихъ приверженцевъ западническаго направленія, оцѣнивавшій русскую литературу въ духѣ Бѣлинскаго, былъ Алексѣй Дмитріевичъ Галаховъ (1807—1892), извѣстный составитель нѣсколькихъ русскихъ хрестоматій и исторіи русской словесности въ обширномъ и сокращенномъ изданіяхъ. Кончивъ университетъ въ Москвѣ по физико-математическому факультету (1826), онъ отдался преподаванію русской словесности въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, сталъ сотрудникомъ и литературнымъ критикомъ въ «Отечествен. Запискахъ». Еще въ 1842 году впервые появившаяся «Первая русская хрестоматія или образцы краснорѣчія и поэзіи, заимствованные изъ лучшихъ отечественныхъ писателей» надѣлала много шуму предпочтеніемъ, даннымъ новѣйшей эпохѣ русской словесности передъ псевдоклассицизмомъ XVIII столѣтія, она вызвала несочувственный разборъ со стороны Шевырева, на который Галаховъ отвѣчалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1843, т. XXIX и XXX. Галаховъ, стоя на точкѣ зрѣнія Бѣлинскаго, ограничивался въ своихъ изученіяхъ русской литературы XVIII и XIX столѣтіями, эпохами Екатерининской, Карамзинской и Пушкинской. Изъ этихъ эпохъ имѣются различныя статьи его въ журналахъ, какъ напримѣръ, о «Кантемирѣ» въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1848 т. LXI), о «Фонвизинѣ» въ «Атенеѣ» (1858 № 47) и въ «Библ. Запискахъ» (1858 № 13), о «Быляхъ и небылицахъ Екатерины» въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1856 № 10 и 12), о сочиненіяхъ Княжнина въ «Отечеств. Запискахъ» (1850 № 4, 8, 12), о Херасковѣ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1857 № 158), о Богдановичѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1849 № 4), объ Измайловѣ въ «Современникѣ» (1850 № 11), о Карамзинѣ въ «Современникѣ» (1852 № 1 и 11 и въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1867 № 1), о Жуковскомъ въ «Обзорѣ русской литературы» за 1849 г., въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1850 № 1), дальше въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1852 № 11, 1853 № 6 и 12). Сл. статью А. Галахова: «Мое сотрудничество въ журналахъ» (въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1891 г., іюнь). У него были такія же обозрѣнія, какъ прежде ихъ писалъ Бѣлинскій, за 1847 и 1848 г.г. въ «Отечественныхъ Запискахъ», о которыхъ Плетневъ отзывался въ письмахъ къ Я. К. Гроту съ крайней рѣзкостью, имѣя въ виду, конечно, его либеральное направленіе (см. «Переписка Грота съ Плетневымъ» III, стр. 170, 385). Его «Историческая Хрестоматія», какъ предварительное пособіе для исторіи словесности, стала выходить съ 1848 года, когда вышелъ одинъ томъ «Исторической Хрестоматіи церковно-славянскаго и русскаго языка», но это изданіе не имѣло ни значенія, ни успѣха. Напротивъ, «Историческая Христоматія новаго періода русской словесности» (отъ Петра до Пушкина въ двухъ томахъ) распространена въ нѣсколькихъ изданіяхъ (1880 г. 3-е изд.). Въ 1849 году вышли его «Примѣчанія» къ «Новой русской Хрестоматіи», заключавшія въ себѣ обозрѣніе русской литературы преимущественно XIX вѣка. Настоящая «Исторія русской словесности» вышла въ двухъ томахъ въ 1863 и 1875 годахъ, она написана по порученію начальства военно-учебныхъ заведеній (заставившаго Галахова занять каѳедру русскаго языка и словесности въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, къ этой же должности присоединилась еще его дѣятельность въ историко-филологическомъ институтѣ, гдѣ онъ съ

1866 года состоялъ ординарнымъ профессоромъ). Упомянутое сочиненіе не было простымъ учебникомъ, а по крайней мѣрѣ по части новой литературы, очень обдуманно, обширно и съ богатыми библіографическими указаніями написанный ученый трудъ, не потерявшій въ этой части до сихъ поръ значенія. Сочиненіе Галахова вышло въ 1880 году вторымъ изданіемъ съ перемѣнами, которыя какъ самъ авторъ сознавался, не удовлетворяли всѣхъ требованій, высказанныхъ въ рецензіи Н. С. Тихонравова о 1-мъ изданіи, получившемъ на основаніи этого отзыва награду графа Уварова (рецензія перепечатана въ «Сочиненіяхъ» Н. С. Тихонравова томъ I. 1—126). Галаховъ прибѣгъ для древняго періода за помощью къ сотрудничеству акад. А. Н. Веселовскаго и О. Ѳ. Миллера, Кирпичникова и Морозова. Этимъ участіемъ извѣстныхъ спеціалистовъ I томъ Исторіи получилъ значительно передѣланный видъ, конечно только по тѣмъ вопросамъ, которые были предоставлены разработкѣ упомянутыхъ сотрудниковъ. Но и во второмъ отдѣлѣ I тома и во II томѣ, обнимающихъ исторію литературы отъ Петра Великаго до Пушкина, замѣтны передѣлки, исправленія и дополненія. Библіографическія данныя здѣсь нѣсколько сокращены, о чемъ можно жалѣть. Несоразмѣрность между старой, до-петровской и новой литературой (XVIII-го и XIX столѣтій) — такъ и осталась не соглашенной въ новомъ изданіи. Дополненіемъ къ исторіи словесности служитъ изданная Галаховымъ «Русская Хрестоматія» въ двухъ томахъ (I томъ: проза, II томъ: поэзія). Какъ учебникъ эта хрестоматія нашла большое распространеніе (въ 1881 году вышло восемнадцатое изданіе). О Галаховѣ см. некрологъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1892 г., декабрь (Л. Н. Майкова) и Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1892 годъ (того же Л. Майкова, въ «Сборникѣ», т. LIV. 11—14). См. Ист. Вѣстникъ 1891 г. іюнь, 1892 г. январь.

Раньше Исторіи русской словесности А. Галахова вышла небольшого объема, но по направленію замѣчательная книжка А. Милюкова: «Очеркъ исторіи русской поэзіи» (Спб. 1847, вышло еще 2-е изд. 1858, 3-е 1864). Прочитавъ книгу, Плетневъ писалъ Гроту: «Вотъ въ ней то видишь плоды ученія Бѣлинскаго. Это экстрактъ всего, что печатано было о русскихъ поэтахъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (Переписка Грота съ Плетневымъ III. 140). Это вѣрно сказано, но рѣзко отрицательный отзывъ Плетнева объ этомъ направленіи тогдашней новой школы не былъ вполнѣ раздѣляемъ даже его ближайшимъ другомъ Я. Гротомъ, замѣтившимъ что «они (т. е. молодые) по крайней мѣрѣ сдѣлали что-нибудь цѣлое, систематическое... они совершили трудъ, и это стоитъ спасиба» (ib. 392). Сочувственно отзывались о книгѣ Милюкова Добролюбовъ въ «Современникѣ» (Соч. I. 552—614) и Пыпинъ въ «Атенеѣ» 1858 (№ 25 ч. 3, 543—561), между тѣмъ какъ Шевыревъ разразился обширною рецензіею противъ автора (въ «Москвитянинѣ» 1848, ч. 1 № 1, сл. у Барсукова IX. 411—412). Укажемъ еще на его «Литературныя встрѣчи и знакомства» (Спб. 1890) съ любопытными отзывами о Языковѣ, Гоголѣ, Герценѣ, Достоевскомъ и А. Григорьевѣ.

Не забудемъ казанскаго профессора русской словесности Николая Никитича Булича (1824—1895), извѣстнаго своею еще и теперь не устарѣвшею монографіею о Сумароковѣ: «Сумароковъ и современная ему критика» (Спб. 1854). Говорятъ, цензура заставила его въ заглавіи написать слово «критика» взамѣнъ казавшагося опаснымъ слова «сатира». Въ 1855 г. онъ издалъ въ Казани брошюру: «Значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы». Еще имѣется его

«Къ столѣтней памяти Ломоносова» (въ Казанск. Унив. Извѣст. 1865, вып. 2—4), далѣе «Литература и Общество въ Россіи въ послѣднее время» (1865). Хвалятъ также его «Біографическій очеркъ Карамзина и развитіе его литературной дѣятельности» (1866, 8⁰ 113), и «Ѳ. М. Достоевскій и его сочиненія» (1881). И о Жуковскомъ онъ же писалъ въ 1883 г. по случаю столѣтней годовщины его рожденія. Въ «Истор. Обозрѣніи» (и отдѣльно) вышли въ 1902 г. его «Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX-го столѣтія». Онъ написалъ еще раньше: «О миѳическомъ преданіи какъ главномъ содержаніи народной поэзіи» (1870 г.). Капитальнымъ трудомъ его считается начатое, но не доконченное сочиненіе «Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета».

Большими заслугами по исторіи русской словесности и русскаго языка увѣнчалъ себя академикъ Яковъ Карловичъ Гротъ, значенію котораго какъ литературнаго историка мы придаемъ больше вѣса, чѣмъ его чисто филологическимъ трудамъ, не отрицая, конечно, важности его изслѣдованій и по русскому языку. Я. К. Гротъ родился въ 1812 г. въ Петербургѣ. Дѣдъ его Іоакимъ, кандидатъ богословія Іенскаго университета, пріѣхалъ въ Россію въ 1760 году изъ Голштиніи и поступилъ домашнимъ учителемъ къ какой то вдовѣ Корфъ, но вскорѣ получилъ мѣсто пастора при Екатерининской церкви (1764). У него были сношенія съ тогдашними академическими знаменитостями: съ Шлецеромъ, Бакмейстеромъ, Эйлеромъ, самъ же писалъ нѣмецкія духовныя пѣсни, проповѣди и одно сочиненіе: «О свободѣ вѣроисповѣданій въ Россіи» (сл. «Сборникъ» Отдѣл. русскаго языка и словесности, томъ V. 1, 289—292). Его сынъ Карлъ, знавшій иностранные языки, былъ приглашаемъ ко двору, къ великимъ князьямъ Александру и Константину для ихъ практическаго упражненія; послѣ этого онъ служилъ контролеромъ въ департаментѣ государственныхъ имуществъ, но скончался рано (въ 1816 году, 46 лѣтъ), оставивъ вдову (по происхожденію нѣмку) и троихъ дѣтей. Якову Карловичу шелъ тогда пятый годъ, старше его былъ братъ Константинъ. Мать (по примѣру отца) дорожила тѣмъ, чтобы дѣти прежде всего хорошо выучились русскому языку, хотя въ семейномъ кругу преобладали нѣмецкій и французскій языки. Десятилѣтнимъ мальчикомъ Яковъ Карловичъ былъ въ 1823 г. принятъ въ Царскосельскій лицейскій пансіонъ, послѣ трехъ лѣтъ (1826) поступилъ въ лицей, въ которомъ жили еще преданія о Пушкинѣ и Дельвигѣ, поддерживавшія у лицеистовъ любовь къ русской литературѣ и поэзіи. Ученіе въ лицеѣ продолжалось шесть лѣтъ.

Я. К. Гротъ вышелъ изъ лицея въ 1832 году и поступилъ на службу въ государственной канцеляріи у барона Корфа, но его влекло къ литературѣ, сначала въ особенности къ переводческой и исторической литературной дѣятельности по англійскому и шведскому языкамъ (переводъ Мазепы Байрона 1837, напечатанъ Плетневымъ въ «Современникѣ» 1838, т. IX, 94—128; поэзія и миѳологія скандинавовъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839, IV. № 6). Посѣщенія Финляндіи дали ему возможность познакомиться съ такими видными представителями какъ Рунебергъ, — изъ сочиненій котораго онъ кое-что переводилъ — въ литературѣ же русской отразилось это различными статьями въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ» о шведской и финляндской литературахъ. Онъ перешелъ даже на службу въ финляндскій статсъ-секретаріатъ (въ Гельсингфорсъ 1840 г.), но вскорѣ замѣнилъ эту должность другою лучше подходящею къ его вкусамъ: онъ былъ назначенъ (въ 1841 г.) профессоромъ русскаго языка, словесности и исторіи въ университетѣ Гельсингфорскомъ. Въ это

время вышелъ его переводъ поэмы Тегнéра «Фритіофъ, скандинавскій богатырь» (Гельсингфорсъ 1841 г.). Кромѣ чтенія лекцій, приготовленіе къ которымъ отнимало у него много времени, и разныхъ статей, являвшихся на страницахъ «Современника», потомъ «Звѣздочки» и другихъ журналовъ или газетъ, онъ принималъ участіе также въ шведскомъ словарѣ (въ двухъ томахъ, въ Гельсингфорсѣ 1846—1847), на шведскомъ же языкѣ напечаталъ коротенькую грамматику русскаго языка и исторію Россіи (1848—1849). Въ началѣ 1853 года Гротъ покинулъ Гельсингфорсъ, получивъ мѣсто учителя русскаго языка и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ у дѣтей тогдашняго наслѣдника В. Кн. Александра Николаевича и вмѣстѣ профессуру въ Петербургскомъ лицеѣ. Первая должность продолжалась до осени 1859 года, вторая до 1862 года. Въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ онъ былъ избранъ въ 1852 году въ качествѣ члена-корреспондента, и въ 1855 году въ качествѣ дѣйствительнаго члена. Съ выходомъ въ отставку изъ лицея началась его сосредоточенная дѣятельность въ академіи. Еще въ 1845 году Гротъ сталъ заниматься Державинымъ (въ «Современникѣ» т. XXXVII и XXXVIII, XL), но въ концѣ пятидесятыхъ годовъ (1859) Академія поручила ему позаняться полнымъ критическимъ изданіемъ всѣхъ сочиненій Державина, которому онъ посвятилъ много лѣтъ усиленныхъ занятій, приготовивъ изданіе, не имѣвшее до тѣхъ поръ да и послѣ того ничего равнаго въ русской литературѣ. Первый томъ вышелъ въ 1864 году, второй въ 1865 г., третій въ 1866 г., четвертый въ 1867 г., пятый въ 1869 г., шестой въ 1871 г., седьмой въ 1872 г., восьмой въ 1880 г., девятый и послѣдній въ 1883 г.; каждый томъ обнимаетъ не менѣе 7-ми до 8-ми сотъ, иные даже свыше 900 страницъ. Помимо этого роскошнаго изданія, украшеннаго многими рисунками и различными снимками, существуетъ также дешевое изданіе, содержащее тотъ же текстъ съ критическими примѣчаніями, только безъ рисунковъ (1868—1878 г. въ семи томахъ). Оба послѣдніе тома (8-й и 9-й) содержатъ и въ отдѣльномъ видѣ: «Жизнь Державина по его сочиненіямъ и письмамъ и по историческимъ документамъ». Въ послѣднемъ (девятомъ) томѣ обращаетъ на себя вниманіе хорошо составленная характеристика языка Державина (стр. 333—444). Переписку Евгенія съ Державинымъ напечаталъ Гротъ въ 1867 году въ 1-мъ выпускѣ пятаго тома «Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности» (стр. 65—216).

Будучи занятъ этимъ обширнымъ трудомъ, требовавшимъ много всестороннихъ разысканій по русской литературѣ XVIII и XIX столѣтій, Гротъ напечаталъ въ различныхъ мѣстахъ не только отдѣльные эпизоды, касавшіеся Державина, но также много другихъ историко-литературныхъ этюдовъ, на которые натолкнуло его главное занятіе. Не перечисляя всего въ подробностяхъ (перечень всѣхъ трудовъ его напечатанъ С. И. Пономаревымъ въ XXXII т. «Сборника», дополненъ же и доведенъ до кончины Я. Грота въ изданіи Наталіи Гротъ: «Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ». Спб. 1895, на стр. 199—234), упомянемъ только письма Ломоносова и Сумарокова («Записки Академіи Наукъ» т. I. № 1) и о Ломоносовѣ («Записки Академіи Наукъ» т. VII. 220—258), его рѣчь о Карамзинѣ (въ торж. собраніи Академіи Наукъ 1866 г., въ «Сборникѣ» т. I) вмѣстѣ съ Письмами Карамзина И. И. Дмитріеву (Спб. 1866, изданными сообща съ Пекарскимъ), статью «Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка» (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1867, № 4), его участіе въ чествованіи памяти Крылова (въ

«Сборникѣ» т. VI), изслѣдованіе о Хемницерѣ въ полномъ изданіи его сочиненій и писемъ (въ Спб. 1873), обширныя занятія, касающіяся литературной дѣятельности императрицы Екатерины (Бумаги императрицы Екатерины въ XIII и XXIII томахъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества 1874, 1879 и 1881 гг. и письма Гримма къ ней въ XXXIII томѣ; кромѣ того этюды, «Екатерина II и Густавъ III» въ академическомъ «Сборникѣ» т. XVIII № 1, «Заботы Екатерины о народномъ образованіи» ib. т. XX № 5, «Екатерина въ перепискѣ съ Гриммомъ» въ томъ же «Сборникѣ» т. XX № 1, т. XXI № 4, т. XXXIII № 4). Разысканія о Державинѣ были для него поводомъ собрать матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта (Записки Академіи Наукъ 1862, т. I № 4, ib. т. III № 4, «Русская Старина» 1870, т. II, кн. 10, Сборникъ Отдѣленія русскаго языка т. XV № 4). По окончаніи изданія сочиненій Державина онъ воздвигъ памятникъ своему многолѣтнему другу, П. А. Плетневу, издавъ въ Академіи сочиненія и переписку его въ 1885 году, въ трехъ томахъ, а послѣ смерти Я. Грота сыномъ его Константиномъ издана обширнѣйшая переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ въ трехъ объемистыхъ томахъ (Спб. 1896, I. 8⁰ 702; II. 968; III. 850).

Какъ воспитанникъ царскосельскаго лицея Гротъ дорожилъ воспоминаніями о немъ и любилъ къ нимъ возвращаться. Такъ въ 1874 году онъ напечаталъ въ сборникѣ «Складчина» статью: «Первенцы лицея и его преданія» (стр. 339—376), въ Русскомъ Архивѣ 1875—1876 г. «Старина Царскосельскаго лицея» (1875 № 4, 479—493; 1876, № 1. 481—487), въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1887 г. «Пушкинъ въ Царскосельскомъ лицеѣ» и самое главное: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники» (Спб. 1887, въ XLII томѣ «Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности» № 4, 8⁰ 320 стр.). Кромѣ упомянутыхъ русскихъ писателей и поэтовъ Гротъ затрогивалъ вопросы касавшіеся Петра Великаго («Сборникъ» т. X), Фонвизина, Жуковскаго (въ 1883 году), Батюшкова, Дельвига, Гоголя и другихъ—но все это были мелочи. Усердіе его въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, гдѣ онъ состоялъ предсѣдательствующимъ начиная съ 1865 года, высказывалось въ отчетахъ о дѣятельности Отдѣленія (за годы 1864, 1865, 1885, 1887, за 1841—1891 въ «Сборникѣ» т. LIII № 1) и въ участіи въ присужденіяхъ премій, напримѣръ, Ломоносовской—Далю за его словарь («Сборникъ« т. VII № 10), графа Кушелева-Безбородко Н. И. Григоровичу за біографію его, Ломоносовской—Подвысоцкому за областной арханг. словарь (въ «Сборникѣ» 1882 г., т. XXIX), имъ же составленъ отчетъ о первомъ присужденіи преміи Пушкина (въ «Сборникѣ» т. XXXI № 4), о третьемъ присужденіи (въ «Сборникѣ» т. XLI № 1), о четвертомъ и пятомъ присужденіи (ib. т. XLVI № 1 и 5). Другіе отзывы касались произведеній изящной или научной литературы въ области исторіи словесности и языка; укажемъ, напримѣръ, разборъ стихотвореній Фета въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1850 г., т. LXVIII, кн. 2, 49—72), поэмы Никитина «Кулакъ» (въ Извѣстіяхъ второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 1858, т. VII. 289—313), объ Исторической хрестоматіи Галахова, т. I (въ «Извѣстіяхъ», т. X. 152—156), о т. II (въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 1864, № 305), о II томѣ Исторіи русской словесности Галахова (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1869, февраль, 476—496) и др. Всѣ эти труды Грота сходятся въ одномъ прекрасномъ свойствѣ: въ очень добросовѣстномъ изученіи предмета и передачѣ его, безъ лишней траты словъ, просто и вразумительно. Какъ на образецъ его добросовѣстности укажу на коротенькую, но очень характерную статью его о «Бѣлинскомъ и его мнимыхъ послѣдователяхъ» (въ Трудахъ т. III.

354—362). Смѣлыхъ соображеній онъ не любилъ, оригинальностью взглядовъ не блисталъ. На все имъ сказанное можно было положиться. Въ аккуратномъ исполненіи предпринятой задачи отзывалось его германское происхожденіе, хотя онъ лично былъ всей душою преданъ русскому народу и русскому языку, чувствуя себя вполнѣ русскимъ.

Гротъ говоритъ въ своемъ автобіографическомъ очеркѣ, что къ предпочтенію филологическихъ занятій побуждало его ясное сознаніе, что къ языкамъ у него было наиболѣе способностей. «При изслѣдованіяхъ въ этой вѣтви знанія я всегда по чутью слѣдовалъ тѣмъ началамъ, которыя многіе почерпаютъ только изъ книгъ». Это убѣжденіе его основывалось на практическомъ знаніи многихъ живыхъ языковъ: ему были извѣстны съ дѣтства русскій, нѣмецкій, французскій, въ лицеѣ выучился онъ латинскому и итальянскому, послѣ лицея усвоилъ себѣ англійскій и еще въ высшей степени шведскій языкъ, книжнымъ образомъ другіе скандинавскіе, польскій, греческій и первыя начала санскритскаго языка. Финскій языкъ онъ зналъ отчасти и практически, въ Гельсингфорсѣ наконецъ онъ изучилъ грамматически церковно-славянскій языкъ и нѣкоторыя славянскія нарѣчія, въ особенности чешское. Такъ разсказываетъ онъ самъ о своихъ лингвистическихъ познаніяхъ, мы вѣримъ его словамъ и его увѣренности, что всего этого достаточно. И несмотря на весь этотъ богатый запасъ практическихъ свѣдѣній, мы должны утверждать, что у Грота недоставало прочныхъ принциповъ для филологическихъ изслѣдованій; онъ самъ вѣрно опредѣлилъ свою дѣятельность исходившей отъ практическаго чутья, а не по строгому филологическому методу. У него было на дѣлѣ много хорошихъ и вѣрныхъ наблюденій по слуху, гдѣ рѣчь заходила о живомъ языкѣ, и много практической сноровки, гдѣ приходилось выбирать то или другое изъ неопредѣлившагося еще употребленія, но для вѣрнаго историческаго взгляда на явленія въ языкѣ у него не было достаточныхъ данныхъ, для правильныхъ выводовъ на основаніи звуковыхъ законовъ и другихъ подобныхъ тонкостей у него недоставало научной подготовки. Несмотря на всѣ заслуги, оказанныя имъ русскому языку, Гротъ все же былъ филологомъ старой школы, филологомъ-практикомъ съ хорошо развитымъ чутьемъ для всего нужнаго русскому языку. Онъ былъ не столько записной филологъ, сколько Schöngeist въ смыслѣ хорошаго стараго времени. Вотъ, напр., какую программу онъ самъ себѣ составилъ было для зимы 1841 года въ Гельсингфорсѣ: «на нынѣшнюю зиму я выбираю для занятій исторію, Шекспира, Гете, Шиллера, Данте, русскихъ поэтовъ и шведскій языкъ». Такъ и въ русской филологіи онъ ограничивался случайными, различными обстоятельствами вызванными статьями, которыя были потомъ подобраны въ сочиненіи подъ заглавіемъ «Филологическія разысканія». Первое изданіе вышло въ 1873 году въ одномъ томѣ; второе, значительно дополненное, въ двухъ томахъ въ 1876 году; третье тоже въ двухъ томахъ издано въ 1885 году (и здѣсь прибавлены нѣкоторыя статьи, которыхъ не было во второмъ изданіи).

Авторъ самъ раздѣлилъ свои «Разысканія» на двѣ части: въ первую вошли «Матеріалы для словаря, грамматики и исторіи русскаго языка», во вторую «Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ». Заглавія передаютъ только приблизительно содержаніе томовъ. Большая часть статей была написана въ различныя времена безъ плана. Еще въ «Современникѣ» 1845 года (т. XXXVIII, 269—363) явилась статья: «Объ основныхъ формахъ русскаго глагола», которую Гротъ написалъ въ бытность свою профессо-

ромъ русскаго языка въ Финляндіи. Эту статью онъ потомъ передѣлалъ и въ сокращенномъ видѣ напечаталъ въ «Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики» (Вып. I—III, Спб. 1854, стр. 391—399), по поводу же замѣчаній Билярскаго онъ еще разъ коснулся этого вопроса въ «Извѣстіяхъ» (т. IX, стр. 261—264). Въ переработанномъ вновь видѣ изъ этого вышла та статья, которая въ Филол. Разысканіяхъ[3] (I, стр. 354—371) напечатана подъ заглавіемъ: «О спряженіи русскаго глагола и важности въ немъ ударенія». Только «Дополнительное замѣчаніе о спряженіи русскаго глагола» (Извѣстія III, 141—144), кажется, не вошло въ Фил. Разысканія. Удареніе русскаго языка влекло Грота къ новымъ разсужденіямъ. Въ 1855 онъ написалъ статью: «О глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ» (въ Матеріалахъ т. III, 337—348), вошедшую потомъ въ Фил. Разыск.[3] (I, 372—387). Въ 1858 и 1860 гг. вышли двѣ статьи: «О нѣкоторыхъ законахъ русскаго ударенія» (Изв. VII. 161—199, VIII, 361—873), онѣ соединены въ одну статью «О русскомъ удареніи вообще и объ удареніи именъ существительныхъ» (Фил. Разыск.[3] I, 388—451). Въ 1869 г. онъ опять коснулся ударенія, разбирая нѣмецкую книжку Кайслера въ Ж. М. Н. Пр. 1869, янв. 239—251 (въ Фил. Разыск.[3] I, 452—473). Во всѣхъ статьяхъ Грота видно много практической сообразительности, но глубже въ вопросъ почему такъ, а не иначе, онъ не вникалъ. Важнѣе на мой взглядъ его наблюденія надъ произношеніемъ и физіологической природой отдѣльныхъ звуковъ живого русск. языка. Въ 1847 г. напечатана имъ въ «Спб. Вѣдомостяхъ» № 173 замѣтка «О произношеніи буквъ е, ѣ, э»—она попала въ Филол. Разысканія[3] I. 296—300, съ приложеніемъ «По поводу предыдущей статьи» (ib. 301—304). Въ 1852 г. онъ напечаталъ въ Ж. М. Н. Пр. іюнь, стр. 97—137: «О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка», и это повторено въ Фил. Раз.[3] I. 305—334. Въ 1878 г. вышла на русскомъ языкѣ статья: «Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка» (въ Сборникѣ т. XVIII, № 8, первоначально по-нѣмецки въ Archiv f. slav. Phil. 1878, III. 138—151), повторена въ Фил. Разыск.[3] (I. 335—353). Наконецъ, въ 1881 г. по поводу одной нѣмецкой диссертаціи вышла его рецензія сначала въ Archiv f. slav. Phil. V. 657 и сл., потомъ въ Филолог. Запискахъ (1881, стр. 12—15), перепечатанная въ Фил. Разыск[3] I. 301—305.

Рядомъ съ разборомъ звуковыхъ оттѣнковъ идетъ практическій вопросъ о правописаніи, которое, какъ извѣстно, мало-по-малу вездѣ уступаетъ требованіямъ произношенія: оттуда во всѣхъ языкахъ несканчаемая борьба между двумя началами правописанія: этимологическимъ и фонетическимъ. Гротъ занимался этимъ вопросомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ посвящалъ ему много времени и вниманія, будучи проникнутъ сознаніемъ долга для Аристарха, какимъ онъ считалъ себя, наблюдать за ходомъ и регламентаціею правописанія. По примѣру французской академіи онъ присваивалъ Отдѣленію русскаго языка и словесности право стоять на стражѣ правописнаго единства.

Въ 1873 г. впервые вышло разсужденіе Грота о русскомъ правописаніи подъ заглавіемъ: «Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго до нынѣ» (Спб. 1873, 8⁰ 162). Это была потомъ вторая часть Филолог. Разысканій. Трудъ этотъ былъ пересмотрѣнъ и переработанъ по новому болѣе обширному плану во второмъ изданіи 1876 года. Вмѣсто 162 страницъ теперь книга обнимала 400 стр., съ прибавкой же подробныхъ указателей—459 стр. Къ третьему изданію прибавлено еще сокращенное изложеніе: «Основанія фонетики Сиверса» (по изданію 1881 года). Это разсужденіе Грота о судьбахъ русскаго

правописанія можетъ быть названо лучшимъ трудомъ его, написаннымъ съ соблюденіемъ стройной системы. Оно состоитъ изъ двухъ частей: первая говоритъ о звукахъ русскаго языка и ихъ физіологической природѣ съ прибавкой обозрѣнія того, что объ этомъ сказано въ русской научной литературѣ начиная съ Ломоносова (1—88), съ приложеніемъ изъ Сиверса (89—132). Вторая часть разсуждаетъ объ отношеніи письма къ языку (133—185), даетъ краткій перечень ороографическихъ вопросовъ въ другихъ языкахъ (186—223), потомъ въ литературѣ русской (225—285) и тогда только (изъ этого было бы лучше сдѣлать особую третью часть) входитъ въ подробности существующаго русскаго правописанія (Критическій обзоръ современнаго правописанія, стр. 286—437). Въ этой послѣдней части сочиненія только и можетъ быть рѣчь о спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія, рѣшеніе которыхъ предлагается авторомъ по его соображеніямъ, не всегда строго научнымъ, а очень часто практическимъ (привычки, общее употребленіе, аналогія и т. д.). Поэтому выходитъ, что самъ авторъ иногда колебался, такъ ли писать или иначе. Въ доказательство можно указать на его книжку: «Русское правописаніе. Руководство составленное по порученію Второго Отдѣленія Импер. Ак. Н.» (Первое изданіе въ 1885 г., десятое въ 1893 г.), въ которой иногда измѣнялись его взгляды: напр., сначала онъ предлагалъ какъ правильнѣе правописаніе «возжи», «дрозжи», но потомъ предпочелъ «вожжи», «дрожжи». Одно слово «ветчина» (которое онъ по этимологіи предлагалъ было писать «вядчина») вызвало даже полемику между Гротомъ и мною. До послѣдняго времени онъ отказывался вѣрить, что слово *ветчина* развилось изъ *ветшина* (отъ прилагательнаго *ветхій*), онъ все указывалъ на польское wędzić, забывая, что этому польскому слову не могла бы соотвѣтствовать форма русскаго слова съ *я*, а только съ *у* (см. чешское *uditi*, *uzení*, *uzenár*, или же словенское *voditi*, *vojeno meso*, кайк.-хорв. *vuditi*, *podvuditi*, *vugjeno meso* и т. д.).

О формахъ русскаго языка не пришлось Гроту много говорить, такъ какъ онъ не изучалъ языка историческимъ путемъ, не заходя за Петровское время, и не сличалъ послѣдовательно русскаго языка съ прочими славянскими. Онъ, напр., обыкновенно основательно возражалъ противъ Миклошича, когда рѣчь заходила о явленіяхъ живого русскаго языка, но когда онъ касался такихъ явленій какъ *д* въ *буду* или церковныхъ формъ **кащє**, **кащии**, тутъ обнаружилась недостаточная глубина свѣдѣній. Зато онъ удачно затрогивалъ исторію русскаго литературнаго языка и явленія лексикографическія. Его статьи о словарѣ Даля (сначала въ Сборникѣ т. VII № 10, потомъ въ Филол. Разыск.[3] I. 1—60), о значеніи Карамзина въ исторіи русскаго литературнаго языка (сначала въ Ж. М. Н. Пр. 1867 апр. 20—76, потомъ въ Фил. Р.[3] I. 61—132) и разборы лексическихъ трудовъ Макарова, Подвысоцкаго—написаны очень поучительно. Благодаря счастливымъ обстоятельствамъ теперь всѣ сочиненія Грота доступны въ полномъ изданіи, въ пяти томахъ, подъ редакціею его сына Конст. Грота подъ заглавіемъ: «Труды Я. К. Грота» 1898—1903. Томъ I посвященъ скандинавскому и финскому міру (8° 1070); томъ II повторяетъ четвертымъ изданіемъ Филологическія Разысканія (8° 939); томъ III содержитъ: «Очерки изъ исторіи русской литературы» (8° 510. 329); томъ IV озаглавленъ: «Изъ русской исторіи. Изслѣдованія, очерки, критическія замѣтки и матеріалы» (8° 768); томъ V обнимаетъ «Дѣятельность литературную, педагогическую и общественную» (8° 628). Несмотря на объемистость этихъ пяти томовъ, въ нихъ не вошло все написанное Я. К. Гротомъ.

По исторіи русской литературы выдѣляется ученая дѣятельность Михаила Ивановича Сухомлинова. Онъ былъ уроженецъ юга (родился въ Харьковѣ въ 1828 г.), но послѣ окончанія въ 1848 году курса по историко-филол. факультету, получивъ степень магистра на основаніи диссертаціи: «Взглядъ на историческій ходъ русской драмы» (Харьковъ 1850 г., 8⁰ 5 — 92), онъ перешелъ въ с.-петербургскій университетъ, гдѣ получилъ должность адъюнкта по русской словесности и сталъ тотчасъ же принимать участіе въ Извѣстіяхъ Второго отдѣленія Импер. Ак. Наукъ. Во II томѣ онъ напечаталъ: «Вассіанъ, современникъ Іоанна III» (177—199) и «О сборникахъ извѣстныхъ подъ названіемъ Пчелъ» (ib. 222—234). Въ IV томѣ: «О псевдонимахъ въ древней русской словесности» (117—159), «О Сумароковѣ» (ib. 206—208). Въ «Ученыхъ Запискахъ» вышла любопытная статья: «О языкознаніи въ древней Россіи» (т. I, стр. 177—260) и «О древней русской лѣтописи какъ памятникѣ литературномъ» (т. III, стр. 1—230). Это одна изъ самыхъ раннихъ попытокъ анализировать содержаніе и форму первоначальнаго свода русскихъ лѣтописей, такъ называемой «Повѣсти временныхъ лѣтъ». Изслѣдованіе это доставило Сухомлинову степень доктора (въ апрѣлѣ 1856 года). Послѣ того онъ получилъ въ Спб. университетѣ каѳедру экстраорд. профессора въ 1860 г. и ординарнаго въ 1864 г. Корреспондентомъ Имп. Академіи по Отдѣленію русскаго языка избранъ въ 1855 г., но избраніе въ дѣйствительные члены затянулось до 1872 г., хотя еще въ 1860 году и потомъ въ 1865 г. въ перепискѣ между Плетневымъ и Гротомъ о Сухомлиновѣ заходила рѣчь какъ о наиболѣе подходящемъ членѣ для нуждъ Отдѣленія.

Между тѣмъ ближайшимъ занятіемъ Сухомлинова было изслѣдованіе о сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго и изданіе матеріаловъ, относящихся сюда, по рукописямъ графа А. С. Уварова. По условленному плану памятники древнерусской словесности, находящіеся въ собраніи Уварова, должны были войти во II томъ «Рукописей графа А. С. Уварова», первый выпускъ котораго (Спб. 1858, fol. LXXII—160) содержитъ тексты Кирилла Туровскаго съ вводнымъ изслѣдованіемъ Сухомлинова, анализирующимъ сочиненія Кирилла Туровскаго по ихъ зависимости отъ св. писанія и твореній византійскихъ (отцовъ церкви). Тексты здѣсь изданные, извлечены изъ рукописей графа Уварова, но по справедливому возраженію И. Срезневскаго изданіе Калайдовича этимъ не устранено (Изв. VII, 37). Слѣдующіе два года Сухомлиновъ пробылъ за границею, о чемъ свидѣтельствуютъ его письма въ «Русск. Вѣстникѣ» за 1858 г. (т. XVII, № 17 и 20), и за 1859 г. (т. XXI, № 9 и т. XXIII, № 18 и 19). Возвратившись домой, онъ интересовался помимо своей преподавательской дѣятельности вопросами русской словесности XVIII и начала XIX столѣтія (напр., о Новиковѣ въ Запискахъ Импер. Ак. Н. т. VI и VII), издалъ въ 1866 г. «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Импер. Александра I» (Спб. 8⁰ 220), написалъ много рецензій о сочиненіяхъ такого же содержанія (въ Ж. М. Н. Пр. за 1868, 1869, 1871 годы). Въ числѣ прочихъ занятій этого времени обращаютъ на себя вниманіе статьи «О Лагарпѣ воспитателѣ Императора Александра I» (Спб. 1871, отд. отт. изъ Ж. М. Н. Пр. т. CLIII, № 1 и 2) и «Повѣсть о судѣ Шемяки» (изъ Сборника Отд. т. X, № 6). Съ поступленіемъ его въ Отдѣленіе русск. языка и словесности Импер. Академіи Наукъ (въ 1872 экстраорд., въ 1876. орд. академикомъ) начала выполняться его задача написать обширную исторію дѣятельности «Россійской Академіи», которая имъ же доведена до конца между 1874 и 1888 годами въ восьми томахъ (см. выше на стр. 156). Трудъ этотъ представляетъ любо-

пытную и, конечно, очень полезную справочную книгу, хотя читатель не можетъ освободиться отъ впечатлѣнія, что совокупная дѣятельность Россійской Академіи едва ли стоила столь обширнаго и подробнаго изслѣдованія. Сл. еще его «Рѣчь о дѣятельности Росс. Академіи по случаю ея столѣтія» (Сборникъ т. XXXIII, 1884 г., протокол. стр. IV—XVII). Погрузившись въ архивныя дѣла Импер. Академіи Наукъ, Сухомлиновъ взялся также за изданіе «Матеріаловъ для Исторіи Импер. Академіи Наукъ» (подъ редакціею его вышло съ 1885 по 1900 годъ — десять томовъ, обнимающихъ дѣла академіи съ 1716 по 1750 годъ). Изъ прочихъ его трудовъ укажемъ на хорошо написанную характеристику А. Н. Радищева (въ «Сборникѣ» отд. р. я. и сл. т. XXXII, № 6, стр. 143), на статью «А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья» (въ новыхъ Извѣстіяхъ Отд. р. яз. и сл. т. II, кн. 1, 1—33), не говоря уже о различныхъ рецензіяхъ (въ Ж. М. Н. Пр. 1871 авг., въ 23 и 31 присужденіяхъ наградъ Уварова) и о статьяхъ разнообразнаго содержанія въ журналахъ: въ Древней и Новой Россіи за 1876, 1877, 1879 гг., въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1881, 1884, 1885, 1886, 1888, 1889, 1890 гг. — подробности у П. К. Симони: Хронологическій списокъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ и изданій М. И. Сухомлинова (Спб. 1903, 8° 44 и въ Литературн. Вѣстникѣ Русск. Библіологич. Общ. т. II, кн. 7, Спб. 1901, 211—218). Нѣкоторая часть этихъ разбросанныхъ статей явилась въ сборномъ изданіи: «Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію» въ двухъ томахъ (Спб. 1889, томъ I, 8° III, 671, томъ II, 8° 516).

Еще въ 1865 году Гротъ писалъ Плетневу: «Легче всѣхъ провести (т. е. пройти съ нимъ въ общемъ собраніи Импер. Акад. Наукъ) Сухомлинова, котораго мы (т. е. члены Второго Отдѣленія) имѣемъ въ виду для изданія Ломоносова» (Переписка Грота съ Плетневымъ III, 711—12). На дѣлѣ же Сухомлиновъ взялся за изданіе сочиненій Ломоносова только подъ конецъ своей жизни. Въ 1891 году вышелъ первый томъ этого изданія: «Сочиненія М. В. Ломоносова съ объяснительными примѣчаніями академика М. И. Сухомлинова» (Спб. 4° XVIII, 317, 503). Второй томъ послѣдовалъ въ 1893 г. (4° XIII, 283, 426). Оба тома содержатъ стихотворныя сочиненія Ломоносова. Томъ третій вышелъ въ 1895 г. (4° XI, 352, 567). Томъ четвертый въ 1898 г. (4° X, 424, 374). Оба послѣдніе тома относятся къ произведеніямъ Ломоносова въ области языка и словесности. Томъ пятый изданъ въ 1902 г. (4° VIII. 370, 261). Въ этомъ томѣ помѣщены статьи Ломоносова по естественнымъ наукамъ и по исторіи. Изданіе Ломоносова, несмотря на его важность, уступаетъ вышеупомянутому труду Грота по изданію Державина. Заслуги Сухомлинова по Отдѣленію Русскаго языка и словесности отмѣчены академикомъ Шахматовымъ въ отзывѣ по поводу кончины его (8 іюля 1901 г.) въ общемъ собраніи академіи 1 сентября 1901 г. (Изв. Имп. Ак. Н. т. XV, № 2; Ж. М. Н. Пр. 1901, ноябрь).

Тонкимъ чутьемъ литературнымъ и превосходной начитанностью, помимо русской, въ особенности еще во французской литературѣ отличался Леонидъ Николаевичъ Майковъ (род. 1839 года), воспитанникъ петербургскаго университета, въ которомъ онъ окончилъ курсъ по историко-филологическому факультету въ 1860 году, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ министерствѣ финансовъ поступилъ въ центральный статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ; онъ участвовалъ въ то же время въ редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, гдѣ потомъ получилъ должность главнаго редак-

тора (съ 1883 года). Въ 1882 году онъ былъ назначенъ помощникомъ директора Императорской Публичной Библіотеки. Въ академію попалъ въ 1889 году (членомъ-корреспондентомъ былъ съ 1883 года), въ 1893 году назначенъ вице-президентомъ, скончался 7 апрѣля 1900 года. Еще будучи студентомъ, Майковъ принималъ участіе въ «Сборникѣ», издававшемся студентами Петербургскаго университета, мелочами по русской словесности (сл. у Симони «Хронологическій списокъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ Л. Н. Майкова» Спб. 1905), но ближайшая серьезная дѣятельность его сосредоточилась на народной поэзіи. Его магистерская диссертація: «О былинахъ Владимірова цикла» (Спб. 1863. 8° 139) становилась для своего времени важнымъ опытомъ подойти къ изслѣдованію былевой поэзіи съ точно опредѣленными историко-географическими и бытовыми положеніями, изслѣдованіе отличалось трезвостью взглядовъ и осторожностью выводовъ. Очень жаль, что въ этомъ направленіи долго не являлось дальнѣйшихъ попытокъ. Самъ авторъ написалъ вскорѣ нѣчто похожее на эту диссертацію, подвергнувъ хорошо обдуманному анализу «Великорусскія Заклинанія» (Спб. 1869, 8° 164, отдѣльный оттискъ изъ Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи, т. II).

Состоя въ географическомъ обществѣ то секретаремъ (1865—1867), то предсѣдательствующимъ (1872—1886) по отдѣленію этнографіи, Л. Майковъ принималъ участіе въ изданіяхъ общества (напримѣръ, въ географическо-статистическомъ словарѣ въ выпускахъ 1865—1873 гг., какъ редакторъ въ Запискахъ по отдѣленію этнографіи въ томахъ II. III. VIII. IX. XXII, мелкими статьями и отчетами въ Извѣстіяхъ Географическаго общества), а также и въ изданіяхъ статистическаго комитета (въ Статистическомъ Временникѣ за 1866 и 1872 годы, въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ», въ изданіи «Волости и важнѣйшія селенія Европейской Россіи», въ «Статистикѣ поземельной собственности» и т. д.), но при этомъ не прекращался его интересъ къ русской словесности и этнографіи. По исторіи русской литературы онъ написалъ въ 1867 г. изслѣдованіе: «О жизни и сочиненіяхъ Василія Ивановича Майкова» (Спб. 8° 56, при изданіи сочиненій и переводовъ В. И. Майкова), этюдъ о «Симеонѣ Полоцкомъ» (въ «Древняя и Новая Россія» 1875, № 9—12), издалъ въ трехъ большихъ томахъ сочиненія К. Н. Батюшкова (Спб. 1885—1887), въ одномъ объемистомъ томѣ «Критическіе опыты Валеріана Майкова (Спб. 1891. 8°. 750, см. выше на стр. 673), и изучалъ очень внимательно Пушкина, которому посвященъ въ 1899 г. особый томъ: «Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки» (8° 462). Вскорѣ потомъ явился въ свѣтъ первый томъ приготовлявшагося имъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности большого критическаго изданія «Сочиненій Пушкина» (изданіе Императорской Академіи Наукъ), въ которомъ помѣщены лирическія стихотворенія 1812—1817 гг. (8° XX. 274. 242). Къ сожалѣнію на этомъ первомъ томѣ участіе Майкова прекратилось. Часть его изслѣдованій, относящихся къ русской литературѣ XVII—XVIII столѣтій, вышла отдѣльно въ 1889 году подъ заглавіемъ: «Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій» (8° 434) и потомъ въ 1895 году подъ заглавіемъ: «Историко-литературные очерки» (8° 309) то, что онъ мимоходомъ, такъ сказать, писалъ о Крыловѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ, Пушкинѣ, Плетневѣ, Погодинѣ и Фетѣ. Желательно было бы видѣть собраніе еще и тѣхъ его статей, которыя не вошли въ оба эти изданія. Онъ же издалъ драгоцѣнные матеріалы изъ переписки русскихъ писателей въ «Русской Старинѣ» (томъ IX. 1874 г., 562;

т. LXXII. № 11, стр. 465 и сл., 1891 г.; т. LXXVI. № 12, стр. 651, 1892 г.; т. LXXVII. стр. 325 и сл., 1893 г.; т. XCVII, стр. 181, 409, т. XCVIII. стр. 39, 241, 263, 581, 1899 г.; т. CI. стр. 225 и сл, 1900 г.); въ «Русскомъ Обозрѣніи» (1893 г. № 4—5, 1894 г. № 1—4, 8—12; 1895 г. № 9; 1898 г. № 3—5); въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1895 г. № 12 и т. д.). Въ «Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности» т. LI № 4 и т. LIII № 5 напечатаны подъ заглавіемъ «Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ», между прочимъ сохранившіяся въ рукописяхъ XVII и XVIII столѣтій записи русскихъ былинъ. Майковъ внимательно слѣдилъ за подобнаго рода матеріалами, онъ любилъ разыскивать старинные тексты повѣствовательнаго содержанія, м. пр. о паломникахъ, которые отчасти перепечатаны въ «Очеркахъ» и «Матеріалахъ», но есть и не вошедшіе въ собранныя его сочиненія, напримѣръ, «Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ» (издано въ П. Д. П. № LIII 1884, 8⁰ VI. 116), «Путешествіе Челищева по сѣверу Россіи въ 1791 году» (ib. № LXXXV 1886, 4⁰ X. 315), «Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ» (въ «Сборникѣ Отдѣленія», т. LII, № 8, 1891 г., 8⁰ XX. 138; сл. «Русская Старина» 1892, т. LXXIII и LXXIV). Имъ же изданы мемуары Неплюева: «Жизнь И. И. Неплюева имъ самимъ написанная» (Р. Арх. 1871, № 4—5, новое полное изданіе въ 1893 г. Спб. 8⁰ VIII. 197).

Вниманіе Майкова къ изданіямъ и изслѣдованіямъ по народному творчеству высказывалось въ отзывахъ на собраніе нар. п. Рыбникова томъ IV (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1868 г. май, ч. CXXXVIII), на Причитанія сѣвернаго края Е. Барсова (Журн. Мин. Народн. Просв. 1872 г., декабрь, ч. CLXIV и 1882 г., октябрь, ч. CCXXIII), на Онежскія былины, записанныя Гильфердингомъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г., май, ч. CLXVIII), на изданіе Соболевскаго «Великорусскія народныя пѣсни» (Журн. Минист. Нар. Просвѣщ. 1895 г., октябрь, ч. CCCI). Кромѣ того онъ напечаталъ въ «Извѣстіяхъ Географическаго Общества» (1874 г. т. X № 6) статью: «Пѣвецъ былинъ въ окрестностяхъ Барнаула», въ «Древней и Новой Россіи» (1876 г. № 6): «Новыя данныя русскаго эпоса изъ Заонежья», въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» (1885 г. т. XIII): «Еще былины и пѣсни изъ Заонежья», въ Журн. Минист. Нар. Просв. (1880 г. ноябрь): «О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ и былинъ»; въ Живой Старинѣ (1890 г. вып. I): «Три былины изъ стариннаго рукописнаго сборника», тамъ же (за 1891 г. вып. 3): «Отрывокъ былины изъ Сибирской лѣтописи». Въ «Памятникахъ Древней Письменности» за 1880 годъ вып. IV онъ прибавилъ замѣтку къ изданію сборника пословицъ и т. д. (сл. теперь П. К. Симони: «Старинные сборники русскихъ пословицъ» въ LXVI т. «Сборника» № 7, стр. 165—171—216).

Л. Майковъ доказалъ своими, по большей части коротенькими статьями, много тонкаго вкуса, онъ такъ сказать дразнилъ читателя, жалѣвшаго о томъ, что авторъ не пожелалъ останавливаться на болѣе обширныхъ изслѣдованіяхъ, а давалъ обыкновенно лишь миніатюрныя картинки. За много обѣщавшій главный академическій трудъ, приготовленіе большого критическаго изданія сочиненій Пушкина, онъ взялся слишкомъ поздно, несомнѣнно отчасти потому, что и въ составъ Отдѣленія попалъ очень поздно. Но вступя въ Отдѣленіе, онъ отдалъ ему всю свою душу. Кромѣ вышеупомянутыхъ «Матеріаловъ и изслѣдованій», онъ составлялъ «Отчеты о дѣятельности Отдѣленія» (за 1889 г. въ «Сборникѣ» LI. № 1; за 1892 г. въ «Сборникѣ» LIV. № 1), участвовалъ въ присужденіяхъ премій (въ 28-мъ и 31-мъ присужденіяхъ наградъ Уварова 1886 г.

и 1890 г.), давалъ отчеты о дѣятельности комиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ (за 1896, 1897, 1898, 1899 гг.), поминалъ скончавшихся товарищей по Отдѣленію (о Плетневѣ въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности т. LIV), о Н. С. Тихонравовѣ (въ Журналѣ Мин. Народн. Просв. 1894, январь, ч. CCXCI), о Бестужевѣ-Рюминѣ (въ Журн. Мин. Народн. Просв. 1897, февраль, ч. CCCIX), о А. Ѳ. Бычковѣ (въ Журналѣ Мин. Народн. Просв. 1900, январь, ч. CCCXXVII), составлялъ записки о вновь вступающихъ въ Отдѣленіе членахъ: о трудахъ Н. А. Лавровскаго (въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности, т. LII), о трудахъ А. Н. Пыпина (въ Сборникѣ т. LXVI), о трудахъ Н. П. Кондакова, (отдѣльная записка 1899 года). Некрологами онъ почтилъ, кромѣ того, въ Журн. Мин. Нар. Просв. В. Н. Ханыкова (1880 г. январь), И. И. Срезневскаго (1880 г. мартъ), Н. И. Костомарова (1885 г. май), князя П. П. Вяземскаго (1888 г. августъ), Д. П. Лебедева (1892 г. январь), А. Д. Галахова (1892 г. декабрь), Е. Е. Замысловскаго (1896 г. августъ), Е. Ѳеоктистова (1898 г. августъ), В. Г. Васильевскаго (въ «Русской Старинѣ» 1899. № 6). Все это только отрывки работы блестящаго таланта, не любившаго какъ то вполнѣ развертываться.

Много существенной пользы оказалъ исторіи русской литературы Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ, профессоръ Казанской Духовной Академіи, членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности (1823—1890), составитель извѣстной «Исторіи русской словесности», которая въ двухъ частяхъ обнимаетъ старый и новый періоды русской литературы (до эпохи царствованія Александра I включительно, т. е. до Пушкина, исключая однакожъ его, Грибоѣдова, Крылова и др.). Это сочиненіе пользуется до сихъ поръ большою распространенностью, существуетъ во многихъ изданіяхъ (изданіе 4-е пересмотрѣнное и дополненное вышло въ Казани 1886 г., какъ часть I, 8⁰ 724 стр.; часть II, отдѣлъ 1-й отъ Петра до Екатерины II, 8⁰ 356 въ изданіи 2-мъ, отдѣлъ 2-й литература въ царствованіе Екатерины II, 1888, 8⁰ 411 въ изданіи второмъ; отдѣлъ 3-й литература въ царствованіе Александра I, 1891, 8⁰ 251 въ первомъ изданіи). Въ первой части онъ лучше освѣщаетъ старый періодъ русской словесности, чѣмъ извѣстный трудъ Галахова, но XVIII вѣкъ у Галахова вышелъ самостоятельнѣе. Впрочемъ Порфирьевъ, кончившій въ 1848 курсъ духовной академіи въ Казани и занявшій тамъ же каѳедру русской словесности, которая оставалась за нимъ до конца жизни, изучалъ съ большимъ усердіемъ богатыя сокровища Соловецкой библіотеки и останавливался, главнымъ образомъ, на текстахъ апокрифическаго содержанія. Въ 1872 г. вышелъ его очень почтенный трудъ: «Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ» (Казань 8⁰ 309), доставившій ему степень доктора богословія. Къ теоретическому изложенію присоединены отдѣльно памятники славянской литературы соотвѣтствующаго содержанія, изданные подъ тѣмъ же заглавіемъ (съ прибавкой: «по рукописямъ соловецкой библіотеки») въ 1877 г. какъ 1-е приложеніе къ XVII тому «Сборника» Отд. русск. яз. и слов. (8⁰ 276). Такой же сборникъ текстовъ, только относящихся къ новозавѣтнымъ лицамъ и событіямъ, вышелъ въ 1890 г. въ Сборникѣ, т. LII № 4 (8⁰ 471); здѣсь литературное обозрѣніе предмета читается на стр. 1—135, дальше слѣдуютъ тексты. Въ «Трудахъ» четвертаго археолог. съѣзда въ Казани въ 1877 г. т. II (Казань 1891) напечатаны имъ же, какъ прибавленіе къ вышеупомянутымъ текстамъ: «Апокрифическія молитвы по рукописямъ Соловецкой библіотеки» (1—24). Пор-

фирьевъ принималъ участіе въ «Православномъ Собесѣдникѣ» и въ «Описаніи рукописей Соловецкой библіотеки». Укажемъ на его статьи: «О чтеніи книгъ въ древнія времена Россіи» и «Списываніе книгъ въ древнія времена Россіи» (въ «Правосл. Соб.» 1858, 1862), «Объ источникахъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ въ древнія времена» (ib. 1860), «О Домостроѣ» (ib. 1860 г. III, 279—331). Въ XXXI присужденіи наградъ графа Уварова онъ оцѣнилъ изслѣдованіе Мочульскаго о Голубиной книгѣ (1889 г.).

Очень почтеннымъ труженикомъ въ широкой области русской литературы, главнымъ образомъ по части культурно-біографическихъ изслѣдованій, былъ Николай Платоновичъ Барсуковъ (1838—1906). Онъ получилъ первоначальное образованіе въ военномъ училищѣ, потомъ слушалъ лекціи въ петербургскомъ университетѣ, послѣ закрытія котораго (1861) поступилъ на службу въ архивы, сначала — синодальный, потомъ—министерства народнаго просвѣщенія.

Въ должности начальника послѣдняго архива онъ и скончался въ 1906 г. Съ молодыхъ лѣтъ его привлекали занятія по исторіи, въ особенности библіографическія и біографическія, однимъ словомъ вспомогательныя изслѣдованія для культурно-литературной исторіи. Трудолюбіе его выражалось въ составленіи указателей (къ Полному собранію р. лѣтописей, къ Русскому Архиву), въ описаніи книгъ и рукописей (библіотеки св. синода, археограф. коммиссіи), въ очень полезномъ сочиненіи, напоминающемъ Фабриція: «Источники русской агіографіи» (Спб. 1882, 4⁰ 616, №LXXXI Пам. Др. Письм.). Но съ особеннымъ усердіемъ онъ останавливался на біографическихъ изслѣдованіяхъ, гдѣ его консервативный образъ мыслей обнаруживался то въ выборѣ личностей, то въ его субъективныхъ отзывахъ. Онъ самъ говорилъ, что его душу съ молодыхъ лѣтъ наполняли такія достопамятныя личности Русской исторіи, какъ митрополитъ Филаретъ, князь П. А. Вяземскій и П. М. Строевъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ написалъ въ 1878 г. «Жизнь и труды П. М. Строева» (Спб. 8⁰ 668), для П. А. Вяземскаго же принималъ участіе въ изданномъ на средства графа С. Д. Шереметева «Полномъ собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго» (въ двѣнадцати томахъ, Спб. 1878—1896), имъ же изданы Письма Карамзина къ князю П. А. Вяземскому (Спб. 1897, 8⁰ 204), Письма Погодина, Шевырева и Максимовича къ князю П. А. Вяземскому (Спб. 1901, 8⁰ 222), и Письма Пушкина, Дельвига, Баратынскаго и Плетнева къ кн. П. А. Вяземскому (Спб. 1902, 8⁰ 62). Подъ его редакціею изданы Палестинскимъ Обществомъ «Странствованія Григоровича Василія Барскаго по святымъ мѣстамъ» (Спб. 4 тома 1885—1887, тутъ имѣется при первомъ т. его статья: «Жизнь и труды В. Г. Б.», также отд. изданіемъ, Спб. 1885, 8⁰ 72). Онъ же написалъ для «Древней и Новой Россіи» 1880 г. воспоминанія о Кубаревѣ, Сахаровѣ, Ундольскомъ и Бодянскомъ подъ заглавіемъ: «Русскіе палеологи сороковыхъ годовъ» (8⁰ 107), а въ 1898 г. вышли его «Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ и А. Н. Майковѣ» (Спб. 8⁰ 31). Но все это мелочи въ сравненіи съ главнымъ трудомъ его, заполнившимъ почти четверть столѣтія его жизни. По его собственному разсказу въ 1882 г. состоялось между нимъ и вдовою покойнаго М. П. Погодина, Софіею Ивановною, условіе, на основаніи котораго въ его исключительное употребленіе для составленія біографіи Погодина поступилъ весь Погодинскій архивъ бумагъ, записокъ, дневниковъ, переписки, автографовъ и т. п., подаренный наслѣдниками Румянцевскому музею. Какъ воспользовался Барсуковъ этимъ матеріаломъ, показываетъ его небывалыхъ размѣровъ изданіе: «Жизнь и труды М. П. Погодина», начатое въ 1888 году и до

смерти автора продолжавшееся такъ, что каждый годъ выходило по одному тому, всего 21 томъ, въ которыхъ разсказъ доведенъ только до 1863 года, Погодинъ же скончался 8 дек. 1875 года. Значитъ, двѣнадцать лѣтъ жизни Погодина такъ и не вошло еще въ обширное повѣствованіе Барсукова. Къ сожалѣнію авторъ не успѣлъ представить критической оцѣнки своихъ источниковъ. Онъ говоритъ только о томъ, что «прежде всего надлежало потрудиться надъ самимъ архивомъ (Погодинскимъ) и отдѣлить пшеницу отъ плевелъ», но какъ это имъ сдѣлано, мы не знаемъ. Изъ примѣчаній, приводимыхъ въ концѣ каждаго тома, легко убѣдиться въ очень широкомъ употребленіи не только автобіографической записки, дневника и писемъ Погодина—подробностей о нихъ мы не знаемъ—а также богатой литературы прочихъ записокъ, мемуаровъ, переписки и т. п., относящихся къ событіямъ времени и современникамъ Погодина. Я не знаю сочиненія, въ которомъ бы лучше отражалось обширное и внимательное изученіе всѣхъ отголосковъ времени, чѣмъ въ этомъ громадномъ трудѣ Барсукова, представляющемъ энциклопедію духовной жизни Россіи въ теченіе многихъ десятилѣтій XIX столѣтія. Правда, не во всѣхъ здѣсь разсказанныхъ событіяхъ игралъ главную роль Погодинъ, но авторъ сумѣлъ вездѣ найти извѣстную связь между излагаемымъ имъ предметомъ и лицомъ, поставленнымъ во главѣ его труда. Изданіе это какъ справочная книга — неоцѣненный вкладъ въ русскую литературу, которымъ могли бы быть не вполнѣ довольны развѣ только наслѣдники Погодина, не дождавшіеся конца жизнеописанія, для постороннихъ же читателей эти двадцать одинъ томы содержатъ общественную хронику культурнаго движенія Россіи, написанную по большей части собственными словами дѣятелей и свидѣтелей событій того времени. Опредѣленное міросозерцаніе автора даетъ, конечно, его обширной хроникѣ особенную окраску, но это не должно и не можетъ умалять заслуги труда. Импер. Академія Наукъ справедливо оцѣнила значеніе этого изданія, присудивъ ему полную премію графа Уварова за первыя семь книгъ, и потомъ опять за дальнѣйшіе томы (VIII—XI). Были и частные жертвователи, обезпечившіе это многотомное изданіе, они съ благодарностью упомянуты при отдѣльныхъ томахъ. Намъ же приходится высказать желаніе, чтобы нашелся продолжатель этой единственной въ своемъ родѣ хроники, напоминающей примѣры лучшихъ византійскихъ схоліастовъ. О Барсуковѣ написалъ хорошій отзывъ Б. Глинскій въ «Истор. Вѣстникѣ» 1907, январь, 209—229: «Памяти Н. П. Барсукова».

Для исторіи русской литературы укажемъ еще вкратцѣ на дѣятельность очень заслуженнаго русскаго педагога Влад. Як. Стоюнина (1826—1888), написавшаго популярныя сочиненія: «О преподаваніи русской литературы» (1864, 5 изд. 1898), дальше «Руководство для истор. изученія замѣчательныхъ произведеній русской литературы» (1869, 5 изд. 1879), «Высшій курсъ русской грамматики» (1855, 4-ое изд. 1900) и Русскій синтаксисъ (1871) и т. д. Онъ издавалъ для школьнаго употребленія «классную библіотеку» и «училищную библіотеку»—сочиненія русскихъ писателей, и писалъ о нихъ же коротенькіе этюды въ разныхъ русскихъ журналахъ, между прочимъ особую книжку о Шишковѣ (1880) и о Пушкинѣ (1881 г.). Стоюнину посвятилъ отзывъ Сиповскій въ «Вѣстникѣ Европы» за 1889 г.

Въ бытность мою профессоромъ С.-Петерб. университета состоялъ тамъ же преподавателемъ исторіи новой русской литературы Александръ Ильичъ Незеленовъ (1845—1886), написавшій въ 1876 г. хорошую диссертацію о Новиковѣ: «Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.»,

сл. еще какъ дополненіе «Новиковъ въ Шлиссельбургской крѣпости» («Истор. Вѣстн.» X. 481—500). Къ той же эпохѣ относится и его этюдъ: «Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху» (въ «Ист. Вѣстн.» 1884, т. XVI, стр. 241—272, 487—524, т. XVII. 5—41). Пушкину посвящено его сочиненіе: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи. Первый и второй періоды жизни и дѣятельности» (СПб. 1882, 8⁰ VIII. 248, отд. отт. изъ Записокъ истор.-филол. факультета т. X) и кромѣ того печатавшіяся въ Истор. Вѣстникѣ: «Шесть статей о Пушкинѣ». Третій періодъ изъ жизни Пушкина остался недоконченнымъ; Тургеневу же: «Тургеневъ въ его произведеніяхъ» (СПб. 1885, 8⁰ IV. 262), и Островскому: «А. Н. Островскій въ его произведеніяхъ» (СПб. 1888, 8⁰). Какъ учебникъ пользуется хорошей репутаціею его «Исторія русской словесности» (Спб. 1893 и чаще).

Гдѣ рѣчь идетъ о трудахъ по исторіи русской литературы нельзя забывать большихъ услугъ, оказанныхъ этой части славянской науки двумя спеціально этимъ вопросамъ посвященными русскими журналами: Петръ Ив. Бартеневъ (род. 1829) основалъ въ 1863 году и продолжаетъ до сихъ поръ издавать въ Москвѣ «Русскій Архивъ», давшій много важныхъ мемуаровъ, записокъ и т. д. для исторіи русской внутренней, политико-культурной и литературно-духовной жизни. Мих. Ив. Семевскій (1837—1892) началъ въ 1870 г. издавать «Русскую Старину» въ С.-Петербургѣ, соперничающую богатствомъ содержанія съ «Архивомъ». Сл. Ж. М. Н. Пр. 1892 май, отд. 4, 88—92; Р. Стар. 1892 апрѣль.

ГЛАВА XXV.

Сравнительное языкознаніе входитъ какъ новый факторъ въ славянскую грамматику: Миклошичъ, Шлейхеръ.

Добровскій и его Institutiones образовали центръ славянской грамматической литературы для первой эпохи славянской филологіи. Бокъ о бокъ съ нимъ стояли Копитаръ—въ Австріи, Востоковъ—въ Россіи. Вторую эпоху можно начать съ появленія славянскихъ «Старожитностей» Шафарика въ Прагѣ и съ водворенія славяновѣдѣнія въ русскихъ университетахъ избраніемъ первыхъ русскихъ славистовъ въ лицѣ Бодянскаго, Срезневскаго, Прейса и Григоровича. Третью эпоху славянской филологіи намѣчаетъ сравнительная грамматика славянскихъ языковъ, созданная Миклошичемъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Какъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Добровскимъ положенъ фундаментъ славянской филологіи; какъ несомнѣненъ фактъ, что Шафарикомъ расширенъ объемъ этой науки внесеніемъ въ нее научной разработки славянскихъ древностей и славянской этнографіи, а также исторіи славянскихъ литературъ, точно такъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Миклошичъ заслужилъ названіе отца сравнительной грамматики славянскихъ языковъ. Онъ далъ прежде всего церковно-славянской грамматикѣ новое отъ сравнительной грамматики Боппа

и исторической грамматики Якова Гримма перенятое направленіе, разработавъ по этимъ образцамъ сначала грамматику церковно-славянскую и потомъ сравнительную всѣхъ живыхъ славянскихъ языковъ, приведенныхъ въ тѣсную связь съ грамматическимъ анализомъ церковно-славянскаго языка. Правда, названіе «Vergleichende Grammatik» не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію, лучше подходило бы заглавіе «параллельныя грамматики славянскихъ языковъ на основаніи и по образцу церковно-славянской», но въ сущности все-таки сравненіе играетъ первую роль. Миклошичъ самъ рекомендовалъ себя лингвистической наукѣ какъ приверженецъ языкосравнительнаго направленія критическимъ разборомъ сравнительной грамматики Боппа, помѣщеннымъ въ 1844 году въ 105 томѣ вѣнскихъ Jahrbücher, и черезъ годъ изданіемъ сочиненія: «Radices linguae slavicae» (въ Лейпцигѣ 1845), въ которомъ видно знакомство автора съ трудами Вестергарда, Потта и др. Внѣшній объемъ славянской филологіи не былъ Миклошичемъ расширенъ, скорѣе можно бы сказать, что онъ нѣсколько сузилъ его, такъ какъ славянская исторія и славянскія литературы у него отошли на задній планъ. Но зато въ узкой рамкѣ славянскаго языкознанія трудами его достигла наука такого подъема, что только благодаря его грамматическимъ, лексикальнымъ и этимологическимъ изслѣдованіямъ славянская филологія впервые вошла въ новую языкосравнительную колею. Блистательные успѣхи Миклошича достойны тѣмъ большаго признанія, если принять во вниманіе, что онъ собственно былъ автодидактъ, даже въ большей степени чѣмъ его современники, первые русскіе слависты. Его не отправляло правительство путешествовать по славянскимъ землямъ, ему не предназначалась съ молодыхъ лѣтъ славянская каѳедра, онъ даже какъ студентъ не проходилъ курса филологическаго, а былъ юристомъ съ обыкновенной въ то время философской подкладкой. Боппа, Потта и Гримма онъ изучалъ частнымъ усердіемъ и прилежаніемъ, по большей части уже въ бытность свою въ Вѣнѣ, познакомившись съ Копитаромъ и черезъ него получивъ доступъ въ гофбибліотеку, и потомъ какъ чиновникъ этой библіотеки, руководившись несомнѣнно совѣтами своего знаменитаго земляка.

Миклошичъ родился 20 ноября 1813 г., былъ на десять лѣтъ моложе Бодянскаго, годомъ моложе Срезневскаго, двумя годами старше Григоровича. Ихъ можно, стало быть, считать почти сверстниками по годамъ, но въ ихъ дѣятельности нѣтъ почти ничего общаго за исключеніемъ самого предмета. Такъ различно ими была понята задача и цѣль славянской филологіи: у русскихъ славистовъ стояло на первомъ планѣ совокупное славянство (не подразумѣвая Россіи) съ его исторіею и всѣми бытовыми особенностями,

не исключая, конечно, и языка; у Миклошича первое и главное мѣсто заняли славянскіе языки, ихъ родственныя отношенія другъ къ другу и къ совокупной индоевропейской семьѣ, съ прибавкой вопроса о культурныхъ сношеніяхъ, отразившихся на заимствованіяхъ въ составѣ лексикона и грамматики въ силу географическаго сосѣдства.

Миклошичъ началъ свою научную дѣятельность съ изученія церковно-славянскаго языка, не имѣя, однако, подъ рукой богатствъ ни Петербургской публичной, ни Московской синодальной библіотеки. Даже тотъ единственный памятникъ, изданіемъ котораго по частямъ и потомъ въ полномъ объемѣ онъ ознаменовалъ впервые свое имя въ славянской филологіи (Codex Suprasliensis), былъ доставленъ Копитару изъ Россіи. На немъ то и на Востоковскомъ изданіи Остромірова Евангелія созданы первые грамматическіе опыты Миклошича. Можно представить себѣ, насколько богаче и содержательнѣе могли бы выйти его первые грамматическіе и лексикальные труды при болѣе благопріятныхъ условіяхъ для его усердія, энергіи и даровитости. Точно такъ же можно утверждать, что слишкомъ теоретическое, по большей части изъ книгъ или чужихъ разсказовъ почерпнутое знакомство, не довольно глубокое и безпристрастное, съ славянскимъ міромъ, отразилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ не совсѣмъ благопріятно на его дѣятельности; онъ черезчуръ легко впадалъ въ ошибки, пренебрегая исторически сложившимися воззрѣніями всего народа. Такъ, напримѣръ, судя по его сравнительной грамматикѣ перваго изданія, онъ былъ не прочь навязать малорусскому народу латинскій шрифтъ, не сознавая, должно быть, всей тяжести этой въ австрійскихъ бюрократическихъ сферахъ задуманной затѣи. Во второмъ изданіи грамматики онъ уклонился еще дальше въ сторону своихъ теоретическихъ воззрѣній, употребивъ для всѣхъ славянскихъ языковъ безъ исключенія латинскую транскрипцію, гдѣ осторожность и чуткій историческій смыслъ должны бы были удержать его отъ этого рѣшенія, для науки безразличнаго и во всякомъ случаѣ безполезнаго, для многихъ же славянъ возмутительнаго. Теоретическая точка зрѣнія на славянство видна также въ группировкѣ славянскихъ нарѣчій по ихъ родству. За церковнославянскимъ, поставленнымъ во главѣ, первый у него на очереди, въ подражаніе Копитару, былъ языкъ словенскій или, какъ онъ назвалъ его, новословенскій, потомъ же всѣ прочіе языки чередовались въ слѣдующемъ порядкѣ: болгарскій, сербскій (о хорватскомъ не говорится почти ничего, хотя Миклошичъ приписывалъ чакавское нарѣчіе хорватамъ), малорусскій, великорусскій (бѣлорусское нарѣчіе пропущено), чешскій (безъ словацкаго), польскій (безъ кашубскаго или полабскаго), верхній и нижній лужицкій. Продол-

жая изслѣдованія, Миклошичъ сдѣлалъ нѣкоторыя незначительныя поправки или дополненія въ этомъ перечнѣ, но ни разу не отказался отъ предвзятаго Копитаровскаго взгляда на ближайшую родственную связь между церковно-славянскимъ и словенскимъ языками. Нужды нѣтъ, всѣ эти слабыя стороны его трудовъ богато окупаются блестящими результатами, освѣтившими славянскіе языки по всѣмъ частямъ грамматики и лексикона. Не знаешь, право, чему больше удивляться: громадной ли эрудиціи и безпримѣрной работоспособности или всесторонне обдуманному плану дѣятельности, лучшему ручательству успѣха.

Родной край Миклошича принадлежитъ къ самой живописной части южной Штиріи, красивыя холмистыя окрестности города Лютомѣра (Luttenberg). Отецъ его родился въ 1789 г. въ мѣстечкѣ Радомерщакѣ, тутъ же появился на свѣтъ и сынъ его, свѣтило славянской науки. Въ 1817 или 1819 году отецъ перебрался въ Лютомѣръ. По изслѣдованіямъ Бидерманна (Die Serbenansiedlungen in Steiermark und dem Warasdiner Grenzgebiete. Graz 1883) выходитъ, что въ этихъ мѣстностяхъ въ теченіе XVI столѣтія охотно поселялись выходцы изъ южной Хорватіи и Босніи. Оттуда такія названія фамилій какъ Хорватъ, Лахъ (т. е. Влахъ, значитъ южанинъ), Скокъ (т. е. ускокъ). Очень можетъ быть, что къ числу такихъ бѣглецовъ XVI-го или XVII-го столѣтія принадлежали также Миклошичи. Бидерманнъ приводитъ изъ одного урбара XVII столѣтія, изъ окрестности Лютомѣрской, слѣдующія имена поселянъ, происходившихъ, по его мнѣнію, изъ южныхъ странъ (стр. 31): Golobitsch, Sinkhovitsch, Wydoynitsch, Niclositsch, Sineckhovitsch. Лопашичъ подтверждаетъ эту догадку (въ изданіи «Hrvatski urbari» стр. 263) упоминаніемъ какого-то Миклаушича въ Хорватіи, въ предѣлахъ Купы. Извѣстенъ также одинъ кайкавско-хорватскій писатель Миклоушичъ. Форма Миклошъ или Миклоушъ (для Николая) не вполнѣ словенская, а скорѣе венгерско-хорватская. Какъ бы то ни было, въ концѣ XVIII столѣтія семья была чисто-словенская. Обнаруживъ большую даровитость, мальчикъ былъ по окончаніи элементарной школы отправленъ въ латинскую гимназію, въ ближайшій городъ Хорватіи—Вараждинъ (1824), но послѣ двухлѣтняго пребыванія здѣсь, послали его въ Марбургъ, гдѣ онъ кончилъ гимназію съ блестящимъ успѣхомъ, въ особенности по классическимъ языкамъ. Уже въ гимназіи онъ познакомился съ своимъ ближайшимъ землякомъ Вразомъ; въ Грацѣ, куда онъ попалъ въ 1830 г. въ университетъ, расширился кругъ его знакомыхъ такими лицами, какъ Мурко, Квасъ, Кошаръ, Матьяшичъ и др. Въ то время проживало въ Грацѣ много польскихъ семействъ, по политическимъ причинамъ, что давало молодому Миклошичу возможность упражняться практи-

чески въ польскомъ языкѣ. Одно время онъ состоялъ даже домашнимъ учителемъ въ семьѣ князя Островскаго. По собственнымъ его разсказамъ онъ любилъ въ каникулярные мѣсяцы путешествовать пѣшкомъ. Такія путешествія его совершались изъ Вараждина черезъ Средишче и Ормужъ въ Лютомѣръ, изъ Лютомѣра въ Марбургъ, потомъ изъ Марбурга въ Грацъ. Одно путешествіе онъ сдѣлалъ въ обществѣ Враза. Въ 1831 г. они съ Муркомъ вдвоемъ навѣстили Любляну, гдѣ онъ познакомился съ Чопомъ, Кастельцемъ, Прешерномъ и другими краинскими знаменитостями. Это были годы его романтическаго и поэтическаго настроенія, когда онъ восторгался чтеніемъ изящной литературы, переводилъ даже кое-что на словенскій языкъ. Вразъ упоминаетъ (1835) о двухъ его переводахъ «Kanarek» и «Kresnica» изъ Христофа Шмида (Der Kanarienvogel, Das Johanniskäferchen) и говоритъ, что онъ и Миклошичъ собирались дѣлать переводы на словенскій языкъ изъ выдающихся европейскихъ поэтовъ и издавать ихъ. Но это намѣреніе не осуществилось.

Въ одномъ письмѣ (оно написано приблизительно въ 1834/35 году) Вразъ охарактеризовалъ Миклошича такъ: «Миклошичъ юристъ третьяго курса, начитанный въ древнихъ классическихъ и новыхъ литературахъ, написалъ уже довольно много въ прозѣ и въ стихахъ, и онъ намѣренъ это издать не то въ журналѣ «Krajnska Zhbeliza», не то въ изданіи, которое самъ затѣваетъ». Въ тѣ годы романтическаго увлеченія славянской молодежи изученіемъ родственныхъ славянскихъ языковъ — въ воздухѣ витали идеи славянской взаимности — Вразъ предложилъ свои услуги одному кружку грацской молодежи для русскаго языка, Миклошичъ для польскаго. Нѣсколько времени спустя Миклошичъ, Вразъ и Терстенякъ затѣвали взамѣнъ прекратившейся «Чбелицы» изданіе альманаха «Metuljčik»: «Ti mu daj, mi Miklošič reče, gobec, g. Terstenjak noge, jaz drugo truplo, dr. Prešern nam more peroti poslati». Еще узнаемъ изъ сообщеній Враза, что въ то время грацская словенская молодежь большей частью примкнула уже къ чешско-иллирской ороографіи (и профессоръ Квасъ), только «g. baccalaver Miklošič se močnima rokama bohoričice derži». Впрочемъ Вразъ надѣялся, что Миклошичъ не станетъ упорствовать, «zakaj on je jako čeden, ne terdoglav, bo si dal dopovedati, če bomo mu kazali, kaj g. Šafařík nas opominja, kaj bi ga poprijeli». Эта любопытная откровенность доказываетъ, что тогда еще Миклошичъ, въ бытность свою въ Грацѣ, стоялъ своими ороографическими взглядами ближе къ Копитару, чѣмъ чешско-иллирскойреформѣ. О совмѣстныхъ литературныхъ занятіяхъ Враза съ Миклошичемъ, сохранилось между прочимъ воспоминаніе въ пѣснѣ Станка Враза «Babji Klanjac» (1839), гдѣ читаемъ слѣдующія слова:

Znaš li, s tobom knige vedre
Od Marona i Omiera (sic!)
Od Byrona, Alighiera
Kad polazih do Savedre?

Znaš li, kad kroz more
Odjedrismo k Neve kraju,
K Visli, Labi i Dunaju,
Blago kupeć, moj Mentore?

Окончивъ юридическій курсъ наукъ и сдавъ весною 1837 года первый экзаменъ изъ философіи, Миклошичъ былъ призванъ временно преподавать философію въ Грацѣ (въ теченіе 1837 и 1838 года, въ этомъ году онъ получилъ степень доктора artium liberalium и философіи). Онъ читалъ философію, теоретическую и моральную, и исторію философіи. Сохранилось преданіе о его большой строгости на экзаменахъ. Но эта дѣятельность, кажется, не привлекала его въ достаточной мѣрѣ, или же были и другія причины (говорятъ, что онъ напрасно пытался получить профессуру философіи въ Инсбрукѣ), заставившія его осенью 1838 года переѣхать въ Вѣну для продолженія юридическихъ наукъ съ цѣлью посвятить себя адвокатурѣ. Въ 1840 г. онъ получилъ степень доктора права (doctor iuris) и поступилъ въ канцелярію адвоката Баха для практики. Сохранился анекдотъ (онъ самъ разсказывалъ его и мнѣ), что адвокатъ Бахъ, узнавъ разъ отъ него самого, что онъ одному крестьянину, желавшему начать процессъ изъ-за пустяшнаго дѣла, отсовѣтовалъ это — набросился на молодого практиканта сказавъ ему, что изъ него никогда не выйдетъ хорошаго адвоката, и что лучше было бы для него искать другого званія. Миклошичъ принялъ это внушеніе къ сердцу и кандидатъ адвокатуры превратился въ кандидата славянской филологіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ поворотъ произошелъ не безъ участія Копитара, съ которымъ онъ въ Вѣнѣ близко сошелся и черезъ него попалъ также въ вѣнскую гофбибліотеку (1844 года). Подробности объ этомъ и вообще о молодыхъ годахъ Миклошича до поступленія его въ вѣнскую Hofbibliothek собралъ профессоръ Мурко въ превосходной монографіи «Miklosichs Jugend- und Lehrjahre» (Weimar 1898, 8° 75, отд. отт. изъ «Forschungen zur neueren Literaturgeschichte. Festgabe für Richard Heinzel»).

Насколько Копитаръ повліялъ на характеръ Миклошича, что бывшій романтикъ и даже любитель поэзіи сдѣлался «сухимъ и безучастнымъ, ученымъ славистомъ-филогомъ» — такъ называетъ его одинъ русскій критикъ — сказать очень трудно. — Фактъ на лицо, еще въ 1840 году Вразъ напечаталъ въ журналѣ «Danica ilirska» № 40 и 42 двѣ пѣсенки Миклошича, сочиненныя на иллирскомъ языкѣ, и отосланныя рядомъ съ другими и однимъ поэтическимъ посланіемъ (Vienac 1883, стр. 607) Вразу въ Загребъ. Извѣстнаго вліянія со стороны Копитара на Миклошича отрицать никакъ нельзя. Но уже первые труды его свидѣтельствуютъ о самостоятельности

его направленія, вовсе не похожаго на дѣятельность Копитара. Въ 1844 году онъ напечаталъ, какъ сказано, въ вѣнскихъ Jahrbücher, т. 105, стр. 43—70, обширный и основательный разборъ сравнительной грамматики Боппа, а черезъ годъ вышелъ (1845) въ Лейпцигѣ замѣчательный для того времени трудъ: «Radices linguae Slovenicae veteris dialecti» (1845, 8⁰ 147). Для составленія послѣдняго труда потребовалось нѣсколько лѣтъ усердныхъ занятій, значитъ приблизительно около 1842 или 1843 года онъ уже началъ приготовлять это изданіе. Посмотримъ, какими пособіями онъ былъ въ состояніи уже тогда воспользоваться для составленія своихъ Radices. Какъ *болгарскіе* источники приводятся имъ: Cloz fragm., Cod. ass., Cod. ostrom., Psalt. bonon., Cod. bulg. Kop. (это былъ Копитаровъ списокъ Супрасльской рукописи), Manass. Изъ Болонской псалтыри и лѣтописи Манассіи, несомнѣнно, были у него подъ руками выписки Копитара. Еще приводятся одно евангеліе и одинъ апостолъ болгарской редакціи изъ собранія вѣнской гофбибліотеки и изданіе псалтыри 1680 года. *Сербскими* источниками названы одно Копитаровское евангеліе, Georg. Hamart. (вѣнской библіотеки), Breviarium Brozić 1561, Octoech. Crnojević 1494, Psalterium Vuković 1520, Menaeum 1538. Упомянутыя старопечатныя изданія, конечно, всѣ находились въ вѣнской библіотекѣ. *Русскіе* источники были: Cod. Hankenstein. гофбибліотеки, Острожская библія 1581 г. и новое изданіе библіи 1816 года. Употреблены, конечно, также фрейзингенскіе отрывки, хотя въ перечнѣ источниковъ не приводятся. Перечень источниковъ для Radices свидѣтельствуетъ, что Миклошичъ тогда еще поддавался авторитету Шафарика, назвавъ древнѣйшіе памятники церковно-славянскаго языка — *болгарскими*; даже Остроміро евангеліе причислено имъ къ болгарской группѣ. А такъ какъ онъ только въ 1844 году получилъ мѣсто младшаго чиновника въ гофбибліотекѣ, то изъ употребленія рукописей и старопечатныхъ книгъ этой библіотеки можно сдѣлать выводъ, что и онъ, какъ въ свое время Копитаръ, былъ усерднымъ посѣтителемъ библіотеки еще до того момента, когда самъ попалъ въ составъ чиновниковъ. Изъ родственныхъ языковъ приводится въ Radices на первомъ планѣ языкъ санскритскій, но и прочіе: германскій, литовскій, латинскій.

Въ 1844 году Миклошичъ потерялъ своего вліятельнаго покровителя и друга — Копитара, послѣ смерти котораго ему досталось званіе цензора славянскихъ, греческихъ и румынскихъ книгъ. Попавъ въ гофбибліотеку, онъ конечно перасталъ и думать объ адвокатурѣ. Напротивъ, усердныя занятія памятниками церковно-славянскаго языка видны изъ ближайшихъ послѣдующихъ трудовъ его, это были изданія нѣкоторыхъ частей Супрасльской рукописи.

Въ 1845 году онъ издалъ: «S. Joannis Chrysostomi, Homilia in ramos Palmarum, slovenice, latine et graece cum notis criticis et glossario» (8⁰ VIII. 72), строка въ строку по подлинной рукописи, присоединивъ греческій и латинскій тексты, латинскій переводъ сдѣланъ имъ же буквально, греческій заимствованъ изъ Монфокона. Къ тексту прибавлены Notae criticae и Glossarium. Это изданіе рядомъ съ его Radices могло послужить хорошимъ пособіемъ для желающихъ познакомиться съ церковно-славянскимъ языкомъ въ самомъ древнемъ видѣ его. Онъ прибавилъ къ изданію еще одну древне-сербскую грамоту Стефана Уроша I и записку Исаіи монаха о гибели Вукашина, разсказъ церковно-славянскій болгарской редакціи. Два года спустя вышла (1847) еще одна часть Супрасльской рукописи: «Vitae Sanctorum, e codice antiquissimo palaeoslovenice cum notis criticis et glossario» (8⁰ 54). Стоитъ напомнить, что теперь уже говорилось о liber palaeoslovenicus, гдѣ прежде была та же рукопись названа liber bulgaricus. Здѣсь нѣтъ прибавки греческаго и латинскаго текстовъ къ славянскому, но есть notae criticae, указаны также всѣ слова не попавшія въ его Radices, и въ концѣ имѣются еще epimetra: 1-е объ исправномъ названіи буквъ славянскаго алфавита, 2-е сравненіе славянскаго сложнаго склоненія прилагательныхъ съ литовскимъ (тутъ есть указаніе на погрѣшности Добровскаго, Копитара, наипаче же Ганки), 3-е хорошее объясненіе формы рѣхъ, 4-е неудовлетворительное объясненіе отношенія формъ бѣхъ, бѣахъ и бѫдѫ къ бꙑти, 5-е объ образованіи будущаго времени.

Другъ молодости, Станко Вразъ, увидѣвъ Миклошича въ 1845 году въ Вѣнѣ (первое свиданіе послѣ разлуки въ 1838 году), нашелъ въ немъ большую перемѣну, онъ признавалъ вполнѣ заслуженной ту славу, которой уже тогда Миклошичъ пользовался въ средѣ южныхъ и западныхъ славянъ. По его мнѣнію, Миклошичъ сдѣлалъ въ свои 32 года для церковно-слав. языка гораздо больше, чѣмъ Копитаръ въ теченіе всей своей жизни. Этотъ отзывъ можно, кажется, назвать вполнѣ справедливымъ и вѣрнымъ. Въ 1847 году онъ издалъ вторично «Vita s. Clementis episcopi Bulgarorum» (первое изданіе вышло въ Вѣнѣ 1802 г., подъ редакціею Амврозія Пампереуса), книжка была посвящена «Manibus Kopitarii gratus discipuli animus», а въ 119 томѣ вѣнскихъ Jahrbücher (1847) напечатанъ подробный разборъ (отд. отт. 8⁰ 39) изданія Остромірова евангелія, въ которомъ обнаружились еще тогда очень замѣчательныя свѣдѣнія по церковно-славянскому языку. Тутъ онъ впервые изложилъ (стр. 25), почему называетъ языкъ «altslovenisch», но съ прибавкой, доказывающей, что тогда еще взгляды его были довольно умѣренны: «es mag nun dieselbe dem bulgarischen oder pannonischen Stamme angehört haben». Этой альтернативы онъ позже не допускалъ.

Сорокъ восьмой годъ отразился и на ходѣ жизни Миклошича, наперекоръ его желанію сторониться отъ всѣхъ шаговъ, не имѣвшихъ ближайшаго отношенія къ чисто научной, кабинетной дѣятельности. Южная Штирія, его родина, поручила ему быть представителемъ ея интересовъ въ учредительныхъ собраніяхъ въ Вѣнѣ и Кромѣрижѣ (Кремзирѣ), на что онъ и согласился, взявъ на себя обязанность участвовать въ совѣщаніяхъ. Кромѣ того, въ Вѣнѣ онъ предсѣдательствовалъ въ политическомъ собраніи «Slovenija», сдѣлалъ даже отъ имени этого собранія поѣздку въ Люблянy, гдѣ встрѣтили его съ большимъ одушевленіемъ. Намъ теперь это участіе его въ политическомъ движеніи славянъ кажется почти непонятнымъ; хотя оно не было продолжительнымъ, имъ можно все-таки воспользоваться въ защиту Копитара противъ обвиненія, будто онъ сдѣлалъ Миклошича сухимъ безучастнымъ филологомъ. Въ 1848 г. не было Копитара въ живыхъ, а Миклошичъ принялъ участіе въ дѣлахъ политическихъ, значитъ и то, на что онъ рѣшился въ 1848 году и на что потомъ, происходило безъ участія Копитара pro или contra. Быть можетъ, эти политическія выходки привели его скорѣе къ желанной цѣли, чѣмъ могли бы это сдѣлать одни ученые труды. Графъ Стадіонъ, говорятъ, познакомившись съ нимъ, обратилъ на него вниманіе высшихъ правящихъ сферъ, и вскорѣ показались благопріятныя послѣдствія этого знакомства: 30 апр. 1849 онъ былъ назначенъ экстраординарнымъ, а въ 1850 г. ординарнымъ профессоромъ славянскихъ языковъ и литературъ въ Вѣнскомъ университетѣ. Такимъ образомъ Вѣнскій университетъ получилъ сразу двѣ каѳедры, замѣщенныя славянскими учеными. Но послѣ вскорѣ послѣдовавшей кончины Коллара каѳедра его упразднилась. Филологія осталась, археологія отложена.

Что и въ безпокойный сорокъ восьмой годъ Миклошичъ не забывалъ церковно-славянской грамматики, свидѣтельствуютъ статьи его, напечатанныя въ вѣнскихъ Sitzungsberichte: «Ueber den reflexiven Gebrauch des Pronomens сѧ» (1848, I. 119—127), «Ueber die altslovenische Conjugation» (ib. I. 171—175), и въ академическихъ Denkschriften (1850 т. I. 167—206): «Lehre von der Conjugation im Altslovenischen».

Въ первые годы профессорской дѣятельности главное вниманіе Миклошича было сосредоточено на грамматикѣ церковно-славянскаго языка и на лексиконѣ того же языка. Можно даже утверждать, что лексикальныя занятія отнимали у него чуть ли не больше времени, чѣмъ чисто грамматическія. Мы говорили уже объ одномъ сочиненіи этого рода, о — Radices. Только что этотъ трудъ вышелъ, явилась у энергичнаго вѣнскаго слависта мысль объ изданіи другого пособія подобнаго рода, т.-е. прямо словаря церковно-слав. языка. Къ рукописнымъ источникамъ, послужившимъ ему для Radices, те-

перь прибавились еще: Apostolus Šišatovacensis, Новаковъ глаголическій служебникъ (missale), одинъ глагол. часословъ (breviarium) и еще съ десятокъ рукописей вѣнской гоффибліотеки. Словарь въ печатномъ видѣ обнималъ 204 стр. мал. fol.⁰, слова объяснены по-гречески и по-латыни, съ краткимъ указаніемъ источниковъ, въ которыхъ слова встрѣчаются, но безъ подробностей. Сочиненіе кончено въ 1849 году, напечатано же въ 1850 году на средства Михаила Обреновича, игравшаго по отношенію къ Миклошичу приблизительно такую же роль мецената, какую въ свое время мы видѣли, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, у Румянцева въ Россіи. Какъ здѣсь, такъ и при изданной въ томъ же (1850) году фонетикѣ церковно-слав. языка (Lautlehre der Altslovenischen Sprache) упоминается съ большой признательностью молодой сербъ Даничичъ, какъ сотрудникъ въ чтеніи корректуръ. Изданіемъ небольшихъ книжекъ Lautlehre и Formenlehre (послѣдняя вышла нѣсколькими недѣлями раньше: предисловіе къ Formenlehre помѣчено 19 янв. 1850 г., а къ Lautlehre — 5 февр. 1850) преслѣдовалась цѣль дать слушателямъ въ руки надежное пособіе для изученія церковно-славянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ. Безъ нѣкоторыхъ промаховъ, конечно, не обошлось. Не слѣдовало напр. въ Formenlehre полагать въ основаніе **ъ** - склоненія слово **сынъ**, присвоивъ ему исключительно только формы **о**- склоненія. Причины отступленія формъ **u**- склоненія Миклошичу тогда, кажется, еще не были извѣстны. Ошибочно представлено также склоненіе вопрос. мѣстоименія въ видѣ **кои-коꙗ-коѥ**. Большой шагъ впередъ замѣтенъ во второмъ изданіи Formenlehre (1854 г.): здѣсь изложеніе вѣрнѣе и научнѣе, слово **сынъ** замѣнено лучше подходящимъ **рабъ**, причины отступленій въ **сынъ** или **домъ** стали уже понятны, и т. д. И во внѣшнемъ объемѣ значительная разница: 1-ое изд. обнимало 73, второе 179 страницъ!

На основѣ разработки звуковъ и формъ церковно-славянскаго языка Миклошичъ воздвигъ свою сравнительную грамматику, первая часть которой: «Vergleichende Lautlehre der slavischen Sprachen» (Wien 1852, 8⁰ XVI. 518) получила премію отъ вѣнской академіи, въ постановкѣ которой приняли участіе Шафарикъ и Палацкій. Въ сравненіи съ состояніемъ грамматикъ славянскихъ нарѣчій до 1848 года, находившихся, самое лучшее, подъ вліяніемъ результатовъ, добытыхъ трудами Добровскаго, появленіе этой первой части сравнительной грамматики Миклошича сдѣлало эпоху. Тутъ представленъ въ Lautlehre грамматическій трудъ, для славянъ, такъ сказать, еще не виданный, не слыханный. По пріемамъ Добровскаго славянская грамматическая литература привыкла уже къ анализу словообразовательныхъ частей, рядомъ съ анализомъ формъ и съ синтаксисомъ, но систематическаго анализа

звуковъ, взаимныхъ отношеній гласныхъ и согласныхъ, однимъ словомъ, фонетики (Lautlehre), какъ особенной части грамматики, до тѣхъ поръ на славянской почвѣ не было. Эта прибыль изъ грамматикъ Боппа и Гримма внесена впервые Миклошичемъ въ славянскую науку. Положивъ въ основаніе церковно-славянскій языкъ, какъ центръ славянскихъ грамматическихъ изслѣдованій, Миклошичъ стоялъ, конечно, на точкѣ зрѣнія Добровскаго. Новизна его состояла въ томъ, помимо различія въ методѣ изложенія, что у него изслѣдованіе простиралось на всѣ славянскія нарѣчія въ тѣснѣйшей связи съ церковно-славянскимъ. По отношенію къ этому, по названію его, старо-словенскому языку, всѣ живыя славянскія нарѣчія были то Tochter- то Schwestersprachen. Различая живые славянскіе языки одни какъ Tochtersprachen отъ другихъ какъ Schwestersprachen по отношенію къ церковно-славянскому, Миклошичъ сдѣлалъ принципіальную ошибку, это было его τὸ πρῶτον ψεῦδος. «Болгарское нарѣчіе наравнѣ съ словенскимъ произошло изъ древне-словенскаго»—такъ утверждала теорія Копитарова, усвоенная Миклошичемъ, безъ доказательствъ, которыя не могутъ быть почерпаемы изъ Прокопія или Іорданиса, а только въ самомъ организмѣ этихъ трехъ нарѣчій должны бы найти опору и подтвержденіе. Между тѣмъ какъ разъ въ звуковомъ организмѣ такихъ доказательствъ не было.

Отдѣльные славянскіе языки анализированы въ «Vergleichende Lautlehre» довольно сжато, безъ указанія примѣровъ по источникамъ. Отъ 513 страницъ полнаго объема отнялъ церковно-славянскій языкъ 223 страницы значитъ почти половину цѣлаго; на долю словенскаго выпало 38 стр., болгарскому досталось 35 стр., сербскому 43 стр., малорусскому 31 стр., русскому 36 стр., чешскому 38 стр., польскому 38 стр., верхне-лужицкому 17 стр., нижне-лужицкому 14 стр. Въ этихъ цифрахъ наглядно отражается полнѣйшая зависимость всѣхъ прочихъ славянскихъ нарѣчій отъ обширнаго изложенія церковно-славянскаго; всѣ они, такъ сказать, только прислонены къ церковно-славянской постройкѣ. Второй томъ сравнительной грамматики «Vergleichende Formenlehre der slavischen Sprachen» вышелъ въ 1856 году (8° XVI. 582). Въ этой части нѣкоторыя славянскія нарѣчія разработаны по отношенію къ церковно-славянскому нѣсколько обширнѣе, чѣмъ въ Lautlehre: церковно-славянскій языкъ обнималъ стр. 1—176, ново-словенскій стр. 176—219, болгарскій 220—241, сербскій 241—278, малорусскій 278—310, русскій 310—364, чешскій 364—439, польскій 439—514, верхне-лужицкій 515—552, нижне-лужицкій 552—582.

Въ началѣ своей ученой дѣятельности Миклошичъ задумалъ также изданіе повременнаго органа посвященнаго славянской филологіи. Это была «Sla-

vische Bibliothek», первая книга которой вышла въ 1851 году, но на второй книжкѣ, вышедшей въ 1858 году, изданіе прекратилось, о чемъ можно было жалѣть, такъ какъ содержаніе отличалось большимъ разнообразіемъ. Въ 1851 году вышло на средства вѣнской академіи полное изданіе супрасльской рукописи: «Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice Suprasliensi» (8⁰ XII. 486). Въ 1853 году послѣдовалъ на средства князя Михаила Обреновича «Apostolus e codice monasterii Šišatovac palaeoslovenice» (8⁰ XXIV. 267). Въ 1854 и потомъ въ 1861 г. онъ напечаталъ какъ пособіе для лекцій хрестоматію, во второмъ изданіи подъ заглавіемъ «Chrestomathia palaeoslovenica» (8⁰ 114), а въ 1856 году вышелъ приготовленный имъ, неизвѣстно собственно съ какой цѣлью, текстъ евангелія отъ Матѳея, возведенный издателемъ по всѣмъ требованіямъ теоріи въ правильную церковно-славянскую форму: «Evangelium s. Matthaei palaeoslovenice» (8⁰ 80). Для текста принята редакція древнѣйшая кирилловская, главнымъ образомъ Остромірово евангеліе, но онъ коечто измѣнилъ по своему. Очень важнымъ пособіемъ для исторіи сербскаго языка, а также для политической и культурно-юридической жизни сербскаго народа сдѣлалось его въ 1858 г. на средства князя М. Обреновича напечатанное изданіе: «Monumenta Serbica, spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii», (8⁰ XII. 580) — изданіе изящное, не замѣненное до сихъ поръ лучшимъ пособіемъ, хотя много дополненій въ теченіе слѣдующихъ десятилѣтій сдѣлано то въ Бѣлградѣ, то въ Загребѣ, въ Петербургѣ и Москвѣ. А чтобы покончить съ обозрѣніемъ изданныхъ имъ въ эти годы памятниковъ, упомянемъ еще его напечатанный въ 1860 г. текстъ такъ называемой хроники Нестора (Chronica Nestoris. Textum russico-slovenicum edidit Fr. Miklosich 8⁰ XIX, 223). Въ этомъ изданіи Миклошичъ распорядился языкомъ довольно произвольно, подогнавъ его подъ теоретически предположенное полное единство и послѣдовательную правильность древне-русскаго языка. Теоретическій взглядъ его на этотъ вопросъ изложенъ въ статьѣ, напечатанной въ 1854 г. въ XIV-мъ т. вѣнскихъ Sitzungsberichte стр. 2—53: «Ueber die Sprache der ältesten russichen Chronisten vorzüglich Nestors». Къ изданію памятниковъ надо причислить также дополненіе къ Glagolita Clozianus, напечатанное въ 1859 г. въ вѣнскихъ Denkschriften т. X (два вновь найденные листка). Вспомнимъ, наконецъ, его сообща съ Навратиломъ въ теченіе пятидесятыхъ годовъ приготовленныя хрестоматіи для среднеучебныхъ заведеній съ словенскимъ языкомъ, подъ заглавіемъ «Berilo», т. е. «Lesebuch» (въ 1853. 1854. 1858 и 1865 гг.). Миклошичъ не отказался сдѣлать для этихъ книжекъ нѣсколько переводовъ на словенскій языкъ отъ себя; словенскіе писатели хвалятъ правильность его словенскаго стиля (сл. Fr. Ks. vitez Miklošič.

Spisal Anton Trstenjak. V Ljubljani 1883, 16—17, отд. отт. изъ «Letopisa Matice slovenske» за 1883 годъ). Сюда можно присоединить еще изданную въ 1857 году первую часть Копитаровыхъ «Kleine Schriften». Миклошичъ самъ разсказывалъ мнѣ, что изданіе вышло на средства, доставленныя ему извѣстнымъ лицомъ (онъ не сказалъ, кѣмъ), и что хотѣлось издать также вторую часть, но—къ сожалѣнію, отъ продажи 1-й части не выручилось достаточно денегъ для продолженія печатанія второй части.

Состоя съ 1851 года членомъ вѣнской Академіи Наукъ, Миклошичъ любилъ помѣщать въ изданіяхъ ея (Sitzungsberichte, Denkschriften) по частямъ свои предварительныя изслѣдованія въ области церковно-славянской грамматики; иныя такъ и не вошли цѣликомъ въ позднѣйшую разработку предмета. Такимъ образомъ онъ напечаталъ въ Denkschriften (VII. 105—146): «Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen» (1856), ib. (т. VIII. 154—179): «Die Wurzeln im Altslovenischen» (1857), ib. (т. IX. 135—232): «Die Bildung der Nomina im Altslovenischen» (1858), ib. (т. X. 215—330): «Die Bildung der Personennamen» (1859). Упомянемъ еще статью «Glagolitisch», написанную въ 1858 году для энциклопедіи Эршъ-Грубера, и статьи напечатанныя въ журналѣ Куна и Шлейхера «Beiträge» въ I т. (1858): «Das Suffix -ъ, й im Altslovenischen», «Die Wurzel *sru* im Slavischen», «Verba intensiva im Altslovenischen». Вотъ какое большое количество важныхъ изданій и изслѣдованій явилось въ теченіе перваго десятилѣтія его профессорской дѣятельности. Она была по достоинству оцѣнена почти вездѣ, только въ Прагѣ охотно придирались къ единичнымъ недосмотрамъ ученаго вѣнскаго слависта, отчасти изъ-за несочувствія къ его теоріи о «словенизмѣ» церковно-славянскаго языка, отчасти потому что находили въ изслѣдованіяхъ его доказательства нерасположенія его къ чехамъ. Но извѣстное рѣзкое отраженіе выходокъ Ганки, напечатанное въ I т. «Slavische Bibliothek»—не должно бы быть обобщаемо, такъ какъ Ганка не Чехія. Съ Шафарикомъ сношенія его были вѣжливы, но безъ интимности.

Въ теченіе этихъ лѣтъ у Миклошича были въ Вѣнѣ два хорошихъ друга и почитателя, Вукъ и Даничичъ, къ нимъ-то онъ и присоединился, когда порѣшено было въ 1850 г. совершить сближеніе въ правописаніи между сербами и хорватами (см. выше стр. 402). Благодаря этой дружбѣ, онъ охотнѣе участвовалъ своими симпатіями въ сербской литературѣ, чѣмъ въ специально хорватской, которую съ одной стороны подводилъ подъ общее названіе съ сербской, съ другой же все-таки не хотѣлъ сербскаго и хорватскаго языка отожествлять подъ названіемъ сербско-хорватскимъ или хоть бы сербскимъ *или* хорватскимъ, а за хорватами оставлялъ только право на чакавскую раз-

новидность — это противорѣчіе осталось у него не заглаженнымъ, на подобіе его старо-словенской теоріи, но злого умысла, по моему убѣжденію, у него не было, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ его готовность участвовать также въ изданіяхъ юго-славянской академіи въ Загребѣ. Однако многіе изъ хорватовъ не могли простить ему этой непослѣдовательности въ опредѣленіи и названіи языка.

Слѣдующее десятилѣтіе было ознаменовано длиннымъ рядомъ трудовъ по грамматикѣ и еще болѣе по лексикону. Продолжая приготовительныя изслѣдованія для второй и четвертой части сравнительной грамматики (словообразованіе и синтаксисъ), онъ написалъ въ 1863 г. (Denkschr. XIII т.) хорошую монографію: «Die Nominale Zusammensetzung im Serbischen», а для синтаксиса издалъ въ 1865 г. (Denkschr. XIV т.): «Verba impersonalia im Slavischen» (переработано потомъ въ «Subjectlose Sätze» Wien 1883) и «Die Negation in slavischen Sprachen» (Denkschriften 1869, т. XVIII). Кромѣ того, въ Sitzungsberichte появились статьи: въ 1867 г. (т. LVII. 531—558) «Der praepositionslose Lokal in den slavischen Sprachen», въ 1869 г. «Ueber die Genitivendung GO» (т. LXII), «Ueber den Acc. cum Infinitivo» (т. LX. 483—508) и въ загребскомъ Rad-ѣ IX (1869): «O slovima ꙉ ѕ ꙃ».

Но несравненно важнѣе его лексикографическіе труды этого періода. Его «Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum», надъ которымъ онъ трудился несомнѣнно въ теченіе цѣлаго предыдущаго десятилѣтія, началъ выходить съ 1862 года, оконченъ же былъ въ 1865 году. Словарь обнимаетъ 1171 страницу очень сжатаго текста, доходящаго иногда внутри отдѣльныхъ словъ до еле понятной краткости въ приводимыхъ цитатахъ. Словарь этотъ несравненно богаче изданія Востокова (о которомъ была рѣчь выше, стр. 221); но стремленіе къ краткости заставило автора даже не вносить въ словарь всего того, что у него было въ рукописи приготовлено. Напр., къ Супрасльской рукописи былъ составленъ (не знаю кѣмъ, но поправки и дополненія сдѣланы рукой Миклошича) особый словарь съ точнымъ указаніемъ по большей части всѣхъ мѣстъ, гдѣ слово читается въ его изданіи (только мѣстоименія, союзы и предлоги не приведены въ полномъ объемѣ). Такимъ же образомъ у него былъ составленъ спеціальный словарь къ тексту закона царя Душана, къ которому онъ самъ собирался, кромѣ изданнаго въ 1856 г. текста, написать также объясненія, должно быть и латинскій переводъ, но это не осуществилось. Даже къ Краледворской рукописи у него былъ сдѣланъ рукописный словарь. Во всемъ этомъ мы въ правѣ усмотрѣть особенную наклонность Миклошича къ лексикографическимъ трудамъ. Да по этой части занятій онъ

безспорно обнаружилъ больше выдержки, чѣмъ по многимъ чисто грамматическимъ вопросамъ. Церковно-славянскій словарь его обогатился, въ сравненіи съ первымъ изданіемъ, очень многими новыми источниками: во-1-хъ, онъ воспользовался рукописнымъ собраніемъ Михановича (которое въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ числѣ приблизительно сорока рукописей попало въ библіотеку юго-славянской Академіи въ Загребѣ; въ словарѣ же Миклошича около 15 рукописей отмѣчено съ сокращеніемъ—Mih.); во 2-ыхъ, онъ исчерпалъ всѣ до тѣхъ поръ въ Россіи изданные церковно-славянскіе тексты или описанія рукописей церковно-славянскаго содержанія, въ числѣ которыхъ видное мѣсто заняли: Описаніе синодальныхъ рукописей Горскаго и Невоструева, Историческая хрестоматія Буслаева; тексты, изданные въ Извѣстіяхъ с.-петербургской Академіи Наукъ, или въ московскихъ Чтеніяхъ, и отдѣльно Шафарикомъ, Даничичемъ и др.; въ 3-ихъ, онъ воспользовался матеріаломъ, собраннымъ въ словарѣ Востокова. Не надо забывать, что и на этимологическую сторону коренныхъ словъ обращалось вниманіе. Не вдаваясь здѣсь въ критику этого замѣчательнаго труда, мы должны только замѣтить, что въ словарь попали многія слова, въ церковно-славянскомъ происхожденіи которыхъ можно сомнѣваться, т.-е. такія, которыя вѣрнѣе было бы предоставить лексикальному составу то древне-болгарскаго, то древне-сербскаго, то древне-русскаго языка. Но спеціализація въ этомъ направленіи еще до сихъ поръ не началась.

Церковно-славянскій словарь не единственный лексикографическій трудъ Миклошича въ періодъ времени между 1860 и 1870 годами. Въ это время онъ былъ занятъ также анализомъ заимствованій въ лексическомъ составѣ славянскихъ нарѣчій. Въ 1862 году вышло (но еще въ 1860 было представлено) въ вѣнскихъ Denkschriften (т. XII. 1—71) изслѣдованіе: «Die slavischen Elemente im Rumunischen», въ которомъ кромѣ анализа словъ затронуты многіе очень важные вопросы относительно происхожденія румынскаго языка; а въ 1867 г. (Denkschriften, т. XV. 73—140): «Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen» — послѣднее не такъ богато содержаніемъ, какъ можно было бы ожидать, такъ что для Матценауера осталась еще богатая жатва («Cizí slova ve slovanských řečech». V Brně 1870). Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ начали выходить изслѣдованія Миклошича о заимствованіяхъ въ албанскомъ языкѣ: Albanische Forschungen, ч. I: «Die Slavischen Elemente im Albanischen» (Denkschr. 1870, т. XIX. 337—374), продолженіе простиралось на романскіе элементы, ч. II (ib. т. XX, 1—88), ч. III разсуждаетъ о формѣ заимствованныхъ глаголовъ (т. XX, 157—323). Вообще изслѣдованію албанскаго языка посвящено очень много вниманія.

Въ тѣ годы Миклошичъ могъ считаться лучшимъ знатокомъ этого замѣчательнаго языка, къ нему потомъ присоединился извѣстный Густавъ Мейеръ. Небольшимъ объемомъ, какъ и можно было ожидать, вышла статья, разыскивавшая славянскіе слѣды въ древне- и ново-греческомъ языкѣ (въ Sitzungsberichte 1870, т. LXIII): «Die slavischen Elemente im Neugriechischen». По новѣйшимъ изслѣдованіямъ (между прочимъ Д. Матова) число заимствованій нѣсколько увеличивается. Богатымъ содержаніемъ, но безъ достаточной сортировки матеріала, отличается его изслѣдованіе о славянскихъ заимствованіяхъ въ мадьярскомъ языкѣ: «Die slavischen Elemente im Magyarischen» (Denkschriften, т. XXI. 1871 г.), которое вторымъ изданіемъ вышло подъ редакціею д-ра Л. Вагнера въ 1884 г. (8⁰ 139).

И этими изслѣдованіями не исчерпана неутомимая этимологико-лексикографическая дѣятельность Миклошича шестидесятыхъ годовъ. Въ сущности къ лексикону можно причислить еще изслѣдованіе (въ Denkschriften 1867, т. XVII. 1—32): «Die slavischen Monatsnamen». Начатый же разборъ личныхъ именъ (въ 1859 г.) продолжался въ теченіе шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ въ тѣхъ же Denkschriften анализомъ названій мѣстъ: «Die Bildung der Ortsnamen aus Personennamen» (1864, т. XIV. 1—74) и «Die slavischen Ortsnamen aus Appellativen» I (1872, т. XXI), II (1874, т. XXIII). Въ этой, до тѣхъ поръ очень некритически изслѣдованной области (вспомнимъ только романтическія мечты Яна Коллара) Миклошичъ впервые положилъ прочное основаніе научному методу изслѣдованія. Къ сожалѣнію, эта важная область и теперь еще не привлекаетъ, какъ слѣдовало бы ожидать, въ достаточной мѣрѣ научной любознательности славистовъ, хотя новаго историческаго и статистическаго матеріала съ тѣхъ поръ напечатано громадное количество. Впрочемъ, предпріятіе этого рода (всеславянскій ономастиконъ) превышаетъ даже силу единичнаго изслѣдователя, оно подобало бы дѣятельности той или другой или сообща нѣсколькимъ изъ славянскихъ академій. Укажемъ, наконецъ, еще на хорошее, въ сущности тоже лексикографическое изслѣдованіе: «Die christliche Terminologie», изданное въ Denkschriften 1875 года, т. XXIV. Въ этомъ трудѣ авторъ коснулся фрейзингенскихъ отрывковъ, не дойдя еще до позднѣйшихъ соображеній Вондрака; вліяніе нѣмецкой среды нѣсколько преувеличено. Напримѣръ, названіе «срѣда» не должно быть непремѣнно переводомъ съ нѣмецкаго Mittvoch; можно объяснить названіе какъ средину между понедѣльникомъ (первымъ днемъ) и пятницею (пятымъ днемъ), суббота и недѣля повидимому не шли въ счетъ, быть можетъ по причинамъ празднованія этихъ двухъ дней.

Ко всему перечисленному присоединяется въ тотъ же періодъ времени

еще самый блестящій трудъ Миклошича по части грамматики, его синтаксисъ славянскихъ языковъ — трудъ громадный по объему и по богатству содержанія, оригинальный по замыслу и плану, по строго и послѣдовательно проведенному принципу, требовавшему анализировать синтактическое значеніе отдѣльныхъ частей рѣчи, не обращая вниманія на ихъ службу въ предложеніи. Это была точка зрѣнія вполнѣ противоположная той, съ которой сдѣланъ синтактическій анализъ въ вышеупомянутомъ недоконченномъ изслѣдованіи Потебни. Трудъ Миклошича не теряетъ значенія, какъ богатая справочная книга, и для тѣхъ, кто не согласенъ съ его принципіальнымъ взглядомъ на задачу синтактическаго анализа. Никакъ нельзя сказать, что громадность содержанія подавляла автора, напротивъ скорѣе надо бы удивляться послѣдовательности, выдержанной до конца. Синтаксисъ превратился по идеѣ Миклошича въ ту новую часть грамматики, которую принято называть семасіологіею. Миклошичевъ синтаксисъ (Vergleichende Syntax der Slavischen Sprachen von Franz Miklosich) вышелъ какъ четвертый томъ сравнительной грамматики въ 1868—1874 г., вторично перепечатанъ въ 1883 году, почти безъ измѣненій (8° 895). Помимо принципіальнаго, такъ сказать антисинтактическаго взгляда, который легъ въ основаніе этого сочиненія, слабыя стороны его объясняются отчасти неудовлетворительностью предшествовавшихъ изслѣдованій, отсутствіемъ порядочныхъ монографій по отдѣльнымъ языкамъ и вслѣдствіе того невозможностью, при тогдашнемъ состояніи науки, слѣдить за синтактическими явленіями въ отдѣльныхъ языкахъ путемъ историческаго развитія, отчасти же прямо нерасположеніемъ самого автора къ историческому методу изслѣдованій въ области языка. Историческій моментъ въ изслѣдованіяхъ Миклошича вездѣ отходилъ на задній планъ; языко-сравнительное направленіе во всѣхъ трудахъ его брало верхъ надъ историческимъ.

Какъ будто бы всего этого было мало, Миклошичъ принялъ также участіе въ посмертныхъ изданіяхъ Вука Караджича, для обезпеченія оставшагося семейства. Воззваніе 1865 года къ добровольнымъ приношеніямъ было подписано Миклошичемъ, Утѣшеновичемъ и Субботичемъ. Комитетъ поблагодарилъ Миклошича въ 1871 году за трудъ, который онъ взялъ на себя «у погледу рјечника (нѣмецко-сербской части его) око израђења лексикалнога исте књиге, које рукопис жалибоже није био сасвим приређен за штампу, како се је из прва мислило», значитъ и въ этомъ лексикальномъ трудѣ участіе Миклошича было значительнымъ.

Кромѣ грамматическихъ изслѣдованій и этимологико-лексикографическихъ анализовъ, составляющихъ, по представленію Миклошича, главное содержаніе славянской филологіи, онъ посвящалъ также довольно много вни-

манія народной поэзіи, стоя въ этомъ отношеніи совсѣмъ на точкѣ зрѣнія своихъ друзей Вука и Копитара. Взоры его были дѣйствительно обращены преимущественно на эпическую поэзію сербовъ и хорватовъ. Еще въ 1863 г. онъ написалъ для бывшаго вѣнскаго журнала «Oesterreichische Revue» хорошую статью: «Die serbische Epik», а въ 1870 году напечаталъ въ академическихъ Denkschriften (XIX. 55—114): «Beiträge zur Kenntniss der slavischen Volkspoesie». Статья первая и единственная носитъ спеціальное заглавіе: «Die Volksepik der Kroaten». Объ этого рода эпическомъ матеріалѣ, отличающемся особымъ 15—16 слоговымъ размѣромъ, который Миклошичъ хотѣлъ присвоить хорватамъ κατ' ἐξοχήν, сл. мою статью въ Archiv f. sl. Phil. IV. 192—242 по поводу изданія такихъ же пѣсенъ у Богишича, и статью доктора Шишманова въ болгарскомъ министерскомъ «Сборникѣ» т. I. 37—45. Укажемъ еще на статью изъ области миѳологіи, напечатанную въ 1864 г. въ Sitzungsberichte (т. XLVI. 386—405) подъ заглавіемъ: «Die Rusalien. Ein Beitrag zur slav. Mythologie».

Памятникамъ древне-славянской письменности было посвящено вниманіе въ эти годы по крайней мѣрѣ настолько, что Миклошичъ сообща съ Дюмлеромъ издалъ житіе Константина: «Die Legende vom heil. Cyrillus», въ 1870 году, въ Denkschriften (т. XIX. 203—248), гдѣ ему принадлежитъ текстъ съ латинскимъ переводомъ, Дюмлеру же историко-критическая оцѣнка легенды. Вь томъ же году (1870) онъ напечаталъ также отдѣльно Vita Methodii. Въ то же время Миклошичъ задался, при сотрудничествѣ Іосифа Миллера, прекраснымъ и важнымъ предпріятіемъ, имѣющимъ только косвенное отношеніе къ исторіи южныхъ славянъ, изданіемъ грамотъ по части византійскихъ церковныхъ и монастырскихъ дѣлъ. Изданіе озаглавлено: «Acta et diplomata graeca medii aevi, sacra et profana», главное участіе въ немъ принадлежало Іосифу Миллеру. Въ 1860—1862 году вышли два тома: «Acta patriarchatus Constantinopolitani» (отъ 1315 по 1402 годъ), какъ томъ III (1865), IV (1876), V (1887) и VI (1890) изданіе продолжалось подъ заглавіемъ «Acta et diplomata». Сообща съ Авг. Тейнеромъ онъ издалъ еще въ 1872 году: «Monumenta spectantia ad unionem ecclesiae graecae et romanae», вмѣстѣ съ Рачкимъ же издалъ въ 1880 году въ XII т. загребскихъ Starine вновь найденные тексты папскихъ регестъ, насколько они относились къ Меѳодію: «Novo nadjeni spomenici iz IX i XI vieka za panonsko-moravsku, bugarsku i hrvatsku poviest».

Третье десятилѣтіе дѣятельности Миклошича, 1870—1880, можетъ быть названо пересмотромъ всѣхъ вопросовъ церковно-славянской грамматики, за исключеніемъ главнаго о происхожденіи этого языка, въ которомъ

онъ остался неуступчивъ, не поддаваясь ни на какіе доводы. Переиздавая свою сравнительную грамматику, онъ поставилъ себѣ задачею: 1-е не придерживаться болѣе произвольнаго эклектицизма, т.-е. не строить грамматики на основаніи данныхъ, извлекаемыхъ изъ памятниковъ различныхъ по времени и мѣсту происхожденія, а выбрать и класть въ основаніе грамматической постройки ограниченное число древнѣйшихъ текстовъ, связанныхъ между собою общностью многихъ характерныхъ явленій въ грамматикѣ и лексиконѣ. Эти памятники названы имъ паннонскими; 2-е всѣ части грамматики, преимущественно же науку о звукахъ и формахъ, привести въ тѣсную связь съ данными сравнительнаго языкознанія, выбрать даже исходной точкой и основаніемъ для анализа не просто реальныя явленія церковно-славянскаго языка, а подчиняясь выводамъ изъ сравнительной грамматики, класть въ основаніе такъ называемые основные звуки (Grundlaute), гласные и согласные, добытые анализомъ сравнительной грамматикой, подводя подъ нихъ реальное отраженіе церковно-славянскаго языка. Съ этой точкою зрѣнія на задачу сравнительной грамматики славянскихъ языковъ можно и не соглашаться. Она оправдана и даже неизбѣжна въ такихъ трудахъ, какъ Бругмановъ Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, но сравнительная грамматика славянскихъ языковъ имѣетъ право стоять на своей, обусловленной данными славянскихъ языковъ точкѣ зрѣнія.

Пересмотръ грамматики по новымъ взглядамъ и началамъ былъ сопровождаемъ цѣлымъ рядомъ предварительныхъ изслѣдованій, напечатанныхъ въ Sitzungsberichte: «Ueber die zusammengesetzte Deklination in den slavischen Sprachen» (1871, т. LXVIII. 133—156), «Das Imperfekt in den slavischen Sprachen» (1874, т. LXXVII. 5—30), «Ueber den Ursprung einiger Casus der pronominalen Deklination» (1874, ib. LXXVIII. 143—152), «Beiträge zur altslovenischen Grammatik» (1875, т. LXXXI. 81—136) и въ Denkschriften: «Ueber den Ursprung der Worte von der Form altslov. trъt» (1877, Denkschriften XXVII. 261—307), «Ueber den Ursprung der Worte von der Form altslov. trêt und trat» (1878, ib. т. XXVIII. 1—52), «Ueber die Steigerung und Dehnung der Vokale in den slavischen Sprachen» (1878, ib. XXVIII. 53—96), «Ueber die langen Vokale in den slavischen Sprachen» (1879, ib. XXIX. 75—140).

Первымъ плодомъ измѣнившихся такимъ образомъ взглядовъ Миклошича на критико-грамматическія достоинства церковно-славянскихъ памятниковъ явилось въ 1874 г. важное сочиненіе его: «Altslovenische Formenlehre in Paradigmen mit Texten aus glagolitischen Quellen». (Wien 8⁰ XXXV. 96). Сочиненіе это важно во-первыхъ тѣмъ, что въ немъ формы языка пред-

ставлены въ строгомъ подборѣ по вышеупомянутымъ началамъ древнѣйшихъ паннонскихъ, глаголическихъ памятниковъ, что въ немъ склоненіе анализируется строго по тематическимъ окончаніямъ (говорится о а(ъ)-, а(о)-, ā-, u-, i- и о консонантическихъ основахъ), въ спряженіи строго проводятся три вида аориста, имперфектъ представленъ тоже въ новомъ видѣ, въ настоящемъ времени выставлено окончаніе 3 лица на -тъ, въ двойств. числѣ окончаніе 2-го лица (-та) различно отъ 3-го лица (-те) и т. д.; во-вторыхъ же въ немъ обращаетъ на себя вниманіе довольно обширное введеніе, въ которомъ Миклошичъ, очень недолюбливавшій распространяться о принципіальныхъ взглядахъ, все-таки коснулся вопроса о происхожденіи церковно-слав. языка, онъ взялся вновь защищать названіе «altslovenisch», но толкованіе этого названія получило у него теперь нѣсколько иную окраску. Миклошичъ указывалъ съ нѣкоторой долей ироніи на происшедшую у Шафарика подъ конецъ жизни почти полную перемѣну взглядовъ относительно церковно-слав. языка, но и онъ, оставаясь при названіи «altslovenisch», измѣнилъ почти незамѣтно значеніе этого названія. Мы уже слышали, что сначала (въ Radices) все не русское и не сербское Миклошичъ называлъ — болгарскимъ. Въ рецензіи на Остроміровo евангеліе онъ не хотѣлъ еще рѣшать вопроса, болгарскаго ли или паннонскаго происхожденія церковно-слав. языкъ. Въ первомъ изданіи «Vergleichende Lautlehre» онъ называлъ два славянскихъ нарѣчія (ново-словенское, и болгарское) дочерями (Tochtersprachen) церковной славянщины, первое было ему даже ближе сродни къ церковному славянскому, чѣмъ второе, судя по порядку, установленному для грамматическаго анализа. Теперь же, въ Formenlehre in Paradigmen, онъ оставилъ совсѣмъ въ сторонѣ какъ словенское, такъ и болгарское нарѣчіе, ему хотѣлось только представить по возможности вѣрную картину того языка «на которомъ говорили паннонскіе словены около половины девятаго столѣтія» (стр. II); онъ считалъ возможнымъ утверждать якобы на основаніи древнѣйшихъ паннонскихъ источниковъ, «что около половины девятаго столѣтія въ Панноніи и только въ Панноніи основана была церковная литература на слав. языкѣ» (стр. III); тутъ прибавлена слѣдующая довольно характерная оговорка: «употребляя выраженіе pannonisch, я долженъ замѣтить, что я признаю, что этотъ терминъ, чтобы вполнѣ соотвѣтствовать дѣлу, долженъ бы обнимать также Моравію. Я дѣйствительно теперь такого мнѣнія, что словенское племя жило не только на правомъ, но и на лѣвомъ побережьи Дуная» (стр. III). Все это, пожалуй, очень хорошо, но — гдѣ же доказательства? Изъ того, что словаки еще нынѣ называютъ свой языкъ «словенскимъ», никакъ не слѣдуетъ, чтобы, скажемъ, около Нитры и около Блатнаго озера (Балатона) господствовало

въ IX столѣтіи одно и то же славянское нарѣчіе, хотя бы оно и называлось «словенскимъ». Обширное опроверженіе Шафариковой древне-болгарской гипотезы Миклошичъ отложилъ (стр. V) «für die nächste Zukunft» — но не вполнѣ сдержалъ обѣщанія, хотя ему послѣ этого заявленія было суждено еще 17 лѣтъ жить и безпрерывно заниматься наукой. Какъ увидимъ ниже, онъ правда еще разъ возвратился къ этому вопросу, но обѣщаннаго опроверженія не послѣдовало. Замѣчательно, что онъ теперь, отказавшись отъ того, что прежде утверждали Копитаръ и онъ, допускалъ, что «ново-словенскій» языкъ не со вчерашняго дня идетъ своимъ путемъ (nicht erst seit gestern seine eigenen Wege wandelt) и что «словенское» нарѣчіе надо все-таки различать отъ паннонскаго, только на основаніи фрейзингенскихъ отрывковъ онъ былъ не прочь настаивать на ближайшемъ сродствѣ между ново-словенскимъ и паннонскимъ нарѣчіями. Противъ этой близости и географической и родственной едва ли нужно возражать. Но ссылка на фрейзингенскіе отрывки много не доказываетъ, потому что ихъ близкое родство съ церковно-слав. языкомъ можетъ объясняться также путемъ зависимости и заимствованія большей части оборотовъ, выраженій и формъ изъ церковно-слав. языка. Все зависитъ отъ того, какъ взглянуть на фрейзингенскіе отрывки, чистый ли это «словенскій» памятникъ или же помѣсь «словенскаго» съ церковно-славянскимъ.

Второе изданіе сравнительной грамматики по новому, расширенному плану началось съ того тома, котораго прежде въ первомъ изданіи еще и не было, съ Stammbildungslehre; по очереди это былъ второй томъ сравнительной грамматики, изданный впервые въ 1875 г. (8⁰ XXIV. 504), трудъ многосодержательный, съ богатымъ запасомъ данныхъ, только планъ изложенія въ настоящее время считается нѣсколько устарѣлымъ. Какъ въ синтаксисѣ, такъ и здѣсь сдѣлана перемѣна во внѣшней формѣ сравнит. грамматики Миклошича: для всѣхъ славянскихъ нарѣчій теперь введена имъ латинская транскрипція; для облегченія ли набора и сокращенія расходовъ это сдѣлано или по другимъ причинамъ, не могу сказать. Число и порядокъ слав. нарѣчій здѣсь остались попрежнему, тогда какъ въ синтаксисѣ рядомъ съ сербскимъ иногда приводятся также примѣры — хорватскіе. Было бы любопытно присматриваться какъ здѣсь, такъ и въ позднѣйшемъ его трудѣ (въ Etymologisches Wörterbuch) къ тому, какимъ способомъ онъ различалъ сербское отъ хорватскаго. Не трудно было бы обнаружить полнѣйшую несостоятельность этой попытки.

Въ 1876 году вышло новое изданіе бывшей когда-то Formenlehre, теперь подъ названіемъ: «Vergleichende Wortbildungslehre der slavischen

Sprachen» (8° 550). Въ сравненіи съ первымъ это второе изданіе представляетъ совсѣмъ новый трудъ. Прежде всего «старословенская» часть поражаетъ богатствомъ приводимыхъ примѣровъ, но и обработка живыхъ нарѣчій несравненно обширнѣе и полнѣе, что отчасти стоитъ въ связи съ развитіемъ грамматической литературы отдѣльныхъ нарѣчій, сдѣланнымъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Особенной обширностью отличается чешская морфологія, обнимающая 67 страницъ, тогда какъ болгарская должна была и теперь еще довольствоваться 24 стр. Еще далѣе ушло, въ сравненіи съ первымъ, второе изданіе церковно-славянской фонетики (Lautlehre), появившееся въ 1879 г. (8° 598). Ее можно положительно назвать новымъ самостоятельнымъ сочиненіемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ первымъ изданіемъ. Отъ 223 стр. церковно-слав. части перваго изданія вышло теперь при очень убористой печати 302 стр., самое содержаніе, несомнѣнно, втрое увеличено. Съ фонетикой церковно-славянской Миклошичъ погрузился въ волны сравнительнаго языкознанія. Правда, въ нѣкоторыхъ перемѣнахъ взглядовъ, какъ напр. въ замѣнѣ основной гласной *а* гласными *е—о*, онъ стѣснялся принять участіе, внѣшнее триединство *а—і—и* у него еще соблюдено, такъ какъ объ *е—о—а* излагается подъ тѣнью крыльевъ гласной *а*, о *ь—і—ѣ* подъ *і*, о *ъ—у—и* подъ *и*. Вслѣдствіе этого многія положенія теперь уже не раздѣляются наукой, напр., когда говорится, что *е* первая, *ѣ* вторая, *о* третья, *а* четвертая степень вокализаціи гласной *а*; или же, когда *oj* считается третьей степенью гласной *і*, и т. д. И въ консонантизмѣ конечно не все изложено по нынѣшнимъ взглядамъ, въ особенности бросается въ глаза, что авторъ, хорошо различая двойное по происхожденію *ѣ*, не замѣтилъ въ зависимости отъ этого различія появленіе двойного палатализма, *č—с*. За исключеніемъ такихъ неточностей, трудъ Миклошича остается и теперь еще неисчерпаемымъ источникомъ богатыхъ и очень поучительныхъ данныхъ. Фонетики живыхъ нарѣчій тоже богаты содержаніемъ, въ особенности словенская. Стоитъ напомнить, что въ противоположность изложенію въ Wort- и въ Stammbildungslehre, здѣсь вдругъ говорится о Lautlehre «der serbischen und chorvatischen Sprache», между тѣмъ какъ подъ «Lautlehre der čechischen Sprache» нѣтъ упоминанія о «словацкомъ» нарѣчіи. Эти колебанія доказываютъ лишній разъ, что Миклошичъ не хотѣлъ подвергнуть радикальному пересмотру унаслѣдованныхъ отъ Копитара взглядовъ, хотя быть можетъ и чувствовалъ необходимость, поэтому и дѣлалъ маленькія, не всегда удовлетворительныя уступки.

Въ лексикальной дѣятельности это десятилѣтіе ознаменовано обширными изслѣдованіями, посвященными языку цыганскому. Подъ общимъ за-

главіемъ «Ueber die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europas» Миклошичъ пустилъ въ теченіе 1872—1880 годовъ въ ходъ не менѣе какъ двѣнадцать статей, разбирающихъ не только языкъ, а также бытъ и народное творчество этихъ кочевниковъ. Начиная съ анализа славянскихъ заимствованій въ цыганскомъ языкѣ (1872, Denkschriften т. XXI, 197—253), онъ прибавилъ къ этому лексикограф. изслѣдованію разборъ грамматическій (ib. т. XXII 91—102), потомъ перешелъ къ разсказу о странствованіяхъ цыганъ (III ib. 1873, т. XXIII. 1—46), дальше говорится о ихъ сказкахъ и другомъ этногр. матеріалѣ (IV—VI, 1874 ib. т. XXIII, 1875 т. XXV, 1876 т. XXVI), въ слѣдующихъ статьяхъ (VII—VIII) разобраны цыганскіе говоры (Denk. т. XXVI—XXVII), въ IX—XII (т. XXX, XXXI) опять грамматика. Все это вышло въ Denkschriften, а въ Sitzungsberichte напечатаны кромѣ того: «Beiträge zur Kenntnis der Zigeunermundarten» I и II 1874, (т. LXXVIII), III 1876 (т. LXXXIII), IV 1878 (т. XC). Свободы научныхъ изслѣдованій не слѣдуетъ конечно стѣснять, но позволительно все-таки спросить, не цѣлесообразнѣе ли было бы по крайней мѣрѣ часть времени, посвященнаго цыганамъ, удѣлить славянамъ? — Ближе касаются славянщины его изслѣдованія въ области румынскаго языка, какъ продолженіе сдѣланнаго еще раньше анализа лексикальнаго. Въ 1879 г. онъ напечаталъ при помощи Калужняцкаго историческое изслѣдованіе: «Ueber die Wanderungen der Rumunen in den Dalmatinischen Alpen und den Karpaten» (Denkschr. XXX. 1—66), а въ 1881 и 1883 гг. двѣ части «Rumunische Untersuchungen», подъ спеціальнымъ заглавіемъ: Istro- und Macedorumunische Sprachdenkmäler» (Denkschr. т. XXXII. XXXIII). Грамматическому анализу посвящены въ Sitzungsberichte (т. XCVIII. XCIX. CI. CII): «Beiträge zur Lautlehre der rumunischen Dialekte» (1881—1883), I—III Vocalismus, I—II Consonantismus и Lautgruppen, всего четыре выпуска. Я считаю эти статьи Миклошича очень драгоцѣннымъ вкладомъ въ «балканскую лингвистику». Подобнаго рода изслѣдованіе, но менѣе подробное, посвящено и болгарскому языку въ разсужденіи (Denkschriften 1883 г., т. XXXIV): «Geschichte der Lautbezeichnung in Bulgarischen». Здѣсь еще разъ коснулся Миклошичъ своего паннонизма, но безъ новыхъ доказательствъ. Различеніе дако-болгарскаго отъ обыкновеннаго (балканскаго) болгарскаго нарѣчія, какъ двухъ самостоятельныхъ членовъ, по отношенію къ которымъ новословенскій языкъ представлялъ бы третій членъ, а паннонско-словенскій четвертый, — эта теорія пансловенизма не можетъ быть подтверждена вѣскими доказательствами. Могутъ быть допустимы только переходы изъ нарѣчія въ нарѣчіе, изъ говора въ говоръ, не исключая изъ общаго состава стоящаго по сре-

динѣ сербско-хорватскаго элемента, но предложенное Миклошичемъ развѣтвленіе, отзывающееся теоріею родословнаго дерева, не выдерживаетъ критики.

Кромѣ перечисленныхъ трудовъ, упомянемъ еще нѣсколько статей или изданій небольшого объема. Въ 1871 году издана въ III томѣ «Starine» въ Загребѣ (1871) извѣстная «Trojanska prića», съ латинскимъ переводомъ и объяснительнымъ введеніемъ. Отъ вниманія издателя ускользнулъ текстъ, изданный мною по глаголической рукописи во II томѣ «Priměri» (1866, стр. 180—184), хотя оба текста несомнѣнно одного происхожденія. Въ IV томѣ «Starine» впервые (1872) указано Миклошичемъ на сербскую Толковую Псалтырь 1346 года: «Psaltir s tumačenjem pisan g. 1346», она теперь вошла полнымъ объемомъ разночтеній въ мое изданіе Болонской псалтыри. Въ XII кн. академ. «Rada» (въ Загребѣ 1870) Миклошичъ напечаталъ истор. статейку: «Marija kći Angjelinina», а въ VIII томѣ «Starine» (1876) одинъ отчетъ 1772 года о состояніи Фрушскогорскихъ монастырей. Много интересныхъ сообщеній содержитъ статья въ Sitzungsberichte 1883 г.: «Ueber Goethes Klaggesang von der edlen Frauen des Asan-aga» (сл. стр. 367).

Послѣднее десятилѣтіе дѣятельности незабвеннаго основателя сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій опять богато лексикографическими трудами. Небольшую славу принесло Миклошичу заказанное ему довольно безцѣльное изданіе словаря: «Dictionnaire abrégé de six langues slaves» (въ 1885 г.). Несравненно важнѣе его «Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen» (1886, 8° VIII. 547), въ которомъ нагромождено большое богатство славянскаго лексическаго матеріала, только безъ указанія источниковъ, изъ которыхъ онъ взятъ, но этимологическія объясненія остаются какъ-то на заднемъ планѣ, или же иногда прибавлены въ такомъ неопредѣленномъ видѣ, что ищущій отвѣта недоумѣваетъ, какъ ихъ понимать: какъ заимствованіе или какъ коренное родство. Поэтому, на мой взглядъ, содержательнѣе другой трудъ Миклошича изъ этого послѣдняго періода: «Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen» (Griechisch, albanisch, rumunisch, bulgarisch, serbisch, kleinrussisch, grossrussisch, polnisch). Знатокъ восточныхъ языковъ, конечно, и здѣсь замѣтитъ нѣкоторую неопредѣленность въ постановкѣ вопроса, но матеріалъ, собранный здѣсь въ четырехъ частяхъ, изданныхъ въ Denkschriften 1884—1890 (въ томахъ XXXIV. XXXV. XXXVII и XXXVIII), отличается большимъ богатствомъ удачныхъ объясненій. Сл. отзывъ знатока дѣла, проф. Ѳ. Евг. Корша, въ Archiv f. slav. Phil. VIII. 637, IX. 487. 653. Въ той же области вращаются также двѣ статьи 1889 г.: «Die slavischen, magyarischen und rumunischen Elemente im Türkischen» и «Ueber die Einwirkung des Türkischen auf die Grammatik der südost-

europäischen Sprachen». Наконецъ можно еще вспомнить статейки: «Ueber die Nationalität der Bulgaren» и «Die Behandlung der kt — Gruppe in verschiedenen Sprachen».

Въ области изслѣдованій народнаго быта и народнаго творчества вышло хорошее разсужденіе: «Die Blutrache bei den Slaven» (1887) и послѣдній трудъ его (1890): «Die Darstellung im slavischen Volksepos»—то и другое въ Denkschriften.

Миклошичъ могъ бы о себѣ сказать, что онъ таланта своего не утаилъ подъ спудомъ, что онъ не даромъ жилъ на семъ свѣтѣ. Славянскую филологію онъ обогатилъ монументальными трудами, которые обиліемъ приводимыхъ данныхъ на долгое время сохранятъ свое полное значеніе, нужды нѣтъ, что иныя объясненія теперь уже должны уступить мѣсто соображеніямъ другого рода. Многими своими изслѣдованіями онъ прокладывалъ даже себѣ и другимъ дорогу. Мюлленгофъ назвалъ его, въ восторгѣ отъ его синтаксиса: der grösste Grammatiker des Jahrhundertes. Въ исторіи славянской филологіи онъ безспорно занимаетъ самое видное, первенствующее мѣсто во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія, онъ сталъ вожакомъ филологическаго движенія среди всѣхъ, въ особенности южныхъ и западныхъ славянъ. Оживленіе грамматической литературы трудами его отразилось на сочиненіи Малэцкаго по польской грамматикѣ (Gramatyka języka polskiego większa przez dra Małeckiego. Lwów, 1863. 8⁰ XXIII. 427), Осадцы по малорусской (Д-ра Мих. Осадцы граматика руского языка, во Львовѣ 1863, 3-ое изд. 1876, 8⁰ VIII. 238), на сербско-хорватскихъ Даничича (его «Облици», о которыхъ см. ниже), Андр. Торквата Берлича (Grammatik der illyrischen Sprache wie solche im Munde und Schrift der Serben und Kroaten gebräuchlich ist, von Andreas Torquat Berlić. Wien 1854, 8⁰ 164), Будмани (Grammatica della lingua serbo-croata (illirica) di Pietro Budmani. Vienna 1867, 8⁰ X. 250) и Пацела (Slovnica jezika hrvatskoga ili srbskoga. Pisa Vinko Pacel. U Zagrebu 1860, только I часть подъ заглавіемъ: Nauka o prieslovu u jeziku hrvatskom. 8⁰ XVI. 112), на словенской Янежича (Slovenska slovnica za domačo in šolsko rabo, spisal Anton Janežič. V Celovcu 1863, 8⁰ 262, это изданіе названо уже на заглавн. листѣ: «Nova, vsa predelana in popravljena izdava), на болгарской грамматикѣ Цанковыхъ (Grammatik der bulgarischen Sprache, von A. und D. Kyriak Cankof. Wien 1852, 8⁰ VI. 216). Всѣ эти грамматики были въ извѣстномъ смыслѣ произведеніями учениковъ Миклошича, не то прямыхъ и непосредственныхъ, не то почерпавшихъ свои теоретическія свѣдѣнія и свою систему изъ его трудовъ. Виднѣе всѣхъ между южными славя-

нами былъ сербъ Даничичъ, о которомъ рѣчь впереди. Подробный разборъ всѣхъ сочиненій Миклошича представленъ проф. Л. Милетичемъ въ V томѣ болгарскаго «Сборника» на стр. 355—499, а также проф. Маретичемъ въ CXII кн. Загребскаго Rad-a: «Život i kńiževni rad F. Miklošića» (стр. 41—153).

Приблизительно въ то же время, когда Миклошичъ приспособлялъ методъ сравнительной грамматики къ церковно-славянскому языку, одинъ изъ выдающихся нѣмецкихъ лингвистовъ, Августъ Шлейхеръ, чувствовалъ себя хорошо подготовленнымъ для разработки грамматики церковно-слав. языка по началамъ сравнительнаго языкознанія. Его «Formenlehre der kirchenslawischen Sprache erklärend und vergleichend dargestellt» вышла въ 1852 г. въ Боннѣ (8° XXIII. 376). Въ то время Шлейхеръ состоялъ уже профессоромъ санскритскаго языка и сравнительной грамматики въ Прагѣ. По собственнымъ словамъ его, весь фактическій матеріалъ былъ заимствованъ изъ сочиненій Миклошича, даже сравнительныя и объяснительныя подробности въ сочиненіяхъ Миклошича считались важнымъ пособіемъ. Кромѣ трудовъ Миклошича, Шлейхеръ указывалъ на Боппа, Потта, Гримма, Бенфея, вспомнилъ языкосравнительныя статьи Шафарика (въ Č. Č. M. 1846. 1847 и 1848) и конечно могъ сослаться на свои очень замѣчательныя изслѣдованія: «Zur vergleichenden Sprachengeschichte» (Bonn 1848, 8° VIII. 166) и «Die Sprachen Europas in systematischer Uebersicht». Грамматика Шлейхера не потеряла и теперь еще своей прелести, она годится въ особенности какъ введеніе въ сравнительную грамматику для начинающихъ славистовъ, отличаясь особенной стройностью и ясностью изложенія. Къ церковно-слав. языку приводятся для сравненія языки литовскій, санскритскій и германскій, конечно и классическіе, но они на второмъ планѣ. О ь и ъ сказано вполнѣ справедливо, что ихъ вокализація когда-то была выразительнѣе, чѣмъ въ позднѣйшее время, онъ согласно съ Миклошичемъ передавалъ ихъ черезъ ĭ и ŭ. Понятно, что три ряда вокаловъ *a i u* играли у Шлейхера видную роль, но противъ Миклошича, утверждавшаго, что при слоговомъ ḷ ṛ сопровождающія ихъ гласныя ъ и ь ничего не значатъ, возражалъ Шлейхеръ рѣшительно (стр. 50).

Шлейхеру принадлежитъ неотъемлемая заслуга, что онъ внесъ литовскій языкъ не только въ сравнительную грамматику, но также выставилъ важность подробнаго его изученія, давъ хорошій примѣръ для этого своей поѣздкой къ литовцамъ, результатомъ которой вышли въ вѣнскихъ Sitzungsberichte 1853 «Lituanica», и вскорѣ потомъ (1856) его «Handbuch der litauischen Sprache» (вмѣстѣ съ хрестоматіею и нѣмецкимъ переводомъ содержанія ея). И въ его сравнительной грамматикѣ (знаменитомъ Compendium der

vergl. Grammatik der indogerm. Sprachen) славянско-литовская часть представляла едва ли не самый лучшій отдѣлъ сочиненія. Начиная съ 1858 года, онъ взялся, сообща съ Куномъ, издавать «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slavischen Sprachen», гдѣ вышло нѣсколько интересныхъ статей его, затрогивающихъ прямо славянскую филологію, и довольно много рефератовъ. Въ томѣ I обращала на себя вниманіе статья: «Kurzer Abriss der Geschichte der slavischen Sprachen» и статья, направленная противъ теоріи Миклошича: «Ist das Altkirchenslawische slowenisch»? Эта статья, кажется, оттолкнула Миклошича отъ дальнѣйшаго участія въ этомъ журналѣ. Въ I т. Шлейхеръ напечаталъ еще: «Das Auslautsgesetz des Altkirchenslawischen». Во II томѣ подъ ѣ ě разсуждается о двойномъ ѣ, примарномъ и секундарномъ: обозначеніе неточное, но наблюденіе основательное. Между многими рефератами да будетъ мнѣ позволено указать въ V томѣ на отзывъ о «Die Sprachwissenschaft in Kroatien», гдѣ впервые упомянуто въ лингвистическомъ журналѣ и мое имя. Въ томъ же томѣ явился, кажется, также впервые, одинъ изъ учениковъ Шлейхера, А. Лескинъ, съ отзывомъ: «Zur neuesten Geschichte der slawischen Sprachforschung», полемически настроеннымъ противъ Гатталы, отзывавшагося съ неуваженіемъ и о Шлейхерѣ и о Миклошичѣ. Противъ Шлейхера Гаттала возсталъ съ обвиненіемъ, что онъ поверхностный филологъ, относящійся къ славянскимъ языкамъ свысока, какъ къ стихіи вымирающей. Обвиненіе это, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Шлейхеру, нисколько не оправдывалось фактами. Шлейхеръ принялъ даже участіе въ чешскомъ Часописѣ (Č.Č.M.) статьями напечатанными на чешскомъ языкѣ: въ 1849 г. «O infinitivě a supinum v jazyku slovanském», въ 1851 г. переводомъ изъ Магабараты, въ 1853 г.: «O jazyku litevském zvláště ohledem na slovanský».

Когда Шлейхеръ покинулъ Прагу, взоры его были обращены въ другую сторону, въ Императорскую Академію Наукъ въ Петербургѣ, гдѣ ему и въ III и во II Отдѣленіяхъ шли любезно навстрѣчу. Тутъ онъ напечаталъ по-нѣмецки: «Donaleitis Litauische Dichtungen» (St.-Ptbg. 1865), «Zur Morphologie der Sprache» (St.-Ptbg. 1859 въ Mémoires, VII série t. I, № 7). Въ русскомъ же Отдѣленіи вышли: (въ I томѣ «Сборника») «Мнѣніе о словарѣ славянскихъ нарѣчій», въ Запискахъ (т. VIII, прил. № 2): «Краткій очеркъ доисторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо-германскихъ языковъ» (1—64); ib. (т. XI, прилож. № 3): «Склоненіе основъ на «у» въ славянскихъ языкахъ» (1—19). Но самое главное была его въ 1871 г. (уже послѣ смерти его допечатанная) «Grammatik der polabischen Sprache» (изданіе Импер. академіи наукъ). Не вдаваясь въ оцѣнку значенія Шлейхера для сравнительнаго

языкознанія, заслуги его для славянской грамматики состоятъ, кромѣ вышеупомянутыхъ сочиненій, въ прочномъ положеніи, которое славянскіе языки, благодаря его интересу къ дѣлу, заняли съ тѣхъ поръ въ сравнительной грамматикѣ рядомъ съ языкомъ литовскимъ. Немалой заслугой его было также, что онъ воспиталъ двухъ видныхъ представителей сравнительнаго и славянскаго языкознанія Іоаннеса Шмидта и Августа Лескина. Между прочими некрологами Шлейхера укажу на напечатанный мною въ Rad-ѣ (VI. 180—203). Перечень трудовъ его до 1866 г. былъ напечатанъ И. И. Срезневскимъ въ IX томѣ Записокъ И. Ак. Н. (стр. 246—253).

ГЛАВА XXVI.

Славяновѣдѣніе въ Прагѣ: послѣдніе годы дѣятельности Шафарика, вліяніе его глаголическихъ изслѣдованій на хорватовъ: Кукулевича, Рачкаго, Берчича и др.; Челаковскій, Гаттала, старшіе чешскіе грамматики и лужицкіе. Изъ южныхъ славянъ: Курелацъ, Веберъ, Даничичъ, Бошковичъ.

Пока Миклошичъ развивалъ энергическую дѣятельность въ Вѣнѣ, гдѣ обстоятельства 1848 года выдвинули даже двѣ славянскія каѳедры, одна изъ которыхъ вскорѣ закрылась, въ Прагѣ страннымъ образомъ не могли даже упомянутыя выше (на стр. 309) языкосравнительныя статьи Шафарика доставить этому заслуженному ученому каѳедру сравнительнаго языкознанія славянскаго въ Пражскомъ университетѣ. И тутъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, замѣтна двойная мѣра австрійскаго правительства: одна по отношенію къ нѣмцамъ, другая—къ славянамъ. Шафарикъ долженъ былъ до конца жизни довольствоваться скромнымъ положеніемъ библіотекаря и въ этомъ качествѣ продолжать обогащать славянскую науку великолѣпными трудами въ области древней письменности; отъ языкосравнительныхъ изслѣдованій онъ опять по неволѣ отказался. Теперь всплыли наружу его давно уже задуманныя изданія древне-славянскихъ памятниковъ. Въ 1851 г. онъ издалъ въ Прагѣ «Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův», гдѣ напечатаны впервые критически обѣ легенды о Кириллѣ и Меѳодіи, потомъ житія Немани-Симеона, написанныя сыновьями его, Стефаномъ Первовѣнчаннымъ и св. Савою. Кромѣ того, нѣсколько важныхъ древнѣйшихъ грамотъ, напоминающихъ его желаніе издать цѣлый сборникъ грамотъ, только у него не нашлось мецената, какимъ нѣсколько лѣтъ спустя сдѣлался для Monumenta Serbica Миклошича князь Мих. Обреновичъ. Въ изданіе вошелъ кромѣ того критическій текстъ закона царя Душана и сводный текстъ сербскихъ лѣтописей. Въ планѣ изданія нѣтъ единства, но совокупное содержаніе очень

важно для древней южно-славянской письменности. Стѣсняемый скудными средствами почтенный труженикъ пожелалъ по крайней мѣрѣ самое главное изъ своего запаса сдѣлать доступнымъ въ пользу славяновѣдѣнія и этотъ свой матеріалъ издать въ приличномъ видѣ, напечатавъ его новымъ пражскимъ славянскимъ шрифтомъ, въ изданіи построенномъ по новымъ пріемамъ, т. е. безъ сокращеній и безъ лишнихъ надстрочныхъ знаковъ въ славянскомъ текстѣ, съ примѣненіемъ раціональной интерпункціи. Для истор. памятниковъ эти пріемы изданія заслуживаютъ полнаго одобренія. Въ 1853 году вышли въ параллельномъ изданіи «Památky hlaholského písemnictví»—этотъ томъ содержаніемъ стройнѣе, онъ цѣликомъ посвященъ разбору дразнившаго любознательность Шафарика глаголическаго вопроса. Хотя окончательныхъ результатовъ пока еще не было достигнуто, для всесторонняго освѣщенія вопроса, чтó такое представлялъ глаголизмъ въ различные періоды, сдѣлано все, что въ то время было возможно. Въ этомъ смыслѣ это было образцовое изслѣдованіе, въ которомъ впервые стараніемъ Шафарика употребленъ новоотлитый глаголическій шрифтъ въ двойномъ видѣ, кругловатомъ — болгарскомъ и угловатомъ — хорватскомъ.

Шафарикъ сосредоточилъ въ послѣдніе годы своей жизни все вниманіе на подробномъ изученіи всѣхъ фазисовъ глаголизма: случай помогъ ему, открыты были имъ же, сообща съ Гефлеромъ, замѣчательные глаголическіе отрывки (Glagolitische Fragmente, herausgeg. von Dr. K. A. C. Höfler und dr. P. J. Šafařík. Prag 1857, 4° 62, отд. отт. изъ Abhandlungen), склонившіе его окончательно въ сторону мнѣнія, что глаголическое письмо не только старше кирилловскаго, а прямо произведеніе Константина-Кирилла. Это окончательно сложившееся его убѣжденіе, представлено и обосновано имъ въ изслѣдованіи: «Ueber den Ursprung und die Heimat des Glagolitismus» (Prag, 1858, 4° 50). По этому вопросу онъ велъ переписку не только съ своимъ другомъ Погодинымъ, а также съ хорватами Кукулевичемъ и Месичемъ.

Кромѣ этихъ послѣднихъ, не столько объемомъ, сколько содержаніемъ капитальныхъ трудовъ, Шафарикъ напечаталъ еще нѣсколько статей въ Č. Č. M. (Pohled na prvověk hlaholského písemnictví 1852, Stručný přehled liturg. kněh církve řecko-slovanské 1862, Staroslovanské životy sv. Ludmily a sv. Ivana, ib. 1862). Послѣ смерти его вышли: Poznámky o věcech hlaholských, ib. 1864, Výměsky o dědičném právu v Čechách (попытка защиты Люб. Суда), Studie o Petru Chelčickém, ib. 1874. — Въ дополненіе къ тому что сказано о Шафарикѣ на стр. 309, укажемъ на перечень трудовъ его сдѣланный Поливкой въ журналѣ L. Filolog. т. XXII, на статью Зибрта въ Č. Č. M. 1909 вып. 2, на рефератъ Вълчка (Vlček Jarre «Kterak Šafařík

smýšlel o literární jednotě československé) въ Č. M. M. 1895, 293—306, на статьи Шишманова о сношеніяхъ Шафарика съ болгарами въ «Българскомъ Прѣгледѣ» (1895 II, кн. 12, 74—85) и о записяхъ Шафарика относительно Болгаріи, оказавшихся въ его бумагахъ, ib. 1896 (III, кн. 1, 58—77). Очень подробно нарисована жизнь и дѣятельность Шафарика въ популярно написанной книжкѣ д-ра Іосифа Гануша (Pavel Josef Šafařík v životě i spisích. Ke stoletým narozeninám jeho napsal dr. Jos. Hanuš. V Praze 1899, 8⁰ 208, въ собраніи «Matice lidu» № 174). Сл. еще Ж. М. Н. Пр. 1895 іюнь.

Вліяніе Шафарика отразилось на оживленіи глаголизма у католическихъ хорватовъ, у которыхъ въ извѣстныхъ епархіяхъ Хорватіи и Далмаціи еще до сихъ поръ существуетъ славянско-глаголическое богослуженіе, преслѣдуемое впрочемъ и подавляемое съ двухъ сторонъ: со стороны австрійскаго правительства и со стороны итальянскимъ духомъ наполненнаго римскаго духовенства и папской куріи. Мечта, что можно бы оживить и даже расширить употребленіе глаголицы у всѣхъ южныхъ славянъ католическаго вѣроисповѣданія, вызвала изданіе Ив. Кукулевичемъ глаголическихъ грамотъ въ Загребѣ въ 1863 году подъ заглавіемъ: «Acta croatica. Listine hrvatske. Izdaje Ivan Kukuljević Sakcinski» (U Zagrebu 1863, 4⁰ VIII. 339 и 47 необознач. страницъ). Глаголич. шрифтомъ здѣсь напечатано приблиз. 250 грамотъ. Изъ тѣхъ же побужденій вышло также приготовленное Фр. Рачкимъ и на средства епископа Штросмайера напечатанное изданіе глаголическаго Ассеманова евангелія (1865, 8⁰ CXIX. 211)—первое изданіе шрифтомъ угловатымъ, второе шрифтомъ круглымъ, тотъ и другой были выписаны изъ Праги; въ изданіи евангелія принялъ участіе авторъ этой исторіи грамматико-критическимъ разборомъ текста, на стр. XII—XCIX. Въ томъ же направленіи и съ той же цѣлью составлены въ 1864 и 1866 г. двѣ части хрестоматіи, изданной мною для высшихъ классовъ хорватскихъ гимназій: «Priměri starohèrvatskoga jezika iz glagolskih i ćirilskih književnih starinah. Dio pèrvi: Uvod. Priměri slavoslovenski (1864, 8⁰ 101). Dio drugi: Uvod. Priměri starohèrvatski (8⁰ XXVI. 192).

Еще ближе подошелъ къ этому вопросу далматинскій священникъ Иванъ Берчичъ, назначенный быть учителемъ церковно-слав. языка въ духовной семинаріи въ Задрѣ для будущихъ священниковъ-глаголитовъ. Берчичъ взялся за дѣло очень серьезно, онъ изучалъ языкъ и литературу, издалъ въ пользу своихъ слушателей букварь глаголическій (Bukvar staroslovenskoga jezika glagolskimi pismeni za čitanje crkvenih knjig sastavio svećenik Ivan Berčić. U Zlatnom Pragu 1860, 8⁰ 84), и хрестоматію въ двухъ изданіяхъ (Chrestomathia linguae Veteroslovenicae,

ed. a Presb. Ioanne Berčić. Pragae 1859, и Čitanka staroslovenskoga jezika. Složio svećenik Ivan Berčić. U Zlatnom Pragu 1864), и попытался сдѣлать въ предѣлахъ глаголическихъ памятниковъ хорватской редакціи то, чего до сихъ поръ не сдѣлано въ несравненно болѣе богатой области кирилловскихъ памятниковъ, т.-е. онъ старался подобрать изъ всѣхъ ему доступныхъ рукописныхъ и старопечатныхъ литургическихъ текстовъ содержаніе библейское и привести его въ общепринятый порядокъ библейскихъ книгъ, чтобы такимъ образомъ составить глаголическую библію, хотя и не въ полномъ объемѣ. Все имъ собранное вышло въ пяти выпускахъ подъ заглавіемъ: «Ulomci svetoga pisma obojega uvjeta staroslovenskim jezikom skupio iz rukopisah i tiskanih knjigah hrvatskoga razreda svećenik Ivan Berčić (Ч. I, содержащая пятикнижіе и слѣд. книги до псалтыри, вышла въ Прагѣ 1871, 8°. 159; ч. II Псалтырь и слѣд. книги до Пророковъ въ Прагѣ 1864, 8° 164; ч. III книги Пророковъ въ Прагѣ 1865, 8° 127; ч. IV четыре евангелія въ Прагѣ 1864, 8° 136; ч. V апостолъ и апокалипсисъ въ Прагѣ 1866, 8° 145).

Берчичъ изучалъ содержаніе глаголическихъ рукописей также въ прочихъ отношеніяхъ, не незначительное количество которыхъ въ видѣ различныхъ отрывковъ нашлось, мало-по-малу, въ его собраніи. Послѣ смерти его, послѣдовавшей въ 1870 году, наслѣдники его уступили большую часть этого собранія въ Импер. публ. библіотеку въ С.-Петербургѣ. Изъ его изслѣдованій, напечатанныхъ въ загребскомъ академ. органѣ «Rad», упомянемъ: «Njekoliko staroslovenskih i hrvatskih knjiga» (кн. LIX), «Brojna vriednost slova ѣ u hrv. glagolici» (кн. II). Отдѣльно: «Dvie službe rimskoga obreda za svetkovinu sv. Ćirila i Metuda izdao Ivan Berčić» (u Zagrebu 1870, 8° 79 — съ біографическимъ очеркомъ, написаннымъ мною: Pop Ivan Brčić I—XV).

Подъ вліяніемъ изслѣдованій Шафарика сообщился интересъ къ дѣятельности слав. первоучителей Кирилла и Меѳодія многимъ чешско-моравскимъ писателямъ, преимущественно духовнаго сословія, а также южно-славянскимъ. Вопросомъ о значеніи Кирилла и Меѳодія занимались очень многіе (см. выше на стр. 656—7), едва ли кто достигъ значенія труда, посвященнаго этому вопросу ученымъ хорватскимъ историкомъ Фр. Рачкимъ. Его изслѣдованіе «Viek i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda slovjenskih apostolov» (U Zagrebu 1857—1859, въ двухъ выпускахъ: I. 8° 77, II. 83—420) разработано съ большой исторической эрудиціей. Подъ вліяніемъ изслѣдованій Шафарика имъ же написано «Pismo slovjensko» (U Zagrebu 1861. 8° 144). Въ изданіи «Tisućnica» (u Zagrebu 1863) онъ напечаталъ: «Književni rad sv. Cirilla i Methoda» (izvadak iz većega rukopisa, на стр. 1—27). О прочей громадной

дѣятельности этого ученаго историка, а также его заслугахъ въ пользу культурнаго развитія Хорватіи сл. біографію, написанную Смичикласомъ: Život i djela dra Franje Račkoga (U Zagrebu 1895) и изданное на дняхъ сочиненіе на французскомъ языкѣ: François Rački et la Renaissance scientifique et politique de la Croatie (1828—1894) par Vladimir Zagorsky (Paris 1909).

Дальнѣйшіе отклики глаголическаго одушевленія, расшевелившаго Хорватію и Далмацію подъ авторитетнымъ вліяніемъ Шафарика, обнаружились въ дѣятельности д-ра Ивана Црнчича (1830—1897), Драгутина Парчича (1832—1902) и Ивана Ткальчича (1840—1905). Первый изъ нихъ (dr. Ivan Crnčić), родомъ съ острова Крка (Veglia-Krk), былъ еще ученикомъ въ гимназіи Рѣчской (Рѣка — Fiume) горячимъ поклонникомъ своего любимаго учителя Курельца, воспитавшаго въ юношѣ любовь къ родному языку и славянской старинѣ, представшей передъ нимъ въ остаткахъ глаголизма. Дѣйствительно очень рано, еще въ бытность свою въ Вѣнѣ, гдѣ изучалъ богословскія науки и церковно-слав. языкъ у Миклошича, съ которымъ даже лично подружился — онъ сталъ писать статьи и статейки объ истор. судьбахъ глаголизма, онѣ печатались то въ журналѣ «Katolički List», то въ Književnik'ѣ, то въ «Starinah» и «Rad'ѣ». Относительно подробностей сошлемся на біографическій очеркъ, написанный Смичикласомъ, въ Ljetopis'ѣ югосл. академіи (вып. XII 1898 г., стр. 244—262). Вспомнимъ только его разсужденія о знаменитой глагол. надписи св. Луціи на отокѣ Кркѣ (въ Književnik-ѣ II. 1—23, и въ Starine XX. 39—49), о другихъ глагол. надписяхъ (въ Starine VII. 1—12 и въ Viestnik arkeol. družtva IX. 7—12), изданіе одной службы свв. Кириллу и Меѳодію (Starine XIV. 210—220), исправленіе нѣкоторыхъ глаг. памятниковъ (Rad XVI. 1—6), статейку о значеніи глагол. буквы Ⱂ въ употребленіи какъ цыфры (ib. XXIII. 18—23) и три важныя изданія памятниковъ: «Popa Dukljanina Lětopis po latinsku i toga nekoliko i još nešto po hrvatsku» (U Kraljevici 1874), «Assemanovo izborno evangjelje» (U Rimu 1878, въ транскрипціи лат. буквами) и «Krčki ili bolje Vrbanski štatut» (въ коллективномъ изданіи «Hrvatski pisani zakoni» 1890 г., въ Monumenta historico-juridica Slavorum meridionalium vol. IV).

Еще лучше осмыслилъ свою любовь къ глаголизму и къ глаголическому богослуженію бывшій монахъ ордена св. Франциска, потомъ каноникъ въ Римѣ, Карлъ (Драгутинъ) Парчичъ, получившій воспитаніе въ Задрѣ (родомъ же и онъ былъ съ острова Крка), и помогавшій Берчичу при составленіи глаголической хрестоматіи. Усердіе его высказалось прекрасно между прочимъ въ томъ, что онъ издалъ въ 1858 г. въ Задрѣ словарь хорватско-итальянскій: «Riečnik ilirsko-talijanski, polag najnovijih izvorah sastavio ga

o. Dragutin A. Parčić, tretjeg reda sv. Frane», къ которому прибавлена позже (въ 1868 г.) часть итальянско-хорватская: «Rječnik talijansko-slovinski (hrvatski)». Въ 1874 г. вышелъ этотъ «Rječnik Slovinsko-talijanski» вторымъ умноженнымъ изданіемъ, а въ 1887 г. «Rječnik talijansko-slovinski (hrvatski)». Проживъ много лѣтъ въ Задрѣ или по близости (въ монастыряхъ ордена), въ 1863 г. онъ на короткое время перебрался на свой родной островъ, но вскорѣ покинувъ его уѣхалъ опять въ Задръ, и оттуда въ 1868 вторично на островъ, гдѣ оставался теперь до 1871 г. Все это время онъ подумывалъ о томъ, какъ бы поднять значеніе глаголизма въ богослужебномъ употребленіи. Для обученія будущихъ глаголитовъ-священниковъ существовала единственная каѳедра въ Задрской семинаріи, которую занималъ Берчичъ (до 1870 г.); послѣ кончины его самымъ достойнымъ преемникомъ могъ бы быть Парчичъ, но архіепископъ Задрскій съ этимъ не соглашался. Усердный Парчичъ долженъ былъ перебраться въ монастырь Главотокъ, гдѣ онъ жилъ въ монастырскомъ уединеніи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ это время онъ успѣлъ приготовить къ печати «Grammatica della lingua slava (illirica), compilata da P. Carlo A. Parčić» (Zara 1873, вторымъ изданіемъ въ 1878 г., вышелъ также французскій переводъ ея въ 1877 г.: «Grammaire de la langue serbo-croate par A. Parčić»), пока наконецъ въ 1876 г. получилъ онъ давно желанное разрѣшеніе покинуть орденъ и сдѣлаться мірскимъ священникомъ. Не безъ участія епископа Штросмайера состоялось тогда же назначеніе его въ каноники Римскаго Иллирическаго учрежденія св. Іеронима, гдѣ онъ съ тѣхъ поръ жилъ для своей идеи, приготовленія новаго изданія богослужебныхъ глагол. книгъ. Просвѣщенный папа Левъ XIII далъ на это свое разрѣшеніе, наперекоръ всѣмъ дипломатическимъ проискамъ «католической» Австріи. Парчичъ заслуживаетъ большого признанія за рѣдкую устойчивость въ преслѣдованіи этой цѣли: онъ достигъ ея при неимовѣрныхъ напряженіяхъ всѣхъ своихъ силъ. Но когда первое изданіе глаголическаго миссала наконецъ въ 1893 было напечатано, злоба и невѣжество не переставали мѣшать достопочтенному труженику. Подъ ничтожными предлогами, лучше сказать подъ вліяніемъ некрасивыхъ доносовъ, второму изданію миссала, напечатанному имъ же, было отказано въ одобреніи, что его конечно въ высшей степени огорчило. Подробности обо всемъ этомъ въ брошюрѣ: «26. V. 1832. Dragutin A. Parčić. 25. XII. 1902» (Tisak tiskare «Kurykta». Krk). Анонимный авторъ подписался подъ біографіею: «K. na Uskrs 1903. Daroslav».

Третій изъ упомянутыхъ, Иванъ Ткальчичъ, сдѣлался въ теченіе своего продолжительнаго пребыванія въ Загребѣ, въ числѣ помощниковъ Загребскихъ канониковъ, первоклассньмъ знатокомъ мѣстной исторіи города Загреба

и знаменитой соборной церкви. Большое количество имъ изданныхъ памятниковъ и изслѣдованій въ этой области перечисляетъ біографія его, написанная для 20 выпуска академическаго альманаха «Ljetopis jugoslavenske akademije» д-ромъ Д. Груберомъ (на стр. 117—158). Насъ здѣсь ближе касаются его труды посвященные Кирилло-Меѳодіевскому вопросу и глаголизму, который у него стоялъ въ ближайшей связи съ вопросомъ о славянскомъ богослуженіи. Еще въ 1861 г., только что кончая курсъ богословскихъ наукъ, онъ напечаталъ въ журналѣ «Katolički List» (№ 16—19, 21—22) коротенькій очеркъ «Slavensko bogoslužje», и помогалъ Кукулевичу при изданіи выше упомянутыхъ глаголическихъ грамотъ. Въ 1863 г. вышла его популярно изложенная исторія дѣятельности слав. апостоловъ: «Na uspomenu tisućugodišnjice sv. Cyrilla i Methoda, slavenskih apostolah». По его соображеніямъ учрежденіе Загребской епархіи королемъ венгерскимъ Ладиславомъ состоялось на основаніи слав. богослуженія (Katol. List. 1871 № 27, 50). Въ томъ же органѣ «Katolički List» (въ 1873 г. № 7, въ 1882 г. № 8 и 33, въ 1902 г. № 36. 42, въ 1903 г. № 16) онъ разыскивалъ по архивнымъ источникамъ слѣды существованія глаголитовъ въ разныхъ приходахъ Загребской епархіи. Наконецъ вышло въ 1904 г. отдѣльнымъ изданіемъ «Slavensko bogoslužje u Hrvatskoj» (U Zagrebu), въ которомъ собрана и разработана большая часть только что перечисленныхъ статей его. Что касается мѣстной исторіи города Загреба Ткальчичъ напоминаетъ своими многочисленными изданіями Томека въ Прагѣ, Забѣлина въ Москвѣ.

Чтобы возвратиться въ Прагу, вм. Шафарика здѣсь получилъ каѳедру славянской филологіи Челаковскій, перебравшійся охотно изъ Бреславля въ родной край, въ Прагу. На этомъ выборѣ могло остановиться австрійское правительство только подъ вліяніемъ патріотическаго романтицизма, не переставшаго еще играть роли даже при рѣшеніи столь важныхъ вопросовъ, какъ замѣщеніе каѳедры. Самое лучшее доказательство, что научный запасъ и методъ Челаковскаго теперь уже не соотвѣтствовалъ потребностямъ времени, даетъ его въ 1850 г. въ Č. Č. M. напечатанная фантастическая статья: «Odkud berou počátek početní jmena slovanská», гдѣ числительныя имена приводятся даже въ связь съ миѳологіею, напр., єдинъ съ божествомъ Одинъ, Воданъ, два съ Тив- Зив-, три-четыре съ Ватра, vier съ Feuer и т. д.! Кажется, Челаковскій вскорѣ и самъ почувствовалъ, что прежнія времена ушли безвозвратно. Въ 1851 году онъ писалъ: «Zlaté časy bratrské Jungmannova věku— ty jsou tam a věru lituji, že jsem se z Prus hýbal». Отъ дальнѣйшихъ разочарованій освободила его смерть, послѣдовавшая 5 авг. 1852. Послѣ смерти его изданныя сочиненія помимо того, что упомянуто уже выше на стр. 278

и 517, не оправдали ожиданій. Его «Čtení o srovnavací mluvnici slovanské» (V Praze 1853, 8⁰ XIV, 357) написаны совсѣмъ не филологически, а съ примѣсью поэтической романтики, напоминающей грамматику К. Аксакова. Несмотря на сочувственный отзывъ Шафарика (въ предисловіи къ этимъ лекціямъ о сравнит. грамматикѣ) мы должны констатировать только печальный фактъ, что большая часть содержанія лекцій его уже тогда устарѣла. И его «Čtení o počátcích dějin vzdělanosti a literatury národův slovanských» (V Praze 1877, 8⁰ IV, 230) явились слишкомъ поздно, но эти лекціи разсчитаны на широкую публику, поэтому здѣсь поэтическая популяризація предмета не мѣшала наукѣ итти своимъ путемъ безъ оглядки, оставляя пустословіе въ сторонѣ. Какъ уже сказано на стр. 279, проф. Францевъ издалъ въ LXX томѣ акад. Сборника его «Остатки языка славянъ полабскихъ», сл. Р. Ф. В. 1900 вып. 1 и 2: Отчетъ о словарѣ, представленномъ въ 1828 году въ Россійскую Академію. Остатокъ, отысканный Францевымъ, не заставляетъ насъ жалѣть о потерѣ прочаго матеріала. Къ тому, что сказано о Челаковскомъ на стр, 517—8, укажемъ еще на статью Билаго (Bílý) въ «Rozpravy filolog.» въ честь Гебауера и въ Listy Filolog. томъ XXVI; Карлъ Коржинекъ написалъ въ Č. M. M. т. XXIII, 1899 г., стр. 56—69: «K sté ročnici narozenin Fr. Lad. Čelakovského».

Но славистикѣ не повезло въ Прагѣ и послѣ Челаковскаго. Не знаю, насколько участвовалъ въ выборѣ новаго представителя Шафарикъ, но если его взоры остановились на словацкомъ священникѣ Мартынѣ Гатталѣ, тогда нужно признаться, что Шафарикъ сдѣлалъ большую ошибку. Мартынъ Гаттала родился 7 ноября 1821 г. въ словацкой области Венгріи, давшей славянской наукѣ Шафарика, Коллара, Штура и много другихъ, прославившихся въ эпоху славянскаго возрожденія. Онъ кончилъ гимназію въ южной Венгріи, между прочимъ въ городѣ Суботицѣ (по-мадьярски теперь Szabatka), гдѣ выучился отъ народонаселенія языку сербско-хорватскому, извѣстному тамъ (и конечно въ статистикѣ) подъ названіемъ языка буньевацкаго (отъ названія Буньевацъ, Буньевцы). Въ 1841 году онъ поступилъ въ орденъ піаристовъ, изучалъ науки на богословскомъ факультетѣ въ Пресбургѣ и въ Вѣнѣ. Въ 1848 году былъ посвященъ въ Острогонѣ (Гранѣ) въ священники. Какъ многіе молодые люди того времени, и Гаттала усердно занимался вопросами грамматическими, въ особенности насколько они касались его родного словацкаго нарѣчія. Еще въ 1850 г. вышла его «Grammatica linguae slovenicae, collatae cum proxime cognata bohemica», на основаніи которой онъ получилъ въ Пресбургѣ мѣсто профессора. Въ 1852 г. онъ издалъ: «Krátká mluvnica slovenská», а въ 1853—4: «Zvukosloví jazyka staro- i novočeského a slo-

venského». Въ Č. Č. M. 1854 вышелъ его разборъ сравн. грамматики Челаковскаго. Эти труды, свидѣтельствовавшіе объ извѣстной долѣ остроумія и еще болѣе критической придирчивости, внушили, какъ кажется, Шафарику преувеличенное мнѣніе о способностяхъ Гатталы, и по его рекомендаціи, говорятъ, онъ былъ въ 1854 г. назначенъ экстраординарнымъ, и потомъ въ 1861 г. ординарнымъ профессоромъ славянскихъ языковъ въ Пражскомъ университетѣ. Продолжая свою дѣятельность въ области чешско-словацкой грамматики, онъ напечаталъ въ 1855 году: «Skladba československého jazyka pro střední školu», а въ 1856 г.: «Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského». Нѣкоторому отступленію отъ грамматическихъ пріемовъ Миклошича онъ самъ придавалъ черезчуръ большое значеніе, желая, такъ сказать, состязаться съ вѣнскимъ славистомъ. Въ Č. Č. M. 1855 онъ выступилъ противъ словенской теоріи Миклошича относительно церковно-слав. языка въ статьѣ: «O poměru cyrillčiny k nynějším nářečím slovanským». Въ Č. Č. M. 1857 г. вышла его рецензія на грамматику В. Бабукича, въ 1862 г. ib. на Буслаева. Въ 1858 г. онъ напечаталъ русскій текстъ съ чешскимъ переводомъ и объясненіями (впрочемъ неважными) «Слова о полку Игоревѣ». Въ Č. Č. M. 1857 и 1858 появилась, быть можетъ, лучшая статья его: «O ablativě ve slovančině a litvančině», гдѣ, кажется, онъ первый сопоставлялъ родит. падежъ славянско-литовскій на -а съ латинскимъ аблативомъ. Въ томъ же году въ Č. Č. M. (1858) онъ коснулся вопроса о двойномъ славянскомъ письмѣ въ статьѣ «Mnich Chrabr»: онъ пришелъ къ такому результату, что Храбръ не имѣлъ въ виду глаголическаго письма, когда писалъ свою апологію. Когда завязался споръ о подлинности древне-чешскихъ памятниковъ, сначала между чехами и нѣмцами, Гаттала отстаивалъ подлинность, написавъ въ Č. Č. M. 1858. 1859 и 1860: «Obrana Libušina soudu ze stanoviska filologického», а въ Č. Č. M. 1860 выступилъ опять съ новымъ филологическимъ аргументомъ: «O enklitickém ž a ť co důkaze přesnosti rukopisů Zelenohorského a Kralodvorského».

Въ 1864—5 году Гаттала написалъ опять граммат. сочиненіе: «Mluvnica jazyka slovenského», такъ сказать нормальную грамматику для словацкаго языка, когда уже вопросъ былъ окончательно рѣшенъ въ пользу литературнаго разрыва между чехами и словаками[1]). Въ издававшемся въ Загребѣ подъ моею и Рач-

1) Вопросъ о причинахъ разрыва, состоявшаго въ употребленіи литературнаго языка у словаковъ, понимается теперь лучше, чѣмъ во времена Юнгманна. Укажемъ на изложеніе въ исторіи словацкой литературы Вълчка (Dejiny literatúry slovenskej. Napisal Jaroslav Vlček. V Turč. Sv. Martine 1890, на стр. 18—27) или же въ его же исторіи чешской литературы (Dějiny české literatury. V Praze 1902, II. 1, на стр. 309— 321). Какъ извѣстно, теоретически выражено

каго редакціею «Književnik-ѣ» онъ первый обратилъ вниманіе, не по собственнымъ изслѣдованіямъ, а по корреспонденціямъ газетнымъ, на существованіе слѣдовъ назализма въ нѣкоторыхъ говорахъ Македоніи. Нѣсколько времени спустя уѣзжая для поправленія здоровья изъ Праги на югъ (въ Загребъ и Далмацію), онъ былъ занятъ обработкой вопроса о звуковыхъ измѣненіяхъ въ консонантическихъ группахъ церковно-слав. языка. Принципіально вопросъ былъ поставленъ вѣрно, фонетическія изслѣдованія на дѣлѣ обходили этотъ вопросъ до тѣхъ поръ молчаніемъ, но Гаттала и тутъ не могъ обуздать своей пристрастной полемики, въ особенности противъ Шлейхера, противъ котораго была направлена брошюра: «August Schleicher und die slavischen Consonantengruppen» (1869), такъ что когда онъ въ одномъ акад. засѣданіи въ Загребѣ читалъ о той же темѣ съ примѣненіемъ къ сербско-хорватскому языку, неоправданныя нападенія на Шлейхера вызвали протестъ со стороны Даничича, большого поклонника Шлейхера. Въ три различные пріема Гаттала разрабатывалъ этотъ вопросъ. Въ 1865 г. по латыни: «De contiguarum consonantium mutatione in linguis slavicis» (изданіе кор. чешск. Общества Наукъ), на хорватскомъ языкѣ въ акад. Rad-ѣ 1865 г. (т. IV) подъ заглавіемъ: «Početne skupine suglasah hrvatskih i srbskih» и въ 1870 г. въ «Rozpravy» чешск. Общества Наукъ: «Počátečné skupeniny souhlasek československých». Въ этихъ изслѣдованіяхъ при многихъ хорошихъ сторонахъ имѣется также много лишняго, такъ сказать, для краснаго словца сказаннаго; въ особенности въ сочиненіи, написанномъ по латыни, онъ пригонялъ отчасти разсказъ въ угоду кой-какимъ цитатамъ изъ латинскихъ классиковъ, такъ что общее впечатлѣніе отъ его изложенія выходитъ не вполнѣ естественнымъ. Самолюбіе автора высказывалось здѣсь, какъ и во всѣхъ изслѣдованіяхъ его, въ по-

---

желаніе ввести одно словацкое нарѣчіе въ литературу, въ латинской диссертаціи Бернолака (Ant. Bernolák 1762—1813): Dissertatio philologico-critica de literis Slavorum, de divisione illarum, nec non accentibus; cum adnexa linguae Slavonicae per regnum Hungariae usitatae compendiosa simul et utili orthographia (Posonii 1787, 8⁰ 82. 31). Въ 1790 г. вышла его: «Grammatica slavica ad systema scholarum nationalium in ditionibus caesareo-regiis introductum accomodata» (Posonii 1790), въ которой, опираясь на систему изложенную въ грамматикѣ Долежала (1746, съ введеніемъ М. Бэла), онъ порѣшилъ класть въ основаніе словацкаго литературнаго языка говоръ юго-западный (отъ Жилины до Пресбурга) съ правописаніемъ по возможности фонетическимъ, не повинуясь теоретическому требованію Бэла, провозгласившему лучшимъ словацкимъ языкомъ говоръ центральный. Повидимому желаніе его было не порвать совсѣмъ сношеній съ языкомъ чешскимъ. На этой основѣ созданъ также его словарь: «Slowár Slowenskí Česko-laťinsko-ňemecko-uherskí seu Lexicon slavicum bohemico-latino-germanico-ungaricum» (напечатанъ послѣ смерти автора въ Будимѣ 1825—1827 въ шести частяхъ, 8⁰ 5302 стр.). Такъ называемая Берноλаковщина не пустила глубокаго корня, протестанты не примкнули къ ней. Въ другую сторону повернулъ дѣло Штуръ (см. выше на стр. 520—521), но хотя принципъ его былъ признанъ вѣрнымъ, все же въ правописаніи явилась противъ него реакція. Подробности объ этомъ у Вълчка (Dejiny liter. slovenskej, на стр. 162—172).

стоянныхъ ссылкахъ на самого себя, т.-е. на свои предшествовавшія сочиненія.

Когда споръ о подлинности Любушина Суда и Краледворской рукописи снова возгорѣлся, Гаттала стоялъ въ первыхъ рядахъ защитниковъ подлинности. Кромѣ вышеупомянутыхъ статей, онъ написалъ въ 1871 въ Sitzungsberichte кор. чешск. Общества Наукъ критическое разсужденіе: «Beiträge zur Kritik der Königinhofer und Grünberger Handschrift», а съ тѣхъ поръ какъ Гебауеръ и Массарикъ съ чешской стороны тоже заподозрили подлинность, Гаттала, побуждаемый самолюбіемъ и стремленіемъ къ популярности, возсталъ противъ «непатріотическаго» подвига Гебауера, Массарика и друг. въ разныхъ статьяхъ, которымъ охотно уступали мѣсто чешскія газеты (напр., «Národní Listy» и т. д.) и журналы (Č. Č. M., Osvěta, Světozor и т. д.). Противная партія не оставалась въ долгу, споръ продолжался нѣсколько лѣтъ. Гаттала провозглашалъ во всеуслышаніе, что онъ напишетъ особое сочиненіе, посвященное защитѣ подлинности, подъ заглавіемъ «Obrana», но хотя жизнь его продолжалась еще много лѣтъ послѣ выхода въ отставку, все-таки «Obrana» не явилась. Оказывается, что онъ напрасно обнадеживалъ многихъ опечаленныхъ патріотовъ, не дождавшихся исполненія заданнаго слова. Даже послѣ кончины его, злая судьба лишила насъ удовольствія получить тѣ листы этой пресловутой «Обраны», которые были при жизни его напечатаны. Несомнѣнно, тутъ нашлось бы много удачныхъ и неудачныхъ остротъ, но очень мало доказательствъ. Казалось бы, что съ Гатталой послѣдній филологъ, отстаивавшій подлинность Крал. рукописи и Любушина Суда, сошелъ въ могилу, не исполнивъ обѣщанія. Но нѣтъ. Живутъ еще изъ стариковъ братъ Іосифа Иречка Герменегильдъ, изъ молодыхъ же Флайшгансъ.

Упомянемъ еще, что Гаттала считалъ своей обязанностью стоять на стражѣ правильности чешскаго языка въ обыденномъ употребленіи. Онъ написалъ въ 1877 г. довольно обширный «Brus jazyka českého» (8⁰ 304). Въ чешскомъ журналѣ Krok онъ помѣстилъ въ V и VI томахъ (1891—2): «Příspěvek k nejnovějším dějinám mluvnictví českého». Отзывъ о Гатталѣ въ 15 книжкѣ альманаха чешской Академіи и въ 20 вып. Ljetopis-а югослав. академіи. См. также Hattalliana въ Listy Filologické т. XXXI (отъ Вълчка).

Между чешскими филологами, раньше чѣмъ взяла верхъ новая критическая школа, не относившаяся уже такъ скептически къ результатамъ сравнительнаго языкознанія и трудамъ Миклошича, принимали участіе въ грамматической литературѣ такіе романтики, какъ выше упомянутый Челаковскій и Іосифъ Иречекъ (стр. 606—8), къ которымъ можно причислить также Іосифа Франту Шумавскаго (1796—1857), современника первыхъ чешскихъ

патріотовъ. Кончивъ въ Прагѣ философію, онъ собирался было продолжать теологію, но не чувствуя призванія къ духовному сословію, перешелъ въ ряды писателей и педагоговъ, полюбивъ главнымъ образомъ занятія чешскимъ языкомъ. Еще въ 1829 г. онъ напечаталъ «Zastaralé formy českého slovesa», въ 1830 г. примкнулъ къ кружку около журнала «Čechoslav» (Lit. česká devatenáct. stol. II. 626, IV. 22), проповѣдывалъ реформу ороографіи (*ou* вм. *au*, *v* вм. *w* и т. д.), въ 1838 г. издалъ сочиненіе Благослава «Život Jana Augusty», а въ 1843 и 1846 гг. вышелъ самый главный трудъ его: Deutsch-Boehmisches Wörterbuch von Josef Franta Šumavský (I. A—J. 1844, 8⁰ 1107; II. K—Z, 8⁰ 1095). Онъ издалъ также карманные нѣмецко-чешскій (1853, 16⁰ 578) и чешско-нѣмецкій (1854, 16⁰ 728) словари, при содѣйствіи своего родственника Ранка. Желаніе его, при помощи искусственной ороографіи, сокращеннымъ способомъ издать словарь всѣхъ главныхъ славянскихъ нарѣчій, заставило его сдѣлать довольно смѣлую и въ сущности неудавшуюся попытку, составить словарь подъ заглавіемъ: «Wörterbuch der slawischen Sprache in den sechs Hauptdialekten», цѣль котораго выяснена въ «Myšlénky o všeslovanském písemním jazyce» (I—IV). Сл. отзывъ Гильфердинга въ Русск. Бесѣдѣ 1857 I, въ письмѣ изъ Бѣлграда. Этого довольно замысловатаго предпріятія вышли только четыре выпуска (до слова «Befehlen»). Въ Č. Č. M. онъ напечаталъ: «Přirovnání českého slovesa k latinskému» (1845), «Příspěvek k lepšímu poznání slovanského slovesa a jeho poměr k greckému» (1851, IV. 42—61), «Příspěvek k slovanskému jazykozpytu» (1853, 304—319)—статейки неважныя. Сл. еще «Důležité slovo o koncovkách -ný a -ní u přídavných» (1854, 8⁰ 24).

Гораздо лучше и удовлетворительнѣе вышли труды д-ра Ф. В. Квѣта по чешскому языку. Уроженецъ Чехіи (родился въ 1825 г. въ Таборѣ) онъ получилъ въ 1862 г. приглашеніе въ ново учрежденный русскій университетъ въ Варшавѣ по чешскому языку и литературѣ, но до поѣздки туда успѣлъ между прочимъ написать довольно хорошую для своего времени древне-чешскую грамматику, которая въ 1860 г. вышла первымъ, въ 1863 г. вторымъ и послѣ кончины автора (1865 г. въ Варшавѣ) третьимъ изданіемъ: D-ra F. B. Květa Staročeská mluvnice. Třetí vydání, přehlédl Edvard Novotný (V Praze 1869, 8⁰ VIII, 96). Въ Č. Č. M. 1859 и 1860 гг. онъ писалъ о философіи Яна Амоса Коменскаго. Его старшій современникъ Вацлавъ Зикмундъ (1816—1873), лицо духовное, бывшій профессоромъ въ гимназіяхъ въ Писекѣ и Прагѣ, написалъ много статей по синтаксису чешскаго языка въ сравненіи съ латинскимъ (въ отчетахъ Писецкой гимназіи за 1851—1854 гг.), въ 1861 г. въ Č. Č. M. монографію «O Dativě» (96—106, 199—208); въ

1863 г. вышла его «Skladba jazyka českého» (первая часть и только), а въ 1866 году онъ издалъ грамматику чешскаго языка въ двухъ частяхъ.

Къ Прагѣ же примыкаютъ нѣкоторые представители грамматической разработки лужицкихъ нарѣчій. Во-первыхъ упомянемъ грамматику Андрея Зейлера (Seiler-Zeileŕ, 1804—1872), напечатанную въ 1830 году (о немъ см. подробности въ нѣмецкомъ переводѣ Исторіи слав. лит. Пыпина и Спасовича, II, 395—7). Виднѣе былъ Иванъ Ивановичъ Смоляръ (Smoleŕ, по-нѣмецки Schmaler, 1816—1884), не записной филологъ, хотя въ молодые годы получилъ отъ своего правительства стипендію для изученія слав. нарѣчій, но изъ него вышелъ не узкій спеціалистъ, а романтически настроенный патріотъ,— говорятъ, что на него вліяли въ Бреславлѣ Пуркинье и Челаковскій—желавшій поднять національное сознаніе своего маленькаго народца развитіемъ, выглаживаніемъ и чищеніемъ языка, изданіемъ хорошихъ книжекъ, учрежденіемъ общества «Матица сербская» (Maćica serbska), открытіемъ книжной торговли и т. д. Объ изданіи имъ народныхъ лужицко-сербскихъ пѣсенъ была уже рѣчь выше (на стр. 528). Онъ написалъ небольшого объема грамматику и словарь: «Mały Serb abo rozmłowjenja» (1841), «Mała serbska ryčnica» (1850 и 1852, 3-е изданіе: «Kleine Grammatik der serbisch-wendischen Sprache in der Oberlausitz. Mała serbska ryčnica. Po dr. Pfulowym ryčničnym přehladźe wot I. E. Smolerja». Budyšin 1861, 8⁰ 48) и «Němsko-serbski słownik» (1848), былъ редакторомъ различныхъ лужицкихъ журнальчиковъ, какъ Časopis m. s., Łužičan, и нѣмецкихъ: Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft въ Будышинѣ 1852—8, Zeitschrift für slaw. Lit. K. u. W. ib. 1862—5, Centralblatt für slaw. Literatur und Bibliographie (1865—1868). Стараніемъ его вышли переводы съ русскаго на нѣмецкій яз. нѣкоторыхъ сочиненій Гильфердинга. Вообще у него были живыя сношенія съ Россіею, куда онъ чаще заѣзжалъ, получая оттуда книги и денежныя пособія. Къ филолог. изслѣдованіямъ его можно причислить диссертацію, напечатанную въ 1864 г. въ Будышинѣ, о введеніи христіанства у лужичанъ съ неважными замѣтками о языкѣ и правописаніи, подъ заглавіемъ: «Welches ist die Lehre des athanasianischen Symbolums и т. д.» (4⁰ 18); важнѣе вторая диссертація: «Die slavischen Ortsnamen in der Oberlausitz und ihre Bedeutung» (Budyšin 1867, 4⁰ 16). Въ 1864 г. въ журналѣ Łužičan онъ помѣстилъ статейку «Přeměnjenja serbskeje rěče wot 13 до 16 lětstotetka». См. Ж. М. Н. Пр. 1885 августъ.

Младшимъ сотрудникомъ Смоляря былъ менѣе подвижной Іоаннъ Петръ Іорданъ (1818—1891), родомъ изъ Верхнихъ Лужицъ, получившій образованіе въ Прагѣ, гдѣ участвовалъ въ газетѣ «Ost und West». По примѣру всѣхъ слав. романтиковъ и онъ взялся за собираніе народ-

ныхъ пѣсенъ и сказокъ, которыя отчасти уступилъ Смолярю (сл. I. Nro 41, II. стр. 159, 175), нѣсколько ихъ и самъ издалъ въ 1841 г. (Serbske pěsnički), подъ псевдонимомъ «Wićazec Pětr». Важнѣе его грамматическій трудъ: «Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlauzitz. Im Systeme Dobrowskys abgefasst von I. P. Jordan» (Prag 1841, 8⁰ 208). Попытки его издавать журнальчикъ лужицкій (Jutnička, Serbska Jutnička) не имѣли успѣха (1842 и сл.), и изданіе лужицко-нѣмецкаго словаря не удалось (1844). Лучше извѣстенъ его журналъ посвященный на нѣмецкомъ языкѣ славянскимъ культурнымъ интересамъ въ широкомъ смыслѣ слова: «Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft», который начиная съ 1843 года выходилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1843—1846). Іорданъ велъ редакцію очень бойко и можно удивляться, что такой полный кипучей жизни органъ не могъ долѣе держаться, если причина прекращенія не кроется въ личныхъ качествахъ бывшаго редактора. Іорданъ былъ одно время преподавателемъ слав. нарѣчій въ Лейпцигѣ, издавалъ еще карманные словарчики польскаго и чешскаго языковъ съ объясненіемъ на нѣмецкомъ языкѣ, одну польскую грамматику и т. д. Онъ занималъ среднее мѣсто между журналистомъ и ученымъ, безъ опредѣленной научной спеціальности. О немъ написалъ отзывъ Черный (Černý) въ «Zlatá Praha» 1891 г. и въ чешскомъ энц. словарѣ Отто.

Ближе подходилъ къ типу слав. филолога другой лужичанинъ, др. Пфуль (Pfuhl, 1825—1890), получившій первое образованіе въ Будышинѣ, бывшій потомъ профессоромъ гимназіи въ Дрезденѣ, но по болѣзни вышедшій довольно рано въ отставку. Его заслуги для верхнелужицкаго нарѣчія очень значительны. Онъ постарался объ упроченіи верхнелужицкой ороографіи, написалъ въ 1857 году въ «Programm des Gymnasiums zu Dresden» статью: «De verborum slavicorum natura et potestate» (стр. 1—42), и въ теченіе многихъ лѣтъ собиралъ матеріалъ для словаря, который наконецъ при сотрудничествѣ Зейлера и Горника (Seiler, Hornik) вышелъ въ теченіе лѣтъ 1857—1866: «Łužiski serbski słownik. Lausitzisch Wendisches Wörterbuch. Verfasst und unter Mitwirkung von Pfarrer Seiler und Domvicar Hornig herausgegeben von Professor dr. Pfuhl» (Budissin 1866, 8⁰ XXXVI, 1210). Годъ спустя (1867) вышла его очень хорошо, сжато составленная грамматика: «Laut- und Formenlehre der Oberlausitz-wendischen Sprache. Mit besonderer Rücksicht auf das Altslawische verfasst von Professor dr. C. T. Pfuhl (Bautzen 1867, 8⁰ 124). Пфуль принималъ усердное участіе въ Časopis'ѣ Матицы лужицко-сербской, гдѣ между прочимъ онъ напечаталъ въ 1863—1864 г. о полабскихъ славянахъ: Pominki Połobjan Słowjanšćiny». Сл. также его

статью «Bemerkungen über die Sprache der Lüneburger Polaben» въ Кунъ-Шлейхеровыхъ Beiträge V, 194—204.

Упомянемъ добрымъ словомъ еще Михаила Горника (Hornik, по-нѣмецки Hornig, 1833—1894), многолѣтняго сотрудника Смоляря въ дѣлѣ національнаго возрожденія лужицкихъ сербовъ. Онъ былъ католикъ, получилъ образованіе въ Прагѣ, съ которой оставался всегда въ живыхъ сношеніяхъ, на родинѣ же, состоя приходскимъ священникомъ (съ 1871 по 1891 г.) въ Будышинѣ и подъ конецъ тамъ же каноникомъ, онъ участвовалъ усердно въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ и въ переводѣ полезныхъ книжекъ; для «Časopisa», редакторомъ котораго состоялъ съ 1868 г., онъ написалъ очень много статей относящихся къ языку и исторіи литературы лужичанъ, въ особенности старанія его сосредоточились на ороографической реформѣ, съ разсужденій о которой началась его литературная дѣятельность: Hdźe mamy ó pisać (Č. M. S. 1855). Въ 1881 г. имъ изданы: «Delnjoserbske ludowe pěsnje» а въ 1893 вышло его разсужденіе «Přitomnosć a minylosć serbskeho słowjesa». Для правильнаго употребленія верхнелужицкаго языка Горникъ вышелъ такимъ же авторитетомъ, какимъ былъ Вукъ для дунайскихъ сербовъ. Онъ перевелъ, сообща съ Лусчанскимъ «Новый Завѣтъ»: «Nowy zakoń», изданный только послѣ смерти его въ 1895 г. Подробности о немъ въ нѣмецкомъ переводѣ Исторіи слав. литер. Пыпина и Спасовича II, 406—408.

Романтическимъ филологомъ-патріотомъ у кашубовъ прослылъ Флоріанъ Цѣнова (Cejnova, Cenôva), любившій пописывать простонародныя книжечки на кашубскомъ, не всегда вѣрно переданномъ говорѣ. Въ 1850 г. вышла маленькая брошюрка: «Kile słow wó Kaszebach e jich zemi przez Wójkasena. Tudzież rzecz o języku kaszubskim ze zdania sprawy Prajsa (16⁰, 36). Въ этой брошюркѣ Lesław Lukaszewicz (о немъ см. на стр. 583) издалъ на первомъ мѣстѣ «Kile słow» Цѣновы, потомъ переводъ статьи Прейса о кашубахъ. Въ томъ же 1850 году напечатана «ve Gdąnsku» брошюрка: «Rózmowa Pólocha s Kaszebą napjisąno przez s. p. xędza Szmuka s Pucka a do dreku pódąno przez Sena Wójkwójca ze Sławószena» (16⁰ стр. 16, съ карточкой «Zemje kaszebskeje»), и «Xążeczka dlo Koszebow przez Wójkasena» (16⁰ стр. 14—нѣчто въ родѣ азбуковника). Отдѣльными нумерами выходило въ 1866—1868 гг. «Skórb Kaszébsko słovjnskjè mòvé» (вышло всего 13 нумеровъ, заключающихъ въ себѣ всего понемножечку, въ стихахъ и прозѣ, между прочимъ переводъ «na kaszébskòsłovjnskj jęzék» Пушкинской сказки о рыбакѣ и рыбкѣ (на стр. 128—132 второго выпуска). Подъ конецъ жизни (Ц. скончался въ 1880 году) онъ написалъ грамматику для этого говора: «Zarés do Grammatikj kašébsko-słovjnskjè mòvé, napjsêł é vé-

dêł dr. Florjan Cenôva, wòjkasin ze Sławòséna (W Poznaniu 1879, 8⁰ 96). Въ природѣ этого энтузіаста было много фантастичнаго, говорятъ что его сбили съ толку ухаживанія за нимъ русскихъ славяновѣдовъ. Дѣйствительно о немъ отзывался съ восторгомъ Срезневскій (Извѣстія I, 75—77), онъ напечаталъ присланный въ Академію матеріалъ (пословицы и другіе тексты) въ «Памятникахъ и образцахъ народн. языка и словесности» (Спбгъ 1852—6, стр. 93—112) и въ Матеріалахъ (т. V, стр. 257—272): «Сборникъ основныхъ словъ кашубскаго нарѣчія».

Между южными славянами оригинальнымъ самоучкой филологомъ былъ Франъ Курелацъ (1811—1874), хорватъ по происхожденію изъ Военной границы, сынъ граничарскаго офицера. Онъ проходилъ школы въ Грацѣ и Загребѣ, пріѣхалъ въ 1833 г. въ Вѣну, познакомился здѣсь съ Вукомъ и потомъ съ Миклошичемъ. Знатокъ многихъ новыхъ языковъ, онъ давалъ уроки въ Вѣнѣ, переѣзжалъ также въ Пештъ и Пресбургъ. Проснувшееся національное сознаніе у южныхъ славянъ подъ различными видами (сербизмъ, иллиризмъ) внушило Курельцу мысль позаняться этнографическими разысканіями въ средѣ венгерскихъ хорватовъ. Еще передъ 1842 годомъ онъ началъ свои разъѣзды по Венгріи, продолжалъ же ихъ въ 1846—1848 годахъ. Результатомъ этихъ наблюденій и собраній народнаго творчества вышло потомъ его изданіе: «Jačke» ili Narodne pěsme prostoga i neprostoga puka hrvatskoga po župah Šoprunskoj, Mošonjskoj i Železnoj na Ugrih. Skupio Fran Kurelac» (Zagreb 1871. 8⁰ LIV. 313. IV), сочиненіе очень важное и богатое этнографическимъ содержаніемъ, хотя пѣсенный матеріалъ его не всегда чисто народный, что впрочемъ отмѣчено уже въ заглавіи. Курелацъ принадлежалъ къ числу людей, не охотно поддающихся подъ общественныя условія, оттого и не могъ нигдѣ удержаться продолжительное время. Его оригинальность вредила ему, заставивъ его страдать чуть ли не въ теченіе всей жизни. Такъ, напр., онъ получилъ около 1843 года порученіе привести въ порядокъ одну библіотеку князя Шварценберга въ Чехіи, онъ поѣхалъ въ Крумловъ, но увлекшись чтеніемъ богатыхъ сокровищъ библіотеки, забылъ о возложенной на него обязанности. Пріѣхавъ въ 1845 г. въ Прагу, и здѣсь не могъ нигдѣ пристроиться, не умѣя воспользоваться своими способностями въ интересахъ тѣхъ, кто могъ бы матеріально обезпечить его. Напр., редакція журнала «Květy» хотѣла получить отъ него обозрѣніе иллирской литературы, которое онъ могъ бы великолѣпно написать, но и этого не сдѣлалъ. Разъѣзжая въ 1847 г. по Венгріи, онъ попалъ въ тюрьму и былъ въ опасности быть казненнымъ. Въ 1848 году онъ писалъ прокламаціи противъ мадьяръ въ духѣ

австрійско-хорватскомъ, распространяя ихъ между венгерскими національностями на разныхъ языкахъ. Тогдашнее австро-хорватское правительство шло ему навстрѣчу, и въ 1849 году онъ получилъ наконецъ мѣсто преподавателя хорватскаго языка въ гимназіи на Рѣкѣ (Фіуме). Дѣятельность его здѣсь была очень плодотворной, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ распространенія національнаго сознанія въ цѣлой приморской области, приписываемаго единогласно его вліянію. Но онъ не могъ долго оставаться и на Рѣкѣ (Фіуме). Когда бывшая до тѣхъ поръ хорватская гимназія была переустроена въ нѣмецко-итальянскую (1853), начальство не могло выносить славянскаго патріотизма Курельца. Рѣчь, составленная имъ «O preporodu slovinske knjige na jugu» и произнесенная на актѣ юношею седьмого класса, сломала преподавателю шею, онъ былъ уволенъ отъ службы. Началось опять новое бѣдствованіе. Патріоты хорватскаго приморья и другихъ странъ поддерживали его обездоленнаго, одинокаго, не умѣвшаго правильнымъ литературнымъ заработкомъ обезпечить себѣ существованіе. Съ тѣхъ поръ онъ блуждалъ изъ мѣста въ мѣсто, останавливаясь то въ Фіуме, то въ Дьяковѣ, то въ Загребѣ, гдѣ и скончался въ 1874 году.

Курелацъ былъ въ высшей степени оригинальная личность, онъ поражалъ не только необыкновеннымъ образомъ своей жизни, а также своими сочиненіями. Его можно бы въ нѣкоторомъ отношеніи сравнивать съ Досиѳеемъ Обрадовичемъ, только дѣятельность его была чисто филологической въ характерѣ средневѣковыхъ гуманистовъ. Онъ увлекался всѣми славянскими языками и литературами, любилъ наблюдать за бытовыми особенностями своего народа, а равно и углубляться также въ изученіе древнихъ памятниковъ далматинско-дубровницкой письменности, въ которыхъ привлекали его главнымъ образомъ языкъ и фразеологія. Эта наклонность къ старинѣ, въ которой онъ находилъ больше самобытности, чѣмъ въ новомъ, культурнымъ вліяніемъ то итальянскаго, то нѣмецкаго языка испорченномъ стилѣ, заставила его свои сочиненія писать языкомъ полнымъ архаизмовъ, но богатымъ превосходными, оригинальными оборотами. Такъ, напр., въ склоненіи онъ отстаивалъ съ фанатизмомъ древнюю форму род. пад. мн. ч., въ родѣ *рйб*, *жён* (вм. *рйба̑*, *жёна̑*), а такъ какъ загребская грамматика въ этомъ падежѣ въ концѣ прибавляла еще согласную *х*, ярость Курельца противъ «ахавцевъ» не знала предѣловъ. Архаизмы его проявлялись также въ подборѣ словъ: онъ, напр., давалъ предпочтеніе слову «*dažd*» (дождикъ) передъ «*kiša*», слову «*tjedan*» передъ «*nedjelja*» и т. д. И въ орѳографіи онъ придерживался принципа крайней этимологичности, писалъ напр. *čto* (вм. *što*), *kdě* (вм. *gdje*), *vsega* (вм. *svega*); старался избѣгать выраженія будущаго времени

съ вспомогательнымъ глаголомъ *ću*, недолюбливалъ слишкомъ частаго употребленія союза *da*, въ спряженіи хотѣлъ возстановить 1-ое лицо глаголовъ на *-u* (вм. *-am*, *-em -im*), а также двойственное число. Уклоняясь этимъ чудачествомъ отъ столь важнаго и необходимаго единства въ литературномъ языкѣ хорватовъ съ сербами, онъ ссылался на общность интересовъ съ прочими славянскими языками, въ особенности съ словенскимъ. Но эта любовь къ старинѣ увлекала его положительно слишкомъ далеко. Бывшіе его приверженцы (Рачки, Дежманъ, Вончина, Пацелъ и др.) всѣ мало-по-малу отвернулись отъ него, хотя вообще стойкость его высоко цѣнили. Нападки его на загребскую школу «ахавцевъ» напоминаютъ отчасти отношеніе сербскихъ консерваторовъ къ Вуку. Впервые онъ обрушился на Загребъ и его литературныхъ предводителей въ статьѣ, напечатанной въ 1852 году въ Рѣкѣ (въ отчетѣ гимназіи за этотъ годъ): «Greške hrvatskih pisac glede sklonovanja, osobito 2 padeža množine», въ которой большая часть обвиненій основательна. Сильнѣе обозначена его особая точка зрѣнія въ книжкѣ, изданной въ 1860 году въ Карловцѣ: «Recimo koju»; здѣсь восхваляются словенцы, порицаются ближайшіе земляки, все изъ-за злополучнаго окончанія *ah* въ род. пад. мн. ч. Объ отношеніяхъ хорватовъ къ сербамъ говорится очень разумно, рисуется также положеніе прочихъ славянъ, говорится объ ороографіи, объ архаизмахъ и т. д.

Полемика Курельца противъ одного окончанія *ah* могла бы имѣть успѣхъ, еслибъ онъ этимъ ограничился, но онъ требовалъ бо̀льшаго: идеальнаго языка, заключающаго въ себѣ помѣсь старины съ новыми данными. Онъ желалъ южно-славянскаго литературнаго объединенія (о болгарахъ, кажется, мало и думалъ, а только о хорватахъ, сербахъ и словенцахъ), которое отражалось бы прежде всего въ единствѣ языка. Такимъ же по его мнѣнію не могъ быть языкъ Вука, потому что онъ исключительно сербскій, не могъ быть также языкъ Гая, «er je u jeziku njegovih učenikov ahavačkih toliko němčarije, da im bez němačkoga jezika ne možeš knjig ni razuměti» (стр. 144). Онъ не былъ доволенъ и своимъ языкомъ, потому что въ немъ не находилось достаточно примѣси словенской. Итакъ для органа южно-славянскаго литературнаго единства даже его языкъ, по его же словамъ, не годился! О книжкѣ «Recimo koju» я написалъ въ газетѣ «Narodne Novine» 1860 г. № 216—222 неоконченный, если не ошибаюсь, отзывъ. Но этой пробѣ юношескаго пера предшествовала уже моя статейка въ той же газетѣ за 1859 г. № 37—39, подъ заглавіемъ: «Quomodo scribamus nos», гдѣ я тогда еще считалъ правильнымъ защищать загребское -ah!

Въ 1861 году Курелацъ напечаталъ изъ любви къ старинному языку

поэтическую обработку псалтыри поэта Симеона Будинича: «Psalmi Davidovi složeni na slovinjski jazik po Šimunu Budineu popu Zadraninu». Въ приложеніи еще «Pěsma o muci Gospodinovoj od Iva Tomka Mrnavića» съ литературнымъ введеніемъ (Na Rěci 1861). Въ 1862 г. вышла его книжка «Fluminensia ili koječega na Rěci» (u Zagrebu 1862)—собранныя его рѣчи, переводы, стихи, полит.прокламаціи, перепечатка вышеупомянутой статьи противъ «ahavcev». Прекрасное доказательство его глубокаго познанія хорватскаго языка имѣется въ небольшого объема монографіи (1867 г.): «Imena vlastita i splošna domaćih životin u Hrvatov, a ponekle i Srbalj. S priměthami». Умѣніе же его переводить оригинально явствуетъ изъ его книжечки 1868 года: «Stope Hristove» (переводъ извѣстнаго латинскаго сочиненія «De imitatione Christi»). Курелацъ напоминалъ средневѣковаго гуманиста своей наклонностью къ литературнымъ произведеніямъ, которыя можно назвать erotica. Онъ дѣйствительно напечаталъ въ эти годы (1866—8) въ Загребѣ подъ заглавіемъ «Runje i pahuljice. Pěsni ponajviše dubrovačke» собраніе текстовъ далмат.-дубровницкой эротической литературы, даже съ однимъ не ко всѣмъ экземплярамъ сдѣланнымъ прибавленіемъ. Наконецъ желая дать стилистамъ и писателямъ возможность справиться въ хорошей передачѣ съ многими навязывавшимися чужеязычными оборотами, онъ пустилъ въ ходъ рядъ статей стилистическаго и семасіологическаго содержанія въ академическомъ Rad-ѣ (въ томахъ 3. 9. 12. 15. 16. 20. 21. 24 и 25). Біографію Курельца написалъ А. Веберъ въ XXIX кн. Rad-а: «Vjekopis Franje Kurelca».

Настоящимъ представителемъ загребской школы филологовъ, противъ которой столь страстно возставалъ Курелацъ, послѣ Бабукича и А. Мажуранича былъ Адольфъ Веберъ, съ литературнымъ прозвищемъ Ткальчевичъ (1825—1889). Воспитанникъ классической филологіи, онъ принадлежалъ къ числу обожателей латинскаго синтаксиса, преимущества строгой правильности котораго (напр. въ consecutio temporum) онъ хотѣлъ внести также въ синтаксисъ хорватскаго (иллирскаго) языка. Не отличаясь глубокимъ филологическимъ познаніемъ славянскихъ языковъ — въ числѣ ихъ онъ предпочиталъ языкъ польскій, съ котораго любилъ и переводить, даже въ стихахъ—онъ все-таки владѣлъ здравымъ смысломъ для правильности стилистической, хотя въ употребленіи формъ и ороографіи придерживался консервативнаго направленія, но не въ духѣ Курельца, а загребскаго иллиризма. Его «Skladnja ilirskoga jezika» вышла въ 1859 году и долгое время была учебникомъ для среднихъ школъ. Къ синтаксису онъ еще писалъ въ Rad-ѣ кн. II объ употребленіи временъ, въ кн. XIV о прилагательномъ, въ кн. XXII о мѣстоименіи, въ кн. XXII о глаголѣ, въ кн. XXVIII о предло-

жени — все это наблюденія надъ живымъ употребленіемъ, со стремленіемъ къ извѣстной регламентаціи языка. Въ томъ же духѣ написаны его критическіе рефераты о грамматикахъ (Будмани, Туроманъ) и о произведеніяхъ изящной литературы (о драмѣ «Мейрима» Матіи Бана, о разсказахъ Любиши). Полемизируя противъ Курельца, онъ написалъ въ 1862 году очень разумную статью «Brus jezika» и т. д. И о стихотворствѣ Веберъ устанавливалъ свои правила (въ книжкѣ Junakinja Mila, въ Rad-ѣ кн. XLI и т. д.), желая воспользоваться не только удареніемъ какъ руководящимъ принципомъ, а также количествомъ. Веберъ принадлежалъ къ числу филологовъ старой школы, мимо которыхъ проскользнула незамѣченной историческая и сравнительная грамматика. Странной прихотью онъ постановилъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, чтобы на средства его было напечатано собраніе его сочиненій въ очень ограниченномъ числѣ (кажется семи) экземпляровъ; изданіе представляетъ такимъ образомъ библіогр. рѣдкость, оно вышло въ девяти книжкахъ подъ заглавіемъ: «Djela Adolfa Vebera zagrebačkoga kanonika» (U Zagrebu 1885—1890). Содержаніе слѣдующее: I кн. автобіографія (съ портретомъ) и сочиненія беллетристическія, кн. II сочиненія беллетристическія, кн. III языковѣдѣніе (здѣсь м. пр. Brus jezika), кн. IV филологія, философія и критика (м. пр. отзывъ о Мейримѣ М. Бана), кн. V философія, критика, дидактика и политика, кн. VI — VII теологія (его проповѣди), кн. VIII различныя статьи, кн. IX описаніе путешествій.

Моложе Вебера былъ Винко Пацелъ, представитель антизагребскаго направленія (сначала приверженецъ Курельца, но съ теченіемъ времени онъ примкнулъ къ общему литературному единству, только безъ *ah*). Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ онъ издавалъ въ Рѣкѣ (Fiume) журналъ: «Jadranska vila» (1859). Въ 1860 г. вышла въ Загребѣ первая часть его грамматики: «Slovnica jezika hrvatskoga ili srbskoga. Nauka o prieslovu» (фонетика). Небольшого объема были его брошюры: «Nješto o našem glagolu» (Rieka 1862), «Još nješto o našem glagolu. Kako rabe vremena, načini, prislovi i pričešća» (Zagreb 1863) и наконецъ «Oblici književne hrvaštine» (Karlovac 1865).

Вѣрнымъ приверженцемъ идей Вука и представителемъ научнаго направленія Миклошича по сербскому языку и по славянской филологіи былъ сербъ Ђуро (Гіоргій) Даничичъ, по фамиліи отца Поповичъ (1825—1882). Онъ первый изъ молодыхъ сербовъ сумѣлъ примѣнить филологическую аргументацію въ защиту Вуковыхъ реформъ. Примкнувъ съ полнымъ убѣжденіемъ и знаніемъ дѣла къ идеямъ Вука, онъ пріобрѣлъ въ сочиненіяхъ Миклошича и дружбѣ съ нимъ острое оружіе въ пользу новаго направленія, при помощи котораго можно было разумно вести дѣло Вуково дальше. Такимъ обра-

зомъ онъ вышелъ не только надежнымъ союзникомъ Вука, но и продолжателемъ его дѣла. Даничичъ родился 4 апрѣля 1825 г. въ Новомъ Садѣ въ Венгріи, гдѣ отецъ его былъ православнымъ священникомъ, по фамиліи Поповичъ. Старшій братъ его, Милошъ Поповичъ, извѣстный редакторъ газеты бѣлградской «Видов дан», называлъ себя до конца жизни Поповичемъ, тогда какъ младшій братъ очень рано принялъ въ литературѣ прозвище Даничић. Онъ кончилъ гимназію въ Новомъ Садѣ и Пресбургѣ, университетъ же по юридическому факультету въ Пештѣ и въ Вѣнѣ, куда онъ пріѣхалъ въ 1845 году. Въ этомъ же году онъ выступилъ въ защиту Вука въ журнальчикѣ «Подунавка» (№ 50) противъ І. С. Поповича, подъ заглавіемъ «Задиркивалу». Помимо личной способности успѣхи его въ филологіи нашли поддержку въ покровительствѣ князя Михаила Обреновича, пожелавшаго изъ него сдѣлать хорошаго помощника и сотрудника Вука. Онъ, дѣйствительно, вскорѣ доказалъ, что не только лично сочувствовалъ Вуку, въ родѣ Суботича, а умѣлъ также отстаивать дѣло его аргументами научными, филологическими. Это доказательство дала напечатанная въ 1847 г. его книжка: «Рат за српски језик и правопис». На 63 страницахъ здѣсь защищалось правописаніе Вука противъ полемики Светича въ брошюрѣ «Утукъ III» (1846 г., въ Новомъ Садѣ): молодой авторъ обнаружилъ хорошія познанія въ церковно-слав. языкѣ, онъ напр. констатировалъ фактъ, что въ сербскомъ языкѣ разница окончаній *ъ* и *ь*, когда это *ь* равняется краткой *і*-гласной, потеряла всякое значеніе, такъ какъ безъ различія произносится *пост* и *гост*, *брат* и *рат*, *чест* (densus) и *част* и т. д. Эта разумная аргументація тѣмъ похвальнѣе, что Даничичъ тогда еще не могъ ссылаться на Миклошича; ему были доступны только Начала священнаго языка Ганки, Lesekörner Шафарика и Radices Миклошича. Даничичъ критиковалъ не только непослѣдовательность Светича, но и такія неточности, какъ правописаніе *serp* или *sarp* вм. *срп*, какъ *падсти* и т. д. Точно такъ разумны и другія его возраженія противъ Светича, который сталъ очень недоволенъ нотаціею, сдѣланной ему какимъ-то молокососомъ вм. самого Вука.

Даничичъ поддержалъ Вука не только этой апологіею, но также сочувственнымъ отношеніемъ къ его переводу Новаго Завѣта, въ пользу котораго онъ написалъ статью, тогда не напечатанную, а только въ 1862 г. изданную (въ газетѣ «Видов дан») см. выше на стр. 404. Но противъ нападокъ В. Лазича Даничичъ напечаталъ тогда же (въ 1848 г.) двѣ полемическія или лучше апологетическія статьи (I и II—обѣ напечатаны въ Вѣнѣ, сл. выше на стр. 403). Сродность содержанія заставляетъ насъ вспомнить изданіе Даничича: «Pripovijetke iz staroga i novog zavjeta», эта книжка сдѣлалась, благодаря образцовому языку и прекрасному изложенію предмета, очень популярной (до 1885

года она распространилась въ восьми изданіяхъ). Въ 1850 году вышла его «Мала српска граматика» (У Бечу 1850, 8⁰ 79), заключавшая въ себѣ коротенькое обозрѣніе формъ сербскаго языка съ введеніемъ, гдѣ говорится впервые точно о природѣ ударенія ̏, о нарѣчіяхъ и т. д. Быть можетъ и теперь еще изслѣдованія Даничича о сербскомъ удареніи стоятъ прочнѣе въ наукѣ, чѣмъ всѣ прочія его соображенія. Первую статью этому вопросу посвятилъ онъ въ Slavische Bibliothek Миклошича I (1851). Продолженіе выходило въ «Гласникѣ друштва србске словесности» т. VIII (1856), т. XI (1859), потомъ въ Rad-ѣ VI (1869)[1]), XIV (1871) и XX (1872), послѣдняя статья затрогиваетъ уже исторію ударенія: «Prilog za istoriju akcentuacije hrvatske ili srpske». Даничичъ построилъ всѣ свои соображенія на языкѣ и словарѣ Вука, не вдаваясь въ критику точности или распространенности собранныхъ и отмѣченныхъ данныхъ. Получилась не совсѣмъ вѣрная картина, будто бы удареніе по всей области сербскаго языка было единое, безъ малѣйшихъ отступленій. Для желательнаго единства въ литературномъ произношеніи, быть можетъ, эта точка зрѣнія Даничича была даже выгодна, но наука не можетъ ею довольствоваться, какъ это обнаружилось благодаря позднѣйшимъ изслѣдованіямъ объ удареніи. Напомнимъ еще, что Даничичъ во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ и изданіяхъ старался приводимые имъ примѣры всегда снабжать удареніемъ, насколько это было возможно. И это немалая заслуга его для упроченія единства въ удареніи и произношеніи литературнаго языка. Уже выше было сказано (стр. 407), что точное различіе между ̀ и ̏, а въ многихъ случаяхъ также обозначеніе долготы слога во второмъ изданіи словаря Вука—принадлежитъ Даничичу.

Очень знаменателенъ для тогдашняго близорукаго предразсудка венгерскихъ сербовъ тотъ фактъ, что въ 1853 г. одна ваканція въ Новосадской гимназіи была пополнена не Даничичемъ, хотя онъ былъ несомнѣнно самый способный конкуррентъ. Настолько распространено было тогда еще въ рядахъ сербской «интеллигенціи» нерасположеніе къ Вуку и его молодому побѣдоносному союзнику Даничичу. Въ честь его нужно сказать, что онъ не зналъ политики оппортунизма, а прямо высказывалъ свое научное убѣжденіе. Такъ въ 1854 г. онъ подвергъ одинъ букварь, предназначенный для сербскихъ школъ (Букваръ за србска училишта у Аустрійскомъ царству. У Бечу 1853, 8⁰ 82), обширной критикѣ, разоблачившей всѣ слабыя стороны книжки (Нови српски буквар. Рецензија Ђ. Даничића. У Бечу 1854, 8⁰ 43). Въ 1856 году Даничичъ получилъ въ Бѣлградѣ мѣсто библиотекаря и секретаря литератур-

1) Эта часть его изслѣдованій перепечатана вторично въ Загребѣ подъ заглавіемъ: Akcenti u glagola. Drugo izdanje. U Zagrebu 1896, 8⁰ 112, подъ редакціею проф. Маретича.

наго общества «Друштво србске словесности», будучи уже тогда занятъ важнымъ трудомъ по сербскому синтаксису, обширнымъ изложеніемъ науки о падежахъ. Трудъ этотъ вышелъ въ 1858 году въ одномъ томѣ, обнимающемъ 643 стр., на средства достопочтеннаго Іована Гавриловича; къ сожалѣнію продолженія не послѣдовало. Сербскій синтаксисъ Даничича кажется на первый взглядъ только богатымъ собраніемъ примѣровъ, такъ поражаетъ обиліе ихъ въ сравненіи съ небольшими объяснительными словами автора. Но если ближе приглядѣться къ сочиненію, легко убѣдиться въ стройности цѣлаго изложенія. Уже въ этомъ синтаксисѣ Даничичъ обнаружилъ очень широкое знакомство не только съ произведеніями восточной, κατ' ἐξοχήν сербской литературы, а также съ католической литературою Босніи (Дивковиħ, Посиловиħ), Славоніи, Далмаціи и Дубровника (Гундулиħ, Палмотиħ, Ђорђиħ, Добретиħ, Дошен, Канижлиħ, Релковиħ, Качиħ и т. д.). Столь обширнымъ знакомствомъ съ западной (хорватской) литературой не располагалъ въ то время ни одинъ сербъ кромѣ Даничича. Эта начитанность въ памятникахъ далматинско-дубровницкой литературы XVI—XVIII столѣтій внушила ему мысль позаняться подробнѣе анализомъ различій между двумя главными нарѣчіями Далмаціи: чакавскимъ и штокавскимъ, на которыя указывалъ еще Вукъ (сл. выше на стр. 399, 405—6). Къ тому, что Вукъ вкратцѣ изложилъ на основаніи живого чакавскаго нарѣчія, Даничичъ старался дать историческую подкладку, остановившись изъ литературныхъ памятниковъ на важнѣйшихъ, написанныхъ или напечатанныхъ по-чакавски, какъ «Пистуле» Бернардина (по изданію 1586 г.), статутъ Винодольскій, писатели Гекторовичъ и Луцичъ. Анализъ всѣхъ особенностей языка этихъ памятниковъ, сдѣланный по пріемамъ Миклошича, заслуживаетъ полнѣйшаго признанія, только хорошо сгруппированнымъ фактамъ дано невѣрное освѣщеніе тѣмъ, что и Даничичъ, по теоріи Копитара и Миклошича, внушенной еще раньше и Вуку, приноравливалъ это различіе чакавскаго и штокавскаго нарѣчія къ двумъ историческимъ племенамъ, сербскому и хорватскому, сопоставляя этотъ дуализмъ съ данными Константина Багрянороднаго. Даничичъ убѣдился позже и самъ въ невѣрной постановкѣ вопроса, приписывавшей одному византійскому писателю X-го столѣтія болѣе точныя этнографическія свѣдѣнія, чѣмъ тѣ какими располагала наука въ XIX столѣтіи. Поэтому онъ позже предпочелъ говорить о сербскомъ *или* хорватскомъ языкѣ, предоставивъ разницу нарѣчій діалектологіи, а разницу названій исторіи—пусть эти науки съ ними справятся какъ знаютъ.

Поворотъ во внутреннихъ дѣлахъ Сербіи 1858 г. (возвращеніе Обреновичей въ Бѣлградъ), содѣйствовалъ къ лучшему пониманію значенія для

сербскаго народа такихъ людей, какъ Вукъ и Даничичъ. Въ 1859 году Даничичъ получилъ каѳедру въ бѣлградской «Великой школѣ» (послѣ кончины Вукомановича). Съ этого времени онъ развивалъ большую научно-литературную дѣятельность, какъ видно изъ множества статей его, напечатанныхъ въ «Гласникѣ», потомъ изъ изданія текстовъ: «Живот св. Саве» (1860), «Живот св. Симеуна и Саве» (1865), «Никољско Јеванђеље» (1864). Но самымъ капитальнымъ трудомъ этихъ годовъ былъ его превосходный словарь, составленный на основаніи памятниковъ древне-сербской письменности и грамотъ: «Рјечник из књижевних старина српских» (1863—1864) въ трехъ томахъ. Словарь вышелъ на средства князя Михаила и княгини Юліи (природной венгерки), которой онъ былъ учителемъ сербскаго языка. Припомнимъ еще, что Даничичъ передѣлалъ свою книжечку «Мала српска граматика» въ «Облици српскога језика» (первое изданіе въ 1863 году) и въ этомъ видѣ эта книжка печаталась, съ небольшими измѣненіями, много разъ кирилловскимъ и латинскимъ шрифтомъ. Проф. А. Павичъ, написавшій въ 77 томѣ Rad-а біографическій очеркъ Даничича, указалъ еще на рефераты его о различныхъ сочиненіяхъ, печатавшіеся въ газетахъ «Србске новине» и «Видов дан», объ изданіи которыхъ въ видѣ собранія сочиненій Даничича къ сожалѣнію и до сихъ поръ никто не позаботился, а между тѣмъ не было бы во вредъ сербской филологической наукѣ собрать эти статьи его и нѣкоторыя другія изъ Гласника, въ особенности же его разбросанныя изслѣдованія объ удареніи и напечатать ихъ въ изданіяхъ сербской академіи. Полемика Даничича со Светичемъ, не отказавшимся нападать на Вука даже послѣ смерти его, продолжалась до 1865 года, когда Даничичъ написалъ рецензію «О Светићеву Огледалу» (въ Бѣлградѣ 1865, отд. отт. изъ газеты «Видов дан» 1865 № 28—32, 8⁰ 32).

Столкновеніе съ правительствомъ заставило Даничича въ 1865 году покинуть профессуру и временно поступить на службу въ почтовое вѣдомство. Тогда княгиня Юлія обратила на него вниманіе епископа Штросмайера, который какъ разъ въ то время исходатайствовалъ черезъ хорватскій сеймъ открытіе Югославянской Академіи въ Загребѣ. Не трудно было патріотамъ хорватскимъ, въ родѣ Штросмайера и Рачкаго, убѣдиться въ большой пользѣ, которую могло принести Академіи на первыхъ же шагахъ участіе такого хорошаго и авторитетнаго труженика какъ Даничичъ, не говоря уже объ упроченіи идеи сербо-хорватскаго культурнаго единства въ лицѣ Даничича какъ перваго секретаря Югославянской Академіи въ Загребѣ. Это избраніе дѣйствительно состоялось въ 1866 году, окончательное утвержденіе въ 1867 г. Принявъ съ самаго начала дѣятельное участіе въ организаціи юго-славянской Ака-

деміи — еще до прибытія Даничича въ Загребъ — я могу засвидѣтельствовать, что Даничичу принадлежитъ идея и названіе изданія «Rad», Рачкому идея изданія «Starine» и «Monumenta historica», мнѣ же идея изданія «Stari pisci hrvatski». Такъ мы дѣйствовали рука объ руку. Даничичъ взялъ съ самаго начала въ свои руки подготовительныя работы для «историческаго словаря хорватскаго или сербскаго языка». И мать Даничича, умная женщина, перебралась съ нимъ въ Загребъ, гдѣ они жили очень удобно, въ полномъ удовольствіи. Даничичъ работалъ неутомимо. Въ тѣ годы онъ былъ совсѣмъ поглощенъ переводомъ Ветхаго Завѣта на сербскій языкъ для англійскаго Библейскаго Общества, въ дополненіе къ переводу Новаго Завѣта, сдѣланному Вукомъ. Пятокнижіе Моисеево вышло въ 1866 г., вторая часть (до Псалтыри и Пророковъ) въ 1867 г., полная библія (Свето Писмо) въ 1869 г.; текстъ печатался одновременно въ двухъ изданіяхъ: кирилловскимъ и латинскимъ шрифтами.

Конечно и въ Rad-ѣ и въ изданіи «Starine» Даничичъ принималъ съ самаго начала живое участіе. Будучи большимъ поклонникомъ не только Миклошича, но также Шлейхера, онъ напечаталъ совсѣмъ въ духѣ Шлейхеровскихъ попытокъ классификаціи славянскихъ языковъ въ I кн. Rad-а (1867) статью: «ć đ u istoriji slovenskih jezika». Она заслуживаетъ большого вниманія, хотя классификаціи на основаніи одного только признака обыкновенно не удаются. Въ связи съ этой статьею по содержанію находится его лекція: «Диоба словенских језика», напечатанная въ газетѣ «Видов дан» 1874, № 192 и 193 (и отдѣльно). Я помню до сихъ поръ радость Даничича, что попытка его встрѣтила сочувственный и одобрительный отзывъ Шлейхера. Важны были его описанія и извлеченія изъ рукописи Болонской, такъ называемаго сборника Хваля (въ «Starine» кн. III и IV). Изъ этого сборника онъ списалъ еще полный текстъ псалтыри, собственноручный списокъ его находится теперь въ библіотекѣ юго-славянской академіи въ Загребѣ; Валявецъ воспользовался имъ въ своемъ изслѣдованіи о славянскомъ переводѣ псалтыри, не узнавъ однако, что онъ сдѣланъ изъ Болонской псалтыри. Въ своихъ отзывахъ Даничичъ не всегда былъ довольно объективенъ, онъ забывалъ иногда правило «distingue tempora»; такъ напр., отзывъ его (въ Starine кн. I) о Константинѣ грамматикѣ или (въ XVI кн. Rad-а) о грамматикѣ Крижанича — положительно несправедливы. Даничичъ недолюбливалъ русскихъ славянофиловъ за ихъ, какъ ему казалось, навязчивость и постоянныя вмѣшательства въ домашнія дѣла отдѣльныхъ славянскихъ племенъ. Поэтому и его отзывы о такихъ неудавшихся изданіяхъ, какъ объ изданіи древне-сербскихъ пословицъ Гильфердинга, вышли безпощадными (въ XII кн. Rad-а); онъ самъ

рѣшился переиздать тѣ же пословицы въ 1871 г. въ Загребѣ. Но хорошіе русскіе труды, относившіеся къ Сербіи, нашли въ немъ справедливаго цѣнителя. Онъ самъ даже перевелъ историческую часть изслѣдованія А. Майкова о сербскомъ языкѣ по-сербски: «Исторія србскога народа написао А. Майковъ» (У Београду 1858, 8⁰ 517, съ картой и 4 таблицами изображеній сербскихъ властителей, чего въ русскомъ подлинникѣ не имѣется). Переводъ Даничича вышелъ вторымъ изданіемъ въ 1876 г., съ указаніемъ имени переводчика: «Историја српскога народа написао А. Мајков, с рускога превео Ђ. Даничић. Друго издање». (У Београду 1876, 8⁰ 347).

Даничичъ оставался на этотъ разъ въ Загребѣ съ 1866 по 1873 годъ. Только что прибывъ въ Загребъ, онъ издалъ здѣсь съ напечатаннымъ въ Загребѣ заглавнымъ листомъ (все прочее было отпечатано еще въ Бѣлградѣ): «Животи краљева и архиепископа српских, написао архиепископ Данило и други» (у Загребу 1866 г.). Тяжелое положеніе дѣлъ въ Хорватіи, преслѣдованіе членовъ юго-славянской академіи, опала Штросмайера и Рачкаго въ глазахъ мадьярскаго и ему подчиненнаго хорватскаго правительства, наконецъ и желаніе матери — заставили его отозваться на приглашеніе сербскаго правительства и занять каѳедру славянской филологіи въ Бѣлградѣ. Съ 1873 по 1877 годъ онъ преподавалъ свою науку въ Бѣлградѣ съ большимъ успѣхомъ. Но продолжительное пребываніе его въ центрѣ культурной работы западной части двухъименнаго, въ сущности единственнаго народа, хорватовъ въ Загребѣ, не осталось безъ очень благотворныхъ послѣдствій для Даничича: оно расширило его кругозоръ, познакомило его лучше, чѣмъ то возможно было въ Бѣлградѣ, съ плодами средневѣковой литературной дѣятельности въ Дубровникѣ, Далмаціи, Славоніи, Босніи и въ Хорватіи съ ея кайкавской литературой. Онъ убѣдился въ невозможности, при столь живыхъ свидѣтельствахъ національнаго взаимодѣйствія, существовавшаго много столѣтій, отрицать работу столѣтій въ угоду предвзятой теоріи и строить китайскую стѣну между сербами и хорватами, каковая выходила бы по смыслу его статьи въ IX томѣ «Гласника». Теперешнее его убѣжденіе заключалось въ томъ, что существованіе различныхъ нарѣчій и говоровъ не укладывается въ рамку дуализма и что результатъ исторической жизни сербовъ и хорватовъ лучше всего можетъ согласоваться съ потребностями времени, если признать полное равенство этихъ двухъ именъ.

Первымъ плодомъ расширеннаго кругозора Даничича вышла въ 1874 г. «Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека» (у Биограду, 8⁰ 398). Уже тогда, когда появилось это очень важное сочиненіе (я получалъ отъ него по листамъ еще до выхода въ свѣтъ полнаго

сочиненія), мнѣ казалось цѣлесообразнымъ возстать противъ механически изъ сравнительной грамматики извлеченныхъ очень проблематичныхъ формъ склоненій и спряженій праязыка, такъ какъ онѣ мнѣ казались для даннаго случая вовсе не нужными, лучше было бы оставаться въ предѣлахъ исторически сложившихся формъ славянскихъ, заключающихъ въ себѣ достаточное объясненіе для спеціальнаго сербско-хорватскаго обособленія (сл. мой рефератъ въ «Narodne Novine» 1874 г., № 190, 191, 194, 195, 197, 207, 226). Къ сожалѣнію Даничичъ былъ настолько очарованъ Шлейхеровскими «урформами», что возраженія мои нисколько не подѣйствовали на него; онъ продолжалъ и въ слѣдующихъ своихъ трудахъ какъ «Основе српскога или хрватскога језика» (Биоград 1876) и «Korijeni s riječima od njih postalijem u hrvatskom ili srpskom jeziku» (Загреб 1877), свое прежнее очень неудачное этимологизированіе, прибѣгая къ санскритскимъ корнямъ съ самымъ широкимъ значеніемъ, изъ котораго можно выводить все что угодно. Странно, что онъ самъ не чувствовалъ неудовлетворительности подобнаго объясненія, на дѣлѣ ничего не объяснявшаго. Не желая лично огорчать хорошаго друга, я попросилъ профессора Брикнера (въ Archiv f. sl. Phil. III) подвергнуть методъ Даничича критикѣ, но и ему не удалось отвратить Даничича отъ заблужденія, продолжавшагося къ сожалѣнію также въ академическомъ словарѣ. Отвѣтъ Даничича, довольно рѣзкій, на критику вышелъ въ брошюрѣ 1878 г. въ Загребѣ: «An meinen jüngsten Rezensenten». Справедливость требуетъ сказать, что эти висящія въ воздухѣ этимологіи не повредили много остальному содержанію его трудовъ. Группировка основъ и корней сербскаго языка, правда, должна была подчиниться произвольно извнѣ накинутымъ типамъ, но хорошіе указатели облегчаютъ отыскиваніе желаннаго матеріала. Въ словарѣ же прямо можно и не обращать вниманія на этимологическія толкованія.

Для историческаго словаря сербско-хорватскаго языка, какъ уже сказано, Академія начала собирать матеріалъ съ самаго начала ея существованія (съ 1867 года); первая сортировка собраннаго до тѣхъ поръ матеріала сдѣлана въ 1871 году, въ послѣдній годъ моего совмѣстнаго съ Даничичемъ пребыванія въ Загребѣ. Отъѣздомъ и его изъ Загреба въ 1873 г. Академія очутилась въ затруднительномъ положеніи, кому поручить дальнѣйшее веденіе дѣла. Но случай позаботился объ этомъ: года четыре спустя, когда началась русско-турецкая война, Даничичъ не имѣя возможности въ Бѣлградѣ спокойно предаваться наукѣ, переѣхалъ опять, съ позволенія сербскаго правительства, въ Загребъ и теперь приступилъ къ редакціи словаря. Въ 1878 г. вышелъ для пробы «Ogled», разосланный во всѣ стороны для

обсужденія. Я не желалъ дѣлать никакихъ замѣчаній, наученный опытомъ, что моему другу возраженія непріятны, но я чувствовалъ уже тогда, что программа Даничича относительно новаго періода въ исторіи серско-хорватскаго языка слишкомъ узкая. Тогда какъ онъ принималъ въ соображеніе изъ прежнихъ столѣтій всѣхъ писателей, не разбирая ихъ стилистическаго достоинства, начиная съ возрожденія въ XIX столѣтіи выборка писателей, изъ которыхъ пришлось почерпать лексикальный матеріалъ, была черезъ чуръ ограничена, въ особенности исключены были почти всѣ писатели иллирскаго возрожденія. Подобнаго рода исключительность въ историческомъ словарѣ не оправдывается. Редакцію незабвенный Даничичъ велъ энергически, на недѣли и мѣсяцы впередъ у него было намѣчено, сколько онъ долженъ въ опредѣленный срокъ сдѣлать. Эта работа надломила его физическія силы, онъ сталъ жертвой любимаго дѣла, словаря. Въ 1882 году 16 ноября онъ скончался, такъ сказать сидя за работой. Онъ успѣлъ издать цѣлый первый томъ, 60 листовъ большого lexicon-формата, и прекратилъ работу на словѣ čobo, на 56-ой страницѣ II тома. Изданная часть словаря свидѣтельствуетъ о большой добросовѣстности редактора, но онъ положилъ слишкомъ широкое основаніе труду, напр., одна частица *а* занимаетъ въ словарѣ 26 страницъ. Поэтому замѣнившій его третій редакторъ, Петръ Будмани — промежуточнымъ вторымъ былъ Валявецъ — поступилъ очень разумно сокративъ значительно размѣры изложенія. О неудачныхъ этимологіяхъ, внесенныхъ несмотря на предостереженіе, также въ словарь, была уже рѣчь. Какая напр., польза отъ такихъ этимологій, какъ подъ словомъ *bȍg*: «od korijena *bhag* davati» или подъ словомъ *bȍs*: «od korijena *bhas* svijetliti se», подъ *bráda:* «od korijena *bhardh* dizati se», подъ словомъ *bȍsti*: «od korijena *bhadh* kopati» и т. д.?

О Даничичѣ писалось много, сл. напр. статью Бошковича въ календарѣ «Орао» за 1876 г.; перечень его сочиненій въ «Коро београдско» 1889 г. № 23 (отъ Пер. Джорджевича), обстоятельную біографію представили Ст. Новаковичъ и А. Павичъ; сл. также Ђ. Магарашевича сообщеніе «Ђура Даничић» въ Летописѣ Мат. серб. 1885 г. кн. 142—143.

Современникомъ и другомъ Даничича, только безъ равной филологической сосредоточенности, и вообще тоже поклонникомъ Миклошича, былъ Іованъ Бошковичъ (1834—1892), родомъ изъ Новаго Сада, какъ и Даничичъ. Хотя онъ въ вѣнскомъ университетѣ поступилъ на юридическій факультетъ, но по тогдашнему похвальному обычаю слушалъ также лекціи Миклошича, сдѣлавшись его горячимъ приверженцемъ. Въ Вѣнѣ онъ сблизился конечно и съ Вукомъ и его семействомъ, пользовался также покровительствомъ

князя Михаила Обреновича. Не окончивъ юридическихъ наукъ, онъ покинулъ въ 1860 г. Вѣну и поступилъ на службу въ Бѣлградѣ въ учителя гимназіи. Въ 1865 г., во время столкновенія, удалившаго Даничича съ каѳедры въ Великой школѣ, Бошковичь былъ назначенъ его преемникомъ, съ 1865 по 1871 г., когда и его уволили. Возвратившись домой въ Новый Садъ, онъ сдѣлался теперь въ Матицѣ Сербской редакторомъ «Летописа», но еще усерднѣе занимался политикой, пока въ 1875 г. опять попалъ въ Бѣлградъ на должность библіотекаря, а когда Даничичь вторично уѣхалъ въ Загребъ, Бошковичъ опять занялъ его мѣсто въ качествѣ профессора славянской филологіи въ Великой школѣ. Въ 1883 г. онъ былъ выбранъ въ секретари «Ученаго Друштва», гдѣ онъ очень усердствовалъ въ исполненіи своихъ обязанностей, между прочимъ и той, что защищалъ независимость Друштва противъ правительства, когда съ учрежденіемъ Академіи «Учено Друштво» было въ опалѣ. Въ 1892 году онъ вошелъ въ министерство какъ министръ народнаго просвѣщенія, но вскорѣ скончался, не осуществивъ ни одного изъ многихъ своихъ хорошихъ плановъ (преобразованіе средне-учебныхъ заведеній, переустройство Великой школы въ университетъ, и т. д.). Часть его разбросанныхъ статей издана при его жизни въ двухъ книжкахъ какъ собраніе сочиненій: «Јована Бошковића Скупљени списи у осам свезака. Свеска I о српском језику» (1887, 8⁰. 267); «Свеска II о српском језику» (1888, 8⁰ 320). Бошковичъ перевелъ въ 1857 г. на сербскій языкъ извѣстный этюдъ Штура о славянской народной поэзіи (см. стр. 521), дружбой этого восторженнаго словацкаго славянофила онъ очень дорожилъ; подробности объ этомъ разсказываются у Ђ. С. Ђорђевића въ статьѣ посвященной Бошковичу въ бѣлградскомъ «Просветномъ Гласникѣ» за 1893 г. вып. 3 (отд. отт. 4⁰ 36 страницъ). Сл. также отзывы о его заслугахъ въ Летописѣ Матицы сербской кн. 177. По сербской грамматикѣ онъ написалъ въ 1863—1864 г. «Извод из српске граматике» (главнымъ образомъ по сочиненіямъ Даничича), въ двухъ выпускахъ; книжка была долгое время въ сербскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ въ употребленіи какъ учебникъ, она перепечатывалась въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Помимо собранія его сочиненій (которыя по его плану должны бы обнимать восемь книжекъ, вышли же только двѣ) онъ любилъ произносить и потомъ печатать торжественныя рѣчи, напр. онъ напечаталъ надгробную рѣчь Ђ. Даничићу (еще разъ о немъ въ Гласникѣ кн. 70, 1889 г.), отзывъ о значеніи М. Бана (въ Гласникѣ кн. 65), торжественную рѣчь о Вукѣ (1888 г.); наконецъ въ Летописѣ 1892 (кн. 170—171) и 1895 (кн. 182) напечатаны его «Писма о књижевности српској и хрватској», очень толково написанныя, хотя и здѣсь больше рѣчь идетъ объ исторіи языка, чѣмъ о литературѣ. Же-

ланіе расширить кругозоръ сербской интеллигенціи въ области домашней сербско-хорватской литературы побудило его вспомнить давнишнее желаніе Вука: въ 1890 году онъ издалъ сербскимъ кирилловскимъ письмомъ Гундуличева Османа (у Земуну), съ хорошимъ историко-литературнымъ введеніемъ, но этотъ примѣръ пока не нашелъ подражателей. Не удалась ему и попытка переиздать словарь Вука съ дополненіями. Подъ его редакціею вышелъ только одинъ выпускъ, въ Бѣлградѣ 1892 г., 8⁰ XXX. 256 (до слова зи̑ва̑ње), и на этой попыткѣ переправленнаго Вука дѣло прекратилось.

ГЛАВА XXVII.

Друзья и ученики Миклошича въ австрійскихъ провинціяхъ: между словенцами, хорватами, сербами и галичанами. Старшіе польскіе грамматики.

Въ продолженіе трехъ съ половиной десятилѣтій Миклошичъ занималъ въ вѣнскомъ университетѣ каѳедру славянской филологіи, центръ которой составляли лекціи по грамматикѣ церковно-славянскаго и прочихъ славянскихъ языковъ вмѣстѣ съ характеристикой народной поэзіи, преимущественно южныхъ славянъ. Изъ школы его вышло большое число преподавателей средне-учебныхъ заведеній въ разныхъ провинціяхъ Австріи, главнымъ образомъ у южныхъ славянъ (словенцевъ, хорватовъ и сербовъ) и въ Галиціи (у галицкихъ малорусовъ). Нѣкоторые изъ нихъ ознаменовали себя полезными трудами въ грамматической литературѣ по отдѣльнымъ славянскимъ нарѣчіямъ. Между словенцами видное мѣсто занималъ какъ ученикъ Миклошича Матія Валявецъ (1831—1897), бывшій студентомъ по славянской и классической филологіи въ Вѣнѣ между 1851 и 1855 гг., потомъ же получилъ мѣсто учителя гимназіи въ Вараждинѣ (до 1876 г.) и въ Загребѣ (съ 1876 по 1891, въ этомъ году вышелъ въ отставку). Валявецъ извѣстенъ въ родной словенской литературѣ своими поэзіями (оригинальными и переводами), о значеніи которыхъ достаточно сослаться на отзывы его соотечественниковъ, Марна — въ 30 выпускѣ «Jezičnik'a», Лѣвца въ «Knezova Knjižnica» II zvezek (V Ljubljani 1895) и проф. Мусича въ «Ljetopis jugoslavenske akademije» (Zagreb 1897). Для насъ здѣсь важнѣе указать на его усердіе въ собираніи матеріаловъ народнаго творчества, въ особенности простонародныхъ сказокъ. Много ихъ вышло разбросанными по различнымъ словенскимъ повременнымъ изданіямъ (перечень, не знаю полный ли, указанъ у Лѣвца на стр. 203), между прочимъ въ Slavische Bibliothek Миклошича II (Chorvatisch-slovenische Märchen aus der Umgegend von Warasdin,

стр. 151—170), отдѣльной же книжкой вышелъ самый богатый матеріалъ въ: «Narodne pripoviedke, skupio u i oko Varaždina Matija Kračmanov Valjavec» (U Varaždinu 1858, 8⁰ X. 320), вторымъ изданіемъ (U Zagrebu 1890), съ перемѣною только заглавія: «Narodne pripovjesti u Varaždinu i okolici skupio Matija Kračmanov Valjavec». Въ «Izviestje Kr. realne i velike gimnazije u Varaždinu 1874/5» (U Zagrebu 1875) напечатаны имъ «Narodne pripoviesti iz susjedne Varaždinu Štajerske». Слѣдовало бы собрать и издать также все прочее, Валявцемъ напечатанное въ различныхъ журналахъ, насколько оно относится къ фольклору. Но усердный собиратель народнаго творчества взглянулъ на свой матеріалъ также съ точки зрѣнія діалектологической, онъ дорожилъ точною передачей текстовъ—хотя тутъ, ученики снабжавшіе его матеріаломъ, могли иногда ввести его въ обманъ—и на основаніи ихъ разбиралъ особенности языка. Съ этой цѣлью онъ напечаталъ въ Letopis'ѣ Матицы словенской за 1874 и 1877 гг.: «Izgledi slovenskega jezika na Ogerskem»—матеріалъ, впрочемъ, не вполнѣ надежный. Прямо діалектологическая статья его была въ 1858 г. напечатана въ «Sechster Jahresbericht des Obergymnasiums zu Warasdin»: «Proben des Slovenischen wie es um Predvor in Oberkrain gesprochen wird» (4⁰ стр. 7—20). Къ (ново) словенскому и кайкавскому нарѣчіямъ относятся статьи объ образованіи сравнительной степени (въ Rad'ѣ кн. XXXV), «Zur Betonung im Slovenischen» (Archiv f. sl. Phil. V, 157—164), Mittheilungen aus dem Kroatischen Kajdialekte (ib. VIII, 399—409), «Veznik ada, anda» (Kres 1886, 342—351), «Kako je rabila riječca «črez» novoj slovenskoj knjizi do prije 50 godina» (Rad, кн. 75, 77, 79), и въ особенности обширное изслѣдованіе о словенскомъ удареніи, продолжавшееся въ Rad'ѣ, въ кн. 43—48, 56—57, 61, 63, 65, 67, 68, 71, 73, 74, 76, 77, 93, 94, 105, 110, 118, 119, 121, подъ общимъ заглавіемъ: «Prinos k naglasu u (novo)-slovenskom jeziku» (или «u novoj slovenštini»), въ послѣднихъ трехъ книжкахъ въ заглавіи прибавлено: «i hrvatskoj kajkavštini». Противъ этого черезчуръ обширнаго разсужденія справедливо возражалось (Мусичъ), что въ немъ не слѣдовало всѣ говоры разбирать заодно (отъ этого вышла только путаница) и что надо было наблюденія надъ живыми говорами отдѣлить отъ разысканій по книгамъ. Для подбора всѣхъ выводовъ изъ этого безконечнаго анализа авторъ самъ чувствовалъ потребность прибавить еще одно резюме, въ статьѣ: «Glavne točke u naglasu književne slovenštine» (Rad кн. 133). Къ грамматикѣ не только словенскаго, а и другихъ языковъ относятся еще статьи его: о имперфектѣ (Rad, кн. 51 и 57), объ остаткахъ оптатива въ церковно-славянскомъ языкѣ (Rad, кн. 81), о нарѣчіяхъ на ski, ske, ke, ce, ice въ кайкавскомъ нарѣчіи (Rad, кн. 101). Для

грамматическаго анализа церковно-славянскихъ памятниковъ важны его изслѣдованія о Търновскомъ Тетраевангеліи (въ «Starine» кн. 20 и 21) и о славянскомъ переводѣ Псалтыри (Rad, кн. 98—100). Наконецъ ему наука обязана изданіемъ нѣкоторыхъ важныхъ текстовъ: въ XVII томѣ «Stari pisci hrvatski» онъ напечаталъ (сообща съ Будмани) стихотворенія поэта Бараковича, онъ же принялъ участіе въ XVIII т. при изданіи сочиненій Ранины. Отдѣльными книгами вышли подъ его редакціею: «Kolunićev zbornik» (1892, 8⁰ XXVIII, 276) и «Crkvena prikazanja starohrvatska 16 i 17 vijeka» (1893, 8⁰ 341, какъ XX книга собранія «Stari pisci hrvatski»). Въ XVII кн. «Starine» онъ перепечаталъ любопытную книжечку 1555 г.: «Razgovaranje meju papistu i jednim luteranom, stumačeno po Antone Senjanine» (подъ Антономъ Сенянинолъ кроется по новѣйшимъ догадкамъ Ф. Бучара, въ «Nastavnom Vjesnik'ѣ» томъ V, истріанинъ Вергеріусъ). Валявецъ принималъ участіе еще въ редакціи академическаго словаря, гдѣ послѣ смерти Даничича ему принадлежитъ обработка словъ čuga—ćȕžiti (т. II, стр. 56 — 163). И въ Люблянскомъ журналѣ «Zvon» онъ помѣщалъ въ 1892—1895 гг. свой лексикографическій матеріалъ. Однимъ словомъ— Валявецъ принадлежалъ къ числу самыхъ трудолюбивыхъ словенско-хорватскихъ филологовъ.

Соотчичемъ Валявца и товарищемъ его въ Вѣнѣ, потомъ въ гимназіи въ Вараждинѣ и Загребѣ былъ Себастіанъ Жепичъ (1829—1883), принимавшій участіе въ словенской литературѣ, между прочимъ, лексикографическими пособіями для словенскихъ гимназій, въ Хорватіи же онъ съ любовью изучалъ языкъ дубровницкихъ писателей, какъ видно изъ его статей: «Poraba predlogah u Gundulića i Palmotića» (вышло въ отчетахъ гимназіи Вараждинской въ 1860 и 1861 годахъ (4⁰ 16—34, 3—23). Онъ приготовилъ изданіе стихотвореній Гекторовича и Луцича въ VI томѣ «Stari pisci hrvatski», а также томы VIII, X, XI вышли при его участіи, но изданія его не отличались особенной критичностью. Отзывъ о немъ написанъ проф. А. Мусичемъ въ журналѣ «Hrvatski učitelj» за 1883 г.

Несравненно даровитѣе былъ Францъ Левстикъ (1831—1887), посвятившій себя сначала духовному званію; нѣмецкій рыцарскій орденъ послалъ было его въ Оломуцъ, но его поэзіи, хотя очень невиннаго свойства (изданныя въ 1851 г.) были причиною, что орденъ исключилъ его и онъ долженъ былъ, возвратясь въ Крайну, добывать себѣ кусокъ хлѣба уроками и очень скуднымъ литературнымъ заработкомъ, пока, наконецъ, въ 1872 г. попалъ въ лицейскую библіотеку въ Люблянѣ. Оставляя въ сторонѣ его поэтическую дѣятельность (сл. у Глазера «Zgodovina slovenskega slovstva» III, 209—213), укажемъ на

хорошія и основательныя свѣдѣнія его по части словенскаго языка, которыя онъ засвидѣтельствовалъ не только критическими статьями въ родѣ: «Napake slovenskega pisanja», а также грамматикой написанной по-нѣмецки: «Die slovenische Sprache nach ihren Redetheilen behandelt von Fr. Levstik (Laibach 1866, 8⁰ VI. 144). Книжка эта, несмотря на небольшой объемъ, принадлежитъ къ лучшимъ грамматическимъ пособіямъ, она обнаруживаетъ глубокое знакомство автора съ словенскимъ языкомъ въ связи съ церковно-славянскимъ, которому Левстикъ, стоя подъ вліяніемъ теоріи Миклошича, придавалъ даже черезчуръ много значенія въ вопросѣ о необходимости дальнѣйшаго развитія словенскаго литературнаго языка. Левстикъ былъ сторонникомъ того направленія, которое чуждалось сближенія словенскаго языка съ сербско-хорватскимъ, мечталъ же онъ, напротивъ, о какой-то возможности обновленія словенскаго языка при помощи церковно-славянскаго. Грамматика его имѣетъ еще то преимущество, что снабжала всѣ примѣры удареніями. И его литературная критика, полная остроумія, но также и безпощадной рѣзкости, создала ему большую репутацію: иные называли его даже словенскимъ Лессингомъ. Собранныя сочиненія его вышли въ пяти книжкахъ: «Levstikovi zbrani spisi. Uredil Frančišek Levec» (V Ljubljani 1891—1895).

Къ старшему поколѣнію не учениковъ, а современниковъ Миклошича, изучавшихъ его ученые труды, можно причислить Орослава Цафа (1814—1873) и Ивана Навратила (1825—1896). Цафъ былъ одушевленный любитель языкознанія, онъ изучалъ всѣ славянскіе языки, занимался также сравнительной грамматикой и этимологіею по трудамъ Боппа и Потта, но будучи самоучкой не сумѣлъ сдѣлать ничего систематическаго изъ своихъ богатыхъ матеріаловъ. Жаль, что онъ не согласился въ свое время сообща съ Миклошичемъ издать словарь восточно-словенскаго нарѣчія. Кое-что имъ напечатано въ 1873—1874 гг. въ «Vestnik'ѣ», который издавалъ Терстенякъ. Божидаръ Раичъ разсказываетъ подробности объ этомъ неудачникѣ въ изданіи «Letopis Matice Slovenske za leto 1878» (III и IV вып. стр. 72—101, сл. также Letop. 1888, стр. 26—29, и Марновъ Jezičnik XXIV). Раичъ указываетъ (на стр. 95) на острую критику всѣхъ сочиненій, изданныхъ до тѣхъ поръ Миклошичемъ, которую-де написали сообща О. С. и V. Н. Несомнѣнно тутъ подразумѣвается критика, напечатанная въ Č. Č. M. 1852, I, 169—176 и II, 160—178. По разсказу Раича Цафъ дѣйствительно не былъ особенно расположенъ къ Миклошичу: судя по одному письму 1874 года (на стр. 85), онъ отказывался даже отъ теоріи Миклошича о паннонскомъ происхожденіи церковно-славянскаго языка, но преувеличивалъ значеніе нынѣшняго

болгарскаго языка. Вѣрно ли, что Цафа приглашали въ Прагу и Петербургъ (такъ говоритъ Глазеръ въ Letop. Mat. Slovenske 1888, стр. 25 въ примѣчаніи)—сказать не могу.—Иванъ Навратилъ какъ національный романтикъ занимался наблюденіемъ и описываніемъ народной жизни: подъ заглавіемъ «Slovenske národne vraže in prazne vére» выходили его статьи въ Letopis'ѣ Матицы словенской за годы 1885—1888, 1890, 1892, 1894, 1896, даже не окончено; онъ занимался также вычищеніемъ словенскаго языка, въ чемъ заслуги его очень значительны. М. пр. онъ снабдилъ словенскія хрестоматіи для среднеучебныхъ заведеній многими статьями, даже нѣкоторыя части, вышедшія подъ именемъ Миклошича, цѣликомъ составлены имъ. Въ книжкѣ посвященной памяти Копитара: «Kopitarjeva Spomenica» (1880) онъ написалъ обширную біографію Копитара (стр. 1—112), и т. д. Теоретически онъ сдѣлалъ попытку изложить природу славянскаго глагола въ: «Beitrag zum Studium des slavischen Zeitwortes aller Dialecte» (Wien 1856, 8⁰ 135), гдѣ въ особенности старался растолковать значеніе видовъ (перфективныхъ и имперфективныхъ глаголовъ), такъ какъ чутье для этой разницы какъ разъ у его соотчичей значительно пошатнулось подъ вліяніемъ нѣмецкаго языка. О Навратилѣ сл. подробнѣе въ 29 книжкѣ Марнова «Jezičnika».

Практическимъ филологомъ былъ также Матвѣй Цигале (1819—1889), написавшій много статей о словенскомъ языкѣ съ цѣлью правильнаго его употребленія въ разныхъ отрасляхъ открывавшейся наконецъ и для него публичной жизни. Въ особенности значительны его заслуги въ опредѣленіи юридической терминологіи, онъ же былъ многіе годы переводчикомъ Законовъ на словенскій языкъ. Но для славянской филологіи важнѣе всего приготовленное по данному ему порученію изданіе такъ называемаго Вольфова нѣмецко-словенскаго словаря (епископъ Вольфъ далъ только средства на покрытіе расходовъ словаря): «Deutsch-slovenisches Wörterbuch» (Laibach 1860, въ двухъ частяхъ, I стр. 1—984, II 985—2012). Въ предисловіи (стр. I—XIII) разсказываетъ Цигале подробно о бывшихъ у него пособіяхъ и о своемъ участіи въ составленіи этого словаря. Сл. Jezičnik XXVI, Glaser Zgod. slov. slovstva III, 87—90, 252—253.

Такимъ же доморощеннымъ энтузіастомъ по лингвистикѣ какъ Цафъ былъ и Божидаръ Раичъ (1827—1886), родомъ изъ восточной Штиріи (откуда и Миклошичъ); гимназію и философію онъ окончилъ въ Хорватіи, потомъ избралъ духовное званіе. Изучая богословскія науки въ Грацѣ, онъ сошелся съ прочею патріотически настроенной молодежью и подъ вліяніемъ Цафа полюбилъ занятія языкосравнительныя и, конечно, прежде всего славянскія нарѣчія съ церковно-славянскимъ языкомъ во главѣ. Въ гимназіи

Марбургской, состоя учителемъ словенскаго языка, онъ вскорѣ испыталъ невозможность ладить съ правительствомъ изъ-за своего словенскаго патріотизма и, въ 1860 г. покинувъ гимназію, перешелъ на приходъ въ восточной Штиріи, гдѣ и оставался до конца жизни. Въ молодые годы онъ примкнулъ къ иллиризму, въ 1851 г. вышелъ въ Загребѣ его «иллирскій» переводъ русской грамматики Ганки («Temelji ruskoga jezika»). Въ 1853 г. онъ напечаталъ въ альманахѣ: «Зоря. Zora jugoslovenska» довольно фантастическій «Vvod v slovnicų vseslavenskųjų» (23—44) и на «общеславянскомъ» языкѣ: «Ciril i Metod prvaja vĕroučitelja slavenskaja» (80—102). О словенскомъ языкѣ выходили его статьи въ «Novicah» и въ журналѣ «Zora» (съ 1872—1877), а также въ Archiv f. slav. Phil. I и III—нѣкоторыя изъ нихъ заслуживали бы быть воскрешенными изъ забвенія. Въ «Letopis'ѣ Matice Slovenske» онъ написалъ за годъ 1868 «Črtice o Prekmurcih i njihovem govoru» (53—76), за годъ 1869 «Prekmurski knjižniki pa knjige» (57—84). Въ изданной Матицею словенской книгѣ «Slovanstvo» (1873, 8⁰ 354), въ которой приняли участіе Майцигеръ, Плетершникъ и Раичъ (вышелъ только одинъ томъ, обнимающій южныхъ славянъ), онъ помѣстилъ статью о болгарахъ, воспользовавшись для этого богатой печатной литературой и м. п. устными данными болгарина Сукнарова (315—354). Охотно вдаваясь въ этимологическое толкованіе словъ, онъ написалъ въ Letopis'ѣ за 1878 г. вып. 1 и 2 статейку: «Staro- in novoslovenske jezikoslovne črtice» (187—191), въ приложеніи № 10 журнала «Zora» 1876 г. «Prepon *къ*» (стр. 161—168). Глазеръ разсказываетъ, что онъ приготовилъ по тетрадкамъ Цафа «Doplnek in razjasnila k Miklošičevemu slovarju», и желалъ этотъ матеріалъ издать къ семидесятилѣтней годовщинѣ Миклошича (образецъ въ Letopis'ѣ 1888, стр. 27—29), но изъ этого ничего не вышло. Въ упомянутой книжкѣ Letopisa напечаталъ обширную біографію Раича Глазеръ (стр. 1—46).

Изъ школы Миклошича, рядомъ съ изученіемъ классической филологіи, вышелъ Іосифъ Шуманъ (1836—1908), бывшій много лѣтъ преподавателемъ классическихъ языковъ въ одной вѣнской гимназіи, потомъ инспекторомъ средне-учебныхъ заведеній въ Люблянѣ. Молодые студенческіе годы мы провели вмѣстѣ съ нимъ въ Вѣнѣ какъ ученики Миклошича и Боница. Шумана тянуло къ языкосравнительнымъ изслѣдованіямъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его въ 1875 г. (въ Jahresbericht über das K. K. Akad. Gymnasium in Wien) напечатанная статья: «Die Wurzel *Spar-* in slavischen und in den verwandten Sprachen» (8—36). Придерживаясь Миклошича, онъ издалъ въ 1881 г. на словенскомъ языкѣ: «Slovenska slovnica po Miklošičevi primerjalni» (V Ljubljani 1881, 8⁰ 380) и нѣсколько лѣтъ спустя самостоятельный учебникъ:

«Slovenska slovnica za srednje šole» (V Celovcu 1884, 8⁰ VIII, 278). Для своихъ соотчичей онъ излагалъ «Starost Slovanov v Evropi» и «Staroslovansko prašanje» въ Letopis'ѣ Матицы словенской за г. 1881, для иностранной же публики написалъ «Die Slovenen» (Wien u. Teschen 1884, 8⁰ VIII, 278).

Къ числу учениковъ Миклошича изъ его второго десятилѣтія принадлежалъ Лука Зоре (1846—1906), уроженецъ Дубровника, гдѣ онъ послѣ окончанія наукъ въ Вѣнѣ (1865—1869), которыя сосредоточивались, главнымъ образомъ, на славянской филологіи, провелъ съ перерывами много лѣтъ на службѣ въ качествѣ преподавателя гимназіи (1870—1872, 1877—1879, 1880—1895), подъ конецъ онъ состоялъ директоромъ учительской школы въ Арбанасахъ (возлѣ Задра въ Далмаціи) и въ послѣдніе годы жизни довѣріе черногорскаго князя поручило ему воспитаніе младшаго сына Петра на Цетиньѣ. Зоре занимался всю жизнь вопросами сербско-хорватскаго языка и литературы; въ первомъ особенное вниманіе обращалось на лексическую сторону, какъ доказываютъ слѣдующія его статьи: «O ribanju po dubrovačkoj okolici sa dodatcima iz ostalog našeg primorja (Arkiv za povjestnizu jugoslovensku, knjiga X, 1869, 8⁰ 321—368), «Nešto o pjesmama Marka Marulića Spljećanina» (напечатано въ «программахъ» Которской гимназіи за 1875/6 и 1876/7 гг., статьи касаются въ I иностранныхъ словъ, въ II старинныхъ словъ), «Paljetkovanje» (въ «программѣ» Дубровницкой гимназіи за 1887/8 и 1888/9 гг.) опять перечень словъ съ малоизвѣстными значеніями или такихъ, отъ употребленія которыхъ онъ бы отсовѣтовалъ. Въ томъ же духѣ и направленіи подъ тѣмъ же заглавіемъ «Paļetkovańe» онъ напечаталъ въ алфавитномъ порядкѣ богатое собраніе словъ въ Rad'ѣ кн. 108, 110, 114 и 115 (отд. отт. 8⁰ стр. 130), и кн. 138, (стр. 55—69). Опять въ «Споменикѣ» сербской академіи вып. XXVI (1895) перечисляются «Дубровачке туђинке» (4⁰ 26). Итакъ Зоре не выходилъ изъ предѣловъ лексикона. Поэтому, мнѣ кажется, будутъ поцѣннѣе его изслѣдованія въ области средневѣковой дубровницкой литературы, гдѣ хорошее знакомство съ итальянскими источниками оказало ему большія услуги. Почти всѣ подобнаго содержанія статьи напечатаны въ Rad'ѣ: кн. 27 «O Jegjupci Andrije Čubranovića», кн. 39 «O kompoziciji Gundulićeva Osmana», кн. 55 «Gragja za književno-povijesnu ocjenu Gundulićeva Ljubovnika Sramežljiva», кн. 63 «Gragja za književno-povijesnu ocjenu Gundulićeve Arijadne», кн. 71 «Gragja za poznavanje eroikomične dubrovačke pjesme», кн. 94 «Alegorije u Gundulićevoj Osmanidi» и въ полемикѣ съ проф. Павичемъ въ кн. 34 «Primjetbe na rospravu Armina Pavića. Prilog k historiji dubrovačke hrvatske književnosti».

Очень усерднымъ труженикомъ въ области сербско-хорватскаго языка и

народной поэзіи былъ Лука Зима (1830—1906), происхожденіемъ словенецъ, родомъ изъ южной Штиріи, но послѣ окончанія курса университетскихъ наукъ въ Прагѣ (гдѣ онъ могъ еще слушать лекціи Г. Курціуса и Шлейхера), онъ перебрался дальше на востокъ, къ сербамъ въ Карловцы, гдѣ съ 1856 г. по 1876 г. учительствовалъ въ гимназіи, съ 1876 г. по 1891 г. продолжалъ ту же службу въ Вараждинѣ. Вышедши въ этомъ году въ отставку, онъ по желанію бывшаго своего ученика Туромана согласился временно читать лекціи по греческому языку въ Бѣлградской «Великой школѣ»—но это послѣднее его занятіе не было продолжительнымъ. Послѣ четырехъ лѣтъ не очень успѣшной дѣятельности, какъ самъ сознавался, онъ переѣхалъ обратно въ Вараждинъ, гдѣ вскорѣ скончался. Его труды касались грамматики и метрики, стилистики и синтаксиса сербско-хорватскаго языка, отчасти сравнительно съ греческимъ языкомъ. Народная поэзія, бывшая тогда у всѣхъ на первомъ планѣ, вызвала у него статью: «Сравненіе Омировыхъ епопеа са србскимъ народнимъ пѣсмама» (въ «программѣ» Карловицкой гимназіи за 1859 г.); когда я въ 1861 г. написалъ статью «Pabirci po cvieću našega narodnoga pjesničtva», мнѣ не было извѣстно о существованіи статьи Зимы; дальше: «Метрика српских народних песама упоређена с примерима из других словенских народних песама» (ib. за годы 1874 и 1875). Эту же тему онъ разбиралъ еще два раза въ Rad'ѣ: «Način naše metrike narodne obzirom na stihove drugih naroda, a osobito Slovena» (кн. 48 и 49, 1879 г.) и «I opet o metrici narodnijeh pjesama» (кн. 93, 1888 г., по поводу статьи Вольнера, напечатанной въ Archiv f. sl. Phil. IX). Къ народной поэзіи онъ подошелъ еще съ другой, т. е. стилистической стороны, въ сочиненіи: «Figure u našem narodnom pjesništvu s njihovom teorijom» (изданіе Юго-славянской академіи отдѣльной книжкой 1880, 8⁰ 335). Явленія языка и діалектологическія различія привлекали вниманіе его со стороны не звуковъ или формъ, а синтаксиса. Еще въ 1864 г. въ Карловцахъ (въ «программѣ» за 1864 г.) онъ напечаталъ: «Два одломка из србске синтаксе», а въ Вараждинѣ (въ «программѣ» гимназіи за 1878/9 г.): «Naši primjeri pogodbenih izrekah s grčkimi i latinskimi uporedo stavljeni» (8⁰ 38). Важнѣе и обширнѣе его изслѣдованіе: «Nekoje, većinom sintaktične razlike između čakavštine, kajkavštine i štokavštine», изданіе Юго-славянской академіи отдѣльной книжкой (U Zagrebu 1887, 8⁰ IV. 342). Зима писалъ много рефератовъ о сербскихъ учебникахъ и другихъ сочиненіяхъ, преимущественно въ журналѣ «Јавор». Отзывъ о немъ Мильчетича въ Ljetopis'ѣ юго-славянской академіи за 1907 г. (22 выпускъ).

Къ младшему поколѣнію представителей грамматической науки въ

области сербско-хорватскаго языка причисляемъ Броза въ Загребѣ и Перу Джорджевича (Ђорђевића) въ Бѣлградѣ. Др. Иванъ Брозъ (1852—1893) сдѣлалъ для своей кратковременной жизни очень много. Не говоря о его переводахъ изъ изящной литературы (преимущественно польской), ограничимся его трудами въ области сербско-хорватскаго языка и исторіи литературы. Въ 1885 г. онъ напечаталъ въ 76 кн. Rad'a свою докторскую диссертацію: «Prilozi za sintaksu jezika hrvatskoga I. Imperativ (стр. 1—69). Въ журналахъ «Hrvatski učitelj» и «Vienac» онъ помѣщалъ свои «filologijske sitnice» (Hrvatski učitelj 1886, № 17—21, Vienac 1889 въ 27-и нумерахъ и 1891 въ 7-и нумерахъ). Въ томъ же журналѣ «Hrvatski učitelj» за 1887—1888 годы подобраны имъ изъ сочиненій Вука и Даничича «Tugje riječi», чтобы показать, какъ надо съ ними обращаться въ языкѣ, а въ хорватскомъ синтаксисѣ Дивковича онъ разработалъ для второго изданія употребленіе падежей съ предлогами (1889, на стр. 57—85). Въ 1-й книгѣ только что основаннаго новаго тогда журнала «Nastavni vjesnik» (1892) вышла его статья: «Zamjena poluglasnima u govoru barskome» (64—68). Въ 1892 г. по порученію правительства составлено и издано имъ руководство по новой, фонетической орѳографіи, предназначенной для хорватскихъ школъ: «Hrvatski pravopis. Po određenju kr. zem. vlade, odjela za bogošlovlje i nastavu, napisao Dr. Ivan Broz» (U Zagrebu 1892, 8° VII, 131). Появленіе этой книжечки имѣетъ большое принципіальное значеніе: постановленіями ея водворялось окончательное отожествленіе и объединеніе сербскаго и хорватскаго языковъ на началахъ Вука и Даничича, особенности такъ называемой Загребской школы уступили мѣсто полному единству, за исключеніемъ, конечно, письма, которое остается двойное—кирилловское для православныхъ, латинское для католиковъ. Наконецъ неувядаемой заслуги памятникъ Брозъ воздвигъ себѣ и своему имени словаремъ, начатымъ имъ и доведеннымъ по его матеріаламъ до конца его дядею, каноникомъ загребскимъ д-ромъ Ивековичемъ. Словарь этотъ вышелъ въ двухъ томахъ: «Rječnik hrvatskoga jezika. Skupili i obradili dr. Fr. Iveković i dr. Ivan Broz» (Svezak I, A—O. U Zagrebu 1901, больш. 8° VIII, 951. Svezak II, P—Z. U Zagrebu 1901, 884); словарь принадлежитъ къ лучшимъ до сихъ поръ пособіямъ въ области хорватской или сербской лексикографіи. Между д-ромъ Ивековичемъ и мною развилась по поводу этого словаря полемика; я доказывалъ, и на этомъ стою до сихъ поръ, что одинъ-два писателя, хотя бы они занимали высокое мѣсто въ исторіи языка подобно Вуку Караджичу и Даничичу, не въ состояніи обнять все лексикальное богатство языка, поэтому и не слѣдовало въ словарѣ ограничиваться составомъ ихъ языка и содержаніемъ ихъ сочиненій. Это была слишкомъ узкая точка

зрѣнія Броза, перенесшаго нужныя условія единства съ грамматики на лексиконъ.

Для школьнаго употребленія Брозъ написалъ: «Oblici jezika staroga slovenskog s dodatkom o postanju oblika jezika hrvatskoga ili srbskoga za VII i VIII razred gimnazija» (U Zagrebu, 1889, 8⁰ 95), а какъ руководство для глаголитовъ, чтобы умѣли правильно читать новый глаголическій подъ редакціей Парчича изданный миссалъ, онъ составилъ: «Mali azbukvar za pravilno i jednolično čitanje glagoljice u novih crkvenih knjigah po hrvatskoj recenziji» (U Rimu 1894, 8⁰ 11). Переходъ съ чисто грамматическихъ предметовъ къ исторіи литературы содержатъ его два выпуска: «Crtice iz hrvatske književnosti» (Zagreb 1886, 8⁰ 167; 1888, 8⁰ 196), написанные для изданій «Матицы» хорватской. Выпускъ первый занятъ только вопросами этнико-лингвистическими, разсужденіемъ о языкѣ вообще, о языкахъ индоевропейскихъ, славянскихъ и наконецъ о хорватскомъ (или сербскомъ). Второй выпускъ посвященъ вопросу о дѣятельности славянскихъ апостоловъ, о двойномъ письмѣ, о древнѣйшихъ періодахъ глаголизма и судьбахъ глагол. литературы у хорватовъ и заканчивается литературой богомильской. «Crtice» Броза представляютъ лишь сводъ чужихъ изслѣдованій, назначенный для широкаго круга читателей. Для исторіи же литературы онъ могъ сдѣлать кое-что самостоятельное, въ особенности послѣ поѣздки въ 1890 г. въ Далмацію. Дѣйствительно, въ 1891 г. появились въ журналѣ «Vienac» его: «Pabirci po historiji književnosti hrvatske» (№ 1, 3, 51), а въ 1892 г. вышелъ къ сочиненіямъ Юнія Пальмотича (въ трехъ томахъ Stari pisci hrvatski подъ редакціею А. Павича) дополнительный томъ четвертый (Stari pisci hrvatski. Kń. XIX, 8⁰ XLIII, 44), содержащій разночтенія къ «Кристіадѣ» Пальмотича по рукописямъ, найденнымъ Брозомъ въ Дубровникѣ (одна изъ нихъ считается автографомъ поэта), и одну прежде неизданную пасторальную драму «Atalanta». Въ 1892 г. онъ помѣстилъ въ журналѣ «Nastavni vjesnik» томъ I еще нѣсколько замѣтокъ историко-литер. содержанія (на стр. 135—141, 328—9). Упомянемъ наконецъ, что Матица хорватская поручила Брозу изданіе народныхъ пѣсенъ, накопившихся въ большомъ количествѣ у нея, но онъ не успѣлъ ничего болѣе какъ начать редакцію перваго тома, поэтому и упоминается его имя на заглавномъ листѣ I-го тома: «Junačke pjesme. Knjiga prva. Uredili dr. Ivan Broz i dr. Stjepan Bosanac» (Zagreb, 1896). Біографію Броза написалъ проф. А. Мусичъ въ «Ljetopis'ѣ jugoslavenske Akademije». Deveti svezak (U Zagrebu 1894, стр. 138—169).

Усерднымъ сотрудникомъ въ области сербскаго языка былъ Пера П.

Джорджевичъ (Ђорђевић 1855—1902), воспитанникъ Бѣлградской Великой школы, усвоившій себѣ хорошій филологическій методъ наблюденія надъ языкомъ въ особенности по вопросамъ, касающимся синтаксиса. Въ 1889 г. онъ напечаталъ въ 68 и 69 кн. «Гласника» хорошее сочиненіе «Прилози за синтаксу српскога језика», первая и единственная часть котораго разбираетъ «о падежима без предлога» (Београд, 1889, 8⁰ VIII, 184). Менѣе значенія имѣетъ изданная въ 1892 «Теорија књижевности за више разреде средњих школа у краљевини Србији. 1 стилистика, 2 реторика» (8⁰ XVI, 171, при третьемъ изданіи 1901 года прибавлена еще какъ 3 поетика), но самостоятельное изслѣдованіе представляетъ напечатанная въ 53 выпускѣ «Гласа» сербской академіи монографія «О реду речи у српском језику. Приступна академијска беседа» (1896, 8⁰ 167—231). Въ двухъ важныхъ предпріятіяхъ авторъ засвидѣтельствовалъ свое усердіе и умѣніе: сообща съ проф. Л. Стояновичемъ онъ приготовилъ къ печати третье, казенное изданіе сербскаго словаря Вука Караджича, вышедшее въ 1898 году съ прибавкою на заглавіи «исправљено и умножено»; въ какомъ смыслѣ нужно понять эти слова, излагаетъ «Предговор трећем издању» на стр. XIII — XLIII. Самостоятельно онъ взялъ на себя порученіе собрать и издать грамматическія и полемическія сочиненія и статьи Вука Караджича, и эту задачу онъ исполнилъ прекраснымъ образомъ: «Скупљени граматички и полемички списи Вука Стеф. Караџића» вышли въ трехъ книжкахъ: Књига прва (Београд 1894, 8⁰ XV, 224), књига друга (Б. 1894—5, 8⁰ XI, 510), књига трећа (Б. 1896, 8⁰ 593). Превосходныя качества этого изданія состоятъ не только въ большой аккуратности въ передачѣ текста статей Вука, а также въ томъ, что къ полемическимъ статьямъ Вука всегда прибавлены и тѣ тексты, противъ которыхъ Вукъ велъ полемику. Къ сожалѣнію, въ теченіе болѣе чѣмъ десяти лѣтъ послѣ изданія третьяго тома не нашлось никого, кто докончилъ бы это прекрасное изданіе обѣщанными указателями и дополненіями. Пера Ђорђевић состоялъ нѣсколько лѣтъ предсѣдателемъ общества «Српска књижевна задруга», гдѣ онъ развивалъ очень усердную дѣятельность. Въ Archiv f. slav. Phil. XVI, 132—140 онъ написалъ хорошую статью объ одномъ сербскомъ говорѣ, о такъ называемыхъ «кановцахъ». Отзывы о немъ Любомира Іовановича въ бѣлградскомъ журналѣ «Дело» 1903, т. XXVI и М. Шрепеля въ Ljetopis'ѣ югосл. акад. вып. 17 (1903).

Изъ числа моихъ учениковъ-сербовъ обнаружилъ очень большое усердіе не столько по языку, сколько по исторіи сербской литературы въ молодыхъ годахъ скончавшійся др. Ђорђе С. Ђорђевић (1867—1899), пріѣхавшій къ намъ въ Вѣну уже послѣ служенія преподавателемъ въ одной

изъ сербскихъ гимназій. Онъ еще тогда заявилъ о себѣ переводомъ на сербскій языкъ статьи Пл. Кулаковскаго: «Лукијан Мушицки, цртица из нове српске историје књижевности од Платона Кулаковског, превео, по где где допунио и исправио Ђорђе С. Ђорђевић» (Београд 1890, 8⁰ 72). Своему учителю Іовану Бошковичу онъ посвятилъ тщательно составленную біографію въ 1893 г. (о которой была рѣчь выше на стр. 746). По матери, уроженкѣ Босніи, и единственнаго ея сына тянуло въ Боснію. Кромѣ мелочей, помѣщенныхъ въ «Босанской Вилѣ», онъ занялся біографіею оригинальной личности Симы Милутиновича, о которой мы упомянули на стр. 529. Какъ докторскую диссертацію, онъ написалъ очень добросовѣстно, съ привычной ему библіографической аккуратностью. Это была составленная имъ монографія тоже объ одномъ боснійскомъ писателѣ среднихъ вѣковъ: «Матија Дивковић. Прилог историји српске књижевности» (Београд 1896, 8⁰ 244). Молодой труженикъ участвовалъ въ комиссіи для изданія переписки Вука Караджича и въ изданіи Вукова словаря и вездѣ обнаруживалъ большую добросовѣстность въ исполненіи возложенныхъ на него порученій.

Въ поразительномъ согласіи съ грамматикой Миклошича явилась въ 1852 году одна, латинскими буквами на нѣмецкомъ языкѣ изданная, грамматика болгарскаго языка: «Grammatik der bulgarischen Sprache, von A. und D. Kyriak Cankof» (Wien 1852, 8⁰ VI, 216). Хотя эта книга написана съ практической цѣлью, все-таки научное значеніе ея для своего времени неоспоримо. Во-первыхъ, тутъ представленъ и подвергнутъ грамматическому анализу чистый народный болгарскій говоръ, безъ примѣси церковно-славянскаго яз., что для тогдашняго времени можно считать большой рѣдкостью. Во-вторыхъ, анализъ сдѣланъ на основаніи правописанія фонетическаго, напоминающаго подобнаго рода стремленія Вука и Даничича. Въ-третьихъ, болгарскіе примѣры снабжены удареніемъ. Выборъ латинскаго письма, должно быть, стоялъ въ связи съ тогдашнимъ стремленіемъ привести болгаръ къ уніи, которое не имѣло успѣха, но слѣдъ его остался въ этой грамматикѣ.

Между прочими пособіями для болгарскаго языка хвалили въ свое время грамматику Перванова (Пьрванов, Извод из българската граматика, законетѣ на българскиат іезик. Русчук 1870). Пervановъ стоялъ подъ вліяніемъ Миклошича и Даничича (бывши ученикомъ послѣдняго), отстаивалъ принципъ фонетическій, которому и М. Дриновъ въ статьѣ «За новобългарското азбуке» (см. выше на стр. 578) давалъ санкцію. Еще раньше изданія грамматики Первановъ обнаружилъ свои болѣе разумные взгляды на грамматику въ критической статьѣ: «Бележки врьхъ граматиката за новобългарскыя езыкъ отъ Ив. Н. Момчилова» (Русчукъ 1868), въ которой, разбирая

два главныхъ грамматическихъ сочиненія тогдашняго времени, книгу Іоакима Груева и Ивана Момчилова, давалъ предпочтеніе послѣдней. Оба упомянутыхъ предшественника Перванова стояли еще на болгаро-русской точкѣ зрѣнія. Груевъ издалъ въ 1889 г. «Основа за българскѫ граматикѫ» (въ Бѣлградѣ), придерживаясь, какъ ученикъ Н. Герова, строго этимологическаго правописанія на основаніи церковно-славянскаго языка русскаго типа. Момчиловъ напечаталъ свою грамматику впервые, если не ошибаюсь, въ 1868 г. въ Русчукѣ, у меня имѣется третье послѣ смерти автора напечатанное изданіе (Търново 1879, 8⁰ IV, 142). Въ предисловіи перечисляя своихъ предшественниковъ въ грамматической литературѣ (кромѣ Неофита, Хр. Павловича, Богоева и Груева, еще д-ра Мирковича и Войникова), онъ признаетъ и за ними свои заслуги, но думаетъ, что грамматика такое трудное дѣло, которое «изисква споразумѣніето на доста учены главы, които съ дълговрѣменныя си опытъ въ езыка да са разгледали добрѣ и да са придырили точно свойщинытѣ му». Онъ желалъ подвергнуть свой трудъ суду какой нибудь ученой комиссіи, за неимѣніемъ ея предложилъ свою книгу «за пригледваніе на нѣколко отъ познатнытѣ нашы учены». Но опытъ доказалъ, что этимъ путемъ дѣла плохо двигаются. Груевъ издалъ еще «Грамматика за старобългарскыя іезыкъ по сичкото му развитіе» (Віена 1865, 8⁰ 240), съ хрестоматіею (ib. 1865, 8⁰ 153), но и эта грамматика безъ научнаго значенія.

О пуризмѣ И. Богорова была рѣчь выше (на стр. 533), пристрастіе его къ чищенію болг. языка высказалось краснорѣчивѣе всего въ его «Чистобългарска Наковалня за сладкодумство» (вышло 7 нумеровъ въ Софіи, 1878 — 1879). Подобную цѣль преслѣдуетъ «Словница за изучвание народный нашъ языкъ» (1879 —1880) и «Бранильникъ». Онъ напечаталъ въ 1871—1873 г. въ Вѣнѣ «Френско - български и българско - френски рѣчникъ» (I, 8⁰ VIII. 512; II, VIII. 508). Французско-болгарская часть вышла, какъ въ заглавіи сказано, третьимъ изданіемъ въ 1884 г. (16⁰ 924); сравненіе съ предыдущимъ изданіемъ доказываетъ, что здѣсь языкъ болгарскій значительно измѣненъ и передѣланъ въ духѣ пуризма, которымъ Богоровъ отчасти напоминалъ Даля. Въ какомъ отношеніи къ этимъ двумъ изданіямъ стоятъ тѣ словари Богорова, о которыхъ упоминается у Пастернека (Bibliograph. Uebersicht über die slavische Philologie, 1876—1891, Berlin, 1892) подъ № 692—сказать не могу.

У Миклошича были свои ученики также изъ числа галицкихъ малоруссовъ, будущихъ дѣятелей въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, пока наконецъ была для нихъ учреждена каѳедра малорусскаго языка и во львовскомъ университетѣ. Такимъ былъ др. Михаилъ Осадца (1836—1865), ученикъ Миклошича

въ мои годы (съ 1856 года), потомъ учительствовавшій въ II-й гимназіи во Львовѣ, грамматика малорусскаго языка котораго была уже упомянута (на стр. 715). Она вышла первымъ изданіемъ въ 1863 году: «Граматика рускго языка», вскорѣ, т.-е. года черезъ два, понадобилось издать ее вторымъ изданіемъ, авторъ самъ приготовилъ его. Въ предисловіи ко второму изданію откровенно сказано, въ чемъ состояло желаніе автора: «Науковіи изслѣдованя (д-ра Фр. Миклосича) въ словяньскôй филологіи до рускго языка пригоровити и легко понятнымъ способомъ выложити було моимъ стараньемъ». Изъ приведенной цитаты видно, что Осадца тогда еще употреблялъ такъ называемое этимологическое правописаніе для своей грамматики, которая, впрочемъ, была очень удачно составлена по данному образцу. Въ той же формѣ этотъ, въ высшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній въ общемъ употребленіи находившійся учебникъ вышелъ также третьимъ изданіемъ подъ редакціею Онуфрія Лепкаго и Игнатія Онышкевича въ 1876 г.[1]) Осадца самъ не могъ по болѣзни даже второе изданіе своего труда значительно передѣлать въ сравненіи съ первымъ, а третье тоже осталось почти нетронутымъ. Такимъ образомъ, быстро развивавшійся ходъ малорусскаго литературнаго языка въ Галиціи, рядомъ съ разными фазисами орѳографическаго вопроса и съ исправленіями въ научной терминологіи, заставилъ русскую школьную комиссію во Львовѣ поручить Омельяну Огоновскому (1833—1894) составить новую грамматику. Порученіе сдѣлано въ 1883 году, въ 1885 же году онъ представилъ уже готовую очень обширную рукопись комиссіи на обсужденіе. По собственному признанію автора рукопись пришлось передѣлать и сократить сообразно съ новымъ учебнымъ планомъ. Итакъ, новая грамматика вышла во Львовѣ въ 1889 г.: «Граматика руского языка для школъ середнихъ, написавъ д-ръ Омелянъ Огоновскій». Сочиненіе Огоновскаго вышло 50 страницами обширнѣе книжки Осадцы, въ правописаніи оно все еще придерживалось этимологіи, большія перемѣны замѣтны въ терминологіи, многія старинныя названія, въ особенности если они совпадали съ русскими, должны были уступить мѣсто ново-придуманнымъ termini technici, напр. «самогласная» замѣнена «самозвукомъ», «согласная» — «спôвзвукомъ», «существительное» названо «именни-

1) Упомянутый Игн. Онышкевичъ (1847—1883) былъ тоже ученикомъ Миклошича, у котораго занимался славистикой рядомъ съ классической филологіею. Бывши потомъ (съ 1873 г.) нѣсколько лѣтъ учителемъ въ нѣмецкой гимназіи во Львовѣ, онъ получилъ въ 1878 г. приглашеніе занять каѳедру малорусскаго языка и литературы въ ново-открытомъ университетѣ въ Черновцахъ (въ Буковинѣ). Кромѣ участія въ изданіи грамматики Осадцы онъ написалъ два реферата для IV тома моего журнала Arch. f. sl. Phil., издавалъ также «Русскую библіотеку» (1877—1884, всего вышли три тома). Біографію Осадцы дала галицкая Зоря въ 1897 г , Онышкевича ib. въ 1894 г.

комъ», даже названія «склоненіе» и «спряженіе» избѣгались и т. д. Нужно ли было все это для процвѣтанія малорусскаго языка — это еще большой вопросъ. Впрочемъ, сочиненіе Огоновскаго, хотя во многихъ отношеніяхъ усовершенствовано, все же не вездѣ удовлетворяло, напр., какъ можно говорить о «степенованіи гласной *ъ* въ *о* при *зъвати — зову* и *сълати — посолъ* (стр. 19)? какъ можно говорить, что *е* «выкидує ся» въ *дня* по отношенію къ *день* (стр. 27)? и т. д. Довольно неодобрительный отзывъ объ этой грамматикѣ написали Смаль Стоцкій и Гартнеръ въ Zeitschrift für oesterr. Gymn. (1889, 1025—1036).

Грамматика Огоновскаго не единственный трудъ этого ученаго по малорусскому языку. Онъ принадлежалъ въ Галиціи безспорно къ усерднѣйшимъ изслѣдователямъ исторической жизни малорусскаго языка, о чемъ свидѣтельствуютъ его «Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache von dr Emil Ogonowski» (Lemberg, 1880, 8⁰ 244)—сочиненіе очень содержательное, которое могло бы сдѣлаться и лучшимъ, еслибъ авторъ не стоялъ подъ вѣчнымъ страхомъ, что его убѣжденіе о самостоятельности малорусскаго языка будетъ подвергаться критикѣ. Этотъ страхъ мѣшалъ ему безпристрастно взвѣшивать исторически сложившіеся факты языка, поэтому онъ и далеко не достигъ прекрасной научной объективности Потебни. Онъ напечаталъ кромѣ того въ краковскихъ Rozprawy т. V. wydziału filologicznego: «O przyimkach w językach starosłowieńskim, ruskim i polskim» (8⁰ 206, IV) и тамъ же т. X (стр. 30 — 93): «O ważniejszych właściwościach języka ruskiego». Въ IV томѣ Archiv f. slav. Phil. (243—272, 353—387) вышла его статья: «Einige Bemerkungen über die Sprache der altpolnischen Sophienbibel». Огоновскій слѣдилъ внимательно за явленіями филологической литературы, какъ видно изъ его отзывовъ о Миклошичевыхъ Stammbildungslehre и Wortbildungslehre (въ журналѣ Правда 1876 г., 232 — 236; 1877 г., 332—338) и объ Очеркѣ Житецкаго (ib. 1877 г., 212—221, 246—255). Къ филологической дѣятельности его относится еще хорошее изданіе Слова о полку Игоревѣ: «Слово о пълку Игоревѣ. Поетичний памятник руської письменності XII віку. Текст с перекладом и с поясненьями видав Омелян Огоновский» (У Львові 1876, 8⁰ XLIV, 138), и его двѣ хрестоматіи: «Linguae palaeoslovenicae specimina quaedam... ed. Aem. Ogonowski» (Leopoli MDCCCLXXI, 8⁰, 40) и «Хрестоматія староруска для высшихъ клясъ гимназіяльныхъ» (У Львовѣ 1881, 8⁰ 495).

Какъ почти всегда бываетъ у филологовъ, когда они берутся за обработку исторіи литературы, ихъ труды выходятъ хорошими въ біографическомъ и библіографическомъ отношеніяхъ, пожалуй даже удачными въ ана-

лизахъ содержанія выдающихся памятниковъ литературы, но не видно движенія духа и мысли, не видно отраженія общественныхъ желаній и идеаловъ, настроенія общества. Этимъ страдаетъ также «Історія литературы рускои» Огоновскаго, несмотря на ея обширность (часть I, 1887, 8⁰ XVI, 426; часть II, 1, 1889, стр. 1—352; II, 2, стр. 353—962; часть III, 1, 1891, стр. 1—696; часть III, 2, 1893, стр. 697—1332; часть IV, 1894, стр. 347). Взгляды Огоновскаго на древнюю русскую письменность, въ которой и онъ, какъ и многіе другіе малорусскіе ученые, старался отыскать ту же вполнѣ развившуюся рознь между великорусскимъ и малорусскимъ типами, которая въ новое время все ярче выступаетъ, — вызвали полемику съ Пыпинымъ (В. Евр. 1890, сентябрь, 241—274), давшую Огоновскому поводъ написать свой отвѣтъ: «Моєму критикови. Вôдповѣдь А. Пыпинови на єго статью: Особая історія русской литературы. Написавъ д-ръ Омелянъ Огоновскій» (У Львовѣ 1890, 16⁰ 47). Тѣмъ, кто такъ боится всего общерусскаго, какъ Огоновскій, трудно поладить даже съ такимъ либерально-гуманнымъ великорусскимъ ученымъ, какимъ былъ Пыпинъ. Подробности о жизни Огоновскаго, состоявшаго съ 1870 года профессоромъ малорусскаго языка и литературы (годъ передъ этимъ онъ слушалъ лекціи у Миклошича, хотя былъ уже профессоромъ классич. филологіи въ акад. гимназіи во Львовѣ) можно найти въ V томѣ «Записокъ наукового товариства імени Шевченка» (1895, стр. 1—34). Тутъ же О. Макарушка напечаталъ «Словар українських виразів, перенятих з мов турских» (1—14), почерпнутый изъ лекцій Огоновскаго, но большая часть взята изъ Миклошича.

Изъ другихъ галицкихъ ученыхъ, занимавшихся филологіею, заслуживаетъ быть упомянутымъ Евгеній Желеховскій (1844—1885), бывшій учитель гимназіи въ Станиславовѣ; ему славянская наука обязана первымъ нѣсколько болѣе полнымъ словаремъ малорусскаго языка: «Малоруско-німецкий словар» (Львів 1886, 8⁰ I—II, 1117 стр.). Авторъ не могъ самъ довести дѣло до конца; на второмъ томѣ, главнымъ образомъ по собраннымъ уже матеріаламъ, поработалъ товарищъ покойнаго Софронъ Недільский. О словарѣ отзывъ въ Р. Ф. В. 1885, № 1, 192—202. Нѣмецко-малорусскій словарь вышелъ гораздо раньше трудомъ Омельяна Партицкаго (1840—1895): «Deutsch-ruthenisches Handwörterbuch. Словаръ нѣмецко-рȣскій» (Львôвъ 1867, 8⁰ 433, 382), но въ немъ нѣтъ почти никакихъ фразъ, только голыя слова, безъ удареній; не видно, откуда слова почерпнуты, сказано только, что «питомцѣ руського сѣменица у Львовѣ» еще въ 1862 г. взялись за это дѣло и въ теченіе года дѣло сдѣлали, которое Партицкій потомъ дополнилъ и издалъ. Авторъ извѣстенъ еще и другими не то

лингвистическими, не то антикварными трудами, не внушающими большого довѣрія. Онъ писалъ статейки въ журналъ «Правду», въ «Газету Шкільную» и т. д. Отдѣльно изъ «Зори» напечаталъ въ 1883 году «Темнû мѣстця въ Словѣ о плъку Игоревѣ» (8°, 110) и въ 1884 г. текстъ Слова съ переводомъ и различными примѣчаніями: «Библіотека Зорѣ. Слово о полку Игоревômъ» (Во Львовѣ 1884, 16° 159), см. объ этихъ изданіяхъ мои замѣчанія въ Archiv f. sl. Phil. VIII, 156—160. Гораздо некритичнѣе онъ выступалъ въ области славянскихъ древностей: что̀ онъ писалъ о «Скандинавщинѣ въ давнôй Руси» (Львовъ 1887), я не знаю, но изданный въ 1894 году первый (и единственный) томъ: «Старинна історія Галичини» (У Львові 1894, 8° 372, XVI), мнѣ знакомъ. Здѣсь доказывается, что Ѳракія была прародиной славянъ, напротивъ славянство иллировъ отвергается; изъ сопоставленія ѳракійскихъ обычаевъ съ древне-славянскими выводится, что ѳракійцы дѣйствительно были славяне. Авторъ вѣрилъ между прочимъ въ подлинность Верковичевыхъ «Вѣдъ». Названіе ѳракійскаго бога «Аресъ» сопоставляется съ «Яръ», Аполлонъ производится изъ Бѣлъ, Бѣлунъ, Бѣлбогъ, мать его Лэто—это славянское лѣто, и т. д. И геты—славяне, названіе ставится въ связь съ литовскимъ getis — выгонъ, дальше съ славянскимъ «жито, пажить»; bal въ названіи Deke-balus — соотвѣтствуетъ-де славянскому «болиринъ», и т. д. Третья часть говоритъ о скиѳахъ въ томъ же духѣ и направленіи, съ большою начитанностью въ литературѣ предмета соединяется полнѣйшая некритичность въ сопоставленіи словъ и названій по внѣшнему созвучію. Коротенькій, не полный отзывъ о Партицкомъ напечатанъ въ Запискахъ общества имени Шевченка т. V, Miscellanea 5—10. Говорятъ, что Партицкій написалъ также какую-то грамматику малорусскаго языка для школъ, которой я не видалъ. О прочихъ словаряхъ малорусскаго языка (Закревскаго, Пискунова, Левченка, Шейковскаго и др.) сл. статью Грінченка: «Огляд українськоï лексикографіï», (въ Запискахъ общ. Шевченка т. LXVI, 1—30), а также статью Ивана Огієнка: «Огляд українського язикознавства» (ib. т. LXXIX—LXXX, 1907 кн. 5—6). См. еще ib. т. LXXXIX начало обширной статьи: «Студіï над галицько-українськими граматиками XIX в.».

Относительно польскаго языка вліяніе сравнительной грамматики Миклошича долгое время оставалось вовсе незамѣтнымъ. Польскіе грамматики любили углубляться въ свой языкъ безъ вниманія на прочіе славянскіе, церковно-славянскій же оставался для нихъ уже потому чуждымъ, что его считали органомъ православной церкви и ближайшею принадлежностью русскаго языка и русской народности. Янъ Неп. Дешкевичъ въ своемъ изданіи «Rozprawy o języku polskim i o jego grammatykach» (We Lwowie 1843) посвя-

тилъ третью статью грамматикѣ польской («O grammatyce polskiej, jéj układach, ich błędach, o prawach grammatykowi służących i o trudnościach grammatycznych do załatwienia», стр. 151—234), дѣлаетъ свои иногда очень наивныя возраженія противъ многихъ грамматическихъ руководствъ, между прочимъ противъ изданій Мрозинскаго († 1839, его грамматика вышла 1822), Мучковскаго († 1858, его грамматика вышла 1825, 1836, 1849), Жоховскаго († 1868, послѣднее изданіе его грамматики въ 1852 г.) и др. Дешкевичъ обошелъ молчаніемъ Мронговіуса (сл. о немъ выше на стр. 166), считая его иностранцемъ, но заслуги этого труженика для польскаго языка не малыя. Не говоря о его грамматикѣ, напечатанной третьимъ изданіемъ въ 1837 г. въ Данцигѣ: «Ausführliche Grammatik der polnischen Sprache», его словарь польско-нѣмецкій, вышедшій въ 1835 году (Dokładny słownik polsko-niemiecki krytycznie wypracowany. Ausführliches Polnisch-Deutsches Wörterbuch kritisch bearbeitet von Christoph Cölestin Mrongovius 4⁰ XIV. 670), имѣлъ въ то время не малое значеніе. Въ 1837 году вышла и нѣмецко-польская часть вторымъ дополненнымъ изданіемъ (4⁰ VIII, 758).

Научнѣе обыкновенныхъ тогдашнихъ грамматиковъ, преслѣдовавшихъ практическія цѣли, взглянулъ на свою задачу Ипполитъ Цегельскій (1815—1868), изучавшій науки въ Берлинѣ, гдѣ въ 1840 вышла его диссертація: «De negatione». Въ 1841 г. онъ помѣстилъ въ Orędownik Naukowy статью: «O powstaniu mowy i szczególnych języków», а въ 1842 ib. (№ 32—38): «O słowie polskiem». Это разсужденіе вышло новымъ изданіемъ въ 1852 г. въ Познани: «O słowie polskiem i konjugacyach jego wraz z wstępem krytycznym». Въ числѣ пособій, которыя Миклошичъ употребилъ для своей грамматики, сочиненія Цегельскаго не упоминаются; кажется, и у поляковъ дома они не обратили на себя вниманія, но П. П. Дубровскій представилъ на русскомъ языкѣ краткое извлеченіе въ III томѣ «Матеріаловъ для сравн. и объясн. словаря и грамматики», стр. 361—366. Въ 1845 г. Цегельскій издалъ въ Познани поэтику съ хрестоматіею (Nauka poezyi. Poznań 1845, 8⁰ VIII, 647), которую еще въ 1879 г. выпустилъ новымъ, пятымъ, изданіемъ и снабдилъ своими добавленіями В. Нерингъ (8⁰ CXXXII, 796). Цегельскій перешелъ потомъ на почву практической дѣятельности, но споръ орѳографическій вызвалъ все-таки еще разъ и его къ полемикѣ въ брошюрѣ: «O pisowni p. L. Rzepeckiego i Towarzyszów, napisał H. C. filozofii doktor» (Poznań 1868), на которую послѣдовалъ обширный отвѣтъ въ защиту Фр. Кс. Малиновскаго и д-ра Ржепецкаго, подъ заглавіемъ: «W sprawie pisowni. Odpowiedź panu H. Cegielskiemu... napisał Szczęsny» (Poznań 1868, 8⁰ 125).

Настоящимъ подражателемъ грамматическихъ началъ Миклошича былъ А. Малэцкій, сочиненіе котораго упомянуто выше (на стр. 715). Но рядомъ съ нимъ достоинъ упоминанія Генрихъ Сухецкій (1810—1872), бывшій доцентомъ польскаго языка въ Прагѣ и потомъ профессоромъ Краковскаго университета, сочиненія котораго вращались въ историческомъ и языко-сравнительномъ направленіяхъ. Въ хрестоматію «Wypisy polskie dla użytku klass wyższych» (We Lwowie 1857) онъ внесъ хорошій для тогдашняго времени «Przegląd form gramatycznych języka staropolskiego» (стр. I—CXIV). Въ Č. Č. M. 1858, стр. 397—418, онъ выпустилъ статью: «Nástin dějin písemnictví u Poláků od nejdavnějších časův až do r. 1858». Въ «Bibl. Warszawska» 1861 г. (т. VI, 513 и сл.) вышла его статья: «Ziemie Tacytowych i Strabonowych Swewów, w etnograficznéj wycieczce śledzone przez Henryka Sucheckiego». Я не знаю его сочиненія «Budowa języka polskiego pojaśniona wykładem lingwistycznym porównawczym w zakresie indo-europejskim i w okręgu słowiańczyzny» (Praga 1866), но изъ статьи «Zagadnienia z zakresu języka polskiego wywodem lingwistycznym i filologicznym rozjaśnia Henryk Suchecki» (Kraków 1871, 8⁰ 52) видно, что онъ дѣйствительно занимался сравнительнымъ языкознаніемъ (здѣсь онъ много толкуетъ о глаголѣ prawiti, сопоставляя его съ санскритскимъ корнемъ pru), по этому было бы, должно быть, правильнѣе говорить о немъ въ слѣдующей главѣ. Сухецкій написалъ также краткую грамматику польскаго языка для школъ, подъ заглавіемъ: «Zwięzła Gramatyka polska do użytku w szkołach ułożył Henryk Suchecki». Пятое изданіе этой книжки въ двухъ частяхъ вышло въ 1873 г. въ Краковѣ: I. Głoski, zgłoski i słowa (8⁰ 108, фонетика и морфологія), II. Składnia i Pisownia (8⁰ 174: синтаксисъ и орѳографія). Въ спорахъ объ орѳографіи Сухецкій между прочимъ отстаивалъ *é*, писаніе группы *ji*, въ чемъ академія краковская съ нимъ не соглашалась, что заставило сына его Мирослава выступить въ 1893 г. особенной брошюрой: «Pisownia uchwalona a wymowa rodzima» (Wiedeń 1893, 8⁰ 12). Самъ Г. Сухецкій коснулся своей орѳографіи въ «Oświata» («Pisownia Oświaty». Poznań 1866) и въ брошюрѣ «Modlitwy Wacława. Wiadomość o nich z rozbiorem filologicznym i lingwistycznym» (Kraków 1871, 8⁰ 35).

Упомянемъ словомъ еще хорошаго знатока польскаго языка Іосифа Пржиборовскаго (1823—1896). О его основательныхъ познаніяхъ свидѣтельствуетъ статья (напечатанная въ Programm des K. Marien-Gymnasiums zu Posen 1861): «Vetustissima adjectivorum linguae polonicae declinatio, monumentis ineditis illustrata». Раньше онъ напечаталъ хорошее для своего времени изслѣдованіе «Wiadomość o życiu i pismach Jana Kochanow-

skiego» (Poznań 1857, 8⁰ 212). Онъ принялъ также участіе и въ критическомъ изданіи сочиненій Яна Кохановскаго (1884—1886). Въ послѣдніе годы онъ занимался преимущественно археологіею (нумизматикой и т. д.). По польской грамматикѣ онъ напечаталъ въ Библіотекѣ Варшавской 1889 г., въ майской книжкѣ статейку объ остаткахъ мѣстоименія **сь** въ польскомъ языкѣ.

ГЛАВА XXVIII.

Попытки водворенія санскритскаго языка на почву славянскую, изслѣдованія грамматическія съ привлеченіемъ литовскаго языка и прочихъ индоевропейскихъ.

Вліяніе не то сравнительной грамматики, не то санскритскаго языка отражается на дѣятельности нѣкоторыхъ славянскихъ ученыхъ въ разныхъ концахъ славянскаго міра, не имѣвшихъ никакихъ сношеній между собою, потому что славяне даже въ области чисто научной пока еще не привыкли считаться между собой, обращать вниманіе другъ на друга или работать рука объ руку. Для насъ, обозрѣвающихъ совокупную дѣятельность на всѣхъ концахъ, представляется все-таки возможнымъ отыскивать между ними точки соприкосновенія и сближать ихъ не только хронологически какъ современниковъ, а также по содержанію какъ сотрудниковъ по тѣмъ же вопросамъ.

Еще въ началѣ XIX стол. интересовались санскритскимъ языкомъ у поляковъ Вал. Маевскій, издавшій въ 1816 г. особое сочиненіе «O Sławianach i ich pobratymcach» (W Warszawie 8⁰ 2, 180, LXIV), въ которомъ онъ много распространялся о санскритскомъ языкѣ (анализъ содержанія представленъ у Мурка: «Prvi uspoređivači sanskrita sa slovenskim jezicima» въ 132 книжкѣ Rad-a, 1897 г.) и А. Кухарскій, о которомъ мы упоминали на стр. 230. Между чехами писалъ А. Юнгманнъ о санскритскомъ языкѣ въ 1821 г. въ чешскомъ журналѣ «Krok» (I, 65—81), см. у Мурка l. c., а хорватъ А. Михановичъ напечаталъ въ архивѣ Гормайера за 1823 г. № 66, 67, 71 лексикографическую попытку: «Zusammenstellung von 200 laut- und sinnverwandten Wörtern des Sanskrites und Slavischen».

Такимъ же любителемъ санскритскаго языка съ примѣненіемъ его въ пользу славянской грамматики между польскими учеными былъ ксендзъ Фр. Ксав. Малиновскій, полякъ изъ Познани (род. ок. 1807). Дѣятельность его вращалась въ области польской графики и грамматики. Для графики онъ мечталъ, въ родѣ Копитара, объ учрежденіи одного правописанія, которое пригодилось бы не только для польскаго, но и для всѣхъ прочихъ славянскихъ на-

рѣчій. Въ грамматическомъ же отношеніи онъ желалъ освѣтить организмъ польскаго языка при помощи сравнительнаго языкознанія, преимущественно санскритскаго языка. Его специальное желаніе клонилось къ тому, что бы опять въ польскомъ литературномъ языкѣ вошло въ употребленіе *á* (обозначеніе такъ называемаго «pochylonego» *á*, сообразно съ *é* и *ó*). Его большого объема грамматика вышла въ 1869 году въ Познани: «Krytyczno-porównáwczá gramatyka języka polskiego z dzisiejszego stanowiska lingwistyki porównáwczéj napisaná przez Kś. Franc. Ksaw. Malinowskiego plebána s Komornik pod Poznaniem (W Poznaniu 1869, lex. 8⁰ VIII. 660) и еще «Dodátek do gramatyki języka polskiégo, obejmujący uzupełnieniá i sprostowaniá niektórych ustérków dostrzeżonych (W Poznaniu 1873, 8⁰ IV. 67). Въ этомъ обширномъ трудѣ не обращается много вниманія на историческое развитіе польскаго языка, за исключеніемъ вопроса о судьбахъ польской графики, составляющей первую часть сочиненія (O grafice w ogóle 1—15, o grafice polskiéj 16—78); больше привлекало автора желаніе принести пользу грамматикѣ польской съ помощью сравнительнаго языкознанія. Вторая часть озаглавлена: «Głosowniá języka polskiego» стр. 83—261, третья ч.: «Piérwoskładniá języka polskiego» стр. 267—660. Малиновскій зналъ, конечно, всѣ труды своихъ польскихъ предшественниковъ, а также изслѣдованія Миклошича, противъ котораго довольно часто полемизировалъ, даже въ такихъ, казалось бы, несомнѣнныхъ подробностяхъ, какъ напр., относительно тематическаго окончанія ъ въ словахъ какъ рабъ. Тематической функціи гласной ъ Малиновскій не допускалъ (319—321). Но есть и другіе примѣры, доказывающіе что авторъ не вникъ глубоко въ организмъ славянскихъ языковъ. Напр., считая форму твор. падежа **сыномъ** нормальной для церковнаго языка, онъ объяснялъ польское *synem* какъ результатъ вліянія «spółgłosek zmiękczonych» (стр. 351) и т. д.

Пристрастіе къ изученію санскритскаго языка побудило Малиновскаго перевести Боппа «Kritische Grammatik der Sanskrita-Sprache in kürzerer Fassung» (Berlin 1863) и снабдить переводъ своими примѣчаніями. Примѣчанія его прибавлены почти къ каждому параграфу, иногда даже по нѣскольку ихъ. Въ этихъ примѣчаніяхъ то объясняется текстъ Боппа, то возражается противъ Боппа, то приводятся параллели изъ славянскаго (церковнаго и польскаго) языка: «Gramatyka Sanskrytu porównanégo z językiem starosłowiańskim i polskim na podstawie sanskryckiéj gramatyki Franciszka Boppa» (W Poznaniu 1872. lex. 8⁰ 412). Я знаю только три выпуска, доходящіе по-нѣмецкому подлиннику до параграфа 526 включительно, но кажется была переведена и издана также послѣдняя часть (Wort-Bildung § 527—623

Съ меньшимъ притязаніемъ, но съ большею долею историческаго смысла написана польская грамматика бывшаго датскаго слависта Касп. Смита, первое изданіе которой вышло въ 1845 г., второе въ 1864 году: «Grammatik der polnischen Sprache von C. W. Smith». Каспаръ Вильгельмъ Смитъ родился въ 1811 г. въ Копенгагенѣ, поступилъ въ 1829 г. въ университетъ; послѣ окончанія наукъ онъ продолжалъ заниматься какъ частный ученый общимъ языковѣдѣніемъ, изучая также философію языка. Въ 1841 и 1842 гг. въ бытность свою въ Берлинѣ онъ выучился по-польски и порѣшилъ остановиться на славянскихъ языкахъ какъ своей спеціальности. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ онъ навѣстилъ Прагу, Пештъ (Коллара) и Вѣну (Копитара и Миклошича). Въ Прагѣ онъ познакомился между прочими также съ проживавшимъ тогда тамъ же Курельцемъ, это знакомство дало ему возможность узнать кое что и о хорватскомъ языкѣ. Возвратившись въ Берлинъ, онъ напечаталъ въ эти годы упомянутое первое изданіе польской грамматики. Въ слѣдующемъ году (1846) изучалъ въ Кенигсбергѣ литовскій языкъ. Всѣ эти свѣдѣнія пока не помогли ему до каѳедры въ университетѣ, поэтому съ 1847 г. онъ сдѣлался преподавателемъ датскаго языка въ одномъ учебномъ заведеніи въ Рёскильдѣ. Только лѣтъ десять спустя улыбнулась ему надежда попасть въ университетъ въ качествѣ доцента по славянскимъ языкамъ. Съ этой цѣлью онъ напечаталъ въ 1857—1859 годахъ три выпуска своихъ лингвистическихъ изслѣдованій: «De locis quibusdam grammaticae linguarum balticarum et slavonicarum» (Havniae 1857—1859). Въ вып. I-омъ: De elementis inprimis vocalibus (VI. 130), въ вып. II: De nominum declinatione (IV. 83), въ вып. III: Animadversa quaedam de pronominibus primitivis (65). Получивъ на основаніи послѣдняго сочиненія степень доктора, онъ былъ сдѣланъ наконецъ профессоромъ славянскихъ языковъ и литературъ и въ этомъ качествѣ все до конца жизни († 4 сент. 1881 г.) исполнялъ свою должность очень добросовѣстно, стараясь и умомъ и сердцемъ засвидѣтельствовать свою преданность славянской наукѣ и свое сочувствіе славянамъ. Въ 1869 году онъ издалъ датскій переводъ хроники Нестора (т.-е. по нынѣшнему «Повѣсти временныхъ лѣтъ»): «Nestor's russiske Krönike» съ подробными объясненіями, а въ 1875 году вышла его очень умно написанная монографія: «De verbis imperfectivis et perfectivis in linguis Slavonicis» (стр. 1—44 академическаго изданія: «Indbydelsesskrift til Kjøbenhavns universitets Aarsfest» 1875). Нѣсколькими годами раньше (1871) онъ написалъ «Kortfattet Laere om de russiske Verber», а въ датскихъ журналахъ знакомилъ датскую публику съ различными культурно-политическими вопросами, возбуждавшими интересъ среди славянъ (въ особенности въ Tidskrift for Philologi og Paedagogik и въ

Dansk Maanedskrift вышло много статей его, напр., о сербской и русской народной поэзіи, о чешскомъ движеніи и гуситизмѣ, о чешской Краледворской рукописи и Любушиномъ Судѣ и т. д.). Сл. статью «Ein dänischer Slavophile. Von Karl Peter Kheil Sohn» (Prag 1881, отд. отт. изъ газеты Politik № 276 и 278), а также статью К. Я. Грота: К. Смитъ датскій славистъ. (Матеріалы для исторіи славистики) въ Р. Ф. В. 1907, 8⁰ 24 отд. отт.

Санскритскій языкъ представляетъ то соединяющее звено, которое напоминаетъ намъ дѣятельность двухъ русскихъ ученыхъ, причастныхъ своими трудами славянской филологіи, это были Ал. Ѳед. Гильфердингъ и Алекс. Львовичъ Дювернуа. Оба они, подобно Малиновскому, изучали нѣсколько повнимательнѣе санскритскій языкъ, но отъ этого увлеченія молодости, не продолжавшагося долго, не было особеннаго проку, не было важныхъ результатовъ для дальнѣйшаго направленія ихъ ученыхъ занятій. У Гильфердинга произошелъ даже очень рано поворотъ отъ филологіи къ славянской исторіи и русской этнографіи; Дювернуа остался въ области славянской филологіи, даже грамматики и лексикографіи.

Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ, одинъ изъ важнѣйшихъ славянофиловъ новаго поколѣнія, родился въ 1831 году. Отецъ его занималъ видное мѣсто въ канцеляріи при намѣстникѣ царства польскаго и былъ въ состояніи дать сыну очень тщательное, даже блестящее образованіе. Въ 1848 году молодой Гильфердингъ поступилъ въ московскій университетъ по историко-филологическому факультету, гдѣ помимо другихъ профессоровъ нашелъ Шевырева, Бодянскаго и Соловьева, съ которыми могла сблизить его наклонность къ славянской исторіи. Эта же наклонность проснулась у него очень рано въ извѣстномъ славянофильскомъ духѣ, быть можетъ подъ вліяніемъ впечатлѣній и воспоминаній молодости. Хотя въ то время въ московскомъ университетѣ царствовало либеральное направленіе западниковъ, съ Грановскимъ во главѣ, Гильфердингъ предпочелъ дружбу съ кружкомъ славянофильскимъ, съ Хомяковымъ, К. Аксаковымъ, Самаринымъ и братьями Кирѣевскими. Говорятъ, что Хомяковъ указалъ ему на важность изученія санскритскаго языка, быть можетъ съ заднею мыслью, что русскій ученый откроетъ въ отношеніяхъ славянскаго языка къ санскритскому новыя данныя, ускользавшія до тѣхъ поръ отъ вниманія нѣмецкихъ ученыхъ, къ которымъ славянофилы, какъ извѣстно, любили относиться съ снисходительнымъ малоуваженіемъ, упрекая ихъ въ отсутствіи широты мысли. Въ воспоминаніяхъ о А. С. Хомяковѣ Гильфердингъ, написавъ въ «Русской Бесѣдѣ» 1860 г. (т. II. Смѣсь 47—57) «О филологической дѣятельности А. С. Хомякова», восхвалялъ его изученіе санскритскаго языка («Сравненіе

русскихъ словъ съ санскритскими» Хомякова напечатано въ академ. «Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснит. словаря и грамматики» т. II. 1856, стр. 385 — 429). Дѣйствительно, Гильфердингъ сталъ изучать санскритскій языкъ подъ руководствомъ К. А. Коссовича, товарищемъ же его былъ извѣстный Микуцкій. Недостатокъ метода и критическихъ пріемовъ его наставника виденъ уже въ томъ, что молодой ученый задумалъ сразу обнять весь санскритско-славянскій лексиконъ и доказать большое сходство между обоими языками на основаніи очень широкаго, но поверхностнаго сравненія. Это «Сравненіе языка славянскаго съ санскритскимъ» напечатано въ академическихъ «Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики», ч. I—III (СПбгъ 1854, на стр. 209—252, 273—323, 337—355, 401—489). Оно поражаетъ многочисленностью приводимыхъ примѣровъ, но въ то же время оправдываетъ отзывъ Шлейхера (Beiträge I. 265), что это изслѣдованіе стоитъ «auf einem von der Sprachwissenschaft längst überwundenen Standpunkt». Виноватъ въ этомъ, по крайней мѣрѣ отчасти, его руководитель Коссовичъ тѣмъ, что допустилъ производить сравненія поверхностно по кажущемуся созвучію или при близости значеній по произвольной постановкѣ всѣхъ возможныхъ звуковыхъ переходовъ.

Итоги или выводы этихъ сравненій представлены въ видѣ диссертаціи: «Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ» (Москва 1853, 8° III. 126). Сочиненіе это поражаетъ смѣлостью желанія дойти до выводовъ, до которыхъ не додумались нѣмцы, довольствовавшіеся «старымъ аналитическимъ методомъ Боппа, т. е. разборомъ отдѣльныхъ явленій языка безъ стремленія перейти отъ нихъ къ какимъ-либо общимъ выводамъ» (стр. 15). Какіе же выводы могъ сдѣлать Гильфердингъ? Славянофильская теорія, выдвигавшая на первый планъ все славянское какъ нѣчто противоположное Западной Европѣ, подсказала ему сдѣлать и въ области сравнительнаго языка такое открытіе, что «языки западной половины индо-европейскаго племени (въ западную же половину входили по Гильфердингу даже древніе греки!) отличаются отъ санскритскаго постоянными, органическими измѣненіями звуковъ, языки же восточной половины (сюда Гильфердингъ причислялъ славянъ и литовцевъ) имъ въ этомъ совершенно противоположны...; всѣ тѣ звуковые законы, которыми они разнятся отъ языковъ западныхъ, составляютъ также особенность санскритской рѣчи» (стр. 38). Гильфердингъ отыскалъ пять звуковыхъ законовъ, объединяющихъ будто бы славянско-литовскую группу съ санскритскимъ языкомъ въ противоположность ко всѣмъ прочимъ, т. е. къ персидскому, греческому,

албанскому, латинскому, германскому и кельтскому языкамъ: 1-мъ пунктомъ, по его мнѣнію, было бы слоговое r̥, 2-мъ носовые звуки, 3-имъ санскритское ç при первоначальномъ k: славяне, какъ онъ думалъ, участвовали въ ç, но сохраняли иногда также k (стр. 46—7), 4-мъ палатализмъ č — ğ, 5-мъ смягченіе при прочихъ согласныхъ. Мы знаемъ нынѣ, что эти будто бы характерныя отличія на дѣлѣ не имѣютъ такого значенія, но теоріи Гильфердинга какъ славянофила, обособлявшаго всю культурную жизнь славянъ отъ Западной Европы, льстилъ такой выводъ, что ближайшее, частное родство между языками санскритскимъ, литовскимъ и славянскимъ, произошло отъ болѣе продолжительнаго «доисторическаго единства и общенія» (стр. 57). Гильфердингъ постарался къ этимъ своимъ лингвистическимъ выводамъ приплесть нѣкоторые пункты ученія славянофильской школы. На вопросъ, отчего только въ славянскомъ и литовскомъ изъ всѣхъ европейскихъ языковъ сохранилось рядомъ съ санскритскимъ «первичное» состояніе, онъ отвѣчалъ: «На той сторонѣ, гдѣ находимъ раннее обособленіе языка и господство частныхъ звуковыхъ законовъ, мы видимъ и преобладаніе личности надъ общиной; а на другой сторонѣ, позднее отдѣленіе языка славянскаго и его вѣрность звукамъ, вынесеннымъ изъ доисторической родины, изъ Азіи, не согласно ли съ медленнѣйшимъ ходомъ славянскаго племени, въ которомъ менѣе высказывалась личность, но крѣпче хранилось общественное начало?» (59). Гильфердингъ ухитрился найти въ славянскомъ глаголѣ, именно въ развитіи видовыхъ тонкостей, одно преимущество, которое онъ ставитъ выше санскритскаго и литовскаго языковъ: «Литовцы, искавшіе въ глаголѣ новыхъ развитій, пришли своимъ путемъ къ тѣмъ же самымъ опредѣленіямъ, какія существовали еще въ до-историческую эпоху и сохранились въ языкѣ санскритскомъ. Одни славяне имѣли, послѣ своего обособленія, довольно свѣжести мысли и творчества духа, чтобы открыть въ языкѣ живую стихію, никѣмъ не початую, и дать мысли человѣческой новый способъ выраженія» (118). И такъ выходитъ, что восточная отрасль индоевропейскихъ языковъ стоитъ выше западной, сохранивъ «первичныя образованія» въ противоположность «вторичнымъ нарѣчіямъ» Запада, въ восточной же отрасли опять выше санскритскаго и литовскаго языковъ стоитъ славянскій. «Славяне могутъ гордиться языкомъ своимъ», восклицаетъ Гильфердингъ... «славяне обратили творческую силу языка своего не на вещественную его сторону, не на звуки, которые остались у нихъ какъ были, а на выраженіе мысли, на внутреннее опредѣленіе глагола, самой живой и духовной стихіи нашего слова» (119). Въ этомъ пунктѣ Гильфердингъ сошелся съ К. С. Аксаковымъ, на изслѣдованіе котораго о глаголѣ онъ указывалъ еще до появленія

его въ печати. Можно жалѣть, что молодой ученый забросилъ филологію, въ которой онъ на первыхъ же шагахъ добился столь блестящихъ общихъ выводовъ, «которые еще не признаны наукою, потому что она слишкомъ мало обращала вниманія на языки славянскій и литовскій» (125). Отвергая это нелѣпое самомнѣніе, мы должны все-таки признаться, что въ анализѣ склоненія и спряженія Гильфердингъ сдѣлалъ нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній. Укажемъ напр. на сравненіе санскритскаго аориста avêdišam и слав. **вѣдѣхъ**, слав. **ѩсъ** и санскр. ajansam, санскр. asadam и слав. **сѣдъ**, и т. д.

Къ исторіи привлекала Гильфердинга съ одной стороны судьба южныхъ славянъ, православныхъ болгаръ и сербовъ, съ другой рѣшенная уже исторіею судьба погибшихъ славянъ въ Германіи. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1854 и 1855 года, стали выходить его «Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ» (отд. изд. Москва 1855, 8⁰ 242, въ «Собраніи сочиненій» т. I, въ передѣланномъ видѣ); когда же, поступивъ на службу по дипломатической части, онъ былъ посланъ въ 1856 г. въ Сараево въ качествѣ русскаго консула, для него открылась новая дорога прямого, личнаго знакомства съ жизнью и бытомъ славянскаго народа Босніи, Герцеговины и Старой Сербіи. Результаты его наблюденій появились въ Запискахъ Импер. геогр. общества 1859, т. XIII, 8⁰ 694 (перепечатаны съ одной статистической прибавкой въ «Собраніи сочиненій» т. III, 1873). Присматриваясь къ «восточному вопросу», какъ тогда называли нерѣшенную еще судьбу балканскихъ славянъ, и подчиняясь теоріямъ славянофильскаго ученія, признававшаго только православіе какъ религію славянъ, онъ написалъ анонимно тенденціозное разсужденіе на французскомъ языкѣ: «Les Slaves occidentaux» (Paris 1858), надѣлавшее много шума въ рядахъ западныхъ католическихъ славянъ, выражавшихъ недовольствіе по поводу такого односторонняго пониманія славянскаго вопроса. Эта односторонность Гильфердинга высказалась также въ его пропагандѣ въ пользу не только русскаго языка, но и кирилловскаго письма для всѣхъ славянскихъ языковъ, въ особенности въ насильственномъ примѣненіи къ польскому. Его «Общеславянская азбука» (СПбгъ 1871), можетъ и теперь еще служить доказательствомъ роковой нетерпимости, не допускавшей разумнаго сближенія между славянами даже въ области чисто культурно-литературной. Сл. обширный отзывъ Бодуэна въ Ж. М. Н. Пр. 1871. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда московскіе славянофилы завели свой литературный органъ «Русскую Бесѣду», Гильфердингъ принялъ большое участіе статьями о южныхъ славянахъ, преимущественно разсказами о Босніи (въ 1856 г., томъ I. II, 1857 г. т. I и т. д.), кромѣ того упомянемъ его отзывъ о всеславянскомъ словарѣ Шумавскаго (1857,

т. I), о Венгріи и славянахъ, по поводу одного французскаго изданія (1860, т. II) и статью «Греческая служба св. первоучителямъ славянскимъ и житіе св. Наума болгарскаго» (1859, II). Ближе языка касались его «Собственныя имена сербскія», извлеченныя изъ одного сербскаго синодика (въ Извѣстіяхъ II отд. И. А. Н., т. VII, 1858, стр. 325—330).

Судьба балтійскихъ славянъ интересовала Гильфердинга еще въ пятидесятыхъ годахъ, когда онъ напечаталъ (въ 1856 г.) «Памятники нарѣчія залабскихъ древлянъ и глинянъ», (8° 77, отд. отт. изъ Памятниковъ 433—488) и въ Извѣстіяхъ т. VIII (1859—1860): «О нарѣчіи померанскихъ словинцевъ и кашубовъ» (стр. 41—56), но гораздо важнѣе его трудъ, какъ результатъ его поѣздки въ сѣверно-западную Германію, изданный въ 1862 г.: «Остатки славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря». Въ связи съ этими изслѣдованіями, замѣненными теперь уже другими новѣе и точнѣе, стоитъ его разработка исторіи полабскихъ славянъ. Еще въ 1861 году онъ написалъ обозрѣніе небольшого объема (124 стр.): «Борьба славянъ съ нѣмцами на Балтійскомъ поморьѣ въ средніе вѣка» (СПбгъ 1861), въ IV томѣ Собранія сочиненій (СПбгъ 1874) изслѣдованіе это расширено въ «Исторію балтійскихъ славянъ», обнимающую съ различными приложеніями 462 стр. На сколько на этомъ сочиненіи, какъ и на его исторіи гуситизма налегла печать славянофильской школы — объ этомъ должна быть рѣчь въ славянской исторіи. Намъ здѣсь важнѣе указать, что онъ въ послѣдующіе годы былъ занятъ планомъ возобновленія, такъ сказать, Славянскихъ древностей Шафарика на новыхъ устояхъ. Начало такого труда вышло въ «Вѣстникѣ Европы» 1868 г., іюль и сентябрь: «Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ», двѣ главы, первая: «Славяне на ряду другихъ племенъ арійскихъ», вторая: «Венеты». Въ первой главѣ онъ прибѣгаетъ къ выводамъ сравнительнаго языкознанія, пользуясь ими довольно некритически; защищая свою выше изложенную точку зрѣнія, онъ полемизируетъ между прочимъ противъ Шлейхеровой теоріи о славяно-германскомъ языкѣ, отъ которой новѣйшая наука дѣйствительно отказалась (стр. 285—291); во второй главѣ онъ вѣритъ въ славянство венетовъ сѣверной Италіи, въ чемъ сошелся съ Терстенякомъ и нѣкоторыми другими учеными.

Настоящимъ подвигомъ Гильфердинга была его поѣздка въ Олонецкую губернію въ 1871 году съ цѣлью провѣрить Рыбникова. Поразительнымъ общеизвѣстнымъ результатомъ этой поѣздки вышло великолѣпное изданіе: «Онежскія былины, записанныя Александромъ Ѳедоровичемъ Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года» (СПбгъ 1873, lex. 8°. LVI, 1336 столбцовъ, по два на страницу). Изданіе это — посмертное, такъ какъ Гильфердингъ сталъ

жертвой своего усердія. Предпринявъ въ 1872 году новую поѣздку на сѣверъ, онъ заразился тифомъ и скоропостижно скончался 20 іюня 1872 г. Съ преждевременной кончиной Гильфердинга славяновѣдѣніе потеряло очень много. Быть можетъ годы смягчили бы иные слишкомъ рѣзкіе и не безпристрастные взгляды этой даровитой натуры. Во всякомъ случаѣ, мы вправѣ причислить его къ самымъ блестящимъ представителямъ перваго поколѣнія ученыхъ, воспитанныхъ въ русскихъ университетахъ, послѣ водворенія славяновѣдѣнія. Онежскія былины издалъ вторично Бестужевъ-Рюминъ въ академическомъ «Сборникѣ» т. 59. 60 и 61 (1894—1900), въ 2-омъ выпускѣ 61-го тома (изданномъ въ 1909 г.) имѣются указатели, составленные Васильевымъ. Въ I томѣ (т. 59-омъ «Сборника») представлена Бестужевымъ-Рюминымъ коротенькая, но очень хорошая характеристика Гильфердинга (за исключеніемъ его значенія какъ лингвиста).

Александръ Львовичъ Дювернуа, первый преемникъ Бодянскаго на каѳедрѣ славяновѣдѣнія въ Москвѣ, имѣлъ собственно намѣреніе посвятить себя сравнительному языкознанію. Съ этой цѣлью онъ и изучалъ подъ руководствомъ профессора П. Я. Петрова санскритскій языкъ и когда въ 1868 г. получилъ командировку за границу, главною задачею его было продолжать науки въ этой области. Къ отчету о своихъ заграничныхъ занятіяхъ онъ присоединилъ, говорятъ, переводъ двухъ гимновъ, 15-го и 16-го изъ второй книги Ригведы. Разсказываютъ анекдотъ, что когда онъ возвратившись въ 1867 году въ Москву, началъ свои лекціи, первыми словами были цитаты изъ Панини! Но вліяніе Бодянскаго отразилось все-таки въ томъ, что молодого ученаго интересовали также вопросы славянской филологіи. Въ бытность свою въ Іенѣ онъ описалъ содержаніе одной чешской рукописи, а въ Тюбингенѣ обратилъ вниманіе на славянскую книгопечатню во время протестантизма. Статья эта вышла въ № 4-мъ Московскихъ Университетскихъ Извѣстій 1868 года: «Тюбингенскіе акты славянской книгопечатни въ Вюртембергѣ», она обнимаетъ 41 стр. Тутъ разобрано содержаніе многихъ актовъ съ 1559 по 1563 годъ. Его вступительная лекція (въ 1867 г.) касалась тоже сравнительнаго языкознанія: «О методѣ и успѣхахъ сравнительнаго языковѣдѣнія», и еще раньше въ «Лѣтописяхъ» Н. С. Тихонравова онъ написалъ (т. II. 1859) отзывъ о журналѣ Штейнталя и Лацаруса «Zeitschrift für Völkerpsychologie» и разбиралъ (т. III. 1861) нѣкоторыя филологическія объясненія Костомарова (въ его статьѣ «Начало Руси»). Магистерская диссертація: «Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи» (М. 1867, 8° 203) была написана довольно замысловато и неудобопонятно, не говоря уже о невозможныхъ сопоставленіяхъ какъ *брада*, *броуди* и *брк*, *грудь* и *сърдьце*, *взгрупь* и

гора, *другъ* и *раз-доръ шьвьць* и *свора*. Похвальное само по себѣ стремленіе вникнуть въ видоизмѣненіе коренныхъ элементовъ подъ вліяніемъ нароста суфиксовъ, увлекло автора слишкомъ далеко, напр., ꙗгода онъ хотѣлъ бы производить отъ ꙗг-вода, ч. *čiperný* отъ **кѫпѣти**, *шибъ* сопоставлялъ съ лит. *szuvis*, словенское заимствованіе *jezero* изъ мадьярскаго (тысяча) съ зендскимъ *zarayô* (*jezero* какъ число и какъ *озеро* не одно и то же) и т. д. У Дювернуа была дѣйствительно большая начитанность, даже въ рѣдкихъ мало доступныхъ текстахъ, но слишкомъ мало критической осторожности. А все-таки жаль, что этотъ трудъ его такъ и остался не замѣченнымъ въ славянской наукѣ. Докторская диссертація его: «Система основныхъ элементовъ и формъ славянскихъ нарѣчій» (М. 1872. 8° 167) несравненно слабѣе.

Въ 1869 году, послѣ не совсѣмъ добровольнаго выхода Бодянскаго въ отставку, Дювернуа получилъ его каѳедру. Можно было надѣяться, что онъ теперь посвятитъ себя, сообразно съ предшествовавшими лингвистическими упражненіями, преимущественно разбору славянской грамматики подъ освѣщеніемъ сравнительнаго языкознанія, но на дѣлѣ вышло такъ, что онъ началъ съ отдѣльныхъ вопросовъ чешской культурной исторіи (въ 1868 г. о Юрьѣ Подѣбрадѣ, въ 1870 г. Янъ Гусъ и Станиславъ Зноемскій), потомъ же перешелъ къ занятіямъ лексикографическимъ. По древне-русскому языку собранный, но не доконченный матеріалъ напечатанъ послѣ смерти его въ 1894 году въ Москвѣ: «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка» 8° 234. Несравненно важнѣе трудъ его посвященный болгарскому языку, хотя и тутъ ему пришлось сначала бороться съ очень ограниченными литературными пособіями и только со временемъ (послѣ поѣздки его въ Болгарію) матеріалъ увеличился; благодаря усердному участію бывшихъ его учениковъ (П. А. Лаврова и В. Н. Щепкина, а также Б. М. Ляпунова) и при помощи одного болгарина словарь, прекратившійся при смерти автора на второмъ выпускѣ, былъ продолженъ и доведенъ до конца, въ двухъ томахъ (Москва 1889, 8° 2622), съ «Введеніемъ», содержащимъ «Обзоръ гласныхъ болгарскаго языка» отъ автора I—XXVI (при второмъ выпускѣ) и съ «Предисловіемъ» (I—XI), подписаннымъ П. А. Лавровымъ (при третьемъ выпускѣ). Въ объясненіи словъ восточнаго происхожденія принялъ участіе проф. Коршъ; болгаринъ же Влайковъ снабдилъ слова удареніями. Очень поучительное разсужденіе объ этомъ словарѣ написалъ М. Дриновъ: «О болгарскомъ словарѣ А. А. Дювернуа» (СПбгъ 1892. 8° 57) по поводу присужденія словарю Макаріевской преміи.

Читая грамматики отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій (о чемъ см. отзывъ П. А. Лаврова въ некрологѣ, напечатанномъ въ «Рѣчи и Отчетѣ», читан-

ныхъ въ Моск. Унив., въ 1887 году, на стр. 254—264), Дювернуа печаталъ для своихъ слушателей «Чтенія», которыя выходили по выпускамъ (Лавровъ разыскалъ семь выпусковъ), къ сожалѣнію не сведеннымъ въ одное цѣлое, а то по справедливому замѣчанію Лаврова, эти Чтенія могли бы послужить хорошимъ пособіемъ для изучающихъ славянскія нарѣчія. Подъ заглавіемъ напр., «Сербское Чтеніе» напечатаны на 32 страницахъ 3 словенскіе текста (по Миклошичу), два кайкавскіе (по Валявцу) и нѣсколько сербскихъ народныхъ пѣсенъ (по Вуку). Дювернуа написалъ въ молодыхъ годахъ въ московскихъ «Чтеніяхъ» (1862, кн. 2): «О годѣ изобрѣтенія славянскихъ письменъ», и (ib. кн. 4): «О происхожденіи Варягъ-Руси»; въ 1878 году сдѣлана имъ въ Ж. М. Н. Пр. въ октябрской книжкѣ оцѣнка архангельскаго евангелія 1092 г., а въ 1883 году онъ выпустилъ въ свѣтъ ту часть «Изборника Святослава 1073 года», которая была уже давно напечатана Бодянскимъ, предпославъ къ изданію свою «Записку» (въ Чтеніяхъ 1882 г. кн. 4), наконецъ въ 1-ой кн. 1884 г. онъ напечаталъ небольшую статейку: «Кого назвало древнерусское законодательство колобягомъ».

Какъ знатокъ литовскаго языка, еще же болѣе какъ отчаянный любитель этимологическихъ сопоставленій и сравненій, прослылъ Станиславъ П. Микуцкій (1839—1890) какъ видно изъ его статей въ академическихъ Матеріалахъ для словаря (I. 3—14, 92—103, 332—334, 492—496, II. 170—176) и въ Извѣстіяхъ (II. 107—115, 247—8). Съ большими надеждами шла Академія ему на встрѣчу, но ожиданія не оправдались. Вспомнимъ отчеты его въ Извѣстіяхъ (I. 77—80, II. 31—32, 379—384, III. 173—176, 204—207, 365—368, IV. 87—112, 330—336, 360—368, V, 50—61, 113—122), въ которыхъ содержится очень много драгоцѣннаго матеріала и необыкновенное богатство наблюденій, но соображенія его по большей части не выдерживаютъ критики, потому что сдѣланы наобумъ. Относительно литовскаго языка сдѣлалъ уже Шлейхеръ изъ отчетовъ Микуцкаго коротенькое извлеченіе въ Beiträge I, 233—245. Къ сожалѣнію дальнѣйшія изслѣдованія автора не обнаружили большей критичности или осторожности. Они перечислены мною въ Archiv f. slav. Phil. (I. 505, V. 470, VI. 627).

Сравнительнымъ языкознаніемъ занимался одинъ изъ славистовъ молодого поколѣнія, скончавшійся не достигнувъ сорокалѣтняго возраста, Леопольдъ Гейтлеръ. Онъ родился въ 1847 году въ Прагѣ, изучалъ сначала реальное училище, потомъ перешелъ въ гимназію и на философскомъ факультетѣ посвятилъ себя языкознанію въ Прагѣ и въ Вѣнѣ. Въ Вѣнѣ, кажется, ближе сошелся съ лингвистомъ Фридрихомъ Мюллеромъ, чѣмъ съ славистомъ Миклошичемъ. Въ качествѣ приватъ-доцента по сравнительному языкознанію

онъ началъ свою дѣятельность въ Прагѣ, гдѣ проф. Лудвигъ и Гаттала были его наставниками и руководителями. Для вступительной лекціи онъ выбралъ тему: «O stavu a nejnovějších pokrocích srovnávacího jazykozpytu» (въ Č. Č. M. 1873. 39—56, 148—163), гдѣ видно вліяніе теорій А. Лудвига. По примѣру Шлейхера, оставшемуся должно быть еще въ памяти пражскихъ ученыхъ, и несомнѣнно также по внушенію Гатталы и Лудвига, онъ взялся изучать съ большимъ вниманіемъ литовскій языкъ, поѣхалъ съ этой цѣлью въ прусскую и русскую Литву. Слѣды этого изученія видны уже въ рецензіи на Матценауера «Cizí slova» (въ Č. Č. M. 1872, 91—99) и еще лучше въ грамматикѣ, изданной въ 1873 году: «Starobulharská fonologie se stalým zřetelem k jazyku litevskému» (V Praze 1873. 8⁰ VI. 132). Нельзя не отдать справедливости новому принципу этого сочиненія, заключавшемуся въ проведеніи постояннаго сравниванія явленій фонетическихъ языка литовскаго съ церковно-славянскимъ, но Гейтлеръ занялъ въ оцѣнкѣ фактическихъ данныхъ рѣшительно анти-историческую точку зрѣнія, заставившую его смотрѣть на вещи на изнанку, утверждать напр., что ъ произошло изъ о въ такихъ примѣрахъ, какъ ложь-лъжь и даже сыномь-сынъмь, или ь изъ е въ легъко-льгъко, дверь-двьрь, день-дьнь и т. д. Такихъ невѣрныхъ взглядовъ въ его фонологіи очень много. О своей поѣздкѣ въ Литву онъ сообщилъ отчетъ въ журналѣ «Osvěta» 1874, въ 1875 году вышли его многосодержательныя «Litauische Studien», а въ 1885 г. въ вѣнскихъ Sitzungsberichte т. 108: «Beiträge zur litauischen Dialektologie». Почтенный представитель сравнительнаго языковѣдѣнія въ Прагѣ, Альфредъ Лудвигъ, отвѣтилъ мнѣ на сдѣланный запросъ, что Гейтлеръ дѣйствительно стоялъ подъ вліяніемъ его взглядовъ, высказанныхъ въ статьяхъ «Die Entwickelung der a- Deklination» (1887) и «Der Infinitiv im Veda» (1871).

Въ 1874 году Гейтлеръ получилъ каѳедру славянской филологіи и сравнительнаго языкознанія въ ново-открытомъ университетѣ въ Загребѣ, и съ тѣхъ поръ принялъ также участіе въ югославянской академіи, сдѣлавшей его вскорѣ своимъ членомъ. Въ Rad-ѣ вышли его статьи: «Etimologija imena Hrvat» (кн. 34), «O parasitskih sibilantih iza guturalah u slavenštini» (кн. 41), «O parasitskih guturalih iza dentalah u litavskih i slavenskih jezicih» (кн. 44), «Prilozi k hrvatskoj gramatici i glasoslovju» (кн. 58) и еще по литовскому языку: «Bretkunova litavska postilla» (кн. 40). Въ журналѣ Filologické Listy» онъ напечаталъ: «O slovanských kmenech na *u*» (т. II и III, 1875—6) и повторилъ также по-чешски свою попытку сопоставить имя Hrvat съ лит. szarwũtas, прилагательнымъ слова szárwas (броня) въ тѣхъ же F. L. т. III, — сопоставленіе неубѣдительное.

Изъ Загреба Гейтлеръ предпринималъ путешествія въ разныя южно-славянскія области, напр., на островъ Кркъ (Велья), богатый глаголической стариной (о найденныхъ здѣсь надписяхъ онъ писалъ въ Загребскомъ Археологическомъ Вѣстникѣ: Viestnik hrvatskoga arkeologičkoga družtva, 1879 г. вып. 2 и 4, 1880 г. вып. 2: «Glagolski nadpisi»), въ Македонію и на Аѳонъ (въ 1875 и 1876 г.). Увлекшись мнимыми открытіями Верковича, онъ напечаталъ въ 1878 г. статью: «Poetické tradice Thraků a Bulharů», въ которой далъ вѣру всѣмъ разсказамъ Верковича; часть этого энтузіазма проникла даже въ вѣнскія Mittheilungen der anthropolog. Gesellschaft за 1880 годъ (Die Sage vom Orpheus-Orphen der Rhodopebulgaren, Die Iuda in den Mythen der Balkan-Völker). Гораздо богаче результатами была его въ 1882 году предпринятая поѣздка на Синай, откуда онъ привезъ списки двухъ важныхъ глаголическихъ памятниковъ: Евхологія и Псалтыри. То и другое вышло въ Загребѣ на средства югославянской Академіи (1882, 1883), но критика тотчасъ замѣтила неточности въ изданіи (Arch. f. sl. Phil. VII. 126—133), которыя оправдались нѣкоторыми фотографическими снимками, принесенными изъ Синая проф. Кондаковымъ.

Гейтлеру нельзя отказать въ большой эрудиціи и энергической научной дѣятельности, но ученыя соображенія его по большей части не выдерживали критики. Стремленіе быть оригинальнымъ повредило критической осторожности. Это всего лучше видно на его большомъ изслѣдованіи, посвященномъ вопросу о происхожденіи славянскаго письма, кирилловскаго и глаголическаго: «Die albanesischen und slawischen Schriften von Dr. Leopold Geitler (Wien 1883, 4° X. 188 и 25 фототип. таблицъ). Этотъ очень ученый трудъ не достигъ своей цѣли. Авторъ хотѣлъ доказать, что албанское письмо, которому онъ придавалъ значеніе большой древности, повліяло на происхожденіе глаголическаго, это же въ своемъ, такъ сказать, доисторическомъ видѣ сообщилось кириллицѣ. Мой отзывъ о трудѣ Гейтлера напечатанъ въ Archiv f. sl. Phil. VII, 444—479, сл. также отзывъ Гартгаузена въ Liter. Centralblatt 1883, № 27, стр. 945—6. Гейтлеръ скончался 2 іюня 1885 г., не достигши даже сорокалѣтняго возраста. Нѣкоторыя черты изъ его жизни сообщены въ «Извѣстіяхъ с.-петерб. славянскаго благотвор. общества» за 1885 г. № 5—6 (май—іюнь), стр. 294—296.

Сравнительнымъ языкознаніемъ занимался Николай Вячеславовичъ Крушевскій (1851—1887), бывшій профессоръ этого предмета въ Казанскомъ университетѣ, воспитанникъ русскаго варшавскаго университета, въ которомъ въ 1875 г. напечаталъ въ Уч. Запискахъ кандидатское сочиненіе: «Заговоры какъ видъ русской народной поэзіи» (тутъ видно вліяніе его учи-

теля Колосова), потомъ онъ переѣхалъ на учительскую службу въ Оренбургскую губернію, но въ 1878 г. успѣлъ выпутаться и попасть вновь на научную почву въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ и сдѣлался однимъ изъ лучшихъ учениковъ Бодуэна. О вліяніи учителя на ходъ занятій ученика разсказываетъ самъ Бодуэнъ въ Р. Ф. В. 1888 г. (томъ XX, стр. 297—302). Еще въ 1879 г. онъ напечаталъ въ русскомъ переводѣ «Восемь гимновъ Риг-Веды» и «Наблюденія над нѣкоторыми фонетическими явленіями связанными с акцентуацией» (4⁰ 12, говорится объ измѣненіяхъ вокализма подъ вліяніемъ ударенія, но съ ограниченіемъ на санскр. примѣры), въ Р. Ф. В. за 1879 г. (т. II) вышла его статья: «Об аналогіи и народной этимологіи» (стр. 109—120, 266), гдѣ уже видно стремленіе автора перевести явленія на формулы философско-алгебраическія, а въ 1880 г. вышли тамъ же (т. IV) его «Лингвистическія замѣтки» (отд. отт. 8⁰ 30), гдѣ опять согласіе его съ взглядами и научной терминологіею Бодуэна явствуетъ изъ такихъ выраженій, какъ морфологическая абсорпція, и т. п. Въ т. V того же журнала (1881 г.) онъ напечаталъ: «К вопросу о гунѣ. Изслѣдованіе в области старославянскаго вокализма» (отд. отт. 8⁰ 109), часть этого недурного изслѣдованія, стремившагося привести въ связь движеніе вокализма съ словообразовательными данными, вышла на нѣмецкомъ языкѣ: «Ueber die Lautabwechslung von N. Kruszewski» (Казань 1881 8⁰, 41); о статьѣ отозвался довольно благопріятно К. Бругманъ (Lit. Centralblatt 1882, № 12, стр. 401), строже Брикнеръ (Archiv f. sl. Phil. V, 685—6), которому Крушевскій отвѣтилъ очень рѣзко, отвергая не только всѣ возраженія Брикнера, но также отрицая всякій авторитетъ Миклошича (Р. Ф. В. 1882, т. VII, 135—139). Въ 1883 г. онъ написалъ какъ докторскую диссертацію: «Очеркъ науки о языкѣ» (Казань 1883, 8⁰ 148), разсужденіе о явленіяхъ въ языкѣ съ философской точки зрѣнія, нѣчто похожее на Prinzipien der Sprachgeschichte Г. Пауля, заимствованія изъ котораго, сознательныя или несознательныя, не могутъ быть отрицаемы, несмотря на стремленіе автора вращаться на этой почвѣ по возможности самостоятельно (Сл. мой отзывъ въ Archiv f. sl. Phil. VII, 481—482). Нѣмецкій, нѣсколько сокращенный, переводъ этого сочиненія вышелъ въ «Internationale Zeitschrift für allg. Sprachwissenschaft» Техмера: «Principien der Sprachentwickelung» (1.301, 2.258, 3.145, 4.133, 5.339). Послѣ смерти Крушевскаго Богородицкій издалъ подъ общимъ заглавіемъ «Очерки по языковѣдѣнію» еще три статьи Крушевскаго: I. Французская грамматика (Р. Ф. В. 1891, т. XXV, 248—71; т. XXVI, 173—186,— этой статьѣ послужило основаніемъ Brachet Grammaire historique de la langue française); II. Антропофоника (Р. Ф. В. 1892, т. XXVIII, 266—290; 1894,

т. XXXI, стр. 66—90); III. Важнѣйшія данныя фонетики романскихъ языковъ (Казань 1894, 8⁰ 22). Не оспаривая похвальной находчивости Крушевскаго, усвоенной отчасти отъ подражанія Бодуэну, въ приспособленіи къ явленіямъ языка опредѣленной философской, съ алгебраической точностью выражаемой формулы, при иногда довольно странной терминологіи, я все же нахожу характеристику научнаго значенія автора значительно преувеличенной, что объясняется мѣстнымъ казанскимъ культомъ. См. вообще о Крушевскомъ некрологъ напечатанный въ Р. Ф. В. 1888, т. XIX, педаг. отд. 70—76 и въ «Pracach filologicznych» III, 116—175 анализъ трудовъ Крушевскаго сдѣланный его учителемъ Бодуэномъ. Онъ былъ происхожденіемъ полякъ, но по-польски напечаталъ, какъ кажется, только въ журналѣ «Prace filologiczne» 1885, I, стр. 97—101 статейку: «Przyczynek do historyi pierwotnych samogłosek długich».

Крупнымъ лингвистическимъ талантомъ сталъ рано являться dr. Янъ Ганушъ (Hanusz, 1858—1887), скончавшійся, къ сожалѣнію, не дойдя еще до полнаго расцвѣта своихъ прекрасныхъ способностей. Воспитанникъ Краковскаго университета, гдѣ онъ примкнулъ къ кружку молодыхъ ученыхъ, группировавшихся около Л. Малиновскаго, сначала онъ взялся съ юношеской энергіею за грамматическую разработку древне-польскихъ текстовъ и отыскиваніе въ нихъ чертъ діалектическихъ. Неимовѣрное количество статей и рефератовъ его стало вдругъ являться, начиная съ 1880 года, въ польскихъ ученыхъ изданіяхъ и журналахъ. Въ журналѣ «Przegląd Akademicki» (1880) онъ возсталъ противъ искусственнаго различія окончаній средняго рода отъ мужескаго въ статьѣ: «O zakończeniu instrumentalu i locativu sing. masc.-neutr. i instrumentalu pluralis deklinacyji zaimkowéj i złożonéj w języku polskim» (отд. отт. 1—16). Въ академическихъ Rozpravach т. VIII (1888) вышли: «Ślady niektórych odcieni dyjalektycznych w kazaniach gnieźnieńskich z r. 1419» (64—69) и «O samogłoskach nosowych w narzeczu Słowińców pomorskich, Kabatków i Kaszebów» (ib. 15—63). Въ «Sprawozdaniach komisyi językowéj akademii umiejętności» томъ I (1880) появились сразу три статьи его: «Wykaz form przypadkowych», относящихся къ тремъ различнымъ памятникамъ (315—320, 320—324, 335—374), во II томѣ того же изданія (1881) вышло продолженіе, обнимающее цѣлый томъ (460 страницъ): анализъ формъ склоненія въ псалтыри Флоріанской, Пулавской и въ молитвахъ Вацлава; въ III томѣ прибавлены еще примѣры изъ книжки Навойки и нѣкоторыхъ другихъ отрывковъ (1881, стр. 20—66). Извлеченіе изъ этого обширнаго, такъ сказать, статистически представленнаго обозрѣнія формъ сдѣлано самимъ авторомъ въ Archiv f. slav. Phil. VI

(1882): «Zur Statistik der Deklinationsformen im Altpolnischen» (1—25). Продолженіемъ этихъ занятій, относившихся къ древне-польскому языку, были статьи его (въ X т. «Rozpraw» 1884 г.): «O książce do nabożeństwa królowéj Maryi Kazimiery i córki jéj Teresy Kunegundy» (349—365, отд. отт. 8⁰ 17), (въ XI т. «Rozpraw» 1884): «O książce do nabożeństwa króla Zygmunta I» (44—146, 8⁰ 103 отд. отт.), (въ IV т. Sprawozdań komisyi językowej, 1886): «O pisowni i wokaliźmie zabytków języka polskiego w księgach sądowych krakowskich z wieków XIV—XVI» (95—243, отд. отт. 1886, 8⁰ 148).

Рефераты его выходили съ 1881 г. въ польскомъ журналѣ Ateneum и съ 1882 г. въ Archiv f. sl. Phil. Въ 1881 г. молодой ученый получилъ пособіе для поѣздки въ Лейпцигъ, гдѣ занимался у Лескина и Бругмана. Съ тѣхъ поръ кругозоръ его расширился, вопросы затрогиваемые имъ относились теперь также къ другимъ славянскимъ языкамъ и къ литовскому, а также къ сравнительному языкознанію. Въ Archiv f. sl. Phil. VII (1884) вышла его диссертація: «Ueber die Betonung der Substantiva im Kleinrussischen» (222—255, 325—385, отд. отт. Leipzig 1883, 8⁰ 96), сюда можно причислить еще изданную имъ на чешскомъ языкѣ статью: «O jazyku maloruském. Napsal dr. Jan Hanuš» (V Praze 1883, 8⁰ 22, отд. отт. изъ Елинекова «Slovanský Sborník» т. II, сл. тамъ же т. III 1884 г. нѣсколько отзывовъ) и отзывъ напечатанный въ журналѣ «Przewodnik naukowy i literacki» за 1884 г. о нѣкоторыхъ малорусскихъ филологическихъ изданіяхъ: «O kilku najnowszych pracach nad językiem Rusinów» (отд. отт. 8⁰ 9). Къ этому времени Ганушъ, побывавъ послѣ Лейпцига еще въ Берлинѣ, возвратился въ Краковъ и сдалъ здѣсь экзаменъ на учителя по польскому языку и классической филологіи. Но его тянуло на каѳедру университетскую по сравнительному языкознанію. Съ этой цѣлью онъ поѣхалъ въ Вѣну, гдѣ занимаясь у Бюлера получилъ veniam legendi на основаніи изслѣдованія, которое вышло въ Sitzungsberichte Вѣнской академіи (т. CX, № 1, 1885): «Ueber das allmälige Umsichgreifen der -n-Declination im Altindischen» (8⁰ 45). Ганушъ читалъ также лекціи въ теченіе 1885 и 1886 гг. въ Вѣнскомъ университетѣ, гдѣ онъ, знакомя своихъ слушателей съ новѣйшими результатами сравнительнаго языкознанія, и самъ расширялъ свои свѣдѣнія, изучая при помощи вѣнскихъ мехитаристовъ армянскій языкъ. Свидѣтельство того имѣется въ изслѣдованіи: «O języku Ormian polskich» (Rozprawy XI, 350—481), по французски только заглавіе отдѣльныхъ оттисковъ: «Sur la langue des Armeniens Polonais» (Cracovie 1886). Продолженіе этого изслѣдованія вышло уже послѣ смерти автора въ XIII томѣ «Rozpraw»

(1889 г. на стр. 214—296). Укажемъ еще на статью: «Einige slavische Namen armenischer und türkischer Herkunft» (Arch. f. sl. Phil. IX, 472—477). Мелкія статьи его по этому вопросу указаны въ некрологѣ Гануша, написанномъ А. Крынскимъ (въ Prace filologiczne II: Jan Hanusz i jego prace, стр. 818—836, на стр. 831).

Когда въ 1884 г. въ Варшавѣ рѣшили издавать филологическій журналъ «Prace filologiczne», однимъ изъ самыхъ усердныхъ сотрудниковъ съ самаго начала сдѣлался Ганушъ, въ особенности по части вопросовъ сравнительнаго языкознанія. Онъ напечаталъ въ I томѣ: «Vistula, Wisła, Weichsel ze stanowiska gramatyki porównawczéj» (168—180), «Szkic gramatyczny na podstawie języków indoeuropejskich» (434—457, т. II, 195—239), «O wpływie języków wschodnich na słownik języka polskiego« (ib. 458—466) и очень много разборовъ сочиненій языкосравнительнаго содержанія (I на стр. 232—259, 727—761, II на стр. 285—302). Въ томъ же направленіи была имъ написана статья: «O dobie litewsko-słowiańskiéj w stosunku do prajęzyka indoewropejskiego» (въ Rozprawach т. XI, 1885, от. отт. 8⁰ 24). И въ Archiv f. sl. Phil. Ганушъ доставлялъ рефераты въ т. VI, IX, X. Въ «Slovansky̆ Sborník» VI (1887) онъ помѣстилъ «Několik slov o jazyku litevském a jego literatuře» (4—10, 77—82); рефераты его печатали также польскій Ateneum за 1886 г., Biblioteka Warszawska за 1887 г., The Academy 1886, № 723, Oesterreichische Monatschrift für den Orient 1887 и т. д. Въ Przegląd polski 1887, № 245, онъ помѣстилъ статью «Z językoznawstwa i literatury ludowej (W Krakowie 1887, 8⁰ 26), гдѣ распространялся о соприкосновеніи лингвистики съ доистор. археологіею и фольклористикой. О послѣднихъ путешествіяхъ его въ Италію и во Францію сообщаетъ подробности Крынскій l. c., см. также письма его ко мнѣ въ Archiv f. sl. Phil. X, 660—665.

Сравнительное изслѣдованіе со стороны лексическаго содержанія славянскихъ нарѣчій, которому Миклошичъ удѣлялъ много времени въ своихъ научныхъ трудахъ, вызвало два важныхъ сочиненія моравскаго ученаго, профессора А. Матценауера (1823—1893). Уроженецъ Моравіи, онъ изучалъ юридическія науки въ Оломуцѣ, Вѣнѣ и Львовѣ, но уже въ 1849 г. помышлялъ о профессурѣ чешскаго языка въ Оломуцѣ. Этой цѣли онъ не достигъ сразу, а только съ 1856 г. по 1887 г. состоялъ преподавателемъ въ высшемъ реальномъ училищѣ въ Брюннѣ (Брнѣ). По собственному его признанію изслѣдованіе Миклошича «Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen» дало ему поводъ въ 1868 г. написать рецензію на это сочиненіе съ дополненіями. Разборъ этотъ предназначался сначала для чешскаго «Časopisa»,

но превышая своимъ объемомъ предѣлы обыкновенныхъ критическихъ статей, онъ былъ уступленъ Матицѣ Моравской, которая согласилась издать трудъ Матценауера въ расширенномъ видѣ отдѣльной книгой: «Cizí slova ve slovanských řečech» (V Brně 1870, nákladem Matice Moravské, 8⁰ VII, 422). Сочиненіе Матценауера состоитъ изъ Введенія (Úvod, стр. 1—13) и двухъ отдѣловъ; въ первомъ (стр. 14—93) авторъ прямо касается изложенія Миклошича, разбирая его по частямъ, высказывая при этомъ часто свое несогласіе съ толкованіемъ вѣнскаго слависта; во второмъ (95—422) идутъ въ алфавитномъ порядкѣ его собственныя добавленія. Трудъ Матценауера во всякомъ случаѣ значительно расширилъ рамку предмета, увеличивъ число примѣровъ вдвое или втрое въ сравненіи съ тѣмъ, что было собрано Миклошичемъ. Въ большинствѣ случаевъ объясненія его вполнѣ убѣдительны, но осталось все же много словъ необъясненными. Успѣхъ побудилъ Матценауера продолжать свои изслѣдованія въ томъ же направленіи, но не ограничиваться теперь только иностранными словами, а вообще сравнивать лексическій составъ славянскій съ родственными языками. Къ сожалѣнію трудъ этотъ недоконченъ и остается, такъ сказать, спрятаннымъ въ журналѣ «Listy Filologické», гдѣ онъ печатался выпусками, начиная съ VII по XX томъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu». Авторъ самъ говорилъ, что у него было намѣреніе составить сравнительный словарь славянскихъ нарѣчій. Дѣйствительно, трудъ его въ значительной степени облегчаетъ эту задачу всѣмъ дальнѣйшимъ изслѣдователямъ; жаль только, что онъ не успѣлъ довести дѣло до конца—послѣднее слово у него было по латинскому алфавитному порядку Skrodlić; редакція журнала объявила лаконически: «Pro úmrtí p. spisovatele nebude se již v těchto článcích pokračovati»! Такъ мало смысла показывается еще до сихъ поръ даже въ Чехіи для сравнительнаго языкознанія. Положимъ, что сопоставленія изъ родственныхъ языковъ у Матценауера часто не выдерживаютъ критики, но въ сочиненіи его все-таки подобрано столь много хорошаго матеріала и для этимологическаго словаря, что трудъ Матценауера сослужилъ бы свою службу и могъ бы оказать большую пользу, если бы и авторъ и редакція взялись за дѣло практически, т. е. съ самаго начала имѣли въ виду довести дѣло до конца и издать его, какъ слѣдуетъ. Матценауеръ принялъ еще участіе въ «Краткомъ словарѣ шести славянскихъ языковъ», изданномъ подъ редакціею Миклошича по порученію принца Ольденбургскаго въ 1885 г.: чешскую часть здѣсь обработалъ Матценауеръ. Въ Č. M. M. за 1869 г. (I. 50—68) вышла его статейка: «Příbuznost jazykův indoevropských»; мнѣ же помнится, что онъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ предлагалъ редакціи жур-

нала Archiv f. slav. Phil. одну статью изъ области не то полабскаго не то прусскаго языка, но она не была напечатана.

Къ небольшому числу серьезно занимавшихся сравнительнымъ языкознаніемъ можно причислить еще рано скончавшагося Эмануила Коваржа (1861—1898). Окончивъ курсъ университетскихъ наукъ въ Прагѣ (1883), онъ продолжалъ очень усердно и въ широкихъ размѣрахъ заниматься лингвистикой въ связи съ антропологіею и этнографіею. Съ этой цѣлью онъ слушалъ въ 1889/1890 гг. лекціи въ Лейпцигѣ, считая себя приверженцемъ такъ называемой нео-грамматической школы, о чемъ еще въ 1885 г. напечаталъ статью «O škole mladogrammatické» (V Praze 8⁰, 42, въ коллекціи Sbírka přednášek a rozprav III). Въ журналѣ «Listy Filologické» выходили его статьи и рефераты съ XI по XVIII томъ (1884—1891), между прочимъ укажемъ на такія какъ: «Jazykozpyt a pravěk národů indoevropských, náčrtek podlé O. Schradera» (XI, 48—56), «Výklady o rodokmenu jazykův indoevropských» (ib. 276—283), «Jazykozpyt a předhistorické užívání kovů, podlé O. Schradera (ib. 375—390), «O určitých a neurčitých přídavných jménech» (ib. XIII, 36—43), «O stupňování» (ib. XIV, 115—129, 228—240), «O původě Japygův a Apulův, podlé Zampy» (ib. XV, 214—223). Его вниманіе обращала на себя также новѣйшая фонетика, т. е. физіологія звуковъ, какъ видно изъ статей: «O fonetice» (ib. XV, 14—34) и «O novějších dějinách fonetiky» (ib. 196—214). Въ 1889 г. вышла его небольшого объема грамматика церковно-славянскаго языка: «Nákres mluvnice starobulharské» (V Praze 1889, 8⁰ 88) и грамматика чешскаго языка: «Česká mluvnice pro školy středné a ústavy učitelské. Nauka o slově (V Praze 1889, 8⁰ 136, сл. Archiv f. sl. Phil. XII, 211—216). Вторая часть грамматики: «Nauka o větě čili skladba» вышла въ 1890 г. (8⁰ 113), и къ тому еще въ 1891 г. «Uvedení do mluvnice». Кромѣ упомянутаго журнала онъ участвовалъ въ чешскомъ «Athenaeum»'ѣ, въ «Škola a život», «Květy», «Živa» и т. д., отдѣльной книжкой вышло въ 1898 г. разсужденіе «O původě lidské mluvy», о которомъ проф. Зубатый, написавшій въ энциклопедическомъ словарѣ (Otto, Naučný Slovník) подробное обозрѣніе о Коваржѣ, отзывается какъ о лучшемъ сочиненіи молодого ученаго. Перечисленныя статьи его дѣйствительно представляли только подготовительную работу, по большей части отзывы о результатахъ чужихъ изслѣдованій.

Крайнюю противоположность къ языко-сравнительнымъ трудамъ Миклошича представляли сочиненія В. И. Шерцля (1843—1906), человѣка феноменальнаго по необыкновенной легкости усваиванія языковъ, такъ что онъ могъ выступать даже передъ публикой съ продукціями въ большомъ

количествѣ различныхъ языковъ. Но что отъ этой способности еще далекій шагъ до научнаго пониманія доказали его труды: «Сравнительная грамматика славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ». I. Фонетика (Харьковъ 1871). II. Словообразованіе (ib. 1873). Грамматикѣ предшествовали монографіи: «Личныя мѣстоименія въ санскритскомъ языкѣ и сродныя имъ формы» (Спб. 1869) и «Объ именахъ числительныхъ въ индоевропейской отрасли» (Харьковъ 1870). Мой отзывъ объ этихъ сочиненіяхъ см. въ Archiv f. sl. Phil. I, 502—4. Въ Филол. Запискахъ за 1883—1889 гг. онъ помѣстилъ статьи: «О словахъ съ противоположными значеніями» (1883—4), «О названіяхъ цвѣтовъ» (1884 вып. 2—3), «О конкретности въ языкахъ» (1884 вып. 4—6), «Очерки изъ области фонетики» (1885 вып. 1—3) и «Основные элементы языка и начала его развитія» (1885 вып. 4—6, 1886 вып. 1—5, 1887 вып. 1—5, 1888 вып. 1, 3—4, 1889, вып. 1). На чешскомъ языкѣ вышла его «Mluvnice jazyka ruského» (1883—4) и «Z oboru jazykozpytu» (послѣднее, кожется, безъ конца).

ГЛАВА XXIX.

Новое поколѣніе представителей славяновѣдѣнія въ университетахъ австрійскихъ и русскихъ.

Выше замѣчено, что славянская филологія въ австрійскихъ университетахъ нашла пріютъ сравнительно довольно поздно, сначала только въ Вѣнѣ и въ Прагѣ (Миклошичъ—Колларъ, Челаковскій—Гаттала). Въ Грацѣ существовали еще съ начала XIX-го столѣтія лектора словенскаго языка (Примицъ, Квасъ), хотя бы и подъ названіемъ профессоровъ, но безъ научныхъ требованій, больше для практическихъ цѣлей; такія же должности существовали и въ Вѣнѣ для чешскаго языка. Первымъ занявшимъ научную каѳедру славяновѣдѣнія въ Грацѣ былъ Грегоръ Крекъ (1840—1905), родомъ изъ Крайны, воспитанникъ вѣнскаго университета, потомъ преподаватель въ реальномъ училищѣ въ Грацѣ, гдѣ онъ въ 1866 г. напечаталъ въ 15-мъ годовомъ отчетѣ статью «Die nominale Flexion des Adjectivs im Alt- und Neuslovenischen» (4⁰, LII страницы), на основаніи которой получилъ право читать лекціи въ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента; въ 1870 сдѣланъ экстраорд. и въ 1875 ординарнымъ профессоромъ. Въ молодые годы и Крекъ по примѣру многихъ другихъ писалъ словенскіе стихи, въ славянской же наукѣ привлекала его болѣе исторія литературы, чѣмъ филологія въ узкомъ смыслѣ слова, по этому главный трудъ его «Einleitung in die slavische Literaturgeschichte und Darstellung ihrer älteren Perioden» (1-е изд. 1874, 8⁰ VIII, 336) распространялся о различныхъ антикварно-этногра-

фическихъ, миѳологическихъ и литературныхъ вопросахъ, возбуждавшихъ общій интересъ, что и сдѣлало сочиненіе его очень популярнымъ. Черезъ десять лѣтъ это сочиненіе вышло вторымъ значительно расширеннымъ изданіемъ подъ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ: «Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. Akademische Vorlesungen, Studien und kritische Streifzüge. Zweite völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage» (Graz 1887, 8⁰ XII, 887). Какъ справочная книга сочиненіе Крека имѣетъ большое значеніе вслѣдствіе богатыхъ библіографическихъ указаній, но по общему характеру это скорѣе трудъ компилятивный, чѣмъ самостоятельное изслѣдованіе. Текстъ автора надъ строкой не всегда и въ полномъ объемѣ отражаетъ содержаніе указанной подъ строкой литературы. Авторъ былъ не чуждъ романтическихъ увлеченій, любилъ миѳологію и фольклористику. Въ 1869 г. онъ напечаталъ: «Ueber die Wichtigkeit der slavischen traditionellen Literatur als Quelle der Mythologie» (Wien, 8⁰, 92), гдѣ примыкалъ охотнѣе къ направленію Я. Гримма, Аѳанасьева, Ор. Миллера, чѣмъ Бенфея и другихъ представителей исторической преемственности. Въ этомъ духѣ написана его статья: «Beiträge zur slavischen Mythologie. I Veles, Volos und Blasius» (Archiv f. sl. Phil. I, 134—151); продолженія не послѣдовало, потому что антимиѳологическіе взгляды журнала не были ему по вкусу. За то въ 1882 г. въ словенскомъ журналѣ «Kres», въ изданіи котораго онъ принималъ живѣйшее участіе, вышла его статья: «Polifem v národnej tradiciji slovanskej» (отд. отт. 8⁰ 45). Въ томъ же журналѣ онъ помѣстилъ еще: «Razne malenkosti» (1883, отд. отт. 8⁰ 29), извѣстіе объ одной словенской рукописи (ib. 1881, 8⁰ 18), объ отраженіи пѣсни о Гильдебрандѣ у словенцевъ примѣчанія его помѣщены въ Kres'ѣ (1883, стр. 265 — 275 и 1885, стр. 104 — 112). Въ коллективномъ изданіи «Die Oesterreichisch-ungarische Monarchie in Wort und Bild» имъ же написанъ очеркъ словенской литературы 1891 г., Lieferung 122, стр. 429—448. Въ 1895 году онъ издалъ въ «Cotta'sche Bibliothek der Weltliteratur» славянскую антологію (Slavische Anthologie. In deutschen Uebersetzungen. Mit Einleitung von Gregor Krek. Stuttgart 1895, 8⁰ 246). Введеніе его («Einleitung») обнимаетъ 26 стр. О Крекѣ писали пока только словенскіе журналы: «Dom in svet» 1900 (стр. 149, сл. 182 сл.), 1905 (стр. 570—1), «Ljubljanski Zvon» 1900 (стр. 262—4), 1905 (стр. 575—6), «Slovan» 1905 (стр. 349—350).

И въ Россіи сидѣли на каѳедрахъ славяновѣдѣнія романтики различныхъ направленій, старавшіеся дать своимъ научнымъ изслѣдованіямъ особенную окраску. Такимъ былъ чехъ по происхожденію Іосифъ Іос. Первольфъ (1841—1895), поступившій по окончаніи университетскихъ

наукъ въ Прагѣ (1864) на службу въ Чешскомъ музеѣ ассистентомъ и архиваріусомъ. Очень рано заинтересовалъ его вопросъ о взаимныхъ сношеніяхъ славянскихъ, которому онъ такъ и остался вѣренъ до конца своей жизни. Въ первое время въ Прагѣ онъ участвовалъ въ Č. Č. M. и другихъ чешскихъ журналахъ, и состоялъ однимъ изъ самыхъ прилежныхъ сотрудниковъ энциклопедическаго словаря Ригера «Naučný Slovník», множество статей въ этомъ словарѣ принадлежитъ ему (онѣ перечислены въ «Поминкахъ» К. Я. Грота); между прочимъ въ 1869 году вышелъ отдѣльнымъ оттискомъ изъ словаря очеркъ озаглавленный: «Slované. Historický nástin sepsal Josef Perwolf. S příspěvky od J. E. Wocela a Karla Jar. Erbena (V Praze 1869, больш. 8⁰ 58 стр.). Уже здѣсь занимаетъ «Slovanská vzájemnost» довольно много простора (стр. 21—43), а въ 1874 г. посвящена тому же вопросу его русская диссертація: «Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка» (Спб. 1874, 8⁰ 294). Надо замѣтить, что бывшій ректоръ варшавскаго университета, П. А. Лавровскій, познакомившись съ Перволъфомъ въ Прагѣ, предложилъ ему переѣхать въ Варшаву на одну изъ славянскихъ каѳедръ, что и случилось въ 1871 году, упомянутое же сочиненіе было его магистерской диссертаціею. Но этого мало. Онъ еще разъ возвратился къ тому же вопросу, разработавъ его очень обширно, въ трехтомномъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: «Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи». Томъ I. Очеркъ исторіи славянъ до XVIII вѣка (Варшава 1886, 8⁰ 5, IX, 208). Томъ II. Славянская идея въ литературѣ до XVIII вѣка (В. 1888, 8⁰ X. 616). Томъ III. Славянская идея въ политическихъ и культурныхъ сношеніяхъ славянъ до конца XVIII вѣка. Часть I. Западные славяне (Варшава 1890, 8⁰ XIII, IV, 262). Часть II. Славяне западные и восточные въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ (Варшава 1893, 8⁰ III, 278, XXXIII— эту вторую часть напечаталъ по оставшейся рукописи автора К. Я. Гротъ). Несмотря на обширность изложенія, трудъ Первольфа остался неоконченнымъ; онъ прослѣдилъ любимую свою идею о славянской взаимности только до конца XVIII вѣка, не разработаннымъ же остался самый важный девятнадцатый вѣкъ. Нельзя не выразить полнаго признанія необыкновенной стойкости автора въ преслѣдованіи своей цѣли, хотя вслѣдствіе ея общая дѣятельность его вышла черезчуръ односторонней, но въ то же время справедливость требуетъ сдѣлать одно принципіальное возраженіе: всѣ тѣ проявленія мнимой солидарности славянской, за которыми авторъ ухаживалъ точно влюбленный обожатель, не имѣли того реальнаго значенія въ жизни славянъ, какое могло бы казаться по его изложенію. Любопытныя подробности, собранныя слѣдившимъ усердно за ними авторомъ, въ сущности были только

изливы лирическихъ чувствъ отдѣльныхъ лицъ, не имѣвшіе значенія отголосковъ общественнаго мнѣнія или настроенія.

Славянолюбивыя чувства автора проявились также въ его докторской диссертаціи: «Германизація балтійскихъ славянъ» (Спб. 1876, 8⁰ 260), въ которой онъ съ замираніемъ сердца слѣдилъ за отдѣльными историческими фактами совершавшагося онѣмеченія или даже исчезновенія славянскихъ племенъ въ сѣверной Германіи, не вникши однакожъ довольно глубоко въ соціально-экономическія причины этого печальнаго явленія. Балтійскихъ славянъ авторъ коснулся еще въ своей статьѣ: «Варяги—Русь и Балтійскіе славяне» (по поводу изслѣдованій Гедеонова и Забѣлина, въ Ж. М. Н. Пр. 1877 г. іюль, отд. отт. 60 стр.), а взгляды его на славянство на германской почвѣ очень близко сходились съ мнѣніемъ Шемберы, какъ доказываетъ его обозрѣніе въ Archiv f. slav. Phil. (VII, 590—628, VIII, 1—35), къ которому надо прибавить еще въ томъ же журналѣ (1874, томъ IV, 63—73) статью: «Polen, Ljachen, Wenden». Расходясь принципіально съ изложенными въ этой статьѣ взглядами, я было склонилъ Куника написать своимъ любимымъ способомъ примѣчанія на статью Первольфа, но онъ, какъ было сказано на стр. 654, не сдержалъ слова.

По поводу чествованія тысячелѣтія кончины апостола славянскаго Меѳодія Первольфъ написалъ для Варшавскаго «Меѳодіевскаго сборника» этюдъ: «Словѣнскій языкъ и его судьбы у народовъ славянскихъ» (Варшава 1885, 8⁰ 126 стр. отд. отт.), въ которомъ излагается историческая судьба ц.-слав. языка вслѣдствіе внѣшнихъ условій, но безъ филологическихъ данныхъ. На прочихъ статьяхъ автора, имѣющихъ историко-политическую тенденцію, какъ напримѣръ, «Мадьяры и восточный вопросъ», «Die slavisch-orientalische Frage», «Польскій вопросъ», «Чешско-русскія недоразумѣнія», не будемъ останавливаться. Укажемъ только на біографическій очеркъ: «Францъ Палацкій» (въ Ж. М. Н. Пр. 1874 дек., отд. отт. 73 стр.). Онъ любилъ повторять съ небольшими измѣненіями свои статьи общаго содержанія съ русскаго на чешскомъ языкѣ (напр. въ журналѣ «Osvěta») и иногда на оборотъ. О подробностяхъ см. К. Я. Гротъ, Поминки по Іосифѣ Іосифовичѣ Первольфѣ (Варшава 1892, 8⁰ 37) гдѣ, между прочимъ, указаны многочисленныя статьи Первольфа, вошедшія въ словарь Ригера и въ польское изданіе «Encyklopedya powszechna» Оргельбранда, въ томы 12—16 (въ 1863 и 1864 гг.). Въ «Slovanský Sborník» онъ охотно посылалъ небольшого объема статьи, напримѣръ подъ общимъ заглавіемъ «Staroslovanské rady a obyčeje» въ III т. (1884), шесть статеекъ: 1. Slovanské osady (308), 2. Slovanský rod (397), 3. Slovanská obec (459), 4. Třídy obyvatelstva (509), 5. Státní zřízení

(581), 6. Sněmy (633); въ IV т. (1885) онъ напечаталъ: «Slovanské pŕavo» (стр. 3—6), «Slovanské bajeslovi a básnictví» (стр. 57—60), «Slovanský jazik a písmo» (113—119); въ V т. (1886) вышла статья о Крижаничѣ (стр. 4 и сл., 53 и сл., 109 и сл., 149 и сл.) и т. д.

Романтикомъ въ другомъ только направленіи былъ Антонъ Семеновичъ Будиловичъ (1846—1908), сынъ уніатскаго священника въ Гродненской губерніи, получившій образованіе въ Вильнѣ и на историко-филологическомъ факультетѣ с.-петербургскаго университета, отъявленный славянофилъ въ смыслѣ практическаго примѣненія началъ бывшаго когда то московскаго славянофильства къ жизни славянъ, но безъ философскихъ идеаловъ Хомякова или Кирѣевскаго, скорѣе въ узко понятомъ правительственномъ преслѣдованіи славянофильскихъ цѣлей, заключавшихся въ руссификаціи западныхъ окраинъ русской имперіи и въ административной защитѣ православія. Будиловичъ былъ энергическая, нѣсколько грубоватая, цѣльная русская натура, любившая дѣйствовать на форпостахъ находившихся, какъ ему казалось, въ опасности русскихъ интересовъ—въ Польшѣ, въ Остзейскихъ провинціяхъ. Правительство, построенное на абсолютистическихъ началахъ, охотно пользовалось его административными способностями, онъ же не медля принималъ порученія, соотвѣтствовавшія его идеаламъ, поднимать значеніе и расширять господство русскаго языка какъ въ предѣлахъ имперіи, такъ и за границею. Но эта дѣятельность значительно мѣшала спокойнымъ занятіямъ славянской наукой, которая ему была дорога, только онъ не имѣлъ ни досуга, ни душевнаго равновѣсія, чтобы продолжительно углубляться въ ея дебри. Такимъ образомъ изъ Будиловича вышелъ какой-то воинственный славистъ, закончившій свое жизненное поприще—редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей», тогда какъ мы могли бы ожидать отъ него освѣщенія различныхъ эпохъ славянской жизни, изданія древнихъ памятниковъ, обогащенія науки изслѣдованіями филологическими и лингвистическими.

Начатки всего этого дѣйствительно у него на лицо. Онъ началъ очень рано участвовать въ литературѣ. Первыя статейки его упоминаются въ перечнѣ его трудовъ въ «Приложеніи» къ «Новому Сборнику статей по славяновѣдѣнію» (на стр. VII, подъ № 1—4, далѣе подъ № 6—9). Въ 1869 году вышла его монографія, которую онъ написалъ будучи еще студентомъ с.-петербургскаго университета: «М. В. Ломоносовъ какъ натуралистъ и филологъ. Съ приложеніями содержащими матеріалы для объясненія его сочиненій по теоріи языка и словесности» (Спб. 1869, 8° VII, 120, 72). Вскорѣ за этимъ послѣдовало второе изслѣдованіе по тому же предмету:

«Ломоносовъ какъ писатель» (Спб. 1871, № 1 восьмого тома акад. Сборника, 8° VII, 314, 12). Если въ этихъ двухъ сочиненіяхъ отразилось на немъ вліяніе Ламанскаго, то ученикомъ Срезневскаго онъ выступилъ съ «Изслѣдованіемъ языка древнеславянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова по рукописи Импер. публ. библіотеки XI вѣка» (Спб. 1871, 8° VI, 132). Зависимость отъ учителя видна въ методѣ изслѣдованія этого важнаго памятника, обнаружившемъ совсѣмъ старомодные пріемы. Усердіе молодого слависта простиралось и дальше. Въ 1875 г. онъ напечаталъ памятникъ, подлогу своей диссертаціи, въ полномъ видѣ: «XIII словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ» (Спб. 1875, 8° XII, 285). Послѣ магистерской диссертаціи онъ поѣхалъ въ 1872 г. въ командировку за границу, чтобы изучать—славянскій міръ, конечно, съ готовыми уже взглядами и опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ. Какіе вопросы его занимали, показываютъ во-первыхъ статьи его, напечатанныя въ изданіи Н. Гербеля: «Поэзія славянъ» (1871), гдѣ имѣются очерки о сербохорватской, хорутанской, словацкой, польской и лужицкой литературахъ, потомъ рефераты о книгахъ Голубинскаго и Некрасова въ Ж. М. Н. Пр. (1872 январь, апрѣль) и «Путевыя замѣтки о долинѣ средняго и нижняго Дуная» (ib. 1874 декабрь), а въ Слав. сборникѣ т. I (1875 г.): «Нѣсколько данныхъ и замѣчаній изъ области общественной и экономической статистики Чехіи, Моравіи и Австрійской Силезіи» (265—317, статья эта помѣчена 1873 годомъ изъ Праги), «О современномъ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ славянъ западныхъ и южныхъ» (585—604, рѣчь произнесенная въ слав. обществѣ 1874 г.). Въ II томѣ Слав. сборника (1877 г.) вышли въ томъ же родѣ статьи: «Нѣсколько замѣчаній объ изученіи славянскаго міра» (стр. 1—54), «О литературномъ единствѣ народовъ славянскаго племени» (рѣчь произнесенная въ слав. обществѣ 1875 г.). Кромѣ того, онъ здѣсь напечаталъ: «Очерки изъ сербской исторіи» (291—345).

Въ 1875 году Будиловичъ былъ призванъ къ ученой дѣятельности въ новооткрытый историко-филологическій институтъ въ Нѣжинѣ, что дало ему возможность сосредоточиться на нѣкоторыхъ спеціально филологическихъ изслѣдованіяхъ. На дѣлѣ лучшіе научные труды его принадлежатъ Нѣжинскому періоду. Въ 1877 г. вышелъ въ Кіевѣ (въ Изв. ист.-фил. инст. кн. Безбородко): «Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологической точки зрѣнія» (8° 106), здѣсь перечисляются типы корней, говорится объ основахъ, префиксахъ, суффиксахъ, о падежахъ и окончаніяхъ у глаголовъ—въ сущности ничего новаго или самостоятельнаго не сказано, но это было не безполезное пособіе для студентовъ. Гораздо важнѣе по замыслу и обширнѣе по исполненію второй, собственно самый лучшій трудъ его, написанный въ подра-

жаніе извѣстному сочиненію французскаго ученаго Пиктэ (Les origines Indo-Européennes): «Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованія въ области лингвистической палеонтологіи славянъ». Этого неоконченнаго труда вышли тома I-го часть 1-ая въ 1878 г. (8⁰ XXII, 264, отд. отт. изъ Изв. истор.-фил. инст.), обнимающая анализъ словъ по космографіи, метеорологіи, физикѣ и географіи (гл. 1-я), по геологіи, минералогіи, металлургіи (гл. 2-я), по ботаникѣ (гл. 3-я), по зоологіи (гл. 4-я), по анатоміи и физіологіи животныхъ (гл. 5-я), по медицинѣ (гл. 6-я). Часть 2-ая (въ 1879 г., 8⁰ стр. 265—408, XVI) продолжаетъ анализъ словъ: небо, воздухъ, земля (гл. 7-я), царство ископаемыхъ (гл. 8-я), царство растеній (гл. 9-я), царство животныхъ (гл. 10), строеніе и отправленія животныхъ организмовъ (гл. 11-я), здоровье и болѣзненныя явленія (гл. 12-я). Въ концѣ обѣихъ частей, составляющихъ первый томъ, имѣется указатель. Второго тома вышелъ въ 1882 г. только первый выпускъ (8⁰ 153 стр.), разбирающій въ главѣ 13-й занятія, промыслы и ремесла, въ гл. 14-й яства и питія, въ гл. 15-й одежды и украшенія, въ гл. 16-й хозяйственныя постройки, въ гл. 17-й домашнюю утварь, въ гл. 18-й игры и музыкальныя орудія.—Повидимому переходъ автора въ Варшавскій университетъ помѣшалъ ему продолжать эти занятія, о чемъ нельзя не пожалѣть; несмотря на неполноту собраннаго матеріала и на не безупречную группировку его, трудъ этотъ занималъ бы въ небогатой лингвистическими изслѣдованіями литературѣ славянской всетаки почетное мѣсто, если бы былъ доведенъ до конца и снабженъ, какъ въ первомъ томѣ, подробнымъ указателемъ. Отзывы Брикнера (Archiv f. sl. Phil. т. IV и VI) и Бодуэна (Р. Ф. В. 1879, т. II, 165—206), указали на слабыя стороны сочиненія, но не могли совсѣмъ умалить значеніе его. Изъ нѣжинской дѣятельности Будиловича укажемъ еще на статью «Заговоръ графовъ Петра Зринскаго и Франца Франкопана. Эпизодъ изъ хорватской исторіи XVII в.» (Кіевъ 1879, 1—12, въ Изв. ист.-филол. инст. кн. Безбородко т. IV) и на рецензію на второе изданіе Исторіи слав. литературъ Пыпина и Спасовича (въ Ж. М. Н. Пр. 1879, ч. CCIII, отд. 2, 277—311), гдѣ ведется полемика противъ Западническаго направленія изъ-за принципіально различныхъ взглядовъ о роли славянъ въ культурномъ мірѣ Европы, о ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, объ отношеніи малорусскаго типа къ великорусскому и т. п.

Хотя Будиловичъ въ Варшавѣ занималъ (съ 1881 г.) такую же каѳедру, какъ въ Нѣжинѣ, обстоятельства жизни все-таки значительно измѣнились. Онъ считалъ здѣсь своей обязанностью высоко держать знамя русское, что ему внушало особенный выборъ темъ не чисто научныхъ, а съ извѣстной политическо-религіозной тенденціею. Изданное въ Варшавѣ въ 1883 г.

(8⁰ XIII, 349) «Начертаніе церковно-славянской грамматики» можно, пожалуй, считать вызваннымъ мѣстными потребностями, но и оно доказало, что у автора не было достаточно досуга, чтобы поглубже вникнуть въ предметъ, представленный имъ въ этомъ сочиненіи довольно поверхностно. Зато приближавшееся чествованіе тысячелѣтія кончины апостола Меѳодія размахало крылья одностороннихъ религіозныхъ воззрѣній варшавскаго слависта. Складъ его культурно-религіозныхъ убѣжденій давно уже побуждалъ его къ обработкѣ такихъ вопросовъ по части западной христіанской церкви, гдѣ онъ усматривалъ доказательства превосходства началъ восточной церкви. Еще въ 1871 г. имъ написана статейка: «Не былъ ли православнымъ человѣкомъ Іеронимъ Пражскій» (отд. отт. изъ «Христіанскаго Чтенія»), а въ 1879 г. вышла статья его: «О Янѣ Непомуцкомъ, іезуитско-габсбургскомъ святомъ» (отд. отт. 8⁰ 26, изъ Холмско-Варшав. Епархіальн. Вѣдомостей 1879, № 10), выдающая уже стилизацією заглавія тенденцію; въ 1880 г. онъ написалъ (тамъ же, Варшава 1880, 8⁰ III. 195) цѣлое разсужденіе о пражскомъ епископѣ Войтѣхѣ: «Очерки изъ церковной исторіи западныхъ славянъ», въ которомъ накинулся съ не вполнѣ объективной критикой на этого бывшаго римско-германскаго ревнителя христіанства. Наконецъ вышелъ въ 1885 г. подъ его редакціею въ Варшавѣ «Меѳодіевскій юбилейный сборникъ» (8⁰ 20, 117, 125, 56, 22, 49), состоящій изъ нѣсколькихъ статей, въ числѣ которыхъ ему принадлежала: «Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія» (отд. отт. 117 стр.)—статья написанная не безъ кой-какихъ вовсе ненаучныхъ выходокъ противъ запада. Припомнимъ еще его «Рѣчь о славянскихъ первоучителяхъ Кириллѣ и Меѳодіи» (ib. 8⁰ 32), произнесенную въ средѣ католическаго народонаселенія не въ духѣ примиренія, какъ приличествовало бы обстоятельствамъ мѣста и времени, а съ полной враждебностью противъ всего западнаго.

Помимо этого главнаго предмета въ теченіе этого времени онъ напечаталъ еще нѣсколько статей въ видѣ критическихъ рефератовъ въ Ж. М. Н. Пр. о сочиненіяхъ: Засадкевича о Мелетіи Смотрицкомъ (1883 іюль), о моемъ изданіи Маріинскаго Евангелія (1884 мартъ), о географическомъ словарѣ Головацкаго (1884 августъ), о Sécrets d'état de Venise Ламанскаго (1885 № 2. 4—6), о сочиненіи Риттиха «Славянскій міръ» (1885 ноябрь), по поводу изданной мною переписки Добровскаго и Копитара (1886 іюнь), о сочиненіи Малышевскаго (1887 іюнь), по поводу грамматики Богородицкаго (1888 май), о книгѣ Потебни «Изъ записокъ по русской грамматикѣ» (1889 мартъ), объ изслѣдованіи Слова о полку Игоревѣ Е. В. Барсова (1890 май). Въ Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, составленномъ и

изданномъ учениками Ламанскаго въ 1883 г., ему принадлежала статья: «Іеронимъ Каваньинъ, полузабытый панславистъ начала XVIII в.» (стр. 156—178). И въ Варшавскомъ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ выходили его статьи и рецензіи: въ 1882 г. вып. 2 «Варшавскій листокъ изъ церковнославянскаго евангелія русскаго письма XI—XII вѣка», въ 1883 г. вып. 2 о сочиненіи Качановскаго относительно дубровницкаго поэта Глегевича, въ 1886 г. вып. 2 о сочиненіи Вержбовскаго, въ 1887 г. вып. 2 о сочиненіи Крека, въ 1889 г. вып. 3 о грамматикѣ Н. Некрасова, въ 1891 г. вып. 1 «О русскомъ произношеніи» (по поводу книги Лунделя), объ изданіи Помяловскаго «Житіе св. Саввы». Въ концѣ его варшавской профессорской дѣятельности былъ имъ оконченъ и въ Варшавѣ же напечатанъ въ 1892 г. двухтомный трудъ его: «Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы» (I томъ, 8^0 VIII, 426; II томъ, 8^0 374), признаваемый иными учеными еще и теперь (К. Я. Гротъ, А. И. Соболевскій) капитальнѣйшимъ произведеніемъ Будиловича. Я былъ давно уже и остаюсь еще и теперь другого мнѣнія, высказаннаго мною въ Archiv f. sl. Phil. XV, 417—423.

Состоя съ молодыхъ своихъ лѣтъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Петербургскимъ славянскимъ обществомъ, отъ котораго ему и была присуждена премія за только что упомянутое сочиненіе, онъ взялся еще въ бытность свою въ Варшавѣ за редакцію новаго органа общества: «Славянское Обозрѣніе, историко-литературный и политическій журналъ», въ которомъ его славянофильскія убѣжденія изложены въ вводной статьѣ «Къ читателю»; кромѣ того, написано имъ же довольно много культурно-историческихъ или критико-библіографическихъ статей; но новыя обязанности приневолили его на слѣдующій же годъ сдать редакцію въ другія руки. Въ 1892 году онъ былъ назначенъ ректоромъ дерптскаго (юрьевскаго) университета, въ этой должности онъ стоялъ, какъ говорится, на стражѣ русскаго дѣла, т. е. проводилъ руссификацію бывшаго до тѣхъ поръ нѣмецкаго университета, до конца 1901 года и, кажется, обнаружилъ даже по взглядамъ правительства слишкомъ много усердія, такъ что по принципу promoveatur ut amoveatur въ 1901 году былъ вызванъ въ Петербургъ въ члены совѣта министра народнаго просвѣщенія. Тогда у него опять явилась возможность принимать прямое участіе въ дѣятельности славянскаго общества, толкавшей его все болѣе и болѣе въ публицистику, такъ что чисто научные вопросы опять отступили на задній планъ. И какъ ректоръ Юрьевскаго университета, должно быть, отвлекаемый служебными дѣлами, онъ участвовалъ въ наукѣ очень мало. На мелочахъ не стоитъ останавливаться. Всѣ статьи и

статейки его перечислены въ выше упомянутомъ «Приложеніи» къ «Новому Сборнику» въ честь Ламанскаго (1905). Характеристика Будиловича, написанная друзьями его и поклонниками, имѣется въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1909 г. (мартъ 1097—1122, Константина Грота), въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» 1909 г. (№ 1, стр. 149—161, статья Карскаго) и въ Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ 1909 г. (№ 1, стр. 19—22, А. И. Соболевскаго). Воспоминанія о встрѣчѣ молодого слависта въ 1872 г. въ Хорватіи, въ Огулинѣ, съ бывшимъ тогда хорватскимъ административнымъ чиновникомъ Б. Будисавлевичемъ напечатаны не давно въ Загребѣ, въ № 12 литер. приложенія «Ilustrovani Obzor», подъ заглавіемъ: «Jedna mala uspomena na Antona Semenovića Budilovića» (стр. 354—360).

Къ новому поколѣнію русскихъ славяновѣдовъ, которые уже воспитались на результатахъ сравнительной грамматики, принадлежитъ Ал. Ал. Кочубинскій, уроженецъ юга (род. въ 1845 г. къ Кишиневѣ), воспитанникъ московскаго университета, куда онъ попалъ въ 1863 г. по окончаніи гимназіи въ Одессѣ. Автобіографическія черты его до поступленія въ одесскій университетъ въ качествѣ приватъ-доцента (въ 1872 г.) сообщены въ «Двадцатипятилѣтіи Императорскаго Новороссійскаго университета», написанномъ проф. Маркевичемъ въ 1890 году (Зап. Импер. Новор. университета, томъ LIII, стр. 252—261). По собственнымъ словамъ Кочубинскаго, въ университетѣ онъ сначала много занимался сравнительнымъ языкознаніемъ, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, вступительная лекція его, напечатанная въ расширенномъ видѣ: «Славянскія нарѣчія и сравнительное языкознаніе. Историко-критическій очеркъ» (Одесса 1872, 8° 49), тогда какъ лекціи Бодянскаго ему казались совсѣмъ неинтересными. Не записному представителю славяновѣдѣнія, а молодому доценту слависту-историку Нилу Попову онъ самъ приписывалъ заслугу, что въ немъ вскорѣ перетянула любовь къ славянской наукѣ. Послѣ краткаго пребыванія въ Владимірѣ на Клязьмѣ въ качествѣ учителя, онъ попалъ въ одну гимназію въ Одессѣ, откуда въ 1869 г. былъ командированъ съ педагогической цѣлью въ Австрію (въ Прагу) и Пруссію (Берлинъ). Возвратившись въ Одессу, нѣсколько времени спустя онъ сдалъ у Григоровича магистерскій экзаменъ по славяновѣдѣнію и защитилъ (въ 1873 г.) диссертацію чисто историческаго содержанія: «Братья подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII в.» (8° XVI. 346). Два теченія боролись въ немъ: историческое (которымъ онъ могъ угодить Бодянскому и Григоровичу) и филологическое (въ которомъ къ сожалѣнію незамѣтно было хорошей методической подготовки). Отъ Григоровича онъ унаслѣдовалъ любовь къ напыщеннымъ рѣчамъ съ оригинальными

заглавіями: разныя торжества университета и славянскаго общества давали поводы и толчки. Сл. напр. статейку «Минувшій годъ» (Одесса 1873, 8⁰ 10), сборникъ статей подъ заглавіемъ: «Мы и они» (1711—1878)—Очерки исторіи и политики славянъ» (Одесса 1876, 8⁰ 246), или «Памяти товарищей», рѣчи у гроба Григоровича, Смирнова (Одесса 1878, 8⁰ 8), или рѣчь подъ заглавіемъ: «Добрый пастырь и добрая нива», произнесенная въ юбилей св. Меѳодія (Одесса 1885, 8⁰ 45), или «Правда жизни и правда творчества», рѣчь въ юбилей Пушкина (Одесса 1880, 27), также «Черты края въ произведеніяхъ Пушкина» (рѣчь произнесенная въ Кишиневѣ 1895) и т. д.

Въ научной дѣятельности сначала, повидимому, привлекали его преимущественно вопросы грамматическіе. Укажемъ на двѣ статьи, напечатанныя въ Воронежскихъ Филологическихъ Запискахъ: «Звукъ *a* отличительная черта сербскаго вокализма» (1870—1871, 8⁰ 62), это не что иное какъ передѣлка моего изслѣдованія: «Podmladjena vokalizacija», напечатаннаго въ загребскомъ Rad'ѣ кн. IX, и «Какъ долго жилъ русскій супинъ» (1872, 8⁰ 12). Результатомъ его командировки заграницу, планъ для которой былъ имъ же начертанъ въ «Запискѣ о путешествіи по славянскимъ землямъ» (Одесса 1874, 8⁰ 48), — противъ этого плана, не безъ нѣкотораго основанія, были возраженія въ совѣтѣ — явились его отчеты: «Изъ-за границы съ 1874 по 1876 гг.». Первый отчетъ «о занятіяхъ славянскими нарѣчіями» напечатанъ въ XVIII томѣ «Записокъ» (1876, 8⁰ 76), второй и третій въ XX томѣ (1876, 8⁰ 93), ихъ содержаніе — ознакомленіе съ нѣкоторыми церковнославянскими памятниками Галиціи (подробнѣе разобрана одна южнорусская рукопись 1307 года) и нѣсколько замѣчаній о галицкихъ говорахъ, напр., о бойкахъ; потомъ грамматическій разборъ различныхъ памятниковъ древнечешской письменности и нарѣчій словацкаго и угорскорусскаго, библіографическія разысканія въ библіотекахъ Берлинской и Пештской, потомъ въ Бѣлградѣ и Загребѣ. Уже въ этихъ «Отчетахъ» главное вниманіе сосредоточивалось на слоговыхъ ḷ ṛ. Тому же вопросу, съ неудавшейся попыткой рѣшенія его, посвящено слѣдующее въ 1877—8 г. напечатанное изслѣдованіе, доставившее ему степень доктора (въ Кіевскомъ университетѣ): «Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій», подъ спеціальнымъ заглавіемъ: «Основная вокализація плавныхъ сочетаній конс. + л, р + ъ — ь + конс.» (Томъ I въ XXIII т. Зап. 1877, 8⁰ 223; т. II, ч. 1, въ XXV т. Записокъ 1878, 8⁰ 90). Несмотря на богатый матеріалъ, изслѣдованіе не удовлетворяло, соображенія автора не были приняты наукою (сл. Archiv f. sl. Phil. III, 601; IV, 387). Еще въ томъ же году онъ былъ утвержденъ ординар-

нымъ профессоромъ. Безъ значенія его статейка «Polabani» (1879, 8⁰ 40, въ XXVII т. «Записокъ»). Въ «Книжныхъ мелочахъ» (Р. Ф. В. 1880 г.) имѣется библіографическое обозрѣніе нѣкоторыхъ изданій западнославянскихъ литературъ, тутъ же и полемика съ Мурзакевичемъ изъ-за В. И. Григоровича; сл. еще «Рукописи Григоровича» въ Р. Ф. В. (1880 № 2), по поводу описанія рукописей его собранія, попавшаго въ Румянцевскій музей. Въ «Итогахъ славянской и русской филологіи» (Одесса 1882, 8⁰ 239, въ XXXIII т. Записокъ) представленъ по поводу книги Котляревскаго отчетъ объ успѣхахъ филологіи славянорусской, съ различными библіографическими замѣтками, при чемъ не упущена также и языкосравнительная литература, но все это сдѣлано безъ малѣйшей системы. Упомянемъ еще библіографическую статью: «Славянскія рукописи пештскаго музея» (въ Р. Фил. В. за 1882 годъ, отд. отт. 28 стр.) и разборъ сочиненія П. Житецкаго (въ Отчетѣ о 32 присужденіи Увар. премій 1892, 8⁰ 97).

Быть можетъ самъ авторъ вскорѣ почувствовалъ неудовлетворительность своихъ лингвистическихъ соображеній, и поэтому въ теченіе слѣдующихъ десятилѣтій онъ болѣе обращалъ взоры въ другую сторону славянской науки, посвятивъ главное вниманіе біографическимъ и библіографическимъ даннымъ для исторіи движенія славянской науки. Въ этомъ направленіи сдѣлано имъ довольно много и, надо признаться, удачно. Важнѣе всего его обширное Макаріевской преміею награжденное сочиненіе «Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія» (1888, 8⁰ X, 324, CLI), въ которомъ живыми красками рисуется дѣятельность кружковъ графа Румянцева и А. Шишкова. Въ этомъ же направленіи онъ разобралъ еще «Графа Сперанскаго и университетскій уставъ» (въ В. Евр. 1894 апрѣль и май), «Графа С. Г. Строгонова» («Изъ исторіи нашихъ университетовъ 30-хъ годовъ», въ В. Евр. 1896 іюль, августъ), «П. І. Шафарика» (въ В. Евр. 1906 май, іюнь). Краткія сообщенія имъ же сдѣланы о Бодянскомъ (въ «Славянскомъ обозрѣніи» 1892, т. III, кн. 11—12, сл. также «О. М. Бодянскій въ его дневникѣ» (Ист. Вѣстникъ 1887, № 12), о Головацкомъ («Еще свидѣтель славянскаго возрожденія» въ Одесскомъ Вѣстникѣ 1888, № 153), о В. И. Григоровичѣ, Колосовѣ и др. (въ «Памяти товарищей» 1878 г. и въ «Памяти сослуживцевъ 1876—1901» Одесса 1901 8⁰ 36), сл. еще «Янъ Амосъ Коменскій. В. И. Григоровичъ. Двѣ рѣчи». (Одесса 1893, 8⁰ 56) и «Открытіе въ Елисаветградѣ памятника В. И. Григоровичу» (въ «Слав. обозрѣніи» за 1892 г.), отзывы о Гатталѣ 1879, о Я. К. Гротѣ 1883, о Миклошичѣ (1884, по случаю избранія его въ почетные члены университета), нѣсколько прочувствованныхъ словъ посвящено также памяти

Колосова (1881 въ Новоросс. Телеграфѣ), памяти П. А. Лавровскаго (1889), В. Н. Юргевича (1899), Маркевича (1904), Войтковскаго (1904), Ленца (1907) и др. Въ своихъ рѣчахъ ораторъ любилъ красныя словца для большаго риторическаго впечатлѣнія, но все же имъ сказано и много дѣльнаго.

А. А. Кочубинскій сознавалъ большое значеніе тѣсной связи литовскаго языка съ славянскими для языкосравнительныхъ изслѣдованій, но онъ самъ ограничился только этимологическими сопоставленіями для нѣкоторыхъ вопросовъ славянскихъ древностей. Попытки этого рода видны въ статьѣ: «Литовскій языкъ и наша старина» (1895 въ изд. Моск. археолог. общества, 4⁰ 17, нѣсколько соображеній о литовскихъ названіяхъ соли) и «Территорія доисторической Литвы» (Ж. М. Н. Пр. 1897, № 1, стр. 60—94, содержитъ нѣсколько любопытныхъ соображеній по исторической географіи). Подражая же Григоровичу и онъ обращалъ вниманіе на археологію южнаго края: въ 1889 г. напечатано имъ изслѣдованіе «Лапидарныя надписи XV столѣтія изъ Бѣлгорода что нынѣ Аккерманъ» (Одесса 1889, 4⁰ 42, изъ XV тома «Записокъ» Одесскаго общ. истор. и древн.) и какъ продолженіе: «Тура (Тирасъ)—Бѣлгородъ—Аккерманъ и его новая лапидарная надпись отъ 1454 года» (Одесса 1901, lex. 8⁰ 120), ср. еще «Докладъ о поѣздкѣ для осмотра бывшей Хотинской крѣпости» (1904 г. въ Зап. Од. общ. т. XXV, стр. 80—90). Южный край привлекалъ его вниманіе также въ этнографическомъ отношеніи, какъ доказываютъ его разсужденія: «О русскомъ племени въ Дунайскомъ Залѣсьѣ» (1887, въ Трудахъ VII археол. съѣзда 1891 г., томъ II, 9—66) и «Архивные матеріалы для этнографіи Болгаръ» (Зап. Од. общ. т. XV 1889, 1—13). Политической исторіи русскаго юга и южныхъ славянъ посвятилъ Кочубинскій еще въ молодости статью: «Сношенія Россіи при Петрѣ Первомъ съ южными славянами и румунами» (Чтенія, Москва 1872, 8⁰ 98) и затѣмъ въ 1899 г. вышло обширное сочиненіе его: «Графъ Андрей Ивановичъ Остерманнъ и раздѣлъ Турціи. Изъ исторіи восточнаго вопроса, война пяти лѣтъ» (Одесса 1899, 8⁰ XIV, 526, LXII). Онъ любилъ время отъ времени писать статьи, затрогивающія политику, преимущественно въ «Историческомъ Вѣстникѣ», перечень ихъ у Ляпунова. Сл. отзывы о Кочубинскомъ Ляпунова и другихъ въ брошюрѣ: «Рѣчи произнесенныя 15 мая 1907 года при погребеніи А. А. Кочубинскаго» (Одесса 1907, 8⁰ 15), некрологъ Кидрича въ Archiv für slav. Philologie XXIX, 633—636, и гораздо подробнѣе съ очень внимательнымъ анализомъ всѣхъ сочиненій лингвистическаго содержанія въ книжкѣ Ляпунова: «А. А. Кочубинскій и его труды по славянской филологіи. Историко-біографическій очеркъ» (Одесса, 1909, 8⁰, 105).

Какъ на каѳедрахъ славянской филологіи русскихъ университетовъ въ первое время преимущественное вниманіе обращалось только на политическую и литературную исторію славянъ, на разсказы о ихъ бытѣ и культурно-политическомъ положеніи, такъ и на каѳедрахъ русской словесности стояла на первомъ планѣ исторія литературы, изслѣдованія же о русскомъ языкѣ не находили много любителей. Поэтому заслуживаетъ особеннаго упоминанія М. А. Колосовъ (1839—1881), происхожденіемъ изъ бѣднаго купеческаго сословія, сумѣвшій напряженіемъ сильной воли преодолѣть всѣ препятствія крайней бѣдности и пріобрѣсти въ Харьковскомъ университетѣ филологическое образованіе съ экзаменомъ на должность учителя средне-учебныхъ заведеній (съ 1865 по 1871 гг.), послѣ того, какъ онъ прежде нѣсколько лѣтъ бѣдствовалъ, состоя приходскимъ и уѣзднымъ учителемъ. Спеціальностью его сдѣлался русскій языкъ на основаніи церковно-славянскаго. Въ этой области онъ усердно поработалъ и въ качествѣ учителя гимназіи въ Одессѣ, еще же болѣе какъ профессоръ русскаго языка и словесности въ Варшавскомъ университетѣ, куда онъ былъ приглашенъ въ 1871 г., и гдѣ въ 1878 г. основалъ журналъ «Русскій Филологическій Вѣстник». Еще въ бытность его учителемъ въ гимназіи имъ написанъ учебникъ: «Старославянская грамматика» (1-мъ изд. вышла въ 1868 г.) и въ Воронежскихъ Филологическихъ Запискахъ стали появляться его статьи, какъ: «Могутъ ли йотироваться *ы* и *ѣ*» (1870, стр. 1—6), «Отношенія гласныхъ звуковъ въ старославянскомъ языкѣ» (1871, стр. 1—8), «Звукъ *ы* въ его отношеніяхъ къ *оу* въ старославянскомъ языкѣ» (1872, стр. 1—11), «Замѣтки о звукахъ русскаго и старославянскаго языковъ» (1872, стр. 1—29, по поводу грамматикъ Буслаева и Шерцля). Статьи эти теперь уже, конечно, потеряли значеніе, но усердіе, съ которымъ онъ по доступнымъ ему тогда текстамъ древнерусскихъ памятниковъ собиралъ матеріалъ для фонетики и формъ, стараясь представить его въ нѣкоторой системѣ, дѣлаетъ и теперь еще полезнымъ для справокъ грамматическій трудъ его: «Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе» (Варшава 1872, 8° XII, 192). Важнѣе еще и содержательнѣе, отличаясь богатыми данными, второй его трудъ: «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка» (Варшава 1878, 8° X. 268), въ которомъ точно такъ же сгруппированы въ систему матеріалы по великорусскому нарѣчію, рядомъ съ его собственными наблюденіями надъ языкомъ великорусскаго сѣвера. По порученію Отдѣленія русскаго яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ онъ объѣхалъ нѣкоторыя мѣста сѣверныхъ губерній (Новгородской, Олонецкой, Вятской, Владимірско-Суздальскаго и Ярославскаго края, Архангельской, Вологодской и Перм-

ской) и представилъ объ этомъ свои отчеты въ «Замѣткахъ о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія» (Спб. 1877, 8⁰ 343, прил. 3 къ XVII тому «Сборника»). Въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ онъ помѣстилъ нѣсколько отзывовъ и попытался было изгнать ъ, но послѣ его смерти «твердый знакъ» былъ возстановленъ! О Колосовѣ см. отзывы въ Р. Ф. В. 1881, т. V, 208—219 (А. Смирнова и Е. Карскаго ib. 1903, т. L, стр. 1—41).

Преемникомъ Колосова въ редакціи Русскаго Филологическаго Вѣстника былъ Александръ Ив. Смирновъ (1842—1905), занявшій также каѳедру русскаго языка и словесности въ Варшавскомъ университетѣ послѣ Колосова. Воспитанникъ Одесскаго университета, одинъ изъ учениковъ В. И. Григоровича, Смирновъ прослужилъ нѣсколько лѣтъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ въ Одессѣ, пока на основаніи диссертаціи о Словѣ о полку Игоревѣ получилъ степень магистра (1879) и каѳедру экстраординарнаго профессора въ Варшавѣ. Занятія его вращались въ области древней русской литературы, не имѣя значенія самостоятельныхъ трудовъ съ оригинальными мыслями, а только добросовѣстныхъ библіографическихъ компиляцій и рефератовъ. Полный перечень ихъ представленъ Е. Ѳ. Карскимъ въ LIII томѣ (1905) Р. Ф. В.: «По случаю исполнившейся двадцатипятилѣтней редакторской дѣятельности А. И. Смирнова» (стр. 1—6). Укажемъ все-таки на отд. изданіе изъ Воронежскихъ Филол. Записокъ: «О словѣ о полку Игоревѣ» (I. Воронежъ 1877, 8⁰ 186; II ib. 1879, 8⁰ 250). Вып. первый содержитъ литературу до 1876 г., второй подъ заглавіемъ «Пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ» разсуждаетъ о вѣкѣ и характерѣ письма, о языкѣ, орѳографіи, объ исправленіяхъ, о судьбѣ слова въ послѣдующей литературѣ, объ отношеніи къ сѣверорусской народной поэзіи и особенно къ поэтическимъ сказаніямъ о Куликовской битвѣ. Въ 1882 г. издана имъ недурная хрестоматія: «Сборникъ древнерусскихъ памятниковъ и образцовъ народной рѣчи» (Варшава 1882, 8⁰ VI, 226, VI). Какъ сказано выше (на стр. 481/2) Смирновымъ напечатана часть лекцій В. И. Григоровича, но не вполнѣ критически.

И у одесскаго профессора Ивана Степ. Некрасова (1836—1895) преобладали занятія древне-русской литературою въ видѣ критическаго разбора отдѣльныхъ памятниковъ, поэтому правильнѣе было бы о немъ сказать нѣсколько словъ выше, гдѣ рѣчь была о литер. историкахъ. Окончивъ университетскій курсъ въ Москвѣ, Некрасовъ попалъ въ 1869 году въ Одессу доцентомъ, потомъ профессоромъ русской словесности, гдѣ и оставался до конца жизни. Его магистерская диссертація касалась «Зарожденія національной литературы въ сѣверной Руси» (Одесса 1870, 8⁰ 173, 44), т. е.

обозрѣнія первичныхъ редакцій житій русскихъ святыхъ; въ нѣкоторой связи съ этимъ изслѣдованіемъ стоитъ: «Пахомій сербъ, писатель XV вѣка» (Одесса 1871, 8⁰ 99), такъ какъ Пахомій прославился витіеватымъ передѣлываніемъ первичныхъ редакцій житій. Докторская диссертація его была посвящена «Домострою»: «Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя» (Москва 1873, 8⁰ 184, отд. отт. изъ «Чтеній» 1872, кн. 3); къ этому вопросу онъ возвратился еще разъ: «Къ вопросу о Домостроѣ» (Ж. М. Н. Пр. 1889 іюнь, 372—390). Некрасовъ бывалъ въ свои молодые годы въ Италіи, слѣдъ его знакомства съ средневѣковой литературной дѣятельностью этой классической страны отразился на его утонченномъ смыслѣ при разборахъ художественной стороны литературныхъ произведеній, о чемъ свидѣтельствуютъ такія статьи его, какъ: «Женскій литературный типъ древней Руси», «Древне-русскій литераторъ», «Характеристика нравственной стороны древне-русскаго иконописца» и т. п. Любопытна по содержанію его статья: «Пермскія письмена въ рукописяхъ XV в.» (Одесса 1890, 8⁰ 6 и 10 снимковъ). Подробный перечень прочихъ его статей у Маркевича въ «Двадцатипятилѣтіе Новороссійскаго университета» (Записокъ т. LIII стр. 223—226). Отзывъ о Некрасовѣ въ Ж. М. Н. Пр. 1896 г. январь и въ Р. Ф. В. т. XXXV (Варшава 1896) его ученика Будде.

Славянская и древне-русская литература, связанныя неразрывными узами когда-то въ жизни, сосредоточивали и на университетскихъ каѳедрахъ дѣятельность такихъ представителей науки, какъ Срезневскій, Буслаевъ, Тихонравовъ и др. И въ числѣ тружениковъ молодого поколѣнія вышелъ такимъ же славистомъ и профессоромъ русской словесности вмѣстѣ Матвѣй Ив. Соколовъ (1854—1906), одинъ изъ лучшихъ учениковъ Ламанскаго. Этимъ уже довольно сказано, что молодой ученый не пойдетъ по филологической, а по исторической части славяновѣдѣнія. Дѣйствительно первый, еще студенческій трудъ Соколова былъ посвященъ нѣсколькимъ главамъ древнѣйшей исторіи болгаръ («Изъ древней исторіи болгаръ» Спб. 1879, 8⁰ VI. 250); сочиненіе это отличалось большой трезвостью и критической оцѣнкой источниковъ, но строго говоря, входило не въ славянскую филологію, а въ славянскую исторію. Какъ любимецъ своего учителя, поддерживаемый его авторитетомъ, Соколовъ вскорѣ (въ 1881 г.) получилъ въ Нѣжинскомъ институтѣ каѳедру русской словесности, которую занималъ съ 1881 по сентябрь 1889 г., въ этомъ же году онъ былъ переведенъ въ Москву на каѳедру русской словесности, которая до тѣхъ поръ принадлежала Тихонравову. Магистерская диссертація его, написанная послѣ предпринятой въ 1886 году непродолжительной поѣздки къ южнымъ славянамъ (въ Бѣлградъ и Софію), отно-

силась цѣликомъ къ древней церковно-славянской литературѣ: «Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ» (Выпускъ первый. Москва 1888, 8⁰ VI, 211) и доставила автору премію (сл. мой отзывъ по поводу присужденія Увар. преміи 1902, 8⁰ 27). Какъ продолженіе вышелъ еще выпускъ второй (Спб. 1891, 8⁰ 89, отд. отт. изъ Ж. М. Н. Пр. 1891 апрѣль и май), разбирающій одно новооткрытое сочиненіе Крижанича. Это стояло въ связи съ похвальнымъ, къ сожалѣнію не осуществившимся вполнѣ планомъ одного кружка молодыхъ московскихъ ученыхъ, предпринять новое, полное и критическое изданіе всѣхъ сочиненій Крижанича. На дѣлѣ вышелъ только выпускъ I (1891, 8⁰ 71) подъ редакціею В. Н. Щепкина и В. И. Колосова и выпускъ II (1891, 8⁰ XIV, 122) подъ редакціею М. Соколова. Оба выпуска появились первоначально въ московскихъ «Чтеніяхъ» (1891, кн. 1, 2); тутъ же вышелъ подъ редакціею Соколова одинъ русскій памятникъ XVIII-го столѣтія: «Слава Россійская. Комедія 1724 года» (1892, 8⁰ XXVI, 29). Для широкой публики онъ написалъ въ изданіи П. Г. Виноградова «Книга для чтенія по исторіи Среднихъ Вѣковъ» въ томѣ II: «Болгарская письменность», въ т. III: «Стефанъ Душанъ».

Щепетильныя, такъ сказать миніатюрныя изслѣдованія удавались автору, въ особенности, если стояли въ связи съ древней апокрифической литературой, которую онъ зналъ основательно. Въ доказательство укажемъ на его изслѣдованіе: «Апокрифическій матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками» (Ж. М. Н. Пр. 1889 іюнь, 339—368) и «Новый матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками» (въ Древностяхъ. Трудахъ славянской коммиссіи Импер. Моск. Археолог. Общества 1895, т. I, стр. 134—262). Въ тѣхъ же «Трудахъ» онъ сдѣлалъ различныя сообщенія изъ древнихъ памятниковъ. Въ IV томѣ «Трудовъ» той же коммиссіи напечатано имъ «Апокрифическое Откровеніе Варуха», но главной его заботой была обширная монографія объ апокрифической книгѣ «Энохъ», хорошій славянскій текстъ этого памятника былъ въ его рукахъ, который онъ охотно уступилъ для пользованія англійскому знатоку славянскихъ языковъ Морфилю, по переводу же его этотъ текстъ принятъ въ соображеніе въ англійскомъ сочиненіи: The Book of the Secrets of Enoch translated from the slavonic by W. R. Morfill... and edited with Introduction, Notes and Indices by R. H. Charles... Oxford 1896. Сл. также изслѣдованіе Бонвеча: «Das Slavische Henochbuch von N. Bonwetsch» (Berlin 1896), но въ 1899 г. самъ Соколовъ напечаталъ славянскій текстъ въ 4-ой книгѣ московскихъ Чтеній, какъ 3-й выпускъ своихъ «Матеріаловъ и замѣтокъ по старинной славянской литературѣ», гдѣ онъ составляетъ главу VII: «Славянская книга Эноха

(I—IV, 1—112). Изданіе главнаго текста здѣсь окончено, но приложенія не доведены до конца; кромѣ того и его изслѣдованія здѣсь еще нѣтъ. Чего не успѣлъ сдѣлать Соколовъ, обѣщается исполнить преемникъ его на каѳедрѣ русской словесности въ Московскомъ университетѣ М. Н. Сперанскій. Укажемъ еще на напечатанное въ «Новомъ Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію» (Спб. 1905) изслѣдованіе Соколова, представляющее несомнѣнно часть его задуманнаго большого труда: «Фениксъ въ апокрифахъ объ Энохѣ и Варухѣ» (395—405). Говорятъ, что у Соколова, несмотря на различныя неудачи его жизни, былъ очень хорошо и добросовѣстно составленный курсъ университетскихъ лекцій, въ особенности по древней русской словесности. Такъ какъ хорошихъ обозрѣній русской литературы пока не очень-то много, было бы желательно увидѣть и этотъ трудъ Соколова изданнымъ. Укажемъ на параллельный примѣръ относительно исторіи польской литературы Р. Пилята (см. выше на стр. 583). Коротенькій отзывъ о Соколовѣ сдѣланъ акад. Истринымъ въ Ж. М. Н. Пр. 1906 сентябрь, подробнѣе анализъ его преподавательской дѣятельности въ Нѣжинѣ далъ В. Розановъ: «Памяти Матвѣя Ивановича Соколова» (Нѣжинъ 1907, 8⁰ 21) и въ Отчетѣ Импер. Моск. Унив. за 1907 г. Николай Дурново: «Матвѣй Ивановичъ Соколовъ» (Москва 1907, 8⁰ 20). Въ послѣднемъ отзывѣ указаны еще нѣкоторыя, здѣсь не упомянутыя статьи Соколова, напечатанныя въ Чтеніяхъ 1890 г. кн. 3, 1902 г. кн. 3, въ Трудахъ VIII археолог. съѣзда, и т. д.

Очень плодовитую, и все-таки мало удовлетворявшую дѣятельность развивалъ скончавшійся въ 1901 году въ Нѣжинѣ ординарный профессоръ славянской филологіи въ историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко—Владиміръ Вас. Качановскій (1853—1901), уроженецъ Западнаго края Россіи (Гродненской губерніи) и воспитанникъ Варшавскаго университета. Въ семидесятыхъ годахъ, когда онъ воспитывался въ Варшавѣ, въ университетѣ недостатка въ профессорахъ славяновѣдѣнія не было, но ни за однимъ изъ бывшихъ его профессоровъ нельзя признать полнаго права на званіе слав. филолога: всѣхъ ихъ тянуло больше къ исторіи не то политической, не то литературной и культурной, съ прибавкой интересовъ этнографическихъ. Поэтому неудивительно, что и усердный Качановскій вращался преимущественно въ области упомянутыхъ отраслей славяновѣдѣнія. Въ неутомимомъ трудолюбіи отказать ему нельзя, но онъ не пользовался репутаціею критическаго или глубоко въ суть вопроса вникавшаго ученаго. Non multum, sed multa — можно бы считать его девизомъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще нѣкоторую грубость, проявлявшуюся въ многочисленныхъ его рефератахъ о чужихъ трудахъ. Все это вмѣстѣ взятое объясняетъ, почему дѣятельность

его проходила какъ-то мало замѣченной, несмотря на большое число (слишкомъ двухъ сотъ статей) его произведеній, которыя имъ же перечислены при автобіографіи его, напечатанной въ изданіи по поводу двадцатипятилѣтія Нѣжинскаго института (Историко-Филологическій Институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ 1875—1900. Нѣжинъ 1900, 8⁰ 120). Еще въ 1876 г. онъ напечаталъ въ III томѣ Славянскаго Сборника: «Сербскія житія и лѣтописи какъ источникъ для исторіи южныхъ славянъ въ XIV и XV вѣкахъ» (стр. 183—222)—перечень библіографическій съ нѣкоторыми недурными прибавленіями. Статья эта вошла почти цѣликомъ въ его позднѣйшій въ 1899 г. изданный трудъ: «Исторіи Сербіи съ половины XIV до конца XV вѣка» (въ Извѣстіяхъ Института Безбородко т. XVII. Кіевъ 1899, 8⁰ VI. 372, сл. отзывъ П. Ровинскаго въ Изв. Отд. р. яз. и сл. IV, 1112—1127). Подобнаго характера была его статья (въ Ж. М. Н. Пр. 1878, ч. 198, отд. II, 63—112): «Византійскіе лѣтописцы, какъ источникъ для исторіи южныхъ славянъ въ періодъ паденія ихъ самостоятельности», вошедшая въ упомянутый трудъ о Сербіи, а также небольшого объема замѣтка въ Ж. М. Н. Пр. 1881 г. сентябрь, стр. 68—76: «Хорватскія лѣтописи XV—XVI вѣковъ». Не трудно въ этихъ и другихъ подобнаго рода статьяхъ усмотрѣть вліяніе одного изъ бывшихъ его учителей, профессора Макушева.

Командировка Качановскаго за границу была направлена тоже, главнымъ образомъ, къ южнымъ славянамъ, исторія политической, культурной и литературной жизни которыхъ стала предметомъ его изученія. Но по всѣмъ этимъ вопросамъ у него написано лишь много мелочей, напримѣръ: «Къ вопросу о литературной дѣятельности болгарскаго патріарха Евѳимія» (1882, изъ Христ. Чтенія 1882, № 7—8, стр. 1—50), и «Новыя данныя для изученія литер. дѣятельности Евѳимія» (тамъ же 1883, № 3—4), или «Славянскій списокъ описанія св. великомученика Димитрія Солунскаго 1479 г.» (1883, изъ Христ. Чт. того же года, № 1—2, стр. 1—36). Въ бытность свою за границею онъ напечаталъ въ Загребскихъ «Starine»: «Nekoliko spomenika za srbsku i bugarsku poviest» (кн. XII, 230—259), «Apokrifne molitve, gatanja i priče» (кн. XIII, 150—163), «Iz srbsko-slovjenskoga prievoda bizantinskoga ljetopisa J. Zonare» (кн. XIV, 125—172) и въ Rad'ѣ кн. LVIII: «Pitanje o godini smrti srbskog cara Uroša V i kralja Vukašina». Кое-что изъ матеріаловъ, имъ собранныхъ во время путешествія по южно-славянскимъ странамъ, напечатано въ основанномъ имъ же въ Казани повременномъ изданіи «Вѣстникъ Славянства» (книги I—V выходили съ 1888 по 1890 г. въ Казани, хотя онъ еще въ 1888 г. назначенъ профессоромъ Нѣжинскаго института, кн. VI—XI въ Кіевѣ съ 1891 по 1896 г.), напримѣръ: въ кн. III-ей «Грамота

болгарскаго царя Ясѣня Зографскому монастырю» (108—118) и «Новооткрытые на Аѳонѣ труды болгарскаго патріарха Евѳимія» (118—128, продолженіе въ IV кн. 118—125).

Главнымъ плодомъ странствованій Качановскаго по южнославянскимъ странамъ можно назвать его изслѣдованіе о дубровницкомъ поэтѣ Гледьевичѣ (онъ назвалъ и писалъ его неправильно Глегевичъ), о которомъ было уже коечто извѣстно изъ хорватскаго сочиненія А. Павича о дубровницкой драмѣ. Въ 1881 г. вышла въ Памятникахъ др. письм. О. Л. Д. П. предварительная справка: «Значеніе неизданнаго дубровницкаго поэта Антона Глегевича» (Спб. 1881, 4⁰ 27), полное же изслѣдованіе появилось въ 1882 г.: «Неизданный дубровницкій поэтъ Антонъ-Маринъ Глегевичъ. Историко-литературное изслѣдованіе» (Спб. 1882, 8⁰ II, 208), съ присоединенными въ родѣ дополненія текстами: «Образцы дубровницкаго языка и письма съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ, рисующихъ дубровницкую культуру» (Спб. 1882, 8⁰ 80). Трудъ, посвященный авторомъ поэту Гледьевичу, нельзя не признать довольно полезнымъ, только взгляды его во многихъ пунктахъ не отличались вѣрностью, поэтому и вызвали возраженія со стороны Макушева (въ Ж. М. Н. Пр. 1883 май), на которыя послѣдовалъ отвѣтъ Качановскаго въ 2-й книжкѣ «Вѣстника Славянства» (стр. 87—129): въ немъ много личнаго, хотя иныя отраженія основательны. Будмани, издавшій потомъ сочиненія Гледьевича въ XV томѣ «Stari pisci hrvatski» (1886), оцѣнилъ трудъ Качановскаго словами: «iz onoga što piše o životu i djelima Gleđevića nije mi bilo gotovo nikakve koristi, jer je g. pisac radi nedovoļnoga poznavańa našega jezika, naše kńiževnosti, prošlosti Dubrovnika, mnogo koješta krivo shvatio». Съ этимъ отзывомъ нельзя не согласиться, можно даже распространить его на совокупную дѣятельность Качановскаго. Укажемъ еще на статью его въ 1-й кн. «Вѣстника Славянства» о поэмѣ «Османъ» Гундулича (стр. 84—123), въ которой ведется неудачная полемика противъ извѣстнаго эстетическаго анализа проф. Марковича. Пока эти и многія другія статьи Качановскаго свидѣтельствуютъ о его многостороннихъ занятіяхъ, но въ то же время и о недостаточной основательности, вполнѣ не удавшимся къ сожалѣнію нужно назвать его трудъ посвященный изданію болгарскихъ народныхъ пѣсенъ. Ему удалось, правда, получить съ разныхъ сторонъ порядочное количество матеріаловъ, но сборникъ его, изданный въ 1882 г. Имп. Академіею Наукъ (какъ XXX т. «Сборника»): «Памятники болгарскаго народнаго творчества. Выпускъ 1-й. Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсенъ съ словаремъ» (8⁰ IX, 598) обнаружилъ полнѣйшую несостоятельность издателя, не сумѣвшаго сладить съ пріобрѣтеннымъ матеріаломъ,

когда пришлось напечатать его. Это легко между строками прочесть въ очень мягко написанной рецензіи Дринова, въ Archiv f. slav. Phil. VII, 109—117. Сборникъ Качановскаго вышелъ безъ малѣйшаго моего вліянія или участія; я долженъ прибавить эту оговорку потому, что въ 1882 году я былъ уже въ Академіи, но согласіе Академіи на печатаніе Сборника состоялось еще до моего поступленія въ Отдѣленіе. Не вдаваясь въ перечисленіе статей автора въ его «Вѣстникѣ Славянства», который повидимому не пользовался особеннымъ распространеніемъ въ Россіи, еще же менѣе за границею, вспомнимъ только еще послѣдній въ Извѣстіяхъ Института кн. Безбородко т. XVIII напечатанный трудъ: «Изъ исторіи сербской литературы», въ которомъ авторъ занимается главнымъ образомъ полемическими сочиненіями противъ латинянъ и еретиковъ.—Оцѣнка очень снисходительная значенія В. В. Качановскаго для славянской науки сдѣлана М. Н. Сперанскимъ: «Памяти В. В. Качановскаго» (Нѣжинъ 1901, 8⁰ 13).

Совокупной своей дѣятельностью много напоминаетъ Качановскаго его младшій товарищъ по спеціальности Полихроній Агапіевичъ Сырку (1855—1905), родомъ изъ Бессарабіи, на половину обрумынившійся малорусъ (Сырку вышло изъ Сѣрковъ, Сирковъ). Зная румынскій языкъ, — преимущество которымъ онъ къ сожалѣнію не сумѣлъ порядочно воспользоваться—онъ такъ и считалъ себя скорѣе румыномъ, по крайней мѣрѣ при случаѣ—чѣмъ русскимъ. Кончившій университетъ въ Петербургѣ, какъ ученикъ не то Срезневскаго, не то Ламанскаго, онъ постоянно колебался между филологіею и исторіею, не усвоивъ въ достаточной мѣрѣ критическихъ пріемовъ ни для филологическихъ, ни для историческихъ изслѣдованій. Съ Качановскимъ онъ сходился въ громадномъ трудолюбіи при извѣстной долѣ бездарности; въ широкихъ познаніяхъ библіографическихъ онъ даже превзошелъ Качановскаго; какъ у одного такъ и у другого почти всѣ разбираемые ими вопросы такъ и оставались не выясненными, писали же оба они очень много, только у Сырку всетаки было, какъ мнѣ сдается, больше успѣха, чѣмъ у Качановскаго, по крайней мѣрѣ на поприщѣ науки; по служебной части Сырку, заупрямившись быть непремѣнно профессоромъ въ Петербургѣ, не достигъ цѣли и остался до конца жизни доцентомъ этого университета — неудача не совсѣмъ оправданная, если сравнить его съ нѣкоторыми другими современниками.

Главнымъ трудомъ Сырку была одна часть, дѣйствительно изданная, его обширно задуманнаго сочиненія: «Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ», въ которой несмотря на объемъ изслѣдованія (Томъ I, вып. 1: «Время и жизнь патріарха Евѳимія Терновскаго». Спб. 1899, 8⁰ XXXII, 682; вып. II: «Литургическіе труды патріарха Е. Т.» Спб. 1890, XCVII, 231),

о исправленіи книгъ на дѣлѣ не сказано почти ничего. Чтó содержатъ оба этихъ тома по отношенію къ болгарскому культурно-религіозному и литературному (послѣдняго гораздо менѣе) движенію, объ этомъ даетъ хорошій и справедливый отзывъ рецензія М. С. Дринова, написанная по поводу присужденія автору Ломоносовской преміи за 1899 г. (въ Приложеніи № 7 Сборника Отдѣленія томъ LXVII) и некрологъ Сырку П. А. Лаврова въ Ж. М. Н. Пр. (1906 февр. «Научная дѣятельность П. А. Сырку»); сл. еще обширный разборъ Ламанскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1899 (№ 11 и 12). Замѣчательно и характерно, что Сырку при всей своей большой начитанности по данному вопросу, не былъ въ состояніи представить Евѳимія въ настоящемъ свѣтѣ, да и критическое изданіе его сочиненій выпало на долю другого ученаго — Калужняцкаго. Но одно дополненіе къ изданію Калужняцкаго сдѣлано все-таки трудолюбивымъ Сырку въ статьѣ: «Евѳимія патріарха Терновскаго служба преподобной царицѣ Ѳеофанѣ» (Спб. 1900, 8⁰, XXVII, 15, отд. отт. изъ Записокъ истор. филол. факультета). Укажемъ еще на замѣтку подобнаго содержанія: «Къ исторіи исправленія книгъ у сербовъ въ XV в.» (Извѣстія 1902 г. т. VII, кн. 4-я, стр. 321—323). Кромѣ того имъ же издано нѣсколько старыхъ текстовъ, напр. въ «Памятникахъ древней письменности» О. Л. Д. П. № 136 вышло «Монаха Григорія житіе преподобнаго Ромила» (Спб. 1900, 8⁰ XXXIII, 54). Подъ громкимъ заглавіемъ «Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній болгаръ и сербовъ въ XIV—XVII вѣкахъ» издано имъ въ Спб. 1901 г.: «Житіе св. Николая Новаго Софійскаго по единственной рукописи XVI в.» (8⁰, CCCXLVI, 176). Самъ текстъ былъ отпечатанъ еще въ 1881 г., но приготовленный имъ разборъ языка этого текста не былъ мною признанъ удовлетворительнымъ, по этому авторъ пріостановилъ тогда изданіе, потомъ же, лѣтъ двадцать спустя, снабдилъ его разсужденіемъ на 346 страницахъ. При многихъ хорошихъ данныхъ этого введенія, заключающихъ въ себѣ драгоцѣнныя выписки изъ различныхъ текстовъ, имѣется еще больше лишняго, растянутаго повторенія того, что было уже сказано другими. Такъ гласитъ не мой, а Дринова отзывъ объ этой части изданія.

Начиная съ конца семидесятыхъ годовъ Сырку усердно писалъ статьи и рефераты относительно литературной и культурной исторіи южныхъ славянъ (болгаръ и сербовъ), но филологическихъ вопросовъ касался лишь изрѣдка, не вынеся этого направленія изъ пройденной школы. Такого содержанія была лишь статья: «Рупаланы или Рупци. Замѣтка по болгарской діалектологіи» (Воронежъ, 1883, 8⁰ 17, отд. отт. изъ Ворон. Филол. Зап.)—статейка неважная. Въ книгу же «La Macédoine au point de vue éthnographique,

historique et philologique par Ofeïcoff (Philippopoli 1888, 8⁰ 388) включено на стр. 237—310 разсужденіе его «De la phonologie bulgare. Dialecte macédonien»—по большей части сводъ общеизвѣстныхъ, уже другими отмѣченныхъ наблюденій. Какъ трудно было автору вникать въ явленія чисто лингвистическія и правильно ихъ понимать, доказываетъ его статья въ «Извѣстіяхъ» т. IV, 641—660 (1899 г.): «Нарѣчіе Карашевцевъ», въ которой онъ не сумѣлъ разобраться на счетъ языка, см. отзывъ Милетича въ Archiv f. sl. Phil. XXV, 176—178. Лучше давались ему вопросы изъ сравнительной исторіи литературы, какъ напр.: «Византійская повѣсть объ убіеніи императора Никифора Фоки въ старинномъ болгарскомъ пересказѣ» (Спб. 1883, 8⁰ X, 114), только напрасно онъ возбуждалъ несбыточныя надежды у читателя громкими заглавіями, въ родѣ слѣдующаго: «Исторія свѣтскихъ сказаній, повѣстей и разсказовъ въ старинной болгарской литературѣ», прибавляя, что упомянутое сочиненіе должно быть тома второго выпускъ третій, на дѣлѣ же ничего далѣе такъ и не вышло, какъ одинъ этотъ выпускъ, если не причислять сюда еще статью въ Archiv f. sl. Phil. VII, 78—98: «Zur mittelalterlichen Erzählungsliteratur aus dem Bulgarischen». Къ этой области относится еще статья его: «Къ вопросу о подлинникѣ поученій валашскаго господаря Іоанна Нягое къ своему сыну Ѳеодосію» (Спб. 1901, въ Изв. т. V, стр. 1284—1307), потомъ: «Отголоски народной пѣсни о св. Димитріи и Ахилѣ въ духовной литературѣ южныхъ славянъ» (ib. 280—289) и «Два слова о славянскихъ отраженіяхъ въ румынской народной поэзіи о Новакѣ» (Изв. 1902, т. VII, кн. 4, 323—324). Западныхъ славянъ коснулась его статья: «Zur Geschichte des Glagolismus in Boehmen» (Archiv f. sl. Phil. XXI, 169—198), гдѣ тоже не все сказано, что можно было бы сказать, какъ видно изъ моего примѣчанія.

Сырку любилъ путешествовать по славянскимъ странамъ и дальше по востоку и западу, но изъ его странствованій, кромѣ обогащенія собственнаго собранія библіографическихъ пособій и рукописей, ничего выдающагося не вышло. Укажемъ на описаніе Мюнхенской иллюстрированной ѱалтыри, сообщенное имъ въ «Летописѣ» матицы сербской за 1898 годъ (кн. 196 и 197), на «Рукописные проложные отрывки въ собраніи Шафарика» (Изв. 1896, т. I, 81—92, 258—265) и на «Замѣтки о славянскихъ и русскихъ рукописяхъ въ Bodleian Library въ Оксфордѣ» (Изв. 1902, т. VII, кн. 4, 325—345, окончено послѣ смерти его по оставшимся тетрадкамъ подъ редакціею Яцимирскаго въ т. XII, 1907 г., кн. 4 стр. 87—140). Надо впрочемъ отдать полную справедливость его хорошимъ свѣдѣніямъ по текущей литературѣ: его библіографическія указанія всегда очень богаты, напримѣръ, упомянемъ

его статью: «Къ старославянской библіографіи» (Изв. 1899, т. IV, 736—740) или «Новое изданіе трехъ болгарскихъ грамотъ» (ib. 1903, т. VIII, кн. 2, 416—430). Его знакомство съ румынской литературой отразилось лишь на нѣсколькихъ не важныхъ статьяхъ, напримѣръ, въ молодости онъ написалъ: «Наши раскольники въ Румыніи и отношеніе къ нимъ румынскаго правительства» (въ Христ. Чтеніи 1878, № 5—6, 1879, стр. 32—68, 1880, № 11—12), «Русскія мистическія секты въ Румыніи» (Христ. Чтеніе 1879. № 1—2), «Румынскій оффиціальный духовный журналъ» (ib.), потомъ «Путешествія румынскихъ ученыхъ по славянскимъ землямъ» (Ж. М. Н. Пр. 1880 ч. 210 и 211), «Румынскій журналъ народнаго просвѣщенія» (ib. 1885, апрѣль, ч. 238), «Славянско-румынскіе отрывки» (Ж. М. Н. Пр. 1887 май: «О сварогѣ», о которомъ онъ еще въ 1874 г. подъ фамиліею Сирковъ напечаталъ въ Кишиневскихъ епархіальныхъ и Бессарабскихъ губ. вѣдомостяхъ), дальше: «Изъ исторіи сношеній русскихъ съ румынами» (Изв. 1896, т. I, 495—542). Наконецъ не забудемъ его усерднаго участія въ разборѣ бумагъ епископа Порфирія Успенскаго и въ изданіи его сочиненій; такъ напримѣръ, подъ редакціею Сырку вышло семь томовъ дневника Порфирія Успенскаго подъ заглавіемъ «Книга бытія моего» (1894—1901), и нѣсколько томовъ «Востока Христіанскаго» (1892, 1896). Этотъ бѣглый обзоръ доказываетъ, что Сырку все же сдѣлалъ для славяновѣдѣнія довольно много.

Много обѣщавшій талантъ у славяновѣдѣнія похищенъ преждевременной смертью нѣжинскаго слависта, Константина Θеодоровича Радченко (1872—1908). Уроженецъ русскаго юга, онъ кончилъ гимназію и университетскія науки по историко-филологическому факультету въ Кіевѣ (1894 г.). Какъ ученикъ проф. Флоринскаго, онъ получилъ направленіе преимущественно по культурно-литературной исторіи южныхъ славянъ, о чемъ свидѣтельствуетъ первый его напечатанный трудъ: «Досиθей Обрадовичъ и его литературная дѣятельность» (Кіевъ 1897, 8⁰ III, 253)—одно изъ лучшихъ изслѣдованій о знаменитомъ сербскомъ просвѣтителѣ (отд. отт. изъ Кіевскихъ Унив. Извѣстій). Выдержавъ въ 1896 г. магистерскій экзаменъ, онъ поѣхалъ сначала для продолженія ученыхъ занятій въ Москву и Петербургъ, о чемъ и представилъ факультету свой «Отчетъ о занятіяхъ рукописями въ библіотекахъ и другихъ ученыхъ учрежденіяхъ Москвы и С.-Петербурга» (Кіевъ 1898, 8⁰ 119, отд. отт. изъ унив. Извѣстій). И въ этомъ отчетѣ молодой ученый обнаружилъ много критическаго смысла, ограничивъ свои изслѣдованія извѣстной областью рукописныхъ, главнымъ образомъ южнославянскихъ сборниковъ, при чемъ указаны параллели греческія и сла-

вянскія. Эти занятія втягивали Радченка все глубже во внутреннее содержаніе литературной дѣятельности болгаръ въ теченіе 14-го столѣтія, которую онъ изучалъ въ связи съ явленіями современной какъ религіозной, такъ и литературной жизни Византіи. Ближайшимъ плодомъ этого изученія явилось его изслѣдованіе: «Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ» (Кіевъ 1898, 8⁰ 344, VI, II). Этимъ трудомъ молодой славистъ выдвинулся въ первый рядъ лучшихъ изслѣдователей византійско-славянскихъ культурныхъ отношеній; въ противоположность Сырку, разрабатывавшему подобнаго рода вопросы съ бездарнымъ трудолюбіемъ, Радченко сумѣлъ безъ лишнихъ экскурсовъ и дигрессій, дать своему изслѣдованію видъ стройнаго цѣлаго. Получивъ на основаніи этого труда степень магистра, Радченко поѣхалъ на два года за границу, гдѣ усердно работалъ въ разныхъ библіотекахъ, изучая въ то же время жизнь славянскихъ народовъ и ихъ языкъ. Участіе его въ мѣстной литературѣ показываетъ статья, напечатанная въ «Българскомъ Прегледѣ» 1899 г., VI, кн. 3—4, стр. 40—72: «България при последните Шишмановцы». Главной цѣлью его продолжало быть и теперь изслѣдованіе внутренней, преимущественно религіозной жизни южныхъ славянъ, наипаче болгаръ, въ теченіе среднихъ вѣковъ, при чемъ, понятное дѣло, вниманіе его не могло не остановиться на богомильствѣ. Этому важному явленію въ духовной жизни болгаръ и прочихъ южныхъ славянъ онъ собирался посвятить свою докторскую диссертацію, до окончанія которой не дошло, но нѣсколько камней къ задуманной постройкѣ собрано въ слѣдующихъ статьяхъ: «Къ исторіи философско-религіознаго движенія въ Византіи и Болгаріи XIV вѣка» (отд. отт. изъ «Научно-литературнаго сборника» гал. русск. Матицы въ Львовѣ 1902, т. II, кн. 1, 8⁰ 7), «Малоизвѣстное сочиненіе Евѳимія Зигабена трактующее о богомилахъ» (Нѣжинъ 1902, 8⁰ 9, изъ одной вѣнской греч. рукописи), «Этюды по богомильству» (къ вопросу объ отношеніи апокрифовъ къ богомильству, въ Чтеніяхъ Общ. Нестора-лѣтописца 1904, отд. отт. 8⁰ 6), «Этюдъ о богомильствѣ» (Видѣніе пророка Исаіи, Кіевъ 1906, отд. отт. 8⁰ 10). Придавая въ богомильствѣ большое значеніе апокрифамъ, онъ слѣдилъ за ними по разнымъ собраніямъ, какъ доказываютъ статьи: «Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ Филиппопольской городской библіотеки» (Спб. 1903, 8⁰ 17), гдѣ въ приложеніи имѣется одинъ апокрифическій текстъ, «Замѣтки о пергаменномъ сборникѣ XIV в. вѣнской придворной библіотеки» (Спб. 1904, 8⁰ 37)—опять съ однимъ апокрифическимъ текстомъ. Далѣе «Епистолія о недѣлѣ по филиппопольскому и бѣлградскому спискамъ» (Кіевъ 1904, Чт. общ. Нестора, 8⁰ 21) и «Замѣчанія относительно отдѣльныхъ мѣстъ книги Іоанна Богослова

по списку изданному Деллингеромъ» (Спб. 1904, 8⁰ 8, отд. отт. изъ I тома «Сборника по славяновѣдѣнію»), наконецъ въ 1907 году вышли двѣ статьи: «Апокрифическое житіе Самарянки по прологамъ бѣлградской народной библіотеки» (Спб. 1907, 8⁰ 18, изъ Изв. т. XI) и «Замѣтки о рукописяхъ хранящихся въ болгарской митрополіи гор. Скопья съ приложеніемъ службы Константину философу по средне-болгарскому списку XIII вѣка» (Спб. 1907, 8⁰ 16, изъ Изв. т. XII). Въ этихъ отрывкахъ, на видъ безсвязныхъ, но въ сущности преслѣдовавшихъ выше упомянутую главную цѣль — конечно еще не обрисовывается планъ его новаго труда, но они достаточно обнаруживаютъ прекрасныя свойства Радченка, какъ очень остроумнаго и критическаго изслѣдователя. Все это видно также въ рецензіяхъ его, помѣщенныхъ въ Archiv f. sl. Phil. т. XXII, XXIV, въ Ж. М. Н. Пр. 1904 октябрь, 1905 апр., окт., ноябрь, декабрь, 1906 янв., іюнь, 1907 іюнь... Хорошее обозрѣніе его дѣятельности сдѣлано В. Рѣзановымъ въ Ж. М. Н. Пр. 1908 авг. Отъ чисто лингвистическихъ наблюденій молодой славистъ держался въ сторонѣ, такъ что въ видѣ исключенія въ 1896 г. вышла коротенькая замѣтка (8⁰ 3 стр.): «О нѣкоторыхъ явленіяхъ фонетики Рупаланскаго нарѣчія».

Припомнимъ еще начавшихъ заниматься, но рано скончавшихся двухъ Козловскихъ: Матвѣя Козловскаго, родомъ галичанина, бывшаго при мнѣ (въ восьмидесятыхъ годахъ) слушателемъ историко-филологическаго факультета с.-петерб. унив., потомъ учителя въ Калишѣ, гдѣ онъ и скончался. Онъ написалъ не дурное изслѣдованіе о языкѣ Остромирова Евангелія (Спб. 1885, 8⁰ 127, въ I томѣ «Изслѣдованій по русскому языку»). Другой Игнатій Игн. Козловскій, бывшій слушателемъ московскаго университета при Фортунатовѣ, началъ было заниматься сравнительной грамматикой и синтаксисомъ, какъ показываютъ его статьи въ Archiv f. slav. Phil. X, XI, XII и въ Трудахъ моск. арх. общ. т. XIII. Наконецъ Юрій Сем. Анненковъ († 1885) былъ однимъ изъ простосердечныхъ любителей чешскаго языка и литературы (сл. о немъ Slovanský Sborník IV, 275), какъ показываютъ его этюды о Гусѣ и Хельчицкомъ (въ Ж. М. Н. Пр. 1877, Č. Č. M. 1880, 1882, 1885) и изданіе главныхъ трудовъ Хельчицкаго (вышло послѣ смерти его въ 1893 г.), какъ LV томъ «Сборника», подъ заглавіемъ: «Сочиненія Петра Хельчицкаго. I. Сѣть вѣры. II. Реплика противъ бискупца. Трудъ Ю. С. Анненкова» (Спб. 1893, LI. 542).

Въ польской области при очень неблагопріятно сложившихся обстоятельствахъ славяновѣдѣніе дома рано зачахло: натянутыя отношенія между Россіею и Польшею не побуждали въ наукѣ къ славянскимъ языкосравнительнымъ занятіямъ и изслѣдованіямъ, передовые ученые по части филологіи

довольствовались стоять на изолированной польской точкѣ зрѣнія. Нѣсколько иначе было дѣло поставлено въ Германіи, гдѣ между первыми шире взглянулъ на свою ученую задачу Войтѣхъ Цыбульскій (1812—1867): онъ изучалъ славянскія нарѣчія у австрійскихъ славянъ, получилъ доцентуру въ Берлинѣ (1841), но дѣла политическія время отъ времени отвлекали его отъ чисто научныхъ вопросовъ. Наконецъ онъ занялъ послѣ Челаковскаго каѳедру славянской филологіи въ Бреславлѣ. Его интересовали вопросы антикварно-археологическіе, не изъ легкихъ, въ родѣ рунъ: «Obecny stan nauki o runach słowiańskich» (отд. отт. изъ Rocznika Tow. przyjaciół nauk w Poznaniu t. I, 1860). гдѣ между прочимъ впервые устраненъ Бамбергскій «Чернобогъ». Также привлекали его объясненія славянскихъ названій мѣстъ, въ 1858 г. онъ напечаталъ: «Slavische Ortsnamen der Insel Potsdam und der allernächsten Umgegend» (отд. отт. изъ E. Fidicen: Die Territorien der Mark Brandenburg). Главный его трудъ относился къ исторіи новой польской литературы: «Geschichte der polnischen Dichtkunst in der ersten Hälfte des laufenden Jahrhundertes von dr. Adalbert Cybulski» (два тома, Posen 1880, 8° XVI. 332, 270). Сл. отзывъ Неринга въ Gött. Gel. Anz. (1880, 1465—1472).

Преемникомъ цыбульскаго въ Бреславлѣ былъ Владиславъ Нерингъ (1830—1909), склонявшійся въ молодые годы къ критической разработкѣ источниковъ по польской исторіи, но потомъ взяли верхъ прекрасныя изслѣдованія по древне-польскому языку. Съ этой цѣлью онъ поѣхалъ было въ 1869 г. въ Санктъ-Флоріанъ въ Верхней Австріи, чтобы всесторонне изучить извѣстную древне-польскую псалтырь (см. выше стр. 208—9), о чемъ и вышло его предварительное разсужденіе: «Iter Florianense. O psalterzu Floryańskim w szczególności o polskim jego dziale» (Poznań 1871, 8° 126); значительно позже онъ издалъ полный польскій текстъ съ словаремъ: «Psalterii Florianensis partem polonicam ad fidem codicis recensuit, apparatu critico, indice locupletissimo instruxit Wladislaus Nehring» (Poznaniae 1883, 8° LI, 248). Въ молодости, состоя преподавателемъ въ гимназіи, онъ приготовилъ учебникъ польской литературы (Kurs literatury polskiej dla użytku szkół 1866, 8° 365) и снабдилъ своими дополненіями шестое (1873) и седьмое (1881) изданія грамматики польскаго языка Поплинскаго (I. Popliński's Grammatik der polnischen Sprache. Neu bearbeitet von Professor dr. W. Nehring. Siebente Auflage. Thorn 1881, 8° 227).

Въ научномъ отношеніи гораздо важнѣе рядъ его изслѣдованій посвященныхъ древне-польскому языку, гдѣ впервые указано на извѣстную зависимость древнѣйшихъ памятниковъ польскаго языка отъ такихъ же

языка древне-чешскаго. Подъ общимъ заглавіемъ: «Ueber den Einfluss der altčechischen Literatur auf die altpolnische» онъ разобралъ въ Archiv f. sl. Phil. т. I текстъ пѣсни Bogarodzica, т. II Флоріанскую псалтырь, т. V псалтырь Пулавскую, т. VI Софійскую библію. Сводное изданіе этихъ критическихъ разборовъ съ полнымъ обозрѣніемъ всѣхъ древнихъ памятниковъ вышло въ 1887 г.: «Altpolnische Sprachdenkmäler. Systematische Uebersicht, Würdigung und Texte. Ein Beitrag zur slavischen Philologie» (Berlin 1888, 8⁰ VIII, 324)—превосходное пособіе для древнѣйшей польской литературы, дополненное Брикнеромъ въ Archiv f. slav. Phil. т. X, XII, XIV и самимъ авторомъ, см. ниже. Въ Archiv f. slav. Philologie онъ помѣстилъ еще много другихъ статей, изъ числа которыхъ укажемъ въ т. III: «Ueber die Namen für Polen und Lechen» и «Das Wort *kry-krew* im Altpolnischen», въ т. IV: «Altpolnische (Posener) Eidesformeln aus den XIV Jahrh.», въ т. VII: «Wigilie za umarłe ludzie c. 1520», въ т. IX: «Die dramatisierte Geschichte Josephs (Żywot Józefów) von Nik. Rej», въ т. XV: «Die Čechischen Eintragungen in einer Breslauer Handschrift» и «Beiträge zum Studium Altpoln. Sprachdenkmäler», въ т. XVII: «Beiträge zur Geschichte der dramatischen Literatur in Polen», въ т. XXV: «Der Name bêlbog in der slavischen Mythologie». Въ различныхъ томахъ этого журнала найдутся его рецензіи, которыми онъ участвовалъ также въ Götting. Gelehrte Anzeigen, въ Deutsche Literaturzeitung и т. д. Для большой энциклопедіи Эршъ-Грубера онъ написалъ біографіи о Карпинскомъ, Клёновичѣ, Кнапскомъ, Княжнинѣ, Кохановскомъ, Янѣ и Андреѣ, Коховскомъ, Конарскомъ, Копчинскомъ, Красицкомъ, Красинскомъ. Biblioteka Warszawska напечатала м. пр. его разсужденіе: «O kierunkach nowszej literatury polskiej» (1882 II. 341—359, 1883 I. 68—92); «Roczniki towarzystwa przyjaciół nauk» въ Познани помѣстили въ 1887 г.: «Początki poezyi dramatycznej w Polscze» (стр. 189—232), сл. «Beiträge zur Geschichte des Theaters in Polen» (въ Zeitschr. f. vergl. Literaturgesch. 1898, 145—163). На польскомъ языкѣ онъ собралъ свои статьи, относящіяся къ различнымъ писателямъ (Кохановскому, Морштыну, Красицкому, Мицкевичу, Словацкому, Красинскому) въ отдѣльное изданіе: «Studya literackie» (Poznań 1884, 8⁰ 398), помимо того вышелъ въ варшавскомъ Ateneum'ѣ его этюдъ: «Powieść kronikarza polskiego o Walterze i Helgundzie» (1883, т. III), выше былъ упомянутъ его рефератъ о парижскихъ лекціяхъ Мицкевича (сл. стр. 580), въ томъ же Pamiętnik-ѣ онъ напечаталъ въ 1898 г. «O społecznych poglądach Adama Mickiewicza» (стр. 45—62), а въ Pam. za 1888 и 1890 гг. сообщилъ новыя данныя о Товянскомъ: «Nieznane szczegoły z nauki A. Towiańskiego» и «Wyciągi z rękopisu T. Zana zawierające pisma i przemowienia

A. Towianskiego»; имъ же изданъ въ Львовѣ 1893 г. текстъ «Konrada Wallenroda» съ введеніемъ и примѣчаніями, а въ 25-мъ томѣ «Rozpraw wydziału filolog.» (1897) онъ напечаталъ новымъ критическимъ изданіемъ: «Kazania Gniezieńskie, tekst i glosy z rękopisu wydane, uwagami i słownikiem opatrzone» (стр. 1—114). Въ 1900 г. онъ напечаталъ въ Петербургѣ: «Jan Kochanowski, życie i dzieła, zarys biograficzny» (8⁰ 82).

Чисто лингвистическихъ вопросовъ Нерингъ касался лишь изрѣдка, напр., въ Prace Filologiczne онъ написалъ I. 1—13: O wyrazach z wątłą samogłoską obok *l r* pomiędzy spółgloskami» и въ Indogermanische Forschungen 1894, 397—406: «Bemerkungen zu den Z—Lauten im Slavischen, vornehmlich im Altslovenischen». Онъ предпочиталъ затрогивать такіе вопросы какъ: Rozkwit języka polskiego w wieku XVI. Zapomniany rozdział z historyi literatury polskiej w. XVI» (напечатано въ Pamiętnik-ѣ III съѣзда польскихъ историковъ въ Краковѣ 1900, 8⁰ 20).

Кромѣ польской литературы входили въ кругъ научныхъ интересовъ Неринга также произведенія народнаго творчества, о которыхъ онъ любилъ давать отчеты. Такъ въ 1875 вышла въ «Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift» его статья: «Ueber die Jungfrau mit dem Fisch auf dem Zobtenberge», въ «Zeitschrift des Vereins für Volkskunde» (1891 вып. 3 и 4) явился его рефератъ: «Die ethnographischen Arbeiten der Slaven vornehmlich Oskar Kolbergs», въ «Mitteilungen der Schlesischen Volkskunde herausg. von Theodor Siebs» въ 12-мъ вып. онъ написалъ отзывъ: «Die Slovenischen Volkslieder» (по поводу изданія Штрекеля), въ 14 и 15-мъ вып.: «Die russische Volksepik», въ 17 вып.: «Serbische Volkslieder, insbesondere serbische Volksepik». Статья его, написанная для нашей энциклопедіи, о древне-польскомъ языкѣ, выйдетъ въ своемъ мѣстѣ. О Нерингѣ сл. мой отзывъ въ Archiv für slav. Phil. XXX, 476—479 и очень тепло написанный очеркъ: Władysław Nehring. Wspomnienie pośmiertne przez Ign. Chrzanowskiego i Bibliografia prac naukowych pzez Adama Babiaczyka» (Warszawa 1909, 8⁰ 53).

Много хорошихъ изслѣдованій по древне-польскому языку вышло изъподъ пера очень трудолюбиваго Антона Семеновича (1843—1900), занимавшаго различныя должности по учебному дѣлу въ Россіи (въ восьмидесятыхъ годахъ онъ состоялъ директоромъ гимназіи въ Калишѣ, гдѣ и скончался). Онъ былъ родомъ галичанинъ, получилъ воспитаніе гимназическое въ Галиціи, въ Вѣнскомъ университетѣ слушалъ лекціи на философскомъ факультетѣ (между прочими у Миклошича), потомъ попалъ какъ славянскій стипендіатъ въ Петербургъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1867 г. и принялъ мѣсто учителя въ Сѣдлецѣ, оттуда переведенъ въ 1873 г. въ Москву въ качествѣ окружного

инспектора москов. учебнаго округа (до 1882 г.). Еще въ 1872 году, издавая диссертацію «Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im Altpolnischen» (Leipzig 1872, 8⁰ 70), на основаніи которой онъ получилъ степень доктора Лейпцигскаго университета, авторъ поставилъ своею главною цѣлью—словарь древне-польскаго языка, на составленіи котораго онъ уже тогда настолько поработалъ, что надѣялся вскорѣ издать его. Всѣ грамматическія изслѣдованія имѣли только значеніе параллельныхъ занятій. Но судьба порѣшила иначе. Мы теперь дорожимъ его предварительными изслѣдованіями, главный же трудъ его, т. е. собранный матеріалъ для древне-польскаго лексикона, остался не приведеннымъ въ порядокъ и не изданнымъ. Онъ уступленъ имъ, когда по случаю слабости зрѣнія его предвидѣлась невозможность продолженія работы, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины—Краковской академіи наукъ. Но онъ снабжалъ своимъ матеріаломъ также редакцію выходящаго въ Варшавѣ «Słownika języka polskiego» (подъ редакціею В. Крынскаго, Яна Карловича и Вл. Недзвѣдзкаго). То, что у него шло рядомъ съ собираніемъ матеріаловъ для словаря, напечатано въ Archiv f. sl. Phil. т. VII и IX: «Kritische Bemerkungen zu altpolnischen Texten» (1884, стр. 419—443, 1886, стр. 113—128, 529—579) и въ переводѣ на польскій языкъ по нѣмецкой рукописи продолженіе и окончаніе въ польскомъ журналѣ «Prace filologiczne» (томъ VI, 1907, стр. 475—582, подъ редакціею Лопацинскаго). Кромѣ того вышли въ Archiv f. sl. Phil. VI двѣ статейки: «Ueber *ciem*, *ci* und *ć*», и «Ueber *małżen*—, *manžel*—, etc».

Полный жизненной энергіи, богатый прекрасными планами на пользу излюбленнаго предмета (языка польскаго въ историческомъ его развитіи и въ діалектологическомъ его разнообразіи), неожиданно скончался въ Краковѣ на 59-мъ году жизни Люціанъ Малиновскій (1839—1898), уроженецъ царства Польскаго, воспитанникъ не только Варшавы, а также германскихъ университетовъ, гдѣ его привлекала къ сравнительному языкознанію обаятельная личность Шлейхера, санскритскому языку онъ учился у Вебера въ Берлинѣ, степень доктора пріобрѣлъ въ Лейпцигѣ на основаніи диссертаціи, намѣтившей уже главную часть его будущей дѣятельности: «Beiträge zur slavischen dialectologie von Lucian Malinowski. I. Ueber die Oppelnsche Mundart in Oberschlesien» (Leipzig 1873, 8⁰ 55). Разъѣзды его по Силезіи заставили его написать: «Listy z podróży po Śląsku» въ журналѣ «Nadziś» (Kraków 1871, I, 289—313), и нѣсколько лѣтъ спустя опять: «Zarysy życia ludowego na Śląsku» (отд. отт. изъ Ateneum'a 1877, т. 2, 8⁰ 95). За границею онъ напечаталъ еще въ VIII томѣ «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung» (Berlin 1876) статейку: «Ueber die endung des genitiv sing. masc.

neutr. der pronominalen und zusammengesetzten deklination im russischen und kaschubischen» (356—362). Возвратясь домой, онъ учительствовалъ нѣсколько лѣтъ (въ Краковѣ и Варшавѣ), пока въ 1877 г. не былъ приглашенъ занять каѳедру славянскихъ нарѣчій въ Краковскомъ университетѣ. И на этой каѳедрѣ обстоятельства помимо личной наклонности заставили его оставаться въ предѣлахъ польскаго языка. Не кому было поручить польскую грамматику, кромѣ него — проф. Тарновскій былъ чистѣйшимъ литературнымъ историкомъ—и если ему не было суждено создать въ Краковѣ школу польскихъ славистовъ, зато онъ сдѣлалъ то, что польскому человѣку было гораздо болѣе по сердцу и чѣмъ славянская филологія тоже дорожитъ—онъ создалъ школу изслѣдователей по польской діалектологіи. Это состоялось въ теченіе его ученой дѣятельности въ Краковскомъ университетѣ, но еще раньше онъ взялся за изученіе отдѣльныхъ памятниковъ древне-польскаго языка. Въ 1875 г. (въ бытность его въ Варшавѣ) вышло его грамматическое и лексикальное изслѣдованіе памятника «Modlitwy Wacława. Zabytek języka polskiego z wieku XV; odkryty i skopijovany przez ś. p. Aleksandra hr. Przezdzieckiego. Wydał i objasnił Lucijan Malinowski» (W Krakovie 1875, 4⁰ 106, вторымъ изданіемъ въ Краковѣ же 1887, 8⁰ XII, 98). Къ изданію текстовъ относятся еще: «Tekst polski hymnu «Salve regina» z r. 1438, oraz stosunek jego do innych tekstów z w. XV» (Kraków 1889, отд. отт. изъ XIII тома Rozpraw filolog. 308—318), «Ewangelie Św. Mateusza. Kazanie na dzień wszech świętych. Zabytki języka polskiego z wieku XV» (ib. t. XXII, 1895, стр. 230—318) и «Glosy polskie w kilku rękopismach latinskich» (ib. 319—349), «Glosy polskie w rękop. biblioteki zakl. narod. Ossolińskich» (ib. 350—392). «Zabytek języka polskiego z początku wieku XVI z rękopisu biblioteki uniwers. w Erlangen» (въ XXVII т. Rozpraw filol. 1900, 8⁰ 1—32, подъ редакціею Быстроня). Въ 1880 г. онъ напечаталъ этюдъ діалектологическій въ историческомъ направленіи: «Slady dyjalektyczne w oznaczeniu samogłosek nosowych w kilku zabytkach języka polskiego wieku XV i XVI» (Kraków 1880, 8⁰ 31, отд. отт. изъ Rozpraw т. VII), и одинъ древне-польскій текстъ: «Magistra Jana z Szamotuł Kazania o Maryi Pannie czystéj z kodeksu Toruńskiego» (ib. 1880, 8⁰ 134, отд. отт. изъ I тома Komisyi językowej).

Собственныя наблюденія Малиновскаго надъ живыми польскими говорами сосредоточивались преимущественно на Силезіи. Въ 1882 г. вышли его «Studya śląskie» (отд. отт. изъ IX т. Rozpraw filolog., 8⁰ 103), но имѣется также статья изъ другого края: «Głoski nosowe w gwarze ludowéj we wsi Kasinie oraz niektóre inne właściwości téj gwary» (1880 отд. отт.

изъ VIII тома Rozpraw filol. 8⁰ 16). Къ Силезіи относятся еще его «Powieści ludu polskiego na Śląsku z ust ludu zebral L. M.» (Kraków 1899, 8⁰ 78, отд. отт. изъ IV тома «Materyalów antrop.-archeol. i etnogr.», посмертное изданіе подъ редакціею Быстроня). Діалектическіе слѣды онъ искалъ также въ сочиненіяхъ писателей, см. напримѣръ изслѣдованіе: «O języku komedyj Franciszka Bohomolca» (въ Rozprawach filol. т. XXIV, 1895, стр. 98—126). Хорошія объясненія не то лексикальныя не то семасіологическія представляютъ его статьи: «Przyczynki do historyi wyrazów polskich» (Kraków 1884, 8⁰, 38, отд. отт. изъ X тома Rozpraw filolog.), «O niektórych wyrazach ludowych polskich. Zapiski porównawcze» (Kraków 1892, 8⁰, 102 отд. отт. изъ Rozpraw filol. XVII). Сл. еще статью «O pochodzeniu wyrazów 1) śce, ście, 2) uście, ujście, 3) vyjście, odejście» и т. д. (въ IX томѣ Rozpraw filol. 1882, отд. отт. 8⁰ 16). То, о чемъ онъ читалъ въ акад. засѣданіи 9 мая 1894: «O przyimku i przystawce wz, wez- w języku polskim» мнѣ извѣстно только по предварительному отчету.

Когда въ Варшавѣ рѣшено было издавать «Prace Filologiczne», Малиновскій примкнулъ къ предпріятію въ качествѣ сотрудника не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ. Здѣсь вышелъ его прекрасный этюдъ: «Studya nad etymologiją ludową» (I. 134—158, 269—317, II. 240—262, 452—465, III. 741—786). Кромѣ того онъ помѣстилъ здѣсь нѣсколько статей: «Niektóre wyrazy polskie litewskiego pochodzenia» (I. 180—198, cf. II, 262—4), «Zabytki języka polskiego w ręk. bibl. Jagiell. w Krakowie» (I. 467—540, II. 85—118), «Porównanie kilku ustępów Biblji Szaroszpatackiej z tekstem staroczeskim Zabłockiego» (IV. 153—172), «Żywot św. Błażeja. Zabytek języka polskiego z początku w. XV (Томъ V. 309—353) и разныя мелочи грамматическія. Изучая польско-латинскія рукописи, проф. Малиновскій наткнулся въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ на пергаменные лоскутки русско-славянскаго апракосъ-евангелія XIII—XIV стол., разрѣзанные для употребленія при загибахъ переплетныхъ тетрадокъ. Объ этихъ лоскуткахъ онъ сообщалъ два раза: въ XIII томѣ Rozpraw filol. 1889, пока они еще были приклеены къ переплету, и въ 1894 г. (Wydział filologiczny, posiedzenie dnia 12 listopada), когда уже были вынуты и составлены въ одно цѣлое (всего четыре листа цѣлыхъ, и два отрывка). Предложивъ характеристику церковносл. языка (южнорусскаго происхожденія) этихъ отрывковъ, авторъ все-таки не рѣшился текстъ напечатать! — Кромѣ отзыва А. Крынскаго о Малиновскомъ въ Prace filolog. V. 308ııı, указаны въ тѣхъ же «Pracach» V. 1020 еще и другіе отзывы, но всего этого какъ-то мало.

Параллельно съ Краковскимъ славистомъ шелъ представитель той же науки въ университетѣ Львовскомъ, Антонъ Калина (1846—1906), занявшій эту каѳедру десятью годами позже, потому что она была учреждена не раньше 1888 года. Въ то время Калина былъ уже извѣстенъ рядомъ грамматическихъ трудовъ, но тоже исключительно въ предѣлахъ польскаго языка. Уроженецъ Познанскаго края, онъ изучалъ университетскія историко-филологическія науки въ Бреславлѣ и Берлинѣ, получилъ степень доктора въ Галле на основаніи диссертаціи «De fontibus apud veteres scriptores qui ad Sauromatarum res pertinent» (Halis Saxonum MDCCCLXXII, 8⁰ 68), потомъ продолжалъ занятія по слав. филологіи въ славянскихъ университетахъ (въ Прагѣ, Бѣлградѣ и С.-Петербургѣ), и, переѣхавъ въ Галицію въ 1878 г., выступилъ доцентомъ слав. нарѣчій въ Львовскомъ университетѣ. Въ «Rozprawach filol.» Краковской академіи (т. VI, 1878) вышла его диссертація «O liczebnikach w języku staropolskim» (1—73), тамъ же (т. VII, 1880): «Artykuły Prawa Magdeburskiego z rękopismu około roku 1500» (стр. 227—318, анализъ грамматическій). Въ журналѣ «Przegląd Powszechny» онъ напечаталъ (въ 1884 г.): «O miękkich zgłoskach w języku staropolskim» (отд. отт. 8⁰ 43). Еще же раньше вышелъ его «Rozbiór krytyczny pieśni Bogarodzica» (Lwów 1880, 8⁰, 122 — очень обширный отзывъ о трехъ изслѣдованіяхъ (Неринга, Рымаркевича, Пилята) посвященныхъ этой пѣсни. Въ моемъ Archiv f. sl. Philol. онъ напечаталъ: «Über die Schreibung der Nasalvocale in den altpolnischen Denkmälern» (IV. 1880, 29—62), «Anecdota Polonica» (ib. III. 1879, 1—66, 621—636, VI. 184—215 — объясненія автора не всегда отличались ясностью). Самый главный и очень полезный трудъ его по этой части — была «Historya języka polskiego. Tom piérwszy. Formy gramatyczne języka polskiego do końca XVIII wieku» (Lwów 1883, 8⁰ XXVII. 490), сл. отзывъ Брикнера въ Arch. f. sl. Phil. VIII. 291—303. Вступивъ въ болѣе широкую область сравнительныхъ изслѣдованій въ предѣлахъ славянскихъ нарѣчій, авторъ не имѣлъ такой же удачи: его «Przyczynek do historyi konjugacyi słowiańskiej» (Prace filologiczne т. II, 1—84, 353—451, 599—665, т. III. 1—70) обнаруживаетъ широкое знакомство съ соотвѣтствующей литературой, сравнительной и спеціально славянской, по соображенія его не отличаются глубиной и критичностью. Это видно въ особенности на его обширномъ и съ большимъ усердіемъ написанномъ трудѣ: «Studyja nad historyją języka bułgarskiego» (Kraków 1891, два тома, 8⁰, 385, 205, отд. отт. изъ Rozpraw filol., томъ XIV и XV), гдѣ какъ указалъ Дриновъ въ своей рецензіи, авторъ производилъ діал. *млодзина* (вм. *мнодзина*) отъ *младъ*, турецкое *дуваръ* отъ *дверь*, *сетни* отъ *сьто* и т. д.

Сл. дополнительную статью Облака: «Einige Capitel aus der bulgarischen Grammatik» (Arch. f. sl. Phil. XVII. 129—185, 430—477). Калина не забылъ включить въ свои занятія ближайшихъ родственниковъ польскаго языка, нарѣчіе кашубское и полабское. О первомъ онъ написалъ рецензію на извѣстный словарь Рамулта въ Prace filolog. IV. 904—936: «Mowa Kaszubska jako narzecze języka polskiego», о второмъ же потрудился гораздо серьезнѣе, издавъ въ двухъ частяхъ одинъ изъ источниковъ для полабскаго нарѣчія: «Jana Parum Szulcego Slownik języka polabskiego. (Część I. 1893, 8⁰ 80; Część II. 1894, 8⁰ 104, отд. отт. изъ Rozpraw filol. t. 18 и 21). Подъ конецъ своей жизни Калина сосредоточилъ главное вниманіе на этнографическомъ изслѣдованіи Галиціи, его усердіемъ было учреждено во Львовѣ этнограф. общество: Towarzystwo ludoznawcze (1894) г.), органомъ котораго сталъ съ 1895 г. выходить «Lud» подъ его же редакціею, теперь (съ 1907 г.) подъ заглавіемъ «Kwartalnik etnograficzny» продолжается изданіе подъ редакціею Матусьяка въ Львовѣ. Упомянемъ еще, что въ 1882 г. вышла его монографія о языкѣ словацкихъ цыганъ: «La langue des Tziganes slovaques» (Posen 1882, 8⁰. 111). См. отзывъ о Калинѣ въ Pracach filologicznych VII, 414—416.

Не занимавшій, за исключеніемъ небольшого промежутка въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, никакого офиціальнаго положенія во всю свою жизнь, какъ чистый типъ вполнѣ независимаго, блестяще образованнаго польскаго ученаго, выступаетъ передъ нами свѣтлая, благородная личность Яна Карловича (1836—1903). Не принадлежа къ числу узкихъ спеціалистовъ въ какой либо одной отрасли, онъ все-таки считался замѣчательно тонкимъ филологомъ и этнографомъ польскимъ на широкой подкладкѣ историко-филологическаго начатаго въ Москвѣ, а въ Франціи и Германіи продолженнаго университетскаго образованія. Это была очень даровитая натура, вмѣщавшая въ себѣ поэтическія и артистическія стремленія (Карловичъ писалъ въ молодости стихи и любилъ музыку, челло было его любимымъ инструментомъ), рядомъ съ занятіями строго научными. Въ Парижѣ онъ слушалъ между прочими Лабулэ (Laboulaye), это было еще въ 1857/8 г., оттуда перебрался въ Гейдельбергъ (въ 1858/9 г.), потомъ любовь къ музыкѣ унесла его въ Брюссель (1859—1860), научныя же занятія онъ продолжалъ въ Берлинѣ (съ перерывами), слушая лекціи Бэка (Boeckh), Дройзена, Гаупта, Киперта, Ранке. Здѣсь онъ получилъ также степень доктора на основаніи диссертаціи: «De Boleslai I bello kioviensi» (Berolini 1866, 8⁰, 46), которая вышла потомъ и на польскомъ языкѣ. Въ слѣдующемъ году (1867) появилась въ печати еще монографія его о Донъ Карлосѣ, напоминавшая стремленіе его къ

профессурѣ не то по польской, не то по всеобщей исторіи. Вышло однакожъ иначе. Возвратясь въ Варшаву, вмѣсто каѳедры въ университетѣ онъ долженъ былъ довольствоваться мѣстомъ учителя — музыки въ консерваторіи. Это вышло, конечно, и для него самого довольно неожиданно, но объясняется по крайней мѣрѣ отчасти положеніемъ польскаго дѣла въ Россіи. Женившись по влеченію сердца еще раньше окончанія своихъ научныхъ занятій въ Берлинѣ, онъ вскорѣ покинулъ Варшаву и перебрался въ деревню, въ родовое имѣніе, гдѣ обстоятельства естественнымъ образомъ повліяли на него, разжигая въ немъ любовь къ ближайшему окружавшему его предмету—къ этнографіи, къ наблюденію быта и повѣрій польскаго народа, не исключая и языка. Въ статьяхъ этого содержанія и направленія отражается его знакомство съ изслѣдованіями Куна и Макса Мюллера, потомъ съ трудами Тайлора, Крауса, и нѣкоторыхъ славянскихъ ученыхъ (за исключеніемъ русскихъ, изслѣдованій которыхъ онъ повидимому чуждался, что едва-ли было для его занятій выгодно). Еще въ 1871 г. онъ напечаталъ «Poradnik dla zbierających rzeczy ludowe» (Warsz. 8⁰, 13), въ библіотекѣ Варшавской вышла его статья «Żyd wieczny tułacz. Legienda średniowieczna» (1873, III. 1—13, 214—232), въ Ateneum-ѣ 1876 г. «Piękna Meluzyna i królewna Wanda» (II. 457—498, III. 137—167, сл. Archiv f. sl. Phil. 1877, II. 594—609: La belle Mélusine et la reine Vanda), тамъ-же 1881 г. «Podanie o Walterze Tyńca» (IV. 214—234), тамъ-же 1883 г. «Najnowsze badania podań i ich zbiory» (II. 78—111, 349—364). Въ журналѣ «Prawda» за 1882 г. онъ помѣстилъ обширное разсужденіе: «Studja nad treścią i formą pieśni ludowych polskich» (характеристика поэтическаго стиля и поэт. формъ), тутъ же вышла его полемика о значеніи слова «kucja» съ Т-Годи (какъ извѣстно, въ Супрасльской рукописи имѣется уже *коуцииа*, Карл. указывалъ на греч. κυκεών). Въ IV томѣ «Pamiętnika fizjograficznego» (Warszawa 1884 и отд.) вышелъ хорошій этюдъ: «Chata polska, studjum lingwistyczno-archeologiczne» (4⁰, 29).

Новая эпоха для изслѣдованій подобнаго рода на почвѣ польской наступила, когда Карловичъ взялъ на себя редакцію этнограф. журнала Wisła, посвященнаго польской этнографіи въ широкомъ значеніи этого слова. Журналъ началъ выходить съ 1887 г. въ Варшавѣ подъ заглавіемъ «Wisła. Miesięcznik geograficzno-etnograficzny» (имя редактора на заглавномъ листѣ не упомянуто). Ежегодно выходило по одному тому. На заглавіи VI тома (за 1892 г.) отмѣчено «Z zapomogi Kasy pomocy dla osób pracujących na polu naukowym imienia Mianowskiego», съ XIII тома (1899) эта отмѣтка переиначена такъ: «Wydawany z częściowej zapomogi Kasy po-

mocy im. Mianowskiego». Съ XV-го тома на заглав. листѣ упоминается Маевскій какъ редакторъ. Справедливо сказано, что «Wisła» вызвала цѣлый рядъ подобнаго рода предпріятій у славянъ, какъ «Český lid» въ Прагѣ, «Этнографическое Обозрѣніе» въ Москвѣ, «Живая старина» въ Петербургѣ, Lud во Львовѣ, и т. д. Не подлежитъ сомнѣнію, что подъ вліяніемъ этого образцово редактированнаго журнала произошло пріятное оживленіе въ слав. этнограф. изслѣдованіяхъ. Сколько этому содѣйствовало личное участіе Карловича, его умѣніе хорошо вести дѣло, его многочисленныя статьи — обо всемъ этомъ мнѣ здѣсь нельзя распространяться. Достаточно сослаться на коллективное посвященное его памяти изданіе: «Życie i prace pana Karłowicza (1836—1903). Książka zbiorowa wydana staraniem i nakładem redakcji Wisły» (Warszawa 1904, 8⁰ 379. V). Скажемъ только, что Карловичъ въ этомъ журналѣ слѣдилъ очень внимательно за домашней и иностранной литературою, въ томъ числѣ также за трудами лингвистическаго и діалектологическаго содержанія, въ особенности если они касались славянскихъ нарѣчій или же сравнительнаго языкознанія, — то и другое было любимымъ предметомъ его занятій. Онъ основательно усматривалъ въ языкѣ одинъ изъ главнѣйшихъ признаковъ для опредѣленія этнографическаго типа. Укажемъ м. пр. на его еще въ 1875 г. напечатанное въ II томѣ Rozpraw wydź. filol. (8⁰, 242) литературно-критическое обозрѣніе «O języku litewskim» и на изданное въ 1878 г. изслѣдованіе: «Słoworód ludowy» (Kraków 1878, 8⁰. 61, отд. отт. изъ «Dwutygodnika naukowego»), на хорошее разсужденіе «O imieniu Polaków i Polski» (1881, 4⁰ 14, отд. отт. изъ I тома «Pamiętnika fizjograficznego»), съ продолженіемъ подобнаго рода въ статьяхъ: «Imiona niektórych plemion i ziem dawnej Polski» (ib. II, 1882, 4⁰ 20), «O imionach własnych polskich miejsc i ludzi» (ib. V, 1885, 4⁰ 60) и «Imiona własne polskich miejsc i ludzi od zatrudnień» (ib. VI, 1887, 4⁰ 31); изъ діалектологіи укажемъ на: «Gwara kaszubska» (Wisła XII, 1898, 8⁰ 26 отд. отт.) сл. еще по тому же вопросу полемику съ Рамултомъ (ib. VII. 207—210, 422, X. 691—2, XII. 796—7), и множество рефератовъ, напечатанныхъ то въ «Wisle», то въ «Pracach filologicznych». Въ послѣднемъ журналѣ онъ съ самаго начала принималъ живѣйшее участіе (имя его значится на загл. листѣ въ числѣ сотрудниковъ), сл. его статьи въ I томѣ: Projekt terminologii językoznawczéj polskiej» (102—120), «Imiona zbiorowe polskie typu bracia» (121—127), Wisła (162—168), «Mleko duchowne z r. 1556» (404—433); въ II томѣ: «Łacińsko-polski słowniczek roślinny» (143—176), «Dziesięć pieśni mazurskich» (564—577), въ V томѣ: «O ile należałoby uwzględnić narzecza ludowe w gramatykach» (186—192) и разныя мелочи. И въ орѳографическомъ спорѣ, возникшемъ

вслѣдствіе желанія объединить правописаніе, онъ принималъ участіе, см. подробности въ вышеупомянутомъ коллект. изданіи, на стр. 154—159. Въ изданіи акад. библіотеки «Pisarzów polskich» подъ его редакціею вышли «Wita Korczewskiego Rozmowy polskie łacińskim językiem przeplatane 1553» (1889, 8⁰ VI. 88).

Карловичъ любилъ лексикографію. Говорятъ, что онъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, перебравшись съ молодой женою въ свое имѣніе, обдумывалъ уже планъ изданія словаря. Дѣйствительно въ IV томѣ Rozpraw filolog. (1876) напечатанъ его «Program Słownika polskiego» (въ «Dodatku» стр. XIV—XCIV), а лѣтъ двадцать спустя сталъ выходить: «Słownik języka polskiego ułożony pod redakcją Jana Karłowicza, Adama Kryńskiego i Władysława Niedzwiedzkiego» (Warszawa 1898, пробный листъ еще въ 1895 г.). Словарь этотъ богаче всѣхъ числомъ словъ, но излагается въ очень сжатомъ видѣ (вышло до сихъ поръ до буквы S). Главный сотрудникъ въ этомъ словарѣ былъ въ то же время главнымъ работникомъ въ двухъ другихъ лексикографическихъ предпріятіяхъ: одно касалось чужихъ, т. е. заимствованныхъ словъ въ польскомъ языкѣ: «Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia używanych w języku polskim»—этотъ драгоцѣнный и важный трудъ покойнаго Карловича остался недоконченнымъ, въ 1894 г. вышелъ Zeszyt I. Od A do E włącznie, въ 1897 г. Zeszyt II. Od F do K włącznie, Zeszyt III въ 1905 г. L Ł M, всѣ три вып. 408 стр.); второе изданіе заключаетъ въ себѣ обширный областной словарь, т. е. словарь польскихъ говоровъ: «Słownik gwar polskich. Ułożył Jan Karłowicz. Tom pierwszy: A do E» (Kraków 1900, 8⁰ 454. IV), «Tom drugi: F do K» (ib. 1901, 8⁰ 552), «Tom trzeci: L do O» (ib. 1903, 8⁰ 502). «Tom czwarty: P» (ib. 1906, 8⁰, 466) и «Tom piąty: R. S. Ś. T.» (ib. 1907, 8⁰ 462) приготовлены для печати послѣ кончины Карловича академикомъ Яномъ Лосемъ. Два прежнихъ участника въ продолженіи словаря послѣ кончины Карловича (Лопатинскій и Тачановскій) тоже скончались. Благодаря доказанному усердію проф. Лося есть надежда, что это великолѣпное діалектологическое пособіе вскорѣ закончится.

Я къ сожалѣнію не имѣю возможности вдаваться въ подробности изъ жизни этого въ высшей степени симпатичнаго ученаго, достаточно сказать, что онъ, напоминая въ извѣстномъ смыслѣ филолога среднихъ вѣковъ, тосковалъ въ своей деревнѣ по университетской жизни, его тянуло въ центры кипучей ученой дѣятельности. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ покинулъ свое родовое имѣніе и съ женой уѣхалъ вторично въ Гейдельбергъ, оттуда принималъ участіе въ конгрессѣ оріенталистовъ въ Лейденѣ 1883 г., тамъ же вышелъ его въ сущности то же лексиграф. трудъ въ 1884 г.: «Mémoire

sur l' influence des langues orientales sur la langue polonaise» (Leide 1884, 8⁰, 33), въ 1885 г. навѣстилъ Прагу и познакомился съ тамошними учеными (м. п. съ Поливкою), такимъ образомъ состоялась его статья: «Wznowienie sporu o autentyczność rękopisów Królodworskiego i Zielonogórskiego» (въ «Prawda» 1886); въ 1886 г. онъ былъ на конгрессѣ оріенталистовъ въ Вѣнѣ, въ 1889 г. на такомъ же конгрессѣ въ Стокгольмѣ, гдѣ тоже прочелъ рефератъ: «Quelques mots sur le systéme et la méthode en mythologie» (польское изданіе переработанное въ статьѣ «Mitologja i filozofja», въ книжкѣ «Prawda», Lwów 1899, стр. 197—205). Сл. также статью его въ II т. «Wisły» 379—387. Онъ принималъ охотно участіе въ заграничныхъ журналахъ, содержанію и направленію которыхъ онъ сочувствовалъ. Съ удовольствіемъ я укажу на мой Archiv für slav. Philologie, на французскую «Mélusine», гдѣ м. пр. вышла его критическая статья «La mythologie lithvanienne et M. Veckenstedt» (т. V. 1890, 121—143). Просвѣтительная дѣятельность Карловича этимъ не исчерпывается. Еще нужно бы сказать о немъ какъ о выдающемся представителѣ музыкальныхъ стремленій въ Польшѣ, но это насъ не касается, см. объ этомъ въ упомянутомъ выше коллективномъ изданіи въ память его на стр. 295—316.

Одинъ изъ выдающихся учениковъ Л. Малиновскаго вскорѣ послѣдовалъ за нимъ. Это былъ Янъ Быстронь (Bystroń, 1860—1902), уроженецъ польской части австрійской Силезіи, учительствовавшій по окончаніи въ Краковѣ университетскихъ наукъ сначала въ Стрыѣ, потомъ же въ Краковѣ. Онъ занимался очень усердно польскимъ языкомъ, зналъ же и чешскій языкъ, изучалъ также литовскій. Занятія его сосредоточивались то на описаніи и изданіи древнихъ текстовъ, то на разборѣ вопросовъ синтактическаго содержанія, то на анализѣ діалектическихъ особенностей. По древнепольскому языку онъ напечаталъ въ Pracach filologicznych: «Rozbiór porównawczy znamych dotąd najdawniejszych tekstów modlitwy Pańskiej» (I. 345—390), «Pieśń do N. M. Panny z połowy w. XVI» (ib. 391—403), «Wokabularz łacińsko-polski z połowy w. XVI» (II 276—280). Въ Sprawozdaniach Komisyi językowej вышли: «Przyczynek do historyi języka polskiego z początku XV wieku» (IV. 1891, 243—300), «Żywot św. Alexego wyznawcy i Żywot św. Eustachiusza męczennika, druk krakowski z roku 1529» (V. 445—469), «Fragment pieśni o Wniebowzięciu N. M. Panny z w. XV» (въ Sprawozd. zasied. 1892 г.). Въ Rozprawach filol. XXVIII (1900) вышелъ разборъ грамматическихъ особенностей нѣсколькихъ юридическихъ памятниковъ: «O pisowni i języku ksiąg ustaw polskich» (стр. 111—320). Въ библіотекѣ Pisarzów polskich № 29 онъ издалъ: «Historye rzymskie» (Krak. 1894).

Занятія его по литовскому языку дали поводъ изданію: «Katechizm Ledesmy w przekładzie wschodnio-litewskim z wydania wileńskiego z r. 1603 wydał i gramatycznym wstępem i słownikiem opatrzył J. B.» (Kraków 1890, 8⁰ 132, отд. отт. изъ XIV т. Rozpraw filol.). Къ изслѣдованіямъ по синтаксису относятся: «O użyciu genetywu w języku polskim» (Rozprawy 1893, т. XXII. 1—86), «Drobne przyczynki do składni polskiej z uwzględnieniem składu języków klasycznych» (Kraków I. 1893, 8⁰ 35, II. 1899, 8⁰ 44) — авторъ старался расширить предметъ, умноживъ число примѣровъ, придерживаясь въ изложеніи порядка соблюдаемаго Миклошичемъ и Дельбрюкомъ. По діалектологіи онъ написалъ: «O mowie polskiej w dorzeczu Stonawki i Lucyny w księstwie Cieszyńskim» (Kraków 1885, 8⁰ 110, отд. отт. изъ Rozpraw XII), сл. еще въ Pracach filologicznych: «Przyczynek do dialektologii polskiej» (IV. 280—292) и «Wiadomość o śląskopolskim druku z przeszłego wieku» (ib. I 723—6). Въ этомъ журналѣ онъ участвовалъ еще отзывами о лингвист. литературѣ (т. II. 786—91, IV. 311—322, 639—44, 667—9). Въ журналѣ Slovanský sborník вышли его мелочи въ т. III (1884), IV (1885) и VI (1887), напр. въ IV. 173—180: «K jazykowé a národnostní otázce ve Slezsku».

Сверстникомъ Быстроня и тоже очень усерднымъ сотрудникомъ въ изслѣдованіяхъ по польскому языку былъ Іеронимъ Лопатинскій (Hieronim Łopaciński, 1860—1906), уроженецъ Калишской губерніи, воспитанникъ Варшавскаго университета, учительствовавшій въ Варшавѣ и Люблинѣ (съ 1884 по конецъ жизни). Несмотря на очень неблагопріятныя для польскаго языка обстоятельства, молодой учитель не переставалъ все свое свободное время посвящать этому предмету, считая это потребностью сердца. Въ Pracach Filologicznych онъ напечаталъ въ томѣ IV: «Przyczynki do nowego słownika polskiego» (стр. 173—279, продолженіе V 681—976), «Kilka zabytków języka staropolskiego» (стр. 587—644, продолженіе V. 54—88), «Reguła trzeciego Zakonu św. Franciszka i drobniejsze zabytki języka polskiego z końca wieku XV i początku XVI» (стр. 690—794), въ томѣ V: «Najdawniejsze słowniki polskie drukowane» (стр. 393—454, 586—605), «Przyczynek do słownictwa z wieku XVI-go» (стр. 516—520, 633), «Sąd Parysa krolowica Trojańskiego z r. 1542, najdawniejsza gra polska drukowana» (стр. 455—515), «Urywek z przekładu komedji Gnapheusa Acolastus» (стр. 627—633). Въ Sprawozdaniach Komisyi językowej т. V (1894) напечатаны имъ: «Glosy polskie zawarte w rękopisie z kazaniami łacinskiemi z połowy w. XV-go» (стр. 240—338). Не знаю его статьи о языкѣ Рейя къ сочиненію «Figliki», которая вышла въ 1905 г. при юбилейномъ изданіи «Figlików» Рейя. Усердный изслѣдователь древнихъ памятниковъ польской письменности онъ прости-

ралъ свою любовь также на изученіе жизни и быта польскаго народа, что видно уже изъ его попытки обогатить польскій словарь изъ живого источника народныхъ говоровъ. Для занятій этого рода ему пригодился этнограф. журналъ Wisła, въ которомъ онъ и принималъ возлѣ самого Карловича живѣйшее участіе множествомъ мелкихъ извѣстій (отвѣтовъ на Вопросы или Разысканія — Poszykiwania) и превосходныхъ параллелей. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ: Въ томѣ IV. 138—145: «Podanie o prawdzie Osieckiej i przysłowie Ślusarz zawinił a kowala powieszono», къ этому еще ib. VII. 800; V. 570—2: «Dwa zamiawania starożytne»; VII 160—1: «Boginki — mamuny», «Dzwonienie dziewięćkrotne» 243, «Do bajki Węgierskiej» 307, «Do artykułu Wojna żydowska» 307—8, «Rogi jelenie» 308 (см. еще IX. 115), «Ofiary z ludzi» 338, «Babin mróz» 742—3; въ т. IX. «Do pieśni na temat króla Leara» 769; т. X. 339—41: «Najdawniej zapisana zagadka polska», ib. 835—7: «O bajce młynarz syn jego osieł», XI. 9—14: «Dwa ustępy w gwarze mazowieckiej», 241—260: «Zabytki cywilizacji pierwotnej», 448—451: «Legienda o pustelniku skuszonym przez djabła do popełnienia trzech grzechów», 641—5: «Najdawniejsze świadectwo polskie o wróżbach w wigilję św. Andrzeja»; XIII. 670—7: «Do pieśni o grzybach wspomnianej w Panie Tadeuszu» (сл. еще XVI. 105); т. XIV. 69—71: «Dwa przysłowia starożytne», ib. 311—312: «Rycerze przy grobie Chrystusa», 527—600: «Dwa podania ukraińskie o syrenach»; XV. 723—6: «Kilka szczegółów ludoznawczych ze wspomnień młodości Brodzińskiego». Кромѣ того почти въ каждомъ томѣ имѣются его объяснительные отвѣты на тотъ или другой вопросъ очень кстати заведеннаго Карловичемъ отдѣла: «Poszukiwania» (Recherches).

Въ Прагѣ не везло славяновѣдѣнію въ смѣнѣ офиціальныхъ представителей въ университетѣ. Рядомъ съ Челаковскимъ и потомъ Гатталой особой каѳедры чешскаго языка не было. Считалось достаточнымъ поручить одному лицу читать лекціи какъ по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, такъ и по чешскому языку. Этой обязанности шелъ на встрѣчу Гаттала тѣмъ, что какъ мы видѣли выше (на стр. 726) написалъ даже грамматику чешскаго языка. Между тѣмъ научныя потребности съ каждымъ годомъ увеличивались, чешскій языкъ пріобрѣталъ все больше значенія въ общественной жизни, литературная дѣятельность усиливалась и количественно и качественно. Мы упомянули выше, что всѣ старанія Небескаго занять каѳедру чешской литературы въ пражскомъ университетѣ остались безуспѣшными. Это была вопіющая несправедливость по отношенію къ оправданнымъ требованіямъ чешской національности. Но пока правительственныя сферы отворачивались отъ голоса, поднимавшагося

въ пользу чешской литературы, труднѣе было бы отказать чешской грамматикѣ въ доступѣ въ университетъ, она все таки считалась менѣе подозрительной и опасной чѣмъ исторія литературы. Тутъ кстати выдвинулся изъ числа молодыхъ учителей среднеучебныхъ заведеній Янъ Гебауеръ (1838—1907), какъ очень трудолюбивый и энергическій ученый, посвятившій себя серьезному изученію чешскаго языка въ связи съ общимъ движеніемъ языковѣдѣнія и въ частности сравнительной грамматики. Всѣ мы стояли тогда подъ вліяніемъ сравнительной грамматики Миклошича, подъ вліяніемъ Боппа и Потта, подъ вліяніемъ Вильгельма Гумбольта и Штейнталя. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и у Гебауера статья: «Etymologické počátky řeči» (V Praze 1869, 8° 32, изъ годового отчета Пардубицкаго высшаго реальн. училища за 1868 г.), знакомство же его съ результатами сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій явствуетъ изъ обширной статьи: «Slovanské jazyky» въ Ригеровой энциклопедіи Naučný slovník (1870, VIII томъ, стр. 644—671), гдѣ тоже видны слѣды сравненія съ прочими индоевроп. языками. Къ этому раннему времени относится еще его отчетъ объ изслѣдованіи Гатталы «De contiguarum consonantium mutatione» (въ Č. Č. M. 1867, 248—273).

Гебауеръ, какъ мнѣ передавала его дочь Марія, чешская писательница, поступилъ сначала, чтобы угодить желанію отца, на теологическій факультетъ, но не чувствуя въ себѣ призванія къ духовному сословію, онъ вскорѣ перешелъ на философскій факультетъ (съ 1859 г. по 1861), гдѣ онъ слушалъ лекціи Биппарта, Квичалы, Гатталы, Гёфлера, Сухецкаго, Келле, Фолькманна и др. Экзамены сданы имъ въ 1866 году изъ нѣмецкаго и чешскаго языковъ, помогшіе ему быть наставникомъ въ реальныхъ училищахъ, но учительствовать началъ онъ еще въ 1862 и 1864 гг. въ Прагѣ, а съ 1865 года въ Пардубицахъ. Будучи еще въ Прагѣ, съ 1861 г. онъ принималъ участіе въ энциклопедіи «Naučný slovník», что давало ему нѣкоторыя средства для существованія. Въ Пардубицахъ же онъ подумывалъ о составленіи учебника чешскаго языка, но собранныя молодымъ ученымъ свѣдѣнія въ ихъ примѣненіи къ вопросамъ чешской грамматики вскорѣ убѣдили его въ полнѣйшей неудовлетворительности сдѣланныхъ до тѣхъ поръ опытовъ историческаго изученія чешскаго языка. Недоставало критическихъ изданій текстовъ, недоставало внимательнаго изслѣдованія многихъ фонетическихъ тонкостей древнечешскаго языка. Это онъ могъ въ особенности живо чувствовать, когда взялся писать (въ 1870 г., перебравшись въ 1869 г. въ Прагу въ реальное училище), для второго выпуска «Sborník vědecký», обширное разсужденіе: «Příspěvek k historii českých samohlásek», т. е. первую попытку исторической фонетики чешскаго языка (8° 128, съ приложеніемъ «Uvahy o příspěvku

k hist. č. samohl.» 8⁰ 12) и тамъ же (вып. IV. 1871): «Příspěvky k historii českého pravopisu a výslovnosti staročeské» (8⁰ 276). Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ двухъ монографіяхъ Гебауеръ глубже вникъ въ исторію чешскаго языка, чѣмъ кто бы то ни было раньше его; онъ сдѣлался сразу главою наростающаго молодого поколѣнія чешскихъ филологовъ, затмѣвая по части грамматическихъ вопросовъ всѣхъ предшественниковъ послѣ Добровскаго. Но безъ оппозиціи со стороны патріотовъ-дилетантовъ не обошлось. Изъ мелкихъ статей его укажемъ на «Přechodník přítomný (budoucí) sloves jednodobých a končicích v Nov. Zákoně Králickém» (Č. Č. M. 1870, 247—254) и на «Pokusy jimiž se některé proměny hláskoslovné mechanikou mluvidel vykládají» (ib. 1872, 275—286, 359—368).

Важнымъ шагомъ впередъ было новооснованное предпріятіе филологическаго журнала «Listy filologické», въ которомъ съ самаго начала (1874) между прочими отвѣтственнымъ редакторомъ значится также Гебауеръ, начавшій только въ 1873 г. свою преподавательскую дѣятельность въ университетѣ въ качествѣ привать-доцента (онъ все еще состоялъ учителемъ одного реальнаго училища въ Прагѣ). Въ этомъ филологическомъ органѣ онъ могъ гораздо свободнѣе выступать со своими статьями посвященными чешскому языку и древнечешскимъ памятникамъ во всѣхъ грамматическихъ подробностяхъ, чѣмъ въ Часописѣ чешскаго музея. Мы видимъ дѣйствительно начиная съ I-го тома множество статей и рефератовъ Гебауера. Главная часть ихъ относилась къ изслѣдованіямъ по древне-чешскому языку и его текстамъ, напр.: «Některé stránky jazyka štítenského» (I. 252—263, сл. еще II. 126—141, XXVII. 101—109), «Ludvík Tkadleček» (II. 114—120), «O verši a rýmu v Nové Radě pana Smila Flašky z Pardubic» (III. 168—176). O «Nově Radě a o radě zvířat s úvodem o báji zvířecké» онъ написалъ въ V выпускѣ «Sborníka vědeckého» (1873) особенное изслѣдованіе (8⁰ 56). Далѣе «Fysiologus, symbolická báje o zvířatech» (IV 69—86), «Legendový příběh sv. Doroty v literatuře české a staročeská píseň ku sv. Dorotě» (ib. 206—224, сл. V 231—2), «O staročeském dvojim ř, jasném a temném» (ib. IV 239—244), «O významu jotace v rukopisech staročeských» (V 183—217), «Ku kvantitě ve staročeských Zlomcích Epických» (ib. 219—227, VI 204—230), «Jiříkovo vidění» (VI 30—45, 202—4, 244), «Tristram» (ib. 108—139), «Walter a Griselda» (IV 60—68), «Staročeský mastičkář a páně A. Šemberovy námitky proti jeho přesnosti» (VII. 90—121, 259—261), «Kniha Rožmberská» (ib. 261—292), «Staročeské ḿ b́ ṕ v́, ź ś ć ŕ» (X. 107—109), «O negaci, zvláště staročeské» (ib. 240—275), «Svědectví o stáři nosovek ę ą» (XI 247—8), «Skladba adjektiva českého, zvláště staročeského» (XIII.

371—425, сл. «Staročeská adjektiva s koncovkami-úcí itd.» (XIV 360—372), «Marco Polův Million a jeho překlad staročeský» (XIV. 348—360), «České supinum» (XV. 100—109), «Adverbia -o a -ě v RKZ» (XXII. 130—133), «Mistra Jana Husi význam v českém písemnictví» (XXIX. 417—441).

Много вниманія посвящалъ Гебауеръ Краледворской рукописи, въ особенности сообща съ Машекомъ, въ L. Fil. выходили по очереди «Příspěvky k výkladu Rukopisu Kralodvorského» ихъ обоихъ (II. 97—114, III. 157—163, 274—279, IV. 86—94, 243—250, V. 232—237, VI. 230—243) и его отдѣльно (II. 167—180), но потомъ взгляды ихъ на этотъ памятникъ разошлись, Гебауеръ послѣ долгихъ колебаній, какъ доказываетъ м. пр. его переписка со мною, наконецъ рѣшился, хотя сначала нѣсколько несмѣло, заподозрить древность Кр. Рук., Машекъ же оставался вѣрующимъ до конца жизни. И къ другимъ древне-чешскимъ текстамъ Гебауеръ давалъ свои критикоэксегетическія объясненія (IX. 104—117, 287—324, XI. 60—63, XII. 135—287, XIV. 37—43, 250—256), а подъ общимъ заглавіемъ «Klasobraní po rukopisích» имѣются его статейки въ V. 231—232, VII. 126—7, 129—131, VIII. 301—309, 309—319, IX. 129—147, XI. 111—128, 292—302, 302—308. Еще упомянемъ «Drobnosti grammatické» (IV. 251—4, V. 52—58, VI. 50—56, 147—9, VII. 293—300, VIII. 98—101, IX. 117—128, X. 303—4, XI. 435—7). Не будемъ подробно останавливаться на тѣхъ статьяхъ его, которыя потомъ вошли во 2-ую часть морфологіи (Časování) истор. грамматики (L. fil. IX. 101—104, X. 109—139, 445—454, XI. 63—111, 248—276, 437—468, XIII. 280—307, XIX. 417—475), такого же рода предварительныя изслѣдованія о склоненіи выходили въ памятникахъ Корол. Общества наукъ (Pojednání Král. české společnosti nauk Řady VII sv. 1, 1885—1886, třida filos. hist. č. 2. 4; sv. 2, 1888, tř. filos. hist. č. 5; sv. 3, 1889, tř. hist. fil. č. 2; sv. 4, 1891, tř. fil. hist. č. 5). Важнѣе три монографіи, напечатанныя въ вѣнскихъ Sitzungsberichte о звуковыхъ оттѣнкахъ древне-чешскаго языка: «Über die weichen *e*-Silben im Altböhmischen» (1878 B. 89, 317—390, отд. отт. 8° 76, сл. къ этому Archiv IV. 128—134, L. Fil. VII. 122—125), и «Pravidlo o staročeském *e* a *ě* a nové námítky proti jeho pravosti» (V Praze 1880, 8° 11); «Ueber die weichen a-, o- und u- Silben im Altböhmischen» (1879 B. 93, 299—364, отд. отт. 8° 58) и «Nominale Formen des altböhmischen Comparativs» (1880, B. 95, 505—520, отд. отт. 8° 18). Изслѣдованія Гебауера вызывали постоянныя возраженія, при чемъ противниками его, въ первомъ ряду Гатталою, руководило не столько желаніе добиться правды, сколько мелкая придирчивость, вызванная завистью. Съ нѣсколько механическимъ

объясненіемъ Гебауера, напр., относительно мягкости можно было и не соглашаться, но факты отмѣчены имъ вѣрно. Сл. полемику его съ Гатталою въ «Odpověď' na přídavek p. Martina Hattaly ku prvému dílu Zbytků rýmovaných Alexandreid českých» (V Praze 1881, 8⁰ 32).

Прежде чѣмъ приступить къ своему главному труду по чешскому языку — къ исторической грамматикѣ — авторъ стремился поднять уровень грамматическаго обученія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Съ этой цѣлью онъ издалъ въ 1876 г. «Uvedení do Mluvnice české» (8⁰ 62), это введеніе вызвало полемику съ Прусикомъ (см. «Slovo o kritiku p. Fr. Prusíkovi», 1878, 8⁰ 14 и въ Zeitschrift für oester. Gymn. 1878, 4 Heft «Entgegnung»). Въ 1877 вышло его «Hláskosloví jazyka českého» (8⁰ 156). Гораздо позже, т. е. лѣтъ тринадцать спустя, онъ написалъ полную изъ двухъ частей состоящую грамматику чешскаго языка: «Mluvnice česká pro školy střední a ústavy učitelské» I Nauka o Slově (1890, 8⁰ 188), II Skladba (1890, 8⁰ 288). Существуетъ нѣсколько изданій (четвертое 1905 года), а также сокращенное: Krátká Mluvnice.

Можно бы удивляться, что Гебауеръ, сознавая вполнѣ неудовлетворительность обыкновеннаго въ то время способа изданія древне-чешскихъ памятниковъ, самъ-то участвовалъ въ дѣлѣ критическихъ изданій довольно мало. Кромѣ текстовъ, напечатанныхъ въ L. F., онъ приготовилъ для предпринятой, какъ-то не хотя, Матицею чешской серіи изданій «Památky staré literatury české, vydávané Maticí českou» только № I: «Nová Rada. Báseň pana Smila Flašky z Pardubic (1876, 8⁰ 175) и № VII: «Žaltář Wittenberský» (1880, 8⁰ XL. 275). Это слабое участіе въ изданіяхъ древнихъ памятниковъ объясняется, быть можетъ, не только тѣмъ, что онъ былъ слишкомъ занятъ изученіемъ грамматической стороны текстовъ, а отъ части также нерасположеніемъ къ нему тѣхъ, кто завѣдывалъ этимъ предпріятіемъ въ чешской Матицѣ.

Долго пришлось Гебауеру ждать, пока его освободили отъ обязанности учительствовать въ реальномъ училищѣ. Въ 1874 году предлагали ему занять каѳедру славянской филологіи въ ново-открытомъ университетѣ въ Загребѣ, но, слушаясь совѣтовъ своихъ товарищей, онъ отказался, и все же лишь въ 1880 г. сдѣланъ дѣйствительнымъ экстраординарнымъ и черезъ годъ ординарнымъ профессоромъ чешскаго языка и литературы въ университетѣ. Впрочемъ литература уходила у него на задній планъ, преобладалъ исключительно грамматическій талантъ. Даже въ L. Fil. рѣдко являлись статьи его не граммат. содержанія: это были изъ народной поэзіи, изъ которой онъ въ ранніе годы переводилъ на чешскій языкъ. «Ukázky z narod.

básnictví bulgarského» (Lumír 1863), «Staroruské rhapsodie podle O. Millera» (Květy 1867—1868), въ L. F. же написалъ: «O metaforických obrazech básnictví národního, zvláště slovanského» (I, 97—117, 225—252), «O začátcích v jakých si libují národní písně, zvláště slovanské» (II, 19—29), «Moravská národní píseň o třech dcerách» (ib. 304—308), сл. еще «Bajka o vlku który se postil» (IX, 286—7).

Занимаясь столько лѣтъ подрядъ древне-чешскимъ языкомъ, Гебауеръ могъ наконецъ пріобрѣсти извѣстное чутье для древняго языка, не говоря уже о тщательномъ изученіи всѣхъ тонкостей его фонетическихъ и морфологическихъ. Такимъ образомъ у него мало по малу назрѣвала мысль о подложности двухъ памятниковъ будто бы древне-чешскихъ, открытыхъ Ганкой и прославившихъ его имя. Но еще въ 1881 г. онъ самъ сдѣлалъ большой промахъ, взявшись защищать подлинность отрывка евангелія отъ Іоанна, подсунутаго древне-чешской литературѣ тѣмъ же Ганкою: «Staročeský zlomek evangelia Svatojanského a filologická svědectví o jeho původu» (V Praze 1881 какъ № 23 собранія «Novočeská bibliothéka vydávaná nákladem musea království českého» 8⁰ 136). Защищая даже такія невозможныя формы, какъ мнимые аористы *reiech* (стр. 100) и *dade* (стр. 101), чтобы не говорить о многихъ другихъ странностяхъ этой поддѣлки, авторъ доказалъ только, что у него, несмотря на большую начитанность въ древнечешскомъ языкѣ, еще не сложились прочные критическіе пріемы. О томъ, какъ химія доказала въ данномъ случаѣ подложность отрывка еванг. отъ Іоанна, см. любопытныя замѣтки Гебауера въ L. Fil. XXX, стр. 262—264. Но этотъ промахъ, вытекавшій изъ лишняго консерватизма, повредилъ много ему въ борьбѣ противъ подлинности Краледв. рукописи; защитники, указывая на этотъ примѣръ его неудачной аргументаціи, оспаривали достовѣрность филологическихъ аргументовъ его вообще, подтрунивая надъ его «нормальной» грамматикой. Для широкихъ круговъ общества было тѣмъ соблазнительнѣе не поддаваться его доказательствамъ, что на сторонѣ противниковъ его, даже во главѣ ихъ, стоялъ тоже славянскій филологъ, тоже университетскій профессоръ (Гаттала), чтобы не упоминать о большомъ числѣ патріотовъ, въ родѣ Грегера, Іосифа и Герменегильда Иречковъ и др., въ которыхъ заговаривало чувство любви къ родной старинѣ, такою же они привыкли считать Краледворскую рукопись и Любушинъ Судъ. Не хорошо было со стороны филолога предоставить главную и рѣшающую роль — химіи, какъ это сдѣлано Гебауеромъ сначала въ статьѣ напечатанной въ энциклопедіи Эршъ-Грубера, s. v. Königinhofer Handschrift 1875 г. (Въ важность, даже необходимость химическаго анализа вѣрилъ также другъ Гебауера Игн. Машекъ, какъ видно изъ письма

его въ L. F. XXX, 265). Дѣйствительно авторъ вскорѣ и самъ извѣрился въ единственно спасающей роли химіи (сл. его статью «Potřeba dalších zkoušek rukopisu Královédvorského a Zelenohorského», отд. отт. изъ чешскаго «Athenaeum» III Nr⁰ 5, стр. 1—17 и «Chemische und mikroskopische Prüfung der Königinhofer Handschrift» въ Archiv f. sl. Phil. X, 152—167) и взялся энергически собирать и приводить въ порядокъ всѣ филологическія доказательства, говорящія противъ подлинности. Это сдѣлано имъ въ Archiv für slav. Philologie: «Unechtheit der Königinhofer und Grünberger Handschrift» (т. X, стр. 496—569, XI. 1—39, 161—188) и для широкой публики популярно въ «Poučení o padělaných rukopisích královédvorském a zelenohorském pro širší kruhy intelligence české» (V Praze 1888, 8⁰ 80).

Много напраслинъ пришлось выслушать Гебауеру за эту войну противъ подлинности двухъ пользовавшихся до тѣхъ поръ большимъ почетомъ, памятниковъ чешской литературы, которыхъ изъ литературы не вычеркнешь, только вмѣсто XIV столѣтія ихъ настоящее мѣсто будетъ во второмъ десятилѣтіи девятнадцатаго вѣка. Они причинили чешскому ученому много личныхъ оскорбленій и горя, но онъ могъ все-же въ сравнительно скоромъ времени убѣдиться, что громадное большинство чешской интеллигенціи на его сторонѣ. Еще разъ пришлось ему возставать противъ защитниковъ подлинности: «O nové obraně padělaného Rukopisu Královédvorského» (L. F. XXIII, 275—379) и «Dva důvody pro odsouzení Rukopisu Královédvorského» (Č. Č. M. 1893, 407—427). О цѣлой борьбѣ pro и contra и выдающемся участіи въ ней Гебауера укажемъ на превосходную новѣйшую статью Іос. Гануша: «Padesátiletá diskusse o Rukopisech» (L. fil. XXXIII, 109—135, 211—251). Такимъ образомъ послѣднія два десятилѣтія его трудовой жизни могли быть цѣликомъ отданы пожинанію спѣлыхъ плодовъ его продолжительной неутомимой дѣятельности: изданію исторической грамматики и историческаго словаря. Только двѣ части грамматики доведены до конца: Historická mluvnice jazyka českého. Díl I. Hláskosloví (V Praze a ve Vídni 1894, 8⁰ XII, 702). Díl III. Tvarosloví. 1 Skloňování (ib. 1896, 8⁰ 637), 2 Časování (ib. 1898, 8⁰ 508, послѣдней части второе изданіе «opravené a rozmnožené» вышло въ 1909 г. 8⁰ 542). Совсѣмъ не разработанной осталась та часть грамматики, въ которой говорится объ образованіи словъ, по старому названію наука объ основахъ, для синтаксиса же, кажется, имѣется кое-что въ рукописи. Но и второй трудъ его прекратился на второй половинѣ: «Slovník staročeský». Díl první A—J. (V Praze 1903, больш. 8⁰ XXIX, 674); второго тома до сихъ поръ (при жизни автора) вышли вып. 10—15: K до Na(liti), послѣ смерти его подъ редакціею его ученика, проф. Сметанки, вышелъ вып. 16, до стр. 552,

послѣднее слово nĕkaký. Продолженіе, стало быть и окончаніе словаря обезпечено. По сообщенію его дочери, выше упомянутой чешской писательницы Маріи Гебауеровой, продолженіе не только словаря, но и обработку синтаксиса по бумагамъ Гебауера взялъ на себя проф. Сметанка, вторую же часть грамматики, науку объ основахъ (kmenosloví) согласился составить другой его ученикъ О. Гуеръ (O. Hujer), посвятившій себя въ послѣднее время сравнительному языкознанію. У Гебауера, читавшаго обязательно также лекціи по исторіи чешской литературы, оказались рукописныя тетрадки, обнимающія преимущественно старый періодъ. Говорятъ, академія намѣрена и это издать. О значеніи Гебауера см. мой отзывъ въ Archiv f. sl. Phl. XXIX, 629—633, Е. Сметанки и А. Новака въ L. Fil. 1907, т. XXXIV, 161—176, и въ Альманахѣ чешской академіи годъ XVIII (1908, стр. 133—150) отзывъ Зубатаго (Prof. Josef Zubatý). Гебауеръ обѣщался было для нашей энциклопедіи написать введеніе въ чешскій языкъ и разобрать вопросъ о состояніи нынѣшняго литературнаго языка. Этотъ послѣдній вопросъ въ особенности интересовалъ его, у него были на сердцѣ различныя desiderata, о чемъ м. пр. свидѣтельствуетъ его статья: «Některé novoty v češtině spisovné» (L. F. XXI, 212—218).

Упоминаемый рядомъ съ Гебауеромъ Игнатій Машекъ (Ignác Boleslav Mašek, 1837—1901), родомъ изъ Высокаго Мыта (родины Шемберы и братьевъ Иречковъ), кончилъ въ 1860 г. университетъ въ Прагѣ. Какъ воспитанникъ классической филологіи и чешскаго языка, учительствовалъ потомъ въ разныхъ гимназіяхъ Чехіи, наконецъ (съ 1883 г.) въ Прагѣ. Литер. занятія его вращались — кромѣ наблюденія за правильностью нынѣщняго литер. чешскаго языка (напр. въ Č. M. M. за 1873 г. «Příspěvky k Brusu»), сл. еще разборъ одной чешской грамматики (въ L. fil. 1875, стр. 213—224), или попытку толкованія одного темнаго названія у Козмы (Pokus o výklad slova, jež vydavatelé Kosmovy kroniki přepisují Zizi, въ год. отчетѣ Пражской Новомѣстской гимназіи за 1887 г.), — по большей части около Краледворской рукописи. Кромѣ упомянутыхъ выше статей, которыя онъ напечаталъ сообща съ Гебауеромъ въ Listy Filologické, его интересовали разуры и корректуры въ этой рукописи (въ L. Fil. 1876, т. III, 176—201), а въ годовомъ отчетѣ гимназіи Индрихова Градца (Neuhaus въ Чехіи) за 1876 г. онъ разбиралъ пѣсню «Výhoň Dub v Rukopise Kralodvorském». Въ 1881 г. вышелъ образецъ задуманнаго имъ изданія (въ родѣ Н. Некрасова): Úkazka textu, grammatiky a glossaria Rukopisu Kralodvorského (въ годовомъ отчетѣ той же гимназіи). Когда вспыхнула новая борьба противъ подлинности Кр. рукописи, старинные друзья (Машекъ и Гебауеръ) разошлись во взглядахъ, какъ сказано

выше. Машекъ не одобрялъ полемики Гебауера (см. объ этомъ замѣтки Гебауера въ L. Fil. XXX. 268/9), выступилъ даже въ защиту подлинности рядомъ статей: «O čem svědčí proužky rukopisu Kralodvorského?» (Č. Č. M. 1889, 182—263), «Příspěvky k obraně Rukopisu Kralodvorského» (1893, 225—246); въ журналѣ «Osvěta» за 1890 г. I, 251—292, онъ помѣстилъ «Pamět' Přibislavská XV věku a Rukopis Kralodvorský», полагая, что въ записяхъ мѣста Пржибиславъ можно найти своего рода откликъ нѣкоторыхъ словъ Крал. рукописи. Отвѣтъ на это послѣдовалъ отъ Гебауера въ «Athenaeum 1890, 198—201, сл. ib. 1891, стр. 326; вторично коснулся этого вопроса Машекъ въ Č. Č. M. (1893, 428—449). Сл. о немъ нѣсколько словъ въ Альманахѣ чешской Академіи за 1892 г., т. XII, 132—136, Osvěta 1901, стр. 1035 и сл., и годовой отч. гимназіи Новомѣстской въ Прагѣ за 1899 г.

Изъ числа учителей среднеучебныхъ заведеній, филологовъ классиковъ съ чешскимъ языкомъ въ придачу, иные занимались разборомъ вопросовъ, близко касающихся славянской филологіи. Между прочими Антонъ Вашекъ (1829—1880), бывшій учителемъ въ Опавѣ (Troppau), Иглавѣ и въ Брюннѣ, написалъ въ годовомъ отчетѣ Опавской гимназіи за 1872 годъ: «Výklad slovanských místních jmen v Opavsku», въ Č. M. M. (часописъ Матицы Моравской) за 1876 г. (VIII, 23—35): «O povahopisných jménech osad staročeských», за 1877 г. (IX, 62—79), 1878 (X, 146—161) и 1879 г. (XI, 64—77) статью: «O složených slovech v češtině», и въ 1879 году вызвалъ цѣлую бурю своимъ смѣлымъ и не неудачнымъ изслѣдованіемъ: «Filologický důkaz že Rukopis Kralodvorský a Zelenohorský, též zlomek evangelia sv. Jana jsou podvržená díla Vácslava Hanky» (V Brně 1879, 8⁰ II. 80). О значеніи этого изслѣдованія см. Archiv f. sl. Phil. IV, 538—9, Listy Filol. 1906, т. XXXIII, 221—225.

Къ изслѣдователямъ по чешской діалектологіи, самымъ раннимъ, принадлежалъ Войтѣхъ Котсмихъ (Kotsmích, 1835—1906), учительствовавшій въ разныхъ гимназіяхъ Чехіи и Моравіи, пока наконецъ былъ назначенъ надзирателемъ среднихъ школъ въ Чехіи. Въ ранніе годы онъ написалъ «O podřečí doudlebském» въ изданіи Sborník Vědecký I (1868, 1—33), къ этому сообщена одна сказка на томъ же нарѣчіи въ изданіи въ честь Гебауера: «Rozpravy filologické, věnované Janu Gebauerovi» (V Praze 1898, на стр. 76—7), потомъ въ 1871 г. «O skladbě české vůbec a užívání genitivu zvláště» (Č. M. M. III. 121—136), въ 1879 г. «Příspěvek k rhytmice staročeské» (въ годовомъ отчетѣ гимназіи Оломуцкой въ Моравіи), въ 1888 г. въ L. Fil. XV, 35—44 выписки чешскія XV в. изъ рукописи монастыря

Адмонтскаго.—Мат. Блажекъ (1844—1896), бывшій учителемъ въ Брнѣ, потомъ въ пражскомъ педагогическомъ институтѣ, извѣстенъ своей грамматикою чешскаго языка (Mluvnice jazyka českého), которая составляла первую, этимологическую часть учебника, при синтаксисѣ, написанномъ Бартошемъ въ видѣ второй части. Имъ же издана въ 1879 г. «Stručná nauka o větě», и кромѣ того (въ 1878 г.): «Spůsobové básnictví a jich literatura». Въ Брнѣ вышелъ подъ его редакціею старо-чешскій текстъ «Пассіонала» (1880): «Knihy o životě a umučení všech sv. mučedlníkóv jenž slovú latině Passional».

Нѣсколько выше простирались желанія Фр. Прусика (František Prusík, 1845—1908). Онъ стремился сдѣлаться не только богемистомъ — это выраженіе вошло въ моду въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій въ Прагѣ — а также славистомъ. Родомъ изъ окрестности города Пильзена (Plzeň), онъ окончилъ философ. факультетъ въ Прагѣ въ 1868 г., учительствовалъ потомъ въ Пильзенѣ и Пржибрамѣ (1868—1877), получилъ должность директора въ Роудницѣ, но черезъ нѣсколько лѣтъ покинулъ это мѣсто (въ 1885 г.) и поступилъ въ акад. гимназію Пражскую профессоромъ, въ 1901 г. вышелъ въ отставку. Въ молодые годы онъ много путешествовалъ, не только по западу (Германіи, Голландіи, Бельгіи, Англіи), но и по слав. странамъ (по Россіи). Доказательствомъ его болѣе широкихъ научныхъ стремленій служатъ статьи не исключительно чешскаго содержанія, въ родѣ слѣдующихъ: «Wie sind die possessiven Adjectiva auf *-ij* und *-ovъ* und die possess. Pronomina *moj*, *tvoj*, *svoj* im Slavischen zu deuten? (Sitzungsberichte вѣнской Академіи 1876, томъ LXXXIII), «Etymologie des Comparativs **вмштии, вмште, вмштьше**» (Arch. f. sl. Phil. 1877, т. II), «Этимологія слова *девеностo*» (Сборникъ отд. р. я. и слов. т. XVIII), «Etymologie des griech. ἐννέα и т. д.» (въ Пражскихъ Sitzungsberichte 1885), «Slavische Miszellen» (въ Kuhn's Zeitschrift für vergl. Sprachforsch. XXXIII. 157). Въ годовыхъ отчетахъ Пржибрамской реальной гимназіи онъ напечаталъ въ 1876 г. «Studie o dativě», въ 1877 г. «Příspěvky k nauce o tvoření kmenův ve slovanštině a zvláště v češtině». Въ отчетѣ Роудницкой гимназіи за 1882 г.: «O comparativě ve slovanštině». Въ отчетѣ акад. гимназіи Пражской за 1886 г.: «České glossy latinského rukopisu Roudnického z XV století». Съ 1887 по 1899 г. онъ издавалъ журналъ «Krok», напоминающій подобнаго рода изолированное изданіе Качановскаго. Несмотря на похвальное усердіе издателя, журналъ его не могъ конкурировать съ «Listy Filologické». Въ каждомъ томѣ печатались его рецензіи и рефераты, помимо того «Příspěvky k tekstové kritice a exegetice», статейки о духовныхъ романахъ: «Josef a

Asenath», «Život Josefův», «Adam a Eva» (Krok I. II), «O Bruncvíkovi» (ib. VI), потомъ «O jmenech osobních a o původu příjmení českých» (Krok III), «Českých Alexandreid rýmovaných pramenové a obapolný poměr» (ib. III. V, отд. отт. 1891 8⁰ 64). Когда вновь возникъ споръ о подлинности Краледворской рукописи, Прусикъ примкнулъ, уже изъ оппозиціи противъ Гебауера, къ партіи вѣрующихъ консерваторовъ: въ 1886 г. онъ напечаталъ въ Пражскомъ Světozor-ѣ (№ 17—21): «K obraně rukopisův Kralodvorského a Zelenohorského», и въ журналѣ «Osvěta» (1886): «O filologických námitkách proti rukopisům Kralodvorskému a Zelenohorskému», но отрывка евангелія отъ Іоанна онъ конечно не отстаивалъ, а напротивъ старался выяснить, какъ могъ произойти подлогъ: «O původě českého zlomku Evangelia sv. Jana» (Č. Č. M. 1893, 158—170, 395—407). Въ Vestník-ѣ král. č. Společnosti за 1893 г. онъ помѣстилъ статью: «Prešpurský slovník latinsko-český a poměr jeho k Bohemariu a k Nomenklatoru». Признавая усердіе автора, не замѣчаемъ все-таки большого таланта, дѣятельность его размѣнялась на мелкую монету. Самое лучшее, что имъ сдѣлано, относилось къ чешской Александреидѣ, за критико-экзегетическіе труды (изданіе текста вышло въ 1896 г.: «Staročeské Alexandreidy rýmované. Upravil a výkladem opatřil Fr. P. 8⁰ 87) по этому вопросу ему присужденъ почетный отзывъ въ Петербургѣ. Кромѣ статей педагогическаго и общепоучительнаго содержанія, имъ же написано нѣсколько біографическихъ эскизовъ: о братьяхъ Tham (Světozor 1886), о Челаковскомъ и Ганкѣ (Krok VI), изъ старшихъ о Гайкѣ (Hájek, Zlatá Praha 1888, № 12, Krok III), о Коменскомъ (Krok VII).

У *южныхъ славянъ* смерть похитила у славянской науки изъ молодого поколѣнія двухъ много сдѣлавшихъ и еще болѣе обѣщавшихъ, талантливыхъ представителей славяновѣдѣнія — Матова и Облака. Димитъръ Матовъ (1864—1896), родомъ изъ Велеса въ Македоніи, получилъ гимназическое образованіе въ Николаевѣ (въ Россіи), съ 1878—1881 г., и въ Харьковѣ (гдѣ изъ IV-го прямо приняли его въ VII классъ) и въ 1884 г. поступилъ на истор.-филол. факультетъ Харьковскаго университета, подъ руководство Дринова и Потебни. Кончивъ университетъ, патріотически настроенный даровитый юноша началъ свою дѣятельность на пользу родной страны съ званія учителя болгарскаго языка въ Солунѣ, въ гимназіи Кирилла и Меѳодія (1888 г.). Еще раньше, будучи студентомъ, онъ перевелъ съ греческаго на болгарскій языкъ (подъ редакціею своего учителя Дринова): «Животъ, дѣяния, исповѣдание и кратко изложение за чудеса на св. отецъ нашъ Климентъ българскій архиепископъ. Прѣвелъ отъ гърчки езикъ Д. Матовъ» (Срѣдецъ 1885, 8⁰, 40, какъ № II изданія «Българска библиотека» на сред-

ства «Болгарскаго Книжовнаго Дружества»). Въ 1896 г. вышелъ тотъ же переводъ «съ малки сокращенія» въ Пловдивѣ, подъ заглавіемъ: «Животописъ на св. Климента». Въ томъ и другомъ изданіи греческій текстъ присвоенъ Ѳеофилакту, архіепископу Охридскому, что еще не доказано. Ко второму, популярному изданію прибавлены въ концѣ текста (1—33) объяснительныя примѣчанія (34—40). Какъ учитель Солунской гимназіи онъ написалъ еще въ концѣ перваго года въ «Осмий годишенъ отчетъ на българската мужска гимназия свв. Кириллъ и Меѳодий» статью: «За историята на Ново-българската грамматика» (стр. 1—31), гдѣ очень разумно и трезво разбираетъ образованіе падежей болгарскаго языка. Когда въ 1889 г. порѣшили въ Солунѣ издавать «Книжицы за прочитъ», Матовъ былъ въ числѣ самыхъ усердныхъ сотрудниковъ. Въ 1-ой книжкѣ онъ помѣстилъ статейку «Остатъци отъ звуковетѣ *ъм*, *ън*, *ен*, *ем* въ Костурский говоръ» (17—26), потомъ «Къмъ българския рѣчникъ» (27—29) и образцы народнаго творчества (29—42, сл. III, 55—59). Во второй книжкѣ: «Образци отъ Киречъ-кійойския говоръ» (40—48), въ третьей объясняетъ значеніе слова «нави» (49—54, къ тому же вопросу онъ возвратился въ статьѣ: «Верзиуловото коло и навитѣ» въ Бълг. Прѣгледѣ год. II, кн. IX—X, отд. отт. 16); въ книжкѣ IV—VII: «Къмъ българский рѣчникъ» (сообща съ Тошевымъ); нѣчто подобное вышло въ VII томѣ министъ. сборника (1892, стр. 448—483), но тутъ уже видно гораздо больше знакомства съ подходящей лингвистической литературой.

Это лучшее и болѣе основательное пониманіе своей задачи Матовъ пріобрѣлъ благодаря тому, что продолжалъ научныя занятія въ двухъ университетахъ, въ Вѣнѣ и Лейпцигѣ. Въ рѣшеніи его, покинуть временно учительское мѣсто, чтобы сѣсть на скамейку университетскаго студента, отражается рѣдкая энергія духа. Кажется, онъ чувствовалъ, что ему чегото не доставало, онъ желалъ выяснить себѣ роль, опредѣлить точнѣе область своихъ дальнѣйшихъ занятій. Центромъ всѣхъ стремленій конечно должна была быть его любимая Македонія, это не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, но посвящать ли ей свои силы въ чисто лингвистическомъ направленіи или же прибавить къ этому еще и другія точки зрѣнія? На эти вопросы послѣдовалъ отвѣтъ только послѣ двухлѣтняго пребыванія на чужбинѣ, преимущественно въ Лейпцигѣ, гдѣ повидимому любознательность его нашла больше духовной пищи чѣмъ въ Вѣнѣ. Изъ одной Вѣны онъ вышелъ бы хорошимъ обще-слав. филологомъ съ лингвистической подкладкой, Лейпцигъ же расширилъ его программу по направленію этнографіи и фольклора, привязавъ его въ то же время къ Македонской области, что лучше соотвѣтствовало его личнымъ желаніямъ. «Маке-

донскій вопросъ», т. е. разъясненіе вопроса, куда причислять славянское народонаселеніе Македоніи — стоялъ у Матова на первомъ планѣ, онъ развивалъ его не только какъ безпристрастный представитель науки, въ родѣ Облака, а также какъ горячій патріотъ. Послѣднее направленіе видно въ его обширной полемической статьѣ: «Кратка расправия по этнографията на Македония» (въ Псп. 1890, кн. 34, стр. 425—475; кн. 35, стр. 674—717), въ рефератѣ «Сръбско-българската етнографска прѣпирня прѣдъ науката. Отъ Д. М.» (Отпечатъкъ изъ в. «Югозападна България». София 1893, 8⁰, 38), въ «Македония споредъ най-новитѣ книжовни вѣсти» (въ Бълг. Прѣгледѣ год. II, кн. 12, 52—74) и въ многихъ другихъ статейкахъ, рецензіяхъ и т. п. Подробный перечень у Милетича въ Бълг. Прѣгледѣ годъ III (София 1896, стр. 70—75). Возвратясь домой въ 1892 году, Матовъ получилъ подходящее его вкусамъ и планамъ назначеніе быть помощникомъ редактора министерскаго «Сборника» въ Софіи; въ то же время онъ участвовалъ большимъ количествомъ статей въ основанномъ тогда же «Българскомъ Прѣгледѣ», гдѣ между прочимъ отстаивалъ упрощеніе болгарскаго правописанія, выгоняя лишнее (какъ твердый знакъ ъ), къ сожалѣнію, безъ успѣха. Вѣскій примѣръ русскаго правописанія помѣшалъ болгарскимъ новаторамъ достигнуть своей цѣли, хотя въ русскомъ языкѣ ъ не играетъ той двойной роли, какъ въ болгарскомъ правописаніи. Въ «Сборникѣ» Матовъ явился впервые съ хорошей статьей: «Къмъ критическото четене на дакословенскитѣ текстове» (т. VI, 226—238), въ которой иныя мѣста извѣстнаго болгарскаго текста изъ Трансильваніи, изданнаго Миклошичемъ, удачно объяснены или исправлены. Гораздо важнѣе «Гръцко-български студии» въ IX т. Сборника (1893, стр. 21—84), гдѣ великолѣпно проведенъ параллелизмъ различныхъ фонетическихъ явленій между македонско-болгарскими и новогреческими говорами, разумно говорится о славянахъ въ Греціи и слав. слова греч. языка перечисляются съ очень богатой литературой. Это сочиненіе несомнѣнно лучшее изо всего, что сдѣлано Матовымъ; судя по нему можно жалѣть, что даровитый и начитанный ученый слишкомъ часто былъ отвлекаемъ текущими литературными (редакторскими) дѣлами отъ продолженія изслѣдованій подобнаго рода. Съ толкомъ написаны его рефераты о книгѣ Вейганда «Wlacho-Meglen» (Псп. 39, стр. 474—482, 1892 г.) и «Пѫтуването на Вайганда въ югозападнитѣ балканския области» (1896, Бълг. Прѣгл. III, кн. 2, стр. 63—68). По вопросамъ болгарской грамматики кромѣ отзыва о сочиненіи Мазинга, напечатаннаго въ Archiv f. sl. Phil. (XIV, 131—136), вышла еще статья: «За взаимната замѣна на яснитѣ и тъмнитѣ съгласни въ Новобългарския езикъ» (Пер. Сп. кн. 44, 1894, 247—261) — очень хорошія

наблюденія. Но въ послѣднее время Матова болѣе всего привлекала этнографія въ смыслѣ изслѣдованій надъ фольклоромъ. Доказательствомъ служитъ его обширное разсужденіе «Бѣлѣжки върху българската народна словесность I» (Сборникъ т. X, 268—323), статья «Невѣрна Груйовица. Баладенъ мотивъ изъ нашата народна поезия» (Бълг. Прѣгл. II, кн. 1, 51—61, сл. ib. II, кн. 2, 114), «Приказка за правината и кривината. Текстъ и объяснения» (Книжицы г. II, кн. 6, стр. 22—30), и обширный отзывъ о трехъ болгарскихъ изданіяхъ народнаго творчества (Сборникъ XIII, стр. 3—52 отдѣла «Критика»), не говоря о большомъ числѣ коротенькихъ замѣтокъ по поводу изданій, домашнихъ и иностранныхъ, относящихся къ произведеніямъ народнаго творчества, которыя помѣщались главнымъ образомъ въ Българскомъ Прѣгледѣ, отчасти въ Периодическомъ Списании и въ министерскомъ Сборникѣ. Въ послѣднемъ онъ напечаталъ еще и тексты изъ собранныхъ имъ же по Македоніи матеріаловъ народ. творчества (въ кн. III. V. VIII. IX. X. XI). Послѣ смерти его вышла въ «Българскомъ Прѣгледѣ» хорошо имъ составленная библіографія этнографіи относящейся къ Македоніи: «Книгописъ на этнографията на Македония, изъ книжата на † Д. Матовъ» (IV годъ изданія, 1897, вып. 5—6, стр. 178—214). Кромѣ вышеупомянутаго обозрѣнія его научной дѣятельности въ статьѣ проф. Милетича, «Български Прѣгледъ» далъ очень прочувствованный отзывъ о рано скончавшемся ученомъ въ 1896 г. (третьяго года кн. 9—10, стр. 288—296), отъ И. Шишманова.

Сверстникъ Матова и по году рожденія и по году кончины, др. Ватрославъ Облакъ (1864—1906) принадлежалъ безспорно къ самымъ даровитымъ представителямъ славянской филологіи изъ младшаго поколѣнія славистовъ, начавшихъ свою дѣятельность въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій прошлаго столѣтія. Родившись въ южной Штиріи, въ Цельѣ (Cilli), въ городишкѣ знаменитомъ своими частыми шумными столкновеніями словенцевъ съ нѣмцами, юноша испыталъ уже въ свои гимназическіе годы напріятныя послѣдствія натянутыхъ отношеній двухъ національностей. Вмѣсто Целья онъ могъ кончить гимназію въ Загребѣ (въ 1886 г.), будучи изъ-за ничтожныхъ причинъ исключенъ изъ всѣхъ гимназій Австріи. И на немъ подтвердилось общее убѣжденіе, господствующее не только въ Австріи, что личности съ характеромъ должны непремѣнно хоть разъ въ жизни изъ-за этого пострадать. Попавъ въ Вѣну въ университетъ, Облакъ сдѣлался самымъ лучшимъ, усерднымъ и одушевленнымъ слушателемъ по славянской филологіи, нужды нѣтъ что не совсѣмъ безпристрастный біографъ его между строками жалѣетъ, отчего онъ не вышелъ лучше компаративнымъ лингви-

стомъ въ направленіи Бодуэна. Пишущему эти строки никогда не приходило въ голову, да и не нужно было отговаривать Облака отъ языкосравнительныхъ занятій. Что молодой, симпатичный и въ высшей степени остроумный юноша, полюбилъ славянскую науку — эта заслуга, конечно, не лично моя, а приманчивой силы самого предмета въ томъ видѣ, какъ онъ былъ мною преподаваемъ моимъ слушателямъ. Къ сожалѣнію не нашлось много такихъ, какъ Облакъ, на которыхъ наука произвела бы подобное вліяніе: это опять сводится къ преимуществамъ его богато одаренной натуры. Ученикъ пожелалъ ближе сойтись съ своимъ учителемъ, чего другіе не сдѣлали, и это сближеніе, выразившееся въ постоянномъ обмѣнѣ мыслей о предметѣ научныхъ занятій, сроднило ихъ души въ прекрасное взаимное пониманіе безъ малѣйшаго принужденія, которому самостоятельный характеръ молодого послѣдователя и не подчинился бы, тогда какъ онъ охотно слушался доводовъ вытекающихъ изъ природы самого предмета.

Въ 1886 г. я переѣхалъ въ Вѣну, осенью того же года Облакъ поступилъ въ университетъ; уже въ 1887 году появилась въ Archiv f. sl. Phil. X (143—151) статья его: «Ein Beitrag zum slavischen Imperativ», потомъ обширная рецензія, доставленная черезъ Бодуэна (615—626) о монографіи Штрекеля: «Morphologie des Görzer Mittelkarstdialectes» и одна замѣтка (стр. 354—5) объ Imperfekt-ѣ. Все это доказываетъ, что молодой студентъ сумѣлъ уже тогда относиться съ самостоятельнымъ сужденіемъ къ вопросамъ церковно-славянской грамматики и словенской діалектологіи. Съ этого времени онъ состоялъ самымъ усерднымъ сотрудникомъ журнала Archiv f. sl. Philologie. Въ XI томѣ началось его прекрасное изслѣдованіе: «Zur Geschichte der nominalen Declination im Slovenischen» (396—423, 523—561, съ продолженіями т. XII, 1—47, 358—450, т. XIII, 25—68). Конецъ этого обширнаго изслѣдованія (отд. отт. Leipzig 1890, 8° 247) помѣченъ іюлемъ 1888 года. Но этотъ трудъ, задуманный еще въ гимназическіе годы, не поглощалъ всего его времени. Кромѣ того выходили въ томъ же журналѣ его рецензіи, распространявшіяся мало по малу на разныя слав. литературы (напр. въ XI т. отзывъ о словенскомъ изданіи Стаплетона 259—264, 582—589), о двухъ грамм. изслѣдованіяхъ относительно Евхологія синайскаго (ib. 590—594), объ одномъ діалектологическомъ изслѣдованіи въ области хорватскаго языка (594—596); въ XII томѣ о сочиненіи Малышевскаго (216—221), Slovenica (499—526) и нѣсколько другихъ рефератовъ (571—594), въ XIII томѣ объ изслѣдованіи Валявца о Търновскомъ евангеліи и о русск. переводѣ грамм. Лескина (241—253), и о трехъ словенскихъ сочиненіяхъ (603—609). Въ XIII томѣ вышло его изслѣдованіе: «Die

kirchenslavische Uebersetzung der Apokalypse» (321—361), на основаніи котораго онъ получилъ степень доктора (1890).

Въ теченіе четырехъ лѣтъ своей студенческой жизни Облакъ состоялъ главнымъ столпомъ вѣнской филологической семинаріи, учрежденія основаннаго мною и состоявшаго подъ моимъ руководствомъ. Здѣсь развертывалась его критическая дѣятельность не только въ многочисленныхъ собственныхъ рефератахъ, но также въ остроумныхъ, всегда въ приличномъ томѣ веденныхъ преніяхъ и возраженіяхъ на рефераты молодыхъ товарищей, что вліяло очень поучительно на нихъ и поднимало уровень этого полезнаго учрежденія. Мнѣ кажется, онъ любилъ его не менѣе меня. О дальнѣйшей судьбѣ молодого ученаго разсказано мною въ Archiv f. sl. Phil. XVIII, стр. 632 ff. Не въ Москву, куда я боялся пустить его изъ-за очень слабаго здоровья, а на югъ онъ отправился, съ точно опредѣленной цѣлью изучать македонскіе говоры. Несмотря на неудачу, постигшую его благодаря враждебности турецкаго правительства, онъ успѣлъ всетаки достигнуть прекрасныхъ результатовъ. Его изслѣдованіе: «Macedonische Studien von dr. Vatroslav Oblak. Nach dem Tode des Verfassers im Drucke besorgt und mit einem Anhang versehen von w. M. V. Jagić» (Wien 1896, 8⁰, 156, отд. отт. изъ Sitzungsberichte der Kais. Akad. der Wiss. in Wien, philos.-histor. Classe B. CXXXIV, Abh. VIII) я не затрудняюсь причислить къ лучшимъ сочиненіямъ по діалектологіи славянской вообще, оно можетъ послужить образцомъ всѣмъ будущимъ изслѣдователямъ какъ великолѣпный примѣръ объективнаго, чисто научнаго отношенія къ предмету изслѣдованія, чего къ сожалѣнію о многихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ спорному Македонскому вопросу никакъ нельзя сказать; почти вездѣ проглядываетъ то сербская, то болгарская предвзятая точка зрѣнія. Раньше этого послѣдняго его труда по времени изданія, онъ напечаталъ въ Arch. f. sl. Phil. т. XIV: «Das älteste datierte slovenische Sprachdenkmal» (192—235, написано въ 1891 г., раньше поѣздки въ Македонію), важныя дополненія къ этому изслѣдованію сдѣланы проф. Штрекелемъ: «O beneškem rokopisu» (отд. отт. 8⁰ XXII изъ журнала «Ljubjanski Zvon» 1892). Въ томъ же т. XIV моего журнала онъ сдѣлалъ къ одной статьѣ Шкрабца критическое дополненіе: «Einige Bemerkungen zur vorausgehenden Abhandlung» (347—360), оспарившее вѣрность объясненія у Шкрабца такихъ формъ какъ druzega, velicega. Замѣтки Облака не удовлетворили автора, онъ написалъ отвѣтъ, который назначался для моего журнала, но потомъ Шкрабецъ взялъ его назадъ, не пожелавъ дальше полемизировать. Еще до поѣздки въ Македонію была написана критическая статья: «Zur Würdigung des Altslovenischen» (Arch. f. sl. Ph. XV, 338—370) и

нѣсколько рецензій, отчасти въ бытность его въ Солунѣ и потомъ въ Цельѣ (въ началѣ 1893 г.).

Прекративъ противъ желанія свои діалектологическія изслѣдованія въ Македоніи, вслѣдствіе грубаго вмѣшательства турецкой жандармеріи, нашъ незабвенный Облакъ считалъ своимъ долгомъ исполнить порученіе въ другомъ направленіи; послѣ непродолжительнаго отдыха онъ поѣхалъ на острова Адріатическаго моря и вдоль хорватско-далматинскаго побережья. Результатомъ этой поѣздки были статьи его: «Zum silbenbildenden l im Slavischen» (Archiv XVI, 198—209) и «Der Dialect von Lastovo» (ib. 426—450). Прекрасное обобщеніе въ области всѣхъ южнослав. нарѣчій представляетъ его статья: «Die Halbvocale und ihre Schicksale in den südslavischen Sprachen» (ib. 153—197). Въ томъ же томѣ вышло еще нѣсколько его рефератовъ (стр. 450—497; сл. еще 304—315). Разрабатывая же свои македонскіе этюды, онъ коснулся болгарской грамматики, по поводу сочиненія Калины, въ обширной статьѣ «Einige Capitel aus der bulgarischen Grammatik» (Archiv f. sl. Ph. XVII, 129—185, 430—477). Сл. еще рефераты ib. 282—289.

Возвратившись изъ своего путешествія по Далмаціи, Облакъ долженъ былъ позаботиться объ обезпеченіи своего будущаго положенія. Слѣдуя моимъ совѣтамъ, онъ пріобрѣлъ veniam legendi въ Грацкомъ университетѣ у проф. Крека, не отнесшагося, правда, съ особеннымъ сочувствіемъ къ ученому, въ многихъ отношеніяхъ превышающему его соотчичу. Но дѣлать было нечего. Въ Вѣнѣ, гдѣ только нѣсколько лѣтъ передъ этимъ мнѣ удалось исходатайствовать вторую профессуру по славяновѣдѣнію, надежды на полученіе мѣста съ окладомъ были очень ничтожныя, между тѣмъ какъ въ Грацѣ, центрѣ страны съ народонаселеніемъ не только нѣмецкимъ, но и словенскимъ, можно было ожидать въ скоромъ времени учрежденія каѳедры по славяновѣдѣнію съ особеннымъ предпочтеніемъ словенскаго языка и литературы. Онъ дѣйствительно началъ читать лекціи въ Грацѣ осенью 1893 года, и получилъ весной 1894 г. отъ министерства порученіе, соединенное уже съ денежнымъ вознагражденіемъ. Такимъ образомъ удалось его пристроить, но свыше нашихъ силъ, поклонниковъ его прекрасныхъ дарованій, было обезпечить его — очень шаткое здоровье. Червякъ чахотки расточалъ его организмъ. Всѣ мѣры осторожности молодого человѣка оказались безпомощными. Онъ сталъ жертвой ужасной болѣзни въ апрѣлѣ 1896 г., скончавшись въ родительскомъ домѣ въ Цельѣ. До послѣдней такъ сказать минуты онъ былъ занятъ наукой. Въ Archiv f. sl. Phil. онъ напечаталъ еще статью: «Zur Provenienz der Kijever und Prager Fragmente» (XVIII 106—112) и «Eine Bemerkung zur ältesten südslavischen

Geschichte» (ib. 228—234) — остроумное дополненіе къ моей статьѣ въ XVII-мъ томѣ «Архива», и нѣсколько хорошихъ рецензій (стр. 235—258, 588—591, 620—626) и замѣтокъ (315—318); въ томъ же журналѣ т. XIX (321—338) я собралъ его мелкія замѣтки подъ заглавіемъ: «Kleine Grammatische Beiträge» и въ т. XX (154—160): «Ein Beitrag zur Katharina-Legende in der älteren kroatischen Literatur». Но если Archiv f. sl. Philologie былъ любимымъ его органомъ, который я мечталъ когда-то сдать въ его руки, все-же и на своемъ родномъ языкѣ словенскомъ онъ печаталъ довольно много, въ особенности то, что могло казаться интереснымъ для словенскаго круга читателей. Въ «Ljubljanski Zvon» онъ послалъ нѣсколько рефератовъ еще въ 1886 г. (они напечатаны въ теченіе 1887 г.), м. пр. съ большимъ сочувствіемъ онъ сообщалъ о содержаніи нѣсколькихъ выпусковъ (IX—X т.) моего журнала тамъ же. Потомъ являлись въ этомъ журналѣ чаще его отзывы о различныхъ изданіяхъ, касающихся вопросовъ славяновѣдѣнія, напр. въ 1888 г. вышли (отд. отт. 19 страницъ) отзывы его о біографіяхъ Шафарика и Эрбена, написанныхъ Брандлемъ, о діалект. монографіи Строгала, о русск. переводѣ сравн. грамматики Миклошича, о журналѣ Prace filologiczne и «Čakavski drobec z l. 1554». Такого же рода отзывы имѣются еще въ годахъ 1889—1891, 1893—1896, подробный ихъ перечень сдѣланъ въ біографіи «D-r Vatroslav Oblak. Spisal dr. M. Murko. Izdala «Slovenska Matica» (V Ljubljani 1900, 8° 173, на стр. 162—166). Укажемъ еще на довольно подробный рефератъ объ «Altslovenische Studien» проф. Вондрака (Lj. Zvon 1893, отд. отт. 8° VIII), гдѣ референтъ имѣлъ возможность коснуться начальныхъ вопросовъ. Лучше подходилъ къ чисто филолог. содержанію статей Облака органъ Матицы словенской: «Letopis Matice slovenske». Здѣсь онъ напечаталъ въ 1887 г. «Trije slovenski rokopisi iz prve polovice XVII stoletja» (отд. отт. 8° 57), въ 1889 г. «Starejši slovenski teksti» (отд. отт. 8° 81); въ 1890 и 1891 гг. «Doneski k historični slovenski dialektologiji» (1 вып. 8° 57, 2 вып. 8° 88), въ 1894 г. «Protestantske postile v slovenskem prevodu» (отд. отт. 8° 18), въ 1895 г. «Drobiž iz starejše književnosti slovenske» (отд. отт. 8° 13). И въ болгарскомъ министерскомъ сборникѣ друзья заставили Облака (должно быть товарищъ его по вѣнскому университету Д. Матовъ) явиться съ нѣкоторыми сообщеніями. Въ т. IX (1893) онъ помѣстилъ: «Нѣколко бѣлѣжки върху старословѣнскитѣ паметницы» (стр 3—20), въ т. XI (1894): «Приносъ къмъ българската граматика» (стр. 517—581) и въ отдѣлѣ «Критика» ib. стр. 3—12 рецензію на первую часть истор. грамматики чешскаго языка Я. Гебауера.

Облакъ, несмотря на слабость физическую, любилъ путешествовать, от-

части побуждаемый надеждою, что движеніе на свѣжемъ воздухѣ возстановитъ его силы. Съ путешествіями, подобнаго рода у него всегда было соединено желаніе обогатить свои свѣдѣнія по части этнографической, наблюденіемъ народнаго быта или діалектологіи. Извѣстно, что онъ любилъ проводить нѣкоторое время въ Каринтіи, къ сожалѣнію наблюденія его надъ говорами этой области не были имъ разработаны. Но результаты одной поѣздки въ Медюмурье сообщены въ I томѣ этнограф. Сборника югослав. академіи: «Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena» въ статьѣ: «Nešto o megjumurskom narječju» (стр. 44—62). Много прекрасныхъ надеждъ похоронено съ преждевременной кончиною д-ра Облака. Краснорѣчиво это изложено въ упомянутой выше біографіи, написанной профессоромъ Муркомъ, которую онъ же въ сокращенномъ видѣ издалъ также по нѣмецки: «Vatroslav Oblak. Ein Beitrag zur Geschichte der neuesten Slavistik» (Wien 1902, 8⁰ 62). Сошлюсь еще на мой отзывъ въ Archiv f. slav. Phil. XVIII, 631—635.

ГЛАВА XXX.

Представители сравнительнаго изученія памятниковъ древне-русской письменности и фольклора: А. Н. Веселовскій, А. И. Кирпичниковъ, И. Н. Ждановъ, Н. П. Дашкевичъ, Антоновичъ-Драгомановъ, и юрид. быта: В. Богишичъ.

Заканчиваемъ наше обозрѣніе историческаго хода и развитія славянской филологіи бѣглымъ перечнемъ небольшого числа изслѣдователей, приложившихъ свои труды главнымъ образомъ къ объясненію памятниковъ средневѣковой письменности и произведеній народнаго творчества, при чемъ изслѣдованія ихъ вращались не въ миѳологическомъ направленіи Гримма или Куна-Шварца, представители котораго упомянуты выше (на стр. 514—516, 534—545), а послѣдовали началамъ новѣйшей теоріи, допускающей и доказывающей возможность заимствованій путемъ литературнаго вліянія, слѣды котораго видны не только въ отдѣльныхъ памятникахъ древней письменности, а также въ произведеніяхъ простонародныхъ.

Во главѣ всѣхъ ихъ стоитъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ второй половины XIX вѣка, не только Россіи, но и цѣлой Европы — Александръ Николаевичъ Веселовскій (1838—1902), воспитанникъ Московскаго университета, ученикъ незабвеннаго Ѳ. И. Буслаева, отъ котораго унаслѣдовалъ не наклонность къ исторіи искусства, не пристрастіе къ миѳологическимъ толкованіямъ многихъ сюжетовъ древне-русской письменности, а глубокій смыслъ и тонкое чутье для всесторонняго анализа памятниковъ русской письменности и русскаго народнаго творчества, для раскрытія такъ

сказать кроющихся въ немъ таинствъ. Поступивъ въ 1855 году въ университетъ, Веселовскій сначала увлекался лекціями Кудрявцева, слушалъ Бодянскаго и Петрова, потомъ же перешелъ къ Буслаеву. По окончаніи курса (въ 1858 году) со степенью кандидата и съ присужденіемъ ему золотой медали за сочиненіе миѳологическаго содержанія: «De lupi et canis in mythologia graeca et romana symbolis», въ которомъ были приняты въ соображеніе также славянскіе и нѣмецкіе мотивы — Веселовскій отправился за границу, прямо въ Испанію, всего на два года, но это еще не было путешествіе съ ученою цѣлью.

Только въ 1862 году, вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Россію, онъ получилъ настоящую командировку, въ которой взоры его были подъ вліяніемъ руководителя Буслаева и его Гриммовскаго направленія обращены на первомъ планѣ въ Германію. Въ 1862 году осенью онъ отправился въ Берлинъ, гдѣ провелъ два семестра изучая древне-нѣмецкую и нордскую литературу. Его первая, еще въ 1859 году въ Лѣтописяхъ русской литературы Н. С. Тихонравова напечатанная статья (т. I, отд. III, 102—120) касалась реферата о «Zeitschrift für deutsches Alterthum». Кромѣ германской его занимала конечно и романская филологія, на переходѣ же такъ сказать отъ германскаго къ романскому міру онъ остановился было на нѣкоторое время и въ Прагѣ, чтобы пополнить свои отъ Бодянскаго пріобрѣтенныя свѣдѣнія по славяновѣдѣнію, но онъ самъ признавался потомъ, что толку отъ этого получилось немного. Несравненно сильнѣе притянула его къ себѣ Италія, куда онъ поѣхалъ въ 1864 г. на свои средства, такъ какъ министерство Д. А. Толстого не согласилось продолжить ему командировку. Въ Италіи Веселовскій работалъ очень усердно и успѣшно, доказательствомъ чего служатъ его изданія: «Novella della figlia del re di Dacia. Testo inedito del buon secolo della lingua con prefazione del dott. Alessandro Wesselofsky» (Pisa 1866, 8⁰ CXII. 52) и еще поважнѣе: «Il Paradiso degli Alberti, ritrovi e ragionamenti del 1389, romanzo di Giovanni de Prato, del codice autografo e anonimo della Riccardiana a cura di Alessandro Wesselofsky (въ Болоньѣ въ 1867—1868 гг., въ трехъ выпускахъ, второй и третій содержатъ текстъ, первый въ двухъ частяхъ введеніе и объясненіе, все это вышло въ серіи изданій «Scelta di curiosità» Dispensa LXXXVI ½, LXXXVII, LXXXVIII, подъ сокращеннымъ заглавіемъ: «Il Paradiso degli Alberti e gli ultimi trecentisti. Saggio di storia letteraria italiana). Переработка русская этого труда подъ заглавіемъ: «Вилла Альберти. Новые матеріалы для характеристики литературнаго и общественнаго перелома въ итальянской жизни XIV—XV столѣтія» (Москва 1870, 8⁰ XVIII. 380) послужила автору ма-

гистерской дисссертаціею въ Москвѣ, куда онъ вернулся въ надеждѣ получить каѳедру, но эта надежда не исполнилась и онъ, сдавъ магистерскій экзаменъ и защитивъ диссертацію (въ 1876 г.), переѣхалъ по внушенію добрѣйшаго Ореста Миллера въ Петербургъ; съ тѣхъ поръ онъ оставался до конца жизни въ Петербургскомъ университетѣ, поступивъ вскорѣ также въ Импер. академію наукъ, избравшую его въ дѣйствительные члены въ 1880 году. Занятія культурно-историческія въ Италіи, по собственному признанію Веселовскаго, подорвали въ немъ вѣру въ состоятельность миѳологическихъ гипотезъ. Это наглядно вышло наружу въ его этюдѣ: «Новыя отношенія Муромской легенды о Петрѣ и Февроніи и сага о Рагнарѣ Лодброкѣ» (Ж. М. Н. Пр. 1871, апрѣль, 95—142), гдѣ указано не только на возможность, но и большую вѣроятность объясненія легенды, не прибѣгая къ миѳологическимъ сравненіямъ (сл. выше на стр. 542).

Полнѣе развернулся характеръ научныхъ изслѣдованій Веселовскаго въ новомъ историко-сравнительномъ, антимиѳологическомъ направленіи въ его докторской диссертаціи: «Изъ исторіи литературнаго общенія востока съ западомъ. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ» (Спб. 1872, 8⁰ XX. 350). Сочиненіе изобилуетъ остроумными соображеніями и догадками, чуть ли даже не съ нѣкоторымъ излишкомъ, въ немъ разбираются не только отдѣльные мотивы древнихъ текстовъ (въ особенности изъ литературы апокрифовъ) или русскихъ духовныхъ стиховъ, но затрогиваются также принципіальные вопросы методологическаго характера. Совершенно вѣрно замѣчено самимъ авторомъ потомъ, что считать его послѣ этого сочиненія приверженцемъ Бенфейевской теоріи — было бы для него слишкомъ мало. И раньше появленія Бенфейевской теоріи подражанія достойные образцы для него существовали въ книгѣ Дёнлопъ-Либрехта и въ извѣстномъ Очеркѣ А. Н. Пыпина (см. выше на стр. 569). Колоссальная начитанность Веселовскаго, обнимавшая почти всѣ литературы запада и востока, изострила взоры его и заставила отмѣчать хорошія и слабыя стороны въ научномъ направленіи всѣхъ сочиненій входившихъ въ обширную область его интересовъ. Эти же интересы были у него дѣйствительно очень разнообразны. Онъ интересовался христіанскими легендами и апокрифической литературой востока и запада, эпическими преданіями славянскихъ и неславянскихъ народовъ, обрядовыми пѣснями всѣхъ славянъ и ихъ сосѣдей (румынъ, новогрековъ и т. д.) и необозримымъ богатствомъ сказокъ всего міра, такъ называемаго фольклора. Его методъ изслѣдованія былъ однимъ словомъ сравнительный, но этотъ методъ усложнялся у него присоединеніемъ къ нему еще и многихъ другихъ моментовъ, обу-

словливающихъ по его убѣжденію удовлетворительность сравненія и обезпечивающихъ правильность выводовъ. Сюда принадлежитъ напр. осторожное взвѣшиваніе историческихъ условій, при которыхъ сравненіе становится правдоподобнымъ; указаніе пути, которымъ могло произойти взаимное соприкосновеніе сюжетовъ. Сюда идетъ также критическая операція надъ даннымъ сюжетомъ, предшествующая необходимо самому сравненію. Въ громадной производительности Веселовскаго почти никогда не замѣчаешь поспѣшнаго обобщенія, преждевременныхъ выводовъ. Скорѣе можно бы ставить ему въ упрекъ, что иногда при очень многочисленныхъ параллеляхъ, приводимыхъ для объясненія даннаго вопроса, въ концѣ концовъ все-таки не знаешь, какъ понимать это накопленіе параллелей, какое придавать имъ по замыслу автора значеніе, такъ что разбираемый и анализируемый сюжетъ, несмотря на яркое освѣщеніе его, полученное стараніемъ автора, остается вопросомъ нерѣшеннымъ. Это замѣчаніе относится, на мой взглядъ, прежде всего къ анализу сюжетовъ по русской былевой поэзіи. Мнѣ сдается даже, что самъ Веселовскій не вполнѣ былъ доволенъ результатами достигнутыми въ этой области своихъ изслѣдованій, при большомъ напряженіи силъ и феноменальной эрудиціи. По этому подъ конецъ онъ какъ бы усталъ, не въ научной дѣятельности вообще, а въ разысканіяхъ, относящихся къ русскому былевому эпосу. Нельзя же сказать, чтобы уже были разобраны всѣ стороны предмета. Нѣтъ, онъ его бросилъ или сбѣжалъ отъ него въ другую, какъ ему казалось, болѣе благодарную область, перенесъ свою лабораторію на почву исторіи литературы, не то итальянской (Боккаччьо), не то русской (Жуковскій), не то общей (поэтика). Но этотъ поворотъ совершался у него медленно, въ концѣ девяностыхъ годовъ, послѣ того какъ въ теченіе цѣлой четверти столѣтія занимался главнымъ образомъ предметами средневѣковой романтики и народнаго творчества. При этомъ нужно замѣтить, что Веселовскій любилъ высказывать свои взгляды, пускать въ ходъ свои очень часто важныя новыя соображенія такъ сказать при случаѣ, по поводу разборовъ чужихъ изслѣдованій, такъ что рецензіи его вообще имѣютъ большое значеніе для развитія его мыслей.

Не имѣя возможности вдаваться въ подробный перечень всѣхъ его трудовъ, укажемъ на хорошее въ этомъ отношеніи пособіе П. К. Симони: «Къ XL-лѣтію учено-литературной дѣятельности профессора и академика А. Н. Веселовскаго» (Спб. 1906, 8°, 55), я же ограничусь здѣсь обозрѣніемъ важнѣйшихъ его изслѣдованій. Вскорѣ послѣ вышеупомятутой докторской диссертаціи стали появляться въ Ж. М. Н. Пр. его «Опыты по исторіи развитія христіанской легенды (1875 апрѣль, май, 1876 февраль-апрѣль, іюнь, 1877 февраль, май); тутъ разбиралось содержаніе откровеній Меѳодія Па-

тарскаго, анализировались сказанія о Сивиллахъ, о Недѣлѣ, о 12-ти Пятницахъ, объ Элевѳеріѣ. Продолженіемъ этихъ изслѣдованій могутъ считаться его «Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ», печатавшіяся въ Запискахъ И. Ак. Н. и въ Сборникѣ (т. XX, XXI, XXVIII, XXXII, XLVI, LIII); въ нихъ анализируются, съ приведеніемъ многихъ еще неизданныхъ текстовъ, апокриф. легенды о св. Ѳеодорѣ (стр. 1—22), о св. Георгіи (въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ, стр. 1—228), говорится объ алатырѣ, приводятся сказанія изъ повѣсти града Іерусалима, новые матеріалы къ исторіи Соломоновскихъ сказаній (стр. 1—150), разбираются духовные сюжеты въ литературѣ румынской, въ особенности коляды, дѣлается сопоставленіе Илья-Геліосъ, разсказывается о праведномъ Михаилѣ изъ Потуки (стр. 1—461); о дуалистическихъ повѣрьяхъ о мірозданіи, приводятся черты изъ житія Василія новаго, излагается повѣрье о судьбѣ-долѣ у славянъ, о Русаліяхъ и Готскихъ играхъ, о Валькиріи-Вилѣ, объ Иродѣ и Иродіадѣ, и одинъ эпизодъ изъ легенды о св. Гралѣ (стр. 1—376 и Приложеніе текстовъ 1—106); въ продолженіи о Волуспѣ, о раѣ и адѣ въ посланіи новгород. архіепископа Василія, съ дополненіями къ нѣкоторымъ предыдущимъ статьямъ (о дуалист. космогоніяхъ, къ эпизоду изъ Грала, къ долѣ), наконецъ анализируется видѣніе Григорія (стр. 1—230, и прилож. текстовъ 1—174). Въ этотъ обширный циклъ изслѣдованій можно включить еще нѣкоторыя другія статьи, какъ напр. «Phol als aethiopischer König» (Arch. f. sl. Phil. III), «Der ewige Jude» (ib. V), «Der Stein Alatyr» (ib. VI), мелочи (ib. VIII), «Замѣтки по литературѣ и народной словесности» (Сборникъ XXXII), «Croissans-Crescens и легенды о половой метаморфозѣ» (Зап. ак. н. XXXIX, № 4, стр. 1—33), «Къ вопросу о мѣстныхъ легендахъ въ Палестинѣ» (Ж. М. Н. Пр. 1885 май, стр. 66—183), «Андрей Критскій въ легендѣ о кровосмѣсителѣ» (ib. іюнь, 231—7), «Замѣтки къ исторіи апокрифовъ» (ib. 1886 іюнь, стр. 288—302), «Zur Frage über die Heimath der Legende vom heiligen Gral» (Archiv f. sl. Phil. XXIII, 321—385, сл. Изв. Отд. р. яз. и сл. V, 393—450, Ж. М. Н. Пр. 1904 февраль). Немного отличаются содержаніемъ, по характеру же изслѣдованія даже совсѣмъ совпадаютъ съ предыдущими разысканія его, озаглавленныя: «Изъ исторіи романа и повѣсти», въ двухъ выпускахъ, первый (1886, 8°, 511, 80, въ Сборникѣ томъ XL) относится къ грековизантійскому періоду, анализируетъ христіанскія превращенія греческаго романа: а) Житіе Ксантиппы, Поликсены и Реввеки, b) о Таврѣ и Меніи въ апокриф. житіи св. Панкратія, с) объ источникахъ сербской Александріи (съ греч. текстомъ по списку Вѣнской библіотеки); — второй выпускъ (1888, 8°, 361, 262, въ Сборникѣ т. XLIV) заключаетъ въ себѣ славянороманскія повѣсти: а) южно-

слав. повѣсть о Троѣ (сл. Archiv f. sl. Ph. X.), b) повѣсти о Тристанѣ, Бовѣ и Аттилѣ по Познанской рукописи конца XV вѣка (съ прибавленіемъ текста). Къ одному изъ упомянутыхъ сюжетовъ Веселовскій возвращался чаще, а именно къ роману объ Александрѣ: въ Ж. М. Н. Пр. 1884 іюнь и сентябрь и ib. 1885 октябрь, разобраны по частямъ нѣкоторые эпизоды, вошедшіе потомъ въ выше упомянутое изслѣдованіе, сл. еще Archiv f. sl. Phil. XI, 327—343, и «Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ (1892, 8⁰, 1—56, въ Сборникѣ т. LIII), рядомъ съ данными извѣстнаго оріенталиста Гаркави; сл. наконецъ еще отзывъ его объ изслѣдованіи и изданіи Александріи русскихъ хронографовъ В. Истрина (Виз. Временникъ 1897, т. IV, вып. 3—4, стр. 533—587).

Очень видное мѣсто въ научной пытливости Веселовскаго занимали, какъ уже замѣчено выше, изслѣдованія, относящіяся къ русскому былевому эпосу. Какъ во всѣхъ своихъ разысканіяхъ онъ стоялъ на широкой такъ сказать международной точкѣ зрѣнія, стараясь прежде всего прослѣдить тихія культурныя сношенія между славянскимъ, германскимъ и романскимъ міромъ, такъ и въ русскихъ эпическихъ преданіяхъ онъ открывалъ слѣды вліянія или какого либо соприкосновенія съ сосѣдями то на востокѣ, то на западѣ. Одну изъ раннихъ статей этого рода представляли «Отрывки Византійскаго эпоса въ Русскомъ» I. (В. Евр. 1875 апрѣль, 750—775), II. (Слав. сборникъ 1876, II. 122—165), въ нѣмецкой переработкѣ въ Russische Revue (IV, вып. 6, 539—570), и въ Arch. f. sl. Phil. (II, 129—143, 308—333). Сюда относится еще «Beiträge zur Erklärung des russ. Heldenepos» (Arch. f. sl. Phil. III, 549—593, повторяющееся въ Южнор. Былинахъ, гл. III—V). Въ этихъ статьяхъ разсказывается о византійской поэмѣ о Дигенисѣ, о Вавилонскомъ царствѣ, объ Армури. Сл. еще параллель между Красавицею въ теремѣ и одной русской былиной (Ж. М. Н. Пр. 1878 апр. 183—238), «Исполинъ Илья Муромецъ у Луиса де Кастильо» (ib. 1883, стр. 216—220), отзывъ о книгѣ Жданова о былевой поэзіи (ib. 1884, февр. 359—396), рефератъ объ изслѣдованіяхъ о французскомъ эпосѣ (ib. 1885, апр. 239—285), «Былина о Садкѣ» (ib. 1886, дек. 251—284, сл. Archiv. f. sl. Ph. IV, 288 и сл., 355 и сл., ib. IX, 282—291), далѣе рефератъ о сочиненіи Сазоновича (Arch. f. sl. Phil. X, 224—233), и въ особенности двѣ группы изслѣдованій посвященныхъ былинамъ, одна подъ заглавіемъ «Южнорусскія былины» (1881 г. въ т. XXII Сборника Отд. р. я. и сл. № 2, стр. 1—78, ib. 1884, т. XXXVI, № 3, стр. 1—411), другая подъ заглавіемъ: «Мелкія замѣтки къ былинамъ» (въ Ж. М. Н. Пр. 1885 дек. 166—198: I—IV, ib. 1888 май 74—90: V—VII, ib. 1889 май 32—46: VIII—XII, ib. 1890 март.

1—55: XIII—XV, ib. май 56—73: XVI—XVII, ib. 1896 авг. 235—277: XVIII). Прибавить можно еще въ Извѣстіяхъ (т. I, 1896, стр. 66—80): «Шведская баллада объ увозѣ Соломоновой жены», въ Ж. М. Н. Пр. 1905 апрѣль 303—313: «Былины о Потокѣ и о сорока каликахъ со каликою».

Уже заглавіе «Южнорусскія былины» выдаетъ главную мысль, легшую въ основаніе цѣлаго ряда анализовъ: связать съ русскимъ югомъ происхожденіе хоть бы одной части былинъ, зародившихся въ дружинномъ быту и преслѣдовавшихъ княжескіе интересы въ разрѣзъ съ интересами земства, вѣча, громады..., когда «городская громада-вѣче могла еще изгонять князя дружинника»... по этому «въ дружинной средѣ складывались пѣсни про князя, выжитаго трусливыми горожанами и одержавшаго блестящую побѣду». Онъ былъ не прочь итти и дальше и вѣрилъ въ возможность проникновенія на югъ Россіи сюжетовъ иныхъ византійскихъ былинъ, гдѣ они заняли мѣсто рядомъ съ прочимъ содержаніемъ домашняго эпическаго цикла. (Сл. соображенія его на этотъ счетъ въ Южнор. был. III, 35, ib. 66—7). Переходя съ юга на сѣверъ былины южнаго происхожденія поневолѣ должны были искажаться, стремясь подойти въ уровень съ новой средой; изслѣдователь счелъ своею задачею, посредствомъ анализа и сравненія отличать ново-навѣянныя черты отъ первоначальнаго остова. Поэтому въ изслѣдованіяхъ его играла большую роль попытка постановленія различныхъ схемъ, первичныхъ и вторично сложившихся. Что въ этой умственной операціи легко можно ошибиться, это признавалъ Веселовскій не разъ и самъ, по этому и предпочиталъ иногда не настаивать на окончательномъ рѣшеніи. Напр. въ анализѣ одного сказочнаго мотива (о Маркѣ богатомъ) разошлись взгляды его и одного нѣмецкаго ученаго (Лайстнера) насчетъ пути заимствованія и онъ закончилъ свое мнѣніе словами: «Лайстнеръ слишкомъ рано оставилъ распутіе, чтобы двинуться по западному пути и также быстро вернулся къ нему, чтобы направиться на югъ. *Я предпочелъ бы остановиться пока именно на распутіи и подождать свѣта*». Такъ и въ борьбѣ мнѣній относительно независимости сѣверной миѳологіи отъ постороннихъ вліяній, въ которой консервативное направленіе отстаивалъ Мюлленгофъ, новую же ересь проповѣдывалъ Бугге, Веселовскій занялъ со своей стороны выжидательное положеніе (сл. Разыск. VIII. 353, Мелк. зам. по был. IV, стр. 196), склоняясь однако и здѣсь къ признанію сильнаго христіанскаго вліянія, чему безчисленные примѣры представлялись ему въ области сюжетовъ, изслѣдованныхъ имъ же. Значеніе такъ называемаго двоевѣрія, взаимодѣйствія преданій язычества и началъ христіанства — понималось Веселовскимъ всестороннѣе и глубже, чѣмъ западными изслѣдователями. Тутъ было бы чему

поучиться у него, если бы изслѣдованія его были имъ доступны въ полномъ ихъ объемѣ.

При столь расплывчивомъ матеріалѣ, какимъ Веселовскій справедливо называлъ составъ русскихъ былинъ, нельзя было не дорожить старинными записями или историческими свидѣтельствами, имѣющими какое-либо отношеніе къ лицамъ, упоминаемымъ въ былинахъ или къ ихъ содержанію. Это и составляетъ драгоцѣнную сторону его изслѣдованій, придерживаясь которой онъ пошелъ по стопамъ Вильгельма Гримма и дома сходился съ Л. Майковымъ. Кажется даже, что одно намѣреніе его осталось не исполненнымъ. Въ Ж. М. Н. Пр. 1890 г. за мартъ, стр. 6, онъ говорилъ о сборникѣ, въ «которомъ я постараюсь соединить факты и матеріалы, касающіеся *исторіи* нашего эпоса, его древнихъ отзвуковъ и свидѣтельствъ о немъ». Этотъ сборникъ долженъ былъ явиться, по его же словамъ, параллельно съ слѣдующими выпусками «Южно-русскихъ былинъ» — но этого, насколько я знаю, не сдѣлано. Все сводится къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ статьямъ или мимоходнымъ указаніямъ въ упомянутыхъ двухъ группахъ, напр. въ Южнор. былинахъ подъ № II «Илья Муромецъ и Соловей Будимировичъ въ письмѣ XVI вѣка» (61—78), сл. тамъ же подъ № VII объ именахъ Алеша и Добрыня (на стр. 274 сл.); въ «Мелкихъ Замѣткахъ» подъ № IV. «Wisinnus Саксона грамматика», № VII. «Готы и гунны и русская мѣстность Hervarasag-и», № IX. «Кіевскія пещеры. Показаніе Сарницкаго», № XIV. «Финскіе варіанты былинъ объ Ильѣ Муромцѣ», № XV. «Кто такой Бравлинъ въ житіи св. Стефана Сурожскаго», № XVII. «Уголокъ русскаго эпоса въ сагѣ о Тидрекѣ Бернскомъ», (это послѣднее изслѣдованіе вышло въ переработанномъ видѣ въ Извѣстіяхъ Отд. р. я. и сл. 1906, т. XI кн. 3, стр. 1—190: «Русскіе и вильтины въ сагѣ о Тидрекѣ Бернскомъ»), и др. Веселовскій вѣрно замѣтилъ, что русскія былины, сохранившія какъ нѣчто типическое внѣшнюю оболочку стариннаго центра эпическихъ преданій, т. е. князя Владимира и городъ Кіевъ, въ содержаніи охотно обогащались сказочными сюжетами, внося ихъ въ былевой репертуаръ. Поэтому онъ зорко слѣдилъ не только за богатымъ домашнимъ сказочнымъ матеріаломъ въ собраніяхъ русскихъ, но и вся прочая еле обозримая фольклористика была постоянно предметомъ его внимательнаго изученія. Слѣды его изумительно широкаго знакомства со сказочной литературой видны въ каждомъ изъ его изслѣдованій, о многихъ изданіяхъ онъ сообщалъ даже свои отзывы, нерѣдко съ важными дополненіями отъ себя. Укажемъ напр. на рефератъ о библіотекѣ Сицилійскихъ преданій у Питрэ (Ж. М. Н. Пр. 1876 янв. 81—103), объ индѣйскихъ сказкахъ Минаева (В. Евр. 1876 мартъ), о «Sagenstoffe aus dem Kandjur» (въ Russ. Revue V,

вып. 3, 287—299), отзывъ о «Трудахъ» Чубинскаго (въ Отчетѣ о 22-омъ присужденіи Уваровскихъ премій, Зап. Ак. Н. т. XXXVII, № 4), рефератъ о румынскихъ сказкахъ М. Кремницъ (Ж. М. Н. Пр. 1883 янв. 216—228), о лорренскихъ сказкахъ (ib. 1887 апрѣль, 285—303), отзывъ о Гастеровыхъ «Ilchester lectures» (Ж. М. Н. Пр. 1888 мартъ, 217—247), статью о сказкахъ тысячи одной ночи (при изданіи 1890 г. въ Москвѣ, переводъ Доппельмаера, участіе Веселовскаго на стр. V—XXVIII). Сюда можно причислить еще его изданіе перевода Декамерона, въ двухъ томахъ (М. 1891-2, 2-ое изд. 1896), отзывъ о «Король книгочій» (Ж. М. Н. Пр. 1891 октябрь, 551—568).

Преподавая въ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ исторію всеобщей литературы, преимущественно романской и германской, при его широкихъ взглядахъ на предметъ, онъ касался въ своихъ лекціяхъ многихъ вопросовъ по части поэтики съ историкосравнительной точки зрѣнія. По указаніямъ Симони въ 1882 г. вышли литографированнымъ изданіемъ его лекціи подъ заглавіемъ: «Теорія поэтическихъ родовъ въ ихъ историческомъ развитіи», въ 1885 и 1886 гг. повторяются тетрадки подъ тѣмъ же заглавіемъ какъ часть I-ая: «Исторія Эпоса» (сл. у Симони 17—18, 24—26), въ 1884 г. были литографированы подъ тѣмъ же заглавіемъ какъ часть III-я лекціи «Объ исторіи романа, новеллы, народной книги и сказки», а въ 1883 г. изданы лекціи: «Исторія лирики и драмы» (Симони 20—21). Въ печатномъ видѣ подъ его же именемъ подобнаго рода вопросы стали являться, такъ сказать, на смѣну изслѣдованій по былинамъ, только съ начала девяностыхъ годовъ. Такимъ образомъ въ 1894 г. онъ напечаталъ: «Изъ введенія въ историческую поэтику» (Ж. М. Н. Пр. 1894 май, 21—42), въ 1895 г. «Изъ исторіи эпитета» (ib. декабрь, 179—199), въ 1897 г. «Эпическія повторенія какъ хронологическій моментъ» (ib. апрѣль, 271—305), въ 1898 г. «Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля» (ib. мартъ, 1—80) и въ 1899 г. отдѣльнымъ изданіемъ (изъ Ж. М. Н. Пр., мартъ-май): «Три главы изъ Исторической поэтики» (8° 209): первая изслѣдуетъ «Синкретизмъ древнѣйшей поэзіи и начала дифференціаціи поэтическихъ родовъ» (стр. 1—136), вторая озаглавлена: «Отъ пѣвца къ поэту. Выдѣленіе понятія поэзіи» (137—170), третья: «Языкъ поэзіи и языкъ прозы» (171—209). Авторъ самъ не признавалъ за этими замѣчательными статьями значенія окончательной отдѣлки, онъ говорилъ въ замѣткѣ къ «Тремъ главамъ» о предположенной книгѣ, не получившей еще окончательной редакціи. Какъ жаль, что ему не было суждено въ этомъ направленіи продолжать свои глубокомысленныя изслѣдованія. Нѣсколько главъ изъ поэтики осталось,

говорятъ, въ рукописи. Но зато онъ обогатилъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія своей жизни русскую литературу кромѣ капитальнаго изслѣдованія: «Боккаччіо, его среда и сверстники» (I томъ 1893, 8⁰ XV, 545, отд. отт. изъ тома LVI-го Сборника, т. II, 1894, VIII, 680, отд. отт. изъ LVIII т. Сборника), въ которомъ онъ возвратился къ итал. литературѣ, предмету изученій своей молодости, — сл. также мнѣ неизвѣстный этюдъ «Петрарка въ поэтической исповѣди Canzoniere 1304—1904» (Москва 1905, 8⁰ 98, отд. отт. изъ «Научнаго Слова», кн. 3, 5 и 6), — еще нѣсколькими весьма важными сочиненіями по русской литературѣ изъ эпохи романтики начала девятнадцатаго столѣтія, прежде всего прекраснымъ изслѣдованіемъ о значеніи В. А. Жуковскаго и поэтической его дѣятельности: «В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и сердечнаго воображенія» (СПБ. 1904, 8⁰ V, XII, 546), съ прибавкой статей въ Извѣстіяхъ т. IX, 3 (стр. 339—342) и въ Ж. М. Н. Пр. 1905 май (159—183). Сл. еще: «Пушкинъ — національный поэтъ» (Изв. т. IV, 1899, стр. 781—799), и отзывы о сочиненіи Н. Котляревскаго «Міровая скорбь» (ib. 1088—1103) и о трудѣ Боборыкина «Европейскій романъ» (Изв. V, 1900, стр. 1007—1020).

О Веселовскомъ не вышло еще обстоятельной монографіи, которая подвергла бы анализу совокупную ученую дѣятельность — задача вовсе нелегкая. При множествѣ блестящихъ сопоставленій, накопившихся въ его многочисленныхъ трудахъ, необходимо различать то, что можно теперь уже считать неопровержимо доказаннымъ, что должно назвать обще-принятымъ достояніемъ науки, отъ остроумныхъ догадокъ, которыя пока такъ и остаются догадками; въ особенности же надо будетъ подробно разобрать и оцѣнить его методы изслѣдованія. Онъ самъ желалъ этого не разъ. Пока укажемъ на статью Трубицына въ XII томѣ, книжкѣ 3-ей «Извѣстій» (1907, стр. 1—50), и его же статью въ Р. Ф. В. 1905 вып. 4. Сл. также мои слова въ Archiv f. sl. Phil. XXVIII. 636). Хорошо обрисована дѣятельность Веселовскаго въ отзывѣ Жданова, по поводу присужденія ему Константиновской медали Этногр. Отдѣленіемъ Имп. Геогр. Общества (въ Живой Старинѣ 1894 г. 276—282, Соч. Жданова II. 383—396).

Товарищемъ по спеціальности А. Н. Веселовскаго былъ Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ (1845—1903), преподававшій всеобщую литературу сначала въ Харьковскомъ, потомъ съ 1885-го по 1896 г. въ Новороссійскомъ университетѣ. Воспитанникъ Московскаго университета (родомъ изъ Орловской губерніи), одинъ изъ видныхъ учениковъ Ѳ. И. Буслаева, онъ былъ раньше перехода въ университетъ занятъ педагогической дѣятельностью, слѣды которой остаются въ составленныхъ имъ, отчасти сообща съ

Ѳ. А. Гиляровымъ, учебникахъ: «Этимологія русскаго языка» (М. 1869, въ 1904 г. вышла 38 изданіемъ), «Синтаксисъ русскаго языка» (М. 1869, въ 1904 г. 33 изданіемъ), «Русская хрестоматія» въ двухъ видахъ (для низшихъ и для старшихъ классовъ), «Исторія русской литературы для учащихся» (М. 1869). Разныя по журналамъ разсѣянныя статьи педагогическаго содержанія собраны имъ и напечатаны въ Москвѣ 1890: «Педагогическіе очерки 1867—1888». Для университетской карьеры онъ остановился на исторіи всеобщей литературы, съ придачею унаслѣдованнаго отъ Буслаева интереса къ древне-христіанскому и русскому искусству. Онъ затѣвалъ даже обширный трудъ «Легенда о Дѣвѣ Маріи въ поэзіи и искусствѣ», программа котораго была напечатана въ «Сборникѣ» 1885 г., томъ XXXVI, прил. къ прот. VIII—XII, но на дѣлѣ вышли только отрывочныя статьи: «Сказанія о житіи Дѣвы Маріи и ихъ выраженіе въ средневѣковомъ искусствѣ» (ЖМНПр. 1883 іюнь), «Миніатюры часослововъ Имп. Публ. библіотеки по отношенію къ легендѣ о Мадоннѣ» (Художеств. Новости 1883), «Успеніе Богородицы въ легендѣ и искусствѣ» (Труды VI археол. съѣзда, въ Одессѣ, 1888 во II томѣ), «Русское сказаніе о Лоретской Богоматери» (М. 1896, въ книгѣ III-ей «Чтеній» Моск. Общ. ист. и древн.), «Историческій обзоръ иконописныхъ изображеній Богоматери» (ЖМНПр. 1897 іюль), «Богородица въ народныхъ вѣрованіяхъ» (въ 1900 г. въ Сборникѣ въ честь Вс. Ѳ. Миллера). Къ исторіи искусства относятся еще нѣкоторые другіе труды Кирпичникова, напр. «Иконографія Вознесенія Христова» (въ Трудахъ Одесскаго Археолог. Съѣзда, т. I. Одесса 1887), «Любопытная лицевая рукопись Парижской національн. библіотеки» (ЖМНПр. 1892 авг.), «Деисусъ на востокѣ и западѣ и его литературныя параллели» (ib. 1893 ноябрь), «Къ иконографіи сошествія св. Духа» (Древности т. XV), «Чудесныя статуи Константинополя» (Лѣтопись истор.-филол. одесскаго общества, 1894, виз. отд. II), «Сужденіе дьявола противъ рода человѣческаго» (Пам. древн. письм. 1894, № CV), «Этюды по иконографіи Рождества Христова» (Зап. Имп. арх. общ. т. VII, вып. 1 и 2). Укажемъ еще въ этой области на статью «Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной» (въ Трудахъ VIII археол. съѣзда, Москва 1895 т. I), чтобы не упоминать многихъ рецензій по той же части. Его магистерская и докторская диссертаціи вращаются въ области средневѣковыхъ литературныхъ сюжетовъ, первая изъ нѣмецкой литературы: «Опытъ сравнительнаго изученія западнаго и русскаго эпоса. Поэмы лангобардскаго цикла» (Москва 1873), сл. Archiv f. sl. Phil. XXV. 440 и слѣд. Вскорѣ за этимъ послѣдовали монографіи: «Кудруна, національная поэма нѣмцевъ» (Харьковъ 1874) и «Греческіе романы въ новой литературѣ. По-

вѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ» (Харьковъ 1876). Вторая диссертація занялась вопросомъ о св. Георгіи: «Св. Георгій и Егорій Храбрый — изслѣдованіе литературной исторіи христ. легенды» (СПб. 1879 — рядомъ съ этой монографіею вышло изслѣдованіе А. Н. Веселовскаго, упомянутое выше на стр. 846). Во второмъ изданіи исторіи русской литературы Галахова Кирпичниковъ обработалъ «Духовные стихи» (СПб. 1880, I т., стр. 194—281). Къ древнерусской и византійской письменности относятся еще такія статьи: «Гдѣ взять матеріалы для исторіи византійской литературы» (ЖМНПр. 1889 май), «Особый видъ творчества въ древне-русской литературѣ» (ib. 1890 апр.), «Къ вопросу о птицѣ страфиль» (ib. іюнь), «Къ вопросу о древнерусскихъ скоморохахъ» (Сборникъ Отд. р. я. и сл. 1891, т. LII № 5), «Сужденіе діявола противъ рода человѣческаго» (Пам. Общ. Л. Д. П. 1894 № CV), «Къ литературной исторіи русскихъ лѣтописныхъ сказаній» (Извѣстія Импер. Ак. Н. 1897, т. II, 54—64), «Допетровская Русь въ ея литературѣ — по лекціямъ Буслаева» (Чтенія 1899, кн. I-ая), «Аѳинскій великій синаксарь какъ цѣнный археолог. источникъ» (ЖМНПр. 1902 окт.), «Тимаріонъ или объ его страданіяхъ — византійское хожденіе по загробному міру XII в.» (ib. 1903 мартъ).

Кирпичниковъ не располагалъ блестящимъ талантомъ Веселовскаго, ни его громадной эрудиціею, но усердіе этого въ высшей степени гуманнаго и добросердечнаго ученаго достойно всякой похвалы. Въ его обширномъ участіи въ различныхъ журналахъ, прежде всего въ Историческомъ Вѣстникѣ, такъ и слышится отзывчивая душа на всѣ вопросы касавшіеся русской духовной жизни. Въ послѣднее время онъ въ особенности сосредоточивалъ свое вниманіе на русскихъ писателяхъ XIX столѣтія, главнымъ образомъ на Пушкинѣ, Гоголѣ и Крыловѣ. Въ 1896 г. вышли первымъ, а въ 1903 г. вторымъ изданіемъ «Очерки по исторіи новой русской литературы» (въ двухъ томахъ, Москва 1903), въ которыхъ собрана большая часть его сюда относящихся статей. Онъ участвовалъ кромѣ того въ коллективныхъ изданіяхъ статьями изъ западноевропейскихъ литературъ, напр. въ «Всеобщей исторіи литературы», начатой въ 1880 году подъ редакціею В. Ѳ. Корша, перешедшей съ 16-го выпуска въ его руки и оконченной имъ же въ 1892 г., онъ написалъ «Средневѣковыя литературы Западной Европы» (почти цѣлый второй томъ), кромѣ того много отдѣльныхъ частей, напр. Вѣкъ возрожденія Италіи, Итал. литература XV в., Гуманизмъ въ Германіи; Испанія, Португалія и Франція въ эпоху возрожденія; Французская и нѣмецкая литература въ эпоху псевдоклассицизма, Вѣкъ ложнаго классицизма въ Италіи и на Пиренейскомъ полуостровѣ, Французская и нѣмецкая литература въ XVIII в. и т. д. — статьи

эти конечно не претендуютъ на значеніе самостоятельныхъ изслѣдованій, но написаны для широкой публики умѣлой рукою хорошаго знатока. И въ словарѣ Брокгауза-Эфрона онъ помѣстилъ много статей изъ исторіи русской и нѣмецкой литературъ. Сердечный отзывъ о Кирпичниковѣ съ библіогр. обозрѣніемъ написанъ М. Г. Попруженкомъ: «Памяти профессора Александра Ивановича Кирпичникова» (Харьковъ 1905, 8°, 23, отд. отт. изъ Сборника Харьковскаго Истор. фил. общ. т. XIV).

Еще ближе, чѣмъ Кирпичниковъ, подходилъ къ дѣятельности Веселовскаго Иванъ Николаевичъ Ждановъ (1846—1905), бывшій воспитанникъ Спетерб. духовной академіи и университета, гдѣ онъ и послѣ окончанія курса историко-филол. факультета состоялъ съ 1872 по 1875 г. стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію. Въ 1878 г. онъ поступилъ на правахъ штатнаго доцента въ Кіевскій университетъ, на каѳедру по исторіи русской словесности, въ началѣ же восьмидесятыхъ годовъ (1883) перешелъ въ историко-филологическій институтъ въ Петербургѣ, гдѣ и остался до конца жизни, но въ 1895 г. прибавилось къ этому еще чтеніе лекцій по русской словесности въ университетѣ, сначала въ званіи приватъ-доцента, потомъ же (съ 1896 г.) — ординарнаго профессора. Ждановъ былъ ясная голова, съ большимъ критическимъ талантомъ, къ сожалѣнію продолжительная болѣзнь, да и через-чуръ напряженная преподавательская дѣятельность мѣшали его ученымъ занятіямъ въ литературѣ, такъ что большая часть его замѣчательныхъ изслѣдованій относится къ раннимъ годамъ его жизни. «Сочиненія И. Н. Жданова» изданы друзьями и почитателями его на средства Отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Акад. Наукъ, въ двухъ томахъ (I СПб. 1904, 8° III. 869, II. СПб. 1907, IV. 610), только докторская его диссертація, повидимому, не могла попасть въ это изданіе, будучи напечатана въ 1905 отдѣльно на средства Л. Ѳ. Пантелѣева, имѣющаго свои издательскія права на это изданіе.

Ждановъ началъ свою литературную дѣятельность съ студенческихъ сочиненій, которыя теперь вышли въ I томѣ: они относятся къ древне-русской письменности. «Слово о Законѣ и благодати и Похвала кагану Владиміру» (Соч. I, 1—80, впервые здѣсь напечатано), «Сочиненія царя Ивана Васильевича» (ib. 81—170, тоже впервые напечатано), «Матеріалы для исторіи Стоглаваго Собора» вышли въ ЖМНПр. 1876 іюль-августъ, нынѣ въ Сочиненіяхъ I, 171—272; на основаніи этого труда онъ получилъ въ Петербургѣ въ 1878 г. veniam legendi. Послѣдующими трудами «Слово Даніила Заточника» (Соч. I, 273—332, впервые напечатано) и «Русская поэзія въ до-монгольскую эпоху» (послѣдняя статья напечатана впервые въ Кіевскихъ

Унив. Извѣстіяхъ за 1879 г., нынѣ Соч. I, 333—359) молодой ученый переходилъ уже на новую почву ученой дѣятельности въ Кіевѣ. Здѣсь онъ напечаталъ въ 1880 году: «Литература Слова о полку Игоревѣ» (въ Кіевскихъ Унив. Извѣстіяхъ 1880, іюль-августъ, нынѣ Соч. I 381—444, канвою этого критич. обзора послужили сочиненія А. Смирнова и Е. Барсова). Такимъ же образомъ труды В. Успенскаго о Толковой Палеѣ и А. Попова о Палеѣ исторической (Книга бытіа небеси и земли) вызвали критическое разсужденіе Жданова, напечатанное подъ заглавіемъ «Толковая Палея» впервые въ Кіевск. Унив. Извѣстіяхъ за 1881 г., сентябрь-октябрь, (нынѣ Соч. I, 445—483).

Въ бытность въ Кіевѣ Ждановъ написалъ свою магистерскую диссертацію, которою изслѣдованія его перешли въ область русской былевой поэзіи; идя по стопамъ А. Н. Веселовскаго, онъ сдѣлалъ въ этой области нѣсколько превосходныхъ изслѣдованій, первое изъ нихъ было: «Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи» — вышедшее въ Кіевскихъ Унив. Извѣстіяхъ (за 1879—1881 годъ и отд. изд., нынѣ Соч. I, 493—743). На первомъ мѣстѣ здѣсь разбирается извѣстный средневѣковой сюжетъ «Прѣніе живота со смертью», въ русскомъ его развѣтвленіи, доходя до отголосковъ въ русскихъ причитаніяхъ. Далѣе анализируется стихъ объ Аникѣ воинѣ, имѣющій точки соприкосновенія съ прѣніемъ, и опять напоминающій содержаніе былинъ о Святогорѣ и Самсонѣ. Читая это изслѣдованіе поневолѣ вспоминаешь «Разысканія» Веселовскаго: то же богатство содержанія, то же широкое знакомство съ средневѣковою легендарной литературой, тѣ же остроумныя соображенія. Не магистра, а прямо доктора, т. е. высшую академ. степень, вполнѣ заслуживала эта солидная ученая работа. Къ ней служитъ дополненіемъ статья, недоконченная, бывшая его лебединой пѣснью: «Повѣсть о королевичѣ Валтасарѣ и былины о Самсонѣ-богатырѣ», начало которой вышло въ ЖМНПр. (1901 г. май, нынѣ Соч. I, 842—869). Желая удовлетворить требованіямъ акад. постановленій, Ждановъ продолжалъ собирать въ той же области былевой поэзіи новый матеріалъ для докторской диссертаціи. Началось это давно, т. е. еще въ Кіевѣ, какъ видно изъ сообщенія, сдѣланнаго въ 1879 г. въ одномъ изъ засѣданій Общества Нестора Лѣтописца: «Къ объясненію древне-русской повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ», которое потомъ въ 1891 г. вышло въ ЖМНПр. подъ заглавіемъ: «Повѣсти о Вавилонѣ и сказаніе о Князехъ Владимірскихъ» и вошло въ составъ его докторской диссертаціи. Какъ слагались прочія части ея, напечатанныя въ ЖМНПр. за 1890—1894 гг. и въ Живой Старинѣ за 1890 г., сказать трудно. Цѣль всѣхъ этихъ составныхъ частей, изданныхъ въ 1895 г. подъ заглавіемъ

«Русскій былевой эпосъ. Изслѣдованія и матеріалы» (СПб. 1895, 8⁰ XII. 631), заключалась въ томъ, чтобы наглядно доказать, какъ въ настоящій историческо-былевой составъ постоянно проникали посторонніе сюжеты литературнаго происхожденія. Это была основная мысль также всѣхъ изслѣдованій по данному предмету Ал. Веселовскаго, такъ что было бы крайне поучительно сравнить ихъ дѣятельность и уловить нѣкоторыя индивидуальныя черты того и другого ученаго. Замѣчательную рѣчь произнесъ Ждановъ при диспутѣ (она напечатана впервые въ Соч. I, 809—815) въ защиту новаго направленія въ изслѣдованіяхъ русскаго эпоса, отстраняя очень удачно страхъ тѣхъ, кто боится за русскую самобытность, опасаясь потери ея, если будутъ признаны заимствованія. Приводя русскую былевую поэзію въ связь съ древне-русской письменностью, авторъ касался и другихъ популярныхъ сюжетовъ, отложившихся въ русско-славянской литературѣ. Въ изслѣдованіи «Бесѣда трехъ святителей и joca monachorum», по поводу сочиненія Мочульскаго, проведена параллель между обоими въ заглавіи указанными текстами.

Хотя главное значеніе ученой дѣятельности Жданова покоится на только что упомянутыхъ трудахъ, все же и занятія его по новой русской литературѣ отличаются здравымъ смысломъ сужденій и сопоставленій. Главнымъ образомъ на Пушкинѣ сосредоточивалось его вниманіе: «Нѣсколько словъ о значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы» (1887 г.), «О драмѣ Пушкина: Борисъ Годуновъ» (1892 г.), «Пушкинъ о Петрѣ Великомъ» (1900 г.), «Русалка Пушкина и Das Donauweibchen Генслера» (1900 г.) — всѣ эти статьи вошли во второй томъ его Сочиненій. Кромѣ того онъ писалъ о Гнѣдичѣ (1884 г., впервые напечатано въ Сочин. II, 1—66), о Меѣ (1887 г., впервые напеч. въ Соч. 79—98), о Фонвизинѣ (1897 г.), Памяти Бѣлинскаго посвящена превосходная лекція, прочитанная авторомъ въ 1898 г. (Соч. II. 193—267, сл. выше на стр. 669). Лучшій памятникъ воздвигли Жданову почитатели его таланта, издавъ, какъ уже сказано, его Сочиненія въ двухъ томахъ; во второмъ имѣется біографическій очеркъ отъ А. Ч. (Чебышева) и нѣсколько словъ по поводу лекцій И. Н. Жданова, гдѣ представлена характеристика его какъ преподавателя.

По роду занятій въ области историко-сравнительнаго изученія русской древней письменности, въ особенности произведеній народнаго творчества съ только что охарактеризованными роднился недавно скончавшійся профессоръ Кіевскаго университета Ник. Павл. Дашкевичъ (1852 — 1908), родомъ изъ Волынской губерніи, воспитанникъ Кіевскаго университета, въ которомъ окончилъ курсъ наукъ по историко-филологическому факультету въ 1872 г.

Оставленный при университетѣ для подготовки къ профессорскому званію, онъ получилъ въ 1877 г. степень магистра и доцентуру по исторіи всеобщей литературы, хотя сначала имѣлъ въ виду собственно русскую исторію. Первыя сочиненія его (отчасти еще студенческія) принадлежали дѣйствительно исторіи Южной Россіи, какъ: «Княженіе Даніила галицкаго по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ» (1873, въ Кіевск. Унив. Изв. № 6. 9. 10), «Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи» (1874 въ Трудахъ Кіевскаго Археол. Съѣзда, отд. отт. 1876, 4⁰ 61), съ позднѣйшими прибавленіями: «Новѣйшія данныя о Болоховѣ и Болоховцахъ» (въ Кіев. Ун. Изв. 1884, № 6 и ib. 1899, № 1). Прибавимъ еще прочіе сюда относящіеся труды: «Замѣтки по исторіи Литовско-русскаго государства» (Кіевъ 1885, 8⁰ 192, отд. отт. изъ Кіев. Ун. Изв. 1882—1885), «Политическіе замыслы Витовта» (К. Ун. Изв. 1883, № 10), «Первая унія Югозападной Руси съ католичествомъ» (1884, Кіев. Ун. Изв. № 8) и указанія на матеріалы для древнерусской исторіи въ Monumenta Poloniae historica (въ Унив. Изв. 1885, № 5, 1888, № 12). Важнѣе и многочисленнѣе занятія его по своей каѳедрѣ всеобщей литературы: «Сказанія легшія въ основу бретонскихъ романовъ и новѣйшія относительно ихъ гипотезы» (К. Ун. Изв. 1875, № 1), его диссертація: «Изъ исторіи средневѣкового романтизма. Сказаніе о св. Гралѣ» (К. 1876, 8⁰ 216, отд. отт. изъ К. Ун. Изв. № 3—10), къ этому надо прибавить еще: «Литература св. Грааля за послѣдніе годы» (К. Ун. Изв. 1888, № 9 и 11). Вступительная лекція его разбирала: «Постепенное развитіе науки исторіи литературы и современныя ея задачи» (ib. 1877, № 10). Онъ писалъ еще въ этой области: «Провансальское знатное общество и трубадуры въ періодъ разцвѣта провансальской поэзіи» (1884, К. Ун. Изв. № 3), «Романтика Круглаго стола въ литературахъ и жизни запада» (1890, К. Ун. Изв. 1886—1890), «Обзоръ разысканій о такъ называемыхъ дворахъ любви» (ib. 1892, № 7), «Міровая скорбь, мрачное міросозерцаніе и пессимизмъ въ западноевропейской поэзіи новаго времени» (ib. 1895, № 5); имѣются еще его этюды о Мольерѣ (ib. 1888, № 5), о Зезенгеймской идилліи Гёте (ib. 1897, № 12), о трагедіи Шиллера «Коварство и Любовь» (въ изданіи сочиненій Шиллера подъ редакціею Венгерова т. II, 1901 г.) о поэмѣ Байрона Донъ Жуанъ (въ изданіи Венгерова «Библіотека великихъ писателей» т. III, 1906 г.) и др.

Славянской филологіи дорогъ Дашкевичъ главнымъ образомъ двумятремя своими изслѣдованіями, касающимися русскаго народнаго творчества, наипаче былевой великорусской поэзіи въ ея истор. наслоеніяхъ: «Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ какъ не осталось на Руси богатырей» (Кіевъ 1883,

8⁰ 62, отд. отт. изъ К. Ун. Изв. и Чтеній Общ. Нестора-лѣтоп.) представляетъ небольшое объемомъ разсужденіе, но оно произвело сразу на всѣхъ знатоковъ самое отрадное впечатлѣніе, въ довольно богатой литературѣ о русской былевой поэзіи оно заняло очень видное мѣсто рядомъ съ изслѣдованіями Л. Майкова, А. Веселовскаго и И. Жданова. Съ послѣднимъ у него было больше всего душевнаго сродства. Сюда относится его разборъ сочиненія Вс. Ѳ. Миллера: «Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса», написанный по поводу присужденія сочиненію награды графа Уварова, въ Отчетѣ о 36-мъ присужденіи (въ Зап. Имп. Ак. Н., VIII серія по историко-фил. отдѣленію т. I, № 2, стр. 71—112). И здѣсь сказано очень много прекрасныхъ трезвыхъ критическихъ замѣчаній принципіальнаго значенія. Отмѣтимъ еще статью: «Олексій Поповичъ, думы про бурю по Черному морю» (въ Сборникѣ статей въ честь проф. В. Б. Антоновича 1895). Изъ отчетовъ о засѣданіяхъ Общества Нестора-лѣтописца, въ дѣятельности котораго онъ принималъ живѣйшее участіе, состоя въ послѣднее время предсѣдателемъ Общества, можно убѣдиться въ томъ, что онъ занимался многими вопросами по народному творчеству, къ сожалѣнію чтенія его оставались по большей части неразработанными, такъ напр. его интересовалъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ объ отраженіяхъ русскихъ главныхъ эпическихъ героевъ, Владимира и Ильи, въ средневѣковомъ герм. эпосѣ (Чт. Об. Нест. Лѣт. т. XIV, вып. 3, стр. 73—76). Обширная начитанность автора въ западныхъ средневѣковыхъ литературныхъ сюжетахъ отразилась въ его прекрасномъ этюдѣ: «Рыцарство на Руси въ жизни и поэзіи» (Чт. Общ. Нест. XV вып. 4, 129—150, XVI вып. 4, 1—23). Укажемъ еще на статью: «Приднѣпровье и Кіевъ по нѣкоторымъ памятникамъ древне-сѣверной литературы» (К. Ун. Изв. 1886, № 11) и на «Нѣсколько слѣдовъ общенія южной Руси съ юго-славянами между прочимъ въ думахъ» (въ Сборникѣ въ честь Флоринскаго. Кіевъ 1904, 119—137).

Широкіе взгляды Кіевскаго ученаго, простиравшіеся по всему западу и его литературнымъ произведеніямъ, способствовали въ значительной степени къ его глубокомысленному пониманію значенія домашнихъ передовыхъ писателей въ ихъ такъ сказать всемірномъ значеніи. Онъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ разсужденій о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ. О Пушкинѣ вышло въ Кіевскомъ Пушкинскомъ Сборникѣ «Памяти Пушкина» (1899), его обширное разсужденіе: «А. С. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени» (стр. 85—257). Въ Лермонтовѣ онъ разбиралъ «Мотивы міровой поэзіи въ творчествѣ Лермонтова» (Чт. Общ. Нестора т. VI, 1892, стр. 231—252), и спеціально въ Демонѣ ib. (VII 1893, стр. 182—253). О Гоголѣ онъ написалъ, принявъ участіе въ сборникѣ посвященномъ «Памяти Гоголя»,

въ XVI томѣ «Чтеній Общества Нестора Лѣтописца»: «Значеніе мысли и творчества Гоголя» (431—453) и въ XIX т. тѣхъ же Чтеній вышла статья его (1906, стр. 1—33): «Романтическій міръ Гоголя». Этого писателя касается также разборъ изданія Шенрока «Писемъ Гоголя», написанный для Отчета о присужденіи премій гр. Толстого (Спб. 1905, стр. 37—94).

Дашкевичъ любилъ свою южно-русскую родину, хотя чуждался узкаго національизма, не допускающаго укладывать Украйну въ одно высшее цѣлое съ великорусскимъ центромъ и сѣверомъ. (Объ этомъ укажемъ на хорошее изложеніе мыслей и взглядовъ Дашкевича въ некрологѣ посвященномъ памяти его М. Н. Сперанскимъ, см. ниже). Изучая исторію Южнаго края, онъ не упускалъ изъ виду литературнаго движенія. Порученіе Импер. Академіи Наукъ написать разборъ сочиненія Н. И. Петрова «Очерки украинской литературы XIX столѣтія» дало ему поводъ въ 29-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова написать очень обширную рецензію, не менѣе чѣмъ 265 страницъ, которая, безъ преувеличенія можно сказать, далеко превзошла богатствомъ новыхъ данныхъ разобранное имъ сочиненіе (Зап. Импер. Ак. Н. т. LIX, кн. 1, прил. № 1, стр. 37—301). Кромѣ этого объемистаго разбора онъ посвящалъ не мало статей отдѣльнымъ вопросамъ изъ южно-русской литературы. Онъ написалъ біографію Метлинскаго для Словаря профессоровъ университета св. Владиміра (Кіевъ 1884, стр. 409—422), поминку по А. А. Котляревскомъ (1881 К. Ун. Изв. № 10), а объ Энеидѣ Котляревскаго онъ помѣстилъ нѣсколько пояснительныхъ статей въ Кіевской старинѣ 1893, № 12 и 1898, № 1 и въ Чтеніяхъ Общ. Нестора лѣтоп. т. XV. Много хорошихъ изслѣдованій застряло у него подъ перомъ, которымъ слишкомъ рано перестала двигать легкая, элегантная рука симпатичнаго ученаго, заслужившаго съ полнымъ правомъ избранія въ дѣйствительные члены Импер. Акад. Наукъ, какъ достойный преемникъ Жданова и Веселовскаго. Къ сожалѣнію ему не было суждено употребить этотъ otium cum dignitate въ пользу науки. Въ апрѣлѣ 1907 г. онъ былъ утвержденъ орд. академикомъ, а въ январѣ 1908 г. скончался въ Кіевѣ. Прекрасно написанный отзывъ о немъ М. Н. Сперанскаго вышелъ во второй книжкѣ Извѣстій за 1908 г. на стр. 265—289. Нѣсколько холодно съ своей крайней украинофильской точки зрѣнія оцѣнилъ его М. Грушевскій въ LXXXI-омъ выпускѣ «Записокъ Наукового товариства імени Шевченка» (1908) стр. 145—150.

Историко-сравнительный методъ, въ примѣненіи къ объясненію малорусскаго простонароднаго творчества, игралъ большую роль въ трудахъ малорусскаго ученаго Драгоманова, съ которымъ мы привыкли упоминать рядомъ его старшаго друга и товарища Антоновича. Подражая этому при-

мѣру, вспомнимъ и мы, въ нѣсколькихъ словахъ прежде о старшемъ. Владимиръ Бонифатіевичъ Антоновичъ (1834—1908) пользовался хорошей репутаціей очень замѣчательнаго ученаго и превосходнаго знатока исторіи югозападныхъ русскихъ областей и ихъ сношеній съ Литвою и Польшею. Кончивъ въ 1860 г. Кіевскій университетъ кандидатомъ по историко-филологическому факультету, онъ сначала нѣкоторое время учительствовалъ въ одной Кіевской гимназіи, а съ 1863 г. вошелъ въ канцелярію Генералъ-губернатора по архивному дѣлу, т. е. для разбора и изданія древнихъ актовъ. Въ 1870 г. онъ получилъ степень магистра и въ 1878 г. доктора и каѳедру русской исторіи въ Кіевскомъ университетѣ. Не вдаваясь въ политику, онъ трудился въ области исторіи и археологіи, желалъ поднять значеніе южно- или малорусской національной индивидуальности разработкой многихъ историко-географическихъ и археологическихъ вопросовъ, относящихся къ прошлому времени этого края. Изслѣдованія его выходили въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, въ Кіевской Старинѣ и въ Чтеніяхъ Историческаго Общества Нестора Лѣтописца. Часть историческая вышла въ 1885 году отдѣльнымъ изданіемъ въ Кіевѣ: «Монографіи по исторіи Западной и Юго-западной Россіи» (томъ I. 8⁰ 450). Свою начитанность по южнорусской исторіи онъ примѣнялъ также къ объясненіямъ произведеній литературы. Въ статейкѣ «Объ историческомъ содержаніи произведеній Шевченка» (Чтен. Общ. Нестора-лѣтописца II, 144—9) и въ оцѣнкѣ романа Сенкевича «Огнемъ и мечемъ» (въ Кіевской Старинѣ 1885 г. V. 44—78) онъ обнаружилъ не только историческій но и литературный критическій талантъ. Громадное значеніе для славянскихъ древностей имѣютъ археологическія изслѣдованія В. Антоновича, результатами ихъ воспользовался проф. Грушевскій въ своей исторіи Украины (въ первомъ томѣ). По раскопкамъ, сдѣланнымъ имъ на землѣ древлянъ, онъ составилъ карты и нарисовалъ картину древнѣйшаго быта приднѣпровскихъ славянъ. Его confession de foi по малорусскому вопросу изложенъ въ статьѣ: «Къ вопросу о галицко-русской литературѣ» (въ Кіевской Старинѣ т. 68, 1900 г., стр. 396—423). Подробности о его литер. дѣятельности въ Сборникѣ изданномъ въ 1895 г. въ честь его. Въ только что вышедшей третьей книгѣ «Записок Украïнського Наукового Товариства в Киïві» посвящена памяти Антоновича кромѣ общей характеристики, написанной М. Грушевскимъ, статья Григ. Павлуцкаго «В. Антонович як археольоґ» (стр. 15—22) и статья проф. А. Лободы. «Працї Антоновича по етноґрафіï та лïтературі» (стр. 23—28). Тутъ же напечатана также одна записка его, написанная въ 1905 г. по порученію факультета, въ пользу малорусскаго языка, представленная въ комитетъ министровъ по особому

запросу (стр. 33—39). Для слав. филологіи ближе всего его участіе въ изданіи историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа, сообща съ Драгомановымъ, въ 1874 и 1875 годахъ.

Дѣятельность Мих. Петр. Драгоманова (1841—1895), выброшеннаго изъ колеи профессорскаго званія, превратилась въ силу неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, изъ роли ученаго историка и фольклориста въ роль политическаго эмигранта со всѣми послѣдствіями такого ненормальнаго положенія. Происхожденіемъ изъ малорусской дворянской семьи Полтавской губерніи, окончивъ гимназію въ Полтавѣ, онъ поѣхалъ (1859) въ Кіевскій университетъ, гдѣ главнымъ образомъ привлекали его историческія науки. Любовь ко всему малорусскому, проснувшаяся въ немъ еще въ Полтавѣ, выдвинула его теперь въ первые ряды одушевленныхъ малорусскихъ патріотовъ, желавшихъ на первыхъ порахъ поднять уровень просвѣщенія простого народа на основѣ его родного говора въ школьномъ обученіи. Прослуживъ нѣсколько времени въ одной Кіевской гимназіи, въ 1870 г. онъ получилъ степень магистра на основаніи диссертаціи изъ римской исторіи, подобно тому какъ еще въ 1864 г. pro venia legendi написалъ разсужденіе о императорѣ Тиберіи (съ 1865 г. онъ читалъ уже и лекціи на правахъ штатнаго доцента). Но тогда, какъ онъ съ одной стороны разбиралъ характеръ Тиберіевъ и Діоклеціановъ и писалъ о положеніи женщины въ первый вѣкъ римской имперіи (всѣ эти статьи вышли въ Кіевскихъ Унив. Извѣстіяхъ), въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ поднимался его голосъ за права малорусскаго языка (напр. «О педагогическомъ значеніи малорусскаго языка» 1866, № 93), критиковалось славянофильство Московское («Славянскій съѣздъ въ Москвѣ и искаженіе славянскаго дѣла шовинизмомъ нашихъ газетъ» 1867 № 285, 287, 325), давалось обозрѣніе славянскихъ дѣлъ за границею («Славянское литературное обозрѣніе» 1868, № 102, 105, 117, 145, 153). Въ 1870 г. онъ получилъ командировку за границу (съ нѣкоторымъ предостереженіемъ, происшедшимъ отъ подозрѣнія его въ крайнемъ украинофильствѣ), поѣхалъ черезъ Варшаву и Познань въ Берлинъ, гдѣ слушалъ лекціи у Моммсена, потомъ въ Лейпцигъ, Будышинъ, Прагу и Вѣну. Замѣчательно, что онъ еще тогда, по собственному признанію любилъ, вращаться въ кружкахъ соціально-демократическихъ. Въ Вѣнѣ сталъ онъ знакомиться съ славянами, въ числѣ ихъ конечно и съ галичанами. Здѣсь-то онъ собиралъ также матеріалъ для комментарія къ бывшему на очереди изданію историческихъ пѣсенъ.

Подъ впечатлѣніемъ изучаемыхъ за границею условій національной жизни германской и романской расы образовалась его статья (онъ писалъ ее въ Гейдельбергѣ), помѣщенная въ Вѣстн. Евр. за 1872 г. февр.-май:

«Восточная политика Германіи и обрусеніе», а въ Спб. Вѣдомостяхъ онъ сообщалъ въ 1872 и 1873 гг. «Письма русина федералиста о галицкихъ и австрославянскихъ дѣлахъ вообще». Все это показываетъ, что у него очень рано публицистика стала брать верхъ надъ чистой наукой. Принимая къ сердцу униженное состояніе своей любимой малорусской національности въ Россіи, онъ не могъ оставаться спокойнымъ наблюдателемъ, становился съ каждымъ шагомъ впередъ все воинственнѣе въ своихъ статьяхъ, усматривая м. пр. возможность найти новую опору для малорусскаго дѣла въ обстоятельствахъ Галиціи. Въ такомъ расположеніи духа онъ написалъ для Вѣстника Европы: «Русскіе въ Галиціи» (1873 янв., февр.) и «Литературное движеніе въ Галиціи» (ib. сентябрь-октябрь), въ Львовскомъ же журналѣ «Правда»: «Література российска, великоруска, українска і галицка» (1873 № 4—6, 1874 № 1—9 и отдѣльно). Въ томъ же направленіи вышла его статья по итальянски: «Il movimento letterario ruteno in Russia e Galizia» (въ «Rivista Europea» Firenze», 1873 № 1—2). Надо отдать ему справедливость, у него никогда не было такого пренебреженія къ русской литературѣ и ея очень богатой культурной содержательности, съ какимъ многіе галичане и до сихъ поръ относятся къ русскому языку, не желая о немъ знать, какъ будто бы это вредило ихъ патріотизму. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ несравненно выше обыкновенныхъ представителей галицкой интеллигенціи, безъ различія, руссофильскихъ ли или украинскихъ, поэтому онъ и упрекалъ галичанъ въ отсталости. Возвратившись въ Кіевъ (1873) и начавъ вновь читать лекціи по древней исторіи (этому посвящена м. пр. одна лекція, напечатанная въ Ж. М. Н. Пр. 1873 ч. CLXXV, 154—181), въ своей литературной дѣятельности онъ продолжалъ борьбу за права малорусскаго языка, какъ напр. въ В. Евр. 1874 авг. «Народныя нарѣчія и мѣстный элементъ въ образованіи», «Очерки новѣйшей литературы малорусскаго нарѣчія» (ib. сентябрь). «Десять лѣтъ украинской литературы» (ib. 1875, но эта статья не была пропущена цензурой) и одна съ прозрачной тенденціею написанная параллель: «Новокельтское и провансальское движеніе во Франціи» (ib. авг. сент.). И въ Кіевѣ нашелся одинъ органъ, который охотно принималъ его статьи, это былъ «Кіевскій Телеграфъ», въ немъ онъ помѣстилъ м. пр.: «Библіограф. извѣстія и замѣтки о литературѣ и наукѣ у чеховъ, поляковъ, сербовъ, хорватовъ и болгаръ» (1875), «Выдумки Кіевлянина и польскихъ газетъ о малорусскомъ сепаратизмѣ» (ib.), «Малорусское литер. движеніе въ 1874 г.» (ib.), «Надежды и разочарованія въ западномъ славянствѣ» (ib.), «Польскій вопросъ въ Познани и у насъ» (ib.), «Поминки Шевченка въ Вѣнѣ и Львовѣ» (ib.), «Славянское и русское значеніе Шевченка» (ib.) и т. д.

Статьи нескрываемаго украинофильскаго направленія и сношенія его съ національно-демократическимъ движеніемъ въ Галичинѣ вооружили противъ него русское правительство, въ частности министерство народнаго просвѣщенія, систему котораго онъ гласно порицалъ. Ему было предложено добровольно выйти въ отставку, хотя онъ только что былъ въ 1873 г. утвержденъ въ штатные доценты. Когда же онъ не хотѣлъ послѣдовать этому внушенію, состоялось высочайшее повелѣніе уволить его по пункту 3-му. Тогдашнее правительство повидимому признавало его ученыя заслуги, поэтому предпочло бы болѣе мягкую форму устраненія его изъ университета. Онъ успѣлъ въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ возвратился изъ заграничной командировки, напечатать въ Запискахъ югозап. отдѣла И. Р. Географ. Общества, въ т. II: «Отголосокъ рыцарской поэзіи въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ» (1874), помѣстить въ Ж. М. Н. Пр. ч. CLXXIX археолог. статью о раскопкахъ въ Римѣ (1874), въ «Древней и Новой Россіи» (1875, № 9) коснуться одного на Кіевскомъ археолог. съѣздѣ поднятаго вопроса: «Къ вопросу о слѣдахъ великорусскаго богатырскаго эпоса въ Малороссіи» (письмо къ О. Ѳ. Миллеру), онъ издалъ послѣ двухтомнаго сборника историческихъ пѣсенъ, въ которомъ участвовалъ также Антоновичъ (см. выше на стр. 861) особымъ сочиненіемъ прекрасный сборникъ «Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ М. Драгоманова» (Кіевъ 1876, 8⁰ XV. 434) и къ изданію имъ же приготовленному «Повісті Осипа Ѳедьковича» написалъ въ видѣ предисловія: «Галицько-руське письменство» (Кіевъ 1876, 8⁰ LXV. 95). Но этими трудами ему не удалось предотвратить суроваго приговора правительства, порѣшившаго подавить всякое проявленіе малорусской національности. До этого рѣшенія додумалась, говорятъ, комиссія, состоявшая изъ министровъ Д. А. Толстова и Тимашева и шефа жандармовъ Потапова: запрещены были всѣ изданія на малорусскомъ языкѣ, малорусскіе спектакли и концерты, закрытъ былъ отдѣлъ Геогр. Общества. Въ число опальныхъ попалъ кромѣ Драгоманова также Чубинскій, но онъ отдѣлался легче, Драгомановъ же уѣхалъ сначала въ Австрію, потомъ въ Швейцарію и былъ на долгіе годы, такъ сказать, потерянъ для науки. Теперь у него стояла на первомъ планѣ дѣятельность публицистическая, пропаганда идей политическихъ путемъ брошюръ и статей на разныхъ языкахъ. И то что содержаніемъ своимъ входило въ литературу, получало тенденцію и окраску политическую, напр. изданная въ 1878 г. въ Женевѣ брошюра «La littérature oukraïnienne proscrite par le gouvernement russe» (8⁰ 42) или статья о Шевченкѣ въ «Громадѣ» (1879 № 4), изданія «Нові українські пісні про громадські справи 1764—1880» (Женева 1881, 8⁰ 132), «Політичні пісні українського народу

XVIII—XIX в., ч. I, отд. 1» (Женева 1883, 8⁰ LX. 137), ч. I, отд. 2 (ib. 1885, 8⁰ XII. 226). Лучше всего было его участіе въ изданіи Элисея Реклю «Nouvelle Géographie Universelle», въ томѣ посвященномъ Россіи, «La Russie d'Europe» (Paris 1880, стр. 277—918), гдѣ Драгомановъ обработалъ статистическую и этнографическую, а также политическую часть цѣлаго свода. Въ энциклопедіи Эршъ-Грубера онъ написалъ статью «Kosaken» (1887, zweite Sektion XXXIX, 126—137) и въ журналѣ «Mélusine» снабдилъ переводъ своей дочери Лидіи «Légendes pieuses des Bulgares» собственными примѣчаніями (1888 № 9—10, 12, безъ конца).

Черезъ знакомство дочери Драгоманова съ д-ромъ Иваномъ Шишмановымъ, женившимся на ней въ началѣ 1889 года, обстоятельства невольнаго эмигранта, котораго многіе причисляли уже къ нигилистамъ, анархистамъ, членамъ террора и т. д., измѣнились къ лучшему. Онъ получилъ въ Софіи каѳедру исторіи, которую ему разрѣшено было преподавать на русскомъ языкѣ. Въ основанномъ на средства болгарскаго министерства нар. просвѣщенія Сборникѣ открылся и для него подходящій научный органъ, въ которомъ онъ могъ печатать свои фольклористическія изслѣдованія, которымъ былъ издавна преданъ всею душою. Въ I томѣ этого «Сборника за народни умотворения, наука и книжнина» онъ напечаталъ (стр. 65—96) свое, по новому сравнительному методу составленное, фольклористическое изслѣдованіе: «Славянски сказания за пожертвувание собственно дѣте», въ II и III томѣ ib. «Славянскитѣ сказания за рождението на Константина Великий» (1890, 8⁰ 53, 41). Онъ принялъ участіе въ интернаціональномъ конгрессѣ фольклористовъ въ Лондонѣ 1891 года и въ Отчетахъ напечаталъ свой рефератъ о томъ же предметѣ. Въ Сборникѣ т. IV, 257—271, 1891 г., вышла статья его: «Славянскитѣ вариянти на една евангелска легенда» (8⁰ 13) и въ т. V и VI «Славянскитѣ прѣправки на Едиповата история» (8⁰ 115), въ т. VII. VIII. X и XI (1893): «Забѣлѣжки върху Славянскитѣ религиозни и етически легенди». Онъ не переставалъ, конечно, какъ прежде, проживая въ Женевѣ, такъ и послѣ, въ бытность свою въ Софіи, зорко слѣдить за развитіемъ украинскаго вопроса, писалъ объ этомъ даже очень много въ различныхъ, главнымъ образомъ галицкихъ органахъ. Для насъ здѣсь достаточно указать на нѣкоторыя статьи болѣе литературнаго содержанія, напечатанныя въ различное время въ русскихъ журналахъ, какъ напр. въ «Дѣлѣ»: «Литературно-политическія партіи въ Галиціи» (1881), «Литературно-общественное движеніе въ Галиціи» (1882 окт.), «Галицко-русское общественное движеніе» (1886), на статью: «Что такое украинофильство» (въ «Русскомъ Богатствѣ» 1881 ноябрь, 93—126), на разборъ изданія Трудовъ подъ редакціею Чубинскаго въ В. Евр.

(1877 мартъ 85—109) и т. д. И въ хорошемъ галицкомъ журналѣ д-ра Ивана Франка «Житє і слово», прекратившемъ къ сожалѣнію очень рано свое существованіе, Драгомановъ напечаталъ нѣсколько вещей литературнаго содержанія: «Матеріали для історії віршів українських» (1894, I. 36—48, 436—453, II. 61—68, 205—216), «Розбір думи про бурю на Чорнім морі» (отзывъ о статьѣ Сумцова, ib. I 302—3), «Наукові методи проф. Сумцова» (ib. I. 152—3), «Непорозуміня між проф. Ом. Огоновским і єго наукою» (ib. I 478—481), «Матеріали і замітки до історії житя і слова на Україні» (ib. 1895, I. 336—351). Упомянемъ еще его изданіе переписки нѣкоторыхъ Русскихъ съ Герценомъ: «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева къ Ал. Ив. Герцену. Съ объяснительными примѣчаніями М. Драгоманова» (Женева 1892, 8⁰ XII. 227), вышло также нѣмецкое изданіе, въ 1894 въ Штутгартѣ (въ Bibliothek Russischer Denkwürdigkeiten herausg. von Th. Schiemann. IV Band, переводъ сдѣланъ д-ромъ Минцесомъ въ Болгаріи). Общество Наукъ имени Шевченка порѣшило издать статьи и изслѣдованія М. Драгоманова по части малорусской литературы и фольклора. Этого сборнаго изданія вышли въ «Збірникѣ фільольоґічної секції» 4 книги, подъ заглавіемъ «Розвідки Михайла Драгоманова про українську народню словесність і письменство» (въ томахъ II. III. VII—X). Тутъ въ малорусскомъ переводѣ сообщаются разныя его статьи, между прочими и такія, которыя онъ помѣщалъ въ «Кіевской Старинѣ» или въ В. Евр. подъ псевдонимами.

Общественному мнѣнію русскаго юга, Украйнѣ и Галиціи, надо предоставить рѣшеніе вопроса о заслугахъ Драгоманова какъ общественнаго дѣятеля; какъ представитель изученія литературно-фольклористическихъ вопросовъ, взятыхъ изъ жизни и литературы славянъ, при помощи новаго метода сравнительнаго, онъ могъ бы, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ жизни, сдѣлать гораздо больше, хотя и такъ значеніе его въ этой области не можетъ быть оспариваемо. Одинъ изъ малорусскихъ поклонниковъ его, М. Павликъ, напечаталъ въ 1896 г. во Львовѣ въ память о немъ книжку: «Михайло Петрович Драгоманов 1841—1895. Єго юбилей, смерть, автобіоґрафія і спис творів. С портретом небіжчика. Зладив і видав М. П.» (8⁰ 442, XXXIV и нѣсколько ненумер. страницъ). Въ этой книжкѣ преобладаетъ, конечно, панегирическій тонъ, но автобіографическія черты очень замѣчательны и для характера Драгоманова поучительны. Перечень трудовъ его могъ бы быть составленъ аккуратнѣе. Передъ публицистомъ и борцомъ за украинскую идею ученый отходитъ на задній планъ. Для литер. и полит. движенія малорусскаго очень поучительны письма Драгоманова, которыя онъ писалъ

своему галицкому другу и сотруднику Ивану Франку, они изданы въ двухъ частяхъ въ 1906 и 1908 гг. во Львовѣ, подъ заглавіемъ: «Листи до Ів. Франка і инших» (ч. I 1906, 8⁰ 260, ч. II 1908, 8⁰ 431).

Сравнительный методъ съ примѣненіемъ его къ обычному праву славянъ, почерпающему какъ извѣстно свой матеріалъ изъ внимательнаго изученія народнаго быта — былъ присущъ ученой дѣятельности одного изъ лучшихъ знатоковъ этого дѣла — Валтасара Власіевича Богишича (Valtazar, по народному Baldo Bogišić, 20/12 1834 — 24/4 1908), родомъ дубровчанина, бывшаго профессора «исторіи славянскихъ законодательствъ» въ Одессѣ, составителя гражданскаго имущественнаго законника для Черногоріи, на началахъ живущихъ въ народѣ правовыхъ воззрѣній и обычаевъ. Совокупная дѣятельность этого замѣчательно даровитаго ученаго, не оправдавшаго къ сожалѣнію всѣхъ на него возложенныхъ надеждъ, касается столь близко славянской филологіи, что не должна быть обойдена здѣсь молчаніемъ. Не безъ основанія онъ самъ постоянно чувствовалъ потребность сближать свѣдѣнія по исторіи римскаго права и его дальнѣйшаго развитія въ средніе вѣка съ наблюденіемъ бытовыхъ чертъ народа, въ числѣ которыхъ всегда видную роль игралъ языкъ. Поэтому ему и не были чужды результаты изслѣдованій Боппа, Гримма и Миклошича, рядомъ съ обширнымъ знакомствомъ съ трудами по юридической литературѣ. Онъ самъ причислялъ себя къ приверженцамъ историческаго направленія школы Савиньи. Валтасаръ Богишичъ родился въ Цаптатѣ (Ragusa Vecchia), въ предмѣстьи, такъ сказать, Дубровника. Дѣдъ его перебрался въ это мѣсто во второй половинѣ 18-го столѣтія, прежде они жили въ Конавляхъ (Canali) подъ Дубровникомъ, въ деревнѣ «Мрцине». И дѣдъ и отецъ занимались земледѣліемъ и торговлею, семья была довольно состоятельная, владѣла большими участками земли, производила въ значительномъ количествѣ оливковое масло, составлявшее предметъ вывоза въ Тріестъ и въ Фіуме. По унаслѣдованнымъ изстари обычаямъ желаніе отца Власія (по дубровницкому произношенію Vlaho) состояло въ томъ, чтобы сынъ его продолжалъ патріархальный образъ жизни на родной почвѣ, занимаясь по примѣру отца хозяйствомъ и торговлею. Съ этой цѣлью первое воспитаніе его ограничилось скромными размѣрами одной частной школы, въ которой мальчики запасались практическими, для жизни необходимыми свѣдѣніями на итальянскомъ языкѣ. Но любознательный юноша проходилъ еще у мѣстнаго священника Зафрона латинскій курсъ нисшихъ классовъ гимназіи, только отецъ, говорятъ, не соглашался, чтобы сынъ его сдавалъ очередные экзамены въ Дубровникѣ. Зато юноша долженъ былъ съ молодыхъ лѣтъ помогать отцу не только въ торговыхъ дѣлахъ, развозя на суднѣ оливковое масло

и другіе товары по назначенію (преимущественно въ Тріестъ), а также и дома, являясь въ случаѣ надобности взамѣнъ отца во всѣ присутственныя мѣста.

Подробности о воспоминаніяхъ его молодости переданы, несомнѣнно со словъ самого Богишича, въ альманахѣ «Dubrovnik. Kalendar za prostu godinu 1899. Godina III, uredio A. Fabris» (U Dubrovniku 1898, стр. 166—169) съ продолженіями за годы 1900 (стр. 84—104), 1901 (стр. 106—119), 1902 (стр. 98—128) того же «Dubrovnika». Юношѣ было уже 22 года, когда скончался (въ 1856 г.) его отецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и главная помѣха его стремленію къ дальнѣйшему образованію. Приведя въ порядокъ домашнія дѣла, оказавшіяся послѣ смерти отца въ нѣкоторомъ разстройствѣ, во второй половинѣ 1858 года онъ поѣхалъ въ Венецію, гдѣ его приняли въ лицей S. Catterina (Marco Foscarini) въ число учениковъ высшаго класса и еще въ 1859 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ сдалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Тогда онъ поѣхалъ въ Вѣну, поступилъ на юрид. факультетъ на два полугодія, третье прослушалъ въ Берлинѣ, потомъ поѣхалъ на короткій срокъ въ Парижъ, но еще въ теченіе четвертаго семестра возвратился въ Мюнхенъ, а потомъ сдалъ въ Вѣнѣ первый государственный экзаменъ. Вторую половину юрид. наукъ онъ окончилъ въ Вѣнѣ, слушая кромѣ юридическихъ лекцій (у Унгера, Глазера, Арндтса, Сигеля, Штейна, Неймана) также на философскомъ факультетѣ исторію и филологію (у Іегера, Сикеля, Ашбаха, Миклошича, Боница и Фалена). Въ Берлинѣ онъ слушалъ Дирксена, Рудорфа, Шталя, Гнейста, Безелера, Дройзена, Боппа и Мишлѐ, въ Мюнхенѣ Блунчли, Виндшейда, Дёллингера. Въ 1862 г. онъ получилъ въ Гисенѣ степень доктора философіи на основаніи нѣмецкой диссертаціи о причинахъ пораженія нѣмецкаго войска въ гуситской войнѣ, въ доктора же iuris utriusque произведенъ въ слѣдующемъ году въ Вѣнѣ. Въ томъ же году (1863), послѣ того какъ Миклошичъ покинулъ придворную библіотеку, Богишичъ занялъ мѣсто слависта въ этой библіотекѣ — для молодого любознательнаго человѣка и ученыхъ его занятій очень выгодное положеніе. Подробности о его службѣ въ этой библіотекѣ сообщаетъ д-ръ Кидричъ по офиціальнымъ даннымъ (въ Archiv für slav. Philol. т. XXXI, стр. 305—312).

Богишичъ успѣлъ въ Вѣнѣ познакомиться со всѣми знаменитостями славянскаго міра, проживавшими тогда въ этомъ городѣ (Миклошичъ, баронъ Ожеговичъ, Утѣшеновичъ, братья Иречки, М. Раевскій и др.). Вскорѣ началась его много обѣщавшая ученая дѣятельность. Въ журналѣ «Književnik» за 1866 годъ напечатано первое сочиненіе его, обратившее сразу на него вниманіе: «O važnosti sakupljanja narodnijeh pravnijeh običaja kod Slovena.

Napisao Valtazar Bogišić», (на стр. 1—47, 161—241, 408—476). Отд. оттиски вышли подъ сокращеннымъ заглавіемъ: «Pravni običaji u Slovena» (U Zagrebu 1867, 8⁰ 196). Рядомъ съ этимъ очень хорошимъ сочиненіемъ, подкупавшимъ новизною научныхъ взглядовъ, онъ выпустилъ въ свѣтъ «Naputak za sabiranje pravnijeh običaja koji u narodu živu» (отд. отт. изъ Književnik-a 8⁰ 16, здѣсь представлено всего 347 вопросовъ). Сочиненіе автора отмѣчаетъ въ заглавіи отношеніе ко всѣмъ славянамъ, но въ сущности главную роль въ его крит. анализѣ играли только южные славяне, наипаче же сербы и хорваты. Только въ приводимыхъ пословицахъ и поговоркахъ юридическаго содержанія матеріалъ простирался также и на прочихъ славянъ, указаны даже параллели изъ неславянскихъ языковъ; въ прочемъ же въ числѣ славянскихъ источниковъ упомянуты помимо литературы, относящейся къ сербамъ и хорватамъ, еще только русскій Этнографъ. Сборникъ, изслѣдованія Эверса и Калачова, Мацѣевскаго и Герм. Иречка, разсказы Божены Нѣмцовой и Кульды описаніе свадьбы, и н. др. Итакъ сочиненіе Богишича поражало не богатствомъ содержанія, а умѣніемъ дать вопросу хорошую, оригинальную постановку. Дальнѣйшіе шаги — собираніе матеріаловъ на основаніи составленныхъ вопросовъ — ограничивались исключительно южнымъ славянствомъ, преимущественно сербами и хорватами. По мѣстной исторіи (сношенія Черногоріи съ Дубровникомъ) напечатана имъ въ это время въ органѣ загребской академіи «Rad», кн. II: «Prepiska lažnoga cara Stjepana Maloga s Dubrovačkom republikom 1771—1773» (U Zagrebu 1868).

Обстоятельства жизни Богишича, начавшаго при общемъ сочувствіи свою научную дѣятельность, вскорѣ существенно измѣнились. Намъ неизвѣстны причины, побудившія его покинуть очень удобное для научныхъ занятій мѣсто въ Вѣнской придворной библіотекѣ, если только это не была погоня за болѣе виднымъ общественнымъ положеніемъ. Въ 1868 г. онъ получилъ должность надзирателя всѣхъ военному вѣдомству подвластныхъ учебныхъ заведеній въ восточной части бывшей Военной границы, съ центромъ правленія въ Темешварѣ. Правда, онъ имѣлъ и теперь возможность, объѣзжая свой учебный округъ, прислушиваться и присматриваться къ тѣмъ сторонамъ народнаго быта венгерско-срѣмскихъ сербовъ, которыя должны были интересовать его какъ изслѣдователя обычнаго права. Но эти выгоды перетягивались на вѣсахъ многими невыгодами, и самое главное угрожавшей ему опасностью изъ ученаго сдѣлаться бюрократомъ. Поэтому всѣ друзья его и поклонники его таланта обрадовались, услышавъ что ему дана возможность занять каѳедру славянскаго права въ новороссійскомъ университетѣ въ Одессѣ, что случилось въ теченіе

1869-го года. Какъ извѣстно, эта каѳедра входила по университетскому уставу 1863 года въ составъ юридическаго факультета русскихъ университетовъ, но замѣщеніе каѳедры за неимѣніемъ пригодныхъ кандидатовъ было сопряжено съ затрудненіями. Какъ и по чьему внушенію взоры новороссійскаго университета были обращены на Богишича, пишущему эти строки не вполнѣ ясно. Кажется, тутъ могъ играть нѣкоторую роль Раевскій въ Вѣнѣ и быть можетъ братья Иречки, въ особенности Герменегильдъ какъ спеціалистъ по славянскому праву. Изъ докладной записки проф. Леонтовича, прочитанной въ засѣданіи юрид. факультета 17 янв. 1869 г. Новоросс. Университета, явствуетъ что еще въ 1868 г. Богишичъ заявилъ полную готовность перейти въ Одессу на каѳедру исторіи славянскихъ законодательствъ. Леонтовичъ прибавилъ къ этому, что и Петербургскій и Кіевскій университеты были готовы пригласить Богишича на ту же каѳедру. Въ засѣданіи совѣта того же числа былъ Богишичъ, дѣйствительно, возведенъ въ степень доктора и избранъ орд. профессоромъ. Покинувъ австрійскую службу, онъ поѣхалъ въ концѣ 1869-го года въ Одессу, получивъ съ 16 авг. 1869 по 1 янв. 1870 командировку для исполненія нѣкоторыхъ порученій факультета. Но должность университетскаго преподавателя, т. е. обязанность читать лекціи, сопряженная съ постояннымъ приготовленіемъ, что въ особенности для ученаго не владѣющаго еще въ достаточной мѣрѣ русскимъ языкомъ — знаю по собственному опыту — было дѣломъ не очень легкимъ, кажется, не представляла много привлекательнаго для Богишича, не привыкшаго ни къ преподавательской дѣятельности ни къ ежедневному такъ сказать обхожденію съ молодежью. Онъ едва успѣлъ въ мартѣ 1870 года прочесть вступительную лекцію — она вышла въ С.-Петербургѣ въ томъ же году подъ заглавіемъ: «О научной разработкѣ исторіи славянскаго права. Вступительное чтеніе въ Исторію славянскихъ законодательствъ» (8° 29), — а осенью слѣдующаго года произошелъ уже перерывъ, вслѣдствіе столкновенія новаго профессора-славянина со студентами, о которомъ различно разсказывалось. Богишичъ прекратилъ лекціи и подъ предлогомъ нервнаго разстройства поѣхалъ на Кавказъ, для изученія новыхъ формъ юридическаго быта горцевъ. Возвратясь осенью 1872 года въ Одессу, онъ, кажется, и не начиналъ вновь лекцій, такъ какъ состоялся Высочайшій приказъ дать ему безсрочный отпускъ для поѣздки въ Черногорію, съ цѣлью составленія гражданскаго законника. Итакъ надежды университета и славянской науки, что Богишичъ водворитъ исторію слав. права хотя бы въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, что онъ создастъ школу по той же наукѣ и что одесскій университетъ сдѣлается разсадникомъ этой науки, рухнули совсѣмъ неожиданнымъ образомъ.

Замѣчательно, что Богишичъ самъ никогда и нигдѣ не выражалъ объ этомъ ни малѣйшаго сожалѣнія. Видно, что онъ не былъ созданъ для университетскаго профессора, предпочитая ученую дѣятельность въ литературѣ и роль— организатора. Послѣдняя проявлялась въ немъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, посѣщеніе германскаго музея въ Нюрнбергѣ внушило ему мысль рекомендовать подобное учрежденіе — славянамъ. Онъ нарисовалъ цѣлый планъ и напечаталъ въ 1867 г. въ «Летописѣ» Матицы сербской: «Словенски музеум. Мисли о потреби научнога средишта за сваколика словенска племена» (У Новоме Саду 1867, 8⁰ 69). Только что пріѣхалъ въ Одессу, гдѣ онъ какъ «братъ славянинъ» вошелъ въ сношенія съ тамошнимъ слав. благотворительнымъ Обществомъ, онъ сталъ ходатайствовать объ устройствѣ какой-то юридически вполнѣ самостоятельной «славянской библіотеки» въ Одессѣ, что кажется, ему и удалось, по крайней мѣрѣ на бумагѣ. И его проекты поднять школьное дѣло въ Военной Границѣ, говорятъ, тоже были приняты правительствомъ на разсмотрѣніе, въ совѣщаніяхъ онъ самъ участвовалъ въ Вѣнѣ. Но всѣ эти проекты такъ и оставались безъ послѣдствій — за исключеніемъ послѣдняго порученія, направившаго шаги его въ Черногорію.

Еще въ бытность свою въ Австріи въ качествѣ чиновника придворной библіотеки Богишичъ заинтересовался богатымъ матеріаломъ писемъ и записокъ знаменитаго дубровчанина Стефана Градича (Gradić), о чемъ и написалъ два реферата: «O Stjepanu Gradiću i njegovim pismima dubrovačkoj republici dvije riječi» (U Spljetu 1866, 8⁰ 21) и въ Вѣнской академіи: «Sull' Epistolario di Stefano Gradi. Relazione del. dr. Baldassare Bogišić» (Wien 1867, 8⁰ 18, отд. отт. изъ Archiv für Kunde oesterr. Geschichtsquellen, томъ 38-ой). Въ 1868 г. вышла въ Rad-ѣ (кн. V-ая) его историко-юридическая статья: «Glavnije crte obiteljskoga pisanoga prava u starom Dubrovniku (Zagreb 1868, стр. 123—149), къ которой по характеру изложенія нѣсколько примыкаетъ статья о юридическомъ значеніи «Stanak-stanicum» въ старину и въ новое время; она напечатана въ «Гласник-ѣ» сербскаго ученаго общества (т. 44, стр. 197—231), и по нѣмецки въ Archiv f. slav. Phil. (т. II.). Въ началѣ своей ученой дѣятельности Богишичъ замышлялъ очень полезное изданіе, такъ сказать, сводъ законныхъ постановленій, возникшихъ въ теченіе исторической жизни у сербовъ и хорватовъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Pisani zakoni na slovenskom jugu. Bibliografski nacrt dra. V..Bogišića». Изданіе было задумано, какъ разсказывалъ потомъ самъ авторъ въ «Dubrovnik-ѣ» (за 1902 г. стр. 111), въ объемѣ четырехъ выпусковъ, но вышелъ только первый: «I. Zakoni izdani najvišom zakonodavnom vlašću u samostalnim državama»

(U Zagrebu 1872, 8⁰ 201). Самымъ важнымъ трудомъ его я не затрудняюсь назвать сборникъ, составленный изъ систематически подобраннаго матеріала, который накопился въ Югославянской Академіи послѣ разосланнаго во всѣ стороны по Южному славянству «Напутка» (квестіонара), составленнаго Богишичемъ. Накопившійся матеріалъ былъ академіею предоставленъ въ его распоряженіе для систематической разработки, что имъ и было исполнено, должно быть, еще до поѣздки въ Черногорію. Предварительные Отчеты о накоплявшемся матеріалѣ напечатаны имъ въ 1, 5, 11 и 19 книгахъ Rad-a. Трудъ этотъ вышелъ въ 1874 году: «Gragja u odgovorima iz različnih krajeva slovenskoga juga. Osnovao, skupio, uredio V. Bogišić», подъ болѣе обширнымъ заглавіемъ: «Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih Slovena. Knjiga prva» (U Zagrebu 1874, 8⁰ LXXIV. 714). Какъ заглавіе свидѣтельствуетъ, тогда еще, быть можетъ, и самъ авторъ питалъ надежду, что этотъ томъ со временемъ будетъ представлять только начало болѣе обширнаго изданія, но обстоятельства сложились такъ, что на этомъ первомъ и единственномъ томѣ дѣло и остановилось. Даже «Напутак» (напутствіе) не былъ авторомъ никогда расширенъ дальше рамки приватнаго права. О неполнотѣ этого «Напутка» (напутствія) говорилъ въ 1901 г. онъ самъ въ открытомъ письмѣ сербской университетской молодежи: «О сабирању правних обичаја» (отд. отт. 8⁰ 8, письмо датировано изъ Парижа маемъ мѣс. 1901 г.). Нѣсколько новыхъ детальныхъ вопросовъ было отослано имъ въ 1897 г. Миличевичу, который ихъ и напечаталъ въ XVIII книжкѣ «Годишњица Николе Чупића» (У Београду 1898, на стр. 3—8).

Для неславянской публики приготовилъ извлеченіе изъ Богишичева труда другъ его Ѳедоръ Демеличъ: Le droit coutumier des Slaves Méridionaux d'après les recherches de M. V. Bogišić, par Fedor Demelić (Paris 1877, 8⁰ 156, отд. отт. изъ Révue de Législation ancienne et moderne, française et étrangère 1876). На нѣмецкомъ же языкѣ вышло извѣстное сочиненіе Фр. С. Крауса: «Sitte und Brauch der Südslaven» (Wien 1885), большая половина котораго взята прямо изъ Богишича, хотя этотъ фактъ прикрытъ искусственно. Несмотря на то, что изданіе Богишича не могло разсчитывать на большое распространеніе, наука обратила на него должное вниманіе въ многочисленныхъ отзывахъ, которые перечисляются въ Dubrovnik-ѣ за 1902 г., стр. 107; изъ числа прочихъ выдѣлялись отзывы двухъ знатоковъ-спеціалистовъ, профессора Ганела (Hanĕl) въ Загребѣ и профессора Леонтовича въ Одессѣ: первый напечаталъ разборъ «Зборника» въ 32-ой кн. Rad-a, второй въ ЖМНПр. 1878 г. іюль, ч. CXCVIII, отд. 2, 113—179: «Замѣтки о разработкѣ обычнаго права». Богишичъ отвѣчалъ первому на сербско-

хорватскомъ языкѣ: «Na ocjenu Zbornika itd» (Spljet 1877, 8⁰ 35), второму въ ЖМНПр. 1880 г. («По поводу статьи г. Леонтовича»). Въ непродолжительный промежутокъ своего пребыванія въ Россіи, еще до поѣздки въ Черногорію, онъ напечаталъ въ Импер. Русск. Геогр. Обществѣ «Мѣстныя названія славянскихъ предѣловъ Адріатики» (СПб. 1872, 8⁰ 77) и написалъ по порученію Имп. Академіи Наукъ разборъ сочиненія Н. А. Попова «Россія и Сербія», гдѣ онъ успѣлъ собрать много новыхъ документовъ, относящихся къ исторіи сербскаго возстанія, которые напечатаны въ Отчетѣ о тринадцатомъ присужденіи Уваровскихъ премій (СПб. 1872, стр. 88—333). И на югѣ, въ Бѣлградѣ, печатался въ теченіе многихъ лѣтъ матеріалъ по народной поэзіи сербовъ и хорватовъ, собранный имъ изъ дубровницкихъ рукописей, по записямъ съ конца XVII столѣтія: это были эпическія пѣсни южной Далмаціи стараго размѣра, о которомъ Миклошичъ высказалъ догадку, что онъ представляетъ разновидность специально хорватской народной эпики (въ сочиненіи упомянутомъ на стр. 708). Богишичъ напечаталъ весь подобнаго рода матеріалъ въ кирилловской, но не вполнѣ удовлетворявшей транскрипціи, снабдивъ текстъ очень обширнымъ введеніемъ, а также словаремъ. Печатаніе затянулось на многіе годы и сборникъ вышелъ только въ 1878 году подъ заглавіемъ «Народне пјесме из старијих, највише приморских записа» (Биоград 1878, 8⁰ X. 142. 430, вышло какъ десятая книга Второго Отдѣленія «Гласника српског ученог друштва»). Сл. по поводу этого изданія мое разсужденіе въ Archiv f. slav. Phil. IV. 192—242: Die südslavische Volksepik vor Jahrhunderten.

Съ точки зрѣнія чисто научныхъ интересовъ должно бы въ высшей степени сожалѣть, что командировкою Богишича въ Черногорію прекратилась его столь успѣшно и удачно начатая ученая дѣятельность по обычному праву. Хотя онъ самъ не разъ хвалился, что благодаря его поѣздкамъ на Кавказъ значительно расширялся его кругозоръ, обогативъ его новыми данными, и хотя онъ и мнѣ, при нашихъ встрѣчахъ въ Берлинѣ и въ другихъ мѣстахъ, съ большимъ удовольствіемъ сообщалъ, что разъѣздами его по Черногоріи и въ смежныхъ областяхъ матеріалъ для однихъ только сербовъ вдвое и втрое увеличился въ сравненіи съ прежде напечатаннымъ, — все это для научной обработки, по крайней мѣрѣ имъ самимъ, пропало безслѣдно и напрасно, роль черногорскаго законодавца помѣшала ему продолжать кропотливую работу кабинетнаго ученаго. Нельзя вѣдь разсужденіе, напечатанное въ Revue historique du droit français et étranger, подъ заглавіемъ «Apercu des travaux sur le droit coutumier en Russie» (1879, 8⁰ 22, хорватскій переводъ вышелъ въ 1880 г. въ Сплѣтскомъ юрид. журналѣ «Pravo», по сербски въ пе-

реводѣ I. Аћимовића въ Бѣлградѣ 1879) считать достаточнымъ вознагражденіемъ за эту утрату. Не хочу, конечно, умалять значенія его кодификаторской дѣятельности въ Черногоріи, но на составленіе «имовинскаго законика», при всей его оригинальности, важности и драгоцѣнности, какъ по содержанію такъ и по формѣ, все же ушло несоразмѣрно много, даже слишкомъ много времени. Самъ Богишичъ, чувствуя этотъ упрекъ, оправдывалъ себя тѣмъ, что въ подобныхъ случаяхъ у другихъ народовъ, французовъ и нѣмцевъ, цѣлыя комиссіи работали еще дольше (подобныя мысли его передаетъ и «Dubrovnik» за 1902 г. на стр. 116—121). Все это такъ, но нечего скрывать истины. Богишичъ, склоняясь уже по своей южной природѣ къ удобностямъ жизни, не торопился еще и по тому, что ему предстояла, въ случаѣ преждевременнаго выполненія задачи, мало привлекательная обязанность вновь начать чтеніе лекцій въ Новороссійскомъ университетѣ, чего ему никакъ не хотѣлось. Вотъ причина, объясняющая его отчасти намѣренную медлительность, его частые разъѣзды по Европѣ, его пребываніе въ Парижѣ, его рѣшеніе также печатать тамъ же текстъ. Даже его желаніе, попасть въ Болгарію (что и случилось въ 1877 году) вытекало, по крайней мѣрѣ отчасти, изъ тѣхъ же соображеній, хотя нельзя такъ же отрицать и того, что все же главною цѣлью его поѣздки къ Болгарамъ могло быть и желаніе изучить формы ихъ юридич. быта. Такимъ образомъ лучше объясняется, чѣмъ всѣми его доводами, почему изданіе «законника» затянулось до 1888 года. Имущественный законникъ Черногоріи вышелъ только въ 1888 году подъ заглавіемъ: «Општи имовински законик за књажевину Црну Гору» (На Цетињу у државној штампарији 1888, 8⁰ VI. 356, но указаніе мѣста не точно, весь текстъ отпечатанъ въ Парижѣ) и былъ принятъ знатоками дѣла очень сочувственно. Объ этомъ разсказываетъ самъ Богишичъ въ «Dubrovnik-ѣ» очень подробно, l. c. на стр. 117—119, тамъ же на стр. 119—121 указаны тѣ стороны и точки зрѣніи его кодификаціи, въ которыхъ онъ самъ усматривалъ главную оригинальность своего дѣла. Съ нашей точки зрѣнія важно обратить вниманіе на внѣшнюю сторону изложенія, т. е. на языкъ. Мнѣ не вѣрится въ то, какъ сказано въ «Dubrovnik-ѣ», что онъ-де написалъ текстъ первоначально по французски и что кѣмъ-то другимъ сдѣланъ переводъ на сербскій языкъ. Я знаю изъ разговоровъ съ нимъ, что онъ очень дорожилъ правильностью и удобопонятностью изложенія. Да о терминологіи онъ и самъ писалъ нѣсколько разъ, напр. еще въ 1876 г. «Stručno nazivlje u zakonima» (Spljet 1876, 8⁰ 18, отд. отт. изъ «Prava»), въ 1887 г. напечатано по-русски въ «Извѣстіяхъ Слав. благотвор. Общества» въ Петербургѣ Nr. 3 разсужденіе его о томъ же вопросѣ, оно переработано по-сербски его другомъ и поклон-

никомъ Никиф. Дучичемъ: «Технички термини у Законодавству од дра В. Богишића, превео с руског а писаног изворника Н. Дучић (Београд 1887, 8⁰ 26, отд. отт. изъ журнала «Бранич»). Въ третій разъ онъ разбиралъ этотъ вопросъ въ статьѣ «I opet o stručnim izrazima u zakonima. Napisao dr. V. Bogišić» (U Zagrebu 1900, 8⁰ 19, отд. отт. изъ «Mjesečnika»). По поводу новаго, только очень незначительно измѣненнаго изданія «Законника» (въ 1898 г.) вышла пояснительная статья самого автора въ журналѣ «Revue de Droit international et de Législation comparée 1901»: «L'historique d'une codification» (стр. 1—15 отд. отт.).

Поразительно мало изслѣдованій юридическаго содержанія сопровождало эту кодификаціонную дѣятельность со стороны самого автора. Трудно понять очевидное нерасположеніе его къ объясненію перомъ того, что онъ умѣлъ краснорѣчиво и занимательно разсказывать на словахъ. Разсказами онъ точно очаровывалъ слушателя, необыкновенная талантливость и громадная эрудиція такъ и бросались въ глаза. И большая часть этого душевнаго богатства слегла въ могилу вмѣстѣ съ даровитымъ человѣкомъ. Были статьи, указывавшія уже впередъ на значеніе его дѣла: «A propos du Code civil du Monténégro. Quelques mots sur les Principes et la Méthode adoptés pour sa confection. Lettre à un ami» (Paris 1886, 8⁰ 23, 2-me edition 1888, 8⁰ 19). Брошюра эта переведена также на сербскій языкъ: «Поводом црногорскога грађанског Законика, неколико ријечи о начелима и методу усвојеним при изради. Писмо једноме пријатељу. . превео Н. Дучић» (у Београду 1888, 8⁰ 20). Гораздо важнѣе одно дѣйствительно превосходное разсужденіе его: «De la forme dite Inokosna de la famille rurale chez les Serbes et les Croates par V. Bogišić» (Paris 1884, 8⁰ 49), вышелъ также сербскій переводъ: «О облику названом Инокоштина у сеоској породици Срба и Хрвата написао Б., превео Јован Аћимовић» (у Београду 1884, 8⁰ 60), и русскій переводъ въ Ж. М. Н. Пр. 1885 февр. стр. 278—315: «О несложной сельской семьѣ у Сербовъ и Хорватовъ». Французскій текстъ этой монографіи напечатанъ впервые въ «Revue de Droit international et de législations comparées», о значеніи же этого небольшого по объему, но очень важнаго по содержанію этюда сошлемся опять на слова самого Богишича въ «Dubrovnik-ѣ» за 1902 годъ стр. 114. Вниманіе его не упускало изъ виду вопроса о правѣ наслѣдства, онъ даже вмѣнялъ себѣ въ заслугу, что въ его имущественномъ законникѣ семейныя и наслѣдственныя отношенія были исключены изъ систематической разработки, но только въ 1893 году вышла въ Бѣлградѣ его пояснительная статья по этому вопросу: «О положају породице и насљедству у правној системи». Профессоръ славянскаго права въ Прагѣ dr. К. Кадлецъ написалъ

въ чешскомъ юрид. журналѣ «Právník» похвальный рефератъ объ этомъ этюдѣ Богишича (1894, стр. 253—6, 284—7).

Когда послѣ окончанія главнаго предпріятія (составленія законника) возникли нѣкоторыя недоразумѣнія между Богишичемъ и русскимъ правительствомъ, онъ вышелъ въ отставку при очень благопріятныхъ для себя условіяхъ и переселился на продолжительное пребываніе въ Парижъ. Разсказъ о предложеніи ему каѳедры римскаго права въ Московскомъ университетѣ оказывается невѣрнымъ. Теперь можно было бы ожидать, что онъ на досугѣ, обезпеченный матеріально, въ полной независимости, станетъ продолжать начатое въ молодости дѣло, но и эти ожиданія не оправдались. Новаго матеріала по обычному праву больше не собиралось, даже и то что у него было собрано, оставалось неразработаннымъ. Изъ даровитаго ученаго вышелъ страстный собиратель. Мало утѣшительнаго было въ томъ, что одинъ изъ друзей его (др. Владанъ Джорджевичъ) сообщалъ въ своемъ органѣ «Отаџбина» (1892, стр. 125—7) о его коллекціяхъ: «Богишиħеве збирке». Изъ этого вышло небольшое описаніе: «Zbirka slovenskih inkunabula» (въ «Dubrovnik-ѣ» за 1898 г., 8⁰ 16). Даже сотрудничество его во время пребыванія въ Парижѣ, пока еще онъ считался въ командировкѣ, въ пополненіи документовъ о заговорѣ Зринско-Франкопанскомъ матеріалами находившимися во Франціи — они вышли въ 1888 году въ Загребѣ отдѣльнымъ томомъ: «Acta coniurationem Petri a Zrinio et Francisci de Frankopan nec non Francisci Nadasdy illustrantia (1663—1671), e tabulariis gallicis desumpta redegit dr. V. Bogišić» — не вознаграждаетъ насъ за тѣ большіе пробѣлы, которые имъ оставлены по обычному праву. Все прочее могли бы такъ же хорошо исполнить и другіе. Отъ него же мы были бы въ правѣ требовать научной, систематической разработки по крайней мѣрѣ небольшой доли тѣхъ идей, о которыхъ онъ самъ любилъ говорить какъ о предстоящихъ задачахъ юридико-сравнительной науки. Пишущему эти строки кажется и теперь еще (сл. Archiv f. sl. Phil. XXX стр. 314—315), что часть вины за эту застрялость Богишича падаетъ на продолжительное пребываніе его внѣ центровъ славянской культурной жизни, на прекращеніе живого обмѣна съ современниками изъ славянскаго ученаго міра. Единственный трудъ послѣднихъ лѣтъ его жизни — это было выполненіе стараго долга, давно еще, въ семидесятыхъ годахъ обѣщанное изданіе дубровницкаго статута. Оно вышло въ серіи юридическихъ памятниковъ, издаваемыхъ Югославянской академіею, подъ заглавіемъ: «Monumenta historico-iuridica Slavorum meridionalium»: Volumen IX (Zagrabiae 1904, 8⁰ LXIX. 446); спеціальное заглавіе изданія слѣдующее: «Liber Statutorum civitatis Ragusii compositus anno 1272, cum legibus aetate posteriore insertis

atque cum summariis adnotationibus et scholiis a veteribus juris consultis ragusinis additis, nunc primum in lucem protulerunt, praefatione et apparatu critico instruxerunt, indices adiecerunt V. Bogišić et C. Jireček», да и тутъ существенную услугу оказалъ ему вѣнскій проф. К. Иречекъ. И объ этомъ статутѣ онъ писалъ еще раньше, чѣмъ его издалъ, въ статьѣ: «Statut de Raguse. Codification inédite du XIII siècle» (Paris 1894).

Изъ своего любимаго Парижа Богишичъ еще разъ послѣдовалъ приглашенію князя Черногорскаго въ 1893 г., когда былъ назначенъ министромъ юстиціи, съ главной цѣлью проведенія въ жизнь новаго закона и наблюденія за его практическимъ примѣненіемъ. Съ этой цѣлью онъ объѣхалъ въ 1894 г. всю Черногорію, присутствовалъ при судопроизводствѣ во всѣхъ инстанціяхъ, издавалъ различныя распоряженія для усовершенствованія судебной практики. Князь облегчилъ ему положеніе министра до крайней мѣры возможности, дозволивъ ему на цѣлые мѣсяцы отлучаться то въ Дубровникъ, то въ Парижъ. Здѣсь вышло также второе изданіе «Законника» въ 1898 г., съ нѣкоторыми впрочемъ не существенными измѣненіями. Объ измѣненіяхъ даетъ отчетъ самъ Богишичь въ статьѣ «Modifications introduites dans la nouvelle édition (1898) du code civil de Monténégro» (въ «Société de législation comparée» 1900). Въ февралѣ 1899 г. онъ былъ окончательно отпущенъ княжескимъ указомъ съ выраженіемъ полнѣйшей признательности. И теперь онъ вернулся въ Парижъ, гдѣ говорятъ жилъ довольно уединенно, участвуя очень мало въ публичныхъ собраніяхъ парижскаго общества. Оставшись на всю жизнь холостымъ, онъ сдѣлался въ теченіе времени, какъ говорятъ, порядочнымъ скопидомомъ, имущество его оцѣнивали въ полъ-милліона франковъ, а между тѣмъ иные планы изданій его разстраивались изъ-за денегъ!

Этотъ очеркъ дѣятельности Богишича значительно разнится отъ тѣхъ диѳирамбовъ, въ видѣ которыхъ привыкли о немъ писать его соотчичи (сл. кромѣ вышеупомянутаго панегирика въ «Dubrovnik-ѣ» еще въ журналѣ «Срђ» за 1908 г. № 7 и 8), но перомъ моимъ правило искреннее уваженіе къ старинному другу, скорбящее о преждевременно похороненномъ крупномъ талантѣ, зарытомъ самимъ владѣльцемъ заживо въ бездѣйствіе. Подъ вліяніемъ «Dubrovnik-a» написалъ еще др. Карлъ Кадлецъ въ Č. Č. M. (1903, стр. 127—145, 291—306) почти то же самое о Богишичѣ, разсказывая все безъ провѣрки и критики, которая при его жизни была почти невозможна. Теперь вышла поминка о Богишичѣ въ 23 выпускѣ альманаха югославянской академіи «Ljetopis ... za god. 1908» (U Zagrebu 1909, на стр. 80—140). Авторъ некролога (др. Ив. Строгалъ — Strohal) собралъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ всѣ отзывы о значеніи дѣятельности Богишича, написалъ похвальный

отзывъ о немъ съ одушевленіемъ безусловнаго поклонника, но какъ юристъ все же не могъ обойти молчаніемъ нѣкоторую долю романтизма, навѣяннаго и въ изслѣдованіяхъ Богишича доктриной русскаго славянофильства. Для богатой библіографіи обо всемъ, что прямо или косвенно относится къ Богишичу, этотъ некрологъ имѣетъ большое значеніе. Но и критика дѣятельности Богишича по обычному праву, изложенная тѣмъ же авторомъ въ статьѣ «Ustanovļivańe prava, koje u narodu živi» (въ XIV 1 — книжкѣ «Zbornik za narodni život»), должна быть наукою принята къ свѣдѣнію.

Здѣсь кстати было бы указать на любопытную параллель между Богишичемъ и русскимъ ученымъ, братомъ извѣстнаго Павла Ив. Якушкина, Евгеніемъ Ивановичемъ (1826—1905) «несторомъ русск. обычнаго права», заключившимъ всю свою феноменальную эрудицію въ трудъ: «Обычное право. Матеріалы для библіографіи об. права». Ярославль. Вып. I. 1875. 8⁰ XXXXVI + 249. В. II. 1896. XXXVII + 544 + 3 неп. (опеч.). В. III Москва, 1908. IV + 546 + 1 неп. (опеч). В. IV. 1909. 440. Третій и четвертый выпуски вышли уже посмертнымъ изданіемъ. Ему принадлежатъ «Матеріалы для словаря народнаго языка въ Яросл. губ.» (изд. Яросл. Губ. Статист. Комитета 1896. 4⁰). Въ 1899 г. въ 3 кн. Чтеній Моск. Общ. Исторіи и Древн. Росс. и отдѣльно вышелъ его трудъ: «Обычное право русскихъ инородцевъ. Матеріалы для библіографіи обычнаго права». (I—IV, 1—366). Еще въ 1889 г. онъ напечаталъ программу для собиранія особенностей говоровъ Ярославской губ. А. А. Шахматова, который отвѣтами на эту программу пользовался въ своей докторской диссертаціи: «Изслѣдованія въ области русской фонетики» (Варшава 1893). Якушкинъ, сынъ декабриста И. Д. Я—на, окончилъ въ 1847 г. Московскій Университетъ, былъ потомъ профессоромъ въ Демидовскомъ Ярославскомъ Лицеѣ. Онъ былъ «народникъ» и этнографъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого понятія, извѣстна его дѣятельность въ 60-годахъ по крестьянскому вопросу (охваченный благороднымъ движеніемъ и не дѣлая себѣ рекламы, такъ какъ скрывалъ даже отъ близкихъ, онъ отдалъ свое смоленское имѣніе безвозмездно крестьянамъ). Якушкинъ былъ убѣжденный сторонникъ земельной общины и все собирался въ своемъ изданіи помѣстить подробное введеніе по народному земельному праву. Некрологи его см. въ Этнографич. Обозрѣніи кн. LXIV (1905 г. № 1) (В. Харузиной), въ Вислѣ (польск.) и мног. другихъ журналахъ.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЯ СЛОВА.

Наше обозрѣніе исторіи славянской филологіи пришло къ концу, не включивъ однакожъ въ свой разсказъ новѣйшихъ явленій и фактовъ. Пока наука живетъ, пока въ ней происходитъ циркуляція жизненныхъ соковъ, она не терпитъ остановки, не знаетъ конца. Бываютъ, правда, различные періоды въ жизни ея, періоды подъема и упадка, ознаменованные то усиленной дѣятельностью, то медленнымъ застоемъ, но полнаго перерыва и прекращенія нѣтъ и быть не можетъ. Наше обозрѣніе по необходимости подчиняется требованію поставить изложенію искусственный предѣлъ. Выбравъ для нашего разсказа такую точку зрѣнія и придерживаясь такого взгляда, что лучше слѣдить за историческимъ ходомъ и развитіемъ науки сосредоточиваясь на отдѣльныхъ выдающихся лицахъ и ихъ совокупной дѣятельности, чѣмъ оставляя въ сторонѣ личные моменты, довольствоваться перечнемъ однородныхъ трудовъ, группируя ихъ по содержанію — мы поставили себѣ правиломъ, не распространять нашего разсказа за предѣлы дѣятельности тѣхъ представителей славянской филологіи, о трудахъ которыхъ въ полномъ ихъ объемѣ возможно было высказывать свое мнѣніе sine ira et studio, такъ какъ ихъ земное поприще уже завершилось. Мы же живые, находящіеся то еще въ полной силѣ творческой, то отживающіе уже свой вѣкъ, — составляемъ, на мой взглядъ, одно болѣе или менѣе сплоченное общество тружениковъ, о заслугахъ которыхъ предстоитъ будущимъ историкамъ нашей науки высказать свой судъ. Только на прощаніе съ читателемъ, у котораго нашлось терпѣнія слѣдить за ходомъ нашего разсказа, мнѣ хотѣлось бы бѣглымъ взглядомъ окинуть состояніе славянской филологіи во всѣхъ частяхъ ея въ настоящее время, не входя конечно во всѣ подробности ни по отношенію къ лицамъ, ни по оцѣнкѣ отдѣльныхъ трудовъ, намѣчая только общій характеръ и направленіе новѣйшей научной производительности.

Прежде всего должно съ удовольствіемъ констатировать, что внѣшнія условія преуспѣванія славянской филологіи съ каждымъ десятилѣтіемъ улучшаются. Число университетовъ славянскихъ по языку преподаванія и національному составу преподавателей, этихъ естественныхъ разсадниковъ всякой науки, стало быть и славянской филологіи, продолжаетъ успѣшно возрастать, хотя еще далеко, конечно, не удовлетворяетъ всѣмъ справедливымъ требованіямъ иныхъ славянскихъ народовъ. Укажемъ, напримѣръ, на

домогательства поляковъ и малоруссовъ въ предѣлахъ Россіи или на требованія чешскаго, малорусскаго и словенскаго народа въ Австріи, не говоря уже объ угнетаемыхъ словакахъ въ Венгріи, о полякахъ въ Пруссіи, о сербахъ и болгарахъ на балканскомъ полуостровѣ внѣ предѣловъ Сербіи и Болгаріи. Впрочемъ число университетскихъ каѳедръ, посвященныхъ то общему славяновѣдѣнію, то отдѣльнымъ славянскимъ языкамъ и литературамъ, значительно выше числа славянскихъ университетовъ. Вопервыхъ, во всѣхъ университетахъ Россіи, не исключая ни Юрьева (Дерпта), ни Гельсингфорса, существуютъ по крайней мѣрѣ по двѣ каѳедры: одна славяновѣдѣнія вообще, другая русскаго языка и словесности. Можно считать лишь вопросомъ времени, когда и польскій и малорусскій языки получатъ свои особыя каѳедры по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ русскихъ университетахъ по примѣру того, какъ въ Австріи въ двухъ галицкихъ университетахъ кромѣ польскаго языка и словесности существуютъ еще каѳедры славяновѣдѣнія вообще и отдѣльно малорусскаго языка и словесности. Въ Галиціи предвидится въ ближайшемъ будущемъ также цѣлесообразность учрежденія одной каѳедры русскаго языка и словесности, а раньше или позже и Пражскій чешскій университетъ пожелаетъ имѣть такую же каѳедру. Но въ Австріи, за отсутствіемъ достаточнаго числа славянскихъ университетовъ, установлены почти во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ (исключеніе дѣлаетъ Инсбрукъ) также каѳедры по славяновѣдѣнію или по отдѣльнымъ славянскимъ языкамъ и словесностямъ: вспомнимъ, что въ нѣмецкомъ университетѣ въ Черновцахъ существуетъ одна общеславянская каѳедра и одна каѳедра малорусскаго языка и литературы на философскомъ факультетѣ и одна каѳедра церковнославянскаго языка, письменности и древностей на богословскомъ факультетѣ; въ Вѣнѣ имѣется одна каѳедра по славяновѣдѣнію вообще, одна по южнославянской исторіи и византологіи, и двѣ экстраординатуры, одна по чешскому и одна по сербскохорватскому языку; въ Грацѣ существуетъ одна общеславянская каѳедра и одна по словенскому языку и литературѣ; въ нѣмецкомъ университетѣ Пражскомъ славяновѣдѣніе пока соединено съ сравнительной грамматикой. У южныхъ славянъ (хорватовъ, сербовъ и болгаръ) существуютъ три университета (въ Загребѣ, Бѣлградѣ, Софіи), въ каждомъ по крайней мѣрѣ по двѣ каѳедры, относящіяся къ славяновѣдѣнію, хотя въ силу мѣстныхъ обстоятельствъ преимущественное значеніе ими придается національнымъ языкамъ и литературамъ. Еслибы представители всѣхъ этихъ каѳедръ прониклись сознаніемъ необходимой научной солидарности, живого взаимнаго общенія и обмѣна, сочувственной поддержки въ научныхъ изслѣдованіяхъ, вмѣсто черезъ-чуръ усердно оберегаемой обособленности, славянская филологія могла бы уже

теперь, при нынѣшнемъ положеніи, очень успѣшно развиваться и отдѣльные научные труды становились бы цѣльнѣе, полнѣе, систематичнѣе.

Во вторыхъ же, славянская филологія кромѣ того никогда не переставала разсчитывать тоже на большое научное содѣйствіе со стороны иноземныхъ, главнымъ образомъ германскихъ университетовъ. Правда, самостоятельныхъ каѳедръ славянской филологіи въ Германіи, славящейся своими многочисленными университетами, пока еще черезъ-чуръ мало, собственно только три: въ Берлинѣ, Бреславлѣ и Лейпцигѣ; но въ новѣйшее время, подъ эгидою сравнительнаго языкознанія, выступаютъ молодыя ученыя силы, оказывающія значительныя услуги научной разработкѣ славянскихъ языковъ, по крайней мѣрѣ въ грамматическомъ и этимологическомъ отношеніяхъ. Въ этомъ направленіи прибываетъ для славянской филологіи не мало пользы также отъ славянскихъ каѳедръ, существующихъ во Франціи, Даніи, Швеціи, Норвегіи и Англіи (Италія пока еще совсѣмъ игнорируетъ славянскій міръ), гдѣ въ послѣднее время славяновѣдѣніе сосредоточивается все болѣе на изслѣдованіяхъ языкосравнительнаго содержанія. Впрочемъ есть надежда, что откликъ на произведенія изящной русской литературы, распространяющійся по Западной Европѣ, проложитъ со временемъ и славянскимъ литературамъ дорогу также въ западные университеты. Въ иныхъ случаяхъ, какъ напр. по отношенію къ мадьярскому и румынскому языкамъ, славянскіе языки играютъ роль важнаго пособія для основательнаго изученія собственныхъ мѣстныхъ языковъ: поэтому въ Будапештскомъ, Букарештскомъ и Ясскомъ университетахъ славянскія каѳедры считаются подспорьемъ для мадьярской и румынской филологіи, безъ котораго нельзя имъ даже обойтись.

Другое вспомогательное средство для славянской филологіи представляютъ академіи наукъ и ученыя общества, прежде всего, конечно, славянскія, но и иноземныя содѣйствуютъ въ не малой мѣрѣ. Теперь уже существуетъ въ разныхъ славянскихъ странахъ порядочное число академій и ученыхъ обществъ, уступающихъ страницы своихъ изданій также въ пользу славянской филологіи, въ видѣ печатанія то изслѣдованій по языку, литературамъ и этнографіи, то изданій памятниковъ языка и словесности. Упомянемъ нѣкоторыя, главнѣйшія: Императорская Академія Наукъ въ Петербургѣ съ особымъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности (издаетъ Извѣстія, Сборникъ Отдѣленія, Изслѣдованія по языку, Памятники старо-слав. языка, Памятники древне-русскаго языка, Сочиненія выдающихся русскихъ писателей, и т. д.), Импер. Общество Исторіи и Древностей россійскихъ въ Москвѣ при университетѣ (издаетъ «Чтенія»), Общество наукъ имени Шевченка во Львовѣ (издаетъ «Записки» и различные «Збірники» и т. д.), параллельное

украинское Общество Наукъ въ Кіевѣ (издаетъ съ 1908 г. Записки). Польская академія наукъ въ Краковѣ (издаетъ Rozprawy по двумъ отдѣленіямъ: филологическому и историко-философскому., и т. д.), въ новѣйшее время въ Варшавѣ образовалось Towarzystwo Naukowe (издаетъ Sprawozdania), существуютъ еще общества въ Познани и Торунѣ, преимущественно историческаго характера; Чешская академія наукъ въ Прагѣ (издаетъ въ III разрядѣ тексты и изслѣдованія относящіяся къ чешскому языку, діалектологіи и литературѣ, въ IV же разрядѣ все относящееся къ обогащенію изящной чешской литературы) и Королевское Чешское Общество наукъ въ Прагѣ (изданія его ведутся теперь утраквистически, т. е. на нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ, но чешскій языкъ преобладаетъ); Югославянская академія наукъ и художествъ въ Загребѣ (издаетъ «Rad», «Stari pisci hrvatski», «Starine», «Građa»), Сербская королевская академія въ Бѣлградѣ (издаетъ «Глас», «Споменик» и т. д.); Книжовно Дружество въ Софіи (издаетъ «Периодическо Списание»). Изъ неславянскихъ обществъ славянской филологіи оказываютъ услуги главнымъ образомъ Импер. Вѣнская академія наукъ и Королевско-саксонское Общество Наукъ въ Лейпцигѣ, располагающее фондомъ Яблоновскаго. На второмъ планѣ теперь уже стоятъ прежнія, болѣе скромныя, отчасти еще въ началѣ славянскаго возрожденія основанныя литературныя общества, такъ называемыя «Матицы» (Матица сербская въ Новомъ Садѣ, чешская въ Прагѣ, иллирская нынѣ хорватская въ Загребѣ, словенская въ Люблянѣ, галицко-русская въ Львовѣ, моравская въ Брюннѣ, опавская въ Силезіи, лужицко-сербская въ Будышинѣ). Пока не было академій съ строго научными задачами, Матицы охотно посвящали долю своей дѣятельности языкамъ и литературамъ, что впрочемъ не прекращается въ маленькихъ центрахъ еще и до сихъ поръ.

Еслибы по примѣру существующей уже нѣсколько лѣтъ международной ассоціаціи академій (въ которой впрочемъ славянство представлено пока только одной Петербургской академіею), или же по примѣру существующаго нѣсколько долѣе союза нѣмецкихъ академій и ученыхъ обществъ (всего пять, три Академіи: Берлинская, Мюнхенская, Вѣнская, два Общества наукъ: въ Геттингенѣ и Лейпцигѣ) возможно было образовать союзъ славянскихъ академій и ученыхъ обществъ для взаимной поддержки въ предпріятіяхъ бо̀льшихъ размѣровъ, которыми затрогивались бы выгоды не одной только, а нѣсколькихъ или даже всѣхъ слав. академій, воплощеніе этой идеи могло бы принести блестящіе результаты на пользу общеславянскую, благодаря ему окрѣпла бы научная дѣятельность и поднялось бы значеніе славянской науки въ глазахъ всего ученаго міра. До поры до времени всѣ эти общества дѣйствуютъ каждое для себя, въ одиночку, въ полнѣйшемъ разъеди-

неніи, сосредоточиваясь на ближайшихъ потребностяхъ своего народа и языка. Конечно, и это хорошо, но при такихъ условіяхъ обыкновенно недостаетъ средствъ для осуществленія обще-славянскихъ предпріятій, которыхъ въ наукѣ нашлось бы не мало, еслибы поглубже взглянуть, или же покрытіе расходовъ на подобныя предпріятія должна брать на себя какая либо одна академія, какъ напримѣръ въ нашемъ случаѣ издержки по изданію энциклопедіи слав. филологіи взяло на себя Русское Отдѣленіе Импер. Академіи наукъ въ Петербургѣ.

Какъ бы то ни было, внѣшнія условія для успѣшнаго хода и прогресса славянской филологіи по всѣмъ ея частямъ становятся довольно благопріятными и въ соотвѣтствіе имъ можно бы ожидать всесторонняго расцвѣта нашей науки. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій замѣчается дѣйствительно во всѣхъ концахъ славянскаго міра усердная филологическая, историко-литературная и этнографическая дѣятельность, только громадной по количеству издаваемыхъ трудовъ производительности не вполнѣ соотвѣтствуютъ внутреннія достоинства, довольно часто замѣтно несоблюденіе строгаго научнаго метода, отсутствіе критической осторожности. Ни въ одной области славяновѣдѣнія не грѣшится столь много и столь часто противъ здравой критики, какъ по вопросамъ изъ славянскихъ древностей, гдѣ еще и до сихъ поръ слишкомъ часто раздаются голоса романтическихъ увлеченій, напоминающіе Колларовскія мечтанія о древнихъ славянахъ, о ихъ культурѣ, религіи, письмѣ (рунахъ) и т. п. Не вдаваясь въ подробности, достаточно указать на одинъ примѣръ необыкновенно трудолюбиваго и весьма начитаннаго Эдварда Богуславскаго, съ результатами котораго едвали можно согласиться. Онъ напоминаетъ словака Сасинека, чеха Папачека, Славика и др. Такого же рода новѣйшій трудъ о славянскихъ рунахъ Лецѣевскаго, о миѳологіи Ружички, или же книжка М. Жунковича, дожившая даже до второго изданія (1906), разсуждающая о первоначальной родинѣ славянъ, и т. д. Напротивъ полнаго вниманія заслуживаютъ старшія и новѣйшія изслѣдованія Т. Войцѣховскаго, Кентржинскаго, Ростафинскаго, Пейскера, Брауна, Вестберга, и въ особенности Нидерле.

Собираніе этнографическихъ матеріаловъ для изученія народнаго быта славянъ принимаетъ теперь уже громадные размѣры. Еле обозримую этнографическую литературу, для содѣйствія въ которой теперь уже почти у всѣхъ славянъ существуютъ этнографическія общества съ особыми органами, музеями и періодическими изданіями, можно прямо назвать гордостью славянской научной дѣятельности. Только и здѣсь попытки анализовъ, обобщеній и выводовъ далеко отстаютъ за богатствомъ собранныхъ матеріаловъ.

Повидимому синтетическія соображенія у славянскихъ ученыхъ уступаютъ собирательской энергіи, чувство удовольствія передъ богатствомъ собранныхъ данныхъ заглушаетъ всѣ прочія научныя требованія. Вспомнимъ главнѣйшія повременныя изданія этнографическаго характера у славянъ: Императорское русское географическое общество располагаетъ особеннымъ этнографическимъ отдѣленіемъ, издававшимъ сначала «Сборникъ», нынѣ же «Записки» по отдѣленію этнографіи; хотя въ это изданіе не входятъ исключительно славянскіе матеріалы, все же большая часть относится къ этнографіи русскаго народа (свыше 30 томовъ). Въ послѣдніе годы выходитъ какъ этнографическій органъ общества «Живая Старина» (подъ редакціею В. И. Ламанскаго). Этнографическое отдѣленіе Общества Естествознанія и Антропологіи въ Москвѣ издаетъ «Этнографическое обозрѣніе» (подъ редакціею предсѣдателя Вс. Ѳ. Миллера, тов. предс. Н. А. Янчука и секр. В. В. Богданова, до сихъ поръ вышло 80 книгъ). Малорусское общество наукъ имени Шевченка въ Львовѣ обращаетъ очень усердное вниманіе на этнографію малорусовъ, его «Етноґрафичний Збірник» обнимаетъ теперь уже 27 томовъ. Въ Краковской академіи наукъ учреждена особая «Komisya antropologiczna», издававшая прежде «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej» (до 1895 г. 18 томовъ), потомъ подъ измѣненнымъ заглавіемъ «Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne» (до сихъ поръ свыше 10 томовъ). Кромѣ того на ея же средства вышли нѣкоторыя отдѣльныя сочиненія этнографическаго содержанія. О превосходномъ журналѣ покойнаго Я. Карловича «Wisła» была уже рѣчь выше (на стр. 810), а также упомянуто (на стр. 818), что стараніемъ А. Калины сталъ во Львовѣ выходить этногр. органъ «Lud», теперь продолжающійся подъ заглавіемъ: «Kwartalnik etnograficzny «Lud» wydawany przez Towarzystwo ludoznawcze. Założony przez Antoniego Kalinę. Pod redakcyą Szymona Matusiaka». У чеховъ дала новый толчокъ къ этнографическимъ занятіямъ бывшая въ Прагѣ этнографическая выставка въ 1895 году. Съ тѣхъ поръ существуетъ тамъ же великолѣпный этнографическій музей и этнографическое общество (Národopisná společnost českoslovanská). Общими средствами музея и общества выходилъ нѣкоторое время «Národopisný sborník českoslovanský», теперь же подъ редакціею проф. Поливки «Národopisný věstník českoslovanský». Сосредоточившій всю свою неутомимую дѣятельность въ Музеѣ королевства чешскаго, проф. Ч. Зибртъ издаетъ теперь уже 18-ый томъ этнографическаго журнала: «Český Lid. Sborník věnovaný studiu lidu českého v Čechách, na Moravě, ve Slezsku a na Slovensku». Существуютъ также провинціальныя изданія. У Южныхъ славянъ задуманы подобныя изданія этнографическаго характера при академіяхъ: въ Загребѣ

Югославянская Академія издаетъ «Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena» (въ послѣдніе годы подъ редакціею проф. Боранича, свыше 10 томовъ), въ Бѣлградѣ Сербская академія включила въ составъ своихъ академическихъ изданій также «Српски етнографски зборник» (до сихъ поръ вышло слишкомъ 10 томовъ). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ началъ было выходить въ Сербіи особый фольклор. органъ «Караџиħ», но вскорѣ долженъ былъ прекратиться. У болгаръ выходитъ на средства министерства народнаго просвѣщенія «Сборникъ», обнимающій въ каждомъ томѣ (ихъ же вышло до сихъ поръ 24 тома) особый очень тщательно редактированный этнографическій отдѣлъ, представляющій въ совокупности матеріалъ очень богатый и драгоцѣнный. Д. Мариновъ издалъ между 1891—1897 шесть книгъ этнограф. содержанія подъ заглавіемъ «Жива старина. Етнографическо-фолклорно списание», и въ 1907 задумалъ издавать «Извѣстия на етнографическия музей», но на первой книгѣ изданіе остановилось. Шапкаревъ издавалъ нѣсколько лѣтъ «Сборникъ отъ български народни умотворенія». Очень усердный фольклористъ Ст. Шишковъ издавалъ прежде «Славиеви Гори (Родопи). Списание за народни умотворенія и обществении знания», нынѣ же издаетъ «Родопски Напрѣдъкъ» преимущественно этногр. содержанія. У словенцевъ матица словенская издаетъ прекрасное изданіе народныхъ пѣсенъ подъ редакціею проф. Штрекеля (см. выше на стр. 422, 534), этнограф. матеріалъ рядомъ съ историческимъ имѣется также въ Извѣстіяхъ (Izvestja) музейскаго общества для Крайны и въ «Часописѣ» (Časopis za zgodovino in narodopisje) истор. общества для южной (словенской) Штиріи въ Марбургѣ. Упомянутыми здѣсь изданіями вовсе не исчерпывается этнографическая дѣятельность славянской науки.

Исторія литературы, которою каждый культурный народъ весьма дорожитъ какъ драгоцѣннѣйшимъ выразителемъ своей духовной жизни, не можетъ на мой взглядъ ссылаться у славянъ въ тѣхъ же размѣрахъ на усердную научную разработку, какъ этнографія; даже специально этой отрасли посвященныхъ повременныхъ изданій пока еще или совсѣмъ не имѣется или же они только что начали становиться на ноги. Имѣю въ виду такія академическія изданія, какъ «Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce» (въ Краковѣ, до сихъ поръ 10 томовъ) или «Građa za književnu poviest hrvatsku» (въ Загребѣ, изданіе Югосл. академіи). Монографіи историко-литературнаго содержанія печатаются то въ официальныхъ изданіяхъ разныхъ университетовъ и академій или ученыхъ обществъ, то въ журналахъ, посвященныхъ произведеніямъ изящной литературы, культивирующихъ при этомъ и литературную критику. Нельзя отрицать того, что въ многочисленныхъ славян-

скихъ журналахъ нагромождена бездна статей историко-литературнаго содержанія, часто растягивающихся на многія книжки журнала; каждая отдѣльная литература должна бы объ этомъ вести точные библіографическіе счеты, но удачныхъ итоговъ этой разбросанной дѣятельности пока еще имѣется очень не много. Едва ли существуетъ въ какой либо славянской странѣ, не исключая самой богатой Импер. Публичной библіотеки и отчасти библіотеки И. Академіи Наукъ въ СПбгѣ или же библіотеки Музея королевства чешскаго въ Прагѣ, такое публичное учрежденіе, въ которомъ бы внимательно слѣдили за всѣми славянскими журналами и журнальчиками литературнаго содержанія; даже отдѣльныя центральныя библіотеки только очень недавно спохватились и стали повнимательнѣе собирать этотъ важный матеріалъ въ предѣлахъ своей области и своей литературы. Я не имѣю возможности перечислить здѣсь даже самые главные изъ этихъ источниковъ и пособій, въ которыхъ сбережены разнообразные матеріалы для исторіи славянскихъ литературъ. Упомянемъ по крайней мѣрѣ нѣкоторые для каждой слав. литературы: въ Россіи теперь еще выходятъ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Вѣстникъ Европы, Русская Мысль, Историческій Вѣстникъ, Русскій Архивъ, Русская Старина, Современный Міръ (прежде Міръ Божій), Русское Богатство и др., изъ прежде существовавшихъ важную роль играли Отечественныя Записки, Современникъ и Русскій Вѣстникъ. Для малорусской литературы даютъ довольно много Университетскія Извѣстія въ Кіевѣ, еще болѣе сообщала прекратившаяся Кіевская Старина, въ Галиціи существовали прежде Правда, Зоря, Житє і слово, нынѣ «Лїтературно-Науковий Вістник». Въ польской литературѣ Варшавскій Ateneum прекратился, но еще продолжаетъ выходить Biblioteka Warszawska, кромѣ того существуютъ Przegląd powszechny (red. P. Pawelski), Przegląd polski (red. hr. Mycielski), Pamiętnik literacki (red. L. Bernacki), Książka (red. J. Kochanowski), и т. д. Въ чешской литературѣ теперь еще выходитъ Časopis Českého musea, потомъ Časopis Matice Moravské, Časopis Zemského Musea Moravského, Časopis Vlasten. Spolku musejního» (въ Оломуцѣ), «Věstník Matice Opavské», изъ большого числа журналовъ Osvěta, Lumír, Naše doba, Hlídka (въ Брнѣ), Květy, Zlatá Praha, Zvon, Novina, Rozhledy, и т. д.; важнымъ критическимъ органомъ былъ Athenaeum и старый Světozor (Шимачковъ), имѣетъ же значеніе также и для литературы «Český Časopis historický». Для словаковъ имѣютъ значеніе «Slovenské Pohl'ady» (въ 1908 г. выходили XXVIII-ой годъ), кромѣ того въ Турч. Мартинѣ основанъ (съ 1898 г.). «Časopis museálnej slovenskej spoločnosti». Бывшая словацкая матица закрыта уже давно венгерскимъ правительствомъ. У южныхъ славянъ для словенцевъ существовало

въ свое время чисто историко-литературное изданіе Марновъ «Jezičnik» (см. выше стр. 616), потомъ «Letopis Matice Slovenske», взамѣнъ котораго теперь выходитъ «Zbornik znanstvenih in poučnih spisov» (до сихъ поръ вышло десять книжекъ); беллетристическаго содержанія журналы «Slovenski Glasnik» (въ Целовцѣ), «Zora» (въ Марбургѣ), «Dunajski Zvon» (въ Вѣнѣ) и «Kres» (въ Целовцѣ) давно уже прекратились, но Люблянскій «Zvon» еще выходитъ, а также «Dom in Svet», «Slovan», «Naši Zapiski» и «Čas». Въ хорватской литературѣ имѣли когда-то значеніе «Danica ilirska» и «Kolo», потомъ «Neven», «Jadranska vila», «Dragoljub» и недавно только прекратившійся, «Vienac», нынѣ существуютъ «Savremenik» и «Glas Matice Hrvatske» и еще нѣсколько другихъ журналовъ, въ числѣ ихъ: «Nastavni Vjesnik» въ Загребѣ, «Školski vjesnik» въ Сараевѣ, «Prosvjeta» въ Загребѣ, «Domaće ognjište» въ Загребѣ, и др.; для сербской литературы долгое время пользовалась большою популярностью въ Новомъ Садѣ «Даница», нѣкоторое время выходила «Матица», но какъ спеціальный органъ Матицы сербской существуетъ и теперь еще «Летопис Матице Српске», самое древнее и долговременное южнославянское литературное изданіе, ему считается теперь 85-ый годъ изданія, послѣдняя книжка носитъ число 260. Послѣ Даницы и Матицы выходилъ долгое время «Јавор», потомъ «Стражилово», теперь еще только «Бранково коло». Въ Бѣлградѣ издавалъ когда-то Ст. Новаковичъ «Вилу», потомъ выходило м. пр. «Коло», и теперь еще «Дело» и «Књижевни Гласник». Въ Босніи печаталась въ Сараевѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на средства боснійскаго правительства роскошно издаваемая «Нада — Nada», существуетъ же до сихъ поръ «Босанска Вила» и для всѣхъ наукъ «Гласник земаљскога музеја». Въ Дубровникѣ издается до послѣдняго времени небольшого объема журнальчикъ «Срђ — Srđ». Изъ болгарской литературы мнѣ были извѣстны выходившія въ Константинополѣ «Български книжици» (1858—1860), потомъ «Наука», выходившая въ Филиппополѣ (1881—1884), далѣе «Трудъ» (1887—1892 въ Търновѣ), «Читалище» (1870—1875 въ Константинополѣ), существуютъ же еще журналы: «Свѣтлина», «Мисъль», «Българска Сбирка» и др. Очень жаль, что прекрасный «Български Прегледъ» долженъ былъ очень скоро прекратиться.

Сравнительное или по крайней мѣрѣ параллельное изученіе всѣхъ славянскихъ литературъ представляетъ несравненно больше затрудненій, чѣмъ изученіе славянскихъ языковъ или нарѣчій. Родство языковъ, унаслѣдованное отъ незапамятныхъ временъ, такъ и остается непоколебимымъ въ своихъ главныхъ устояхъ, несмотря на происшедшую въ теченіе вѣковъ отчужденность между славянскими племенами; языкъ выдаетъ ихъ близкое родство,

хотя бы они иногда и не желали этого. Другое дѣло славянскія литературы, въ нихъ за исключеніемъ церковнославянской, обнимавшей въ теченіе среднихъ вѣковъ весь православный востокъ и югъ, незамѣтно почти никакого стремленія къ болѣе близкому взаимному знакомству или общенію, вліяніе же другъ на друга проявлялось только промежутками и простиралось обыкновенно только на ближайшія сосѣднія литературы, какъ напр. на древне-польскую со стороны чешской, на средневѣковую русскую со стороны польской, на новоболгарскую со стороны русской, на новословенскую со стороны бывшей иллирской. Эта зависимость, продолжавшаяся обыкновенно не очень долго, уступала по силѣ дѣйствія вліяніямъ западно-европейскихъ литературъ, отразившимся въ несравненно болѣе высокой степени на содержаніи и формѣ, на направленіи и духѣ отдѣльныхъ славянскихъ литературъ, вслѣдствіе чего онѣ, смотря по производимому на нихъ различному вліянію, пошли врозь, сдѣлавшись мало похожими другъ на друга. Вспомнимъ только полнѣйшую зависимость церковнославянской литературы отъ образцовъ византійскихъ, по этой части имѣются даже довольно хорошія спеціальныя изслѣдованія, главнымъ образомъ со стороны русскихъ ученыхъ (Васильевскій, Веселовскій, Истринъ, Сперанскій, Воскресенскій, Архангельскій, Карнѣевъ, Попруженко и др.). Или же вспомнимъ вліяніе средневѣковой нѣмецкой и польской литературы на русскую по изслѣдованіямъ тоже русскихъ, польскихъ и южнослав. ученыхъ (Ждановъ, Шляпкинъ, Брикнеръ, Мурко, Франко, г-жа Круазе фанъ деръ Копъ, и др.); такое же вліяніе рядомъ съ средневѣковой латинской видно въ древне-чешской литературѣ (по изслѣдованіямъ Фейфалика, Патеры, Крауса и др.); не забудемъ большой зависимости далматинско-дубровницкой литературы отъ образцовъ итальянскихъ (по изслѣдованіямъ Будмани, Решетара, Зоре, Медини, Матича, П. Поповича, Колендича и др.).

Лицъ, изучающихъ не одну только, а рядомъ нѣсколько славянскихъ литературъ пока еще очень не много. Это объясняется, по крайней мѣрѣ отъ части, неудовлетворительнымъ положеніемъ, которое занимаетъ исторія славянскихъ литературъ въ дѣлѣ университетскаго преподаванія. Пока всѣ славянскія нарѣчія и литературы вмѣстѣ должны довольствоваться одной каѳедрой (за исключеніемъ конечно мѣстнаго языка и мѣстной литературы) и поручаются преподаванію одного лица; пока не будетъ и въ славянскихъ университетахъ по примѣру германскихъ учреждено для исторіи литературъ, по крайней мѣрѣ новѣйшихъ періодовъ, отдѣльной каѳедры, нельзя разсчитывать на большую помощь въ научномъ изслѣдованіи славянскихъ литературъ со стороны университетовъ. Поэтому и не удивительно, что въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій все еще продолжаетъ оставаться почти един-

ственнымъ сочиненіемъ, обнимающимъ исторію нѣсколькихъ, хотя не всѣхъ славянскихъ литературъ, извѣстный трудъ Пыпина и Спасовича (сл. выше стр. 572, 584), не вызвавшій однако до послѣдняго времени другихъ достойныхъ ихъ подражателей, если не считать небольшого объема книжечки Іосифа Карасека, написанной по-нѣмецки и изданной въ двухъ частяхъ. Замѣчательно, что эта потребность ознакомленія со всѣми славянскими литературами чувствуется, повидимому, живѣе среди неславянъ, чѣмъ у нихъ самихъ, дома у себя. Это чувство культурной потребности вызвало въ нѣмецкой литературѣ такія сочиненія, какъ изданіе исторій польской и русской литературъ Брикнера, чешской Якубца и Новака, южно-славянскихъ (не доведено до конца) Мурка, или же короче въ одномъ европейскому востоку посвященномъ томѣ изданія Die Kultur der Gegenwart. Сюда относятся также труды Альфреда Енсена по разнымъ слав. литературамъ на шведскомъ языкѣ. У славянъ дома обнаруживаются интересы къ разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ изъ братскихъ славянскихъ литературъ все еще довольно рѣдко, обыкновенно это дѣлается записными славяновѣдами, какъ напр. въ Россіи П. Кулаковскимъ, П. Лавровымъ, у поляковъ Брикнеромъ, Третьякомъ, Здзѣховскимъ, Грабовскимъ, у чеховъ Поливкой. Но въ новѣйшее время появляются въ разныхъ слав. литературахъ журналы съ общеславянской культурно-исторической тенденціею, какъ напр. у чеховъ выходитъ въ Прагѣ (подъ редакціею Адольфа Чернаго, Černý) «Slovanský přehled», въ Краковѣ подъ редакціей Конечнаго, «Świat Słowiański», въ Петербургѣ слав. благотвор. Общество продолжаетъ издавать «Славянскія Извѣстія», въ Софіи такого же общества органъ издается подъ заглавіемъ «Славянски Гласъ».

Одинъ вопросъ въ славянской культурной исторіи считается теперь уже общимъ достояніемъ всѣхъ славянъ — это вопросъ о дѣятельности Кирилла и Меѳодія, который не перестаетъ съ различныхъ сторонъ привлекать вниманіе славянскихъ и неславянскихъ ученыхъ. Въ послѣднее время участвовали въ этомъ вопросѣ Ламанскій, Голубинскій, Лавровъ, Вондракъ, Пастернекъ, Снопекъ, словакъ Крижко, Брикнеръ, Шчеснякъ, и др.

Лучше обстоитъ дѣло относительно исторіи отдѣльныхъ славянскихъ литературъ. Въ позднее время обогатились и русская, и польская, и чешская литературы замѣчательными историко-литературными изслѣдованіями, обнаруживающими основательное изученіе какъ отдѣльныхъ періодовъ, такъ и общаго хода данныхъ литературъ; въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ уже разбираются вопросы, вникающіе глубоко въ суть и содержаніе отдѣльныхъ литературъ, какъ напр. о степени самобытности или зависимости отъ чужихъ образцовъ, объ идейномъ содержаніи и вліяніи на духовное развитіе обще-

ства, однимъ словомъ исторія литературы перестаетъ быть только сухимъ библіографическимъ перечнемъ сочиненій по ихъ заглавіямъ. Укажемъ напр. въ польской литературѣ на труды графа Тарновскаго и проф. Брикнера, на частныя изслѣдованія Малэцкаго, Виндакевича, Брухнальскаго, Калленбаха, Хржановскаго, припомнимъ еще и новѣйшее изданіе исторіи польской литературы покойнаго Р. Пилята (сл. выше на стр. 583); или же въ русской литературѣ послѣ труда А. Н. Пыпина (см. выше на стр. 571) вспомнимъ сочиненія того же Брикнера, Алексѣя Веселовскаго (о вліяніи западныхъ литературъ на русскую), Нест. Котляревскаго (о Лермонтовѣ, Гоголѣ и Очерки новѣйшей русск. литературы), Скабичевскаго (Исторія новѣйшей литературы, Истор. романъ), Е. Соловьева-Андреевича (Очерки исторіи русск. литературы XIX в.), Овсянико-Куликовскаго (Итоги русской литературы XIX в.), критическіе этюды К. К. Арсеньева, исторію русской критики Иванова и т. д.; въ малорусской литературѣ много сдѣлали для освѣщенія отдѣльныхъ вопросовъ Ив. Франко, А. Колесса, К. Студинскій, изъ русскихъ профессоровъ Н. Ѳ. Сумцовъ и въ послѣднее время В. Н. Перетцъ; въ чешской литературѣ кромѣ труда Яр. Влчка (Vlček: Dějiny české literatury, еще не оконченнаго) упоминанія достойно на нѣмецк. языкѣ изданное сочиненіе Якубца и Новака, въ новѣйшее время Якубецъ одинъ издаетъ «Dějiny literatury české» какъ приложеніе къ журналу «Naše Doba», и сборное въ четырехъ томахъ тоже не вполнѣ оконченное изданіе Исторіи чешской литературы девятнадцатаго столѣтія (изд. Лейхтера); рядъ превосходныхъ монографій (въ которыхъ участвуютъ Влчекъ, Якубецъ, Махалъ, Ганушъ, Сметанка, Новакъ и др.) характеризуетъ оживленіе, происходящее въ области исторіи чешской литературы за послѣднія два-три десятилѣтія, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ въ полемикѣ, оставившей подлинность Краледворской и Зеленогорской рукописей воспрянула и окрѣпла чешская критическая мысль. По древне-чешской литературѣ въ новѣйшее время усердно работаетъ проф. Флайшгансъ (Flajšhans), въ особенности по вопросамъ о сочиненіяхъ Гуса, періодъ возрожденія изучаетъ Іос. Ганушъ. Не такъ бойко идетъ изученіе южнославянскихъ литературъ, хотя и тутъ имѣется за послѣднее время рядъ хорошихъ сочиненій: упомянемъ исторію сербско-хорватской литературы Шурмина и его изслѣдованія о Гаѣ и иллиризмѣ, прибавившія довольно новыхъ данныхъ къ обширному труду Кулаковскаго; Медини началъ писать исторію дубровницкой литературы, но не видно усердія въ продолженіи труда, П. Поповичъ въ Бѣлградѣ работаетъ надъ изданіемъ источниковъ средневѣковой исторіи дубровницкой литературы, проф. Мурко до сихъ поръ напечаталъ только одну часть южнослав. литературъ, Андричъ изучалъ вліяніе

нѣмецкой литературы на сербско-хорватскую, а также кайкавскую литературу. Въ новѣйшее время обращаютъ на себя вниманіе этюды Дрекслера и Прохаски. По исторіи спеціально сербской литературы послѣ сочиненій Стояна Новаковича и Іована Бошковича (см. на стр. 746) и послѣ критическихъ этюдовъ Недича (см. выше 628) имѣется не очень удовлетворительное обозрѣніе сербской литературы Грчича; лучшими изслѣдователями по новой сербской литературѣ являются Т. Остоичъ, І. Скерличъ и М. Чурчинъ. Для словенской литературы въ новѣйшее время сдѣлано много хорошаго молодымъ поколѣніемъ (напр. Жигономъ) и моими бывшими учениками Видицомъ, Пріятелемъ, Шлебингеромъ, Локаромъ, Графенауеромъ, Кидричемъ; поборникомъ литер. объединенія словенцевъ съ хорватами выступаетъ Илешичъ. Въ болгарской литературѣ труды Теодорова и Маринова не превышаютъ значенія хорошихъ учебниковъ, монографій пока еще не много (Шишманова, Попруженка и др.).

Библіографическія пособія, своего рода зеркала для исторіи литературъ, процвѣтаютъ помимо польской литературы главнымъ образомъ въ Россіи, можно бы думать, по старинному византійскому преданію, но такого отраженія не видно у южныхъ славянъ. Русскіе библіографы, какъ Межовъ, С. И. Пономаревъ, В. С. Иконниковъ, Н. И. Петровъ, А. А. Титовъ, Д. Д. Языковъ и др. соперничаютъ съ Вислоцкимъ и Эстерейхеромъ у поляковъ (см. выше на стр. 581—2), къ которымъ можно причислить еще Ф. Вержбовскаго; вспомнимъ между новѣйшими библіографами усердные труды П. К. Симони. Замѣчательно однако, что журналы библіограф. содержанія въ Россіи очень скоро прекращаютъ свое существованіе, такъ напр. Библіографическія Записки и Литературный Вѣстникъ вскорѣ прекратились. Теперь выходитъ «Книжный Вѣстникъ» въ СПб-ѣ, «Критическое Обозрѣніе» въ Москвѣ. Въ польской литературѣ Przewodnik bibliograficzny продолжается теперь подъ редакціей К. Гека (Heck), подъ редакціею же Л. Финкля (Finkiel) выходитъ: «Bibliografja historji polskiej». Въ чешской литературѣ прежде усердно заботился о библіографіи Урбанекъ, въ новѣйшее время обращаютъ на себя вниманіе библіогр. труды проф. Ч. Зибрта (Bibliografie české historie) и д-ра Тобольки изъ году въ годъ продолжающаяся Česká bibliografie. Для словенской литературы существуетъ теперь кромѣ исторіи литературы Глазера, по большей части библіографическаго содержанія, еще спеціальная библіографія Симонича и Шлебингера. Въ сербско-хорватской литературѣ послѣ неудовлетворительнаго пособія И. Кукулевича (см. выше на стр. 617) и еще до сихъ поръ незамѣненнаго лучшею библіографіею сочиненія Стояна Новаковича (Српска библиографија за новију књижевност 1741—1867.

У Биограду 1869, 8⁰ XXIV. 644, съ дополненіями печатавшимися въ сербскомъ «Гласникѣ») теперь чувствуется потребность лучшаго библіографическаго изданія, которое обнимало бы цѣлую литературу въ полномъ объемѣ, безъ различія, напечатано ли сочиненіе кирилловскимъ или латинскимъ шрифтами. Это было бы одно изъ предпріятій такого рода, въ которомъ могли бы участвовать дружнымъ содѣйствіемъ Загребъ, Бѣлградъ и Новый Садъ. Для библіографіи по болгарской литературѣ потрудился въ свои молодые годы К. I. Иречекъ, послѣ вышло подобнаго рода библіограф. обозрѣніе А. Теодорова въ Сборникѣ т. IX.

По изданію древнихъ памятниковъ языка и письменности работа идетъ въ отдѣльныхъ славянскихъ литературахъ не съ одинаковымъ усердіемъ. По части неисчерпаемо богатой церковно-славянской письменности чувствуются еще значительные пробѣлы. Ни конецъ XIX-го, ни начало XX-го столѣтія не совершили сообразно съ критическими потребностями нашего времени такого подвига, какимъ ознаменовалъ себя въ концѣ XV-го столѣтія новгородскій владыка Геннадій. Этимъ я не имѣю намѣренія умалять заслугъ Воскресенскаго, Соболевскаго, Шахматова, Щепкина, Стояновича, Вондрака, Калужняцкаго, Лаврова, Сперанскаго, Михайлова, Кульбакина, Евсѣева, Погорѣлова, Северьянова и др. И по древне-русской письменности, отчасти совпадающей съ церковно-славянской, хотя и сдѣлано очень много, — вспомнимъ только изданія Отд. р. я. и сл. въ его Сборникѣ, изданія въ Москов. Чтеніяхъ, изданія Импер. Общества Любителей древней письменности — все же еще не столько, сколько можно было бы ожидать при хорошей организаціи дѣла. Мое желаніе, чтобы въ хронологическомъ порядкѣ издавались всѣ важнѣйшіе памятники съ точно обозначенными годами XI — XIV стол., въ силу котораго изданы были мною минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь, не нашло къ сожалѣнію послѣдователей. Будемъ надѣяться, что новая комиссія, подъ предсѣдательствомъ В. Истрина, положитъ болѣе прочное основаніе другой организаціи. Въ польской литературѣ Краковская академія предприняла изданіе литературныхъ памятниковъ, подъ заглавіемъ: «Biblioteka pisarzów polskich», заключающее въ себѣ перепечатку древнѣйшихъ польскихъ печатныхъ текстовъ XV-го и XVI-го столѣтій (до сихъ поръ 54 тома), въ Варшавѣ же подъ редакціею проф. Вержбовскаго выходитъ «Biblioteka zapomnianych poetów i prozaików polskih XVI—XVIII w.» (26 выпусковъ). Кромѣ того юбилей Рейя и другія обстоятельства вызвали различныя изданія по средневѣковой польской литературѣ. Чешская литература старается только въ послѣднее время восполнить пробѣлы, не замѣченные какъ-то въ теченіе XIX столѣтія относительно изданія древне-чешскихъ памятниковъ, потому

что все время Ганка то и дѣло наводнялъ чешскую литературу разнообразными изданіями Краледворской рукописи. Матица чешская порѣшила было еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія издавать «Památky staré literatury české»; но въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ успѣла издать только небольшое число памятниковъ (при участіи Іос. Иречка, Гебауера, Менчика, преимущественно же А. Патеры). Теперь чешская академія, по своему III разряду, жертвуетъ часть средствъ также и на изданіе древнихъ памятниковъ чешскаго языка и письменности, но не видно чтобы это происходило по опредѣленному плану. У южныхъ славянъ больше всѣхъ сдѣлала югославянская Академія, порѣшившая съ самаго начала, при моемъ еще участіи, издавать серію писателей, въ стихахъ и прозѣ, далматинско-дубровницкой литературы XV—XVIII столѣтій подъ общимъ заглавіемъ «Stari pisci hrvatski»; въ теченіе сорокалѣтняго существованія вышло слишкомъ 20 томовъ. За неимѣніемъ ли средствъ или по другимъ причинамъ продолженіе идетъ въ послѣднее время очень медленно. Точно такъ и «Starine» почти совсѣмъ перестали выходить. И «Споменик» Сербской академіи не очень-то богатъ изданіями древнихъ памятниковъ. У болгаръ до послѣдняго времени не было замѣтно большого усердія въ изданіи древнихъ памятниковъ, но теперь и у нихъ учреждена «Археографическата Комисия», завѣдывающая изданіемъ древнихъ текстовъ. До сихъ поръ вышли три книги.

Переходимъ наконецъ къ славянской филологіи въ узкомъ смыслѣ слова, къ дѣятельности касающейся языка, его грамматики и лексикона, его діалектологическихъ, этимологическихъ и стилистическихъ особенностей. Отмѣтимъ прежде всего, что и въ славянскихъ, какъ и во всѣхъ живыхъ литературныхъ языкахъ вопросы графики и правописанія не сходятъ съ очереди. Въ русскомъ языкѣ, дорожащемъ историческимъ направленіемъ своего правописанія, новѣйшія попытки нѣкотораго упрощенія пока не увѣнчались успѣхомъ, даже ъ какъ «твердый знакъ» устоялъ противъ всѣхъ нападокъ. Большимъ литературамъ, какъ доказываютъ примѣры западноевропейскихъ литературныхъ языковъ, приличествуетъ въ самомъ дѣлѣ разумный консерватизмъ. Въ малорусскомъ языкѣ еще не прекратилась борьба двухъ началъ правописанія: фонетическаго и этимологическаго, хотя перевѣсъ безъ сомнѣнія на сторонѣ фонетическаго начала. Говорятъ, что въ Россіи затѣваются извѣстныя перемѣны относительно правописанія, находящагося теперь въ употребленіи въ предѣлахъ Галиціи. Въ такихъ случаяхъ надо помнить поговорку «le mieux est l'ennemi du bien». И въ болгарскомъ литературномъ языкѣ была нѣсколько лѣтъ тому назадъ сдѣлана попытка упростить правописаніе, сблизить его съ произношеніемъ, отбросивъ между прочимъ буквы

ѣ и *ъ* какъ твердый знакъ, предоставивъ ему службу обозначенія глухой гласной, но и эта попытка по крайней мѣрѣ на этотъ разъ потерпѣла крушеніе. Въ сербско-хорватскомъ литературномъ языкѣ нѣтъ пока еще полнаго единства въ правописаніи, не говоря уже о неизбѣжномъ употребленіи двойного шрифта. Кромѣ этого дуализма покоящагося глубоко на розни религіозной, сербская литература въ Венгріи, Срѣмѣ и королевствѣ передаетъ *ѣ* черезъ *е*, въ Босніи, Герцеговинѣ, Хорватіи, Славоніи, Далмаціи и Черногоріи то же *ѣ* передается въ краткихъ слогахъ черезъ *je* (иногда *е*), въ долгихъ слогахъ черезъ *ije*. Ороографія создана со времени Вуковой реформы на крайнемъ фонетическомъ принципѣ, внушенномъ ему Копитаромъ, но этотъ принципъ, хотя онъ оффиціально признанъ и въ Хорватіи, очень туго прививается у хорватовъ, пишущихъ латинскимъ шрифтомъ и предпочитающихъ по примѣру прочихъ славянъ — принципъ этимологическій. Употребленію кирилловскаго письма ставятся въ новѣйшее время въ предѣлахъ Хорватіи и Славоніи кой-какія препятствія, главнымъ образомъ со стороны тѣхъ, кто не сочувствуетъ сербско-хорватскому національно-культурному сближенію. У словенцевъ вызвала книжка Левца о словенскомъ правописаніи и произношеніи извѣстныя пренія, въ которыхъ приняли участіе Перушекъ, Шкрабецъ, Штрекель.

Въ близкомъ родствѣ съ графикой стоитъ палеографія, какъ искусство различать бывшее въ рукописномъ употребленіи письмо изъ столѣтія въ столѣтіе по почерку, съ придачею всѣхъ вопросовъ касающихся происхожденія самаго письма. На сколько западные славяне съ давнѣйшихъ временъ употребляютъ латинскій шрифтъ, палеографія этого письма на почвѣ славянской, кажется, еще мало разработана. Въ новѣйшее время можно указать на относящіеся сюда различные труды проф. Фридриха въ Прагѣ и Кржижановскаго (Monumenta Poloniae palaeographica) въ Краковѣ. У южныхъ славянъ мнѣ неизвѣстно ничего подходящаго. Что же касается примѣненія латинскихъ буквъ для обозначенія слав. звуковъ, т. е. историческаго развитія существующихъ нынѣ латинско-славянскихъ графикъ (чешской, польской, словенской, хорватской), объ этомъ существуютъ то самостоятельныя, то мимоходныя изслѣдованія (Гебауера, Вислоцкаго, Калужняцкаго, Лецѣевскаго, Лося, Маретича и др.), не исчерпывающія еще вполнѣ предмета. У восточныхъ славянъ (русскихъ, сербовъ и болгаръ), употребляющихъ кирилловское письмо, свѣдѣнія палеографическія обогатились въ новѣйшее время послѣ Срезневскаго новыми трудами по исторіи развитія отдѣльныхъ почерковъ; укажемъ на сочиненія Карскаго и Соболевскаго въ Россіи, помимо различныхъ факсимилированныхъ изданій, содержащихъ хорошій палеографическій мате-

ріалъ (юбилейное изданіе Московскаго университета, изданія Румянцевскаго музея, Импер. Академіи Наукъ, Археографическихъ коммиссій Петербургской и Виленской, Импер. Общества Любителей древней письменности, Археологич. институтовъ въ СПб. и Москвѣ, Московскаго Археолог. Общества, Трудовъ археолог. съѣздовъ и др.). На мой взглядъ какъ введеніе въ славянскую палеографію въ каждомъ руководствѣ должно бы предшествовать сжатое обозрѣніе развитія греч. письма для точнаго опредѣленія того фазиса въ исторіи греческой палеографіи, изъ котораго вышло древнѣйшее кирилловское письмо. Но ни у Срезневскаго ни у Карскаго не восполненъ этотъ пробѣлъ.

Вопросъ о происхожденіи кирилловскаго письма узко связанъ съ вопросомъ о происхожденіи глаголицы, такъ какъ точки соприкосновенія въ обоихъ алфавитахъ на лицо. Первенство глаголическаго письма стало для Шафарика подъ конецъ жизни непреложной догмой, на этой основѣ строились дальнѣйшія соображенія многими, преимущественно западно-славянскими учеными, при чемъ высказывались два различныхъ взгляда: по одному глаголическое письмо произошло цѣликомъ изъ греческаго курсивнаго, минускульнаго письма 9-го столѣтія, по другому въ образованіи его замѣшаны также восточные элементы. Перваго взгляда придерживаются Тайлоръ, я, Лескинъ, второго Вондракъ, Вс. Миллеръ, Абихтъ и др. Иные слав. филологи, въ особенности въ Россіи, не раздѣляютъ мнѣнія о первенствѣ глаголицы, хотя всѣ данныя древнѣйшихъ памятниковъ поддерживаютъ Шафарикову теорію. Соображенія Гейтлера не были приняты наукой (см. выше на стр. 778), еще же менѣе — попытка объясненія и рѣшенія этого вопроса, сдѣланная арх. Леонидомъ (см. выше на стр. 640). Какъ извѣстно, изъ русскихъ филологовъ интересовался вопросомъ о глаголицѣ также покойный († 1901) Казанскій профессоръ Д. Θ. Бѣляевъ. Изъ числа молодыхъ русскихъ ученыхъ вѣрятъ въ старшинство глагол. письма проф. В. Н. Щепкинъ, С. Г. Вилинскій и В. А. Погорѣловъ, толкующіе даже статью Храбра въ смыслѣ защиты глаголицы (см. Изв. Отд. р. яз. 1901, т. VI, кн. 4, 340—345). Берчичемъ и мною сдѣлано довольно много для выясненія связи между болгарской и хорватской глаголицею, но все же полнаго обозрѣнія палеогр. развитія хорв. глаголицы пока еще не имѣется (въ новѣйшее время хорват. глаголицею много занимается проф. Мильчетичъ и Іос. Вайсъ, проживающій нынѣ въ Прагѣ); изъ петербургскаго собранія рукописныхъ фрагментовъ глаголическаго письма сдѣлалъ недавно небольшую палеографическую выборку Н. М. Каринскій.

Изученіе славянскихъ языковъ, какъ главной задачи славянской филологіи, двигается въ двухъ направленіяхъ: историческомъ и сравнительномъ. Оба направленія простираются какъ на грамматику, такъ и на лексиконъ.

Историческое направленіе, обусловливающее прочные языко-сравнительные успѣхи, не можетъ пока похвалиться осязательными результатами по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ. Даже для церковно-славянской грамматики, образующей со времени Добровскаго какъ бы центръ, около котораго группируются всѣ труды имѣющіе предметомъ славянскую филологію, все-таки недостаетъ еще относительнаго историческаго изслѣдованія, въ которомъ были бы сосредоточены всѣ фазисы исторической судьбы и грамматическихъ измѣненій этого языка. Ни Востоковъ, ни Срезневскій этого не сдѣлали, у Миклошича же преобладала наклонность къ языко-сравнительному методу надъ историческимъ направленіемъ. По новѣйшимъ сочиненіямъ (Миклошича, Лескина, Вондрака, Соболевскаго) намъ хорошо знакомъ грамматическій типъ церковнославянскаго языка на основаніи древнѣйшихъ, такъ называемыхъ паннонскихъ памятниковъ. Для уясненія же розни діалектической внутри этого языка сдѣланы нѣкоторыя попытки Шольвиномъ, Вондракомъ, Щепкинымъ, Фортунатовымъ, Кульбакинымъ и др. Точно въ такомъ же положеніи находится и грамматика русскаго языка, исторія которой неразрывно связана съ судьбою церковно-слав. языка на почвѣ русской, какъ это доказали обширныя изслѣдованія Соболевскаго по многимъ памятникамъ древне-русской письменности, въ которыхъ онъ усмотрѣлъ нѣкоторыя черты древне-русскаго діалектическаго развѣтвленія. Для исторической древне-русской діалектологіи важны также изслѣдованія Шахматова и Ляпунова, но взгляды ихъ на разграниченіе русскаго языка по бывшимъ еще въ старину нарѣчіямъ и говорамъ не сходятся. Видно, что на этомъ важномъ и сложномъ вопросѣ надо все еще и далѣе продолжать изслѣдованія. У малорусскихъ ученыхъ (по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ) преобладаетъ стремленіе перенести нынѣшнія отношенія малорусскихъ нарѣчій къ великорусскимъ цѣликомъ и въ древнѣйшую эпоху, какъ будто бы многостолѣтняя жизнь народа обходила языкъ, не оставляя въ немъ ни малѣйшихъ слѣдовъ и отпечатковъ. Въ обсужденіи подобнаго рода вопросовъ не должны заговаривать чувства ни симпатіи, ни антипатіи. Послѣ Потебни самымъ трезвымъ изслѣдователемъ малорусскимъ считается П. И. Житецкій. Въ новѣйшее время выступаетъ А. Е. Крымскій съ своими изслѣдованіями. И польскій языкъ не располагаетъ еще удовлетворительной исторической грамматикой, напр. такою, которая бы шла въ уровень съ трудомъ Гебауера по чешскому языку. Хорошей репутаціею пользуется впрочемъ небольшихъ размѣровъ грамматическій трудъ А. Крынскаго. Для уясненія разныхъ фазисовъ историческаго развитія польскаго языка послѣ Бодуэна де Куртнэ, выступившаго еще въ 1870 году съ важнымъ изслѣдованіемъ «О древне-польскомъ языкѣ» и покойнаго Неринга

выдаются заслуги Брикнера. Для сербско-хорватскаго языка не сдѣлано послѣ трудовъ Даничича (см. на стр. 743—4) въ историческомъ направленіи никакихъ важныхъ шаговъ впередъ, къ его историческому обозрѣнію грамматическихъ формъ недостаетъ все еще такого же обозрѣнія въ области фонетики. Лучшею грамматикою живого литературнаго сербско-хорв. языка считается теперь сочиненіе Маретича. Болгарскому языку посвящены труды П. А. Лаврова и нѣкоторыя изслѣдованія Л. Милетича и Б. Цонева, потомъ В. Щепкина, но всего этого еще мало. И въ словенской грамматикѣ никто пока не рѣшился продолжать начатое Облакомъ историческое изслѣдованіе о формахъ склоненія. Превосходное грамматическое сочиненіе проф. Э. Муки относительно нижне-лужицкаго языка принадлежитъ къ лучшимъ грамматическимъ анализамъ въ области слав. филологіи.

Успѣшнѣе идутъ въ новѣйшее время діалектологическія изслѣдованія на почвѣ славянскихъ нарѣчій. Число литературныхъ языковъ наконецъ, кажется, теперь уже установилось via facti, жизнь повидимому не хотѣла ждать рѣшенія вопросовъ со стороны филологовъ, ведущихъ еще до сихъ поръ споры о томъ, въ какомъ отношеніи находится языкъ малорусскій къ великорусскому или словацкій къ чешскому, или кашубское нарѣчіе къ языку польскому или македонское не то къ болгарскому, не то къ сербскому языку, или кайкавское не то къ словенскому, не то къ хорватскому языку. Съ тѣхъ поръ какъ опасенія миновали, чтобы діалектологическія изслѣдованія могли поколебать прочное положеніе литературныхъ языковъ, діалектологія развивается очень успѣшно. Въ языкѣ напр. польскомъ, чуждавшемся долгое время діалектологіи, благодаря энергическому почину покойнаго Люціана Малиновскаго, развилась цѣлая школа молодыхъ польскихъ діалектологовъ, она нашла пріютъ въ Краковской академіи, въ учрежденной «Komisyi językowej», которая издавала сначала «Sprawozdania komisyi językowej», теперь же «Materyały i prace». Въ послѣднее время какъ будто бы замѣчается нѣкоторый застой въ этой дѣятельности, только жалкіе остатки славянъ въ сѣверной Германіи на берегу Нѣмецкаго моря не перестаютъ привлекать вниманіе изслѣдователей не только польскихъ или русскихъ, но и нѣмецкихъ. Вспомнимъ послѣ Гильфердинга (см. выше стр. 773—4) изслѣдованія Рамулта, Брониша, Лоренца, разсужденія Бодуэна, Нитча и др. На почвѣ русской діалектологическія изслѣдованія обхватываютъ теперь уже всѣ части русскаго языка по тремъ главнымъ его нарѣчіямъ: великорусскому, бѣлорусскому и малорусскому. Сначала на первомъ планѣ стоялъ языкъ малорусскій, на него накинулись было друзья и недруги, преслѣдуя отчасти постороннія, недіалектологическія цѣли, но какъ скоро діалектологія остано-

вилась на чисто научной почвѣ, чему много содѣйствовали трезвыя изслѣдованія А. Потебни (см. выше стр. 552), лингвисты и этнографы стали обращать свои взоры также на нарѣчія великорусскія и бѣлорусскія. Изъ цѣлаго ряда матеріаловъ были сдѣланы своды Соболевскимъ, Карскимъ, Будде и др. Импер. Академія Наукъ въ Петербургѣ, чтобы облегчить и ускорить діалектологическіе розыски, издала обширныя программы для сѣверно- и южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, вызвавшія до сихъ поръ довольно много сообщеній, въ числѣ которыхъ отличаются наблюденія В. И. Чернышева и Н. Н. Дурново. Послѣднимъ сдѣлано коротенькое обозрѣніе діалектолог. изслѣдованій въ области русск. языка въ Arch. f. sl. Phl. XXVII, 91—125. См. также статью П. К. Симони въ Извѣстіяхъ т. I кн. 1 и 2. Не знаю, почему до сихъ поръ Отдѣленіе р. яз. и сл. оставило малорусскія нарѣчія въ сторонѣ, предоставивъ эту задачу другимъ. Дѣйствительно, общество наукъ имени Шевченка во Львовѣ взялось за это дѣло и напечатало уже въ своихъ публикаціяхъ порядочное число діалектологическихъ изслѣдованій (Верхратскій, Гнатюкъ и др., см. статью Волод. Розова «До старо-руськоï діалектольоґіï» въ Зап. тов. Шевченка 1907 III, т. LXXVII 5—34 и ib. 1907 IV, т. LXXVIII 146—171: «Трильоґія» проф. А. Кримського). Можно жалѣть, что нѣтъ въ Россіи еще спеціально русской діалектологіи посвященнаго органа. Отъ такой концентраціи въ одномъ органѣ дѣло значительно бы выиграло. И въ чешской литературѣ выступаютъ въ послѣднее время, и послѣ великолѣпныхъ разысканій Бартоша для Моравіи (см. выше стр. 523), хорошія діалектологическія изслѣдованія, относящіяся то къ Чехіи, то къ Моравіи. Много въ этомъ направленіи сдѣлалъ Душекъ для южночешскихъ говоровъ, потомъ Игн. Гошекъ (Hošek), Бартоха, Лоришъ, Кашикъ и др. По исторической діалектологіи не видно пока большихъ успѣховъ (сл. на стр. 607, Č. Č. M. 1895 о Благославѣ). Въ предѣлахъ словацкаго нарѣчія подобнаго рода изслѣдованія затрудняются неимовѣрной подозрительностью венгерской администраціи, обвиняющей бѣдныхъ словаковъ за любовь къ родному языку въ панславизмѣ. Проф. Пастернекъ не могъ кончить по этой причинѣ своихъ разысканій, печатавшихся въ журналѣ Slovenské Pohľady. Тутъ же выходятъ также изслѣдованія Скультеты (Skultéty) и Шуянскаго. Хорошимъ знатокомъ словацкихъ нарѣчій прослылъ скончавшійся недавно Цамбель, но въ его изслѣдованіяхъ усматриваютъ тенденцію. У словенцевъ имѣется нѣсколько удачныхъ діалектологическихъ монографій (Штрекель, Шейнигъ, Томиншекъ, Илешичъ, Озвальдъ, Графенауеръ, и въ особенности насчетъ резьянъ не забудемъ выдающихся изслѣдованій Бодуэна де Куртнэ), но полнаго обозрѣнія къ сожалѣнію еще нѣтъ. Сравнительно менѣе

изслѣдованы говоры сербско-хорватскаго и болгарскаго языковъ, хотя для того и другого въ послѣднее время вышли довольно замѣчательныя діалектологическія сочиненія; такъ, по моему почину занимались этимъ предметомъ на средства одного фонда Вѣнской академіи въ области сербско-хорватскаго языка проф. Решетаръ, Гиртъ (Hirt), Брокъ, въ области болгарскаго языка проф. Милетичъ. Объ образцовомъ изслѣдованіи македонскихъ говоровъ покойнаго В. Облака была уже рѣчь выше (на стр. 839). Къ макед. діалектологіи относится также этюдъ Вукчевича въ Rad-ѣ кн. 145. Въ этомъ же органѣ югослав. академіи вышли еще діалектол. изслѣдованія въ области сербско-хорв. языка въ книжкахъ 65 (Будмани), 115. 116. 118 (Рожичъ, Кушаръ), 121 (Мильчетичъ, Шурминъ), 124. 146. 148. 152. 153. 162 (Строгалъ), 153 (Миласъ). Отдѣльно Строгалъ Руд. о говорѣ деревни Stative въ Отчетахъ Карловацкой гимн. за 1886/7, 1887/8, 1888/9 (см. Archiv f. sl. Phil. XI), Брайковичъ (о говорѣ Пераста въ Отч. Которской гимн. 1902/3), Кушаръ (говоръ Лумбарды на Корчулѣ Nast Vj. III. 1895), Лескинъ (Zur Kroat. Dialektologie Dalmatiens. Berichte der sächs. Ges. 1888). Въ сербской академіи вышла статья Новаковича о звукахъ ћ и ђ въ Македонскихъ говорахъ (въ акад. Гласѣ № 12, 1889, см. отзывъ Облака въ Archiv f. sl. Phil. 1890, т. XII), обширный діалектологическій трудъ проф. Алекс. Белича, касающійся преимущественно юго-восточныхъ окраинъ сербскаго языка, но съ его опредѣленіемъ и группировкой сербско-хорватскихъ говоровъ трудно согласиться. Кромѣ того М. В. Веселиновичъ написалъ о пограничномъ говорѣ между сербами и болгарами и о зонѣ звуковъ ћ, ђ (Бѣлградъ 1900). Въ болгарскомъ Книжовномъ Дружествѣ, т.-е. въ его органѣ «Периодическо списание», а также въ министерскомъ «Сборникѣ» помѣщено нѣсколько діалектологическихъ изслѣдованій, относящихся къ болгарск. языку. Нѣсколько монографій діалектологическаго содержанія далъ также издаваемый мною Archiv f. slav. Philologie (Брониша, Лоренца, Пастернека, Милетича, Стояновича, П. Ђорђевића, Верхратскаго, Графенауера, Фанцева, Тентора).

Спеціально филологическимъ цѣлямъ посвященныхъ журналовъ имѣется теперь уже нѣсколько на разныхъ славянскихъ языкахъ. На русскомъ языкѣ выходятъ уже давно въ Воронежѣ Филологическія Записки, въ Варшавѣ Русскій Филологическій Вѣстникъ (подъ ред. Карскаго), на польскомъ языкѣ въ Варшавѣ Prace Filologiczne (подъ редак. А. Крынскаго), въ Краковѣ «Poradnik językowy» (подъ редакціею Ром. Завилинскаго), въ Прагѣ Listy Filologické, въ Берлинѣ мой Archiv für slavische Philologie.

Въ сравнительномъ направленіи славянской филологіи идутъ рука объ руку представители сравнительнаго языкознанія въ университетахъ,

преимущественно германскихъ, и вообще тамъ, гдѣ рядомъ съ санскритской и прочими филологіями существуютъ еще особыя каѳедры сравнительнаго языкознанія. Такъ какъ уставъ русскихъ университетовъ еще не сталъ отдѣлять санскритскаго языка отъ сравнительной грамматики, то естественно выходитъ, что компаративныхъ лингвистовъ гораздо меньше въ русскихъ, чѣмъ въ иностранныхъ университетахъ. На всю Россію долгое время единственными представителями сравнительной грамматики, включая въ нее и славянскіе языки, числились послѣ Потебни Фортунатовъ и Бодуэнъ де Куртенэ съ ихъ учениками (Козловскимъ, Крушевскимъ, Богородицкимъ, Буличемъ, Поржезинскимъ, Александровымъ, Ляпуновымъ). Въ славянскихъ университетахъ внѣ предѣловъ Россіи можно указать на двѣ каѳедры такого же характера: въ университетѣ Краковскомъ (Розвадовскій) и въ чешскомъ университетѣ Пражскомъ (Зубатый — Zubatý). Въ нѣмецкихъ же университетахъ Австріи и Германіи почти вездѣ теперь уже рядомъ съ индѣйской филологіею существуетъ также отдѣльная каѳедра сравнительнаго языкознанія, вслѣдствіе чего и число иностранныхъ ученыхъ, включающихъ въ свои языкосравнительныя изслѣдованія также славянскую или литовско-славянскую группу, въ послѣднее время значительно увеличилось. Прошли тѣ времена, когда на всю Германію хватало одного Шлейхера изъ числа компаративныхъ лингвистовъ съ хорошими свѣдѣніями въ области литовско-славянской группы. О заслугахъ его см. выше на стр. 716—718, между прочимъ онъ одолжилъ славянскую филологію еще и тѣмъ, что подготовилъ двухъ превосходныхъ учениковъ: одного въ языкосравнительномъ направленіи съ основательными познаніями въ области литовско-славянской группы языковъ (пок. Іоаннесъ Шмидтъ), другого же прямо выдающимся славистомъ (Авг. Лескинъ). Дома, въ предѣлахъ славянской филологіи, монументальный трудъ Миклошича (см. выше стр. 709—712) долго не находилъ продолжателей, такъ какъ сочиненіе Флоринскаго не имѣетъ значенія самостоятельнаго научнаго труда, а явилось лишь полезнымъ (въ особенности въ библіографическомъ отношеніи) пособіемъ для русскихъ студентовъ-славистовъ, которымъ и Р. Ѳ. Брандтъ оказалъ очень хорошую услугу переводомъ одной части сравн. грамматики Миклошича. Только недавно появилась новая сравнительная грамматика проф. Вондрака, изданіе, изобилующее богатствомъ данныхъ, стремящееся вмѣсто параллелизма, проведеннаго въ сочиненіи Миклошича, возстановить принципъ дѣйствительнаго сопоставленія и сравненія, но нельзя сказать, чтобы трудъ Вондрака отличался наглядностью, или чтобы объясненія автора всегда были убѣдительны; желанію его все объяснить можно бы нерѣдко предпочесть откровенное признаніе, что удовлетворительнаго объясненія еще никѣмъ не

предложено. Въ новомъ изданіи Бругманнова Grundriss'а не имѣется, конечно, столь богатаго славянскаго матеріала, но онъ отличается критикой и богатствомъ новыхъ соображеній. Съ сравнительной точки зрѣнія можно указать еще на дѣльныя изслѣдованія Мелье (Meillet), Педерсена и Микколы.

Между прочими измѣненіями во взглядахъ на задачи сравнительнаго метода въ области родственныхъ индоевропейскихъ языковъ нынѣ видную роль играютъ физіологія звуковъ и удареніе. Въ томъ и другомъ отношеніи новѣйшія изслѣдованія по части славянскихъ языковъ значительно опередили то состояніе славянской грамматики, въ которомъ она находилась во время Миклошича, не придававшаго этимъ факторамъ еще никакого важнаго значенія. Для физіологіи славянскихъ звуковъ, кромѣ общеизвѣстныхъ изслѣдованій нѣмецкой, датской, англійской и шведской школы (см. въ этой же энциклопедіи въ своемъ мѣстѣ особую статью проф. О. Брока), существуютъ теперь уже наблюденія славянскихъ ученыхъ, напр., относительно русскаго языка проф. Богородицкаго, Булича, Томсона, Корша, Ершова, покойнаго Усова, прибавимъ къ нимъ еще шведскаго ученаго Лунделя, и др., относительно польскаго Розвадовскаго, Нитча, Штейна, относительно чешскаго Краля, Доланскаго, Фринты и др., относительно словенскаго Шкрабца, Левца, относительно сербско-хорватскаго Новаковича, Мазинга, Решетара, Белича, относительно болгарскаго Милетича, Цонева. Обобщеніе всѣхъ этихъ чужихъ и своихъ собственныхъ наблюденій взялся сдѣлать для нашей энциклопедіи проф. Ол. Брокъ, изучавшій и самъ эти явленія на говорахъ сербской, великорусской и угорско-русской области.

И что касается ударенія, славянская филологія сдѣлала нѣсколько значительныхъ шаговъ впередъ, то съ точки зрѣнія общесравнительной въ изслѣдованіяхъ Гирта въ Лейпцигѣ, Педерсена въ Копенгагенѣ, Финка въ Марбургѣ, Мелье (Meillet) въ Парижѣ, Микколы въ Гельсингфорсѣ, то въ области славянскихъ языковъ (Р. Брандта); по сербско-хорватскому языку укажемъ на изслѣдованія Мазинга, Лескина, Брока, Шахматова, Павича, Маретича, Шайковича, француза Готьё (Gauthiot) и въ особенности Неманича и Решетара; для болгарскаго на изслѣдованія Цонева, для словенскаго на изслѣдованія Шкрабца и Валявца, для польскаго на изслѣдованія Розвадовскаго, Нитча, Кульбакина, для русскаго языка послѣ Я. Грота и Шарловскаго, на Чернышева, Л. Васильева, француза Перо (Pérot) и др., для малорусскаго на Охриновича, для чешскаго языка на Іос. Тругляржа, Чернаго, Флайшганса, для кашубско-поморскихъ говоровъ на изслѣдованія Брониша, Лоренца и т. д. Въ связи съ вопросомъ объ удареніи стоитъ также метрика и риѳмика славянскихъ стиховъ. И въ этомъ отношеніи имѣются изслѣдованія

относительно южно-слав. народнаго пѣсеннаго творчества послѣ Миклошича и Богишича (см. выше на стр. 708) у Будмани, Шрепеля, Вольнера, Маретича, относительно чешскаго матеріала послѣ изслѣдованій въ изданіяхъ Бартоша, у Краля, Сутнара и Летошника, въ русской литературѣ особенное вниманіе послѣ Востокова, Шафранова, Голохвастова, Иванова, обращаютъ на себя изслѣдованія Ѳ. Е. Корша, для малорусскаго пѣсеннаго творчества существуютъ изслѣдованія Потебни, Ф. Колессы (въ Зап. Общ. Шевченка вып. 69. 71—74. 76).

По части лексическихъ трудовъ историческое направленіе двигается тоже довольно медленно. Главный источникъ, изъ котораго до послѣдняго времени почерпались свѣдѣнія о лексическомъ составѣ церковно-славянскаго языка, какимъ былъ словарь Миклошича, не соблюдалъ историческаго направленія, потому что оно въ его время и при его матеріалахъ не было возможно. Предвидится одна изъ ближайшихъ насущныхъ потребностей славянской филологіи—составленіе обширнаго церковно-славянскаго словаря въ строго соблюдаемомъ историческомъ направленіи. Это могло бы быть достойнымъ предпріятіемъ нѣсколькихъ славянскихъ академій, но до этой здравой мысли наше поколѣніе пока еще не додумалось. Мы, вѣроятно, опять вскорѣ услышимъ, что въ разныхъ концахъ идутъ работы въ одномъ и томъ же направленіи, но только въ одиночку, безъ уговора и безъ взаимной поддержки (напр., въ С.-Петербургѣ и въ Вѣнѣ). Въ настоящее время Отдѣленіе русскаго языка и слов. Импер. Академіи Наукъ издаетъ, какъ посмертный трудъ И. И. Срезневскаго, древне-русскій словарь подъ редакціею его умной дочери Ольги Измаиловны и сына Всеволода. Не отрицая большой важности этого труда, нужно все-таки замѣтить, что въ немъ церковно-славянскій и древне-русскій матеріалы представляютъ трудно поддающуюся разбору смѣсь. И по польскому языку словарь Линде пока еще не замѣненъ лучшимъ трудомъ, хотя издаваемый теперь въ Варшавѣ словарь польскаго языка въ значительной мѣрѣ превышаетъ его количествомъ словъ, но по ихъ исторіи въ немъ нѣтъ даже столько же матеріала, сколько у Линде. Для настоящаго историческаго словаря польскаго языка идутъ, говорятъ, приготовительныя работы въ одной изъ комиссій Краковской академіи, которыми руководитъ проф. Лось. Для чешскаго языка выходитъ теперь древне-чешскій словарь Я. Гебауера (сл. выше на стр. 830—1), превосходное пособіе до извѣстнаго столѣтія, на которомъ оно прекращается, но именно вслѣдствіе этого ограниченія словарь Юнгманна этимъ новымъ трудомъ еще не вытѣсненъ. Словарь Котта богаче Юнгманна количествомъ словъ, но отстаетъ далеко отъ него по своимъ внутреннимъ достоинствамъ. Въ новѣйшее время поднятъ въ чешской

академіи проф. Пастернекомъ вопросъ объ изданіи новаго полнаго словаря чешскаго языка. Для словацкаго нарѣчія (теперь уже нужно сказать языка) существуетъ все еще только небольшой трехъязычный словарь словацко-мадьярско-нѣмецкій Іос. Лооса (Loos, 1871). У южныхъ славянъ словенцы могутъ пока быть довольны хорошо составленнымъ словаремъ Плетершника съ нѣкоторой, правда, не очень-то обширной и не полной оглядкой историческою. О нѣкоторыхъ дополненіяхъ къ нему, сдѣланныхъ М. Валявцемъ, было сказано выше на стр. 749. Лучше соотвѣтствуетъ историческому принципу большой академическій словарь хорватскаго или сербскаго языка, издаваемый югославянской академіею, по плану покойнаго Даничича; къ сожалѣнію, у академіи нѣтъ повидимому ни достаточныхъ матеріальныхъ средствъ, ни достаточнаго числа сотрудниковъ, чтобы изданіе могло быстрѣе подвигаться. Въ Бѣлградѣ тоже собирается матеріалъ для словаря живого сербскаго (или хорватскаго) языка, но о редакціи что-то еще ничего не слышно. Сербское правительство позаботилось о новомъ, нѣсколько исправленномъ изданіи сербскаго словаря Вука Караджича (см. стр. 757), въ Загребѣ же вышелъ очень полезный трудъ Брозъ-Ивековича (см. стр. 755). И болгарскому языку недостаетъ словаря, который отражалъ бы все богатство языка, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ онъ вошелъ въ литературное употребленіе. Существующія въ новѣйшее время изданія упомянуты отчасти на стр. 631 и 759.

Діалектологическихъ словарей въ славянской филологіи пока еще очень немного, отчасти потому, что въ иныхъ славянскихъ языкахъ литературный языкъ лишь незначительно обособился и немного только выдвинулся изъ среды живыхъ нарѣчій, поэтому и нѣтъ и не можетъ быть рѣзкаго разграниченія между литературнымъ и областнымъ составомъ словъ. Имѣются однако хорошія изданія областного характера въ русской литературѣ (изданія Отдѣленія р. яз. и слов. въ двухъ томахъ, Опытъ 1852, Дополненіе 1858), и кромѣ того два словаря русскаго языка изъ Архангельской и Олонецкой губерній, (Подвысоцкаго 1885 г. и Куликовскаго 1898 г.). Менѣе удовлетворяетъ упомянутый выше (на стр. 509) словарь бѣлорусскаго нарѣчія Носовича. Какъ мнѣ передаютъ, собираніемъ матеріаловъ для бѣлорусскаго словаря по говорамъ заняты давно уже многія лица, между прочимъ Е. Карскій, собирающій преимущественно изъ древнихъ памятниковъ. Издаваемый II-мъ Отдѣленіемъ И. Ак. Н. съ 1890 года «Словарь русскаго языка», особенно когда въ 1897 г. перешелъ подъ новую редакцію отъ Я. К. Грота къ А. А. Шахматову, начиная съ буквы Е сталъ все болѣе и болѣе обогащаться областными словами. Для польскаго языка упомянутъ выше (стр. 821)

трудъ покойнаго Карловича, для чешскаго имѣется хорошій моравскій областной словарь Бартоша (см. выше на стр. 523) съ дополненіями Котта и др. Чешская академія для изслѣдованій діалектологическихъ и для обогащенія словаря діалектологическимъ матеріаломъ издаетъ: «Archiv pro lexikografii a dialektologii», до сихъ поръ вышло 7 томовъ. Для нижне-лужицкаго нарѣчія готовъ въ рукописи очень хорошо составленный словарь Э. Муки, но при существованіи трехъ академій (чешской, польской и русской, чтобы не говорить о прочихъ), автору словаря недостаетъ пока средствъ для изданія его въ приличномъ видѣ, съ нѣкоторой надеждою на вознагражденіе собственнаго многолѣтняго труда. Для поморскихъ остатковъ славянъ («словинцевъ») Петербургская академія напечатала недавно въ слишкомъ роскошномъ видѣ до половины уже словарь Лоренца, между тѣмъ какъ подобный же трудъ Рамулта по кашубскому нарѣчію вышелъ нѣсколько раньше на средства Краковской академіи.

Не въ обиду будь сказано, но кажется, что догадливость славянскихъ лингвистовъ въ области этимологическихъ соображеній не желаетъ соперничать съ успѣхами нѣмецкихъ ученыхъ, быть можетъ потому, что у славянъ больше привлекательной силы имѣютъ реальныя явленія изъ жизни языка, вслѣдствіе чего они неохотно уходятъ въ обширную область догадокъ, гдѣ не чувствуютъ подъ собой довольно прочной почвы. Впрочемъ одну причину хрупкости слав. этимологическихъ изслѣдованій можно бы усмотрѣть и въ томъ, что въ славянской филологіи многіе изслѣдователи еще не привыкли къ строгому критическому методу, соблазняясь черезчуръ внѣшнимъ созвучіемъ. Вспомнимъ кстати бросающуюся въ глаза разницу между этимологическимъ словаремъ Миклошича и только что начавшимъ выходить подобнаго рода трудомъ Бернекера: при прекрасно собранномъ и вообще великолѣпномъ матеріалѣ въ словарѣ Миклошича настоящее этимологическое объясненіе уходило совсѣмъ на задній планъ и далеко отстаетъ за новымъ трудомъ Бернекера, тогда какъ у того же Миклошича лексическій анализъ иностранныхъ элементовъ въ составѣ словъ слав. языковъ вполнѣ удовлетворялъ, хотя и по этой части имѣются хорошія новѣйшія изслѣдованія: вспомнимъ труды покойнаго Меліоранскаго и акад. Ѳ. Е. Корша въ Россіи, Мелиха въ Венгріи, Штрекеля въ Грацѣ, Брикнера въ Берлинѣ, о пок. Карловичѣ въ Варшавѣ и Матовѣ въ Софіи была уже рѣчь выше (на стр. 821. 836). У словенцевъ любитъ заниматься подобнаго рода разысканіями, въ особенности въ области названій мѣстъ, хранитель люблянской библіотеки Л. Пинтаръ.

Синтактическія изслѣдованія послѣ трудовъ А. Потебни (см. выше 553—4) и Фр. Миклошича (см. на стр. 707) не подвинулись значительно,

разработка идетъ теперь больше по частямъ и мелочамъ. Я долженъ сдѣлать упрекъ самому себѣ, что начатое изслѣдованіе въ Вѣнскихъ Denkschriften, вслѣдствіе другихъ неотложныхъ занятій, оборвалось на первомъ выпускѣ. Можно жалѣть также, что одинъ изъ даровитыхъ учениковъ Потебни, Овсянико-Куликовскій, не продолжаетъ своихъ глубокомысленныхъ синтактическихъ изслѣдованій: въ 1902 г. вышелъ въ СПбгѣ его «Синтаксисъ русскаго языка» (8⁰ 312), раньше онъ печаталъ въ Ж. М. Н. Пр. 1897—1899 «Синтактическія наблюденія» (отд. отт. I Спб. 1899, 8⁰ 127), въ которыхъ приводится матеріалъ изъ различныхъ индоевр. языковъ, вопросъ же касается составного сказуемаго, и «Изъ синтактическихъ наблюденій» (1901 въ Изв. Отд. т. V. 1146—1186). Послѣдователями Потебни по синтаксису являются также въ своихъ учебникахъ И. М. Бѣлоруссовъ и В. М. Гуссовъ. Вспомнимъ еще синтактическіе труды А. И. Томсона (въ Р. Ф. В. 1902, въ Одесской Лѣтописи Истор.-филол. Общества XII, 1909, въ Извѣстіяхъ Отд. р. я. и сл. XII, 1908) и конечно не забудемъ трудовъ Н. П. Некрасова. Въ сравненіи съ литовск. языкомъ изучалъ Г. К. Ульяновъ синтаксисъ церковнославянскій, точно такъ Зубатый (Zubatý) и Мелье (Meillet). Въ Варшавѣ вышелъ синтаксисъ польскаго языка А. Красновольскаго, а въ Краковѣ занимается синтактическими вопросами по польскому языку проф. Я. Лось. У южныхъ славянъ укажемъ на Маретича и Мусича для сербскохорватскаго языка, на Цонева для болг. языка. Порядокъ словъ въ предложеніи былъ предметомъ изслѣдованія проф. Бернекера, Белича (для серб. языка) и Брезника (для словенскаго языка). Другихъ выдающихся сочиненій въ этой области я не знаю.

Спѣшная журналистическая работа и богатая переводная дѣятельность въ слав. литературахъ отпечатлѣлись на разныхъ слав. языкахъ довольно неблагопріятно нарушеніемъ стилистической правильности. Подъ вліяніемъ иностранныхъ языковъ теряется очень легко оригинальность стиля и самобытность отдѣльныхъ оборотовъ. Противъ этой опасности возстаютъ въ разныхъ славянскихъ литературахъ время отъ времени голоса то единичныхъ лицъ, то цѣлыхъ обществъ. Для чешскаго языка выходилъ «Brus jazyka českého» то со стороны Гатталы, то со стороны Матицы чешской. Много заботился Бартошъ о чистотѣ чешскаго языка, онъ же издалъ также Rukovět správné češtiny (V Telči 1891, и вторично 1893, 8⁰ XXV. 101). Для польскаго языка кромѣ вышеупомянутаго журнальчика «Poradnik językowy» существуетъ теперь уже вторымъ изданіемъ (1904 г. во Львовѣ, 8⁰ VIII. 238) сочиненіе А. Пассендорфера подъ заглавіемъ «Błędy językowe». Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ также А. Красновольскій (Słowniczek

frazeologiczny 1900, Najpospolitsze błędy językowe 1903). Для сербско-хорватскаго языка поднялъ недавно свой голосъ ветеранъ хорватской литературы, девяностолѣтній старикъ Иванъ Тернскій (Trnski) въ академ. органѣ «Rad», рекомендуя правильныя и самостоятельныя выраженія для различныхъ новыхъ понятій, идей, и для постоянно напрашивающихся нѣмецкихъ фразъ и т. д. вм. рабски буквальныхъ переводовъ съ нѣмецкаго языка. Маленькій словарь такъ называемыхъ варваризмовъ изданъ проф. Рожичемъ. Существуетъ кромѣ того съ нѣкотораго времени въ Сербіи особый журнальчикъ «Бранич српског или хрватског језика. Лингвистички лист за исправљање погрешака у књижевном језику и правопису српском или хрватском», издаваемый Милошемъ Анђелковићемъ въ Нишѣ. На эту сторону языка обращалъ много вниманія покойный Л. Зоре (см. стр. 753) и постоянно слѣдитъ и теперь еще Іованъ Живановичъ въ мѣстныхъ сербскихъ журналахъ. Для словенскаго языка печатаются на оберткахъ «Cvetja», органа францисканцевъ монастыря Костаневицы (повыше города Горицы — Görz), время отъ времени хорошія замѣтки и предостереженія противъ неправильнаго употребленія того или другого слова или оборота, авторомъ же ихъ является самъ редакторъ, превосходный знатокъ словенскаго языка, о. Ст. Шкрабецъ, только онъ обращаетъ больше вниманія на отдѣльныя слова, чѣмъ на совокупность явленій стилистическаго характера, который въ теченіе столѣтій подъ вліяніемъ нѣмецкимъ много утратилъ отъ первоначальной свѣжести, и теперь приходится возстановлять его при помощи изученія простонародныхъ говоровъ. Въ этомъ направленіи усердно стараются объ исправленіи языка также Томиншекъ и Брезникъ.

Философскими разсужденіями о языкѣ по отношенію къ психическимъ процессамъ славянская филологія вовсе не богата. Изъ упомянутыхъ у насъ славянскихъ филологовъ быть можетъ глубже всѣхъ вникалъ въ вопросы этого рода А. Потебня (см. выше на стр. 553—4), у Миклошича сюда относится лишь введеніе въ монографію о безличныхъ глаголахъ (Subjektlose Sätze). Отмѣтимъ еще разсужденія Бодуэна, Розвадовскаго, Аппеля и нѣкоторыхъ другихъ, напр., Д. Кудрявскаго (Изв. Отд. р. я. и сл. IX кн. 2) и учениковъ Потебни: Харціева, Ветухова, Лезина («Вопросы теоріи и психологіи творчества», Харьковъ 1907, со статьями Овсянико-Куликовскаго, Харціева и др.).

Обозрѣній успѣховъ славяновѣдѣнія имѣется очень мало. Въ русской литературѣ существуетъ обширное истор. обозрѣніе трудовъ по языкознанію вообще, въ томъ числѣ конечно и по русскому и слав. языкамъ, проф. Булича: «Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. I» (Спб. 1904). Объ

успѣхахъ славяновѣдѣнія въ Россіи до 1872 г. отмѣтимъ статью въ Ежегодникѣ Кіевскомъ за 1876 г. 1—49, за 1877 г. 295—305. Къ пятидесятилѣтію царствованія Австр. Императора Франца-Іосифа Чешская академія издала въ 1898 г. громадный юбилейный альманахъ (Památník na oslavu padesátiletého panovnického jubilea Jeho Veličenstva císaře a krále Františka Josefa I. Vědecký a umělecký rozvoj v národě českém 1848—1898. V Praze 1898), содержащій отчеты объ успѣхахъ чешскаго народа за этотъ періодъ времени по всѣмъ отраслямъ наукъ, въ томъ числѣ и чешскаго языка и литературы и славяновѣдѣнія вообще. О чешской библіографіи писалъ Іос. Тругларжъ, объ исторіи чешской литературы Іос. Ганушъ, Ант. Тругларжъ, І. В. Новакъ, Фр. Билый; объ общемъ и сравнительномъ языкознаніи Іос. Зубатый, о чешской грамматикѣ Флайшгансъ, о діалектологіи Душекъ, о лексикографіи Коттъ, о славистикѣ Махалъ и Поливка. Общее обозрѣніе чешской литературы сдѣлалъ Янъ Воборникъ. По сербско-хорватской грамматикѣ и лексикографіи Будмани представилъ въ 80 книжкѣ «Rad-a»: «Pogled na istoriju naše gramatike i leksikografije». Укажемъ еще на «библіографическіе перечни ученыхъ и учено-литературныхъ трудовъ учениковъ В. И. Ламанскаго и ихъ учениковъ» (Приложеніе къ «Новому Сборнику статей по славяновѣдѣнію». Спб. 1905, стр. V—LXI). Проф. Флоринскій въ Кіевѣ сообщалъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ Кіевскихъ Унив. Извѣстіяхъ рефераты о новѣйшихъ трудахъ въ области славяновѣдѣнія, возобновивъ нѣкоторымъ образомъ бывшую когда-то дѣятельность И. И. Срезневскаго въ старыхъ «Извѣстіяхъ» Отд. р. яз. и сл. Въ новѣйшее время начали въ Краковѣ нѣкоторые профессора (между ними Лось, Розвадовскій и Нитчъ) издавать «Rocznik Slawistyczny», т. е. критическіе рефераты о всѣхъ новѣйшихъ явленіяхъ въ области славяновѣдѣнія. До сихъ поръ вышли двѣ книжки. Укажу, наконецъ, на бывшія мои критико-библіографическія обозрѣнія въ Archiv für slav. Philologie и на трудъ проф. Пастернека какъ приложеніе къ первымъ XIII-ти томамъ тогоже журнала.

Мы включили въ нашу исторію слав. филологіи также славянское право, причисливъ относящіеся сюда труды отчасти къ славянскимъ древностямъ, по примѣру Якова Гримма (см. выше упоминанія о Раковецкомъ, Мацѣевскомъ, Губе, Гельцелѣ, о Калайдовичѣ, Дубенскомъ, Розенкампфѣ, Калачовѣ, Павловѣ), отчасти же къ славянской этнографіи (труды по обычному праву Богишича, Е. И. Якушкина). Несмотря на неудачу постигшую бывшую каѳедру «исторіи славянскихъ законодательствъ» въ русскихъ университетахъ, будемъ надѣяться, что и въ Россіи интересъ къ этой отрасли славяновѣдѣнія не прекратится окончательно исключеніемъ ея изъ

дѣйствующаго устава. У чеховъ еще живетъ Герменегильдъ Иречекъ, представителемъ же каѳедры въ чешскомъ Пражскомъ университетѣ состоитъ теперь др. Кадлецъ рядомъ съ профессоромъ чешскаго права Яр. Челаковскимъ. Во Львовѣ не упускаетъ изъ виду исторіи слав. права проф. Бальцеръ, оно не чуждо также Станиславу Кутржебѣ. Въ Россіи какъ живой свидѣтель лучшихъ университетскихъ постановленій остается Ѳ. Зигель, написавшій въ 1902 году прекрасное обозрѣніе исторіи слав. законодательствъ въ старину въ своихъ лекціяхъ: Lectures on Slavonic Law, by Feodor Sigel. London 1902, 8⁰ VI. 152. Сл. еще статью его «Періодизація славянскаго права» (въ «Новомъ сборникѣ статей по славяновѣдѣнію» (Спб. 1905, на стр. 1—20) и крит. отзывъ его же о сочиненіяхъ Челаковскаго, Бальцера и Кутржебы въ ЖМНПр. 1908, мартъ, 122—173. Въ Болгаріи занимается старо-болгарскимъ и обычнымъ правомъ Бобчевъ.

Къ вопросамъ культуры въ ея матеріальной обстановкѣ въ новѣйшее время примкнули изслѣдованія о постройкѣ славянскихъ жилищъ. По южнославянской части этого вопроса существуютъ изслѣдованія Мерингера, Мурка и Л. Н. Харузина, послѣдній посвятилъ свое вниманіе также и славянскому жилищу въ Сѣверо-западномъ краѣ Россіи. У чеховъ много занимается до сихъ поръ археологіею во всѣхъ ея отрасляхъ Л. Пичъ. Въ польской литературѣ существовалъ нѣкоторое время особый органъ «Swiatowit» подъ редакціею Е. Маевскаго (началъ выходить въ 1899 году, но вскорѣ прекратился).

Авторъ этой «Исторіи» надѣется, что критика, хотя бы самая строгая, укажетъ всѣ пробѣлы или недосмотры его труда, и такими замѣчаніями онъ потомъ охотно воспользуется для новаго, *сокращеннаго*, съ размѣрами отдѣльныхъ частей Энциклопедіи лучше согласуемаго изданія, взамѣнъ этого сочиненія, за непредвидѣнную обширность котораго проситъ извиненія.

Вѣна 12/25 дек. 1909. **И. Ягичъ.**

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 12, строка 7 снизу: Подробнѣе о чешскихъ глоссахъ см. у Флайшганса «Nejstarší památky jaz. a pís. českého» (Praha 1903) и его статьи въ L. F. XIX. XX. XXI. См. также въ перечнѣ источниковъ первой части древне-чешской грамматики Я. Гебауера перечисленіе «маммотректовъ» и словарей. Фр. П.

На стр. 15, строка 6 снизу: Здѣсь не лишнимъ было бы указать на любопытные отзывы первыхъ южно-славянскихъ протестантовъ относительно этнографическихъ размѣровъ у южныхъ славянъ въ XVI столѣтіи. Отзывы эти печатались по большей части въ предисловіяхъ къ различнымъ изданіямъ протест. вѣроисповѣданія. См. объ этомъ статью: «I. Lokar. Iz predgovorov naših protestantskih pisateljev» (Zborn. Mat. Slov. X, 1908, 1—20). Ф. К.

Къ стр. 27, строка 15 снизу: Относительно Лаврентія Зизанія см. статью «Причинки до студій над писаннями Лаврентія Зизанія, написав Михайло Вознякъ» (Въ Запискахъ тов. им. Шевченка, 1908, т. LXXXIII, 31—88). Проф. Пастернекъ обратилъ мое вниманіе еще на Добровскаго Institutiones, Praefatio p. LVII—LVIII.

На стр. 31, строка 19: На одно угровлахійское изданіе грамматики Смотрицкаго 1697-го года и на одну рукописную передѣлку той же грамматики Смотрицкаго, раньше появленія Московскаго изданія 1648 года, указано въ статьѣ В. Курдиновскаго въ Р. Ф. В. 1907 г., т. LVII стр. 389—397, т. LVIII стр. 307—330.

На стр. 32 строка 15—16: Объ Епифаніи Славинецкомъ укажемъ на статьи Ив. Ротара, помѣщенныя въ «Кіевской Старинѣ» за 1900 г., томъ 71, стр. 1—38, 189—217, 340—400.

На стр. 37, строка 7 снизу: Я узналъ отъ барона Унгнадъ-Вейссенвольфа, что славянскій шрифтъ, бывшій собственностью барона Унгнада, попалъ въ 1580 г. въ Каринтію въ замокъ Вальдштейнъ, откуда послѣ конфискаціи перевезенъ въ Грацъ и т. д. Остатки увезены изъ Рима въ 1799 г. въ Парижъ. Сл. объ этомъ статью dra. Кидрича: «Epilog k Trubarjevemu zborniku» въ словенскомъ журналѣ «Naši Zapiski» (1909 г., VI, вып. 7—8, стр. 171—2)

На стр. 41, строка 3 снизу: Гдѣ рѣчь идетъ объ ороографіи Паркоша, надо прибавить новое изданіе проф. Лося: J. Łoś, Jakóba syna Parkoszowego traktat o ortografii polskiej (въ томѣ II, 379—426 изданія «Materyały i prace komisyi językowej»).

На стр. 46, строка 2 снизу: Относительно ороографіи Богорича стоитъ еще напомнить, что она собственно заимствована изъ сочиненій Трубера, только проведена послѣдовательнѣе. На это указалъ еще Копитаръ. Ф. К.

На стр. 51, строка 14 снизу: Авторъ грамматики подписался M. Laurentius Nudozierinus, scholae Teuto-Brodensis rector, онъ былъ происхожденіемъ словакъ, имѣлъ понятіе о діалект. особенностяхъ, о чемъ распространялся также въ предисловіи къ своему переводу псалмовъ. См. Іос. Иречекъ «Časoměrné překlady žalmů» (V. 1861 p. VIII—XIII). Фр. П.

На стр. 51, строка 3 снизу: Заглавіе грамматики Драховскаго: «Grammatica bohemica in quinque libros divisa». Фр. П.

На стр. 51, строка 1 снизу: Заглавіе книги іезуита Констанція слѣдующее: «Lima linguae bohemicae. To jest: Brus jazyka českého, spis o poopravení a naostření řeči české, od ctihodn. Kněze Jiřího Konstancya». См. статью Č. Č. M. 1892, 307—318, гдѣ Душекъ разбираетъ отношеніе этой грамматики къ Благославу. Фр. П.

На стр. 52, строка 2: Заглавіе начинается такъ: Žáček čili Orthographia anebo wyborně и т. д. Подъ названіемъ Žáček книга сдѣлалась общеизвѣстной. Фр. П.

На стр. 52, строка 7: О словарѣ Росы см. статью І. В. Новака (Věstník č. akad. 1902, вып. 3). Фр. П.

На стр. 52, строка 1 снизу: О Бальбинѣ имѣется подробная статья Іос. Гануша: «Bohuslava Balbína Bohemia docta» въ Čes. čas. historický 1906, стр. 133 и сл. Фр. П.

На стр 55 строка 23: На дняхъ вышелъ въ XLVI томѣ Краковскихъ «Rozpraw wydziału filologicznego» этюдъ д-ра. П. Копко о значеніи польской грамматики О. Копчинскаго: «Krytyczny rozbiór gramatyki narodowej O, Kopczyńskiego» (W Krakowie 1909, 8⁰ 94).

На стр. 58, строка 14—15: О словарѣ Ямбрешича вышла въ 162-ой книгѣ Rad-a (1905) статья Владоя Дуката: Jambrešićev «Lexicon latinum» (стр. 192—234), въ ней говорится объ отношеніи этого словаря къ прочимъ хорватскимъ (Белостенца, Делла Беллы, Микальи). Раньше писалъ о Ямбрешичѣ др. И. Мильчетичь въ журналѣ «Vienac» за 1887 г. (на стр. 158. 172. 187. 206. 235). Здѣсь можно бы упомянуть словомъ еще грамматику боснійскаго писателя Ѳомы Бабича (Toma Babić), изданную въ 1712 году въ Венеціи: «Prima grammaticae institutio pro tyronibus Illyricis accomodata».

На стр. 62, строка 21: Что La Croze очень усердно изучалъ славянскій языкъ, свидѣтельствуетъ рукописный словарь его, хранящійся нынѣ въ Лейденѣ. Онъ писанъ очень тщательно красивымъ почеркомъ кирилловскаго письма, подъ заглавіемъ: «Lexicon slavonico-latinum. Summo studio et labore ex variis auctoribus partim manuscriptis partim impressis collectum a Maturino Veyssière La Croze. Berolini anno domini MDCCIX». Словарь обнимаетъ приблизительно 620 страницъ съ различными прибавленіями молитвъ и другихъ текстовъ въ концѣ рукописи (стр. 621—679). Славянскія слова, снабженныя удареніями, объяснены по латыни, но этому объясненію часто предшествуютъ синонимическія выраженія изъ живого западно-русскаго (бѣлорусскаго) и польскаго языковъ. По сообщенію бывшаго моего ученика д-ра Копко имѣется еще въ Королевской библіотекѣ въ Берлинѣ подобнаго содержанія рукописный словарь, приписываемый тому же La Croze. Отношеніе обоихъ экземпляровъ другъ къ другу пока еще невыяснено.

На стр. 73, строка 9 снизу: О Вальвазорѣ вышла на дняхъ особая монографія П. Радича: «Peter von Radics. Johann Weckhard Freiherr von Valvasor (1641—1693). Laibach 1910, 8⁰ XI. 350». Ф. К.

На стр. 77, строка 7: Шершникъ былъ родомъ изъ Силезіи, Влчекъ ставитъ его (Dějiny č. lit. II. 197—198) очень высоко. Фр. П.

На стр. 78, строка 10 снизу: Во избѣжаніе недоразумѣнія нужно прибавить, что главное положеніе Іордана утверждало, что сарматы были славяне и противъ этого положенія выставлялъ Добровскій свое изреченіе.

На стр. 79, строка 9 снизу: Заслуга Антона заключалась и въ томъ, что онъ писалъ о верхне-лужицкомъ нарѣчіи (Laus. Monatschr. 1797), собиралъ матеріалъ для словаря и народныя пѣсни (сл. въ энцикл. словарѣ Отто статью Ад. Черняго). Фр. П.

На стр. 81, строка 14: О Катанчичѣ можно указать еще на статью К. Иречка въ энцикл. словарѣ Отто. Фр. П.

На стр. 87, строка 3 снизу: О трехъ стиляхъ у Ломоносова см. статью А. Кадлубовскаго: «Объ источникахъ Ломоносовскаго ученія о трехъ стиляхъ» (она напечатана въ сборникѣ, посвященномъ памяти М. С. Дринова, «Почесть» на стр. 83—89).

На стр. 88, строка 5: О Тредьяковскомъ укажемъ еще на статью Л. Майкова: «Молодость В. К. Тредьяковскаго до его поѣздки за границу» (Ж. М. Н. Пр. 1897, іюль, стр. 1—22).

На стр. 91, строка 4 снизу: О Добнерѣ разсказывается подробно въ статьѣ Іос. Гануша «Počátky kritického dějezpytu v Čechách» (Čes. čas. historický 1909, XV т., 277—302, 393—424). Фр. П.

На стр. 94, строка 16: О Шимекѣ см. статью Іос. Гануша въ энцикл. словарѣ Отто.

На стр. 95, строка 2: О Злобицкомъ написалъ Якубецъ въ L. Fil. т. 36, 1909 г. статью основанную на перепискѣ Добровскаго со Злобицкимъ, изданной А. Патерою: Korrespondence Jos. Dobr. Díl III. Фр. П.

На стр. 100, строка 8 снизу: Въ 1908 вышла «Korrespondence Josefa Dobrovského. Díl III. Vzájemné dopisy Josefa Dobrovského a Josefa Valentina Zlobického z let 1781—1807. K vydání upravil Adolf Patera» (V Praze 1908, 8⁰ X. 200).

На стр. 109, строка 6: Объ участіи Добровскаго въ фрамасонствѣ писали м. пр. Калоусекъ въ Děje kr. č. spol. nauk, и Карасекъ въ газетѣ «Čas» XI. 1897, стр. 34 и слѣд.

На стр. 145, строка 6: Къ перепискѣ польскаго лексикографа Линде укажемъ на изданіе К. И. Петеленца (Petelenz): «Listy do B. Lindego» (въ Отчетѣ Краковской гимназіи Św. Jacka за годы 1885 и 1886). Одно изъ писемъ, по сообщенію д-ра Кидрича, перепечатано въ Люблянскомъ журналѣ «Zvon» 1886, VI. 125—6, оно касается Чопа.

На стр. 161, строка 13 снизу: О сербско-хорватскихъ переводахъ Слова о полку Игоревѣ см. статью А. Гавриловича въ 24-ой книгѣ «Годишњица Николе Чупића» (стр. 127—145).

На стр. 164, строка 10: О Тимковскомъ укажемъ на статью Н. П. Барсукова въ Русск. Архивѣ 1896, № 3.

На стр. 166, строка 8 снизу: Изъ переписки гр. Румянцева съ слав. учеными сдѣлалъ нѣсколько сообщеній проф. Францевъ въ Р. Ф. В. 1907 т. LVIII, 1908 т. LIX, 1909 т. LXI.

На стр. 177, строка 10 снизу: О заглавіи грамматики Копитара разсуждаетъ иначе др. Кидричъ въ статьѣ, которая должна быть напечатана въ Archiv f. slav. Phil. т. XXXII.

На стр. 178, строка 12 снизу: О Кумердеѣ и Япелѣ слѣдовало бы нѣсколько словъ сказать относительно того, какъ они вліяли на возобновленіе духовной жизни въ Люблянѣ въ видѣ возстановленія общества «Academia operosorum». Объ этомъ В. Стѣска (Steska) напечаталъ статью въ журналѣ «Izvestja muzejskega društva za Kranjsko» (Ljubljana 1900, X томъ, стр. 37—54, 77—94). Главнѣйшую поддержку дѣятельнымъ членамъ этого общества, въ которомъ кромѣ обоихъ вышеупомянутыхъ словенцевъ-филологовъ принималъ участіе также историкъ Лингартъ, оказалъ благородный баронъ Сигизмундъ Цойсъ (1747—1819). Его просвѣщенному вниманію словенскій народъ очень много обязанъ. Онъ состоялъ важнымъ центромъ для всѣхъ культурныхъ потребностей съ національной словенско-славянской окраской. Его очень трезвые взгляды насчетъ словенскаго языка отражаются въ письмахъ Воднику (Vodnikov Spomenik, 1859, стр. 45—62), восторженные же отзывы о немъ Копитара свидѣтельствуютъ о благородствѣ его души и замѣчательной дальновидности. Копитаръ увѣряетъ (Переп. Доб. и Коп. I. 9), что онъ снабжалъ изъ своей богатой библіотеки книгами Япеля, Кумердея и Лингарта. Т. обр. Кумердей могъ воспользоваться его библіотекой для составленія «Versuch einer historisch-kritischen Krainisch-slovenischen Grammatik» (1791) и Япель для «Slavische Sprachlehre» (1807). Несомнѣнно и Лингартъ не могъ бы написать «Versuch einer Geschichte von Krain und der übrigen südlichen Slawen Oesterreichs» (1788—1791 два тома, второе изд. 1796 въ Нюрнбергѣ) безъ пособій, оказанныхъ ему Цойсовой библіотекою. (По даннымъ, сообщ. др. Кидричемъ).

На стр. 186, строка 14: Кромѣ богатой переписки Копитара, приготовленной для печати Ф. Менчикомъ, укажемъ на статейку «Kopitar in Ranke» А. Каспрета, напечатанную въ ж. Izvestja muz. društva za Kranjsko II (1892), 105—109.

На стр. 224, строка 7 снизу: У Кеппена были сношенія съ Яномъ Колларомъ еще въ двадцатыхъ годахъ, какъ видно изъ сообщенія, сдѣланнаго проф. Францевымъ въ Č. Č. M. 1904, стр. 224—249.

На стр. 237, строка 4: Одна рецензія Мацѣевскаго на книгу Шемберы вышла въ хорв. переводѣ въ газетѣ «Pozor» (1868 г. № 303. 305. 307).

На стр. 247, строка 13 снизу: Статья Якубца о Марекѣ вышла отдѣльнымъ изданіемъ въ значительно расширенномъ видѣ: «Antonín Marek» (v Praze 1896). Фр. П.

На стр. 248, строка 8 сверху: О Юнгманнѣ вышла недавно книжка Халупнаго, которой я еще не читалъ: «Jungmann. Napsal Em. Chalupný» (Praha 1909, 16⁰ 200), изданіе «Lidového družstva tiskařského a vydavatelského» (Přehled).

На стр. 251, строка 13: Въ новѣйшее время считаютъ Линду сочинителемъ эпическихъ пѣсенъ Краледворской рукописи, въ особенности Іос. Ганушъ высказываетъ это мнѣніе (сл. Listy Filol. т. XXVII, 1900 г. статью его «Český Macpherson» и въ т. XXVIII, 1901 г. «Další svědectví vynikající účasti Jos. Lindy ve složení R. K. Z.»). Повторяется это убѣжденіе еще въ L. Fil. XXXIII, 1906 г. (стр. 251). Фр. П.

На стр. 261, строка 9 снизу: Мина (Wilhelmine) было конечно только поэтическое имя, на дѣлѣ же молодая дѣвица, пасторская дочь, называлась Johanna Augusta Friederike Schmidt. Фр. П.

На стр. 267, строка 6 снизу: О Колларовой дѣятельности по слав. лексикографіи имѣется статья Якубца въ «Rozpravy filologické věnované Janu Gebauerovi» (V Praze 1898, стр. 78—86). О Янѣ Колларѣ подробно въ Lit. č. devatenáct. stol. 1903, II. 136—201 (статья Якубца). Упомянуть надо также сочиненіе Іосифа Караска: Kollárova dobrozdání a nástin ži-

votopisný z roku 1849. Vydal a úvodem opatřil dr. Josef Karásek (V Praze 1903, 8⁰ XXVII. 83. Sbírka pramenů ku poznání lit. života v Čech. na Mar. a v Sl. Skupina II, č. 7).

На стр. 272, строка 10 снизу: О рукописи Чопа и его перепискѣ по этому поводу съ Шафарикомъ см. «Zbornik. Na svetlo daje Slovenska Matica. I Zvezek (V Ljubljani 1899, стр. 100—157). Ф. К.

На стр 273, строка 27: Памяти П. І. Шафарика въ молодые его годы, пока онъ жилъ въ сербской средѣ (въ Новомъ Садѣ), посвященъ, кромѣ сочиненія К. Иречка (P. J. Šafařík mezi Jihoslovany. Napsal dr. Konstantin Jireček. V Praze 1895, 8⁰ 144), еще рядъ статей сербскихъ писателей въ 186-ой книжкѣ журнала «Летопис Матице српске» за 1898 г. и еще одна статья общаго содержанія въ 197—203 кн. того же изданія.

На стр. 305, строка 17 снизу: Статья Погодина о положеніи славянъ въ Европѣ напечатана въ отрывкахъ въ Русской Бесѣдѣ 1859 г., I. Смѣсь 53—88: «Отрывки изъ писемъ о положеніи славянъ въ Европѣ М. П. Погодина къ министру народн. просвѣщенія по возвращеніи изъ путешествія въ 1839 и 1842 гг.».

На стр. 319, строка 21: О подложной золотой монетѣ написалъ недавно Іос. Смоликъ особую статью: «Zlaté mince s domnělým opisem ПЕГNAZE napsal Josef Smolík» (издано въ Rozpravy české akademie, třída I, č. 35. V Praze 1906, 8⁰ 20).

На стр. 347, строка 9: Текстъ Козачинскаго въ переработкѣ I. Раича перепечатанъ акад. А. И. Соболевскимъ въ «Чтеніяхъ въ истор. обществѣ Нестора-лѣтописца» кн. XV, вып. 2 и 3 (Кіевъ 1901, стр. 49—87, 89—122): «Неизвѣстная драма М. Козачинскаго». У проф. Т. Остоича въ Новомъ Садѣ имѣется другая, д. б. первоначальная редакція этой драмы.

На стр. 349, строка 20: Между прочими сербами XVIII столѣтія, имѣвшими нѣсколько значенія для сербскаго языка и литературы, отличался извѣстной критичностью взглядовъ и свѣдѣній Захарія Орфелинъ, о которомъ проф. Т. Остоичъ готовитъ обширное изслѣдованіе для Сербской Королевской Академіи въ Бѣлградѣ. Пока укажемъ на его статью «Zaharija Orfelin als Philolog» (въ Archiv f. sl. Phil. XXX. 448—452) и въ изданіи «Zbornik u slavu Jagića» (стр. 684).

На стр. 369, строка 16: Въ Bibliotheca Carnioliae M. Pohlini (напечатанной въ приложеніи къ 1862 году къ «Mittheilungen des histor. Vereins für Krain»), разсказывается все-таки о бывшей еще въ концѣ XVIII столѣтія попыткѣ собирать словенскія народныя пѣсни. Въ «Blumen aus Krain» Лингарта (1781) имѣются нѣм. переводы двухъ народн. пѣсенъ. Ф. К.

На стр. 400, строка 8 снизу: Къ прочимъ статьямъ I. Субботича, касающимся граммат. вопросовъ, прибавимъ еще въ книжкѣ 56-ой сербскаго Лѣтописа (1848 г.): «Главне черте сравненія єзыка србског' са црквенославенскимъ».

На стр. 404, строка 21: Литер. дѣятельность Никанора Груича изложена въ 156-ой книгѣ Rad-а: «Живот и књижевни рад Никанора Грујића пакрачког владике. Од гимн. проф. Ђорђа Магарашевића» (стр. 1—134).

На стр. 407, строка 6: Къ Вукову «Рјечнику» имѣются поправки въ статьѣ М. Миласа въ 136-ой кн. Rad-а относительно дубровницкихъ словъ.

На стр. 408, строка 10 снизу: И протестантское движеніе у словенцевъ въ Крайнѣ вызывало этнограф. вопросы. Труберъ въ своемъ Catechismus 1550 г. называетъ себя «Philopadridus Illyricus», а въ Abecedarium того же года говоритъ о себѣ, какъ о пріятелѣ «vseh Slovencov»; въ предисловіи къ первой части словенскаго Новаго завѣта (1557 г.) высказывается въ нѣм. предисловіи необходимость для хорватскаго перевода такихъ лицъ изъ числа хорватовъ, «die gut Dalmatinisch und Bosznarisch reden». Въ нѣм. предисловіи къ глаголическому Новому Завѣту (1562 г.) перечисляются южно-слав. языки въ слѣдующемъ видѣ: «Creinerisch, Illyrisch, Windisch, Crobatisch, Dalmatinisch, Bosznarisch, Sürfisch und Bulgarisch...» Ф. К.

На стр. 410, строка 19: Шпореръ, изучая въ Вѣнѣ медицину, познакомился съ Копитаромъ, который быть можетъ и внушилъ ему мысль издавать въ Вѣнѣ иллирскую газету. Онъ получилъ дѣйствительно въ 1818 году позволеніе на это отъ Меттерниха, газета должна бы была выходить подъ названіемъ «Oglasnik ilirski». Объ этомъ представилъ недавно для изданія въ Rad-ѣ югослав. академіи особенное, на данныхъ вѣнскихъ архивовъ основанное изслѣ-

дованіе проф. dr. Шишичъ, какъ видно изъ предварительнаго сообщенія въ газетѣ «Obzor» 1909, 10 декабря, № 340. Въ этомъ этюдѣ вѣроятно будетъ указано также на участіе въ этомъ дѣлѣ А. Михановича. Упомянутый въ строкѣ 13-ой снизу Шпореровъ Almanah вышелъ не въ 1833 (это опечатка), а въ 1823 году, точное заглавіе, полученное мною благодаря любезности dr. Ф. Фанцева, слѣдующее: «Almanah ilirski, za godinu 1823. S' razlicsnima pjesmama i pripovjestima, za prudnost i ugodnost sloxen, i na svjetlo znoshen od Jure Maticha. U Karlovcu gornjem vu utishtenici Pretnerovoj», (малое 8⁰, 16 необознач. листовъ и 104 стр.). Разнообразное содержаніе альманаха и особенныя условія изданія этой ранней попытки литературнаго иллиризма заслуживали бы, чтобы эта книжечка была вновь перепечатана.

На стр. 415, строка 13 снизу: Сочиненіе Платона Кулаковскаго объ Иллиризмѣ вышло въ 1894 г. въ Варшавѣ: «Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія» (8⁰ VIII. 411. 093). Мой отзывъ объ этомъ сочиненіи въ Отчетѣ о присужд. премій проф. Котляревскаго въ 1895 году (въ 64 томѣ Сборника, Приложеніе № 10, стр. 7—19). Въ другомъ направленіи разсуждалъ объ иллиризмѣ М. Здѣховскій: «Odrodzenie Chorwacyi w wieku XIX» (W Krakowie 1902, 8⁰ 217). Въ послѣднее время изучалъ эпоху возрожденія у хорватовъ проф. Шурминъ: «Hrvatski preporod» (U Zagrebu 1903, I dio; 1904, II dio — дальше до сихъ поръ не вышло). Кромѣ того, онъ напечаталъ статью «Početak Gajevih novina» въ 162 кн. Rad-a (стр. 110—134), «Iz Gajevih vremena. Prilog povjesti Hrvatske» (U Zagrebu 1904, въ журналѣ «Vjesnik zemaljskoga arhiva» годъ VI, стр. 176—184), «Bilješke za hrvatski preporod» (U Zagrebu 1902, въ журналѣ «Vienac» 1902, отд. отт. 8⁰, 33), «Sitni prilozi za hrvatski preporod» (изъ журнала «Nastavni Vjesnik» XI. 399—409). По случаю столѣтней годовщины со дня рожденія Л. Гая вышло въ нынѣшнемъ (1909) году много литер. мелочей, для освѣщенія Гаева времени, м. п. Шурминъ напечаталъ въ № 17 «Zvono» (Приложенія къ полит. газетѣ Pokret): «Dr. Ljudevit Gaj» (8⁰, 450—472). «Ilustrovani Obzor» (лит. приложеніе къ полит. газетѣ «Obzor») посвятилъ № 14 памяти Гая, стр. 418—448. «Zagorske Novine» напечатали посвященный памяти его особый нумеръ: «U slavu Dru. Ljudevitu Gaju preporoditelju naroda hrvatskoga» (4⁰ 23 стр.). Въ Загребѣ вышла еще книжечка: «Ljudevit Gaj 1809—1909. Priredio dr. Stjepan Ortner» (16⁰, 94 стр.). Важнѣе всѣхъ прочихъ изданій: «Pisma pisana dru. Ljudevitu Gaju i ńeki ńegovi sastavci (1828—1850). Sabrao i uvodom popratio Dr. Velimir Deželić» (U Zagrebu 1909, 8⁰ XLV. 371, составляетъ VI-ую книгу изданія «Građa za povijest kńiževnosti hrvatske). Изданіе не отличается критичностью.

На стр. 419, строка 12: О послѣднемъ кайкавскомъ писателѣ Кристіановичѣ написалъ коротенькую поминку Ив. Ткальчичъ въ газетѣ «Pozor» за 1884 г. № 118—119: «Ignat Kristianović hrvatski pisac».

На стр. 419, строка 13 снизу: О первыхъ попыткахъ водворенія Гайевой орѳографіи на почвѣ словенскаго языка см. статью д-ра Ф. Кидрича въ Сборникѣ «Jagić-Festschrift», стр. 656—662. О первыхъ лингв. трудахъ А. Мурка см. статью д-ра Илешича въ журналѣ «Časopis za zgodovino in narodopisje» (Maribor 1905, т. II, стр. 29—68). Ф. К.

На стр. 419, строка 9 снизу: О значеніи Блейвейса въ вопросѣ о языкѣ и правописаніи см. Lokar J. «Stališče Bleiweisovih Novic glede književnega zedinjenja Slovanov» (въ Отчетѣ II гимназіи въ Люблянѣ за 1907 г., стр. 3—35). Укажемъ еще на изданіе Матицы словенской въ память столѣтней годовщины рожденія Янеза Блейвейса, вышедшее въ свѣтъ на дняхъ подъ заглавіемъ: «Zbornik, na svetlo daje Matica Slovenska. XI zvezek. Bleiweisov Zbornik. Uredil Dr. Jos. Tominšek» (V Ljubljani 1909). Въ этомъ Zbornik-ѣ имѣется обширная статья д-ра Янка Локара, какъ продолженіе того, на что указано выше: «Bleiweis in Novičarji v borbi za slovenski jezik in domače slovstvo». (Стр. 1—40). Кромѣ того статья Томиншека (I—LVI) и д-ра Драготина Лончара: «Dr. Janez Bleiweis in njegova doba» (стр. 141—244).

На стр. 419, строка 5 снизу: О Муршецѣ и его перепискѣ см. изданіе д-ра Ф. Илешича въ VI и VII кн. «Zbornik Slovenske Matice» (1904—5). Ф. К.

На стр. 422, строка 7 снизу: Вразъ снабжалъ также Шафарика этнограф. матеріаломъ, сл. «Zbornik, na svetlo daje Slovenska Matica» (1899, т. I стр. 92—100). Ф. К.

На стр. 423, строка 10 снизу: Нѣсколько такихъ писемъ сообщено д-ромъ Илешичемъ:

«Korespondence iz dobe našega preporoda» (Izvestja muzealn. društva za Kranjsko. 1909, вып. 3—4) Ф. К.

На стр. 425, строка 18: Въ новѣйшее время написалъ dr. Бранко Дрекслеръ (Drechsler) довольно подробный этюдъ о Ст. Вразѣ, подъ заглавіемъ: «Stanko Vraz. Studija. U Zagrebu (izdala Matica hrvatska i slovenska) 1909, 8⁰ 220»; употреблены для біографіи новые матеріалы.

На стр. 428, строка 5 снизу: Нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о А. Мажураничѣ въ бытность его директоромъ въ Рѣкѣ сообщилъ Я. Трдина въ Люблянскомъ журналѣ «Zvon» за 1906 г. (XXVI, стр. 270—4, 356—61, 426—7). Ф. К.

На стр. 433, строка 10: Душою этого движенія штирійскихъ словенцевъ, начавшагося около 1803 г., былъ Ив. Нератъ, см. о немъ статью д-ра Илешича въ Časop. za zgodovino in narodopisje II (1905, 1—29). Изъ этого кружка вышелъ также Яклиновъ словарь «deutsch-wendisches Lexicon», оконченный въ 1811 г., но оставшійся въ рукописи. Ф. К.

На стр. 433, строка 13 снизу: Значеніе Водника какъ словенскаго филолога разбирается въ словенскомъ журналѣ «Dom in Svet» за 1909 г., т. XXII, № 9. 10. 11: «Vodnik kot jezikoslovec. Spisal Izidor Modic». По желанію д-ра Кидрича здѣсь можно еще прибавить, что въ 1811 году вышла также на итальянскомъ языкѣ грамматика словенскаго языка: Vincenzo Franul de Weissenthurn. Saggio grammaticale italiano-carniolino. Trieste 1811, 8⁰ XII. 355.

На стр. 434. строка 22: Отъ Примица остался въ рукописи нѣмецко-словенскій словарь, находящійся теперь въ Люблянской лицейской библіотекѣ. Сл. Pešič, O pouku slovenskega jezika. V Ljubljani 1902, на стр. 101. О его кружкѣ «Societas slovenica» сл. статью П. Радича: «P. pl. Radics. Prvo slovensko društvo in njega ustanovitelj J. N. Primic» (въ журналѣ Kres III, 1883, 606—10) и вышеупомянутую статью Илешича о Нератѣ. О каѳедрѣ словенскаго языка въ Грацѣ сл. статью Ив. Мацуна въ Kres-ѣ (1881, I. 297—301, 341 и сл.). Къ этому кружку надо причислить еще Алоисія Пергера, о которомъ см. въ Kres-ѣ IV. 57. 213. Ф. К.

На стр. 437, строка 15: О судьбѣ метельчицы сл. «Steska V. Metelčica v šoli» (Izvestja muz. društva za Kranjsko 1906, XV, 1—38). И Метелько помогалъ Шафарику (см. Zbornik Mat. Slov. I. 78. 92). Ф. К.

На стр. 437, строка 10 снизу: О возрожденіи болгаръ напечаталъ М. Попруженко рядъ статей въ Ж. М. Н. Пр. 1902 ноябрь, 1903 октябрь, 1906 апрѣль (будетъ, должно быть, продолжаться).

На стр. 438, строка 16: Въ сербской литературѣ могу указать на статью: «Еснафи у Скопљу», напечатанную въ XV-ой кн. «Годишњица Николе Чупића» (У Београду 1895, стр. 229—242), авторъ — М. В. Веселиновић. Хорошо излагается бывшее значеніе сербскаго купечества и мѣщанства въ разныхъ городахъ Венгріи въ теченіе XVIII столѣтія у I. Скерлича: Јован Скерлић. Српска књижевност у XVIII веку (у Београду 1909) на стр. 47—58.

На стр. 479, строка 9 снизу: Укажемъ еще на «Остатки работъ П. И. Прейса» (въ Живой Старинѣ 1898, т. VIII стр. 331—384).

На стр. 483, строка 6 снизу: Статья проф. Ѳ. И. Успенскаго, на которую сдѣлано указаніе, вышла въ I выпускѣ «Лѣтописи Историко-филологическаго Общества при Импер. Новоросс. Университетѣ» (Одесса 1890) подъ заглавіемъ: «Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ» (стр. 15—49).

На стр. 485, строка 12: Въ сороковыхъ годахъ занимался грамматическими вопросами В. А. Васильевъ, издавшій: «Граматическія Разысканія», первый выпускъ (Спб. 1845. 8⁰. 62 и 2 неп.), въ которыхъ м. пр. разсуждалось о буквѣ ё; предложена повѣрка правилъ образованія именъ уменьшительныхъ м. и ж. родовъ, изобрѣтенныхъ Гречемъ; въ послѣднемъ отдѣлѣ книжки напечатаны «Правила образованія именъ уменьшительныхъ рода муж. и женскаго». См. сочиненія Бѣлинскаго т. X. 113—132, 305—329.

На стр. 489, строка 9: О Надеждинѣ писалъ Козминъ въ Ж. М. Н. Пр. 1905 сентябрь, 1906 февр., въ Извѣстіяхъ 1905 г., кн. 4, 303—311 и въ Ж. М. Н. Пр. 1909 сентябрь о диссертаціи Н. И. Надеждина «De poësi romantica» (стр. 79—149). Укажемъ еще на приложеніе къ I тому изданія сочиненій Бѣлинскаго подъ редакціей Венгерова, гдѣ на стр. 399—414 рѣчь идетъ о Надеждинѣ, и на стр. 453—542 напечатаны разныя статьи Надеждина.

На стр. 492, строка 10 снизу: О перепискѣ М. А. Максимовича съ русскими писателями см. статью В. В. Данилова въ Р. Ф. В. т. LX (1908), стр. 168—189.

На стр. 497, строка 7: Проф. Грушевскій разбираетъ въ Запискахъ тов. ім. Шевченка (1908 г., кн. 3, т. LXXXIII, 158—168) одну книжечку Кулиша истор. содержанія: «Повѣсть объ украинскомъ народѣ». Біографическій очеркъ П. А. Кулиша представленъ В. Шенрокомъ въ «Кіевской Старинѣ» за 1901 г. въ томахъ 72 (стр. 153—179, 461—492), 73 (стр. 126—152, 183—213, 344—382), 74 (стр. 46—102, 304—330) и 75 (стр. 18—44). Въ томъ же журналѣ напечатано много матеріаловъ изъ переписки Кулиша, между прочимъ «Письма Кулиша Бодянскому» въ «Кіевской Старинѣ» 1897 года, кн. 58 и 59, 1898 года кн. 60 — письма изданы А. Титовымъ.

На стр. 497, строка 9 снизу: О сборникѣ народн. южно-русскихъ пѣсенъ Метлинскаго см. статью Сумцова: «Пятидесятилѣтіе сборника А. А. Метлинскаго» (въ Изв. Отд. р. я. и сл. 1904, т. IX, кн. 3, стр. 1—18).

На стр. 500, строка 4—5 снизу: Упомянутый томъ переписки Головацкаго за старшій періодъ времени вышелъ недавно, подъ заглавіемъ: «Кореспонденція Якова Головацького в лїтах 1835—1849, видав др. Кирило Студиньский» (8^{0}, CXXXVIII. 463), составляетъ т. XI и XII «Збірника фільольоґічноі секції».

На стр. 502, строка 12: Для біографіи Вагилевича существуетъ статья Ив. Франка въ Запискахъ товар. ім. Шевченка т. LXXIX, 1907, стр. 97—141.

На стр. 504, строка 14: О Сахаровѣ сл. статью Н. Н. Виноградова въ Ж. М. Н. Пр. 1905 іюль, стр. 229—266: «И. П. Сахаровъ и его Русскія народныя загадки и притчи». Поддѣлокъ Сахарова коснулся А. Пыпинъ на стр. 24—32 своего сочиненія «Поддѣлки рукописей и народныхъ пѣсенъ» (Памятники древней письменности № 127, СПб. 1898, 8^{0} IV. 33).

На стр. 505, строка 15—16: Изданіемъ народныхъ лирич. пѣсенъ по матеріаламъ Кирѣевскаго занятъ въ настоящее время, какъ мнѣ передаютъ, проф. М. Н. Сперанскій. О П. В. Кирѣевскомъ вышли воспоминанія Аѳанасія Марковича въ Русской Бесѣдѣ за 1856 г., біографія имѣется въ Русск. біогр. словарѣ, изд. И. Р. Истор. Общества, подъ ред. А. А. Половцева и въ брошюрѣ Вал. Лясковскаго: «Братья Кирѣевскіе. Жизнь и труды ихъ» (СПб. 1899).

На стр. 509, строка 22: Краткій біографическій очеркъ И. И. Носовича, составленный П. Шейномъ, напечатанъ въ академ. Извѣстіяхъ т. V, 1900 г., 956—968.

На стр. 512, строка 14: По поводу 25-лѣтія со дня смерти Павла Ив. Мельникова написалъ о важномъ значеніи этого этнографа-беллетриста В. Каминскій статью въ Р. Ф. В. т. LIX (1908) стр. 374—380.

На стр. 513, строка 4 снизу: О новомъ изданіи словаря Даля см. объективно написанный отзывъ въ Archiv f. slav. Philol. т. XXXI, стр. 242—246.

На стр. 517, строка 20: Переписки Челаковскаго вышли еще второй и третій выпуски, подъ той же редакціею.

На стр. 519, строка 1—2 снизу: Статья Эрбена о названіи мѣсяцевъ появилась въ русскомъ переводѣ въ Славянскомъ Ежегодникѣ за 1876 г., стр. 114—150.

На стр. 520, строка 10—11: Къ прочимъ статьямъ Эрбена прибавимъ еще изданную въ журналѣ Slovanský Sborník за 1883 г. (II стр. 1—14, 57—67, 109—120, 165—174): «Vidy čili Sudice».

На стр. 520, строка 23: Послѣ Эрбена слѣдовало упомянуть еще одного любителя чешско-славянской этнографіи изъ старшаго поколѣнія, Бенеша М. Кульду (1820—1906), занимавшагося много описаніемъ народныхъ обычаевъ, въ особенности свадьбою (Svadba u naroda česko-slovanského). Онъ сообщалъ много въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и отдѣльно, напр., въ Č. M. M., въ Český Lid., отдѣльно: Moravské národné pohádky, pověsti, obyčeje a pověry (нѣсколько выпусковъ). Сл. его же сообщеніе: «Vzpominka z mé činnosti sběratelské» (Český Lid I. 438—441). Біографія его въ журналѣ «Osvěta» 1903, стр. 564—5.

На стр. 521, строка 18: О Л. Штурѣ см. между прочимъ въ Русск. Бесѣдѣ 1860 г. кн. 1, смѣсь, 51—60, а также обширный разсказъ Іос. Милослава Гурбана (Hurban) въ словацкомъ журналѣ Slovenské Pohľady за годы 1881—1884, сл. ib. 1899. Политич. брошюра его «Славянство и міръ будущаго» вышла вновь въ 1909 г. подъ редакціею К. Грота, при участіи

проф. Флоринскаго, снабдившаго изданіе введеніемъ и примѣчаніями (см. Ж. М. Н. Пр. 1909, іюль, 194—204).

На стр. 521, строка 10 снизу: Бартошъ напечаталъ въ Č. M. M. I (1869, 184—198): O instrumentale hmoty, ib. II (1870, 117—123) и IV (1872, 1—42): O genitivě závislém na časoslovech.

На стр. 521, строка 2 снизу: Заботливость о правильномъ употребленіи чешскаго языка въ литературѣ вызвала у Бартоша статьи: Jakou skázu běře naš druhdy přesný správný i určitý jazyk skrze novináře a mladší spisovatele české (Č. M. M. III, 1871 г. стр. 84—92), Jak bychom mohli i měli těžiti z neporušené řeči lidu ve prospěch jazyka spisovného (ib. V. 1873 г., стр. 62—74).

На стр. 522, строка 7: Еще выходили статьи Бартоша въ Č. M. M., IX—XI: Ze života lidu Moravského, ib. XV (1891): O domácím lékařství lidu Moravského, ib. XVI (1892): Drobné pověry lidu Moravského, ib. XXIII (1899): Příspěvky k tekstové kritice lidových písní.

На стр. 529, строка 21: Къ сочиненію Чурчина можно указать еще на обширный отзывъ проф. Мурка въ Arch. f. sl. Ph. XXVIII, 351—385. Ф. К.

На стр. 534, строка 24: О Корыткѣ имѣется въ изданіи «Zbornik u slavu Vatroslava Jagića» статья д-ра Ив. Пріятеля «Emil Korytko» (стр. 604—611) и обстоятельный разсказъ д-ра Ив. Франка «Еміль Коритко, забутий славянський етноґраф» въ Запискахъ товар. ім. Шевченка, т. LXXXVI, стр. 82—122. Наконецъ возвратился къ тому же предмету dr. Ivan. Prijatelj въ журналѣ «Izvestja Muzejskega društva za Kranjsko» (1909 г. XVIII, стр. 1—24, 79—91) подъ заглавіемъ: «Emil Korytko. K 70-letnici njegove smrti».

На стр. 545, строка 11 снизу: О Буслаевѣ нужно еще указать на отзывъ М. Н. Сперанскаго въ Памятникахъ Имп. О. Л. Д. П. № 125: «Памяти Ѳ. И. Буслаева. Рѣчь, прочтенная въ засѣданіи И. О. Л. Д. П. 28-го ноября 1897 г.» (СПб. 1898, 8⁰ 24).

На стр. 546, строка 10 снизу: А. А. Куникъ былъ очень высокаго мнѣнія объ изслѣдованіяхъ Билярскаго въ области церковно-славянскаго языка, онъ написалъ объ упомянутомъ сочиненіи его въ академическихъ Спб. вѣдомостяхъ обширный сочувственный отзывъ, не понравившійся И. И. Давыдову (См. у Барсукова, Ж. Погодина т. VIII. 461—467).

На стр. 548, строка 7: Хотя позднѣйшая политико-публицистическая дѣятельность М. Н. Каткова затмила его съ блестящими надеждами начатую философско-филологическую ученую дѣятельность,— какъ извѣстно, онъ состоялъ преподавателемъ философіи въ Московскомъ университетѣ съ 1845 по 1850 г. — мы все-таки не можемъ обойти молчаніемъ его удачной диссертаціи, относящейся своимъ содержаніемъ прямо къ славянской филологіи. Это было его разсужденіе «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка» (Москва 1845, 8⁰ 253), въ которомъ и нынѣ еще читатель охотно отмѣчаетъ много свѣтлыхъ мыслей и любуется критическимъ остроуміемъ автора. Можно и теперь еще жалѣть, что обстоятельства заставили его покинуть эту спеціальность на первыхъ же шагахъ.

На стр. 556, строка 6—7: О выступленіи А. А. Потебни на ученое поприще написалъ проф. Сумцовъ по университетскимъ актамъ хорошую статью въ сборникѣ, посвященномъ памяти Дринова, «Почесть» (стр. 129—145). Укажемъ еще на статьи Ламанскаго, Ляпунова и Халанскаго, посвященныя памяти А. А. Потебни въ Живой Старинѣ за 1892 г., т. II вып. 1, Смѣсь стр. 126—150. Въ особенности статья Ляпунова даетъ прекрасно обрисованную характеристику Потебни и его научныхъ взглядовъ. Еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ вышла Записка И. И. Срезневскаго о значеніи трудовъ Потебни въ XXVIII т. «Записокъ Импер. Акад. Наукъ» (стр. 93—121). «Памяти А. А. Потебни» посвященъ сборникъ, изданный въ Харьковѣ въ 1892 г. (8⁰, 90), оттискъ изъ IV-го тома «Сборника Истор.-Филол. общества». См. также некрологъ написанный Ламанскимъ въ Ж. М. Н. Пр. 1892 янв., 55—72. Въ XVIII т. Сборника Харьк. Истор.-Филол. Общества (Харьковъ 1908) вышли Халанскаго «Матеріалы для біографіи А. А. Потебни» (10—29).

На стр. 567, строка 14: Объ Орестѣ Ѳ. Миллерѣ и его сочиненіяхъ имѣются слѣдующіе труды: И. Ш(ляпкинъ), «Очеркъ научной дѣятельности проф. О. Ѳ. Миллера, съ приложеніемъ его портрета, факсимиле и описанія празднованія 25-лѣтняго юбилея» (Спб. 1889. 8⁰, 40); его же: «Памяти О. Ѳ. Миллера (рѣчь въ Слав. Благотворит. Общ., въ Слав. Извѣстіяхъ (1889, № 51); статья Д. Д. Языкова со спискомъ его трудовъ въ «Русской

Мысли» 1889, № 9, стр. 214—220; Б. Б. Глинскій: «Ор. Θ. Миллеръ. Біографич. очеркъ. Съ портрет. гравир. у Брокгауза» (Спб. 1896. 8⁰, 48), отдѣльно и при изданіи Карбасникова: «Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи Ореста Миллера. Изд. 4 испр. и дополн.». Спб. 1890. Ч. I. 8⁰, 148, XIX, 364. Ч. II. VIII, 492; въ новомъ изданіи «Русскихъ писателей» подъ ред. проф. А. Шляпкина (у Вольфа, Спб. 1908) біографическій очеркъ занимаетъ 20 страницъ и принадлежитъ перу самого редактора (Сообщеніе П. К. Симони).

На стр. 576, строка 11 снизу: М. С. Дриновъ написалъ о Макушевѣ отзывъ въ Софійскомъ Период. Списании VI. 15—60. Сл. еще поминку Флоринскаго въ Слав. Ежегодникѣ 1884 г. VI, 294—304. Изъ числа прочихъ трудовъ Макушева вспомнимъ статью: «О славянахъ Молизскаго графства въ Южной Италіи» (напеч. въ Зап. Имп. Ак. Н. XVIII, 1871 г., стр. 31—56).

На стр. 580, строка 6: Недавно вышелъ подъ редакціею М. Г. Халанскаго: «Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, посвященныхъ М. С. Дринову его учениками и почитателями», подъ общимъ заглавіемъ «Почесть» (Харьковъ 1908, 8⁰. 304. 83, какъ XV томъ Сборника истор.-филол. общества). Болгарское «Книжовно Дружество» въ Софіи порѣшило издать собранныя сочиненія М. С. Дринова. Только что вышелъ I томъ, подъ заглавіемъ «Съчинения на М. С. Дринова, издава Българското Книжовно Дружество въ София подъ редакцията на профес. В. Н. Златарски» (София 1909, 8⁰ VIII. 688). Редакція поступила очень разумно, напечатавъ отдѣльныя статьи и сочиненія Дринова въ подлинномъ видѣ (т. е. на русскомъ же языкѣ, если они впервые написаны и изданы на этомъ же языкѣ). Первый томъ содержитъ труды Дринова по болгарской и славянской исторіи.

На стр. 580, строка 17 снизу: О сношеніяхъ Мицкевича съ Словацкимъ заключается много любопытныхъ данныхъ въ обширной біографіи Словацкаго: F. Hoesick, Życie Juliusza Słowackiego na tle współczesnej epoki (1809—1849). Biografia psychologiczna. 3 tomy 1897, сл. объ этомъ статью Генр. Богускаго: «Słowacki i prelekcye Mickiewicza» (Bibl. Warsz. 1900, t. I, 487—504).

На стр. 583, строка 6: О Владиславѣ Сырокомлѣ см. статьи А. Дрогошевскаго въ журналѣ «Biblioteka Warszawska» за 1904 г. выпуски 760. 761. 762. 763. 764.

На стр. 585, строка 20: Въ выше упомянутомъ сборникѣ «Почесть» напечаталъ проф. Шепелевичъ статью: «Труды В. Д. Спасовича о западно-европейскихъ писателяхъ» (стр. 177—184).

На стр. 586, строка 9: Характеристику исторіи польской литературы Хмелёвскаго въ сравненіи съ подобнаго же рода трудомъ графа Ст. Тарновскаго нарисовалъ проф. А. Брикнеръ въ статьѣ «Literatura polska» (Bibl. Warsz. 1902, т. III стр. 28—45).

На стр. 590, строка 13: Біографію К. Шайнохи даетъ X томъ собранныхъ сочиненій его, подъ редакціею Кл. Кантецкаго.

На стр. 608, строка 9 снизу: Іосифъ Иречекъ принималъ участіе въ Č. M. M., между прочимъ въ V и VI томахъ напечатано его: «Klasobraní z rukopisův staročeských na Moravě chovaných».

На стр. 609, строка 18 снизу: Къ прочимъ статьямъ Брандля юрид. содержанія причисляются «Příspěvky k historii prava českého» (Č. M. M. I. 1—30) и «Výklad řečí z Libušina soudu» (ib. 97—130, II. 18—36, IX. 161—165).

На стр. 610, строка 16 снизу: Можно все-таки относительно Яна Неруды указать на сочиненіе Крейчаго (J. V. Krejčí): Jan Neruda. Studie jeho vývoje a díla. Praha 1902. 8⁰ (вышло какъ третья книжка изданія «Duch a práce». Praha, Hejda & Tuček) и на новѣйшее сочиненіе д-ра Арне Новака: Jan Neruda (Praha 1910, 16⁰ 92, въ собраніи «Zlatoroh»).

На стр. 611, строка 10: Въ послѣднее время выходитъ новое изданіе сочиненій В. Галека подъ редакціею проф. Ярослава Вълчка (Sebrané spisy Vítězslava Hálka. K vydání upravil Jaroslav Vlček. V Praze u Laichtra), до сихъ поръ вышло шесть книжекъ подъ заглавіемъ «Čěští spisovatele XIX století». Имѣется также изданіе подъ редакціей Воборника въ другомъ собраніи.

На стр. 611, строка 16: Собранныя сочиненія Неруды стали недавно выходить въ двухъ серіяхъ: Sebrané spisy Jana Nerudy. Řada první. Básnické spisy (подъ редакціей Игн.

Германна). Rada druhá. Kritické spisy (подъ редакціей Ладислава Квиса (Pořádá Ladislav Quis). Послѣдней серіи вышли 4 тома (1907 и сл.).

На стр. 616, строка 13: О Янежичѣ и его сношеніяхъ съ Левстикомъ сообщилъ Авг. Жигонъ любопытный матеріалъ въ журналѣ «Časopis za zgodovino in narodopisje» 1907, IV т., стр. 85—171. Ф. К.

На стр. 616, строка 11 снизу: Указатель къ Jezičnik-у Марна составленъ Л. Пинтаромъ: Pintar L. Kazalo za porabo Marnovega Jezičnika (Letnik IX—XXX), въ журналѣ «Izvestja Muz. društva za Kranjsko» 1908 (XVIII. 103—108).

На стр. 623, строка 15 снизу: О литературной дѣятельности Субботича, преимущественно учебной, см. статью Магарашевича въ 148-ой книгѣ Rad-a: «Rad dra. Jovana Subotića na školskoj knjizi» (стр. 174—226).

На стр. 625, строка 22: Некрологъ Миличевича напечатанъ въ 28-ой книгѣ «Годишњица Николе Чупића» (1909, на стр. 295—303).

На стр. 628, строка 20 снизу: О Шрепелѣ можно указать еще статью проф. Мурка въ люблянскомъ журналѣ «Zvon» за 1905 г., т. XXV, 282. 330. 426.

На стр. 638, строка 18: Въ Отчетахъ за 1893—94 гг. Импер. Общества Люб. Др. Письм. (№ CII) напечатанъ отзывъ объ Амфилохіи какъ ученомъ и палеографѣ, на стр. 31—51 (статья А. А. Титова).

На стр. 650, стр. 26: О Калачовѣ имѣется отзывъ по случаю его избранія въ академики въ Запискахъ Имп. Ак. Н., томъ XLV, прил. къ проток. 19—30.

На стр. 652, строка 7: Укажемъ еще на одну статью А. С. Павлова въ Ж. М. Н. Пр. 1896 янв., 178—199: «Къ вопросу о хронологическомъ отношеніи между Аристиномъ и Зонарою какъ писателями толкованій на церковныя правила». Она имѣетъ значеніе и для славянской кормчей.

На стр. 653, строка 10 снизу: Нилъ Поповъ написалъ м. пр. еще статейку въ Ж. М. Н. Пр. 1887 дек., 304—306: «Къ вопросу о Супрасльской рукописи».

На стр. 654, строка 16 снизу: Между прочими сочиненіями А. Куника надо упомянуть его отчасти съ бар. В. Р. Розеномъ изданныя разысканія объ «Извѣстіяхъ Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ». Часть I-ая вышла еще въ 1878 году (прил. 2-ое къ XXXII тому Записокъ), часть II-ая въ 1903 году (отдѣльно, 8⁰ XII. 066. 209).

На стр. 669, строка 14 снизу: О Бѣлинскомъ по воспоминаніямъ Тургенева даетъ чешскій журналъ: «Slovanský Sborník» 1883 (стр. 221. 273. 331. 383) рефератъ въ чешскомъ переводѣ.

На стр. 670, строка 12 снизу: Біографія Грановскаго, написанная А. В. Станкевичемъ, вышла вторымъ изданіемъ въ 1897 г. въ двухъ томахъ, съ прибавленіемъ переписки Грановскаго.

На стр. 671, строка 25: О Герценѣ писалось въ русской литературѣ очень много, какъ свидѣтельствуетъ библіограф. перечень у Венгерова «Источники словаря русскихъ писателей» (Спб. 1900. т. I. Стр. 744—751). По странному недоразумѣнію здѣсь (на стр. 747 столб. а подъ № 136) присвоена Герцену изъ-за названія Искандръ «Повѣсть о Царьградѣ» (сочиненіе—XV столѣтія, о которомъ сказано мною нѣсколько словъ въ Archiv f. sl. Phil. XI. 157—158). Послѣ перечня у Венгерова—вышло еще изданіе Ч. Вѣтринскаго (Вас. Е. Чешихина) о Герценѣ (Спб. 1908).

На стр. 685, строка 22: Большая часть статей и изслѣдованій, упомянутыхъ на страницѣ 684, перепечатана вновь въ 83 томѣ Сборника Отд. р. я. и сл. подъ заглавіемъ: «Изслѣдованія по древней русской литературѣ М. И. Сухомлинова» (1908, 8⁰ 687).

На стр. 687, строка 18: Въ Извѣстіяхъ Отд. р. я. и сл. за 1900 г., томъ V, стр. 371—392, напечатаны «Послѣдніе труды Л. Н. Майкова» о двухъ писателяхъ XV в.

На стр. 691, строка 21: Здѣсь было бы кстати упомянуть Александра Кониcкаго (1835—1900), малорусскаго писателя-народника, занимавшагося также историко-литературными вопросами, м. пр. жизнеописаніемъ Шевченка. О его заслугахъ относительно учрежденія Львовскаго Общества Наукъ имени Шевченка разсказываетъ М. Грушевскій въ Зап. Науков. товар. ім. Шевченка 1901 г., т. XXXIX, стр. 1—14: «Памяти Олександра Кониського». И въ

«Кіевской Старинѣ» за 1901 г., томъ 72, январская книжка, стр. 125—151 напечатанъ В. Доманицкимъ некрологъ: «Александръ Яковлевичъ Конисскій».

На стр. 699, строка 9 снизу: Миклошичъ помѣстилъ должно быть въ бытность свою въ Константинополѣ (что онъ былъ тамъ, я знаю изъ его разсказовъ) въ болгарской газетѣ «Цариградскій Вѣстникъ» (19 ноября 1849 г.) одну статейку на болгарскомъ языкѣ, перепечатанную Драгановымъ въ «Новомъ Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію» (въ честь Ламанскаго) подъ заглавіемъ: «Забытая статья Ф. Миклошича» (стр. 293 и сл.) съ пояснительными примѣчаніями издателя довольно страннаго содержанія.

На стр. 706, строка 10 снизу: По поводу указанія на труды Миклошича о личныхъ именахъ и мѣстныхъ названіяхъ упомянемъ два изданія, относящіяся сюда: священникъ М. Морошкинъ издалъ въ 1867 г. «Славянскій Именословъ или собраніе славянскихъ личныхъ именъ въ алфав. порядкѣ» (Спб. 1867 8⁰ 213), и посмертный трудъ Н. М. Тупикова: «Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ» (Спб. 1903), вышелъ въ Запискахъ Отд. русск. и слав. археологіи Импер. Русск. Археолог. Общества, (т. VI, стр. 58—913). О происхожденіи названій русскихъ рѣкъ написалъ А. Орловъ 1907 г. очень обширное изслѣдованіе (IV. 430 стр.), но этого сочиненія я не имѣлъ въ рукахъ, мои друзья въ Петербургѣ не могли достать его ни въ Публ. Биб., ни въ Ак. Наукъ.

На стр. 718, строка 9: Гдѣ рѣчь идетъ о Шлейхерѣ, можно еще прибавить два-три слова о знаменитомъ санскритологѣ О. Бэтлингкѣ, потому что онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній также о русскихъ гласныхъ, въ 1851 г. въ «Beiträge zur russ. Grammatik», по-русски въ Уч. Зап. по I и III отд. т. I., кромѣ того «Ein Paar Worte gegen die altslav. Wurzeln mit silbenbildendem *r* und *l*» въ Mélanges asiatiques VIII. 35—39. См. о немъ отзывъ Булича въ Изв. Отд. р. я. и сл. т. IX, кн. 3, 187—200.

На стр. 725, строка 8 снизу: Надо исправить, что Гаттала — не былъ членомъ ордена Scholarum piarum, т. е. Піаристовъ. Онъ самъ сознается, что былъ мірскимъ священникомъ въ Оттовомъ Naučný Slovník s. v. Hattala. Фр. П.

На стр. 726, строка 14: Подъ вліяніемъ упомянутой статьи Гатталы вышла въ 1863 г. однимъ изъ бывшихъ его южно-слав. учениковъ (Lovro Mahnić) написанная статья подобнаго содержанія: «U kojem razměrju su jugoslavenski jezici prema staroslavenštini s jedne a medju sobom s druge strane?» (въ годовомъ Отчетѣ гимназіи города Осѣка за 1863 г., 4⁰ 1—17). Объ этомъ Л. Махничѣ см. Građa za pov. kńiž. hrv., томъ IV (статья д-ра Т. Матича).

На стр. 728, строка 7 снизу: О Гатталѣ имѣется еще отзывъ В. Флайшганса въ журналѣ «Osvěta» (1904 г., т. XXXIV, 110—116): «Martin Hattala. Vzpomínka od pr. V. Flajšhansa».

На стр. 730, строка 5 снизу: М. Горникъ написалъ некрологъ Смоляря въ журналѣ Slovanský Sborník III, 1884 г., 445—7.

На стр. 732, строка 20: О Горникѣ см. отзывъ въ Часописѣ Матицы лужицко-сербской за 1895 г., прежде еще Slovanský Sborník за 1887 г.

На стр. 733, строка 8: О Цѣновѣ (или Цейновѣ) и нѣкоторыхъ другихъ кашубскихъ романтикахъ вышла книжка Косцинскаго: Kościński Konstanty, Idea słowiańska na Kaszubach. Szkic historyczny (Poznań 1908, 8⁰ 27), которую я знаю только по реферату проф. Францева въ Р. Ф. В. т. LX (1908), стр. 441—452.

На стр. 737, строка 21: Оцѣнка литературной дѣятельности А. Вебера дана профессоромъ Марковичемъ въ изданіи «Spomen-knjiga Matice Hrvatske» 1892, стр. 303—338: «Adolfo Veber-Tkalčević, kanonik prvostolne crkve u Zagrebu».

На стр. 749, строка 17: Дополненія Валявца къ словарю, извлеченныя изъ книгъ кайкавскихъ, напечатаны въ журналѣ «Zvon» 1893, т. XIII. 106. 176. 237. 306. 371. 437. 503. 567. 632. 689. 757. Ф. К.

На стр. 750, строка 19: Въ сборникѣ, изданномъ въ память Блейвейса, (см. выше на стр. 912, примѣч. къ стр. 419, 9) имѣется статья Графенауера, относящаяся къ біографіи Левстика: «Opazke k Levstikovemu življenjepisu» (на стр. 260—277).

На стр. 751, строка 3: Изъ переписки Цафа имѣются сообщенія въ Zbornik-ѣ Slovenske Matice I (1899) 157—188, II (1900) 173—258. Ф. К.

На стр. 751, строка 8 снизу: Исторіи этого словаря касается статья І. Вошняка въ

Люблянскомъ журналѣ «Zvon» т. XIII (1883): «K zgodovini Wolfovega slovensko-nemškega slovarja». Ф. К.

На стр. 754, строка 2 снизу: На дняхъ напечаталъ проф. dr. Јованъ Туроманъ собранныя статьи бывшаго когда-то его учителя Л. Зимы, подъ заглавіемъ: «Омањи списи Луке Зиме» (У Београду 1909, 8⁰ VI. 340, изданіе «Задужбине И. М. Коларца»).

На стр. 766, строка 6: Здѣсь было бы кстати упомянуть словомъ польскаго ученаго, оріенталиста по спеціальности, Александра Ходзка (Chodzko, 1804—1871), получившаго каѳедру слав. языковъ и литературъ послѣ А. Мицкевича въ Collège de France въ Парижѣ (въ 1857 году). Для славянской филологіи труды его не представляютъ ничего важнаго. Въ 1854 г. вышли его «Légendes slaves du moyen-âge (1169—1237), texte et traduction française en regard. Paris in 4⁰. Это сочиненіе содержитъ рядомъ съ французскимъ переводомъ древне-сербскія житія Симеона и Саввы. Въ 1861 г. вышла его статья на французск. языкѣ (и въ польскомъ переводѣ, въ Библіотекѣ Варшавской): «Une renaissance littéraire en Bohême»; я не знаю, чтó содержатъ книжки, изданныя въ 1864 г. «Contes des paysans et des pâtres slaves» и «De la littérature sacrée chez les slaves» (Paris 1865), но его грамматику церковно-слав. языка «Grammaire paléoslave, suivie de textes paléoslaves tirés pour la plupart des mss. de la bibliothèque de Paris et du psautier de Bologne» (Paris. Imprim. impériale 1869. 8⁰. XVI + 274 et pl. fac-simile) — должно къ сожалѣнію назвать вполнѣ неудавшимся трудомъ.

На стр. 772, строка 19 снизу: Что у Гильфердинга были сношенія также съ хорватами, доказываютъ его письма Ив. Кукулевичу (напеч. въ Живой Старинѣ 1894 т. IV, стр. 176—190).

На стр. 786, строка 11 снизу: Гр. Крекъ написалъ о русск. свадебныхъ обычаяхъ статью въ Analecta Graecensia 1893 г.: «Zur Geschichte russischer Hochzeitsgebräuche».

На стр. 794, строка 2: Изъ числа прочихъ статей А. Будиловича упомянемъ: «Къ вопросу о племенныхъ отношеніяхъ въ Угорской Руси» (Жив. Старина 1903, т. XIII стр. 265—275).

На стр. 796, строка 17 снизу: Мой отзывъ о сочиненіи Кочубинскаго напечатанъ въ Отчетѣ о III-мъ присужденіи преміи Макарія въ 1889 г., Зап. Имп. Ак. Н. т. LXIII, прил. 3, стр. 114—128.

На стр. 813, строка 6: Ректорская (актовая) рѣчь Неринга въ 1893 г. была посвящена Іосифу Добровскому, еще въ 1902 г. онъ напечаталъ въ Schles. Gesellschaft für vaterländische Cultur статью: «Die Anfänge der slavischen Philologie». Въ «Studien für vergl. Literaturgeschichte» появились его рефераты объ исторіи польской и русской литературы Брикнера (1906, II, VI т.), о книжкахъ Карасека (ib. 1907, VII т.), о сочиненіи Алексѣя Веселовскаго (ib. 1908, I и VII).

На стр. 842, строка 14: Къ слишкомъ рано скончавшимся представителямъ славянской филологіи въ Германіи принадлежитъ также Вильгельмъ Вольнеръ (Wollner), уроженецъ Москвы (изъ русскихъ нѣмцевъ), 1851—1902; окончивъ университетъ въ 1879 г. въ Лейпцигѣ, онъ габилитировался тамъ же въ 1885 г. и въ 1890 г. сдѣланъ экстраорд. профессоромъ. Научная дѣятельность его очень удачно и кстати пополняла лингвистическую сторону трудовъ его учителя Лескина занятіями въ области славянскихъ литературъ, на которыя вкратцѣ указано его учителемъ (Лескиномъ) въ XXV т. Archiv für slav. Phil. стр. 500.

На стр. 846, строка 9 снизу: Къ циклу изслѣдованій о древне-христіанскихъ легендахъ принадлежитъ еще статья А. Н. Веселовскаго: «Легенда объ Евстратіи—Юліанѣ и сродныя съ ней» (Изв. Отд. 1903, т. VI, кн. 2, стр. 1—16).

На стр. 875, строка 6 сверху: Желая выяснить обстоятельства, сопровождавшія выходъ въ отставку В. Богишича я обратился въ департаментъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и получилъ оттуда слѣдующее сообщеніе: «Увольненіе профессора Новороссійскаго университета Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Богишича отъ службы состоялось 31 декабря 1889 года. Окончательное рѣшеніе вопроса относительно денежныхъ претензій профессора Богишича къ русскому Правительству въ возмѣщеніе понесенныхъ имъ расходовъ къ составленію законника для Черногоріи Министромъ Народнаго Просвѣщенія графомъ Деляновымъ предоставлено было усмотрѣнію Министра Иностранныхъ Дѣлъ отъ 29 декабря

1889 г. за № 21694, хотя первоначально (письмо профессору Богишичу отъ 5 марта 1889 г. за № 13394) графомъ Деляновымъ и высказано было предположеніе о перенесеніи настоящаго дѣла на разсмотрѣніе Комитета Министровъ. Что же касается вопроса о приглашеніи профессора Богишича въ Московскій университетъ, то установить этотъ фактъ по дѣламъ Министерства Народнаго Просвѣщенія не представлялось возможнымъ».

По справкамъ наведеннымъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ оказывается, что Богишичъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ (съ конца 1872 по конецъ 1889 года) получалъ по званію профессора Новороссійскаго Университета содержаніе по 3000 р. въ годъ и кромѣ того разновременно добавочныхъ пособій 25900 р. кредитныхъ и 3000 р. золотомъ. Вслѣдствіе же заявленныхъ имъ требованій, сопровождавшихся выраженіями неудовольствія, ему было въ 1890 г. по соглашенію съ Министрами Народнаго Просвѣщенія и Юстиціи испрошено дополнительное вознагражденіе 20000 руб., съ отобраніемъ отъ него подписки въ томъ, что онъ никакихъ дальнѣйшихъ домогательствъ заявлять не будетъ. Въ своей запискѣ Богишичъ указывалъ, что ему слѣдовало бы получить не 3000 р. кред. въ годъ, а 4000 р. золотомъ и что французскій законовѣдъ Boissonade получалъ отъ японцевъ прибавочныхъ 60000 фр. въ годъ. Надо еще прибавить, что Богишичъ выходя въ отставку получилъ вмѣсто слѣдовавшей ему пенсіи въ 2400 р.—3000 р. въ годъ.

Итакъ русскому правительству законникъ Черногорскій обошелся около 100 тысячъ рублей. Въ выигрышѣ остался князь Черногорскій. Беззаконное до него государство получило при немъ и благодаря ему законы, подобныхъ которымъ не имѣетъ, должно быть, ни одно государство въ мірѣ. И это обошлось князю очень дешево, такъ какъ онъ не платилъ Богишичу, отъ обѣщанныхъ ему годовыхъ 1000 гульденовъ, ни (по заявленію Богишича) ничего. Все это по даннымъ Министерства Иностр. дѣлъ.

Я позволю себѣ здѣсь прибавить еще отзывъ одного русскаго дипломата о значеніи Законника, составленнаго Богишичемъ для Черногоріи. Быть можетъ онъ черезъ чуръ строгъ и суровъ, но рядомъ съ многочисленными похвальными отзывами, заслуживаетъ быть услышаннымъ по началу audiatur et altera pars.

Bogissitch fut chargé de rédiger un code Civil sur la base du droit coutumier de Monténégro. Le Code fut promulgué solennellement le 25 Mars 1888. Deux ans après B. fut nommé Ministre de la justice aux 12/m. fr. d'appointements et résidence à Paris.

Intelligence fertile en expédients, mais sans profondeur, connaissances encyclopédiques et superficielles, vanité démesurée et avidité indécente — voila l'homme.

Autour de ce Code on a fait un grand bruit. B. sut avec un art consommé, et s'aidant de ses nombreuses connaissances, interdire les approches du temple à la curiosité des contemporains.

Le Code se compose de 1031 articles. Il ne comprend ni le droit de famille, ni les dispositions sur la tutelle, ni le droit des successions. Ce n'est aufond qu'une codification prétentieuse *des droits réels* (possession, propriétés, servitudes; le Chapitre X sur l'hypothèque n'est pas entré en vigueur) et *des contrats*.

Dans ce code ce qui n'est pas du domaine du droit romain est inspiré par la coutume du Monténégro, sauf deux points essentiels où la déviation est flagrante, les conséquences incalculables et où M-r B. a perdu même l'auréole du codificateur du droit coutumier. Ces points sont: la Zadrouga et des droits patrimoniaux de la femme. B. a introduit la Zadruga dans un pays, qui ne la connaissait pas, et il a, en contradiction directe a la coutoume que le code Danilo avait respecté, privé la femme du droit de libre disposition de son patrimoine.

Ce Code fragmentaire, incomplet et extrémement couteux, était au surplus profondement inutile, parce qu'il ne se fondait sur rien. Il n'avait ni sanction, ni puis sance d'application. La loi n'étant pas égale pour tous, et tous les procès ressortissant en dernier lieu au bon plaisir du Gospodar, le code cessait d'être *Loi* pour devenir un simple *paravent*, masquant les injustices innombrables par une apparence de légalité. Il ne fut et il n'est appliqué que dans une infime minorité de cas. Ce code mort—né ne forma jamais une classe de juges dans le pays.

Le Ministre de la justice exerça ses fonctions pendant 6 ans, residant à Paris, et ne vint au Monténégro qu' une fois pour 3—4 mois au plus.

На стр. 907, строка 1 сверху: Нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ я написалъ слова «У чеховъ еще живетъ Герменегильдъ Иречекъ», изъ Высокаго Мыта въ Чехіи пришло смутное извѣстіе о кончинѣ этого нестора науки славянскаго права. Герменегильдъ Иречекъ скончался 16/29 декабря 1909 г. въ глубокой старости (83 лѣтъ), въ своемъ родномъ городѣ, гдѣ онъ проживалъ послѣдніе годы своей трудовой жизни. О значеніи его въ исторіи славянской науки вообще и въ частности славянскаго права можно ожидать отзывовъ отъ такихъ знатоковъ предмета какъ Зигель въ Россіи, Кадлецъ въ Чехіи, Бальцеръ въ Галиціи. Въ Изв. И. Ак. Н. VI серія № 3 за 1910 г., стр. 189—192 помѣщена статья акад. А. С. Лаппо-Данилевскаго о Герм. Иречкѣ.

Примѣчаніе. Дополненія, на которыя указано мнѣ проф. Пастернекомъ въ Прагѣ, помѣчены буквами Фр. П., буквы же Ф. К. обозначаютъ дополненія, предложенныя мнѣ бывшимъ моимъ ученикомъ д-ромъ Фр. Кидричемъ.

НОВЫЯ ДОПОЛНЕНІЯ

Собранныя П. К. Симони.

На стр. 64, строка 5: Прибавимъ заглавіе упомянутой статьи адъюнкта П. П. Пекарскаго: «Переписка Лейбница съ разными лицами о Славянскихъ нарѣчіяхъ и древностяхъ. По поводу письма Лейбница къ Петру Великому, 22 янв. 1715 г.». Впрочемъ на эту статью указано также на стр. 663.

На стр. 66, строка 24: Отмѣтимъ еще магистра І. В. Паусъ (Паузе) и его неизданные труды по изученію русскаго языка; въ 1725—35 гг. онъ служилъ при Императорской Академіи Наукъ. Сюда относятся: 1) Conspectus totius Grammaticae Slavono-Russicae. Всего 13 главъ, обнимающихъ этимологію, орѳографію, синтаксисъ и отчасти риторику (syntaxis figurata), 8 лл. 4°. 2) печ. экз. «Грамматики Слав.» въ Москвѣ 1648 г. съ массою его замѣтокъ по-латыни на поляхъ и въ текстѣ и другіе его труды по этой части. См. у В. Н. Перетца: «Историко-литерат. Изслѣдованія и Матеріалы. — Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в.». Т. III. Спб. 1902, стр. 151—3 и прилож. стр. 95—6.

На стр. 81, строка 7 снизу (или 82. 1.): Къ такимъ новопризваннымъ силамъ изъ числа иностранныхъ ученыхъ, преимущественно же нѣмцевъ, примкнули и не многіе, конечно, русскіе. Здѣсь особенно кстати вспомнить и перваго нашего отечественнаго историка, собирателя словарныхъ матеріаловъ, издателя юридич. памятниковъ съ объясненіями и т. д. Василія Никитича Татищева (1686—1750). О немъ см. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: Біографіи и характеристики. Спб. 1882, стр. 1—175, Н. А. Поповъ: «Татищевъ и его время» (М. 1861), П. Пекарскаго: Новыя извѣстія о В. Н. Т—вѣ (Зап. И. Ак. Н. 1864, т. IV, № 4); см. Зап. И. Ак. Н. 1887 г., т. LV, № 4: Въ память двухсотлѣтней годовщины дня рожденія В. Н. Татищева; Ж. М. Н. Пр. 1886, іюнь, ст. Н. А. Попова: «Ученые и литер. труды Т—ва».

На стр. 82, строка 16: Относительно Миллера надо добавить: Онъ былъ Екатериною II назначенъ «историографомъ». Кому не приходилось только пользоваться богатыми разнообразіемъ и извѣстными уже давно въ нашей наукѣ «Портфелями Миллера», хранящимися частію въ Архивѣ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, а главнымъ образомъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, счастливымъ организаторомъ коего и былъ Г. Ф. Миллеръ. Перечень всѣхъ портфелей и указаніе содержимаго въ нихъ сдѣлано кн. Н. В. Голицынымъ, см. его брошюру: «Портфели Г. Ф. Миллера. М. 1899. 8°. 150 стр.

На стр. 84, строка 2: Раньше Шлецера можно было бы упомянуть адъюнкта Ак. Наукъ по высшей математикѣ Василія Евдокимовича Адодурова (1709—1780); въ 1731 г. при академическомъ изданіи русской переработки Вейсманнова Нѣмецко-Латинскаго Лек-

сикона, вышедшей подъ заглавіемъ: «Teutsch-Lateinisch- und Ruszisches Lexicon, samt denen Anfangs-Gründen der Ruszischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften zum Druck befördert. Нѣмецко-Латинскій и Рускій Лексиконъ купно съ первыми началами Рускаго языка къ общей пользѣ при Імперат. Академіи Наукъ печатію изданъ». 1731. 4⁰ м. 788 — помѣщено принадлежащее его перу первое по времени появленія у насъ послѣ грамматики Максимова — руководство къ русскому языку отдѣльной тетрадью: «Anfangs-Gründe der Ruszischen Sprache». Оно составлено подъ сильнымъ вліяніемъ грам. цсл. Смотрицкаго, но уже дѣлаетъ и шагъ впередъ. Гл. I. Von denen Buchstaben, derselben Pronunciation, und was sonst noch dabey vorkommt (стр. 3). Говорится, что Русскіе употребляютъ въ своемъ языкѣ *до сихъ поръ* 41 букву. Данъ алфавитъ русскій гражданскій, но оставлены и буквы церковно-славянскаго алфавита, какъ Sielo Ѕѕ; послѣ Chier стоитъ Ot Ѿ; послѣ *ю* стоитъ о, т. е. Ѡ ѡ, послѣ *я* ѯ ѯ Psi Ѱ, кончается ѵ и ѵ (Ischiza). Далѣе говорится о различіи ѹ и у. Идутъ замѣчанія о произношеніи очень любопытныя. На стр. 4 указываются различія въ произношеніи г и даже приведено начертаніе ґ. Стр. 6—8 заняты спискомъ словъ обычно пишущихся подъ титломъ, но титлы пригнаны къ гражданскому алфавиту. Глава II (стр. 9): Von dem Nomine Substantivo und Adiectivo und dem was dabey vorzukommen pfleget. Глава III (стр. 13): Von denen Declinationen. Глава IV. (стр. 34): Von denen Pronominibus. Глава V. (стр. 37): Von dem Verbo. Глава VI. (стр. 44) очень маленькая, всего $4^1/_2$ строки: Von dem Participio. Глава VII. Von dem Aduerbio. Глава VIII. (стр. 45): Von den Präpositionibus. Глава IX. (ibid.). Von den Coniunctionibus. Глава X. (стр. 46). Von den Interiectionibus. Глава XI. (ibid.) Von der Syntaxi. На 48 стр. оканчивается вся статья. Имени составителя этого руководства, притомъ перваго для русскаго языка — нигдѣ въ изданіи не отмѣчено, но извѣстно по преданію вполнѣ точно, что это трудъ В. Е. Адодурова, преподававшаго въ 1744 году Императрицѣ Екатеринѣ II, когда она была еще невѣстою наслѣдника Россійскаго престола В. Кн. Петра Ѳедор., начала русскаго языка. Сочиненіе это заслуживаетъ во многихъ отношеніяхъ вниманія историка славянской филологіи. Въ этомъ изданіи оно очень рѣдко, но оно было точь въ точь перепечатано и при 2-омъ изданіи Словаря въ 1782 г. Хотя самъ Словарь, какъ значится на заглавіи, и «знатно преумноженъ», но «руководство» рѣшительно нисколько не измѣнено, хотя, конечно, въ концѣ XVIII столѣтія уже не было никакой необходимости оставлять элементы церковно-славянскаго письма и языка. Объ Адодуровѣ см. «Критико-біографич. Словарь русск. писат. и ученыхъ» С. А. Венгерова, т. I. 1889, стр. 122 слѣд. и П. Пекарскаго, Исторія Имп. Акад. Наукъ, т. I, стр. 503—516 Пекарскимъ отмѣчена и недошедшая до насъ статья Адодурова (1737 г.) объ употребленіи ъ и ь. (См. Я. Грота, Труды т. II, 1899, стр. 603, выноска 1-я и стр. 643). Приписываемая Адодурову г. Венгеровымъ будто бы съ русскимъ текстомъ, а не латинскимъ книжка: «Правила Россійской Орѳографіи П. 1768» — есть просто недоразумѣніе, такой книги ни въ одномъ собраніи не имѣется (ср. у Грота, о. с. стр. 654).

На стр. 89, строка 4: Слѣдуетъ сослаться еще на статью акад. Ѳ. И. Буслаева: «Извлеченіе изъ Русской Грамматики профессора Барсова» въ сборникѣ: «Въ воспоминаніе 12 янв. 1885 г. Учено-литерат. статьи профессоровъ и преподават. Имп. Моск. Унив., изданныя по случаю его столѣтняго юбилея» (М. 1855, № 8, стр. 3—16). Статья составлена по двумъ рукописнымъ экземплярамъ, хран. въ б—кѣ Моск. Унив. Нельзя также забыть изданныя безъ имени А. А. Барсова «Краткія Правила Россійской Грамматики, собранныя изъ разныхъ Россійскихъ Грамматикъ въ пользу Обучающагося Юношества въ гимназіяхъ Имп. Моск. Университета». (М. 1773. 12⁰). Оставшійся въ рукописи трудъ его по русск. грамматикѣ цѣненъ въ томъ отношеніи, что указываетъ и на сознательную работу Барсова въ этой области (напр. въ ученіи объ verba iterativa въ русскомъ языкѣ), даже сравнительно съ Ломоносовымъ. Да и вообще этотъ трудъ Барсова много внесъ бы въ изученіе исторіи литературнаго языка XVIII в., если бы былъ въ свое время напечатанъ въ такомъ же видѣ, какъ и краткій его гимназическій учебникъ.

На стр. 100, строка 1 снизу: Изъ русской литературы о Добровскомъ упомянемъ еще: 1) Біографія Іосифа Добровскаго, сочиненная Ф. Палацкимъ. Съ нѣмецкаго перевелъ А. Царскій. (М. 1838, 70 стр. Гравиров. портретъ и памятникъ); данъ указатель сочиненій До-

бровскаго въ хронол. порядкѣ и обозначено, какія изъ сочиненій и когда были переведены на русск. яз. 2) В. Н. К(уницкій): «Іосифъ Добровскій. Біографич. очеркъ (Славянск. Ежегодникъ Задерацкаго вып. IV, 1880, стр. 304—321). 3) Тамъ же (стр. 1—131) помѣщенъ въ переводѣ Н. З—цкаго романъ: «Голубой аббатъ» А. В. Шмилевскаго изъ чешскаго журнала «Osvěta» 1875, №№ 10—12. 4) Рецензія Пл. А. Кулаковскаго: «Два сочиненія о жизни и трудахъ І. Добровскаго». (В. Брандля и Ив. Снегирева). Ж. М. Н. Пр. 1884, ч. CCXXXIV, стр. 312—331. 5) «*Источники для исторіи Славянской филологіи.* Т. I. *Письма Добровскаго и Копитара*, въ повременномъ порядкѣ. Трудъ орд. акад. И. В. Ягича. Спб. 1885, 8⁰. Ср. рецензія А. С. Будиловича Ж. М. Н. Пр. 1886, ч. CCXLV, іюнь. См. здѣсь на стр. 792.

На стр. 131, строка 14: Въ русскомъ переводѣ Грамматика Добровскаго появилась въ слѣдующемъ видѣ: «Грамматика языка Славянскаго по древнему нарѣчію, на коемъ Россіяне, Сербы и другіе. Славяне Греческаго исповѣданія, и Далматы Глаголиты Римскаго исповѣданія имѣютъ церковныя книги. Сочиненіе Аббата Іосифа Добровскаго, Философіи Доктора, члена Чешскаго общества наукъ, и другихъ обществъ. Часть I. Перевелъ съ Латинскаго М. Погодинъ» (Спб. 1833. 8⁰. LXX, 522, 4 табл. сн.); Части II и III. Перевелъ С. Шевыревъ (1834 г. 148. 156. 3). Посвященіе при I части: «А. С. Шишкову, ревнителю церковно-слав. языка».

На стр. 144, строка 1 сверху: Подъ «Сравнительнымъ *славянскимъ* словаремъ» С. Б. Линде не слѣдуетъ ли понимать обширные матеріалы Линде по части «Русско-Славянской лексикографіи», изъ коихъ частицу словъ на букву *к* въ 1845 году напечаталъ П. М(ухановъ) въ брошюрѣ въ 4-ку: «Матеріалы для сравнительнаго Русскаго Словаря, буквы *к* выпускъ 1-ый (Варшава. Стр. XII+24), оканчивается словомъ «казать»; на стр. VIII—XII приведены: «изъясненіе сокращеній» и перечень сочиненій, изъ которыхъ приводятся въ семъ выпускѣ примѣры, и писатели, на коихъ ссылается авторъ. Въ концѣ предисловія упомянуто имя одного изъ молодыхъ сотрудниковъ Линде: «учитель русской словесности, кандидатъ Московскаго Университета Адамъ Плеве».

На стр. 145, строка 13: Линде началъ печатать свой «Rys Historyczny literatury narodów Słowiańskich» и выпустилъ въ 1823 г. первый выпускъ: «Mikołaia Grecza Ces. Ross. radcy kolleg. Rys Historyczny literatury Rossyyskiéy, z Rossyyskiego przez Samuela Bogumila Linde... z dodatkami z Batjuszkowa, Bestużewa, Bulharyna, Kaczenowskiego, Karamzina, Köppena, Korniłowicza, Wjazemskiego. Warszawa, nakladem i drukiem N. Glücksberga, księgarza i typografa Krolewskiego Uniwersytetu». 8⁰ съ прекрасною гравюрою бюста гр. Н. П. Румянцова, работы гравера І. Пиварскаго. Посвящено Н. Н. Новосильцову. (Стр. XXX+4+578), оканчивается приложеніемъ П. И. Кеппена. Объ этой рѣдкой книгѣ см. разысканія А. А. Котляревскаго (Соч. IV, стр. 433—4).

На стр. 156, строка 12 снизу: Отзывъ акад. И. И. Срезневскаго объ обоихъ Словаряхъ Россійской Академіи былъ помѣщенъ во введеніи къ его разбору «Словаря Церковно-слав. и Русск. языка» 1847 г. См. Ж. М. Н. Пр. 1848 г., ч. LVII, стр. 167 слѣд., ч. LVIII, стр. 217 сл.

На стр. 159, строка 3: См. тоже въ переработанномъ видѣ въ магистерской диссертаціи В. В. Сиповскаго: «Н. М. Карамзинъ, авторъ Писемъ русскаго путешественника» Спб. 1899. Ср. Рец. И. Н. Жданова въ Соч. II, 505—7.

На стр. 159, строка 15: Прибавимъ указаніе на журналъ: «Чтеніе въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова» 1811—1815 (всего 19 книжекъ), поддерживавшій старые литературные вкусы, органъ общества, основаннаго въ 1811 году Державинымъ и Шишковымъ. Очень зло осмѣялъ членовъ «Бесѣды» Батюшковъ въ своей пародіи на «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскаго; — см. его «Пѣвецъ въ Бесѣдѣ Славянороссовъ» 1813 г. (Соч. Бат. подъ ред. Л. Н. Майкова, т. I, стр. 167, пр. 375).

На стр. 163, строка 3 снизу: Точное заглавіе сочиненія Е. Шмурло: «Митрополитъ Евгеній, какъ ученый. Ранніе годы жизни. 1767—1804». Спб. 1888. 8⁰. LXXXV+455+1+4. См. еще его же: «Библіографич. списокъ литератури. трудовъ Кіевск. митроп. Евгенія Болховитинова. Вып. I. Спб. 1888. 8⁰. 76 (по 1805 г.); С. И. Пономаревъ: «Матеріалы для біографіи митроп. Евгенія. Кіевъ, 1867. 8⁰. 63 (изъ трудовъ Кіевск. Дух. Акад. 1867, № 8).—Переписка митроп. Кіевск. Евгенія съ Госуд. канцл. гр. Н. П. Румянцевымъ и съ нѣкотор. другими

современниками съ 1813 по 1825 г. включ. 3 выпуска. Воронежъ 1868 и 1870. 125 стр. въ листъ, изд. Ворон. Губ. Статист. Комит.

На стр. 164, строка 15 сверху: Нѣсколько подробностей о Михаилѣ Трофимовичѣ Каченовскомъ (1775—1842). Онъ былъ членомъ-корр. съ 1832, ордин. акад. по Отдѣленію русск. яз. и слов. съ 1841 г., заслуж. проф. Имп. Моск. Унив. Род. въ Харьковѣ, происходилъ изъ греческой фамиліи Качони, учился въ Харьковскомъ Духовномъ Коллегіумѣ. Благодаря службѣ у гр. П. К. Разумовскаго въ Москвѣ въ качествѣ его библіотекаря могъ приготовиться къ магистерскому экзамену. Въ 1805 г. получилъ званіе магистра философіи и сталъ преподавать русскій языкъ въ гимназіи. Въ 1808 г. утвержденъ былъ адъюнктомъ, преподавалъ въ Университетѣ изящныя искусства, археологію, исторію, статистику и географію Россіи, и проч. Въ 1835 году, уже будучи заслуж. профессоромъ сталъ читать исторію и литературу славянскихъ нарѣчій и занималъ эту каѳедру до своей кончины. Съ 1799 г. сталъ сотрудничать въ журналахъ; послѣ Карамзина въ 1803 г. принялъ Вѣстникъ Европы и издавалъ его до 1830 г. О немъ см. ст. С. М. Соловьева въ Біографич. Словарѣ профессоровъ Моск. Унив. I, 383; К. Зеленецкаго въ Запискахъ Одесскаго Общ. Исторіи и Древн. ч. I. 1844, стр. 583—591; Отчеты Имп. Ак. Наукъ за 1841—1851 гг. Спб. 1852, стр. 49—54; очеркъ составленный его племянникомъ Вл. Каченовскимъ, бывшимъ Харьковскимъ профессоромъ: «М. Т. Каченовскій — по біографич. трудамъ Соловьева, Погодина, Давыдова, Кавелина и личнымъ воспоминаніямъ» (Библіографич. Записки. Москва за 1892 г. №№ 4 и 5 и отдѣльною брошюрою съ портретомъ 8⁰ 19 стр.). См. еще Русск. Старина 1890 г. іюнь, стр. 685; ibid. октябрь 1889, стр. 199; особенно въ трудахъ В. С. Иконникова: «Скептическая школа въ русск. исторіографіи и ея противники» (Кіевъ 1871) и «Опытъ русской исторіографіи». Т. I, кн. 1—2, Кіевъ 1891—2. — Своимъ скепсисомъ при оцѣнкѣ русскихъ историч. памятниковъ Каченовскій сослужилъ хорошую службу молодой Русской наукѣ наравнѣ съ братьями Строевыми и друг.

На стр. 165, строка 16 снизу: Объ А. С. Кайсаровѣ (1782—1813 убитъ подъ Ганау) см. Справочный Словарь о Русск. писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ Гр. Геннади. Берлинъ 1876, т. I, 91 и Е. В. Пѣтуховъ: «Каѳедра русск. языка и словесности въ Юрьевск. (Дерптск.) Университетѣ. Къ 100-лѣтію существованія Унив. Состав. по архивн. и печатн. матеріаламъ». Ю. 1900, стр. 5, 33—42.

На стр. 170, строка 8 снизу: О Калайдовичѣ см. П. А. Безсоновъ: «К. Ѳ. Калайдовичъ. Біографическій очеркъ» (Русск. Бесѣда 1860 г., № 2, стр. 1—50) и «Матеріалы для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича, и особенно для изображенія ученой его дѣятельности» (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1862 г., кн. третья, стр. IV, 208).

На стр. 172, строка 2: Послѣ Калайдовича и Строева слѣдуетъ упомянуть имя близкаго гр. Н. П. Румянцову сотрудника протоіерея о. Іоанна Іоанновича Григоровича (1790—1852), уроженца Могилевской губ., по матери онъ приходился въ родствѣ съ бѣлорусскимъ архіеп. преосв. Георгіемъ Конисскимъ. См. о немъ біографич. статьи и некрологи: въ Ж. М. Н. Пр. 1852 г. № 12; Москвитянинъ 1853 г. № 2; Николай Григоровичъ: Очеркъ жизни Іоанна Іоанновича Григоровича. Спб. 1861, 8⁰. 36.

По окончаніи курса въ Спб. Дух. Академіи (1819), въ слѣд. году по рукоположеніи во священническій санъ онъ занялъ мѣсто своего отца въ Гомелѣ. Въ это время онъ вошелъ въ сношенія съ канцл. гр. Румянцовымъ и посвящалъ свои досуги историческимъ, археологическимъ, а съ теченіемъ времени и филологическимъ трудамъ. Ему же принадлежатъ: приписывавшійся Калайдовичу «Историч. и хронологич. опытъ о посадникахъ Новгородскихъ» (1821) и «Бѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ». Ч. I. Москва 1824. (ср. Е. Ѳ. Карскаго, Бѣлоруссы. Т. I. 1903, стр. 350).

Въ 1847 г. Отдѣленіе русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ возложило на о. І. Григоровича приготовленіе и редакцію Бѣлорусскаго словаря, тогда же имъ была представлена подробная программа работъ («предначертаніе» какъ отмѣчено въ «Отчетѣ» Отдѣленія за 1848 г. См. «Отчеты 1841—51 гг.» Спб. 1852. стр. 206—9). Въ 1852 г. о. І. Григоровичъ скончался, успѣвъ все таки отпечатать 10 листовъ по 1-ое ноября по порученію Отдѣленія: «Словарь Западно-русскаго нарѣчія» (4⁰, въ 2 столбца, всего 80 страницъ, обрывающихся на словѣ *вáра)*. Въ словарѣ приведены и бѣлорусскія народныя слова и объясненія ихъ, выборки изъ

пѣсенъ, пословицъ, а такъ же изъ памятниковъ письменности, старинныя и т. д. Куда дѣлись матеріалы на дальнѣйшія буквы, неизвѣстно; продолженіе печатанія было поручено кандидату Моск. Унив. С. П. Микуцкому, но онъ къ изданію такъ и не приступалъ. Отпечатанные 10 листовъ Словаря были уничтожены. Ср. А. Н. Пыпина, Истор. Русск. Этнографіи, т. IV, стр. 68.

На стр. 175, строка 6 сверху: О Н. И. Гречѣ см. некрологъ въ Ж. М. Н. Пр. 1867 г., ч. CXXXIII, стр. 240—247. Гречу не мало обязанъ Даль при печатаніи своего Толк. Словаря, такъ какъ онъ усердно прочитывалъ всѣ корректурные листы Словаря и снабжалъ дѣльными замѣчаніями. Его «Опытъ краткой исторіи Русской литературы», Спб. 1822. 8⁰ 391, посвященный гр. Н. П. Румянцову, долго считался очень полезнымъ пособіемъ и сохранилъ часть своего значенія до сихъ поръ по біографіямъ и спискамъ трудовъ старыхъ писателей до Пушкинской эпохи вообще. См. Ксеноф. Полевой: Юбилей 50 лѣтней литературной дѣятельности Н. И. Греча 27 декабря 1854 г. Спб. 1855. Стр. 98 и Библіот. для Чтенія 1855 г., № 2, т. CXXIX, стр. 139—154; некрологъ въ газетѣ «Голосъ», 1867 г., №№ 14 и 17.

На стр. 219, строка 10: Вспомнимъ по этому поводу труды Ив. Степ. Пенинскаго: 1) Славянская Грамматика, заимствованная преимущественно изъ Грамматики г. Добровскаго. Спб. 1825. 12⁰. XXI, 219. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что пополнилъ синтаксисъ Добровскаго; 9 изд. въ 1852 г. 2) Славянская хрестоматія, или Избранныя мѣста изъ произведеній древняго отечественнаго нарѣчія. Спб. 1828. 8⁰. XXIII, 501 стр. Есть тексты извлеченные прямо изъ рукописей.

На стр. 221, строка 7 сверху: Отмѣтимъ полное заглавіе этого изданія, хотя оно и общеизвѣстно: Остромирово Евангеліе 1056—57 года съ приложеніемъ Греческаго текста Евангелій и съ грамматическими объясненіями, изданное А. Востоковымъ. Спб. Въ типографіи Императорской академіи наукъ. 1843. 4⁰. стр. VIII, 294(5), 2, 2, 320, 4 и 4 таблицы гравиров. снимковъ. Фр. Миклошичъ написалъ обстоятельную рецензію на это изданіе въ 119 томѣ «Jahrbücher der Litteratur» 1847, и отдѣльно 8⁰. 39 стр., она упоминается на стр. 698 этого изданія. (Ср. въ книгѣ Перевлѣсскаго «Памятники старослав. яз.» Спб. 1854 г., стр. 7—10).

На стр. 221, строка 17 снизу: Полное заглавіе словаря Востокова слѣдующее: «Словарь Церковно-Славянскаго языка, составленный Академикомъ А. Х. Востоковымъ. Изданіе Втораго Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ» 4⁰ т. I. Спб. 1858. Стр. 1—4: алфавитное указаніе матеріаловъ, 5—255. а—нѫ. т. II. 1861. Стр. 1—295. о—ѩ. Стр. 1—3 опечатки I и II т. т. Словарь отпечатанъ въ «Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики» т. IV и VI. (Листы Словаря Востокова прилагались частями къ отдѣльнымъ выпускамъ «Извѣстій» въ концѣ каждой тетради, есть и отдѣльные титульные листы и томовъ «Матеріаловъ»). Рецензію И. Срезневскаго см. въ «Ученыхъ Запискахъ» II Отдѣленія Имп. Акад. Наукъ, кн. IV, отд. I, стр. XIX—XLIII и въ «Русской Бесѣдѣ» 1857, кн. 6, крит., стр. 1—22.

На стр. 224, строка 10: Точное заглавіе отдѣльнаго изданія: «Грамматика Церковно-Словенскаго языка изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ». Составлена Академикомъ А. Х. Востоковымъ. Санктпетербургъ, 1863. 8⁰. (Цензура 2 іюня). Стр. 134 и 1 таблица. О Востоковѣ написалъ С. Ѳ. Коропачинскій: «Значеніе А. Х. Востокова въ исторіи Славянской филологіи» и «Послѣдователи исторической школы изученія Славянскаго языка» (Отчетъ Одесской первой Прогимназіи за 1874—5 уч. годъ. Одесса, 1875 г., стр. 1—53).

На стр. 225, строка 5: Впрочемъ были собраны матеріалы и на другіе выпуски «Словенскихъ памятниковъ», позднѣйшей эпохи, особенно сербскихъ, были заготовлены снимки грамотъ, печатей и т. д.

На стр. 226, строка 11: Отмѣтимъ еще важный трудъ П. И. Кеппена (1793—1864), для опредѣленія границъ разселенія русскихъ племенъ отъ инородцевъ: «Этнографическую карту Европейской Россіи, издан. Имп. Русск. Географич. Обществомъ». Спб. 1851 г. (на 4 листахъ, въ масштабѣ 75 верстъ въ англ. дюймѣ) съ текстомъ: «Объ этнографич. картѣ» Спб. 1852. 40 стр. См. замѣтку И. И. Срезневскаго въ «Извѣстіяхъ по Отд. русск. яз. и слов.» т. I, 68—70 и 180—181. При 3-мъ изданіи карты въ 1856 г. Кеппенъ помѣстилъ особую статью

о ней въ Вѣстникѣ И. Р. Г. Общ. 1856 г. ч. XVI, стр. 83—95. Этимъ трудомъ онъ былъ занятъ еще съ половины 40-ыхъ годовъ и составилъ цѣлый этнографическій атласъ Европейской Россіи на 80-ти листахъ (1851 г.) въ 3-хъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ находится въ Собственной Его Имп. Величества библіотекѣ, и по одному въ библіотекѣ Академіи Наукъ и Имп. Русск. Геогр. Общества.

Литература о Кеппенѣ и его трудахъ: статья акад. А. А. Куника въ «Сборникѣ статей, читанн. въ Отдѣл. русскаго языка и словесности Имп. Ак. Наукъ», т. II, прилож. № 6, 1868 г., стр. 1—36: «Литературные труды П. И. Кеппена» (перечислено далеко не все); статья его сына Ѳ. П. К—на въ Русской Старинѣ 1893 г., № 4, стр. 88—106: «Къ столѣтнему юбилею рожденія П. И. Кеппена». Подробная біографія П. И. Кеппена составленная его сыномъ будетъ напечатана въ «Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности». Автобіографія П. И. Кеппена напечатана въ брошюрѣ: «Юбилей Петра Ивановича Кеппена 29-го декабря 1859 г.». (Спб. 1860, f⁰). См. стр. 5—7.

Часть собранныхъ матеріаловъ была по завѣщанію П. И. Кеппена роздана въ I-ое Отдѣленіе Библіотеки Имп. Академіи Наукъ, другія части попали въ Русское Археологическое Общество въ Спб. и въ Общество Ист. и Древностей Россіи въ Одессѣ. Къ сожалѣнію до сихъ поръ остается у его невѣстки Е. Г. Кеппенъ значительная часть бумагъ, переписки, дневниковъ, «Путевыхъ записокъ» и проч., послѣдними напр. пользовался И. С. Свѣнцицкій въ своей книгѣ: «Матеріалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси. Вып. I. Львовъ 1906, стр. 121 слѣд.

На стр. 229, строка 24: О М. К. Бобровскомъ см. брошюры его племянника, П. О. Бобровскаго: 1) «М. К. Бобровскій (1785—1848) ученый славистъ-орьенталистъ». Историко-біографич. очеркъ. Спб. 1889. 8⁰ 105. 2) Судьба Супрасльской рукописи, открытой... М. К. Бобровскимъ, со снимками и дополнит. замѣткою. Спб. 1887. 8⁰ 76 со снимками; Еще замѣтка о Супрасльской рукописи, Спб. 1888, 8⁰ 11. 3) «Къ біографіи М. К. Бобровскаго, слав. филолога оріенталиста». Спб. 1890. 52. [I. Переписка съ П. И. Кеппеномъ 1825—6 гг. II. Учен. путешествіе по Европѣ и славянск. землямъ. 1817—22 гг. III. Отрывокъ изъ неизданной переписки о сравнит. всеславянск. словарѣ и о рукописи «Лѣтописецъ Подола»—1833 и 1839 гг.].

На стр. 260, строка 5: О Ганкѣ см. между прочимъ воспоминанія: 1) А. Н. Пыпина въ статьѣ: «Вячеславъ Ганка» въ ж. «Отечеств. Записки» т. LXXXVI отд. II, стр. 1—40, особенно стр. 32—40; 2) П. П. Дубровскаго: «Воспоминанія о В. В. Ганкѣ» ibid. (біографич. свѣдѣнія заимствованы изъ книжечки: «Auplny literaturnj létopis, čili obraz slowesnosti Slowanůw nářečj českého a t. d. Sepsal I. W. I. Michl.» (V Praze, 1839).

На стр. 459, строка 5 снизу: Укажемъ еще отдѣльную статью А. Н. Пыпина: «К. С. Аксаковъ 1817—1860» (Вѣстн. Европы 1884 г. мартъ, стр. 145—177 и апрѣль, стр. 589—618).

На стр. 477, строка 8: См. составленный А. Ѳ. Бычковымъ «Библіографич. Списокъ сочиненій и изданный орд. акад. Имп. Ак. Наукъ И. И. Срезневскаго. Ко дню 50-лѣтія его ученой дѣятельности составленъ въ Отдѣленіи русск. яз. и слов. Спб. 1879. 4⁰ 38 стр. (отмѣчено 340 нумеровъ), съ дополненіями А. А. Котляревскаго, см. въ Отчетѣ о дѣят. Отдѣл. русск. яз. и слов. за 1880 г. состав. А. Ѳ. Бычковымъ. Спб. 1881 г., см. стр. 18—61. біогр. свѣдѣнія о И. И. Срезневскомъ; приложеніе I: Записка о путешествіи по загранични. Славянск. землямъ, составл. въ Имп. Моск. Унив. (62—6); II прил.: Выписка изъ донесенія декана проф. Артемовскаго-Гулака, объ измѣненіи проекта, составл. Моск. университетомъ, о путешествіи молодого ученаго за границу для изученія слав. нарѣчій (66—69); III прил.: Инструкція въ руководство г. адъюнкту Срезневскому, по случаю назначаемаго для него путешествія по Слав. землямъ съ цѣлью изученія славянскихъ нарѣчій и ихъ литературы (69—75); IV прилож.: Письмо Ганки къ С. Уварову 16/28 мая 1841 г. (стр. 75—9); V прил. Списокъ соч. изд. въ 1831—1881 гг. (Стр. 79—126, №№ 1—389). Эти приложенія (кромѣ V-го) перепечатаны въ томѣ (III) Отчетовъ Отдѣленія русск. яз. и слов., изд. въ 1903 году, на стр. 432—46.

На стр. 484, строка 1 снизу: Добавимъ еще: А. И. Александровъ «Памяти В. И. Григоровича. 30 апрѣля 1815 г.—19 декабря 1876 г.» Варшава 1902. 33 стр. изъ Р. Ф. В.; Къ біографіи В. И. Григоровича. Спб. 1903 г. стр. 8 изъ Изв. т. VIII, стр. 375—382; М. П.. Первый ученый трудъ В. И. Григоровича. Варш. 1893 г. стр. 21 изъ Р. Ф. В. (напечатанъ Отчетъ Попечителю

Каз. Унив. М. Н. Мусину-Пушкину отъ 6 Генваря 1840 г.); М. II—ій: Григоровичъ и Прейсъ.— Къ исторіи Славяновѣдѣнія на Руси. Спб. 1897 г. изъ Извѣстій т. II, кн. 3, стр. 722—744; А. А. Кочубинскій въ сборникѣ своемъ: «Янъ Амосъ Коменскій. В. И. Григоровичъ. Двѣ рѣчи. Одесса. 1893 г., стр. 27—56): «18 октября 1892 г. В. И. Григоровичъ въ исторіи славяновѣдѣнія»; — Ѳ. И. Успенскій: «Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ». Одесса 1890 г.; «Памятникъ проф. В. И. Григоровичу на могилѣ его въ Елисаветградѣ». Одесса 1894 г., стр. 83 (рѣчи о немъ Кочубинскаго, Ѳ. И. Успенскаго, А. И. Кирпичникова, А. И. Маркевича, В. Н. Ястребова, В. И. Ламанскаго, М. Г. Попруженка).

На стр. 485, строка 23: О прот. Г. П. Павскомъ (1787—1863) см.: «Прот. Г. П. Павскій». Біограф. очеркъ составл. протоіер. А. Орловымъ въ «Запискахъ Имп. Академіи Наукъ». т. IV, кн. 2, 1864 г., стр. 124—140; Св. С. В. Протопопова. «Прот. Г. П. Павскій, біогр. очеркъ», Спб. 1876 г., 108 стр.; Н. Барсовъ: «Пр. Г. П. Павскій» въ Христ. Чтеніи 1880 г., № 5—6, стр. 677—685; Н. И. Барсовъ: «Прот. Г. П. Павскій. Очеркъ его жизни по новымъ матеріаламъ» въ Русской Старинѣ 1880 г., №№ 1—6; Древн. и Новая Россія, 1880 г. октябрь, томъ XVIII, стр. 377—386.

Въ XIII-мъ «Присужденіи учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ 17 апрѣля 1844 г.» (Спб. 1844 г., стр. 41—50) помѣщенъ критич. разборъ акад. А. Х. Востокова о «Филологическихъ Наблюденіяхъ» Прот. Павскаго; ак. Востоковъ высказалъ пожеланіе, чтобы авторъ «составилъ полную Грамматику изъ приготовленныхъ имъ матеріаловъ» и заключилъ, что «и теперь филологич. наблюденія надъ составомъ Русскаго языка представляютъ полнѣйшій и ученѣйшій грамматическій обзоръ нашего языка, какой мы доселѣ имѣемъ, и богатую сокровищницу разнообразныхъ свѣдѣній для всѣхъ занимающихся симъ языкомъ».

На стр. 486. строка 13: И. М. Снегиревъ былъ членомъ-корреспондентомъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ съ 29 декабря 1854 г. (избранъ въ одинъ день съ И. П. Сахаровымъ). И. Срезневскій въ своемъ сборномъ изданіи: «Памятники и образцы народнаго языка и словесности Русскихъ и Западныхъ Славянъ, издававшихся при «Извѣстіяхъ» 1852—6 гг. — далъ мѣсто «Неизданнымъ пословицамъ Великорусскимъ» (до 300 №№, съ объясненіями историч. и т. п.) Снегирева, см. на столбцахъ 385—394. (Прибавл. къ Изв. листъ CVI: XXV).

На стр. 486, строка 23: Вмѣсто: «Русскіе простонародные и суевѣрные обряды» — слѣдуетъ читать: «Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды». Добавимъ: напечатано безъ имени автора; выпускъ I. М. 1837, стр. 4, 246. Вып. II. М. 1838, стр. 142 + 1; Вып. III. 1838, стр. 214 + 1 и Вып. IV. 1839, стр. 200 и Указатель стр. 1—40. Кромѣ того: Снегиреву же принадлежитъ великое множество статей и замѣтокъ по бытовой старинѣ и особенно по исторіи Москвы, ея святынь и достопримѣчательностей, онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ по части объяснительнаго текста художественныхъ изданій А. А. Мартынова. Снегиреву же было поручено составить объяснительный текстъ въ 5 томахъ къ великолѣпному изданію «Древности Россійскаго Государства» и т. д. О немъ см. статью Г. Н. Геннади въ «Русскомъ Архивѣ» и ib. passim. Еще см. изданіе А. Д. Ивановскаго: «Ив. М. Снегиревъ и Дневникъ его воспоминаній съ 1821—1865 годъ». Спб. 1871. Значительная часть этого любопытнаго Дневника Снегирева издана недавно А. А. Титовымъ. Снегиревъ умеръ въ Петербургѣ въ величайшей бѣдности и всѣ его изданія и литературные труды вдова его продала на толкучій рынокъ, а между тѣмъ онъ былъ прирожденнымъ знатокомъ Москвы и ея стараго быта, святынь и древностей... См. еще Ѳ. И. Буслаева: «И. М. Снегиревъ» М. 1869 г. стр. 7 (изъ «Моск. Вѣдомостей» оттискъ).

На стр. 489, строка 14: Въ прекрасной и многосодержательной рецензіи проф. Н. П. Дашкевича въ Отчетѣ о XXIX-омъ присужденіи наградъ гр. Уварова, Спб. 1888 г. (LIX т. Записокъ Имп. Академіи Наукъ, № 9), стр. 161 и въ разн. мѣстахъ.

На стр. 489, строка 17: См. еще: «Юбилей 50-лѣтней учено-литерат. дѣятельности М. А. Максимовича (1821—1871). Кіевъ 1871, 160 стр. 74; 2-е изданіе Спб. 1872 г. 61 стр. Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу съ поясненіями С. И. Пономарева. Спб. 1882 въ Сборникѣ Отдѣл. русск. яз. и слов. т. XXXI, № 2, стр. 1—143; Письма о Кіевѣ и Воспоминаніе о Тавридѣ, Михаила Максимовича. Спб. 1871. 12° 154, II; «Памяти М. А. Максимо-

вича» Кіевъ 1898. 102, оттискъ изъ «Кіевской Старины»; И. Стешенко: М. А. Максимовичъ. Къ столѣтію годовщины его рожденія. Кіевъ 1904. 31 изъ «Кіевск. Старины»; А. С. Грушевскій: «М. А. Максимовичъ (1804—1873). Изъ украинской исторіографіи XIX в.». Спб. 1906 (изъ Извѣстій Отдѣленія русск. яз. и словесн. т. XI, кн. 1, стр. 375—416).

На стр. 489, строка 7 снизу: Максимовичъ былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ 29 дек. 1871 г.

На стр. 492, строка 10 снизу: Добавимъ относительно брошюры Максимовича: «Пѣснь о Полку Игоревѣ, сложенная въ концѣ XII-го в. на древнемъ русскомъ языкѣ. Издана съ переводомъ на нынѣшній Русскій языкъ Профессоромъ Русской Словесности Михаиломъ Максимовичемъ, для своихъ слушателей». Кіевъ, 1837. 16⁰. 49. Это изданіе текста вышло въ качествѣ лишь «корректурнаго»; сдѣлана въ концѣ ссылка на критич. изслѣдованіе въ статьѣ о Словѣ о П. Иг. въ Ж. М. Н. Пр. 1836 г. №№ 4 и 6 и заявлено о новомъ, *полномъ* изданіи Пѣсни съ критическимъ изслѣдованіемъ, объяснительными примѣчаніями, словаремъ и переводомъ; но вышла потомъ лишь брошюра: «Пѣснь о Полку Игоревѣ, переведенная на Украинское нарѣчіе Михайломъ Максимовичемъ». Кіевъ, 1857. 16⁰ стр. IX, 47.

На стр. 497, строка 7: См. «Письма П. А. Кулиша къ О. М. Бодянскому. Кіевъ 1898, изд. Кіевской Старины. Стр. 124. (113 писемъ). «Письма П. А. Кулиша 1855—1897, къ В. В. Тарновскому-отцу; Д. С. Каменецкому и В. В. Тарновскому-сыну». Кіевъ 1899, стр. 130. См. на стр. 914.

На стр. 514, строка 24: Е. Даль: «Владиміръ Ивановичъ Даль (по воспоминаніямъ его дочери)». Глава I — VII. (Русскій Вѣстникъ, т. CXLII, стр. 71—112 (окончанія не было). П. Мельниковъ: «Воспоминанія о Вл. Ив. Далѣ». Читано въ годовомъ публичномъ собраніи Общ. Любит. Россійск. Словесности, 25 февраля 1873 г. (Русскій Вѣстникъ 1873 г. CIV, № 6; стр. 275—340; ср. біогр. очеркъ Даля, составл. П. Н. Полевымъ въ I т. Сочиненій В. И. Даля, изд. 2 Вольфа. 1883 г. стр. I — XXXI. О Толк. Словарѣ великорусскаго языка см. рецензію ак. Я. К. Грота при присужденіи ему Ломоносовской преміи въ 1869 г. Труды, т. II (1—45), и Сочиненія А. А. Котляревскаго т. IV (437—42). Очень странно и досадно, что изданіе книгопрод. Вольфа игнорируетъ до сихъ поръ цѣнныя Далевы статьи небольшого объема по русскому народному языку, быту, миѳологіи и т. под., разсѣянныя по разнымъ журналамъ.

На стр. 535, строка 8 снизу: Прибавимъ еще указаніе: «Изъ дополненій къ «Моимъ Воспоминаніямъ» въ сборникѣ Общ. Любит. Россійск. словесности «Починъ», на 1896 годъ, стр. 1—34.

На стр. 539, строка 4: Недавно въ органѣ Петербургскаго Общества ревнителей Русск. Историческаго просвѣщенія въ память Имп. Александра III въ журналѣ «Старина и Новизна, историч. сборникъ», въ книгахъ VIII. Москва 1904 г., стр. 97—375, кн. X. Москва 1905 г. стр. 1—267 и кн. XII, Москва 1907 г., стр. 10—306 отпечатанъ текстъ «Лекцій Ѳ. И. Буслаева Е. И. В. Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу 1859—1860 г.». Всего 93 лекціи отъ начала словесности и литературы и кончая XVII-ымъ вѣкомъ и общими замѣчаніями о XVIII и XIX-мъ столѣтіяхъ. Объ этомъ курсѣ А. И. Кирпичниковъ въ Чтеніяхъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Россіи за 1898 г. помѣстилъ статью: «До-Петровская Русь въ ея литературѣ по лекціямъ Ѳ. И. Буслаева Е. И. В. Насл. Цесаревичу В. Кн. Николаю Александровичу 1859—1860 гг.» (М. 1898 г., стр. 19). Курсъ лекцій, прочитанный Цесаревичу, былъ совсѣмъ особый; именно, здѣсь Буслаевъ имѣлъ поводъ высказать свои взгляды на такіе памятники и явленія русской литературы въ связи съ русскимъ искусствомъ, о которыхъ въ обычныхъ его университетскихъ лекціяхъ ему высказываться не приходилось. Напримѣръ, здѣсь мы встрѣчаемъ воззрѣнія Буслаева на Палею, на Хронографы, на Кормчую книгу, на Пчелу, на Даніила Паломника, на силу татарскаго вліянія и на многое другое, чего въ университетскихъ своихъ лекціяхъ онъ почти не касался. Свои чтенія гуманный профессоръ заключилъ такимъ общимъ выводомъ: «Итакъ необходимость въ правильномъ обученіи и Русскаго народа по всѣмъ его сословіямъ и классамъ — вотъ главный и существенный результатъ, извлекаемый нами изъ исторіи русской литературы».

На стр. 545, строка 5: Около этого же времени Буслаевъ собралъ и остальныя свои статьи 1851—1881 гг. въ двухъ томахъ и издалъ въ 1886 году подъ заглавіемъ: «Мои Досуги.

Собранныя изъ періодическихъ изданій мелкія сочиненія Ѳедора Буслаева». Ч. I содержитъ статьи: Женскіе типы въ изваяніяхъ греческихъ богинь (1851), Христіанскій музей при берлинскомъ университетѣ (1864), Римскія письма (1875), Регенсбургъ (1880), Бамбергъ (1880), Шартрскій соборъ (1874), Флоренція въ 1864 г. Шестисотлѣтній юбилей дня рожденія Данта Аллигіери (1864), Изъ Бургдорфа (1870), Итальянскія карикатуры во время франко-прусской войны 1870 г. Задачи эстетической критики (1868). Часть II содержитъ статьи: Бѣсъ (1881). Женщина въ народныхъ книгахъ (1864). Иллюстрація стихотвореній Державина (1869). Письма Русскаго Путешественника (1866). Памятникъ тысячелѣтію Россіи. 1862 г. Басни Крылова въ иллюстраціи академика Трутовскаго (1869). Комикъ Щепкинъ о Гоголѣ (1863). Погодинъ, какъ профессоръ (1876). Перехожія повѣсти и разсказы (1874). Значеніе романа въ наше время (1877).

На стр. 545, строка 11 снизу: Буслаеву и его ученой и учебной дѣятельности посвящены еще слѣдующія изданія, некрологи, статьи и т. д.: А. Н. Пыпинъ: Некрологъ. Ѳ. И. Буслаевъ. 1818—1897 (Вѣстникъ Европы 1897 г., № 9, стр. 405—410; М. Г. Халанскій: «Памяти Ѳ. И. Буслаева». Харьковъ, 1899 г., изъ Трудовъ Педагогическаго Отдѣла Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Выпускъ V. 1899 г.; В. Н. Щепкинъ въ Этнографич. Обозрѣніи 1898 г.; Е. К. Рѣдинъ: «Ѳ. И. Буслаевъ. Обзоръ трудовъ его по исторіи и археологіи искусства». Харьковъ, 1898 г. 8⁰ 39 стр.; газета Д. И. Иловайскаго «Кремль» 2 октября 1897 г., № 4 фельетонъ: «Поминка по Ѳ. И. Буслаевѣ»; O. N.: «Чествованіе L-лѣтней ученой дѣятельности академика и заслуженнаго профессора Ѳ. И. Буслаева». Воронежъ, 1889 г., стр. 26; «Дополненіе къ...» Ворон. 1889 г., стр. 27—47 (изданіе Воронежск. Филологич. Записокъ); «Памяти Ѳ. И. Буслаева». Изданіе Учебнаго Отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній. Москва, 1898 г. 12⁰ 198 (Всев. Ѳ. Миллеръ: Памяти Ѳ. И. Буслаева; П. Виноградовъ: Памяти Ѳ. И. Буслаева; Петръ Виноградовъ: Педагогическіе завѣты Ѳ. И. Буслаева; А. Кирпичниковъ: Ѳ. И. Буслаевъ, какъ основатель исторіи всеобщей литературы; К. Войнаховскій: Значеніе трудовъ акад. Буслаева въ исторіи науки о русскомъ языкѣ; Л. Бѣльскій: Отношеніе Буслаева къ искусству; Е. Ляцкій: Значеніе трудовъ Буслаева по народной словесности; А. Кирпичниковъ: Буслаевъ какъ идеальный профессоръ 60-хъ годовъ). — «Біографіи, собралъ и дополнилъ А. Ѳ. Селивановъ». Пенза, 1889, стр. 10—25.

Богатое собраніе рукописей и лицевыхъ памятниковъ письменности пріобрѣтено въ Петерб. Публичную Библіотеку, часть же перешла въ Москву въ Румянцовскій Музей и Университетъ. См. «Каталогъ собранія рукописей Ѳ. И. Буслаева, нынѣ принадлежащихъ Имп. Публичной Библіотекѣ. Составилъ И. А. Бычковъ». Спб. 1897 г., стр. 359 и въ Отчетѣ Румянц. Музея за 1883—5 гг., а также въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Росс. 1900, кн. II.

На стр. 562, строка 10 снизу: Добавимъ указанія на литературу о Н. С. Тихонравовѣ: Проф. А. С. Архангельскій: «Памяти Н. С. Тихонравова. Ученые труды Н. С. Тихонравова въ связи съ болѣе ранними изученіями въ области исторіи Русской литературы». Казань 1894, 8⁰ 87 стр.; Н. И. Алякритскій «Памяти Н. С. Тихонравова». Харьковъ 1897, 8⁰ 85 стр. (изъ Сборника Харьковск. Историко-Филологич. Общества за 1897 г.). М. И. Сухомлиновъ: «Записка объ ученыхъ трудахъ чл.-корр. Имп. Академіи Наукъ проф. Н. С. Тихонравова» (Сборникъ Отдѣленія русск. яз. и словесности т. LII, при Отчетѣ о дѣят. Отдѣл. за 1890 г., стр. 19—25); Д. Д. Языковъ: «Учено-литер. дѣятельность Н. С. Тихонравова. Библіографическій очеркъ» (Русская Мысль за 1890 г., кн. 10, стр. 90—102); А. Н. Пыпинъ: «Некрологъ. Н. С. Тихонравовъ» (В. Евр. 1894 г. январь, стр. 446—454); М. И. Соколовъ въ Отчетѣ Имп. Моск. Унив. за 1894 г., стр. 268—277 и въ «Древности». Труды Слав. Коммиссіи, т. I. 1895, стр. 29—30. Библіотека и собраніе рукописей Н. С. Тихонравова сдѣлались достояніемъ Моск. Публичнаго и Румянц. Музеевъ, см. Отчетъ Музеевъ за 1904 г. стр. 3—13.

На стр. 574, строка 14: Еще статьи объ А. Н. Пыпинѣ. Б. Глинскій: «А. Н. Пыпинъ. Матеріалы для біографіи и характеристики» (Историч. Вѣстникъ, т. XCIX, 1905 г., № 1, стр. 263—307); акад. А. Н. Веселовскій: «А. Н. Пыпинъ» (Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ т. IX, 1904 г., кн. 4, стр. I—VIII); Проф. А. С. Архангельскій: «Труды акад. А. Н. Пыпина въ области исторіи русской литературы. По поводу пятидесяти-

лѣтія его научной дѣятельности 1853—1903». Спб. 1904 г., стр. 55 (изъ Ж. М. Н. Пр. за 1904 г.).

На стр. 576, строка 11 снизу: А. С. Будиловичъ написалъ: «В. В. Макушевъ. Некрологъ» (Ж. М. Н. Пр. 1883, ч. CCXXVI, стр. 76—83); составленный П. А. Сырку некрологъ остался неизданнымъ въ свѣтъ.

На стр. 642, строка 26: Еще о Викторовѣ. Е. С. Некрасова: «А. Е. Викторовъ. † 1883 г. Очеркъ по письмамъ и личнымъ воспоминаніямъ». (Русск. Старина 1884 г. августъ, т. XLIII, стр. 425—448); А. Ѳ. Бычковъ: «Воспоминаніе объ А. Е. Викторовѣ» (Отчетъ Отдѣл. русск. языка и словесности за 1883 г. см. въ изд. «Отчеты» за 1866—1891 гг. Спб. 1903 г., стр. 532—9).

На стр. 644, строка 28: Сл. еще о Бычковѣ: «Акад. Аѳ. Ѳ. Бычковъ. Пятидесятилѣтняя ученая его дѣятельность 1840—1890 г. Очеркъ жизни. Списокъ ученыхъ трудовъ и изданій». (Русск. Старина т. LXVIII, 1890 г., № 10, стр. 281—309); «Библіографич. Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій орд. акад. А. Ѳ. Бычкова 1838—1890 г.» Спб. 1890 г. 34 стр. (№№ 179 и 3), полнѣе списокъ при Отчетѣ Отдѣленія русск. яз. и сл. за 1899-й г. (№№ 200 и 5); Л. Н. Майковъ: «Объ ученой дѣятельности А. Ѳ. Бычкова. Некрологъ». Спб. 1900 г., стр. 59 (изъ Ж. М. Н. Пр., прекрасная характеристика учен. трудовъ А. Ѳ. Бычкова).

На стр. 646, строка 6: Объ А. Н. Поповѣ читатель найдетъ подробности біографическія въ изданіи: «1872—1902. Тридцатилѣтіе спеціальныхъ классовъ Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ. Памятная книжка. М. 1903, (на стр. 115 біографія и списокъ трудовъ, портретъ между 32 и 33 стр.).

На стр. 646, строка 4 снизу: Добавимъ: А. Дмитріевскаго: «Незабвенной памяти профессоровъ А. С. Павлова и Н. Ѳ. Красносельцева». Кіевъ, 1899 г., стр. 20—46.

На стр. 647, строка 18: Сл. еще статью проф. А. Лебедева: «Проф. Моск. Дух. Академіи И. Д. Мансветовъ. Рѣчь произнесен. въ Моск. Дух. Академіи» (М. 1886 г. стр. 27, изъ Православнаго Обозрѣнія, № 1. 1886 г.); А. А. Дмитріевскаго: «Поминки преосвящ. Порфирія Успенскаго и Проф. Моск. Дух. Академіи И. Д. Мансветова. Кратк. очеркъ учено-литерат. дѣятельности ихъ». Кіевъ, 1886 г., стр. 61 (изъ Трудовъ Кіевской Духовной Академіи за 1886 г.). Сл. еще Ж. М. Н. Пр. 1881, іюль.

Здѣсь можно было бы присоединить и вставить замѣтку о Савваитовѣ. Проф. Дух. Семин. Павелъ Иванов. Савваитовъ (1815—1895) былъ выбранъ членомъ-корреспондентомъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. При избраніи его была напечатана подробная записка акад. И. И. Срезневскаго: «Труды П. И. Савваитова». Род. онъ въ Вологдѣ, и тамъ же учился въ Дух. Семинаріи, въ Спб. Дух. Академіи окончилъ курсъ. Первою его ученою работою были статьи въ Москвитянинѣ 1841—2 гг. о вологодскихъ пѣсняхъ. Около этого же времени онъ получилъ и каѳедру герминевтики въ Спб. Дух. Семинаріи. Затѣмъ дѣятельность его расширилась на изученіе русск. исторіи, древностей и памятниковъ письменности и этнографіи въ обширномъ смыслѣ. Неся все время преподавательскія обязанности, онъ все-таки не оставлялъ никогда и собиранія и разработки памятниковъ древности и бытовой старины. Онъ былъ дѣятельнымъ членомъ Русск. Археологическаго Общества, Географическаго Об., Археографич. Коммиссіи и друг. Кромѣ изданія грамотъ и историч. памятниковъ имъ было издано «Путешествіе Новгор. архіеп. Антонія въ Царьградъ, въ концѣ XII в. Съ предисловіемъ и примѣчаніями». 1872; Новгородскія писцовыя книги XV в. (1859—62), часть Макарьев. Миней за сентябрь (1868—9 г.), I-ая Новгородская Лѣтопись. Особенное и значительное мѣсто среди его многочисленныхъ трудовъ должно быть отведено его лексикографическому труду: «Описаніе старинныхъ Царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, извлеченное изъ рукописей Архива Моск. Оружейной Палаты, съ объяснительн. указателемъ и съ 12 таблицами рисунковъ» (изъ Записокъ Археологич. Общества) 1865, 12⁰ 350 стр.; 2-ое изданіе въ переработанномъ азбучномъ порядкѣ вышло въ 1896 г. Его замѣчательное собраніе старинныхъ рукописей, бумагъ и матеріаловъ для изученія народной жизни и бытовой старины попало въ Имп. Публичную Библіотеку и описано И. А. Бычковымъ: «Каталогъ собранія рукописей П. И. Савваитова», вып. I, 1900; вып. II, 1902. См. некрологъ составленный Н. П. Кондаковымъ въ Ж. М. Н. Пр. 1895. сентябрь.

На стр. 652, 14 снизу: Сл. еще отзывъ проф. М. Е. Красножена: «Знаменитый русскій канонистъ А. С. Павловъ. Посвящается его памяти. Изданіе 2-ое». Юрьевъ, 1899 г., стр. 29 (изъ 2 кн. «Сборника Учено-литерат. Общества при Имп. Юрьевск. Унив. т. II). См. еще изданный уже посмертнымъ изданіемъ «Курсъ церковнаго права» (Сергіевъ Посадъ, 1902 г.).

На стр. 652, строка 12 снизу: Объ акад. С. М. Соловьевѣ (1820—1879) укажемъ на ст. К. Н. Бестужева-Рюмина: «Двадцатипятилѣтіе Исторіи Россіи С. Соловьева. 1851—1876» (въ Русск. Старинѣ 1876 г. № 3, стр. 679—686); его же: «С. М. Соловьевъ» (Ж. М. Н. Пр. 1880 г. № 2, стр. 273—287, перепечатано въ его книгѣ: «Біографіи и характеристики». Спб. 1882 г., стр. 255—272).

На стр. 653, строка 10: Объ акад. К. Н. Бестужевѣ (1829—1897) сл. еще: Л. Н. Майковъ: «Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина. Рѣчь, чит. въ общ. собр. Имп. Академіи Наукъ 11 января 1897 г.». Спб. 1897 г., f⁰ 7 стр.; М. Н. Бережковъ: «Въ память К. Н. Бестужева-Рюмина. Рѣчь». Кіевъ. 1897 г. 8 стр. (изъ Сборника Нѣжинск. Историко-Филологич. Общества 1897 г.); И. А. Козеко: «Библіографич. списокъ литературныхъ трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина съ начала его дѣятельности, т. е. съ 1847 г. Спб. 1888 г. стр. 32 (252 №№) въ журн. «Библіографъ» Н. М. Лисовскаго за 1889 г. №№ 6—7; «Воспоминанія К. Н. Бестужева-Рюмина, до 1860 года. Изданы акад. Л. Н. Майковымъ». Спб. 1900 г., стр. 59 (въ LXVII-мъ т. Сборника Отдѣл. р. яз. и слов.); см. въ Отчетѣ о дѣят. Отдѣл. русск. яз. и слов. за 1897 г. въ LXVI т. Сборника Отд.

На стр. 657, строка 13: Добавимъ: «Ив. И. Малышевскій, заслуж. профессоръ Кіевск. Дух. Академіи. Некрологъ». Кіевъ 1897 г., стр. 33; «Памяти пок. проф. И. И. Малышевскаго». Кіевъ 1897 г., 60 стр.

На стр. 662, строка 27: Укажемъ еще статью Н. С. Тихонравова: «Памяти С. П. Шевырева» въ изданіи «Рѣчь и Отчетъ И. М. Унив. 1865 г., стр. 3—9, въ «Сочиненіяхъ» т. III, ч. 2, стр. 220—9; «Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича къ Кн. П. А. Вяземскому», съ предисл. и примѣч. Н. П. Барсукова (въ сб. «Старина и Новизна», кн. IV, 1901 г.). Библіотека Шевырева и небольшое собраніе славяно-русск. рукописей были куплены для Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института Кн. Безбородка.

На стр. 663, строка 23: О Пекарскомъ сл. Я. К. Грота «Воспоминаніе о П. П. Пекарскомъ» (Сборникъ Отдѣл. русск. языка и слов. т. X, 1873 г., стр. 55—9). «Записка объ ученыхъ трудахъ П. П. Пекарскаго со времени избранія его въ экстраординарные академики въ маѣ 1864 г.» см. въ Отчетахъ Имп. Академіи Наукъ по Отдѣленію русск. яз. и словесности за 1866—1891 годы. Спб. 1903 г., на стр. 75—6 при Отчетѣ за 1868 г. Богатая библіотека П. П. Пекарскаго была пожертвована зятемъ Д. Ѳ. Кобеко въ Имп. Русское Историческое Общество.

На стр. 673, строка 13: Сл. о немъ Л. М. Шахъ-Пароніанцъ: «Критикъ самобытникъ Апол. Александровичъ Григорьевъ. Къ XXXV-лѣтію со дня его смерти. Біогр. очеркъ». Спб. 1899 г. 8⁰ 169, IV.

На стр. 689, строка 7: О Порфирьевѣ укажемъ: «Ив. Як. Порфирьевъ. Біографическій очеркъ и Рѣчи при погребеніи». Казань 1891 г., 8⁰ стр. 121 (біогр. оч. П. Знаменскаго, рѣчи св. Н. Виноградова, И. Бердникова, А. Царевскаго, А. С. Архангельскаго, студентовъ и проч.). Сл. также Ж. М. Н. Пр. 1890, декабрь.

На стр. 691, строка 12: Добавимъ: А. Бороздинъ: «Некрологъ. I. А. И. Незеленовъ» (Ж. М. Н. Пр. 1896, май).

На стр. 720, строка 8: Добавимъ еще: П. А. Лавровъ: «Жизнь и ученая дѣятельность П. І. Шафарика. Москва, 1897 г. f⁰ стр. 104 (изъ 2 т. «Трудовъ Славянской Коммиссіи при Имп. Моск. Археологич. Обществѣ»).

На стр. 722, строка 5: Въ Россіи писали о Рачкомъ: К. Я. Гротъ: «Двѣ потери славянской науки. Ф. Рачкій и М. Горникъ». Варш. 1894 г., стр. 21; П. А. Кулаковскій: «Dr. Францъ Рачкій, некрологъ» (Ж. М. Н. Пр. 1894 г., № 4, ч. CCXCII, отд. 4, стр. 86—98).

На стр. 795, строка 1 снизу: Отмѣтимъ также спеціальный, но довольно рѣзкій разборъ И. А. Бодуэна-де-Куртенэ: «Критика и библіографія. — Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій, etc. Изслѣдованіе А. Кочубинскаго». Рецензія. Казань, 1879 г. стр. 47.

На стр. 797, строка 1 снизу: Вышелъ «Сборникъ въ память А. А. Кочубинскаго, изданный Историко-Филологич. Обществомъ при Имп. Новороссійск. Университетѣ». Одесса 1909 г. 134 (статьи С. Г. Вилинскаго, Б. М. Ляпунова, М. Г. Попруженка и В. Н. Мочульскаго). Въ XXIII т. «Записокъ Имп. Новороссійск. Унив. напечатана была «Записка о путешествіи по Славянскимъ землямъ доцента А. Кочубинскаго» (48 стр.) 1874 г.

На стр. 802, строка 21: Добавимъ роскошно изданную его слушателями и почитателями брошюру къ юбилею: «Очеркъ десятилѣтней научной дѣятельности Славянской Коммиссіи Имп. Моск. Археологич. Общества съ обзоромъ научныхъ трудовъ Предсѣдателя Коммиссіи проф. М. И. Соколова». Москва, 1902 г. f⁰. 52 стр. См. стр. 37—52 подробную характеристику читанныхъ М. И. Соколовымъ систематич. курсовъ по «Славянской литературѣ и исторіи и по Исторіи русской литературы» — какъ въ Нѣжинск. Историко-Фил. Институтѣ, такъ и въ Моск. Университетѣ.

На стр. 814, строка 22: Слѣдуетъ отмѣтить еще недурную статью Семеновича: «Объ особенностяхъ угрорусскаго говора» въ «Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, составл. и изданномъ учениками В. И. Ламанскаго по случаю 25-лѣтія его ученой и профессорской дѣятельности» Спб. 1883 г. стр. 212—238.

На стр. 842, строка 14: Добавимъ, особенно же для справокъ о трудахъ В. Облака слѣдующія статьи о немъ Б. М. Ляпунова: «Д-ръ Ватрославъ Облакъ. Критико-біографическій очеркъ». Харьковъ, 1896 г., стр. 19 (изъ Сборника Харьковск. Историко-Филологич. Общества 1896 г.) и въ Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. яз. и слов. т. I (1896), стр. 928—951.

На стр. 859, строка 16 снизу: Одна изъ послѣднихъ статей акад. Н. П. Дашкевича была помѣщена въ «Сборникѣ статей въ честь В. И. Ламанскаго» подъ заглавіемъ: «Смѣны вѣковыхъ традицій въ отношеніяхъ народовъ Запада къ Русскимъ». Спб. 1908 г., стр. 41.

На стр. 895, строка 7 снизу: Кромѣ Крымскаго упомянемъ еще Е. К. Тимченка.

На стр. 897, строка 13: К. П. Михальчукъ и Е. К. Тимченко издали надняхъ слѣдующій обращающій на себя вниманіе трудъ: «Проґрама до збирання діалектичних одмін украïнськоï мови. Видання Украïнського Наукового Товариства в Києві. Киïв 1909, 8⁰ II. 202. IV.

На стр. 902, строка 1 снизу: Прибавимъ еще изданіе малорусскаго словаря: «Словáрь Украïнськоï мóви зібрала Редакція журнала «Кіевская Старина». Упорядкував з додатком власного матеріялу Борѝс Гринчéнко. У Киïві 1908, 8⁰ т. I. А—Ж, XXXIX. 494, т. II, З—Н, 573, т. III, 1909, О—П, 506, т. IV Р—Я, 563, III. Имѣется и русское заглавіе, въ которомъ упомянуто, что словарь удостоенъ «Россійской» Импер. Академіей Н. второй преміи Н. И. Костомарова. Сл. объ этомъ отзывъ академика А. Шахматова въ «Отчетѣ о присужденіи преміи Н. И. Костомарова за словарь малорусскаго нарѣчія 29 дек. 1905 г.» (Отд. отт. СПб. 1906. 8⁰ 47).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

На стр.	*13,*	*строка*	*6 сверху:*	Манчинскаго	*надо читать:*	Мончинскаго
» »	*13*	»	*6* »	430—434	» »	392—454
» »	*16*	»	*7 снизу:*	Манчинскаго	» »	Мончинскаго
» »	*17*	»	*3 сверху:*	сего міра	» »	всего міра
» »	*23*	»	*9* »	Veleslavina	» »	Veleslavína
» »	*28*	»	*7 снизу:*	ѡ рꙋга́юсѧ	» »	Ѿ рꙋга́юсѧ
» »	*38*	»	*15 сверху:*	Азбукикидныk	» »	Азбукивидныk
» »	*43*	»	*20* »	gloskowego	» »	głoskowego
» »	*81*	»	*7 снизу:*	1703	» »	1705
» »	*90*	»	*4* »	Apostels zu halten	» »	Apostels Cyrills zu halten sei
» »	*91*	»	*20 сверху:*	1788, IV.	» »	1789, V,
» »	*92*	»	*14* »	въ III томѣ	» »	въ II томѣ
» »	*94*	»	*15* »	въ Моравіи	» »	въ Нижней Австріи
» »	*94*	»	*21* »	Tham	» »	Thám
» »	*94*	»	*11 снизу:*	Томзы	» »	Томсы
» »	*94*	»	*8* »	Томза	» »	Томса
» »	*101*	»	*7 сверху:*	Daubrowsky	» »	Daubrawsky
» »	*101*	»	*18* »	je hazel	» »	je házel
» »	*101*	»	*24* »	(іезуитъ)	» *вычеркнуть*	
» »	*119*	»	*11 снизу:*	Slawin	» »	Slavin
» »	*119*	»	*11* »	slavischen	» »	slawischen
» »	*138*	»	*9—10 сверху:*	творилось	» »	было сдѣлано
» »	*138*	»	*15 снизу:*	Іо. Потоцкаго	» »	Яна Потоцкаго
» »	*143*	»	*7 сверху:*	общество	» »	Общество
» »	*143*	»	*19* »	cięgu	» »	ciągu
» »	*143*	»	*25* »	у него	» »	какъ у него
» »	*145*	»	*3 снизу:*	комиссіи	» »	комиссіи просвѣщенія
» »	*146*	»	*2 сверху:*	Варшава	» »	Новый сборникъ В. И. Ламанскаго. СПб.
» »	*146*	»	*8* »	Lwow	» »	Lwów
» »	*146*	»	*21* »	Kzięstwie	» »	Księstwie
» »	*147*	»	*4* »	участью	» »	участію
» »	*147*	»	*7* »	Dil	» »	Díl
» »	*148*	»	*6 сверху:*	Slovanské hnutí	» »	Первольфа Slovanské hnutí
» »	*148*	»	*14* »	Wladymirowicza	» »	Władymerowicza
» »	*148*	»	*17* »	russkich	» »	ruskich
» »	*148*	»	*18* »	реценцію	» »	рецензію
» »	*150*	»	*10* »	Śledzienie początka	» »	Śledzenie początku
» »	*151*	»	*11* »	разбиралъ	» »	разбиралъ мнѣніе
» »	*153*	»	*7 снизу:*	вынемъ	» »	назовемъ
» »	*154*	»	*18 сверху:*	поздравилъ	» »	привѣтствовалъ
» »	*156*	»	*1* »	Lwowe	» »	Lwowie
» »	*162*	»	*9 снизу:*	1814	» »	1818
» »	*167*	»	*16—17 сверху:*	insectorim	» »	insectorum
» »	*171*	»	*6 снизу:*	Шахматову	» »	Шихматову
» »	*180*	»	*1 сверху:*	1798	» »	1778

На стр.	*187*	*строка*	*8 снизу:*	мѣстоимѣнія	*надо читать:*	мѣстоименія
» »	*224*	»	*5* »	диллетанта	» »	дилетанта
» »	*226*	»	*22 сверху:*	641	» »	649
» »	*242*	»	*9* »	básnictvi	» »	básnictví
» »	*242*	»	*17* »	Ригра	» »	Ригера
» »	*251*	»	*8 снизу:*	Ruh	» »	Rühse
» »	*268*	»	*15 сверху:*	Добшинъ	» »	Добшину
» »	*269*	»	*13* »	Sprchen und Literaturen	» »	Sprache und Literatur nach allen Mundarten
» »	*275*	»	*2* »	Чеха	» »	Леандра Чеха
» »	*276*	»	*14 снизу:*	ředy... Radnost	» »	řády... Radhost
» »	*278*	»	*13 сверху:*	fr.	» »	Fr.
» »	*295*	»	*7 снизу:*	Literarné	» »	Literní
» »	*330*	»	*5 сверху:*	ч. 48	» »	ч. 48, отд. II. 149—186
» »	*374*	»	*5* »	coniunct	» »	coniunct.,
» »	*410*	»	*13 снизу:*	1833	» »	1823
» »	*420*	»	*12 сверху:*	одерживаніи	» »	сдерживаніи
» »	*436*	»	*3 снизу:*	der Hrn.	» »	des Hrn.
» »	*441*	»	*24 сверху:*	Иларіона. Въ	» »	Иларіона, въ
» »	*523*	»	*2 снизу:*	Доленга	» »	Долэнга
» »	*524*	»	*14 сверху:*	Луціанъ	» »	Люціанъ
» »	*525*	»	*10 снизу:*	идеи	» »	идеѣ
» »	*546*	»	*7 сверху:*	Свербеева	» »	Свербѣева
» »	*596*	»	*18 снизу:*	Česka	» »	Česká
» »	*603*	»	*10 сверху.*	Literaturgesellschaften	» »	Literatengesellschaften
» »	*611*	»	*6* »	литературѣ	» »	Исторіи литературы
» »	*611*	»	*8* »	сочиненія	» »	сочиненія его
» »	*611*	»	*1 снизу:*	strance	» »	stránce
» »	*613*	»	*10 сверху:*	чешсконъ	» »	чешскомъ
» »	*619*	»	*19* »	въ пользу	» »	на пользу
» »	*620*	»	*6* »	сртаны	» »	страны
» »	*620*	»	*17* »	1887	» »	1867
» »	*622*	»	*15* »	Черногорію	» »	Черногоріи
» »	*622*	»	*19* »	объѣхалъ	» »	изъѣздилъ
» »	*639*	»	*11* »	Лобовикову	» »	Лобовикова
» »	*652*	»	*5 снизу:*	Гильфердинга	» »	Гильфердинга.
» »	*690*	»	*2* »	1886	» »	1896
» »	*719*	»	*1* »	Jarre	» »	Jaroslav
» »	*729*	»	*8* »	автора	» »	автора въ 1864 г.
» »	*732*	»	*16 сверху:*	slowjesa	» »	słowjesa
» »	*753*	»	*2 снизу:*	rospravu	» »	raspravu
» »	*754*	»	*19* »	Načrt	» »	Nacrt
» »	*797*	»	*2 снизу:*	Историко-біогр.	» »	Критико-біогр.
» »	*802*	»	*16 сверху:*	Розановъ	» »	Рѣзановъ
» »	*833*	»	*11* »	1908	» »	1905
» »	*837*	»	*15 снизу:*	1906	» »	1896
» »	*897*	»	*7* »	Скультеты	» »	Шкультеты
» »	*897*	»	*7* »	(Skultéty)	» »	(Škultéty)

1909 г.

Цѣна 4 рубля.